РОБЕРТ КОНКВЕСТ

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

РОБЕРТ КОНКВЕСТ

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

перевод с английского

Л. Владимирова

EDIZIONI AURORA
Firenze
1974

© Robert Conquest 1968

tipografia sanpiodecimo - via etruschi, 7/9 - roma

Роберт Конквест родился в 1917 году, образование получил в колледже г. Оксфорда. Во время второй мировой войны он служил в английской пехоте и закончил войну в войсках взаимодействия с Советской Армией на Балканах. Затем он работал в Софии в качестве сотрудника Министерства иностранных дел и в Организации Объединенных Наций. За свои заслуги Р. Конквест был награжден Орденом Британской Империи. С 1956 года Р. Конквест занимался исследовательской деятельностью в Школе экономики в Лондоне, читал лекции по английской литературе в Университете г. Баффало, работал литературным редактором в журнале *Spectator* и старшим преподавателем в Институте по изучению России при Колумбийском университете. Среди книг, написанных Р. Конквестом, можно назвать следующие: *Power and Policy in the USSR, Russia Since Khrushchev, Courage of Genius: The Pasternak Affair, The Nation Killers.* Р. Конквест является также автором нескольких научно-фантастических произведений, критических работ и трех сборников стихотворений.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я писал эту книгу не для русского читателя. И потому вы, конечно, обнаружите много мест, где автор пытается растолковать совершенно ясные вам обстоятельства. Но объяснения эти нужны западному читателю, не имеющему опыта сталинщины.

Дело в том, что людям всего мира чрезвычайно важно понять — точно и ясно — истинную природу того периода. Правление Сталина представляет собой один из важнейших эпизодов современной истории; если суть его не усвоена, то нельзя понять до конца, как вообще устроен современный мир, ибо невозможно познавать мир без изучения крупнейшей его части.

На Западе опубликовано много книг, описывающих те или иные стороны сталинизма. Моя книга, однако, — первая попытка дать полный и общий отчет о событиях определенных лет. По-видимому, книга, действительно, заполнила серьезный пробел, ибо она быстро вышла на всех главных языках Европы, Америки, Африки и Азии.

Русский читатель воспримет эту книгу не так, как западный. Ибо в принципе для вас здесь не будет ничего нового. По многим эпизодам осведомленность некоторых русских читателей, несомненно, превышает мою. И тем не менее, друзья из Москвы единодушно говорят мне, что полный отчет о второй половине тридцатых годов в СССР — это откровение для советского гражданина.

Кроме того, у меня есть ощущение, что предлагаемая летопись событий убедит тех, кто выжил после террора: их

страдания не забыты, не вычеркнуты из памяти человечества (а ведь они могут думать и так).

Каждого, кто любит русский народ, глубоко трогает его трагическая история. Страна, столь богатая талантами, столь многообещающая, столь щедро одарившая мировую культуру, перенесла тяжкие муки без всяких реальных причин. Если не верить ни в какие якобы «научные» теории исторического процесса (а я не верю ни в одну из них), то создается впечатление, что России много раз подряд просто не везло, когда на поворотах истории события могли пойти иным, гораздо лучшим курсом.

Но правда и человечность, как бы свирепо они ни подавлялись, так и не вытоптаны до конца. Во всех уголках мира люди доброй воли с надеждой смотрят вперед. И мне хотелось бы, чтобы русский читатель принял эту книгу как скромный вклад в фонд правды, как перечень фактов, вынесенных на обсуждение человечества.

Конечно, было бы куда лучше, если бы история того периода была написана советским специалистом. Я хорошо понимаю трудности, встающие перед иностранцем в такой работе. К несчастью, однако, при нынешнем положении дел объективное исследование периода и серьезные публикации о нем могут быть предприняты только вне пределов Советского Союза.

РОБЕРТ КОНКВЕСТ

Лондон, июль 1971.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Английский писатель Роберт Конквест — один из самых удивительных литераторов современности. Автор трех поэтических сборников, романа и повести, Конквест написал еще... шесть больших исторических исследований! Есть поклонники поэзии, даже не подозревающие о Конквесте-историке; есть ученые, готовые рассмеяться при мысли о том, что их коллега историк Роберт Конквест пишет стихи. Но замечательная особенность писателя в том, что ни в его поэзии, ни в прозе, ни в научных работах нет и тени дилетантства — он поистине профессионал, и талантливый профессионал, во всех этих далеких одна от другой областях литературы.

Исторические интересы Роберта Конквеста всегда относились к двадцатому веку. Не изменяет он себе и в новой трилогии. Понимая долг историка-исследователя как «реставрацию прошлого во всех подробностях», Конквест проделал гигантскую работу, документально восстановив период двадцатых-тридцатых годов. Даже тех, кто был в ту пору взрослым человеком (сам Р. Конквест, кстати сказать, был лишь ребенком и юношей), ожидает в книге немало сюрпризов. А для современной молодежи многое в книге «Большой

террор», да и в последующих частях трилогии, окажется подлинным откровением.

Переводя книгу Р. Конквеста «Большой террор», я старался держаться возможно ближе к оригиналу и позволял себе заменять лишь отдельные понятия, давая их в той форме, какая принята в СССР. Если это и не лучший метод литературного перевода, то, во всяком случае, я утешаюсь тем, что русский читатель не утратит при чтении ни одного важного нюанса книги Конквеста.

Л. ВЛАДИМИРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Поколение двадцатых-сороковых годов нашего века прошло тяжкие исторические испытания. Одно из них — сталинский террор — выделяется тем, что до сих пор в каком-то смысле прямо влияет на мир. Раны, оставленные нацизмом и второй мировой войной, глубоки и болезненны; но они уже полностью принадлежат прошлому, чего нельзя сказать о сталинизме. Вот уже третье десятилетие, как гитлеровский режим мертв, — в то время, как режим, созданный Сталиным, и другие, сформированные по его образцу, по-прежнему существуют. Произошли, конечно, важные изменения, но политические принципы режимов остаются, в общем, неизменными. Это — политические принципы нового государства, построенного Сталиным на развалинах того, что оставалось в СССР в 1938 году после волны террора. Поистине весь мир до сих пор живет как бы под тенью Сталина.

Большой террор, с помощью которого Сталин установил свою непререкаемую диктатуру, отличается тремя главными особенностями: прежде всего, невероятными масштабами — гибли миллионы людей и каждый гражданин страны постоянно ощущал угрозу; во-вторых, методами — в том числе совершенно исключительным методом так называемых «показательных процессов», на которых люди, недавно критиковавшие правителя, публично признавались в предательстве; и в третьих, секретностью — ведь, кроме открытых процессов и нескольких объявлений о казнях, официально

ничего не было сказано об этой громадной операции. Даже очевиднейшие факты сталинского террора были в течение долгого времени скрыты от общественного мнения или извращены до неузнаваемости. Именно поэтому на протяжении целых десятилетий совесть западного мира терзалась сомнениями и всевозможными предположениями по поводу того, что происходило в СССР в 30-е годы.

Моей целью в работе над этой книгой было дать ясный и связный отчет о событиях того времени. Это стало возможным только теперь.

Двадцать лет подряд коммунистическая партия Советского Союза выдвигала ясное и стройное объяснение террору 30-х годов. Существовал, дескать, широкий и глубоко разветвленный заговор, возглавлявшийся членами партийного руководства, изменившими делу партии. Нити этого заговора пронизывали буквально все слои советской жизни. Цели, которых руководители заговора якобы хотели достичь, действуя совместно с разведками Германии, Польши, Великобритании и Японии, были таковы: убийство советских руководителей, поражение СССР в войне, расчленение страны, восстановление капитализма и вредительство во всех областях жизни — от шахт до министерств. Заговор, говорилось дальше в официальной версии, был раскрыт, его руководители один за другим признались, они были законно судимы и справедливо наказаны к полному удовлетворению всего советского народа. Вдобавок к нескольким смертным приговорам, известное количество граждан, хотя и не очень большое количество, пришлось отправить на перевоспитание в исправительно-трудовые лагеря, где они быстро искупили свои преступления перед обществом.

Такова была официальная версия, но другая точка зрения («антисоветская клевета»), разделявшаяся не только многими вне Советского Союза, но, как мы теперь знаем, очень многими внутри, состояла в том, что весь заговор был широко задуман Сталиным и его приспешниками как огромный цикл провокаций; что террор шел по всей стране с невероятными

зверствами; что массовые казни сопровождались образованием гигантской системы лагерей принудительного труда в Арктике и в пустынях.

В последние годы старая советская версия отброшена, и все основные пункты так называемой «антисоветской клеветы» признаны полностью. В период правления Хрущева, особенно в 1961-64 годах, из Советского Союза было получено немало важной информации. Это не был, конечно, полный отчет о терроре в целом; однако в мемуарах, статьях и даже романах дана масса подробностей, часто потрясающих и сенсационных. Подтверждено, что был «период массовых репрессий», в течение которого погибло множество невинных. Ясно дано понять, что по крайней мере некоторые из признаний на показательных процессах были фальшивыми, а это разрушает достоверность всех признаний без исключения. Подтвержден также гигантский масштаб лагерной системы и ужасные условия в лагерях. Почти по всем пунктам этой книги свидетельства получены от людей, которые покинули Советский Союз, и из материалов, недавно опубликованных в самом Советском Союзе.

Изучение каждой стадии террора ставит глубочайшие моральные проблемы. В большинстве случаев факты говорят сами за себя, и я надеюсь, что мне удалось избежать долгого и скучного морализирования. Однако в некоторых случаях правильные суждения затруднены тем, что режим ссылался на благородство своих целей и на то, что для достижения имевшихся в виду целей следовало преступить так называемую «буржуазную мораль». Коммунистические принципы тоже каждый раз приносились в жертву во имя «подлинных интересов гуманизма». И жертвы были поистине колоссальными!

В событиях 30-х годов в Советском Союзе есть еще одна не всегда высказываемая странность, встречаемая, впрочем, иногда не только среди коммунистических аппаратчиков, но и среди поклонников сталинской системы на Западе. Похоже, что размах убийств, само количество жертв убеждает людей

в серьезности, а следовательно, и в справедливости дела. В романе Артура Кестлера «Тьма в полдень» следователь НКВД Глеткин говорит, что сталинская воля, его решимость пройти через всю грязь и все ужасы исторического прогресса дает ему преимущество перед сентиментальным гуманизмом. Почти совершенно такое же оправдание террора я слышал собственными ушами от офицера НКВД, находившегося на действительной службе.

Маркс и Энгельс были, однако, противниками террора, и с их точки зрения террор был темным пятном якобинства. Одно из многих высказываний Энгельса по этому поводу гласит: «Террор состоит в большинстве случаев из бесполезных жестокостей, совершаемых перепуганными людьми для самоутверждения. Я убежден, что вина за террор 1793 года лежит почти исключительно на чересчур нервном буржуа, который вел себя как патриот, — на мелком буржуа вне себя от страха и на толпе подонков, которые знали, как извлекать выгоду из террора» *.

Террор времен французской революции несравним с террором Сталина. Он скорее напоминает — да и то в значительно меньших масштабах — террор первых лет большевистской революции. Французские якобинцы и коммунисты первых лет имели много общего. На низших ступенях стояли исполнители террора, которые часто были грубыми, неотесанными насильниками. Но на вершине стояли фанатичные идеалисты, люди, у которых, при всей их беспощадности, можно найти некоторые черты своеобразного извращенного благородства. У таких вождей французской революции, как Сен-Жюст и даже омерзительный Робеспьер, мы находим узкий, но честный взгляд на насилие, свойственный также Ленину.

Это сказано не для того, чтобы оправдывать политический фанатизм, имеющий на счету столько ужасных деяний в нашем веке. Но сталинский террор был, опять-таки, чем-то иным. Он использовал методы обычных уголовных престу-

* Письмо к Марксу, 4 сентября 1870 г.

плений. И он выполнялся с помощью «аппарата лжи»: людям внушались не ошибочные идеи, а такие обвинения по адресу оппозиции, которые, как было великолепно известно самому внушавшему, были вымыслом.

И ужасающая бойня 30-х годов не была, подобно террору Ленина или Робеспьера, начата во время кризиса, революции или войны. В отличие даже от сталинской ликвидации кулачества как класса, проведенной во имя ошибочной, но, во всяком случае, достойной обсуждения экономической политики, террор такой цели не имел. Напротив, он был хладнокровно развязан в то время, когда СССР достиг сравнительно спокойного и даже умеренно благополучного состояния.

Но все-таки самым главным остается просто масштаб террора. Во время первой мировой войны убийство велось в масштабах, не пропорциональных никакой военной или политической цели какой-либо из сторон — и это потрясло и почти разрушило цивилизацию. Люди, в большинстве своем, давно это поняли и осознали. Большой террор в Советском Союзе (и предшествовавшие ему убийства в период коллективизации) — нечто подобное. Но в данном случае суть событий не осознана еще с такой же ясностью. Даже оставляя в стороне вопрос, хороши или плохи были поставленные цели, приходишь к выводу, что количество жертв было чересчур громадным, чтобы оправдать какую бы то ни было политическую или социальную цель.

Если вообще возможно оправдать жертвы, то единственным оправданием может быть достижение или, во всяком случае, содействие достижению такого общественного порядка, который был бы лучше всякого иного; так, можно было бы в каком-то смысле говорить об оправдании первой мировой войны, если бы она, действительно, оказалась «войной, покончившей с войнами». Однако теперь все согласятся, что СССР не является и не обещает стать обществом, настолько превосходящим все остальные, что ради создания этого общества можно было идти на беспрецедентные жертвы.

Р. К.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Поток информации о событиях 30-х годов из советских официальных источников в 1965-66 годах практически прекратился. Хоть и в урезанной и отрывочной форме, но появилось все же достаточно материала, чтобы, наконец, написать полный и правдивый отчет, в котором новейшие официальные советские данные дополняют и подтверждают сведения более ранних, неофициальных, источников. В свое время казалось, что нельзя будет ожидать никаких дополнительных материалов, по крайней мере до тех пор, пока на политической сцене Советского Союза не произойдет каких-либо коренных перемен.

Тем не менее, немало новой и ценной информации появилось из разных источников. В частности, в последние годы резко расширился так называемый «самиздат». И хотя в общем и целом это и не потребовало существенных изменений, но все же позволило мне внести в настоящее издание несколько новых фактов и детальнее обосновать прежние, особенно в тех случаях, когда вероятное не могло быть доказано. Особенно много мне дали статьи, открытые письма и другие сообщения Петра Якира (сына расстрелянного командарма), Леонида Петровского (сына расстрелянного Петра Петровского и внука члена Политбюро), историка Роя Медведева, его брата Жореса, а равно академика Андрея Сахарова. Некоторое количество ценной информации касательно методов подготовки показательных процессов принесло опубликование в Праге в 1968 году материалов следствия по делу Сланского.

Печально сознавать, что в свете новых данных происшедшее почти во всех случаях обрисовывается еще мрачней, чем это мне первоначально казалось. Так, например, я писал, что в противовес своим четырем братьям И. В. Косиор умер 3 июля 1937 года в почетном положении члена Центрального Комитета партии, и что это был редкий в то время случай естественной смерти видного коммуниста. Теперь оказывается (по свидетельству Петра Якира), что он покончил самоубийством при обстоятельствах, напоминающих гибель Орджоникидзе. Или еще: если по моему подсчету выходило, что список подписанных лично Сталиным смертных приговоров охватывает примерно семь или восемь тысяч имен, то теперь Рой Медведев называет число в сорок тысяч; в то время, как мне думалось, что число арестованных членов партии достигает «почти миллиона», академик Сахаров сообщает, что «было арестовано более 1,2 миллиона», из коих «только 50 тысяч вышло на свободу»*. И т.д. и т.п.

Что эти представители нового поколения советских людей все еще остро интересуются событиями эпохи сталинского террора, и понятно и показательно. На эту тему фактически уже снова наложено партийное табу. Неспособность руководителей КПСС посмотреть в глаза фактам и дать оценку периоду, сыгравшему решающую роль в развитии страны и определившему ее нынешний строй, глубоко и остро переживают все мыслящие люди в Советском Союзе.

В настоящий момент просто нет никакой, ни правдивой, ни лживой официальной коммунистической истории периода сталинского террора. В действительности же, террор еще надо изжить. Советский историк лишен возможности вскрыть и опубликовать всю правду. И пока это так, моя книга будет нужна.

Р. К.

* А. Д. Сахаров, «Размышления о процессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Меморандум был опубликован на Западе в 1968 г. Здесь цитируется по изданию, вышедшему в Турине (Италия), стр. 49. (Прим. перев.).

ВСТУПЛЕНИЕ

ПРИЧИНЫ, КОРНИ, ИСТОКИ

Средство, придуманное Лениным и Троцким — всеобщее подавление демократии — хуже самой болезни.

Роза Люксембург

ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ

События середины 30-х годов не были внезапными и неожиданными. Они уходят корнями в советское прошлое. Было бы неверно утверждать, что террор — неизбежное следствие, вытекающее из самой природы советского общества и коммунистической партии. Он ведь сам по себе был средством для насильственных изменений того же общества и той же партии. Но, тем не менее, террор не мог быть развязан на ином фоне, чем характерный фон большевистского правления; и особые черты событий 30-х годов, чаще всего почти непонятные для западных умов, проистекают из особой традиции. Чтобы разобраться в основных идеях сталинского периода, в постепенной эволюции оппозиционеров, в самих признаниях на больших показательных судебных процессах, надо принять во внимание многое. Надо не столько изучить предшествующую историю советской власти, сколько разобраться в истории

развития партии, в причинах консолидации ее руководства и роста влияния отдельных личностей, мотивах выступления различных фракций и в исключительности экономических и политических ситуаций тех лет.

26 мая 1922 года Ленин был разбит параличом. В значительной степени отрезанный от активной политической жизни, он обдумывал крупные недостатки, которые вдруг обнаружились в возглавленной им революции.

Еще до болезни, обращаясь к делегатам X съезда партии в марте 1921 года, он указывал на «брожение и недовольство среди беспартийных рабочих»[1], а год спустя, на XI партконференции, понимая, что политическая власть неизбежно привлекает карьеристов, и чувствуя потребность объяснить низкие моральные качества многих членов партии, требовал строгого определения условий приема в партию, боясь, что в нее «пролезет опять масса швали»[2]. Ленин не уставал повторять, что в Советском государстве «бюрократическая язва есть»[3], что «мы переняли от царской России самое плохое, бюрократизм и обломовщину, от чего мы буквально задыхаемся, а *умного* перенять не сумели»[4]. А перед самой болезнью, в мае 1922 года, он отметил «в большинстве местных проверочных комиссий сведение местных и личных счетов на местах при осуществлении чистки партии» и говорил, что «мы живем в море беззаконности»[5]. К тому же времени относится и его замечание о том, что «не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет». У побежденной русской буржуазии «культура... мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас», т.е., чем у победивших эту буржуазию коммунистов[6]. Ленин с возмущением нападал на безответственность и иждивенческие настроения и выдумал даже новые слова для характеристики хвастовства и лжи коммунистов: «комчванство», «комболтовня» и «комвранье»[7].

В отсутствие Ленина его подчиненные действовали хуже чем когда-либо. До болезни его критические замечания носили более или менее случайный характер, они отпуска-

лись в перерывах его очень насыщенной политической и правительственной деятельности. Теперь же критика стала главной заботой Ленина. Он обнаружил, что Сталин, которому, как Генеральному секретарю, была вверена вся партийная машина с 1921 года, травил грузинскую партию. Эмиссар Сталина Серго Орджоникидзе однажды даже избил руководителя грузинских коммунистов Кобанидзе. Для Грузии, где неселение было сплошь антибольшевистским, где стремление к независимости было только что подавлено Красной Армией, Ленин предпочитал примирительную политику. Он возразил Сталину в резкой форме.

Как раз в это время Ленин составлял свое «Письмо к съезду», называемое его политическим «Завещанием» (см. приложение Б). В нем Ленин ясно дал понять, что, по его мнению, Сталин был наиболее способным руководителем Центрального Комитета после Троцкого, и критиковал его не так, как Троцкого (за чрезмерную самоуверенность и склонность чересчур увлекаться «чисто административной стороной дела»), а только за то, что «тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть». Ленин не был уверен в том, сумеет ли Сталин «всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»[8].

Через несколько дней, когда Сталин позволил себе грубость и угрозы по отношению к Крупской в связи с вмешательством Ленина в грузинские дела, Ленин добавил к «Завещанию» постскриптум. Он рекомендовал снять Сталина с поста Генерального секретаря ввиду его грубости и капризности — что, однако, по мнению Ленина, «становится нетерпимым» только для этой конкретной должности[9]. В целом же ленинские оговорки насчет Троцкого выглядят в «Завещании» более серьезными — особенно в том, что касается собственно политики и потенциальных возможностей Троцкого, в котором Ленин видел скорее администратора-исполнителя, чем будущего вождя.

«Завещание» составлено Лениным явно в расчете на то, чтобы избежать раскола между Троцким и Сталиным.

Но предложенное в «Завещании» решение — увеличить число членов Центрального Комитета — помочь не могло. В своих последних статьях Ленин продолжал нападать на «бюрократические извращения»[10], говорил об «отвратительном» состоянии государственного аппарата[11] и с горечью заключал: «нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки»[12].

«Политические предпосылки...». Но ведь на практике Ленин сильнее всего критиковал именно действия руководителей партии и правительства. В предыдущие годы он сам создал систему руководства в виде централизованной партии, противостоящей, если необходимо, всем остальным общественным силам. Он создал партию нового типа, партию большевиков, централизованную и дисциплинированную в первую очередь. И он сохранил партию именно такой в 1917 году, когда перед его возвращением из эмиграции другие большевистские руководители стали на путь примирения с остальными революционными силами. Вряд ли можно сомневаться, что без Ленина социал-демократы объединились бы заново и заняли бы нормальное положение в государстве — как любое другое социал-демократическое движение. Вместо этого, Ленин держал большевиков в полной изоляции, а потом пошел на захват однопартийной власти и власть эту захватил — опять вопреки сопротивлению многих своих последователей.

Из записей заседаний Петербургского комитета РСДРП[б], состоявшихся за две-три недели до Октябрьской революции 1917 года, ясно, что идея восстания была непопулярна: «боевого... настроения нет даже на заводах и в казармах»[13] и намечается уже «разочарование масс в революции»[14]. Даже доклады из большинства гарнизонов звучали весьма сдержанно. Резолюция заседания ЦК РСДРП[б] 10/23 октября 1917 года перечисляет события «в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии» и прибавляет, что «все это ставит на

очередь дня вооруженное восстание»[15]. Сам захват власти был почти целиком военной операцией, выполненной небольшими группами красногвардейцев, лишь частично с фабрик, и несколько более многочисленной группой солдат, распропагандированных большевиками. Рабочие массы оставались в стороне.

А после этого и на протяжении всей последующей гражданской войны незначительное в сущности число храбрых и дисциплинированных «товарищей»* сумело навязать России свою волю — вопреки представителям всех других политических и общественных направлений. Эти люди определенно знали, что будут немедленно уничтожены, если не победят. Среди них «старые большевики» обладали особым престижем как опытные подпольщики; вокруг них как создателей именно такой партии сложился ореол особой дальновидности и мудрости. Дореволюционная подпольная деятельность порождала партийные мифы и являлась источником руководящих партийных кадров до самой середины 30-х годов. Но важнейшей силой, которая выковала партийную солидарность, была гражданская война — борьба за власть. В ходе гражданской войны новая массовая партия превратилась в крепкий и испытанный механизм, в котором выше всего стояла беззаветная преданность участников.

Однако по окончании гражданской войны стало расти влияние меньшевиков и социалистов-революционеров (эсеров). Рядовые члены профсоюзов отворачивались от большевиков, а «широкие рабочие массы», по словам Радека, от большевиков *уже* «отшатнулись»[17]. И когда провал попытки навязать строгий государственный контроль над экономикой стал очевидным, Ленин начал понимать, что вести такую линию дальше означало катастрофу. Он решился

* Деятельное ядро партии в момент Октябрьской революции состояло приблизительно из 5000-10000 человек, из коих треть принадлежала к интеллигенции[16].

на экономическое отступление — на новую экономическую политику. Но признание большевиками ошибок немедленно открыло дорогу умеренным партиям, к которым примыкало все больше рабочих. Эти партии могли претендовать на политическую власть.

В мае 1921 года, на X партийной конференции, выступил Карл Радек. Он более откровенно, чем Ленин, поставил точки над «i». Радек объяснил, что если при нынешней политике коммунистов предоставить меньшевикам свободу действий, то они потребуют политической власти; а допустить свободную деятельность эсеров в то время, как громадные массы крестьянства настроены против коммунистов, означало бы самоубийство[18]. Обе названные партии следовало либо полностью легализовать, либо окончательно подавить. Принято было, конечно, второе решение. Меньшевистская партия, работавшая в условиях тяжелых притеснений, но все же целиком не запрещенная, была окончательно разгромлена. Потом настала очередь социалистов-революционеров, по которым смертельный удар был нанесен судебным процессом над их руководителями в 1922 году.

Очаги сопротивления возникали и внутри самой коммунистической партии — они в известной степени были связаны с мыслями и чувствами рабочих; таковы группа «демократических централистов», руководимая Сапроновым, и «рабочая оппозиция» под руководством Шляпникова.

Первая из них выступала за свободу дискуссий по крайней мере внутри партии; обе группы противились растущей бюрократизации. Однако (это часто случается с оппозиционными коммунистическими группами) Ленин оказался вправе задать Шляпникову и его сторонникам вопрос: почему они не были такими ярыми противниками партийной бюрократии пока сами занимали руководящие посты?

На X съезде партии в 1921 году Ленин внезапно внес две резолюции, запрещающие формирование таких групп или «фракций» внутри партии. С этого момента органы безопасности взялись за подавление более радикальных

оппозиционных групп, которые отказались подчиниться. Но вскоре председатель ВЧК Дзержинский обнаружил, что многие верные партийцы считали оппозиционеров своими товарищами и отказывались давать против них показания. Тогда Дзержинский потребовал от Политбюро официального решения о том, что долгом каждого члена партии является доносить на других членов партии, если они замешаны в агитации против руководства. Его поддержал Троцкий, заявивший, что, конечно, элементарная обязанность членов партии — разоблачать враждебные элементы во всех партийных организациях.

В конце 1922 года нелегальная группа «Рабочая Правда» начала распространять прокламации, осуждающие «новую буржуазию»; в прокламациях говорилось о «пропасти между партией и рабочими», о «нещадной эксплуатации рабочих». Авторы прокламаций добавляли, что класс, который должен был выполнять роль гегемона, был «фактически лишен даже самых элементарных политических прав»[19].

Так оно и было. Подавив все оппозиционные партии и открыто отказав в каких-либо правах непролетарскому большинству, ведя классовую борьбу как бы от имени пролетариата, партия теперь вдруг оказалась накануне разрыва с самим пролетариатом. Это означало разрыв последнего звена, связывавшего партию с какой-либо лояльной народной прослойкой.

Когда в январе 1918 года было силой разогнано Учредительное собрание (большинство депутатов было антибольшевистским, и роспуск последовал немедленно после начала работы), Ленин открыто объявил: рабочие не подчинятся крестьянскому большинству.

Однако уже в 1919 году Ленин счел необходимым заметить: «Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала»[20]. Рабочий класс в целом уже считался ненадежным. Ленин настаивал, что «революционное насилие не может не проявляться и по

отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы»[21]. Правый коммунист Рязанов резко упрекнул за это Ленина. Рязанов спросил: «Если этот пролетариат все еще состоит в значительной части из шкурников, мелкобуржуазных или отставших элементов, то является вопрос, на что мы будем опираться?»[22].

Ответ мог быть один: на партию как таковую, и только на нее. В начале 1921 года стало очевидным, что рабочие противостоят партии. Выступая перед курсантами военного училища, как свидетельствует учившийся в нем в то время А. Бармин, Карл Радек сказал совершенно ясно:

«Партия — это политически сознательный авангард рабочего класса. В настоящий момент терпение рабочих истощается и они отказываются следовать за авангардом, который ведет их на битвы и жертвы... Должны ли мы уступить протестам тех рабочих, которые уже не в силах терпеть, но которые не понимают своих подлинных интересов настолько, насколько их понимаем мы? В настоящий момент рабочие нестроены откровенно реакционно. Но партия решила, что мы не должны уступать, что мы должны навязать свою волю к победе нашим измученным и павшим духом товарищам»[23].

Кризис разразился в феврале 1921 года, когда волна забастовок и демонстраций охватила Петроград; высшей точкой кризиса стало мартовское восстание в морской крепости Кронштадт.

Кронштадтское восстание выявило, что партия окончательно противопоставила себя народу. В борьбу против матросов и рабочих бросились даже «демократические централисты» и «рабочая оппозиция». Когда дошло до открытого столкновения, то решающим моментом оказалась преданность партии.

Восставшие открыто боролись за идею свободного радикального социализма, за пролетарскую демократию. А у другой стороны оставалась только идея партии как таковой. Партия, существование которой уже не имело социальных

оправданий, опиралась исключительно на догму, она стала примером секты в наиболее классическом смысле слова — сборищем фанатиков. Партия считала, что ни народная поддержка, ни поддержка пролетариата для нее уже необязательна, а необходима и достаточна лишь некая целеустремленность, способная в дальней перспективе оправдать что угодно.

Так развивалась партийная мистика — по мере того, как партия осознавала свою изоляцию. Вначале она «представляла» российский пролетариат. Даже когда этот пролетариат показывал признаки слабости, партия продолжала «представлять» его как авангард мирового пролетариата, с организациями которого она должна была слиться немедленно после мировой или европейской революции. Только когда оказалось, что революции на Западе так и не назрели, стало вполне очевидным, что в реальном мире партия не представляла никого или почти никого. Однако теперь считалось, что она представляла не столько русский пролетариат в его тогдашнем состоянии, сколько будущие и истинные интересы этого пролетариата. Существование партии оправдывалось уже не реальной действительностью, а своеобразным политическим пророчеством. Источники сплоченности, солидарности партии заключались теперь в ней самой, в мыслях и высказываниях ее руководителей.

Более того, внутри самой партии Ленин посеял все семена централизованного бюрократического распорядка. Задолго до того, как Сталин возглавил Секретариат, этот орган уже переводил партийных работников с одной должности на другую по политическим мотивам. Сапронов писал, что местные партийные комитеты превратились в назначаемые органы, а на IX съезде РКП[б] он решительно поставил перед Лениным вопрос: «кто же будет назначать ЦК?... Очевидно мы до этого не дойдем, а если дойдем, то революция будет проиграна»[24].

Воюя против демократических тенденций внутри коммунистической партии, Ленин фактически передал все

бразды правления в руки высших механиков партийной машины. Именно вследствие этого партийный аппарат стал сперва самой мощной, а впоследствии и единственной силой внутри партии. Теперь на вопрос: кто будет управлять Россией? можно было ответить просто: тот, кто выиграет фракционную борьбу внутри узкого партийного руководства.

Кандидаты на власть уже объявились. Пока Ленин находился в стороне от дел, не в состоянии вполне оправиться от последнего приступа болезни, они схватились в первом раунде той борьбы, которая окончилась большим террором в 30-е годы.

СТАЛИНСКАЯ РАСПРАВА С «ЛЕВЫМИ»

Самые решительные схватки происходили в Политбюро. В последующие годы Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, Рыкову и Томскому было суждено принять смерть от рук единственного оставшегося в живых члена Политбюро — Сталина. Но в то время, о котором идет речь, подобная развязка казалась невероятной.

Первым и потому наиболее опасным соперником Сталина был Троцкий. Именно на нем Сталин несколько лет концентрировал всю силу, всю невероятную мощь своей политической злобности. Если говорить о личных истоках большого террора, то их надо искать в раннем периоде советской власти, когда вся ненависть Сталина к соперникам была сосредоточена на Троцком — на человеке, который выглядел, по крайней мере для поверхностного наблюдателя, наиболее вероятным наследником Ленина, но который именно поэтому вызывал единодушную вражду всех членов высшего руководства.

С того времени, как Троцкий вернулся из эмиграции и стал председателем Петербургского совета во время революции 1905 года, его революционный послужной список

был совершенно исключительным. Он пользовался европейской известностью. Однако внутри партии он не был так силен, как могло показаться по его репутации. До самого 1917 года он стоял в стороне от тесно организованной ленинской большевистской группы и вместе с несколькими сторонниками действовал как независимый революционер, хотя во многом сходился и с меньшевиками. Его группа слилась с большевиками в июне 1917 года, и он сыграл решающую роль в захвате власти в ноябре того же года. Но большинство старых большевиков считало его чужаком. В то же время ему не хватало опыта в интригах, опыта, которого было предостаточно у старых большевиков, прошедших долгую и темную внутрипартийную борьбу. Троцкий же если и участвовал в этой борьбе, то всегда старался лишь примирить враждующие стороны.

Кроме того, старые большевики считали Троцкого надменным, самонадеянным. Уважение, которого он заслуживал своим умом и талантом, выказывалось ему неохотно. Хотя у Троцкого было много горячих поклонников, он был способен отталкивать так же сильно, как и притягивать.

Троцкий пользовался частичной поддержкой Ленина и был несомненно вторым человеком в партии и государстве. Но в дальнейшем Ленин возражал против его политической линии. Со смертью Ленина Троцкий стал уязвим. Тем не менее, его положение, несмотря на некоторые изъяны, все еще оставалось прочным. Он имел серьезную поддержку не только со стороны многих влиятельных большевиков, но также со стороны студентов и молодых коммунистов.

В начале 20-х годов «левые», связанные с Троцким, выступали против Ленина по важным вопросам. Одним из таких вопросов была новая экономическая политика (НЭП). Объявив НЭП, Ленин спас страну от полной катастрофы и в то же время удержал власть партии — однако он сумел сделать это лишь за счет больших уступок «капитализму»: богатые крестьяне-собственники и оборотистые «нэп маны» действовали свободно и процветали. Для партийных блюсти-

телей революционной «чистоты» все это было отвратительным святотатством.

В то время как Ленин предвидел очень долгий путь к тому, чтобы убедить независимое крестьянство принять какую-то форму коллективизации, левые желали немедленного, срочного подавления крестьянства. Они часто не были особенно преданы Троцкому лично, однако держались взглядов — догматических или принципиальных, зависит, от точки зрения, — которые Троцкий олицетворял в начале 20-х годов, подобно Бухарину в 1918. Когда в 1928 году Сталин сам повернул «влево», большинство бывших троцкистов перестало поддерживать Троцкого.

В группу левых входил Пятаков — один из шести человек, названных по именам в «Завещании» Ленина. Ленин считал его, наряду с Бухариным, способнейшим из молодых. Рослый, благообразный человек с длинной, прямой бородой и высоким овальным лбом, Пятаков начал свою политическую карьеру как анархист; к большевикам он примкнул около 1910 года. Во время гражданской войны белые расстреляли его брата на Украине, а сам он лишь случайно избег той же участи. Пятакова любили не только за его способности, но и за скромность, за отсутствие честолюбия.

Другим ведущим «троцкистом» был Крестинский — член первого состава Политбюро, секретарь Центрального комитета партии с момента революции до того времени, когда левые были отставлены Лениным от административной власти. В группу входили также: Раковский — привлекательный ветеран болгарского революционного движения, который фактически основал все революционные группы на Балканах; Преображенский — крупный теоретик создания промышленности за счет выжимания фондов из крестьянства, считавшийся в 1923-24 годах подлинным руководителем левых[25]; умный и уродливый Радек, пришедший к большевикам из польской социал-демократической партии, возглавлявшейся Розой Люксембург, когда-то работавший также с германскими левыми социалистами. В революционном

Берлине 1919 года Радек действовал с большой смелостью и ловкостью, был арестован, сидел в тюрьме. Однако в основном он был мастером подпольной интриги и политической игры, способным журналистом, острым сатириком. В партии его считали скорее неустойчивым, ненадежным, циничным болтуном, чем серьезным политиком; в последние годы своей жизни он полностью морально разложился.

Тем не менее в самом Политбюро Троцкий находился в изоляции. Важнейшим источником его силы был контроль над военным комиссариатом. Позже один старый троцкист высказал точку зрения, что Троцкий мог победить в 1923 году, если бы удержал свое положение в армии и лично обратился бы к партийным работникам в больших городах. Но, по мнению того же автора, Троцкий не сделал этого потому, что его победа наверняка означала бы раскол в Центральном комитете, а он хотел избежать этого — хотел добиться победы путем переговоров[26].

Но Политбюро было не той ареной, на которой Троцкому следовало действовать. Как политик, Троцкий оказался очень слаб.

Через много лет после убийства Троцкого, в 1958 году, английский автор Карр так сформулировал сильные и слабые стороны Троцкого:

«Выдающийся интеллектуал, крупный администратор, блестящий оратор — он не обладал одним качеством, необходимым, по крайней мере в условиях русской революции, большому политическому вождю. Троцкий умел зажечь массы, умел вызвать шумное одобрение людей и увлечь их за собой. Но среди равных себе у него не было таланта вождя. Он не умел создавать себе авторитет среди коллег — не обладал искусством терпеливого убеждения, не умел внимательно и с симпатией выслушивать мнения людей меньшего интеллектуального калибра. Он не мог выносить глупцов и его постоянно обвиняли в нетерпимом отношении к соперникам»[27].

На партийных работников Троцкий производил впечат-

ление своими широкими жестами и великолепными речами. Один из очевидцев его выступления отмечал:

«Как только Троцкий окончил речь, он ушел из зала. Никаких личных контактов в фойе, в коридорах. Полагаю, что эта уединенность частично объясняет неумение и нежелание Троцкого создавать окружение из лично преданных ему рядовых членов партии. Против интриг со стороны других партийных вождей — а этим интригам суждено было скоро умножиться — Троцкий боролся только тем оружием, которым умел пользоваться: пером и ораторским искусством. Но даже за это оружие он взялся, когда уже было слишком поздно»[28].

Кроме всего этого, роковую роль сыграла склонность Троцкого к позе, его убежденность в собственной победе благодаря личному превосходству над другими; он был уверен, что победит без того, чтобы опускаться до повседневных политических интриг. Югославский политический деятель Милован Джилас описал личность Троцкого в следующих точных словах: «Троцкий был превосходным оратором, блестящим, искусным в полемике писателем; он был образован, у него был острый ум; ему не хватало только одного: чувства действительности»[29].

Сталин предпочитал не вести прямых и острых нападок на Троцкого — он предоставлял это своим соратникам. Более того, Сталин упорно держался умеренной линии. Когда Зиновьев и Каменев требовали исключить Троцкого из партии, Сталин не согласился с ними и Политбюро вынесло постановление «против обострения внутрипартийной борьбы», гласившее: «Будучи несогласным с товарищем Троцким в тех или других отдельных пунктах, политбюро в то же время отметает, как злостный вымысел, предположение о том, будто в ЦК партии или в его политбюро есть хотя бы один товарищ, представляющий себе работу политбюро, ЦК и органов государственной власти без активнейшего участия товарища Троцкого»[30].

Однако действия Сталина были гораздо более эффектив-

ны, чем слова его соратников. Возглавляемый Сталиным Секретариат организовал изоляцию главных сторонников Троцкого. Раковского послали работать в советское посольство в Лондоне, Крестинского отправили в Германию с дипломатической миссией, под разными предлогами отправили подальше и других троцкистов. В результате подобных мер Троцкий оказался в одиночестве, и против него легко было маневрировать без шума и неприятностей. Взгляды Троцкого, в то время уже расходившиеся с ленинскими, были официально осуждены, и к 1925 году стало возможным снять Троцкого с поста наркома по военным делам.

Теперь Сталин двинулся против своих бывших соратников Зиновьева и Каменева. Им обоим предстояло — лишь в чуть меньшей степени, чем самому Троцкому — стать главными «вражескими» фигурами в большом терроре.

Трудно найти автора, который писал бы о Зиновьеве иначе, как с неприязнью. На коммунистов и некоммунистов, оппозиционеров и сталинцев Зиновьев производил одинаковое впечатление пустого, малоспособного, наглого и трусливого ничтожества. Кроме самого Сталина, Зиновьев был единственным большевистским вождем, которого никак нельзя было назвать интеллигентом. Но в то же время он не обладал и никаким политическим чутьем. У него не было понимания экономических вопросов. Зиновьев был очень эффектным оратором, но в его речах было мало содержания и они лишь способны были временно возбуждать массы.

И вот такой человек некоторое время был руководящей фигурой в советском государстве перед смертью Ленина и после нее.

Он занял такое положение благодаря тому, что в период с 1909 по 1917 год был очень старательным личным секретарем и приспешником Ленина (часто слабо разбиравшегося в людях), фактически ближайшим учеником и сотрудником Ленина. Перед самой Октябрьской революцией и сразу после нее Зиновьев часто выступал против того, что считал рискованным в ленинской политике, в некоторых случаях подавал в

отставку со своих постов. Но он всегда возвращался с повинной. И начиная с 1918 года, опять безоговорочно следовал за Лениным.

Говорят, будто Ленин однажды сказал, что Зиновьев подражает даже его ошибкам[31]. Тем не менее, Ленин простил Зиновьеву его слабость в 1917 году и вполне полагался на него, доверяя самые ответственные посты. И в то же время Ленин говорил, что Зиновьев становился смелым, когда опасность проходила. Свердлов называл Зиновьева « олицетворенной паникой » [32]. Надо, однако, отметить,что Зиновьев работал в подполье еще до того, как в 1908 году присоединился к Ленину за границей, а его поведение в оппозиции к Сталину, включая долгие периоды тюремного заключения, хоть и не было ни твердым, ни разумным, не было также и целиком трусливым.

При всех своих недостатках Зиновьев серьезно пытался достичь высшей власти, чего нельзя сказать ни о Троцком, ни о Бухарине без серьезных оговорок. Зиновьев создал в Ленинграде свою подлинную вотчину и вместе с Каменевым использовал все возможности, чтобы справиться со Сталиным. Однако можно лишь удивляться, что Каменев, человек с гораздо лучшей репутацией, все же работал в согласии с Зиновьевым много лет, фактически до самого момента их казни.

Каменев, подобно Сталину, мальчиком жил в Тбилиси и после окончания тифлисской гимназии поехал изучать право в Москву. В начале нынешнего века он снова в Тифлисе, уже как представитель партии. В те годы Сталина мало кто знал. Еще студентом Каменев успел побывать в Бутырской тюрьме. После периода подпольной работы он уехал за границу и оставался там с 1908 по 1914 год в качестве ближайшего сотрудника Ленина после Зиновьева. Каменев не был таким безоговорочным последователем Ленина, как Зиновьев, он пытался достичь компромисса с меньшевиками, а позднее, в России, отмежевался от ленинской позиции пораженчества в первой мировой войне.

После Февральской революции 1917 года Каменев вместе со Сталиным вернулся из сибирской ссылки, и они выпустили совместную программу поддержки Временного правительства. Когда возвратившийся в Россию Ленин стал настаивать на более революционном подходе к Временному правительству, Каменев в одиночку продолжал сопротивляться. В октябре 1917 года он присоединился к Зиновьеву, возражавшему против захвата власти, чем навлек на себя сильнейший, хотя и недолгий гнев Ленина. С 1918 года Каменев полностью придерживался линии партии. Он не был честолюбив или тщеславен: он всегда был склонен к умеренности. Так или иначе, Каменев не обладал ни достаточной силой воли, ни достаточно сильными убеждениями, чтобы вести собственную линию на новом этапе.

Среди соратников Зиновьева и Каменева не было по-настоящему выдающихся личностей. Однако среди их последователей мы видим таких людей, как Лашевич (замнаркома по военным делам, умерший до начала террора), Г. Е. Евдокимов (секретарь Центрального комитета партии) и много других влиятельных фигур. Более того, Зиновьев все еще был хозяином ленинградской организации, и эта организация единодушно голосовала против сталинского большинства. Таким образом создалась интересная картина: партийные организации, «представлявшие» рабочих Ленинграда и Москвы, *единогласно* принимали резолюции, осуждающие одна другую. Троцкий ехидно спрашивал: «В чем заключается социальное объяснение этого?»[33].

И опять Сталин сумел выступить в роли умеренного. Он представил Зиновьева и Каменева как людей, желающих расправиться с большинством. Сталин произнес тогда слова, которые потом пришлось сильно изменить в более поздних изданиях его сочинений: «Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте». И дальше, критикуя платформу Зиновьева и Каменева: «Каков смысл этой платформы? Что это значит? Это значит, руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без

Бухарина... без указанных мной товарищей руководить партией невозможно»[34].

Потерпев поражение, Зиновьев и Каменев, до того времени резко настроенные против Троцкого, теперь обратились к нему за поддержкой и сформировали «объединенную оппозицию». Вступив в блок с Троцким, Зиновьев и Каменев вынуждены были принять его левые взгляды на экономическую политику, а это немедленно объединило против них всех последователей ленинской линии, в особенности Бухарина и его сторонников. Как отмечает историк Борис Суварин, к 1926 году Троцкий «уже более или менее передал в руки Сталина всю власть из-за своей неспособности к предвидению, из-за своей выжидательной тактики, внезапно прерываемой непоследовательными вспышками, из-за своих ошибочных расчетов»[35]. Но решающей ошибкой Троцкого было, по мнению того же Суварина, формирование блока с Зиновьевым и Каменевым, — людьми, лишенными воли и авторитета, неспособными предложить ничего конкретного в противовес своей дурной репутации». Троцкий не понимал, чем к тому времени была партия, он не понимал самого существа стоявших перед ним проблем.

В апреле 1926 года из Секретариата ЦК был выведен Евдокимов — единственный остававшийся там сторонник Зиновьева. В июле из Политбюро был исключен сам Зиновьев — его заменил сталинец Рудзутак, — а в октябре один за другим изгнаны Троцкий и Каменев. В том же октябре оппозиция сдалась. Зиновьев, Каменев, Троцкий, Пятаков, Сокольников и Евдокимов «признали свои ошибки»[36]. Так началась серия саморазоблачений оппозиционеров, продолжавшаяся долгое время.

В 1927 году троцкистско-зиновьевский блок сделал еще одно, последнее усилие. Побежденные и изолированные в руководящих партийных органах, троцкисты-зиновьевцы решили апеллировать к «партийным массам» и рабочим (эта мера свидетельствовала об их отрыве от реальности — массы были уже полностью инертны и отчуждены). Была

организована нелегальная троцкистская типография и подготовлены демонстрации в Москве и Ленинграде.

Позже Мрачковский, Преображенский и Серебряков признали свою ответственность за организацию подпольной типографии. Они все были немедленно исключены из партии, а Мрачковский был арестован. Сталин придал всему этому делу особенно зловещий характер с помощью провокатора ГПУ, который давал показания как один из участников подпольной типографии и якобы «бывший врангелевский офицер» — что было чистой фальшивкой.

Демонстрации оппозиционеров 7 ноября 1927 года потерпели фиаско. Единственным результатом этих демонстраций было то, что 14 ноября Троцкого и Зиновьева исключили из партии, а Каменева, Раковского, Смилгу и Евдокимова – из Центрального Комитета. Их последователей повсюду выбрасывали из партийных организаций. Зиновьев и его последователи вновь отреклись от своих ошибок. Сторонники же Троцкого в тот момент держались твердо.

Нетрудно установить фактическое количество троцкистов и зиновьевцев к тому моменту. С отречениями и саморазоблачениями выступили 2500 оппозиционеров (после съезда 1927 года), а 1500 человек были исключены из партии. Ведущие троцкисты были отправлены в ссылку. В январе 1928 года в город Алма-Ата был выслан сам Троцкий. Раковский, Пятаков, Преображенский и другие «левые» отправились в изгнание в Сибирь и другие районы азиатской части страны.

16 декабря 1928 года Троцкий ответил отказом на предложение полностью прекратить политическую деятельность. И тогда Политбюро приняло решение о его высылке из СССР. Против этого решения выступали Бухарин, Томский, Рыков и, по-видимому, умеренный сталинец Куйбышев.

22 января 1929 года Троцкий был арестован и выслан в Турцию.

« ВЕРНЫЕ И ПРЕДАННЫЕ »

По мере того, как его соперники один за другим терпели поражение, Сталин продвигал новых людей, совсем иных по своим качествам. Ни один из этих новых не имел репутации теоретика; но при случае они могли изложить определенную линию с трибуны партийного съезда в обычной марксистской фразеологии, что до известной степени прикрывало их неспособность. Мало кто из них принадлежал к самому старшему партийному поколению. Но все они были старыми большевиками, отличавшимися упорством и склонностью к кропотливой, повседневной административной работе.

В числе этих новых были если не блестящие, то, во всяком случае, способные люди. Было естественно, например, что Молотов, лучший бюрократ России, стал на сталинскую платформу. В свое время Молотов редактировал «Правду», а в 1917 году был одним из руководителей подпольной большевистской группы в Петрограде. В 1921 году Молотов стал кандидатом в члены Политбюро, в следующем году к нему в том же качестве присоединился крутой администратор В.В. Куйбышев. Новая группа сталинцев пришла к власти в январе 1926 года. Ворошилов, ставленник Сталина со времен гражданской войны, стал членом Политбюро; кандидатами в Политбюро стали Ян Рудзутак — латыш, олицетворявший собою несгибаемость старого подполья, — и Г.И. Петровский, в прошлом член Государственной Думы, а позднее исполнитель сталинской политики.

В том же 1926 году Рудзутака перевели из кандидатов в члены Политбюро — это случилось после исключения Зиновьева, — а состав кандидатов был усилен пятью новыми сталинцами: «Серго» Орджоникидзе, который был членом ЦК с довоенных времен, Сергеем Кировым, назначенным руководить ленинградской партийной организацией после разгрома зиновьевцев, Лазарем Кагановичем и Анастасом Микояном.

Орджоникидзе, которого Ленин предлагал исключить из

партии на два года за его жестокость по отношению к грузинским коммунистам в 1922 году, был по профессии фельдшером. Необразованный ни в чем, кроме партийных дел, он производил на иностранцев впечатление симпатичного, но хитрого человека. Есть предположения, что Орджоникидзе участвовал в интригах вместе с Зиновьевым в 1925 году и вместе с Бухариным в 1928 — а потом последовательно предал и того и другого[37].

С другой стороны, колебания Орджоникидзе происходили скорее всего от его слабохарактерности, а не от злой воли. Он был не холодным и расчетливым, а темпераментным человеком. Он был готов принять Зиновьева и Каменева обратно в члены партии в 1927 году на лучших условиях, чем предлагал Сталин. Орджоникидзе говорил тогда о них как о людях, «которые немало пользы принесли нашей партии и не один год боролись в наших рядах»[38], и с горячностью отмежевался от наиболее тяжелых обвинений по адресу Троцкого[39]. Орджоникидзе пользовался значительной популярностью в партии и в последующие годы оказывал на ее политику в какой-то мере смягчающее влияние.

Киров вступил в партию в Томске в 1904 году, 18-ти лет от роду. При царизме его четыре раза арестовывали и высылали. В момент Февральской революции 1917 года Киров руководил большевистской организацией во Владикавказе. Работа была типичной для подпольщика-боевика: не крупной по масштабу, но требующей большого напряжения.

Подобно Орджоникидзе, Киров тоже не обладал некоторыми худшими сталинскими чертами. Как и Орджоникидзе, он был довольно популярен в партии. Киров был русским по национальности, Сталин — нет. Кроме того, единственный среди всех сталинцев, Киров был очень убедительным оратором. Он неуклонно проводил сталинскую политику коллективизации и индустриализации, но, похоже, без того оттенка злобности, который характерен для Сталина и его ближайших соратников. Киров бывал беспощаден,

однако он не был ни злодеем, ни раболепным исполнителем чужой воли.

Зарубежный коммунист, долго имевший дело с Кировым, вспоминает, что в его ленинградском кабинете не было и следов так называемого «революционного энтузиазма», а сам Киров «по своим высказываниям и методам руководства напоминал культурных высших чиновников, которых я знал в Брюнне»[40].

Такие люди как Киров и Орджоникидзе, Рудзутак и Куйбышев, чьи судьбы позже стали важными вехами и в то же время препятствиями на пути большого террора, — такие люди были сторонниками и союзниками Сталина, но не безусловно преданными ему фанатиками. Они просто не замечали логических тенденций сталинской политики, не могли представить себе всех темных и мрачных возможностей сталинской личности. То же можно сказать и о Власе Чубаре, кандидате в члены Политбюро с ноября 1926 года, и о С.В. Косиоре, вошедшем в Политбюро в следующем году. Оба они были большевиками с 1907 года, оба рабочего происхождения.

В начале 30-х годов говорили, будто Сталин однажды сказал Ягоде, что предпочитает людей, поддерживающих его из страха, а не по убеждениям, ибо убеждения могут меняться[41]. Когда доходило до дела, Сталин не мог быть уверен, что сторонники по убеждению поддержат его решительно во всем. И он расправлялся с ними столь же беспощадно, как с оппозиционерами, памятуя фразу Медичи, флорентийского герцога времен Инквизиции: «Есть заповедь прощать врагам нашим, но нет такой заповеди, чтобы прощать нашим друзьям».

Среди сталинцев, выдвинувшихся в 20-е годы, наиболее типичным был Лазарь Каганович. В 1922 году Сталин поставил его заведовать тогдашним Оргинструкторским отделом ЦК, находившимся в подчинении Секретариата. На XII съезде партии, в 1924 году, Каганович был введен в Центральный Комитет и Секретариат. После этого Сталин назначал

Кагановича на важнейшие посты — первого секретаря ЦК КП Украины с 1925 по 1928 год (его отозвали с Украины, когда Сталин решил сделать некоторые уступки); первого секретаря московского обкома с 1930 по 1935 год. А в 1933 году, в дополнение к своей основной партийной должности, Каганович еще руководил ключевым сельскохозяйственным отделом Центрального Комитета партии.

Каганович, человек до некоторой степени поверхностный и не умевший глубоко разбираться в делах, был зато блестящим администратором. Ясный ум и сильная воля сочетались в нем с полным отсутствием каких-либо гуманных самоограничений. Если мы применили слово «беспощадный» в качестве общей характеристики Кирова, то в применении к Кагановичу слово «беспощадный» звучит совершенно буквально — он не знал ни пощады, ни жалости на протяжении всей своей карьеры.

В годы террора Каганович занимал самую ярую позицию: дескать, интересы партии оправдывают что угодно. Как рассказывает в своей книге «Я выбрал свободу» советский инженер Виктор Кравченко, в разговоре с ним Каганович сказал, глядя на него в упор «своими стальными голубыми глазами», что в процессе самоочищения партии неизбежны те или иные ошибки: «лес рубят — щепки летят». Он добавил, что большевик должен быть всегда готов пожертвовать собой ради партии. «Да, надо быть готовым пожертвовать не только жизнью, но и самолюбием и своими чувствами»[42]. Публичные выступления Кагановича тех времен тоже полны призывами к беспощадности и самопожертвованию. Однако, когда его самого сняли в гораздо более легкой обстановке 1957 года, он умолял Хрущева по телефону «не допустить того, чтобы со мной поступили так, как расправлялись с людьми при Сталине»[43]. Нетрудно прийти к выводу, что перед нами злодей и трус.

Отметим также начало карьеры некоторых будущих членов Политбюро. Типичным для младшего поколения сталинистов был Андрей Жданов, в то время первый секретарь

важного нижегородского (позже горьковского) обкома. Сильный, пусть и не очень глубокий ум шел в нем рука об руку с идеологическим фанатизмом — более подавляющим, чем у большинства его партийных коллег. Одним из немногих преимуществ, какие сталинская эпоха имела по сравнению с 20-ми годами, она обязана Жданову — я имею в виду систему народного образования. Восстановленная в 30-х годах система образования, хоть и отличалась узостью и подхалимством перед партией, обрела, по крайней мере, ту твердость и эффективность, какая вообще была характерна для русской системы обучения, но в 20-х годах утрачена среди всевозможных экспериментов.

Столь же беспощадным и столь же умным молодым человеком был Георгий Маленков, работавший в партийном аппарате. Он был несколько слабее по идеологической убежденности и фанатизму, но зато проявлял ловкость во всех деталях политического маневрирования, в работе с аппаратом и его личным составом.

В 1931 году Лаврентий Берия, в прошлом оперативник ОГПУ, был поставлен Сталиным возглавлять партийную организацию Закавказья — вопреки возражениям местных руководителей. В те же годы в Москве делал свою карьеру в партийном аппарате человек несколько более старшего возраста — Никита Хрущев.

Этой четверке предстояло, сочетая известные политические способности с нужной беспощадностью, высоко подняться по государственной лестнице. В годы террора Жданов, Маленков, Берия и Хрущев сыграли особенно кровавую роль.

Одно время господствовала точка зрения, что главная борьба в начале 30-х годов шла между «умеренными» сталинистами и людьми типа Кагановича, — борьба за «наибольшее влияние на Сталина». Действительно, сам Сталин время от времени благосклонно уступал воинственному большинству, оставляя за Кагановичем и компанией инициативу в открытом изложении крайних взглядов. В результате «умеренные» могли думать, что на Сталина можно

влиять и добиваться от него уступок, что возможны перемены в сторону менее жесткой диктаторской власти. Подобные заблуждения ослабляли «умеренных» точно так же, как раньше ослабляли оппозиционеров.

По-видимому, не может быть сомнений в том, что Каганович и другие приверженцы терроризма делали все возможное, чтобы отговорить Сталина от любого смягчения его политики. Ибо партия простила бы Сталину что угодно, а смена политической линии могла определенно привести к падению всей клики. Гораздо более сомнительно, требовались ли Сталину подобные увещания: его подозрительность и самолюбие были так сильны, что не нуждались в сколько-нибудь заметной поддержке со стороны советников. Вероятно, Хрущев правильно определил, кто на кого влиял, когда заметил: «Произвол одной личности допускает и поощряет проявление произвола другими лицами»[44].

Помимо обычных политических деятелей, обслуживавших официальную партийную и государственную машину, Сталин начал еще в 20-е годы создавать группы своих личных агентов, выбирая их по принципу отсутствия щепетильности, по признакам полной зависимости от него и преданности. Английский историк И. Дейчер утверждает, что, по словам Троцкого, Сталин любил повторять русскую поговорку «Из грязи делают князя»[45]. Люди, которых он подбирал, были поистине отвратительны по любым меркам. Этой группе были чужды любые политические — даже коммунистические — нормы поведения. Можно сказать, что это были кадры головорезов, готовых к любому насилию или фальсификации по приказу своего вождя. В то же самое время политический механизм страны, в котором еще работали относительно уважаемые люди, продолжал существовать в качестве фасада и представлял собой набор обычного административного или экономического персонала.

«Кровожадный карлик» Ежов — его рост был около 154 сантиметров — вступил в партию еще в марте 1917 года. Сталин нашел его на каком-то провинциальном посту и

продвинул в Секретариат. Членом ЦК Ежов стал в 1927 году. Известный исследователь внутренней борьбы в ВКП(б) Борис Николаевский в интересном этюде «Московский процесс. Письмо старого большевика» вкладывает в уста своего «старого большевика» слова: «За всю свою — теперь, увы, уже длинную жизнь мне мало приходилось встречать людей, которые по своей природе были бы столь антипатичны, как Ежов»[46]. Многим Ежов напоминал злобного уличного мальчишку, чьим любимым занятием было привязать к кошачьему хвосту смоченную керосином бумагу и поджечь ее. В несколько иной форме Ежов и занялся подобным делом в годы террора.

Интеллектуальный уровень Ежова повсеместно описывается как очень низкий. Но нельзя сказать, чтобы он, как и другие исполнители, не имел организаторских и «политических» способностей. Способности такого рода обнаруживаются у всех более или менее крупных бандитов: как известно, бандиты обыкновенно питают чувство преданности к своим таинственным организациям — то же было с Ежовым и его коллегами.

Личностью того же сорта, еще более близкой к Сталину, был его секретарь Поскребышев — высокий, немного сутулый, рябой человек. Он имел привычку говорить тихо, но применял грубейшие слова и оставлял впечатление почти совершенно необразованного. Возглавляя «спецотдел» ЦК много лет подряд, он был ближайшим доверенным лицом Сталина вплоть до 1952 года.

Примерно такими же людьми, предназначенными для выполнения важных ролей во время террора, были Мехлис и Щаденко, разгромившие армию, главный помощник Ежова по террору Шкирятов и дюжина других менее заметных личностей.

Еще одной фигурой исключительного значения был Андрей Вышинский. Образованный, умный, трусливый и раболепный, он был меньшевиком до 1921 года и вступил в большевистскую партию только после того, как стало

ясно, что она победила. Вышинский был, таким образом, уязвим, его прошлое позволяло оказывать на него давление и держать его под угрозой; и он скоро обратился за защитой к самой могущественной ячейке общества.

Вышинский сделал псевдо-ученую карьеру на юридическом факультете Московского университета, а затем быстро стал ректором этого университета по указанию партийного аппарата. Позже он был высшим сановником наркомата просвещения и активно участвовал в чистках, проводимых среди научных работников.

В терроре Вышинский участвовал сперва лишь косвенно. Аппаратчики партии и органов его презирали и часто открыто отчитывали. Но оказалось, что он пережил их всех, построив свою карьеру на непрерывной фальсификации и клевете. На автора этих строк, встретившегося с ним в последние годы его жизни, когда Вышинский был министром иностранных дел, он физически и духовно произвел впечатление «крысы в облике человеческом» — избитое сравнение, но в данном случае применимое.

Макиавелли дает несколько примеров, когда настоящие преступники поднимались к управлению государством — как, например, Агафокл Сиракузский. Грузинские коммунисты между собой любили называть Сталина «кинто» — это старотифлисский эквивалент неаполитанского бродяги «лаццарони». Эта тенденция в характере Сталина очень ясно видна в том, как он подбирал приближенных. На процессе 1937 года Вышинский скажет об оппозиционерах: «Эту банду убийц, поджигателей и бандитов можно сравнить только со средневековой "каморрой", объединявшей итальянскую знать с бродягами разбойниками»[47]. В некотором смысле это определение годится для самих победителей.

ПОРАЖЕНИЕ «ПРАВЫХ»

Немедленно после поражения Зиновьева и Троцкого Сталин повернул против своих «правых» союзников. Из них наиболее влиятельным был Николай Иванович Бухарин. Ленин назвал его «любимцем всей партии»[48]. Но раньше, в 1916 году Ленин писал Шляпникову, что Бухарин «(1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски *неустойчив*»[49]. Бухарин считался умнейшим человеком среди большевиков и очень интересовался теорией. По своеобразной ленинской формулировке, он был «ценнейший и крупнейший теоретик партии», «но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»[50]. В 1917 году Ленин думал о Свердлове и Бухарине как о естественных преемниках в партийном руководстве, если бы он сам и Троцкий были убиты[51].

Но уже в следующем году Бухарин руководил так называемыми «левыми коммунистами», боровшимися против брестского мира, и эта борьба в какой-то момент достигла пункта, когда начали строить смутные планы свержения Ленина. Бухарин работал с «левыми» до 1921 года, когда он вдруг стал сильнейшим сторонником НЭП'а — этой позиции он придерживался до своего падения.

Биограф Троцкого и Сталина Исаак Дейчер видел в Бухарине сочетание «чопорного интеллекта» с «артистической чувствительностью и импульсивностью, деликатностью характера и веселым, подчас мальчишеским чувством юмора»[52]. Временами Бухарина охватывал сентиментальный, слезливый романтизм — даже по поводу секретной полиции. Троцкий говорит, что «Бухарин был привязан ко мне чисто бухаринской, т.е. полуистерической, полуребяческой привязанностью»[53].

Ближайшим помощником Бухарина был Алексей Рыков — преемник Ленина на посту Председателя Совета народных комиссаров. Рыков работал в руководстве большевистского подполья с самой его организации, но последовательно

стремился к компромиссу с меньшевиками. Рядом с Бухариным и Рыковым стоит необычная фигура руководителя профсоюзов Томского — единственного представителя рабочих в Политбюро. Во время революции 1905 года Томский возглавлял один из первых советов — ревельский; позже, в 1909 году, он участвовал, в числе трех делегатов российского подполья, на конференции большевистских руководителей в Париже.

«Правые» бухаринцы привлекли на свою сторону и таких людей, как Угланов, сменивший Каменева на посту руководителя московской парторганизации; вокруг самого Бухарина все росла группа младших по возрасту людей, в большинстве из интеллигенции. В эту группу, по-видимому, входили лучшие умы, какие только имела партия в конце 20-х — начале 30-х годов.

Реальная проблема этого периода заключалась в следующем. Хотя в деревне наблюдалось относительное благополучие, она поставляла в город совершенно недостаточно продовольствия. В 1928 г. в некоторых провинциальных городах и начале 1929 г. в Москве и Ленинграде были введены хлебные карточки. 13 апреля 1926 года, нападая на «левых» в своем ленинградском докладе «О хозяйственном положении и политике партии», Сталин говорил: «У нас любят иногда строить фантастические промышленные планы, не считаясь с нашими ресурсами» и он резко осуждал тех, кто рассматривает «трудящиеся массы крестьянства как чужеродное тело, как объект эксплуатации для промышленности, как нечто вроде колонии для нашей индустрии»[54]. Но теперь он начал менять курс, начал проводить политику левых в ее наиболее жестокой форме.

11 июля 1928 года Бухарин имел тайную встречу с Каменевым, организованную Сокольниковым. Краткое содержание разговора, записанное Каменевым, в конце концов стало известным. По словам Бухарина, ему стало ясно, что политические расхождения между его собственным правым крылом и левыми во главе с Зиновьевым и Каменевым,

были ничто, по сравнению с расхождениями принципиального характера между ними всеми и Сталиным. Вопрос не стоял об идеях, ибо их у Сталина не было. «Если Сталину нужно отделаться от кого-нибудь, он меняет свои теории применительно к данному моменту». Сталин пришел к выводу, что развитие социализма будет встречать все более сильное народное сопротивление. По этому поводу Бухарин заметил, что это будет означать полицейское государство, но Сталина ничего не остановит. По крестьянскому же вопросу Бухарин высказался в чисто партийном стиле, говоря, что кулаков можно вылавливать сколько угодно, но с середняками надо пойти на мировую.

Обращение Бухарина к уже опальному Каменеву было наихудшей тактикой из всех возможных. Каменев был не только бесполезен, и известие о встрече с ним не просто повредило Бухарину; дело было в том, что главные силы левых уже начали принимать партийную линию, поскольку она совершенно очевидно сменила направление. Пятаков капитулировал уже в феврале 1928 года. К середине 1929 года Крестинский, Радек и большинство других троцкистов обратились с просьбой о восстановлении в партии. Дольше всех держался своей принципиальной позиции Раковский (до 1934 года). Характерно такое наблюдение: коммунисты, в прошлом связанные с оппозицией и старавшиеся искупить старые грехи, были особенно беспощадными[55].

К концу 1928 года Бухарин, Рыков и Томский подали в отставку, возмущенные тем, что Сталин постоянно подрывал их позиции. Сталин решил, что принимать отставку рано, и немедленно сделал свои обычные словесные уступки. Он провел в Политбюро резолюцию, имевшую смысл компромисса с правыми, и таким образом добился «единства». После этого нападки на правый уклон продолжались попрежнему, но только имена вождей правых больше не упоминались.

В январе 1929 года Бухарин, Рыков и Томский представили на рассмотрение Политбюро свою политическую

платформу. Этот документ нигде и никогда не был опубликован, но его смысл может быть частично восстановлен по различным ссылкам. Платформа правых содержала протест против планов выжимания соков из крестьянства и резко критиковала отсутствие внутрипартийной демократии. В ней было такое заявление: «Мы против того, чтобы единолично решались вопросы партийного руководства. Мы против того, чтобы контроль со стороны коллектива заменялся контролем со стороны лица, хотя бы и авторитетного». «В этом положении платформы оппозиции», — заявил Рудзутак, приводя полтора года спустя, на XVI съезде ВКП[б], эту цитату, — «имеется не только протест против существующего в партии режима, но имеется и прямая клевета на партию, прямая клевета на т. Сталина, против которого пытаются выдвинуть обвинение в попытках единоличного руководства нашей партией»[56].

Постоянное внимание Сталина к организационным деталям приносило плоды. В Центральном Комитете правых поддерживала теперь только горсточка членов[57]. На пленуме ЦК в апреле 1929 года позиция правых была осуждена, Бухарин снят с поста главного редактора «Правды», освобожден от обязанностей председателя Коминтерна, а Томский отстранен от руководства профсоюзами. Говоря о профсоюзах, Каганович несколько позже заметил: «Таким образом, в профдвижении большинство руководства и ВЦСПС и ЦК союзов сменилось. Могут сказать, что это нарушение пролетарской демократии, но, товарищи, давно известно, что для нас, большевиков, демократия не фетиш»[58].

В том же апреле, на XVI партийной конференции, были одобрены принципы ускоренной индустриализации и коллективизации крестьянства. После того, как их позиция была осуждена, правые отступили. 26 ноября 1929 года они опубликовали весьма общее отречение от своих взглядов по ряду политических и тактических вопросов.

Когда правые покорились, Сталин немедленно приказал пойти в коллективизации гораздо дальше того, против чего

они протестовали. Согласно решению XVI партийной конференции, к 1933 году «общественный сектор» сельского хозяйства должен был охватить 26 миллионов гектаров или 17½% всей пахотной земли. От «общественного сектора» предполагалось получить 15½% валового производства зерна. Однако все эти задания были внезапно и резко изменены.

«На ноябрьском Пленуме ЦК Молотов, с согласия и одобрения Сталина, подверг критике самое идею проведения коллективизации в течение пяти лет. "В теперешних условиях — заявил он — заниматься разговорами о пятилетке коллективизации — значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и областей, при всей разнице темпов коллективизации их, надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе„. Молотов объявил все разговоры о трудностях коллективизации правооппортунистическими...»[59].

Сталин не мог считать свои политические трудности решенными. Хоть он и разбил правых, полной гарантии против восстановления их сил не было. Зато, бросив партию в опасную авантюру внезапной коллективизации, можно было рассчитывать на большую солидарность всех колеблющихся. Воздействие коллективизации на левые элементы, и без того противостоящие взглядам Бухарина, могло быть только благоприятным для Сталина: оно разоружало левых, критиковавших сталинскую политику, и вытаскивало на свет старое партийное понятие солидарности перед лицом врага. Что касается только что побежденных правых, — не станут же они кренить корабль во время бури!

Партия всегда демонстрировала этот вид солидарности, когда была непопулярна в народе. В критический момент кронштадтского восстания все оппозиционеры — даже «Рабочая оппозиция» — сомкнулись с руководством.

Вот так заглохли последние требования о том, чтобы партийная воля была навязана крестьянам путем уговоров или хотя бы экономического давления. Чистое насилие,

атака по всему фронту — вот каков был избранный метод. Без каких бы то ни было серьезных приготовлений или планирования экономической стороны вопроса партия была ввергнута в гражданскую войну на селе. Это был первый крупный кризис сталинского режима, и именно с этого момента начинается вся эпоха террора.

Внезапное нападение Сталина на крестьянство, со всеми его крайностями, возможно, и было удачным тактическим ходом в борьбе против правых. Но если рассматривать коллективизацию как серьезный политический шаг, то сразу видишь экономическое невежество, веру во всесилие административных методов и отсутствие каких-либо приготовлений, доведенное почти до легкомыслия.

Не мешает заметить, что Сталин не имел никакого экономического опыта, обладал весьма слабыми экономическими познаниями. После революции большевики начали с того, что почти полностью разгромили в промышленности квалифицированный предпринимательский класс. Теперь, в деревне, прошла точно такая же ликвидация наиболее продуктивного, наиболее умелого крестьянства. Экономика, построенная на мифах, привела также к постепенному выкорчевыванию сколько-нибудь знающих экономистов из самой партии. «Сталин так разнес в 1929 году имевшиеся балансовые построения, что отбил охоту заниматься ими, как у ученых, так и у практических работников»[60].

Большинство экономистов придерживалось той точки зрения, что широкие общественные капиталовложения, основанные на внутренних ресурсах, должны сочетаться с антиинфляционной политикой. Общественные капиталовложения, говорили они, увеличат личные накопления в сельском хозяйстве, но это не будет представлять опасности для режима, потому что общественный сектор будет развиваться еще быстрее. Сторонники Бухарина добавляли, что коллективизацию нельзя будет сделать ни привлекательной, ни даже просто практически приемлемой для крестьян до тех пор, пока не созреют и будут готовы более совершенные

сельскохозяйственные методы обработки земли. Сталинская же схема — изымать все излишки у крестьян и платить ими за тракторы, которые только начнут приходить в деревню со временем — эта система быстро отняла какие бы то ни было стимулы у крестьянства. Колхозы насаждались на основе голода, исключительно силой. В своей злобе против коллективизации крестьянство разрушило огромную часть русского сельскохозяйственного богатства. А обещанные тракторы так и не пришли в нужном количестве. Более того, из-за отсутствия подготовки обслуживание тракторов было совершенно неудовлетворительным, и значительная их часть была погублена неумелым уходом.

Между тем, новая политика упорно проводилась в жизнь. 5 января 1930 года Центральный Комитет партии принял решение о переходе от первоначального плана коллективизации 20% посевной площади за пятилетие к полной, сплошной коллективизации наиболее важных районов осенью 1930 года или, самое позднее, осенью 1931 года. В остальных районах коллективизацию предлагалось завершить осенью 1931 года или, в виде последнего срока, осенью 1932 года[61]. После этого положение вышло из-под контроля, и за несколько недель партия оказалась на краю катастрофы. С января до марта 1930 года количество коллективизированных крестьянских дворов увеличилось с 4 до 14 миллионов. Более половины всех крестьянских хозяйств было коллективизировано за 5 месяцев. Против коллективизации крестьяне бросились в борьбу, вооруженные чем попало. Их «обычным средством... были обрез, колун, кинжал, финка»[62]. В то же время крестьяне предпочитали скорее резать скот, чем отдавать его в руки государства.

Калинин, Орджоникидзе и другие члены Политбюро выезжали в провинцию и по-видимому привозили правдивые отчеты о катастрофическом положении. Есть несколько сообщений о том, что Ворошилов в 1930 году возражал против стремительной коллективизации[63]. Но говорили[64], что Сталин не потрудился получить утверждение Политбюро

для своей программной статьи «Головокружение от успехов» в «Правде» от 2 марта 1930 года. Статья объявляла причиной всех бед эксцессы, творимые местными партийными работниками. По многим сообщениям, это было ударом для местных энтузиастов. 14 марта последовало осуждение «извращений» партийной линии по отношению к крестьянству — применение насильственных методов, говорилось в заявлении ЦК, было проявлением левого уклона, который мог только усилить правоуклонистские элементы в партии. Нашелся и козел отпущения — Бауман, сменивший Угланова на посту первого секретаря московского обкома партии. Баумана обвинили в левацком загибе, сняли с поста и послали на низовую работу в Среднюю Азию[65].

Поражение было признано. Крестьяне разбегались из колхозов. Сталинская политика провалилась.

В любой другой политической системе это было бы самым подходящим моментом для выступления оппозиции. Было ведь ясно, что оппозиция права. И действительно, поддержка правых руководителей самопроизвольно началась в партийных организациях по всей стране. Среди народа в целом правые были, конечно, все еще сильнее других. Но Бухарин, Томский и Рыков не возглавили этот порыв, не воспользовались потенциальной поддержкой. Наоборот, они опубликовали заявление, что выступать «против партии», особенно при поддержке крестьянства, было немыслимо. Так поражение сталинской политики сопровождалось политической победой. Томского вывели из Политбюро в июле 1930 года, а Рыкова в декабре. С этого момента состав Политбюро стал чисто сталинским.

Лидеры правых считали сталинское руководство катастрофой и надеялись на его падение, однако своим ближайшим соратникам они советовали терпеливо ждать смены настроения в партии. Бухарин склонялся к тому, чтобы организовать всеобщую поддержку идеи изменений без какой бы то ни было прямой организационной борьбы в настоящее время. Более молодым оппозиционерам он, как говорят, советовал

полагаться на массы, которые рано или поздно осознают фатальные последствия сталинской линии[66]. Необходимо, дескать, терпение. Так Бухарин признал свое поражение в смутной надежде на какое-то улучшение в будущем.

Троцкисты выражали такую же надежду на перемены. «Капитулянт» Иван Смирнов в издававшемся Троцким за рубежом «Бюллетене оппозиции» теперь заявлял: «В связи с неспособностью нынешнего руководства выйти из экономического и политического тупика, в партии растет убеждение в необходимости смены руководства»[67].

А Сталин, отступая, вовсе не отказался от своих планов коллективизации. Он теперь предложил провести их в жизнь в течение более продолжительного периода — теми же бесчеловечными мерами, но с чуть лучшей подготовкой. Повсюду на местах, перед лицом враждебного крестьянства, партия вела перегруппировку и готовилась к дальнейшим отчаянным шагам.

К концу 1932 года, применяя гораздо лучше подготовленное сочетание беспощадности и экономических мер, Сталину удалось почти полностью коллективизировать все крестьянство. Сопротивление подавлялось теперь довольно простым способом. Если крестьянин производил только на свою семью и ничего не оставлял государству, то местные власти меняли это положение на обратное. Последние мешки с зерном вытаскивались из крестьянских амбаров и шли на экспорт, в то время, как в деревне бушевал голод. Экспортировалось даже масло, а украинские дети умирали от отсутствия молока*.

Сталина можно с полным правом обвинить в создании голода на селе. Урожай 1932 года был приблизительно на 12% ниже среднего уровня. Но это еще совсем не уровень голода. Однако заготовки продуктов с населения были уве-

* Вывоз зерна за границу в начале 30-х годов достиг своего максимума со времени революции: около 5 миллионов тонн в 1930/31 году, и $1\frac{3}{4}$ тонны во время голода 1932/33 года. В 1929/30 году вывоз зерна не достиг и 200 тысяч тонн.

личены на 44%. Результатом, как и следовало ожидать, был голод огромных масштабов. Возможно, это единственный в истории случай чисто искусственного голода.

Это также единственный крупный голод, самое существование которого игнорировалось или отрицалось властями. Голод в Советском Союзе удалось тогда в значительной мере скрыть от мирового общественного мнения.

По-видимому, советские официальные лица подтвердили существование голода только один раз, да и то случайно. В обвинении по делу сотрудников народного комиссариата земледелия — их тогда судили за саботаж, — сказано, что они использовали свое служебное положение для создания голода в стране[68]. Кроме того, украинский президент Петровский сообщил западному корреспонденту, что умирали миллионы[69]. Тридцать лет спустя занавес на короткое время приподнялся еще раз — теперь уже в советской литературе. Описывая те времена, в романе «Люди не ангелы» Иван Стаднюк подытоживает: «Первыми умирали от голода мужчины. Потом дети. Затем женщины»[70].

Как всегда, когда власти не дают информации, не позволяют вести обследование и не допускают к архивам, определить потери от голода нелегко. Осторожное сопоставление всех возможных подчетов показывает, что наиболее близка к действительности оценка в 5-6 миллионов смертей от голода и вызванных им болезней[71], из которых более 3 миллионов приходилось на Украину; тяжело пострадали также Казахстан, Северный Кавказ и Средняя Волга[72]. Даже по официальным цифрам украинское население уменьшилось с 31 миллиона до 28 миллионов человек между 1926 и 1939 годами. По данным, которые ОГПУ посылало Сталину, только от голода умерло 3,3-3,5 миллионов человек[73]. Еще более высокие цифры были даны одному американскому коммунисту Скрыпником и Балицким[74]. Британская энциклопедия описывает только один случай голода (в Китае в 1877-78 годах), унесший еще больше жертв.

Некоторое представление о смертности новорожденных

можно себе составить из того, что в 1941 году семилетних детей в советских школах было на один миллион меньше, чем одиннадцатилетних. Вывод о повышенной смертности новорожденных подтверждается сравнением цифровых данных о народонаселении 1941 года с одной стороны в Казахтане, сильно пострадавшем от голода 1931 года, и с другой стороны в Молдавии, не входившей в 1931 году в состав СССР. В Казахстане семилетняя возрастная группа не достигает количественно и 40 процентов одиннадцатилетней, в то время как в Молдавии она *превышает* одиннадцатилетнюю группу приблизительно на 70 процентов[75].

Голод сочетался с террором. Повсюду процветал партийный произвол. Но даже и нормально, по законам, меры наказания были драконовскими: например, закон от 7 августа 1932 года об охране социалистической собственности предусматривал десятилетнее заключение за любую кражу зерна, даже незначительную. По районам и областям были разосланы нормы высылки людей[76]. Играли роль и массовые расстрелы. Позже Сталин скажет Черчиллю, что пришлось расправиться с десятью миллионами «кулаков», из коих «громадное большинство» было «уничтожено», а остальные высланы в Сибирь[77]. Вероятно, около 3 миллионов из них окончили свой путь в быстро расширявшейся системе исправительно-трудовых лагерей.

Коллективизация разрушила около 25% всех производственных мощностей советского сельского хозяйства[78]. По пятилетнему плану производство зерна в последний год пятилетки должно было превысить 100 миллионов тонн. Оно не достигло и 70 миллионов, а начальная цифра 100 миллионов тонн не была достигнута до самого начала войны. Начиная с 1933 года, советская статистика по производству зерна фальсифицировалась приблизительно на 30%. В 1953 году выяснилось, что для этого использовался метод подсчета зерна на корню, а не количество фактически убранного зерна. Сельскохозяйственные мощности в 1938 году были все еще ниже, чем в 1929. Несмотря на то, что появилось

много тракторов, их было отнюдь недостаточно для восполнения потерь в лошадях, половина всего поголовья которых в России была уничтожена в годы первого пятилетнего плана[79].

Вряд ли можно сомневаться, что главной целью было просто полное подавление крестьянства любой ценой. По свидетельству Виктора Кравченко, секретарь днепропетровского обкома Хатаевич в 1933 году сказал ему: «Жатва 1933 года была испытанием нашей силы и их терпения. Понадобился голод, чтобы показать им, кто здесь хозяин. Это стоило миллионов жизней, но колхозная система теперь останется. Мы выиграли войну»[80]. Итак, массовый террор уже действовал в деревне в то время, и тысячи полицейских и партийных начальников получали беспощадную оперативную тренировку.

На другом фронте — на фронте ускоренной индустриализации — господствовала аналогичная организационная атмосфера. Огромные металлургические заводы воздвигались среди ветхих бараков, наполненных полуголодными рабочими. Но в этой области имелись экономические достижения. Речь идет не о том, что предсказывали планы или объявляли руководители пропаганды. Сама идея гладко спланированного развития была абсолютно неприменимой.

Даже в теории понятие выполнения плана уступило погоне за максимальными цифрами. Целью было «перевыполнение» и премию получал директор, который даст 120% нормы. Но если он добивался такого выполнения, то где он брал сырье? Оно, очевидно, могло быть добыто лишь за счет других отраслей промышленности. Такой метод, строго говоря, вряд ли может быть назван плановой экономикой; скорее, это конкурентный рост без учета распределения ресурсов или необходимости производимых товаров. Эта система привела к огромным неравномерностям развития. Она имела результатом большой подъем производства, особенно в определенных отраслях, зато и потери были по меньшей мере так же велики, как в ранний, не контролируемый период капитализма, в его период «бури и натиска».

Вот пример. Была сделана попытка поднять выпуск меди с 40 тысяч до 150 тысяч тонн за один год. Это было не просто трудно, а совершенно невозможно. И руководители металлургической промышленности Серебровский и Шахмурадов воспротивились дутой цифре. Шахмурадов предложил снизить цифру до 100 тысяч тонн, и был немедленно уволен. А Серебровский затем принял официальную цифру в порядке партийной дисциплины, вполне сознавая, что задание невыполнимо. Были затрачены неимоверные усилия, однако выпуск меди так и не превысил 50 тысяч тонн и, согласно одному отчету, «понадобилось много времени, чтобы стабилизировать даже эту цифру на период пятилетнего плана»[81].

Приняв за основу программу ускоренной индустриализации, партия к 1930 году просто не имела времени для подготовки необходимого технического и руководящего персонала и для обучения рабочих и крестьян. Отсюда все дальнейшее руководство велось на базе мифов и принуждения, а не на базе рациональных расчетов и сотрудничества. Новый пролетариат был отчужден еще более полно, чем старый.

В октябре 1930 года был издан первый декрет, запрещавший свободное передвижение рабочей силы. Через два месяца последовал еще один, запрещавший предприятиям нанимать людей, которые оставили свои прежние рабочие места без особого разрешения. В то же самое время пособие по безработице было отменено на основании того, что «безработицы больше нет». В январе 1931 года был принят первый закон, предусматривавший тюремное заключение за нарушение трудовой дисциплины — в то время только для железнодорожников. Февраль того же года принес обязательные трудовые книжки для всех промышленных и транспортных рабочих. В марте были введены меры наказания за халатность, после чего вышел декрет об ответственности рабочих за ущерб, причиненный ими инструментам или материалам. Для «ударных бригад» были введены усиленные

продуктовые пайки, а в 1932 году все скудное продовольственное снабжение было поставлено под прямой контроль директоров предприятий — начала действовать система, похожая на натуральную оплату по результатам труда. В июле 1932 года утратила силу статья 37 кодекса законов о труде 1922 года, согласно которой перевод рабочего с одного предприятия на другое мог быть осуществлен только с его согласия. 7 августа 1932 года была введена смертная казнь за хищение государственного или общественного имущества — этот закон начал немедленно и широко применяться. С ноября 1932 года однодневное отсутствие на работе без разрешения — прогул — стало наказываться немедленным увольнением. И наконец, 27 декабря 1932 года были восстановлены внутренние паспорта, в свое время сурово осужденные Лениным как одна из тяжелейших ран, нанесенных царистской отсталостью и деспотизмом.

Система профессиональных союзов стала просто довеском государственной машины. Томский считал, что невозможно одновременно и управлять производством на коммерческой основе и выражать и защищать экономические интересы рабочих; он заявлял, что сначала надо поднять оплату, а затем мы можем ожидать подъема производительности. Эти положения Томского были публично опровергнуты на IX съезде профсоюзов в апреле 1932 года. Преемник Томского в руководстве профсоюзами Шверник выдвинул вместо этого как наиболее важную задачу профсоюзов массовое внедрение сдельной оплаты труда на основе норм, — т.е. жесткую оплату по результатам работы, которая стала на грядущие десятилетия средством выжимания пота из рабочих.

Тем не менее, рабочие все же не вымирали. Промышленность двигалась вперед. Система принуждения, вылившаяся здесь в менее отчаянные формы, способствовала развитию промышленности. Возможно, что другие методы могли привести по меньшей мере к таким же успехам при гораздо

меньших затратах людских резервов. Тем не менее, были достигнуты ощутимые результаты, и партия могла считать, что ее политика оказалась успешной.

Сталин достиг и другой своей политической цели. В борьбе против народа не было места нейтралитету. И от любого члена партии можно было требовать теперь верности в военном смысле слова. Сталин мог настаивать на абсолютной солидарности и применять любые суровые меры наказания за слабость. Созданная атмосфера гражданской войны напоминала многие другие войны, которые начинали правители во все исторические эпохи для достижения внутренних целей — для заглушения критики, для устранения колеблющихся. Люди снова вынуждены были говорить себе: «Права она или не права, это м о я партия». Оппозиционеры бездействовали. Меньшевик Абрамович вряд ли несправедлив, когда он говорит: «Голод не вызвал никакой реакции со стороны Троцкого, который находил время и место, чтобы писать об «ужасающих преследованиях» его собственных сторонников в России или чтобы обвинять Сталина в фальсификации его, Троцкого, биографии. «Пролетарский гуманист» Бухарин и порывистый Рыков тоже молчали»[82].

Бухарин, однако, начал понимать, что ускоренная социализация, проводимая, как и следовало ожидать, со всей беспощадностью, лишает правящую партию покрова гуманности. В частном разговоре Бухарин сказал, что во время революции он видел «сцены, которые я не пожелал бы увидеть моим врагам. И тем не менее даже 1919 год несравним с тем, что случилось между 1930 и 1932 годами. В 1919 году мы сражались за нашу жизнь. Мы казнили людей, но в это время мы рисковали и своими жизнями. В последующие периоды, однако, мы проводили массовое уничтожение абсолютно беззащитных людей вместе с их женами и детьми»[83].

Но Бухарина еще больше беспокоило воздействие всего этого на партию. Многие коммунисты были серьезно потрясены. Некоторые покончили самоубийством, другие сошли

с ума. По мнению Бухарина, самым худшим результатом террора и голода в стране были не страдания крестьянства, как бы ужасны они ни были. Самым скверным результатом были «глубокие изменения в психологии тех коммунистов, кто принимал участие в этой кампании и, не сойдя с ума, стал профессиональным бюрократом. Для таких террор стал после этого нормальным методом управления, а повиновение любому приказу свыше стало главной добродетелью». Бухарин говорил о полной дегуманизации людей, работающих в советском аппарате[84].

И, тем не менее, и Бухарин и его друзья молчали, ожидая момента, когда все поймут, что Сталин не подходит как руководитель государства и партии, и каким-то образом сместят его с поста. Они явно не понимали сути этой последней проблемы.

ВСТУПЛЕНИЕ

1. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, 5-ое издание, Москва, 1958-70, (В дальнейшем цитируется как «Ленин, Собр. соч.»), т. 43, стр. 31 (Отчет X съезду РКП[б]).

2. Там же, т. 44, стр. 285 (Замечания о чистке партии).

3. Там же, т. 43, стр. 31 (Речь при открытии X съезда РКП[б]).

4. Там же, т. 44, стр. 398 («О задачах Наркомюста»).

5. Там же, т. 45, стр. 199 («О двойном подчинении и законности»).

6. Там же, т. 45, стр. 95-96 (Отчет XI съезду РКП[б]).

7. Там же, т. 44, стр. 398 и т. 45, стр. 93.

8. Там же, т. 45, стр. 345 («Письмо к съезду», так наз. «Завещание»).

9. Там же, т. 45, стр. 346 («Добавление к письму»).

10. Там же, т. 44, стр. 106 («Новые времена, старые ошибки в новом виде»).

11. Там же, т. 45, стр. 390 («Лучше меньше, да лучше»).

12. Там же, т. 45, стр. 404 («Лучше меньше, да лучше»).

13. «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского Комитета

РСДРП[б] и его Исполнительной комиссии за 1917г.» Под ред. П. Ф. Куделли. М.-Л. 1927, стр. 323. (Г. Зиновьев и Ю. Каменев: «К текущему моменту», 11/24 окт. 1917).

14. «Резолюция Петербургского комитета РСДРП[б]: По текущему моменту. Октябрь 1917». См. «КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции, июль-ноябрь 1917 г. Соборник документов». М. 1957, стр. 399.

15. «Резолюция ЦК РСДРП[б], 10/23 окт. 1917». См. «КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции, июль-ноябрь 1917г. Сборник документов». М. 1957, стр. 67.

16. B. Souvarine, «Staline», Paris 1935, p. 298. В английском издании, Нью-Йорк, 1939, имеется дополнение — Postscript — которое цитируется отдельно.

17. Протоколы X съезда РКП[б], под ред. Н. Н. Попова, М. 1933, стр. 291.

18. X конференция РКП[б]. Стенографический отчет, стр. 66-67. (Выступление Радека).

19. См. B. Souvarine, «Staline», p. 310-311.

20. Ленин, Собр. соч., т. 38, стр. 372 (Речь об обмане народа, V).

21. Там же, т. 40, стр. 117 (Речь на конференции Губчека).

22. XI съезд РКП[б]. Стенографический отчет, Москва 1961, стр. 80.

23. Alexander Barmine, «One Who Survived», New York, 1945, p. 94 (оценку этого источника см. приложение 8). (О «малоподвижных массах пролетариата», которые «тысячу раз отчаиваются в своих силах», Радек говорил и на III конгрессе Коминтерна. См. К. Радек, «Путь Коммунистического Интернационала», Петроград 1921, стр. 50).

24. IX съезд РКП[б]. Протоколы, Москва 1960, стр. 52.

25. Victor Serge, «Mémoires d'un révolutionnaire», Paris 1951, p. 210.

26. Anton Ciliga, «The Russian Enigma», London 1940, p. 86.

27. E. H. Carr, «Socialism in One Country», vol. I, London 1958, p. 151.

28. Barmine, p. 93-94.

29. Милован Джилас, «Новый класс», Изд. Презер, Нью-Йорк 1958, стр. 69.

30. «Правда», 18 декабря 1923.

31. Souvarine, стр. 233.

32. Там же.

33. Robert Daniels, «The Conscience of the Revolution», Oxford 1960, p. 28.

34. XIV съезд ВКП[б], Стенограф. отчет, Москва-Ленинград 1926, стр. 505, 506.

В Собр. соч. И. В. Сталина (Москва 1947) оставлен только предшествующий этим словам вопрос: «Чем объяснить, что, несмотря на это, еще продолжается разнузданная травля Бухарина? Чего, собственно, хотят от Бухарина?» (т. 7, стр. 384).

35. Souvarine, p. 390.

36. «Правда», 17 окт. 1926.

37. Souvarine, p. 450-51.

38. XV съезд ВКП[б], Стеногр. отчет, Москва 1962, т. 2, стр. 1394.

39. Isaac Deutscher, «The Prophet Unarmed», London 1959. (Имеется стереотипное изд. 1970) p. 351, note 2. (В своем изложении Дейчер пользуется неопубликованным архивом Троцкого).

40. Ciliga, p. 74.

41. Alexander Weissberg, «Conspiracy of Silence», London 1952, p. 501 (оценку этого источника см. приложение 8).

42. Victor Kravchenko, «I Chose Freedom», New York 1946, p. 275 (оценку этого источника см. приложение 8).

43. XXII съезд КПСС, Стеногр. отчет, Москва 1962, т. 2, стр. 588 (выступление Хрущева).

44. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 12 (Официальной советской публикации этого доклада до сих пор нет. Мы пользовались поэтому заграничной публикацией: Н. С. Хрущев, «Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС», 1959).

45. Deutscher, «The Prophet Unarmed», p. 458.

46. «Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)», (окончание) «Социалистический вестник» (Париж) № 1-2, 1937, стр. 20 (оценку этого источника см. приложение 3).

47. В крупнейших зарубежных библиотеках имеется на русском языке, к сожалению, только сокращенный судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, составленный по тексту газет «Известия» и «Правда» и изданный НКЮ в Москве в 1937г. Где возможно, мы цитируем это издание. Пропущенные в нем места цитируются в обратном переводе с изданного тем же НКЮ на английском языке полного стенографического отчета «Report of the Court Proceedings in the Case of Anti-Soviet Trotskyite Centre», English ed., Moscow 1937.

В дальнейшем и то и другое цитируется как «Дело Пятакова», с указанием на русское или английское издание. («Дело Пятакова» русское изд., стр. 184, английское изд., стр. 482).

48. Ленин, Собр. соч., т. 45, стр. 345 («Письмо к съезду»).

49. Там же, т. 49, стр. 194 (Письмо Шляпникову).

50. Там же, т. 45, стр. 345 («Письмо к съезду»).

51. Souvarine, p. 233.

52. Deutscher, «The Prophet Unarmed», p. 82.

53. Л. Б. Троцкий, «Моя жизнь», т. 2, изд. «Гранит», Берлин 1930, стр. 207.

54. И. В. Сталин, Собр. соч., т. 8, Москва 1948, стр. 131 и 142.

55. D. J. Dallin and B. J. Nicolaevsky, «Forced Labor in the Soviet Union», London 1948, p. 116.

56. XVI съезд ВКП[б], Стеногр. отчет, Москва, 1930/31, стр. 202.

57. А. Авторханов, «Технология власти», Мюнхен 1959, стр. 120.

58. XVI съезд ВКП[б], Стеногр. отчет, стр. 63.

59. «Вопросы истории» № 3, 1963. См. также «Большевик», № 22, 1929, стр. 12-13.

60. «Правда» 1 дек. 1963.

61. « Правда » 6 янв. 1963.

62. Судебный отчет по делу антисоветского « Право-троцкистского блока », рассмотренному Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 2-13 марта, 1938г., по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г. и 18-ти др. Москва 1938, стр. 624. В дальнейшем цитируется, как « Отчет Бухарина ».

63. См. например, Ciliga, p. 95.

64. « Ленинградская правда » 2 дек. 1962.

65. Ciliga, p. 96.

66. G. A. Tokaev, « Betrayal of an Ideal », London 1954, pp.167-68.

67. « Бюллетень оппозиции » № 31, ноябрь 1932.

68. « Известия » 12 марта 1933.

69. Fred E. Beal, « Word from a Native », London 1937, pp. 254-55.

70. Иван Стаднюк, « Люди не ангелы », « Нева » № 12, 1962, стр. 58. В том же романе, вышедшем отдельным изданием, (« Роман-газета », № 16 (292), 1963, Москва) эта фраза опущена. О гибели детей см. также John A. Armstrong, « The Politics of Totalitarianism », New York 1961, p. 7; Frank Lorimer. « The Population of Soviet Union: History and Prospects », League of Nations, Geneva 1946; Василий Гроссман, « Все течет », Франкфурт-на-Майне, 1970, гл. 14, особенно стр. 126-27.

71. Известия о голоде на Украине исчерпывающе обработаны Dana G. Darlymple в журнале « Soviet Studies », January 1964.

72. Lorimer, « The Population of the Soviet Union ».

73. Alexander Orlov, « The Secret History of Stalin's Crimes », London 1954, p. 42 (оценку этого источника см. приложение 8).

74. Souvarine, « Stalin », New York 1937, Postscript., p. 670. (Во французском оригинале книги отсутствует).

75. John A. Armstrong, « The Politics of Totalitarianism », New York 1961, стр. 7.

76. Merle Fainsod, « Smolensk under Soviet Rule », Cambridge, Mass, 1958, Chapter XII, pp. 242-51, 263. (Книга Файнсода написана на основе так называемого « Смоленского архива », документов, захваченных германской армией при взятии в 1941 году Смоленска. Эти документы хранятся в США, в Military Record Branch, Federal Record Center, Reg. 3) (Оценку этого источника см. приложение 8).

77. Winston S. Churchill, « The Second World War », vol. IV, London 1951, pp. 447-48 (Русский перевод: Уинстон С. Черчилль, « Вторая мировая война », изд. им. Чехова, Нью-Йорк 1954-55, охватывает только первые три тома).

78. S. Swaniewicz, « Forced Labor and Economic Development », London 1965, p. 98 (оценку этого источника см. приложение 8).

79. Naum Jasny, « The Socialized Agriculture of the USSR », Stanford 1949, p. 458.

80. Kravchenko, « I Chose Freedom », p. 130.

81. Barmine, pp. 199-200.

82. Raphael Abramovitch, « The Soviet Revolution », London 1962, pp. 346-47.

83. Boris J. Nicolaevsky, « Power and the Soviet Elite », London 1965, p. 18.

84. Там же, стр. 18-19.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОН ГОТОВИТСЯ

Первые шаги к террору нового типа, который охватил страну позднее, Сталин сделал как раз в ходе борьбы за победу в деревне.

В то время, как лидеры оппозиции застряли в зыбучих песках своих собственных предубеждений, менее значительные фигуры в партии были смелее и догадливее. В период 1930-33 годов имели место три выступления против Сталина. Первое, в 1930 году, было сделано под руководством его недавних последователей — Сырцова, которого Сталин только что провел в кандидаты Политбюро (на место Баумана) и сделал председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР, и Ломинадзе, также члена Центрального Комитета. В своей попытке ограничить власть Сталина они заручились некоторой поддержкой со стороны местных партийных секретарей (в их числе был комсомольский вождь Шацкин и первый секретарь закавказской партийной организации Картвелишвили)[1]. Сырцов и Ломинадзе возражали против единоначалия в партии и государстве и против опасной экономической политики. Они выпустили обращение, критиковавшее режим за экономический авантюризм, за удушение рабочей инициативы, за хамское обращение партии с людьми; говорили о «барско-феодальном отношении к нуждам и интересам рабочих и крестьян», называли успехи советского строительства «очковтирательством», а такие новые промышленные гиганты как Сталинградский тракторный завод «потемкинской деревней»[2].

Сталин узнал о планах этой группы до того, как Сырцов и Ломинадзе закончили подготовку к выступлению. Оба были исключены из партии в декабре 1930 года. Ломинадзе покончил самоубийством в 1935 году; все остальные исчезли во время большого террора [3].

Теперь мы подходим к исключительно важному моменту в развитии террора — к так называемому делу Рютина. В последующие годы Рютина неоднократно именовали главным заговорщиком; и все главные оппозиционеры, один за другим, обвинялись в том, что они участвовали в «заговоре» Рютина.

В действительности произошло следующее.

Рютин и Слепков возглавили группу правых, занимавших не очень высокое положение в партийной иерархии. Группа не приняла политику бездействия, рекомендованную Бухариным, и к концу 1932 года составила знаменитую «Рютинскую платформу». Этот документ в 200 страниц участники широко распространили в руководящих кругах партии.

Все существенные пункты содержания «платформы» теперь известны из различных источников [4]. Главная мысль документа была выражена так: «Правые оказались правы в области экономики, а Троцкий оказался прав в своей критике режима в партии» [5]. Авторы «платформы Рютина» обвиняли Бухарина, Рыкова и Томского в капитуляции. «Платформа» предлагала экономическое отступление, она требовала уменьшить капиталовложения в промышленность и освободить крестьян, разрешив им свободно выходить из колхозов. В качестве первого шага к восстановлению партийной демократии «платформа» требовала немедленного восстановления в партии всех исключенных, в том числе Троцкого.

Однако «платформа» примечательна не столько своим открытым провозглашением программы правых, сколько суровыми обвинениями по адресу лично Сталина. Из 200 страниц «платформы» 50 посвящены этой теме, и в них

содержится решительное требование отстранить Сталина от руководства. В « платформе » Сталин изображался « своего рода злым гением русской революции, который, движимый интересами личного властолюбия и мстительности, привел революцию на край пропасти »[6]. Рютин видел, и гораздо яснее, чем старшие участники оппозиции, что никакой возможности контролировать Сталина не было. Вопрос стоял так: либо повиноваться, либо бунтовать.

Сталин изобразил дело так, будто « платформа » была призывом к его убийству. На процессе Бухарина-Рыкова в 1938 году говорилось о том, что « в рютинской платформе был зафиксирован переход к тактике насильственного ниспровержения Советской власти... В суть рютинской платформы вошли «дворцовый переворот», террор...»[7]. Все это было, конечно, неправдой. Но характеристика « платформы », которую власти вложили в уста обвиняемых на процессе, показывает сталинский подход к делу Рютина: Сталин видел в « платформе » повод для того, чтобы начать обвинять оппозицию в тяжелых уголовных преступлениях.

Похоже, что Сталин надеялся на расстрел Рютина органами ОГПУ без вовлечения в дело политических властей. Однако ОГПУ передало вопрос сперва на рассмотрение Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК). Это был орган, формально стоявший вне партийной иерархии, в котором могли независимо решаться дисциплинарные вопросы. Председателем ЦКК являлся обычно один из высших руководителей Политбюро, который на время выходил из его состава. После смерти Ленина пост председателя ЦКК занимал ряд сталинцев — Куйбышев, Орджоникидзе, Андреев, а в момент, о котором идет речь, — Рудзутак. Почувствовав, что дело Рютина было политическим делом, далеко выходящим за пределы простого дисциплинарного вопроса, Рудзутак, в свою очередь, передал дело на рассмотрение Политбюро. В этюде Николаевского « Как подготовлялся Московский процесс. Из письма старого большевика » есть рассказ о том, как вопрос Рютина обсуждался

на заседании Политбюро, причем «наиболее определенно против казни говорил Киров, которому и удалось увлечь за собою большинство членов Политбюро»[8]. Из другого источника о том же заседании известно, что, помимо Кирова, против Сталина выступили также Орджоникидзе, Куйбышев, Косиор, Калинин и Рудзутак, а Сталина поддержал один Каганович. Даже Молотов и Андреев колебались[9].

Осенью 1964 года в «Правде» была напечатана статья, из которой видно, что расхождения во мнениях в Политбюро не только существовали, но были именно такими, как описывают вышеприведенные источники. В статье рассказывается о том, как Сталин попытался репрессировать армянского коммуниста Назаретяна, но не смог этого сделать, так как в защиту Назаретяна выступил Орджоникидзе, и Сталин знал, «что против "дела „Назаретяна в Политбюро выступят также Киров и Куйбышев»[10]. Это — весьма определенное признание того, что в Политбюро существовало что-то вроде блока умеренных, и, очевидно, что этот блок мог получить большинство в Политбюро. Таким образом, Сталин впервые столкнулся с сильной оппозицией со стороны своих собственных союзников.

Казнь Рютина должна была стать первой казнью старого большевика. (Правда, в 1929 году был казнен бывший эсер, Блюмкин, который стрелял в германского посла в 1918 году. Однако, Блюмкина расстреляли за то, что он якобы был тайным эмиссаром Троцкого, и казнь, таким образом, имела как бы другой оттенок). Особенно неприемлемым было то, что такие меры предлагалось применять в прямом политическом диспуте (хотя, как говорят, ОГПУ уже состряпало историю о некоем заговоре в Военной Академии, имевшем связь с «платформой»[11]). Старая традиция преданности партии, при всех своих недостатках, включала не только подчинение внутрипартийной оппозиции воле большинства; эта традиция, по крайней мере, защищала шкуру подавленного партийного меньшинства. Ленин был способен дружески работать с Зиновьевым и Каменевым, хотя в опреде-

ленный момент объявлял их предателями — когда они критиковали план вооруженного восстания в октябре 1917 года. Бухарин мог позднее признать свои разговоры в 1918 году об аресте Ленина и изменении правительства без того, чтобы потерять положение в партии. Теперь оказалось, что даже новое сталинское Политбюро не принимало автоматически его решений, если они противоречили этим глубоким партийным традициям.

Нет сомнения, что понесенное поражение терзало самолюбие Сталина. На каждом из больших процессов 1936, 1937 и 1938 годов обвиняемые признавались в соучастии в заговоре Рютина, который означал, как они говорили, первое объединение всех оппозиционеров на основе террора. Ровно через четыре года после разоблачения Рютина Сталин многозначительно заметил, что ОГПУ отстало на четыре года в разоблачении троцкистов. Четыре года, с сентября 1932 до сентября 1936, Сталин добивался возможности физически уничтожить своих партийных врагов, для чего нужно было сломить сопротивление многих.

Первый урок, который Сталин извлек из происшедшего, состоял в том, что он не мог так легко добиться согласия своих соратников на казнь членов партии по чисто политическим причинам. Попытка истолковать платформу Рютина как программу убийств была чересчур нереальной. Настоящее политическое убийство могло бы, конечно, стать лучшей темой для обсуждения.

В то же время Сталин видел среди своих приближенных таких людей, чье сопротивление было нелегко сломить, и для отстранения которых было трудно подобрать какой-либо политический повод. В последующие два года идея устроить настоящее политическое убийство и заботы по поводу строптивых соратников сошлись у Сталина в единое логическое решение — убийство Кирова.

Вернемся, однако, к 1932 году. С 28 сентября по 2 октября проходил пленум ЦК по делу Рютина. Вся группа была исключена из партии «как дегенераты, ставшие врагами ком-

мунизма и советской системы, как предатели партии и рабочего класса, которые под флагом духовного марксизма-ленинизма попытались создать буржуазно-кулацкую организацию для восстановления капитализма и особенно кулачества в СССР » [12].

Многие из старых оппозиционеров, хотя и не поддержали Рютина, видели текст « платформы » задолго до пленума и не донесли о « платформе » властям. Теперь за эту « недисциплинированность » их ждали новые репрессии. Зиновьев и Каменев были снова исключены из партии за « недоносительство » и высланы на Урал. Иван Смирнов, который после своего восстановления в партии стал директором Горьковского автозавода, был вновь арестован 1 января 1933 года и приговорен к десятилетнему заключению в Суздальском « изоляторе ». Смилга получил пять лет и вместе с Мрачковским был выслан в город Верхнеуральск.

12 января 1933 года пленум ЦК вынес резолюцию о всеобщей чистке партии. В том же году было « вычищено » восемьсот тысяч бывших членов партии, а в следующем 1934 году — еще триста сорок тысяч.

Сам метод партийной чистки вдохновлял и порождал доносчиков, подхалимов и бессовестных карьеристов. Местные комиссии по чистке в присутствии всех членов данной партийной организации проверяли каждого из них в отношении мельчайших деталей политического и персонального прошлого. Вмешательство аудитории всячески поощрялось. В теории это все было признаками партийной демократии и товарищеской искренности. На практике же это вызывало — и во все больших масштабах по мере того, как ухудшались условия — во-первых, раздувание действительных, хотя и мелких деталей из прошлого (вроде дальнего родства и знакомства с бывшими офицерами Белой армии), а затем просто выдумки или искажения действительности.

На уже упомянутом январском пленуме 1933 года был также « разоблачен » еще один заговор из нового цикла. Почетного старого большевика А. П. Смирнова, члена партии

с 1896 года и бывшего члена Оргбюро, вместе с двумя другими старыми большевиками, Эйсмонтом и Толмачевым (членами партии с 1907 и 1904 годов), обвинили в формировании антипартийной группы.

Есть сведения, что группа Смирнова имела широкие контакты со старыми большевиками-рабочими, главным образом, в профсоюзах — в Москве, Ленинграде и других городах. Участники группы поняли, что легальными методами сталинские клещи не разжать, и они в значительной степени ушли в подполье для того, чтобы организовать борьбу. Насколько известно, их программа содержала пересмотр несбалансированных промышленных программ, роспуск большинства колхозов, подчинение органов ОГПУ партийному контролю и независимость профсоюзов. Но прежде всего, они обсуждали отстранение Сталина. Как мы знаем из выступления В. С. Зайцева на всесоюзном совещании о мерах подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 18-21 декабря 1962 года, « Вопрос разбирался и в ЦКК, где Эйсмонт прямо заявил: « Да, действительно, такие разговоры у нас были, они исходили от А. П. Смирнова » [13]. Ни один из трех обвиняемых не был связан ни с троцкистами, ни с правой оппозицией. Но на том же совещании историков тот же Зайцев отметил, что с разоблачением группы Смирнова « по существу уже на январском (1933) Пленуме было положено начало расправы со старыми ленинскими кадрами », и что Сталин именно « при обсуждении этого вопроса заявил: « Ведь это враги только могут говорить, что убери Сталина и ничего не будет » [14].

И опять была сделана попытка расстрелять оппозиционеров — и опять эта попытка была блокирована. Оказалось, что Киров, Орджоникидзе и Куйбышев снова играли главную роль в сопротивлении смертной казни. Калинин и Косиор их поддержали; Андреев, Ворошилов и до некоторой степени Молотов заняли промежуточную позицию, и только Каганович вновь голосовал со Сталиным до конца [15].

Лидеры правых отказались иметь какое-либо дело с группой Смирнова. Даже в опубликованной резолюции по поводу этой группы сказано только, что Рыков, Томский и В. В. Шмидт « стояли в стороне от борьбы с антипартийными элементами и даже поддерживали связь со Смирновым и Эйсмонтом, чем, по сути дела, поощряли их в их антипартийной работе » [16].

Бухарин, которого резолюция не обвиняла даже и в такой слабой степени, выступил на пленуме с речью, которая по своему совершенно неискреннему тону была типичной для тогдашних заявлений бывших оппозиционеров. Бухарин потребовал « суровой расправы с группировкой А. П. Смирнова », говорил о своей « право-оппортунистической, совершенно неправильной общеполитической установке », о своей « вине перед партией, ее руководством, перед Центральным Комитетом партии, перед рабочим классом и страной », говорил о Томском, Рыкове, как о своих « бывших соратниках по руководству правой оппозицией » [17].

Эйсмонт и Толмачев были исключены из партии, а Смирнов — из Центрального Комитета (впрочем, Смирнова исключили и из партии в декабре 1934 года, после убийства Кирова, за « двурушничество и продолжение борьбы против партии » [18]). В течение последующей зимы Эйсмонт, Толмачев, Рютин, Угланов и другие были приговорены к разным срокам тюремного заключения [19].

Взгляды А. П. Смирнова и его сторонников весьма примечательны. Мы видим, что высокопоставленные партийные ветераны, никогда не входившие в какую-либо оппозицию, выступили теперь не просто за изменение политического курса, но особенно за устранение Сталина. Это увеличивает вероятность туманных сообщений о том, что подобные дискуссии имели место и годом позже, во время XVII съезда партии [20].

Группы Рютина и А. П. Смирнова вряд ли имели какие-либо шансы на успех. Их значение скорее в том, что было

открытое сопротивление Сталину со стороны его ближайших соратников в Политбюро по поводу казни конспираторов.

Отвращение Кирова, Орджоникидзе и других к предложенным казням было, безусловно, искренним. Идея партийной солидарности никогда больше не проявлялась с такой исключительной силой.

Но здесь же выявляется удивительное «двоеверие» так называемых «умеренных» партийных деятелей. Эти люди беззаботно и даже весело убивали белых, они без особых сожалений обрекали на голод и истребляли крестьянство — но они же отчаянно сопротивлялись казням высших партийных сановников, ибо это значило «проливать кровь большевиков». Двойная мораль этих людей сравнима разве что с отношением чувствительного и образованного представителя древнего мира к рабам или французского аристократа XVIII века к низшим классам. Даже лучшие из старых большевиков вряд ли больше заботились о судьбе беспартийных, чем было принято заботиться о судьбе рабов во времена Платона. Беспартийные, как в свое время рабы, были просто не люди.

Можно, конечно, симпатизировать тем верным партийцам, которые оказались жертвами чисток, в то же время воздерживаясь от симпатии к таким неприятным людям, как, например, обвиняемые по шахтинскому делу (см. Приложение Е). Однако такое выборочное сочувствие нелегко понять — разве только с очень узкой и суровой партийной точки зрения. Верно скорее обратное: те репрессированные члены партии, которые в прошлом сами творили жестокости или потворствовали жестокостям по отношению к беспартийным, заслуживают отнюдь не большего, а лишь самого минимального сочувствия (с точки зрения обычной человечности) за их дальнейшие страдания.

Ведь аппарат подавления, который сделал их своими жертвами, существовал уже и до этого. Будущие жертвы не возражали, пока этот аппарат расправлялся с другими — они верили, что расправа идет с врагами партии. Если

бы Бухарин возражал на Политбюро против шахтинского процесса, если бы Троцкий в ссылке осудил так называемый процесс меньшевиков — если бы они даже возражали не против несправедливости как таковой, а просто против пятен на репутации партии и государства, — то оппозиционеры стояли бы на более твердой почве.

Иные из этих людей были способны подчас на хорошие поступки. Но романтизировать их за это опасно. Стоит вспомнить, что они сами, когда были у власти, не видели ничего особенного в убийстве политических противников, да еще в широких масштабах, только для того, чтобы укрепить власть своей партии и подавить сопротивление народа. Об этом открыто говорил на суде Бухарин [21]. Более того, оппозиционеры не особенно протестовали против судебных процессов, где беспартийным выносились приговоры на основании явно фальсифицированных свидетельств. Лишь малая часть оппозиционеров выступала за что-либо, отдаленно напоминающее демократию, — даже внутри партии (примечательно, что такие люди, как, например, Сапронов, никогда не выводились на открытый суд).

Тем не менее, не следует впадать в другую крайность и отрицать какие бы то ни было достоинства в людях, чьи действия бывали сомнительными. Это означало бы руководствоваться столь же узкими критериями, какие установили для себя сталинисты. Скажем, гитлеровский министр пропаганды Геббельс был одной из самых неприятных личностей в Европе; и все же не будет ошибкой, если мы отдадим ему определенную дань уважения за его смелость и ясность ума в последние дни Третьего Рейха — особенно по сравнению с трусливыми и глупыми интригами большинства его коллег.

Мужество и ясность ума, разумеется, достойны уважения. Но если эти качества не стоят в списке моральных достоинств достаточно высоко, то у многих из советских оппозиционеров мы можем наблюдать кое-что и получше. Ведь те из них, кто не подписали признаний под следствием

и были расстреляны без суда, продемонстрировали не просто высшую храбрость, но и лучшее ощущение моральных ценностей. Требования партийной и революционной верности играли для них определенную роль; но верность правде и идее более человечного режима была превыше всего. И даже у тех, кто « признался », часто наблюдалась внутренняя борьба между партийными обычаями и изначальной тягой к справедливости — той тягой к справедливости, которая во многих случаях была причиной их вступления в партию.

Хотя оппозиционеры и не были людьми кристальными, о них все же можно сказать следующее. Как бы плохо ни вели они себя в жестокое время гражданской войны, это все же было не то, что хладнокровно планировать всеобщий террор, который надвигался. Попытка спасти Рютина, предпринятая людьми, которые только что несли голод и смерть Украине, выглядит одинаково абсурдной и с точки зрения сталинской, и с точки зрения гуманистической логики; однако, эта попытка не просто отражала желание сохранить сословные привилегии, но была также проявлением остаточных человеческих чувств.

Наконец, существует моральное различие между любой степенью сдержанности и полным ее отсутствием. Разумеется, участие в терроре против кого угодно приводит к полному разложению личности, как это случилось с Ежовым и другими; однако, верно и обратное — что сохранение более или менее гуманного подхода, даже в самых ограниченных масштабах, может помочь восстановлению человечности, когда исчезнут побудительные мотивы данного конкретного террора.

В течение последующих нескольких лет Сталин вырвал с корнем все остатки гуманизма. Никакая часть общества не была больше ограждена от произвола. Само по себе это обстоятельство иногда даже служило своеобразным утешением беспартийным. В литературе о тюрьмах и концентрационных лагерях мы часто находим сообщения о том, как злорадствовали обыкновенные заключенные, когда в

одну камеру или один барак с ними попадали известные следователи НКВД или партийные аппаратчики.

Действительно, главная беда террора была не в том, что он бил и по членам партии и по остальному населению, а в том, что страдания населения при терроре неизмеримо выросли. В деле Рютина главный пункт был не в том, чтобы сохранить неприкосновенность привилегированных членов партии, а в том, что это был пробный камень для Сталина: победить своих собственных соратников и подчинить Россию полностью своей единоличной воле или нет. При олигархии есть, по крайней мере, возможность, что те или иные члены правящей элиты будут придерживаться умеренных взглядов или хотя бы охлаждать пыл наиболее воинственных из своих жестоких коллег. А при единоличной диктатуре все зависит исключительно от воли одного человека. Бывали, конечно, сравнительно мягкие диктаторы. Но Сталин был не из их числа.

В начале 30-х годов Сталин держал в своих руках все нити государственной власти, но бремя власти сказалось и на его личной жизни. 5 ноября 1932 года его жена Надежда Аллилуева покончила с собой. Однако ни личная потеря, ни общественный кризис не сломили волю Сталина. Становилось все более ясным, что эта воля была решающим фактором в только что закончившейся ужасающей борьбе. Сталин холодно отверг все колебания. В своих « Портретах и памфлетах » Карл Радек писал о Сталине: « В 1932 году он дал железный отпор попыткам сдать правильно занятый фронт » [22]. Партийный работник того периода писал: « В описываемое мною время (1932 год) преданность Сталину основывалась главным образом на убеждении в том, что не было никого, достойного занять его место. Что любая смена руководства была бы исключительно опасна, что страна должна была двигаться взятым курсом, ибо попытка остановиться или отступить могла означать потерю всего » [23]. Даже один из троцкистов комментировал таким образом:

« Если бы не этот..., все распалось бы к сегодняшнему дню на куски. Это он связывает все воедино... » [24].

К началу 1933 года многие партийные круги, до того отнюдь не убежденные в возможности успеха, начали менять позиции и признавать, что Сталин фактически победил. В 1936 году Каменев был вынужден заметить на процессе: « Наша ставка на непреодолимость трудностей, сквозь которые шла страна, на кризисное состояние экономики, на крах экономической политики партийного руководства явно провалилась ко второй половине 1932 года » [25]. Сталинская « победа » вовсе не означала, что были созданы продуктивная промышленность или сельское хозяйство. Но партия, поставившая самое свое существование в зависимость от победы над крестьянством, сумела его сокрушить, и колхозная система была теперь прочно установлена.

К началу лета во всех областях жизни стало чувствоваться некое облегчение. В мае 1933 года было разослано закрытое письмо за подписями Сталина и Молотова, снижающее количество высылаемых крестьян до 12 тысяч дворов в год [26]. В том же месяце из Сибири были возвращены Зиновьев и Каменев для очередного признания ошибок. « Правда » опубликовала статью Каменева, осуждающую его собственные ошибки и призывающую всех деятелей оппозиции прекратить какое бы то ни было сопротивление [27].

Очень сильно подействовала также победа фашизма в Германии. В свое время, в конце 20-х годов, Сталин сумел сыграть на весьма неопределенном чувстве опасности войны. Тогда он поймал Троцкого на том, что тот объявил, что даже в случае войны он будет противником руководства — это было превосходным поводом для обвинений в « предательстве ». Однако тогдашний маневр не потряс ни одного из серьезных деятелей. Теперь же Раковский и Сосновский, двое последних ссыльных деятелей оппозиции, окончательно примирились с режимом, мотивируя это примирение угрозой войны. До того Раковский пытался бежать из

ссылки и был ранен; он говорил, что даже Ленина иногда тошнило при мысли о всесилии партии, а со времени смерти Ленина сила партии возросла в десять раз. По самому важному пункту дискуссии, в своем заявлении от 30 апреля 1930 года, Раковский говорил, что коммунисты всегда опирались на революционную инициативу масс, а не на аппарат, добавляя, что « просвещенная бюрократия » заслуживает не больше доверия, чем просвещенный деспотизм XVII века. Однако теперь и он изменил свое мнение. Раковский вернулся из ссылки и его лично приветствовал Каганович [28]. Атмосфера всеобщего примирения чувствовалась очень ясно.

Что касается Радека, то он уже задолго до того стал бесстыдным льстецом и угодником Сталина, заслужив отвращение менее продажных оппозиционеров. Он доставил Сталину большое удовольствие своей статьей, написанной в форме лекции, якобы для прочтения в 1967 году в 50-ю годовщину Октябрьской революции, перед студентами школы Межпланетных сообщений. По Радеку, к этому времени (которое уже сегодня позади) мировая революция, естественно, победила, и все взоры обращены к Сталину, как к выдающемуся революционному вождю. В 1934 году Радек по приказу свыше провел разделение между старыми участниками оппозиции, которые просто « не понимали », и Троцким, который « не представлял населения » в стране — явный примирительный подарок всем Зиновьевым и Бухариным [29].

(Между тем сам Троцкий в то время писал, что лозунг « долой Сталина » был неправильным и что « в текущий момент свержение бюрократии будет определенно на руку реакционным силам ») [30].

Если особые таланты Сталина были жизненно важны в период кризиса, то теперь он уже не был так необходим для продолжения существования партии. Но Сталина невозможно было отстранить от власти даже в то время, когда партия и режим находились в отчаянной борьбе за

существование — а теперь это стало трудным по совершенно другой причине: Сталин был победителем, он выиграл против всех и вся. Его престиж был теперь выше, чем когда-либо.

Надежды ныне связывали не с тем, что Сталин будет отстранен от руководства, а с возможностью более умеренной линии Сталина. Многие полагали, что он поведет дело к примирению, поймет желание партии вкушать плоды победы в относительном спокойствии. Можно было ожидать, что он удержит общее руководство, но передаст многие бразды правления другим. « Пусть в бурю и ненастье один стоит у власти » — но когда опасность позади, есть склонность возвращаться к конституционным нормам.

Четверть века спустя Хрущев сообщил миру, что Сталин не бывал в деревне с 1928 года [31]. Для него вся коллективизация была чем-то вроде кабинетной операции. Но те, кто проводил коллективизацию в жизнь, пережили гораздо более тяжелые времена. При всей беспощадности, с которой, скажем, Косиор и другие проводили сталинскую политику, они оставались людьми, и не было сомнений, что их нервы были напряжены до крайности. И руководители, и все партийные организации ощущали тяжелую усталость, подлинное истощение в результате борьбы. Однако теперь самое сильное напряжение было позади. Партийная машина была прочно в руках людей, продемонстрировавших свою преданность сталинской политике. Если бы Сталин хотел только этого — политической победы и воплощения своих планов — то цель можно было считать достигнутой. Теперь была необходима консолидация — и, возможно, смягчение. Нужно было восстановить связь партии с народом и пойти на мировую с озлобленными элементами внутри самой партии.

Такого рода идеи, по-видимому, владели умами представителей нового сталинского руководства. Но на уме самого Сталина не было ничего похожего. Его целью оставалась, как теперь ясно видно, непререкаемая власть. Пока что он только ожесточил партию, но еще не поработил ее. Люди, которых он выдвинул к руководству, были уже достаточно

грубы и беспощадны, но еще не все они были порочны и раболепны. И даже эта с трудом достигнутая жестокость могла выветриться, если принять политику примирения, если допустить, чтобы люди думали о терроре не как о постоянной необходимости, а только как о временном выходе из положения.

Однако в тот момент все праздновали новое «объединение» партии. В январе 1934 года собрался XVII съезд партии, «съезд победителей». 1956 делегатов (из коих 1108 были расстреляны в последующие несколько лет) [32], слушали восторженные речи ораторов.

Тон задал сам Сталин:

«Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй, — и бить некого» [33].

На съезде разрешили выступить бывшим участникам оппозиции — Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, Рыкову, Томскому, Преображенскому, Пятакову, Радеку и Ломинадзе. Историки обычно отмечают то обстоятельство, что съезд выслушал этих людей с уважением. Верно, во всяком случае, то, что в целом враждебность к ним со стороны делегатов была гораздо меньше, чем на предыдущем съезде. Речь Пятакова была встречена «продолжительными аплодисментами». Речи Зиновьева и Бухарина никто не прерывал, и они заслужили «аплодисменты». Радека и Каменева прерывали выкриками, однако в конце им обоим аплодировали. Рыкова и Томского прерывали, а в конце их выступлений аплодисментов не было. Но даже этих двоих выслушали относительно спокойно и вежливо. Все речи бывших участников оппозиции были выдержаны в ортодоксальном сталинском духе, они были полны комплиментов Генеральному секретарю и оскорблений по адресу его противников.

Каменев сказал, что первой волной антипартийной оппозиции был троцкизм, второй волной — движение правых. « И, наконец, — продолжал он, — третья уже не волна, а волнишка — идеология совершенно оголтелого кулачья, вернее, остатков кулачества... идеология рютинцев... с этой идеологией бороться теоретическим путем, путем идейного разоблачения, было бы странно. Тут требовались другие, более материальные орудия воздействия, и они были применены и к самим членам этой группы, и к ее пособникам, и к ее укрывателям, и совершенно правильно и справедливо применены были и ко мне»[34].

Мы уже говорили о том, насколько ошибочными были эти жалкие покаяния оппозиционеров, повторенные ими вновь на XVII съезде. Их главная трагедия была в том, что они не понимали Сталина. Если бы он был менее целеустремленным и более принципиальным, они могли бы рассчитывать на успех. Конечно, Зиновьев имел весьма малые шансы вернуться к власти. Но позиция правых, по крайней мере тактически, была не очень плохой. В самый кризисный момент в 1930 году, они не стали топить партийный корабль; и в результате кризис удалось преодолеть методами, которые можно в какой-то степени рассматривать как уступку правым. Их покаянные речи были приняты съездом гораздо лучше, чем в предшествующих случаях. А кроме того, повсеместно появились надежды, что худшее — позади, что ужасающее напряжение и невероятные страдания первой пятилетки и коллективизации отошли в прошлое. Второй пятилетний план в экономическом отношении выглядел несколько более умеренным.

Все эти обстоятельства были благоприятны для правых. Но эти же обстоятельства были весьма неблагоприятны для Сталина. Ведь налицо была тенденция к внутрипартийному примирению, к попыткам наведения новых мостов между партией и народом. Похоже, что именно таких взглядов откровенно и искренне придерживались Киров и некоторые другие[35].

Есть основания полагать, что в перерыве между заседаниями XVII съезда кое-кто из делегатов обсуждал в этом контексте вопрос о сталинском руководстве как таковом. Сравнительно недавно, в 1964 году, « Правда » писала, что уже в то время « все дальше отходя от ленинских норм партийной жизни, Сталин все более отрывался от масс, попирал принципы коллективного руководства, злоупотребляя своим положением », что « ненормальная обстановка, складывавшаяся в партии в связи с культом личности, вызывала тревогу у многих коммунистов. У некоторых делегатов съезда ... назревала мысль о том, что пришло время переместить Сталина с поста генерального секретаря на другую работу. Это не могло не дойти до Сталина » [36]. А дальше автор статьи в « Правде » Л. Шаумян переходит без всякой логической связи, но с очевидным намеком, к описанию выступления « прекрасного ленинца С. М. Кирова », которого он называет « любимцем всей партии ». Существование плана — или, во всяком случае, разговоров — относительно смещения Сталина подтверждается и в недавно вышедшей биографии Кирова [37].

Таким образом, « старые ленинские кадры », в том числе « замечательный ленинец » Киров, планировали ограничить власть Сталина; они намеревались ослабить диктатуру и содействовать примирению с оппозицией; Сталин же, узнав об этих планах, видел в них « решительное препятствие » своим намерениям расширить собственную власть. Политически в 1934 году дело выглядело так, что, хотя Сталин и не был побежден, но его стремление к неограниченной власти было до некоторой степени заблокировано. Это было верно, во всяком случае, в том, что касалось собственно политики.

Для победы над старыми оппозиционерами потребовались целые годы маневрирования. Новая группа, стоявшая теперь на пути Сталина, была не так уязвима, не так наивна. Допустить теперь стабилизацию, в то время как оппозиционеры были еще живы, и люди типа Кирова становились

все популярнее в партии — такая политика выглядела опасной для Сталина. Рано или поздно, ему пришлось бы столкнуться с появлением нового, более умеренного руководства.

Что же оставалось делать Сталину? С этими тенденциями можно было справиться только силой. Сталин давно приставил к террористической машине своих надежных механиков. Но было необходимо, чтобы высшие партийные органы разрешили ему пользоваться этой машиной террора, а они отказали. Создать ситуацию, в которой эти высшие органы можно будет запугать и склонить к террору — вот какая задача стояла перед Сталиным.

Пока, однако, ни одна из сторон не предпринимала решительных действий. Был избран Центральный Комитет, состоявший почти исключительно из ветеранов сталинской внутрипартийной борьбы, но включавший Пятакова, а в числе кандидатов — также Сокольникова, Бухарина, Рыкова и Томского. « Из 139 членов и кандидатов ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, то есть 70% или больше были арестованы и расстреляны (большинство в 1937-1938гг.) [38].

Состав избранных новым ЦК руководящих органов отразил то же странное равновесие. Новое Политбюро устраивало Сталина не больше, чем тот состав, который не позволил ему в 1932 году расправиться с Рютиным. Теперь, в частности, Киров был избран не только в Политбюро, но также в Секретариат, где он присоединился к Сталину, Кагановичу и еще одному зловещему сталинскому протеже Жданову.

Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК), принявшая решение не в пользу Сталина в 1932 году, была ограничена в правах и потеряла последние остатки независимости; Каганович был поставлен во главе ЦКК. Однако прежний председатель ЦКК Рудзутак вернулся в Политбюро, хотя и не на самый высший уровень. Он был членом Политбюро перед тем, как занял пост председателя ЦКК. Теперь же

он стал всего лишь кандидатом. Еще одним изменением состава Политбюро было избрание в его кандидаты Павла Постышева — « высокого и худого, как щепка, с потрясающим басом ». Постышев, которого один источник описывает как « неглупого, но равнодушного к чувствам окружающих »[39], был последним и наиболее твердым сталинским эмиссаром в украинской кампании.

В годы, последовавшие за XVII съездом, важная роль предстояла не только вновь избранным органам партийного руководства. Все десять лет, от смерти Ленина до XVII съезда, пока в партии шла открытая политическая борьба, зловеще развивалась и, так сказать, техническая сторона деспотизма. Основанная в 1917 году тайная полиция стала крупным и высокоорганизованным формированием; она приобрела солидный опыт в беззаконных арестах, репрессиях и насилии. Никто из оппозиционеров не возражал против существования тайной полиции; а Бухарин, например, — так тот даже расточал неумеренные восторги по поводу ее роли (см. приложение Д).

В 1934 году ОГПУ было распущено и заменено новым всесоюзным Наркоматом внутренних дел — НКВД. Во главе этого наркомата был поставлен узколицый ветеран террора Генрих Ягода. Первым заместителем Ягоды стал старый соратник и друг Сталина Я. Д. Агранов, в свое время руководивший жестокими допросами участников кронштадтского восстания[40].

В последующие годы деятельность этой новой организации развернулась весьма эффективно. Ее все более привилегированные и все более могущественные офицеры постепенно добивались того, что эмблема НКВД — щит и меч — стала повсеместно заменять даже серп и молот. Никто, в том числе члены Политбюро, не мог избегнуть внимания этой организации. А сама организация должна была оставаться под контролем высшего партийного авторитета — Сталина.

В дополнение к чисто полицейской организации в тот

период возникли и другие такого же рода. После того, как в январе 1933 года было объявлено о предстоящей чистке партии, была сформирована центральная комиссия по чистке (29 апреля), куда входили Ежов и М. Ф. Шкирятов.

В тот же период появился орган, во многих отношениях наиболее важный из всех — так называемый «особый сектор» Центрального Комитета партии [41], возглавлявшийся Поскребышевым. Фактически это был личный секретариат Сталина — орган, непосредственно выполнявший его волю. Этот секретариат иногда сравнивали с «личной Его Императорского Величества канцелярией», действовавшей при Николае I. Все наиболее щекотливые вопросы — например, убийство Троцкого — эффективно решались при помощи этого секретариата [42].

По-видимому, был организован также и особый комитет государственной безопасности, действовавший в тесной связи с личным секретариатом Сталина. Главными фигурами в этом комитете, вероятно, были Поскребышев, Шкирятов, Агранов (из ОГПУ) и Ежов — в то время заведующий отделом партийного учета ЦК партии [43]. О ключевой роли Шкирятова говорит официальное описание его деятельности как «представителя Центральной Контрольной Комиссии в Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП[б]» [44].

20 июня 1933 года был установлен пост Генерального прокурора СССР. Главную роль в прокуратуре СССР уже тогда играл Андрей Вышинский, хотя он был лишь первым заместителем Генерального прокурора СССР. Были установлены соответствующие связи между прокуратурой и ОГПУ, «законность и правильность» чьей деятельности прокурор обязан был контролировать.

К тому времени был уже известен и еще один элемент сталинского государства — показательный суд. По иронии судьбы, первый такой суд, организованный Лениным с явной целью сокрушить партию социалистов-революционеров, состоялся в 1922 году под председательством Пятакова. Хотя на том суде важная роль принадлежала агентам-

провокаторам и их фальсифицированным показаниям, все же настоящие социалисты — революционеры имели определенную свободу защиты. К тому же, под давлением западных социалистических партий, к великому неудовольствию Ленина, пришлось отказаться от смертных казней.

Но вот в 1928 году состоялся первый показательный суд нового типа — так называемый шахтинский процесс, на котором председательствовал Вышинский. Этот процесс явился своеобразным испытательным полигоном для новой техники — для обвинений, основанных на так называемых «признаниях» подсудимых — т. е. ложных самооговорах, добытых террористическими методами. В последующие годы состоялись три сходных суда-спектакля — над так называемой «промпартией» в 1930 году, над меньшевиками в 1931 году и над инженерами фирмы Метрополитен-Виккерс в 1933 году. Ни один представитель оппозиции, даже находившийся за рубежом Троцкий, не протестовал публично против всех этих ужасающих фарсов (см. приложение Е).

Так создавалась определенная механика деспотизма — вне официальных политических органов и независимо от них. Потенциальный аппарат грядущего террора существовал уже повсеместно, и состоял этот аппарат не из союзников Сталина, которые могли бы упираться, но из соучастников, на которых можно было положиться и против врагов и против друзей, как внутри, так и вне партии.

Тем временем официальное руководство продолжало оставаться у власти. Сталинский писатель Александр Фадеев говорил, что члены сталинского ЦК «связаны мужественной, принципиальной, железной и веселой богатырской дружбой»[45]. Половину из этих «богатырей» ожидали смерть или позор в ближайшие четыре года. Первой жертвой должен был стать Киров.

Очень немногое в послужном списке Кирова наводит на мысль, что он мог стать крупным вождем. Даже если бы Сталин внезапно умер, в Политбюро нашлись бы люди по крайней мере столь же влиятельные, к тому же более

опытные, и они вряд ли охотно подчинились бы Кирову. По мнению Пятакова, в случае ухода Сталина власть могла бы перейти к Кагановичу. Даже предположив поражение всего сталинского крыла, невозможно прийти к определенному выводу, что Киров сумел бы справиться с более старыми партийцами из «умеренных». И, тем не менее, с точки зрения Сталина именно Киров, по-видимому, представлял наиболее трудную и неотложную проблему, был своеобразным бельмом на глазу.

Киров был самым лучшим партийным оратором со времен Троцкого. После полной победы сталинистов он стал проявлять заботу о положении ленинградских рабочих, и это начинало создавать ему определенную личную популярность. А в самой партии популярность Кирова была подлинной и несомненной. Но наиболее существенным был тот факт, что Киров управлял определенным источником власти — ленинградской парторганизацией. Когда ленинградская делегация демонстративно продолжала аплодировать Кирову на XVII съезде партии, это могло напомнить Сталину о такой же поддержке, оказанной предыдущим поколением ленинградских партийцев Зиновьеву.

На протяжении всей своей карьеры Сталин рассматривал это сильное «удельное княжество» — ленинградскую организацию — как гнездо недовольства. Настороженное отношение Сталина к ленинградской парторганизации видно на многочисленных примерах — от отстранения Зиновьева в 1926 году, до истребления третьего поколения руководителей ленинградских коммунистов в 1950-м. Здесь верно только то, что в «Северной Пальмире», переставшей с 1918 года быть столицей государства, все еще существовало определенное отчуждение от остальной массы населения страны. Русское «окно в Европу» всегда было чем-то вроде прогрессивного форпоста. Жители этого города традиционно считали себя далеко впереди, иногда даже в опасном отдалении, от остальной страны — в культуре вообще и западных искусствах в частности. В этом самом молодом из великих

городов Европы — основанном, кстати, позже Нью-Йорка, Балтиморы, Бостона и Филадельфии — Киров поистине выказывал признаки определенной независимости.

Сталину было не так легко напасть на Кирова за какой-нибудь уклонизм. Киров никогда не принадлежал ни к какой оппозиции, а напротив, твердо боролся с оппозицией различного толка. Но он был великодушен к побежденным. НКВД уже собрал факты о том, что многие некрупные члены оппозиции или люди с оппозиционным прошлым свободно работали в Ленинграде. На вопрос, как они допустили к работе таких людей, ленинградские руководители могли отвечать, что Киров распорядился об этом лично. Поощряя культурную жизнь города, Киров разрешил особенно многим бывшим участникам оппозиции занять посты в издательствах и тому подобных организациях. Киров работал в Ленинграде в относительном согласии с партийными ветеранами, которые, строго говоря, не были в оппозиции, но чьи взгляды были значительно правее партийной линии. Если бы Киров и члены Политбюро, разделявшие его точку зрения, пришли к власти, они вряд ли смогли бы управлять партией без обращения к старым оппозиционерам и без примирения по крайней мере с правыми. Можно было представить себе ситуацию, при которой Киров, Орджоникидзе и Куйбышев сидели бы в Политбюро вместе с Бухариным и Пятаковым, может быть, даже и Каменевым, осуществляя умеренную программу.

Между тем, Киров использовал свое положение в Ленинграде и для других действий, неприемлемых с точки зрения Москвы. Он расходился со сталинским крылом в Политбюро по многим вопросам, а в особенности по поводу продовольственного снабжения ленинградских рабочих. Киров бранил Микояна за дезорганизацию в этой области и однажды раквизировал без разрешения Москвы часть продовольственных запасов Ленинградского военного округа. Против этого протестовал Ворошилов, называя действия Кирова попыткой завоевать дешевую популярность. Киров

горячо отвечал, что если ленинградский рабочий должен производить, то надо его кормить. Когда Микоян заявил, что ленинградские рабочие питаются лучше, чем в среднем по стране, Киров ответил, что это более чем оправдано повышением производительности труда и созданием материальных ценностей. Затем в конфликт вмешался Сталин, принял сторону Микояна, и Кирову оставалось только подавить свой клокочущий гнев [46].

Избрание Кирова в Секретариат было проведено с намерением перевести его в Москву, где он работал бы под присмотром Сталина. В августе 1934 года Сталин пригласил Кирова в Сочи, где проводил отпуск со Ждановым. Там они обсуждали предстоявший перевод Кирова в Москву и, в конце концов, Сталин получил согласие Кирова перебраться в Москву « в конце второй пятилетки » — т. е. в 1938 году. Но Сталин был убежден, что стоявшие перед ним политические вопросы должны были быть разрешены тем или иным способом в ближайшем будущем. Изложенное подтверждается многими источниками, в частности советской биографией Кирова, изданной в 1964 году, на которую мы уже ссылались [47].

Должно быть, именно около этого времени Сталин и принял самое поразительное в своей жизни решение. Решение состояло в том, что лучшим способом утвердить свое политическое превосходство, а заодно и способом справиться со своим старым товарищем — секретарем ЦК, членом Политбюро, первым секретарем ленинградского обкома — было убийство.

ГЛАВА 1

1. IX Всесоюзный съезд Профессиональных Союзов. Стеногр. отчет, Москва 1933, стр. 205, 253.

2. «Правда» 2 дек. 1930.

3. На процессах Зиновьева и Бухарина имена Сырцова и Ломинадзе фигурировали как имена заговорщиков (см. напр. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», Москва 1938, стр. 349-250 [В дальнейшем — «Дело Бухарина»]).

4. О нем сообщают, напр. Ciliga, Abramovitch, Николаевский.

5. Ciliga, p. 279.

6. «Как подготовлялся Московский процесс [из письма старого большевика]» в «Социалистическом Вестнике», Париж, №23-24, дек. 1936 (автор Б. И. Николаевский).

7. «Дело Бухарина», стр. 349.

8. «Московский процесс» в «Соц. вестнике», №23-24, дек. 1936.

9. Abramovitch, pp. 353, 355.

10. «Правда» 17 нояб. 1964.

11. Ciliga, p. 279.

12. «КПСС в резолюциях», 5-е издание, т. 2, стр. 669 (В последнем 7-ом изд. выпущено).

13. «Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам» (18-21 дек. 1962), Москва 1964, стр. 291 (В дальнейшем — «Совещание историков»).

14. Там же, стр. 291.

15. Б. Николаевский [«Старый Большевик»]: «Хрущев о преступлениях Сталина [опыт исторического комментария]», в «Социалистическом Вестнике», Нью-Йорк, № 6, июнь 1956.

16. «КПСС в резолюциях», 7-ое изд. 1953, т. 2, стр. 742.

17. «Правда» 14 янв. 1933, см. также «Дело Бухарина», стр. 566-7.

18. Одиннадцатый съезд РКП[б], под ред. Н. Н. Попова, М. 1936, стр. 806.

19. Ciliga, p. 278.

20. Л. Шаумян в «Правде» 7 февр. 1964.

21. «Дело Бухарина», стр. 340.

22. Карл Радек, «Портреты и памфлеты», т. 2, Москва 1934, стр. 30 («Зодчий социалистического общества»).

23. Barmine, pp. 101-2.

24. «Бюллетень оппозиции» № 34.

25. Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, Москва 1936, стр. 14 (В дальнейшем — «Дело Зиновьева»).

Русского текста этого отчета нам не удалось найти даже в крупнейших библиотеках мира. Мы были вынуждены поэтому прибегнуть к обратному

переводу с английского из опубликованного Наркомюстом в 1936 году в Москве Report of Court Proceedings. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre, English Edition, Moscow 1938, указывая страницы именно этого издания.

26. Abramovitch, p. 343; Fainsod, p. 263.

27. «Правда» 25 мая 1933.

28. «Как подготовлялся Московский процесс [из письма старого большевика]». Окончание. «Социал. Вестник», Париж, № 1-2, янв. 1937 [автор Б. И. Николаевский].

29. К. Радек, «Зодчий социалистического общества» («Портреты и памфлеты», т. 2, стр. 11).

30. «Бюллетень оппозиции» № 33, см. также Ciliga, главы 5 и 7.

31. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда, стр. 54.

32. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда, стр. 18.

33. И. В. Сталин, Собр. соч., т. 13, Москва 1951, стр. 347.

34. XVII съезд ВКП [б], Стеногр. отчет, Москва 1934, стр. 518.

35. См. «Письмо старого большевика». Barmine, цит. соч. и др.

36. Л. Шаумян в «Правде», 7 февр. 1964.

37. С. Синельников, «Сергей Миронович Киров — жизнь и деятельность», Москва 1964, стр. 194-95.

38. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда, стр. 17.

39. Tokaev, p. 166.

40. Николаевский в «Новом Русском Слове», Нью-Йорк, 6 дек. 1959 («Еще о Сталине и Кирове»).

41. Устав ВКП[б] (принят XVII съездом 26 янв. — 10 февр. 1934) Статья 25. Стеногр. отчет, стр. 676. См. также «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», часть 2-я, изд. 7-е, М. 1953, стр. 780.

42. Н. Русланов, «Восхождение Маленкова» в «Социал. Вестнике», Нью-Йорк, № 7-8, 1953.

43. Б. Николаевский, «Сталин и убийство Кирова», статья третья, № 12, 1956.

44. Большая Советская Энциклопедия, 1-ое изд. т. 62, Москва 1933 стр. 439 (статья «Шкирятов»).

45. Выступление на I съезде Союза Советских писателей (см. Стеногр. отчет, Москва 1934, стр. 234).

46. Orlov, pp. 24-25.

47. Синельников, стр. 196. См. также Orlov, pp. 26-27.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДЕКАБРЬ, 1934

1 декабря 1934 года в пятом часу убийца Кирова, Леонид Николаев, проник в Смольный — в здание, где размещалось руководство ленинградской партийной организации. Дневной свет, скупо балующий ленинградцев в это время года, уже уступил место темноте. В Смольном, в этом бывшем « институте благородных девиц », откуда Ленин организовал « десять дней, которые потрясли мир », светились окна, давая возможность разглядеть колоннаду, сад перед фронтоном и пространство к востоку от здания, в сторону замерзшей Невы.

Вахтер наружной охраны проверил пропуск Николаева, который был в порядке, и пропустил его без всяких недоразумений. На внутреннем посту никого не было, и Николаев свободно ходил под богато украшенными сводами здания, пока, наконец, нашел коридор третьего этажа, куда выходили двери кабинета Сергея Кирова. У этих дверей убийца и стал терпеливо дожидаться.

Киров был занят составлением доклада о ноябрьском Пленуме ЦК, с которого только что возвратился. Вскоре он должен был сделать свой доклад активу ленинградской парторганизации, собравшемуся в конференц-зале на том же этаже. В 4 часа 30 минут [1] Киров вышел из своего кабинета и пошел по направлению к кабинету второго секретаря ленинградского обкома, своего доверенного помощника Михаила Чудова [2]. Он сделал всего несколько шагов,

а потом Николаев вышел из-за угла, выстрелил ему в затылок [3] из нагана и упал без чувств рядом с ним [4].

Услышав выстрел, в коридор выбежали партийные работники. Их удивило полное отсутствие охраны. Не было даже главного личного охранника Кирова Борисова, который, согласно инструкции, должен был всегда находиться рядом с первым секретарем обкома.

Это убийство можно с полным правом назвать преступлением века. В последующие четыре года сотни советских граждан, включая наиболее известных политических руководителей революции, были расстреляны, как непосредственно замешанные в убийстве Кирова; буквально миллионы других были уничтожены как соучастники некоего гигантского заговора, который якобы существовал за кулисами убийства Кирова. Фактически же смерть Кирова стала фундаментом всего исполинского здания террора и насилия — здания, выстроенного Сталиным для того, чтобы держать население СССР в абсолютном подчинении.

На Западе давно уже имеются сравнительно надежные свидетельские показания об этом убийстве. Однако до недавнего времени все эти показания не подтверждались, а наоборот — энергично оспаривались советскими источниками. Хотя в Советском Союзе и по сей день не появилось полного отчета об убийстве Кирова, но были сделаны ясные намеки, дано подтверждение или новое толкование ряда деталей и, наконец, прозвучали заявления, вполне совпадающие с имевшейся на Западе версией убийства.

Вначале официальная советская версия утверждала, что Николаев был последователем Зиновьева, и что Зиновьев и Каменев были косвенными вдохновителями преступления. Потом, в 1936 году, этих двоих обвинили уже в прямом соучастии — в том, что они приказали убить Кирова. И наконец, в 1938 году советская точка зрения приняла ту форму, в какой она преподносилась до самого 1956 года: Зиновьев и Каменев, действуя в контакте с Троцким, дали приказ об убийстве. А Ягода, глава НКВД, помог убийце

тем, что по инструкции руководителя правых Енукидзе приказал второму человеку в ленинградском НКВД, Запорожцу, устранить все препятствия на пути Николаева.

Эти изменения официальной линии, содержавшие элементы правды, были рассчитаны на то, чтобы замаскировать или нейтрализовать реальную версию. А эта подлинная версия начала циркулировать в кругах НКВД спустя несколько недель после преступления. Состояла версия в том, что Николаев был единоличным убийцей, и его действия направлял Сталин. Даже теперь в Советском Союзе об этом никогда не говорится прямо, хотя молодой советский историк Л. П. Петровский в своем письме в ЦК КПСС от 5 марта 1969 года как нечто само собой разумеющееся включал имя Кирова в число жертв Сталина [5]. Тем не менее, сомневаться не приходится: объяснение правильное. Мы теперь можем восстановить все детали.

Проблемы, стоявшие перед Сталиным в 1934 году, не давали возможности удовлетворительного для него политического решения. Но он видел один выход из положения. Выход был крайне необычный, но на этом примере ясно, что у Сталина не было никаких моральных или иных сдерживающих факторов. Убить Кирова означало убрать ближайшее препятствие; это позволяло в то же время создать атмосферу насилия; создать возможность обвинения противников Сталина в убийстве и стереть их с лица земли без тех споров, какие ему пришлось вести по поводу судьбы Рютина.

Не исключено, что на Сталина произвела впечатление и резня в нацистской Германии 30 июня 1934 года. Но он не пошел той же дорогой, что Гитлер. Твердый принцип нацистской партии — « воля вождя есть высший закон » — еще не имел эквивалента в партии коммунистической. Даже позже, когда Сталин практически мог уничтожать своих критиков по меньшей мере столь же свободно, как Гитлер, это всегда делалось либо в форме какого-нибудь суда с подобием мотивировок, либо выполнялось в полной тайне.

Единственный случай, когда удар Сталина был нанесен в стиле гитлеровской « ночи длинных ножей », произошел в июне 1937 года, при уничтожении генералов.

Стоит заметить, что Гитлер, действительно, опасался Рема и отрядов СА как претендующих на власть. Он считал, что против таких конкурентов рискованно применять какой-либо другой метод уничтожения. Подобные аргументы можно приводить и по поводу уничтожения Сталиным высшего руководства Красной Армии. (Возможно, Сталин извлек еще один урок из гитлеровской чистки в июне 1934 года, хотя, конечно, нет оснований думать, будто Сталин сам не мог дойти до этого. Мы имеем в виду общую для Гитлера и Сталина тактику: уничтожая одну группу противников, привлекать к делу и обвинять в том же заговоре ряд других враждебных фигур, никак не связанных с первой группой).

Во время процесса над Зиновьевым и другими говорилось, что убийство Кирова якобы планировалось обвиняемыми на лето 1934 года [6]. Конечно, все это было неправдой, но дата сама по себе выглядит весьма вероятной, ибо приблизительно в это время, как мы уже говорили, Сталин фактически начал организацию убийства. В августе Сталин беседовал с Кировым о его будущем, а затем Киров уехал в Среднюю Азию и вернулся в Ленинград только первого октября [7]. К этому времени подготовка его убийства зашла уже достаточно далеко.

Согласно одному надежному свидетельству, первоначальный план Сталина включал замену Филиппа Медведя на посту главы ленинградского НКВД закадычным другом самого Сталина Е. Г. Евдокимовым. Этот человек был одним из организаторов шахтинского дела и находился в довольно прохладных отношениях с остальным руководством НКВД. Однако замена Медведя Евдокимовым не удалась: этому воспрепятствовал Киров [8], считавший, что такие шаги не могут быть предприняты без ведома ленинградского обкома.

Сталин мог действовать только через Ягоду. Но обращаться к Наркому внутренних дел за содействием в убийстве

члена Политбюро представлялось делом необычным и щекотливым, даже если не было иного выбора. Естественное объяснение такой возможности в том, что Ягода был, так сказать, « на крючке » у Сталина. Это полностью согласовывалось со сталинским стилем работы. Известны несколько случаев, когда Сталин обеспечивал себе поддержку чем-то вроде шантажа такого типа (например, поведение Ворошилова в 1928 году убедило Бухарина, что командарма шантажировали). Ходили слухи о том, что Сталин обнаружил нечто компрометирующее в дореволюционном прошлом Ягоды, вплоть до сотрудничества с царской охранкой. В кругах НКВД упорно говорили, что в 1930 году тогдашний заместитель Ягоды Трилиссер исследовал прошлое наркома и нашел, что Ягода полностью фальсифицировал свою дореволюционную биографию. Когда Трилиссер доложил об этом Сталину, тот просто оборвал его и выгнал. Но фактически Сталин был рад иметь такую информацию и держать у руководства тайной полицией человека, против которого он кое-что имел в запасе [9].

Так или иначе, Ягода «включился в работу». Он нашел подходящего человека в ленинградском НКВД. То был заместитель Медведя Запорожец. Разумеется, даже Запорожец не принял бы такого приказа от Ягоды, ему нужны были прямые инструкции от Сталина. Вот прекрасный пример того, как для более молодого партийца идея партийной дисциплины уже выродилась к тому времени в нечто извращенное и неузнаваемое. Что касается Ягоды, то для него, конечно, могли играть роль и соображения честолюбия.

Когда сам Ягода попал на скамью подсудимых с так называемым « право-троцкистским блоком » в 1938 году, он показал, что получил инструкцию от Енукидзе содействовать убийству Кирова. Он сказал, что возражал, но Енукидзе настаивал. Если кто-то в советском политическом руководстве и был полностью неспособен настаивать на чем-либо, так это Енукидзе — фигура куда более слабая, чем сам Ягода. Если же мы попробуем подставить на место Енукидзе

имя другого человека — который поистине мог настоять на своем, — то нам не придется долго искать это имя.

Ягода продолжал: « В силу этого, я вынужден был предложить Запорожцу, который занимал должность заместителя начальника Управления НКВД, не препятствовать совершению террористического акта над Кировым » [10].

Однако во время перекрестного допроса Ягоды дело пошло не так гладко. Не выдавая ничего конкретного, Ягода все же сумел намекнуть, что во всем ходе событий было немало сомнительных элементов. Так, например, на вопрос: « какими методами вы добивались согласия Левина на осуществление этих террористических актов? », бывший нарком внутренних дел ответил: « во всяком случае, не такими, какими он здесь рассказывал » [11].

Когда же дело дошло до убийства Кирова, между Ягодой и Вышинским произошел следующий странный диалог:

Ягода: Я дал распоряжение ...

Вышинский: Кому?

Ягода: В Ленинград Запорожцу. Это было немного не так.

Вышинский: Об этом будем после говорить. Сейчас мне нужно выяснить участие Рыкова и Бухарина в этом злодействе.

Ягода: Я дал распоряжение Запорожцу, когда был задержан Николаев ...

Вышинский: Первый раз?

Ягода: Да. Запорожец пришел и доложил мне, что задержан человек ...

Вышинский: У которого в портфеле?

Ягода: Были револьвер и дневник. И он его освободил.

Вышинский: А вы это одобрили?

Ягода: Я принял это к сведению.

Вышинский: А вы дали потом указания не чинить препятствий к тому, чтобы Сергей Миронович Киров был убит?

Ягода: Да, дал ... Не так.

Вышинский: В несколько иной редакции?

Ягода: Это не так, но это неважно [12].

В поисках подходящего «метода» Запорожец в Ленинграде натолкнулся в делах местного НКВД на рапорт о Николаеве — разочарованном и озлобленном молодом коммунисте. Согласно рапорту, Николаев сказал своему другу, что в знак протеста намеревался убить какого-нибудь видного партийного работника. Друг донес на Николаева. Через этого доносчика Запорожец вступил в контакт с Николаевым и сделал так, что Николаева снабдили револьвером. И наконец, Запорожец через все того же друга-доносчика убедил Николаева, что в качестве жертвы надо выбрать именно Кирова [13].

Согласно одному свидетельству, револьвер был украден у соседа Запорожца, бывшего члена ЦК Авдеева, принадлежавшего к зиновьевской группе. Но если так, то этот пункт выглядит совершенно не расследованным, хотя вскоре после убийства украденный револьвер был поставлен Авдееву в вину в связи с так называемыми «ошибками» Общества старых большевиков [14].

Следующей задачей Запорожца было дать убийце доступ к Кирову, которого строго охраняли. Но, как часто случается в жизни, план осуществлялся не гладко. Револьвер Николаеву передали, психологическую подготовку убийцы провели. Но попытки Николаева проникнуть в Смольный сперва не удавались. Он дважды был задержан чекистами (теперь об этом рассказано) около Смольного. В первый раз, по словам Хрущева на XX съезде партии, за полтора месяца до убийства, т.е., примерно, через две недели после возвращения Кирова из Казахстана — причем Николаева даже не обыскали [15]. Во второй раз, всего за несколько дней до убийства, Николаев проник до наружной охраны Смольного. После этого охранник нашел у него «револьвер и маршрут Кирова» (по показаниям Ягоды на суде 1938 года) [16] или «записную книжку и револьвер» (по показаниям секретаря Ягоды Буланова на том же процессе) [17]. Так или

иначе, « у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобождался » [18].

Тот факт, что Николаев все же предпринял третью и на сей раз успешную попытку, красноречиво свидетельствует о его выдержке.

Помимо указаний наружной охране пропустить Николаева без обыска, Запорожец распорядился « временно » снять посты внутренней охраны на каждом этаже. Он сумел также задержать личного телохранителя Кирова Борисова. И вот, после всех срывов, сталинский план удался: его соратник лежал мертвым в коридоре Смольного. Однако оставалось сделать еще многое.

Как только новость достигла Москвы, она была объявлена вместе с выражением глубокой скорби о покойном друге со стороны Сталина и Политбюро. В тот же вечер Сталин вместе с Ворошиловым, Молотовым и Ждановым [19] выехали в Ленинград, чтобы провести расследование. Их сопровождали Ягода, Агранов и руководитель экономического отдела НКВД Миронов.

Сталин со свитой занял целый этаж в Смольном. И еще до начала расследования были предприняты определенные политические шаги.

В 1961 году делегат XXII партсъезда З. Т. Сердюк заявил, что « . . . уже в день убийства (разумеется, в тот момент еще не расследованного) по указанию Сталина из Ленинграда принимается закон об ускоренном, упрощенном и окончательном рассмотрении политических дел. После этого сразу же начинается волна арестов и судебных политических процессов. Как будто ждали такого повода, чтобы, обманув партию, пустить в ход антиленинские антинародные методы борьбы за сохранение руководящего положения в партии и государстве » [20].

Последняя фраза правильно суммирует и передает отношение к делу Сталина. Западные историки, поверившие, что убийство Кирова удивило Сталина, вывернули наизнанку весь

ход событий. Так, например, Дейчер (« Stalin », p. 355) утверждает, что « Сталин [...] вывел из этого заключение, что прошло время для полулиберальных концессий». На самом же деле, сталинское «заключение» предшествовало убийству и было причиной его, а не наоборот.

Трудно понять, как мог Сталин дать указание из Ленинграда в день убийства. Ведь он ехал поездом, а Ленинград отстоит от Москвы на 650 км. Он вряд ли мог прибыть в Ленинград раньше, чем на рассвете 2-го декабря — время указанное новейшим источником[21]. Между тем, вышеупомянутый закон (постановление Президиума ЦИК СССР) действительно датирован 1 декабря. Ясно, что Сталин подготовил его п е р е д отъездом, а после прибытия в Ленинград позвонил по телефону, распорядившись, чтобы постановление было подписано и доведено до сведения надлежащих органов.

Постановление это, исходящее от Сталина без консультации с Политбюро, стало своего рода хартией террора на последующие годы. В силу него « предлагалось »:

« 1. Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2. Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3. Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров » [22].

Политбюро, которому новое постановление было представлено в готовом виде, утвердило его лишь два дня спустя [23].

Здесь Сталин впервые применил новую политику, с помощью которой исключительные обстоятельства использовались для того, чтобы оправдать его личные неконституцион-

ные действия. При таких обстоятельствах любая попытка несогласия была исключительно трудной. Этим способом были разрушены даже те скудные гарантии, какие советский закон предоставлял « врагам советского государства ». Уже 10 декабря были введены в действие новые статьи 466-470 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, отражавшие новое постановление. Есть сведения, что именно в этот период были организованы так называемые « особые » судебные органы, положение о которых разработал Каганович [24].

Сталин начал затем свое ленинградское следствие, которое, как нам теперь говорят, проводилось « в обстановке сложившегося к тому времени культа личности Сталина » [25]. Он сразу же натолкнулся на некоторые затруднения. Во-первых, Борисов, чья преданность Кирову была хорошо известна, стал что-то подозревать [26]. С этим справились сразу же. Второго декабря « Запорожец организовал дело так, что когда Борисова везли в Смольный, автомобиль попал в катастрофу. Борисов был убит, и таким путем они освободились от опасного свидетеля » (показания Буланова на процессе 1938 года). Гораздо позже это было весьма интересно объяснено Хрущевым:

« Когда начальника личной охраны Кирова везли на допрос — а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов — то по дороге, как рассказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле он оказался убитым сопровождающими его лицами.

Таким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил. Это, видимо, не случайность, это продуманное преступление. Кто это мог сделать? Сейчас ведется тщательное изучение обстоятельств этого сложного дела.

Оказалось, что жив шофер, который вел машину, доставлявшую начальника охраны С. М. Кирова на допрос.

Он рассказал, что когда ехали на допрос, рядом с ним в кабине сидел работник НКВД. Машина была грузовая. (Конечно, очень странно, почему именно на грузовой машине везли этого человека на допрос, как будто в данном случае не нашлось другой машины для этого. Видимо, все было предусмотрено заранее, в деталях). Два других работника НКВД были в кузове машины вместе с начальником охраны Кирова.

Шофер рассказал далее, что кагда они ехали по улице, сидевший рядом с ним человек вдруг вырвал у него руль и направил машину прямо на дом. Шофер выхватил руль из его рук и выправил машину, и она лишь бортом ударилась о стену здания. Потом ему сказали, что во время этой аварии погиб начальник охраны Кирова.

Почему он погиб, а никто из сопровождавших его лиц не пострадал? Почему позднее оба эти работника НКВД, сопровождавшие начальника охраны Кирова, сами оказались расстрелянными? Значит, кому-то надо было сделать так, чтобы они были уничтожены, чтобы замести всякие следы » [27].

Почему Сталин освободился от Борисова таким кружным путем? Похоже, что преданность Борисова Кирову была очень хорошо известна, и расстрелять его или « убрать » как соучастника Николаева — значило бы немедленно возбудить недоверие в ленинградской парторганизации. Лишь в 1938 году, во время суда над Бухариным, когда подобные соображения были уже недействительны, Борисов был объявлен соучастником преступления [28].

Здесь следует заметить, что хрущевская версия дела Кирова, будто бы проливающая новый свет на события, не содержала никаких фактов, противоречащих окончательной сталинской версии. Что касается, например, Борисова, то Буланов дал об этом показания в важнейших деталях на суде 1938 года; на том же суде оглашены почти все детали участия в убийстве Ягоды и Запорожца. Можно спросить: почему Хрущев излагал тот же самый материал — с несущественными дополнительными деталями — так, как будто

делал великие разоблачения? Напрашивается ясный ответ, что Хрущев имел в виду намекнуть на нечто более глубокое. Этот способ подхода к делу — с помощью намеков — упорно применялся в Советском Союзе, начиная с 1956 года.

В своем докладе на закрытом заседании XX съезда в феврале 1956 года Хрущев говорил:

« Необходимо заявить, что обстоятельства убийства Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного расследования » [29].

Это было сказано в ходе нападок на Сталина. Но ничего так и не было расследовано. На XXII съезде партии, в октябре 1961 года, Хрущев сказал — на сей раз публично:

« Надо еще приложить немало усилий, чтобы действительно узнать, кто виноват в его гибели. Чем глубже мы изучаем материалы, связанные со смертью Кирова, тем больше возникает вопросов... Сейчас ведется тщательное изучение обстоятельств этого сложного дела » [30].

Той же осторожной линии придерживались и другие ораторы. А результатов « изучения » видно не было. Очередной намек появился в « Правде », в статье к 30-летию XVII съезда ВКП[б], опубликованной 7 февраля 1964 года. Заметив, что Киров был препятствием для честолюбивых устремлений Сталина, автор статьи добавлял:

« Но не прошло и года после окончания XVII съезда, как преступная рука оборвала жизнь Кирова. То было заранее обдуманное и тщательно подготовленное преступление, обстоятельства которого, как сообщил Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС, до конца еще не выяснены ».

Даже не говоря конкретно об ответственности Сталина за убийство (такое определенное заявление все еще, по-видимому, застревает в советской глотке), поистине трудно выразиться яснее. Ведь если до сих пор все еще нужно найти действительного виновника, то очевидно, что все предыдущие обвиняемые — Зиновьев и Каменев, а потом и правые уклонисты, оказываются не при чем. Остается лишь

один главный подозреваемый. И дочь Сталина, Светлана Аллилуева, уже находясь за рубежом, в 1963 году не случайно спрашивает: «Не лучше ли и не логичнее ли связать этот выстрел с именем Берия, а не с именем моего отца, как это теперь делают?» [31]. После всего, что стало к тому времени известным, люди, естественно, стали связывать убийство Кирова с именем Сталина. Оснований для этого было вполне достаточно. Аналогичное соучастие Сталина в убийстве крупного еврейского актера и режиссера Соломона Михоэлса в Минске в 1948 году ныне, как кажется, точно установлено. Считавшееся в свое время несчастным случаем, оно было признано при Хрущеве операцией МГБ [32].

После ликвидации Борисова Сталин стал лицом к лицу с главной проблемой — Николаевым.

Разумеется, Леонид Николаев был марионеткой Сталина, Ягоды и Запорожца. Но он действовал также и по своим убеждениям. Естественно, все поколения комментаторов, как советских, так и оппозиционных, до самых последних дней подходили к личности Николаева самым недружелюбным образом. К тому же, его поступок, не принесший России никакой пользы, стал оправданием самой худшей тирании. По этой и другим причинам нелегко разобраться с полной ясностью, что же представлял собой этот 30-летний «тираноубийца».

Подобно многим революционерам, Николаев был в известном смысле неудачником. Подростком он принимал участие в гражданской войне, а затем не смог найти себе места во все более бюрократизирующемся обществе.

Он — типичный представитель молодого и энергичного, но буйного и неподатливого поколения, которое было сломлено новым режимом в партии. В отличие от других, Николаев решил действовать.

Вступив в партию в 1920 году, Николаев, насколько известно, никогда не принадлежал ни к какой оппозиции. В 1925 году практически все голоса ленинградской партийной организации были отданы Зиновьеву. За него, несомненно,

голосовал и Николаев, однако, он никогда не подвергался репрессиям — значит, не был активен, не был и неприятен победителям.

С марта 1934 года Николаев не имел работы. Он ушел с последнего места работы потому, что протестовал против понижения в должности. Он считал, что его понизили в должности в результате бюрократических интриг[33]. За нарушение дисциплины его исключили из партии[34], но за два месяца до преступления восстановили, ибо он сделал заявление, что раскаивается[35].

Тем временем он много и мрачно размышлял о перерождении партии. Он воображал себя мстителем в старом героическом русском духе. Говорят, что когда Сталин сказал Николаеву, что «ведь он теперь — погибший человек», Николаев ответил: «Что ж, теперь многие гибнут. Зато в будущем мое имя будут поминать наряду с именами Желябова и Балмашева!»[36]. Он имел в виду знаменитых террористов «Народной воли» и партии социалистов-революционеров.

Сталин вел допрос лично. Свидетели говорят, что сперва он обратился к Николаеву исключительно мягко[37]: «Почему вы убили такого прекрасного человека?».

Николаев твердо ответил: «Я стрелял не в него. Я стрелял в партию»[38].

Действительно, как уже понял Запорожец, торопливо допросивший Николаева до приезда Сталина, убийца был не слабым неврастеником, потрясенным своим поступком и арестом, а представлял собой спокойного и бесстрашного фанатика[39]. Николаев сразу догадался, как Запорожец его использовал. Он категорически отказался давать какие-либо показания об участии Зиновьева в преступлении. Но даже если бы можно было пытками довести Николаева до временного подчинения, то не могло быть и речи об открытом суде над ним.

Приказав Агранову всячески нажимать на «зиновьевскую» линию в деле, Сталин возвратился в Москву. Ему

пришлось удовлетвориться другими мерами по нагнетанию атмосферы террора.

Гроб с телом Кирова поместили в Колонном зале Дома Союзов в Москве, и высшие руководители страны стояли у гроба в почетном карауле. Советская пресса сообщала, что когда Сталин увидел тело, он не мог справиться со своими чувствами, вышел вперед и поцеловал труп в щеку. Было бы интересно поразмышлять о его чувствах в тот момент.

Есть некая ирония в том, что Зиновьев тоже выразил свое соболезнование по поводу смерти Кирова. « Правда » отвергла некролог Зиновьева, а на суде в 1936 году Вышинский говорил об этом в таких выражениях:

« Злодей, убийца оплакивает свою жертву! Видано ли такое? Что сказать, какие подобрать слова для описания всей низости и мерзости этого? Кощунство! Вероломство! Двуличие! Коварство! » [40].

4 декабря было объявлено, что начальник ленинградского областного управления НКВД Медведь снят с поста и заменен Аграновым; что его и семерых его подчиненных будут судить за то, что они не сумели уберечь Кирова. Однако среди этих людей не было Запорожца. В то же время был обнародован длинный список « белогвардейцев », арестованных в связи с этим делом в Москве и Ленинграде. В течение нескольких дней над ними были проведены « судебные процессы » в соответствии с новым законом. Судья, сталинец И. О. Матулевич, председательствовал на выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде. Он приговорил 37 « белогвардейцев » к смертной казни за « подготовку и организацию террористических актов против работников советской власти. В Москве военная коллегия под председательством еще более отъявленного типа В. В. Ульриха вынесла 33 смертных приговора за такие же « преступления » [41].

13 декабря Ульрих отправился в Киев, чтобы председательствовать на суде и приговорить к смерти 28 украинцев. И их обвинили в « организации подготовки террористи-

ческих актов против работников советской власти ». Было сказано, что « при задержании у большинства обвиняемых изъяты револьверы и ручные гранаты » [42].

Об этом украинском деле известно больше, чем о процессах над первыми жертвами в Ленинграде и Москве. Хотя во всех трех случаях говорилось, что большинство обвиняемых тайно прибыли из-за границы с террористическими целями, мы видим, что почти все казненные на Украине были хорошо известными писателями, культурными и общественными деятелями. За исключением одного младшего дипломата и одного поэта, который бывал в Германии, они все не покидали Украины в течение многих лет [41]. В « Правде » 10 июня 1935 года появилась небольшая обвинительная статья по поводу одного из них — глухого поэта Влыско.

Эти официальные казни сопровождались множеством других, проведенных с гораздо меньшими формальностями. В ленинградском управлении НКВД были этим весьма довольны по технической причине — место в тюрьме было на вес золота. Согласно надежному свидетельству, арестованные ждали очереди у лифта, их по одному свозили вниз, в подвал, и расстреливали с интервалом от двух до двух с половиной минут на протяжении всей ночи [44]. Утром в подвале лежало 200 трупов. Тем не менее в тюремных камерах стало свободнее лишь на короткое время.

По всей стране прокатилась огромная волна арестов. Хватали тысячами — арестовывали всех тех, кто был на заметке в НКВД как политически подозрительный. Период относительного послабления внезапно пришел к концу.

Последнее крупное убийство и попытка к убийству имели место в августе 1918 года, когда социалисты-революционеры убили Урицкого и ранили Ленина. Тогда Свердлов издал истерический призыв к беспощадному массовому террору, добавив, что без сомнения, убийцы окажутся наемниками англичан и французов. После событий 1918 года были расстреляны сотни заключенных заложников. И большевики (за исключением храброго Ольминского) не протестовали.

Теперь, когда возникла аналогичная ситуация, как могли они протестовать против уничтожения нескольких групп « белогвардейцев » в Ленинграде и Москве?

Есть одно типичное различие между этими двумя волнами террора. Сталин делал вид, что жертвы его террора были прямо связаны с преступлениями, тогда как в ленинские времена откровенно признавалось, что расстрелянные были не более, чем классовыми заложниками.

На фоне этой оргии расстрелов советская пресса повела кампанию « бдительности ». Одну из тех кампаний с призывами к беспощадности по отношению к скрытым врагам, которые время от времени вспыхивали на всем протяжении сталинщины. Была фактически создана атмосфера, в которой невозможен был никакой голос умеренности или просто трезвости. В 1933 году резко пошли на убыль « чистки » — собрания со взаимными обвинениями, на которых коммунисты боролись за свое пребывание в партии, а фактически за свои жизни. Эти панические, подхалимские взаимные обвинения начались теперь вновь. « Умеренная » линия по отношению к рядовым членам оппозиции превратилась в свою противоположность. Тысячи людей, еще недавно восстановленных в партии, исключались опять.

В декабре 1934 года Центральный Комитет разослал закрытое письмо по всем партийным организациям. Письмо было озаглавлено: « Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова ». Содержание письма сводилось к призыву выявлять, исключать и арестовывать всех бывших членов оппозиции, еще оставшихся в партии. К концу месяца письмо было обсуждено во всех партийных организациях, и это обсуждение сопровождалось потоком огульных доносов.

Однако на этой ранней стадии террора еще делались некоторые различия в отношении применяемых наказаний. Дружба с разоблаченным « троцкистом » обычно влекла за собой строгий выговор, а не исключение из партии. Лишь

несколькими годами позже столь мягкое наказание стало рассматривася не просто как исключительный либерализм, но как ясное указание на соучастие самих судей в контрреволюционной деятельности [45].

На всем протяжении декабря 1934 года печать нападала на троцкистов, обнаруженных в различных районах страны, клеймила партийные организации за « гнилой либерализм » и призывала к бдительности. Начались массовые высылки в Сибирь и Арктику. За несколько месяцев было схвачено 30-40 тысяч ленинградцев [46].

Схвачены были все, кто мог иметь какое-либо отдаленное отношение к участникам убийства. Известна история одной женщины, работавшей библиотекарем в « Клубе коммунистической молодежи » в Ленинграде. Клуб этот был распущен в середине 20-х годов, но до роспуска Николаев был в какой-то степени связан с этим клубом. И вот арестовали не только бывшую библиотекаршу, но также сестру, с которой она вместе жила, мужа этой сестры, секретаря ее партийной организации и всех тех, кто рекомендовал ее когда-либо на работу [47].

Газета « Вечерний Ленинград » рассказала о случае, каких в то время происходили десятки. Речь шла о писателе Александре Лебеденко, арестованном в Ленинграде в январе 1935 года и вскоре высланном. Через два с половиной года — т. е. в середине тридцать седьмого, — его приговорили без суда и следствия, решением тройки НКВД, к 20-ти годам изоляции. Лебеденко освободили лишь после XX съезда партии, в 1956 году [48].

Между тем, Агранов продолжал работать над вскрытием « зиновьевских » связей. Он проследил связи между Николаевым и теми, кто руководил ленинградским комсомолом в зиновьевский период. Наиболее важным из них был И. И. Котолынов — в прошлом член ЦК комсомола. Он в свое время смело протестовал против сталинских « мальчиков », захвативших власть в молодежных организациях. О них Котолынов говорил так: « У них такие настроения — если

ты не сталинец, будем на тебя давить, будем жать, будем тебя преследовать, чтоб ты не смел и рта открыть »[49]. Котолынов, действительно, был членом оппозиции — да еще имел массу завистников и недоброжелателей. В период чисток это было скверное сочетание.

Агранов установил, что Котолынов и другие местные комсомольские руководители встречались и вели дискуссии в 1934 году. Предметом дискуссий была история ленинградского комсомола, задуманная местным Институтом истории партии. Собрания были вполне открытыми, проводились под контролем партии, на них присутствовал и Николаев. Агранов превратил все это в « заговор ». Были арестованы еще 9 человек, присутствовавших тогда на обсуждениях, в том числе еще один бывший член ЦК комсомола — Румянцев. Уже 6 декабря 1934 года эти люди или, по крайней мере, часть из них, находились под арестом[50]. К ним были применены « жесткие » методы допроса.

Несмотря на это, большинство молодых оппозиционеров отказались капитулировать. Сам метод подобного обращения с членами партии был тогда нов, и у подследственных не было еще того чувства безнадежности, которое позднее в таких же обстоятельствах играло решающую роль. Наоборот, все происходившее казалось им опасным и ужасающим безумием следователей, которое вот-вот прекратят. Тем не менее, к 12-13 декабря[51] Агранов имел одно или два готовых признания. И этого было достаточно, чтобы связать бывших оппозиционно настроенных комсомольцев Ленинграда с Каменевым и Зиновьевым, которые раз или два встречались с их бывшими сторонниками при самых невинных обстоятельствах[52]. В докладе Агранова Сталину дело было представлено так, что Каменев и Зиновьев отошли от их многочисленных обещаний « политически разоружиться » и что существовал некий заговор.

Когда доклад этот был представлен в Политбюро, где обсуждение прошло « в очень напряженном настроении »[53], большинство все еще держалось либерального курса, линии

Кирова. Сталин охотно принял этот курс, но добавил, что требуется одно изменение: поскольку оппозиция, дескать, не разоружилась, партия в порядке самозащиты должна предпринять проверку всех бывших троцкистов и зиновьевцев. С некоторыми колебаниями Политбюро согласилось, а что касается самого убийства, то заниматься им предоставили следственным органам [54].

Еще в первой половине месяца были арестованы Г. Е. Евдокимов — бывший секретарь ЦК партии — и Бакаев, состоявший руководителем ленинградского НКВД при Зиновьеве. После этого Зиновьев составил письмо к Ягоде с выражением беспокойства по поводу арестов Евдокимова и Бакаева. Зиновьев просил вызвать его, чтобы установить, что он ни в какой степени не причастен к убийству. Однако Каменев отговорил Зиновьева от отправки этого письма [55].

16 декабря начальник оперативного отдела НКВД Паукер и личный помощник Ягоды Буланов арестовали Каменева. Одновременно начальник секретного политического отдела Молчанов и заместитель начальника оперативного отдела Волович схватили Зиновьева [56]. (Все четыре сотрудника НКВД — Паукер, Буланов, Молчанов и Волович — были впоследствии расстреляны как заговорщики. Паукер и Волович были, кроме того, объявлены немецкими шпионами).

Есть общая деталь в этих двух арестах, свидетельствующая о том, что старые большевики, даже оппозиционно настроенные, все еще пользовались в партии своеобразным уважением: при арестах не было произведено обысков [57].

В первые 4-5 дней после убийства печать была заполнена так называемыми требованиями рабочих об отмщении. Печатались рассказы о жизни Кирова, описания почетного караула в Колонном зале и похорон, списки казненных «белогвардейских» террористов и т. п. Потом наступила любопытная пауза, длившаяся неделю или десять дней. А затем, 17 декабря, московский комитет партии опубликовал приветствие тов. Сталину, в котором утверждалось, что «на

предательский выстрел контрреволюционных последышей зиновьевской антипартийной группы единым голосом отвечает вся партия, вся страна: «Да здравствует тот, кто повел нашу великую партию в бой со всеми врагами ленинизма!» [58]. Это было первым открытым признаком политических настроений на верхах после убийства.

Ленинградский обком партии, который только что, 16 декабря, «избрал» Андрея Жданова на место убитого Кирова, отправил аналогичное приветствие.

До сих пор НКВД не делал заявлений, прямо обвиняющих в убийстве кого-либо, кроме Николаева. Казненные «белогвардейцы» неоправданно обвинялись в терроризме. Следствие закончено было 20-го декабря, а 22-го декабря «Правда» опубликовала официальное заявление, что Киров убит «ленинградским центром». Во главе «центра» стоял якобы Котолынов, а кроме него членами организации были Николаев и шестеро других — обо всех было категорически сказано, что «... все эти лица в разное время исключались из партии за принадлежность к бывшей антисоветской зиновьевской оппозиции, и большинство из них было восстановлено в правах членов партии после официального заявления о полной солидарности с политикой партии и советской власти» [59]. На следующий день впервые был дан список арестованных зиновьевцев, причем разъяснялось, как будут вестись дела каждого из них.

Среди них были выдающиеся имена: Зиновьев и Каменев — в прошлом члены Политбюро; Евдокимов — в прошлом член Секретариата; еще трое членов и кандидатов ЦК — Залуцкий, входивший вместе с Молотовым и Шляпниковым в первый большевистский комитет в Петрограде после февральской революции, Куклин и Сафаров [60].

На первых порах были выдвинуты частичные обвинения. По поводу семерых арестованных, в том числе Зиновьева, Каменева, Залуцкого и Сафарова, было сказано, что НКВД, не имея достаточных оснований для предания их суду, передаст их дела в особое совещание на предмет адми-

нистративой высылки. Другим, во главе с Бакаевым, предстояло дальнейшее расследование. Это был типично сталинский ход, направленный на то, чтобы постепенно приучить коллег по партии к мысли о виновности Зиновьева и в то же время достаточно сложный и запутанный, чтобы затемнить истинные намерения Сталина.

Из пятнадцати человек, перечисленных в списке, десять предстали перед судом в первом процессе Зиновьева-Каменева, начавшемся уже в следующем месяце. С ними были еще девять подсудимых, ранее не названных. Пять имен из первого списка более нигде и никогда не появлялись. Имя Сафарова, впрочем, мелькнуло в январе 1935 года в качестве свидетеля на процессе, а на процессе Зиновьева в 1936 году он уже был назван соучастником преступления. Его судьба оставалась, однако, неизвестной вплоть до недавних советских справок, в которых сказано, что он был исключен из партии в 1934 году, осужден и умер в 1942 году. Залуцкий тоже был исключен из партии в 1934 году, также обвинен в преступлениях и умер в 1937 году [62]. Возможно, оба они были в числе девяноста семи оппозиционеров, тайно присужденных в начале 1935 года к максимальному сроку, выносимому в то время особым совещанием — пяти годам исправительно-трудовых лагерей [63]. Правда, по окончании срока могло последовать новое и более жестокое наказание. В то же время были отправлены в Верхнеуральский изолятор: Шляпников и Медведев из бывшей « рабочей оппозиции », Сопронов из « демократических централистов », троцкист Смилга и другие [64].

Отметим в скобках, что из девятнадцати обвиняемых на январском процессе 1935 года только четверо появились вновь в 1936 году на открытом процессе. Восемь из числа остальных были упомянуты в обвинительном заключении, причем о двух было сказано, что над ними предстоит суд (никакого отчета о таком суде опубликовано не было). Об остальных семи просто никто больше не слышал. Это означает, что независимо от причины из каждых трех арес-

тованных один, так сказать, « исчезал из поля зрения » между декабрем 1934 и январем 1935 года. Эта пропорция еще возросла между январем 1935 года и августом 1936 года. Это стоит отметить потому, что такое исчезновение может означать либо невозможность исторгнуть из человека нужные « признания », либо смерть под следствием. Это позволяет лучше понять в перспективе всю организацию так называемых « показательных судов с признаниями ».

27 декабря было опубликовано формальное обвинение против группы Николаева. Было сказано, что эта группа, теперь уже в составе четырнадцати человек, действовала в августе, ведя наблюдение за квартирой Кирова и за Смольным для выяснения его обычных маршрутов. Были названы также « свидетели » — жена Николаева, его брат и другие. Заговорщики обвинялись в намерении убить Сталина, Молотова и Кагановича — так сказать, в дополнение к Кирову. Про Николаева еще говорилось, что он передавал антисоветские материалы какому-то не названному иностранному консулу. Позднее выяснилось, что имелся в виду латвийский консул Биссенек, хотя, как утверждали, НКВД сначала намеревался обвинить его финского коллегу[65]*. А уже казненные « белогвардейцы » были туманно внесены в дело путем упоминания о каких-то связях Николаева с « деникинцами ». Группа Николаева обвинялась в том, что « ставила прямую ставку на вооруженную интервенцию иностранных государств »[67].

Упоминались также « ряд документов », включая дневник Николаева и подготовленные им заявления. По-видимому, эти документы ясно показывали, что соучастников у Николаева не было. Невозможно было полностью замолчать документы на той стадии, поскольку их видело много всевозможных следователей и других сотрудников. Поэтому

* Густав Герлинг (Gustav Herling), сам бывший з/к упоминает, что в его лагере сидел финн, арестованный в Ленинграде как связной, передававший секретные инструкции из Финляндии убийце Кирова[66].

официальный отчет, упоминая о документах, говорит, что они были специально подготовленными фальшивками, предназначенными создать впечатление об отсутствии заговора и о существовании лишь протеста против « несправедливого отношения к живому человеку ».

Полная версия обвинения по этому пункту гласит: « в целях сокрытия следов преступления и своих соучастников, а также в целях маскировки подлинных мотивов убийства т. Кирова, обвиняемый Николаев Л. заготовил ряд документов (дневник, заявления в адрес различных учреждений и т. п.), в которых старался изобразить свое преступление как акт личного отчаяния и неудовлетворенности, в силу якобы тяжелого своего материального положения и как протест против несправедливого отношения к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц » [68].

Были упомянуты три тома показаний, каждый по 200 страниц[69]. Из всего этого можно было сделать вывод, что обвинение готовит открытый процесс. Но такого процесса не было. Суд под председательством вездесущего Ульриха заседал 28-29 декабря за закрытыми дверьми.

Наиболее вероятно, что обвиняемые в соучастии в деле Николаева отказались давать признания, несмотря на суровые допросы[70]. Ходили упорные слухи, что арестованные видели Котолынова во время допросов, избитого и в шрамах[71]. Но и он и другие бывшие комсомольцы и зиновьевцы, насколько известно, сопротивлялись до конца. В опубликованном сообщении о суде говорилось, что заговорщики убили Кирова, чтобы « добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы ». В том же сообщении сказано, что Николаев и все другие были приговорены к смерти и казнены 29 декабря[72].

Во всяком случае предполагается, что они были казнены именно тогда. Но вполне возможно, что многих из них к моменту суда не было уже в живых. В частности, говорят, что Николаева казнили вскоре после того, как с ним

говорил Сталин. С другой стороны, на суде над Зиновьевым в 1936 году Вышинский упомянул некоего Левина — одного из так называемых соучастников Николаева. Вышинский сказал про этого Левина, что он был расстрелян в 1935 году [73]. Если это не оговорка, то это могло означать, что его держали в живых позже официальной даты казни, имея в виду получить от него показания против других обвиняемых. (Есть свидетельство не очень, правда, определенное, что Котолынова тоже видели в феврале 1935 года в Нижегородской тюрьме в Ленинграде) [74].

Исход всего этого пока не мог полностью удовлетворить Сталина. Партия в целом все еще вряд ли была готова принять прямое обвинение Зиновьева и Каменева в убийстве без того, чтобы услышать показания убийцы, публично данные против них. Больше того, после первого шока, вызванного убийством Кирова, очень многие и в Политбюро и вне его продолжали вести кировскую линию на примирение и послабление.

Шли переговоры с руководителями оппозиции, находившимися в тюрьме. Предполагалось вынудить у них признание полной вины под предлогом соблюдения партийной дисциплины. Однако эти переговоры ни к чему не привели. С другой стороны, оппозиционеры стали понимать, что в их интересах сделать все, чтобы предотвратить новые возможные акты террора. Если бы террористические акты произошли, то на руководителей оппозиции и их последователей обрушились бы еще худшие репрессии. Поэтому в конце концов руководители оппозиции согласились принять на себя «моральную ответственность» за убийство Кирова — ответственность в том смысле, что убийца мог бы быть вдохновлен на преступление и их, руководителей оппозиции, политическими взглядами.

15-16 января Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Куклин и 14 других предстали перед судом в Ленинграде в качестве так называемого «московского центра». Опять Ульрих председательствовал, а Вышинский обвинял. Смысл

обвинений сводился к тому, что зная террористические склонности котолыновского «ленинградского центра», москвичи оказывали ленинградцам политическую поддержку.

Отчеты об этом суде не были, однако, опубликованы полностью. В печати появилось только сообщение на три четверти страницы с несколькими цитатами из показаний Зиновьева и других обвиняемых, признававших свою частичную вину. Говорилось, что вся группа была «разоблачена» Бакаевым, а также Сафаровым, которого на суде не было[75]. Бакаев, которого допрашивали больше месяца, дал, вероятно, наиболее подробные показания.

Зиновьев, как сообщалось, заявил на суде: «В силу объективной ситуации прежняя деятельность бывшей оппозиции могла вести только к вырождению этих преступников»[76].

Он принял на себя полную ответственность за тех, кого он ввел в заблуждение, и подытожил свои показания следующими словами: «Задача, которую я вижу перед собой в данный момент, — раскаяться полностью, открыто и искренне перед судом рабочего класса во всем, что было, как я теперь понял, ошибкой и преступлением, и я обязан высказаться так, чтобы покончить с этой группой раз и навсегда»[77].

Однако, приняв на себя общую моральную ответственность, обвиняемые отвергли приписываемые им более зловещие преступления. Евдокимов твердо отрицал какую бы то ни было причастность к убийству[78]. Каменев выражал свое недоверие «свидетелю» Сафарову; он также определенно заявил, что не знал о существовании «московского центра», активным участником которого его теперь объявили. Однако Каменев добавил, что поскольку такой центр существовал, он готов принять на себя ответственность за него[79]. Зиновьев также сказал, что многие из сидевших на скамье подсудимых ему не знакомы[80], и добавил, что он узнал о роли Котолынова только из обвинительного заключения по делу «ленинградского центра»[81]. Итак, несмотря на частичное признание ответственности участниками оппо-

зиции, можно считать ясным, что их поведение Сталина не вполне удовлетворило и что открытый процесс не сыграл бы ему на руку.

16 января 1935 года Зиновьев был приговорен к 10 годам лишения свободы, Евдокимов и Бакаев к восьми, Каменев — к пяти. Остальные получили сроки от 5 до 10 лет. Длительность сроков, как выяснилось, не играла никакой роли, поскольку никто из обвиняемых, главных или второстепенных, никогда больше не появился на свободе.

Через два дня после процесса (18 января 1935 года) ЦК партии выпустил новое «закрытое письмо» о бдительности. Это было официальное указание всем партийным организациям «покончить с оппортунистическим благодушием»[82], причем весьма знаменательно, что отсутствие бдительности обзывалось в этом письме «отрыжкой правого уклона». На местах разразилась новая волна арестов, захватившая десятки тысяч бывших участников оппозиции и всех других подозреваемых.

По кировскому делу властям предстояло еще расправиться с последней кучкой заключенных — с руководителями ленинградского НКВД, о предстоящем суде над которыми было объявлено еще 4 декабря 1934 года. 23 января 1935 года они в конце концов предстали перед судом, где председательствовал, как всегда, Ульрих. Вместо девяти человек, чьи имена были объявлены вначале, теперь было 12 подсудимых — и среди них Запорожец. Медведь и Запорожец обвинялись в том, что «располагая сведениями о готовящемся покушении на тов. С. М. Кирова, проявили не только невнимательное отношение, но и преступную халатность к основным требованиям охраны государственной безопасности, не приняв необходимых мер охраны»[83].

Приговоры были исключительно легкими. Один сотрудник, Бальцевич, получил 10 лет за то, что в дополнение к основному обвинению вел себя как-то не так во время следствия. Медведь получил три года, остальные — 2 или 3. Сроки, как было сказано в приговоре, осужденные должны

были отбывать в концлагере (концентрационном лагере). Это прилагательное — «концентрационный» — вскоре полностью перестали применять.

Приговоры поразили наблюдательных сотрудников НКВД своей явной непропорциональностью обвинениям. Естественной реакцией Сталина на преступную халатность охраны по отношению к настоящим убийцам — к убийцам, которые могли выбрать его следующей жертвой, — должна была бы быть примерная казнь всех провинившихся офицеров НКВД. Да и действительно, трудно было себе представить, каким образом они могли бы избежать обвинения в соучастии в преступлении. Но когда стало ясно, что приговоры Медведю и Запорожцу были вынесены чуть ли не как простая формальность, ситуация стала особенно странной и зловещей.

Как было позднее признано на процессе 1938 года, Ягода проявил исключительную и необыкновенную заботу об их судьбе. Его личный секретарь Буланов заявил, что «лично мне он поручил заботу о семье Запорожца, о семье Медведя, помню, что он отправил их для отбывания в лагерь не обычным путем, он их отправил не в вагоне для арестованных, а в специальном вагоне прямого назначения. Перед отправкой он вызывал к себе Запорожца и Медведя»[84].

Невозможно, конечно, считать все это личной инициативой Ягоды. Обвиняемые находились под более высокой протекцией. Больше того, сотрудники НКВД узнали, что Паукер и Шанин (начальник транспортного управления НКВД) посылали пластинки и радиоприемники высланному Запорожцу — вопреки строгим сталинским правилам, по которым связь даже с ближайшим другом обрывалась немедленно, если друга арестовывали[85].

Эта дополнительная странность кировского дела, после всех других, убедила многих сотрудников, что Сталин одобрил, если не организовал убийство Кирова. Постепенно истинные обстоятельства дела просочились наружу через аппарат НКВД. Даже тогда об этих обстоятельствах говорили с исключительной осторожностью. По словам Орлова и ему

и Кривицкому было сказано: «Дело настолько опасное, что лучше о нем не слишком много знать»[86].

Один заключенный из лагерей строительства Беломорканала вспоминает, что Медведь прибыл в штаб лагерного комплекса поездом, в специальном купе, и начальник строительства Раппопорт устроил его в собственном доме, пригласив по случаю гостей. Медведь был одет в форму НКВД без знаков отличия. В таком виде он был послан дальше, в Соловки[87].

Запорожец был отправлен в лагеря золотых приисков комбината Лензолото на Дальнем Востоке[88] и скоро, как говорят, стал начальником управления дорожного строительства Колымского лагерного комплекса с другим сотрудником ленинградского НКВД — Фоминым в качестве заместителя[89]. К ним позднее присоединился, кажется, и Медведь[90], который в промежутке между Беломорканалом и Сибирью имел даже возможность посетить Москву[91].

Что же касается окончательной судьбы этих ссыльных сотрудников НКВД, то 20 лет спустя Хрущев заметил:

«После убийства Кирова руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли.

Можно предполагать, что их расстреляли для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова»[92].

Намек Хрущева, в общем, ясен, хотя сделан слишком грубо. Нет сомнения, что вообще Сталин предпочитал затыкать рты всем, кто знал его секреты. На процессе Зиновьева-Каменева 1936 года говорилось, будто обвиняемые планировали после захвата власти поставить Бакаева во главе НКВД с целью «замести следы» путем убийства всех сотрудников, знавших о заговоре, а также с целью дать возможность заговорщикам уничтожить своих собственных активистов и террористов[93]. Поскольку весь этот заговор был просто выдуман Сталиным, с соответствующим образом подтасованными свидетельствами, это показывает, что Сталин считал

естественным расстреливать сотрудников НКВД и всех других, кто знал слишком много.

Однако, с другой стороны, Сталин вряд ли мог ликвидировать всякого, кто знал или подозревал о его преступлениях. Было непрактичным казнить подчиненных Ягоды до тех пор — или почти до тех пор — пока Сталин не был готов уничтожить самого Ягоду. И даже когда оперативники секретной полиции уничтожали эшелон за эшелоном, сведения всякого рода успевали просачиваться. Если уж на то пошло, то несколько человек, знавших худшие сталинские секреты, — вроде Шкирятова, Поскребышева, Вышинского, Берии и Мехлиса — уцелели до 1953-55 годов, а Каганович жив и сейчас.

Верно, что в 1937 году в рядах колымского НКВД прошла гигантская чистка. Его начальник Берзин, большинство ведущих инженеров, а с ними Медведь и все другие бывшие сотрудники ленинградского НКВД были расстреляны. Необычное исключение составлял лишь Запорожец[94]. Так что, хотя Сталин, быть может, и считал удобным затыкать рот опасным свидетелям, просто убивая их, это ни в коем случае не было естественным и необходимым ходом, как намекал Хрущев. Ибо что могли они сказать или сделать? Если бы стало известно, что они обронили хоть малейший намек из своей тайной информации, на них бы немедленно донесли. Возможно, невинный Медведь и мог согрешить. Но Запорожец, который действительно з н а л, имел все основания молчать.

Больше того, даже если бы эти люди могли сбежать на Запад, если бы они опубликовали свои разоблачения в британской, французской или американской прессе, это не имело бы большого значения. Действительно, ведь правда просочилась на Запад через многих оставшихся за границей сотрудников НКВД; тем не менее, убедила эта правда весьма немногих.

Во всяком случае, Запорожцем вскоре пришлось пожертвовать. Как только было решено разоблачить роль Ягоды в

убийстве Кирова и рассказать все о соучастии НКВД в преступлении, пришло время принести в жертву всех замешанных. На процессе 1938 года роль Запорожца была описана ясно; и было объявлено, что он не появился в числе обвиняемых, поскольку его дело было выделено в особое производство. По-видимому, все это подтверждает, что к тому времени он был еще жив, однако если так, то в живых ему оставалось быть недолго.

С окончанием январского процесса 1935 года над руководителями ленинградского НКВД «дело Кирова» было на время свернуто. Старые участники зиновьевской оппозиции были уже все за решеткой. Ленинград был передан из-под независимого руководства в руки преданного сталинского сатрапа Жданова. Террор, выражавшийся главным образом в массовых высылках, но частично и в массовых казнях, обрушился на город и, в меньшей степени, на всю страну.

Тем не менее, Сталин все еще не мог полностью сокрушить своих противников или даже преодолеть сопротивление своих менее восторженных союзников. Окончательный удар не был еще нанесен. А между тем среди низовых партийных организаций снова назревало недовольство его действиями.

В комсомоле, например, еще в 1935 году наблюдалось удивительно сильное сопротивление сталинизму. Секретные архивы Смоленской области (они были захвачены немцами во время войны и позже попали на Запад) выявляют степень этого сопротивления. На комсомольской дискуссии по поводу убийства Кирова один член организации говорил: «Когда убили Кирова, то разрешили свободную торговлю хлебом; когда убьют Сталина, то распустят все колхозы». Директор школы, комсомолец и пропагандист, объявил: «Ленин написал в своем завещании, что Сталин не мог работать руководителем партии». Другой учитель обвинил Сталина в том, что он превратил партию в жандармерию, надзирающую над народом. Есть рапорт о девятилетнем пионере, который кричал: «Долой советскую власть! Когда

я вырасту, я убью Сталина». Об одиннадцатилетнем школьнике сказано, что он говорил: «При Ленине мы жили хорошо, а при Сталине мы живем плохо». А 16-летний студент якобы заявил: «Кирова они убили; пусть теперь убьют Сталина». Время от времени высказывались даже случайные симпатии к оппозиции. Рабочий-комсомолец говорил: «Достаточно уже клеветали на Зиновьева; он очень много сделал для революции». Комсомолец-пропагандист, отвечая на вопрос, отрицал какую бы то ни было причастность Зиновьева к делу Кирова и говорил о Зиновьеве, как об «уважаемом руководителе и культурном человеке». Один инструктор комсомола «выступил открыто в защиту взглядов Зиновьева»[95].

Итак, чтобы достичь нужного Сталину положения в стране, предстояло сделать еще очень многое.

ГЛАВА 2

1. См. «Правду», 2 дек. 1934.
2. С. Красников, «Киров», Москва 1964, стр. 200.
3. См. «Правду», 4 дек. 1934.
4. Различные слухи об убийстве Кирова; см. Tokaev, *Betrayal of an Ideal*, p. 242; Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 32; Elizabeth Lermolo, *Face of a Victim*, London, 1956, p. 90 ff.
5. Л. П. Петровский, Открытое письмо в ЦК КПСС, 5 марта 1969. Выдержки из письма Петровского появились 27 апр. 1969 г. в газете *Washington Post*.
6. См. «Дело Зиновьева», стр. 31, 32, 34.

7. Красников, стр. 197.
8. Orlov, p. 28.
9. Там же стр. 259-60.
10. «Дело Бухарина», стр. 506.
11. Там же, стр. 510.
12. Там же, стр. 336.
13. Orlov, p. 29-30.
14. Lermolo, p. 90.
15. См. доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 19.
16. «Дело Бухарина», стр. 506.
17. Там же, стр. 493.
18. XXII съезд КПСС, Стеногр. отчет, т. 2, стр. 583 (закл. слово Хрущева).
19. «С. М. Киров в Ленинграде», стр. 196.
20. XXII съезд КПСС, Стеногр. отчет, Москва 1962, т. 3, стр. 152-153 и «Правда», 31 окт. 1961.
21. См. «С. М. Киров в Ленинграде», стр. 196.
22. «Правда», 4 дек. 1932.
23. Доклад Хрущева на секретном заседании XX съезда КПСС, стр. 18.
24. XXII съезд КПСС, т. 2, стр. 402-403 (выст. А. Н. Шелепина) и «Правда», 27 окт. 1961, стр. 10.
25. Очерки истории Ленинграда, т. 4, Москва-Ленинград 1964, стр. 355.
26. Orlov, p. 37.
27. XXII съезд КПСС, т. 2, стр. 583-584 (закл. слово Хрущева).
28. См. «Дело Бухарина», стр. 493.
29. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда, стр. 19.
30. XXII съезд КПСС, т. 2, стр. 583-584 (закл. слово Хрущева).
31. Светлана Аллилуева, «Двадцат писем другу», Нью-Йорк, 1967, стр. 132.
32. См. «Советскую Белоруссию», 13 янв. 1963; см. также Аллилуеву «Только один год», Нью-Йорк, 1970, стр. 134.
33. Lermolo, p. 17.
34. «Как подготовлялся Московский процесс» из «Письма старого большевика» в «Соц. вестнике» № 1-2, янв. 1937, стр. 18.
35. «Правда», 22 дек. 1934.
36. «Как подготовлялся Московский процесс» в «Соц. вестнике» № 1-2, янв. 1937, стр. 18.
37. См. напр. Ciliga, chaps. 5, 7.
38. Orlov, стр. 35.
39. Orlov, p. 34, p. 35.
40. «Дело Зиновьева», стр. 136.
41. См. «Правду», 6 дек. 1934.
42. «Правда», 18 дек. 1934.
43. Hrihory Kostiuk, «Stalinist Rule in the Ukraine», Munich, 1960, p. 98-100. См. также статью «Влыско» в «Українська Радянська Енциклопедія», 1951-65.

44. Lermolo, pp. 264-265.
45. См. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule,* pp. 56-57.
46. Ciliga, p. 71.
47. Lermolo, p. 175.
48. «Вечерний Ленинград», 30 дек. 1964.
49. VII съезд ВЛКСМ, Москва 1926, протоколы, стр. 108 (выст. Котолынова).
50. См. «Правду», 27 дек. 1934.
51. См. там же.
52. «Как подготовлялся Московский процесс» в «Соц. вестнике» № 1-2, янв. 1937.
53. Там же.
54. Там же.
55. «Дело Зиновьева», стр. 74.
56. См. «Дело Бухарина», стр. 492.
57. См. там же, стр. 492.
58. «Правда», 17 дек. 1934.
59. «Правда», 22 дек. 1934.
60. См. «Правду», 22 дек. 1934.
61. XI съезд РКП[б], Стеногр. отчет, Москва 1961, стр. 847 (биогр. справка).
62. Ленин, Собр. соч., т. 44, Москва 1964, стр. 624.
63. См. «Бюллетень оппозиции» № 52-53, стр. 11.
64. Ciliga, p. 282.
65. Lermolo, p. 245.
66. Gustav Herling, *A World Apart,* New York, 1951, p. 123.
67. «Правда», 30 дек. 1934.
68. «Правда», 27 дек. 1934.
69. Там же.
70. См., например, Lermolo, pp. 46-48.
71. Там же, стр. 45-46.
72. «Правда», 30 дек. 1934.
73. «Дело Зиновьева», стр. 145.
74. V. Petrov, *It Happens in Russia,* London, 1951, p. 31.
75. См. «Правду», 16 янв. 1935.
76. Deutscher, *Stalin,* p. 357.
77. «Дело Зиновьева», стр. 142.
78. Там же, стр. 47.
79. Там же, стр. 147-8.
80. Там же, стр. 143.
81. Там же, стр. 145.
82. «Правда», 29 марта 1937.
83. «Правда», 24 янв. 1935.
84. «Дело Бухарина», стр. 494.
85. Orlov, p. 23-24.

86. Там же, стр. 22.

87. Victor Kravchenko, *I Chose Justice,* London, 1950, p. 260. (Оценку этого источника см. прил. 8).

88. Orlov, pp. 21-22.

89. V. Petrov, p. 185.

90. W. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent,* London, 1940, p. 206.

91. V. Petrov, p. 185.

92. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 19.

93. «Дело Зиновьева», стр. 58, см. также стр. 29 и 161.

94. V. Petrov, p. 256-257.

95. Fainsod, p. 422.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОРГАНИЗАТОР И ВДОХНОВИТЕЛЬ

События декабря 1934 и января 1935 годов, столь ужасающие, столь невероятные, наводят на вопрос об их организаторе. В конечном счете весь характер террора определялся личными и политическими побуждениями Сталина.

Если мы откладывали рассмотрение личности Сталина, пока не описали характера его действий, то это потому, что гораздо легче рассказывать о его делах (и о типе государства, которое он создал), чем обрисовать его как личность. Сталин был не из тех, чьи истинные намерения объявлялись открыто, и чьи подлинные мотивы имели бы логическое объяснение. С одной стороны, личные побуждения Сталина были основной пружиной террора; с другой — его способность скрывать свою истинную природу была той скалой, о которую разбилось сопротивление террору в партии и вне ее. Его противники не допускали и мысли, что он мог захотеть или выполнить то, что он фактически делал.

К 1934 году Сталину было 55 лет. До 37-летнего возраста он был не особенно выдающимся членом маленькой революционной партии, чьи перспективы прихода к власти даже Ленин считал сомнительными еще в 1916 году.

Когда пришла революция, Сталин был явно в тени своих многих блестящих современников. С тех пор он непрерывно вел политическое маневрирование. В результате, он по очереди нанес поражение каждому сопернику и вот уже 5 лет был неоспоримым главой государства и партии; незадолго до описываемых событий он подверг свои методы

ровому испытанию коллективизацией и, вопреки всем прогнозам, победил. Однако этого было ему недостаточно.

Вопреки всем идеям Маркса, в Советском Союзе сталинской эпохи создалось положение, при котором экономические и общественные силы не определяли метода правления. Наоборот, центральным фактором были личные соображения правителя, которые выливались в действия, часто противоречившие естественным тенденциям этих сил. Идеалистическая концепция истории в этом смысле оказывалась неожиданно справедливой. Ибо Сталин создал механизм, способный справляться с общественными силами и побеждать их. Общество было перестроено по его формулам. Оно не сумело перестроить самого вождя.

Доктор Александр Вайсберг, физик, сам оказавшийся жертвой сталинского террора, высказал однажды следующее: марксистский подход к истории — и, можно сказать, любой социологический подход к политике, — действительны только «для систем, позволяющих применение статистических концепций»[1], так же, как и применение других точных наук. Если же общество организовано так, что воля одного человека или небольшой группы оказывается наиболее мощной из всех политических или общественных сил, то марксистские или любые социологические объяснения системы должны уступить место, по крайней мере в очень значительной степени, объяснениям психологического характера.

Итак, мы подошли к исследованию личных свойств Иосифа Сталина. Однако, перед этим хорошо вспомнить слова из книги Артура Кестлера «Тьма в полдень» (никогда, к сожалению, не издававшейся в СССР, где она была бы особенно необходимой):

«Что происходило в мозгу «Номера 1»?... Что творилось в этих округлых серых полушариях? Известно все об отдаленных спиральных туманностях, а об этих полушариях — ничего. Вероятно, поэтому история — больше гадание, чем наука. Возможно, позже, много позже, историю будут изучать с помощью статистических таблиц, дополненных анатомиче-

скими срезами. Учитель напишет на доске алгебраическую формулу, представляющую условие жизни масс определенной нации в определенный период: "Здесь, граждане, вы видите объективные факторы, обусловившие этот исторический процесс". А потом направит указку на серый туманный ландшафт между второй и третьей лобными долями мозга "Номера 1": "Здесь вы видите субъективное отражение этих факторов. Во второй четверти 20-го века оно привело к триумфу тоталитарного принципа на востоке Европы". А пока эта стадия не достигнута, политика остается скверным дилетантством, простым предрассудком и черной магией...»[2]

Как пишет Милован Джилас[3], голова Сталина «не была отталкивающей: что-то было в ней народное, крестьянское, хозяйское», но его лицо было рябым, а зубы неровными. В темнокарих глазах мелькали светлокоричневые искорки. Подвижность его левой руки и плеча была ограниченной — результат несчастного случая, происшедшего с ним в десятилетнем возрасте. Туловище Сталина было коротким и узким, а его руки чересчур длинными.

Ко времени второй мировой войны, когда его впервые увидели многие обозреватели, он отрастил довольно большой живот; волосы стали очень редкими; лицо было бледным с красноватыми щеками. Подобный облик был общим явлением в высших советских кругах, он даже получил ироническое название «кремлевский цвет лица» и был результатом постоянной ночной работы в кабинетах.

Подобно многим властолюбивым людям, Сталин был очень мал ростом, всего около 160 см. С помощью особых подкладок в обуви он делал себя выше на 2-3 см, а на парадах 1-го мая и 7-го ноября стоял на деревянной подставке, добавлявшей ему еще 5-8 см. В 1935 году, в разговоре с Федором и Лидией Дан, Бухарин сказал:

«Его даже огорчает невозможность убедить всех, в том числе себя самого, что он ростом выше окружающих. Это его несчастье; это, быть может, его наиболее человечная черта, и, возможно, его единственная человеческая

черта; однако его реакция на свое "несчастье" не человечна — это почти дьявольская реакция. Он не может не мстить за это другим, особенно тем, кто в чем-то лучше или одаренее его...»[4].

Сомнительно, чтобы когда-нибудь возникла возможность проследить, что происходило в Гори, где родился и рос Сталин, в более или менее достоверных деталях. Во всяком случае, наиболее необходимый вид исследования — свободный опрос родственников и современников в том районе, — невозможен. Но даже если бы это и стало возможно в ближайшее время, теперь уже слишком поздно. Не имеется ведь даже ни одного определенного и общепризнанного психологического исследования о формировании характера Гитлера; а уж по имеющимся отрывочным и сомнительным свидетельствам о раннем детстве Сталина не стоит и пускаться в какую-либо попытку восстановления истины; правда, сегодня осталось не так много историков, пытающихся выводить главные черты характера взрослого человека из каких-то свидетельств о его раннем детстве, дошедших через третьи руки. Тем более, что в случае Сталина сомнительны даже основные факты. По одним свидетельствам его отец был безнадежный пьяница; по другим — не был. Биографам приходится выяснять такого рода вопросы, но от автора этих строк этого не требуется.

Отсутствие точных данных о детстве Сталина огорчает еще по одной причине. Если бы можно было точно указать условия, в которых из ребенка вырастает сталиноподобное существо, то стоило бы предпринять похвальную попытку создать всемирное законодательство, предупреждающее такие условия.

Даже рождение Сталина окутано легендами. Грузины, озабоченные репутацией своей страны, говорят о татарском или осетинском происхождении Сталина[5]. В период его величия ходила история о том, что он был незаконным сыном грузинского князя и служанки[6]. Фактически из раннего детства Сталина достоверно известно только одно —

он был сыном деревенского сапожника (который относился к сыну то ли хорошо, то ли плохо — расхождения в свидетельствах существуют уже на этот счет). Отец скончался, когда Сталину было 11 лет, оставив воспитание сына на долю его работящей и сильной духом матери. В возрасте около 15 лет Сталин прервал обучение в начальном училище в Гори и поступил в духовную семинарию в Тифлисе, откуда его не то исключили, не то отчислили по состоянию здоровья, когда ему было около 20 лет.

Это случилось в 1899 году. К тому времени Сталин уже вступил в партийные круги, в которых ему предстояло провести весь остаток жизни; к 1901 году он оставил всякую иную деятельность, кроме деятельности профессионального революционера.

Ранний период пребывания Сталина в социал-демократических организациях Кавказа — все еще очень малоисследованная тема. Утверждения троцкистов, что он тогда не играл важной роли и был пассивен, явно тенденциозны. Еще меньше правды в обожествляющих Сталина рассказах периода 30-ых и 40-ых годов, где его описывали как «кавказского Ленина». Но, по-видимому, достоверно то, что в 1903 году он был избран членом Исполкома Закавказской федерации социал-демократической партии.

Вся ранняя история закавказских большевиков полностью затемнена трудами ряда историков. Главное состоит в том, что большевизм не сумел пустить корней в Грузии, и те, кто позже стали большевиками, были не более, чем случайными бунтарями в крупной и деятельной меньшевистской организации[7].

После провала революции 1905 года Ленину остро нужны были деньги для партийных фондов. Эти фонды Ленин стал пополнять за счет ограбления банков, и тогда Сталин сделался видным организатором налетов на банки на Кавказе, хотя сам он никогда не принимал прямого участия в грабежах. В то время подобные «экспроприации» широко осуждались в европейском и русском социал-де-

мократическом движении, и Троцкий, в числе других, указывал на их деморализующий эффект. Это почувствовал до некоторой степени и Ленин, он попытался подчинить «боевые группы» строгому контролю и устранить из них полубандитские элементы. Что до Сталина, то у него колебний на сей счет не было. Однако после прихода Сталина к власти упоминания об этой его деятельности на Кавказе полностью прекратились.

Каковы бы ни были тактические сомнения Ленина, беспощадность Сталина ему импонировала. И в 1912 году Сталин был кооптирован в Центральный комитет партии. С тех пор, и в сибирской ссылке и в центральном руководстве, он оставался высокопоставленным, хотя и незаметным деятелем большевистского движения.

В последний период жизни Ленина его оценка «чудесного грузина»[8] изменилась. Ленин говорил, что «в кушаньях этого повара слишком много будет перца». Троцкий рассказывает, и это выглядит достоверно, что Ленин восхищался Сталиным за «его твердость и прямоту», но в конце концов разглядел «его невежество... его очень узкий политический кругозор, его исключительную моральную черствость и неразборчивость в средствах»[9]. Понадобилась, однако, прямая ссора, чтобы Ленин на почве личного недовольства, а не политической ненадежности, потребовал смещения Сталина. Да и то не устранения его от власти, а только снятия с поста генерального секретаря, где «грубость» была, по мнению Ленина, неподходящей.

Говорят, будто примерно в тот же период Сталин говорил Каменеву и Дзержинскому: «Избрать жертву, разработать точный план, утолить жажду мести и потом отдыхать... Ничего нет слаще на свете»[10].

Этот разговор Сталина с Каменевым и Дзержинским довольно часто цитируют и приписываемое Сталину высказывание отвечает его собственной практике. Но все же не очень вероятно, что он стал бы говорить столь открыто перед своими возможными, в то время еще не насторожен-

ными соперниками. Ведь, как правило, его противники начинали понимать неумолимость Сталина слишком поздно. Впрочем, сегодня уже нет необходимости изучать вопрос о сталинской неразборчивости в средствах или об исключительной мстительности его натуры.

Сталинский метод спора, до сих пор господствующий в Советском Союзе, можно проследить, начиная с его первых статей в 1905 году. Основными признаками этого метода служат выражения вроде «как известно» или «не случайно». Первое из них применяется вместо доказательства любой, самой противоречивой оценки; второе используется для того, чтобы установить связь между двумя событиями, когда нет никакого свидетельства или подобия такой связи. Читатель найдет много примеров таких и подобных выражений в текущих выступлениях советских деятелей.

Подобные фразы чрезвычайно иллюстративны и многозначительны. В авторитарном государстве трудно возражать на заявления, вроде: «как хорошо известно, троцкисты являются фашистскими агентами». А мысль о том, что ничто не случайно — кстати, эта формулировка свойственна параноикам, — дает возможность представлять любую ошибку и слабость как часть сознательного заговора.

Такой подход согласуется с рассказами о знаменитой сталинской подозрительности. Хрущев говорил:

«... Сталин был очень недоверчивым человеком, он был болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: почему ты сегодня не смотришь прямо?, или почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза? Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие и к выдающимся партийцам, которых он знал годами. Всюду и везде он видел врагов, лицемеров и шпионов»[11].

Из-за своей подозрительности Сталин всегда оставался начеку. В политике, особенно в политике «острого стиля», это было отличным тактическим принципом.

Невозможно сказать, насколько Сталин действительно ценил принципы, им провозглашаемые. На закрытом заседании XX съезда КПСС в феврале 1956 года, после ряда ужасающих разоблачений сталинского террора, Хрущев сделал следующее заключение:

«Сталин был убежден, что это было необходимо для защиты интересов трудящихся против заговоров врагов и против нападения со стороны империалистического лагеря. Сталин смотрел на все это с точки зрения интересов рабочего класса, интересов трудящегося народа, интересов победы социализма и коммунизма. Мы не можем сказать, что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!»[12].

Многие, пожалуй, не согласятся с тем, что в этом *вся* трагедия. Но, возвращаясь к нашей теме, невозможно сказать, каковы были истинные мотивы Сталина. Тот факт, что он всегда высказывал точку зрения, приписываемую ему Хрущевым, еще не подтверждает его искренности. Думал ли он, что положение вещей, которое он создал и считал хорошим, было социализмом, которому он поверил в юности? Находил ли он режим подходящим для своих собственных целей и для русской действительности? Ответить точно невозможно.

Бывший советский специалист по ракетному делу профессор Токаев, с конца сороковых годов живущий на Западе, вспоминает о нескольких совещаниях высшего советского руководства в связи с проектами межконтинентальных ракет. Он приводит слова Сталина о том, что рассматриваемый проект позволит «легче разговаривать с великим лавочником Гарри Трумэном и поприжать его в меру необходимости». После этого, по словам Токаева, Сталин повернулся к нему и сделал «любопытное замечание»: «как видите, мы живем в сумасшедшее время»[13].

Ни о ком другом из советских руководителей не из-

вестно, чтобы он в личном разговоре выражал что-либо, кроме прямого и циничного желания сокрушить Запад. А философское замечание Сталина определенно идет глубже. Отражало ли оно истинные раздумья Сталина и его попытки самооправдания, было ли признаком той чувствительности Сталина к отношению окружающих, о которой так много сказано? Догадаться невозможно.

Когда в 1947 году Литвинов был снят с поста министра иностранных дел, он продолжал регулярно встречаться со своим старым другом Сурицем — одним из немногих старых советских дипломатов, переживших годы террора. Они часто обсуждали характер Сталина. Оба соглашались, что во многом он был великим человеком. Но его поведение невозможно было предугадать. Да и упрям был, отказываясь рассматривать факты, не соответствующие его желаниям. Оба полагали, что он только воображал, будто служит народу. Встречавшийся в то время с обоими Илья Эренбург в последней, шестой книге своих воспоминаний передает, что после одной из таких бесед Суриц сказал ему: «Беда даже не в том, что он (Сталин) не знает, как живет народ, он не хочет этого знать — народ для него понятие — и только»[14].

Как бы то ни было, есть свидетельства, что Сталин, действительно, верил: уничтожение доходов с капитала есть единственный принцип социалистической морали, оправдывающий все другие действия, Вероятно, справедлив вывод Джиласа: «В конечном счете, Сталин — чудовище, которое придерживалось абстрактных, абсолютных и в основе своей утопических идей — успех их на практике был равнозначен насилию, физическому и духовному истреблению»[15].

За исключением бесценных, хотя и ограниченных сведений, содержащихся в книге дочери Сталина, личные черты этого человека останутся в большой степени загадкой.

Однако похоже, что человечные моменты в его жизни, как бы мало их ни было, возникали в связи с его женами.

Когда умерла первая жена Сталина, Екатерина Сванидзе, один из его друзей по семинарии, меньшевик Иремашвили, сопровождавший покойную со Сталиным на кладбище, вспоминает слова Сталина: «... это существо смягчало мое каменное сердце. Она умерла, и с нею умерли мои последние теплые чувства к людям»[16].

Вторая жена, Надежда Аллилуева, придерживалась старых революционных идей. Рассказывают, что она пришла в ужас, когда узнала о страданиях людей во время коллективизации. По-видимому, она получила большую часть информации от студентов на курсах, которые ей было позволено посещать, и эти студенты были арестованы немедленно, когда Сталин дознался об этом.

Самоубийство Аллилуевой 9 ноября 1932 года было результатом последней дикой ссоры с мужем, которого она обвинила в палачестве. Все ранние свидетельства сходятся в том, что Сталин терял самообладание и оскорблял ее в присутствии своих друзей (хотя это несколько смягчено в рассказах, дошедших затем до его дочери)[17]. Если Надежда, вслед за Екатериной, и задевала сердце Сталина, то все равно это сердце не было мягким ни в каком смысле, и человеческие черточки заметны в поведении Сталина лишь в сопоставлении с его обычными манерами.

Аллилуева оставила письмо, которое «было не просто личное письмо; это было письмо отчасти политическое»[18]. Есть мнения, что это заставило его думать — не без оснований, конечно, — что у него есть всюду враги, отчего его подозрительность очень возросла. Так или иначе, смерть Аллилуевой глубоко подействовала на Сталина. Он ощущал досаду весь остаток жизни, обвиняя в самоубийстве «врагов» (и даже Мишеля Арлена, чью книгу «Зеленая шляпа» Аллилуева читала в то время)[19].

Брат Надежды, старый большевик Павел Аллилуев, был политическим комиссаром в бронетанковых частях.

Его взяли под особое наблюдение. Позже он рассказал старому знакомому, что со времени смерти сестры его не допускали к Сталину, и кремлевский пропуск был у него отобран. Ему стало ясно, что по мнению Ягоды и Паукера, он стал опасен для Сталина в том смысле, что мог отомстить за сестру. В 1937 году он был снят со своего поста и назначен на незначительную должность в советской торговой делегации в Париже[20]. Вероятно, Павел Аллилуев умер в том же году естественной смертью, хотя позднее его жена получила 10 лет за то, что якобы его отравила[21].

Интересный добавочный свет на семейные отношения Сталина проливает история его сына Василия. Со своим старшим сыном от первой жены, Яковом, Сталин всегда был в плохих отношениях, время от времени подвергал его мелким преследованиям. Эти чувства между Сталиным и Яковом были взаимными. Но к Василию, сыну Надежды Аллилуевой, Сталин относился совсем по-иному. Все, кто встречался с этим молодым человеком, рассказывают о нем с презрением и отвращением. Он был тупым и злым человеком, полуграмотным пьяницей; профессор Токаев называет его «зверски избалованным школьником, впервые выпущенным во внешний мир»[22]. Несмотря на очень скверную успеваемость в Кашинской летной школе, где он имел особого инструктора, Василий Сталин был переведен в советские военно-воздушные силы без единой плохой отметки и к 29-ти годам был уже генерал-лейтенантом авиации. Все необузданные выходки сходили ему с рук. «Его тащили за уши наверх, не считаясь ни с его силами, ни со способностями, ни с недостатками, — думали угодить отцу»[23].

Однако, в конце концов, Сталин отстранил сына от командования авиационным соединением за пьянство и непригодность к работе. И вообще похоже, что отец никогда прямо не продвигал сына в его военной карьере. Скорее подчиненные Сталина не осмеливались делать

ничего другого, кроме выдачи молодому человеку восторженных рекомендаций, несмотря на полное отсутствие профессионального умения.

Биографы Сталина много пишут о его тщеславии. Но, по крайней мере до последнего периода его жизни, это тщеславие не проявлялось в дворцовой помпезности. До второй мировой войны он одевался с традиционной большевистской скромностью в простой военный китель и темные брюки, заправленные в сапоги. Он жил без претензий в небольшом доме на территории Кремля, где прежде помещались царские слуги. Собственность и деньги как таковые не играли никакой роли в его жизни. В 30-х годах его официальная зарплата составляла около 1000 рублей в месяц — если сравнивать по покупательной способности, то это гораздо меньше, чем сейчас получает английский рабочий низкой квалификации. Эти деньги получал один из его секретарей и распоряжался небольшой суммой, внося коменданту Кремля скромную квартплату за Сталина, погашая партийные взносы, оплачивая проезд в отпуск и т.д. Сталин не обладал ничем, но имел право абсолютно на все — так же, как Далай Лама или Микадо в старые времена. Его дача в Барвихе и Приморская правительственная дача № 7 в Сочи были «государственной собственностью»[24].

При всей этой личной простоте Сталин давно имел среди своих коллег репутацию завистливого соперника. Когда во время гражданской войны началось награждение орденом Красного Знамени, и этот орден получил Троцкий, Каменев предложил, чтобы Сталину тоже дали орден. Новый глава государства Калинин удивленно спросил: «за что?» Тут вмешался Бухарин: «Как вы не понимаете? Это ведь ленинская мысль. Сталин не может жить, если у него нет чего-либо, что есть у других. Он никогда этого не простит»[25]. На последних стадиях «культа личности» Сталин был поднят на недосягаемую высоту поразительной лестью — как гений не только в политике, но также в

стратегии, в науках, в литературном стиле, философии и вообще во всем. Его фотографии смотрели с каждого забора, советские альпинисты доставляли бюсты Сталина на вершины каждой советской горы, он был объявлен, вместе с Марксом, Энгельсом и Лениным, четвертым политическим гением эпохи. История была, разумеется, соответствующим образом переписана, так что его роль в революции стала решающей. На XX съезде партии Хрущев рассказывал, как Сталин вписал в свою собственную «краткую биографию» следующий абзац:

«Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

Хрущев продолжал:

«В первоначальном тексте этой книги была следующая фраза»: «Сталин — это Ленин сегодня». Фраза показалась Сталину слишком слабой, и он изменил ее собственной рукой на следующую: «Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии: Сталин — это Ленин сегодня». Видите, как хорошо сказано, но не народом, а самим Сталиным.

... Я приведу еще одну вставку, сделанную Сталиным относительно военного гения Сталина: «Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки».

Дальше Сталин пишет: «Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. [...] С

гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства»[26].

Можно утверждать, что дело было именно в шаткости сталинских претензий на руководство. Надо было, следовательно, возвеличить его заслуги и представить подъем Сталина к власти как закономерный. Ленину, чье руководство в партии было подлинным и общепризнанным, такие методы не требовались. Для Сталина же они были, по крайней мере частично, необходимым цементом, скреплявшим его власть. Проницательный советский дипломат 30-х годов писал: «Каждый, кто воображает, будто Сталин верит этим восхвалениям или упивается ими в эгоистическом желании получать розовый обман, досадно ошибается. Сталин этим не обманывается. Он считает это полезным для своей власти. Он также получает удовольствие, унижая этих интеллигентов...»[27].

Обсуждать характер Сталина и его убеждения — это не то же самое, что оценивать его способности. О последних имеются две точки зрения. Согласно одной из них, он был безошибочным гением, «корифеем науки», вдохновенным руководителем человечества и т.д. Согласно другой точке зрения, он был посредственностью. Первая точка зрения, принятая (во время жизни Сталина) профессором Берналом, Хрущевым и другими, подверглась настолько разрушительной критике, что нам вряд ли стоит ее рассматривать.

Еще имеет влияние на умы и противоположный взгляд — что Сталин был ничтожеством, достигшим высшей власти благодаря везению и низкой хитрости. Правда, большинство из тех, кто придерживается этой теории, допускает, что Сталин был также и чудовищем. Но они не наделяют его многими другими активными качествами.

Меньшевик Суханов, историк по профессии, вскоре

ставший жертвой Сталина, писал в 1917 году, что Сталин производит не больше впечатления, нежели серое пятно. Троцкий называл Сталина «наиболее выдающейся посредственностью нашей партии»[28]. А гораздо позже, в 1956 году, Хрущев говорил: «Я вряд ли погрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь слышали и знали очень мало о Сталине до 1924-го года»[29]. Действительно, он производил мало впечатления на речистых политиканов, каких было немало в то время в партии. Так что некоторые основания для подобных суждений у Троцкого и его последователей были. Но, как выявили последующие события, суждения были поверхностны. Качества, которых не имел Сталин и которыми обладал Троцкий, были не главными для политического величия. И только Ленин среди всех большевистских руководителей распознал способности Сталина.

Еще не пришло время совершенно объективного взгляда на карьеру Сталина — взгляда на его технику деспотизма как на искусство. Тем не менее нельзя, вместе с побежденными соперниками Сталина и их интеллектуальными наследниками, сбрасывать со счетов его блестящее политическое умение, которое привело к таким огромным и ужасающим последствиям.

Сталин неплохо владел марксизмом и хотя приспосабливал это растяжимое учение к своим надобностям не так искусно и эластично, как его соперники и предшественники, он все же делал это достаточно хорошо для своих целей. Отсутствие у Сталина настоящего теоретического ума отмечали многие, и это, по-видимому, его обижало.

В июле 1928 года Бухарин сказал Каменеву, что Сталина «снедает тщеславное желание стать известным теоретиком. Он считает, что ему не хватает только этого». Старый знаток марксизма Рязанов однажды прервал Сталина, когда тот взялся теоретизировать: «Брось, Коба, не ставь себя в глупое положение. Каждый знает, что теория

это не твоя область». Тем не менее, важнейший теоретический отправной пункт Сталина, — как, рассказывая об этом, отмечает английский биограф Сталина И. Дейчер[30], — социализм в одной стране, каким бы грубым и немарксистским он ни выглядел, был сильной и привлекательной идеей.

Тот же И. Дейчер писал, однако, что у практиков сталинского типа интерес к философии и теории был очень ограничен и что полуинтеллигенция, из которой социализм набирал часть своих кадров среднего уровня, пользовалась марксизмом лишь как средством для экономии умственного труда. Но такой взгляд преувеличивает философскую неуклюжесть Сталина. Или скорее, пожалуй, переоценивает других большевистских философов вроде Ленина, с которыми сравнивается Сталин. Единственное ленинское выступление в чисто философской области — «Материализм и эмпириокритицизм» — наименее интересная из всех его работ. С другой стороны, сталинская краткая сводка марксизма, данная в главе 4 «Краткого курса истории ВКП[б]», представляет собою хоть и скромное, но ясное и доходчивое изложение темы. Ведущий коммунистический теоретик Георг Лукач, который в некоторой степени отвернулся от сталинизма, недавно отметил: «Поскольку мы имеем дело с изложением, написанным в популярной форме для масс, нельзя обвинять Сталина в неумении свести весьма тонкие и сложные доводы классиков по этой теме к нескольким определениям, пронумерованным в схематической форме учебника»[31].

За исключением Зиновьева, Сталин был единственным «не интеллигентом» в ленинском руководстве. Но его познания в наиболее существенных областях были немалыми. Джилас утверждает, что «хорошо знал Сталин только политическую историю, особенно русскую, и обладал исключительной памятью. Больше ему ничего и не нужно было для той роли, которую он хотел играть»[30].

В 1863 году Бисмарк напомнил прусскому парламенту,

что «политика это не точная наука». Для любого предыдущего поколения это было бы обыкновенным трюизмом, но, по-видимому, Бисмарк выразился столь определенно потому, что на тогдашнюю историческую науку наступал новый рационализм, и профессора социальных и политических наук требовали строгости. Среди русских коммунистов послереволюционного периода эта тенденция достигла полного развития. Они все претендовали на политическую ученость, они все применяли методы точнейшей политической науки, разработанной Марксом, этим Дарвиным общественных наук. Все обсуждалось только в теоретических терминах.

К несчастью, теории оказались неверными, и претензии на научную строгость были, по меньшей мере, преждевременными. Даже если бы их формулировки были ближе к приписываемой им определенности, то все равно сомнительно, насколько преуспели бы эти руководители в реальной политике: ведь профессора баллистики — не обязательно хорошие стрелки. Вышло так, что наделенный большей интуицией Сталин, хотя и не столь способный анализировать и планировать свои действия в теоретических терминах, имел более оперативное представление о реальности.

Как отмечает его дочь, Сталин «совершенно обрусел»[33]. Он не изучал русского языка до 8- или 9-летнего возраста и всю жизнь говорил с акцентом. Но он говорил хорошо, и его лексика была нередко богатой и живой в грубом смысле слова. Не очень хорошо образованный, он, тем не менее, был начитан в русских классиках — особенно хорошо знал сатириков Щедрина и Гоголя. В молодости он даже прочел много иностранных авторов в русских переводах — в особенности Виктора Гюго, а также популярные работы по дарвинизму и общественно-экономическим темам. Жандармские донесения конца прошлого века свидетельствуют, что студенты тифлисской духовной семинарии читали «подрывную» литературу такого сорта, и имя Сталина появляется в семинарском кондуите не-

сколько раз в связи с обнаружением у него подобных книг из местной «дешевой библиотеки». Это показывает, что в те годы Сталин занимался самообразованием[34].

Литературный стиль Сталина не отличался тонкостью, и этим он тоже заслужил насмешки своих противников. Джилас связывает грубость сталинского стиля с отсталостью революционной России. «В его трудах можно найти общие места, позаимствованные подчас у отцов церкви, что объясняется не столько его религиозным воспитанием, сколько примитивностью его мышления, свойственной вообще доктринерам-коммунистам». Джилас отмечает также, что «его язык был бесцветен и однообразен, но его упрощенная логика и догматизм были убедительными для людей, неспособных критически мыслить»[35]. Однако можно сказать и больше. Ясные и простые доводы привлекательны не только для «простых» умов. Бывший советский сановник пишет: «Именно отсутствие у него блеска, его простота заставляли нас верить тому, что он говорил»[36].

Многие описывают Сталина до странности угрюмым человеком, однако он умел быть и очаровательным; он обладал грубым юмором — весьма самоуверенным юмором, но не совсем лишенным тонкости и глубины[37]. Этим он отличался от Ленина и Троцкого, совершенно лишенных чувства юмора.

Сомнительно, конечно, чтобы он добился какого-либо успеха в более политически развитом обществе, но в тех политических условиях, в которых он работал, Сталин показал себя истинным мастером. Он далеко затмил всех своих соперников в тактике борьбы. По словам Бухарина, он был мастером «дозировки» — он всегда давал нужную дозу в нужное время. Бухарин, по-видимому, считал это нелестным отзывом, что свидетельствует только о недостаточной политической умелости Бухарина. Фактически это, конечно, хороший комплимент по поводу одной из самых сильных черт Сталина.

Все свое положение Сталин завоевал окольными

маневрами. Стоит заметить только, что с 1924 по 1934 год не было ни одного резкого государственного переворота того типа, каких было уже несколько в послесталинский период. Сталин умел напасть на человека, дискредитировать его, а потом как бы пойти на компромисс, тем самым ослабив противника, но еще не уничтожив его. Шаг за шагом позиции его противников подрывались, и они по одному устранялись от руководства.

Ленин видел эту особенность политической методологии Сталина. Когда Ленин хотел нанести поражение Сталину по грузинскому вопросу в последние дни своей активной жизни, он велел своему секретарю Фотиевой не показывать Каменеву записок, подготовленных для Троцкого. Иначе, по мнению Ленина, об этих записках узнал бы Сталин и «пошел бы на гнилой компромисс с целью обмана»[38]. Интересно, что именно этим Сталин и занимался в течение нескольких месяцев после смерти Ленина, проявляя фальшивую умеренность, служившую успеху его замыслов.

Сталин никогда не предпринимал непоправимых шагов до тех пор, пока не был совершенно уверен в их успехе. Ввиду этого его противники часто сталкивались с дилеммой. Они никогда не знали, как далеко он пойдет. И часто обманывались, думая, что он будто бы подчинялся воле большинства Политбюро, а следовательно с ним можно работать. Даже когда он настойчиво требовал террористических решений в вопросах об участниках оппозиции, его противники могли предполагать, что это было частично влияние Кагановича и других, и что Сталина можно отговорить от подчинения этому влиянию при помощи убедительных доводов. Примечательно: среди различных решений, предлагавшихся с 1930 года и дальше, почти не было проектов полного отстранения Сталина от власти, что было бы единственным средством спасти положение.

Так, небывалым в истории способом, Сталин вел свой

«государственный переворот по чайной ложке» и дошел до величайшей бойни, все еще производя впечатление некоей умеренности. Своей молчаливостью и спокойной манерой разговора он не только обманул многих иностранцев, но и внутри страны, даже в самые пиковые моменты террора, его не очень обвиняли во всех преступлениях.

Профессор Тибор Самуэли, в свое время вращавшийся в самых высших кругах сталинского Советского Союза и Венгрии Матиаса Ракоши, отмечает, что вообще Ракоши был более образованным и в каком-то смысле более интеллигентным человеком, чем Сталин. Но он делал весьма неосмотрительные заявления. Наиболее важный пример: в период процесса над Ласло Райком в 1949 году, Ракоши заявил в речи, что он проводил бессонные ночи, распутывая своими руками все нити заговора. Когда Райк был реабилитирован, эта речь стала смертельным оружием против Ракоши. Но и помимо этого, признание Ракоши показывало, что даже в те времена и народ и партия обвиняли лично его во всех злодеяниях, связанных с террором[39].

Сталин, никогда не говоривший и словом больше, чем было необходимо, и во сне не сделал бы такого грубого разоблачения. То, что большой террор считался в основном делом рук наркома внутренних дел Ежова, было триумфом Сталина. «Да не только я, очень многие считали, что зло исходит от маленького человека, которого звали "сталинским наркомом". Народ окрестил те годы "ежовщиной"». Так пишет Илья Эренбург. Он рассказывает о встрече с Пастернаком в Лаврушинском переулке зимней снежной ночью. Пастернак «размахивал руками среди сугробов: "Вот если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину!" Мейерхольд тоже говорил: "От Сталина скрывают"...»[40].

На самом деле все было наоборот. Так, карикатурист Борис Ефимов пишет[41], что Мехлис по дружбе рассказывал его брату Михаилу Кольцову, как производились

аресты. «Мехлис показал ему несколько слов, написанных красным карандашом и адресованных Ежову и ему, Мехлису, с приказом арестовать всех упомянутых в показаниях лиц». Это касалось, — как говорил Кольцов, — людей еще свободных и занимавшихся своей работой, но на самом деле уже осужденных на уничтожение «одним росчерком карандаша». Ежову остались «чисто технические детали — оформить "дела" и выписать ордера на арест».

В общем, сталинские «достижения» настолько необычны, что его вряд ли можно с пренебрежением назвать просто бесцветным, посредственным человеком, лишь с определенным талантом в области террора и интриг. Во многих отношениях Сталин вообще был очень сдержанным, скрытным человеком. Рассказывают, что в ранней юности, будучи побежден в споре, он не проявлял эмоций, а лишь саркастически улыбался. Бывший секретарь Сталина однажды весьма глубоко заметил: «Он в высокой степени обладал даром молчания и в этом отношении был уникален в стране, где все говорили слишком много»[42]. Цели Сталина и даже его таланты были неясны большинству его соперников и коллег.

Поскольку Сталин не разъяснял и не излагал своих точек зрения и планов, многие думали, что он их вообще не имел — типичная ошибка болтливых интеллигентов. «Выражение его лица, — замечает один наблюдатель, — ничем не выдает его чувств»[43].

Константин Симонов пишет, что «у него было то, годами, тщательно, навсегда выработанное выражение лица, которое должно было быть в присутствии этих людей у товарища Сталина, как он уже давно мысленно, а иногда и вслух, в третьем лице, называл самого себя»[44]. На заседаниях Политбюро он спокойно слушал; так же вел он себя в присутствии именитых гостей, покуривая свою данхилловскую трубку, бесцельно рисуя что-нибудь в блокноте. Его секретари Поскребышев и Двинский писали, что

блокноты были покрыты фразами вроде «Ленин — учитель — друг», но последний из иностранцев, видевший Сталина (это было в феврале 1953 года), заметил, что он рисовал волков.

Все более ранние описания сходятся в том, что одной из характерных черт Сталина была «леность». «Первое качество Сталина — леность, поучал меня когда-то Бухарин», — пишет Троцкий, отмечая, что «Сталин никогда серьезной работы не выполнял», с большой систематичностью занимаясь, однако, интригами[45]. То же самое можно сказать по-другому: Сталин уделял должное внимание мелким подробностям политического маневрирования. Он сам говорил: «Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое, — в этом один из важных заветов Ильича»[46]. Стоит, право, вспомнить иронические слова бывшего германского главнокомандующего генерал-полковника барона Курта фон Хаммерштейна относительно его офицеров: «Я делю моих офицеров на четыре категории... Человек умный и прилежный годится на высокий штабной пост; тот, кто умен и ленив, подходит для самого высшего командования, ибо у него хорошие нервы, способные справиться с любой ситуацией; можно также использовать глупого и ленивого человека; но глупый и старательный человек опасен и должен быть немедленно смещен». Характерная черта Сталина в политической борьбе — как раз его хладнокровие. Он обладал высокой целеустремленностью и значительным терпением, а также исключительной способностью оказывать и снимать давление в нужные моменты. Все это и позволило ему пройти через ряд критических ситуаций до полной победы.

Сталинское превосходство над соперниками заключалось, несомненно, в его сильной воле. Недаром Наполеон ставил то, что он сам называл «моральной стойкостью» своих генералов, выше и гения и опыта. Во время югославо-советских переговоров в Москве в военные годы Милован Джилас сказал Сталину, что сербский политик

Гаврилович был «лукавый человек». На это Сталин заметил, как бы про себя: «Да, есть политики, считающие, что хитрость в политике — самое главное...»[47]. Сталин обладал силой воли, доведенной до логической крайности. Есть нечто нечеловеческое в почти полном отсутствии у него нормальных пределов силы воли.

Говорят, что Сталин постоянно читал Макиавелли, что вообще вполне разумно. В главе 15 макиавеллиевского «Государя» он мог бы найти простой совет: правители ни в коем случае не должны творить злодеяний, ибо это может стоить им потери власти; однако, когда доходит до самого худшего, «они не должны дрожать перед обвинениями в злодействе, если оно необходимо для защиты государства», в то же время делая все возможные усилия «избежать репутации злодеев». Или, например, в главе 18 Макиавелли рекомендует проявлять милосердие, верность слову и т.п., замечая в то же время, что государь, «а особенно новый государь должен часто действовать в духе, противоположном этим качествам».

Когда в феврале 1947 г. Сталин принял известного кинорежиссера Эйзенштейна и актера Н. К. Черкасова в связи с постановкой второй серии фильма «Иван Грозный», он дал свою собственную характеристику грозного царя. Он не осуждал его, как это обычно делается, за жестокость и беспощадный террор, а, наоборот, сказал своим собеседникам, что Иван был великим и мудрым правителем, он защитил страну от проникновения иностранных влияний и стремился к объединению России. Черкасов пишет, что «Иосиф Виссарионович отметил также прогрессивную роль опричнины». Критика Ивана Грозного Сталиным сводилась к тому, что царь (опять цитирую Черкасова) «не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных родов». По этому поводу Сталин не без юмора добавил: «Тут Ивану помешал Бог» — ибо после ликвидации одного боярского рода царь Иван каялся целый год, «тогда как ему нужно было бы действовать еще решительнее»[48].

Сталин разбирался и в том, как подрывать политическую репутацию своих противников. В некоторых отношениях он мог поучиться у другого тоталитарного вождя, которым он до известной степени восхищался. Вот какой рецепт для произведения политических чисток дает Адольф Гитлер:

«Искусство руководства, проявляемое истинно великими, народными вождями во все века, состоит в концентрации внимания всего народа на одном-единственном противнике и в умении позаботиться о том, чтобы это внимание не дробилось на части... Гениальный вождь должен уметь представить различных противников так, будто они принадлежат к одной и той же категории; ибо слабые и колеблющиеся натуры могут легко начать сомневаться в своей правоте, если столкнутся с различными врагами... Всех различных по их внутренней природе врагов необходимо поэтому собрать вместе, с таким расчетом, чтобы массы ваших сторонников могли видеть только одного общего врага, против которого им следует бороться. Это укрепляет их веру в свою правоту и усиливает их ненависть по отношению к противнику»[49].

Однако Сталин был глубже и сложнее Гитлера. Его взгляд на человечество был циничным, и когда он вслед за Гитлером стал практиковать антисемитизм, это была скорее политика, чем догма. Зачатки сталинского антисемитизма или, пожалуй правильнее, антисемитской демагогии, обнаруживаются еще в 1907 году, когда он вспоминал в «Записках делегата», печатавшихся в маленькой подпольной газете, выпускавшейся под его руководством в Баку: «По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром»[50].

В августе 1952 года по приказу Сталина была расстреляна группа еврейских писателей. Но обвинения против них были политического характера — им инкриминировали

попытку создать обособленное государство в Крыму. Это обвинение имело даже некоторое подобие связи с реальностью: после войны еврейский антифашистский комитет однажды поднял вопрос о переселении евреев на Крымский полуостров. В так называемом «деле врачей-убийц» 1953 года большинство обвиняемых были евреи, но было несколько и не евреев. Еврейский элемент в «деле врачей» был подчеркнут публично, но опять же под покровом связи с «сионизмом». А во время антисемитской кампании, предшествовавшей «делу врачей», еврейских литераторов называли «космополитами» («Троцкий, Радек, Зиновьев, Каменев, критики-космополиты... Какая-то врожденная склонность к предательству» — думает бюрократ в одном из рассказов Абрама Терца-Синявского[51]).

Когда западные критики указывали на несомненный антисемитский элемент в «деле врачей», то находились люди, которые выступали в том духе, что ведь обвинение предъявлялось и не евреям, и что сионизм, вообще говоря, имеет в какой-то степени антисоветскую направленность. Ибо, как мы увидим, сталинские политические намерения никогда не объявлялись настолько ясно, чтобы их можно было разоблачить. Ни в одном частном случае нельзя было вполне определенно сказать, каким именно будет его отношение к делу.

Такое загадочное поведение сбивало с толку даже опытных и умных людей. Лион Фейхтвангер, страстный защитник евреев, никогда не верил в преследование евреев Сталиным. Так же и Ромэн Роллан, горячий поборник свободы творчества, был обманут Сталиным и не верил в отсутствие свободы творчества в советской литературе.

Такой завуалированный «антисемитизм» очень характерен для Сталина как пример использования с одной стороны предрассудков, а с другой стороны легковерия и сговорчивости людей.

В широком смысле, в мировоззрении, Сталин принимал теории физиолога Павлова (ненавидевшего советский

режим). Более того, Сталин истолковывал Павлова самым прямолинейным образом, считая его теории применимыми к человеческой личности. Академик Орбелли и другие высказывали точку зрения, что Павлов имел дело лишь с элементарными нервными процессами у животных, а у человека необходимо принимать во внимание сопротивление, которое он оказывает построению условных рефлексов. Эта точка зрения по наущению Сталина была подвергнута разносной критике в «Правде»[52].

Однако медленные, холодно рассчитанные действия, характерные для всей карьеры Сталина, — своего рода эффект ледника, постепенно кратчайшим путем надвигающегося на горную долину, — все это лишь часть сталинского характера. Несколько раз, особенно в молодые годы, спокойствие Сталина нарушалось и уступало место выражению сильнейших эмоций.

При жизни Ленина, если Сталин обижался, он мрачнел и целыми днями не появлялся на собраниях[53]. Ленин говорил, что Сталин часто действует, движимый раздражением или злобой, и что злоба вообще играет самую худшую роль в политике. Ленин отмечал также резкость Сталина, его тенденции решать все административными мерами. В дни смерти Ленина Сталин чуть не совершил политического самоубийства своей «капризностью», и ему понадобилась вся его ловкость, чтобы восстановить положение[54].

Последующий терроризм Сталина тоже не был целиком рационален. Сталин «практиковал грубое насилие не только по отношению ко всему, что противоречило его мнению, но также и по отношению к тому, что по мнению его капризного и деспотического характера, казалось не соответствовало его взглядам»[55]. Бывший американский посол в Советском Союзе, Джордж Кеннан, отмечал: «Для его глубоко недоверчивого ума ни один политический вопрос не существовал без личных соображений»[56]. А дочь Сталина пишет, что «если он выбрасывал кого-либо давно знакомого ему из своего сердца, если он уже переводил

в своей душе этого человека в разряд «врагов», то невозможно было заводить с ним разговор об этом человеке»[57].

Не может быть сомнения, что Сталин неумолимо реализовывал свои антипатии — иногда даже через много лет. Но, конечно, это было лишь частично мотивом убийств, совершавшихся по его приказам. Ибо убийства распространялись и на друзей его, и на врагов, и на людей, которых он почти не знал, равно как и на его личных соперников. Люди, когда-либо повредившие Сталину, не пережили террора. Но не пережили, конечно, и те, которых оскорблял он сам — вроде Баумана.

Тем не менее, хотя Хрущев и изображал Сталина капризным тираном, но это не обязательно несовместимо с известной логикой в поведении диктатора. Верно, конечно, что любой, против кого Сталин лично «имел зуб», почти автоматически включался в список смертников; но даже долгие годы ссор и интриг не могли привести к такому невероятному количеству жертв. Чтобы произвести эффект террора, нужно было не только покончить со всеми теми, кто раздражал Сталина и стоял на его пути; списки жертв нужно было составлять не только по капризу, но и другими методами.

Если рассматривать сталинский террор со статистическими данными в руках, как массовое явление, а не с точки зрения отдельных личностей, то он предстает в более рациональном виде. Отсутствие направленности на какие-либо определенные категории жертв — как могло бы быть у какого-нибудь Троцкого, — указывает на осмотрительную извилистость террора и не дает критикам выявить сколько-нибудь ясно его цели. Сталин, возможно, считал, что террористический эффект получается тогда, когда арестовывается и расстреливается определенная часть данной общественной группы. Тогда остальные приводятся к повиновению и подчиняются без жалоб. И с этой точки зрения не так уж важно, кто избран в качестве жертв —

особенно если все или почти все ни в чем не виноваты.

Заканчивая последнюю, шестую книгу своих воспоминаний, Илья Эренбург все еще спрашивал себя, почему одни были расстреляны, а другие спаслись. «Почему Сталин не тронул Пастернака, который держался независимо, а уничтожил Кольцова, добросовестно выполнявшего все, что ему поручали? Почему погубил Н. И. Вавилова и пощадил П. Л. Капицу? Почему, убив всех помощников Литвинова, не расстрелял строптивого Максима Максимовича?»[58].

Каковы бы, однако, ни были «статистические» объяснения, действие личных капризов Сталина тоже бросает полезный свет на его характер. Английский писатель Гэмфри Слэтер, обладавший большим политическим опытом, отмечал в 40-ые годы: «Похоже, что Сталин одновременно требует и ненавидит подхалимаж абсолютного подчинения»[59]. Эта мысль подтверждается и развивается дальше в недавних сочинениях Константина Симонова, который был близко связан с высшим советским руководством. В романе Симонова «Солдатами не рождаются» есть такой эпизод: во время войны Сталин получает письмо от генерала Серпилина, ходатайствующего об освобождении своего товарища и перечисляющего заслуги этого человека в годы гражданской войны. Симонов пишет:

«Воспоминания Серпилина нисколько не тронули Сталина. Решительность письма — вот что заинтересовало его. Рядом с деспотическим требованием полного повиновения, которое было для него правилом, в его жестокой натуре, как оборотная сторона того же правила, жила потребность встречаться с исключением. В нем по временам проявлялось нечто похожее на вспышки интереса к людям, способным на риск, на высказывание мнений, идущих вразрез с его собственным, действительным или предполагаемым. Зная себя, он знал меру этого риска и тем более способен был оценить его. Иногда. Потому что гораздо чаще бывало наоборот, в этом и состоял риск»[60].

Сталин дает Серпилину аудиенцию, и разговор проходит довольно хорошо:

«Серпилин, уходя, считал, что его судьба уже окончательно решилась в разговоре со Сталиным. Но на самом деле она до конца решилась не тогда, в разговоре, а сейчас, когда Сталин молча смотрел ему в спину. Он часто вот так окончательно решал судьбы людей, глядя им уже не в глаза, а в спину, когда уходили»[61].

К известным категориям людей Сталин, видимо, применял другие мерки. Его бывшие грузинские соперники и друзья были в большинстве расстреляны — так же как и русские. Но в то время как Сталин не выказывал ничего кроме презрения к большинству своих жертв, он по-иному подошел к казни своего зятя, старого грузинского большевика Алексея Сванидзе, которого расстреляли в 1942 году по обвинению в том, что он был фашистским агентом.

Перед расстрелом Сванидзе сказали, что Сталин помилует его, если он попросит прощения. «Когда Сванидзе передали эти слова Сталина, — рассказал потом на XXII съезде Хрущев, — то он спросил: «О чем я должен просить? Ведь я никакого преступления не сделал». Его расстреляли. После смерти Сванидзе Сталин сказал: «Смотри, какой гордый: умер, но не попросил прощения»[62].

Еще более исключительный пример — судьба другого грузина, С. И. Кавтарадзе. Он был председателем Совнаркома Грузии с 1921 по 1922 год, а затем Сталин свалил его вместе с остальными членами грузинского руководства в ходе борьбы, которая шла перед смертью Ленина и сразу после нее. Кавтарадзе был исключен из партии как троцкист в 1927 году и был среди тех, кого не реабилитировали в последующие годы. Разумеется, его арестовали и вынесли ему приговор в годы террора. Его видели в лагерях Мариинска и Колымы в 1936 году. Он был полностью лишен каких-либо партийных иллюзий[63]. В 1940 году он все еще был в лагере. Однажды его вызвал комендант, и Кавтарадзе

поехал под конвоем в Москву. К его величайшему удивлению, вместо того, чтобы расстрелять, его прямо в тюремной одежде привезли в Кремль. Его принял Сталин, любезно приветствовал и спросил, где он был все это время. Кавтарадзе был немедленно реабилитирован и в 1941 году послан в министерство иностранных дел, где скоро стал заместителем министра. После войны он некоторое время был послом в Румынии[64].

Кавтарадзе был меньшевиком, и Сталин в целом был сравнительно мягок к тем бывшим меньшевикам, которые не принимали участия в дальнейшей партийной борьбе. Тем не менее, это ясный пример того, как Сталин мог сознательно потворствовать своим капризам.

То же мы видим на примере ведущих противников Сталина в послереволюционной Грузии. Расстреляв Мдивани, Сталин сделал примечательное исключение, сохранив жизнь Филиппу Махарадзе. Хотя Махарадзе публично осуждался за разные ошибки, особенно в деликатной области истории грузинской компартии[65], он оставался председателем Президиума Верховного совета Грузинской ССР до самой смерти в 1941 году, и умер в почете. То, что Махарадзе пережил террор, очень странно — если, конечно, не считать наказанием четырехлетнее непрерывное ожидание ареста и не видеть в этом особенно тонкого акта мести.

Один своеобразный пробел в списках жертв террора напоминает нам о том, что в характере Сталина, возможно, оставались черты некоего кавказского рыцарства. Он не возражал против убийства или заключения в тюрьму женщин — «жены» упоминаются как нормальная категория подлежащих казни. Но внутри самых высших партийных кругов наблюдалось любопытное выживание старых большевичек. Вдова Ленина Крупская, конечно, в некотором смысле случай особый, хотя она довольно сильно противостояла Сталину в 20-е годы и даже нанесла ему личное оскорбление. Но Сталин, конечно, мог своей властью,

движимый обычной злобностью, легко доказать, что жена Ленина предала своего мужа.

Есть, однако, много других старых большевичек, переживших террор. Елена Стасова пережила самого Сталина. Спаслась Л. А. Фотиева, секретарь Ленина, которая должна была знать очень многое в самой чувствительной для Сталина области — о разладе Сталина с Лениным в последние месяцы жизни вождя революции. То же можно сказать о К. И. Николаевой — единственной, кроме Крупской, женщины в составе ЦК 1934 года, которая в числе немногих других была избрана в ЦК и в 1939 году (когда она к тому же числилась «зиновьевкой»). Еще один пример — Р. С. Землячка, избранная в ЦК в 1904 году. Жестокая террористка, Землячка была главным сподвижником Бела Куна в крымской резне 1920 года, против которой возражал сам Ленин. И она выжила, тогда как Кун отправился в камеру смертников. Александра Коллонтай — звезда «рабочей оппозиции» — была женой Дыбенко и жила со Шляпниковым. Сверх всего этого, когда Коллонтай приняла линию Сталина, она осталась послом в Швеции — должность, которая почти для всех была роковой. И все же она прожила сталинскую эпоху нетронутой, на том же посту.

Психологи могли бы сделать из этой черты Сталина кое-какие выводы. Во всяком случае, эта относительно человечная черта, возможно, отзвук Кавказа, так же, как склонность к кровной мести. Но гораздо менее ясно, почему спаслась еще одна «категория»: бывшие большевистские депутаты Государственной Думы. Все они (включая Григория Петровского, который находился под прямой угрозой в 1939 году) благополучно пережили террор.

После всего рассказанного нам все еще приходится вглядываться во мрак исключительной скрытности Сталина. Бывший высокопоставленный советский работник, человек очень проницательный, отмечает сталинское терпение и одновременно его капризность. Он пишет: «Эта редкая комбинация — главный ключ к его характеру»[66]. Несом-

ненно, это здравая точка зрения, но и она не подводит нас близко к полному пониманию.

Сталин никогда не рассказывал, что у него на уме, даже в отношении политических целей. Но не приходится сомневаться, что в общем он знал, что собирается делать. Гораздо труднее, как мы видели, определить, до какой степени ясности доводил он свои замыслы даже для самого себя, насколько далеко смотрел он вперед во время каждого данного кризиса. В политике у Сталина было нечто менее определенное, чем плановое управление событиями. Скорее, это было чувство событий, ощущение их. И в этом он не превзойден никем из своих современников.

Однако и без уверенности в том, что у Сталина существовал сознательный план на долгий период, можно сказать, что жажда власти была его сильнейшей и наиболее очевидной движущей силой. В истории были люди вроде Кромвеля, чей путь к власти оказывался поистине случайным, кто и не планировал и не особенно желал такого результата. Сталин, совершенно определенно, не из таких.

В своем разговоре с Каменевым в июле 1928 года Бухарин сказал ясно: «Он может в любой момент изменить свои теории, если надо от кого-нибудь отделаться»[67]. Но с политической точки зрения в этом можно усмотреть последовательность. Во всех действиях Сталина можно найти единственное и главное стремление — укреплять свою собственную позицию. Для практических целей все остальное было подчиненным. И это привело его к абсолютной власти. Макиавелли писал, что хотя в деспотических государствах власть захватить довольно трудно, но, однажды захватив, ее сравнительно легко удерживать. Сталин захватил власть и удержал ее.

На протяжении четырех лет после убийства Кирова Сталин провел революцию, которая полностью преобразила партию и общество. Этот период, в гораздо большей степени, чем сама Октябрьская революция, определил отрыв России от ее прошлого. Это была также наиболее глубокая травма

из всех тех, какие потрясли население страны в предшествующие бурные десятилетия, с самого 1905 года.

Несомненно, что такой радикальный поворот мог быть проведен только на странном фоне советского прошлого, на фоне необычных традиций Всесоюзной Коммунистической партии. И уже существовавшая к началу периода тоталитарная государственная машина была той точкой опоры, без которой нельзя было бы перевернуть мир. Но все же террористическая революция остается, как бы мы о ней ни судили, прежде всего, личным достижением Сталина. Если характер Сталина и не поддается прямому исследованию, то мы, во всяком случае, увидим, как этот характер с достаточной точностью проявлялся в его действиях в последующие годы, да и во всем облике государства, которое он создал.

ГЛАВА 3

1. Weissberg, *Conspiracy of Silence,* p. 507.
2. Koestler, *Darkness at Noon,* London, 1940, pp. 23-24.
3. Милован Джилас, «Разговоры со Сталиным», Изд. «Посев», Франкфурт 1970, стр. 58-9.
4. Abramovitch, *The Soviet Revolution,* p. 416.
5. F. Beck and W. Godin, *Russian Purge and the Extraction of Confession,* London, 1951, p. 227.
6. Bernard Roeder, *Katorga: an Aspect of Modern Slavery,* London, 1958, p. 196.
7. Этот вопрос отлично освещен в главах 24 и 25 в работе:Bertram D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution,* New York, 1948, and London, 1966.
8. В письме к Горькому в 1913 г. См. Ленинский сборник 1, стр. 134.
9. Souvarine, *Staline,* p. 267-9.
10. Там же, стр. 446.
11. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 29.

12. Там же, стр. 59.

13. Tokaev, *Stalin Means War*, London, 1951, p. 115.

14. Илья Эренбург, Собр. соч. т. 9, стр. 714 («Люди, годы, жизнь», кн. 6, гл. 30).

15. Джилас, «Разговоры», стр. 183.

16. Воспоминания Иосифа Иремашвили; не изданы; цитируются у Wolfe, *Three Who Made a Revolution*, p. 508.

17. Аллилуева, «20 писем к другу», стр. 103 и сл. Письмо 9; Barmine, pp. 263-4; Orlov, pp. 316-8.

18. Аллилуева, стр. 108 (Письмо 10).

19. Там же, стр. 108.

20. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, pp. 314-25.

21. Аллилуева, стр. 51-2, 123.

22. Tokaev, *Stalin Means War*, p. 128.

23. Там же, стр. 120; Аллилуева, стр. 197 и сл. (Письмо 19).

24. Barmine, p. 267; Аллилуева, стр. 24 и сл. (Письмо 3).

25. Souvarine, pp. 228-9.

26. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 49-50. Приведенные Хрущевым цитаты см. «Иосиф Виссарионович Сталин, Краткая биография», Москва, 1948, стр. 105, 240, 231 и 232.

27. Barmine, p. 305.

28. Троцкий, «Моя жизнь», т. 2, стр. 255. Несколько выше (стр. 241) Троцкий говорит, что «как высшее выражение аппаратной посредственности и поднялся Сталин».

29. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 52.

30. Deutscher, *Stalin*, p. 290.

31. См. Lukács в приуроченном к XXII съезду КПСС специальном выпуске журнала *Nuovi Argomenti*, окт. 1961.

32. Джилас, «Новый класс». Нью-Йорк, 1958, стр. 156.

33. Аллилуева, стр. 29 (Письмо 3).

34. Deutscher, *Stalin*, pp. 8, 14, 17-19, 23-24.

35. Джилас, «Новый класс», стр. 156.

36. Barmine, p. 161.

37. Джилас, «Разговоры», стр. 59.

38. Троцкий, «Сталин», гл XI «Междуцарствие». (Русского издания этой работы нет. В авторизованном французском переводе [Léon Trotsky, *Staline*, Paris, 1948] его можно найти на стр. 498).

39. Устное сообщение проф. Т. Самуэли автору.

40. И. Эренбург, «Новый Мир» № 5, 1962, стр. 152 («Люди, годы, жизнь»).

41. В книге «Михаил Кольцов, каким он был», составитель Н. Беляев, Москва, 1965, стр. 71.

42. B. Bazhanov, *Stalin der rote Diktator*, s. 21.

43. Barmine, p. 257.

44. Константин Симонов, «Солдатами не рождаются», Москва, 1964, стр. 681.

45. Троцкий, «Моя жизнь», т. 2, стр. 184.

46. Сталин, Собр. соч., т. 7, Москва, 1947, стр. 15 и «Рабочая газета», № 17, 21 янв. 1925.

47. Джилас, «Разговоры».

48. Н. К. Черкасов, «Записки советского актера», Москва, 1953, стр. 380-381. По словам С. М. Дубровского («Вопросы истории», № 8, август 1956, стр. 128), «Записки» Н. К. Черкасова были подготовлены к изданию при жизни И. В. Сталина. Никаких возражений ни со стороны последнего, ни со стороны лиц (Молотова, Жданова), присутствовавших при указанной беседе, не последовало. Очевидно, изложение беседы считалось правильным».

49. Adolf Hitler, *Mein Kampf*, 3-е изд., Мюнхен, 1928, т. 1, стр. 123.

50. Сталин, Собр. соч., т. 2, Москва, 1946, стр. 50-51. («Лондонский съезд Российской социал-демократической партии. Записки делегата»).

51. «Суд идет», глава 1. См. «Фантастический мир Абрама Терца», Нью-Йорк, 1966, стр. 201.

52. «Правда», 1 июля 1950. (Отчет объединенной сессии Академии Наук и Академии Медицинских Наук).

53. Souvarine, p. 250.

54. См. так называемое «Завещание» Ленина (Собр. соч., т. 45, стр. 346), «Добавление к письму (к съезду) от 24 дек. 1922 г.», а также его письмо Троцкому от 5-го марта 1923 г. (Собр. соч., т. 54, стр. 329-330).

55. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 8.

56. George Kennan in the Introduction to B. I. Nicolaevsky's *Power and the Soviet Elite*, 1965, p. XVII.

57. Аллилуева, стр. 54-55 (Письмо 5).

58. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 708 («Люди, годы, жизнь», кн. 6, гл. 30).

59. Humphrey Slater, *The Heretics*, Лондон, 1946.

60. Константин Симонов, «Солдатами не рождаются», стр. 676.

61. Там же, стр. 674.

62. XXII съезд КПСС, Стенографический отчет, т. 2, стр. 587 (заключительное слово Хрущева) и «Правда», 29 окт. 1961.

63. V. Petrov, *It Happens in Moscow*, pp. 122 ff.

64. См. БСЭ, 3-е изд., М., 1973, т. 11, стр. 124, статья «Кавтарадзе С. Н.».

65. См. БСЭ, 2-е изд., Москва, т. 26, стр. 545 (статья «Махарадзе»). См. также Л. П. Берия, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», 9-ое изд., Москва, 1952, глава IV, в частности стр. 230, 233, 240, 245.

66. Barmine, p. 257.

67. Dallin and Nicolaevsky, p. 19.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИЗНАНИЯ

— В чем проявлялся его фашизм?
— Его фашизм проявился, когда он сказал, что в такой ситуации, как современная, мы должны прибегнуть к использованию всех возможных средств.

Обмен репликами между Вышинским и Зиновьевым на суде в августе 1936 года.

Шесть месяцев, последовавших за процессом Медведя-Запорожца, остаются одним из самых неясных периодов террора. Этот период начинается со смерти еще одного члена Политбюро при до сих пор не выясненных обстоятельствах и заканчивается еще одним судебным процессом, на котором даже существо обвинений не было объявлено публично — процессом Каменева и других. Однако общий характер периода ясен, и сейчас можно восстановить многие детали.

Когда схлынула после убийства Кирова волна террора, умеренная фракция в Политбюро продолжала настаивать на более мягкой политике. Действительно, можно было с равным успехом и доказывать, что убийство Кирова явилось признаком напряженности, с которой лучше всего справиться проведением более популярной политики, и выдвигать противоположные утверждения, — что убийство указывало на необходимость дальнейшего террора.

Среди всех членов Политбюро председатель Госплана Валериан Куйбышев был, как полагают, наиболее активным сторонником линии Кирова. Английский историк Л. Шапиро считает возможным, что он был против январского суда над Зиновьевым-Каменевым[1]. Вне Политбюро влиятельными сторонниками более мягкой линии были Максим Горький и Надежда Крупская. Общество старых большевиков, которое на протяжении ряда лет было чем-то вроде партийной совести, резко протестовало против самой мысли о вынесении смертных приговоров участникам оппозиции. А среди ближайшего окружения Сталина той же точки зрения придерживался Авель Енукидзе, секретарь Центрального исполнительного комитета (ЦИК), руководивший, в числе других обязанностей, всей кремлевской администрацией.

Первой жертвой сталинских контрмер пал именно Енукидзе. Для начала его заставили выступить с небольшими, но многозначительными самообвинениями. 16 января 1935 года Енукидзе выступил в «Правде» со статьей на полстраницы; он писал о своих ошибках, допущенных в статьях для энциклопедии и других изданий и касающихся истоков грузинского большевистского движения. Ошибки состояли якобы в том, что Енукидзе преувеличивал собственную роль в большевистском движении Закавказья. Статья Енукидзе появилась в тот самый день, когда был вынесен приговор Зиновьеву и остальным — словно чтобы подчеркнуть связь между этими двумя событиями. Статья в «Правде» была началом быстрого падения Енукидзе.

Следующим сильным ударом по умеренным была смерть Куйбышева 26 января. Большинство подчиненных Куйбышеву по Госплану, включая его заместителя профессора Осадчего, были сняты с занимаемых постов за то, что возражали против плохо подготовленных ускоренных планов индустриализации в самом начале 30-х годов. Смерть Куйбышева была вначале подана как естественная,

однако позже было заявлено, что он погиб в результате заведомо неправильного лечения по приказу Ягоды.

О смерти Куйбышева до сих пор трудно сказать что-либо определенное. Здравый смысл здесь не помогает. С точки зрения здравого смысла здесь возможны две версии. Согласно первой, смерть Куйбышева следует принять за естественную, поскольку нет абсолютно ясных свидетельств обратного. Ведь если Куйбышева лечили, то до этого он должен был хотя бы заболеть; в конце концов, люди смертны, и не следует обязательно пытаться подогнать каждую смерть под какой-то заранее подготовленный шаблон. Однако, по другой логической версии, Куйбышев был одним из трех членов Политбюро (другие двое были Орджоникидзе и Киров, открыто возражавших Сталину; один из них, Киров, был убит незадолго до смерти Куйбышева, а другому предстояла недалекая смерть якобы от сердечного приступа. «Медицинское убийство» в условиях того времени не было таким уж невероятным событием; и, кроме того, как раз в момент смерти Куйбышева Сталин ополчился на двух других сторонников умеренного течения — Горького и Енукидзе. Что же мог предпринять Сталин против члена Политбюро, наиболее для него опасного и наименее уязвимого? Была ли в распоряжении Сталина какая-либо мера против Куйбышева, кроме той, какую он так успешно применил к Кирову?

Читатель может подумать, что подозрения заводят нас слишком далеко. Однако подозрения в определенной степени оправданы, если принять во внимание следующее. Все остальные девять членов Политбюро (и десять бывших членов Политбюро), умерших в период с 1934 по 1940 год, были жертвами Сталина; все его сторонники, возражавшие ему по вопросу террора, исчезли; и, что самое важное, остальные соратники Сталина по Политбюро, умершие до 1938 года, были тоже им убиты, но такими методами, что приписать убийство Сталину было нелегко.

Последняя фотография Куйбышева — на заседании Совета народных комиссаров — была сделана 23 января[2]. 26 января было объявлено о его смерти от сердечной болезни. Среди подписавших медицинский бюллетень были Каминский, Ходоровский и Левин; подписи всех троих появились позднее под медицинским заключением о столь же внезапной смерти Орджоникидзе якобы по той же причине — что, как теперь ясно, было фальшивкой.

У Куйбышева, насколько известно, было слабое сердце, и он лечился, начиная по крайней мере, с августа 1934 года. Его еще более ослабили острая ангина и последующая операция. Но в январе 1935 года он был в неплохом состоянии и еще работал за час или два до смерти[3].

Картина его смерти, данная на процессе Бухарина, была следующей. Куйбышев якобы страдал приступами стенокардии. Один из приступов случился с ним в кабинете, и ему позволили идти из Совнаркома домой без сопровождения, после чего он поднялся в свою квартиру на третий этаж. В квартире оказалась домработница, которая позвонила его секретарю и дежурному врачу, но когда они прибыли, Куйбышев был уже мертв[4].

На процессе говорилось, что смерть Куйбышева наступила от заведомо неправильного лечения, и что врачи во всяком случае должны были настаивать на постельном режиме[5]. Врачей (и секретаря Куйбышева Максимова) позднее обвинили в том, что они действовали по приказам Ягоды. В этом нет ничего невозможного: ведь совсем незадолго до того высокопоставленный офицер НКВД помог в убийстве Кирова, а Левин как-никак был врачом НКВД. Но одинаково возможно и то, что если Куйбышев не умер естественной смертью, то был убит не таким способом, который был объявлен на процессе; возможно, другой член Совета народных комиссаров вышел из соседнего кабинета со стаканом отнюдь не лекарства. Если так, то вероятно, что истинные факты были известны только

очень немногим, ныне покойным, и добраться до них не могут теперь даже следователи в СССР.

Среди тех, кто активно возражал против преследований членов оппозиции на протяжении всего периода, наиболее сильной фигурой был Максим Горький. Больше того, главной целью Горького было содействовать примирению партии с интеллигенцией — чтобы наставить советский режим, с которым вначале он был не согласен, на путь социалистического гуманизма. Горький верил, что советский режим и социалистический гуманизм совместимы. Во имя этой цели Горький скомпрометировал себя возвращением из Италии в 1928 году и защитой режима против внешних критиков.

Есть свидетельства, что Горький лично пытался помирить Сталина с Каменевым и даже, казалось, преуспел в этом в начале 1934 года, организовав их личную дружескую встречу[6]. Каменеву предоставили работу в издательстве «Академия».

Говорят, что сразу после убийства Кирова Горький был сильно возмущен, причем его гнев был направлен против «антипартийных убийц». Но вскоре он вернулся в вопросах общей политики на свои «либеральные» позиции. Негодование Сталина по поводу оппозиции Горького выразилось в том, что тут же появились, впервые после возвращения Горького в страну, резко критические статьи о нем[7]. Тем не менее, Горький продолжал свои усилия по примирению Сталина с оппозиционерами. То же делала и Крупская, главная союзница Каменева и Зиновьева в 1924 году.

В определенных пределах Крупская представляла моральную угрозу планам Сталина. Но, в отличие от Горького, она была членом партии и подчинялась той самой партийной дисциплине, которая заставила ее согласиться на сокрытие завещания мужа. Симпатии Крупской к зиновьевской оппозиции были общеизвестны в партии

на протяжении нескольких лет. В результате, к моменту, о котором идет рассказ, она потеряла большую часть престижа, которым пользовалась в высоких кругах, хотя имя ее было все еще популярно в партийных массах. Неизвестно точно, какими методами Сталин привел Крупскую к молчанию. Известно лишь, что однажды Сталин обронил, что если Крупская не перестанет его критиковать, то партия объявит, что не она, а старая большевичка Елена Стасова была женой Ленина. «Да-да, — добавил Сталин строго, — партия все может»[8].

Во всяком случае, Крупская могла сделать лишь очень немногое. Было нетрудно изолировать ее от контактов с иностранцами, окружить сотрудниками НКВД и в то же время призвать к повиновению партийным приказам — опять-таки в отличие от Горького. Есть сведения, что на протяжении последних лет Крупская находилась под постоянным страхом убийства. Но Сталин — по его меркам, разумеется, — относился к Крупской сравнительно хорошо, он не выдвинул против нее ложных обвинений и (насколько известно) не отравил ее.

1 февраля 1935 года пленум ЦК избрал Микояна и Чубаря на посты в Политбюро, освободившиеся со смертью Кирова и Куйбышева. Жданов и Эйхе были избраны кандидатами в Политбюро. В той степени, в какой Микоян поддерживал экстремистскую линию Сталина в период террора (и в какой Жданов поддерживал ее среди кандидатов), эти выборы были победой Сталина. И все же он еще не был полностью готов опрокинуть «умеренных» в руководящих политических органах.

Что касается ключевых организационных постов в партии и в террористической машине, дело выглядело иначе. Секретарем ЦК стал испытанный и безжалостный исполнитель Николай Ежов, а 28 февраля он был дополнительно назначен на важный пост председателя Центральной Контрольной Комиссии[9]. Несколькими днями позже

другой видный молодой сталинец, ставленник Кагановича, Никита Хрущев был сделан первым секретарем московского обкома партии[10]. К июню Андрей Вышинский стал Генеральным прокурором, а к 8 августа 1935 года пост заместителя Ежова по отделу кадров ЦК занимал Георгий Маленков[11].

Таким образом, к середине 1935 года Сталин лично подобрал людей, которые вскоре показали себя подлинными энтузиастами террора. Под контролем этих людей находились Ленинград и Москва. Сталин мог быть спокоен и насчет Закавказья, где правил Берия. Такие же люди работали в Центральной Контрольной Комиссии, в важнейших отделах секретариата ЦК и в генеральной прокуратуре; а руководство НКВД, если и оказалось в дальнейшем неудовлетворительным для Сталина, то было, во всяком случае, полностью под его контролем.

Но в формальных органах партийной власти — в ЦК и Политбюро — Сталин еще не достиг такой же самой мертвой хватки. Во главе многих областных комитетов партии стояли люди, подчинявшиеся с неохотой. А руководство на Украине было того же типа, от которого Сталину пришлось отделаться в Ленинграде с помощью пули убийцы. Однако для атаки на эти старые кадры уже был установлен хороший трамплин.

В течение того же внешне спокойного периода шел медленный, но верный прогресс в контроле над мыслями и в чистке партии. Циркуляром от 7 марта 1935 года предписывалось изъятие из всех библиотек сочинений Троцкого, Зиновьева и Каменева. Еще один циркуляр, датированный 21 июня, дополнил этот список Преображенским и другими[12].

19 мая 1935 года Центральный комитет разослал на места закрытое письмо, призывавшее выявлять «врагов партии и рабочего класса», еще остававшихся в рядах самой партии[13]. Особая резолюция ЦК от 27 июня (по-

видимому, типичная) определяет взыскания членам комиссии по партийной чистке одной из западных областей за недостаточную бдительность[14].

Закрытым письмом от 13 мая 1935 года назначена еще одна «проверка»[15]. В результате, из проверенных 4.100 членов партии тогдашнего Смоленского района Западной области было исключено 455 членов — после 712 устных выступлений на партийных собраниях и 200 письменных доносов[16]. На одного партийца донесли, будто он признавал, что имеет у себя «платформу троцкистов». Другой член партии, профессор, дал в свое время хорошую характеристику троцкисту, а потом «не выражал своего отношения к контрреволюционному троцкизму». Группа рабочих-коммунистов написала донос на свое местное партийное руководство за то, что оно... не прислушивалось к доносам. На партийных собраниях типичными репликами были, например, такие: «Есть сведения, что Смолов женат на дочери купца Ковалева, и что парторг второй группы в институте — сын человека, которому был объявлен строгий выговор»[17]. К 1 августа, как отмечено в докладе, подписанном Ежовым и Маленковым, в весьма представительном районе Западной области 23% всех партийных билетов было либо отнято, либо удерживалось партийными органами на период расследования[18].

Еще более поразительны были некоторые изменения в советских законах. Законом от 30 марта ношение холодного оружия — попросту ножа — было объявлено преступлением, влекущим лишение свободы до 5 лет. Закон от 20 июля 1934, позднее включенный в Уголовный кодекс (статья 58, пункты 1а, 1б, 1в и 1г), был еще более потрясающим поворотом, полностью показывающим стиль сталинской эпохи. Этим законом устанавливалась смертная казнь за бегство за границу как военного, так и гражданского лица; в случае бегства военнослужащего члены его семьи, знавшие о намерениях беглеца, подлежали заключению сроком до 10 лет; а «остальные совершеннолетние

члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления», — подлежали «ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет»[19]. То была поистине новинка!

В «Курсе советского уголовного права», изданном в 1955 году, эти меры все еще оправдываются. Авторы с одобрением говорят о «применении специальных мер к совершеннолетним членам семьи военнослужащего-изменника при перелете или побеге его за границу, в тех случаях, когда совершеннолетний член семьи ничем не способствовал готовящейся или совершенной измене и даже не знал о ней». Авторы книги оправдывают это следующим образом: «... политический смысл (этого закона) заключается в усилении общепревентивного действия уголовного закона для предупреждения такого тягчайшего злодеяния, как совершение военнослужащим перехода или перелета за границу, в результате которого сам виновный не может быть подвергнут наказанию»[20].

Фактически перед нами грубое и открытое введение системы заложников — показатель того, в каком направлении шли мысли Сталина и в других случаях[21].

Еще более чудовищным, но столь же важным для общих планов Сталина было постановление от 7 апреля 1935 года, распространившее все виды наказания, включая смертную казнь, на детей с 12-летнего возраста[22].

Это постановление было замечено на Западе, что дало повод пропаганде, чрезвычайно неблагоприятной Советскому Союзу. Многие удивлялись, как это Сталин публично объявил подобный закон. Даже если он действительно намеревался расстрелять детей, то это можно было бы сделать без огласки. Так, например, один старый сотрудник НКВД рассказывает, как за два-три года до того количество беспризорных было снижено путем повальных расстрелов[23].

Как выяснилось впоследствии, Сталин имел особые причины для объявления такого закона. С его изданием

он мог грозить участникам оппозиции, что их дети будут уничтожены на вполне «законном» основании, как соучастники, если арестованные оппозиционеры не выполнят того, чего он от них требовал. Сам факт, что Сталин, публикуя закон, пошел на ухудшение репутации страны во всем мире, придавал этому шагу зловещую серьезность.

Трудно сказать, почему начальный возраст был установлен в 12 лет. Вероятно, члены оппозиции имели детей соответствующего возраста. Могло сыграть роль и то, что у Сталина был приблизительный прецедент, против которого оппозиция в свое время не возражала. Это — казнь тринадцатилетнего Цесаревича Алексея, уничтоженного вместе со своей царской семьей в екатеринбургском подвале 16 июля 1918 года.

А что касается момента издания закона, то, хотя Сталин и обладал великолепным предвидением в подобных маневрах, похоже, что в данном случае мы должны связать этот закон с событием, которое происходило как раз тогда.

Об этом событии почти ничего не опубликовано. Речь идет о попытке связать оппозицию с заговором, направленным на убийство Сталина. В истории об этом заговоре есть, по-видимому, какое-то зерно правды. Имеется несколько свидетельств о якобы покушении на Сталина в библиотеке Центрального Исполнительного Комитета — покушении, исполнительницей которого называют молодую графиню Орлову-Павлову. «До суда она не дожила — ее расстреляли немедленно после ареста, чуть ли не по личному приказу Сталина»[24]. Около 40 человек было арестовано весной 1935 года[25]. В их числе — кремлевские охранники и сотрудники НКВД, которые якобы служили связными в заговоре убийц[26]. В последующий период вокруг этого дела шла глухая борьба.

Сталин снова намеревался привлечь к делу оппозицию. У Каменева был брат — художник Розенфельд, чья жена работала кремлевским врачом. По этой ничтожной род-

ственной связи имя Каменева начало фигурировать в деле. Ежов, как представитель Центральной Контрольной Комиссии, требовал для него смертной казни. Но это требование встретило сопротивление. Особенно энергично протестовал Горький.

Другого ведущего сторонника умеренной линии уже удалось заставить замолчать. Секретарь ЦИК Енукидзе отвечал, как уже сказано, за всю администрацию Кремля. И было легко обвинить его в халатности — или даже соучастии — по поводу любого заговора внутри кремлевских стен. Более того, Енукидзе долгое время оказывал определенную протекцию некоторым скромным и не участвовавшим в политике уцелевшим представителям дореволюционных классов, конечно, с ведома Сталина. Теперь и эта защита обернулась против него. Наиболее вероятно, что он был снят со своих постов еще в марте — с обещанием ответственной должности на Кавказе. Это обещание не было выполнено.

Вместе с Енукидзе был снят его доверенный человек — комендант Кремля латыш Р. А. Петерсон. В свое время Петерсон командовал поездом Троцкого[27] — знаменитой подвижной ставкой верховного главнокомандующего в годы гражданской войны. Убрав Петерсона из Кремля, его не сразу арестовали, а перевели на должность помощника командующего войсками Киевского военного округа, которую он занимал до 1937 года[28], и в том же 1937 году был ликвидирован. Позже (в 1938 году) его имя фигурировало в списке военных заговорщиков, которые якобы готовили переворот в Кремле; причем говорилось, что Петерсон был подобран для этой цели самим Енукидзе[29].

Авель Енукидзе был не единственным старым партийцем, выражавшим сомнения по поводу жестокости нападок на оппозицию. Во время дела Ленинградского комитета партии отдельные заслуженные члены партии, Общество старых большевиков и столь же почетное Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев

занимались сбором подписей во влиятельных кругах под петицией в Политбюро против казни участников оппозиции. Даже Сталин внес предложение не принимать этой меры в данном процессе[30]. Теперь это рассматривалось как фракционная деятельность. 25 мая Центральный комитет партии распустил Общество старых большевиков, а для его ликвидации назначил комиссию, в которую входил Шкирятов и которая состояла главным образом из молодых сталинцев, в том числе Маленкова[31].

Общество старых большевиков имело собственное издательство, которое публиковало мемуары членов Общества и некоторые теоретические книги. Было почти немыслимо, чтобы новый режим не счел многое в этой литературе, особенно в мемуарах, «неподходящим». Как обычно, Сталин совместил политический ход с утолением своей личной мести.

В конце июля «Правда» начала публиковать отрывки из работы Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Это сочинение было просто прославлением Сталина и публиковалось теперь как пример того, каким отныне должен быть правильный подход к прошлому партии. Было сказано, что до того Енукидзе и Орахелашвили извращали исторические факты с враждебными намерениями. Говорилось, будто историки эти не оценивали должным образом заслуг Сталина — хотя в свое время их работы выглядели подборкой фактов в его пользу. Но уровень необходимой лести был теперь резко поднят.

19 мая 1962 года «Правда» писала о том, что падение Енукидзе было связано с желанием Сталина возвеличить свою собственную роль в истории кавказского революционного движения, и что ответственным за это был «известный фальсификатор истории нашей партии, провокатор и авантюрист Берия»[32]. Между тем, и Берия, и весь вопрос об этих мемуарах могли играть лишь второстепенную роль;

подобное истолкование дела Енукидзе представляет собой слишком поверхностный взгляд на истинные мотивы Сталина. Тем не менее, желание скрывать и извращать прошлое определенно имело значение.

Публикация мемуаров старых большевиков теперь прекратилась. Косиору, например, который считал, что «следует помочь ветеранам», Петровский рассказал, как Сталин заявил однажды на Политбюро: «Пусть этим займутся будущие историки»[33].

К началу июня Енукидзе был политически объявлен вне закона. Одним из главных пунктов повестки дня пленума ЦК, проведенного 5-7 июня, были обвинения Енукидзе в «политическом и бытовом разложении»[34]. Доклад по этому вопросу сделал Ежов, и бывший секретарь Центрального Исполнительного Комитета был исключен из ЦК и из партии. (На место Енукидзе был назначен Акулов, до того времени занимавший пост генерального прокурора. Именно в тот момент генеральным прокурором стал Вышинский). Вскоре газеты опубликовали резкие нападки на Енукидзе от имени двух молодых сталинских секретарей ленинградской и московской партийных организаций — Жданова и Хрущева. Енукидзе обвиняли в том, что он «предстал адвокатом злейших врагов рабочего класса» (Хрущев) и «обнаружил себя гнилым обывателем, зарвавшимся, ожиревшим, потерявшим лицо коммуниста, меньшевиствующим вельможей» (Жданов)[35].

Говоря о «злейших врагах рабочего класса», обвинители Енукидзе, вероятно, имели в виду пожилую женщину дворянского происхождения, служившую хранителем кремлевских антикварных ценностей[36] и возведенную в ранг агента классового врага. Есть также свидетельства, как сказано выше, что девушка, якобы пытавшаяся убить Сталина, была графиней. Во всяком случае, связь между этими странными обвинениями по адресу Енукидзе и предполагавшимся кремлевским покушением неоспо-

рима. В то время Енукидзе не судили, официально его, по-видимому, обвиняли только в халатности. Но уже в начале 1937 года он был под арестом[37].

Следующий удар был нанесен по Обществу бывших политкаторжан, которое было распущено 25 июня тем же способом, что и Общество старых большевиков. И опять ликвидацией дел Общества занялась комиссия, на сей раз во главе с Ежовым. Многие члены Общества политкаторжан — те, кто участвовал в кампании за милосердие — были либо сразу, либо по прошествии некоторого времени арестованы. Ветеран партии Лобов, особенно активный в протестах против внутрипартийного террора, умер, как передают, от сердечного припадка во время следствия[38].

Хотя старые революционеры и оказывали некоторое сопротивление Сталину, главный отход от сталинской линии и от него самого наблюдался в самом младшем молодом поколении коммунистов. Как уже говорилось, сотрудники НКВД в ходе расследований по убийству Кирова обнаружили, что среди руководителей молодежи раздавались бунтарские высказывания. Еще более угрожающим было то, что убийство Кирова вдохновило различные группы молодежи на разговоры о возможности убийства Сталина и даже на составление планов убийства, Правда, все эти разговоры и планы носили любительский характер, и силы заговорщиков не могли сравниться с полицейскими силами нового режима. Так или иначе, подобные группы молодежи неуклонно арестовывались и расстреливались. Но комсомол в целом тоже нуждался в основательной чистке. В конце июня была объявлена реорганизация комсомола с целью устранения из него врагов партии[39].

В целом, шаги Сталина, предпринятые им на протяжении последних шести месяцев, очевидно усилили его позицию. И тем не менее, все политические ходы не смогли, например, сломить сопротивление смертному приговору в отношении Каменева. Было ясно, что это могло быть достигнуто только сплошным террором, направленным

против более умеренных сталинистов. А почва для этого еще не была как следует подготовлена. И Сталин на время отложил этот план.

Поэтому 27 июля Каменев был приговорен секретным судом к 10 годам заключения по статье 58-8 уголовного кодекса[40]. Статья означала террористические действия против советских официальных лиц. Брат Каменева Розенфельд выступил тогда свидетелем обвинения[41]. Фигурировали на этом процессе другие члены оппозиции или нет — сказать сейчас невозможно. Точно так же неизвестно, судили ли в то время других предполагаемых кремлевских заговорщиков или только их, так сказать, старшего соучастника. Судили их вместе с Каменевым или расправа последовала еще раньше? Опять трудный вопрос. Но известен один результат: всего было вынесено 42 приговора, из них два смертных.

Сильное давление, оказанное Сталиным в летние месяцы, до известной степени продвинуло планы будущего террора. Роспуск обществ, объединявших старых большевиков, кампания против «гнилого либерализма» Енукидзе, новый приговор Каменеву — все это для Сталина было продвижением к цели. Тем не менее, это было трудное продвижение, и еще невозможно было устроить открытый процесс над Каменевым или даже приговорить его закрытым судом к смерти. Очевидно, необходимы были более тщательные приготовления. Последующие месяцы прошли в консолидации достигнутого и в подготовке образца, по которому НКВД мог в дальнейшем расправляться с оппозицией.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

С точки зрения террора период с июля 1935 по август 1936 года был по своим внешним проявлениям чем-то вроде идиллического антракта. Говорят, что народы, вообще не

имеющие истории, — самые счастливые. Если так, то указанный период был действительно хорошим. Ни одной смерти члена Политбюро, никаких судов над важными участниками оппозиции, не смещена ни одна ведущая политическая фигура. Да и урожаи зерна в стране были в это время неплохими.

В декабре 1935 года пленум ЦК принял длинную резолюцию о проверке партийных документов. Позднее эта резолюция послужила организационной основой террора. Но сама по себе она выглядела безобидной. Более того, она объявляла, что чистка партии, начатая в 1933 году, теперь окончена.

А тем временем Бухарин и Радек были заняты проектом новой конституции. Они были активными членами комиссии по составлению этого проекта, созданной в феврале 1935 года[42]. Проект был готов к июню 1936, и Бухарин, в частности, полагал, что с изданием этого документа будет уже невозможно пренебрегать мнениями и нуждами народа[43].

Это и правда был образцовый документ, представляющий, например, гарантии против произвольного ареста (статья 127), неприкосновенность жилища и тайну переписки (статья 128), да и вообще свободу слова, печати, собраний и демонстраций (статья 125). Тот факт, что Бухарин, один из авторов проекта, всерьез думал о возможности применения новой конституции, показывает, что даже он воображал, будто наступило настоящее послабление.

Мнение Бухарина о коммунистах было в то время следующее: они все хорошие люди, готовые к любым жертвам. Если они действуют предосудительно, то не потому, что они плохие, а потому, что плоха ситуация. Им следует понять, что страна не против них, и им нужно только изменить политику.

Бухарин вплотную подошел к той точке зрения, что большевизм нуждался в гуманизации, и он с надеждой

смотрел на интеллектуалов — в особенности на академика Павлова и Горького— ища у них поддержки. Павлов, великий физиолог, был резким противником коммунистов. Когда в середине 20-х годов имя Бухарина появилось в списке кандидатов в Академию наук, Павлов возражал против его кандидатуры, говоря, что этот человек «по колени в крови». Постепенно, однако, они стали друзьями. Передают даже, что Бухарин хотел ввести в проект новой конституции пункт о том, чтобы интеллигенция могла выдвигать своих кандидатов, будучи чем-то вроде «второй партии»[44] — не для сопротивления режиму, а для конструктивной критики. Вот уж, действительно, туманный утопизм!

На деле Сталин просто изменил тактику. За спокойным фасадом шла неистовая деятельность. Были готовы все элементы, которые предстояло лишь собрать воедино, чтобы запустить большой террор. Прежде всего, Сталин обеспечил себе прямой контроль над тайной полицией и насадил другие органы, ответственные только перед ним и способные, при умелом тактическом руководстве, обходить официальную иерархию партии и государства. Затем, была уже установлена традиция подтасованных судов в политических целях; эта традиция не встречала в партии сильных возражений, поскольку обычай применять явную неправду для достижения определенных политических целей укрепился еще гораздо раньше. В третьих, бывшие участники оппозиции смирились с тем, что под давлением особых обстоятельств, существующих в жизни коммунистов, они должны признавать ошибки, которых никогда не делали, если, по их мнению, это было в интересах партии. И, наконец, оперативники НКВД уже были приучены применять пытки, шантаж и фальсификацию — пусть пока, главным образом, к беспартийным.

Но если техническая сторона террора была подготовлена полностью, то этого нельзя было еще сказать о политической подготовке. Все еще было очень возможно, что если бы Сталин вновь поставил проблему террора, как он

пытался ставить ее раньше, то натолкнулся бы на мощное сопротивление. И он выбрал другой метод. Дело должно было теперь готовиться в полной тайне — что не было трудно, поскольку обреченные зиновьевцы и троцкисты были уже под арестом. Секретное следствие должно было идти во время летних отпусков и, в частности, в отсутствие самого Сталина. О смертных приговорах не должно идти речи до тех пор, пока они не будут вынесены; и даже тогда следует намекнуть на то, что приговоры могут быть смягчены. Но на самом деле смертные приговоры должны быть приведены в исполнение безо всякого обсуждения.

В тот самый момент, летом 1935 года, когда Сталин отступил в вопросе о смертном приговоре Каменеву, он сделал первые шаги к достижению того же результата своим «новым методом». В числе многих арестованных в то время была группа студентов-комсомольцев из города Горького, которая обвинялась в попытке покушения на Сталина. Фактически эти молодые люди не шли дальше разговоров, но уже одно это предопределило их смертную казань. Обычная судебная процедура должна была состояться в конце лета, но внезапно дело было приостановлено для «доследования» по распоряжению Секретариата ЦК[45].

НКВД выбрал именно эту группу потому, что имел способ связать их с Троцким, а следовательно и построить на этом большой политический заговор. Связь с Троцким НКВД намеревался установить с помощью одного из своих людей — Валентина Ольберга.

Ольберг в прошлом был агентом иностранного отдела НКВД и работал в Берлине среди троцкистов как секретный информатор. В 1930 году он даже попытался получить пост секретаря Троцкого — это было одной из первых попыток НКВД проникнуть в ближайшее окружение изгнанного вождя. (Успех, как мы теперь знаем, был достигнут лишь в 1940 году). С 1935 года Ольберг работал для секретного политического отдела НКВД, разоблачая троцкистские тенденции в Горьковском педагогическом институте, где и

обучались члены вышеназванной группы. Назначение Ольберга в институт встретило сопротивление местных партийных работников — в частности, заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии Елина. По мнению Елина, у Ольберга не было достаточной квалификации; кроме того, он был иностранец — латыш. Возражения Елина, направленные в ЦК партии, содержали, кроме того, верную догадку, что документы Ольберга были поддельными. Однако Ежов лично заставил принять Ольберга.

К началу 1936 года НКВД стал успешно расширять рамки этого комсомольского заговора. Был арестован ряд профессоров и преподавателей института. А Ольбергу приказали в порядке партийной и полицейской дисциплины признаться в том, что он служил связным между этой группой и Троцким. Ольбергу объяснили, что это было просто требованием НКВД и что независимо от приговора суда он будет освобожден и направлен на ответственный пост на Дальнем Востоке. И агент подписывал все, что от него требовали[46]. Коротко говоря, Ольберг «признался», что был послан Троцким для организации убийства Сталина; что с этой целью завербовал преподавателей и студентов института, которые должны были организовать покушение на Сталина во время своей поездки в Москву на Первомайский парад 1936 года.

Работа над делом Ольберга шла не прямо и потребовала времени. Например, Елина, который знал слишком много, казнили без суда[47], хотя имя его пришлось несколько раз упомянуть во время открытого процесса. В деле фигурировал брат Ольберга, П. Ольберг, и его показания оглашались на суде, хотя сам он не появлялся. Среди других обвиняемых был директор педагогического института Федотов. Он в чем-то «признался», однако был сочтен, видимо, недостаточно надежным, чтобы давать показания на публике, и до суда так и не дошел. Преподаватель химии Нелидов, который очень нужен был в этом деле как гипотетический изготовитель бомб, не был членом партии. Несмотря на дикое

давление одного из наиболее страшных следователей, Кедрова-младшего, его не удалось сломить.

Тем не менее, к концу февраля 1936 года версия Ольберга была доработана до приемлемого вида[48], и НКВД определенно выбрал эту версию как базу для всего заговора оппозиции. Однако, связи Ольберга были ведь только с Троцким. Необходимо было отыскать «троцкистско-зиновьевский центр» с какими-нибудь ниточками к Зиновьеву. Начальник секретного политического отдела НКВД Г.А. Молчанов собрал около сорока ведущих сотрудников наркомата на совещание. Он объявил, что раскрыт широкий заговор и что все они будут освобождены от текущих обязанностей, чтобы заняться расследованием по этому делу. Политбюро, — продолжал Молчанов, — считает свидетельства о заговоре абсолютно достоверными, и задача, таким образом, сводится к тому, чтобы выяснить детали. Не могло быть и речи о том, что кто-либо из арестованных невиновен[49].

Сидевшие на совещании высшие сотрудники НКВД немедленно поняли, что все дело — не более, чем инсценировка, поскольку они ведь годы подряд занимались надзором над оппозиционерами и никакой такой деятельности не замечали. Более того, если бы подобный заговор действительно выплыл наружу, а они о нем не подозревали бы, то им по меньшей мере грозили бы строгие выговоры. Сам факт переключения ведущих сотрудников НКВД на расследование этого так называемого заговора показывает, насколько мало сам Сталин верил в существование какой бы то ни было конспирации. Иначе как мог бы он снять большинство опытных сотрудников с расследования других дел, считавшихся тоже реальными? А он просто переключил этих людей с работы над их обычными повседневными судебными фарсами, потому что ему нужен был огромный, самый главный судебно-следственный фарс.

В лице НКВД Сталин имел теперь мощное и проверенное орудие. Во главе НКВД стоял Ягода. Заместителем Наркома

по вопросам безопасности был закадычный друг Сталина Агранов. Этот человек окончил свои «особые поручения» в Ленинграде и передал город в руки ужасающего Заковского. Как говорили, Заковский хвастал, что если бы ему пришлось допрашивать Карла Маркса, то он быстренько добыл бы признание, что Карл Маркс был агентом Бисмарка.

Центральным ядром полицейской машины НКВД было Главное управление государственной безопасности. Оно состояло из ряда хорошо организованных отделов, разделенных по, так сказать, профессиям, и специализировалось во всех видах следствия, допросов и фальсификации. Почти все ведущие сотрудники управления работали в нем около десяти лет и имели дело со всеми крупными процессами конца 20-х и начала 30-х годов. (Помимо этого механизма тайной полиции, НКВД управлял также милицией, пограничной охраной, своими собственными внутренними войсками, пожарной охраной и исправительно-трудовыми лагерями; Главное управление лагерей, ГУЛАГ, руководимое Матвеем Берманом, уже успело принять огромное количество жертв террора).

Ягода, Агранов и Ежов, как представитель Центрального комитета, играли главную роль в организации будущего процесса, а все основные совещания по этому вопросу вел лично Сталин. Первые трое осуществляли общее руководство, а технически ответственным за всю операцию был так называемый секретный политический отдел Главного управления государственной безопасности. Этому отделу были приданы сотрудники других отделов Главного управления, в том числе даже руководители отделов.

Секретный политический отдел, который берет начало еще со времен ЧК и всегда был ее ядром[50], оставался ключевым центром тайных полицейских операций. Этот отдел осуществлял руководство соответствующими местными органами по всей стране, отвечал за их работу и вел политическую борьбу против всех враждебных элементов. Как уже сказано, отделом руководил Г. А. Молчанов, совер-

шенно беспринципный карьерист; его заместителем был некто Г. Люшков.

Ответственным за безопасность во всей промышленности был экономический отдел. Этот отдел занимался также и сельским хозяйством — но не транспортом, поскольку транспортный отдел существовал самостоятельно.

В советских условиях этот отдел имел такой же вес, как и секретный политический отдел. Именно экономический отдел провел такие судебные процессы, как, например, Шахтинский, который хотя и не был политическим, основывался все же на так называемых экономических преступлениях. Руководитель экономического отдела Л. Г. Миронов обладал совершенно исключительной памятью, что очень ему пригодилось при фабрикации и обработке деталей первых двух процессов. Руководя своим обширным отделом, Миронов в то же время действовал как помощник Ягоды по всем вопросам государственной безопасности. Люди, знавшие Миронова, говорят о нем как о добросовестном партийце, который был подавлен преследованиями старых большевиков[51]. Предыдущие дела, которые он организовывал и которые, по-видимому, не оказывали на него подавляющего действия, включали промпартию и дело инженеров фирмы Метрополитен-Виккерс; что ж, при всей политической значительности этих дел их все же можно было рассматривать как «экономические». Предстоявший процесс над Зиновьевым не имел отношения к экономике. Тем не менее Миронову была поручена в подготовке процесса важная роль.

Охраной руководителей партии и важных объектов, а также расследованием «террористических актов» занимался оперативный отдел. Главной задачей отдела считалась в то время защита лично Сталина. Начальник отдела К. В. Паукер или его заместитель Волович почти не отходили от Сталина, кроме тех моментов, когда он был в своем хорошо охраняемом кабинете; третье по старшинству лицо в отделе, некто Черток, занимался организацией охраны

Сталина во всех возможных его передвижениях и местах пребывания.

Паукер был чем-то вроде злобного фигляра. В свое время он работал парикмахером и служителем оперных артистов в Будапеште и имел склонность к комическому актерству. Попав в русский плен в 1916 году, он вскоре стал членом коммунистической группы, которая возникла среди пленных. Человек невежественный и необразованный, без всяких политических убеждений, он был завербован в ЧК (подобно многим другим иностранцам в те дни) и стал проводить обыски и аресты. Он опять стал затем личным служителем, только уже Менжинского, который ему доверял и в конце концов назначил его начальником кремлевской охраны и руководителем оперативного отдела. Паукер был в хороших отношениях и со Сталиным, который даже разрешал ему брить себя[52].

Административно-учетные функции во всей сети тайной полиции выполнял Спецотдел. Сюда, в Спецотдел, сходилась также вся информация относительно различных «антисоветских элементов». Во главе Спецотдела стоял М. И. Гай.

Шпионажем и террором за границей ведал иностранный отдел. Начальник отдела, А. А. Слуцкий, лицемерный интриган, играл важную роль в допросах главных действующих лиц. Его заместителями были Борис Берман и некто Шпигельгляс.

Транспортный отдел во главе с А. М. Шаниным был единственным, не принимавшим активного участия в подготовке процесса. У транспортного отдела и так были полны руки всевозможными обвинительными делами, которые Каганович непрерывно возбуждал против железнодорожников.

Весь этот аппарат работал, впрочем, достаточно гибко. Между отделами существовала постоянная связь. В обычае была также передача менее важных материалов из одного отдела в другой в порядке реорганизации.

Таков был боевой порядок штурмовых колонн террора, которые Сталин бросал теперь в атаку на беззащитных арестантов Лубянской тюрьмы.

Силы НКВД поддерживала еще одна организация – прокуратура. До 1933 года прокуратура еще не была централизована во всесоюзном масштабе — зато потом она стала одной из наиболее централизованных организаций СССР. Все местные прокуратуры полностью и одинаково подчинялись Генеральному прокурору в Москве, пост которого к тому времени уже занимал Вышинский. В 1936 году Вышинский выпустил книгу под названием «Судоустройство СССР». В этой книге он открыто изложил принцип своей деятельности, а именно полное подчинение закона так называемым революционным требованиям. Согласно Вышинскому, любые расхождения между буквой закона и партийной политикой должны решаться только подчинением формальных указаний закона политике партии[53]. Ближайшим помощником Вышинского был Рогинский — фанатик, который был способен оправдывать массовые ликвидации даже после того, как сам угодил в лагерь.

В готовящийся процесс был вовлечен председатель хлопкового синдиката Исаак Рейнгольд. Он был другом Сокольникова и имел связи с Каменевым. Сильный 38-летний человек, Исаак Рейнгольд оказался крепким орешком для следователей. Один из худших представителей НКВД, Черток, допрашивал Рейнгольда три недели подряд, часто по 48 часов непрерывно, без сна и пищи. В присутствии Рейнгольда был подписан ордер на арест его семьи. В конце концов ему вручили смертный приговор и сказали, что этот приговор будет приведен в исполнение автоматически и немедленно, если он не даст показаний. Рейнгольд и после этого отказался, но сказал, что подпишет что угодно, если получит прямые указания партии. Ягода не принял этого условия, и допросы продолжались. А затем вмешался Ежов. Он лично приказал

Рейнгольду от имени Центрального комитета партии дать требуемые показания. И к началу лета от Рейнгольда были получены необходимые свидетельства против группы Зиновьева.

НКВД арестовал также Ричарда Пикеля, писателя и драматурга, участника гражданской войны. К моменту ареста он работал в Камерном театре в Москве и совершенно не занимался политикой. Но в свое время он возглавлял секретариат Зиновьева.

Пикель был личным другом многих высокопоставленных сотрудников НКВД. Некоторое время он сопротивлялся на следствии, но потом его друзья обещали Пикелю жизнь. Это подтвердил Пикелю и лично Ягода. Тогда писатель согласился дать показания, но только против Зиновьева и самого себя. Что касается других, то Пикель сформулировал следующее правило: он будет показывать только против тех, против кого уже есть показания других лиц или кто оговорил самого себя[54].

Как видим, признания арестованных, за исключением Ольберга, добывались с известными трудностями. Есть сообщения, что Сталину пришлось привезти около 300 бывших участников оппозиции из тюрем и изоляторов[55], чтобы НКВД мог испытывать их как будущих участников открытого процесса. К маю было добыто около 15 подходящих признаний, и число их продолжало увеличиваться.

Не было необходимости использовать полученные свидетельства во всех деталях (фактически круг обвиняемых на процессе был ограничен восемью политическими фигурами плюс еще восемь мелких «соучастников», в основном провокаторов). Главной целью этой предварительной работы было предъявить добытые показания главным обвиняемым, которых пока не трогали, с целью оказать на них решающее давление.

В середине мая Сталин провел совещание с участием многих ведущих сотрудников НКВД и приказал им добыть больше связей с Троцким. К вящему неудовольствию

иностранного отдела, Молчанов назвал еще двух агентов НКВД, которые работали в германской компартии и в Коминтерне, — Фриц-Давида и Бермана-Юрина[56]. Оба были арестованы в конце мая[57], и не имели другого выбора, кроме как подчиниться данным им служебным инструкциям. Они подписали заявление, что в свое время были приняты Троцким и получили от него приказ убить Сталина.

Еще двое — ученый Моисей Лурье и хирург Натан Лурье — своим поведением на суде возбудили подозрение даже у западных журналистов, что они были провокаторами. Есть свидетельства заключенных, сидевших вместе с ними, но осужденных по другим делам, что оба Лурье не особенно даже и скрывали это[58]. Они фигурировали на процессе как троцкистские террористы. Их показания были солидной добавкой к массе материала, накопленной теперь против участников оппозиции.

ИТАК, « ЦЕНТР »

К июню 1936 года все было в порядке, сценарий полностью подготовлен. Не было лишь показаний главных обвиняемых.

Отбор главных жертв представлял определенные трудности. Зиновьевская сторона была более или менее ясна. Зиновьев, Каменев и Евдокимов были признанными руководителями фракции, и вместе с Бакаевым, олицетворявшим якобы главную связь с убийством Кирова, они образовали вполне удовлетворительную группу. Более того, они все прошли уже длинный ряд допросов, дали какие-то показания, привыкли к тому, что шел постоянный торг насчет показаний на протяжении ряда лет, так что можно было считать, что эти люди наполовину сдались. Однако распространить заговор на троцкистов, как желал Сталин, оказалось не так-то просто.

Сам Троцкий, находясь заграницей, был недосягаем, и большинство из его бывших сторонников, отрекшись от прежних взглядов, теперь работали на ответственных постах. Никто из них в последние несколько лет не был объектом серьезной критики. Сам по себе троцкизм, конечно, подвергался постоянным злобным нападкам, и различные мелкие троцкисты были арестованы или высланы после убийства Кирова. Но обвинительных кампаний против видных фигур троцкизма — таких кампаний, какая велась против Зиновьева и его сторонников в течение 18 месяцев — не было.

Как было указано позже, сфабрикованный «центр» не включал «ни одного из старых политических руководителей» троцкистского направления[59]. Трое отобранных для процесса ведущих троцкистов политически были совсем не на том уровне, что их зиновьевские коллеги. Тем не менее, И. Н. Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян были люди с известной партийной репутацией. (Генеральный инспектор армии при Троцком — гигант и герой Муралов — был арестован 17 апреля и, без сомнения, предполагалось вывести на суд и его; но он держался до декабря, и его появление на суде пришлось отложить).

Только Смирнов был членом Центрального комитета, но зато солидным: он считался одним из наиболее прославленных старых большевиков. По партийному стажу и положению он пользовался огромным авторитетом среди коммунистов. С 17-летнего возраста, рабочим парнем, Смирнов начал принимать активное участие в революционном движении и много раз арестовывался[60]. Он провел долгие годы в царских тюрьмах и северной ссылке. Он сражался на баррикадах 1905 года, а во время гражданской войны вел Пятую Красную армию на разгром Колчака. Несколько лет после революции Смирнов фактически управлял Сибирью и даже был там известен как «сибирский Ленин».

В 1922 году Смирнова прочили на пост ведущего секретаря ЦК, но этот пост получил Сталин[61]. После

высылки в 1927 году вместе с другими троцкистами Смирнов официально раскаялся, однако, во время дела Рютина с одобрением отзывался о предложениях снять Сталина с поста и потому с тех пор так и не выходил из тюрьмы. Понятно, что Сталин питал к Смирнову особую личную неприязнь.

Может быть именно эта неприязнь натолкнула Сталина на мысль включить Смирнова в «центр», хотя Смирнов физически не мог участвовать ни в чем подобном. Поскольку Смирнов находился в тюрьме в течение всего периода так называемого заговора, то даже Агранов, как говорили, пытался возражать, доказывая, что будет трудно придать обвинению против Смирнова какую-то видимость правдоподобия. Выслушав доводы Агранова, Сталин бросил на него угрюмый взгляд и сказал: «А вы не бойтесь, вот и все»[62].

Обвиняемый Мрачковский тоже в прошлом воевал в Сибири. Позже, в 1927 году, он руководил подпольной троцкистской типографией и был арестован первым среди участников оппозиции. В обвинении он просто именовался «боевиком». Интеллигентный армянин Тер-Ваганян, по всем отзывам честный и скромный, достойно прошел революцию и гражданскую войну, а затем стал работать в области идеологии и журналистики. С 1933 года он тоже пребывал в сибирской ссылке.

Для подкрепления троцкистской стороны «центра» в дело был вовлечен еще Дрейцер — в прошлом командир личной охраны Троцкого и ведущая фигура в троцкистских демонстрациях 1927 года. Обвинялся он не в том, что был членом «центра», а в организации террористических групп для убийств.

Первый опрос ведущих обвиняемых закончился полным провалом. 20 мая Смирнов коротко ответил: «Я это отрицаю; еще раз — я это отрицаю; я отрицаю»[63]. Допрос Мрачковского, по имеющимся свидетельствам, длился 90 часов без результата, хотя Сталин время от времени звонил и справлялся, как идут дела. Мрачковского водили к

Молотову, который сделал ему какое-то компромиссное предложение. Но Мрачковский попросту плюнул ему в лицо[64].

Зиновьев тоже, как впоследствии было сказано на суде, «ожесточенно отрицал»[65] свою причастность к делу. Бакаев, согласно тому же источнику, «настойчиво отрицал»[66]. В общем, все настоящие участники оппозиции отказались в чем-либо признаваться. Они указывали, что большую часть соответствующего периода провели либо в тюрьмах, либо в ссылке в отдаленных районах страны, а остальную часть периода — под строгим наблюдением НКВД. Тогда Молчанов дал понять следователям, что прежние указания относительно воздержания от незаконных методов следствия не следует принимать слишком серьезно[67]. И есть сведения, что Евдокимов, который держался наиболее стойко и называл руководителей режима лицемерами и убийцами, подвергся особенно изощренным жестокостям[68].

Допрос Зиновьева и Каменева был поручен самым высокопоставленным сотрудникам — Агранову, Молчанову и Миронову. В это время у Зиновьева обострилась болезнь печени, и текущие допросы были отложены[69]. Зиновьев еще раз написал в Политбюро, туманно принимая на себя «ответственность» за убийство Кирова. Это неопределенное признание было возвращено; от Зиновьева требовали «полного раскаяния, искреннего признания, что он руководил террористическим центром»[70].

В отношении Каменева была сделана попытка добыть признание обычными методами следствия. Допросы вел Миронов. Но Каменев сопротивлялся, несмотря на все усилия, разоблачил Рейнгольда на «очной ставке» и вообще держался твердо.

Миронов доложил Сталину, что Каменев отказывается давать показания. Позже Миронов рассказывал своему близкому другу, какой между ним и Сталиным произошел разговор:

— Так вы думаете, Каменев не признается? — спросил Сталин, хитро прищурившись.

— Не знаю, — ответил Миронов. — Он не поддается уговорам.

— Вы не знаете? — спросил Сталин, с подчеркнутым удивлением глядя на Миронова. — А вы знаете, сколько весит наше государство, со всеми его заводами, машинами, армией, со всем вооружением и флотом?

Миронов и все присутствующие посмотрели на Сталина с удивлением.

— Подумайте и ответьте мне, — требовал Сталин. Миронов улыбнулся, думая, что Сталин готовит какую-то шутку. Но Сталин шутить не собирался. Он смотрел на Миронова вполне серьезно.

— Я вас спрашиваю, сколько все весит? — настаивал он.

Миронов смешался. Он ждал, все еще надеясь, что Сталин превратит все в шутку, но Сталин продолжал смотреть на него в упор в ожидании ответа. Миронов пожал плечами и, подобно школьнику на экзамене, сказал неуверенным голосом: «Никто не может этого знать, Иосиф Виссарионович. Это в области астрономических цифр».

— Хорошо, а может один человек противостоять давлению такого астрономического веса? — спросил Сталин серьезно.

— Нет, — ответил Миронов.

— Ну так вот, не говорите мне больше, что Каменев или тот или иной заключенный способен выдержать это давление. Не являйтесь ко мне с докладом, — сказал Сталин Миронову, — до тех пор, пока у вас в портфеле не будет признания Каменева[71].

Каменев был после этого передан в руки некого Чертока, человека самого низкопробного, грубого и злого. Но и он не добился от Каменева результатов, хотя постоянная бессонница, полуголодный рацион и постоянные угрозы, видимо, начали изматывать обвиняемого[72].

СМЕРТЬ ГОРЬКОГО

Сталин планировал казнь участников оппозиции независимо от возможной реакции в рядах партии. Ибо он уже подготовился к тому, чтобы справиться с этой реакцией своим обычным сочетанием твердости и маневра. Единственной фигурой, на которую эти методы могли не оказать действия и которую при жизни трудно было привести к молчанию, был Максим Горький. Согласно компетентному свидетельству, Горький «был до конца единственным, с кем Сталин хотя бы в известных пределах продолжал считаться. Возможно, будь он жив, августовский процесс все же не имел бы такого конца»[73]. Возможно. Но 31 мая Горький заболел, а 18 июня 1936 года умер[74].

Когда Горький выступал против Октябрьской революции в 1917 году, Сталин нападал на него более злобно, чем любой другой большевик. По поводу статьи Горького «Не могу молчать» Сталин заявил даже, совершенно необоснованно, что Горький и подобные ему типы молчали, когда помещики и капиталисты притесняли крестьян и пролетариат, что такие люди способны обвинять лишь революцию, но не контрреволюцию. Фактически, конечно, все сочинения Горького представляют собой сплошное обвинение правящих классов, и он с самого начала был связан с социал-демократами. Сталин писал тогда же, что революция готова отбросить любые «великие имена», включая имя Горького, если будет необходимо.

Взгляды самого Горького были отнюдь не лишены воинственности. Он раньше Сталина объявил, что «если враг не сдается, его уничтожают». Тем не менее, он защищал и Пильняка и Замятина во время кампании против этих писателей в 1930 году. Одно это должно было сильно обозлить Сталина, особенно в случае Пильняка. А после 1930 года, что для нас сейчас еще более важно, Горький энергично вмешался в политику, защищая линию на умиро-

творение, и был открытым противником всех предыдущих попыток уничтожить Каменева и Зиновьева.

Само существование Горького было фактором, подкреплявшим моральный дух Каменева и других. Они чувствовали некую поддержку в выпавших им на долю испытаниях. Эти люди могли быть уверены, что Горький поднимет голос против новых преследований, как только о преследованиях объявят публично. В какой-то степени такая уверенность, вероятно, должна была усиливать их сопротивление. Именно поэтому смерть Горького в тот самый момент имела значение морального удара и облегчала задачу Сталина.

Как и в случае Куйбышева, мы видим, что смерть наступила в момент, очень для Сталина удобный. Большинство смертей, наступавших в удобное для Сталина время, «случались», по очевидным причинам, именно когда было надо — ни раньше, ни позже.

Врачи, лечившие Горького, впоследствии были обвинены в том, что намеренно убили писателя по приказу Ягоды. Когда мы подойдем к процессу Бухарина 1938 года, на котором эти обвинения были выдвинуты, мы рассмотрим свидетельства против врачей. А пока следует заметить, что процесс, о подготовке которого идет сейчас речь, состоялся немедленно после того, как были получены необходимые признания; более того, похоже, что суд назначен по времени так, чтобы совпасть с отпусками некоторых членов Политбюро. Если бы Горький прожил еще несколько месяцев, он определенно представлял бы собой помеху сталинским планам. Бесконечные оттяжки с процессом были бы по меньшей мере опасны и могли дать время для сколачивания сопротивления процессу в Центральном комитете. Провести суд и не казнить оппозиционеров — было для Сталина самым худшим решением: это противоречило всему грандиозному плану. А довести дело до конца независимо ни от чего, при живом Горьком — тоже риск. Мощный голос поддерживал и укреплял бы и без того беспокойные элементы в руководстве; и, хотя можно

было, конечно, заставить писателя замолчать, это было бы отнюдь не легким делом.

Все эти соображения — чисто логического порядка и потому ничего не доказывают. Но Сталин был по-своему логичным человеком. Он отнюдь не питал отвращения к человекоубийству, а его уважение к литературе не было настолько велико, чтобы предотвратить расправу со многими знаменитыми писателями. Как мы увидим в дальнейшем, все свидетельства показывают, что Горький умер неестественной смертью.

ПЕРВАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

Теперь Сталин уже мог предпринимать прямую попытку сломить Зиновьева и Каменева политическими средствами. Ежов передал им инструкции якобы от имени Политбюро: «разоружиться так, чтобы исключить любую возможность в дальнейшем еще раз поднять голову против партии». В случае несогласия грозил военный суд при закрытых дверях и казнь не только их, но всей оппозиции, включая тысячи человек в лагерях.

Зиновьев ответил отказом. Попытка нажать на Каменева также закончилась неудачей, хотя на этот раз Ежов прямо погрозил, что если Каменев не сдастся, то будет расстрелян его сын.

После этого началась серия более жестоких допросов Зиновьева и Каменева. Ягода велел включить отопление в их камерах, хотя стояла жаркая погода. Физическое состояние Зиновьева было очень скверным, да и Каменев начал ослабевать под угрозами в отношении его сына, ордер на арест которого был подписан в его присутствии. В июле Зиновьев после допроса, длившегося всю ночь, попросил свидания с Каменевым. Совместно обсудив ситуацию, они согласились выйти на суд при условии, что Сталин подтвер-

дит свое обещание не казнить ни их, ни их сторонников — в присутствии всего состава Политбюро.

Это условие было принято. Однако когда их привезли на так называемое заседание Политбюро, там присутствовали только Сталин, Ворошилов и Ежов. Сталин объяснил, что они трое образовали «комиссию», выделенную Политбюро для разбора дела[75].

Обращение Зиновьева и Каменева к Политбюро и трюк Сталина с воображаемой «комиссией» дают повод для некоторых интересных выводов. И обращение к Политбюро, и увертка Сталина свидетельствуют о том, что в Политбюро все еще были люди, на которых можно было положиться в выполнении данных гарантий. Любопытно, что даже позже, в период казни Рудзутака в 1938 году, не исключались попытки подобного обращения. В 1956 году мы услышали от Хрущева по поводу Рудзутака, что «его даже не вызвали на заседание Политбюро, потому что Сталин не хотел говорить с ним»[76].

Потрясенные отсутствием остальных членов Политбюро, Зиновьев и Каменев, после некоторых споров, в конце концов приняли условия Сталина, гарантировавшие им жизнь, обещавшие жизнь их сторонникам и свободу семьям. (Есть свидетельство члена семьи Зиновьева[77], что причиной капитуляции было желание «спасти семьи», что, очевидно, верно и в отношении Каменева, ибо высказано им в последнем слове на процессе).

После капитуляции Зиновьева и Каменева Сталин мог считать игру выигранной. Суд мог состояться. С политическими фигурами меньшего калибра можно было в крайнем случае расправиться, и, кроме того, для них не могло быть более сильного довода, чем согласие их бывших руководителей выйти на суд и принять сталинские обещания.

Оставалось связать воедино все нити и повести политическую подготовку к процессу полным ходом. 14 января 1936 года состоялось решение Центрального комитета об

обмене партийных документов, в ходе которого надлежало выявлять людей, недостойных носить звание члена партии. Теперь, 29 июля 1936 года, на места было разослано совершенно секретное письмо ЦК о том, что часть ныне арестованных сумела, несмотря на все предыдущие меры, сохранить партийные билеты. Все границы были теперь стерты между «шпионами, провокаторами, белогвардейцами, кулаками» и «троцкистами и зиновьевцами». Письмо призывало к усилению «революционной бдительности» и, цитируя слова Сталина на пленуме ЦК ВКП[б], жестко формулировало главную обязанность члена партии на предстоящий период: «неотъемлемое качество каждого большевика в настоящих условиях — умение распознать врага, как бы хорошо он ни маскировался»[78].

По получении циркуляра на местах партийные власти начали новый тур лихорадочных доносов. Например, первый секретарь Козельского райкома партии писал в обком, донося не только на многих местных жителей, но также на тех людей, которых он встречал на предыдущих постах и теперь находил подозрительными. В каждом случае секретарь добавлял: «Возможно, что он до сих пор не разоблачен»[79].

Это все было политической подготовкой партийных организаций по всей стране к предстоящей в связи с процессом Зиновьева кампании против врагов генерального секретаря. Одним из результатов этой подготовки было то, что списки антисоветских элементов резко возросли, и массовая чистка готова была начаться.

20 июля было проведено небольшое, но важное организационное изменение: основан Народный комиссариат юстиции СССР.

Тем временем за тюремными стенами ломали волю оппозиционеров меньшего калибра, обреченных капитуляцией Зиновьева и Каменева. Сам Каменев начал давать показания 13 июля. Признания Мрачковского шли до 20 июля, а 21-го он получил очную ставку со Смирновым.

Об этом имеются два немного разноречивых свидетельства Орлова и Кривицкого. Свидетельство Орлова, очевидно, основанное на официальной записи разговора, выглядит так, что два старых друга рассорились, ибо Смирнов считал капитуляцию Мрачковского слабостью[80]. Свидетельство Кривицкого говорит, напротив, что они обнимались и плакали, и до конца очной ставки оставались друзьями. Во всяком случае, Мрачковский сделал несколько замечаний вроде следующего: «Иван Никитич, давай напишем, что они хотят от нас. Нужно». Смирнов не соглашался, говоря, что ему не в чем признаваться, т.к. он никогда не боролся ни против партии, ни против советской власти[81]. На суде же он твердо назвал возведенные против него обвинения «вымыслом и клеветой»[82]. Давление на Смирнова было усилено арестом его бывшей жены Сафоновой, ныне привлеченной к делу в качестве соучастницы. Она подписала свидетельство против самой себя и против Смирнова под тем условием, что это был единственный путь сохранить им обоим жизнь. Затем, в августе, в кабинете чекиста Гая была устроена очная ставка между Смирновым и Сафоновой, где она плакала и просила его выйти на суд. Поскольку, дескать, Каменев и Зиновьев уже признались, ему лучше всего выйти вместе с ними на открытый суд и в этом случае не может быть и речи об их расстреле[83].

Есть сведения, что Смирнову также давалась очная ставка с Зиновьевым, который сказал, что подписывает признание, и уговаривал Смирнова сделать то же самое. Зиновьев сказал, что был уверен: его признания откроют ему путь к возвращению в партию. Сталин — которого он называл его старой партийной кличкой Коба — является, дескать, в данный момент центром партийной воли и пойдет на компромисс с оппозицией, поскольку практически не может действовать в дальней перспективе без «ленинской гвардии». Смирнов отвечал, что, напротив, Политбюро вполне очевидно хочет физического уничто-

жения оппозиции, иначе не было бы смысла во всем этом деле[84].

Следователь сказал Смирнову, что сопротивляться бесполезно, так как против него есть много свидетельств. Более того, страдать придется не только Смирнову, но и его семье — как пострадала семья убийцы Кирова, Николаева. Смирнов ничего не знал об аресте своей семьи и принял это просто как отвратительную угрозу со стороны следователя. Но вскоре, по дороге на допрос, он увидел свою дочь в другом конце коридора, причем ее держали двое охранников. Что случилось с дочерью Смирнова, так и неизвестно. Ее мать содержалась в женской командировке Кочмас-Воркутского лагеря, где она узнала от родственников, что ее дочь все еще в тюрьме. Впоследствии жену Смирнова отправили на кирпичный завод Воркута, где в марте-апреле 1938 года она была расстреляна в числе других 1300 «нежелательных»[85].

Под таким давлением Смирнов уступил, однако согласился дать лишь частичные показания. Такого частичного признания не принимали ни у кого, но времени оставалось мало, а Сталин хотел любой ценой вывести Смирнова на суд. Смирнов даже сумел отвести Сафонову из числа обвиняемых, и она фигурировала только как «свидетельница» — что, конечно, еще не давало гарантии от гибели. Подобные уступки, сделанные Смирнову, не давали покоя Сталину, и Ягода и Молчанов были позднее обвинены в том, что они прикрывали Смирнова[86].

К 5 августа Смирнов дал уже свои основные показания. 10 августа начал признания и Евдокимов. На следующий день, 11-го, Центральный Исполнительный Комитет дал распоряжение о проведении процесса. Обвинительное заключение было составлено 14-го августа. В тот же самый день Тер-Ваганян, который туманно признал существование троцкистско-зиновьевского «центра» еще 16 июля, сделал полное признание.

Получение последних признаний было облегчено, а

предыдущие признания были подкреплены опубликованием 11 августа постановления, которое (отменяя в какой-то степени постановление от 1 декабря 1934 года) восстановило практику открытых процессов, вновь разрешило участие адвокатов в суде и установило, что осужденные в течение трех дней после приговора могут подавать просьбы о помиловании и цель постановления была совершенно ясна: укрепить надежды обвиняемых на возможность помилования; одновременно оно внушало эту же мысль партийцам, настроенным против процесса. А в числе таких партийцев были даже некоторые следователи. Есть основания полагать, например, что следователь Тер-Ваганяна Борис Берман поверил тому, что смертных приговоров не будет и поэтому искренне посоветовал Тер-Ваганяну капитулировать, ибо, по мнению Бермана, это был самый верный курс[87].

Наконец, нужно было принять меры к тому, чтобы с публикацией обвинительного заключения 15 августа представить все дело самой партии в наиболее выгодном свете. Ведь подготовительная работа шла в глубокой тайне. На Политбюро не было никакого предварительного обсуждения. «Процесс явился полным сюрпризом не только для рядовых партийных работников, но и для членов ЦК и, во всяком случае, для части членов Политбюро»[88].

Если кто в руководстве и возражал против процесса, у Сталина был наготове простой ответ: дело находится в руках прокуратуры и суда. Это ведь органы, занимающиеся соблюдением законности. И пусть действует юстиция. Декрет от 11 августа прекрасно подкреплял такую точку зрения.

Поскольку показания уже имелись, было очень трудно организовать какое-либо сопротивление процессу. Но Сталин все-таки сыграл наверняка, обрушив новость на страну, на партию и на само Политбюро в тот момент, когда он сам был в отпуске и многие другие члены высшего руководства разъехались по стране. Говорят, например, что

Молотов и Калинин уехали в отпуск, не подозревая о предстоявшей бойне[89].

Сомнительно, чтобы это было верно по отношению к Молотову. Правда, его вражда с Мрачковским сама по себе не указывает на соучастие Молотова в планировании убийства всех обвиняемых. Оно, конечно, могло быть и так, но теперь мы имеем поразительное свидетельство того, что как раз в то время Сталин был недоволен Молотовым.

Когда было опубликовано обвинительное заключение, оно вызвало сенсацию в Москве из-за того, что в списке намеченных жертв заговора не было одного из высших советских вождей — Молотова. Были названы Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович, Косиор, Постышев и Жданов (трое последних — в качестве будущих жертв местных террористических организаций на Украине и в Ленинграде), а вот председателя Совнаркома убивать, видимо, не собирались. В ходе процесса признания обвиняемых касались того же самого списка, и упомянутые имена были названы в обвинительной речи Вышинского. В советских условиях это могло означать — и без всякого сомнения означало, — что Молотов был не в фаворе. Высокопоставленный сотрудник НКВД Александр Орлов, позже перешедший на Запад, рассказал, что Сталин собственноручно вычеркнул имя Молотова из текста предварительных показаний обвиняемых (куда, конечно, имя Молотова было включено), и тут же Ягода приказал следователям не упоминать Молотова в качестве жертвы[90]. Это свидетельство правдоподобно. Без особого личного указания Сталина имя Молотова не было бы пропущено таким очевидным образом.

Есть некоторые основания полагать, что Молотов не хотел быть замешанным в уничтожении старых большевиков. И этот эпизод делает более правдоподобными прежние сведения о том, что при обсуждении судьбы Рютина в 1932 году Молотов не полностью поддерживал Сталина

в его попытке применить крайние меры. Нужно также отметить, что во всех неофициальных свидетельствах о том периоде Ворошилов часто появляется как член ЦК, участвовавший вместе со Сталиным в переговорах с будущими обвиняемыми, в то время как Молотов почти совсем не упоминается.

Таким образом, с мая 1936 года и до конца процесса в августе Молотов находился под страхом ликвидации. Есть сведения, что он уехал в отпуск под неусыпным надзором НКВД[91].

Однако через несколько недель после зиновьевского процесса Молотов, по-видимому, сумел вернуть себе расположение Сталина. Его имя было включено в список жертв якобы намечавшегося террора на процессах 1937-38 годов — хотя это даже выглядело странным: ведь последующие группы заговорщиков якобы состояли издавна в сговоре с Зиновьевым и Каменевым, планировали свой террор с ними, а Зиновьев и Каменев необъяснимым образом пропускали в своих показаниях имя Молотова.

Следует думать, что давление Сталина привело Молотова к полному повиновению. С тех пор нет никаких сведений о чем-либо другом с его стороны, кроме безоговорочного соучастия в терроре. Почему Сталин сохранил Молотова — можно только гадать. Возможно, потому, что Молотов был (или стал после удаления Орджоникидзе) единственным старым большевиком с известной репутацией во всей сталинской правящей группе.

Как бы то ни было, ни Молотов, ни кто-либо другой уже не мог вмешаться в ход процесса, хотя они могли надеяться, что суд закончится лишь приговорами к тюремному заключению.

СУД НАЧИНАЕТСЯ

19 августа в 12 часов 10 минут в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве открылось судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР. Предыдущие показательные процессы шли в огромном Колонном зале того же здания, но сейчас был избран более скромный по размерам Октябрьский. Когда-то это был один из бальных залов Дворянского собрания — просторное помещение с высоким потолком, с коринфскими колоннами у светлоголубых стен, декорированное в русском стиле XIX века. В зале хватало места приблизительно для 150 с небольшим советских граждан и 30 с лишним иностранных журналистов и дипломатов. Присутствие иностранцев было очень важно для всего спектакля. Единодушная отрицательная реакция иностранцев могла приостановить последующие представления такого рода. Увы, слишком многие из этих привилегированных гостей позволили себя обмануть, поверили невероятному заговору и фантастическим его подробностям. Советские же зрители все были подобраны НКВД и являлись главным образом сотрудниками и руководящими работниками этого наркомата. Есть свидетельства, что аудитория была специально проинструктирована — она должна была проявлять волнение по сигналу, если вдруг возникла бы необходимость покрыть шумом зала нежелательное высказывание кого-либо из обвиняемых. Руководители партии и правительства не присутствовали. Не было также родственников обвиняемых[92].

Комендант суда, одетый в форму со знаками различия НКВД, провозгласил: «Встать, суд идет!» Все встали, и судьи заняли свои места. Председательствовал Ульрих — толстяк со свисающими, как у старого пса, щеками и маленькими свиными глазками. Голова его с заостренной макушкой была наголо выбрита и его жирный затылок

нависал над воротником кителя. Голос Ульриха был мягким и масляным. Он имел большой опыт в политических процессах.

Справа от Ульриха сидел другой ветеран подобных процессов, Матулевич. Этот председательствовал в декабре 1934 года на суде над ленинградскими так называемыми «белогвардейцами», которые все были уничтожены. Слева от председателя сидела личность, интересовавшая гостей с Запада, — бесцветный, худощавый диввоенюрист И. Т. Никитченко. Десять лет спустя он появился в международном трибунале в Нюрнберге, где вместе с виднейшими судьями Великобритании, Америки и Франции председательствовал на процессе над главными военными преступниками. В Нюрнберге Никитченко представлял юридическую систему, настолько отличную от остальных, представленных в Трибунале, что само его присутствие могло показаться издевательством над судебной процедурой[93].

Одно важное обстоятельство отличало советскую юстицию от тех остальных, с которыми Никитченко предстояло позже встретиться в Нюрнберге. Обстоятельство состояло в том, что приговоры в Советском Союзе составлялись заранее и отнюдь не судебными органами. На закрытом заседании XX съезда КПСС Хрущев сказал буквально следующее: «НКВД стал применять преступный метод заготовления списков лиц, дела которых подпадали под юрисдикцию коллегии Военных Трибуналов. При этом приговоры заготавливались заранее. Ежов обычно посылал эти списки лично Сталину, который утверждал предложенную меру наказания»[94]. Шелепин на XXII съезде сообщил, что «Каганович до окончания судебных заседаний по различным делам лично редактировал проекты приговоров и произвольно вносил в них угодные ему изменения, вроде того, что против его персоны якобы готовились террористические акты»[95]. Молотов же, по словам Суслова, когда списки осужденных проходили через его руки, изменял приговоры, увеличивая при этом

«во многих случаях» меру наказания. Так, в одном примере, данном Сусловым, он, простой пометкой «ВМН» (высшая мера наказания) на полях списка, изменил на расстрел приговор к тюремному заключению одной из жен «врагов народа»[96]. В процессе, который теперь предстояло провести Никитченко и его коллегам, приговоры без сомнения были частью подготовленного сценария, и эти приговоры были навязаны самим Генеральным секретарем. Как, впрочем, подтверждает и произведенное в 1968 году чехословацкое расследование фальсификации процесса Сланского; согласно этому расследованию «индивидуальные приговоры заранее устанавливались в политическом секретариате»[97].

Три крупных, здоровенных бойца НКВД с винтовками и примкнутыми штыками ввели подсудимых и разместили их за низким деревянным барьером вдоль правой стены зала. Потом эти трое вооруженных людей замерли в позе часовых. В последние дни перед процессом обвиняемые немного прибавили в весе и им была дана возможность выспаться. Все же они выглядели бледными и измотанными.

Перед самым судом Ягода и Ежов провели совещание с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым, Мрачковским и Тер-Ваганяном. Ежов повторил сталинское обещание, что им будет сохранена жизнь и тут же предупредил, что любая индивидуальная попытка «предательства» будет рассматриваться как заговор всей группы в целом[98].

Теперь эти главные обвиняемые сидели в тревоге, вперемежку с агентами-провокаторами, равномерно распределенными среди них и отделявшими их друг от друга. Практика добавления второразрядных мошенников (или якобы мошенников) к группе важных политических фигур и одновременный суд над теми и этими, составляющими якобы одну общую группу, — техника не новая. Из истории французской революции мы знаем, что в процессе над

Дантоном и умеренными 13-14 жерминаля сам Дантон и четверо его ближайших сторонников были смешаны с мелкими ворами и шпионами, причем каждый из главных обвиняемых был тщательно связан с другими общим обвинением.

Теперь советская печать делала совершенно то же. Газеты вели злобную обвинительную кампанию против подсудимых, в то же время публикуя материалы, так сказать, противоположного свойства — например, почти ежедневно давая фотографии знаменитых летчиков, совсем так же, как поколением позже давались фотографии космонавтов. На снимках фигурировали Чкалов с командой, пролетевшие на новом советском самолете вдоль границ страны и обратно; фигурировал Владимир Коккинаки, поставивший несколько рекордов высоты. Летчиков фотографировали со Сталиным и другими, фотографировали во время приемов в Политбюро, во время награждения орденами и просто поодиночке. Таким путем симулировалась атмосфера молодости и прогресса, победа молодого сталинского поколения, а в то же время создавалось впечатление, что рассеивались темные силы, представленные на суде старыми большевиками.

У левой стены зала, как раз напротив обреченных представителей антисталинизма, сидел за небольшим столом Вышинский, человек с аккуратной прической, седыми, тщательно подстриженными усиками, в безупречно сшитом темном костюме, крахмальном воротничке и галстуке.

Ульрих выполнил все формальности по идентификации обвиняемых, спросил их по поводу возможных отводов составу суда и по поводу желания обвиняемых иметь защитников. На два последних вопроса ответом было единодушное «нет». Затем секретарь суда огласил обвинительное заключение. Оно основывалось на материалах январского процесса 1935 года, на котором, как говорилось, Зиновьев и его коллеги скрыли свою прямую ответственность за убийство Кирова. После этого якобы вскрылись

обстоятельства, показывающие, что зиновьевцы и троцкисты, которые занимались террористической деятельностью еще раньше, сформировали общий блок уже к концу 1932 года. К блоку будто бы присоединилась также группа Ломинадзе. Через особых агентов они получали инструкции Троцкого.

Согласно этим инструкциям, обвиняемые якобы организовали террористические группы, готовившие «ряд практических мероприятий» для убийства Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева и других[99]; одна из этих террористических групп сумела, дескать, убить Кирова. Никакой другой программы, кроме убийства, у этих людей якобы не было.

Согласно обвинительному заключению, Троцкий посылал письменные инструкции Дрейцеру, который передавал их Мрачковскому. Инструкции требовали убийства Сталина и Ворошилова. Пятеро младших обвиняемых, вместе с Гольцманом, были лично посланы Троцким или его сыном Седовым для помощи в этих террористических актах. Ольберг, к тому же, имел связи с гестапо. Все обвиняемые полностью признали себя виновными, за исключением И. Н. Смирнова, чья полная виновность была, однако, подтверждена показаниями других обвиняемых. Сам он сделал лишь частичное признание — в том, что принадлежал к «объединенному центру» и что был лично связан с Троцким до времени своего ареста в 1933 году. Смирнов также показал, что в 1932 году получил инструкции Троцкого об организации террора. Однако он отрицал свое участие в террористической деятельности.

Обвинительное заключение заканчивалось перечислением имен людей, которые подлежали суду отдельно: «Дела Гертика, Гринберга, Ю. Гавена, Карева, Кузьмичева, Константа, Маторина, Павла Ольберга, Радина, Сафоновой, Файвиловича, Д. Шмидта и Эстермана выделены в особое производство в связи с тем, что следствие по этим делам

еще продолжается»[100]. О Маторине, личном секретаре Зиновьева, в ходе суда было сказано еще раз, что он находится под следствием и будет судим позже «в связи с другим делом»[101]. Но ни один из названных людей никогда больше не появился перед открытым судом и в большинстве случаев мы ничего не знаем об их судьбах.

После чтения обвинительного заключения обвиняемые признали себя виновными полностью — за исключением Смирнова и Гольцмана. Смирнов признал свою принадлежность к «центру» и получение инструкций о терроре от Троцкого, но отрицал участие в подготовке или исполнении террористических актов. Гольцман тоже, хотя и признал, что передавал инструкции о терроре от Троцкого, отрицал свое участие в терроре. После 15-минутного перерыва Мрачковский был вызван первым для дачи показаний.

Отвечая на вопросы Вышинского, Мрачковский рассказал о формировании «центра» и о подготовке террора по инструкциям, полученным от Троцкого и его сына Седова. Эти инструкции якобы частично передавались через Смирнова, а частично были получены в письме Троцкого, написанном невидимыми чернилами и посланном через Дрейцера. Была создана троцкистская группа под руководством Смирнова, куда входил сам Мрачковский, Тер-Ваганян и бывшая жена Смирнова Сафонова. К ним примыкали Дрейцер и ряд заговорщиков меньшего масштаба[102].

Когда Мрачковский обвинял Смирнова в прямой террористической деятельности, Смирнов несколько раз отрицал правильность этих показаний, и между ним и Вышинским вспыхивали горячие споры. Для подкрепления показаний Мрачковского был привлечен Зиновьев. Он поднялся и заявил, что убийство Кирова было совместным предприятием, участие в котором принимали как зиновьевцы, так и троцкисты, включая Смирнова. То же самое подтвердил и Каменев. Таким путем уже в самом начале процесса была обозначена некая общая террористическая сеть. Для

полноты картины Мрачковский также сообщил об участии Ломинадзе (покончившего самоубийством за год до процесса)[103] и о существовании группы убийц в Красной Армии во главе с комдивом Дмитрием Шмидтом. Это последнее обвинение, как выяснилось, было вставлено в показания Мрачковского с дальним прицелом и весьма многозначительно.

После Мрачковского допрашивали Евдокимова, который заявил, что в январе 1935 года он обманул суд. Он объяснил затем, как он сам, а также Бакаев, Зиновьев и Каменев организовали убийство Кирова. План, оказывается, состоял в том, чтобы убить Сталина в тот же самый момент: «... Бакаев предупредил Николаева и его соучастников, что они должны были ждать сигнала Зиновьева, — сказал Евдокимов, — и стрелять одновременно с выстрелами в Москве и Киеве»[104]. В обвинительном заключении цитировались показания Мрачковского, данные им на предварительном следствии, о том, что «Сталина предполагалось убить первым», и, во всяком случае, Кирова не собирались будто бы отправить на тот свет раньше Генерального секретаря. Евдокимов в своих показаниях впервые упомянул имя старого большевика Григория Сокольникова, в прошлом кандидата в члены Политбюро и в то время все еще кандидата в члены Центрального комитета.

В ходе допроса Евдокимова Смирнов, против которого опять давались показания, снова отрицал их правильность.

На вечернем заседании показания давал Дрейцер. Он «вспомнил» свои связи с сыном Троцкого Седовым и показал, что он организовал две другие террористические группы для убийства соответственно Сталина и Ворошилова. По поводу Смирнова — «заместителя Троцкого в СССР» — Дрейцер злобно заметил: «Никто не мог действовать по собственной инициативе, без дирижера мы не составляли бы оркестра. Я удивлен заявлениями Смирнова, который, по его словам, одновременно и знал и не знал,

и говорил и не говорил, и действовал и не действовал. Это неправда»[105]. Смирнов вновь отрицал верность этих показаний и заявил, что он никогда не обсуждал вопросы террора с Дрейцером. Опять был вызван Зиновьев, чтобы подтвердить роль Смирнова, — и он сделал это длинно и обстоятельно.

Следующим был Рейнгольд. Он расширил границы заговора, показав о переговорах с Рыковым, Бухариным и Томским, а также упомянул еще о двух террористических группах, возглавляемых «правыми» — Слепковым и Эйсмонтом. Рейнгольд сообщил также о плане Зиновьева и Каменева поставить после прихода к власти на пост главы НКВД Бакаева с тем, чтобы тот уничтожил всех сотрудников НКВД, которые «могли держать в руках нити заговора», а также «всех прямых исполнителей террористических актов»[106]. Эти показания насчет убийства исполнителей террора, как мы уже упоминали, интересны тем, что показывают, в каком направлении работал ум Сталина.

Последовавший за Рейнгольдом Бакаев «признался» в организации убийства Кирова и планировании убийства Сталина:

Вышинский: Вы приняли ряд практических мер по выполнению этих инструкций, а именно по организации нескольких покушений на жизнь тов. Сталина, которые провалились не по вашей вине?

Бакаев: Да, это так[107].

Однако Бакаев сделал оговорку того типа, какие отмечались и на последующих процессах; он заявил, что о других заговорах, ныне приписываемых обвиняемым, он узнал впервые при чтении обвинительного заключения[108]. Он сделал также несколько менее значительных оговорок, сказав, например, что не ездил в Ленинград для встречи с Владимиром Левиным (одним из участников «группы» Николаева) и не обсуждал с ним вопросов террора[109]. Эти незначительные отрицания не шли, конечно, ни в какое

сравнение с основными признаниями. Тем не менее, их можно, вероятно, рассматривать как слабые, жалкие попытки дать понять, что показания эти нельзя считать правдивыми.

Настала очередь Пикеля. Он сообщил, что согласился принять участие в покушении на жизнь Сталина. Он упомянул о трагедии 1933 года, когда секретарь Зиновьева Богдан покончил самоубийством в знак протеста против чисток партии. В уста Пикеля была вложена новая интерпретация этого события. Действительно, сказал Пикель, Богдан «оставил записку о том, что якобы был жертвой партийной чистки»[110], но фактически имел приказ Бакаева либо устроить покушение на Сталина, либо покончить с собой. Даже эта невероятная сказка не возбудила недоверия ряда лиц, сидевших в ложе прессы.

Пикель некоторое время находился на Шпицбергене: как член Союза писателей он имел назначение работать там при советских угольных концессиях. На суде это было представлено как его попытка быть в отъезде, чтобы избежать разоблачения[111]. Таким образом, если человек был в отъезде, это означало, что он террорист, пытающийся избежать разоблачения, а если (как сделал Пикель) он приезжал обратно, то он был террористом, возобновившим работу, — в данном случае дальнейшие попытки устроить покушение на жизнь Кагановича, Ворошилова и других.

На следующее утро, 20 августа, давал показания Каменев. Сперва он говорил с определенным достоинством, но когда начался перекрестный допрос, это достоинство стало исчезать. Он сделал почти полное признание, отрицая лишь намерение заговорщиков якобы скрыть следы своих преступлений физическим уничтожением сотрудников НКВД и всех, кто мог знать о заговоре. По поводу отрицания Смирновым своей вины Каменев сказал: «Это смешные увертки, создающие только комическое впечатление»[112].

В показаниях Рейнгольда Сокольников был назван как полноправный член «центра»[113]. Каменев, однако, изложил это несколько по другому:

Каменев: ... Среди руководителей заговора можно назвать еще одно лицо, фактически одного из руководителей, который, однако, в связи с особыми планами, существовавшими у нас в отношении его работы, не привлекался к практическим делам. Я имею в виду Сокольникова.

Вышинский: Который был членом «центра», но чья роль хранилась в строгом секрете?

Каменев: Да. Понимая, что мы могли быть разоблачены, мы назначили небольшую группу для продолжения нашей террористической деятельности. Для этой цели мы и выделили Сокольникова. Нам казалось, что со стороны троцкистов такую роль могли успешно выполнять Серебряков и Радек[114].

Каменев также еще более расширил рамки заговора, включив в него бывшую «рабочую оппозицию» Шляпникова.

Что касается роли «правых», то Каменев сказал следующее: «В 1932, 1933 и 1934 годах я лично поддерживал связи с Томским и Бухариным и выяснял их политические взгляды. Они нам симпатизировали. Когда я спросил Томского об умонастроениях Рыкова, тот ответил: «Рыков думает то же, что и я». В ответ на мой вопрос о том, что думает Бухарин, он сказал: «Бухарин думает то же самое, что и я, но придерживается несколько другой тактики: он не согласен с партийной линией, однако держится тактики настойчивого проникновения в партию и завоевания личного доверия у руководства»[115].

Это не было еще полным обвинением — во всяком случае теоретически, — но вряд ли могло означать что-либо другое, кроме намерения Сталина посадить Бухарина и его последователей на скамью подсудимых.

Потом в зале появился «свидетель», профессор Яков-

лев. Он подтвердил ранее данные обвиняемыми показания. Яковлев заявил, что Каменев поставил его руководить террористической группой в Академии наук[116].

Теперь настала очередь Зиновьева давать свои основные показания. Он выглядел запуганным. В прошлом красноречивый оратор, Зиновьев еле двигал губами. Лицо его было серым и отечным, он говорил с астматической одышкой. Его признание вины было полным, он сказал не только о своем руководстве зиновьевской террористической группой, но также и о сотрудничестве с М. Лурье, якобы подосланным Троцким. Зиновьев недвусмысленно говорил о виновности Томского, а также назвал ветерана ленинского ЦК Смилгу, который при захвате власти большевиками стоял во главе Балтийского флота. Заявив о своей постоянной связи со Смирновым[117], Зиновьев добавил следующее:

«... В этой ситуации я имел встречи со Смирновым, который здесь обвинял меня в том, что я часто говорю неправду. Да, я часто говорил неправду. Я начал лгать в тот момент, когда стал бороться против большевистской партии. Постольку, поскольку Смирнов стал на путь антипартийной борьбы, он тоже говорит неправду. Но мне кажется, что разница между нами состоит в том, что я твердо и безусловно решил говорить в этот последний момент правду, в то время как он, по-видимому, принял другое решение»[118].

Затем появилась — в качестве свидетельницы — бывшая жена Смирнова Сафонова. Она заявила, что Смирнов передавал инструкции Троцкого о терроре и энергично их поддерживал. Смирнов твердо отрицал эти показания, но другие обвиняемые немедленно подтвердили слова Сафоновой. Затем состоялся следующий обмен репликами между Вышинским и Смирновым:

Вышинский: В каких отношениях вы были с Сафоновой?

Смирнов: В хороших.

Вышинский: А более того?

Смирнов: Мы состояли в близких отношениях.

Вышинский: Вы были мужем и женой?

Смирнов: Да.

Вышинский: Между вами не было личной неприязни?

Смирнов: Нет[119].

Следующее заседание началось с допроса Смирнова. Он продолжал давать лишь частичные показания. Да, передавал идеи Троцкого и Седова относительно террора, но не разделял этих идей; никакой другой противозаконной деятельностью не занимался. Вот отрывок из стенограммы процесса:

Смирнов: Я признаю, что принадлежал к подпольной троцкистской организации, присоединился к блоку и центру этого блока, виделся с Седовым в 1931 году в Берлине, выслушивал его соображения о терроре и передал эти соображения в Москву. Я признаю, что получал инструкции Троцкого о терроре от Гавена и, хотя я не был с ним согласен, передавал их зиновьевцам через Тер-Ваганяна[120].

Вышинский (иронически): Когда вы покинули «центр»?

Смирнов: У меня не было намерения покидать; не было что покидать.

Вышинский: Центр существовал?

Смирнов: Какой «центр»...?

Вышинский: Мрачковский, центр был?

Мрачковский: Да.

Вышинский: Зиновьев, центр был?

Зиновьев: Был.

Вышинский: Евдокимов, центр был?

Евдокимов: Да.

Вышинский: Бакаев, центр был?

Бакаев: Да.

Вышинский: Ну что, Смирнов, будете и теперь продолжать настаивать, что центра не было?[121]

Смирнов снова сказал, что никаких собраний такого «центра» никогда не было, и опять три других члена

этого «центра» были вызваны, чтобы его опровергнуть. После показаний других о том, что он возглавлял троцкистскую часть заговора, Смирнов повернулся к ним и сардонически сказал: «Вам нужен вождь? Ладно, берите меня!»[122]

Даже Вышинский комментировал эту реплику замечанием, что она была сделана «в несколько шутливой форме»[123].

Смирнову было очень трудно продолжать свою линию частичных признаний, но в целом он преуспел в одном: он основательно спутал все карты. Когда противоречия в его показаниях становились для него особенно трудными, он просто не отвечал на вопросы.

Следующий обвиняемый, Ольберг, сообщил, что долго был членом немецкой троцкистской организации, встречался с Седовым и с помощью фальшивого гондурасского паспорта приехал в Советский Союз. Он не объяснил, каким образом со своей туристской визой в центральноамериканском паспорте он получил работу в Горьковском педагогическом институте; но именно там он, оказывается, готовил террористический акт, который должен был быть осуществлен в Москве 1 мая 1936 года. Согласно показаниям Ольберга, его план убийства Сталина провалился потому, что он был арестован. Ольберг был одним из тех обвиняемых, относительно которых даже тогда было замечено, что они давали показания почти что в бойкой манере. Ту же ошибку допустили затем Фриц-Давид и оба Лурье. Ряд наблюдателей сразу же пришел к выводу, что эти люди были провокаторами.

После Ольберга Берман-Юрин заявил, что Троцкий лично послал его застрелить Сталина на конгрессе Коминтерна. Берман-Юрин дал очень подробный отчет о встрече с Троцким и его свитой в Копенгагене в ноябре 1932 года. Этот отчет состряпали в НКВД следующим образом.

Советский шпион Джек Собл, чья карьера закончилась только в 1957 году с его арестом в Нью-Йорке, проник в

окружение Троцкого в 1931 году. Последняя встреча этого Собла с Троцким произошла в Копенгагене в декабре 1932 года, когда Троцкий приезжал в Данию для прочтения лекций. После этого Собл потерял доверие Троцкого. Однако его отчет о передвижениях Троцкого в Копенгагене был передан в НКВД, там отредактирован и положен в основу показаний Бермана-Юрина[124].

Берман-Юрин закончил свои показания, сказав, что не сумел достать билет на XIII пленум Коминтерна и поэтому не смог застрелить на этом пленуме Сталина.

С момента публикации обвинительного заключения советская пресса настойчиво требовала смертной казни обвиняемых. Печатались резолюции, принятые на собраниях во всех концах страны. Рабочие киевского завода «Красное знамя» и сталинградского тракторного имени Дзержинского, члены казахстанских колхозов и ленинградской партийной организации — все требовали расстрела обвиняемых, изо дня в день нагнетая напряжение. А утром 21 августа «Правда» опубликовала нечто новое. В этом номере «Правды» были все те же десятки резолюций, были верноподданические стишки рифмоплета Демьяна Бедного под заголовком «Пощады нет!» Но, помимо этого, в газете были опубликованы заявления Раковского, Рыкова и Пятакова, продемонстрировавшие еще одну сторону партийной дисциплины. Эти трое тоже требовали смертной казни. Заявление Раковского называлось «Не должно быть никакой пощады!» Рыков настаивал, чтобы Зиновьеву не было оказано милосердия. Об общем тоне всех заявлений можно судить по тексту, подписанному Пятаковым, который гласил:

«Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному

из самых лучших людей нашей страны — такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров...

Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчали этим бандитам делать свое черное дело.

Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду. Хорошо, что ее можно уничтожить — честь и слава работникам НКВД!»[125].

Под этим нарастающим давлением обвиняемые продолжали свои показания. К 21 августа, последнему дню судебного следствия, осталась лишь одна видная фигура — Тер-Ваганян. Кроме него, было лишь трое «убийц» и так называемый эмиссар Троцкого Гольцман.

Этот Гольцман, действительно бывший троцкист невысокого ранга, был личным другом Смирнова. Его показания оказались в высшей степени неудовлетворительными для обвинения по двум причинам.

Во-первых, Гольцман, несомненно по примеру Смирнова, изменил позицию с полного отрицания того, что ему приписывало обвинительное заключение, к отрицанию своего участия в терроризме. Он теперь твердо заявил, что хотя он передавал точку зрения Троцкого, но, подобно Смирнову, «не разделял» взглядов Троцкого о необходимости террора. Вышинский сумел лишь добиться от Гольцмана признания, что он оставался членом троцкистской организации, после чего прокурор заявил, что это — то же самое.

Второе обстоятельство было иного характера. Гольцман показал, что встречался со старшим сыном Троцкого Львом Седовым в Копенгагене. Было условлено, что в этом городе он должен был остановиться в отеле «Бристоль» и там встретиться с Седовым. Гольцман заявил, что поехал в гостиницу прямо с вокзала и встретил Седова в вестибюле.

Как только показания Гольцмана были опубликованы, Троцкий объявил их фальшивыми и опубликовал требова-

ние, чтобы суд спросил Гольцмана, по какому паспорту и под каким именем он приехал в Данию — это ведь могло быть сразу проверено с помощью датских иммиграционных властей. К такому обороту дела обвинение не было подготовлено, и суд, естественно, не обратил на это никакого внимания. Но вскоре после окончания процесса орган датской социал-демократической партии указал, что отель «Бристоль» в Копенгагене был снесен в 1917 году [126]. Советской пропаганде было очень трудно обойти этот пункт, и в конце концов была выдвинута запоздалая теория, что Гольцман встречался с Седовым в кафе «Бристоль», которое якобы находилось вблизи гостиницы под другим названием, где Гольцман остановился. Эта версия не совпадала с показаниями на процессе. В довершение всего было опубликовано убедительное свидетельство, что Лев Седов в те самые дни (в 1932 году), когда, согласно показаниям Гольцмана, ему следовало быть в Копенгагене, держал экзамены в высшей технической школе в Берлине [127].

Существует версия, что ошибка с гостиницей «Бристоль» родилась следующим образом. Ежов решил, что эта воображаемая встреча должна была состояться в гостинице, и попросил Молчанова дать название гостиницы. Молчанов обратился в иностранный отдел НКВД. Чтобы скрыть суть дела, он потребовал названия нескольких гостиниц в Осло и в Копенгагене, якобы для того, чтобы разместить там группу важных советских делегатов. Секретарь Молчанова бегло записал список названий, который ему продиктовали по телефону, и затем, перепечатывая список, по ошибке дал названия гостиниц в Осло под рубрикой «Копенгаген» [128].

За Гольцманом были вызваны двое Лурье. Их родство неопределенно — они не были братьями. Работали они вместе. Натан Лурье, по профессии хирург, дал показания, что заграничные троцкисты прислали его для организации покушения на Ворошилова. Он якобы работал над этим с

сентября 1932 до весны 1933 года вместе с двумя соучастниками, и они «часто ходили на улицу Фрунзе и прилегающие улицы, вооруженные револьверами»[129].

Дальше произошел следующий диалог:

Председательствующий: Итак, вы совершили бы террористический акт, если бы представился благоприятный момент? Почему вам это не удалось?

Лурье: Мы видели автомобиль Ворошилова, движущийся вдоль улицы Фрунзе. Он шел слишком быстро. Было безнадежно стрелять по такому быстродвижущемуся автомобилю. Мы решили, что это будет бесполезно[130].

После этого Н. Лурье был якобы послан в Челябинск, где старался встретить Кагановича и Орджоникидзе во время их посещения этого города. План, весьма простой, выглядел следующим образом. Моисей Лурье велел Натану Лурье «использовать возможный визит товарища Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод, чтобы совершить по отношению к нему террористический акт»[131]. Н. Лурье «постарался встретить» обоих вождей, но «он не сумел выполнить свое намерение»[132].

Этот малообещающий убийца был затем переведен в Ленинград, где его связали с «террористической группой Зейделя» (одна из смешанных террористических групп, упомянутых в ходе процесса: Зейдель был историком). Здесь инструкции Н. Лурье предусматривали уже убийство Жданова. Он планировал это сделать во время демонстрации 1 мая. Ульрих установил в деталях тип пистолета (браунинг среднего размера), но поскольку Лурье не использовал этого воображаемого оружия, данный пункт вообще потерял значение. Вот типичные вопрос и ответ на суде:

Председательствующий: Почему вам не удалось покушение на жизнь Жданова?

Лурье: Мы шли слишком далеко от трибуны[133].

Итак, обвиняемый участвовал в «попытках покушения» на четырех руководящих деятелей, но ни в одном случае

не были предприняты сколько-нибудь явные действия. В сопоставлении с успешными действиями убийцы Кирова это выглядело странно.

Показания Моисея Лурье были того же типа. Он тоже имел инструкции от Троцкого, переданные якобы через оппозиционных немецких коммунистических лидеров Рут Фишер и Маслова, он тоже встречался с Зиновьевым. Он готовил своего однофамильца к различным покушениям.

Следующим был назван Тер-Ваганян. Он вовлек в дело новую группу — грузинских уклонистов, которые, «как хорошо известно», были террористами с самого 1928 года. По-видимому, речь шла о Мдивани и его сторонниках, но Тер-Ваганян назвал только одну фамилию — Окуджава. Тер-Ваганян также сообщил, что вел переговоры со своим близким другом Ломинадзе и с историками-троцкистами Зейделем и Фридляндом.

Тер-Ваганян показывал и против Смирнова, который вновь попросил занести в протокол непризнание им своей вины, хотя в конце концов допустил, что одна из оспариваемых им встреч «могла иметь место».

Последний из обвиняемых, Фриц-Давид, дал показания о том, что был послан Троцким и Седовым с целью попытаться осуществить «два конкретных плана убийства Сталина». Оба эти плана провалились — один потому, что Сталин не присутствовал на заседании исполкома Коминтерна, где должно было произойти убийство, а другой потому, что на конгрессе Коминтерна Давид не смог подойти достаточно близко. Седов будто бы пришел в ярость (неудивительно!), когда узнал об этих задержках. Ни один из террористов, якобы посланных в СССР с такими трудностями и с такими расходами, не сумел причинить даже малейшего неудобства, не говоря уже об убийстве, кому-либо из сталинского руководства. Несмотря на это, Вышинский заметил, что «троцкисты действовали более целеустремленно и энергично, чем зиновьевцы!» [134].

В конце вечернего заседания 21 августа был снова до-

прошен Дрейцер — для того, чтобы вовлечь в заговор комкора Витовта Путна (см. главу VII). Комкор Путна «для вида порвал с троцкистами», но фактически переправлял инструкции от Троцкого к Дрейцеру для дальнейшей передачи Смирнову. Тут Смирнов снова вмешался и отрицал, что Путна был троцкистом, но Пикель, Рейнгольд и Бакаев подтвердили это.

В конце дня Вышинский сделал следующее заявление:

«На предшествующих заседаниях некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и Рейнгольд) упоминали в своих показаниях Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова[135], Серебрякова и Сокольникова, как принимавших в той или иной степени участие в преступной контрреволюционной деятельности, за которую судят обвиняемых по настоящему делу. Я считаю необходимым сообщить суду, что вчера я распорядился начать следствие по заявлениям подсудимых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова и что по результатам этого расследования генеральная прокуратура предпримет необходимые законные действия. В отношении Серебрякова и Сокольникова следственные органы уже имеют материалы, обвиняющие этих лиц в контрреволюционных преступлениях, и в связи с этим против Сокольникова и Серебрякова возбуждены уголовные дела»[136].

22 августа это заявление было опубликовано в печати вместе с быстро появившимся требованием рабочих «Динамо», чтобы обвинения были «безжалостно расследованы».

Прочитав заявление Вышинского, Томский немедленно покончил самоубийством на своей даче в Болшево. Центральный комитет партии, кандидатом в члены которого был Томский, на следующий день осудил этот акт, приписывая его тому, что против Томского были выдвинуты обвинения (что вполне правильно).

Утреннее заседание 22 августа было отведено для обвинительной речи Вышинского. Прежде всего он подвел теоретическую базу под процессы, под весь террор:

«Три года назад тов. Сталин не только предвидел неизбежное сопротивление элементов, враждебных делу социализма, но также предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. Настоящий судебный процесс полностью и со всей ясностью подтвердил великую мудрость этого предсказания»[137].

После нападок на Троцкого, Вышинский долго рассказывал суду историю различных показаний и обещаний Зиновьева и Каменева. Затем он приписал особую важность убийству Кирова:

«Эти бешеные псы капитализма стремились разорвать лучших из лучших людей нашей советской страны. Они убили революционера, который был нам особенно дорог, превосходного и удивительного человека, ясного и веселого, как постоянная улыбка на его губах, ясного и веселого, как сама наша жизнь. Они убили нашего Кирова; они ранили нас возле самого сердца. Они думали, что сумеют посеять смятение и ужас в наших рядах»[138].

Некоторое время Вышинский говорил затем о «виляниях» Смирнова (и, между прочим, осудил Гольцмана за «принятие той же позиции, что и Смирнов»); Смирнов, сказал обвинитель, «упрямо отрицал, что он принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра»[139]. Однако, сказал Вышинский, его вина установлена показаниями других. Одну трудность прокурор обошел следующим образом:

«Я знаю, что в свою защиту Смирнов скажет, что он вышел из «центра». Смирнов скажет: «Я ничего не делал, я был в тюрьме». Наивное утверждение! Смирнов находился в тюрьме с 1 января 1933 года, но мы знаем, что, находясь в тюрьме, Смирнов организовал контакты с троцкистами, поскольку обнаружен код, с помощью которого Смирнов, пребывая в тюрьме, общался со своими друзьями на воле. Это подтверждает, что связь существовала, и Смирнов не может этого отрицать»[140].

Фактически же по этому пункту не было приведено

никакого свидетельства и не было даже сделано попытки подтвердить это каким-либо образом.

Опять-таки мимоходом Вышинский расправился с одной неприятной идеей, которая, очевидно, набирала в то время популярность:

«Проводить сравнения с периодом террора народовольцев поистине бессовестно. Преисполненный уважения к памяти тех, кто во времена Народной воли честно и искренне боролся против царского самодержавия, за свободу, — правда, своими особыми, но всегда безупречными методами, — я категорически отвергаю эту кощунственную параллель»[141].

Вышинский закончил речь восклицанием: «Я требую, чтобы эти бешеные псы были расстреляны — все до одного!».

На вечернем заседании 22 августа и на двух заседаниях 23 августа заслушивались последние слова обвиняемых. Они говорили в том же порядке, в каком их допрашивали. Мрачковский начал с рассказа о своем происхождении — рабочий, сын и внук рабочих, революционер, сын и внук революционеров, впервые арестованный в возрасте 13 лет.

«А здесь, — продолжал он в горьком и ироническом тоне, — я стою перед вами как контрреволюционер!». Судьи и прокурор смотрели настороженно, но все шло хорошо. На момент Мрачковским овладело отчаяние. Он схватился за барьер скамьи подсудимых, пересилил себя[142] и стал объяснять, что упомянул о своем прошлом только для того, чтобы каждый «помнил, что не только генерал, не только князь или дворянин может стать контрреволюционером; рабочие или люди рабочего происхождения вроде меня, тоже могут становиться контрреволюционерами»[143]. Закончил Мрачковский тем, что он — предатель и его следует расстрелять.

Большинство остальных в последнем слове возводили на себя обвинения; обвиняемые называли сами себя подонками, не заслуживающими снисхождения. Прозвучала

нечаянно и опасная нота, когда Евдокимов заявил — вряд ли без нарочитой двусмысленности — «кто же поверит единому нашему слову?»[144].

Каменев, закончив свое последнее слово и сев на место, встал вновь и сказал, что хотел бы адресовать несколько слов своим двум детям, к которым не может иначе обратиться. Один из них был летчиком, другой маленьким мальчиком. Каменев заявил, что он хотел бы сказать им следующее: «Каков бы ни был мой приговор, я заранее считаю его справедливым. Не оглядывайтесь назад. Идите вперед. Вместе с советским народом следуйте за Сталиным». Потом он сел опять и закрыл лицо руками. Все присутствующие были потрясены, и даже судьи, как говорят, утратили на миг каменное выражение своих лиц[145].

Зиновьев дал удовлетворительное определение всей недопустимости сопротивления Сталину: «Мой искаженный большевизм превратился в антибольшевизм, и через троцкизм я пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевизм — это разновидность троцкизма...»[146]. А закончил тем, что хуже любого наказания была для него мысль о том, что «мое имя будет связано с именами тех, кто сидел рядом со мной. Справа от меня Ольберг, слева — Натан Лурье...»[147]. В одном важном отношении это замечание несовместимо со всей идеей процесса: перед лицом выслушанных показаний Зиновьев был ведь ничуть не лучше, чем те двое, которых он назвал.

Смирнов снова отрицал свое прямое участие в какой-либо террористической деятельности. Однако он осудил Троцкого, хотя и в сравнительно мягких выражениях, как врага, «стоящего по ту сторону баррикады»[148].

Когда закончил последнее слово Фриц-Давид, суд удалился на совещание. В совещательной комнате уже лежал приговор, подготовленный Ягодой. Но должно было пройти положенное время, и для объявления приговора суд вышел глубокой ночью, в 2.30. Все обвиняемые были безо-

говорочно признаны виновными. Все были приговорены к смерти.

Когда Ульрих закончил чтение приговора, один из двух Лурье истерически взвизгнул: «Да здравствует дело Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина!». После этого приговоренных вывели, посадили в закрытые машины и отвезли на Лубянку.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

Как только суд кончился, стал ясен односторонний характер соглашения, заключенного Зиновьевым и Каменевым со Сталиным. Выполнив обязательство со своей стороны, Зиновьев и Каменев не располагали никакими средствами, чтобы заставить Сталина исполнить свое обещание.

По новому закону приговоренные имели 72 часа для подачи просьб о помиловании. Несколько таких просьб, вероятно, поступили и были отклонены, однако Смирнов, по крайней мере, насколько известно, о помиловании не просил. Так или иначе, но объявление о казни было сделано всего через 24 часа после приговора.

Позже просочились некоторые сведения о том, как именно проходили казни. Разумеется, эти сведения основываются на сплетнях и слухах, циркулировавших внутри НКВД — других источников в тех обстоятельствах быть не могло.

Зиновьев был нездоров и его лихорадило. Ему сказали, что его переводят в другую камеру. Но когда он увидел охранников, он немедленно понял, в чем дело. Все рассказы об этом сходятся на том, что он потерял всякое самообладание, выкрикивал высоким голосом отчаянный призыв к Сталину выполнить данное ему слово. Было впечатление, что он в истерике, но это может быть и не совсем так, поскольку голос его всегда повышался, когда он был

возбужден; возможно, он пытался произнести последнюю речь. К тому же, он все еще страдал болезнью сердца и печени, так что его первый срыв вполне понятен. Говорят, что лейтенант НКВД, пришедший за Зиновьевым, опасаясь продолжения этой сцены на всем пути по коридору и в подвал, загнал Зиновьева в соседнюю камеру и там его расстрелял. Говорят также, что этот лейтенант позже получил награду за присутствие духа[149].

Когда на казнь вызвали из камеры Каменева, он не жаловался и выглядел ошеломленным. Зато в истерику впал казнивший его лейтенант НКВД, который пнул ногой падающее тело и снова выстрелил в него. Смирнов шел спокойно и смело. Передают, что он сказал: «Мы заслуживаем этого за наше недостойное поведение на суде»[150].

Существует также рассказ[151], услышанный от сотрудника НКВД, находившегося под арестом, что Зиновьев и Каменев не были казнены в течение пяти дней после того, как было объявлено об исполнении приговора. Причина была якобы в том, что их показывали живыми и здоровыми тем будущим обвиняемым, которые были уже под арестом, желая намекнуть, что приговоры были вынесены просто для публики. Приговоренные будут, говорилось новым подследственным, вести исследовательскую работу в каком-нибудь «изоляторе» в тюрьмах. В этом, однако, нет ничего невозможного, и есть даже некоторые официальные свидетельства, пусть и сомнительные, что объявленные приговоры не всегда приводились в исполнение тогда, когда об этом сообщалось. Верно и то, что будущие обвиняемые не стали бы так легко принимать на веру обещания Сталина сохранить им жизнь на последующих процессах, если эти обещания были однажды нарушены, и с этой точки зрения сохранение жизни Зиновьеву и Каменеву на несколько дней выглядит вполне резонно. Но все же, в отсутствие более весомых подтверждений, приведенный выше рассказ вряд ли можно принять за правду. Стоит лишь отметить один любопытный факт: в последнем издании собрания

сочинений Ленина в примечании о Тер-Ваганяне отсутствует дата его смерти[152].

О семьях приговоренных на этом процессе, помимо семьи Смирнова, можно сказать немного. Сын Евдокимова был расстрелян; дети Каменева отправлены в лагерь[153]; жена Ольберга Бетти тоже попала в лагерь. Еще в тюрьме, очень больная и исхудавшая, она сделала попытку покончить самоубийством, бросившись через перила лестницы. В конце концов ее вернули в Германию вместе с коммунистами, переданными Сталиным в руки гестапо в 1940 году[154].

Приговоренных казнили в то время, когда многие партийные руководители были в отпусках. Сам Сталин находился на Кавказе. В Москве оставался только необходимый кворум формального управительного органа — Центрального Исполнительного Комитета, — который рассматривал просьбы о помиловании, имея общую инструкцию отклонять их, если не последует противоположного распоряжения Политбюро. Оставался в Москве и Ежов — наблюдать, чтобы ничто не помешало процессу[155]. Ничто и не помешало.

СТЕПЕНЬ ПРАВДОПОДОБИЯ

В целом процесс был для Сталина успехом. Ни коммунисты, ни народные массы не могли открыто возражать против сталинской версии. А внешний мир, чьим представителям Сталин разрешил присутствовать на процессе, не склонен был, по крайней мере, отрицать все целиком, с самого начала как фальшивку. Имелись, конечно, очень значительные сомнения относительно признаний. Но даже если они и были добыты недопустимыми методами, это само по себе не доказывало, что показания были неверными. Фактически, эти самые признания обвиняемых были единственным моментом, который трудно было примирить с пол-

ной невиновностью подсудимых. Таким образом, метод признаний до известной степени политически себя оправдал.

Теперь, когда мы знаем и ложность обвинений и кое-что о том, как весь процесс был подготовлен, мы способны судить о нем холодно и трезво. Но в то время и для партии и для всего мира дело выглядело иначе. Тогда это было ужасающее событие, разыгравшееся на глазах публики.

Обвинения были рассмотрены во всех подробностях. Одни — например, некоторые британские юристы, западные журналисты и т.д. — находили их убедительными, другие — невероятными. Как часто бывает, это был тот случай, когда предполагаемые факты принимались или отвергались в соответствии с заранее сложившимися убеждениями отдельных лиц. Большинство либо считало, что старые революционеры не могли совершить таких преступлений, либо что социалистическое государство не могло выдвигать фальшивых обвинений. Ни та, ни другая позиция не могут считаться по-настоящему логичными. Ни в коем случае нельзя было абсолютно исключить, что оппозиция могла планировать убийство политических руководителей. Конечно, есть различные основания думать, что это было не в характере обвиняемых и противоречило их прежним точкам зрения, но это уж, конечно, аргументы гораздо более слабые.

Некоторые западные комментаторы, применяя к ситуации критерии здравого смысла, доказывали, что для участников оппозиции удаление Сталина было единственным логическим путем для сохранения собственных жизней и обеспечения лучшего, с их точки зрения, будущего для партии и государства. Так-то так, но история дает много примеров, когда здравый смысл неприменим.

Одно совершенно ясно: до самой казни Зиновьева, Каменева и остальных оппозиция никак не ожидала, что Сталин действительно убьет старых вождей. Все маневры участников оппозиции до этого момента сводились к тому,

чтобы оставаться живыми, если возможно — в рядах партии, до того времени, пока сталинские ошибки и эксцессы не изменят настроений в партии в лучшую для них сторону и не дадут им новых шансов. А после первых казней уже ни один участник оппозиции какого-либо ранга не был в состоянии предпринять попытку убийства Сталина — независимо от своего мнения о разумности этой меры. Возможность освободиться от Генерального секретаря имели теперь только те люди, которые работали в его непосредственном окружении.

Мы не знаем, конечно, точных обстоятельств смерти Сталина в марте 1953 года. Но его смерть определенно последовала в тот момент, когда он готовил новую резню среди руководства, и может быть в это время окружавшие его люди были достаточно умны, чтобы не ждать своей судьбы как овцы. 24 мая 1964 года албанский руководитель Энвер Ходжа заявил в своей речи, что советские руководители «это заговорщики, которые имели наглость открыто сказать нам — как сделал Микоян, что они сговорились убить Сталина» (Передано Албанским телеграфным агентством 27 мая 1964 года). Таким образом, вполне определенно одно: отчаянные и беспощадные люди, которые, по-видимому, извлекли уроки из событий 30-х годов, м о г л и планировать, а может быть даже и выполнить наиболее логически оправданное убийство из всех возможных. С другой стороны, не следует придавать слишком большого значения тому факту, что Василий Сталин не раз говорил окружающим, будто «отца убили соперники»[156].

Не подлежит сомнению, что сам Сталин реально опасался покушения на свою жизнь. В 30-х годах он очень внимательно наблюдал за руководителями оппозиции, так что должен был знать, что эти люди вряд ли могли организовать подобную попытку. Но на низших ступенях партийной иерархии ему виделись тысячи и тысячи потенциальных врагов. Вообще-то индивидуальный террор противоречил основным марксистским принципам. Зиновьев как

будто даже делал ставку на это обстоятельство. Рейнгольд однажды заявил: «Зиновьев мне сказал, главное при допросе — это настойчиво отклонять какую-либо связь с организацией. Если будут обвинять в террористической деятельности, вы должны горячо отрицать это, возражая, что террор несовместим со взглядами большевиков-марксистов»[157]. Убийца Кирова Николаев был, конечно, простаком; но все же он, будучи коммунистом, стрелял в партийного руководителя, вполне понимая, что делает. Не следовало надеяться на то, что все остальные воздержатся от индивидуального террора ввиду марксистских принципов. Отчаяние может привести к чему угодно: привело же оно, например, к тому, что болгарская коммунистическая партия организовала взрыв бомбы в Софийском соборе в 1925 году. Правда, в то время коммунисты отрицали свою ответственность за взрыв и говорили, что это подстроено их врагами. На процессе в Лейпциге после поджога Рейхстага Георгий Димитров говорил: «Этот инцидент не был организован болгарской коммунистической партией... Этот провокационный акт, взрыв Софийского собора, фактически был организован болгарской полицией». Однако в своей речи в 1948 году Димитров признал организацию взрыва и критиковал «отчаянные действия руководителей партийной и боевой организации, что нашло свое высшее выражение в попытке взорвать Софийский собор»[158].

Выборочные убийства дезертиров из рядов НКВД и других политических врагов на Западе вскоре стали обычной практикой советских властей. А сам Сталин — тоже старый коммунист — организовал убийство Кирова. В таких обстоятельствах можно согласиться, что сама мысль об убийствах со стороны Зиновьева и Каменева была возможна и что Рейнгольд мог быть прав, рассказывая на суде следующее:

«В 1932 году на квартире Каменева, в присутствии большого числа членов объединенного троцкистско-зиновьевского центра, Зиновьев следующим образом оправдал

необходимость обратиться к террору: хотя террор несовместим с марксизмом, но в настоящий момент эти соображения должны быть отставлены...»[159].

Более того, некоторые мысли, включенные следователями в показания Зиновьева и Каменева, выглядели оправданными. Вполне разумно было предполагать, что если бы Сталина убили, то в результате последующей борьбы за власть «начались бы переговоры с нами». Как сказал Каменев, «даже при Сталине мы с помощью нашей двурушнической политики получили прощение за наши ошибки и были приняты обратно в ряды партии»[160]. И было резонно думать, что они могли предвидеть впоследствии и реабилитацию Троцкого.

Однако в поддержку изложенных выше точек зрения невозможно сослаться на какие-либо твердые факты. Рассматривая дело с единственно возможной, фактической точки зрения, мы приходим к выводу, что внешние приметы «заговора» покоились на абсурдных и противоречивых предпосылках. Как и в последующих процессах, «заговор» был состряпан весьма неряшливо. В легко обнаруживающихся несоответствиях вряд ли виноваты Молчанов и Ягода — скорее всего, сам Сталин, который, например, лично настаивал на включении в число обвиняемых Смирнова.

Но несмотря на все несоответствия и неправдоподобные обстоятельства, «Правда» от 4 сентября 1937 года смогла преподнести на видном месте заявление «английского юриста Притта», взятое из лондонской газеты «Ньюс Кроникл», относительно полной правильности и достоверности судебного процесса. И это было лишь одно заявление из многих подобного рода.

А ведь Зиновьев и Каменев были либо в ссылке, либо в тюрьме большую часть периода деятельности «заговорщиков». Мрачковский находился в ссылке в Казахстане. Смирнов был в тюремной камере с 1 января 1933 года. Вышинский говорил о том, как «даже лишенные свободы

обвиняемые» ухитрялись принимать участие в заговоре. Но ни одно свидетельство не было приведено в поддержку существования такой связи между находившимися в тюрьме или ссылке и на свободе. Можно было думать, что даже такие наблюдатели, как Притт, найдут странными некоторые вещи: скажем, что конспираторы, направляемые и руководимые из-за границы, будут получать инструкции через соучастника заговора, находящегося в тюрьме где-то в отдаленном районе страны. Почему бы, в самом деле, зарубежные руководители заговора должны были посылать инструкции через лиц, сидевших долгое время в тюрьме? У них ведь были и другие пути — множество других путей, как намекали свидетели на процессе.

Еще одно поразительное обстоятельство — пропорция между запланированными покушениями и реально выполненными. Были будто бы два отдельных плана убить Сталина на заседании Коминтерна, был план застрелить Ворошилова, убить Кагановича и Орджоникидзе; существовало якобы множество планов, доведенных до стадии принципиальной разработки.

На процессе не были упомянуты предыдущие суды, связанные с убийством Кирова. Не было сказано ни слова о действиях сотрудников НКВД в Ленинграде. Не затронут был вопрос и о так называемом участии латвийского консула.

Суду не было представлено никаких документальных свидетельств (кроме гондурасского паспорта Ольберга). Неспособность обвинения представить хоть какие-либо документы должна была особенно поразить наблюдателей как неправдоподобная странность. Ведь при арестах большевиков-подпольщиков царская полиция постоянно обнаруживала документы — трудно вообще представить себе, как могло без документов действовать какое бы то ни было подполье. Когда февральская революция 1917 года сделала доступными полицейские архивы, в них были найдены сотни секретных партийных документов, включая письма,

написанные лично Лениным. А ведь большевики-подпольщики тех времен были по крайней мере столь же опытными конспираторами, как люди, ныне арестованные Сталиным: в действительности, как саркастически заметил один сотрудник НКВД, это были т е ж е с а м ы е к о н с п и р а т о р ы.

Далее, важные «заговорщики» и свидетели просто не появились на суде. Сокольников, ясное дело, был бы значительным и важным свидетелем. Но его не вызвали. Точно так же не были вызваны ни Бухарин, ни Томский, ни Рыков — ни кто-либо из других лиц, названных на процессе соучастниками заговора. Среди зиновьевцев, привлекавшихся по прошлым делам и так и не появившихся на этом суде, были Гертик (якобы один из главных связных с «ленинградским центром», будто бы убившим Кирова[161]), Карев (получивший якобы личные инструкции Зиновьева и Бакаева о подготовке убийства Кирова ленинградской группой[162]), еще один «связной» Файвилович[163] или Куклин, который, как было сказано, был полноправным членом «центра»[164].

Однако вопросы документальных свидетельств, логики и т.д. не были решающими. Престиж «социалистического государства» стоял высоко. Существовал очень узкий выбор: либо принять суд за достоверный, либо назвать Сталина вульгарным убийцей, а его режим — тиранией, основанной на лжи. Придти к правильному выводу и выбрать его из этих двух было можно, но подтвердить этот выбор достаточно веско было еще нельзя. Да и мало кто на Западе хотел слышать такие вещи — все оглядывались на более очевидную угрозу фашизма.

В самом Советском Союзе положение вещей было другим. Возможно, мало кто доверял показаниям на процессе. Но находилось еще меньше людей, осмеливавшихся хотя бы намекнуть о своих сомнениях.

* * *

Через неделю после расстрела Зиновьева и остальных приговоренных к смерти, Сталин приказал Ягоде отобрать и расстрелять пять тысяч участников оппозиции, находившихся в лагерях[165]. В то же самое время у политзаключенных в лагерях были отняты все остатки привилегий. В марте 1937 года некоторые права политзаключенных были временно восстановлены. Но спустя несколько месяцев последовал приказ о новых массовых казнях. Большинство оставшихся на Воркуте троцкистов были привезены в Москву и расстреляны. В числе их был младший сын Троцкого Сергей Седов. В марте 1938 года возле лагеря были казнены Сократ Геворкян и 20 других бывших «левых». С того времени и до конца 1938 года каждую неделю заключенных воркутинского лагеря расстреливали группами по 40 человек или около того, причем расстрелы бывали и дважды в неделю. Жизнь сохраняли лишь детям, не достигшим 12 лет[166].

Имеются также свидетельства о голодной забастовке участников оппозиции, когда их собирались разлучать. Забастовка имела результатом большое количество смертей, и в конце концов все ее участники бесследно исчезли[167].

ГЛАВА 4

1. L. Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union*, London, 1960, p. 402; см. также Tokaev, *Betrayal of an Ideal*, p. 248; B. Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite*, 1965, p. 66.

2. См. в «Правде», 24 января 1935.

3. «Дело Бухарина», стр. 536-537.

4. Там же, стр. 537.

5. Там же, стр. 474.

6. «Социал. вестник» № 1-2 (Париж), 17 янв. 1937, стр. 19-20. «Как подготовлялся Московский процесс». «Из письма старого большевика» (Окончание).

7. См. напр. «Открытое письмо А. М. Горькому» писателя Ф. Панферова в «Правде», 28 янв. 1935.

8. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes,* p. 216.

9. См. «Правду», 1 марта 1935.

10. См. «Правду», 9 марта 1935.

11. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule,* p. 58.

12. Там же, стр. 374.

13. Там же, стр. 57.

14. Там же, стр. 57-58, 223.

15. Там же, стр. 223.

16. Там же, стр. 229-30.

17. Там же, стр. 224.

18. Там же, стр. 58.

19. Уголовное законодательство СССР и Союзных Республик. Сборник (Основные законодательные акты) под ред. проф. Д. С. Кареева, Москва, 1957, стр. 48.

20. А. Пионтковский и В. Меньшагин «Курс советского уголовного права», Особенная часть, т. 1, Москва, 1955, стр. 155.

21. Во время войны это было распространено шире и введены наказания «по страшной статье, каравшей родственников тех, кто сдался в плен». Аллилуева «Двадцать писем к другу», стр. 173 (Письмо 17).

22. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. (СЗ СССР 1935 г., № 19, ст. 155). См. «Уголовное Законодательство СССР...» Сборник... под ред. Д. С. Кареева, М. 1957, и «Правду», 8 апр. 1935.

23. Orlov, p. 53.

24. Б. Николаевский в «Социал. вестнике» (Нью-Йорк) май-июнь 1962, стр. 63-66, «А. С. Енукидзе, его «преступление» и его реабилитация». Lermolo, *Face of the Victim,* pp. 225-7; (см. также 206-207).

25. «Бюллетень оппозиции» № 47; Deutscher, *The Prophet Outcast,* p. 357; Frederic Adler, *The Witchcraft Trial in Moscow,* London, 1936, p. 26.

26. Ciliga, *The Russian Enigma,* p. 283; Krivitsky, *I Was Stalin's Agent,* pp. 182-3.

27. «Дело Бухарина», стр. 374.

28. Ленин, Собр. соч., т. 53, стр. 490 (биогр. справка).

29. «Дело Бухарина», стр. 373-374.

30. «Социал. вестник» (Париж), № 1-2, 17 янв. 1937, стр. 22 «Как подготовлялся Московский процесс». «Из письма старого большевика».

31. См. «Правду», 26 мая 1935.

32. Л. Шаумян в «Правде», 19 мая 1962 (статья «Стойкий большевик. К 85-летию со дня рождения А. С. Енукидзе»).

33. А. Мельчин, «Станислав Косиор», Москва 1964, стр. 71.

34. «Правда», 8 июня 1935.

35. «Правда», 16 июня и 19 июня 1935.

36. Orlov, pp. 310-11.

37. Orlov, p. 312.

38. Lermolo, pp. 121, 259-60.

39. См. «Правду», 28 июня 1935, «О перестройке работы комсомола». Доклад тов. А. В. Косарева на XI Пленуме ЦК ВЛКСМ IX созыва.

40. См. «Дело Зиновьева», стр. 174.

41. Ciliga, p. 283.

42. См. «Правду», 7 февр. 1935, «Постановление VII съезда Советов Союза ССР о внесении некоторых изменений в Конституцию Союза ССР».

43. Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite*, p. 22.

44. Там же, стр. 14-16.

45. См. «Социал. вестник» (Париж), № 1-2, янв. 1937 «Как подготовлялся московский процесс», стр. 23.

46. Orlov, p. 73.

47. Там же, стр. 89.

48. «Дело Зиновьева», стр. 24.

49. Orlov, p. 73.

50. См. *Soviet Affairs*, № 1 (St. Antony Papers), p. 13.

51. Orlov, p. 123.

52. Там же, стр. 338-51.

53. А. Я. Вышинский, «Судоустройство в СССР», Москва, 1936, стр. 24.

54. Orlov, p. 82-84.

55. Там же, стр. 73.

56. Там же, стр. 119.

57. «Дело Зиновьева», стр. 97.

58. См. статью «Убийство Кирова», подписанную «Иван Иванов» в «Социал. вестнике», март 1951, стр. 68-69.

59. «Дело Пятакова», стр. 40 (англ. изд.), 33 (русск. изд.).

60. Orlov, pp. 110-111.

61. Daniels, *The Conscience of the Revolution*, p. 170.

62. Orlov, p. 109.

63. «Дело Зиновьева», стр. 158.

64. В. Кривицкий в «Социал. вестнике» № 8, 29 апр. 1938, стр. 6-7 «Из воспоминаний советского коммуниста» (продолжение).

65. «Дело Зиновьева», стр. 13, 31.

66. Там же, стр. 33.

67. Orlov, p. 86.

68. G. A. Tokaev, *Comrade X*, London, 1956, pp. 56-57.

69. Orlov, p. 130.

70. Статья «Убийство Кирова» в «Социал. вестнике», март 1951.

71. Orlov, pp. 129-130.

72. Там же, стр. 124.

73. «Социал. вестник» (Париж), № 1-2, янв. 1937 («Как подготовлялся Московский процесс»).

74. См. «Дело Бухарина», стр. 451; см. также БСЭ, 2-е изд., т. XII, Москва, 1952, стр. 244, 259 (статья «Горький»).

75. Orlov, p. 131.

76. Доклад Хрущева на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 26.

77. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent*, p. 204.

78. Orlov, p. 58; см. также «Правду», 24 марта 1937.

79. Fainsod, p. 234.

80. Orlov, p. 115-16.

81. В. Кривицкий, «Из воспоминаний советского коммуниста». 5. «За кулисами московских процессов». «Социалистический вестник» № 8, 29 апреля 1938, Париж, стр. 7.

82. «Дело Зиновьева», стр. 159.

83. Orlov, p. 117.

84. Статья «Убийство Кирова» в «Социал. вестнике», март 1951, стр. 69.

85. Там же.

86. См. «Дело Бухарина», стр. 491.

87. Orlov, p. 149.

88. «Социал. вестник» (Париж), № 1-2, янв. 1937 («Как подготовлялся Московский процесс»).

89. Там же.

90. Orlov, p. 162.

91. Там же, стр. 163.

92. См. об этом свидетельство Орлова (*Secret History of Stalin's Crimes*, p. 174) и В. и Е. Петровых в их книге *Empire of Fear*, London, 1956, p. 45, 66-7.

93. Никитченко упоминается также в воспоминаниях генерала Горбатова, по свидетельству которого он, по-видимому, был председателем суда, осудившего Горбатова. См. «Новый мир» № 4, 1964, стр. 122. В отдельном издании книги Горбатова, «Годы и войны», Москва, 1965, стр. 134, это упоминание упущено. Никитченко умер в 1967 году, не понеся никакой ответственности за свою деятельность в период сталинского террора.

94. Доклад Хрущева на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 27-8.

95. XXII съезд, Стеногр. отчет, Москва, 1961, т. 2, стр. 404.

96. См. «Правду», 3 апр. 1964, стр. 7 (Доклад М. А. Суслова на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 года).

97. См. *Nova Mysl*, № 7, 10 июля 1968.

98. Orlov, p. 168-9.

99. «Дело Зиновьева», стр. 11.

100. Там же, стр. 39.

101. Там же, стр. 34.

102. Там же, стр. 40-41.

103. См. Victor Serge, *De Lénine* à *Staline*, Paris, *Le Crapouillot*, numéro special, Janvier, 1937, p. 53.

104. «Дело Зиновьева», стр. 151.

105. Там же, стр. 51.

106. Там же, стр. 58.

107. Там же, стр. 61.

108. Там же, стр. 61.
109. Там же, стр. 145.
110. Там же, стр. 63.
111. Там же, стр. 63-64.
112. Там же, стр. 66.
113. Там же, стр. 54.
114. Там же, стр. 67.
115. Там же, стр. 68.
116. Там же, стр. 70.
117. Там же, стр. 81.
118. Там же, стр. 72.
119. Там же, стр. 77-78.
120. Там же, стр. 85.
121. Там же, стр. 81.
122. Там же, стр. 154.
123. Там же, стр. 153.
124. Isaac Don Levine, *The Mind of an Assassin*, New York, 1959, p. 26.
125. «Правда», 21 авг. 1936.
126. *Sozialdemokraten*, 1 сент. 1936.
127. *Not Guilty!: Report of the Dewey Commission*, New York, 1937, p. 85. (Книга представляет собой отчет объединенной следственной комиссии, учрежденной в марте 1937 г. под председательством знаменитого американского философа Джона Дьюи, с целью рассмотрения вопроса о вине Льва Троцкого и его сына Льва Седова. Описание работы этой комиссии можно найти также в томе 3 трилогии «Троцкий»: Isaac Deutscher, *The Prophet Outcast*, pp. 371-393).
128. Orlov, pp. 70-71.
129. «Дело Зиновьева», стр. 103.
130. Там же, стр. 103.
131. Там же, стр. 107.
132. Там же, стр. 104.
133. Там же, стр. 105.
134. Там же, стр. 147.
135. В опубликованной, имеющейся у нас английской (см. выше) стенограмме процесса нет показаний, указывающих на какое-либо соучастие Пятакова. Однако в опубликованном варианте стенограммы показания, по-видимому, даны в сокращенном виде.
136. «Дело Зиновьева», стр. 115-116.
137. Там же, стр. 119.
138. Там же, стр. 120.
139. Там же, стр. 128.
140. Там же, стр. 152-3.
141. Там же, стр. 163.
142. См. Orlov, p. 147.
143. «Дело Зиновьева», стр. 166.

144. Там же, стр. 166.
145. См. Orlov, pp. 175-6.
146. «Дело Зиновьева», стр. 171.
147. Там же, стр. 171.
148. Там же, стр. 172.
149. Serge, De Lénine à Staline, pp. 50-51.
150. Там же, стр. 50.
151. Weissberg, *Conspiracy of Silence,* p. 526.
152. Ленин, Собр. соч., т. 45, Москва, 1963, стр. 655.
153. Об этом сообщает Петр Якир в письме от 2 марта 1969 г. в редакцию журнала «Коммунист». (См. «Посев», № 5, май 1969).
154. Margarete Buber-Neumann, *Als Gefangene Bei Stalin und Hitler,* München, 1949, ss. 141, 148, 152.
155. «Социал. вестник» (Париж), № 1-2, янв. 1937, стр. 24 («Как подготовлялся Московский процесс»).
156. Светлана Аллилуева, «Только один год», Нью-Йорк, 1970, стр. 176.
157. «Дело Зиновьева», стр. 19.
158. Georgi Dimitrov, *Selected Articles,* Eng. ed., London, 1951, pp. 22-23, 203.
159. «Дело Зиновьева», стр. 55.
160. Там же, стр. 20.
161. Там же, стр. 31.
162. Там же, стр. 33.
163. Там же, стр. 59.
164. Там же, стр. 67.
165. См. Orlov, p. 179.
166. Deutscher, *The Prophet Outcast,* pp. 416-18.
167. Dallin, *Forced Labor,* p. 39.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧТО ОЗНАЧАЛИ ПРИЗНАНИЯ

Врет, как очевидец!
Русская поговорка

С того момента, как Мрачковский стал публично признаваться в ужасающих преступлениях — с 13 часов 45 минут 19 августа 1936 года, — началась цепь событий, поразивших весь мир.

Мрачковский, старый большевик и член партии с 1905 года, был рабочим и потомственным революционером. Он даже родился в тюрьме, где в 1888 году его мать отбывала срок за революционную деятельность. Его отец, тоже рабочий и тоже революционер, стал большевиком, как только была создана эта партия. Рабочим был и дед Мрачковского. Он принадлежал к одной из первых марксистских группировок — Южнороссийскому союзу рабочих.

Сам Мрачковский выдвинулся после того, как возглавил восстание на Урале. Он воевал в Сибири во время гражданской войны и был несколько раз ранен. Впоследствии он стал одним из самых смелых последователей Троцкого и был арестован, когда в 1927 году организовал подпольную троцкистскую типографию, оказавшуюся недолговечной. Он был воплощением революционного мужества, рожденный и воспитанный в борьбе.

Теперь он стоял и послушно признавался в том, что был активным участником заговора с целью убийства членов советского руководства. В последующие несколько

дней его примеру последовало еще с полдюжины старых большевиков, включая деятелей, известных всему миру. В последнем слове на суде они бичевали себя за «презренное предательство» (Каменев), называли себя «отбросами своей страны» (Пикель), «не только убийцами, но фашистскими убийцами» (Гольцман). Некоторые прямо заявили, что их преступления слишком отвратительны, чтобы просить о милосердии: Мрачковский назвал себя «предателем, которого следует расстрелять»[1].

На протяжении двух последующих лет эта сцена повторялась еще дважды, вызывая замешательство комментаторов, как дружелюбно, так и враждебно настроенных. Впечатление, будто все единодушно сдались, вообще-то говоря, не соответствует действительности. Двое из осужденных в 1936 году (Смирнов и Гольцман) всячески уклонялись от признания своей вины, но это прошло незамеченным на фоне самоуничижения многих других, в том числе двух крупнейших деятелей — Зиновьева и Каменева.

Точно так же не были замечены мелкие задержки и заминки последующих процессов. В первый день процесса 1938 года Крестинский отказался от своих предыдущих показаний и вновь признал их после того, как провел ночь в руках следователей. Бухарин отказался признать некоторые главные обвинения — например, план убийства Ленина. Радек признал себя коварным лжецом и указал при этом, что судебное дело базируется исключительно на его собственных показаниях.

Но эти отдельные моменты тонут в общей картине. Дело выглядело так: сознались все. Старые большевики публично признались в постыдных планах и действиях.

Все это представляется невероятным и просто не укладывается в голове. Были ли эти признания подлинными? Как они были получены? Что все это означало? Говорят, что в России этим признаниям верили так же мало, как за границей, «или даже меньше», а рядовой

советский гражданин, который не сидел в тюрьме, был так же озадачен, как и иностранцы[2].

Как это ни странно, не только Вышинский, но и люди на Западе поговаривали о том, что обвиняемые сознались под тяжестью улик, что у них «не было выбора». Даже если отвлечься от того, что против них не было *никаких улик, за исключением их собственных признаний* и признаний других, происшедшее расходится с общеизвестным опытом. Люди, особенно те, кого обвиняют в преступлениях, наказуемых смертной казнью, всегда стремятся не признавать себя виновными, даже если против них собрано много доказательств. В прошлом коммунисты часто отрицали даже очевидные факты. Но как бы то ни было, странными кажутся не только признания. Еще удивительнее покаяние, полное согласие с тем, на чем настаивало обвинение, то есть с тем, что действия, в которых сознавались осужденные, представляли собой ужасные преступления.

Если бы Зиновьев и Каменев действительно пришли к заключению, что убийство Сталина разрешит все трудности в Советском Союзе, то это означало бы: опытные политики приняли определенное политическое решение, которое с их точки зрения было подходящим в данных обстоятельствах. Приняв решение, они не стыдились бы его и, подобно террористам «Народной воли», признав факты, стали бы защищать свои планы и действия. Полное принятие точки зрения обвинителей — главная причина того, что все дело кажется совершенно неправдоподобным.

ПАРТИЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Проблема сделанных на суде признаний имеет две стороны. Мы должны принять во внимание технические средства, физическое и психологическое давление, с помощью которых можно было добиться публичных приз-

наний. Этот вопрос касается как беспартийных, так и жертв среди членов партии.

Но когда мы говорим о капитуляции и самоунижении старых революционеров, здесь появляются новые элементы. Эта капитуляция была не единичным и исключительным фактом в их карьере, а скорее кульминационным пунктом целой серии случаев, когда им приходилось подчиняться партии, причем они сами знали, что такое подчинение «объективно» было ложью. Подобная точка зрения — ключ к пониманию победы Сталина, и она выводит нас далеко за рамки судебных процессов. Она объясняет, почему попытки эффективно воспрепятствовать действиям Сталина, неоднократно предпринимавшиеся партийцами, настроенными против его правления, заканчивались катастрофическими провалами.

В условиях советской действительности, где группировки давно согласились с принципом однопартийного государства и с практикой удушения всякой новой и независимой политической инициативы полицейскими методами, ответственность за спасение страны и народа от Сталина лежала исключительно на его противниках внутри партии.

Они отреклись от своей ответственности. В силу внутренней природы партии, они пришли к подчинению партийному руководству, несмотря на то, что состав съездов и комитетов, выдвинувших это руководство, был подтасован. Они не видели никаких политических возможностей вне партии. Даже после исключения они думали только об одном — о возвращении в партию любой ценой.

Оппозиционеры, за исключением Троцкого, допустили фундаментальную тактическую ошибку. Они постоянно каялись в политических грехах, признавали, что в конечном счете Сталин прав, считая, что можно пойти на все — «ползать в грязи», подвергаться любым унижениям, лишь бы оставаться в рядах партии или вернуться в нее.

Они полагали, что, когда политика Сталина потерпит поражение, власть перейдет к ним — ведь кто-то должен будет возглавить партию.

Эта политика была хитрой и в то же время малодушной. Постоянные саморазоблачения и унижения проникли в сознание рядовых членов оппозиции и подмочили репутацию руководства — по всей вероятности, бесповоротно. Но основной просчет касался другого, еще более важного пункта.

Члены будущего правительства, которое готово противопоставить себя существующей власти, должны, по крайней мере, оставаться в живых. Верно, что некоторые оппозиционеры, например Каменев, понимали стремление Сталина подавить их любой ценой. Но они не верили, что Сталин сможет возглавлять партию, как ни в чем не бывало, после казни ветеранов революции; они считали это политически невозможным. Они недооценивали не его жестокость, а его решимость, хитрость и полную беспринципность. Когда Сталин кончил свое дело, в живых не осталось ни одного члена бывшего Политбюро, за исключением Григория Петровского, который молчаливо согласился работать администратором в музее.

Взгляд на историю, которого придерживались оппозиционеры, мешал им понять, что пролетарская партия может быть превращена в аппарат личной диктатуры путем интриг или какими-то другими методами. Никто еще до этого не создавал государства, покоящегося на твердых основах, но находящегося в полном противоречии с естественными потребностями экономики и со стремлениями народа. Им и в голову не приходило, что это может быть сделано, и еще меньше — что к этому будет стремиться старый большевик. Они не понимали ненасытного стремления к власти как части психики Сталина и того факта, что он с простотой, присущей гению, готов был пойти на действия, противоречащие «законам истории», и сделать то, чего никто не делал раньше.

А если это так, то значит, они не понимали и его методов. Они представляли себе, хотя и смутно, что современное марксистское государство может быть подорвано интригами и махинациями внутри политических органов. Но им и в голову не приходило, что их противник прибегнет к методам обычного преступника, не остановится перед убийствами и «пришьет» другим вину за свои собственные преступления. Один из рядовых оппозиционеров сказал (о Рыкове):

«Два десятилетия находиться со Сталиным в нелегальной партии, в решающие дни проводить вместе с ним революцию, десять лет заседать после революции за одним столом в Политбюро и после этого не знать Сталина, — это уж действительно предел!»[3].

Два предварительных условия сделали террор возможным: во-первых, личные побуждения и способности его главного инициатора — Сталина, во-вторых, общая политическая обстановка, в которой он действовал. Мы проследили изменения, произошедшие в партии после гражданской войны, и горькие последствия Кронштадта. Окончательное прекращение полемики и суровые испытания «второй гражданской войны» против крестьянства, последовавшие за этим, обострили положение до крайности. Новые удары, обрушившиеся на партию, стимулировали развитие таких качеств, как безжалостность и воля. В то же время представление о партии как объекте поклонения для каждого, кто был ее членом, как о «братском содружестве избранных» укрепилось еще больше.

Руководство Сталина было, таким образом, подлинным или, во всяком случае, единственным представителем «партии» — как для противников, так и для сторонников. Несмотря на то, что Ленин всегда был готов пойти на раскол, если считал, что большинство партии придерживается неверных взглядов, оппозиционеры оказались скованными абстрактной преданностью. Так же, как большинство немецких генералов пребывало в полном бессилии,

дав обет верности человеку, который, не раздумывая, нарушил бы свое слово, так и правые уклонисты были раздавлены в результате аналогичной интеллектуальной и моральной неразберихи.

В 1935 году Бухарина, который незадолго до того обличал «безумное честолюбие» Сталина, спросили — почему же, в таком случае, оппозиционеры ему подчинились? Бухарин ответил «довольно возбужденным тоном»:

— Вы не понимаете, это совсем не так. Мы доверяем не ему, а человеку, которому доверилась партия. Так уж случилось, что он стал как бы символом партии...[4].

Веру Бухарина в партию — в это олицетворение и движущую силу истории — можно было наблюдать и в 1936 году, за год до его ареста. Он заметил тогда меньшевику Николаевскому:

— Нам трудно жить. И вы, например, не смогли к этому привыкнуть. Для некоторых из нас, с опытом истекших десятилетий, это часто невозможно. Но человека спасает вера в то, что развитие постоянно идет вперед. Это напоминает поток, бегущий к морю. Если высунешь голову, то тебя вообще выбросит (здесь Бухарин сделал движение двумя пальцами, напоминающее ножницы). Потоку приходится пробивать себе дорогу через очень трудные места. Но он движется вперед, в том направлении, в котором должен течь. В нем люди растут, становятся сильнее и строят новое общество[5].

Такая точка зрения — свидетельство безграничной, слепой веры, свидетельство вполне доктринерского взгляда в будущее. Сталин на тех же основаниях считал, что его личное правление необходимо стране. Моральное различие между двумя точками зрения не очень отчетливо. Общая этическая установка была яснее всего сформулирована Троцким в 1924 году:

«... Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права... Правым можно быть только с партией и через

партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая пословица: права или не права, но это моя страна. С гораздо большим историческим правом мы можем сказать: права или не права в отдельных частных конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия... И если партия выносит решение, которое тот или другой из нас считает решением несправедливым, то он говорит: справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца»[6].

Как мы увидим ниже, это высказывание чрезвычайно важно. Оно объясняет восхождение Сталина к власти, а еще больше — полную неспособность коммунистов выступить против него, даже когда подлинный характер его методов и целей выявился полностью.

Замечания, сделанные Пятаковым в разговоре с другом, бывшим меньшевиком Вольским, в 1928 году, проливают свет на отношение старого оппозиционера к партии, уже сталинизированной к тому времени. Они говорят нам больше, чем официальные заявления, поскольку были сделаны сгоряча и наедине. Пятаков только что перед этим капитулировал, подав заявление в ЦКК о восстановлении в партии[7]. Встретив в Париже друга-меньшевика, он упрекнул его в недостатке смелости.

Вольский ответил, что капитуляция Пятакова через два месяца после его исключения из партии в 1927 году и отказ от взглядов, которых он придерживался до исключения, — истинный пример неискренности и трусости.

Пятаков ответил длинной и взволнованной тирадой. Ленин, сказал он, был к концу жизни усталым и больным человеком. Настоящий Ленин — это человек, создавший «новую теорию», согласно которой пролетариат и его партия смогли сначала осуществить пролетарскую революцию, а «уже потом создавать необходимую базу для социализма». Что такое Октябрьская революция, что такое коммунистическая партия, если не чудо? Ибо «чудо есть

результат проявленной воли», а «большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным». Ни один меньшевик не мог понять, что значит быть членом такой партии[8].

«Чудо» Пятакова — это описание того, чего, по его мнению, партия стремилась добиться. Пятаков пытается подойти к вопросу с марксистской точки зрения: чудо заключается в том, что стремление партии противоречит «общественным законам», провозглашенным Марксом: социализм должен возникнуть в результате захвата власти партией, представляющей значительное большинство пролетариата в развитой промышленной стране. Вместо этого получается, что коммунистическая партия пыталась создать в Советском Союзе, с помощью только силы воли и организации, промышленность и пролетариат, которые в принципе должны ей предшествовать! Не экономика определяет политику, а наоборот — политика экономику.

Согласно Ленину, добавил Пятаков, коммунистическая партия «опирается на насилие и не связана никакими законами». Центральная идея — не принуждение само по себе, а отсутствие каких-бы то ни было связанных с человеческой волей нравственных и политических ограничений. Такая партия может сделать чудеса и добиться того, чего не может добиться никакой другой человеческий коллектив. Настоящий коммунист, то есть человек, который был воспитан в партии и достаточно глубоко проникся ее духом, сам становится чудотворцем.

За этим последовали важные выводы: ради такой партии настоящий большевик охотно выбросит из головы идеи, в которые он верил годами. Настоящий большевик это тот, кто растворил свое личное в коллективе, в партии — настолько, что, сделав необходимое усилие, он порвет со своими взглядами и убеждениями и сможет честно согласиться с партией. Это испытание настоящего большевика. Для него «нет жизни вне партии, вне согласия с нею», и он будет готов верить, что черное есть

белое, а белое — черное, если партия этого потребует. Для того, чтобы стать частью этой великой партии, он вольется в нее, откажется от всего личного. В нем не останется ни одной частицы, которая не принадлежала бы партии, не была бы ее частью[9].

Эта идея о том, что вся мораль и вся правда заключены в партии, помогает понять очень многое, когда мы вспомним об унижениях, которые Пятакову и другим пришлось во имя партии перенести. Подобный отход от объективных критериев был широко распространен, хотя он коснулся не всех членов старой партии. К концу 20-х годов многие разуверились в том, что рабочие, не говоря уж о крестьянах, могут играть какую-то роль в такой стране, как Россия. В 1930 году один иностранный коммунист обнаружил у ленинградских студентов такой взгляд: они считали совершенно естественным, что массы — всего-навсего орудия при фашизме или коммунизме. Моральное различие заключается лишь в намерениях руководства того или иного режима[10]. Один троцкист заметил, что о Сталине можно сказать много положительного: «Троцкий, несомненно, сделал бы это с большим успехом и меньшей жестокостью, и мы, более образованные люди, чем окружение Сталина, находились бы теперь на самом верху. Но надо уметь подняться над этими честолюбивыми стремлениями...»[11].

Даже те, кто не дошел до такого самопожертвования, как Пятаков, не чувствовали в себе больше духовных сил, чтобы сделать рывок вперед и начать все сначала. «Все эти люди устали. Чем выше они взбирались по иерархической лестнице, тем больше уставали. Я нигде не видел таких изможденных людей, как в высших кругах советского руководства, среди старой большевистской гвардии. Это был не только результат переутомления, нервного напряжения, мрачных предчувствий. На них сказывалось прошлое — годы подполья, тюрьмы и ссылки, годы голода и гражданской войны; а кроме того, правила игры, кото-

рые требовали максимального напряжения в каждый данный момент. Они, действительно, были «мертвецами на отдыхе», как назвал их Ленин. Ничто уже не могло их напугать, ничто не могло удивить. Они отдали все, что имели. История выжала из них все до последней капли, сожгла все до последней калории. Но они все еще продолжали тлеть огнем холодной преданности, как фосфоресцирующие трупы»[12].

Даже неустрашимый Буду Мдивани заявил: «Ясно, что я принадлежу к оппозиции. Но если дело дойдет до окончательного разрыва... нет, я предпочту вернуться в партию, которую сам помогал создавать. У меня нет больше сил, чтобы создавать новую»[13]. Психологический барьер был слишком высок, чтобы начать все сначала. Они подчинились, сдались.

В этой преданности партии есть элемент фантастики. После 1917 года партия была обескровлена исключением тысяч оппозиционеров. К концу 1930 года из членов первоначального руководства в Политбюро остался только Сталин. Власть находилась в руках тех, кого он выдвинул из числа новых людей. Состав самой партии изменился, она была разбавлена широкими приемами 20-х годов. Основная масса рядовых партийцев регулярно и безотказно голосовала за секретарей, которые назначались по указке сталинского Секретариата.

Оппозиция, казалось бы, могла заявить, что контроль Сталина над партией и утверждение о том, что он представляет всю партию, зиждется лишь на умелой подтасовке состава партийных съездов. Других оснований претендовать на роль законного наследника у него нет. Но оппозиционеры в свое время тоже пользовались подобными методами и никогда эти методы не критиковали — до тех пор, пока более искусный политик не побил их тем же оружием.

В 1923 году Сталин уже мог разбить таким способом утверждения своих противников. Полемизируя с Сапро-

новым, он указывал, что призывы к демократии, как это ни странно, исходят от таких людей, «как Белобородов, "демократизм„ которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от "демократизма„ которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от "демократизма„ которого не кричал, а выл весь Донбасс...»[14].

А в 1924 году Шляпников иронически заметил, что поскольку Троцкий и его сторонники поддержали меры, принятые против «рабочей оппозиции» на X съезде партии, их утверждения, будто они ратуют за партийную демократию — лицемерие[15]. Каменев весьма красноречиво осудил партийную демократию, выступая против Троцкого:

«Сегодня говорят: демократия в партии, завтра скажут: демократия в профсоюзах. Послезавтра беспартийные рабочие могут сказать: дайте нам такую же демократию. ... А разве крестьянское море не может сказать нам: дайте демократию!»[16].

Но год спустя, на XIV съезде партии он говорил: «Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом»[17]. Но было уже слишком поздно. Сталинцам было что на это ответить. В стенограмме того же XIV съезда есть слова Микояна: «Когда есть большинство у Зиновьева, он — за железную дисциплину, за подчинение. Когда у него нет этого большинства, хотя бы на минуту, он — против»[18].

Когда Сталин сделал следующий шаг и арестовал в 1927 году создателей подпольной троцкистской типографии во главе с Мрачковским, он без труда отверг обвинения оппозиции:

«Говорят, что история нашей партии не знает таких примеров. Это неправда. А группа Мясникова? А группа "Рабочей правды"? Кому неизвестно, что члены этих групп арестовывались при прямой поддержке со стороны Зиновьева, Троцкого и Каменева?»[19].

Правда зачастую приносится в жертву и при других политических системах, но это происходит лишь от случая к случаю. Дело всплывает наружу, накладывая пятно на репутацию виноватого. В партиях не тоталитарного типа это никогда не становится открытым и всеобъемлющим принципом. Коммунисты же прибегают к этому сознательно и систематически.

Ведь именно Троцкий, как это ни странно, полемизируя в 1925 году с Истменом, писал в «Большевике», что никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял[20]. Когда Сталин в декабре 1926 года на VII пленуме ИККИ обрушился на Каменева за то, что тот направил поздравительную телеграмму Великому князю Михаилу Александровичу во время Февральской революции 1917 года, Каменев этот факт отрицал и указал, что сам Ленин, в интересах партии, сознательно говорил иногда ложь[21]. На XIV съезде в 1925 году Крупская, от лица потерпевшей поражение фракции, призвала к «объективной истине». Ей ответил Бухарин: «Мы не можем допустить такой «философии демократизма» со стороны тов. Надежды Константиновны Крупской, которая говорит: истина — это есть соответствие действительности — каждый прочитает, каждый вникнет, каждый за себя отвечает. А партия где? Как в загадочной картинке — пропала?»[22].

С первых дней существования партии повелась и другая традиция: лучший метод победить в политическом споре — это любым способом очернить противника. Ленин однажды заметил Анжелике Балабановой: «Все, что делается в интересах пролетариата, — честно». Выдающийся итальянский социалист Серрати, хотя он и сочувствовал коммунистам, пытался помешать им расколоть социалистическую партию, к чему коммунисты стремились в их собственных целях. Анжелика Балабанова, работавшая в то время секретарем Коминтерна, выступила против нападок на Серрати. Когда Серрати умер, Зиновьев разъяснил Балабановой ленинскую тактику: «Мы боролись с ним и

оклеветали его, потому что он был выдающимся деятелем. Если бы мы не прибегли к этой тактике, то невозможно было бы оттолкнуть от него массы»[23]. Понятно после этого, почему оппозиционерам предложили смешать с грязью их собственные мотивы и взгляды. Это было вполне естественно.

На XV съезде партии в декабре 1927 года Каменев заявил, что требовать от оппозиции отречения от своих взглядов было бы бессмысленно. Он разъяснил, в чем заключалась дилемма. Оппозиционеры должны были либо стать на путь создания второй партии, путь «гибельный для революции», ибо «это путь вырождения политического и классового», либо «целиком и полностью подчиниться партии». Он и Зиновьев выбрали второе, приняв тот взгляд, что «ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через нее, а не вне партии, не вопреки ей». Они подчинятся, но Каменев просил, чтобы им позволили не отрекаться от своих взглядов, которых они придерживались всего за несколько недель перед этим, потому что это требование, по его словам, «никогда в нашей партии не выставлялось»[24], хотя в 1924 году, имея в виду оппозицию Троцкого, именно Зиновьев говорил, что «самое умное и достойное большевика... сказать: я ошибся, а партия была права»[25].

Сталин не принял покаяние Зиновьева и Каменева. Они оказались в ловушке. Взять обратно свои слова было уже невозможно. В конце концов они приняли условия победителя и 18 декабря отреклись от своих взглядов, как от «неправильных и антиленинских»[26].

В 1932 году Зиновьев и Каменев были снова осуждены, исключены из партии и сосланы. В 1933 году они были восстановлены в партии, но ценой еще больших унижений. Зиновьев писал в Центральный комитет: «Прошу Вас верить, что я говорю правду и только правду. Прошу восстановить меня в партии и дать мне возможность работать для общего дела. Даю слово революционера, что

буду самым преданным членом партии и сделаю все, что в моих силах, чтобы хоть как-то искупить свою вину перед партией и Центральным комитетом»[27]. Вскоре ему разрешили написать статью в «Правду», осуждающую оппозицию и превозносящую победы Сталина[28].

Зиновьеву пришлось пресмыкаться, но с точки зрения партийной этики его поведение было правильным. Он был уверен, что можно перенести любые унижения, лишь бы остаться в рядах партии, где в будущем он сможет сыграть видную роль. Этот расчет оказался неверным.

Следует, между прочим, отметить, что капитуляция некоторых более ранних «троцкистов» не носила такого унизительного характера, как покаяние Зиновьева. Муралов, например, никогда не делал заявлений, порочащих оппозицию. «Капитуляция» Ивана Смирнова была выдержана в сравнительно нейтральных выражениях, и когда после этого Смирнов повстречал в Берлине сына Троцкого Л. Седова, они дружески беседовали. Троцкий признавал также, что покаяние Серебрякова было «более достойным, чем многих других».

Оппозиция между тем продолжала разлагаться в результате бесконечных извинений, обманов и надувательств. Вот что писал Б. Николаевский, внимательно наблюдавший за этим процессом: «Надо признать, что с точки зрения политической этики поведение огромного большинства оппозиционеров действительно стоит далеко не на нужной высоте. Конечно, условия, которые существуют у нас в партии, невыносимы. Быть лояльным, полностью выполнять те требования, которые к нам ко всем предъявляются, нет никакой возможности: пришлось бы превратиться в доносчика и бегать в ЦКК с докладами о каждой оппозиционной фразе, которую более или менее случайно услышал, о всяком оппозиционном документе, который попал на глаза. Партия, которая такие требования предъявляет к своим членам, конечно, не имеет основания ждать, что на нее будут смотреть как на свободный союз добро-

вольно для определенных целей объединившихся единомышленников. Лгать нам приходится всем, без этого не проживешь. Но есть определенные грани, за которые и в лганье переходить нельзя, а оппозиционеры, особенно лидеры оппозиционеров эти грани, к сожалению, очень часто переходили.

... Подача прошения о помиловании теперь стала считаться вещью самой обычной: это — моя партия и в отношении ее совершенно неприменимы те правила, которые были выработаны в царские времена, — таков аргумент, который приходится встречать на каждом шагу. Но в то же время эту «мою партию», оказывается, можно на каждом шагу обманывать, ибо она с идейными противниками борется методами не убеждения, а принуждения. В результате сложилась особая этика, допускавшая принятие любых условий, подписание любых обязательств, — с заранее обдуманным намерением их не выполнить...»[29].

Этот взгляд оказал огромное деморализующее влияние. Граница между изменой и компромиссом стала очень расплывчатой. И в то же время сталинисты утверждали, что оппозиции нельзя доверять именно потому, что она придерживается взгляда, согласно которому лгать — простительно.

В 1934 году Зиновьев и Каменев были исключены из партии в третий раз, подозреваемые в подстрекательстве Николаева к убийству Кирова, а в январе 1935 года, как мы уже видели, они снова признались в политических грехах. На этот раз их слова уже звучат как полупризнание вины в уголовном преступлении.

Постепенная сдача ими позиций не была добровольной, в том смысле, что они предпочли бы ее избежать. Но они капитулировали, считая это неизбежным шагом в политических и моральных условиях однопартийной системы, которую они одобряли. Они отказались подряд от всех своих возражений — против фальсификации, против демократической процедуры, против неискренности и

лавирования, против ареста. Они встали на этот путь для того, чтобы остаться в партии или добиться восстановления. Мы знаем от очевидца, что правый уклонист Слепков, после того, как его выпустили из изолятора, выдал имена более 150 своих единомышленников, объясняя это так: «Надо разоружаться. Надо стать на колени перед партией»[30].

Что касается видных коммунистов, осужденных на крупных показательных процессах 1936, 1937 и 1938 годов, то нет никаких сомнений, что в своем рациональном, вернее, рационализированном слое их поведение выражало идею «служения партии». Эта тема очень ярко и убедительно разработана Артуром Кестлером в книге «Тьма в полдень». Ее часто выдвигают в качестве главного объяснения публичных признаний вины, хотя сам Кестлер отнюдь на это не претендует. Наоборот, он говорит: «Некоторые, как например, Заячья Губа, молчали, подавленные физическим страхом; некоторые надеялись спасти свои головы; другие — по крайней мере спасти своих жен или сыновей от когтей Глеткина. Лучшие из них молчали для того, чтобы сослужить последнюю службу партии, став козлами отпущения. И кроме того, на совести у каждого из лучших была своя Арлова»[31].

Итак, оппозиционеры чувствовали, что утратили право судить Сталина — этот последний вывод Кестлера подтверждается различными источниками. Один заключенный некоммунист замечает: «Почти каждый сторонник режима, прежде, чем пасть жертвой этого режима, был вовлечен в действие, противоречащее его политической совести»[32]. Он соглашается с Кестлером в главном:

«Верно, что методы допросов, особенно когда они применяются на протяжении месяцев и даже лет, могут сломить самую сильную волю. Но решающий фактор состоит в том, что большинство убежденных коммунистов должно любой ценой сохранить веру в Советскую власть. Отказаться от этого было бы выше их сил. Для того, чтобы

отказаться от давно сформированных, укоренившихся убеждений, нужна огромная моральная сила — даже если эти убеждения оказываются несостоятельными»[33].

Все, что рассказывает Кестлер, отлично подтверждается фактами. Например, эпизод о том, как пытались сломить волю главного героя «Тьмы в полдень» Рубашова*, и в целях психического воздействия мимо его камеры проволокли на казнь еле живого, измученного пытками заключенного, подтвержден официальными показаниями[35]. Рубашов, если вкратце подытожить его дело, сдался потому, что считал, будто прошлые действия лишают его права судить Сталина. К этому прибавилось еще чувство преданности партии и ее взгляду на историю.

Основная мысль его признания сводится к следующему: «Я знаю, продолжал Рубашов, что мое заблуждение, если провести его в жизнь, создало бы смертельную опасность для Революции. В критический, переломный момент истории всякая оппозиция несет в себе зародыш раскола в партии, а значит — гражданской войны. Гуманная слабость и либеральная демократия, когда массы еще недостаточно созрели, — самоубийство для Революции. Мои оппозиционные взгляды и были как раз основаны на стремлении к этим понятиям, которые внешне кажутся такими привлекательными, а на деле смертельно опасны: к либеральной реформе диктатуры, расширению демократии, ликвидации террора, ослаблению жесткой партийной организации. Я признаю, что в нынешней ситуации эти требования объективно вредны и потому по сути своей контрреволюционны»[36].

Здесь мы сталкиваемся с крайним проявлением того же чувства — полного слияния с партией, — которое звучит

* По замыслу Кестлера, Рубашов представляет из себя смесь Бухарина (мировоззрение и образ мыслей) с Троцким и Рыковым (характер, личные качества и внешний облик).

и в неофициальных высказываниях Бухарина перед арестом, и в излияниях Пятакова в 1928 году. В своем последнем слове на суде Бухарин сказал:

«Я около 3 месяцев запирался. Потом я стал давать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись... И когда спрашиваешь себя: ну, хорошо, ты не умрешь; если ты каким-нибудь чудом останешься жить, то опять-таки для чего? Изолированный от всех, враг народа, в положении нечеловеческом, в полной изоляции от всего, что составляет суть жизни...»[37].

Кестлер, как уже было отмечено, не выдвигает свой анализ событий в качестве теории, объясняющей признания на суде. Он лишь приводит один из возможных вариантов, и из более поздних свидетельств ясно, что в некоторых случаях именно это или нечто подобное имело место.

Но не все члены партии рассуждали подобным образом. Рютин и его сообщники были, несомненно, готовы свергнуть Сталина. То же можно сказать и о признаниях на суде. Из Ивана Смирнова удалось «выдавить» лишь частичное и ироническое признание. Он пошел на это только потому, что в противном случае его бы тайно расстреляли, и его имя было бы смешано с грязью теми, кто уже решил сознаться, а также потому, что ему пообещали пощадить жену и всю семью[38]. В то же время его присутствие на суде могло в какой-то степени умерить клеветнические измышления прокурора. И все же Смирнов, как говорят, перед смертью заметил, что сам он и другие обвиняемые вели себя постыдно[39].

С восторгами Пятакова по поводу счастья состоять в «чудо-партии» резко расходятся и слова Тер-Ваганяна, сказанные следователю на допросе: «Но для того, чтобы

подписать показания, которые от меня требуют, я прежде всего должен быть уверен в том, что они необходимы в интересах партии и революции...

... Вы предлагаете, чтобы я не думал и слепо полагался на Центральный Комитет, потому что Центральный Комитет видит все яснее, чем я. Но беда в том, что в силу своей природы я не могу перестать думать. А начав думать, я прихожу к неизбежному выводу, что утверждения, будто старые большевики превратились в банду убийц, нанесут неисчислимый вред не только нашей стране и партии, но и делу социализма во всем мире...

Если новая программа Центрального Комитета считает необходимым дискредитировать большевизм и его основателей, то я не согласен с этой программой, я не считаю себя больше связанным партийной дисциплиной. Кроме того, я исключен из партии, и уже по этой причине не считаю себя обязанным подчиняться партийной дисциплине»[40].

В конце концов Тер-Ваганяна убедили в том, что сопротивление бессмысленно. Ведь Зиновьев и Каменев — деятели, стоявшие гораздо выше его, — были готовы «дискредитировать большевизм». К тому же следователь Борис Берман, с которым Тер-Ваганян подружился, посоветовал ему спасти свою жизнь раскаянием, и Тер-Ваганян сдался. Берман говорил ему, что надеется, что через несколько лет осужденный будет реабилитирован и займет важный пост в партии. Тер-Ваганян на это ответил: «У меня нет ни малейшего желания получить высокий пост. Если моя партия, ради которой я жил и за которую готов был умереть в любую минуту, заставила меня подписать э т о, тогда я не хочу быть членом этой партии. Сегодня я завидую самому непросвещенному беспартийному»[41].

И все же Тер-Ваганян сдался. Можно с полным основанием предположить, что аналогичные взгляды и еще большая одержимость ими определили поведение и тех людей, которых сломить не удалось. Куклин, как сообщают, сказал

в тюрьме, что с партией и революцией «все кончено», и что нужно будет начать все сначала[42].

Тезис о том, что общепартийное мышление, идея партийной дисциплины являются главным объяснением публичных признаний на процессах, вызывает и еще одно возражение. Такая логика, если она существовала, была с формальной точки зрения применима как в момент ареста, так и впоследствии. Однако почти каждый из осужденных и в начале сопротивлялся — одни дольше, другие короче. Почему идея партийной дисциплины показалась убедительной Муралову в декабре 1936 года, если на протяжении восьми предшествующих месяцев он не считал ее убедительной? Почему три месяца сопротивлялся Бухарин?

Как мы знаем, Бухарин ответил на это на суде: он был изолирован, исключен из партии, разоблачен — жить незачем. Он начал пересматривать свои взгляды, и переоценка привела его к капитуляции. У Богуславского весь этот процесс занял всего восемь дней, в течение которых он, по его словам, благодаря аресту восстановил свое душевное равновесие и смог привести в порядок свои мысли и идеи, которые он теперь считал во многом, если не насквозь, преступными [43], — что сводится к тому же, что и Бухаринское заявление.

Значит, честные коммунисты не автоматически подчинялись, когда им приказывали: «Партии нужны ваши показания». Они делали это только после допросов и тюремного заключения, причем, длительность заключения была различной. Некоторых вообще невозможно было убедить. Даже признания самого Бухарина (он считается главным последователем этой линии) не полностью соответствовали желаниям обвинителей. Выступая, он говорил так, что лживость обвинений была ясна любому здравомыслящему человеку.

Когда Каганович, один из самых рьяных сторонников репрессий, сам потерял власть, то он не стал предлагать — судите меня, назовите меня шпионом, террористом и дивер-

сантом, расстреляйте меня под выкрики разъяренной толпы, чтобы сохранить в чистоте знамя партии. Напротив — он позвонил Хрущеву и, как сам Хрущев рассказал на XXII съезде партии, умолял его: «Товарищ Хрущев, я тебя знаю много лет. Прошу не допустить того, чтобы со мной поступили так, как расправлялись с людьми при Сталине»[44]. Это — серьезное нарушение долга по отношению к партии!

Таким образом, нельзя отрицать: во многих случаях представление о том, что «партии это нужно», входило в число рациональных и психологических предпосылок капитуляции. Но одного такого представления было недостаточно — требовался еще нажим и другого порядка.

Оппозиционеры, конечно, не ожидали, что с ними обойдутся по справедливости и будут вести политические дискуссии. Достаточно вспомнить Томского — он покончил жизнь самоубийством в тот день, когда узнал, что против него выдвинуто обвинение, и он был не единственным. Политические дискуссии о партийном долге, преданности и т.д. следует в некоторых случаях рассматривать как элемент более широкой системы физического и морального давления. В случае с Каменевым, например, где дискуссии об интересах партии сочетались с изматывающими допросами, жарой, недостатком пищи, угрозами семье и обещаниями жизни, вообще очень трудно решить, какой элемент сыграл самую важную роль.

Итак, мы сделали попытку разобраться в умонастроении оппозиционеров, которые покаялись на суде. Но здесь нужны две важные оговорки. Во-первых, как мы видели, не все коммунисты разделяли взгляды Зиновьева и Каменева, Бухарина и Пятакова о единстве партии и готовности пойти на унижение. От таких людей зачастую было невозможно добиться публичного признания вины. С другой стороны, это публично сделали некоторые некоммунисты: врачи на процессе 1938 года, большинство руководителей польского подполья в 1945 году, болгарские протестантские пасторы в 1949 году.

Мотивы, изложенные выше, сыграли важнейшую роль в подчинении партии Сталину. Но если говорить о самих судебных процессах, о характере сделанных на них признаний, то они не могут быть достаточно объяснены только этими мотивами. В некоторых наиболее важных случаях мотивы эти способствовали получению нужных показаний в ходе следствия. Они были предрасполагающим фактором. Но и этот и другие «предрасполагающие факторы» были полностью реализованы в спектакле, разыгранном в Октябрьском зале Дома союзов, только с помощью технических приемов НКВД.

ПЫТКИ

Когда речь заходила о том, как удалось добиться признаний, первой мыслью враждебно настроенных критиков была — пытки. Да и сам Хрущев сказал ведь в 1956 году: «Как могло получиться, что люди признавались в преступлениях, которых они вовсе не совершали? Только одним путем — применением физических методов воздействия, пыток, которые заставляли арестованного терять сознание, способность мыслить, заставляли его забывать свое человеческое достоинство. Так получались эти "признания„»[45].

Карательные органы, несомненно, применяли пытки с самых первых дней существования советской власти. Есть много сообщений о жестокости тайной полиции, относящихся к началу 30-х годов: в Ростове заключенных били по животу мешком, наполненным песком, что нередко приводило к смерти. В случаях смертельного исхода врач удостоверял, что подследственный умер от злокачественной опухоли[46]. Другой метод ведения допроса назывался стойкой. Заключенного заставляли подняться на цыпочки, стать к стене и стоять так в течение нескольких часов.

Утверждают, что одного или двух дней достаточно, чтобы сломить едва ли не всякое сопротивление[47].

К другим, «импровизированным» методам пыток относится «ласточка», когда заключенному связывают ноги и руки за спиной и в таком состоянии подвешивают[48]. Одна из заключенных женщин рассказывает, что ей прищемляли пальцы дверью[49]. Избиение было делом обычным. Следователи передавали заключенных в руки рослых, мускулистых парней, которых заключенные называли «боксерами»[50]. Так обращались не только с крестьянами или «социально-опасными элементами»: один полковник, впоследствии восстановленный в партии, рассказывает, что его сильно избили в НКВД в 1935 году[51]. Есть много сообщений об избиении женщин[52]. Провинциальные следователи, как правило, отличались большей жестокостью. Аккордеонисту из ансамбля Красной армии, которого допрашивали в Хабаровске, сломали обе ноги[53]. В Баку специализировались в вырывании ногтей, в Ашхабаде били по половым органам[54].

В большинстве тюрем применение физических пыток было, так сказать, «неофициальным». В некоторых сообщениях фигурируют иглы и щипцы, а в Лефортово, как сообщают Кравченко и другие, использовались более специализированные и изощренные инструменты[55]. В целом следователи пытались создать впечатление импровизации: некоторым при допросах наступали на пальцы рук или ног, других избивали отломанной ножкой стула, и это не считалось «пытками» в прямом смысле слова. Но, как заметил один весьма опытный заключенный, такое разграничение было абсурдным: после подобных «импровизаций» у человека часто были сломаны ребра, шла кровь вместо мочи, повреждался позвоночник. Некоторые вообще не могли ходить[56].

Хрущев в своем докладе на закрытом заседании XX съезда упоминает о длительных пытках, которым подверглись Косиор и Чубарь. Затем он подробно рассказывает

о другом деле, выбрав, как ни странно, дело Кедрова. Он цитирует письмо Кедрова, которое, — будь оно написано кем-нибудь другим — прозвучало бы бесконечно волнующе: «Я обращаюсь к вам за помощью из мрачной камеры лефортовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет вашего слуха... прошу вас, помогите прекратить кошмар этих допросов... Я твердо убежден, что при наличии спокойного объективного разбирательства моего дела, без грубой брани, без гневных окриков и без страшных пыток — было бы легко доказать необоснованность всех этих обвинений»[57].

Сам Кедров, будучи представителем ЧК в Архангельской области во время гражданской войны, прославился исключительной жестокостью. Его сын (разделивший судьбу отца) был раньше одним из самых свирепых следователей НКВД, которому удалось добиться ложных показаний на процессах Зиновьева и Пятакова. Едва ли Кедров-отец ничего об этом не знал. Какое бы сочувствие мы к нему ни испытывали, мы с неизмеримо большим состраданием относимся к массе невинных и беззащитных людей, переживших те же пытки. Эти люди не были старыми большевиками, и на их мольбы о помощи не ссылаются в Советском Союзе.

К физическим пыткам прибегали довольно часто, но до 1937 года они применялись вопреки правилам. Затем неожиданно они превратились в обычный метод допроса — во всяком случае, в большинстве дел на более низком уровне. По-видимому, только в конце 1936 года в Белоруссии были выпущены первые официальные, хотя и секретные инструкции о применении пыток[58]. В начале следующего года НКВД получил официальную санкцию Центрального Комитета, то есть Сталина. Но только 20 января 1939 года это было подтверждено особым циркуляром (шифрованной телеграммой), направленным секретарям обкомов, крайкомов и ЦК республиканских партий, а также руководителям соответствующих органов НКВД.

Вот как процитировал эту телеграмму в своей секретной речи Хрущев: «ЦК ВКП[б] поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК ВКП[б]... Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос — почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к оголтелым агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП[б] считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый и правильный метод»[59].

А вот что рассказывает об этих методах советский генерал Горбатов: «... я случайно узнал, что фамилия моего изверга-следователя Столбунский. Не знаю, где он сейчас. Если жив, то я хотел бы, чтобы он мог прочитать эти строки и почувствовать мое презрение к нему. Думаю, впрочем, что он это и тогда хорошо знал... До сих пор в моих ушах звучит зловеще шипящий голос Столбунского, твердившего, когда меня, обессилевшего и окровавленного, уносили: «Подпишешь, подпишешь!»

Выдержал я эту муку во втором круге допросов... Но когда началась третья серия допросов, как хотелось мне поскорее умереть!»[60]

Горбатов добавляет, что все заключенные его камеры в 1938 году сознались в воображаемых преступлениях: «Одни пошли на это после физического воздействия, а другие потому, что были запуганы рассказами о всяких ужасах»[61]. Для большинства угрозы возобновления физического воздействия было достаточно, чтобы предупредить возможность отречения от вырванных под пытками «признаний».

Над человеком, ослабевшим после пыток, иногда начинали просто измываться. Некоторые методы срабатывали мгновенно. Например, один офицер вытерпел все побои, но он «раскололся», когда следователь окунул его головой в наполненную до краев плевательницу. Другой осужденный не выдержал после того, как следователь помочился ему на голову[62]; это — согласно многочисленным сообщениям — стало традиционной практикой допросов. И все же, несмотря на слова Хрущева, пытки — недостаточное объяснение признаний, сделанных оппозиционерами. Важно лишь отметить, что в тот период пытки применялись в широких масштабах и имели колоссальное воздействие. Но критики были правы, говоря, что одни только пытки не могли привести к публичному самоунижению целого ряда врагов Сталина, когда их здоровье было восстановлено для появления в зале суда и когда они получили возможность высказаться.

Мы увидим, что на закрытых процессах некоторые из обвиняемых отказались от признаний, сделанных под пытками. Другие же «в отношении которых применялись незаконные методы ведения следствия», как указывает, в мягких выражениях, заместитель Генерального прокурора СССР Н. В. Жогин, уже на предварительном следствии настаивали на том, чтобы в протоколах допросов были зафиксированы их заявления относительно допущенных нарушений социалистической законности»[63].

КОНВЕЙЕР

Основным методом НКВД, с помощью которого можно было сломить осужденного и получить нужные показания, был так называемый «конвейер» — непрерывный допрос, продолжавшийся часами и днями, который вели сменные бригады следователей. Как многие другие явления сталинского периода, этот изобретательный метод

обладал тем преимуществом, что его нелегко было осудить, сославшись на какой-либо определенный принцип. Ясно, что он сводился, по прошествии известного времени, к недопустимому давлению на человека и затем перерастал в настоящую физическую пытку. Но когда? На это нельзя дать точного ответа.

Уже после двенадцати часов допроса жертве становилось не по себе. Через день — мучительно трудно. Через два или три дня наступало физическое отравление от усталости. Это было так же мучительно, как любая пытка[64]. Говорят, что некоторые заключенные могли выдержать пытки, такие случаи известны, но почти никто не слышал, чтобы не сработал «конвейер», если он длился достаточно долго. В среднем, за неделю можно было сломить почти каждого[65]. Евгения Гинзбург пишет в книге «Крутой маршрут», что провела семь дней без сна и пищи, причем последний день — стоя, после чего потеряла сознание. За этим последовал пятидневный допрос более мягкого типа, во время которого ей позволяли отдохнуть три часа в камере, но заснуть не давали[66].

Крестинский ясно сказал в заявлении на процессе, что его первый допрос продолжался неделю[67], хотя этот момент как-то прошел мимо наблюдателей. А что касается маршала Блюхера, «здоровье этого мужественного человека было подорвано непрерывно продолжавшимся допросом»[68]. Он умер менее чем через три недели после ареста, а сам допрос, очевидно, продолжался еще меньше.

В этом методе нет ничего нового. Его применяли еще к колдуньям в Шотландии. Философ Кампанелла, который в XVI веке устоял перед всеми пытками во время допросов, не выдержал бессонницы. Начинаются галлюцинации. Кажется, что вокруг, жужжа, летают мухи. Дым застилает глаза и т.д.

По свидетельству Ф. Бека и В. Година были допросы, продолжавшиеся без перерыва 11 дней, причем четыре

последних дня подследственный должен был стоять. Заключенные, которые даже не дотягивали до 11 дней, падали в обморок каждые двадцать минут. Их обливали водой или били по лицу, чтобы привести в чувство[69]. Рассказывают, что одному доктору в Бутырках пришлось простоять без сна, с очень небольшими перерывами, целую неделю. После этого пытка прекратилась: было якобы выпущено постановление о том, чтобы ограничить длительность этого приема одной неделей[70]. Другой бывший узник тюрем НКВД, Александр Вайсберг, сообщает, что просидеть 14 часов на табуретке более мучительно, чем стоять у стены: в паху появляется опухоль, боль становится невыносимой. У стены можно по крайней мере перемещать вес с одной ноги на другую[71]. Особенно тяжко Вейсбергу пришлось, когда в системе «конвейера» он обнаружил «техническое усовершенствование»: из табуретки вынули сидение, так что сидеть стало еще невыносимее[72].

Мы находим очень мало сообщений о заключенных, которые смогли противостоять «конвейеру». Один из них — 55-летний анархист Эйзенберг, который, как только его назвали контрреволюционером, вообще отказался отвечать на вопросы. Избиения не дали никаких результатов, и после этого он выдержал на «конвейере» 31 день (!), побив все рекорды. Медицинское обследование показало, что он был человеком очень крепкого здоровья и что нечувствительность к боли была аномалией его организма. Впоследствии, как полагают, он попал в сумасшедший дом[70].

Сам А. Вайсберг выдержал только семь дней, да и то с небольшим перерывом, и покаялся. Затем, отдохнув день, отказался от своих показаний. Допрос начался снова. На этот раз он сдался на четвертый день, но сказал следователям, что откажется от всех показаний, как только придет в себя. Третий этап на «конвейере» закончился на пятый

день, но Вайсберг не сознался больше ни в чем, хотя к этому времени в руках у следователей уже было два «документа»[74].

Значит, в системе «конвейера» был дефект. Хотя он срабатывал безотказно почти всегда, и на это уходило всего 2-3 дня, он не обладал существенным преимуществом перед пытками (часто сочеталось и то и другое), потому что от показаний, данных на «конвейере», потом отказывались.

ДОЛГИЙ ЦИКЛ

Система допроса, которая сломила многих заключенных до такой степени, что они повторяли свои показания на публичном процессе, функционировала несколько по-другому. Она была рассчитана на более постепенное, но более полное подавление воли к сопротивлению. При обработке интеллигентов и политических деятелей на это уходило много времени, иногда (с перерывами) до двух с половиной лет. Однако полагают, что в среднем процесс продолжался около 4 или 5 месяцев[75].

В течение всего этого периода заключенному не давали отоспаться; его держали в камере, где было слишком жарко или (что случалось чаще) слишком холодно. Питание было недостаточным, но всегда аппетитно приготовленным. Испанский генерал коммунист Эль Кампесино рассказывает в книге «Слушайте, товарищи», что дважды в день получал по 100 г черного хлеба и немного супа — «вкусного и великолепно приготовленного»[76]. В результате началась цинга, но так, очевидно, и было задумано.

Физическое истощение увеличивает подверженность психическим расстройствам — это хорошо известное явление, которое часто наблюдалось во время последней мировой войны, например, у моряков в спасательных шлюпках, подолгу находившихся в открытом море. Даже люди

огромной выдержки, способные перенести любую ситуацию, часто теряли после этого самообладание. Обычно допрос проходил по ночам, когда заключенный еще не оправился ото сна; часто его будили всего лишь через 15 минут после того, как он засыпал. Ярко освещенная комната, куда его приводили для допросов, сбивала с толку. Постоянный упор делался на то, что заключенный абсолютно бессилен что-либо сделать. Часто казалось, что следователи могут продолжать допрос бесконечно. Борьба казалась обреченной на поражение. Постоянное повторение стереотипных вопросов также приводило к смятению и изнеможению, заключенный путался в словах, пытаясь что-то припомнить, и в интерпретации фактов. Он ни на секунду не мог побыть наедине.

Переживший это в 1945 году поляк Стыпулковский рассказывает в книге «Приглашение в Москву»: «... Холод, голод, яркий свет и главное — бессонница. Сам по себе холод не так ужасен. Но когда жертва уже ослабела от голода и бессонницы, то постоянно дрожит при температуре 6 или 7 градусов выше нуля. Ночью у меня было только одно одеяло... Через две или три недели я был в полубессознательном состоянии. После 50-60 допросов, плюс холод, голод и почти полное отсутствие сна, человек становится автоматом — глаза воспалены, ноги распухли, руки дрожат. В этом состоянии он нередко сам начинает думать, что виновен»[77].

Стыпулковский подсчитал, что большинство людей, сидевших вместе с ним, достигло этого состояния между сороковым и семидесятым допросом.

Соображения международного характера заставили судить вождей польского подполья, не дожидаясь, пока Стыпулковский (единственный из обвиняемых) будет готов к признаниям. За исключением появившейся в 1956 году в Будапеште краткой статьи Пала Юстуса, одного из обвиняемых по делу Райка, свидетельства людей, полностью признавшихся во всем, что от них требовали, появи-

лись только в последнее время. Это свидетельства Артура Лондона[78] и еще более показательные — Еугена Лебля, осужденных к пожизненному заключению по делу Сланского в Чехословакии в 1952 году.

Лебль[79] рассказывает о пытках, которым подвергались другие подследственные, о побоях, о раздавливании половых органов, о содержании в ледяной воде, о заворачивании головы в мокрую парусину, сжимающуюся при высыхании и причиняющую невыносимую боль. Но (в противоположность Лондону) его не пытали, и он подтверждает, что пытка не годится как метод подготовки к показательному процессу, в ходе которой необходимо сломить самый костяк личности. Он рассказывает, что его заставляли стоять на ногах по восемнадцать часов в сутки, причем шестнадцать из них шел допрос. В течение шести часов отдыха он мог спать, но тюремщик должен был каждые десять минут стучать в дверь, заставляя его вскакивать, становиться в положение «смирно» и рапортовать: «подследственный четырнадцать семьдесят три рапортует: в камере один подследственный, все в полном порядке». Это значит, что его «будили раз тридцать-сорок в ночь». Если он не поднимался на стук, тюремщик будил его толчком ноги. После двух или трех недель такой обработки его ноги опухли и малейшее прикосновение к любой точке тела вызывало боль; даже мытье превратилось в пытку. Он утверждает, что самую страшную боль он чувствовал в ногах, когда ложился. Шесть или семь раз его водили, как ему давали понять, на расстрел: это сначала не пугало его, но следовавшая затем реакция была ужасна. Как и многие другие обвиняемые сталинских процессов в восточной Европе, он убежден, что ему давали наркотики. Если это так, то это позднейшее изобретение; в рассказах об обработке подследственных в ОГПУ-НКВД довоенного периода наркотики не упоминаются. (Лебль отмечает, между прочим, что врач был даже беспощаднее следователя). В конце концов он почувствовал, что больше не в

силах отказаться от признания. После того, как он сделал это, ему разрешили читать книги, стали кормить досыта и дали выспаться, но он потерял (как он пишет) свое прежнее «я»: «Я был, как казалось, совершенно нормальным человеком, но я больше не был человеком».

Советские психологи и физиологи неизменно повторяют, что их труды базируются на учении Павлова. «Ассоциативный стимул» Павлова, при котором внешний раздражитель вызывает автоматическую реакцию, соответствует тому, как поступали с заключенными: людей низводили до состояния, когда спасение ассоциировалось только с одной ответной реакцией — принятием того, что им говорили. Для достижения этого необходимо добиться существенной деградации человеческой личности. Реакция животного — по крайней мере, в ситуациях, которые ему знакомы (а только в таких животное и может ориентироваться), — в принципе безусловна и неразборчива. Более высокое положение человека как раз и состоит в его способности различать и делать выбор. Другими словами, если говорить о человеке, то безусловной реакции на внешний раздражитель можно ожидать только от психопата. Но человек, низведенный до данного состояния, — еще не животное. Ему нужно, чтобы мотивировка поступков хотя бы внешне казалась разумной. Что касается коммунистов, то у них обоснование было всегда наготове — принцип партийности.

Существовали, однако, и другие формы давления.

ЗАЛОЖНИКИ

Нет никаких сомнений в том, что угрозы семье — иными словами, использование заложников — было одним из самых сильнодействующих средств сталинского террора. Семьи видных партийных и государственных деятелей, от

которых хотели добиться показаний, находились в руках НКВД — судя по всему, это было общей практикой.

У Бухарина, Рыкова и Крестинского были дети, которых они очень любили. У некоторых других, кого судили отдельно, например у Карахана, детей не было. Несколько осужденных в своем заключительном слове упоминали о детях — например, Каменев и Розенгольц.

Инженерам, которые были арестованы еще в 1930 году, угрожали расправиться с женами и детьми[80]. Указом от 7 апреля 1935 года наказания для взрослого населения распространились и на детей с двенадцати лет. Указ превратился в страшную угрозу для оппозиционеров, у которых были дети. Если Сталин мог открыто провозгласить такую зверскую меру, то он не остановился бы перед тем, чтобы тайно предать смерти детей осужденных, когда считал нужным. В этом подсудимые могли не сомневаться. Бывший сотрудник НКВД Орлов[81] вспоминает, что по приказу Ежова копия этого указа должна была обязательно лежать на столе следователя. Чтобы усилить страх за семью, иногда прибегали и к такому приему: во время допроса на столе следователя лежали личные вещи членов семьи[82].

Использование родственников в качестве заложников, заключение их в тюрьму или даже уничтожение было новым явлением в истории России. При царе революционеры могли об этом не беспокоиться. Поистине, Сталин не признавал границ ни в чем.

Выдвигались догадки о том, что в показательных процессах было нечто специфически русское. Много, например, говорилось о привычке к самобичеванию в стиле Достоевского. Бухарин отрицал, что «славянская душа» имеет какое-либо отношение к данным на суде показаниям. Сам он был более интеллектуальным и более западным человеком, чем многие другие из большевистских вождей. Во всяком случае, ссылки на национальную психологию выглядят весьма туманно и сами по себе неубедительны. Но неудивительно, что, столкнувшись с

невероятным феноменом этих показаний, люди в то время пытались дать им и невероятное объяснение.

Конечно, русская культура имеет свои особенности, накладывающие отпечаток на всех тех, кто воспитан в условиях этой культуры. До некоторой степени мы должны учитывать традицию самопожертвования (хотя в русской традиции много примеров самого дерзкого и открытого неповиновения власти — например, Никита Пустосвят, пытавшийся плюнуть в лицо царю). Четверо из пяти арестованных членов Политбюро, которые не появились на публичном процессе — Рудзутак, Эйхе, Косиор и Чубарь — были нерусскими. Все без исключения грузины тоже осуждены при закрытых дверях. Один из них — Алеша Сванидзе, которого обещали выпустить, если он попросит прощения. Но Сванидзе отказался[83].

Другой мощной движущей силой был инстинкт самосохранения. Связанный с этим парадокс привел в замешательство наблюдателей на Западе и некоторых смущает еще и сейчас. Создавалось впечатление, что, сознавшись в преступлениях, наказуемых смертной казнью, пройдя через долгую и часто унизительную следственно-судебную процедуру, осужденные активно стремились к смертному приговору! Некоторые из них сами заявляли, что заслужили его. На самом деле все было наоборот. Отказ признать себя виновным был самым верным способом пойти на расстрел. В этом случае осужденный вообще не попадал на открытое судебное заседание, а наиболее вероятно погибал во время предварительного следствия, или его, как Рудзутака, расстреливали после 20-минутного закрытого суда.

Сталинские показательные процессы имели такую логику, какой не встретишь больше нигде. Чтобы избежать смерти, осужденный должен был признать все, дать своим действиям наихудшее толкование. Это был его единственный шанс. Но даже полное признание своей вины могло спасти жизнь только в редких случаях. Иногда, правда,

оно жизнь и спасало, — на некоторое время, как в случае Радека, Сокольникова и Раковского. Более того, на процессе в августе 1936 года осужденным была обещана жизнь, и у них были достаточные основания надеяться, что обещание будет исполнено. Очевидно, то же обещание было дано Пятакову и другим на втором процессе. Тогда оно уже не было столь эффективным, но оставалось единственной надеждой. Внешне Пятаков был в несколько особом положении. Ведь Зиновьев и Каменев долго сопротивлялись руководству Сталина и давно уже были исключены из партийной элиты. Пятаков же сослужил Сталину огромную службу, и диктатор сам назначил его членом последнего Центрального Комитета. Кроме того, Пятаков находился под сильной защитой Орджоникидзе. А человеку всегда свойственно надеяться.

Партия и старая оппозиция были полностью опозорены и уже не могли оправиться. Даже такой человек как Сокольников, вероятно, полагал, что его слова уже не могут повлиять на исход дела. Единственное, о чем он думал, это — как спасти свою семью. Тем большее восхищение вызывает личное мужество таких людей, как Угланов и Преображенский. Они настаивали на правде и, несмотря на давление со всех сторон, «умерли молча».

Осужденный находился под таким колоссальным нажимом, что число людей, которые не сдались (или если сдались, то их все же не рискнули выпустить в суд), вызывает изумление. Отказавшиеся признать свою вину были людьми особой породы. Вот как Кестлер описывает своего друга Вайсберга:

«Что давало ему силы выстоять, когда другие уже сдались? Особое сочетание тех черт характера, какие необходимы, чтобы выжить в данной ситуации. Огромная выносливость, физическая и духовная — свойство «Ваньки-встаньки» — позволяющая быстро восстанавливать физические и духовные силы. Исключительное присутствие духа... Это тип человека несколько «толстокожего», добродушного и

лишенного чувствительности, человека открытого и не склонного к самоанализу — в книге Вайсберга нет размышлений, нет и следа религиозного или мистического опыта, который неизбежно становится частью одиночного заключения. Безответственный оптимизм и самодовольное благодушие в жутких ситуациях. Установка «со мной этого не может случиться», которая представляет собою самый надежный источник мужества. Неистощимое чувство юмора и, наконец, неутомимость и напористость в споре, способность продолжать его часы, дни, недели. ... У следователей (как, подчас, и у его друзей) просто ум заходил за разум»[84].

Сходные черты характера и темперамента можно наблюдать и у других осужденных, которые не признавали своей вины. В 1938 году в Первоуральске начальник местного отделения НКВД Паршин допрашивал главного инженера строительства Новотрубного завода, который до этого находился в тюрьме 13 месяцев. Он был похож на «скелет, покрытый лохмотьями, синяками и кровью». Его обвинили в том, что он покрывает печи деревянными крышами, которые могут легко загореться. Инженер настаивал на том, что крыши должны делаться из железа, но правительственный указ, подписанный Орджоникидзе, предписывал делать их из дерева из-за нехватки железа. На все другие вопросы он упорно отвечал то же самое[85]. В работах исследователей и в воспоминаниях бывших заключенных можно найти несколько аналогичных случаев, но все они трактуются как случаи исключительные. Критик Иванов-Разумник говорит, что за все годы, проведенные им в тюрьмах Москвы и Ленинграда, лишь 12 человек из тысячи с лишним, сидевших с ним в разное время в одной камере, отказались признать свою вину[86].

Важно отметить, что оппозиционеры, которые отреклись от бухаринского взгляда на партийную дисциплину в начале 30-х годов, не появились в суде. Сталину, очевидно, хотелось увидеть на скамье подсудимых Рютина, но он не смог этого добиться. То же самое можно сказать об Угланове, Сырцове,

Смирнове и других, которые пытались организовать сопротивление, в то время как правые лидеры призывали к терпению. Очевидно, одной из причин было отсутствие у этих людей «партийного фетишизма», который испытывали Бухарин, Зиновьев и многие другие осужденные, выступившие с публичными признаниями. Мы очень мало знаем о том, как вели себя под арестом такие оппозиционеры-коммунисты. Но ясно, что многих не удалось окончательно сломить ни убеждением, ни применением силы (хотя во время допроса многие, конечно, сознавались).

Большинство источников указывает на то, что для публичных показательных процессов было отобрано несколько сот кандидатов, но только человек 70 предстали на суде. Из тех, кого на процессе Зиновьева упомянули как «соучастников», 16 человек появились в суде, трое покончили с собой, а семерых судили позже. Но сорок три остальных вообще не были допущены до суда и, таким образом, не сделали публичных признаний. Среди них были такие видные деятели, как Угланов — до того кандидат в члены Политбюро и секретарь Центрального Комитета, — а также представители авангарда старых большевиков Шляпников и Смилга[87].

Материалы предварительного следствия, зачитанные на процессе Зиновьева, якобы представляли собой 38 отдельных папок (по одному досье на каждого заключенного). Но перед судом предстали только 16 человек. Полагают, что двадцать два остальных были осуждены тайно (хотя некоторые, в частности Гавен и Слепков, вероятно, находились в «резерве»).

На процессе Пятакова досье были пронумерованы от одного до тридцати шести, но девятнадцать номеров из этого списка отсутствовали. Главные обвиняемые шли под первыми номерами: Пятаков — папка 1, Радек – папка 5, Сокольников – 8, Дробнис – 13. Номера папок Серебрякова и Моралова неизвестны. Но если даже включить в список их имена, нескольких папок все же недостает. Можно пред-

положить, что эти папки существовали и относились к высокопоставленным обвиняемым, которых, однако, не удалось «подготовить» к открытому процессу.

Многие советские издания, посвященные периоду революции, вскользь упоминают в биографических справках о некоторых членах оппозиции. Эта информация стала доступна совсем недавно (в хрущевский период) и она очень скудна[88]. Следует обратить внимание на то, что в изданиях этих против некоторых фамилий стоит слово «осужден», указывающее на тайные процессы, о существовании которых до сих пор ничего не было известно. Среди этих людей — Угланов, чье имя фигурировало на всех трех процессах. Он был исключен из партии в 1936 году, «осужден» и умер в 1940. Смилга тоже «осужден», умер в 1938. Сосновский, Сапронов, Шацкин и Преображенский «осуждены» и умерли в 1937 году. В. М. Смирнов исключен из партии и «осужден» в 1936, умер в 1937 году. Сафаров (которого в 1940 году еще видели на Воркуте[89]) «осужден» — умер в 1942 году. Все эти ведущие оппозиционеры были открыто заклеймены, но не допущены до публичного процесса. Напрашивается естественный вывод: этим людям не доверяли и потому не рискнули выпустить их на суд.

Есть и другие, помимо вышеуказанных, о которых не сказано, что они были «осуждены», но дата их смерти дается впервые. Среди них Медведев (главный помощник Шляпникова по «Рабочей оппозиции») — 1937; Рязанов — 1938; Сырцов — 1938; Василий Шмидт — исключен из партии за правый уклон в 1937 году, умер в 1940 году; А. П. Смирнов - 1938.

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ

Естественно возникает не только вопрос, почему осужденные признавали свою вину, но и другой вопрос, главный: почему обвинение добивалось этого?

На открытых процессах, как указал со скамьи подсудимых Радек, никаких доказательств не было. Судебный процесс, на котором нет доказательств против осужденных и к тому же сами осужденные отвергают обвинения, выглядел бы весьма неубедительным по любым критериям. Если подсудимый невиновен и подлинные доказательства отсутствуют, то его надо заставить сознаться. В данных обстоятельствах это логично; трудно представить человека виновным, если он сам этого не признает.

Подобный процесс легче инсценировать, когда есть уверенность, что никто из особо «трудных» подсудимых не нарушит сценария и не станет нести отсебятины. Применение этого метода вообще и особенно на публичном процессе Зиновьева и других вполне можно понять. Сталин хотел не просто ликвидировать своих старых противников, но уничтожить их морально и политически. Объявить о тайной экзекуции Зиновьева было бы гораздо труднее. Так же трудно было бы публично осудить его без доказательств, по обвинениям, которые осужденный мог бы яростно и эффективно опровергнуть.

Признание вины, пусть и весьма неубедительное, может произвести впечатление даже на скептиков. Закрадываются сомнения по принципу «нет дыма без огня» и т.д. Обвиняемый, который смиренно кается и признает правоту своих противников, уже в некоторой степени политически дискредитирован — пусть даже его признание не вызывает доверия. Дискредитировать его, дав возможность публично обороняться, гораздо труднее. Даже если признание не вызывает доверия, оно выливается в яркую демонстрацию власти государства над своими противниками.

Все тоталитарные идеологии склоняются к тому, что подсудимый должен сознаться, хотя бы под нажимом: это повышает дисциплину и дает остальным членам партии назидательный пример. (Были случаи, когда осужденным, которые не давали в суде должных показаний, признания

приписывались посмертно — так сказать, для порядка. Это произошло, например, с болгарином Костовым в 1949 году).

Таковы рациональные объяснения. Но ведь принцип признания обвиняемого применялся во всех случаях, даже по отношению к обычным жертвам, с которыми расправились тайно. Главные усилия громадной полицейской организации были направлены по всей стране на получение этих признаний. Мы читаем, например, о применении системы «конвейера» с участием сменных бригад следователей в случаях, не имевших существенного значения. О них даже не сообщалось. Все это выглядит не просто как дикая жестокость, но как безумие, как исступленное желание соблюсти никому ненужную формальность. Обвиняемых можно было бы спокойно расстрелять или осудить и без всего этого вздора.

Но странно-искаженный легализм оставался в силе до конца. Тысячи, миллионы людей можно было сослать просто по подозрению. И вместе с тем сто тысяч работников тайной полиции и других официальных лиц тратили месяцы на допросы и охрану заключенных, которые в это время даже не работали на государство[90].

В тюрьмах говорили, что это объясняется в первую очередь лицемерным желанием «сохранить фасад». Говорили также, что, не будь этих так называемых признаний, гораздо труднее было бы изыскивать новые обвинения.

Ясно и то, что данная система, требующая показаний только одного типа, легче поддавалась унификации. Стереотипный допрос можно было без труда распространить вниз по инстанциям. Использовать более тщательные методы фабрикации материалов было бы сложнее. Когда показания касались конкретных вещественных доказательств, следователи часто попадали впросак. Члены украинской группы социалистов-революционеров сознались — по требованию неопытного следователя, — что у них был тайный склад оружия. Первый «заговорщик» признался, что пере-

дал склад другому человеку. Второй, под пытками, сказал, что передал его кому-то третьему. Образовалась цепь из одиннадцати человек, пока, наконец, после обсуждения в камере было решено, что последний из обвиняемых должен сослаться на какого-то человека, который уже умер. Обвиняемый мог вспомнить только своего бывшего учителя географии, совершенно аполитичного человека, который незадолго до этого умер; он опасался, что следователь не поверит этой версии. Товарищи пытались убедить его, говоря, что единственное желание следователя — это разделаться со складом оружия. Признание состоялось, и следователь был так доволен, что распорядился как следует накормить заключенного и дать ему табаку[91].

Поскольку на публичных процессах был установлен принцип признания обвиняемого, отход от этого принципа в более мелких делах мог рассматриваться в практике НКВД как косвенное неодобрение процесса. Принцип провозглашал, что признание — «королева доказательств». Те, кому удавалось его достичь, считались оперативными, хорошими работниками. А срок жизни неудачливых сотрудников НКВД был невысоким...

Во всем этом проглядывает решимость вообще уничтожить понятие правды, навязать всем принятие официальной лжи. Даже если совершенно отвлечься от рациональных мотивов «выколачивания» признаний, можно почувствовать чуть ли не мистическое тяготение именно к этому методу. Дзержинский еще в 1918 году заметил, говоря о врагах советского правительства: «Если преступнику предъявить доказательства, он сознается почти всегда. А какой аргумент может иметь больший вес, чем признание самого преступника?»[92].

Вышинский был ведущим теоретиком этой системы. На одном этом признании, по мнению Вышинского, мог основываться судебный приговор. Он рекомендовал прокурорам и следователям добиваться того, чтобы осужденный писал показания своим почерком, так как этим создается

видимость «добровольности». Вышинский утверждал: «лучше иметь полупризнание, записанное собственноручно обвиняемым, чем полное признание, записанное следователем», создавая «видимость добровольной дачи этих показаний*»[93]. Стало быть, члены свиты Сталина сознавали в какой-то степени, что признаниям обвиняемых поверить трудно. Получить их было всегда желательно, ибо можно не сомневаться в том, что в основном идея принадлежала самому Сталину. Вышинский не стал бы соваться со своими взглядами в дело, которое непосредственно касалось Сталина. Не такой он был человек.

В результате такой идейной установки тысячи и тысячи людей обрекались на духовные и физические муки, длившиеся недели и месяцы.

* Один бывший заключенный рассказывает: несколько дней его запугивали и избивали, принуждая подписать показания, которых он не читал. Следователь проявлял особую ярость по поводу «упрямства» своего подследственного. В конце концов человек потерял способность говорить и двигать руками, после чего следователь вложил перо в его пальцы и таким образом учинил подпись[94].

ГЛАВА 5

1. См. «Дело Зиновьева»: Каменев – стр. 170; Пикель – стр. 168; Гольцман – стр. 172; Мрачковский – стр. 166.

2. Beck and Godin, *The Russian Purge and Extraction of Confessions,* p. 38.

3. Авторханов, «Технология власти», стр. 136.

4. Abramovich, *The Soviet Revolution,* p. 416.

5. Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite,* p. 25.

6. XIII съезд РКП[б], Стеногр. отчет, Москва 1963, стр. 158-9.

7. См. «Правду». 29 февр. 1928.

8. Н. Валентинов (Н. В. Вольский) в «Новом журнале» (Нью-Йорк), № 52, 1958 (стр. 140-61). («Суть большевизма в изложении Ю. Пятакова»).

9. Валентинов, там же, стр. 150-3.

10. Ciliga, *The Russian Enigma,* p. 75.

11. Там же, стр. 85.

12. Arthur Koestler, *Arrow in the Blue,* vol. 2, London, 1945, p. 155.

13. Ciliga, p. 255.

14. Сталин, Собр. соч., т. 5, Москва, 1947, стр. 382 («О статье Сапронова»).

15. См. «Правду», 18 янв. 1924.

16. «Социал. вестник» (Берлин), № 2, 1924, стр. 5 (сноска).

17. XIV съезд ВКП[б], Стеногр. отчет, Москва-Ленинград, 1926, стр. 274.

18. Там же, стр. 186.

19. Сталин, Собр. соч. т. 10, Москва, 1953, стр. 190 («Троцкистская оппозиция прежде и теперь»).

20. Троцкий в «Большевике», № 16, 1925 («По поводу книги Истмена»).

21. Souvarine, *Staline,* p. 408. В собр. соч. Сталина сохранился лишь отзвук этой полемики в закл. слове Сталина на VII Пленуме ИККИ (т. 9, стр. 77).

22. XIV съезд ВКП[б], стр. 856.

23. Angelica Balabanoff, *Impressions of Lenin,* 1964, p. 88.

24. XV съезд ВКП[б], Стеногр. отчет, т. 1, Москва, 1961, стр. 280-1.

25. XIII съезд РКП[б], стр. 106 (отчет ЦК).

26. XV съезд ВКП[б], Стеногр. отчет, т. 2, М., 1961, стр. 1417.

27. «Дело Зиновьева», стр. 133.

28. См. «Правду», 16 июня 1933.

29. «Социал. вестник» № 1-2, 1937, стр. 22 «Как подготовлялся Московский процесс».

30. Евгения Гинзбург «Крутой маршрут», Франкфурт, 1967, стр. 137.

31. Koestler, *Darkness at Noon*, p. 242.

32. Beck and Godin, p. 86.

33. Там же.

34. Koestler, *Arrow in the Blue*, vol. 2, p. 394.

35. См. напр. показания А. Таирова перед французской «Commission Interrogatoire» (Report of the Dewey Commission, p. 370).

36. Koestler, *Darkness at Noon*, p. 183.

37. «Дело Бухарина», стр. 687-8.

38. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 117-18.

39. Serge, *De Lénine à Staline*, p. 50.

40. Orlov, p. 145-6.

41. Там же, стр. 149.

42. Ciliga, p. 283.

43. «Дело Пятакова», стр. 204.

44. XXII съезд КПСС, т. 2, стр. 588 (закл. слово Хрущева).

45. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 29.

46. Victor Kravchenko, *I Chose Justice*, 1951, p. 252-4.

47. Там же, стр. 169.

48. Там же, стр. 154.

49. Lermolo, *Face of a Victim*, p. 44.

50. Kravchenko, p. 169-70.

51. Tokaev, *Betrayal of an Ideal*, p. 264-6.

52. Margarete Buber-Neumann, *Als Gefange bei Stalin und Hitler*, München, 1950, s. 42; Р. В. Иванов-Разумник, Тюрьмы и ссылки, изд. им. Чехова, 1953, стр. 254; Гинзбург, стр. 125.

53. Иванов-Разумник, стр. 274.

54. Там же, стр. 285.

55. Там же, стр. 279-80; см. также Гинзбург, стр. 155, 160.

56. Иванов-Разумник, стр. 283.

57. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 47-8.

58. См. Примечания Бориса Николаевского к первому изданию доклада Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС («The Crimes of the Stalin Era», the *New Leader* edition of Khrushchev's Secret Speech, note 37).

59. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 30.

60. А. В. Горбатов, «Годы и войны», Москва, 1965, стр. 130.

61. Там же, стр. 127.

62. Иванов-Разумник, стр. 82-83.

63. См. «Советское государство и право» № 3, март 1965 (статья «Об извращениях Вышинского в теории советского права и практике»).

64. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 236.

65. Antoni Ekart, *Vanished without a Trace*, 1954, p. 175.

66. Гинзбург, стр. 85-90.

67. «Дело Бухарина», стр. 229.

68. В. Душенькин, «От солдата до маршала», Москва, 1964, стр. 223 (изд. третье. В первых изданиях эта фраза опущена).

69. Beck and Godin, pp. 53-4.
70. Иванов-Разумник, стр. 278-9.
71. Weissberg, pp. 233, 236.
72. Там же, стр. 295.
73. Там же, стр. 386-8.
74. Там же, главы VIII и IX.
75. Beck and Godin, p. 71.
76. El Campesino, *Listen, Comrades!*, London, 1952, p. 132.
77. Z. Stypulkowski, *Invitation to Moscow*, London, 1951, Chap. XII-XIV.
78. Arthur London, *L'Aveu*, Paris, 1969.
79. Evžen Loebl und Dušan Pokorny, *Die Revolution Rehabilitiert Ihre Kinder*, Wein, 1968, s. 14-21.
80. Ciliga, p. 154.
81. Orlov, p. 54.
82. Z. Stypulkowski, p. 242.
83. См. XXII съезд, т. 2, стр. 587 (закл. слово Хрущева).
84. Предисловие к книге Вайсберга *Conspiracy of Silence*, pp. XI-XII.
85. Kravchenko, *I Chose Freedom*, pp. 289-90.
86. Иванов-Разумник, стр. 283.
87. Точно так же (как официально сообщалось в 1968 году) целый ряд видных обвиняемых по делу Сланского в Праге не был выведен в зал суда, потому что «они не хотели вести себя, как следует в суде»: из 50-ти или 60-ти имевшихся налицо партийных руководителей суд воспользовался только четырнадцатью (См. *Nova Mysl*, Praha), № 7, 10.7.1968.
88. См. приложение к новейшим изданиям стенографических отчетов ранних партийных съездов и конференций, изд. 5-е полного собрания сочинений Ленина и ряд других работ, в том числе «История гражданской войны» (М. 1960), «Партия в период гражданской войны и иностранной военной интервенции» (М. 1962), «Таков был Ленин» (М. 1964) и др.
89. H. Kostiuk, *Stalinist Rule in the Ukraine*, Münich, 1960, p. 118, note 18.
90. Weissberg, p. 415.
91. Там же, стр. 352-5.
92. «Новая жизнь», 8 июня 1918 (См. также статью Y. E. Scott, «The Cheka», *Soviet Affairs*, № 1, p. 8).
93. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве», № 3, 1965 («Об извращениях Вышинского в теории советского права и практике»), стр. 29.
94. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 169-172.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У ПОСЛЕДНЕГО БАРЬЕРА

Единство цели превратилось у него в двойственность поступков.

Карл Маркс об Иване III

ОСЕННИЕ МАНЕВРЫ

Процесс «троцкистско-зиновьевского центра» и особенно казни после этого процесса глубоко потрясли «офицерский корпус партии», тот слой, который по словам Бориса Николаевского «еще недавно считал себя имеющим монопольное в стране право заниматься политикой»[1]. Все, что произошло, — суд, расстрелы — было организовано без ведома партийных кадров, без консультации с ними. Мертвых не воскресить, и опаснейший прецедент был, таким образом, успешно установлен.

Между тем уже шли приготовления ко второму процессу. 17 апреля 1936 года был арестован Н. И. Муралов, бывший генеральный инспектор Красной армии. В прошлом он работал в Западной Сибири. 5 и 6 августа 1936 года[2] были схвачены двое бывших троцкистов, работавших в том же районе, М. С. Богуславский и Ю. Н. Дробнис. Оба были видными старыми революционерами, хотя и не из крупнейших.

Дробнис был в молодости сапожником. Активной революционной деятельностью занимался с 15 лет, шесть

лет провел в царской тюрьме, был трижды приговорен к смерти. В последний раз из этих трех, когда его, раненого, взяли в плен белые во время гражданской войны и должны были расстрелять, Дробнису удалось бежать благодаря чистой случайности. В дальнейшем он дошел в партии до поста секретаря ЦК на Украине.

Муралов, человек богатырского сложения, происходил из бедной трудовой семьи. В 1899 году он стал участником рабочих кружков, а в 1905 — членом партии[3]. Во время гражданской войны Муралов отличился исключительными подвигами.

Богуславский тоже был ветераном — и большевистского подполья, и гражданской войны.

По-видимому тогда же, в начале августа, были арестованы и два гораздо более крупных работника — Сокольников и Серебряков. Вскоре начались их допросы. Первым, уже в августе, стал давать показания Сокольников, хотя в то время его показания еще были неопределенными[4]. А 21 августа, на процессе Зиновьева-Каменева и других, Вышинский заявил, что дальнейшее расследование начато в отношении Бухарина, Рыкова, Пятакова, Радека и Угланова. «Расследовать» должны были и дело Томского, однако, он предпочел избежать этого, покончив самоубийством.

К 27 августа, через два дня после казни всех осужденных на процессе Зиновьева-Каменева, большинство членов Политбюро вернулись в Москву из отпусков. В Москве собрались Калинин, Ворошилов, Чубарь, Каганович, Орджоникидзе, Андреев, Косиор и Постышев[5]. В последний день августа вернулся из отпуска и Молотов[6]. Не было лишь Микояна и... самого Сталина, который продолжал отдыхать в Сочи, где намеревался пробыть еще несколько недель. Однако Ежов, безотлучно находившийся в Москве, несомненно был в постоянном контакте с ним.

В течение следующей недели партийное руководство обсуждало дела новых обвиняемых. Наблюдалось, по-видимому, отвращение к происшедшему, потому что даль-

нейшим репрессиям партийные руководители воспротивились. Ставить под вопрос виновность Зиновьева и Каменева или сам ход только что закончившегося процесса было теперь невозможно, ибо Зиновьев, Каменев и другие, после их публичных признаний, выглядели подлинными предателями. Но с Бухариным и Рыковым дело обстояло иначе. Помимо всего прочего, они были настолько популярны в стране и в партии, насколько Зиновьев и Каменев никогда не были. Очевидно также, что на всех сильно подействовало самоубийство Томского.

10 сентября 1936 года, в маленькой заметке на второй странице, «Правда» оповестила, что следствие по обвинению Рыкова и Бухарина прекращено за отсутствием каких-либо свидетельств об их преступной деятельности. Как предполагает Николаевский, это отступление было сделано под давлением некоторых членов Политбюро[7].

Политически это внезапное снятие вины с Бухарина и Рыкова понятно и объяснимо. С юридической же точки зрения оно совершенно фантастично. Ведь обвиняемые на только что закончившемся процессе «троцкистско-зиновьевского центра» были приговорены к смерти на основании собственных показаний, данных ими против самих себя.

Их показания против Рыкова и Бухарина были совершенно того же рода — ни более, ни менее достоверными. Можно было полагать, что уже одно это покажет западным наблюдателям всю беспочвенность процесса. (Замечательно еще и то, что хотя дела Рыкова и Бухарина были прекращены, ничего подобного не было сделано в отношении к покончившему самоубийством Томскому. В Советском Союзе существовал закон о наказании за доведение кого-либо до самоубийства моральными или физическими преследованиями. И этот закон в данном случае не был применен).

Вряд ли можно полагать, что большинство членов Политбюро было теперь против террора. Ворошилов,

Каганович и, возможно, Андреев были к тому времени уже соучастниками. Молотов тоже должен был извлечь урок из недавней полосы сталинского к нему нерасположения. Во всяком случае, к 21 сентября эта полоса в отношении Молотова явно закончилась, ибо в сценарии следующего процесса он фигурировал уже в качестве жертвы будто бы готовившихся убийств[8].

Возвращение Молотова в число фаворитов трудно объяснить чем-либо иным, кроме его полного перехода на сторону Сталина в сентябрьских дискуссиях о терроре.

Тем не менее оппозиция была сильна, и Сталин отступил в вопросе двух бывших «правых» — Бухарина и Рыкова. Надо заметить, что Сталин и сам до того еще не принял окончательного решения их арестовать. Сталин, возможно, хотел провести лишь предварительную рекогносцировку, хотел поставить вопрос о Бухарине на повестку дня, действуя в своем обычном изворотливом стиле. Речь, стало быть, не шла о решительном голосовании в верховном партийном органе. И в отсутствие Сталина его престиж, таким образом, не был прямо затронут.

Однако хотя Сталин и получил всю необходимую поддержку в Политбюро, последующие события показали, что в Центральном Комитете дело обстояло иначе.

Мы не знаем, собирался ли Центральный Комитет в то время. А. Авторханов (Уралов), в то время студент института Красной Профессуры, а затем партийный работник, дает косвенные свидетельства о пленуме ЦК, продолжавшемся четыре дня в начале сентября 1936 года. На четвертый день пленума, если верить Авторханову, обсуждался вопрос Бухарина. Ежов выступил с предложением судить Бухарина и других, причем сказал, что это предложение было в основном уже принято Политбюро. Бухарин будто бы выступил в свою защиту[9].

Эти свидетельства о неопубликованном пленуме, приводимые Авторхановым, много раз ставились под сомнение специалистами по истории КПСС, поскольку на этот пленум

нет никаких официальных ссылок[10]. Сомневающиеся полагают, что Авторханов относит к 1936 году то сопротивление отдельных членов Политбюро, которое, как известно, было оказано Сталину в феврале 1937 года. С другой стороны, в «Деле Бухарина» есть ссылка на «один из осенних пленумов Центрального Комитета партии»[11], причем из контекста явствует, что эти пленумы должны были состояться после марта 1936, но до февраля 1937 года. Ссылка на «пленумы» во множественном числе дает намек на еще один возможный пленум, в ноябре 1936 года, о котором несколько ниже.

Есть и еще одно соображение. Хотя Бухарин и Рыков и были оправданы, Пятаков и Сокольников (а также Радек, Серебряков и Угланов) оправданы не были. На XX съезде партии в 1956 году Хрущев сказал, что «большинство членов ЦК и кандидатов, избранных на XVII съезде и арестованных в 1937-38 годах, были вышвырнуты из партии в результате незаконного и грубого злоупотребления положениями партийного устава, так как вопрос об их исключении никогда не рассматривался пленумом ЦК»[12].

Здесь содержится намек, что аресты Пятакова и Сокольникова, единственных из членов и кандидатов ЦК, арестованных, насколько известно, в 1936 году, — были узаконены, хотя бы и задним числом. Похоже, что в условиях, существовавших осенью 1936 года, Сталин еще не мог исключать из партии членов ЦК без пленума, — действительно он не решался на это в отношении Бухарина и Рыкова, кандидатов в члены ЦК, даже через полгода, в феврале 1937. Это ведь было совсем другое, чем следствие против людей вроде Каменева и Зиновьева, уже сидевших в тюрьме, уже давно исключенных из партии. Во всяком случае, тогда это еще казалось другим.

Но, на каком бы уровне не состоялись дискуссия и компромисс, Сталин все равно кое-что выиграл. У него в руках были материалы для продолжения террора. Он имел, кроме того, подходящий набор для следующего процесса:

Серебрякова с Сокольниковым, а теперь и Радека, арестованного 22 сентября, и Пятакова, которого схватили, по-видимому, около того же времени. К моменту их ареста Сокольников, как уже упомянуто, начал давать показания. Но провал первой попытки с Бухариным и Рыковым, хоть эта попытка и не была рассчитана на немедленный полный успех, очевидно терзал Сталина. Было ясно, что он собирался расправиться с сопротивлением в Политбюро и в Центральном Комитете и что для этого потребуется новое мощное усилие, новая кампания. В своем черноморском уединении Сталин обдумывал следующий ход. А советская пресса занята была совсем другими темами: демократией, триумфом советской авиации, обильным урожаем, массовой поддержкой борьбы испанских республиканцев.

Подобно генералу, который переносит направление главного удара в зависимости от силы оказываемого сопротивления, Сталин переключил свою атаку на Ягоду.

Временная реабилитация Бухарина и Рыкова была объявлена без единого их допроса. Тем не менее, вряд ли можно сомневаться, что политическое решение об их реабилитации сопровождалось, по крайней мере формально, рапортом НКВД о сомнительности выдвинутых против них обвинений. Если так, то неясно, в какой последовательности это все произошло: то ли Ягода, по согласию с умеренными членами Политбюро, дал оправдательный документ на двух подозреваемых, и этот документ был затем использован для политического решения, то ли политическое решение было принято раньше, а Ягода затем выполнил все необходимые формальности.

Отношение Ягоды к событиям того времени остается до сих пор несколько загадочным. Ясно лишь то, что он участвовал в подготовке процесса 1936 года с самого начала — хотя, возможно, исключался из состава наиболее важных совещаний, непосредственно предшествовавших процессу. Б. И. Николаевский утверждает, якобы Ягода «настаивал на постановке вопроса о процессе перед Политбюро»[13]. Очень

возможно, что он сам был обманут заверениями Сталина, будто Зиновьев и Каменев не будут расстреляны[14]. В дальнейшем Ягоду обвиняли в том, что он «прикрывал» И. Н. Смирнова — но обвинение это имело свое побуждение и причину, поскольку оно было предъявлено, чтобы объяснить неудовлетворительное поведение Смирнова на суде в 1936 году[15].

Возможно, тем не менее, что Ягода как-то пытался смягчить судьбу участников оппозиции[16]. Как видно из стенограммы процесса, Ягоду в дальнейшем обвиняли также и в том, что он «дал указание, чтобы Угланов держался, не выходя из таких рамок, в своих показаниях»[17]. Есть также сообщения о том, что внутри самого НКВД было некоторое сопротивление террору, что следователи ставили вопросы в такой форме, чтобы предостеречь и даже защитить обвиняемых[18]. Но наиболее вероятно, что сопротивление Ягоды террору выявилось *после* расстрела участников первого процесса. И это сопротивление могло выявиться в дискуссиях о судьбе Бухарина и Рыкова.

Можно быть уверенным, что Ежов (сменивший Ягоду на посту Наркома внутренних дел) энергично противился оправданию Рыкова и Бухарина. С этим решением он согласился крайне неохотно. Он считал реабилитацию Бухарина и Рыкова временной, жалел о ней и откровенно заявлял, что «сумеет исправить» эту ошибку[19]; вместе с Аграновым он почти тотчас же начал обвинять Ягоду в слабости.

Сталин никогда не шел напролом, если ощущал сильное сопротивление. Сколько раз он внешне покорно принимал поражения в двадцатые годы, в ходе внутрипартийной борьбы! Сколько раз делал вид, что уступает — и продолжал маневры, направленные на подрыв оппозиции. Вот и теперь Бухарин и Рыков были на время оставлены в покое. Первый продолжал оставаться главным редактором «Известий», и оба все еще были кандидатами в члены ЦК.

Было ясно, что многие партийные руководители наде-

ялись: с предстоящим делом Пятакова террор, достигнув своего апогея, пойдет на убыль. Но Сталин не так-то просто отказывался от достижения своих целей. Если он не мог собрать достаточно голосов в высших партийных органах, то использовал другие методы. И он продолжал свою линию чем-то вроде переворота, усилившего террор до самых устрашающих пределов. Он добился назначения Ежова Народным комиссаром внутренних дел.

25 сентября Сталин и Жданов послали из Сочи следующую телеграмму Кагановичу, Молотову «и другим членам Политбюро»: «Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был бы назначен на пост Народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле. Это замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД»[20].

Упоминание об «отставании на четыре года» было знаменательно и зловеще. Прошло четыре года — почти день в день — с тех пор, как сентябрьский пленум 1932 года провалил попытку казнить Рютина.

Никто, конечно, не допускал и на секунду, что удаление Ягоды объяснялось лишь его «неспособностью». В партии немедленно заметили, что «снятие Ягоды из НКВД указывает на то, что тут не только недовольство его недостаточно активной работой в НКВД. Очевидно, здесь политическое недоверие ему, Ягоде...»[21].

Ежов и до того времени много занимался делами Наркомвнудела. Так что теперешнее назначение его Наркомом внутренних дел не давало оснований членам Политбюро для каких-либо конкретных возражений, даже если бы Орджоникидзе, Чубарь или Косиор хотели бы возражать. Хотя тон, каким было предложено это назначение, и его намерения были очевидны, представлялось весьма трудным оспаривать такую, в общем, практическую меру.

На следующий день Молотов выполнил инструкцию.

Перестановка была использована для того, чтобы вывести Рыкова из состава правительства. На следующий день газеты объявили о его освобождении от должности без обычного добавления о переводе на другую работу; на пост Наркома связи, освободившийся со снятием Рыкова, назначили Ягоду; а Ежов возглавил НКВД.

29 сентября и 21 октября 1936 года ЦК распространил по партийным организациям один за другим два циркуляра. Они с одной стороны требовали прекратить необоснованные исключения из партии, а с другой стороны намекали на необходимость проводить больше «обоснованных» исключений. За этими циркулярами последовали статьи в газетах, критикующие ряд местных руководителей за те или иные ошибки, связанные с исключениями из партии.

30 сентября 1936 года Ягода сдал дела Ежову. В тот же день заместителем Наркома внутренних дел был назначен М. Берман, а второй бывший заместитель Ягоды Прокофьев переведен на должность заместителя Наркома водного транспорта. 17 октября еще более зловещий персонаж, толстоликий Фриновский, был также назначен заместителем Наркома внутренних дел. Ни Берман, ни Фриновский не служили до того в самом центральном аппарате НКВД. Первый возглавлял лагерную администрацию — ГУЛаг, в то время как второй командовал пограничными войсками.

Других перемещений в руководстве НКВД пока что сделано не было. В аппарате этого наркомата некоторое время оставался даже личный помощник Ягоды Буланов. Сохранили свои посты Молчанов и другие начальники отделов, хотя Ежов привел с собой собственных ставленников из аппарата ЦК, которые должны были до определенного времени «помогать» прежним начальникам и понемногу выживать их.

После этого все силы были вновь брошены на подготовку процесса.

Предварительный сценарий этого процесса объявлял Пятакова и его соучастников просто запасным центром,

который хотя и был создан, но не действовал активно. Таким путем делу был придан менее серьезный вид, чем предыдущему. Дело выглядело таким, по которому не ожидались смертные приговоры. Без сомнения, именно таким методом Сталин добился согласия партийного руководства на доведение дела Пятакова до конца. Можно было надеяться, что этот конец будет более или менее мягким завершением волны преследований.

Но после того, как НКВД несколько недель держался этой линии, все внезапно изменилось. На очередном совещании следователей Молчанов в присутствии Ежова объявил, что следствие должно теперь проводиться в новом направлении. От обвиняемых нужно добиваться признаний, что они готовились к захвату власти и с этой целью действовали вместе с немецкими фашистами[22].

С тех пор, как Карл Радек принес покаяние в своей оппозиционной деятельности еще в двадцатые годы, Сталин не мог на него пожаловаться. Радек предавал оппозицию при каждом удобном случае и превозносил Сталина в небывалых выражениях. Он был единственным человеком, который действительно сжег за собой все мосты после выхода из оппозиции; и тем не менее его никогда не принимали всерьез как политика и не ставился даже вопрос о наделении его какой-либо партийной властью.

И поэтому до сих пор не ясно, какие причины побудили Сталина привлечь именно Радека к выдуманному заговору Пятакова. Возможно, дело просто в том, что, пока не было возможности арестовать «правых», т.е. Бухарина, Рыкова и других высокопоставленных руководителей, список звучных имен для очередного процесса казался Сталину недостаточным. А Радек был по крайней мере весьма известным человеком.

Есть сведения, что Сталин беседовал с будущим обвиняемым Сокольниковым и обещал сохранить ему жизнь. Не совсем ясно, почему Сокольников поверил этому обещанию. По всей вероятности, разговор состоялся до казни Зиновье-

ва и других участников первого процесса. Но дело выглядит так, что Сокольников даже после их казни был убежден в том, что обещание останется в силе. Впрочем, особого выбора у Сокольникова не было. Его семья состояла из молодой жены и сына от предыдущего брака, которому едва перевалило за двадцать[23].

Немедленно после ареста Радека ему дали очную ставку с Сокольниковым[24]. Вначале это ни к чему не привело. Тогда Кедров и его подручные применили к Радеку следственный «конвейер»[25]. Первое время он упрямо сопротивлялся и этому.

Причины того, почему Сталин обрек на смерть Пятакова, ясно выявляют ход мыслей самого Сталина. В свое время Пятаков действительно принадлежал к оппозиции и был в ней видным человеком. Но он оставил оппозицию в 1928 году и с тех пор работал вполне лояльно. Троцкисты считали его дезертиром. Сын Троцкого, Седов, случайно встретивший Пятакова в Берлине на Унтер ден Линден, бросил ему в лицо публичное оскорбление[26]. Пятакову не нравилось сталинское руководство, но он его честно принял. И в случае Пятакова не стоял вопрос о каком-либо его желании овладеть верховным руководством, как можно было думать о Зиновьеве или Каменеве или Бухарине.

Деятельность Пятакова была исключительно ценной для сталинского правительства. По уму и энергии он не знал соперников во всем руководстве и свои недюжинные усилия полностью направлял на выполнение сталинских планов индустриализации.

Что же можно было выдвинуть против Пятакова?

Он был лоялен к сталинскому руководству, но принял бы и любое другое, если бы Сталина свергли; иными словами, Пятаков поддерживал Сталина с оговорками. Он был одним из главных критиков Сталина в двадцатые годы. Тогда он ясно давал понять, что жалеет о возвышении Сталина. Кроме того, каковы бы ни были намерения Пятакова, он обладал всеми качествами руководителя.

Ленин назвал его в числе шести наиболее выдающихся работников партии (всех их, кроме себя самого, Сталин уничтожил). В планах «левых коммунистов» относящихся к 1918 году, Пятаков даже фигурировал как возможный глава правительства вместо Ленина.

Орджоникидзе, как Народный комиссар тяжелой промышленности, полностью зависел от талантов Пятакова и был достаточно благороден, чтобы это открыто признавать. Пятаков был мозгом и главной движущей силой пятилетки, он создавал промышленную базу наперекор всем трудностям, возникавшим из самой сталинской системы. Пятаков работал, невзирая на потерю ценных специалистов в результате нелепых политических преследований, невзирая на невыполнимость пропагандных цифр роста, вопреки подозрительности и неумению администраторов.

28 октября 1936 года было торжественно отмечено пятидесятилетие Орджоникидзе. Его превозносили в печати и на собраниях. «Правда» и «Известия» публиковали сердечные поздравления от правительственных органов, от групп товарищей из всех отраслей хозяйства. Наиболее теплые приветствия были адресованы наркому руководителями тяжелой промышленности. Среди них отсутствовало одно имя — имя только что арестованного Пятакова.

Есть сообщение, что после ареста Пятакова, но еще до того, как об этом аресте было официально объявлено, один директор научно-исследовательского института, знавший об аресте, поспешил с нападками на Пятакова в присутствии Орджоникидзе. Орджоникидзе прервал его,сказав: «Легко нападать на человека, которого здесь нет и который поэтому не может защититься. Подождите, пока Юрий Леонидович вернется»[27].

Орджоникидзе всячески старался спасти Пятакова. Он дружески посетил его в тюрьме и обещал сделать все возможное, чтобы помочь[28].

Главными заложниками Сталина против Пятакова

были его жена и ребенок, в то время десяти лет отроду. Пятаков практически разошелся с женой, но они оставались в хороших отношениях. Жену быстро сломили, и она согласилась показывать против Пятакова для того, чтобы спасти ребенка. Другим заложником был ближайший друг и секретарь Пятакова Москалев, у которого тоже была жена и маленькая дочь. Он, понятно, о них думал, но все же согласился давать показания против Пятакова только после того, как настоял на встрече с Аграновым и сказал Агранову, что будет давать показания исключительно в порядке партийной дисциплины[29].

«ВРЕДИТЕЛИ» В СИБИРИ

Одна тема, уже вполне укоренившаяся в советской мифологии, не была затронута на процессе Зиновьева. Тема о вредительстве. Было бы трудно действительно обвинять людей, которые либо сидели по тюрьмам, либо были отрезаны от крупной работы, во вредительских актах: ведь убийство может организовать любой, а вредительство должно вестись работниками промышленности, инженерами и, во всяком случае людьми, имеющими доступ к соответствующему оборудованию.

Теперь же процесс готовился над людьми, почти сплошь занимавшими до ареста посты народных комиссаров, заместителей народных комиссаров, руководителей промышленных комплексов, инженеров и т.д. И чтобы продемонстрировать непрерывность традиций, их особо тщательно связывали с вредителями прошлых периодов.

Понятие вредительства как оружия в политической борьбе вообще нелепо. Само слово содержит намек на действие какого-то деревенского мужика или вообще малограмотную личность, портящую машину. Единственное исключение в сторону реальности мы находим в действиях подпольных групп сопротивления на оккупиро-

ванных территориях во время войн, где вредительство принимается большинством населения с полной симпатией. В этих обстоятельствах, с одной стороны, вредительство становится возможным в относительно широких масштабах; а с другой стороны, оно является — или, по крайней мере, выглядит — подлинным вкладом в поражение врага. Однако в мирное время маленький, узкий заговор не может достичь какого-либо политического результата путем вредительства. В любом случае заговорщики, действующие с целью смены политического руководства средствами террора, вряд ли станут распылять свои силы или подвергаться дополнительному риску разоблачения ради местных или ничего не решающих действий такого типа. Ни одна реальная конспиративная группа в прошлом никогда этого не делала. Но нелогичность обвинений никогда не была соображением, способным остановить Сталина; и на протяжении последующих лет вредительство стало поводом к массовому террору на всех уровнях.

Официальное определение вредительства было теперь расширено, и наказания за него установлены более жестокие. «29 ноября 1936 года Вышинский распорядился в месячный срок истребовать и изучить все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции с целью выявления контрреволюционной вредительской подоплеки этих дел и привлечения виновных к более строгой ответственности»[30].

Более чем в трех тысячах километрах от Москвы, в Кузбассе, — новом промышленном районе в бассейне реки Оби — работал ряд восстановленных троцкистов. Они занимали посты, соответствующие их анкетам и условиям восстановления. В Кузбассе возводились огромные заводы — трудом рабочих, в значительной части ссыльных, живших в такой страшной нищете, какая не снилась ни одной промышленной революции прошлого века на капиталистическом западе. В то же время, работая под невероятным

давлением, под постоянным требованием результатов любой ценой, местное руководство было вынуждено сквозь пальцы смотреть на технику безопасности. Тяжелые катастрофы происходили постоянно.

23 сентября 1936 года на шахте «Центральная» в Кемерово произошел взрыв. Директор шахты Носков и несколько его подчиненных были немедленно арестованы. А 30 сентября был арестован начальник Носкова Норкин, который с 1932 года возглавлял строительство кемеровского промышленного комбината[31]. Для НКВД это была наиболее удобная нить, поскольку Норкин был в постоянном контакте с Дробнисом, а через него с Мураловым. Так было «раскрыто» целое «троцкистское гнездо» в Западной Сибири, действовавшее якобы, помимо всего прочего, под руководством заместителя Народного комиссара тяжелой промышленности Пятакова. Чтобы еще облегчить свою задачу, НКВД приказал своему представителю в кемеровском промышленном районе Шестову принять на себя роль провокатора[32].

Таким путем стало возможным привить широкой публике мысль о широко распространенном вредительстве еще до того, как Пятаков и остальные были выведены на суд. С 19 до 22 ноября 1936 года в Новосибирске происходил большой судебный процесс, где Военная Коллегия Верховного Суда под председательством Ульриха предъявила обвинения в организации катастроф на шахтах и предприятиях Новосибирска и Кемерово директору шахты «Центральная» Носкову и восьми другим специалистам, в том числе немецкому инженеру Штиклингу. Дополнительно было выдвинуто еще и такое обвинение: вредители-де пытались убить Молотова. Через Дробниса и Шестова (которые фигурировали в качестве «свидетелей»), обвиняемым приписали связь с Мураловым и Пятаковым.

Любопытно, что на этом процессе не только прозвучали показания, но даже были предъявлены документы о том, что обвиняемые якобы имели антисоветскую подполь-

ную типографию. Типография, по-видимому, действительно существовала. В подвале, где, как было объявлено, она действовала, следы типографии можно было отыскать даже три года спустя. Однако вся история с типографией была от начала до конца сфабрикована НКВД. Подвал был оборудован соответствующим образом руками заключенных, работавших под охраной и ожидавших казни. Что касается тысяч листовок, будто бы распространявшихся обвиняемыми, то было ясно, что никакого распространения не было; ведь любой человек, захваченный с такой листовкой в руках, был бы немедленно арестован, а в Кемерово никто никогда не слышал о подобных арестах. В известной книге Кравченко приводятся слова одного жителя Кемерово по этому поводу: «Выходит, заговорщики печатали листовки только для того, чтобы самим читать их на сон грядущий»[33].

Из всех обвиняемых к смерти не был приговорен только немецкий инженер Штиглинг. Много позже в гестаповской тюрьме в Люблине, он заявил, что его тогдашние показания в Кемерово были сплошь фальшивыми и дал понять, что НКВД исторг у него эти показания, шантажируя Штиглинга некоторыми эпизодами из его частной жизни[34].

В 1939 году на тот пост в Кемерово, который в свое время занимал Норкин, был назначен В. Кравченко. В его книге «Я выбрал свободу» вскрывается подоплека новосибирского процесса. Несостоятельность обвинений видна хотя бы в том, что, хотя «вредители» были расстреляны, катастрофы продолжались. Кравченко замечает, что если бы инженеры действительно хотели причинить ущерб, то они могли взорвать любое предприятие целиком, разнести его на мелкие кусочки. Более того, в архивах сохранилось немало отчетов казненных руководителей, в свое время посланных ими в Главное управление угольной промышленности Наркомтяжпрома с предупрежде-

ниями о невыносимых условиях на предприятиях, условиях, которые не могли не вести к катастрофам[35].

Катастрофа на шахте «Центральная» была не единственным случаем, где «бдительные» следователи вскрыли вредительство. 29 октября в Кемерово прибыла комиссия специалистов для расследования причин двух взрывов и других катастроф, имевших место в феврале, марте и апреле 1936 года на различных предприятиях треста по строительству кемеровского комбината. Подобная же группа начала работать над серией пожаров в шахтах близлежащего Прокопьевска — шестьдесят таких пожаров было зарегистрировано до конца 1935 года[36]. Эксперты обнаружили в этом вредительство. Представленные ими материалы были вполне достаточными, чтобы обвинить западносибирских специалистов.

Хотя эта западносибирская группа обеспечила не меньше семи участников будущего процесса Пятакова, где всего подсудимых было семнадцать, НКВД подготовил еще две группы «вредителей». Одну якобы возглавлял Ратайчак — начальник Главного управления химической промышленности в наркомате Пятакова. Его имя впервые назвал директор горловского комбината азотных удобрений Пушин, арестованный 22 октября 1936 года в связи с взрывом на комбинате, имевшим место 11 ноября 1935 года. Пушин немедленно дал все нужные НКВД показания, в том числе на своего руководителя Ратайчака[37]. Эта группа «вредителей» была еще пополнена провокатором НКВД Граше[38], который работал в иностранном отделе Главхимпрома у Ратайчака; тем самым была «установлена связь» с японской разведкой и другими зловещими зарубежными силами.

Третья и последняя группа «вредителей» была еще более важной — она, якобы, выводила из строя железные дороги. В качестве руководителей группы фигурировали трое: заместитель Наркома путей сообщения, старый большевик и изменивший взгляды троцкист Яков Лившиц, заместитель

начальника службы движения НКПС Князев, ранее работавший начальником Южно-Уральской дороги, и заместитель начальника службы движения Пермской дороги Турок.

Князев стал давать показания в середине декабря, т.е. позже, чем все другие главные обвиняемые, и, видимо, вся железнодорожная тема была внесена в обвинение позднее других. Железнодорожные вопросы касались, в частности, Серебрякова, поскольку он возглавлял этот наркомат в двадцатые годы; с ним имел связь и Богуславский, которого сделали ответственным за повреждения железнодорожных путей в Западной Сибири.

Обвинение во вредительстве было весьма серьезным. Но, по иронии судьбы, именно такое обвинение было легко преподнести Центральному Комитету под знаком возможного милосердия. Дело в том, что главный «вредитель» на так называемом процессе промпартии профессор Л. Рамзин был не только амнистирован через два года после приговора и покаяния, но был восстановлен в должности, вернул себе расположение правительства и даже получил орден.

Сам процесс в январе 1937 года включал, как отражение этого, один любопытный эпизод. На процессе упоминался инженер Бояршинов, в свое время осужденный в связи с шахтинским процессом, а затем освобожденный и восстановленный. Утверждалось, что Бояршинов стал «честным советским инженером» и что заговорщики убили его, т.к. он разоблачал применявшиеся ими неправильные методы работы.

Сталин вновь появился в Москве после отдыха 4 ноября 1936 года, на приеме в честь монгольской делегации. С ним было несколько членов Политбюро, включая Микояна и, конечно, Ежова. А на параде 7 ноября все члены Политбюро, как водится, стояли на трибуне Мавзолея.

Лозунги к тогдашней XIX годовщине Октябрьской революции содержали яростные нападки на троцкистско-

зиновьевских агентов. Однако в этих лозунгах не было ничего относительно правых уклонистов, что, по-видимому, указывало на еще неполную определенность положения.

Однако сразу затем Сталин сделал первый выпад уже не против бывшего участника оппозиции, как бывало раньше, а против своего верного соратника. Это, вероятно, было началом перехода от уничтожения остатков оппозиции к повальному террору в рядах партийного руководства. Свой выпад Сталин сделал против Павла Постышева, второго секретаря ЦК компартии Украины и кандидата в члены Политбюро.

Постышев работал в Киеве с 1923 года. В 1924 году он стал секретарем Киевского горкома партии, с 1926 по 1930 годы состоял членом Политбюро ЦК компартии Украины, а затем получил перевод в Москву и стал секретарем ЦК. В январе 1933 года Постышева вновь послали на Украину для укрепления партийного аппарата в тогдашней трудной борьбе против крестьянства и украинского национализма. Хотя Косиор и его группа тогда не были смещены, Постышев получил столько же власти и авторитета, сколько имел его теоретически вышестоящий руководитель. В дополнение к должности второго секретаря ЦК КП Украины Постышев был еще назначен первым секретарем Киевского обкома партии.

В течение всего последующего периода вошло в обычай подчеркивать особое старшинство Постышева на Украине. Скажем, когда направлялись какие-либо поздравления Советскому правительству или Центральному Комитету ВКП[б] или даже Украинскому правительству — во всех таких случаях документы направлялись одному высокому адресату. Но когда дело касалось Центрального Комитета компартии Украины, то ставились имена обоих — Косиора и Постышева.

Например, 6 января 1937 года в «Правде» был опубликован рапорт Наркомата местной промышленности УССР. В Москву, в Центральный Комитет, этот рапорт пошел

на имя одного Сталина, а в ЦК КП Украины он был адресован обоим — Косиору и Постышеву. Все это было немного позже осуждено как культ личности, сложившийся в результате попустительства со стороны Постышева и его окружения; «враги, нащупав слабую струнку руководителей, всячески ее использовали»[39].

Постышев был несколько моложе окружавших его вождей и несколько приятнее выглядел. У него было овальное лицо с высокой зачесанной назад шевелюрой и аккуратно подстриженными усиками. Он был, разумеется, безупречным сталинцем, но лично честным и сравнительно популярным. У него была репутация справедливого человека (в пределах системы, конечно). Как говорят, он в свое время был среди тех, кто сопротивлялся расстрелу Рютина, но искупил этот грех последующей работой в Киеве. Если бы такой человек попал в оппозицию к Сталину, то он представлял бы собой, подобно Кирову, реальную угрозу.

Будучи противником террора, Постышев по-своему толковал циркуляры Центрального Комитета об исключениях из партии. Он исключал провокаторов и клеветников, оставляя в партии их жертвы. Так, он исключил из киевской партийной организации доносчицу Николаенко, которая причиняла людям тяжелые неприятности в течение целого года[40]. Совершенно ясно, что это исключение полностью противоречило духу террора и особенно решениям Центрального Комитета от 29 сентября и 21 октября 1936 года. Возможно даже, что решения эти были направлены против Постышева. По мере того, как развивалась ежовщина, именно доносы подобных типов давали НКВД возможность хватать руководителей партийных организаций. Несколько позже утверждалось, что в Киеве троцкисты сумели проникнуть на руководящие должности[41]. Таким образом, поведение Постышева было довольно ясно обозначено как направленное против системы — еще до того, как на него обрушился удар. В ноябре 1936 года, в поисках повода,

Сталин поднял дело провокаторши Николаенко. Центральный Комитет ВКП[б] рассмотрел апелляцию Николаенко против исключения из партии и выразил ей доверие[42].

Где-то около этого времени и мог состояться один из необъявленных пленумов ЦК, если такие пленумы вообще имели место. Во всяком случае, 23 ноября 1936 года в Москве находились все члены Политбюро, включая периферийных. Вместе со «знатными людьми», съехавшимися со всей страны, они участвовали в утверждении новой Конституции.

Выше в этой главе мы ссылались на утверждение Авторханова, что на этом пленуме не участвовал Орджоникидзе. Теперь мы знаем, уже из советского источника[43], что в начале ноября у Орджоникидзе был приступ грудной жабы, и это придает дополнительный вес рассказу Авторханова. К тому же, в своих показаниях на процессе над Бухариным и другими, подсудимый Иванов сослался на некий пленум ЦК, имевший место в декабре или ноябре 1936 года[44].

Есть доводы в пользу того, что пленум так или иначе должен был быть созван по формальным основаниям. Ведь после предыдущего пленума, состоявшегося в июне 1936 года, прошло так называемое «всенародное обсуждение» проекта новой Конституции. В ходе обсуждения были предложены различные поправки и многие из них были приняты и включены в окончательный текст, утвержденный в ноябре съездом Советов. Логически рассуждая, можно предположить, что этот окончательный текст должен был быть предварительно утвержден пленумом ЦК. Однако, конечно, такой довод не вполне убедителен.

Принятие новой Конституции прошло в обстановке торжественных речей, оваций и широкой пропагандной кампании в прессе. Кульминационным пунктом всего этого была речь Сталина 25 ноября. В этой речи Сталин обстоятельно разбирал вопрос о гарантиях демократии, о свободе личности и о подчинении всей деятельности государства воле народа.

Состоялся в то время пленум или не состоялся, но Политбюро заседало наверняка. Поскольку большинство обвиняемых еще не признались, позиция Сталина могла быть до известной степени уязвимой. С другой стороны известно, что в первую неделю декабря стали давать показания те из обвиняемых, кто до той поры держался крепко. Это может рассматриваться как признак некоего соглашения на верхах относительно будущего процесса, — возможно, вопреки отдельным руководителям. Похоже, во всяком случае, что Орджоникидзе получил от Сталина обещание не трогать заложников по делу Пятакова и сохранить жизнь ему самому. Затем Орджоникидзе навестил Пятакова в тюрьме и, по-видимому, уговорил его принять полное участие в процессе, так как ничего больше сделать было нельзя[45]. И Пятаков сдался. К 4 декабря он начал давать показания. В тот же день дал свое первое свидетельство и Радек. Он решил сдаться на том же условии, что и Сокольников, — под личную гарантию Сталина. Некоторое время Сталин отказывался его принимать, но в конце концов, как говорят, самолично посетил Лубянскую тюрьму и имел долгий разговор с Карлом Радеком в присутствии Ежова. После этого Радек стал лучшим помощником следствия и даже участвовал в переработке плана, а лучше сказать сценария процесса[46]. Сдался и Муралов — он держался твердо, но под влиянием Радека стал «признаваться» на другой же день. В это самое время стал давать показания и Норкин. К январю в следственное дело легли сотни страниц показаний, полученных от всех будущих подсудимых.

Но еще до того, 20 декабря 1936 года, Сталин дал торжественный обед для узкого круга руководителей НКВД в связи с годовщиной основания органов безопасности. Присутствовали Ежов, Фриновский, Паукер и другие. Вскоре о том, что произошло на обеде, стало известно многим сотрудникам НКВД. Когда все основательно напились, Паукер на потеху Сталину стал изображать, как вел себя Зиновьев, когда его тащили на казнь. Два офицера НКВД

исполняли роль надзирателей, а Паукер играл Зиновьева. Он упирался, повисал на руках у офицеров, стонал и гримасничал, затем упал на колени и, хватая офицеров за сапоги, выкрикивал: «Ради Бога, товарищи, позовите Иосифа Виссарионовича!».

Сталин громко хохотал, и Паукер повторил представление. На этот раз Сталин смеялся еще сильнее. Тогда Паукер ввел новый элемент, изображая, как Зиновьев в последний момент поднял руки и обратился с молитвой к еврейскому Богу: «Услышь, Израиль, наш Бог есть Бог единый!». Тут Сталин совершенно задохнулся от смеха и дал знак Паукеру прекратить представление[47].

Сталин имел все основания быть довольным. Ведь органы безопасности почти закончили подготовку второго судебного спектакля. И он отдал приказ действовать в направлении, которое было блокировано прошлой осенью. А именно вовлечь в «заговор» Бухарина и Рыкова.

16 января 1937 года имя Бухарина как главного редактора в последний раз появилось в «Известиях». Примерно в это же время Радеку было велено назвать в показаниях Бухарина как соучастника, и после некоторого колебания он это сделал. Теперь стало возможно провести в жизнь план наступления на «правых». В самый первый день процесса над Пятаковым и другими, 23 января, была упомянута группа «заговорщиков» во главе с Бухариным, Рыковым и Томским. К тому времени Сталин был уже полностью готов подавить любое сопротивление своих более умеренных сторонников.

Вмешательству в область полномочий Постышева, начавшемуся в связи с делом Николаенко, был придан формальный характер в датированной 13 января 1937 года (но не опубликованной) резолюции ЦК ВКП[б], осудившей неудовлетворительную работу киевской партийной организации и ошибки украинского ЦК в целом.

О характере обвинений, выдвинутых против Постышева, можно судить по резолюции, принятой на февральско-мар-

товском пленуме 1937 г., в которой говорится о «фактах вопиющей запущенности партийно-политической работы в Азово-Черноморском крайкоме, Киевском обкоме и ЦК КП[б] У (см. «КПСС в резолюциях», 7-е изд., т. II, стр. 835) и «примерах неправильного руководства, вскрытых в Киевском обкоме и Азово-Черноморском крае...» (Там же, стр. 836). Те же обвинения были повторены в мае 1937 г. на XIII съезде КП[б]У[48].

Постышев выразил свое несогласие с резолюцией 13 января. После этого в Киев был немедленно послан Каганович, чтобы выправить положение. Как секретарь ЦК ВКП[б], он срочно созвал пленум Киевского обкома партии[49]. 16 января 1937 года Каганович добился снятия Постышева с поста первого секретаря киевского обкома, причем было сказано, что обязанности Постышева как второго секретаря ЦК КП[б]У были слишком многообразны, чтобы совмещать эту работу с должностью секретаря партийной организации в Киеве. Объяснение было явно лживым: действительно, когда в 1938 году первым секретарем ЦК украинской компартии стал Хрущев, он возглавлял и киевскую партийную организацию без всяких видимых трудностей.

Этот эпизод с Постышевым был не более, чем типичным первым шагом Сталина против намеченной жертвы. А тем временем заканчивались последние приготовления к очередному показательному процессу — над Пятаковым и другими.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

23 января 1937 года среди пышных колонн Октябрьского зала Дома Союзов началась еще одна отвратительная инсценировка. Стоял трескучий мороз, в зале было темновато и мрачно. Вскоре после полудня суд в составе Ульриха, Матулевича и диввоенюриста Рычкова, заменившего Иону

Никитченко, занял свои места. Вышинский сидел там же, где во время процесса Зиновьева-Каменева — за столом слева. Бойцы НКВД были и зимней форме — длинных шинелях и шлемах с наушниками.

Подсудимые были теперь другого сорта, чем те, которых судили в этом же зале и расстреляли в прошлом августе. Ведь в то время удар обрушился, в числе прочих, на подлинных соперников Сталина — на Зиновьева, Каменева. Нынешние обвиняемые не могли бросить никакого вызова руководству. Но сами по себе они были фигурами внушительными. Пятаков никогда не входил в Политбюро, но, как мы видели, долгое время был выдающейся и уважаемой фигурой в партии. Сокольников, в прошлом кандидат в члены Политбюро, был одним из серьезнейших и уважаемых политиков. Серебряков, в недавнем прошлом секретарь ЦК, отнюдь не являлся мелкой сошкой. А Радек, по крайней мере, был хорошо известен широкой публике.

Цели нового процесса не были такими ясными и очевидными, как цели предыдущего. Причины же его довольно просты. Во-первых, месть. Большинство бывших ведущих троцкистов было теперь уничтожено, но месть, по идее Сталина, должна была совмещаться с мерами предосторожности и превентивными действиями на будущее. Даже если, по обычным человеческим представлениям, непосредственного повода к процессу и не было, то окончательная чистка представлялась нужной Сталину, всегда верившему, что только мертвые не кусаются и что лучше жить в безопасности, чем в тревоге.

Кроме того, Сталин временно не мог поживиться более крупной добычей — Бухариным и «правыми». Процесс, таким образом, был лишь бледной копией того, о котором он мечтал. Но в то же время Сталин упорно работал в намеченном направлении. И процесс Пятакова давал ему в руки козырь — последовательность. Этот процесс должен был быть использован — и фактически был использован — для «вскрытия заговора» бухаринцев.

По рассмотрении всех этих мотивов остается одна небольшая загадка: почему к делу не был привлечен Угланов? Ведь еще 21 августа 1936 года было сказано, что по его делу ведется следствие. Его имя не появилось вместе с Бухариным и Рыковым, «реабилитированными» в сентябре. И вот теперь его не было на суде. Сталину было бы в высшей степени выгодно привлечь к суду в январе 1937 года такого видного «правого» как Угланов, чтобы перекинуть своего рода мост к Бухарину и другим. Даже если предположить, что Ягода покрывал Угланова, то после снятия Ягоды у Ежова было достаточно времени, чтобы подготовить Угланова к процессу, открывшемуся 23 января 1937 года. Единственное объяснение тайны заключается в том, что Угланов не сдался, что он не согласился говорить.

Обвиняемые на январском процессе были обозначены просто как «антисоветский троцкистский центр». Среди них не было представителей никакой другой группы или фракции — в отличие от процесса 1936 года над «троцкистско-зиновьевским террористическим центром» или последующего суда над «антисовестким право-троцкистским блоком». Однако на предыдущем процессе Зиновьева-Каменева троцкистская сторона дела выглядела очень неубедительно. Теперь Радека заставили дать следующие показания:

«Если возьмете состав старого центра, то со стороны троцкистов там не было ни одного из старых политических руководителей. Были — Смирнов, который являлся больше организатором, чем политическим руководителем, Мрачковский — солдат и боевик, и Тер-Ваганян — пропагандист»[50].

Поскольку под рукой не было настоящих троцкистов, как в свое время были подлинные зиновьевцы, а позже истинные правые, пришлось удовольствоваться более или менее известными бывшими троцкистами.

Обвиняемые на процессе Пятакова отличались от их предшественников и в других отношениях. Тогда, в 1936 году, говорилось о «центре», состоявшем из семи человек, окруженном различными «заговорщиками». На сей раз

«центр», как было сказано, состоял из четырех человек — Пятакова, Радека, Серебрякова и Сокольникова. Радек и Сокольников обвинялись в менее серьезных преступлениях, чем другие двое. Обвинение против Пятакова и Серебрякова гласило, что они организовали три главные вредительские группы (в числе десятков других, тоже будто бы ими организованных): железнодорожную подрывную организацию, возглавляемую Лившицем; «западносибирский антисоветский троцкистский центр» в Новосибирске, состоявший из Муралова, Богуславского и Дробниса и руководивший действиями различных промышленных вредителей в этом районе; и группу из трех вредителей в химической промышленности, непосредственно подчиненную Пятакову. Впрочем, согласно обвинительному заключению, специализация заговорщиков была не очень четкой: например, железнодорожный вредитель Князев был также японским шпионом, а вредители на сибирских шахтах выступали и в качестве организаторов покушений на всех членов Политбюро, посещавших данные промышленные районы.

Как мы уже видели, «заговорщики второго ранга» на этом процессе были гораздо более внушительными фигурами, чем их жалкие эквиваленты на прошлом, зиновьевско-каменевском процессе. Все вместе взятые, они составляли крупную и совсем неподдельную группу старых большевиков, поддерживавших Троцкого во внутрипартийной борьбе после смерти Ленина.

Обвинительное заключение на процессе Пятакова тоже резко отличалось от соответствующего документа, зачитанного в том же зале в августе 1936 года. Тогда это было просто обвинение в терроризме. И в показаниях и в речи Вышинского тогда отмечалось, что обвиняемые не имели никакой политической линии, а стремились только к захвату власти и к устранению Сталина. Но такие цели могли быть довольно популярны в народе[51], и поэтому вскоре после казни осужденных в 1936 году газеты начали писать о том,

что Зиновьев на самом деле имел политическую программу — он собирался реставрировать капитализм, но, естественно, старался это скрыть[52]. На февральско-мартовском пленуме ЦК в своем заключительном слове 3 марта 1937 года, Сталин говорил следующее:

«На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы»[53].

Теперь эта тема была ярко выражена в обвинительном заключении. Обвиняемые были якобы намерены отвергнуть индустриализацию и коллективизацию страны, они якобы рассчитывали на поддержку немецкого и японского правительств. Они будто бы обещали сделать территориальные уступки Германии, дать доступ в страну германскому капиталу, а в случае войны с Германией проводить вредительство в промышленности и на фронте. Это все, дескать, было согласовано во время встречи Троцкого и Рудольфа Гесса.

Троцкий якобы намекнул также на желательность поражения в войне, ибо будто бы писал Радеку следующее: «Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего встанет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться...»[54].

В ходе судебных заседаний говорилось также о шпионаже в пользу Германии и Японии. Кроме того, так же как и в деле Зиновьева, фигурирует ряд террористических групп, якобы организованных «в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Сочи, Новосибирске и других городах»[55]. Была будто бы предпринята попытка покушения на Молотова путем организации автомобильной катастрофы в

Прокопьевске в 1934 году. Однако практическая деятельность этих групп не была, по обвинительному заключению, ограничена подготовкой покушений. В дополнение к этому они еще занимались организацией всевозможных аварий в промышленности и вообще вредительством.

Поскольку идея террора против руководителей могла быть популярна и не вызывать ненависти к обвиняемым, обвинительное заключение содержало ряд пунктов, специально рассчитанных на то, чтобы настроить общественное мнение против подсудимых. Например, цитировалось показание Князева: «Особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения острозаразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск»[56].

Хотя такие обвинения налагали на обвиняемых ответственность за очень неприятные действия, они имели тот недостаток, что выглядели менее убедительными, чем обвинения прошлого, 1936-го года. Хотя суд над Зиновьевым и другими был полон очевидных фальшивок, там, по крайней мере, можно было говорить о некоем подобии действительного дела, хотя и приукрашенного НКВД. По меньшей мере не выглядело диким то обстоятельство, что оппозиционеры могли убить Кирова; еще менее странным выглядело их желание убить Сталина. Обвинения же на этом процессе выглядели исключительно неправдоподобными с любой точки зрения. Вредительство со стороны Пятакова и его помощников — это звучало совершенно неубедительно. Более того, это было практически несовместимо с обвинениями в терроризме. Как мы уже говорили, заговор с целью свергнуть правительство средствами террора вряд ли стал бы распылять энергию своих участников или рисковать разоблачением, создавая сеть вредителей на шахтах и железных дорогах — якобы для того, чтобы ослабить экономику и посеять недоверие к правительству.

Однако, если не в политическом, то в экономическом отношении можно отыскать известный здравый смысл в подборе Сталиным жертв для этого процесса. Дело в том, что ведь катастрофы и ошибки действительно происходили, и нужны были виноватые, козлы отпущения. Можно было доказывать, что работники типа Лившица были расстреляны для предостережения нерадивых начальников против дальнейших аварий. Но даже такой своеобразный «здравый смысл» имеет свои пределы. Расстреливать лучших организаторов хозяйства с тем, чтобы второразрядные организаторы сделались от страха лучше, чем они были до сих пор, — политика сомнительная. Правда, в конце концов в Советском Союзе нашлись кадры компетентных администраторов, способных работать под угрозой ликвидации в любой момент. Однако нет сомнения, что руководители, работая в таких обстоятельствах, не могли полностью развернуть свои способности, и страна до сих пор лишена талантливых руководителей, работающих в полную силу.

Конечно, тема вредительства была уже не новой. Обвинять во вредительстве — то была старая традиция, идущая от Шахтинского процесса — и, действительно, в показаниях подчеркивается, что прошлое поколение вредителей было как-то связано с новым. Использовалась также техника, применявшаяся на Шахтинском процессе и на суде над инженерами фирмы «Метрополитен-Виккерс». А именно, в показаниях содержалось огромное количество путаных технических подробностей. В результате суд над нынешними семнадцатью обвиняемыми занял семь дней — против пяти дней, которые понадобились для процесса над шестнадцатью обвиняемыми по делу Зиновьева-Каменева.

На январском процессе 1937 года обвиняемые появлялись в более логичном порядке, чем в прошлый раз. Сперва четверо руководителей, потом семеро западносибирских «террористов и вредителей», после них трое

железнодорожников и, наконец, еще тройка, действовавшая в химической промышленности.

Первым был Пятаков. Вид у него был все еще интеллигентный и порядочный, но он явно постарел, был худ и бледен.

Его показания оставались в определенных пределах. Принимая на себя ответственность за формирование террористических и вредительских групп, за планирование террористических и диверсионных актов, предполагавшихся на будущее, Пятаков в то же время не признавался ни в каком участии в актах насилия и особенно отрицал прямую связь с заговорщиками. После значительных «разоблачений» по поводу политических связей якобы существовавшего заговора, он перешел к показаниям об организации вредительства. Но его «вредительские акты» были все время такого типа: «На Украине в основном работал Логинов и группа связанных с ним лиц в области коксовой промышленности. Их работа состояла в основном в вводе в эксплуатацию неготовых коксовых печей и потом во всяческой задержке строительства очень ценных и очень важных частей коксохимической промышленности. Вводили печи без использования всех тех, очень ценных продуктов, которые получаются при коксовании; тем самым огромные богатства обесценивались»[57] «... Марьясин проводил вредительскую работу по следующим направлениям. Прежде всего направлял средства на ненужное накопление материалов, оборудования и прочего. Я думаю, что к началу 1936 года там находилось в омертвленном состоянии материалов миллионов на 50... За последнее время вредительство приобрело новые формы. Несмотря на то, что завод с 2-3-летним опозданием начал переходить к эксплуатационному периоду, Марьясин создал невыносимые условия работы, создал склоку, одним словом, всячески затруднял эксплуатационную работу»[58]. «Прежде всего был составлен совершенно неправильный план развития военно-химической промышленности...»[59] «... нес-

мотря на то, что наша страна изобилует солью, и сырья для соды сколько угодно, и производство соды известно хорошо, в стране дефицит соды. Задерживалось строительство новых содовых заводов»[60].

Иначе говоря, Пятаков признавал совершенно очевидные действия, проистекавшие от халатности или плохого планирования — и, действительно, его подчиненные могли допускать такие ошибки.

Зато определенные обвинения он полностью отрицал:

Вышинский: Обвиняемый Пятаков, Вы согласны с тем, что сказал Шестов?

Пятаков: Шестов, возможно, и говорил с кем-нибудь, но только не со мной. Он говорил, что некто с карандашом в руках подсчитывал стоимость руды. Такого разговора со мной не было[61].

Еще эпизод в том же духе:

Вышинский: Теперь вы припоминаете разговор с Ратайчаком о шпионаже?

Пятаков: Нет, я это отрицаю.

Вышинский: А с Логиновым?

Пятаков: Это я тоже отрицаю.

Вышинский: Но эти члены вашей организации были связаны с иностранными разведками?

Пятаков: Что касается факта существования таких связей, я этого не отрицаю; но что я знал, что были установлены...[62]

Пятаков фразы не договорил. Неясно, принял ли он такую линию поведения на процессе самостоятельно (как за пять месяцев до него сделал И. Н. Смирнов на процессе Зиновьева-Каменева) или ему было разрешено избегать ответственности за наиболее острые обвинения, чтобы дать ему (и Орджоникидзе) подумать, что его преступления не поведут к смертной казни.

Даже в том, что касалось его отношений с Троцким, Пятаков сделал определенные туманные оговорки, как

бы для того, чтобы посеять недоверие к своим показаниям. Вот, например:

Вышинский: В разговоре с Троцким в декабре 1935 года он изложил вам свои установки. Вы их восприняли как директиву или просто как ни к чему не обязывающий разговор?

Пятаков: Конечно, как директиву.

Вышинский: Следовательно, можно считать, что вы согласились с этими установками?

Пятаков: Можно считать, что я их выполнил.

Вышинский: И выполнили их.

Пятаков: Не «и выполнил их», а «выполнил их».

Вышинский: Здесь нет никакой разницы.

Пятаков: Для меня разница есть.

Вышинский: В чем?

Пятаков: Что касается действий, особенно уголовно наказуемых действий, разницы нет никакой[63].

Упомянутая в приведенном отрывке из стенограммы встреча Пятакова с Троцким была центральным пунктом всего обвинения. На этой встрече Троцкий якобы изложил полную программу для заговорщиков — ей отведено шесть полных страниц в английском издании судебного отчета и соответственно три в сокращенном русском издании[64]. Но трудность состояла в том, что Троцкий был в Норвегии, а Пятаков никогда не ездил дальше Берлина, где в декабре 1935 года выполнял поручения советского правительства. Его сколько-нибудь длительное отсутствие во время работы в Берлине было бы, разумеется, замечено, поэтому его показания на процессе о встрече с Троцким гласили примерно следующее. В Берлинском зоопарке он встретил агента Троцкого, который подготовил ему полет в Норвегию. Утром 12 декабря Пятаков якобы взлетел на самолете с аэродрома Темпельгоф с фальшивым немецким паспортом, приземлился на аэродроме в Осло в 3 часа пополудни, добрался на машине до дома Троцкого и там вел конспи-

ративные переговоры (в которых Троцкий впервые открыл ему, что встречал фашистского руководителя Гесса и договорился с ним о сотрудничестве во время войны и мира).

Эта история была немедленно разоблачена как фальшивка. Сталин, лично настоявший на прямом вовлечении Троцкого в заговор, — от чего и попала в сценарий процесса встреча Троцкого с Пятаковым[65], — вновь столкнулся с трудностями фабрикации правдоподобного события, происшедшего за границей. 25 января 1937 года норвежская газета «Афтенпостен» опубликовала сообщение, что ни один гражданский самолет не приземлялся на аэродроме Хеллер в Осло на протяжении всего декабря 1935 года. 29 января норвежская социал-демократическая газета «Арбейдербладет» после дальнейшего расследования установила, что вообще никакой самолет не приземлялся на этом аэродроме между сентябрем 1935 и маем 1936 года.

В свою очередь Троцкий теперь опубликовал требование, чтобы Пятакова спросили обо всех деталях этого якобы имевшего место полета, включая имя, на которое был выписан ему фальшивый паспорт, ибо по этому имени можно было легко сделать проверку въезда в Норвегию. Троцкий бросил и более серьезный вызов Сталину: он написал, что Сталин может потребовать у норвежского правительства высылки Троцкого из страны, если факт прилета к нему Пятакова будет юридически установлен норвежским судом.

Эту грубую фальсификацию было решительно нечем прикрыть. В руководящих партийных кругах скоро заговорили о норвежских разоблачениях.

Бывший посол СССР в Болгарии Ф. Ф. Раскольников, в нашумевшем в свое время заявлении, обвиняет Сталина между прочим в том, что он отлично знал, что Пятаков не летал в Осло[66].

В конце процесса, 27 января, Вышинский сделал

исключительно слабую попытку противопоставить хоть что-нибудь неблаговидной норвежской истории:

Вышинский: Больше у меня вопросов нет. Ходатайство к суду: Я интересовался этим обстоятельством и просил Народный комиссариат иностранных дел обеспечить меня справкой, ибо я хотел проверить показания Пятакова и с этой стороны. Я получил официальную справку, которую прошу приобщить к делу. *(Читает.)*

«Консульский отдел Народного комиссариата иностранных дел настоящим доводит до сведения прокурора СССР, что, согласно полученной полпредством СССР в Норвегии официальной справке, аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международных правил, аэропланы других стран, и что прилет и отлет аэропланов возможны и в зимние месяцы». (Пятакову.) Это было в декабре?

Пятаков: Так точно[67].

Таким образом, еще одно советское учреждение «удостоверило» не факт, а просто техническую возможность полета Пятакова. Можно было думать, что один этот ужасающий провал дискредитирует в глазах иностранцев весь процесс. Но любой, кто на это надеялся, вскоре мог обнаружить, что расчеты Сталина на политическую наивность и доверчивость других имели более прочный фундамент, чем казалось.

Утром 24 января на суде устроил яркое представление Радек, который, как уже упомянуто, принимал участие в составлении сценария процесса. В то время как другие обвиняемые говорили вяло и угрюмо, он вложил в показания подлинные чувства. Радек развернул в своем выступлении историю троцкизма после 1927 года и сложные связи между обвиняемыми на процессе и расстрелянными зиновьевцами. Он затем перечислил целый ряд новых террористических групп, возвел обвинение на Бухарина, говорил о «бонапартистском» режиме, который Троцкий

намеревался установить под фашистским контролем, и добавил, что Троцкий был готов пожертвовать Украину и Дальний Восток агрессорам.

Радек дал подходящее объяснение запоздалым троцкистским призывам к партийной демократии: «Люди начинают спорить о демократии только когда они расходятся по принципиальным вопросам. Когда люди соглашаются друг с другом, они не чувствуют нужды в широкой демократии, это ясно без слов»[68].

Несмотря на свою готовность сотрудничать с обвинением, Радек сделал несколько нелогичных выпадов против обвинительного заключения, хотя и в туманной манере. Он восклицал, например: «Просто — «за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму!»[69]. Фактически это означало, что обвинение в желании реставрировать капитализм только для того, чтобы привести Троцкого к власти, было по меньшей мере странным. Особенно если обвинение это касалось, по словам самого Радека, «таких людей как Яков Лившиц или Серебряков, у которых за плечами десятилетия революционной работы»[70], чей духовный строй должен был быть полностью подорван, если они могли «опуститься до вредительства» и «действовать по инструкциям классового врага».

В целом, Радек был наиболее полезным для суда и убедительным обвиняемым. Тем не менее, когда он закончил основную часть своих показаний, Вышинский стал его задирать и получил несколько острых отповедей вроде «Вы глубокий знаток человеческих душ, но я тем не менее изложу мои мысли собственными словами»[71]. Или еще:

Вышинский: Вы это приняли? И вы вели этот разговор?
Радек: Вы это узнали от меня, значит я и вел разговор[72].

В конце концов Вышинский напомнил Радеку, что тот не только не донес о заговоре, но также отказывался давать показания в течение трех месяцев, и сказал: «Не ставит

ли это под сомнение то, что вы сказали относительно ваших колебаний и дурных предчувствий?».

Радек пришел в раздражение и выпалил то, что было слабейшим пунктом всего дела:

«Да, если вы игнорируете тот факт, что узнали о программе и об инструкциях Троцкого только от меня, — тогда, конечно, это бросает сомнение на то, что я сказал»[73].

В ходе показаний Радека ему было велено заявить, что в 1935 году «Виталий Путна встречался со мной, передав одну просьбу Тухачевского»[74].

Так и записано по меньшей мере в английском издании стенографического отчета о процессе, хотя комкора Путна звали не Виталий. а Витовт. Но это был уже второй намек на участие комкора в некоей преступной деятельности. Однако гораздо более поразительным было упоминание имени Тухачевского, хотя и в невинном контексте. Москва загудела, восприняв это как первый удар грома над головой знаменитого маршала.

Впрочем, на вечернем заседании Радек снова был вызван и в ходе длительного диалога с Вышинским отвел какие-либо возможные подозрения от Тухачевского. Тем не менее, само упоминание этого имени прозвучало угрозой и было таковой воспринято.

В тот же день был вызван для допроса Сокольников. Он мало что имел добавить, разве только назвал несколько новых террористических групп. Из его слов следовало, что он имел весьма отдаленную связь с террором и вредительством, и тут, в отличие от допроса Пятакова, Вышинский не донимал его вопросами с целью установить обратное. Главным, так сказать, вкладом Сокольникова было его замечание относительно предыдущего поколения вредителей:

Сокольников: ... Указывалось на то, чтобы найти бывшие вредительские организации среди специалистов.

Вышинский: Среди бывших вредителей периода Промпартии, Шахтинского процесса?[75]. Какая же по отношению к ним была принята линия?

Сокольников: Троцкистская линия, позволяющая вредительским группам блока устанавливать контакт с теми, бывшими группами[76].

Последовавший за Сокольниковым Серебряков «разоблачил» ряд руководителей железных дорог и сообщил, что организация железнодорожного транспорта до назначения Кагановича наркомом в 1935 году была равнозначна намеренному вредительству. В остальном он лишь добавил сведения еще о некоторых террористических группах — сведения, пополнившие и без того уже большой запас.

25 и 26 января проходил допрос «сибиряков». Их показания, с одной стороны, концентрировались на связях между ними и Пятаковым, т.е. «Московским центром»; а с другой стороны — на подробностях задуманных ими катастроф и взрывов.

Дробнис начал показания с обычных примеров ошибочного планирования в промышленности:

«Одна из вредительских задач в плане — это распыление средств по второстепенным мероприятиям. Второе — это торможение строительства в таком направлении, чтобы важные объекты не ввести в эксплоатацию в сроки, указанные правительством.

Вышинский: Главным образом по предприятиям оборонного значения?

Дробнис: Да. Далее частые перепроектировки, задержка расчетов с проектирующими организациями, из-за чего проекты получались очень поздно. Это, само собой понятно, задерживало темпы и ход строительства.

В действующих предприятиях по коксо-химическому заводу сознательно был допущен ряд недоделок, которые очень серьезно отражались на работе завода, понижали качество продукции, давали кокс очень высокой влажности и зольности...»[77].

«... Кемеровская районная электростанция была приведена в такое состояние, что если было бы необходимо для вредительских целей, если бы последовал приказ, можно

было бы затопить угольную шахту. К тому же поставлялся уголь, технически непригодный для электростанции, и это вело к взрывам. Все это делалось намеренно»[78].

Потом Дробнис перешел к случаю на шахте «Центральная». И после угроз и давления со стороны Вышинского закончил признанием, что заговорщики надеялись погубить взрывами как можно больше человеческих жизней. Хотя во время катастрофы Дробнис уже находился в тюрьме, он принял на себя ответственность.

Агент НКВД Шестов подтвердил показание Сокольникова и других «вредителей». Он сделал многозначительное предупреждение всем инженерам в стране:

«... хотя Овсяников и не был членом нашей организации, он представлял собой такого руководителя, который все передоверил инженерам и ничего не делал сам; его легко было обратить в троцкизм»[79].

Если верить признаниям Шестова, то установленная им система проходки в Прокопьевске имела результатом не менее шестидесяти подземных пожаров к концу 1935 года[80].

Шестов объявил, что невыносимая жизнь рабочих была следствием не правительственной, а троцкистской политики:

«Была дана директива вымотать нервы у рабочих. Прежде чем рабочий дойдет до места работы, он должен двести матов пустить по адресу руководства шахты. Создавались невозможные условия работы. Не только стахановскими методами, но и обычными методами невозможно было нормально работать»[81].

Такие же признания во вредительстве дали Норкин и Строилов. Норкин сказал, что «в соответствии с этим мной был задуман вывод из строя нашей ГРЭС путем взрывов. В феврале 1936 года было три взрыва»[82]. А «чтобы при больших капиталовложениях иметь меньше эффекта» он старался «капиталовложения направлять не на основные объекты, а на менее важные»[83]. Когда же Норкина спро-

сили о мотивах его признаний, он попытался намекнуть на истинное положение вещей:

Вышинский: А потом почему решили отказаться?

Норкин: Потому что есть предел всему.

Вышинский: Может быть на вас нажали?

Норкин: Меня спрашивали, разоблачали, были очные ставки.

Вышинский: Как вы вообще содержались, условия камерного содержания?

Норкин: Очень хорошо. Вы спрашиваете о внешнем давлении?

Вышинский: Да[84].

Показания Строилова интересны главным образом тем, что они отразили сталинскую точку зрения на сочинения Троцкого:

Строилов: Я сказал, что я читал книгу Троцкого «Моя жизнь». Он спросил меня, понравилась ли мне эта книга. Я ответил, что с литературной точки зрения он как журналист пишет хорошо, но книга не понравилась мне потому, что в ней бесчисленное количество «я»[85].

В конце допроса Строилова Вышинский, который, как мы помним, не очень старался проверить историю с аэродромом в Осло, пустился в долгие разговоры, чтобы установить реальность одного ничтожного контакта, якобы имевшего место у Строилова в Берлине:

«Тов. Вышинский просит суд приобщить к делу справку отеля «Савой» о том, что Берг Г. В., германский подданный, коммерсант, жил в отеле «Савой» с 1 по 15 декабря 1930 года. Номер телефона комнаты, занимавшейся Бергом, совпадает с номером, записанным в книжке Строилова»[86].

Суд удовлетворил ходатайство государственного обвинителя, после чего Вышинский проделал то же самое с адресом в Берлине, куда якобы ходил Строилов:

Вышинский: Я прошу суд приобщить к делу этот берлинский адрес и номер телефона, взятые из вот этой официальной публикации (вручает суду большую книгу в

красном переплете). На странице 206, под номером 8563 значится имя Вюстера, Армштрассе и адрес этого Вюстера, который упоминается также в записной книжке Строилова»[87].

Суд удовлетворил и эту просьбу и телефонно-адресная книга Германского Рейха, издание седьмое, том второй, по сей день составляет часть громадного досье, которое где-то в советских государственных архивах собирает пыль для будущих поколений.

Муралов, так же как и Дробнис, во время взрыва на шахте «Центральная» сидел в тюрьме. Но в отличие от Дробниса он отказался взять на себя ответственность за катастрофу.

Председательствующий: Знали ли вы, что на кемеровских угольных шахтах троцкисты загазовали штреки и создали абсолютно невыносимые условия труда?

Муралов: Дробнис работал на химзаводе — он находится под руководством одного треста, а шахтами руководит другой трест.

Председательствующий: Я понимаю. Я говорю о кемеровской шахте.

Муралов: Я не знал, что они взяли курс на загазовку шахты «Центральная», и Дробнис мне этого не докладывал. Это случилось, когда я уже был в тюрьме.

Председательствующий: В ваших показаниях содержится следующая фраза: «На кемеровской шахте троцкисты загазовали штреки и создали невыносимые условия для рабочих».

Муралов: Я узнал об этом, когда был в тюрьме, как о результате всей подрывной работы троцкистов»[88].

На Муралове лежала якобы ответственность за организацию покушений. В его показаниях обнаруживается одно из самых слабых мест всей легенды:

Вышинский: А не говорилось ли, что террор вообще не дает результатов, когда убьют только одного, а остальные остаются, и поэтому надо действовать сразу?

Муралов: И я, и Пятаков — мы чувствовали, что эсеровскими партизанскими методами действовать нельзя. Надо организовать так, чтобы сразу произвести панику. В том, что создастся паника и растерянность в партийных верхах, мы видели один из способов прийти к власти»[89].

Но признаваясь в подготовке к покушению на Эйхе и Молотова, Муралов горячо отвергал обвинения в том, что следующей жертвой был намечен Орджоникидзе:

Муралов: ... относительно 1932 года и указаний Шестова о покушении на Орджоникидзе. Категорически заявляю, что это относится к области фантастики Шестова. Таких указаний я никогда не давал.

Вышинский: Он путает?

Муралов: Я не знаю, путает он или просто дает волю своей фантазии[90].

Вышинский был так раздражен этими словами, что вернулся к ним в своей заключительной речи, указав на очевидную странность: почему Муралов ни под каким видом не признает приписываемой ему попытки убить Орджоникидзе, сознаваясь в то же время в том, что организовал террористический акт против Молотова?[91].

И это действительно странно. Трудно рассматривать это иначе, как демонстрацию лояльности к Орджоникидзе и надежду на его помощь.

Что касается покушения на Молотова, то оно интересно как единственное, казалось бы, реальное действие террористов, не считая убийства Кирова. Правда об этом событии была изложена в 1961 году в выступлении Шверника на XXII съезде КПСС:

«Вот еще один пример крайнего цинизма Молотова. При поездке его в город Прокопьевск в 1934 году машина, в которой он находился, съехала правыми колесами в придорожный кювет. Никто из пассажиров не получил никаких повреждений. Этот эпизод впоследствии послужил основанием версии о "покушении„ на жизнь Молотова, и группа ни в чем не повинных людей была за это

осуждена. Кому, как не Молотову, было известно, что на самом деле никакого покушения не было, но он не сказал ни слова в защиту невинных людей. Таково лицо Молотова»[92].

На суде Муралов показал, что по плану шофер должен был пожертвовать собой для уничтожения Молотова в катастрофе:

Муралов: Автомобиль должен был свернуть в канаву на полном ходу. При таком условии автомобиль переворачивается по инерции вверх ногами, машина ломается, люди...

Вышинский: Позвольте спросить Шестова. Подсудимый Шестов, вы подтверждаете в этой части показания Муралова?

Шестов: Да...

Вышинский: Получив прямое поручение от Муралова о подготовке террористических актов, что вы сделали практически?

Шестов: ...В подготовительном плане предусматривалось совершение террористического акта путем автомобильной катастрофы и было выбрано два удобных места. Это, кто знает Прокопьевск, возле шахты № 5, по направлению к рудоуправлению, и второе место — между рабочим городком и шахтой № 3. Там не канавка, как говорил Муралов, а овраг метров в 15.

Вышинский: «Канавка» в 15 метров! Кто выбирал это место?...

Шестов: ...На самом деле он (шофер) хотя и повернул руль в овраг, но повернул недостаточно решительно, и ехавшая сзади охрана сумела буквально на руках подхватить эту машину...

Председательствующий: Возвращаемся к допросу обвиняемого Муралова.

Муралов: Разрешите по поводу объяснения Шестова. Я не буду вступать в дискуссию с Шестовым — канавка или овраг...

Вышинский: Вы лично были на месте, где находится канавка?

Муралов: Нет, не был.

Вышинский: Если вы не видели места, не можете оспаривать.

Муралов: В дискуссию я не буду вступать...[93].

Неприятное для обвинения показание Муралова относительно «канавы», а не «оврага», основывалось, очевидно, на знании обстоятельств дела. В обвинительной речи Вышинский сказал об этом следующее: «Но факт остается фактом. Покушение на товарища Молотова произошло. Эта авария на гребешке 15-метровой «канавки», как здесь Муралов скромненько говорил, — факт»[94].

Любопытно еще, что единственный террористический заговор (помимо убийства Кирова), который достиг стадии хоть каких-то действий, был проведен не специально обученным верным троцкистом, а завербованным на месте мелким мошенником по имени «Арнольд, он же Иванов, он же Васильев, он же Раск, он же Кульпенен...», как представил его Вышинский[95]. Хотя Троцкий якобы чрезвычайно настаивал на выполнении нескольких террористических актов более или менее одновременно, только один из них, против Молотова, был доведен хоть до каких-то действий. Правда, Молотов (даже согласно официальной версии) был лишь слегка испуган. Но никто из остальных будто бы намеченных жертв Пригожина или Голубенко или других профессиональных убийц не испытал даже этого легкого страха.

Дополнить ничтожный факт крупной дозой фантазии оказалось для суда нелегким делом. Поскольку была взята действительная авария, которую приказали раздуть до покушения на убийство, то убийцей выступал не заранее выбранный агент НКВД, а действительный водитель машины. И это обернулось ошибкой. Суд столкнулся не с Ольбергом или Берманом-Юриным, как на прошлом процессе, — отобранными и специально подготовленными

провокаторами, — а с человеком, абсолютно не подходящим для той роли, которую ему выпало играть.

Допрос Арнольда, водителя машины, который якобы по приказу сибирских заговорщиков совершил покушение, Вышинский начал на вечернем заседании 26 января. Весь диалог между ними выглядел нелепым фарсом. На этот раз казалось, что Вышинский запутался сам[96].

Арнольд заявил, что его «остановила трусость» и вместо катастрофы он сделал лишь легкую аварию. Но было абсолютно ясно, что ни один заговорщик не мог ожидать самопожертвования от такого человека, как Арнольд. Между тем, по показаниям других обвиняемых, план был именно таков. В конце своих показаний Арнольд заявил, что его убедили, что троцкистская организация сильна, что она будет у власти и что он в таком случае в последних рядах не останется. Но это прямо противоречило главной идее якобы планировавшегося покушения — идее самопожертвования шофера.

В ходе допроса (занимающего в стенографическом отчете около тридцати страниц) Вышинский столкнулся не с обвиняемым-сотрудником, как обычно, не с более или менее интеллигентным человеком, а с люмпен-пролетарием, мелким мошенником и авантюристом. Понадобилось пять или десять минут только для того, чтобы добраться до настоящего имени Арнольда среди его всевозможных псевдонимов и кличек, но даже после этого с именами продолжалась путаница.

В ходе допроса выяснилось, что обвиняемый уже с детства носил фамилию крестного, а не отца и не матери. Еще мальчишкой Арнольд перебрался в Финляндию, потом в Германию и Голландию под очередным псевдонимом, а потом, во время первой мировой войны, в Норвегию и Англию. По возвращении в Россию он был призван в армию, но дезертировал и получил по суду шесть месяцев дисциплинарного взыскания.

Вопросами и ответами на такие темы заполнены

целые страницы стенографического отчета. Опять Вышинский путается в именах, в сложной неразберихе номеров и названий воинских частей, в которые Арнольд входил во время первой мировой войны и из которых дезертировал, по поводу воинских званий, которые были ему действительно присвоены или которые он присваивал себе сам, попросту добавляя нашивки на погоны. Ответы Арнольда противоречили жизнеописанию, данному им самим на предварительном следствии. Председатель суда должен был призвать его к порядку, но и это не очень помогло...

Мы узнаем, что Арнольд украл несколько железнодорожных литеров, добрался до Владивостока, а потом, уже опять под другим именем, очутился в Нью-Йорке, где вступил в американскую армию, хотя не говорил по-английски. В Америке он сидел в тюрьме пять или шесть месяцев — в этом месте Вышинский опять увяз в противоречиях относительно того, сколько раз вообще Арнольд сидел (выходило, что всего дважды). Создалась путаница и насчет того, сколько раз он зачислялся в американскую армию — то ли дважды, то ли вообще никогда. Арнольд заявил, что был во Франции с американской армией, а потом выплыл на свет его визит в Южную Америку. Он будто бы был масоном в Соединенных Штатах и в то же самое время членом коммунистической партии США. Такая мешанина идет на двадцати трех страницах стенограммы и на протяжении всего этого выплывает единственное возможное обвинение против Арнольда — что он скрыл от партии свое членство в масонской ложе.

По-видимому, в СССР Арнольд попал с группой американских специалистов, которых пригласили в Кемерово, а уж там вступил в ВКП[б]. В Западной Сибири он работал начальником канцелярии, потом возглавлял водный транспорт, работал в отделе снабжения и сбыта, а затем отвечал за телефонную систему на больших предприятиях Кемерова и Кузнецка. В 1932 году он, в конце

концов, вступил в контакт с троцкистами и «сошелся» с Шестовым. К тому времени Арнольда уже уволили с работы за антисоветские высказывания, а кроме того, Шестов докопался до двух прежних имен Арнольда — хотя, чтобы это установить, Вышинский опять запутался в долгих спорах насчет того, сколько было имен вообще.

Единственное реальное свидетельство против Арнольда изложено приблизительно на полутора страницах. Оно заключается в том, что, по словам самого Арнольда, «мне конкретно Черепухин сообщил, что завтра приезжает Орджоникидзе. Смотри, ты должен будешь выполнить террористический акт, не считаясь ни с чем». Но он «не смог этого сделать», не выдержали нервы.

Когда приехал Молотов, план был точно таким же. Но «канава» превратилась теперь уже не в «овраг», а в «откос»:

Арнольд: ... На этом закруглении имеется не ров, как назвал Шестов, а то, что мы называем откосом — край дороги, который имеет 8-10 метров глубины, падение примерно до 90°. Когда я подал машину к поезду, в машину сели Молотов, секретарь райкома партии Курганов и председатель краевого исполнительного комитета Грядинский...[97].

Однако Арнольда будто бы опять «остановила трусость», и он только слегка свернул с дороги, когда его прижал грузовик, тоже, по-видимому, нанятый заговорщиками. Никто не пострадал.

Арнольд получил выговор за небрежное вождение, а потом устроился на работу в Ташкенте, позже вернулся в Новосибирск, стал заместителем начальника отдела снабжения и, наконец, зав. гаражом. И это было все.

После Арнольда допрашивались заместитель Наркома путей сообщения Лившиц и другие железнодорожные заговорщики. Эта часть процесса была, очевидно, личным заповедником Кагановича. И Лившиц и Князев в заключительном слове упомянули, что обманывали доверие

Кагановича — и это было, по их словам, особенно отвратительным преступлением. Лившиц говорил так:

«Граждане судьи! Обвинение, предъявленное мне государственным обвинителем, усугубляется еще тем, что я из рабочих низов был поднят партией на высоту государственного управления — до заместителя Народного комиссара путей сообщения. Я был окружен доверием соратника Сталина, Кагановича»[98].

А Князев сокрушенно восклицал:

«... и всегда в этих разговорах я переживал чудовищную боль, когда Лазарь Моисеевич всегда мне говорил: «Я тебя знаю, как работника-железнодорожника, знающего транспорт и с теоретической и с практической стороны. Но почему я не чувствую у тебя того размаха, который я вправе от тебя требовать?»[99].

Лившиц, как наиболее заметная фигура, обвинялся, помимо прочего, в организации различных покушений. Но в основном показания обвиняемых-железнодорожников сводились к признаниям в организации крушений поездов и в шпионаже в пользу Японии. Масштаб «вражеского» заговора на железных дорогах несет явные следы, так сказать, стиля Кагановича: обвинять повально, вырвать с корнем. Все обвиняемые называли целые списки «вредителей», окопавшихся во всех звеньях железнодорожной сети. Вышинский особенно старался выявить вредительские убийства невинных граждан:

Вышинский: Вы не помните, эти 29 красноармейцев были крепко искалечены?

Князев: Человек 15 было сильно искалечено.

Вышинский: В чем же выражалась тяжесть ранений?

Князев: Были у них сломаны руки, головы пробиты...

Вышинский: Это по милости вашей и ваших соучастников?

Князев: Да[100].

Вредительская сеть на железных дорогах была якобы

всеохватывающей, что видно, например, из списка участников единичного вредительского акта.

Вышинский: Но почему же возможно было такое нарушение правил железнодорожной службы? Не потому ли, что начальство станции было связано с троцкистами?

Князев: Совершенно правильно.

Вышинский: Назовите эти лица.

Князев: Начальник станции Маркевич, исполняющий обязанности начальника станции Рычков, помощник начальника станции Баганов, помощник начальника станции Родионов, главный стрелочник Колесников.

Вышинский: Пять.

Князев: Стрелочник Безгин.

Вышинский: Шесть.

Князев: Там постоянно находился также начальник службы пути на участке, Бродовиков.

Вышинский: Да, а также сам начальник дороги[101].

Только на своей одной Южно-Уральской железной дороге Князев назвал длинный список соучастников, что в какой-то степени отражает исключительный размах террора среди железнодорожников всей страны. В дополнение к руководителям дороги были названы начальники службы пути на нескольких участках, начальники службы движения, инспекторы-движенцы, руководители службы тяги, мастера и инженеры паровозных депо. А также начальники станций, помощники начальников, машинисты, стрелочники. Всего Князев назвал тридцать три человека — и всех их представил как кадры своей троцкистской организации на Южно-Уральской дороге[102].

Князев продолжал показания:

«Мы непосредственно организовали от 13 до 15 крушений поездов. Я помню, что в 1934 году всего произошло около 1500 крушений поездов и аварий...».

В депо Курган были введены мощные паровозы «ФД». Пользуясь тем, что их слабо знали в депо, администрация

сознательно ухудшала качество надзора в текущем ремонте, вынуждала машинистов часто выезжать с неполным ремонтом. Были доведены до разрушения почти все водопробные приборы. В итоге этой запущенности в январе 1936 года на перегоне Роза — Варгаши произошел взрыв топки.

Вышинский: ...крушение 7 февраля 1936 года на перегоне Единовер — Бердяуш совершено по Вашему заданию?

Князев: Да... Железнодорожники считают, что если лопнул рельс, то винить некого.

Вышинский: Иными словами, это считается объективными причинами?

Князев: Виноватых не нашли...[103]

После железнодорожников наступила очередь химиков. Уже знакомые обвинения повторялись теперь в несколько ином контексте. Ратайчак сделал слабую попытку самозащиты:

Ратайчак: ... нет, но я должен был это сделать, гражданин государственный обвинитель, потому что, если бы мы не приняли мер предосторожности, то была бы опасность, что погибнут сотни рабочих. Поэтому я с самого начала руководил всеми работами на месте.

Вышинский: Вы руководили так, что 17 рабочих было убито и 15 ранено. Правильно?

Ратайчак: (молчит).

Вышинский: Вы руководили всеми работами так, что 17 рабочих было убито и 15 ранено.

Ратайчак: Верно, это была единственная возможность[104].

Обвинение завершилось тем, что были прочтены заключения различных экспертных комиссий. Все взрывы и пожары на шахтах эксперты приписали обвиняемым. Но по поводу экспертизы Строилов тонко заметил, что система проходки шахт, во внедрении которой с вредительскими целями обвинялись подсудимые, применялась и до них.

28 января, в 4 часа дня Вышинский начал обвинительную речь:

«Вот бездна падения! Вот предел, последняя черта морального и политического разложения! Вот дьявольская безграничность преступлений!» [105].

Он говорил о чувствах, которые каждый честный человек испытывал по отношению к осужденным на прошлом процессе зиновьевцам. Теперь надо снова поднять голос. Ибо «превращение троцкистских групп в группы диверсантов и убийц, действующих по указанию иностранных разведок и генеральных штабов агрессоров, лишь завершило борьбу троцкизма против рабочего класса и партии, борьбу против Ленина и ленинизма, длившуюся десятилетия» [106].

Вышинский заявил, что обвиняемые «это не политическая партия. Это банда преступников,представляющих собой простую агентуру иностранной разведки» [107].

Согласно Вышинскому, обвиняемые были хуже белогвардейцев: «...они пали ниже последнего деникинца или колчаковца. Последний деникинец или последний колчаковец выше этих предателей. Деникинцы, колчаковцы, милюковцы не падали так низко, как эти троцкистские иуды» [108].

В качестве типичного заговорщика был выбран Ратайчак. О нем Вышинский заметил в довольно раздраженной форме: «Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается, — лгун, обманщик и плут» [109].

Подобный анализ, определяющий антисталинизм как преступный фашизм, естественно, совпадал со сталинскими предсказаниями, ныне подкрепленными сталинским судом: «... Предсказания товарища Сталина полностью сбылись. Троцкизм действительно превратился в центральный сборный пункт всех враждебных социализму сил, в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок,

окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране»[110].

Но в речи Вышинского было и нечто более интересное, чем прямые оскорбления по адресу обвиняемых. А именно, указания на подготовку дальнейших действий. Он многозначительно говорил: «Я напомню вам о том, как, скажем, по делу объединенного троцкистстко-зиновьевского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах, — одни прося, другие не прося пощады, — что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных, совершенных ими преступлений, — мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!»[111].

Намек на обвинения, выдвинутые против Бухарина в следующем году, содержался в особенно зловещем абзаце речи прокурора: «Это Пятаков и его компания в 1918 году, в момент острейшей опасности для Советской страны, вели переговоры с эсерами о подготовке контрреволюционного государственного переворота, об аресте Ленина с тем, чтобы Пятаков занял пост руководителя правительства — председателя Совнаркома. Через арест Ленина, через государственный переворот прокладывали себе эти политические авантюристы путь к власти!»[112].

Под конец Вышинский процитировал Сокольникова, говорившего о важном единстве всех участников оппозиции — о единстве, основанном на рютинской программе:

«Что касается программных установок, то еще в 1932 году и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась, как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году»[113].

Был уже эскизно намечен персональный состав будущих процессов. В дополнение к Бухарину и Рыкову обвинение было выдвинуто против Раковского (в показаниях Дробниса)[114].

Был назван по имени также грузинский партийный деятель Мдивани[115].

Вышинский заявил, что виновность подсудимых в данном случае была подтверждена с такой строгостью, какая не требуется в буржуазном суде: «Мы при помощи экспертизы проверили показания самих подсудимых и, хотя мы знаем, что в некоторых европейских законодательствах признание подсудимым своей вины считается достаточно авторитетным для того, чтобы уже не сомневаться больше в его виновности, и суд считает себя вправе освободить себя от проверки этих показаний, мы все же для того, чтобы соблюсти абсолютную объективность, при наличии даже собственных показаний преступников проверяли их еще с технической стороны и получали категорический ответ и о взрыве 11 ноября, и о горных пожарах на Прокопьевском руднике, и о пожарах и взрывах на Кемеровском комбинате. Установили, что не может быть никакого сомнения в наличии злого умысла»[116].

Коснулся Вышинский и некоторых сомнительных пунктов прошлого судебного процесса — над Зиновьевым, Каменевым и другими. Например, по поводу отсутствия документальных доказательств прокурор сказал следующее: «Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены... Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?... Можно поставить

вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы?... Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговорах таких требований предъявлять нельзя»[117].

(Немного позже один из адвокатов обвиняемых (Брауде), по-видимому, недостаточно хорошо подготовленный, одобрительно высказался по поводу «документов, собранных по делу»[118]).

Особый упор в обвинительной речи был сделан на раздувание гнева против обвиняемых: «Они взрывают шахты, сжигают цеха, разбивают поезда, калечат, убивают сотни лучших людей, сынов нашей родины. 800 рабочих Горловского азотно-тукового завода через газету «Правда» сообщили имена погибших от предательской руки диверсантов лучших стахановцев этого завода. Вот список этих жертв: Лунцев, стахановец, рождения 1902 года, Юдин — талантливый инженер, рождения 1913 года, Куркин — комсомолец, стахановец, 23 лет от роду, Стрельникова — ударница, 1913 года рождения, Моспец — ударник, тоже 1913 года рождения. Это убитые. Ранено было больше десяти человек. Погиб Максименко — стахановец, выполнявший норму на 125-150 процентов, Немихин, один из лучших ударников, который спустился в забой на шахте «Центральная», пожертвовал своими 10 днями отпуска, а там его подстрелили и убили, убит запальщик Юрьев — один из участников боев с белокитайцами, убит Ланин — участник гражданской войны, старый горняк. И так далее и так далее»[119].

В результате Вышинский получил возможность прокричать заключительную часть своей речи: «Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом, со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим

народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания, — расстрела, смерти!»[120].

На этот раз, в отличие от прошлого, зиновьевского суда, некоторые из младших обвиняемых имели защитников. Точка зрения этих защитников на свои обязанности явно отличалась от взгляда адвокатов в буржуазном суде. Так, защитник Брауде начал свою речь классическим для сталинца-адвоката пассажем: «Товарищи судьи, я не буду скрывать от вас того исключительно трудного, небывало тяжелого положения, в котором находится в этом деле защитник. Ведь защитник, товарищи судьи, прежде всего — сын своей родины, он также гражданин великого Советского Союза, и чувства великого возмущения, гнева и ужаса, которые охватывают сейчас всю нашу страну от мала до велика, чувство, которое так ярко отобразил в своей речи прокурор, эти чувства не могут быть чужды и защитникам...

... В настоящем деле, товарищи судьи, не может быть спора о фактах. Товарищ прокурор был совершенно прав, когда заявил, что со всех точек зрения — с точки зрения документов, собранных по делу, с точки зрения допроса, вызванных в суд свидетелей, и перекрестного допроса обвиняемых, мы лишены возможности оспаривать очевидность. Все факты подтверждены, и в этой части защита не имеет намерения входить в какое-либо противоречие с обвинением. Невозможно также оспаривать оценку прокурором политических и моральных аспектов дела. Здесь также дело настолько очевидно, политическая оценка, сделанная прокурором настолько ясна, что защита может только целиком и полностью присоединиться к этой части его речи»[121].

Когда окончилась «защита», начались последние слова обвиняемых. Пятаков, говоривший с опущенными глазами, закончил так: «Через несколько часов вы вынесете ваш приговор. И вот я стою перед вами в грязи, раздавленный своими собственными преступлениями, лишенный всего по своей собственной вине, потерявший свою партию, не

имеющий друзей, потерявший семью, потерявший самого себя»[122].

Радек в последнем слове сделал, так сказать, «полезный вклад», заявив, что есть еще много «полутроцкистов, четверть-троцкистов, троцкистов на одну восьмую, людей, которые нам помогали, не зная о террористической организации, но сочувствуя нам, людей, которые из либерализма, фрондируя против партии, оказывали нам помощь...»[123]. В этом заявлении фактически содержалась целая программа для расправы с любыми критиками террора, даже если они были «сталинцы на семь восьмых».

Последнее слово Радека было одновременно и жалким и убедительным. Выдвигая обвинения против Троцкого и против соседей по скамье подсудимых, он в то же время сумел сделать несколько двусмысленных, обоюдоострых замечаний. Так, он продолжал отмежевываться от прямых связей с немцами и отрицать такие связи у своих сообвиняемых: «Но когда я прочитал об Ольберге и спросил других, знает ли кто о существовании Ольберга, то об этом никто не знал, и для меня стало ясным, что Троцкий создает здесь, помимо кадров, прошедших его школу, организацию агентуры, прошедшей школу германского фашизма»[124].

И, наконец, он повторно упомянул тот факт, что все дело, весь процесс построены на его показаниях и словах Пятакова:

«Для этого факта какие есть доказательства? Для этого факта есть показания двух людей — мои показания, который получал директивы и письма от Троцкого (которые, к сожалению, сжег), и показания Пятакова, который говорил с Троцким. Все прочие показания других обвиняемых, они покоятся на наших показаниях. Если вы имеете дело с чистыми уголовниками, шпионами, то на чем можете вы базировать вашу уверенность, что то, что мы сказали, есть правда, незыблемая правда?»[125].

Остальные обвиняемые выступали в более обычной ма-

нере. Дробнис, Муралов, Богуславский ссылались на свое блестящее прошлое и пролетарское происхождение. Сокольников говорил длинно, а Серебряков — очень коротко. Все «агенты», хотя и в разной степени, нападали лично на Троцкого. Арнольд упирал, совершенно справедливо, на свое низкое политическое развитие.

30 января в 3 часа утра был оглашен приговор. Смертная казнь всем, кроме Сокольникова и Радека (как не участвовавших непосредственно в организации и выполнении преступлений), а также Арнольда, получившего 10 лет, и Строилова, получившего восемь. В НКВД в то время рассказывали, будто Лион Фейхтвангер просил Сталина сохранить жизнь Радеку, обещая ему оправдать показательные процессы в своей книге («Москва 1937»), чего Сталину очень хотелось, чтобы смягчить впечатление от «Возвращения из СССР» Андре Жида[126]. Приговор Арнольду, который рассматривался на суде как активный террорист, вопиюще противоречит приговорам неудачливым убийцам на прошлом процессе — людям типа Фриц-Давида. Говорили, что показания Арнольда показались Сталину столь забавными, что он, когда писал заранее приговоры, решил по собственному капризу оказать милосердие.

Когда Радек выслушал приговор, на его лице отразилось облегчение. Он повернулся к другим обвиняемым, пожал плечами и виновато улыбнулся, словно был не в состоянии объяснить свою удачу[127].

Относительно Радека были затем пущены слухи, что он отбывал свое наказание в комфортабельных условиях на Урале, где жил в особняке, не более чем под домашним арестом[128]. Возможно, его некоторое время действительно держали в таких условиях, но если так, то по-видимому лишь с одной целью — повлиять на обвиняемых в следующем третьем процессе. Остальные имеющиеся свидетельства сходятся на том, что Радек был послан в лагерь на севере и был там убит уголовником, разделив таким образом судьбу многих политзаключенных[129]. Это было в

1939 году. В том же году умер Сокольников, очевидно в лагере[130].

Известно, что в тюрьмах и лагерях встречали многих родственников осужденных. Жену Радека видели в Сегежлаге среди двух тысяч других «жен врагов народа»[131]. Жену Дробниса видели уже в 1936 году в Красноярском изоляторе. Она почти полностью потеряла слух в результате «обработки» на Лубянке[132]. Галина Серебрякова была женой двух ведущих обвиняемых поочередно — Серебрякова и Сокольникова. Со времени процесса она провела в Сибири 20 лет. Через все эти годы она, как говорится, «пронесла свою преданность партии» и после реабилитации, на собраниях писателей в 1962-63 годах активно выступала против либеральных тенденций. В марте 1963 года, когда на свободомыслящих писателей оказывалось особенно тяжкое давление, Хрущев приводил Серебрякову в пример, сравнивая ее с Ильей Эренбургом, который при жизни Сталина, дескать, тепло восхвалял его и жил в комфорте, а теперь, мол, стал отходить от принципа партийности[138].

Неправдоподобность показательных процессов нарастала от одного к другому. На первом процессе (1936) партии предстояло согласиться только с тем, что Зиновьев и Каменев в сотрудничестве с некоторыми настоящими троцкистами замышляли убийство партийного руководства и были фактически ответственны за смерть Кирова. Хотя казнь Зиновьева и других вызвала большое отвращение, имелись и другие факторы. Вряд ли, конечно, кто-либо из членов ЦК буквально верил обвинениям против зиновьевцев или принимал на веру их показания (к тому же ходили определенные слухи насчет подлинной роли НКВД в убийстве Кирова). Тем не менее, зиновьевская оппозиция реально боролась со Сталиным всеми имеющимися у нее средствами, и в этой политической борьбе почти весь состав тогдашнего Центрального Комитета был на стороне Сталина. Было совершенно очевидно, что, пытаясь проложить себе дорогу

обратно в партию, оппозиционеры себя скомпрометировали. И было по крайней мере допустимо, что «объективно» за убийство Кирова мог нести ответственность Зиновьев. Что касается более очевидной фальши в ходе самого процесса, то в партии вполне привыкли к фальши, необходимой по партийным мотивам и, если надо, к дутым судебным процессам, предназначенным произвести впечатление на публику. Можно думать, что Сталин таким путем просто отделывался от непримиримых врагов.

Ни одно из этих соображений не подходило к Пятакову или кому-либо из обвиняемых на втором процессе. А в то же время странности и аномалии показательного суда были не меньшими, а большими, чем в предыдущем случае.

Пятакову и другим обвиняемым так же, как зиновьевцам на предыдущем процессе, инкриминировалась организация широкого террористического подполья. Радек, возможно иронически, говорил в своих показаниях про «десятки бродячих террористических групп, ждущих на авось, чтобы ухлопать одного из руководителей партии»[134].

Было названо по меньшей мере четырнадцать групп или лиц, имевших задание убить Сталина (это задание было у нескольких из них), Кагановича, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Косиора. Постышева, Эйхе, Ежова и Берию. И опять-таки, несмотря на покровительство и соучастие высоких должностных лиц буквально повсюду, эти террористы оказались неспособны выполнить хоть одно покушение, успешное или безуспешное, за единственным исключением так называемой попытки убить Молотова — причем попытка эта, как мы уже видели, выглядела не очень профессиональной. Действительно, приговор Арнольду — 10 лет заключения — был фактически признанием, что его отнюдь не считали политическим борцом. Если среди участников заговора было полно фанатичных троцкистов, то почему они доверили подобной личности стать исполнителем операции, да еще убийцей-смертником? Никакого объяснения этому не нашлось.

Заговорщики не смогли устроить покушения даже на жизнь Кагановича, хотя несколько его ближайших сотрудников вроде Лившица, Серебрякова и Князева были якобы участниками заговора. Вышинский ссылался на то, что Зиновьев и его коллеги по предыдущему процессу, которые тогда будто бы показывали всю правду, на самом деле (как якобы выяснилось на процессе Пятакова) очень многое скрыли. Как мы уже упоминали, прокурор просто объявил, что «мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле»[135]. Но в этом случае, если признание обвиняемыми фактов ограничивалось лишь теми, какие они не могли опровергнуть, то их жалкие самообвинения должны были быть неискренними; иными словами все, что говорили в своих последних словах обвиняемые на прошлом процессе, было задним числом аннулировано. Однако люди, которые верили в обоснованность процессов, без труда примирили или, скорее, игнорировали эти противоречия.

Укажем еще на одну аномалию, меньшего масштаба. Обвиняемые, как мы знаем, показали, что в сговоре с Зиновьевым и Каменевым намеревались убить Молотова так же, как и остальных вождей. Но Зиновьев и Каменев в свое время об убийстве Молотова не говорили, поскольку у них этого не требовали. На первом процессе Молотов не фигурировал в списке якобы намеченных жертв.

Опять, как и на предыдущем процессе, были упомянуты имена важных участников заговора, которые в дальнейшем так и не появились. Когда, например, было названо имя старого большевика Белобородова, подписавшего в свое время постановление Уральского Совета о расстреле царской семьи, то возникли вопросы, которые трудно было решить. Вышинский спросил: «Итак, придется спросить самого Белобородова?»[136]. Но Белобородов так и не появился, ни тогда, ни позже. То же самое относится к Смилге, Преображенскому, Угланову и другим видным

фигурам, связи с которыми, после единичных упоминаний, были опущены без объяснений.

Есть свидетельство о том, как по тюремному коридору надзиратели тащили человека, кричавшего: «я Белобородов, сообщите в Центральный Комитет, что меня пытают!»[137].

В дополнение, конечно, были фактические ошибки — особенно визит Пятакова в Осло. И тем не менее в судебном отчете, опубликованном под эгидой англо-советского парламентского комитета, московский корреспондент газеты «Дейли Геральд» Р. Т. Миллер объявил, что «они признались потому, что их заставили свидетельства, собранные против них государством. Никакое другое объяснение не соответствует фактам». А член парламента, лейборист Нейл Маклин, председатель вышеупомянутого комитета, писал в предисловии: «Практически каждый иностранный корреспондент, присутствовавший на процессе — за исключением, конечно, японских и немецких — отмечал большое впечатление, произведенное весомостью свидетельств, собранных обвинением, и искренностью признаний обвиняемых». Это заявление представляет собой любопытный способ клеветы на тех корреспондентов, кто думал иначе. Они были тем самым поставлены на одну доску с меньшинством отъявленных фашистов и исключены из числа порядочных людей (отнюдь не первый и не единственный случай применения этого метода полемики). Еще во время процесса «Правда» опубликовала длинную статью о том, как английский юрист Дадли Коллард на страницах газеты «Дейли Геральд» назвал процесс юридически безупречным[138].

Накануне, 28 января 1937 года, «Правда» напечатала еще более приятное известие: информацию о том, что Ежову присвоено новое звание Генерального комиссара государственной безопасности. Тут же красовался идеализированный портрет Ежова. Пресса и «прямодушная советская общественность» наращивала очередную кампанию

ненависти. Когда был объявлен приговор, двухсоттысячная толпа была собрана на Красной площади при температуре в 27° мороза, чтобы выслушать речи Хрущева и Шверника и провести «стихийную» демонстрацию против осужденных[139]. Демонстранты несли плакаты, требовавшие немедленного приведения приговоров в исполнение — с этим требованием власти с готовностью «согласились».

ПАРАЛИЧ СЕРДЦА

И снова казни потрясли высшие партийные круги. На сей раз Сталин встретился с угрозой твердого сопротивления со стороны Серго Орджоникидзе — человека, от которого не так легко было отмахнуться. Серго надули. Он лично участвовал в переговорах перед началом дела Пятакова, он знал, что все было подстроено и имел сталинскую гарантию, что Пятакова не казнят. Он увидел в этом фатальный прецедент. Стало ясно, что теперь Орджоникидзе начнет борьбу против террора любыми средствами, имевшимися в его распоряжении.

Один очевидец описывает поведение Орджоникидзе, когда тот узнал об аресте руководителя одного из крупных трестов, подчиненных ему как народному комиссару. Он позвонил Ежову, назвал его по телефону грязным подхалимом и потребовал немедленного представления документов по делу. Он затем позвонил Сталину по прямому проводу. Разговаривая, Орджоникидзе дрожал и глаза его были налиты кровью. Он кричал: «Коба, почему ты позволяешь НКВД арестовывать моих людей без моего ведома?». После короткого ответа Сталина он прервал его: «Я требую, чтобы этот произвол прекратился! Я пока еще член Политбюро! Я все вверх дном переверну, Коба, даже если это последним будет моим действием на земле!»[140].

Как всегда, Сталин не был захвачен врасплох. Обычно думают, что расхождения между Сталиным и Орджони-

кидзе возникли в ходе дела Пятакова. Сталин, дескать, хотел освободиться от Пятакова, Орджоникидзе возражал, отсюда пошли все неприятности. Но равным образом возможно, что Сталин рассчитал уничтожение Пятакова как удар по Орджоникидзе и что уничтожение Орджоникидзе было не просто побочным продуктом дела Пятакова, а планировалось с самого начала. (Как мы уже отмечали, на процессе об этом было сделано что-то вроде политического сигнала: Муралов, признаваясь в организации покушений на жизнь Молотова и других, твердо отрицал подобные планы против Орджоникидзе [141] и подвергся за это нападкам в обвинительной речи Вышинского). Примерно в то же самое время старший брат Орджоникидзе, Папулия, был «после истязаний расстрелян» [142]. С Папулией был расстрелян его ближайший сотрудник Мирзабекян (см. «Коммунист» (Армения), 26 июля 1965), занимавший правительственный пост в Грузии до 1937 года. На XXII съезде партии Хрущев подтвердил, что брат Серго был арестован и расстрелян еще при жизни Орджоникидзе [143]. Таким образом, Сталин, по-видимому, готовился ударить по своему старому соратнику, но не раскрывал своих карт почти до самого последнего момента.

Между тем оперативники НКВД в Закавказье активно работали, «понуждая арестованных давать ложные показания на С. Орджоникидзе» [144]. Это было бы бессмысленно после смерти Орджоникидзе и потому показывает, что Сталин готовил досье против старого друга.

Известно также, что многие близкие сотрудники Орджоникидзе исчезли перед его смертью и после нее, что также неплохо указывает на настроение Сталина. Среди них был, например, племянник Орджоникидзе Гвахария, возглавлявший Макеевский металлургический завод.

Потом последовали удары по руководителям советской тяжелой индустрии — Рухимовичу, Гуревичу (виднейшему руководителю металлургии), Точинскому и многим другим. Исчезли крупнейшие директора, руководители промышлен-

ности, люди, которые под руководством Пятакова обеспечили единственное реальное достижение Сталина — тяжелую промышленность[145].

Самого Орджоникидзе начали все сильнее и сильнее изводить. Сотрудники НКВД «с обыском незадолго до того приходили и на квартиру Орджоникидзе. Оскорбленный, разъяренный Серго весь остаток ночи звонил Сталину. Под утро дозвонился и услышал ответ: «Это такой орган, что и у меня может сделать обыск. Ничего особенного...»[146].

17 февраля Орджоникидзе имел разговор со Сталиным, длившийся несколько часов. В этом разговоре он по-видимому сделал «последнюю попытку объяснить Сталину, другу многих лет, что на болезненной, пронесенной через всю жизнь подозрительности сейчас играют самые темные силы, что из партии вырывают ее лучших людей»[147]. До тех пор «люди», которых «вырывали» из партии, были практически оппозиционерами или участниками оппозиций в прошлом. Данная формулировка очень подходит к Пятакову и, возможно, — в качестве предвидения — к Бухарину и Рыкову. А понятие «темные силы» несомненно относилось к Ежову, но может быть и к Кагановичу и другим.

После этого Орджоникидзе работал у себя в наркомате до двух часов ночи, а на рассвете 18 числа, придя домой, имел еще один, столь же бесплодный разговор со Сталиным по телефону. В 5.30 вечера того же дня он был мертв.

Его жена Зинаида Гавриловна позвонила Сталину, который тотчас явился. Он «ни о чем не спросил, только высказал удивление: "Смотри, какая каверзная болезнь! Человек лег отдохнуть, а у него приступ, сердце разрывается"»[148].

19 февраля 1937 года было опубликовано следующее официальное медицинское заключение:

«Тов. Орджоникидзе Г. К. страдал артериосклерозом с тяжелыми склеротическими изменениями сердечной мышцы и сосудов сердца, а также хроническим поражением

правой почки, единственной после удаления в 1929 году туберкулезной левой почки.

На протяжении последних двух лет у тов. Орджоникидзе наблюдались от времени до времени приступы стенокардии (грудной жабы) и сердечной астмы. Последний припадок, протекавший очень тяжело, произошел в начале ноября 1936 года.

С утра 18 февраля никаких жалоб тов. Орджоникидзе не заявлял, а в 17 часов 30 минут, внезапно, во время дневного отдыха почувствовал себя плохо, и через несколько минут наступила смерть от паралича сердца.

Народный комиссар здравоохранения СССР
Г. Каминский
Начальник лечебно-санитарного управления Кремля
И. Ходоровский
Консультант лечебно-санитарного управления Кремля
доктор медицинских наук Л. Левин
Дежурный врач Кремлевской амбулатории
С. Мерц»[149].

Из числа четверых, подписавших это заключение, Каминский (который подписал «очень неохотно»[150]) был расстрелян в том же году, Ходоровский был упомянут в качестве одного из заговорщиков в процессе Бухарина, а Левин был одним из обвиняемых на этом самом процессе и тоже расстрелян. Неизвестна лишь судьба менее заметной фигуры — доктора Метца.

Любопытно, что ни врачи, ни кто-либо другой никогда не обвинялись в намеренном убийстве Орджоникидзе. Правда, на его похоронах через три дня после смерти Хрущев говорил так:

«Это они своей изменой, своим предательством, шпионажем, вредительством нанесли удар твоему благородному сердцу. Пятаков — шпион, вредитель, враг трудового народа, гнусный троцкист — пойман с поличным, пойман и осужден, раздавлен, как гад, рабочим классом, но это его контрреволюционная работа ускорила смерть нашего доро-

гого Серго»[151]. Но прямых обвинений не было. В издании 1939 года Большой Советской Энциклопедии Орджоникидзе назван «верным учеником и ближайшим соратником великих вождей коммунизма Ленина и Сталина», и статья о нем говорит, что он умер на своем посту как боец ленинско-сталинской партии. Далее добавляется, что «троцкистско-бухаринские выродки фашизма ненавидели Орджоникидзе лютой ненавистью. Они хотели убить Орджоникидзе. Это не удалось фашистским агентам. Но вредительская работа, чудовищное предательство презренных право-троцкистских наймитов японско-германского фашизма во многом ускорили смерть Орджоникидзе»[152].

И тем не менее обвинение в убийстве Орджоникидзе не предъявлялось никому. Это показывает любопытную сдержанность Сталина (хотя, конечно, он мог держать это обвинение про запас для одного из после-бухаринских процессов, которые так и не состоялись, по крайней мере публично).

Теперь уже не осталось сомнений, что смерть Орджоникидзе была делом рук Сталина. Подробности до сих пор остаются неясными; но то, как была подорвана первоначальная официальная версия — сперва в воспоминаниях невозвращенцев, а затем и в самом Советском Союзе, представляет интерес, ибо хорошо подтверждает надежность свидетельств тех людей, которые выезжают из СССР, чтобы не вернуться.

Слухи об обстоятельствах смерти Орджоникидзе стали просачиваться из СССР довольно скоро. Они отличались многими деталями. Одни гласили, что Орджоникидзе принудили к самоубийству под угрозой немедленного ареста в качестве троцкиста, другие — что его застрелили или отравили, причем эта операция была проведена секретарем Сталина Поскребышевым[153]. Например, высокопоставленный советский хозяйственник Виктор Кравченко писал (за 10 лет до XX съезда КПСС!), что после смерти Орджоникидзе одни говорили о самоубийстве, а другие — что он

был отравлен доктором Левиным[154]. Но никто, по словам Кравченко, не сомневался, что он умер насильственной смертью, а не естественной.

В докладе на XXII съезде партии, в 1961 году, Хрущев объявил, что в свое время верил, будто Орджоникидзе умер от сердечного припадка и только «значительно позднее, уже после войны, я совершенно случайно узнал, что он покончил жизнь самоубийством»[155].

С другой стороны, мы недавно узнали из советских источников, что версия о самоубийстве имела широкое хождение в партии. Так, газета «Бакинский рабочий» поведала следующую историю. «Работник бакинского Горсовета» Амирджанов (человек явно не очень высокопоставленный) был репрессирован в 1937 году за то, что, когда «некоторая часть партийного актива» узнала о самоубийстве Орджоникидзе, рассказал об этом «в тесном кругу товарищей»[156]. Есть сведения, что в казанской тюрьме слухи о самоубийстве Орджоникидзе циркулировали уже в апреле 1937 года[157]. Теперь стало известно и то, что А. М. Назаретян, который «один из первых узнал о подлинной причине гибели Орджоникидзе», был арестован в июне 1937 года, т.к. уже знал об этом в то время[158]. Достоверно известно, что об этом говорили в то время и среди работников НКВД[159].

Версия о естественной смерти Серго Орджоникидзе оставалась в Советском Союзе официально в силе до февраля 1956 года, когда Хрущев заявил:

«Берия также жестоко расправился с семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе пытался помешать Берия осуществить его гнусные планы. Берия убирал со своего пути всех, кто мог бы ему помешать. Орджоникидзе всегда был противником Берия и говорил об этом Сталину. Но вместо того, чтобы разобраться в этом вопросе и принять соответствующие меры, Сталин допустил ликвидацию брата Орджоникидзе и довел самого Орджоникидзе до такого состояния, что он вынужден был застрелиться»[160].

Эти слова вводят в заблуждение. Хрущев представил смерть Орджоникидзе только как результат неудачной попытки остановить Берию, вследствие чего Сталин обратился против Серго. Но Берия в это время работал на Кавказе и хотя он был определенно влиятелен, но играл очень малую роль в больших государственных делах на уровне Политбюро в Москве. Интересный пункт хрущевской версии 1956 года в другом — в словах «вынужден был застрелиться».

Действительно, сам Хрущев, когда он впервые коснулся этого вопроса в открытой, не секретной речи, обошел молчанием роль Берия, поскольку к 1961 году уже не было необходимости его вспоминать. На XXII съезде он просто сказал:

«Товарищ Орджоникидзе видел, что он не может дальше работать со Сталиным, хотя раньше был одним из ближайших его друзей... Обстановка сложилась так, что Орджоникидзе не мог уже дальше нормально работать и, чтобы не сталкиваться со Сталиным, не разделять ответственности за его злоупотребления властью, решил покончить жизнь самоубийством»[161].

С тех пор эта версия не была отменена или отвергнута. Тем не менее стоит рассмотреть и другие возможности. Теперь, когда естественная смерть Орджоникидзе исключается, остаются фактически три варианта: самоубийство от отчаяния — как добровольный акт; прямое убийство; и самоубийство в результате угрозы худшими последствиями со стороны Сталина. Хрущев намекает на первый вариант. Но разумно предположить, что он просто предлагает наименее тяжелую версию навязанного самоубийства — так же как в изложении обстоятельств убийства Кирова Хрущев не смог дойти до прямого обвинения Сталина в убийстве.

Близкий друг вдовы Орджоникидзе сообщил автору этой книги, что вдова считала убийство делом рук специально подосланных лиц, ибо видела каких-то людей,

бегущих через лужайку в направлении от их дома как раз в то время, когда Орджоникидзе был найден мертвым. Уже упоминавшийся партийный работник с Кавказа Авторханов в дни смерти Орджоникидзе находился в Москве. Он утверждает, что Сталин послал нескольких сотрудников НКВД к Орджоникидзе, чтобы предложить ему на выбор арест или самоубийство и вручить револьвер. Был наготове и доктор, чтобы удостоверить сердечный приступ[162].

Это свидетельство подтверждается еще и тем, что против Орджоникидзе был собран к тому времени солидный материал. Разумеется, нет гарантии, что фатальный выстрел Орджоникидзе сделал сам. Действительно, не было никакой необходимости заставлять его самого стреляться, когда кругом были сотрудники НКВД, способные легко сделать это за него. И, хотя ряд свидетельств говорит именно о смерти от пули, имеющиеся варианты с отравлением ничуть не менее правдоподобны. Их преимущество в том, что после отравления доктору было бы легче выдать свидетельство о смерти от сердечного заболевания, а семье было легче примириться с таким свидетельством. Когда потребовалось, например, освободиться от начальника иностранного отдела НКВД Слуцкого, то ему 17 февраля 1938 года в кабинете замнаркома Фриновского просто дали выпить цианистого калия, а смерть констатировали как наступившую от сердечного приступа[163].

Если все-таки Орджоникидзе покончил с собою, то слухи об участии в деле Поскребышева выглядят довольно достоверными. Вряд ли можно было ожидать, что Орджоникидзе примет политический ультиматум или покончит с собой, если бы угроза исходила от простого офицера НКВД; разумна поэтому версия о присутствии личного представителя Сталина. Конечно, личная охрана Орджоникидзе из числа работников НКВД получила своевременно соответствующий приказ.

Что касается участия других лиц, то интересно отметить,

как часто в 1953-56 годах, во время процесса над Берией, а после его казни над другими работниками карательных органов, упоминались преследование и нападки на Орджоникидзе. Имея в виду широкий выбор преступлений, какие можно было инкриминировать этим людям, настойчивость в обвинениях по поводу Орджоникидзе поистине знаменательна. Стоит напомнить, что суд над Багировым, одним из близких политических сотрудников Берии (который тоже был обвинен в преследовании Орджоникидзе) имел место через два года после падения Берии, но всего лишь через несколько недель после столкновения на XX съезде КПСС Хрущева с Кагановичем и другими по поводу отречения от Сталина и его дел. Следовательно, есть по меньшей мере основания полагать, что, поднимая вопрос о смерти Орджоникидзе, новое руководство партии могло иметь в виду конкретную политическую цель. Например, компрометацию тех, кто был приближенным Сталина в 1937 году и оставался еще у руководства в 1956 — Поскребышева, Кагановича, Маленкова и других.

Есть один очевидный довод в пользу теории о самоубийстве. Если врачи или кто-то один из них видели тело, и им сказали, что произошло самоубийство, то легко понять, что их можно было заставить замять скандал в интересах партии и государства. Во всяком случае, Каминский в оставшиеся ему месяцы жизни проявил себя смелым критиком террора; возможно, что его прямая связь с делом Орджоникидзе привела к решению Каминского противостоять дальнейшим убийствам. Будучи кандидатом в члены ЦК и зная о самоубийстве, Каминский, на своем политическом уровне, мог догадываться, что за этим скрывалось, и молчать. Но если бы перед ним было очевидное убийство, он вполне возможно стал бы действовать более решительно.

Другой довод убедительно говорит о том, что самоубийство Орджоникидзе могло быть только принудительным, только навязанным ему со стороны. Если бы Серго

Орджоникидзе чувствовал лишь невозможность — по словам «Известий» — «разделять ответственность», если бы он не хотел «подличать», играя роль соучастника в сталинских преступных планах, то вряд ли права газета, когда пишет, будто единственное, что ему оставалось, — это уйти [164]. Дело обстояло как раз наоборот. Предстоял пленум Центрального Комитета партии. К 20 февраля три украинских члена Политбюро (все трое «умеренные») съехались в Москву [165], и Политбюро, вероятно уже заседало. Когда 23 февраля открылся пленум, была сделана согласованная попытка остановить террор. Естественной (и вот уж воистину единственной) перспективой для Орджоникидзе было броситься в борьбу на пленуме. Самоубийство в такой момент было совершенно бессмысленным. Зато со сталинской точки зрения все выглядело наоборот. Оппозиция на пленуме во главе с гневным Орджоникидзе была бы гораздо более трудным противником для Сталина, чем без него. Самоубийство было бессмысленным — но убийство или навязанное самоубийство представляется неумолимо логичным вариантом.

Еще на процессе Зиновьева-Каменева Вышинский любопытно описал смерть секретаря Зиновьева — Богдана. Этого человека якобы принудили к самоубийству, поставив ему простое условие: убей себя или мы тебя убьем. Вышинский назвал такое самоубийство «фактическим убийством» [166]. В этом смысле, даже если мы примем версию о навязанном самоубийстве, можно в любом случае говорить об убийстве Орджоникидзе.

19-го февраля 1937 г. были опубликованы первые фотоснимки покойного Орджоникидзе [167]. Вокруг тела стояли его вдова и сталинская политическая клика — сам Сталин, Ежов, Молотов, Жданов, Каганович, Микоян и Ворошилов. Все они выглядели подавленными товарищеским горем.

В тот же день было опубликовано извещение Центрального Комитета партии, в котором Орджоникидзе назван «безупречно чистым и стойким партийцем, большевi-

ком»[168]. И в последующие годы Орджоникидзе оставался в почете у Сталина — так же, как оставался Киров. Но через пять лет, в 1942 году, появился любопытный признак предубеждения диктатора против имени Орджоникидзе. Города, в свое время переименованные в его честь, были после немецкой оккупации без шума переименованы вторично: Орджоникидзеград (в прошлом Бежица), Орджоникидзе (в прошлом Енакиево) и Серго (в прошлом Кидиевка) получили свои прежние наименования, а город Орджоникидзе на Кавказе, в прошлом Владикавказ, получил новое осетинское название Дзауджикау. По сталинским неписанным правилам такое действие непременно означало потерю расположения вождя. (Так, впрочем, оставалось и дальше, при наследниках Сталина, когда город Молотов вновь стал Пермью и т.д.) Однако никакого дальнейшего публичного развенчания Орджоникидзе не последовало.

Через пять дней после смерти Орджоникидзе собрался пленум Центрального Комитета партии. Произошло последнее столкновение противоборствующих сил, и отсутствие Орджоникидзе очень больно ощущалось теми, кто намеревался приостановить террор.

ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКИЙ ПОЕДИНОК

«Лившиц признал себя виновным и его приговорили к расстрелу. Позже стало известно, что перед расстрелом он крикнул: «За что?»[169]. Об этом шептались в высших кругах партии. Член Центрального Комитета командарм Якир, услышав это, сказал в частной беседе, что он «не мог свести концы с концом: где же правда, а где клевета и провокация?»[170]. Эти слова командарма, как видно, отражали настроение большинства членов ЦК, когда 23 февраля открылся «февральско-мартовский пленум».

Атмосфера была исключительно напряженной. Более

умеренные члены сталинского руководства собирались предпринять последнюю отчаянную попытку приостановить террор. С другой стороны, Сталин был решительно намерен прекратить колебания и сомнения, которые столь долго его задерживали и вынуждали топтаться на месте. Борьба на пленуме — еще один пример того, как упорные слухи, через десятилетия официального молчания, были более или менее подтверждены Хрущевым в 1956 и 1961 годах.

Пленум, разумеется, вели люди Сталина: официальными докладчиками были Ежов, Жданов, Молотов и сам Сталин. Формально говоря, они выступали на разные темы — Ежов говорил об органах государственной безопасности, Жданов — о партийных вопросах, Молотов выступил с экономическим докладом, а Сталин с политическим. Однако на практике все доклады вращались вокруг темы террора, от ежовского об «уроках, вытекающих из вредительской деятельности, диверсий и шпионажа японско-германско-троцкистских агентов», ждановского о неправильных методах исключения из партии, молотовского «о вредительстве и диверсиях», до сталинского «О недостатках партийной работы и методах ликвидации троцкистских и иных двурушников». (Много лет спустя, Сатюков на XXII съезде КПСС в 1961 году, скажет, что доклады Сталина и Молотова послужили «теоретическим обоснованием массовых репрессий»)[171].

По сути дела, за повесткой дня скрывался лишь один вопрос — исключение из партии и арест Бухарина и Рыкова.

Сведения о том, что происходило на пленуме, просочились различными путями. Тут и официальные высказывания — речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда, и выступление Сатюкова на XXII съезде партии; тут и рассказы видных партийцев и, в частности, бывшего секретаря Центрального Исполнительного Комитета Украины А. Буценко, который в свое время был приговорен к 25 годам лишения свободы в связи с делом «украинской национал-

фашистской организации» и в 1940 году рассказывал интереснейшие подробности о пленуме своим товарищам-заключенным по воркутинским лагерям[172]; и даже те скудные сведения, которые публиковались по ходу и после пленума. Все вместе помогает составить достаточно четкое представление об отчаянных маневрах на этом закрытом пленуме.

Многие члены Центрального Комитета по-видимому сговорились сопротивляться попыткам судить Бухарина. Они собирались испытать преувеличенную, по их мнению, власть НКВД. Дебаты должен был начать Постышев.

На протяжении последних недель перед пленумом, начиная с января, на Постышева шли косвенные нападки. 1 февраля его ближайший сторонник Карпов был объявлен «врагом партии, гнусным троцкистом»[173]. В последующие дни было объявлено об исключении около шестидесяти старых ставленников Постышева из киевской парторганизации. Этих меньших по масштабу людей исключить было легче. У них не было подпольного прошлого и даже если их послужные списки в сталинское время выглядели хорошо, то это не было настолько известно в партии, чтобы обвинения против них выглядели неправдоподобными. А замахиваясь на людей типа Карпова, Сталин подрывал позиции Постышева без прямого нападения на него самого. В то же время, обвиняя в троцкизме второразрядных и третьеразрядных сталинцев из окружения тех крупных работников, которых он хотел удалить, Сталин устанавливал прецеденты. Когда сопротивление террору ослабело, эти прецеденты окончательно развязали Сталину руки в расправах даже с самыми высокопоставленными работниками, невзирая на их безупречное прошлое.

8 февраля 1937 года «Правда» выступила с суровыми нападками на ошибки, обнаруженные в Киеве, в Азово-Черноморской и Курской областях. На следующий день, 9 февраля, та же «Правда» «разоблачила» «подхалимскую шумиху в обкомах Киева и Ростова». Прицел на Киев был достаточно очевиден. (К этому можно добавить, что секре-

тарь Азово-Черноморского обкома Малинов и зав. орг. отделом того же обкома вскоре были объявлены троцкистскими заговорщиками)[174].

Эти нападки, однако, не усмирили Постышева, и он готов был пойти на пленуме против течения. Намерения низложить Сталина не было — сопротивляющиеся намеревались лишь несколько его ограничить, добиться удаления Ежова и прекращения террора.

О плане сопротивления на пленуме Сталин узнал заранее. Выступив первым, он предвосхитил и отверг доводы, которые должны были прозвучать против него. Он призвал к единству и к сознанию ответственности в коммунистическом руководстве.

Потом на трибуну поднялся Постышев. Своим сухим, хриплым и неприятным голосом он начал читать текст выступления. После осторожного предисловия заговорил об эксцессах террора: «Я размышлял: суровые годы борьбы прошли, члены партии, отошедшие от основной партийной линии и примкнувшие к стану врагов — разбиты; за партию боролись здоровые элементы. Это были годы индустриализации, коллективизации. Я никогда не считал возможным, чтобы после такой суровой эпохи могло случиться, чтобы Карпов и ему подобные люди очутились в стане врагов. А теперь, согласно свидетельствам выходит, что Карпов был завербован в 1934 году троцкистами»[175].

Постышев подошел теперь вплотную к обвинениям против Рыкова и Бухарина и собирался, видимо, начать говорить об этом, когда Сталин, слушавший речь без всяких видимых эмоций, громко прервал оратора, тем самым дав понять всем присутствующим, что ему было известно дальнейшее содержание речи.

Это и был, вероятно, тот обмен репликами между Сталиным и Постышевым, о котором говорил на XX съезде партии Хрущев. По словам Хрущева:

«Сталин высказал свое недовольство Постышевым и задал ему вопрос: "Кто ты, собственно говоря?". Постышев

ответил твердо: «Я — большевик, товарищ Сталин, большевик». Такой ответ сначала рассматривался как признак неуважения к Сталину, позже, как вредительский акт, и в конце концов это привело к тому, что Постышев был ликвидирован и без всяких оснований заклеймен, как «враг народа»[176].

В лагерях на Воркуте упорно говорили, что после реплики Сталина (какова бы она ни была) Постышев запнулся, отошел от текста речи, стал объяснять сомнения, ощущавшиеся им и его сторонниками, и сказал, что после того, как он выслушал сталинский анализ, он берет свои сомнения обратно и надеется, что все остальные сделают то же самое.

Большинство последующих ораторов так и сделали, но говорят, что Рудзутак, Чубарь, Эйхе и некоторые военачальники своих сомнений обратно не взяли. Они утверждали, что их сомнения не были признаком измены или слабости, а только заботы о советском государстве. Чубарь, как передавали, был особенно убедителен. Народный комиссар здравоохранения Каминский, хотя он был только кандидатом в члены ЦК, тоже по всем сведениям говорил особенно эффективно и твердо. Он предъявлял полное, хотя и спокойное обвинение Ежову и осудил его методы[177].

Но солидарность протестующих была нарушена. Между тем единственный шанс на успех состоял в том, чтобы выступать единым фронтом, привлекая на свою сторону сочувствующее, но робкое большинство. А на деле солидарность проявила только сталинская клика — Жданов, Ежов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян и особенно Хрущев и Шверник.

Сталин сидел в президиуме с безразличным видом, покуривая свою трубку и делая заметки. Под конец заседания он выступил в мягком тоне, поблагодарив всех за конструктивную критику, но указав на необходимость солидарности и твердости против троцкистских заговорщиков.

26 февраля с докладом по организационным вопросам выступал Жданов. Прения по этому докладу шли 27 февраля. В докладе Жданов использовал удобный случай и обрушился с острой критикой на «неправильное руководство» в Киеве, где во главе партийной организации стоял Постышев. Жданов критиковал Азово-Черноморский крайком, Киевский обком и ЦК КП[б]У за «факты вопиющей запущенности партийно-политической работы», «выражающиеся в грубых нарушениях устава партии и принципов демократического централизма». Главным пунктом обвинения было то, что киевская и другие организации кооптировали людей в те или иные органы, а не выбирали их, и это, дескать, было очень недемократично[178].

Тем временем готовилась развязка в деле Бухарина и Рыкова. Они, конечно, присутствовали на пленуме как еще не исключенные кандидаты в ЦК. Когда формально был предложен их арест, разыгралась бурная сцена. Под охраной ввели Сокольникова и Радека, которые стали возводить на Бухарина и Рыкова обвинения[179]. Но ни Бухарин, ни Рыков не сдались и, опровергая их свидетельства, горячо отстаивали свою невиновность. Как писалось в то время, «они не стали на путь раскаяния»[180]. Вскоре на процессе Бухарина Икрамов покажет, «сколько дней мы отрицали, сколько раз мои «руководители» отрицали это на Пленуме ЦК»[181].

Как передавали, Бухарин произнес сильную и эмоциональную речь. Он сказал, что заговор действительно существует, но это заговор Сталина и Ежова, направленный на установление режима НКВД под беспредельной личной властью Сталина[182]. Со слезами в голосе Бухарин обратился к Центральному Комитету, призывая принять правильное решение. Сталин прервал Бухарина, объявив что его поведение недостойно революционера и что свою невиновность он может доказать в тюрьме[183].

Голосование, проведенное под наблюдением Сталина и Ежова, с охранниками НКВД, ожидавшими за дверью,

было чистой формальностью. Бухарин и Рыков были арестованы на месте и брошены в Лубянку.

Это случилось 27 февраля. Пленум продолжался.

По докладу Ежова была принята резолюция, повторявшая сталинскую формулу о том, что НКВД под руководством Ягоды не проявлял себя должным образом четыре года назад — то есть по делу Рютина:

«Пленум ЦК ВКП[б] считает, что факты, собранные в результате расследования дел антисоветского троцкистского центра и его сторонников в провинции, показывают, что Народный комиссариат внутренних дел отстал по крайней мере на четыре года в своей деятельности по разоблачению этих наиболее непримиримых врагов народа[184].

Сталин резко критиковал Ягоду[185]. Возможно, что именно на этом этапе пленума Ягода повернулся к аплодирующим участникам и проворчал известные слова о том, что шестью месяцами раньше он мог бы арестовать их всех.

Наступила очередь Молотова.

«Зло высмеивая тех, кто пытался предостеречь Сталина и Молотова от искусственного создания всевозможных заговоров, вредительских и шпионских центров, Молотов призывал партию «громить врагов народа», якобы прикрывающихся партийными билетами»[186]. Он объявил, что «особая опасность теперешних диверсионно-вредительских организаций заключается в том, что эти вредители, диверсанты и шпионы прикидываются коммунистами, горячими сторонниками советской власти»[187].

3 марта Сталин сделал свой доклад, озаглавленный «О недостатках партийной работы и методах ликвидации троцкистских и иных двурушников», а 5 марта пленум закончился его коротким заключительным словом. Эти два выступления Сталина были напечатаны в «Правде» 29 марта и 1 апреля 1937 года. Есть основания предполагать, что многое из сказанного Сталиным на пленуме было в публикации выпущено. Мимоходом отмечу, что через несколько месяцев этот официальный текст двух сталинских высту-

плений был опубликован на английском языке в книге, содержащей также слегка сокращенную стенограмму процесса над Пятаковым и другими. Председатель англо-советского парламентского комитета, член британского парламента Нейл Маклин, в своем предисловии к книге писал: «Эти речи, произнесенные в простом и ясном стиле, которым так славится г-н Сталин, представляют собой интересное изложение подоплеки процесса и вместе с тем комментарий к нему...».

Вот уж что верно, то верно! В своем докладе Сталин развил теоретическое обоснование террора. Цитируя письма ЦК от 18 января 1935 и 29 июля 1936 годов, Сталин выдвинул тезис (отвергнутый в хрущевский период) о том, что по мере укрепления основ социализма классовая борьба обостряется.

Сталин указал на то, что малочисленность контрреволюционеров не должна успокаивать партию: «Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуется тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни»[188].

Однако центральной темой доклада Сталина была критика тех руководителей, у которых «притупилась бдительность»:

«Некоторые наши руководящие товарищи как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты»[189].

Сталин добавил, что «ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был...». «Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что

из политического течения в рабочем классе, каким он был семь или восемь лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств»[190].

Сталин сделал затем зловещее предложение, которое, как выяснилось позже, верно отражало его дальнейшие планы:

«Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями»[191].

В заключительном слове Сталин лишь кратко коснулся своих старых, ныне раздавленных соперников:

«Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т.д. Теперь, я думаю, ясно всем, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений»[192].

Остальная часть заключительного слова Сталина была посвящена другому — нападкам на следующую группу его жертв. Формально речь шла о неправильном поведении, о необоснованных исключениях из партии, допущенных руководящими партийными работниками, все еще занимавшими высокие посты. Сталин сперва объявил:

«Мы, руководители, не должны зазнаваться, но должны думать, что если мы являемся членами ЦК или наркомами, то это еще не значит, что мы обладаем всеми необходи-

мыми знаниями для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание — тем более»[193].

После этого Сталин перешел к злополучному делу Николаенко в Киеве:

«Николаенко это рядовой член партии. Она — обыкновенный "маленький человек„. Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП[б]У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была неправа. Ни больше, ни меньше»[194].

Сталин затем многозначительно коснулся «бездушно-бюрократического отношения некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии». Он сказал, что «так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные»[195].

Побежденное большинство участников пленума разъехалось по своим организациям, и у них в ушах звучали эти зловещие слова. Худшее для этих людей было впереди.

13 марта «Правда» напечатала на видном месте специальную статью, посвященную антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова. Адресованная более молодому поколению, которое могло и не помнить этих прежних «преступлений», статья говорила о «гнусной» антипартийной деятельности также и Томского. Все трое — Бухарин, Рыков и Томский — определенно обвинялись в преступных связях с троцкистами. Автором статьи был Петр

Поспелов — в 1968 году, когда писались эти строки, академик и член ЦК.

По забавной иронии судьбы именно Поспелову досталось сказать на Совещании историков в 1962 г., «что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были» (см. «Совещание историков», стр. 298).

Одним из первых шагов после победы сталинцев на пленуме было освобождение Постышева 17 марта с поста второго секретаря ЦК партии Украины[196]. Его понизили до первого секретаря Куйбышевского обкома партии. Там он вынужден был работать почти год под огнем постоянной критики, но все еще сохраняя свое звание кандидата в члены Политбюро, покуда его не «освободили», по выражению сообщения в «Правде», от этого звания в январе 1938 года. В информационном сообщении о пленуме ЦК 1938 года Куйбышевская область, в которой Постышев, очевидно, должен был исправить свои ошибки, названа в числе тех, где, по мнению Центрального Комитета, чистка производилась неудовлетворительно[197].

Удаление Постышева из Киева сопровождалось резолюцией ЦК КП[б] Украины о том, что в результате его руководства и его «небольшевистского стиля работы», выражавшегося в зажиме критики и самокритики и формировании клики приближенных, враги партии смогли проникать в ряды организации и иногда преследовать честных коммунистов[198].

В последующие месяцы обвинения против Постышева все нарастали. На Украинском партийном съезде в мае на него напал Косиор. По словам Косиора, троцкисты в Киеве сумели проникнуть на руководящие посты. Другие ораторы на съезде поносили тех, кто дал дорогу «врагам» в Киеве. На съезде выступала и восстановленная в партии Николаенко. Она самодовольно объявила, что в течение нескольких лет на Украине царила самоуспокоенность и во всем был виден культ личности: «Обстановка, ничего общего не имеющая с большевизмом, достигла своего

апогея, когда киевской организацией руководил тов. Постышев. «Указания Постышева», «Призывы Постышева», «Детсады Постышева», «Подарки Постышева» и т.д. Все начиналось и кончалось Постышевым»[200]. Как сказала Николаенко, Постышев был «отравлен успехом из-за того, что наша печать поднимала шум вокруг его имени»[201].

Поражение Постышева и понижение его в должности было лишь началом. В последующие несколько лет подавляющее большинство, семьдесят процентов состава ЦК[202] — в том числе все те, кто в 1937 году сделали последнюю неловкую попытку воспротивиться террору, — последовали за Бухариным и Рыковым в камеры смертников.

Ибо теперь Сталин выиграл политический бой. У него появилась наконец полная возможность уничтожить старых участников оппозиции. В то же время, как видно по его действиям против Постышева, Сталин сделал первые шаги к подрыву и уничтожению той группы своих собственных сторонников, которая попыталась удержать его от развязывания террора.

Но главная перемена заключалась в том, что потерпела поражение последняя попытка сохранить в стране хоть какое-то подобие конституционной процедуры. В будущем Сталину уже не нужно было ограничивать себя какими-либо соображениями формального порядка. Бухарин и Рыков были последними членами ЦК, чье исключение и арест были, в соответствии с уставом партии, проведены решением пленума.

В последующие шесть месяцев положение радикально изменилось. Еще осенью 1936 года Сталину нужно было спорить и оказывать давление, чтобы добиться ареста и предания суду даже его потенциальных соперников. Теперь он мог отдать приказ об аресте любого из его ближайших сотрудников без чьего-либо ведома. Он мог наносить удары куда хотел, и жаловаться на него было некому. И переломным моментом, пунктом превращения деспотизма

в абсолютную террористическую диктатуру Сталина, можно считать февральско-мартовский пленум 1937 года.

Тем не менее, Сталину предстояло предпринять кое-какие шаги, чтобы обеспечить необратимость победы. Деморализованное и побежденное большинство в Центральном Комитете, виновное в самом тяжелом из всех преступлений — безуспешной нелояльности, предстояло стереть с лица земли. Далее, террор затронул пока только определенную часть советского народа, в толще которого следовало выжечь каленым железом политическую недисциплинированность. Оставалась еще армия. По всем признакам армия была послушна, но такое впечатление нередко подводило тиранов прошлого, и Сталин намеревался как можно скорее застраховать себя от подобной ошибки.

Но прежде всего нужно было отладить машину террора. Прежний НКВД времен Ягоды был технически эффективен, но в определенном смысле ему не хватало подлинно сталинского духа. Так или иначе, новый хозяин НКВД не мог доверять людям своего предшественника.

В марте 1937 года Ежов командировал заведующих отделами НКВД в разные концы страны для проведения широкой инспекции на местах. Не были посланы лишь начальник иностранного отдела Слуцкий и — пока что — Паукер. Остальные, выехав в командировки, были арестованы на первых же станциях от Москвы, каждый на своем направлении, и привезены обратно, в тюрьму. Два дня спустя тот же прием был повторен с заместителями начальников отделов. В тот же момент Ежов сменил охрану НКВД на всех важных центральных объектах. Сам он забаррикадировался в отдельном крыле здания НКВД, окруженный мощной личной охраной, причем были введены исключительные предосторожности[203].

18 марта 1937 года[204] Ежов выступил на собрании руководящих работников НКВД в их клубе на Лубянке. Он обвинил Ягоду в том, что тот был в свое время агентом

царской полиции, вором и растратчиком, а потом заговорил о «шпионах Ягоды» в рядах НКВД. Тут же были приняты немедленные меры по расчистке оставшихся кадров Ягоды. Их арестовывали в кабинетах днем или на дому ночами. Следователь, допрашивавший Каменева, грозный Черток, выбросился из окна своей квартиры на двенадцатом этаже. Несколько руководящих работников застрелились или покончили с собой, выпрыгнув из окон кабинетов[205]. Но большинство пассивно шло под арест — в том числе секретарь Ягоды Буланов, арестованный, как мы знаем из «Дела Бухарина», в конце марта[206].

Как сообщают, в 1937 году были казнены три тысячи бывших сотрудников Ягоды в НКВД[207]. Что касается начальников отделов, то Молчанов, Миронов и Шанин были объявлены правыми заговорщиками[208], организовавшими свою группу в рядах ОГПУ в 1931-32 годах, а Паукер (который исчез летом) и Гай, вместе с заместителем Паукера Воловичем и Запорожцем, оказались «шпионами»[209]. (Про Паукера, по происхождению еврея, серьезно говорилось, что он шпионил в пользу гитлеровской Германии)[210].

3 апреля было объявлено, что сам Ягода арестован «ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера»[211], а через два дня, 5 апреля, было объявлено о назначении нового Народного комиссара и заместителя Народного комиссара связи[212]. Был также объявлен перевод на другую работу бывшего заместителя наркома Г. Е. Прокофьева. Хотя в сообщении он все еще именовался «товарищем», Прокофьев был вскоре арестован как «правый». Жены Ягоды и Прокофьева были также арестованы и отправлены в лагеря[213]. Дача Ягоды была передана Молотову[214].

Теперь машина Ежова была «прочищена» и готова к действию. В то же самое время был обновлен аппарат Генерального прокурора Вышинского — еще один главный элемент механизма террора. Некоторые старые прокуроры

пытались поддерживать видимость законности. Например, 26 июня 1936 года заместитель главного прокурора водного транспорта представил даже служебную записку на эту тему. Протесты подобного рода поступали от целого ряда областных прокуроров — а в Брянске, например, двое прокуроров были даже арестованы «за распространение ложных, порочащих слухов». Теперь девяносто процентов областных прокуроров были сняты и многие из них арестованы в результате того, что «Вышинский провел массовую чистку органов прокуратуры. С его санкции были арестованы и впоследствии погибли[215] многие видные прокурорские работники, стремившиеся в той или иной форме ослабить репрессии, пресечь беззакония и произвол». А в начале 1938 года сталинский журнал под ироническим названием «Социалистическая законность» призывал к дальнейшей работе по очистке органов прокуратуры от «троцкистско-бухаринских предателей, агентов фашизма и вообще чуждых нам, политически неустойчивых, разложившихся элементов»[216].

Советские правоведы, насаждавшие «формальный» подход к законности, были привлечены к ответственности. В январе 1937 года суровой критике подвергся Е. Пашуканис — заместитель Наркома юстиции и ведущий теоретик права в Советском Союзе[217]. А в апреле Вышинский уже объявил, что «разоблаченный ныне двурушник Пашуканис» был связан с Бухариным[218]. Не повезло и другому заместителю Наркома юстиции: В. А. Деготь был арестован 31 июля 1937 года, отправлен в лагеря, где умер в 1944 году[219].

К началу весны 1937 года вся террористическая машина была в полном порядке. Старые коммунисты в полицейском аппарате и в прокуратуре, при всей их беспощадности, уже не годились для новой фазы террора. Тем советским гражданам, которые думали, что страна к тому времени была уже в руках террористов, еще предстояло узнать, что такое настоящий террор.

ГЛАВА 6

1. «Соц. вестник» № 23-24, 22 дек. 1936, стр. 20 («Как подготавливался Московский процесс». Из «Письма старого большевика»).

2. См. «Дело Пятакова», англ. изд., стр. 202, 214; русск. изд. стр. 93. (В дальнейшем стр. «Дела Пятакова» в этой главе даются дробью: англ./русск.; в данном случае: 202, 214/93).

3. См. там же, стр. 561/241.

4. См. там же, стр. 167/—.

5. См. «Правду», 28 авг. 1936.

6. См. «Правду», 1 сент. 1936.

7. См. «Соц. вестник» № 1-2, янв. 1937 («Как подготавливался Московский процесс»).

8. См. «Дело Пятакова», стр. 17/20.

9. А. Авторханов в «Посеве», 5 ноября 1950 («Покорение партии»), он же: Alexander Uralov, *The Reign of Stalin*, London, 1959, p. 223.

10. Напр., Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union*, p. 415. Пожалуй, стоит заметить, что в 1935 году состоялись четыре официально объявленных пленума ЦК, а в 1937 году — три, в то время как в 1936 году был объявлен только один пленум, прошедший с 1 по 4 июня. Стоит заметить также, что среди сопротивлявшихся Авторханов не называет Орджоникидзе, а это дает дополнительное основание полагать, что столкновения внутри Политбюро произошли либо в ноябре, когда Орджоникидзе болел, либо на февральско-мартовском пленуме 1937 года.

11. «Дело Бухарина», стр. 117.

12. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 22.

13. «Соц. вестник» № 1-2, 7 янв. 1937 («Как подготавливался Московский процесс»).

14. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 143.

15. См. «Дело Бухарина», стр. 491.

16. См. Simon Wolin and Robert M. Slusser, *The Soviet Secret Police*, New York, 1957, p. 45.

17. «Дело Бухарина», стр. 491.

18. Tokaev, *Betrayal of an Ideal*, pp. 249-50.

19. См. «Социалистический вестник» № 1-2, янв. 1937 («Моск. процесс»).

20. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 19-20.

21. «Дело Бухарина», стр. 254.

22. Orlov, p. 180.

23. Там же, стр. 206.

24. См. «Дело Пятакова», стр. 134/65.

25. Orlov, p. 205.
26. Pierre Broué, *Le Procès de Moscou*, Paris, 1964, p. 276.
27. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 56.
28. Orlov, p. 189.
29. Там же, стр. 187-9.
30. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве» № 3, 1965, стр. 24. («Об извращениях Вышинского в теории советского права и практике»).
31. См. «Дело Пятакова», стр. 287/—.
32. Orlov, p. 182.
33. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 331.
34. Weissberg, p. 232.
35. Kravchenko, *I Chose Freedom*, 329-30.
36. См. «Дело Пятакова», стр. 257/105.
37. Там же, 537/—.
38. Orlov, p. 183.
39. «Правда», 30 мая 1937.
40. В «Очерках по истории Коммунистической партии Украины» (2-ое изд., Киев, 1964, стр. 466) «некая Николаенко» названа «одной из злостных клеветниц». См. также Георгий Марягин, «Постышев», Москва, 1965, стр. 294.
41. См., напр., «Правду» 29 мая 1937.
42. См. Сталин, Собр. соч., т. XIV, Станфорд 1967, стр. 240-41. (Закл. слово на Пленуме ЦК 5 марта 1937). Собрание сочинений Сталина, издававшееся в СССР, было приостановлено на т. XIII, обрывающемся статьей от 1 февр. 1934. Дополнительные т.т. XIV, XV и XVI изданы Гуверовским Институтом в Станфорде (Калифорния).
43. Дубинский — Мухадзе, «Орджоникидзе», Москва, 1963, стр. 5.
44. «Дело Бухарина», стр. 117-18.
45. Orlov, p. 190.
46. Там же, стр. 207.
47. Там же, стр. 250.
48. См. «Правду» 30 мая 1937.
49. См. «Вісті» 1 июня 1937.
50 «Дело Пятакова», стр. 401/33.
51. Barmine, p. 295.
52. См., напр., «Правду» 12 сент. 1936: «Реставраторы капитализма и их защитники», автор А. Васнецов.
53. Сталин, Доклад на Пленуме ЦК ВКП[б] 3 марта 1937 г.: «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и других двурушников», Собр. соч., т. XIV, Станфорд, 1967, стр. 199.
54. «Дело Пятакова», стр. 9/14.
55. Там же, стр. 16/—.
56. Там же, стр. 14/18.
57. Там же, стр. 43/35.
58. Там же, стр. 48/38.

59. Там же, стр. 49/38.
60. Там же, стр. 49/38.
61. Там же, стр. 25/—.
62. «Дело Пятакова», стр. 413/—.
63. Там же, стр. 69/—.
64. Там же, стр. 60-66/45-47.
65. Orlov, p. 191.
66. См. «Последние новости», (Париж) 26 июня 1939.
67. «Дело Пятакова», стр. 443/156.
68. Там же, стр. 85/—.
69. Там же, стр. 124-5/63.
70. Там же, стр. 125/—.
71. Там же, стр. 127/—.
72. Там же, стр. 129/—.
73. Там же, стр. 135/—.
74. Там же, стр. 105/—.
75. Там же, стр. 160/74 (В сокращенном газетном издании диалог здесь обрывается; в полной стенограмме процесса он продолжается. См. конец цитаты).
76. Там же, стр. 159-160/2.
77. Там же, стр. 209/91-2.
78. Там же, стр. 210/—.
79. Там же, стр. 245/—.
80. Там же, стр. 257/105.
81. Там же, стр. 258/105.
82. Там же, 283/113.
83. «Дело Пятакова», стр. 280/112.
84. Там же, стр. 288/115.
85. Там же, стр. 248/—.
86. Там же, стр. 271/109 цитируемый русский текст несколько сокращен в сравнении с английским изданием стенограммы процесса.
87. Там же, стр. 272/—.
88. Там же, стр. 229/—.
89. Там же, стр. 226/97.
90. Там же, стр. 222/96 в тексте газетного отчета последний вопрос Вышинского («Он путает?») и ответ на него Муралова сокращен.
91. Там же, стр. 510/—.
92. XXII сьезд КПСС. Стеногр. отчет, Москва, 1961, т. II, стр. 216.
93. «Дело Пятакова», стр. 220-22/95-6.
94. Там же, стр. 511/210.
95. Там же, стр. 475/178.
96. См. там же, стр. 302-330/121-8.
97. Там же, стр. 328/—.
98. Там же, стр. 566-7/245.
99. Там же, стр. 569/247-8.

100. Там же, стр. 367/137.
101. Там же, стр. 368/138 в сокращенном издании перечисление опущено.
102. Там же, стр. 365/—.
103. Там же, стр. 371-2, 378/139-40 (сокр.).
104. Там же, стр. 412/147 в сокр. изд. последняя реплика Ратайчака опущена.
105. Там же, стр. 463/168.
106. Там же, стр. 466/171.
107. Там же, стр. 480/182.
108. Там же, стр. 494/195.
109. «Дело Пятакова», стр. 474/177.
110. Там же, стр. 468/172.
111. Там же, стр. 514/212-13.
112. Там же, стр. 476-7/179.
113. Там же, стр. 489/190.
114. Там же, стр. 207/91.
115. Там же, стр. 170/76-77.
116. Там же, стр. 502/202.
117. Там же, стр. 512/210-1.
118. Там же, стр. 517/—.
119. Там же, стр. 481/183.
120. Там же, стр. 516/214.
121. Там же, стр. 517/214-15 в сокр. изд. второй абзац речи Брауде опущен.
122. Там же, стр. 541/224.
123. Там же, стр. 550/—.
124. Там же, стр. 548/229.
125. Там же, стр. 543/225.
126. См. Elisabeth K. Poretsky, *Our Own People*, London, 1969, p. 198.
127. Orlov, p. 212.
128. См. Walter Duranty, *The Kremlin and the People*, London, 1942, p. 73.
129. См., например: V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, p. 69; Herling, *A World Apart*, p. 22.
130. XI съезд РКП[б], Стенографич. отчет, Москва, 1961, стр. 850 (биографическая справка).
131. См. анонимное свидетельство в книге: S. Wolin and R. Slusser, *The Soviet Secret Police*, p. 194.
132. Lermolo, *Face of a Victim*, p. 155.
133. Н. С. Хрущев, «Высокое призвание литературы и искусства», Москва, 1963, стр. 184 (Речь от 8 марта 1963).
134. «Дело Пятакова», стр. 545/227.
135. Там же, стр. 514/213.
136. Там же, стр. 353/—.
137. См. Lermolo, p. 241.

138. См. «Правду» 29 янв. 1937.
139. См. «Правду» 31 янв. 1937.
140. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 239.
141. См. «Дело Пятакова», стр. 222/96 и 510/209.
142. Дубинский — Мухадзе, стр. 6 и «Известия», 22 ноября 1963.
143. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 587.
144. Это было объявлено на суде над Багировым в 1956 году (См. «Бакинский рабочий» 27 мая 1956). Еще раньше, в ноябре 1955 года, во время суда над бывшими работниками НКВД, было выдвинуто обвинение в собирании клеветнических материалов против Орджоникидзе, а затем в организации террористических актов против членов его семьи и близких друзей, занимавших ответственные посты. (См. R. Conquest, *Power and Policy in the USSR*, London, 1961, pp. 449-53).
145. См. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 254.
146. Дубинский — Мухадзе, стр. 6 и «Известия», 22 ноября 1963.
147. Там же, стр. 6 и «Известия», 22 ноября 1963.
148. Там же, стр. 7 и «Известия», 22 ноября 1963.
149. См. «Правду», 19 февр. 1937.
150. Дубинский - Мухадзе, стр. 7.
151. «Правда», 22 февр. 1937.
152. Большая Советская Энциклопедия, т. 43, Москва, 1939, стр. 286 и 299-300 (во 2-ом изд. 1955, т. 31, стр. 173 оставлена только фраза: «На посту руководителя ЦКК — РКИ, Г. К. Орджоникидзе ведет борьбу против троцкистов, зиновьевцев, буржуазных националистов всех мастей, оберегая, как зеницу ока, монолитность рядов Коммунистической партии»).
153. «На рубеже», № 3-4, 1952.
154. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 240.
155. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 587 (закл. слово Хрущева).
156. «Бакинский рабочий», 17 июня 1962.
157. Е. Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 91.
158. «Правда», 17 ноября 1964.
159. См., напр., Orlov, pp. 196-8.
160. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 48.
161. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 587 (закл. слово Хрущева).
162. Авторханов, «Технология власти», стр. 239.
163. Orlov, p. 238.
164. «Известия», 22 ноября 1963 и Дубинский — Мухадзе, стр. 7.
165. См. «Правду», 21 февр. 1937.
166. «Дело Зиновьева», стр. 162.
167. См., напр., «Правду», 19 февр. 1937.
168. Там же, см. также БСЭ 2-ое изд., т. 31 (статья «Орджоникидзе»).
169. П. И. Якир и Я. А. Геллер, «Командарм Якир», Москва, 1963, стр. 225.
170. Там же, стр. 226.
171. Опубликован только доклад Сталина (См. Сталин, Собр. соч. т. XIV, Станфорд, 1967, стр. 189-224 и «Правда», 29 марта 1937). Название доклада

Ежова дал Хрущев (См. его доклад на закр. заседании XX съезда, стр. 20). «Доклад Молотова о вредительстве и диверсиях», по словам Сатюкова на XXII съезде КПСС, «как и выступление Сталина... послужил теоретическим обоснованием массовых репрессий». (См. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 352; см. также выступление Шверника, там же, стр. 216).

172. См. Kostiuk, *Stalinist Rule in the Ukraine,* pp. 118-22.

173. См. «Вісті», 1 февр. 1937.

174. «Правда», 5 июня 1937.

175. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 22.

176. Там же, стр. 56-57 (В этом крайне сжатом изложении Хрущева несомненно смещены акценты).

177. Устные сведения, полученные автором.

178. «Правда», 6 марта 1937.

179. Так рассказывал М. М. Литвинов. См. Joseph E. Davies, *Mission to Moscow,* London, 1942, p. 172.

180. См. Н. С. Хрущев в «Правде» 17 марта 1937 («Об итогах Пленума ЦК ВКП[б]»).

181. «Дело Бухарина», стр. 313-314.

182. Uralov (Avtorkhanov), *The Reign of Stalin,* p. 118.

183. Krivitsky, p. 227.

184. См. доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда, стр. 20.

185. Krivitsky, p. 228.

186. «Правда», 26 октября 1961.

187. См. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 216 (выст. Шверника).

188. Сталин, «Правда» 1 апреля 1937 и Собр. соч., т. XIV, Станфорд, 1967, стр. 219 (Доклад на Пленуме ЦК ВКП[б] 3 марта 1937).

189. Там же, стр. 189-90 и «Правда» 1 апреля 1937.

190. Там же, стр. 197-8 и «Правда» 1 апреля 1937.

191. Там же, стр. 221 и «Правда» 1 апреля 1937.

192. Именно это место выступления Сталина (там же, стр. 227-8) не случайно процитировано Вышинским на процессе Бухарина (См. «Дело Бухарина», стр. 551).

193. Там же, стр. 228 (закл. слово) и «Правда» 1 апреля 1937.

194. Там же, стр. 240 и «Правда» 1 апреля 1937.

195. Там же, стр. 242-3 и «Правда» 1 апреля 1937.

196. См. «Вісті», 17 марта 1937.

197. «КПСС в резолюциях» 7-ое издание, т. II, стр. 852-853 См. также «Правду», 19 января 1938.

198. См. «Правду» 19 марта 1937 (Собрание актива Киевской парторганизации).

199. См. «Правду», 29 мая 1937.

200. «Правда», 30 мая 1937.

201. «Вісті», 2 июня 1937.

202. См. доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 17.

203. Orlov, p. 221.

204. Krivitsky, p. 167.
205. Orlov, p. 222.
206. См. «Дело Бухарина», стр. 496.
207. Orlov, p. 225.
208. См. «Дело Бухарина», стр. 503.
209. Там же, стр. 504.
210. Там же, стр. 492.
211. «Правда», 4 апреля 1937.
212. См. «Правду», 6 апр. 1937.
213. См. Zbigniew Brzezinski, *The Permanent Purge*, Cambridge, Mass., 1956, p. 229.
214. См. Аллилуева, «Только один год», стр. 356.
215. Жогин в «Советском государстве и праве» № 3, 1965 («Об извращениях Вышинского»), стр. 26.
216. «Социалистическая законность», № 1, 1938 (статья «Кадры»).
217. См. «Правду», 20 янв. 1937.
218. Вышинский в «Правде» 9 апр. 1937, стр. 2-3 («Против антимарксистских теорий права»).
219. См. «Вопросы истории КПСС» № 6, 1965, стр. 96.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИЮНЬ

11 июня 1937 года было объявлено, что цвет высшего командования Красной Армии обвиняется в измене. На следующий день командиры были судимы и казнены. В отличие от жертв прежних политических чисток, против генералов не велось какой-либо публичной пропагандистской кампании. Для большинства людей — и в стране и вне ее — новость об «измене» была полным сюрпризом, внезапным ударом. О самой «измене» не сообщалось никаких подробностей. Эффект кампании, поднятой в прессе 12 июня, не мог сравниться с тем, что было достигнуто в предшествующих случаях систематической травлей жертв на протяжении месяцев и даже лет.

Пропаганда сделала все возможное. Были срочно собраны митинги, потребовавшие смертной казни для «грязной банды шпионов»; Демьян Бедный успел настрочить стихотворение в 54 строки, включавшее зарифмованные имена генералов; подобные же вирши сочинил и другой стихоплет — Александр Безыменский; а на газетных столбцах вокруг этих рифмованных строчек рабочие заводов, сотрудники Академии Наук, полярные исследователи с острова Рудольфа и представители вообще всей «честной и прямодушной советской общественности» требовали

расстрела изменников, который, как оказалось, уже состоялся. 13 июня на первой странице «Правды» был опубликован приказ Наркома обороны Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 года. В приказе говорилось о преступлениях расстрелянных военачальников. Они якобы «сознались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже».

Приведем список командиров. Заместитель Наркома обороны маршал Тухачевский; командующий Киевским военным округом командарм Якир; командующий Белорусским военным округом командарм Уборевич; председатель Осоавиахима комкор Эйдеман; начальник Военной академии командарм Корк; военный атташе СССР в Лондоне комкор Путна; начальник административно-хозяйственного управления Красной Армии комкор Фельдман; заместитель командующего Ленинградским военным округом комкор Примаков. Кроме того, в числе изменников был назван первый заместитель Наркома обороны, начальник Политуправления Красной Армии Ян Гамарник, о самоубийстве которого было объявлено 1 июня. В официальном сообщении Прокуратуры Союза ССР говорилось, что «указанные выше арестованные обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии»[1].

Между этими обвинениями и тем, что стоит в приказе Народного комиссара обороны СССР Ворошилова, имеется некоторое несоответствие. В приказе Ворошилова — «для достижения этой своей предательской цели фашистские заговорщики не стеснялись в выборе средств: они готовили убийства руководителей партии и правительства»[2]. Как мы увидим, и троцкистская тема, и версия об измене готовились и разрабатывались на протяжении многих месяцев; мы увидим также, что версия измены, по крайней мере, была хорошо «документирована».

Все жертвы были ведущими членами группы, объединенной вокруг Тухачевского общей заботой о пересмотре

военных концепций в тридцатые годы. (Три видных фигуры из той же группы не были казнены сразу: авиационный командир Алкснис, флотский руководитель Муклевич и представлявший бронетанковые войска Халепский. Но скоро наступил и их черед). Группа разработала идею, а до некоторой степени и организационную схему эффективной современной армии.

Высшие военные руководители были еще молодыми людьми. Они становились командирами, не достигнув и тридцати лет. За исключением Корка, которому было ровно пятьдесят лет, жертвам было лишь немногим больше сорока. Тухачевскому и Путне было по сорок четыре года, Якиру и Уборевичу по сорока одному. Они оба были ровесниками Жукова, которому предстояло сыграть важную военную и политическую роль на протяжении многих последующих лет. Покончившему с собой Гамарнику было тоже только сорок три года.

По всеобщему признанию Тухачевский был наилучшим военным мыслителем в армии, обладал огромной силой воли и крепкими нервами. Он был выходцем из среды мелкого дворянства. Во время первой мировой войны служил подпоручиком в Семеновском гвардейском полку. В 1915 году Тухачевский попал в немецкий плен. После пяти попыток побега Тухачевского заперли в крепости Ингольштадт, где среди его собратьев по плену был молодой капитан де Голль. В 1917 году Тухачевский вернулся в Россию, где присоединился к большевикам.

Английский военный историк профессор Джон Эриксон в своей книге *The Soviet High Command* («Высшее советское командование») пишет о Тухачевском так: «Блестящий человек быстрого ума, с долей жестокости, связанной у него с порывистой пылкостью, молодой командир Красной Армии развил в себе известную надменность и высокомерие, отнюдь не рассчитанные на облегчение дружеских связей»[3].

Во время гражданской войны Тухачевский несколько

раз спасал положение красных на восточном фронте, а в 1920 году, двадцати семи лет отроду, командовал армиями, наступавшими на Польшу. Позже он руководил подавлением Кронштадтского мятежа и операциями против повстанцев Антонова в Тамбовской губернии.

Киевский и Белорусский военные округа, под командованием соответственно Якира и Уборевича, были крупнейшими в стране. В них были сконцентрированы двадцать пять из девяноста стрелковых дивизий Красной Армии и двенадцать из двадцати шести кавалерийских.

Якир, живой и моложавый командарм, был сыном бедного еврея-аптекаря из города Кишинева. В возрасте двадцати одного года он организовал большевистский отряд на Украине и за три года продвинулся до командующего так называемой «фастовской армейской группировкой», действовавшей против поляков. С 1926 года Якир командовал ключевым Украинским военным округом, носившим последовательно различные названия. Среди членов Центрального Комитета партии Якир был единственным профессиональным военным. (Другими двумя «военными» членами ЦК были Ворошилов и политический руководитель армии Гамарник).

Уборевич был «военным интеллигентом», носил очки. Он тоже командовал армией в польском походе 1920 года, а затем участвовал в блестящих операциях, закончившихся штурмом Перекопа в ноябре 1920 года и победой в гражданской войне. Уборевич был кандидатом в члены ЦК и, если не считать заместителя Гамарника по Политуправлению Красной Армии А. С. Булина, единственным среди кандидатов, не носившим маршальского звания. (Кандидатами в члены ЦК были маршалы Блюхер, Буденный, Егоров и Тухачевский).

Остальные «заговорщики» были почти столь же выдающимися людьми. Корк и Эйдеман, например, тоже командовали армиями в гражданской войне и в походе против Польши. Эйдеман, человек с квадратообразной головой,

с усиками, армейский старшина по виду, был на самом деле латышским писателем. Путна, служивший до революции в Семеновском гвардейском полку вместе с Тухачевским, был командиром меньшего масштаба, но занимал важные посты в системе военного обучения армии в двадцатые годы. Фельдман, по происхождению еврей, был одним из ближайших помощников Тухачевского.

Ян Гамарник, тоже намеченный Сталиным в качестве главной мишени для удара, был начальником Политуправления Красной Армии и первым заместителем Народного комиссара обороны. Он принадлежал к несколько иной категории, чем перечисленные выше командиры. Во многом он расходился с военными руководителями — особенно в вопросах военно-политической организации. Гамарник был типичным старым большевиком, он участвовал в опаснейших сражениях гражданской войны на Украине, а затем был участником сапроновской фракции в период ее большого влияния в этой республике[4]. Но с середины двадцатых годов у него не было никаких связей. На пост начальника Политуправления Красной Армии Гамарник был назначен в 1929 году. Гамарник считался в партии — конечно, по партийным понятиям — чем-то вроде святого.

Однако военные заслуги в прошлом вряд ли сослужили службу генералам — скорее наоборот. К 1937 году пятую часть командного состава Красной Армии все еще составляли ветераны гражданской войны; из них почти целиком состояло высшее командование. Но от прежних времен между ними сохранилось немало взаимных обид. Так, например, во время боев под Царицыным вокруг Ворошилова и Сталина образовалась группа военных, которые систематически не подчинялись и выражали открытое неповиновение приказам военного комиссара Троцкого. А поведение Ворошилова в долгих ожесточенных интригах было настолько скверным, что вызвало самые худшие чувства, какие только можно вообразить — даже на фоне обычной грызни в большевистском руководстве.

Именно под руководством царицынской группы находилась конница Буденного, вначале мало чем отличавшаяся от разбойничьей банды. Сам Буденный вспоминает, что в то время Троцкий называл ее именно «бандой» под руководством «атамана-предводителя». «Куда он поведет свою ватагу, туда она и пойдет», — говорил Троцкий. — «Сегодня за красных, а завтра за белых»[5]. Один из буденновских командиров застрелил комиссара только за то, что комиссар протестовал против грабежей в Ростове.

Но по мере того, как приходили новобранцы, «ватага» разрослась с помощью Сталина в Первую Конную армию. Эта армия привлекла как способных, так и сумасбродных людей, но, во всяком случае, ее организация улучшилась. Военный совет Первой Конной армии состоял из Ворошилова, Щаденко и Буденного.

После поражения советских войск в битве за Варшаву в 1920 году возникли острые споры относительно ответственности Первой Конной за это поражение. В то время как главные силы Красной Армии под командованием Тухачевского нанесли удар к северу от польской столицы, Егоров и Сталин на южном фронте, в который входили и буденновцы, наступали со стороны Львова. До самого последнего момента приказы двинуть буденновскую кавалерию к северу игнорировались — в лучшем случае по техническим причинам, в худшем — во имя близорукой попытки завоевать всю славу на своем фронте за счет общего успеха. Можно говорить о том, что советские военные силы вообще слишком растянуты, однако большинство советских военных специалистов склонялось к объяснению Тухачевского — а именно, что Сталин, Егоров и Буденный безответственно погубили все шансы на успех наступления. По-видимому, с этим соглашался и Ленин, заметивший тогдашнему управделами Совнаркома Бонч-Бруевичу: «Ну, кто же на Варшаву ходит через Львов?»[6].

Весь этот вопрос публично и подробно обсуждался в военных лекциях. Нет сомнения, что обсуждение это горько

терзало Сталина. Когда он получил полный контроль над учебниками истории, весь эпизод был переписан как стратегически верное наступление на Львов, предательски саботированное Тухачевским и Троцким. Часть ответственности за польский разгром Сталин возлагал также на Смилгу[7].

Но к 1937 году эти старые споры уже представлялись мелкими и академическими. В сравнении с общим политическим климатом в стране, злобным и ядовитым, положение в армии постепенно стало прямо-таки спокойным оазисом среди бури.

В двадцатые годы коммунисты в вооруженных силах открыто и активно участвовали в политических спорах того времени. Начальник Политуправления Красной Армии Антонов-Овсеенко был прямым троцкистом. Заместитель Наркома обороны Лашевич, сторонник Зиновьева, провел более или менее секретное собрание участников оппозиции где-то в лесу, продолжая занимать свой пост.

Но позже открытые действия такого типа прекратились. Некоторое время армейские коммунисты еще участвовали — хотя и более осторожно, чем гражданские лица — в политических спорах об общих задачах.

Среди командиров, подписавших документ в защиту оппозиции в 1927 году, были Якир и Путна. Но Тухачевский не участвовал ни в одном таком выступлении[8]. Можно провести определенное различие между профессиональными военными, которые сделались коммунистами — Тухачевским, Корком и Егоровым, — и коммунистами, выросшими в профессиональных военных, подобно Якиру, Блюхеру и Алкснису. Даже в двадцатые годы первая из этих двух групп играла лишь незначительную роль в политике — кроме тех случаев, когда дело касалось чисто военных вопросов вроде сопротивления Тухачевского и Уборевича идеям Троцкого об организации армии.

Но, во всяком случае, с воцарением Сталина во всех областях жизни к концу двадцатых годов армейское коман-

дование полностью устранилось от политической борьбы. Очевидно, частичное объяснение этому — такое же, какое было у Пятакова: вопрос о руководителе был решен. На долю командиров оставались профессиональные проблемы создания мощной военной силы.

С другой стороны, Сталин был настолько осторожен, что старался не вызывать никаких волнений среди военных. Как в 1928 году он «нейтрализовал» Украину, удалив оттуда Кагановича, так и в армии он оставил Тухачевскому и его сотрудникам относительную свободу действий. Армейские коммунисты пользовались в партии высокой репутацией. Во время сравнительно мягкой партийной чистки 1929 года лишь от 3 до 5 процентов всех коммунистов-военных было исключено из партии в сравнении со средней цифрой в 11,7 процента по партии в целом; соответствующие цифры в чистке 1933 года были 4,3 процента и 17 процентов.

Правда, время от времени тот или иной командир подвергался репрессиям. Но обыкновенно это бывал какой-нибудь особый случай вроде дела военного академика Снесарева, в прошлом царского генерала, погибшего в лагере в 1937 году и недавно реабилитированного. Снесарев был репрессирован в возрасте 65 лет в 1930 году по обвинению в участии в контрреволюционной монархической организации.

Однако в целом армия пользовалась все более и более дружественным вниманием и подвергалась все меньшим и меньшим преследованиям. Престиж вооруженных сил начал расти во многих отношениях. В марте 1934 года был отменен принцип разделения ответственности между командиром и политическим комиссаром. Командир стал полным единоначальником, а комиссар — всего лишь его политическим советником. 22 сентября 1935 года были восстановлены прежние воинские звания, исключая пока что генералов. Всем командирам, кроме младших, предоставлялась неприкосновенность против ареста гражданскими органами без специального разрешения Наркома обороны. Одновременно были названы

первые пять маршалов Советского Союза: Тухачевский, Блюхер и Егоров с чисто военной стороны, плюс сталинские назначенцы Ворошилов и Буденный.

Однако в 1936-37 годах возникло новое обстоятельство. Как мы видели, крупнейшие военные и политические руководители армии были членами или кандидатами Центрального Комитета партии. Ворошилов и Буденный всегда и во всем поддерживали Сталина. Но Якир и Гамарник среди членов ЦК, Тухачевский, Блюхер, Егоров, Уборевич и Булин среди кандидатов были, как говорят[9], против ареста Бухарина вместе с большинством гражданских членов и кандидатов ЦК ВКП[б].

На процессе 1938 года Бухарин туманно упомянул о каких-то «военных» в числе своих соучастников. Когда Вышинский спросил: «какие это военные?», Бухарин ответил: «правые заговорщики». Приняв это показание, Вышинский спросил: «Конкретно?» и тогда Бухарин назвал Тухачевского и Корка[10]. В упоминании о Тухачевском и Корке на процессе Бухарина как не просто об участниках расплывчатого «блока», но как о настоящих «правых», мы находим частичное объяснение причин сталинской неприязни к военачальникам. Они не были «правыми» в том смысле, в каком был Бухарин. Но наиболее вероятно, что они выказывали «правые» настроения в том смысле, в каком это делали Рудзутак, Чубарь и др. — а именно, военные голосовали или протестовали против Сталина на пленумах ЦК в последний период — с сентября 1936 по февраль 1937 года. Если военные кандидаты в члены ЦК еще могли избежать открытого изложения своих мнений о судьбе Бухарина, то члены ЦК должны были высказать точку зрения. Но если кто-то даже воздерживался, не голосуя ни за, ни против, то для Сталина это было уже опасным признаком.

Конечно, это не значит, что мотивы Сталина тем и исчерпывались. Роль играли и старые обиды и новые неприятности. Однако имеются и более общие, более значительные соображения.

Деспотизм, навязанный террористической и терроризованной бюрократией, может быть в целом исключительно силен. Но он всегда имеет определенные уязвимые места. Его твердость переходит в хрупкость. Даже самые строгие предосторожности не могут, например, исключить возможности убийства деспота. Не имеется реальных свидетельств того, чтобы кто-нибудь когда-либо серьезно покушался на жизнь Сталина (если, конечно, его смерть в 1953 году не была результатом покушения, но мы ведь пока не знаем всех точных обстоятельств). Есть несколько туманных сообщений о планировавшихся покушениях, обычно среди молодых коммунистов, но все эти попытки раскрывались еще до созревания. Были один или два индивидуальных инцидента — например, есть сообщение о солдате, который во время последней войны обстрелял вышедшую из Кремля правительственную машину, в которой находился, однако, не Сталин, а Микоян!

Другое уязвимое место всякой диктатуры — возможность военного переворота. Ведь всего несколько десятков целеустремленных людей могли, теоретически рассуждая, захватить Кремль и высших руководителей в нем. И машина того типа, какую построил Сталин, могла в таких обстоятельствах сломаться очень легко. Ведь даже комическая попытка генерала Мале свергнуть Наполеона в 1812 году — попытка, основанная на чистом блефе, — имела поначалу неправдоподобно большой успех. Лучшим шансом освободиться от Сталина был бы переворот под руководством Тухачевского в союзе с еще живыми участниками оппозиции — так же, скажем, как лучшим шансом остановить Гитлера в 1933 году был бы переворот под руководством Шлейхера, поддержанный социал-демократической партией.

Но так же как немецкие социал-демократы были связаны своими понятиями о конституционности (и так же как потом большинство гитлеровских генералов чувствовало себя связанным формальным подчинением Гитлеру как главе государства), советские маршалы, подобно гражданским участникам

оппозиции, были, по-видимому, загипнотизированы тем, что сталинское руководство при всех его пороках с партийной точки зрения было законным.

О существовании какого-либо военного заговора против власти Сталина нет никаких конкретных свидетельств известных нам источников, в том числе бывших советских военнослужащих и сотрудников НКВД, позже перешедших на Запад. Никаких намеков на существование заговора не содержится и в гитлеровских секретных архивах. Суждения наиболее осторожных историков — таких, как Леонард Шапиро или Эриксон — также определенно сводятся к тому, что никакого заговора не было. Разумеется, гораздо труднее подтвердить отсутствие чего-либо, чем присутствие, и нельзя формально исключить возможность того, что в один прекрасный день обнаружится свидетельство существования серьезных намерений среди некоторых военачальников того времени.

То же самое относится к туманным сообщениям о том, что идея военного переворота приходила в то время в голову некоторым командирам, в частности, Фельдману, но что высшие военачальники не были среди посвященных. В ходе процесса над Бухариным и др. был упомянут еще один «военный заговор» — будто бы возглавлявшийся Енукидзе. Эти заговорщики якобы планировали дворцовый переворот. Их связь с Тухачевским, даже если судить по материалам процесса (см. «Дело Бухарина», стр. 163-4 и 504), была поверхностной. Но опять-таки, хотя в этой истории нет ничего невозможного, она не подтверждается конкретными данными. Короче говоря, возможность существования военного заговора выглядит по меньшей мере маловероятной. Любопытно, однако, то, что легенда о каком-то реальном заговоре все еще не развеялась окончательно, хотя «заговоры», объявленные на трех больших политических процессах, были либо очевидно фальшивыми с самого начала, либо оказались таковыми очень скоро.

Парадоксально, но причина остающихся еще и сегодня сомнений, по-видимому, в том, что по этому делу Сталин не

представил никаких свидетельств. С его точки зрения это был наилучший метод. Если бы был внезапно раскрыт настоящий военный заговор, то немедленный военный трибунал и казнь заговорщиков выглядели бы наиболее естественной реакцией. Немало прецедентов такого рода было и в других странах, и в самой России. Более того: если «заговоры», обнародованные ранее на политических процессах, выглядели весьма сомнительными, то захват власти Тухачевским мог считаться вполне разумным и возможным действием. В этом случае никаких «доказательств» и не требовалось. В каком-то смысле дело Тухачевского и других заключало в себе особую иронию, потому что представляло собою единственный случай, в котором Сталин имел перед собой документальное свидетельство. Оно было, разумеется, фальшивым, но было подлинно немецкого происхождения.

Сталин, однако, оказался достаточно хитер, чтобы не опубликовать эти документы. Они не целиком были в его пользу и, возможно, не полностью отвечали его намерениям. С другой стороны, будучи опубликованы, документы стали бы добычей специалистов, которые могли бы обнаружить ошибки, или даже сами немцы могли сорвать весь спектакль.

Таким образом, результатом сталинского внезапного удара и отсутствия конкретных свидетельств было то, что люди легче поверили в существование заговора.

Дело не в том, что люди поверили конкретным обвинениям. Некоторые из них, как выяснилось позднее, были абсолютно невообразимыми — например, что Якир и Фельдман, оба евреи, работали для нацистской Германии. Допустимым выглядел лишь центральный тезис о том, что генералы собирались ополчиться против Сталина.

Главным пунктом заговора, согласно показаниям на бухаринском процессе 1938 года, — «один из вариантов» плана Тухачевского, «на который он наиболее сильно рассчитывал» — был захват Кремля и убийство партийного руководства группой военных[12]. Гамарник будто бы предложил также захват главного здания НКВД. Дело было представлено так,

что по свидетельству Розенгольца Гамарник якобы «предполагал, что нападение осуществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством, полагая, что он в достаточной мере пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковых частях. Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, «особенно лихие»[13]. Забавная деталь: Гамарник, имевший такой выбор «лихих командиров» в своем распоряжении, и боевой генерал Якир будто бы поручили начальнику отдела сберкасс Наркомата финансов Озерянскому подготовить террористический акт против Ежова[14]. Это одна из тех деталей, которые неизбежно вызывают скептицизм по отношению ко всему делу.

На потребу иностранцам советские органы пускали в обращение всевозможные слухи. Например, Джозеф Дэвис, в то время американский посол в Москве, рассказывает в своих мемуарах, что 7 октября 1937 года в разговоре с советским дипломатом Трояновским он выразил сомнение насчет того, что Тухачевский стал немецким агентом просто за деньги. Трояновский ему ответил, что маршал имел любовницу, которая была немецкой агенткой. Эта версия распространялась и через другие каналы: тот же Дэвис слышал ее от французского посла на основе будто бы данных французской разведки, полученных через Прагу. Подобную же историю рассказал в свое время американский журналист Уолтер Дюранти. Верить всему этому нет ни малейших оснований.

Как мы уже говорили, очевидная внезапность удара по армии и созданная вокруг всего дела атмосфера чрезвычайности сослужили Сталину службу в том смысле, что придали делу некое правдоподобие. Это прослеживается даже по реакции некоторых кругов НКВД. В октябре 1937 года старший сотрудник НКВД говорил своим подчиненным в Испании: «Это был настоящий заговор! Достаточно было видеть, какая паника царила в верхах: все кремлевские пропуска были внезапно отменены; наши (т.е. НКВД) войска были приведены в боевую готовность; как сказал Фриновский, «все советское правительство висело на волоске...»[15].

Другому сотруднику Фриновский сказал, что НКВД «раскрыло гигантский заговор — мы их всех схватили!»[16]. Однако это было сказано около 20 мая, когда «раскрытие» было закончено с получением фальшивого досье, но предстояли еще три важных ареста.

Несомненно, создание атмосферы внезапной секретной паники было полезно, чтобы поддержать напряжение в военных, партийных и полицейских кругах. Но эта атмосфера никак не согласуется с фактами. Давление на армию, хотя о нем и мало говорилось, было, напротив, постепенным и нарастающим. В действительности прошло одиннадцать месяцев с того момента, когда Сталин предпринял первые шаги против высшего командования — шаги, принесшие теперь столь фантастические плоды.

Первый из серии арестов, которая привела к удару по генералам, имел место 5 июля 1936 года, когда НКВД схватил комдива Дмитрия Шмидта, командира танкового соединения в Киевском военном округе, без ведома и согласия его прямого начальника Якира. Якир бросился в Москву, где Ежов показал ему материал, компрометирующий Шмидта[17]. «Материал», по-видимому, состоял из показаний Мрачковского, Дрейцера и Рейнгольда о том, что Шмидт и его соучастник Б. Кузьмичев (начальник штаба авиационного соединения) по приказу Мрачковского, переданному через Дрейцера, готовили убийство Ворошилова в интересах троцкистских элементов «блока»[18].

Расправа со Шмидтом была вполне в стиле Сталина: вождь таил против комдива старую обиду. Шмидт не только состоял прежде в оппозиции, но еще и нанес Сталину личное оскорбление.

Член партии с 1915 года Дмитрий Шмидт был сыном бедного еврейского сапожника. Он был моряком, а затем, в ходе гражданской войны, отличным кавалерийским командиром на Украине. В тот период на Украине враждовали между собой всевозможные фракции: к примеру, Василий Гроссман вспоминает, что город Бердичев переходил из рук в руки четырнадцать раз. Город занимали «петлюровцы, дени-

кинцы, галичане, поляки, банды Тютюнника и Маруси, шальной «ничей» девятый полк»[19].

Среди всего этого хаоса Шмидт поднялся до командира сначала полка, а затем и бригады, захватил Каменец-Подольск далеко на западе, окруженный силами врага, и, в конце концов, получил приказ сделать попытку (так, впрочем, никогда и не сделанную) прорваться через Польшу и Румынию на помощь венгерской советской республике в 1919 году. Однажды Шмидт ворвался в лагерь партизан-самостийников с двумя помощниками и после того, как сорвались переговоры, вступил в вооруженную схватку и ушел невредимым. Он был типичным, хотя и не слишком талантливым природным вождем партизан — бесстрашным простоватым головорезом, подлинным продуктом гражданской войны. Позже, уже в мирное время, он выстрелил в старшего командира, который обидел его жену. Командира он не убил и дело замяли.

В 1925-27 годах Шмидт был связан с оппозицией, хотя и не играл в ней важной роли. Рассказывали, что, прибыв в Москву во время съезда 1927 года, на котором было объявлено исключение троцкистов, он встретил Сталина, выходившего из Кремля. Шмидт, в своей черной черкеске с наборным серебряным поясом и в папахе набекрень, подошел к Сталину и полушутя-полусерьезно стал осыпать его ругательствами самого солдатского образца. Он закончил жестом, имитирующим выхватывание сабли, и погрозил Сталину, что в один прекрасный день отрубит ему уши[20].

Сталин побледнел и сжал губы, но ничего не сказал. Инцидент истолковали как скверную шутку, в крайнем случае как оскорбление, не носившее политического характера и посему не достойное внимания. В конце концов, Шмидт ведь принял партийное решение, которому так сильно сопротивлялся, и продолжал служить еще около десяти лет. На процессе Зиновьева в 1936 году даже говорилось, что троцкисты, дескать, видели в нем подходящего заговорщика именно потому, что он был вне подозрений в партии[21]. Что же касается грубости Шмидта, то ведь сам Сталин защищал грубость среди

товарищей. И вообще такого рода поведение со стороны грубого солдата не рассматривалось бы сколько-нибудь серьезно никаким вождем — кроме, однако, Сталина.

С самого ареста Шмидта стало ясно, что это был не изолированный акт. «Дела» Шмидта и Кузьмичева были упомянуты среди других в обвинительном заключении на процессе Зиновьева, как «вынесенные в особое разбирательство в связи с тем, что следствие по ним не закончено». На суде Мрачковский говорил о «террористической группе, включавшей Шмидта, Кузьмичева и некоторых других, которых я не помню», что уже тогда было намеком на более широкую военную организацию. Рейнгольд тоже упоминал их как якобы часть «троцкистской группы военных», имевшей много участников, чьих имен он не знал.

Кузьмичев, так же как Шмидт, был старым товарищем Якира. Еще один из его товарищей, председатель Днепропетровского совета Иван Голубенко, был тоже арестован в августе 1936 года[22] как троцкист, хотя позднее его превратили в шпиона. Летом 1936 года он еще был, согласно показаниям на зиновьевском процессе, членом контрреволюционного троцкистско-зиновьевского националистического блока[23], а в январе 1937 года на следующем процессе его упоминали как участника террористической группы, сформированной для убийства Сталина[24] и намеревавшейся «действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины»[25]. Есть сообщения, что на самом деле Голубенко вместе с Орджоникидзе делал попытки приостановить террор.

Эти аресты, особенно арест Шмидта, вызвали серьезное беспокойство в военных кругах на Украине. Никто не верил в виновность Шмидта. Хотя он однажды голосовал за Троцкого, он давно в этом «раскаялся». Между тем, в августе последовали новые аресты. Был схвачен комдив Ю. Саблин. Сотрудница НКВД Анастасия Рубан, знавшая Якира, тайно назначила ему свидание и сообщила, что видела материалы против Саблина и абсолютно убеждена в его невиновности.

Три дня спустя была объявлена смерть Анастасии Рубан от сердечного припадка. Вскоре стало известно, что в действительности это было самоубийство[26].

Между тем на Лубянке Шмидта вели по всем степеням допроса высокопоставленные следователи НКВД, включая начальника особого отдела М. И. Гая и печально известного В. М. Ушакова. Комдив обвинялся в подготовке убийства Ворошилова. Было предъявлено и документальное свидетельство — карта маршрута Ворошилова на маневрах, выданная всем командирам. Некоторое время Шмидт все отрицал[27].

Обвинение против Шмидта и Кузьмичева было внесено в показания будущих участников зиновьевского процесса, а затем объявлено публично в обвинительном заключении. Но в ходе самого процесса, 21 августа 1936 года, неожиданно прозвучало имя более крупного командира, одного из членов группы Тухачевского. В тот день был вторично допрошен Дрейцер, уже закончивший давать показания 19 августа. При этом допросе, завершившем весь процесс, Дрейцер выдвинул обвинение против Путны. Этот командир якобы находился в прямой связи с Троцким и Иваном Смирновым. Смирнов отрицал, что Путна имел какое-либо отношение к делу. Однако Пикель, Рейнгольд и Бакаев подтвердили показания Дрейцера[28]. Путна, вызванный из Лондона, к началу сентября был под арестом. Его жена узнала об аресте мужа в Варшаве, по пути на родину[29].

Еще один командир, которому предстояло фигурировать на суде в июне 1937 года, комкор Примаков, был заместителем командующего Ленинградским военным округом. Его арест произошел не позднее, чем в ноябре 1936 года, возможно даже раньше[30]. Роль Примакова во всем деле очень неясна. Но однажды он уже находился в руках НКВД — по-видимому, в 1934 году[31] — так что был особенно уязвим.

Для поверхностного наблюдателя не было ничего невозможного в том, что троцкистские заговорщики вовлекали в свою орбиту коммунистов Красной Армии, — наряду с гражданскими лицами разных профессий. В той обстановке не-

возможно было жаловаться, что аресты командиров представляли собой репрессии против армии как таковой. С другой стороны, согласно показаниям Дрейцера, инструкции Троцкого включали особый пункт о «развертывании работы по организации ячеек в армии»[32]; это уже звучало прямой угрозой. Осенью 1936 года ходили слухи о том, что готовится показательный процесс «командиров-троцкистов» с комкором Путной в качестве главного обвиняемого. Тучи сгущались и над головой самого Тухачевского, если судить по тому, как мало о нем писали в связи с последними маневрами. А Ворошилов, делясь в Киеве впечатлениями о белорусских маневрах, говорил о «кознях врагов» и призывал к «неусыпной бдительности»[33].

Однако последующее падение Наркома внутренних дел Ягоды рассматривалось как частичная победа армии. Немецкие дипломатические доклады того времени утверждали, что никаких военных судить больше не будут и что сам Тухачевский полностью реабилитирован[34].

Но как всегда это «облегчение» оказалось просто очередным маневром Сталина. Ни Шмидта, ни Путну не освободили, и вскоре Ежов уже планировал более мощный удар по военачальникам. Есть сообщения, правда, не подтвержденные[35], что с самого ареста Путны от него хотели получить показания, что Тухачевский был английским шпионом. Эти показания было бы наиболее естественно вложить в уста именно Путны, поскольку он занимал пост в Лондоне. Во время прошедших процессов подсудимые часто обвинялись в том, что работали в пользу различных иностранных государств. Тем не менее, это обвинение в последующей пропаганде развития не получило, ибо, возможно, было заслонено «связью» с немецкими фашистами.

Как мы видели, на процессе Пятакова и других прозвучало еще одно обвинение против Путны — в данном случае обвинение лишь в терроре, не в измене. 24 января 1937 года Радек на суде заметил, как бы попутно, что Путна приходил к нему «передать одну просьбу Тухачевского»[36]. На следую-

щий день состоялся удивительный диалог между Вышинским и Радеком:

Вышинский: Обвиняемый Радек, в ваших показаниях сказано: «В 1935 году... мы решили созвать конференцию, но перед этим, в январе, когда я приехал, ко мне пришел Виталий Путна с просьбой от Тухачевского...». Я хочу знать, в какой связи вы упомянули имя Тухачевского?

Радек: Тухачевский имел правительственное задание, для которого не мог найти необходимого материала. Таким материалом располагал только я. Он позвонил мне и спросил, имеется ли у меня этот материал. Я его имел, и Тухачевский послал Путну, с которым вместе работал над заданием, чтобы получить этот материал от меня. Конечно, Тухачевский понятия не имел ни о роли Путны, ни о моей преступной роли...

Вышинский: А Путна?

Радек: Он был членом организации; он пришел не по делам организации, но я воспользовался его визитом для нужного разговора.

Вышинский: Итак, Тухачевский послал к вам Путну по официальному делу, не имевшему никакого отношения к вашим делам, поскольку он, Тухачевский, никак не был связан с вашими делами?

Радек: Тухачевский никогда не имел никакого отношения к нашим делам.

Вышинский: Он послал Путну по официальному делу?

Радек: Да.

Вышинский: И вы воспользовались этим в ваших собственных интересах?

Радек: Да.

Вышинский: Правильно ли я вас понял, что Путна был связан с членами вашей троцкистской подпольной организации, и что вы упомянули Тухачевского только потому, что Путна приходил к вам по официальному делу на основании приказа Тухачевского?

Радек: Я это подтверждаю, и я заявляю, что я никогда не имел и не мог иметь никаких связей с Тухачевским по

линии контрреволюционной деятельности, потому что я знал, что Тухачевский — человек, абсолютно преданный партии и правительству[37].

Прочитав об этом, один опытный работник НКВД сразу сказал, что Тухачевский пропал. Почему, спросила его жена, ведь показания Радека так категорически исключают его вину? А с каких это пор, — был ответ, — Тухачевскому понадобилась характеристика Радека?[38].

Весь этот неуклюжий диалог был успокоительным ходом, без сомнения продиктованным лично Сталиным, возможно, по настоянию Тухачевского, после того, как его имя было накануне названо. Весьма типично, что маршал получил полное удовлетворение самым поверхностным путем. Он вряд ли мог теперь требовать более ясной оценки своей лояльности и невиновности. И в то же время сама мысль о возможной виновности была пущена в ход. И когда Вышинский в своей обвинительной речи говорил о том, что подсудимые признались во многом, но не во всем, что касалось их преступных связей, то это явно была укладка фундамента для возведения дальнейших обвинений и на Тухачевского, и на кого угодно.

Когда Шмидта, в конце концов, сломили суровыми допросами, его показания, по-видимому, стали циркулировать в высших кругах партии. Якир решил проверить обвинения. Он настоял на том, чтобы ему дали свидание со Шмидтом в тюрьме. Шмидт исхудал, был совсем седой, выглядел апатично и говорил обо всем с безразличием. По описанию Якира, у него «был взгляд марсианина», как с другой планеты. Но когда Якир спросил его, соответствуют ли действительности данные им показания, Шмидт сказал, что не соответствуют. Якиру не позволили расспрашивать его о деталях, но он получил записку от Шмидта к Ворошилову с отрицанием всех возведенных на него обвинений. Якир передал эту записку Ворошилову и сказал ему, что обвинения были явно ложными.

Очень довольный этими результатами, Якир вернулся в Киев. Но радовался он недолго. Ибо вскоре Ворошилов позвонил ему по телефону и сказал, что на следующий день, после

свидания в тюрьме с Якиром, Шмидт подтвердил снова свои показания и ставит в известность Ворошилова и Якира, что его прежние признания были правильными[39]. (Теперь известно, что в результате девятимесячных допросов Шмидт либо к тому времени, либо вскоре после этого дал показания, о которых не сообщили Якиру и другим командирам, — показания против Якира. Шмидт «признался», что по наущению Якира хотел поднять свое танковое соединение на мятеж).

Более чем вероятно, что Якир, как, по-видимому, и другие военные, действительно сопротивлялся террору на февральско-мартовском пленуме Центрального Комитета. Во всяком случае его смелое настояние на встрече со Шмидтом в тюрьме показывает, что Якиру было не занимать храбрости.

3 марта 1937 года с трибуны пленума, уже после ареста Рыкова и Бухарина, Сталин вкратце сказал о том, какой вред могут нанести «несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии»[40], а Молотов «прямо призывал к избиению военных кадров, обвинял его (пленума) участников в нежелании развернуть борьбу против «врагов народа»[41].

На пленуме была одержана решающая политическая победа по вопросу о терроре, и для дальнейшего распространения террора уже готовилась солидная организационная база. В апреле НКВД, «прочищенный» Ежовым, был готов к дальнейшим операциям, а, говоря языком хрущевского времени, «вскоре после пленума пробравшимися в органы Наркомвнудела карьеристами и провокаторами была сфабрикована версия о "контрреволюционной военной фашистской организации" в вооруженных силах»[42].

До тех пор жертвами Сталина были почти исключительно бывшие участники оппозиции. Это верно и в отношении Бухарина и Рыкова. Теперь впервые Сталин перешел к массивным ударам по своим собственным сторонникам. Что касается бывших оппозиционеров, даже Бухарина и Рыкова, то партийная элита могла до известной степени полагать, что с ними сводили старые счеты, — а сведение счетов давно уже практиковалось в ВКП[б]. В какой-то мере влияла на умы и теория

о том, что Сталин расправлялся с соперниками, с группой, которая могла придти к руководству вместо него. Но если теперь уничтожались верные сторонники Сталина, люди, не принимавшие участия ни в каких оппозиционных движениях, то тут уже никто не мог чувствовать себя в безопасности. К тому же не было видно никакого принципа в отборе жертв.

В этих обстоятельствах Сталин вполне резонно мог подумать, что высшее военное командование, представители которого сопротивлялись даже репрессиям против Бухарина или с очевидной неохотой подчинились этому партийному решению, могло пойти на открытое сопротивление. Нарушив принцип политической верности, Сталин сам освободил этих людей от обязательств, налагаемых партийной дисциплиной. Поэтому довольно естественно, что запланированный Сталиным удар по военному командованию пришелся как раз на тот период, когда вождь стал уничтожать своих собственных недостаточно покорных сторонников.

Это уничтожение, как все у Сталина, шло постепенно. После ареста Ягоды 3 апреля 1937 года на освободившийся пост Наркома связи был назначен командарм Халепский, специалист по бронетанковым войскам из группы Тухачевского. Это назначение было столь же абсурдным, сколь и зловещим.

В апреле исчез комкор Геккер — начальник управления международных связей Красной Армии, а потому особенно подходящая фигура для обвинений в шпионаже. В том же месяце был взят командующий Уральским военным округом комкор Гарькавый. Он был одним из ближайших сотрудников Якира; они даже были женаты на родных сестрах. И снова Якир выказал нежелательную смелость, обратившись к Сталину[43]. Сталин его успокоил, сказав, что серьезные обвинения против Гарькавого были выдвинуты теми, кто уже находился под арестом, но что, если он окажется невиновным, его выпустят.

28 апреля 1937 года «Правда» опубликовала многозначительный призыв к Красной Армии овладеть политикой и бо-

роться как с внешним, так и с внутренним врагом. Это было правильно понято высшим командованием, уже испытавшим несколько потрясений, как сильнейший, хотя и не прямой удар.

На первомайском параде 1937 года Тухачевский первым появился на трибуне, предназначенной для военного командования. Он шел в одиночестве, заложив большие пальцы рук за пояс. Вторым пришел Егоров, но он не посмотрел на своего коллегу и не отсалютовал ему. К ним в молчании присоединился Гамарник. Военных окружала мрачная, леденящая атмосфера. По окончании парада Тухачевский не стал дожидаться демонстрации и ушел с Красной площади[44].

В апреле его назначили присутствовать при коронации короля Георга VI в Лондоне. 3 мая документы Тухачевского были посланы в Британское посольство, но на следующий день посольству сообщили, что по состоянию здоровья Тухачевский не сможет приехать. Вместо него выехал адмирал Орлов.

Офицер, несколько раз встречавший Тухачевского в мае 1937 года, сообщает о том, что маршал выглядел необыкновенно мрачно после того, как имел разговор с Ворошиловым. Через несколько дней у Тухачевского с Ворошиловым была еще одна беседа. Ворошилов был холоден и формален. Он коротко объявил маршалу, что его снимают с поста заместителя Наркома обороны и переводят в Волжский военный округ — в один из самых незначительных, располагавший тремя пехотными дивизиями и несколькими отдельными соединениями.

Тухачевский в то время сказал одному из своих друзей: «Дело не столько в Ворошилове, сколько в Сталине»[45].

Это назначение вместе с несколькими другими стало официально известно 10-11 мая, когда была объявлена целая серия перемещений высших военачальников. Эти перемещения наиболее ясно свидетельствуют о тогдашних намерениях Сталина. Гамарник, подобно Тухачевскому, был снят с поста

заместителя Наркома обороны. Более хитрым ходом было перемещение Якира из Киева в Ленинград; в отличие от нового назначения Тухачевского, это не было очевидным понижением по службе. Кроме того, ни Тухачевский, ни Якир не были посланы на свои новые места службы с унизительной поспешностью: они оставались соответственно в Москве и Киеве приблизительно до конца мая.

Тем временем постановлением от 8 мая 1937 года[46] была восстановлена прежняя система двойного подчинения, при которой власть политических комиссаров приравнивалась к власти боевых командиров. В свое время, когда такая мера была принята впервые, официальной причиной было то, что так называемые «военспецы» были, в основном, бывшими царскими офицерами и им нельзя было полностью доверять. Восстановление этой системы уже при новом вполне советском командном составе было яркой демонстрацией недоверия к командным кадрам. 9 мая в армию была спущена инструкция, призывавшая к повышению бдительности.

11 мая был нанесен первый удар по Дальневосточной армии в виде ареста комкора Лапина, начальника штаба ДВА. (Лапин покончил с собой после пыток в Хабаровской тюрьме.)[47] В тот же день в Москве схватили более крупную добычу — командарма Корка из Военной академии им. Фрунзе.

Это означает, что к середине мая трое из намеченных жертв операции «Тухачевский» были уже под арестом, и давление на Тухачевского и Якира нарастало. Но внешне дело выглядело так, что всех высших командиров намеревались перевести на новые назначения до того, как НКВД нанесет последний удар. Если первоначальные намерения были, действительно, таковы, то это означает, что в середине мая планы внезапно переменились.

Как пишет в своих мемуарах бывший гитлеровский разведчик Вальтер Шелленберг[48], «документы», свидетельствующие, что Тухачевский был немецким шпионом, были переданы

в советские руки как раз около этого времени. Эти «документы» были сфабрикованы в Восточном отделе гитлеровской службы безопасности (СД). Но подоплека у этой истории совсем не простая.

ПАРТНЕРЫ-ПРОТИВНИКИ

> Я знаю, как любит немецкий народ своего Фюрера. Я хотел бы поэтому выпить за его здоровье.
>
> *Сталин, 24 августа 1939 г.*

Сталинский взгляд на фашизм имел несколько особенностей. Конечно, фашизм был давно объявлен худшей формой власти буржуазии и «научно» провозглашен слугой монополистического капитала. Хотя, таким образом, само слово «фашизм» было в Советском Союзе одним из наиболее зловещих, его эффективность была значительно ослаблена тем, что «фашистами» в СССР было принято называть и социал-демократов («социал-фашисты»). В результате этой путаницы понятий германской компартии было приказано (против ее воли) бросить свои главные силы не против нацистов, а против буржуазно-социалистических коалиционных правительств — до такой степени, что в прусском референдуме 1931 и в транспортной забастовке 1932 года коммунисты активно сотрудничали с нацистами против умеренных. Ясное свидетельство такой направленности германской компартии, а также свидетельство того, что приказ исходил от Коминтерна, содержится в речи О. Пятницкого на XXII пленуме Исполкома Коминтерна[49].

Когда такая тактика привела к победе Гитлера, разгром германской компартии был представлен, согласно новому сталинскому стилю, как победа. По новой концепции Гитлер был своего рода «ледоколом революции» — он был последней

отчаянной попыткой буржуазии удержать власть, и его падение должно было привести к полному краху капитализма. Эта точка зрения быстро входила в моду.

Когда, однако, Сталину стало ясно, что гитлеризм не находится на пороге падения — к этому заключению Сталин, вероятно, пришел после «ночи длинных ножей» в июне 1934 года, покончившей с Ремом и его сторонниками, — его продолжали удерживать от сближения с новым диктатором отнюдь не идеологические причины. Трудность была скорее в том, что Гитлер выглядел исключительно непримиримым антикоммунистом. Видя, как наращивает Гитлер германское военное и экономическое могущество, Сталин начал рассматривать проблему в комплексе. Очевидная военная угроза со стороны Гитлера могла быть блокирована двумя путями — силой или договором. Если решать проблему придется силой, тогда нужно строить мощный антифашистский союз. Если возможен договор, то лучше всего достичь его с позиции силы. По этим соображениям с середины тридцатых годов и советская внешняя политика и тактика Коминтерна были направлены на создание системы партийных и государственных союзов против Германии.

В 1936 году, после того как внешняя политика Советского Союза была переориентирована указанным образом, Наркому иностранных дел Литвинову, давно уже выступавшему за союз с Западом, стало легче работать. Однажды в ходе одного заседания, Сталин положил руку на плечо наркома и сказал: «Видите, мы можем придти к соглашению». Литвинов (так, во всяком случае, рассказывал Эренбургу З. Я. Суриц) «снял руку Сталина со своего плеча: "Ненадолго..."»[50].

Часто высказывается мнение, что одним из мотивов сталинского террора, особенно в армии, было желание Сталина получить свободу маневра, результатом которой явился советско-гитлеровский пакт 1939 года. Прежняя, донацистская прогерманская ориентация не была ведь идеологической, и союз даже с очень «реакционной» Германией против «богатых» держав давно принимался как должное армией и большинст-

вом в партии. Изменения наступили только тогда, когда гитлеровский фашизм начал выглядеть открытой угрозой Советскому Союзу. После этого начались кампании народного фронта, проводимые Коминтерном, был заключен франко-советский пакт и т.д. Когда эти изменения наступили, они были приняты внутри СССР очень тепло. В стране и в партии новые союзы на государственном и партийном уровнях рассматривались как возможность «поворота направо», примирения с демократией. Тем временем Тухачевский и вообще военные с энтузиазмом работали над настоящей модернизацией армии, чтобы сделать ее способной противостоять не только полякам и туркам, но и высокому потенциалу мобилизованной Германии.

Однако для Сталина все кампании народного фронта и все пакты были результатами не убеждения, а расчета.

Пока и поскольку всякие там убеждения и муки совести были ощутимы в Коминтерне, сталинская свобода действий в сближении с немцами была, понятно, ограничена. Ведь идеологические концепции, чувства социалистов были твердо антифашистского характера. Сталину было просто необходимо сокрушить независимые, недисциплинированные мнения в международном масштабе, чтобы иметь возможность торговаться свободно. Есть любопытное сообщение о том, что узники сталинских лагерей уже в 1938 году начали предсказывать возможность нацистско-советского пакта на основании того, какие категории людей арестовывались. Особенно выразительными были аресты зарубежных коммунистов[51].

Когда в августе 1939 года пакт был заключен, стал виден эффект интенсивной организационной работы и пропагандной кампании в Коминтерне. Во всем мире, с незначительными и временными исключениями, коммунистические партии согласились с переменой фронта и начали разъяснять ее необходимость — иногда в вечерних выпусках тех же самых газет, которые еще утром требовали борьбы до последнего против нацизма. Из руководства иностранных компартий вышли в отставку только отдельные личности.

Еще на XVII партийном съезде в 1934 году Сталин намекал на возможную альтернативу в виде соглашения с Германией: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной»[52].

В августе 1935 года иностранный отдел НКВД представил Сталину пессимистический доклад о том, чувствуется ли в Германии стремление к договору с Советским Союзом. Однако есть сведения, что, по словам докладывавшего Сталину сотрудника, это на Сталина не подействовало, и он продолжал считать, что соглашение могло быть достигнуто[53].

Литвинов был прав. С самого 1936 года, угрожая своей возможной антигерманской политикой, Сталин зондировал почву среди нацистов через своих личных эмиссаров.

В советское посольство в Берлине прибыл под видом «коммерческого атташе» представитель личного секретариата Сталина, его старый прихвостень Давид Канделаки. Он стал деликатно нащупывать почву. В декабре 1936 года Канделаки встретился с Яльмаром Шахтом, чтобы выяснить возможности расширения советско-германской торговли. Шахт ответил, что условием для такого расширения должно быть прекращение коммунистической деятельности в Германии, поддерживаемой из Советского Союза. Канделаки вернулся в Москву, чтобы доложить Сталину, и к началу нового года был составлен письменный проект, предусматривающий открытие переговоров либо через послов, либо, если бы пожелали немцы, по секретным каналам. Проект содержал напоминание немцам, что подобное соглашение уже раньше предлагалось Советским Союзом. 29 января 1937 года Канделаки (он, кстати, позже был арестован и, видимо, умер в лагере)[54] снова нанес визит Шахту совместно с доверенным лицом НКВД Фридрихсоном. Посетители сделали гитлеровскому министру устное предложение, исходившее от Сталина и Молотова, об открытии прямых переговоров. Шахт ответил, что это предложение должно быть передано в германское министерство иност-

ранных дел и снова добавил, что, по его мнению, следовало бы умерить коммунистическую агитацию. 10 февраля Нейрат советовался с Гитлером по поводу этих предложений и на следующий день написал Шахту, многозначительно заметив, что нет практического смысла вступать с советской стороной в соглашение по поводу прекращения коммунистической пропаганды. Что касается существа дела, Нейрат писал, что в существующей обстановке советские предложения не заслуживают дальнейшей разработки. Если, однако, Россия будет «развиваться далее по линии абсолютного деспотизма, поддерживаемого армией», то контакт определенно надо будет установить.

А тем временем в Советском Союзе шел суд над Пятаковым и другими — суд с резкими антифашистскими обвинениями. Но даже здесь Сталин действовал двойственным образом. Немецкий военный атташе генерал Кестринг, на чье соучастие в заговоре указывали подсудимые, не был даже объявлен «персона нон грата». Есть сообщения, что решение это было принято под значительным давлением германского правительства. Мягко говоря, любопытное решение!

Пока что сталинский зондаж был бесплодным. Но ведь намек был сделан. Германские руководители имели теперь то преимущество, что им предложили соглашение.

А покуда шли реальные попытки Сталина установить связь с Гитлером, в СССР возводились обвинения в измене на основе контактов между высшим командованием Красной Армии и нацистами — контактов, которых на деле никогда не было.

Если уж говорить о контактах, то в темном мире секретных служб известная степень контакта уже поддерживалась в то время между НКВД и немецкой службой безопасности СД, руководимой Рейнгардтом Гейдрихом.

После подавления германской компартии операции против ее подпольных остатков стали обыкновенной секретно-полицейской работой. И, как во многих сложных операциях подобного типа, тайная полиция нацистов оставила несколь-

ких подпольных коммунистов нетронутыми, имея в виду поддерживать через них политический контакт. (Во время войны на оккупированных территориях гестапо тоже поддерживало контакт с местными коммунистическими партиями — по крайней мере в первый период, до начала германо-советской войны. Во Франции переговоры с французской компартией достигли стадии обсуждения того, чтобы разрешить выпуск «Юманите». В оккупированной Норвегии на короткое время разрешались коммунистические публикации. Такое же положение существовало в Бельгии).

Махинации, имевшие целью скомпрометировать высшее командование Красной Армии, начались еще в декабре 1936 года. В начале декабря начальник иностранного отдела НКВД Слуцкий был занят поисками двух агентов, способных с этой целью разыграть роль немецких офицеров. Таковых нашли, их держали наготове в Париже, но, в конце концов, им сказали, что задание откладывается[55].

Среди русских зарубежных организаций, в которые стремились проникнуть как НКВД, так и германская разведка, был РОВС (Российский Обще-Воинский Союз) с главной квартирой в Париже. 22 сентября 1937 года НКВД выполнил специальную операцию — похищение и убийство руководителя РОВСа генерала Миллера. Это, по-видимому, была попытка поставить во главе Союза заместителя Миллера — генерала Скоблина. В течение долгого времени Скоблин работал как с советской, так и с германской секретной службой, и едва ли можно сомневаться, что он был одним из тех связующих звеньев, через которые проходил обмен информацией между службой СД и НКВД. Первый шаг в этом затеянном Сталиным[56] темном деле состоял, по-видимому, в том, что НКВД послал через Скоблина в Берлин версию о том, будто высшее командование Красной Армии и, в частности, Тухачевский находились в заговоре с германским генеральным штабом.

Хотя в кругах немецкой службы безопасности СД эту версию прямо рассматривали как подброшенную НКВД, Гейдрих решил ее использовать — в первую очередь, против

германского генштаба, с которым, как указывает английский военный историк Эриксон, служба Гейдриха была в постоянном соперничестве[57]. Итак, для руководителя СД Гейдриха главным во всем деле было скомпрометировать руководство германской армии. Но, по мере развертывания операции, эта сторона дела отошла на задний план и нас теперь не интересует.

В докладе секретаря ЦК польской объединенной рабочей партии В. Гомулки на XIX пленуме ЦК ПОРП[58] мы находим подтверждение того, что к концу 1936 года в самых высших германских кругах, с участием Гитлера и Гиммлера, всесторонне обсуждалась компрометация Тухачевского. Было решено, что это обезглавит Красную Армию и потому попробовать стоит[59]. Как советские, так и западные источники согласны в том, что слух о немецких контактах с Тухачевским был пущен нацистами через президента Чехословакии Бенеша[60].

Информация поступила к нему еще в последние месяцы 1936 года. Бенеш конфиденциально переслал ее французам, чья уверенность в надежности франко-советского пакта, по словам Леона Блюма, сильно после этого поколебалась[61]. Кроме того, президент Бенеш, как подтверждает несколько советских источников, передал эти сведения Сталину в качестве жеста доброй воли. Гомулка сообщает, что эта ложная информация пришла за некоторое время до сфабрикованного «документального свидетельства», так что предварительные сведения об «измене» были в руках Сталина уже во время февральско-мартовского пленума 1937 года[62].

Подготовка хорошего «документального свидетельства» была поистине художественной работой и потребовала времени. В марте-апреле 1937 года Гейдрих и Беренс (впоследствии возглавлявший СС в Белграде, казненный в 1946 году правительством Тито) приказали сфабриковать фальшивое «досье» в виде писем, которыми германское верховное командование якобы обменивалось с Тухачевским на протяжении года. Как сообщил автору этой книги профессор Эриксон, эту тонкую работу выполнил гравер Франц Путциг, в течение долгого

времени работавший на германскую секретную службу и изготовивший для нее немало фальшивых паспортов и других документов. «Досье», подготовленное Путцигом, состояло из 32 страниц, и к одной из них прилагалась даже фотография Троцкого, снятого вместе с немецкими официальными лицами. Существует несколько версий об этой фальшивке, среди них — версия полковника Нойокса, в прошлом одного из подручных Гейдриха. Согласно этой версии, германская секретная служба располагала подлинными подписями Тухачевского, взятыми с тайного соглашения 1926 года между руководством Красной Армии и высшим командованием Рейхсвера. Этим соглашением предусматривалась техническая помощь немцев советскому воздушному флоту. Так было изготовлено письмо за подписью Тухачевского, воспроизводившее даже его стиль. На подложном письме были подлинные штампы «абвера» — «Совершенно секретно», «Конфиденциально». Все досье состояло из этого подложного немецкого письма и 15 других немецких документов, столь же фальшивых. Подписи немецких генералов были взяты с их банковских чеков. В начале мая это «досье» было показано Гитлеру и Гиммлеру, после чего вся операция получила окончательное одобрение. По соображениям безопасности служба СД решила не посылать эти документы по чехословацкому каналу, а сумела переслать их прямо Ежову. Наиболее вероятно, что это было сделано через двух захваченных в Германии агентов НКВД и еще какого-то третьего советского представителя, личность которого не выяснена по сей день. Так или иначе, документы были в руках Сталина к середине мая.

Лев Никулин в своей книге «Маршал Тухачевский» дает более или менее то же освещение всему делу, но, по-видимому, считает, как и почти все остальные источники, что немецкая разведка передала документы (фотокопию «досье») Бенешу, а не Ежову[63]. Черчилль согласует обе версии. По его словам, существуют данные, будто НКВД, получив документы от немецкой разведки, перепроводил их чехословацкой полиции, чтобы создать впечатление у Сталина (которому Бенеш их

передал), что он, Сталин, получил их из дружественных иностранных рук[64].

Наличие «документального подтверждения» «измены» военачальников определило окончательную линию поведения властей во время удара по армии. Главным пунктом обвинения стала именно измена, а связи с Троцким и обвинение в терроре, хотя и оставались в деле, отошли на второе место. Уже 20 мая был расстрелян в тюрьме без всякой огласки Дмитрий Шмидт[65]. А сохранение Шмидта в живых было бы необходимо до процесса генералов на случай, если бы главное обвинение против них пришлось строить на троцкизме. Но теперь Дмитрий Шмидт, как связующее звено между военачальниками и Троцким, был уже не важен: имелось ведь более существенное обвинение. И Шмидта ликвидировали.

В тот же самый день в кругах НКВД начали циркулировать панические слухи относительно только что раскрытого заговора. Есть на этот счет сообщение работника НКВД, покинувшего СССР 22 мая: он сообщил, что весь руководящий состав был охвачен паникой[66].

22 мая последовал арест еще одного «участника заговора» — комкора Эйдемана. Его вызвали из президиума московской партийной конференции, проходившей в здании Моссовета, и тут же увезли в НКВД[67]. Через три недели его судили и на следующий же день расстреляли. «Его жизнь, — пишет советский историк Д. В. Панков, пользуясь официальной формулой, — трагически оборвалась 12 июня 1937 года»[68]. Официальным поводом к аресту Эйдемана послужило то, что он подписал рекомендацию в партию Корку.

Подобно Якиру, Эйдеман представляется нам противником террора. Весной 1937 года по окончании одного из партийных собраний он тихо заметил своему знакомому: «Сегодня ночью у нас арестован еще один товарищ. Кажется, это был честный человек. Не понимаю...»[69].

Через день или два последовал арест комкора Фельдмана. Мы располагаем сегодня показаниями генерал-лейтенанта Я. П. Дзенига о его последних встречах с Тухачевским. По

свидетельству этого офицера, Тухачевский выглядел угрюмо. Он сказал, что узнал сейчас очень плохую новость – арестован Фельдман. По этому поводу Тухачевский с болью сказал: «Какая-то грандиозная провокация!»[70]. Разумеется, Тухачевский уже знал, что попал в западню. Когда он, направляясь к новому месту службы в Куйбышев, ехал на вокзал, его шофер посоветовал, чтобы маршал написал Сталину и рассеял очевидные недоразумения. Тухачевский ответил, что он уже написал[71].

Прибыв 26 мая 1937 года в Куйбышев, Тухачевский в тот же вечер произнес короткую речь на окружной партконференции. Один из присутствовавших, хорошо знавший Тухачевского, отметил, что за два месяца, в течение которых он не видел маршала, в волосах Тухачевского пробилась седина[72].

На следующем заседании конференции Тухачевский уже не появился[73].

Тухачевского попросили по дороге в штаб округа заехать ненадолго в обком партии. Через некоторое время оттуда вышел бледный Дыбенко (которого Тухачевский должен был заменить на посту командующего округом) и рассказал своей жене, что Тухачевский арестован[74].

О передаче дела Тухачевского в следственные органы другие высшие командиры узнали вечером 28 мая – по официальным, но секретным каналам[75]. Таким образом, ясно, что дальнейшие аресты, после Тухачевского, никак не могли быть громом среди ясного неба.

Следующим на очереди был командарм Уборевич. 29 мая он, по словам дочери, «получил вызов из Смоленска в Москву» и был арестован в Москве сразу же по выходе из вагона[76]. Две недели спустя, 11 июня 1937 года, он предстал перед судом и был расстрелян на следующий же день[77].

По словам генерала Горбатова[78], вскоре после ареста Тухачевского «На киевской окружной партконференции... И. Э. Якир, всегда веселый и жизнерадостный, выглядел за столом президиума сосредоточенным и угрюмым». 30 мая Якиру позвонил Ворошилов и приказал немедленно прибыть

в Москву на заседание Военного совета. Якир сказал, что может немедленно вылететь самолетом, но Ворошилов велел ему ехать поездом — ясное указание на то, что Нарком обороны знал планы НКВД во всех деталях[79].

В тот же день Якир выехал из Киева поездом, отправившемся в 1 час 15 минут дня. На рассвете 31 мая поезд остановился в Брянске. В вагон вошли работники НКВД и арестовали командарма. Его адъютант Захарченко арестован не был, и Якир смог сообщить через него жене и сыну о том, что он ни в чем не виновен.

У сотрудников НКВД Якир потребовал ордера на арест, а когда ему показали ордер, он попросил дополнительно, чтобы ему показали решение Центрального Комитета. Ему ответили, что этого решения ему придется подождать до приезда в Москву. Командарма бросили в арестантский автомобиль и повезли в Москву со скоростью ста километров в час. На Лубянке его втолкнули в одиночную камеру, сорвав все знаки отличия, ордена и медали[80].

31 мая было покончено с последним из «заговорщиков». На следующий день было объявлено, что «бывший член ЦК ВКП[б] Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами, и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством»[81].

Есть сообщения, что Гамарник покончил с собой не потому, что боялся, что его сделают участником «заговора» Тухачевского, а напротив: ему сказали, что он должен будет стать членом военного суда над арестованными военачальниками. Правда, из тех же источников известна и другая версия: Гамарнику будто бы обещали помилование, если он даст показания против своих коллег[82].

В позднейших советских изданиях сведения о самоубийстве Гамарника также разноречивы. Одно говорит, что он покончил жизнь самоубийством «накануне своего ареста»[83], а другое — что Гамарник покончил с собой не для того, чтобы избежать ареста, а в знак протеста против террора[84]. Согласно третьему, наконец, 31 мая в пять часов вечера Булин вместе

с еще одним командиром посетили Гамарника у него дома, так как он был болен. Они сообщили Гамарнику об аресте Якира и снятии самого Гамарника с поста начальника Политуправления. После того как они вышли из комнаты, раздались выстрелы, и тут же Гамарника нашли мертвым[85]. Ходили даже слухи, что он не сам покончил с собой, а был попросту убит[86]. Тотчас после его гибели его объявили троцкистом, фашистом и шпионом[87], а Ворошилов в «приказе № 96» даже разразился против него бранью, назвав его «предателем и трусом»[88].

Тем временем, сидя на Лубянке, Якир писал в Политбюро, требуя немедленного освобождения или встречи со Сталиным. Вместо всего этого, ему устроили жестокий девятидневный допрос, в ходе которого объявили, что все «Якировское гнездо» теперь арестовано. Обвинение, выдвинутое против Якира, было настолько серьезно, что в сравнении с ним весь прежний «сценарий», признания которого так добивались ежовские следователи от Шмидта, выглядел кустарной стряпней. Обвинение гласило «гитлеровский шпион»[89] и состояло теперь в связях с нацистами, а не просто в троцкизме и терроризме.

Якир послал письмо Сталину, заверяя его в своей полной невиновности. Он писал:

«Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей... Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к вам, к партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма». По свидетельству А. Н. Шелепина: «На этом письме Сталин начертал: «Подлец и проститутка». Ворошилов добавил: «Совершенно точное определение». Молотов под этим подписался, а Каганович еще приписал: «Предателю, сволочи и... (дальше следует хулиганское нецензурное слово) одна кара — смертная казнь»[90].

В начале июня проходило расширенное заседание Военного совета совместно с членами правительства. То самое заседание, на которое был приглашен Якир, не зная еще,

что на повестке дня стоял «один вопрос» — о раскрытии контрреволюционной военной фашистской организации»[91]. Выступил сам Сталин.

Замечательно, что теперь, после всех трудов и всей изобретательности, вложенных в получение немецкого «досье» против обвиняемых, Сталин об этом «досье» даже не упомянул. Вместо этого, «в своем выступлении, а затем в многочисленных репликах, ссылаясь на сфабрикованные показания репрессированных военных деятелей, он требовал полностью ликвидировать не существовавший в вооруженных силах «заговор» и его последствия и, по сути дела, призывал к избиению военных кадров. Кроме того, он также выдвинул обвинение против еще целого ряда командиров, включая начальника штаба противовоздушной обороны командарма Седякина, начальника академии Генерального штаба комдива Кучинского и начальника Политуправления Ленинградского военного округа И. Е. Славина»[92]. Что касается «досье», то оно, по-видимому, имело хождение лишь в очень узком сталинско-ежовском кругу, служа основанием для создания заданной атмосферы срочности и паники. Весьма возможно, что Сталин применил это немецкое «досье», «чтобы приказать судьям вынести смертный приговор Тухачевскому»[93]. Возможно, что судьи, или кто-то из них, действительно видели документ или слышали о нем. Но никакого официального отражения это обстоятельство не нашло. Вероятнее всего Сталин решил, что теперь может обойтись без сомнительного «документа» и что испытанная система признаний обвиняемых может дать нужные свидетельства. Ведь было бы неловко, если бы даже на закрытом суде кто-либо из обвиняемых командиров смог разоблачить фальшивку по какому-нибудь пункту, не замеченному Ежовым. Хотя «документы» и были искусными подделками, они все-таки не полностью соответствовали тонкому чувству нюансов, характерному для Сталина.

Одна из неудовлетворительных подробностей заключалась, например, в том, что из всех военачальников «досье»

уличало одного Тухачевского. Другая любопытная деталь: по имеющимся сведениям, в «досье» упоминался в качестве участника переписки бывший посол СССР в Берлине, а затем в Париже — Суриц; по игре судьбы Суриц оказался одним из весьма немногих советских послов, переживших террор невредимыми.

Во всяком случае ясно, что скорострельный суд признал обвиняемых виновными на основании устных заявлений Сталина на Военном совете без привлечения «досье» в подтверждение выдвинутых обвинений в связях с немецкой разведкой[94]. В обвинительном заключении по делу Бухарина сказано также, что вина подсудимых подтверждается «материалами не только настоящего следствия, но и материалами судебных процессов, прошедших в разных местах в СССР, и, в частности, судебных процессов по делу группы военных заговорщиков — Тухачевского и других, осужденных Специальным присутствием Верховного Суда СССР 11 июня 1937 года»[95]. На этом суде вообще выдвигались различные обвинения против военных, но все они появлялись в ходе показаний обвиняемых, и никакие «материалы» суда над военными представлены не были.

По сообщению «Правды» от 12 июня 1937 года, в состав суда, рассматривавшего за закрытыми дверями 11 июня дело военачальников, входили, в дополнение к председателю Ульриху, маршалы Блюхер и Буденный, командармы Шапошников, Алкснис, Белов, Дыбенко и Каширин, а также комкор Горячев. Из этого списка лишь Ульрих да Буденный пережили весь террор. Согласно Советской исторической энциклопедии, Каширин умер 14 июня 1938 года, и обстоятельства его смерти не совсем ясны. Комкор Горячев тоже вскоре умер, и можно полагать, что его смерть была естественной. На Западе высказывалось предположение, что в состав суда должен был входить также маршал Егоров, однако, в окончательном списке его имя так и не появилось. Имеются также непроверенные сообщения, что один из членов суда — Алкснис — сам нахо-

дился под арестом до процесса[96]. Это чрезвычайно правдоподобно, т.к. Б.С.Э. (3-е изд., т. 1, 1970, стр. 444) датирует его смерть (вероятно, казнь) 29 июля 1938 года.

Последние дни жизни генералов и сам суд над ними окутаны таким плотным покровом тайны, что и сегодня в этом покрове видны лишь отдельные просветы. Например, долго и упорно говорилось, что никакого суда вообще не было. Два наиболее крупных советских офицера, перешедших на Запад перед войной, — Орлов из НКВД и Бармин из армии — люди, хорошо информированные и высокопоставленные, определенно придерживались такой точки зрения, и в целом с их мнением согласились лучшие западные специалисты.

С другой стороны, советский автор Дубинский пишет, что «это был формальный суд»[97], на котором Ульрих, обращаясь к Якиру, разглагольствовал о том, как во время его, Якира, визита в Берлин сопровождавший его немецкий офицер якобы завербовал командарма на службу к Гитлеру. Далее сообщается, что Якир все это с презрением отрицал.

Автор книги о Тухачевском Лев Никулин писал: «Суд состоялся при закрытых дверях... По некоторым совпадающим сведениям Тухачевский, обращаясь к одному из обвиняемых, который давал показания о его связи с Троцким, произнес такую фразу: «Скажите, это вам не снилось?». По другим сведениям он сказал: «Мне кажется, я во сне»[98].

В этом отрывке дается понять, что, представ перед судом, Тухачевский, так же как Якир, ни в чем не признался, но что кто-то из обвиняемых все-таки давал нужные показания. У Дубинского[99] мы находим утверждение, что Якир, Тухачевский, Уборевич и другие отрицали перед судом выдвинутые против них «обвинения в преступлениях, предусмотр. ст. ст. $58^{1б}$, 58^{8} и 58^{11} УК РСФСР», как гласит официальное сообщение в «Правде» 12 июня 1937 года — обвинения («в шпионаже и измене родине»), также официально признанные «клеветническими» много лет спустя[100].

Приговор исполнили не медля, в двадцать четыре часа. В «Правде» 13 июня напечатано следующее официальное

сообщение: «Вчера, 12 сего июня, приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу: Тухачевского, М. Н., Якира, И. Э., Уборевича, И. П., Корка, А. И., Эйдемана, Р. П., Фельдмана, Б. М., Примакова, В. М. и Путны, В. К.».

О всех командирах, поименованных в опубликованном приговоре, и сейчас официально говорится, что они «предстали перед закрытым Специальным присутствием Верховного Суда СССР»[101]. Но вполне возможно, что они предстали перед одним Ульрихом. Эренбург, однако, в своих воспоминаниях приводит слова командарма Белова о том, что «они вот так сидели — напротив нас, Уборевич смотрел мне в глаза»[102]. Однако в любом случае военные «судьи» не имели никакого голоса, и поэтому заслуживает доверия версия, что их подписи появились под приговором уже после казней, во время их встречи с Ежовым[103]. Как бы то ни было, но даже только из сегодняшних официальных сведений о судьбе Якира совершенно ясно, что суд, если и был, носил весьма поверхностный, формальный характер. Хотя командарма и допрашивали девять дней подряд перед судом, времени для подготовки процесса, даже по сталинским стандартам, определенно не осталось.

Сведения о том, как погибли осужденные командиры, весьма разноречивы. Говорят, например, что они были расстреляны во дворе здания НКВД на улице Дзержинского № 11, средь бела дня, причем мощные грузовики НКВД включили моторы на полную мощность, чтобы заглушить шум выстрелов; что расстрелом командовал бледный и потрясенный маршал Блюхер. А в качестве командира отделения палачей, расстреливавших генералов, называют Ивана Серова, в то время молодого офицера, недавно переведенного из армии в НКВД в порядке проводимой Ежовым замены старых кадров. Позже Серов возглавлял КГБ (до 1958 г.), а потом, до 1964 года, был руководителем советской военной разведки.

На XXII съезде партии Хрущев сказал, что «... в момент

расстрела Якир воскликнул: «Да здравствует Партия! Да здравствует Сталин!»... Когда Сталину рассказали, как вел себя перед смертью Якир, Сталин выругался в адрес Якира»[104].

Этот возглас «Да здравствует Сталин!» Хрущев представил в виде простого случая политической преданности. Однако генералы не были так наивны, чтобы думать, что Сталин не нес никакой ответственности за их судьбу. Якир был старым коммунистом, вполне способным вести политическую деятельность даже в момент смерти. Вернее он придерживался программы, сочетавшей поддержку Сталина с обвинениями против НКВД. Это была программа, способная мобилизовать наибольшее число сил для противодействия террору, и вполне можно думать, что Якир хотел показать: те, кто сопротивлялся террору на февральско-мартовском пленуме, не хотели свергать Генерального секретаря — они только старались выработать антиежовскую платформу.

Но, кроме того, мы знаем, что Якир все время думал о своей семье, и это тоже вынуждало его вести себя определенным образом. Если бы он в последние секунды жизни выказал сопротивление Сталину или произнес оскорбление по его адресу, это было бы явно не в интересах остававшихся в живых членов его семьи. За день до смерти в письме к Ворошилову Якир просил за свою семью:

«К.Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем неповинной. С такой же просьбой я обратился к Н. И. Ежову. Якир, 9 июня 1937 г.».

На этом письме Ворошилов пометил: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще. К. Ворошилов. 10 июня 1937 года»[105].

Попытка Якира спасти членов своей семьи от преследований была безуспешной. Его жена, «верный помощник на протяжении двадцати лет», была немедленно сослана в Астрахань вместе с сыном Петром, причем их паспорта были конфискованы. В городе на Волге они повстречались с семьями

Тухачевского, Уборевича, Гамарника и других. Дед молодого Петра Якира прятал газеты с обвинениями против командарма от его жены, и она увидела их только тогда, когда в Астрахани ей показала газеты жена Уборевича.

В этих газетах было опубликовано сфабрикованное письмо от жены Якира, содержавшее отречение от мужа. Она обратилась, пишет ее сын Петр, «в Астраханское управление НКВД и заявила протест. Ей предложили «если она хочет» написать опровержение. Но мы с дедом уговорили ее «не биться головой о стену» — опровержение все равно останется гласом вопиющего в пустыне»[106].

В начале сентября жену Якира арестовали. Несколько позже она была ликвидирована вместе с братом Якира, с женой другого брата, сыном жены этого другого брата и другими родственниками[107]. Двоюродная сестра Якира была приговорена в 1938 году к десяти годам заключения[108]. Четырнадцатилетний сын Петр был послан в детприемник. Через две недели ночью сотрудники НКВД забрали его оттуда, и он провел «много лет» в лагерях и тюрьмах. Сын Якира рассказывает, как в одном из Каргопольских северных лагерей Архангельской области встретил адъютанта отца и узнал от него всю историю ареста командарма[109]. На XXII съезде партии Хрущев рассказал, как Петр Якир подошел к нему во время поездки Хрущева в Казахстан. «Он спрашивал меня о своем отце. А что я ему мог сказать?»[110]. Между тем, в дни ареста и казни Якира Хрущев выражался о нем, как о «выродке, намеревавшемся открыть дорогу немецким фашистам»[111].

Жена Уборевича была сослана в Астрахань 12 июня. Она скрывала от своей дочери обвинения, выдвинутые против мужа, — дочери еще не было тринадцати лет. Девочка узнала обо всем от маленького Пети Якира. 5 сентября жена Уборевича была арестована НКВД. Она передала своей дочери фотографию, и больше они не виделись. Через 19 лет, в 1956 году, дочь узнала, что ее мать умерла в 1941 году.

Дочь Уборевича поместили в детприемник, где она встретилась с другими девочками — с Ветой Гамарник,

Светланой Тухачевской и Славой Фельдман. 22 сентября детей изъяли из детприемника и направили в детские учреждения НКВД[112].

У Тухачевского была большая семья. Двенадцатилетняя дочь маршала повесилась или сделала попытку покончить с собой после того, как другие дети стали оскорблять ее из-за отца[113].

Судьба других членов семьи Тухачевского рассказывается различно. По одной версии Льва Никулина, «по приказанию Сталина были физически уничтожены мать маршала Тухачевского, его сестра Софья, его братья Александр и Николай. Три сестры были высланы в лагеря, дочь, когда она достигла совершеннолетия, тоже была выслана»[114]. (Речь идет о Светлане, которой в момент смерти отца было одиннадцать лет; в возрасте семнадцати лет ее приговорили к пяти годам заключения как социально опасную; есть более поздние сообщения, что ее встречали в лагере Котласа вместе с дочерью Уборевича[115]. По другой версии того же Никулина, «физически уничтожены» были братья Тухачевского и его жена Нина Евгениевна. Мать же и сестра Софья «умерли в ссылке»[116].

Две бывших жены Тухачевского, вместе с супругой Фельдмана были отправлены в специальное лаготделение для членов семей «врагов народа» в Потьме в 1937 году. Дисциплина в этом лагере была строгой, но условия жизни сравнительно сносные. Позже, однако, женщин перевели в другой лагерь[117]. Еще одна сестра маршала объявила, что просит разрешения переменить фамилию. Из всей семьи Тухачевского выжили одна дочь и три сестры — они присутствовали на вечере, посвященном памяти расстрелянного маршала, в Военной академии им. Фрунзе в Москве в январе 1963 года.

Жены Гамарника и Корка были расстреляны[118].

1937-1938

В то время как под аккомпанемент широкой кампании публичных оскорблений происходили казни лучших военачальников Красной Армии, Сталин и Ежов нацелили НКВД на весь командный состав Красной Армии. 1 июля 1937 года были расстреляны комкоры Гарькавый и Геккер [119]. Были также расстреляны двадцать более молодых командиров в одном только Московском военном округе [120]. Было арестовано почти все командование Кремлевской военной школы [121]. Маршал Бирюзов так описывает свой приезд в штаб Иркутской дивизии, куда он получил в то время назначение по окончании Военной академии им. Фрунзе: «Прибыв в дивизию, штаб которой располагался в Днепропетровске, я застал нечто невообразимое. Еще в военной комендатуре железнодорожного вокзала мне было сообщено, что в данный момент в дивизии «начальства-то, по существу, нет»: командир, комиссар, начальник штаба, начальники служб — все арестованы» [122]. Волна арестов прокатилась по Военной академии, которой до казни командовал Корк. Начальник политотдела академии Неронов был арестован как шпион. На некоторое время академию принял Щаденко. Не проходило дня без ареста кого-нибудь из сотрудников, почти все преподаватели были арестованы [123]. Командарм Вацетис читал лекцию слушателям академии. После первого часа лекции полагалась короткая перемена. Когда перемена кончилась, комиссар курса объявил: «Товарищи! Лекция продолжаться не будет. Лектор Вацетис арестован как враг народа» [124].

Слушателей академии тоже хватали целыми пачками. «В служебных и партийных характеристиках появился обязательный пункт об активности в борьбе с врагами народа». Рекомендация Гамарника была достаточным основанием для репрессий. Репрессировались и те слушатели — а их было множество — которые пришли в академию из соединений, где были арестованы командиры [125].

То же самое творилось и на периферии. В Киевском

военном округе около этого времени было арестовано 600-700 командиров из «Якирова гнезда»[126]. Генерал армии Горбатов[127] вспоминает:

«Вскоре в Киевский военный округ прибыло новое руководство. Член Военного совета Щаденко * с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба. Приглядывался, даже не скрывая этого, к людям, а вскоре развернул весьма активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров. Чем больше было арестованных, тем труднее верилось в предательство, вредительство, измену. Но в то же время, как этому было и не верить? Печать изо дня в день писала все о новых и новых фактах вредительства, диверсий, шпионажа...».

Сохранился рассказ советского воентехника И. Т. Старинова, входившего в число тех, кто под руководством Якира (и Берзина) готовил засекреченные партизанские базы и обучал будущих партизан на Украине. В 1937 году все они были арестованы по обвинению «в неверии в мощь социалистического государства и в подготовке к враждебной деятельности в тылу советских армий». Старинова «допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладке для них оружия», как сформулировал это Ворошилов[128]. (Эти партизанские базы были уничтожены, а они, кстати сказать, очень пригодились бы в 1941 году, когда можно было бы воспользоваться ими вместо того, чтобы делать неудачные попытки их наново восстановить).

Командир 7-го кавалерийского корпуса Григорьев был вызван в партийную комиссию Киевского военного округа, где ему предъявили обвинение в связях с врагом. Затем ему позволили вернуться к исполнению обязанностей и лишь на следующий день арестовали[129]. Как мы видим, НКВД уже не

* Щаденко заменил на этом посту М. П. Амелина, который вскоре, 8 сентября 1937 г., был расстрелян. (См. «Укр. Ист. Журнал» № 6, 1963).

чувствовал необходимости арестовывать старшего офицера немедленно после того, как обвинение делало его обреченным. НКВД, стало быть, не очень боялся каких-либо отчаянных действий со стороны военных, как об этом иногда говорят.

Террор не миновал даже ветеранов в отставке. Известно, что в Киевской внутренней тюрьме допрашивали генерала Богатского, известного героя гражданской войны. В свое время белые изувечили жену Богатского, ослепили его сына, а сам генерал потерял в бою правую руку. Теперь этого человека, которому было уже за шестьдесят, пытали новые палачи. Они прикололи ему к груди булавкой нацистскую свастику, вылили ему на голову плевательницу, пытаясь добиться признания, что генерал готовил покушение на Ворошилова[130].

Командование Белорусским военным округом после казни Уборевича принял его «судья» командарм Белов. Но как только он прибыл в Минск, и у него начались тяжелые неприятности. 15 июля был арестован комкор Сердич (командир югославского происхождения), как принадлежавший к «гнезду Уборевича»[131]. Белов предпринял неблагоразумную попытку защитить Сердича[132], но уже 28 июля комкора расстреляли[133].

Пока что Белова не тронули, и он продолжал беспомощно взирать, как шла дальнейшая бойня среди его подчиненных.

«САМЫЕ ДОВЕРЕННЫЕ»

В начале июня 1937 года Сталин выступил с речью на заседании Военного совета совместно с членами правительства и снова сурово обрушился на «врагов народа»[134].

Политуправление армии, до недавнего времени возглавлявшееся Гамарником, понесло от террора наибольшие потери. Высшие руководители управления были взяты поголовно. 28 мая был смещен со своего поста заместитель Гамарника А. С. Булин[135]. Его перевели с понижением на должность начальника Главного управления кадров, а осенью того же,

1937 года арестовали[136]. Другой заместитель Гамарника Г. А. Осепян и почти все начальники политуправлений и большинство членов военных советов округов были также арестованы[137].

1 июня 1937 года за политические ошибки был снят с должности, а затем арестован начальник Военно-политической академии в Ленинграде Иппо[138]. Перед этим, в апреле, начальник академии подвергся критике. В 1967 году известный советский журналист Эрнст Генри (С. Н. Ростовский) в своем письме к Эренбургу перечислил количество жертв среди высших политработников Красной Армии по званиям: погибли все 17 армейских комиссаров, 25 из 28 корпусных комиссаров, а из 36 бригадных комиссаров террор пережили только двое[139].

Тяжелые потери отмечались также на уровне соединений и частей. За два месяца после июньского (1937) заседания Военного совета «В 5-ой механизированной бригаде Белорусского военного округа, например, было уволено из армии 25 командиров и политработников, столько же представлено к увольнению. Из уволенных девять командиров и политработников было арестовано. Среди арестованных — пять комиссаров батальонов из имевшихся шести в бригаде. Все эти пять комиссаров были исключены из партии, шестому по партийной линии был объявлен строгий выговор с предупреждением; кроме того, в бригаде были исключены из партии и арестованы комиссар и начальник политотдела»[140]. Ю. П. Петров говорит тоже и о «тысячах руководящих работников армии и флота», репрессированных в том же году[141].

В декабре 1937 года было утверждено назначение Л. З. Мехлиса на пост начальника Главного политического управления РККА. Мехлис известен как один из самых злобных и неприятных сталинских подручных. До своего нынешнего армейского назначения он был главным редактором «Правды», но в годы гражданской войны служил политическим комиссаром в армии. Уже тогда Мехлис изгнал из армии и арестовал многих политработников за связь с так

называемой «антипартийной белорусско-толмачевской группировкой»[142]. Эта группировка на деле ратовала за укрепление политического контроля в армии. Но для Мехлиса всякая группировка старших политических комиссаров, занимавших в двадцатых годах критическую позицию по отношению к партии, была уже преступно независимой, безотносительно к ее программе. Мехлис теперь настоял на том, чтобы люди, в свое время защищавшие этих комиссаров, как например, начальник политуправления Белорусского военного округа И. И. Сычев, разделили судьбу этой «шпионской банды»[143].

К началу 1938 года количество политработников в вооруженных силах составляло всего одну треть штатного расписания Поскольку на своих постах находилось 10500 человек, можно сделать вывод, что по меньшей мере 20000 политработников были арестованы или погибли — «по меньшей мере» — ибо здесь не приняты в расчет замены, которые уже могли быть сделаны. Пропорционально, в сравнении с 1934 годом, число политработников, закончивших военно-политические училища, сократилось вдвое. Таким образом, можно полагать, что из 10500 наличных политработников по меньшей мере 5000 были необученными новичками. По свидетельству Ю. П. Петрова, в том же 1938 году «более одной трети всех партийно-политических работников не имело никакого политического образования»[144].

Количество членов партии в вооруженных силах сократилось вдвое[145]. На XVII съезде партии Ворошилов сообщил, что 25,6% личного состава армии были партийцами. К февралю 1935 года численность всей армии составляла примерно миллион. Потери среди армейских коммунистов составляли, таким образом, около 125 тысяч.

КОМАНДИРЫ СУХОПУТНЫЕ

Повсюду — за исключением пока что Дальнего Востока — террор бил по всей командной структуре армии. Стали исче-

зать высшие командиры, только что назначенные на посты для заполнения образовавшихся вакансий.

В ноябре 1937 года заседал военный совет Кавказского военного округа. Новый командующий округом Н. В. Куйбышев (брат покойного члена Политбюро) критиковал репрессии в армии, как снижающие уровень боевой готовности. Вскоре после этого он был арестован[146]. Та же судьба постигла командующих военными округами во всем Советском Союзе. К лету 1938 года все без исключения, кто занимал этот пост в июне 1937 года, бесследно исчезли. Точно так же исчезли все одиннадцать заместителей Наркома обороны в Москве.

Военно-воздушные силы, бронетанковые и мотомеханизированные войска понесли особенно тяжелые потери[147]. На осенних маневрах 1936 года западные военные атташе отмечали, что командовавший бронетанковыми силами Халепский, руководившие военно-воздушными силами Алкснис и его заместитель Хрипин производили отличное впечатление. Халепский был сначала переведен в Наркомат связи, затем, в 1937 году, арестован. Он погиб в 1938 году[148].

Командарм Алкснис был самым молодым в группе Тухачевского, он едва достиг сорока. Поддерживаемый комкором Тодорским, тогдашним начальником Военно-воздушной академии, он прилагал максимум усилий, чтобы спасти своих подчиненных от преследований НКВД. Еще 13 ноября 1937 года имя Алксниса значилось в избирательных списках, а третье издание Малой советской энциклопедии утверждает, что до 1938 года он — начальник ВВС РККА[149]. Но по всем данным выходит, что уже в последние дни 1937 года Алкснис был под арестом вместе с Хрипиным и Тодорским. По свидетельству бывшего полковника ВВС Г. А. Токаева, Алксниса пытали и приговорили к каторжным работам, но потом расстреляли[150].

Тодорский, арестованный весной 1938 года, был приговорен в мае 1939 года к пятнадцати годам заключения. Он выжил и в 1953 году был освобожден[151].

Исключительное коварство НКВД хорошо иллюстрирует-

ся событием из личного опыта генерала Горбатова, нашедшим отражение в его мемуарах. Вот, например, эпизод о том, как Горбатов понял, что над ним снова, уже вторично, нависла угроза. Временно назначенный командовать 6-ым кавалерийским корпусом, он отправился в командирский магазин за получением зимнего обмундирования и обнаружил, что туда пришла телеграмма заместителя командира корпуса по политчасти Фоминых, находившегося в тот момент в Москве, требующая «воздержаться от выдачи Горбатову планового обмундирования»[152]. За телеграммой последовал приказ об увольнении Горбатова в запас. Он сразу же отправился в Москву, «чтобы выяснить причину», и был арестован. Жена никак не могла узнать, что с ним случилось. Никто не говорил ей об аресте мужа до тех пор, пока в коридоре командирского общежития Красной Армии одна девушка не шепнула ей об этом[153].

В мемуарах Горбатова есть короткие сведения о допросах. На Лубянке с ним обращались сначала мягко, но на пятый день начались угрозы и нажим. В камере с ним вместе сидело семеро других подследственных, и все они уже «признались». Затем Горбатова перевели в Лефортовскую тюрьму, где он сидел в камере-одиночке вместе с другими двумя заключенными. Там, на четвертом допросе, его начали пытать и потом пытали еще пять раз с интервалом в два-три дня. После пыток его, кровоточащего от избиений, бросали обратно в камеру. Затем ему дали двадцатидневную передышку, и снова пять долгих допросов с пытками. От Горбатова не добились никаких признаний, и 8 мая 1939 года суд, длившийся четыре или пять минут, приговорил его к пятнадцати годам заключения с последующим поражением в правах на пять лет[154].

Имеются сведения еще об одном командире, не подписавшем никаких признаний. В прошлом он был революционным балтийским моряком, и после всевозможных допросов его оправдали, выпустили и дали гражданскую работу. Однако через шесть месяцев он был арестован вновь[155], и судьба его неизвестна.

Однако, как сообщил на XXII съезде партии Хрущев, «много замечательных командиров и политических работников Красной Армии» дали нужные показания: «Их "убеждали", убеждали определенным способом в том, что они или немецкие, или английские, или какие-то другие шпионы. И некоторые из них признавались даже в тех случаях, когда таким людям объявляли, что с них снимается обвинение в шпионаже, они уже сами настаивали на своих прежних показаниях, так как считали, что лучше уж стоять на своих ложных показаниях, чтобы быстрее кончились истязания, чтобы быстрее прийти к смерти»[156].

Один командир дивизии, например, показал, что он «завербовал» всех командиров в своей дивизии до командиров рот включительно[157]. Подобных примеров можно привести множество.

Вполне естественно, что между НКВД и армией существовало соперничество во многих областях (то обстоятельство, что НКВД располагал собственными крупными вооруженными силами, само по себе действовало на армию раздражающе). Но НКВД особенно нетерпимо относился к тому, что сеть советской военной разведки за рубежом работала в известной степени независимо от иностранного отдела НКВД и всячески старался забрать ее в свои руки. Когда Тухачевский был арестован, НКВД получил полный контроль над этой сетью. Почти все военные агенты были вызваны в Москву из-за границы и расстреляны[158]. С. П. Урицкий, с 1935 года занимавший пост начальника Разведупра РККА, был арестован в ночь на 1 ноября 1937 года и «вскоре погиб»[159].

Предшественником Урицкого на этом посту с 1920 по 1935 год был Я. К. Берзин. По происхождению латыш, Берзин в 1919 году кратковременно занимал пост в советском латвийском правительстве. После передачи дел Урицкому в 1935 году он был послан в Дальневосточную Армию. Оттуда Берзин попал в Испанию, став фактически командующим республиканской армией под псевдонимом Гришин. Берзин не ладил

с сотрудниками НКВД и по возвращении из Испании был расстрелян (по-видимому, 29 августа 1938 года)[160].

Командир интернациональной бригады в Испании «генерал Клебер» (советский командир, замаскированный под канадца, чтобы соблюсти международный декорум) был арестован и, по-видимому, казнен прямо в Испании.

Комбриг Горев (Скоблевский) прославился в битве за Мадрид. По возвращении в СССР он был удостоен высоких почестей. «А полгода спустя героя Мадрида оклеветали и он погиб в Москве»[161]. Есть сведения, что Скоблевского арестовали через два дня после вручения ему ордена Ленина[162].

Среди советских военных, побывавших в Испании во время гражданской войны, дальнейшими жертвами были старший военный советник в Испании «Григорович» — Штерн, в дальнейшем получивший звание командарма на Дальнем Востоке, и выдающийся советский летчик «Дуглас», впоследствии командовавший советскими военно-воздушными силами под именем генерал-лейтенанта Смушкевича[163]. Оба они были расстреляны в 1941 году.

Маршал Р. Я. Малиновский, тоже сражавшийся в Испании, рассказывает, как он не подчинился двум приказам возвратиться в Советский Союз. Третий приказ возвратиться пришел уже с угрозой, что Малиновского будут считать невозвращенцем[164]. После этого Малиновский вернулся в Москву — по счастью тогда, когда худший период террора был уже позади. Как известно, маршал Малиновский благополучно пережил террор и позже, до самой своей смерти, занимал пост Министра обороны.

Не очень везло и советским гражданским лицам, побывавшим в Испании. Антонов-Овсеенко, занимавший деликатный пост советского генерального консула в Барселоне, погиб так же, как и советский посол в республиканской Испании Розенберг. Преступление Розенберга состояло в попытке организовать обмен пленными с Франко. Сталин всегда рассматривал подобные попытки как подозрительные, и когда югос-

лавские партизаны начали аналогичные переговоры с германским командованием на Балканах, в Москве реагировали резко отрицательно[165].

ШТОРМ ВО ФЛОТЕ

Во флоте бушевал тот же шторм, что и в армии. Из восьми человек, носивших к началу террора высшее флотское звание флагмана 1-го ранга, не выжил ни один[166]. Первой жертвой пал тот, кого считали мозгом флота, — флагман Р. А. Муклевич. Приятный, крепкого вида человек, Муклевич был старым большевиком с совершенно исключительной биографией. Он родился в 1890 году, шестнадцати лет вступил в партию и в тяжелые годы после провала революции (1907-1909), все еще безусым юношей, руководил партийной организацией Белостока. В 1912 году Муклевича призвали в императорский флот, где он до самой революции вел военно-партийную работу. Во время гражданской войны он служил в штабах различных армий и фронтов, в 1921 году занимал пост заместителя начальника Военной академии, затем до 1925 года служил в военной авиации и, наконец, в 1926-27 годах фактически руководил флотом. Позже, в качестве руководителя советского судостроения, Муклевич играл ведущую роль в модернизации флота. Ясное понимание задач и скромная деловитость сделали Муклевича естественным и желанным сотрудником группы Тухачевского.

Муклевич был арестован в мае 1937 года[167]. Открытого суда над ним не было — не было ведь вообще объявлено ни о каких процессах над руководителями флота. Однако на XVIII съезде партии в 1939 году Муклевич и бывший командующий советским флотом флагман Орлов были названы пособниками Тухачевского. Нападки на них, в отличие от клеветы на армейских командиров, особо касались их стратегических концепций. В своем выступлении на XVIII съезде партии Нарком судостроения И. Т. Тевосян заявил, что «враги

народа — агенты фашизма Тухачевский, Орлов и Муклевич и прочая фашистская мерзость — старались доказать, что нам не нужен мощный надводный флот», и что только их удаление с постов позволило начать его отстройку[169]. Стоит отметить, что эта химера отвлекла значительную часть советских усилий на безнадежные и бесполезные попытки создать военный флот, способный соперничать с флотами главных морских держав.

Сегодня есть все основания полагать, что на самом деле Муклевич исходил из реалистической оценки имевшихся возможностей и предлагал, основываясь на имевшихся советских ресурсах, строить флот ближнего действия и защитного характера. А Сталин желал иметь крупные боевые единицы дальнего действия, пригодные для нападения; он «обещал строго наказывать любого, кто будет возражать против тяжелых крейсеров»[169]. Когда пришла война, советский флот потерял контроль в основных морях, и Муклевич оказался посмертно прав — руководители советского флота втихомолку приняли его концепции, хотя в этом и не признались.

Однако эти расхождения не были, конечно, главной причиной террора во флоте. Причины были те же, какие привели к террору в армии и во всей стране. Дело было не в том, что технические разногласия решались с помощью казней, а в том, что технические разногласия использовались для оправдания казней. Есть сведения, что Муклевич дал требовавшиеся от него показания после недели жестоких пыток в Лефортовской тюрьме[170] и погиб 7 февраля 1938 года[171].

Вслед за Муклевичем пали командующий Военно-морскими силами флагман 1-го ранга Орлов, командующий Балтийским флотом флагман Сивков и командующии Черноморским флотом флагман Кожанов[172]. Орлов был арестован в ноябре 1937 года. Однако от командования флотом он был отстранен еще в июне, после чего его обязанности исполнял командующий Тихоокеанским флотом флагман Викторов, который сам вскоре пал жертвой террора[173].

Вместе с руководителями флота погибло большое количество их подчиненных.

По самой своей природе флот предоставлял возможность контакта, по крайней мере теоретически, с иностранцами. Советские военные корабли наносили визиты вежливости в другие страны. Они крейсировали в международных водах. Во время второй мировой войны эти подозрительные обстоятельства еще значительно усилились, так как советские корабли сотрудничали с британским Королевским флотом в Мурманске и при проводке в Мурманск союзных морских конвоев вокруг Скандинавии. В повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» выведен военный моряк Буйновский — «кавторанг». Он провел целый месяц на британском крейсере как офицер связи. «И еще, представляете, после войны английский адмирал, черт его дернул, прислал мне памятный подарок: «В знак благодарности». Удивляюсь и проклинаю!... И вот — всех в кучу одну...»[174].

Подобная атмосфера была создана во флоте еще гораздо раньше. Контр-адмирал Исаков рассказывает историю своего знакомого, флаг-офицера Озаровского, который однажды потерпел крушение, плывя на своей маленькой парусной лодке недалеко от Кронштадтского берега. Его заметил проходивший норвежский пароход и спустил шлюпку. Озаровский, однако, отказался от помощи, хотя его положение было отчаянным. И дальше Исаков описывает, что думал и чувствовал в то время Озаровский. Он полагал, что его все равно спасут: хотя заметить его самого с берега было нельзя, иностранный пароход, зашедший в запретную зону, должны были заметить моментально. И послать наперерез ему катер. Так оно и случилось. Офицера подобрали и отправили в госпиталь, где Исаков его навестил. Исаков спросил Озаровского, почему тот не хотел, чтобы его подобрал норвежец и доставил в Ленинград. Озаровский ответил так: «Мне пришлось бы писать объяснение: когда и как было задумано это рандеву с иностранными агентами, что именно и за сколько я продал из наших оперативных планов, пока транспорт двигался по каналу». С эти-

ми доводами Исаков вынужден был согласиться. Он добавляет, что Озаровский все равно не избежал кары. Его арестовали, допрашивали и пытали на основании тех самых нелепых предположений, о которых он с такой иронией говорил в госпитале[175].

Опасность стать жертвой террора была во флоте фактически еще больше, чем в армии. У флотских было в этом смысле только одно довольно призрачное преимущество. Морские офицеры всех флотов, кроме Тихоокеанского, объявлялись обычно английскими шпионами, а это, по крайней мере до 1939 года, давало им чуть более высокое «общественное положение», чем тем, кого обвиняли в шпионаже в пользу Германии, Японии или Польши.

ВТОРОЙ КРУГ

Арест командующего флотом флагмана Орлова связан со второй, новой волной репрессий против военнослужащих, начавшейся в 1938 году. Есть сведения, что в начале этого года по указанию Сталина было спущено им самим отредактированное закрытое письмо «О недостатках в партийно-политической работе в РККА и мерах к их устранению». Это письмо призывало к дальнейшей очистке армии от «врагов народа», к «ликвидации последствий вредительства» и требовало «не забывать также о "молчалиных", политически бесхребетных людях, не принимавших активного участия в первой террористической волне»[176].

Теперь на Лубянку отправляли тех, кто занял посты арестованных в первой волне командиров. В начале января был вызван в Москву командарм 1-го ранга Белов. В воспоминаниях к 70-летию со дня рождения Белова «Военно-исторический журнал» писал, что «чем ближе командарм подъезжал к Москве, тем задумчивей становилось его лицо. Видимо, сердцем он чувствовал надвигавшуюся беду. И не ошибся. С при-

бытием к месту вызова он был арестован»[177]. Возможно, что ему было поставлено в вину и его прошлогоднее вмешательство в защиту Сердича.

Следом за Беловым пал жертвой второй маршал Советского Союза — Егоров. Он был старше всех участников группы Тухачевского. К моменту ареста маршалу Егорову было пятьдесят пять лет — на год меньше, чем его бывшему сослуживцу по императорской армии Шапошникову. Они оба были офицерами до революции. Было известно, что Егоров входил даже в число собутыльников Сталина. Есть сообщение, что после расстрела Тухачевского Сталин предложил Егорову занять дачу казненного маршала, но Егоров отказался принять подарок[178].

Во время польской кампании Егоров командовал юго-западным фронтом, где Сталин был политическим руководителем. Егоров оказался единственной крупной фигурой из старого военного окружения Сталина, попавшей под террор.

Первый удар по армии истребил всех военных — членов Центрального Комитета партии, кроме Ворошилова, Буденного, Блюхера и Егорова. Возможно, что именно в Центральном Комитете Егоров оказал в чем-то сопротивление Сталину — наиболее вероятно во время февральско-мартовского пленума 1937 года. Его сняли с поста заместителя Наркома обороны в конце февраля 1938 года.

Один из бывших заключенных, позже сумевших выехать из Советского Союза, рассказывает, что встречал Егорова в Бутырской тюрьме зимой 1939 года[179]. Точную дату его смерти установить трудно, поскольку она дана различно в различных советских официальных источниках — чем раньше источник, тем позднее дата. Так, например, в Малой советской энциклопедии (3-е изд., 1959 г.) сказано, что он умер 10 марта 1941 г.; в Советской исторической энциклопедии (т. 5, изд. 1961 г.), что он умер 22 февраля 1939 г., а в Б.С.Э. (3-е изд., т. 9, 1972 г.), что он умер 23 февраля 1939 г. Снятие Егорова с бывшего поста Тухачевского знаменовало собой начало нового удара по высшему военному командованию — удара не менее ошеломляющего, чем предыдущий.

В феврале 1938 года, «по клеветническому навету», писала «Правда» много лет спустя, в 1964 г., «был арестован и вскоре трагически погиб» (официальная формула для «казнен», «расстрелян» и т.д.) командарм Дыбенко, командовавший Ленинградским военным округом[180]. Но по сведениям 3-го издания Б.С.Э. (т. 8, 1972 г.), «погиб» он не «вскоре», а через полтора года — 29 июля 1939 года. (Возможно, конечно, что, как и в случае Геккера — см. библиографию 119 — это опечатка и вместо «1939» следует читать «1938»). Во время гражданской войны Дыбенко служил вместе с Ворошиловым и Сталиным, но теперь уже и это не давало надежной защиты. Дыбенко, человек великанского сложения, бывший матрос, руководил матросским мятежом на корабле «Император Павел I» в 1916 году, а во время революции командовал балтийскими моряками. Одно время он был женат на пылкой революционерке Александре Коллонтай, вышедшей из дворянской семьи. В 1918 году Дыбенко командовал Красной Гвардией, разогнавшей Учредительное собрание. Но в нем еще некоторое время оставался коммунистический идеализм: когда советское правительство решило не отменять смертной казни, Дыбенко пытался даже выйти из партии[181]. Его ближайшими друзьями в Военной академии были расстрелянный в 1937 году Урицкий и командарм Федько, переведенный 2 февраля 1938 года с бывшего поста Якира на Украине в заместители Наркома обороны, но проработавший там лишь недолгое время перед исчезновением[182]. Отметим мимоходом, что все трое — Дыбенко, Урицкий и Федько в 1921 году были направлены из академии на подавление Кронштадтского восстания[183].

Но теперь исчезли не только бывшие сподвижники Сталина, вроде Дыбенко, надо было и другим бывшим врагам отомстить за старые обиды. Среди арестованных были, как мы уже упоминали, первый главнокомандующий Красной Армией командарм Вацетис, которого Сталин и Ворошилов хотели снять в 1919 году с поста как предателя. Тогда Троцкий успешно защитил Вацетиса. С тех пор Вацетис за-

нимал ответственные посты в военной инспекции и Военной академии[184].

27-29 июля 1938 года произошло следующее крупное избиение военных руководителей. В те дни были уничтожены флагман Орлов, командармы Алкснис, Белов, Дубовой (до того возглавлявший Харьковский военный округ), Дыбенко (см. выше), Вацетис и Великанов (командовавший Байкальским военным округом)[185]. Среди других погибших были комкор Грязнов, командовавший Среднеазиатским военным округом[186], а также легендарный герой гражданской войны Ковтюх[187]. Писатель Александр Серафимович вывел Ковтюха под именем «Кожух» в романе «Железный поток», причем любопытно, что и после исчезновения Ковтюха «Железный поток» переиздавался как ни в чем не бывало. Он переиздается и до сих пор.

Адмирал Викторов и комкор Н. В. Куйбышев были схвачены на день или два позже, 1 августа[188]. Известна судьба и еще нескольких менее видных жертв: А. А. Свечин, бывший генерал-майор императорской армии и в тридцатых годах коллега Вацетиса по академии им. Фрунзе был расстрелян 29 июля; К. А. Озонин, комиссар Харьковского военного округа при Дубовом — 1 августа[189]; без сомнения, были и другие жертвы. Операция была столь же широкой, как и в июне 1937 года, но на этот раз она была полностью засекречена. Она была, по-видимому, связана также с ликвидацией ряда крупных партийных деятелей, развернувшейся в эти же дни.

Последний большой удар по руководству Дальневосточной армии был нанесен несколько позже. Мы расскажем об этом и рассмотрим результаты небывалого по масштабу уничтожения командного состава вооруженных сил. Но и без этого уже очевидно, что Сталин, если и избавился от какой-то опасности, угрожавшей его власти, то в то же время причинил громадный ущерб обороноспособности страны.

ГЛАВА 7

1. «Правда», 11 июня 1937.
2. Там же, 13 июня 1937.
3. John Erickson, *The Soviet High Command*, St. Martin Press, London, 1962, p. 58.
4. Robert Sullivan, *Soviet Politics and the Ukraine 1917-1957*, New York, 1963, p. 342.
5. Маршал Советского Союза С. М. Буденный, «Пройденный путь», Москва, 1959, стр. 245.
6. В. Бонч-Бруевич, «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», Москва, 1930, стр. 283.
7. Sm. Trotsky, *Stalin*, p. 329; см. также Erickson, p. 99.
8. Deutscher, *The Prophet Unarmed*, p. 350.
9. А. Авторханов в «Посеве», 5 ноября 1950 («Покорение партии»); он же A. Uralov, *The Reign of Stalin*, p. 46; см. также Kostiuk, *Stalinist Rule in the Ukraine*, p. 121.
10. «Дело Бухарина» стр. 173.
11. P. Deriabin and F. Gibney, *The Secret World*, London, 1960, pp. 110-111.
12. «Дело Бухарина», стр. 230.
13. Там же, стр. 233.
14. Там же, стр. 75.
15. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 242.
16. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent*, p. 7.
17. И. В. Дубинский, «Наперекор ветрам», Москва, 1964, стр. 248.
18. См. «Дело Зиновьева», стр. 34.
19. Василий Гроссман, «Жизнь», Москва, 1947, стр. 44 («В городе Бердичеве»).
20. Barmine, *One Who Survived*, pp. 89-90.
21. См. «Дело Зиновьева», стр. 36.
22. Дубинский, стр. 249.
23. «Дело Зиновьева» стр. 37.
24. «Дело Пятакова», стр. 181/81.
25. Там же, стр. 94/54.
26. Дубинский, стр. 249-51; см. также «Военно-исторический журнал», № 6, 1965.
27. Там же.

28. См. «Дело Зиновьева», стр. 116.

29. Barmine, p. 311.

30. «Герои гражданской войны», Москва, 1963, стр. 218 сообщает, что «с 1935 года до августа 1936 года Примаков находился на работе заместителя командующего войсками».

31. См. Erickson, pp. 376-7.

32. «Дело Зиновьева», стр. 22.

33. Дубинский, стр. 261.

34. См. Erickson, p. 427.

35. Авторханов в «Посеве» 12 ноября 1950; он же Uralov, *The Reign of Stalin*, pp. 50-51.

36. «Дело Пятакова», стр. 105/—.

37. Там же, стр. 146/—.

38. Krivitsky, p. 239.

39. П. Якир и Геллер, «Командарм Якир», стр. 224-225.

40. Сталин, Собр. соч., т. XIV, стр. 219, Станфорд. («О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и других двурушников». Доклад на Пленуме ЦК ВКП[б], 3 марта 1937 года).

41. Ю. П. Петров, «Партийное строительство в Советской армии и флоте. Деятельность КПСС по созданию и укреплению политорганов, партийных и комсомольских организаций в вооруженных силах (1918-1961 гг.)», Военное изд. Мин. Обороны СССР, Москва, 1964.

42. Там же.

43. П. Якир и Геллер, стр. 212.

44. Krivitsky, pp. 250-251; Barmine, p. 7.

45. Генерал-лейтенант Г. П. Софронов в сб. «Маршал Тухачевский», стр. 220-221.

46. Ю. П. Петров, «Партийное строительство в Советской армии и флоте», стр. 303.

47. См. Жаров и Геллер в «Военно-историческом журнале», № 4, 1964.

48. Walter Schellenberg, *Memoiren*, Köln, 1959, s. 50. (Полному немецкому изданию предшествовало издание в Лондоне неполного английского перевода [1956], в котором приведенная справка находится на стр. 49.)

49. См. «Коминтерн в документах», Москва, 1933, стр. 976; XII пленум ИККИ, стенограф. отчет, Москва-Ленинград, 1933. (Кстати сказать, сам Гитлер однажды заметил, что всегда может обратить коммуниста в нацистскую веру, но не может обратить социал-демократа). См. Hermann Rauschning, *Hitler Speaks*, New York, 1940, p. 134.

50. И. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 709-10 («Люди, годы, жизнь», кн. 6, гл. 30).

51. Beck and Godin, *The Permanent Purge*, p. 198.

52. Сталин, собр. соч., т. 13, стр. 302 (доклад XVII съезду ВКП«б]).

53. Krivitsky, p. 31.

54. См. Geoffrey Bailey, *The Conspirators*, London, 1961, p. 147.

55. См. Krivitsky, p. 237.

56. См. выступление майора Генштаба В. Дапишева на совещании по истории Великой Отечественной войны в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 18 февр. 1966 г. (Стенограммы этого совещания не опубликованы, но имеется запись. См. «Посев», 13 янв. 1967; см. также Эрнст Генри [С. Н. Ростовский] в «Гранях», № 63, 1967, стр. 195).

57. Erickson, pp. 433-4.

58. См. *Trybuna Ludu,* 23 ноября 1961.

59. См. Wilhelm Hoettl, *The Secret Front,* New York, 1954, pp. 77-78. Оригинальное издание этой книги на немецком языке вышло в Австрии под псевдонимом: Walter Hagen).

60. Напр., Лев Никулин, «Тухачевский», Москва, 1964, стр. 193; Н. С. Хрущев в заключительном слове на XXII съезде КПСС (см. XXII съезд, т. II, стр. 585-6); Winston Churchill, *The Second World War,* vol. 1, London, 1948, p. 225. (В русском переводе, выпущенном изд. им. Чехова, см. кн. 1, стр. 307-308).

61. См. Erickson, p. 433.

62. См. *Trybuna Ludu,* 23 ноября 1961 (доклад Гомулки на XIX пленуме ЦК ПОРП).

63. Л. Никулин, «Маршал Тухачевский», Москва, 1964, стр. 193; более подробная версия дается в «Огоньке», № 13, март 1963: Л. Никулин, «Последние дни маршала».

64. Winston Churchill, *The Second World War,* vol. 1, London, 1948, p. 225.

65. См. «Українська радянська енциклопедія», 1959-65 (ст. «Шмидт»).

66. Krivitsky, p. 27.

67. Д. В. Панков, «Комкор Эйдеман», Москва, 1965, стр. 103.

68. Панков в «Вопросах истории КПСС», № 12, 1964 («Солдат революции»). См. также П. Н. Александров и др., «Командарм Уборевич, Воспоминания друзей и соратников», составители: П. Н. Александров, А. Т. Якимов, В. И. Уборевич-Боровская, М. С. Ангарский, Москва, 1964, стр. 243.

69. Д. В. Панкратов в «Вопросах истории КПСС», № 12, 1964 («Солдат революции»).

70. Я. П. Дзенит в сборнике «Маршал Тухачевский», стр. 134.

71. Никулин, стр. 189.

72. Ген.-лейтенант П. А. Ермолин в сборнике «Маршал Тухачевский» стр. 128.

73. Ермолин там же; см. также «Военно-исторический журнал», № 10, 1965.

74. Никулин, стр. 190.

75. П. Якир и Геллер, стр. 229.

76. П. Н. Александров и др., «Командарм Уборевич, Воспоминания друзей и соратников». Составители: П. Н. Александров, А. Т. Якимов, В. И. Уборевич-Боровская, М. С. Ангарский, Москва, 1964, стр. 231-33.

77. Там же, стр. 223 и 243.

78. А. В. Горбатов, «Годы и войны», Москва, 1965, стр. 122.

79. П. Якир и Геллер, стр. 229.

80. Подробности ареста Якира известны теперь по многим источникам

— в частности, по книгам Дубинского (стр. 263-264), П. Якира и Геллера (стр. 231-232).

81. «Правда», 1 июня 1937 (Хроника).

82. См. Weissberg, *Conspiracy of Silence,* p. 428; Krivitsky, p. 254.

83. Ю. П. Петров, стр. 299.

84. «Красная звезда», 13 апр. 1962.

85. «Военно-исторический журнал», № 5, 1964.

86. Krivitsky, p. 255.

87. См., напр., «Красную звезду», 6 июня 1937.

88. «Правда», 13 июня 1937: «Приказ Народного комиссара обороны СССР № 96 от 12 июня 1937 г.».

89. Дубинский, стр. 265.

90. См. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 403 (выступ. Шелепина).

91. См. Ю. П. Петров, стр. 299.

92. Там же, стр. 300.

93. Л. Никулин в «Огоньке», № 13, март 1963 («Последние дни маршала»). (В книге Никулина этого места нет).

94. Выступление П. И. Якира на совещании по истории Великой Отечественной войны в Институте Маркса-Энгельса-Ленина (См. «Посев», 13 янв. 1967).

95. «Дело Бухарина», стр. 11.

96. См. Krivitsky, p. 255.

97. Дубинский, стр. 267.

98. Л. Никулин в «Огоньке», № 13, март 1963 («Последние дни маршала»). (В книге Никулина первая версия [«Скажите, это вам снилось?»] отсутствует.)

99. Дубинский, стр. 268.

100. См., например, П. Н. Александров и др., «Командарм Уборевич», стр. 243.

101. См., напр., сборник «Герои гражданской войны», стр. 120.

102. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 190 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).

103. См. Orlov, p. 243.

104. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 586-7 (Закл. слово Хрущева).

105. Там же, стр. 403 (Выст. Шелепина).

106. П. Якир и Геллер, стр. 230-1.

107. См. «Казахстанскую правду», 15 окт. 1963.

108. См. Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler,* s. 57.

109. П. Якир и Геллер, стр. 231.

110. XXII съезд КПСС, стр. 586 (Закл. слово Хрущева).

111. «Більшовик України», № 6, 1938.

112. Александров и др., стр. 233.

113. Barmine, p. 8.

114. Л. Никулин в «Огоньке», № 13, 1963 («Последние дни маршала»).

115. Ekart, *Vanished Without a Trace,* p. 244.

116. Л. Никулин, «Маршал Тухачевский», Москва, 1964, стр. 191.

117. Wolin and Slusser, *Police*, p. 194.

118. П. Якир, Письмо в ред. «Коммуниста» (см. «Посев», № 5, 1969).

119. См. Сов. ист. энциклопедию, т. IV, стр. 116 и 180-181; о Геккере см. также «Военно-исторический журнал», № 5, 1966. В 3-м издании Б.С.Э., 1971 г., дата его смерти дана годом позже — 1 июля 1938. Быть может, это опечатка.

120. Barmine, p. 8.

121. Tokayev, *Betrayal of an Ideal*, p. 244.

122. Маршал С. С. Бирюзов, «Советский солдат на Балканах», Москва, 1963, стр. 141-2.

123. Там же.

124. А. Т. Стученко, «Завидная судьба», Москва, 1964, стр. 63.

125. Там же, стр. 64.

126. Barmine, pp. 6-8.

127. Горбатов, стр. 123.

128. И. Т. Старинов, «Мины ждут своего часа», Москва, 1964, стр. 157 и 158.

129. Горбатов, стр. 123-4.

130. Weissberg, p. 422-3.

131. О Сердиче см.: Очак, «Д. И. Сердич — красный командир», Москва, 1964; см. также Стученко, стр. 261.

132. См. «Беларусь», № 7, 1965.

133. «Военно-ист. журнал», № 8, 1966.

134. См. Ю. П. Петров, стр. 299-300. (В собр. соч. Сталина этого выступления нет.)

135. См. «Красную звезду», 2 июня 1937; см. также у Петрова, стр. 302.

136. С. Смирнов в сборнике «Комиссары», Москва, 1961 («В сердце осень», биогр. очерк об А. С. Булине).

137. Ю. П. Петров, стр. 302.

138. См. «Красную звезду», 1 июня 1937.

139. См. «Грани», № 63, 1967.

140. Ю. П. Петров, стр. 300.

141. Там же, стр. 302.

142. Там же, стр. 301-302.

143. Там же, стр. 302.

144. Там же, стр. 307.

145. Там же, стр. 312.

146. Там же, стр. 303 прим.

147. Там же, стр. 300 и след.

148. См. Ленин, Собр. соч., т. 51, стр. 527 (Биогр. справка) и Б.С.Э., 3-е издание, 1970, т. I, стр. 444.

149. М.С.Э., 3-е изд., т. I, Москва, 1958, стр. 285 (ст. «Алкснис»).

150. Tokayev, p. 189.

151. Лагерная судьба Тодорского описана Борисом Дьяковым в «Октябре», № 7, 1964 («Повесть о пережитом»).

152. Горбатов, стр. 126.
153. Там же, стр. 132.
154. Там же, стр. 133-34.
155. Beck and Godin, p. 48.
156. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 586 (Закл. слово Хрущева).
157. Beck and Godin, p. 48.
158. Weissberg, p. 27.
159. См. «Красную звезду», 2 марта 1965 (К 70-летию со дня рождения Урицкого).
160. Б.С.Э., 3-е изд., 1970, т.III.
161. И. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 139 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 21) и «Новый мир», № 5, 1962.
162. Orlov, p. 241.
163. Эренбург, там же, стр. 143 и «Новый мир», № 5, 1962.
164. Маршал Р. Я. Малиновский в сборнике «Под знаменем Испанской республики», Москва, 1965, стр. 190.
165. См. Джилас, «Разговоры со Сталиным», стр. 9.
166. Эрнст Генри (Ростовский) в «Гранях», № 63, 1967.
167. См. Erickson, p. 475.
168. XVIII съезд КПСС, Стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 422.
169. Н. Г. Кузнецов в «Октябре», № 11, 1965 («Перед войной»), стр. 143.
170. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 280.
171. См. А. Басов в «Военно-ист. журнале», № 11, 1965.
172. По Сов. ист. энц. (ст. «Кожанов» и «Гиттис») Кожанов был расстрелян одновременно с комкором Гиттисом 22 авг. 1938 г.; см. также Алафузов в «Военно-ист. журнале», № 8, 1964.
173. Сов. ист. энц.; см. также Кузнецов в «Военно-ист. журнале», № 6, 1965; С. Е. Захаров и др., «Тихоокеанский флот», Москва, 1966, стр. 135.
174. Солженицын, Собр. соч., т. I, стр. 92 («Один день Ивана Денисовича»).
175. И. Исаков в «Новом мире», № 8, 1961 («Пари летучего голландца»), стр. 177.
176. См. Ю. П. Петров, стр. 301.
177. «Военно-исторический журнал», № 6, 1963, стр. 76.
178. Orlov, p. 246.
179. Weissberg, p. 481.
180. См. «Правду», 17 февр. 1964 (К 75-летию со дня рождения Дыбенко).
181. Souvarine, *Stalin*, p. 242.
182. «Герои гражданской войны», стр. 338.
183. Barmine, p. 95.
184. См. Erickson, pp. 66-67.
185. См. Сов. ист. энц.; Український радянський енциклопедичний словник; «Военный вестник», № 9, 1966; «Военно-ист. журнал», № 9, 1966; Б.С.Э. Возможно, что вместе с ними был взят и командарм Левандовский, смерть которого указывается в различных советских источниках 29 июля

1937 года. Левандовский, однако, упоминается как командующий и после этой даты (см., напр., Корицкий в «Заре Востока», 21 марта 1965). А в «Военно-ист. журнале», № 4, 1965 указывается, что он умер в 1938 году.

186. Дата смерти Грязнова в Сов. ист. энц. — 29 июля 1938 (см. т. 4, стр. 862). То же и в 3-м изд. Б.С.Э. (т. 7, 1972, стр. 418). И Кузнецов и И. Полонский в «Военно-ист. журнале», № 2, 1963 утверждают, однако, что Грязнов «трагически погиб» 21 авг. 1940 г.

187. Другие советские источники, как например, Александров («Командарм Уборевич») датируют смерть Ковтюха 1943 годом; Леонид Петровский в своем письме в ЦК КПСС утверждает, что Ковтюх «погиб, замученный в Лефортовской тюрьме».

188. См. Сов. ист. энц.

189. См. там же.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОД КОРЕНЬ

Свободу сделал ты орудьем палача.
Лермонтов

ДЕЛА ПЕРИФЕРИЙНЫЕ

В апреле 1937 года начались перевыборы местного партийного руководства. Это послужило поводом для шумной кампании в печати против тех, кто, подобно Постышеву, нарушал партийную демократию. Таких находили повсюду. Кампания началась с грозной директивной статьи «Внутрипартийная демократия и большевистская дисциплина»[1]. Автором статьи был Борис Пономарев, тот самый, который в октябре 1961 года стал секретарем ЦК КПСС.

Аресты членов ЦК начались с Ленинграда. Кроме Москвы, только в Ленинграде и в Закавказье уже стояли у власти беспощадные первые секретари (Жданов и Берия), готовые вести беспредельный террор.

Говоря о результатах убийства Кирова, И. В. Спиридонов, выступая на XXII съезде партии, заявил:

«Ленинградская партийная организация понесла особенно большие потери... В течение четырех лет в Ленинграде шла непрерывная волна репрессий по отношению к честным, ничем себя не запятнавшим людям. Часто выдвижение на ответственную работу было равносильно шагу на край пропасти. Многие люди были уничтожены без суда и следствия

по лживым, наскоро сфабрикованным обвинениям. Репрессиям подвергались не только сами работники, но и их семьи, даже абсолютно безвинные дети, жизнь которых была надломлена, таким образом, в самом начале... Репрессии... были совершены или по прямым указаниям Сталина, или с его ведома и одобрения»[2].

На деле, однако, первые волны террора ударили по беспартийным и по массе низовых работников. Жданов продолжал действовать сталинскими методами. Он ослабил старые кировские кадры снизу, заменив много старых низовых работников на уровне райкома. Но до поры до времени он не сбрасывал с постов главных помощников Кирова, многие из которых были членами или кандидатами в члены ЦК. Они продолжали занимать свои высокие посты в городе и области. В частности, вторым секретарем обкома оставался пока Михаил Чудов, работавший с Кировым. Печатник по профессии, большевик с 1913 года, Чудов был переведен в Ленинград в 1928 году для поддержки Кирова. Он был членом ЦК и входил в Президиум XVII съезда партии. В 1934 году на похоронах Кирова в Москве Чудов произносил надгробную речь от имени ленинградцев, он был членом правительственной комиссии по организации похорон Кирова. Более чем кто-либо другой Чудов представлял кировские традиции в Ленинграде.

Старые партийные руководители такого уровня, как скоро выяснилось, были неприемлемы для Сталина ни в одном районе страны. Но в Ленинграде такие люди были особенно нетерпимы для вождя. Во-первых, они были тесно связаны с Кировым и его платформой, а все, что связывалось с Кировым, было теперь объектом особой сталинской враждебности. Во-вторых, это были те самые люди, которые 1 декабря 1934 года, услышав выстрел, бросились в коридор Смольного и должны были заметить — как теперь известно, действительно заметили — отсутствие охраны и другие подозрительные признаки.

Избавиться от них сразу означало создать сильное впечат-

ление, что Сталин был настроен против Кирова и что он хотел устранить всех, кто знал что-либо об убийстве. Но с победой Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 года такие мотивы перестали играть роль.

Террор в Ленинграде уже и до 1937 года был жесточайшим даже по советским меркам. Но в последующий период, когда террор охватил все политическое и хозяйственное руководство, он стал страшнее, чем почти во всех других местах страны. Это означало почти стопроцентное уничтожение руководящих кадров, тогда как в других районах цифра колебалась между восьмьюдесятью и девяноста процентами[3]. О деталях террора в Ленинграде имеется больше информации, чем о последовавшем уничтожении руководства в других областях. По ленинградским данным можно составить полное представление о том, какого рода операция обрушилась теперь на партию и на все население.

Вернувшись в Ленинград с февральско-мартовского пленума, Жданов сделал доклад на областном партийном активе. Его доклад изобиловал суровыми нападками на различные райкомы города. На том же партактиве выступил комиссар государственной безопасности первого ранга Заковский, говоривший о том, «к каким подлым уловкам прибегали враги народа — фашистские агенты — в Ленинграде»[4].

В последовавших убийствах и арестах Заковский стал теперь правой рукой Жданова. А левой рукой был печально известный А. С. Щербаков — единственный человек среди высших ленинградских партийных руководителей, которому Жданов доверял полностью. С 1924 по 1930 год Щербаков работал вместе со Ждановым в Нижегородском (Горьковском) обкоме партии, продвинувшись до заведующего отделом агитации и пропаганды. Щербакова как личность повсеместно ненавидели еще сильнее, чем Жданова. Это был полный человек в очках с аккуратно зачесанными назад волосами. Из Горьковского обкома его сначала перевели в Москву, в аппарат ЦК, а потом, в 1934 году, назначили... секретарем Союза писателей! В 1936-37 годах Щербаков работал в Ленинграде, после

чего его сделали разъездным надсмотрщиком по террору, посылая в те области, где людей уничтожали все еще неохотно. Только на протяжении одного 1938 года Щербаков побывал не менее чем на четырех областных постах. Полностью растерзав партийные кадры в Иркутске, Щербаков затем возглавил последовательно два обкома на Украине, уже опустошенных хрущевскими «чистками», а затем, следующей зимой, стал первым секретарем Московского горкома партии. Во время второй мировой войны Щербаков стал начальником Политуправления Красной Армии, секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро. Он умер в 1945 году — будто бы от руки «врачей-вредителей». Таков послужной список типичного ждановца.

И вот эта группа — Жданов, Заковский и Щербаков — взялась за «работу». По рассказу старой большевички Д. А. Лазуркиной (ей предстояло провести 17 лет в лагерях), в мае 1937 года «Жданов собрал нас, руководящих работников обкома, и сообщил: «В наших рядах, в ленинградской организации, раскрыли двух врагов — Чудова и Кадацкого. Они арестованы в Москве». Мы ничего не могли сказать. Казалось, что примерз язык. Но когда окончилось это совещание, и когда Жданов уходил из зала, я сказала ему: «Товарищ Жданов, Чудова я не знаю, он недавно в нашей Ленинградской организации. Но за Кадацкого я ручаюсь. Он с 1913 года член партии. Я его много лет знаю. Он честный член партии. Он боролся со всеми оппозициями. Это невероятно! Надо это проверить». Жданов посмотрел на меня жестокими глазами и сказал: «Лазуркина, прекратите этот разговор, иначе вам будет плохо»[5].

Согласно принятой на IV городской конференции резолюции, Ленинградская парторганизация «повысила свою боеспособность», «разоблачая и изгоняя из своих рядов антисоветских троцкистско-правых двурушников — этих японо-немецких диверсантов и шпионов»[6]. Исключение было высшей мерой партийного наказания и в тех обстоятельствах почти неизменно развязывало руки НКВД для последующего ареста. И это

был только первый шаг: из 65 членов нового Ленинградского горкома партии, избранных 29 мая 1937 года, только двое были избраны в следующий состав горкома 4 июня 1938 года (еще пятеро были переведены на должность вне Ленинграда)[7].

Наступившие в Ленинграде белые ночи создали известную техническую трудность для подручных Заковского. Когда волна арестов достигла руководства местной партийной организации, потом снова распространилась вниз, захватив тех, кто был выдвинут на партийную работу в последние год-два, а потом вышла и за эти пределы; когда аресты приняли массовый характер среди уже терроризованного населения, их стало невозможно выполнять под благопристойным покровом ночи. Ленинград — пожалуй, самый северный из крупных городов мира, он находится на той же широте, что Шетландские острова или северный Лабрадор. Зимой дни в Ленинграде чрезвычайно короткие, зато летом, когда в нем царит «задумчивых ночей прозрачный сумрак, блеск безлунный», когда Пушкин мог сказать свое «пишу, читаю без лампады», шум и скрежет тормозов арестантских карет на светлых, но безлюдных улицах был, по воспоминаниям многих, особенно тревожным.

Председатель Ленинградского совета Кадацкий, член ЦК партии, по-видимому, расстрелян в 1939 году. В том же году был уничтожен другой член ЦК из Ленинграда — П. А. Алексеев, председатель ленинградского облпрофсовета. Несколько подробнее можно проследить судьбу Чудова.

В Ленинграде был арестован некто Розенблюм, член партии с 1906 года. Его арестовали по делу знаменитого старого большевика Николая Комарова.

После поражения зиновьевцев в 1926 году Комаров занял зиновьевский пост председателя Ленинградского совета. В 1929 году он стал неподходящим для Сталина человеком: не поддерживая открыто Бухарина, Комаров не проявлял никакого энтузиазма в борьбе против него. В июле 1928 года Бухарин сказал Каменеву, что высшие руководители в Ленинграде «всей душой с нами, но они приходят в ужас, когда

мы говорим о снятии Сталина». Эти люди колебались, они не могли принять решение. По воспоминаниям современников, попытки Сталина перетянуть ленинградских руководителей на свою сторону не удавались. Речь шла как раз о Комарове и других преемниках Зиновьева[8]. Комарова сняли и перевели на работу в ВСНХ (Высший Совет Народного Хозяйства) в Москву. В 1934 году Комаров уже не был членом ЦК, но оставался еще кандидатом.

Теперь Ленинград перешел в руки людей, полностью придерживавшихся партийной линии, несмотря на то, что во всем руководстве города и области в начале 30-х годов настоящие сталинцы, помимо Кирова и Чудова, встречались редко. Большинство было сторонниками Сталина с легким правым уклоном, к которому до известной степени склонялся и сам Киров[9].

Комаров оставался связанным с этими людьми. Позже, в 1938 году, на процессе над Бухариным и другими его назвали в качестве видного члена ленинградской группы[10]. Теперь мы знаем, что дело Комарова хотели связать с делом Чудова с помощью Розенблюма. Но Чудову собирались устроить показательный процесс со всеми атрибутами. И вот Розенблюм, который, как рассказал на XX съезде партии Хрущев, к тому времени уже подвергся «страшным пыткам»[11], предстал перед Заковским. Вот что далее рассказывал Хрущев:

«Заковский предложил ему освобождение при условии, чтобы на суде он сделал сфабрикованное в 1937 году НКВД признание относительно «террористического центра саботажа, шпионажа и диверсии в Ленинграде». С невероятным цинизмом Заковский описал гнусный «механизм», при помощи которого фабриковались вымышленные «антисоветские заговоры».

«Чтобы показать мне этот механизм, — сообщил Розенблюм, — Заковский описал мне несколько возможных вариантов организации такого центра и его отделений. Подробно описав мне такую организацию, Заковский сказал мне, что НКВД

заготовит дело для этого центра, и добавил, что суд будет открытым...

«Вам самому, — сказал Заковский, — не придется ничего выдумывать. НКВД заготовит для вас готовое описание каждого отделения центра. Вам нужно будет тщательно изучить его и помнить все вопросы и ответы, с которыми вам придется иметь дело во время суда. Дело это будет готово месяца через четыре, через пять, может, через полгода. Все это время вы должны будете готовиться, чтобы не скомпрометировать следователя и себя. Ваша будущая участь зависит от того, как пройдет суд и каковы будут его результаты. Если вы начнете завираться и давать неверные показания — пеняйте на себя. Если вы выдержите это испытание, вы спасете свою жизнь и мы будем кормить вас и одевать до самой вашей смерти»[12].

Как сказал Розенблюму Заковский, на суде должны были фигурировать Чудов, его жена — секретарь ленинградского облпрофсовета и член обкома партии Людмила Шапошникова, а также три других секретаря горкома и обкома — член партии с 1903 года Борис Позерн, А. И. Угаров и Петр Смородин. Трое последних были кандидатами в члены ЦК ВКП[б].

Надо отметить, что, как и во многих других случаях, основание для будущего дела было подготовлено неплохо. Уже в августе 1936 года, на процессе Зиновьева, прозвучали показания, что несколько членов группы, связанной с убийцей Кирова Николаевым, «пользовались доверием многих партийных и советских руководящих работников в Ленинграде», и это доверие якобы «обеспечило им все возможности вести подготовку к террористическому акту против Кирова без малейшей опасности разоблачения»[13].

Что касается политического направления будущих обвиняемых, то ясно было, что ленинградцев запишут в «правые». В этом была даже некая крупица правды — во всяком случае, конец этих людей означал окончательное подавление «линии Кирова».

Процесс «Ленинградского центра», планировавшийся Заковским, так и не состоялся (более или менее важные офи-

циально объявленные процессы были проведены только в Москве и в Грузии). Почему так — мы не знаем. Можно лишь предполагать, что сопротивление следствию со стороны некоторых ленинградцев было причиной падения Заковского, который сам вскоре после этого был расстрелян.

Сведения о судьбе людей, подготовленных Заковским в качестве жертв будущего процесса, производят несколько странное впечатление. Энциклопедический справочник «Ленинград» указывает, что Чудов умер в 1937 году[14]. Тот же справочник утверждает, что Смородин умер в 1941 году[15]; «Энциклопедический словарь», однако, дает другую дату смерти Смородина — 1937 год[16]. Известно, что Смородин в июне 1937 года сменил Чудова на посту второго секретаря Ленинградского обкома партии; наиболее вероятно, что арестован он был в конце того же лета. По поводу смерти Б. Позерна в советских источниках наблюдается поразительный разнобой. Справочник «Ленинград» называет 1939 год, в биографических справках к 50-му тому собраний сочинений Ленина, вышедшему в 1965 году, говорится, что Позерн погиб в 1938 году, в то время как сборник «Из истории гражданской войны»[17] и вышедшая в Москве за пять лет до этого книга «От Февраля к Октябрю» уверяет в справочном примечании, что Позерн скончался в 1940 году. Так или иначе, еще в мае 1938 года Б. Позерн был на свободе. Что касается А. И. Угарова, то его даже повысили до первого секретаря Московского обкома партии, и он исчез только осенью 1938 года. Это определенно показывает, что, как говорил Заковский, «возможны варианты». В числе будущих жертв «вариантов» Заковского могли быть люди, с которыми он ежедневно сидел в обкоме за одним столом.

О терроре в Ленинграде и Ленинградской области, как уже было сказано, известно больше, чем о терроре в других областях страны, и потому весьма поучительно оценить итоги террора. Были арестованы все семеро членов и кандидатов в члены ЦК ВКП[б], работавшие в Ленинграде, — Чудов, Кадацкий, Алексеев, Смородин, Позерн, А. И. Угаров, а также

представитель Ленинградского облисполкома П. И. Струппе. Среди других жертв оказались А. Н. Петровский, возглавлявший горисполком, а затем переведенный в секретари Ленинградского обкома, и И. С. Вайшля — секретарь Ленинградского обкома комсомола. Кроме них исчезло большинство членов бюро обкома и «сотни активнейших партийных и советских работников». В это число входят, разумеется, многие секретари райкомов партии Ленинграда. Террор ударил также по военной верхушке Ленинграда, начиная с командующего военным округом Дыбенко (который по положению был членом обкома партии) и командующего Балтийским флотом А. К. Сивкова. Жертвами террора пали также ведущие хозяйственники — руководители Ленэнерго, Кировского завода, Металлического завода имени Сталина и многих других[18]. Из 154 делегатов XVII съезда партии, избранных от Ленинграда, только д в о е были избраны делегатами на следующий XVIII съезд. Причем эти двое были Андреев и Шкирятов, чьи связи с ленинградской организацией были чисто формальными. Из 65 членов Ленинградского обкома партии, избранных 17 июня 1937 года, только девять появились в следующем году (четверо других были переведены на работу вне Ленинграда)[19]. На XXII съезде партии, вспоминая 1937 год, старая ленинградская коммунистка Д. А. Лазуркина говорила: «... В 1937 году меня постигла участь многих. Я была на руководящей работе в Ленинградском обкоме партии и, конечно, тоже была арестована»[20].

Когда старые кадры были уничтожены, Жданов выдвинул своих людей. Среди них был Вознесенский, работавший в Ленинграде председателем облплана и заместителем председателя горсовета — до того, как его перевели в Москву и, в конце концов, ввели в Политбюро ЦК ВКП[б]; А. А. Кузнецов — вначале секретарь райкома, затем второй секретарь обкома, а позднее секретарь ЦК ВКП[б]; будущий первый секретарь обкома Попков. Все эти трое были расстреляны в 1950 году по так называемому «Ленинградскому делу». Другие из ленинградских выдвиженцев того времени дожили

почти до наших дней. Так, Н. Г. Игнатов, в прошлом работник ОГПУ, был секретарем парткома одного из заводов, когда к власти в Ленинграде пришел Жданов. В 1937 году Игнатов стал первым секретарем одного из райкомов Ленинграда и членом горкома. На следующий год его послали вторым секретарем в Куйбышев — для политического обеспечения последней и заключительной операции против Постышева. Потом, после многих повышений и понижений, Н. Г. Игнатов стал заместителем председателя Совета Министров СССР и в этой должности скончался в 1966 году.

Еще более интересно проследить за карьерой Алексея Косыгина[21]. В те годы Косыгин играл активную роль в партийной жизни как член бюро Выборгского райкома ВКП[б] Ленинграда (в то время главная «активность» заключалась в доносах и всяческих обвинениях против прежних секретарей и членов бюро). В 1937 году Косыгин занял одну из освободившихся вакансий, став директором Октябрьской текстильно-ткацкой фабрики. В июле 1938 года он был утвержден заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома партии, а в октябре того же года — председателем горисполкома, заняв, таким образом, бывшую должность Кадацкого. В следующем году он был переведен в Москву и по сей день работает в правительстве.

События в Ленинграде не представляли исключения. Такие же события происходили в обкомах по всей стране, с той только поправкой, что всего трем первым секретарям (Жданову в Ленинграде, Берии на Кавказе и Хрущеву в Москве) было доверено вести террор самим. Остальные делали это под надзором свыше.

Каганович, например, побывал в Иванове, в Смоленске, на Кубани и в других местах; Маленков — в Белоруссии и в Армении; Г. Д. Шкирятов — на Северном Кавказе. Повсеместно они уничтожали прежнее руководство. В те годы для ареста «троцкистов», занимавших ответственные должности, требовалась подпись первого секретаря обкома. (Эйхе, рабо-

тавший первым секретарем обкома в Западной Сибири, считал это своей прерогативой)[22]. И на ранних стадиях террора первые секретари обкомов могли и часто желали приостановить действия НКВД. Во всяком случае, они могли приостанавливать произвол, которого требовали теперь Сталин и Ежов. И в большинстве случаев избиение руководящих кадров в областях производила теперь сама Москва, причем Секретариат ЦК ВКП[б] применял и такой метод: в область, где первый секретарь не очень охотно вел террор, назначали вторым секретарем отъявленного террориста (так Н. Г. Игнатов был послан на подрыв позиций Постышева в Куйбышеве).

Хрущев на XX съезде партии говорил: «Материалы следствия, проведенного в то время, показывают, что почти во всех краях, областях и республиках будто бы существовали шпионско-террористические и диверсионно-саботажные организации и центры правых и троцкистов и что во главе таких организаций, как правило, по непонятным причинам, стояли первые секретари областных, краевых и республиканских партийных комитетов»[23].

Поразительные разоблачения сделал на XXII съезде партии старый коммунист Сердюк. Он рассказал, что Каганович, прибыв в Иваново, немедленно по прибытии телеграфировал Сталину: «Первое ознакомление с материалами показывает, что необходимо немедленно арестовать секретаря обкома Епанечникова. Необходимо также арестовать заведующего отделом пропаганды обкома Михайлова». Вскоре Каганович отправил вторую телеграмму: «Ознакомление с положением показывает, что право-троцкистское вредительство здесь приняло широкие размеры — в промышленности, сельском хозяйстве, снабжении, торговле, здравоохранении, просвещении и политпартработе. Аппараты областных учреждений и обкома партии оказались исключительно засоренными»[24]. Приезд Кагановича в Иваново называли «черным смерчем». Он обвинил тогда всю партийную организацию, имеющую большие революционные традиции, в том, что она якобы

находится в стороне, на обочине столбовой дороги. На пленуме обкома без всякого основания он приклеил ярлык врага народа большинству руководящих работников»[25].

В 60-е годы о событиях того периода было принято говорить, что Каганович или Маленков отправились туда-то и туда-то и «разгромили» обком партии. Ответственными за такие дела объявляются только либо названные двое, либо Ежов или Берия. Мы пока не слышали из советских источников о подробностях разгрома ЦК Компартии Украины, в котором принимал участие Хрущев, хотя уже после удаления Хрущева, в «Очерках по истории Московской партийной организации», Москва, 1966, стр. 539, приведены мимоходом фамилии шестерых секретарей МК партии, а также председателя Моссовета Н. А. Филатова, исчезнувших в то время, когда первым секретарем был Хрущев. Такое же молчание царит по поводу роли Микояна в разгроме армянской Компартии, где вся вина возлагается на Маленкова. В Белоруссии террор вел главным образом некто Яковлев, позднее сам ставший жертвой, а затем реабилитированный. Об этом тоже ничего не говорится.

Писатель Аркадий Васильев (позже «общественный обвинитель» на процессе над Синявским и Даниэлем) в беллетристической форме, но очевидно по личному опыту, описывает сцену, какая часто происходила в те времена в обкомах. 23 июля 1937 года член обкома приходит на пленум. Его известили о пленуме всего за несколько часов до начала, не сообщив о повестке дня. Все сидят в молчании, атмосфера напряженная. Каждый старается занять место как можно дальше от президиума, в задних рядах.

Последующие события автор романа описывает так:

«Первым на сцену вышел человек с бородой. Я до этого видел его только на портретах. Он тогда в большой силе был — и нарком, и секретарь Центрального Комитета, один чуть ли не в семи лицах. В зале тишина. Нарком нахмурился, видно, не понравилось, как его встретили, привык к триумфу. Кто-то

догадливый спохватился, захлопал. Поддержали, и все пошло как надо.

Затем появились члены бюро нашего обкома во главе с первым секретарем. Им тоже, поменьше, пожиже, но похлопали.

Нарком сел с краю, возле трибуны. Первый секретарь приглашал его в середку рядом с собой — не пошел.

И только тут узнал пленум о повестке дня. Первое — о состоянии агитационно-пропагандистской работы в связи с предстоящей уборкой урожая и второе — оргвопросы.

Не знаю, как у других, а у меня отлегло от сердца — к уборке урожая я лично отношения почти не имел. Выделишь, бывало, подшефному колхозу три грузовика, бригаду девчат пошлешь — и все. А оргвопросы — это тоже меня не касается, кого-то от чего-то освободят, кого-то куда-то введут. В ту пору мне все равно было, тщеславия у меня не замечалось — знал свое место и на большее не рассчитывал, оснований не было.

Бывало, стоило только пустить в ход налаженную, годами проверенную машину совещаний — и все заработает, как следует быть: во время доклада летят уже из зала записочки — записываются в прения, перерыв, прения — все точно пригнано или, как моряки говорят, принайтовано. И почти все заранее известно, кто в прениях выступит, и с чем, кто, обидевшись, будет слово для справки просить.

На этот раз все скособочилось. По поводу агитационно-пропагандистской работы на селе доклад делать полагалось бы секретарю по пропаганде, а на трибуну выпустили заведующего областным земельным управлением Костюкова. Он говорить был мастак. Особенно о планах, гектарах, вывозе удобрений. А тут он губами двигает, а его не слышно. Кто-то посмелее из зала крикнул:

— Громче!

Костюков поднял глаза от тезисов, и мне жутко стало — такие они были стеклянные, как у мертвеца.

Нарком чего-то сердито сказал первому секретарю, тот встал, позвонил и произнес деревянным голосом:

— Прошу соблюдать тишину!

Какое там соблюдать — и так слышно, как карандашом по бумаге водят.

Костюков все же собрался с силами, и мы услышали:

— Два дня назад мы с председателем облисполкома товарищем Казаковым посетили колхоз имени Буденного...

Нарком избоченился весь и странно как-то, не то с удивлением, не то с насмешкой спросил докладчика:

— С кем? С кем вы посетили колхоз?

— С товарищем Казаковым...

Тут только я обратил внимание, что Казакова в президиуме нет. «Как же так? — думаю. — Он ведь член бюро!»

Нарком все тем же непонятным тоном продолжает:

— Следовательно, я вас так понимаю, вы считаете Казакова товарищем? Отвечайте!

Костюков побелел и залепетал. Солидный он был, высокий, любил зимой на коньках кататься, в проруби купался, а тут стоит виноватый, словно школьник, не приготовивший урока.

— Конечно... Если так... Почему бы и не считать...

Нарком посмотрел на наручные часы, потом за кулисы глянул, и к нему тотчас же подскочил какой-то человек, не из наших. Нарком выслушал секундный доклад и объявил...

— Не понимаю, как вы можете себя так вести. Отказываюсь понимать... — снова на часы глянул и добавил: — Враг народа Казаков арестован двадцать минут тому назад...

И случилось, если по нынешним временам измерять, совершенно невероятное: кто-то из сидящих в президиуме зааплодировал. Сначала робко подхватили, затем энергичнее. Чей-то бас крикнул:

— Нашему славному НКВД — ура!

И я кричал «ура». Сейчас что угодно можно говорить и думать о том периоде. Не знаю, как другие, но я кричал от всей души, искренно, верил, что Казаков действительно враг народа. После пленума с мыслями собрался, кое-что в хозяйственной области проанализировал и еще больше поверил —

враг. Так настроен был, так мои душевные струны были подтянуты, что другие слова — « ошибка », « недосмотр », « неправильный расчет », « просто халатность » — на ум и не приходили, а только одно: « вражеская деятельность ».

Костюков совсем раскис и, промямлив еще несколько слов, сошел с трибуны, под стук собственных каблуков. Больше его никто не видел — ушел за кулисы навсегда.

Нарком снова на часы посмотрел и все тем же своим непонятным тоном обратился к секретарю по пропаганде:

— Может ты неудачного докладчика дополнишь?

Секретарь вышел на трибуну белый-белый, откашлялся для порядка и сравнительно бойко начал:

— Состояние агитационно-пропагандистской работы на селе не может не вызывать у нас законной тревоги... Как уже сообщил предыдущий оратор, уборку мы должны провести в более сжатые сроки... Правда, товарищ Костюков не отметил...

При этих словах нарком опять избоченился и ехидно спросил:

— Костюков вам товарищ? Странно, очень странно... — Снова взгляд на часы и — как обухом по голове:

— Пособник врага народа Казакова последыш Костюков арестован пять минут тому назад...

Все бюро обкома, весь президиум облисполкома минут за сорок подмели под метелку »[26].

В конце июня Каганович выступил на специально созванном заседании Смоленского (в то время Западного) обкома партии и объявил, что первый секретарь обкома Румянцев, который служил опорой Сталина в Смоленске с 1929 года, второй секретарь Шульман и большая группа прежних руководителей являются « предателями, шпионами германского и японского фашизма и членами право-троцкистской банды »[27]. Эти люди исчезли без следа. Румянцева заменил на посту Д. Коротченков, под руководством которого Смоленская область пережила страшный террор. До и после своей работы в Смоленске « Коротченков » носил фамилию Коротченко.

В 1968 году, когда писалась книга, Д. Коротченко был членом ЦК КПСС и председателем Президиума Верховного Совета УССР. В 1937 году он работал также секретарем МК под руководством Хрущева, а позже сопровождал Хрущева на Украину.

Во время второй мировой войны смоленский архив был захвачен гитлеровцами. После поражения Германии этот архив был перевезен в США. Благодаря этому есть возможность проследить на примере Смоленской области, как проводился террор в низовых партийных организациях.

В тогдашнюю Западную область входил небольшой районный центр — город Белый (ныне Калининской области). В марте 1937 года, после февральско-мартовского пленума, обком партии, сам находившийся под ударом, обрушился на районных руководителей. Первый секретарь Бельского райкома партии Ковалев подвергся своеобразной четырехдневной церемонии — его «критиковали», оскорбляли и обвиняли во всех грехах подчиненные. На него нападали за то, что в 1921 году он жил вместе с троцкистом, что вел себя, как местный диктатор, что дезертировал из Красной Армии и т.д. Присутствовало более 200 местных коммунистов, представлявших большую часть местной партийной организации. По отчету видно, что многие еще не усвоили тон и стиль, внедрявшиеся тогда в партии. С мест задавали вопросы: почему, если ораторы, критиковавшие Ковалева, знали все это о нем раньше, они не только молчали, но и одобряли все действия секретаря? На это один из наиболее хитрых обвинителей ответил, что молчал четыре года потому, что Ковалев запрещал ему говорить!

Представитель обкома, прибывший в Белый как раз для того, чтобы организовать снятие Ковалева с поста, говорил более умеренным тоном, чем некоторые местные рядовые доносчики. Он сказал: «У меня нет достаточных оснований назвать Ковалева троцкистом», но обещал, что этот вопрос будет расследован.

Когда затем, в июне, сам обком был «разоблачен», город Белый охватила истерия арестов и обвинений. 26-27 июня проходило еще одно собрание, в ходе которого на Ковалева и на все его окружение возводились еще более страшные обвинения. Все, кто работал с Ковалевым, пали жертвами. Но менее, чем через три месяца, 18-19 сентября, состоялся пленум райкома, разгромивший тех, кто пришел к руководству после группы Ковалева. Так, нового секретаря райкома Карповского обвинили в том, что он был агентом Румянцева, что в свое время принадлежал к банде преступников, что имел родственников за границей, что поддерживал отношения с сестрой, которая была замужем за иностранным коммерсантом. Карповский защищался, говоря, что он не только никогда не был бандитом, но самолично убил несколько бандитов. Он получил однажды письмо от тетки из Румынии, но он не видел этой тетки с тех пор, как она выехала из России в 1908 году. Что касается его сестры, то и она и ее бывший муж-коммерсант занимались теперь полезным трудом. Более того, друг Карповского, воевавший вместе с ним, показал, что оба они боролись с бандитами. Но ничего не помогло. Оратор за оратором набрасывались на секретаря, понося его в самых диких выражениях и, в конце концов, даже его друг сказал с сомнением, что он просто не знал об участии Карповского в бандитской шайке.

Все сотрудники Карповского пали либо вместе с ним, либо непосредственно после него. К концу года районом руководила совершенно новая группа людей, причем никто из них не был местным жителем. Численность партийной организации района, насчитывавшей на 1 сентября 1934 года 367 человек, снизилась почти вдвое и теперь не достигала 200[28].

Поразительно, что террористические призывы сверху сочетались с истерическими, линчевательскими настроениями, воцарившимися ныне в низовых партийных организациях. В то время как уничтожались высшие и средние круги партийного руководства, эмиссары Москвы повсюду находили до-

носчиков (вроде уже упоминавшейся Николаенко в Киеве), готовых дать «показания» против всех, кого требовалось уничтожить.

В 1962 году газета «Бакинский рабочий», в статье, озаглавленной «Досье провокатора»[29], описывала, как один член партии в Азербайджане делал карьеру в годы террора, донося в НКВД на видных коммунистов. Среди оклеветанных им были три секретаря ЦК Компартии Азербайджана и бывший председатель Совнархоза республики. А сам «провокатор» И. Я. Мячин оставался до послесталинских времен известным и уважаемым членом партии. Одно время он даже занимал должность заместителя Наркома текстильной промышленности Азербайджана.

Что клеветническая деятельность Мячина, хотя и поздно, но все же раскрылась, газета объясняет тем, что в свое время он писал все свои доносы в двух экземплярах — один посылал «в НКВД на имя прислужников Багирова. Второй же с собственноручной подписью подшивал в дело № 4, которое с гордостью сдал в архив». Это «дело № 4» пролежало на полке четверть века, пока его «случайно» не обнаружил архивариус. В папке оказались доносы Мячина, написанные в период с февраля по ноябрь 1937 года и «скомпрометировавшие» 14 партийных, советских и хозяйственных руководителей. Одно из типичных обвинений состояло в том, что один коммунист, «посоветовавший в автобусе не болтать о вредительстве», якобы хотел этим «дать указание контрреволюционерам держать язык за зубами». Оправдывая свои поступки, Мячин говорил: «Мы думали, так нужно. Писали все».

Он был по-своему прав.

То же самое происходило повсюду. На XX съезде партии Хрущев рассказал, как «отдел НКВД по Свердловской области «открыл» так называемый «уральский штаб восстания — орган блока троцкистов, правых уклонистов, эсеров и священников». Его мнимым руководителем был назван секретарь Свердловского областного комитета партии, член ЦК ВКП[б] Кабаков, член партии с 1914 года. Материалы следствия, про-

веденного в то время, показывают, что почти во всех краях, областях и республиках будто бы существовали шпионско-террористические и диверсионно-саботажные организации и центры правых и троцкистов и что во главе таких организаций, как правило, по непонятным причинам, стояли первые секретари областных, краевых и республиканских партийных комитетов»[30].

Первым секретарем Ростовского и Азово-Черноморского обкома был назначен Е. Г. Евдокимов — в прошлом руководящий работник НКВД. Но даже он, по имеющимся сведениям, жаловался в Москву, что террор заходит слишком далеко[31]. Как бы то ни было, он сам вскоре исчез. И в то время как волна арестов охватила Ростовский обком, там обозначилась быстрая карьера молодого Михаила Суслова. В 1933-34 году он входил в комиссии по партийной чистке в ряде областей. Теперь он был назначен одним из секретарей Ростовского обкома. В 1939 году Суслов стал первым секретарем Ставропольского крайкома партии, где в 1944 году принял участие в насильственном переселении карачаевцев в отдаленные районы страны. Видимо, он показал себя способным к такого рода операциям, ибо был сделан председателем Бюро ЦК во вновь оккупированной в 1944 году Литве, где восстановил советскую власть, сломив упорное сопротивление партизан. К 1947 году Суслов стал секретарем ЦК партии и этот пост он занимает до сих пор.

В сентябре 1937 года Сталину позвонил с Дальнего Востока тамошний первый секретарь крайкома Иосиф Варейкис. Этот работник пользовался большим доверием Сталина, до Дальнего Востока работал первым секретарем Воронежского и Сталинградского обкомов. Темой телефонного разговора Варейкиса со Сталиным был арест некоторых коммунистов, против которого Варейкис возражал. В разговоре он, очевидно, поставил вопрос также и об аресте Тухачевского. Варейкис служил вместе с Тухачевским во время гражданской войны, и однажды оба они, Тухачевский и Варейкис, были захвачены эсеровскими мятежниками, которых впоследствии подавили.

Сталин закричал: «Не твоего ума дело! Не вмешивайся, куда не следует, НКВД знает, что делает!». Потом Сталин сказал, что «защищать Тухачевского и других может только враг советской власти» и бросил трубку. Варейкис был глубоко потрясен. Ему было даже трудно поверить, сказал он своей жене, что с ним разговаривал именно Сталин.

30 сентября Варейкис получил телеграмму, вызывавшую его в столицу по служебным делам. 9 октября он был арестован за несколько станций до Москвы. Через четыре дня арестовали его жену[32].

На процессе так называемого «право-троцкистского блока» Варейкис упоминался в качестве соучастника заговора[33] и осенью 1939 года был расстрелян[34]. Нигде не сказано прямо, но вполне возможно, что разговор Варейкиса со Сталиным касался также и положения тогдашнего командующего Дальневосточной армией маршала Блюхера. Внезапный сталинский порыв гнева мог отражать реальный страх Сталина, его озабоченность положением в Дальневосточной армии.

В РЕСПУБЛИКАХ

Положение дел в республиках было таким же, как в областях самой России. В 1935 и 1936 годах Ежов использовал проводившуюся «проверку и обмен партийных документов» для исключения из партии «половины всего состава партийной организации» в Белоруссии[35] за связи с каким-то антисоветским подпольем. Местные партийные работники протестовали против таких действий, которые на самом деле были первой фазой разрушения прежней партии и создания на ее руинах совсем другой организации. 17 марта 1937 года, т.е. сразу после февральско-мартовского пленума, в Минск был послан эмиссар из центра В. Ф. Шарангович, которого сделали первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. В Белоруссии Шарангович работал и раньше, до 1936 года.

Однако сопротивление террору на высшем уровне бело-

русского республиканского руководства было распространено широко. Как сообщил в той же речи Мазуров, на одном из заседаний ЦК партии республики председатель Совнаркома Белоруссии М. М. Голодед «поставил под сомнение итоги проверки и обмена партийных документов»[36]. Это было поводом для того, чтобы направить в Минск Маленкова. Он прибыл в июне 1937 года и уничтожил почти все республиканское руководство.

Председатель Президиума Верховного Совета Белоруссии Червяков — «глава государства» этой «суверенной республики» — покончил самоубийством. Голодед был обвинен в «буржуазном национализме»[37]. Его арестовали по дороге в Москву и расстреляли[38]. Предшественник Шаранговича Гикало, сам проводивший террор против других, был также расстрелян. Согласно Мазурову, «почти весь руководящий состав республики, в том числе секретари ЦК, председатель Совнаркома, наркомы, многие руководители местных партийных и советских органов и представители творческой интеллигенции были исключены из партии и многие из них арестованы»[39]. На процессе Бухарина Голодед, Червяков, Гикало, а также бывший третий секретарь ЦК КП Белоруссии Жеборевский и Народный комиссар земледелия Бенек были упомянуты как участники «национал-фашистской организации», чья деятельность в основном заключалась в шпионаже в пользу Польши и вредительстве в сельском хозяйстве.

В середине июня, на республиканском партийном съезде, Шарангович горячо приветствовал проходивший террор. В августе на пленуме ЦК КП Белоруссии он сам пал жертвой террора — его «разоблачил» Я. А. Яковлев, присланный из Москвы на его место[40]. С Яковлевым прибыла группа новых правителей, в том числе преемник Червякова Наталевич. В течение лета и осени террор распространился до местного и даже массового уровня.

Судьба Шаранговича типична, и на его примере можно говорить об одном примечательном явлении. В те годы за решетку попадали даже представители нового поколения ста-

линских карьеристов — людей, вполне приспособившихся к новой системе. Это в особенно большой степени относится к первым, наиболее энергичным из них, вырвавшимся на высокие посты. Они были уничтожены младшими по возрасту, но подобными им по характеру типами, которые позже, в свою очередь, нередко становились жертвами террора.

Объяснение краткости пребывания на своих постах многих из тех, кто был выдвинут взамен первых жертв террора, сводится к следующему:

«Люди этого типа имели тенденцию доводить партийную линию до нелепых крайностей, что объяснялось их неразборчивостью в средствах и служебным рвением. В результате, их действия позже объявлялись «перегибами» и отходом от партийной линии. Кроме того, люди подобного типа по природе своей склонны к коррупции и к использованию своих постов в личных целях. Этим они возбуждали ненависть и ревность со стороны младших сослуживцев. А это еще более укорачивало сроки пребывания их на постах»[41].

Как известно, на февральско-мартовском пленуме Сталин высказал пожелание, чтобы каждый партийный работник подготовил себе «на всякий случай» двух заместителей. В этом предложении содержалось известное предвидение, хотя и недостаточное. Во многих случаях только четвертый или пятый преемник выживал на своем посту до конца террора. Но были и такие, кто как раз в те годы начинали делать карьеру, — например, тот же К. Мазуров (к моменту сдачи этой книги в набор член Политбюро ЦК КПСС), занимавший в 1938 году ответственный пост в политотделе Белорусской железной дороги, персонал которой тяжело пострадал от террора.

В Белоруссии террор, кстати говоря, помимо политических деятелей и инженеров, тяжело обрушился на деятелей культуры — в особенности это относилось к Наркомату просвещения и Институту языковедения. Оба эти учреждения как бы олицетворяли все национальное, чисто белорусское. Почти неизменно арестованных белоруссов объяв-

ляли польскими шпионами, что объяснялось географическим положением республики[42].

История террора в Белоруссии интересна тем, что здесь жестокостям оказывалось несколько более сильное сопротивление, чем в большинстве собственно русских областей. Вероятно, тут слегка помогали местные национальные чувства. Гораздо более заметным это явление было на Украине, где полное покорение оказалось еще более трудным, так как пришлось иметь дело с большим количеством высших украинских руководителей. Террор в Грузии начался тогда, когда не было никакой нужды уничтожать высшее руководство. В свое время, в 1919 году, Грузия была полностью меньшевистской; меньшевики имели 105 из 130 мест в Национальном собрании республики. За них голосовали на выборах 640 тысяч человек, а за большевиков всего 24 тысячи, так что последние не получили в парламенте вообще ни одного мандата. Но потом положение коренным образом изменилось. Сталин протащил старого оперативника ОГПУ Лаврентия Берию в первые секретари Компартии Закавказской Федерации. Это случилось в 1931 году, и с тех пор чекист с тонкими чертами лица и в пенсне стал властвовать в Грузии. С самого своего назначения Берия рьяно вел террор. Уже 11 августа 1936 года он расстрелял в своем кабинете первого секретаря ЦК КП Армении Ханджана[43].

Таким образом, внутрипартийный террор в Грузии был жестоким, но обычным. Для проведения и усиления террора не нужен был никакой эмиссар ЦК. С другой стороны, Грузия стала ареной нескольких публично объявленных судов, хотя эти процессы фактически проводились при закрытых дверях.

Наиболее важный процесс произошел 10-12 июля 1937 года. На процесс вывели людей, столь же известных в грузинском большевистском движении, как были известны во всесоюзном масштабе жертвы московских процессов. Совершенно очевидно, что вначале было намерение сделать процесс показательным. Ибо все обвиняемые были старыми врагами Сталина. Среди них выделялся Буду Мдивани, бывший пред-

седатель Совнаркома Грузии, которого Ленин защищал от Сталина перед самой своей смертью. Фактически именно дело Мдивани послужило Ленину поводом к тому, чтобы включить в свое «Завещание» пункт о нежелательности пребывания Сталина на посту Генерального секретаря. Вместе с Буду Мдивани судили старого большевика Окуджаву, отца известного ныне поэта и менестреля Булата Окуджавы, и других коммунистов.

Есть сведения, что решение провести этот процесс было принято на февральско-мартовском пленуме 1937 года[44]. Но обвинения против подсудимых были выдвинуты задолго до того. Обвинение Мдивани в незаконной троцкистской деятельности было выдвинуто уже в 1929 году[45]. Но затем Мдивани примирился с партийной линией, так как, по его собственным словам, он был слишком стар, чтобы организовать новую партию. На процессе Зиновьева имя Мдивани упомянуто не было; однако было сказано, что «грузинские уклонисты» были, «как известно», сторонниками террора еще с 1928 года. Тогда, на зиновьевском процессе, это было поистине рекордным обвинением: к тому времени ни одна группа не обвинялась еще в том, что разрабатывала террористические планы до 1930 года. На процессе Пятакова в 1937 году о Мдивани уже говорилось, что он готовил террористические акты против Ежова и Берии[46]. После уничтожения Мдивани, на суде над Бухариным и другими в 1938 году, его называли английским агентом[47].

Когда следователь попытался вынудить у Мдивани признания, он, по имеющимся сведениям, ответил так: «Вы меня уверяете, что Сталин обещал сохранить жизнь старым большевикам! Я знаю Сталина 30 лет. Сталин не успокоится, пока всех нас не перережет, начиная со своего непризнанного ребенка и кончая своей слепой прабабушкой!»[48]. Мдивани и Окуджава горячо отрицали свою вину[49]. Но Верховный суд Грузии приговорил их к смерти и они были расстреляны.

29 сентября и 29 октября в двух автономных республиках Грузии — Аджарии и Абхазии состоялись два подобных про-

цесса, устранившие других старых ветеранов. Любопытна судьба старого аджарского большевика Нестора Лакобы, который умер 28 декабря 1936 года в результате каких-то тайных действий Берии[50]. Через десять месяцев после этого, на тайном же суде, Нестора Лакобу посмертно обвинили в попытке организовать покушение на Сталина[51]. Тогда же был расстрелян и сын Лакобы[52].

К началу осени обрушился новый удар на недавно пришедших к власти грузинских руководителей среднего масштаба. В 1964 и 1965 годах было реабилитировано много грузинских и закавказских коммунистов и выяснилось, что очень многие из них были арестованы в короткий период с 1 по 3 сентября 1937 года. Это было началом общего террора без какого бы то ни было объявления о процессах над участниками оппозиции. На XVIII съезде партии в 1939 году представитель Грузии Джаши сообщил, что за 1937 и 1938 годы на партийную, государственную и хозяйственную работу в Грузии было выдвинуто 4238 человек[53] (представляющих из себя, очевидно, руководящие кадры). К моменту предыдущего, XVII съезда партии, полная численность грузинских коммунистов составляла 34000 человек. Вывод ясен: за годы террора были уничтожены практически все руководящие кадры.

На Компартию Армении террор обрушился еще в мае 1937 года. 17 мая 1937 года «Правда» опубликовала статью о том, что в «самом аппарате ЦК Компартии Армении обнаружены сомнительные люди». Вскоре руководитель местного НКВД вызвал к себе в кабинет бывшего председателя Совнаркома республики Тер-Габриеляна. Прямо в кабинете несчастного допрашивали в течение 7 часов по поводу каких-то растрат на железных дорогах — после чего прямо там же и убили.

В сентябре 1937 года в Ереване состоялся пленум ЦК КП Армении. Там произошел решительный разгром. ЦК ВКП[б] представлял Микоян, сопровождаемый Берией и Маленковым. По новой конституции Армения не принадлежала больше к прежней «Закавказской Социалистической Феде-

ративной Советской Республике», находившейся под управлением Берии. В известном смысле Армения все еще находилась под его эгидой, но приезд из Москвы Маленкова, который завернул сначала в Тбилиси, а потом отправился в Ереван, не считался в данном случае вмешательством в дела бериевской епархии. В 1937 году Маленков выехал на Кавказ «с ведома и по поручению Сталина»[57]. В Тбилиси Маленков сделал остановку, чтобы совместно с Берией выработать удовлетворительную версию смерти армянского руководителя Ханджана, которого, как мы уже знаем, Берия расстрелял. Как теперь известно из публикации в том же «Коммунисте» и из речи Шелепина на XXII съезде партии, остававшиеся в живых армянские руководители были сделаны ответственными за смерть Ханджана[55].

Первым обрушился на местных руководителей Микоян. Передавали, что первый секретарь ЦК КП Армении Аматуни оказал ему сильное сопротивление и даже кричал в ответ на обвинения Микояна: «Вы лжете!». Вскоре и он, и второй секретарь ЦК и председатель Совнаркома республики, а заодно и республиканский Нарком внутренних дел были арестованы. 23 сентября все они были объявлены «врагами народа»[56]. Затем был арестован почти весь личный состав армянского ЦК и Совнаркома. Причем, «Маленков в ряде случаев лично участвовал в допросах арестованных, которые проводились с грубым нарушением норм социалистической законности»[57].

На этой самой третьей неделе сентября 1937 года волна массовых арестов прокатилась по всей республике. К октябрю не осталось на свободе ни одного из 16 членов и кандидатов Бюро ЦК, избранных в июне 1935 года. А из тех, кто сформировал новое Бюро в 1937 году, к 1940 году выжили только двое. В июне 1937 года был также избран полный состав нового ЦК КП Армении. Из его 55 членов только 15 были вновь избраны годом позже, в июне 1938 года. И среди этих пятнадцати были к тому же трое «посторонних» — Сталин, Берия и Микоян. Можно проследить судьбы примерно 30

человек из тех, кто был устранен из состава ЦК. Все они были исключены из партии и, наиболее вероятно, арестованы.

Так же, как в Грузии, террор смел с лица земли и второй эшелон партийных руководителей. Свыше 3500 ответственных партийных, советских, хозяйственных, военных и комсомольских работников были арестованы в течение нескольких месяцев одного только 1937 года. Многие из них были расстреляны без суда и следствия[58]. В последний день 1937 года — 31 декабря — было объявлено о казни восьми руководящих работников в Армении и — по иронии судьбы, в том же номере газеты — о посмертных обвинениях, выдвинутых против Ханджана[59].

То, что массовые аресты и в Грузии и в Армении начались в сентябре, не было совпадением. Наиболее вероятно, что было принято общее решение о разгроме старого состава компартии в национальных республиках. Все правительство Татарской республики, например, было арестовано в середине лета того же года[60]. В сентябре началась совершенно неожиданная и чрезвычайно злобная кампания в печати против того, о чем мало говорили в предыдущие годы, — против «буржуазного национализма». Статьи под заголовком вроде «Гнилая позиция Дагестанского обкома» стали обычным явлением. Примерно с 8 сентября партийные организации в районах национальных меньшинств стали мишенью постоянных нападок, подававшихся под крупными заголовками. Повсюду — в Узбекистане, Киргизии, Казахстане, Башкирии, Карелии — среди руководства были «обнаружены» большие группы предателей. Практически все руководство было объявлено предателями. В дальнейшем, в главе 11 этой работы, я коснусь подробнее того, что произошло в Узбекистане.

Ход террора в национальных республиках поражает одной страшной особенностью. Она состояла вот в чем: по тщательно разработанным предварительным планам люди, присланные из Москвы, хладнокровно уничтожали имевшуюся в республике партию, создавая вместо нее из рядов работников и новичков особый набор энтузиастов, представлявший собой

уже не партию, а некую новую организацию террористов и доносчиков. Необходимо подчеркнуть именно размах операции, полноту уничтожения всей партийной иерархии. В центре, в Москве, Сталин уже создал свои кадры и протащил их на все высокие посты. В ближайшие месяцы в Москве тоже предстояли грандиозные опустошения. Однако здесь сохранялась видимость непрерывности руководства, поскольку кучка самых высших сталинцев пережила террор, а инструментами власти Сталина были вновь назначенные более молодые работники. В республиках же «черный ураган» вырвал с корнем всех старых «партийно-сознательных» сталинцев — ветеранов, представлявших некую непрерывную линию руководства и связь с подпольной дореволюционной партией, с революционерами 1917 года и участниками гражданской войны. Это была еще одна революция — не столь заметная, но настолько же полная, насколько и предшествовавшие ей другие коренные изменения в стране.

Необходимо отметить еще один факт, хоть и меньший по значению: если до тех пор самым полновластным человеком в национальной республике был первый секретарь ЦК, то теперь таким лицом стал Нарком внутренних дел. В течение следующего года или двух новые партийные руководители вернули себе значительную часть власти. Но в этот момент именно НКВД — сам по себе тоже все время «прочищаемый» террором — был прямым исполнителем воли Центра и проводил в жизнь все главные задания.

УКРАИНСКАЯ ГЛАВА

А възстона бо, братіе, Кіевъ тугою.
«Слово о полку Игореве»

Победа Сталина над партией была окончательно закреплена, когда он сокрушил «умеренных» на февральско-мартовском пленуме 1937 года. Оставалось лишь пустить террористи-

ческую машину в ход. И только на Украине оставался еще слабый очажок сопротивления.

Среди недавних официальных разоблачительных материалов о терроре 1937-38 года украинские события представлены весьма скудно. Публикация таких материалов проводилась под наблюдением Хрущева, и в результате мы имеем подробности о событиях в тех районах, с которыми сам Хрущев в годы террора не был связан — и особенно в тех, где ответственность за террор несли его различные соперники.

Имеются, однако, и другие источники. По ним можно видеть, что еще летом 1937 года, несмотря на удаление Постышева, руководящие украинские работники сохраняли солидарность между собой в сопротивлении дальнейшему развертыванию террора. Они действовали в местном масштабе, пытаясь уберечь Украину от общего психоза, оставить ее очагом относительного здравомыслия. Не было больше, конечно, никаких надежд на победу в масштабе Советского Союза. Борьба, происходившая в Киеве, напоминает отчаянное сопротивление гарнизона окруженной крепости, который продолжает сражаться с храброй безнадежностью отчаяния после того, как главные силы вокруг разгромлены.

И в Центральном Комитете партии в Москве и в других крупных городах, в областных центрах, в окраинных республиках были люди, сопротивлявшиеся террору. Но к тому времени, о котором мы рассказываем, они представляли собой изолированные фигуры, бессильно ожидающие своей судьбы. И лишь на Украине старое руководство, опирающееся на ЦК местной компартии, оставалось еще у власти. После того, как убрали Постышева, могущественного второго секретаря, Сталин рассчитывал, что власть в Политбюро Украины перехватит кто-либо из противников Постышева. Но и Косиор и Петровский — два оставшихся высших руководителя Украины — оба были из числа «сомневающихся». Место Постышева занял его предшественник на этом посту — Хатаевич. Он был членом ЦК ВКП[б] и с 1933 года входил в Политбюро ЦК КП Украины.

После февральско-мартовского пленума на Украине, по данным американского историка Сэлливанта, была проведена основательная чистка — было исключено из партии около 20% всего состава[61]. Тем не менее на съезде Компартии Украины в мае-июне 1937 года старое руководство было избрано вновь. И когда Сталин попытался захватить позиции на Украине методом «дворцового переворота», его попытка сорвалась.

История украинской компартии имеет некоторые особенности. Ленин определенно недооценивал силу украинских национальных чувств. На выборах в Учредительное Собрание (как, впрочем, и в Великороссии) в 1917 году 77% украинских голосов было подано за эсеров и меньшевиков, и лишь 10% за большевиков. Местные советы на Украине обычно находились под враждебным большевизму руководством. С 1917 по 1920 год на Украине существовали различного рода националистические режимы, и большевистское руководство и первоначально и по окончании гражданской войны было навязано Украине в значительной мере извне.

В отличие от великорусской, немалая часть украинской коммунистической партии состояла из бывших левых эсеров. Их главная организация на Украине имела националистический характер и носила название «боротьбисты». Эта партия была распущена в начале 1920 года и ее члены вступили в компартию.

Москва посылала на Украину все новых и новых большевистских руководителей, верных сторонников централизованного руководства, — и всякий раз эти руководители с течением времени меняли свои взгляды: пытаться управлять Украиной полностью с позиций агента иностранной державы, — эта перспектива выглядела для них нежизненной.

В июле 1923 года председателем Совнаркома Украины стал Влас Чубарь, державшийся относительно умеренных взглядов по национальному вопросу. Однако, в 1925 году первым секретарем ЦК КП Украины посадили Кагановича. Его беспощадно централизаторская политика была непопулярна среди местных партийных руководителей, которые во всех

других отношениях не имели разногласий со Сталиным. В изданном в Москве еще при его жизни 8-ом томе собрания сочинений Сталина есть любопытное признание, что в 1926 году на Украине выдвигались требования о замене Кагановича Чубарем или Гринько[62]. Сталину это не понравилось, но занятый сложной борьбой в центре, он не хотел входить в противоречия с более умеренной фракцией украинских руководителей по такому местному вопросу и в конце концов в июле 1928 года убрал Кагановича с Украины. В июле 1928 года Бухарин говорил Каменеву, что Сталин «подкупил украинцев, удалив Кагановича из республики». Сменил Кагановича Станислав Косиор — низкорослый, лысый, длинноголовый поляк, который безоговорочно поддерживал Сталина до самого ежовского периода.

В годы полемик с левой и правой оппозицией выявилась правильность сталинского расчета. Неприятностей в украинской компартии не было. Троцкизм почти не нашел в ней распространения. Национальные меньшинства вообще относились к Троцкому еще хуже, чем Сталин. Осетинский коммунист Григорий Токаев, позже перешедший на Запад, пишет, что методы Троцкого весьма напоминали сталинские, но что в национальном вопросе Троцкий был «еще более реакционен»[63].

Опыт с украинской оппозицией не был, однако, обнадеживающим. Пятаков, например, который в годы гражданской войны короткое время управлял в Киеве, считал, что Украину следует полностью подчинить России: «Можем ли мы допустить, чтобы форма существования пролетарско-крестьянской Украины могла бы определяться исключительно и независимо трудящимися массами Украины? Конечно, нет!»[64].

В начале 30-х годов коллективизация на Украине превратила республику в поле битвы между партией и населением. На Украине это чувствовалось сильнее, чем где-либо. И решающим критерием была партийная солидарность. Некоммунистический национализм оставался все еще сильным. В марте-апреле 1930 года состоялся процесс 42 ведущих куль-

турных деятелей на Украине, который был представлен как суд над «Союзом освобождения Украины». Последовали и другие процессы подобного рода, направленные против действительного народного сопротивления.

Столь крайними и жестокими мерами старая украинская интеллигенция была практически стерта с лица земли. Лишь старый большевик Скрыпник, возглавлявший Наркомат просвещения республики, продолжал оставаться защитником остатков украинской культуры. Эти остатки Скрыпник был намерен защищать любой ценой.

Нет сомнения, что Скрыпник со своим искренним желанием сопротивляться Москве был представителем сильного течения среди рядовых партийцев. Но остальные руководители республики занимали другую позицию. Война Сталина против крестьянства поставила их в такое положение, что единственным насущным вопросом был старый ленинский вопрос «кто кого?». У них могли быть скрытые сомнения; они могли думать разное о планах, которые привели республику к кризису. Но ожидать от них критики по адресу центрального руководства было бы не более разумно, чем ожидать от генерала, ведущего отчаянный бой, что он будет тратить время на обсуждение стратегических ошибок высшего командования.

И все же эти руководители, по-видимому, чувствовали себя потрясенными и опустошенными после беспрекословного выполнения в республике приказов Сталина о коллективизации.

В начале 1933 года трое из семи украинских секретарей обкома были сняты со своих постов. Такая же участь постигла трех членов Политбюро и секретариата ЦК КП Украины. А из Москвы на Украину с неограниченными полномочиями был послан секретарь ЦК ВКП[б] Постышев. В течение 1933 года из России на Украину было переведено много ответственных работников не украинской национальности, известных своей партийной преданностью (по оценке американского

историка Сэлливанта, число таких работников составило 5000 человек)[65].

8-11 июня 1933 года был дан первый «критический залп» по Скрыпнику. Он, однако, отказался каяться в каких-либо грехах и получил за это чрезвычайно резкий выговор от Постышева. Последовала новая кампания в печати против Скрыпника, и 7 июля он покончил с собой. Незадолго перед этим совершил самоубийство украинский писатель Хвылевский — тоже после обвинений в излишнем украинском национализме. Весьма возможно, что Хвылевский послужил примером Скрыпнику.

В свое время, в 1909 году, Скрыпник был одним из трех представителей подпольных организаций на территории Российской Империи, прибывших на конференцию большевистских руководителей в Париже. Тем не менее, на следующий день после смерти Скрыпника «Правда» назвала его самоубийство «актом трусости». «Правда» писала, что Скрыпник был «недостоен звания члена ЦК», что он пал жертвой буржуазно-националистических ошибок.

В следующем, 1934 году, выступая на XVII съезде партии, Петровский говорил: «Мы не так легко отбили эти националистические атаки, потому что во главе национал-уклонистов, как вам известно, стоял старый большевик Скрыпник». Петровский заявил, что «помощь со стороны ЦК, особенно присылка к нам известных уже вам товарищей, была вполне своевременна». Он особенно приветствовал нового руководителя ОГПУ Балицкого, прибывшего на Украину вместе с Постышевым[66].

От сторонников Скрыпника избавились одним ударом: вскоре после его смерти последовало «разоблачение» так называемой «украинской военной организации», состоявшей главным образом из ученых Института лингвистики, сотрудников Госиздата, факультета марксистской философии и Научно-исследовательского литературного института им. Шевченко. В большинстве это были представители молодого поколения, занявшие свои посты в 1930 году или позже.

После этого до самого падения Постышева в начале 1937 года особых нападок на украинские кадры не было. Когда Власа Чубаря перевели в Москву на должность заместителя председателя Совнаркома, то его место на Украине занял Панас Любченко, бывший боротьбист, разделявший взгляды Чубаря во всем. Любченко был худеньким человечком с редкой бороденкой и одухотворенным интеллигентным лицом. Он, однако, сумел угодить высшему начальству своей твердостью во время только что прошедшей коллективизации.

Но когда в марте 1937 года Постышева удалили, террор на Украине разразился с особенной силой. Как сообщил в мае 1937 года в речи на XIII съезде Компартии Украины С. Косиор, уже к тому времени были заменены две трети всего руководящего аппарата в областях республики и одна треть районного аппарата[67]. До поры до времени это не коснулось остатков высшего руководства. Как мы уже говорили, на том же XIII съезде (май-июнь 1937 года) прежние руководители были вновь избраны в ЦК. Правда, съезду пришлось принять резолюцию, осуждающую ошибки во всех областях идеологии — в печати, в Институте марксизма-ленинизма, в Институте красной профессуры и других местах, — а также выступить с резкими нападками на Постышева и прежнее киевское руководство. Косиор, который еще во время снятия Постышева занимал сравнительно мягкую позицию, теперь заговорил об отсутствии бдительности в высшем руководстве, которое позволило троцкистам проникнуть в Киевский обком партии[68], а на том же XIII съезде выступил с разоблачениями Постышева, на сей раз названного по имени и обвиненного в том, что при нем «на Украине допустили серьезное засорение партийного аппарата врагами. Особенно засоренной оказалась Киевская партийная организация и ее обком. Здесь больше всего окопались троцкисты. Они захватили в свои руки серьезные посты. В этом повинен в первую голову бывший секретарь Киевского обкома тов. Постышев»[69].

К числу ответственных за такое «засорение» принадлежал, очевидно, и злополучный Карпов, который описывался как

«бывший секретарь ЦК» на Украине, отказавшийся верить «сигналам» о том, что один из его подчиненных был троцкистом и оставивший его на посту, на котором этот последний до самого своего ареста имел доступ к секретной документации[70].

Около этого же времени был переведен на другую работу, а вскоре арестован Нарком внутренних дел Украины Балицкий, член ЦК ВКП[б], который, как упомянуто выше, прибыл на Украину вместе с Постышевым. В следующем году в одной из своих речей Хрущев назвал Балицкого фашистским агентом[71]. После XIII съезда Украинской Компартии появились признаки того, что давление на украинских руководителей нарастало. Когда 20 июня 1937 года были опубликованы приветствия летчикам Чкалову, Байдукову и Белякову, то послание московских руководителей было подписано, а ЦК КП[б] Украины приветствовал летчиков анонимно, что противоречило прежней практике. 15 июля прозвучала критика по адресу руководящих органов Украинской республики — в частности, за то, что продвинутые Постышевым «троцкисты» переводились из Киева на другие посты в республике. А 21 июля мишенью было украинское радио[72]. На следующий день — украинский комсомол, секретарь которого Клинков был объявлен врагом народа[73]. Наконец, на пленуме ЦК ЛКСМ обвинение было брошено ЦК партии Украины как таковому: «ЦК КП[б]У несет полную ответственность за то, что творится в руководстве комсомола Украины. Трудно понять, как люди терпели подрывную работу врага среди молодежи»[74]. В том же месяце последовал арест первого из членов украинского Политбюро — Шелехеса[75].

Для малосведущего внешнего наблюдателя все выглядело нормально в «славном граде Киеве». Стояло теплое спокойное украинское лето. На открытой эстраде, окруженной кипарисами, регулярно давались симфонические концерты. На самом же деле даже музыканты ощущали растущее давление — подобно всем остальным деятелям культуры. Директор Украинского Государственного театра оперы и балета

Яновский был вскоре, в числе других, объявлен фашистом.

И все же, хотя украинское руководство принимало резолюции о необходимости чистки аппарата, хотя проходили массовые снятия с работы на низовом уровне, хотя произвольные аресты органами НКВД были обычным делом, Политбюро и ЦК все еще не были сломлены. Теперь Сталин решил, что пришло время их раздавить.

Начались доносы в Кремль о предательстве и взяточничестве на Украине через голову украинских руководителей. Эти руководители протестовали в каждом случае, говоря, что не видели даже копий доносов. Один из таких случаев и послужил поводом для чрезвычайного вмешательства сверху. В августе 1937 года в Киев прибыла комиссия в составе Молотова, Хрущева и Ежова, сопровождаемая крупными силами спецвойск НКВД. На пленуме Украинского ЦК Молотов предложил снять с постов Косиора, Петровского, Любченко и других, вывести их из состава ЦК, а также избрать первым секретарем Хрущева.

Члены ЦК КП Украины отказались, однако, голосовать за эти предложения, несмотря на то, что Молотов звонил в Москву, чтобы получить личные инструкции Сталина. В конце концов Молотов предложил, чтобы украинское Политбюро отправилось в Москву для совместного заседания с Политбюро ЦК ВКП[б][76]. Такой маневр трудно было отвергнуть без открытого нарушения партийной дисциплины. Любченко это понял. 30 августа он застрелил жену и застрелился сам, «запутавшись в своих антисоветских связях»[77] по выражению «Правды».

О самоубийстве Любченко есть несколько слегка отличающихся версий, но все они сходятся в том, что сам Любченко и его жена умерли одновременно. У них было двое детей, дочь-студентка и 13-летний сын. Согласно одной из версий, дочь умерла вместе с родителями.

Часть украинской делегации, отправившейся в Москву, была арестована немедленно, остальные вернулись на Украину и исчезли все подряд. Если уж Сталин сурово мстил тем,

кто предпринял совершенно безнадежную попытку удержать его на февральско-мартовском пленуме, то сопротивление украинцев, имевшее временный успех, должно было вызвать и вызвало еще более страшную и всестороннюю месть Сталина.

В течение следующего года были арестованы все члены Политбюро, Оргбюро и секретари ЦК КП Украины, за исключением одного Петровского. Из 102 членов украинского ЦК выжили только трое. Были арестованы все 17 членов украинского правительства. Пали жертвами все секретари обкомов на Украине.

Террор прокатился по всем абсолютно республиканским учреждениям. Промышленные предприятия, местные советы, учебные и научные учреждения — все теряли руководителей буквально сотнями. Союз писателей Украины был практически уничтожен.

Пошли дикие нападки на украинские организации в целом, и в частности на киевское и харьковское радио. «Правда» заявила, что все это было результатом деятельности вражеской организации, которую украинский ЦК не сумел раскрыть[78], злобно нападала на украинскую систему народного просвещения, якобы усеянную националистами[79], указала, что даже музеи на Украине полны агентов, занятых исключительно подчеркиванием антирусского украинского национализма[80], что в республике не отпраздновали достойным образом годовщину победы Петра I над шведами под Полтавой.

Для украинских жертв Сталина были избраны особые клеветнические обвинения. Как известно, участники оппозиции, которых судили на трех больших московских процессах, были объявлены предателями, троцкистами, шпионами и соучастниками фашистов. Но от них никогда не требовали, чтобы они объявляли себя просто открытыми фашистами. А на Украине был якобы раскрыт не какой-нибудь «право-троцкистский блок» — тут, оказывается, действовала «национал-фашистская организация», возглавляемая председателем Совнаркома Любченко и включавшая Наркома финансов

СССР Гринько (еще один бывший боротьбист), Балицкого, Затонского, Якира и целый ряд работников украинского правительства, Центрального Комитета и даже культурных деятелей вроде Яновского.

Косиора, однако, пока не трогали. Его послали обратно в Киев после того, как он подчинился всем инструкциям об уничтожении своих подчиненных. На собрании актива киевской парторганизации, проходившем 15 и 16 сентября 1937 года, Косиор выступил «с докладом о раскрытой на Украине контрреволюционной банде буржуазных националистов», а Нарком просвещения УССР Затонский «признал, что Наркомпрос и многие школы засорены врагами. Он признал, что не сумел разоблачить их».

Затонский был учителем физики, скромного вида круглолицым человеком в железных очках; вместе с Пятаковым он руководил украинским коммунистическим правительством в 1918 году, все короткое существование которого прошло в непрерывной борьбе. После критики Затонский отправился в Москву, но его не допустили на октябрьский пленум ЦК 1937 года. Он вернулся в Киев, но 3 ноября был вызван с университетского собрания и арестован[81].

Осенью того же 1937 года был арестован третий секретарь ЦК КП Украины Н.Н. Попов, а затем заместитель председателя Совнаркома Порайко и другие. В декабре арестовали К.В. Сухомлина как «японского шпиона»[82]. Преемник Постышева М.М. Хатаевич еще до конца 1937 года был «оклеветан и репрессирован»[83].

Столь же быстро менялись лица на более низком уровне. Как мы помним, Постышев занимал также должность секретаря Киевского обкома партии. На этом посту его сменил Кудрявцев. В конце 1937 года сменили и Кудрявцева и объявили в январе 1938 года «врагом народа»[84]. Занявший его пост Д.М. Евтушенко был арестован 17 апреля 1938 года. Позднее этих людей связали между собой в единый центр «вражеского руководства», который будто бы совратил большинство секретарей райкомов Киевской области[85].

Председателем Совнаркома Украины после Любченко стал молодой коммунист М.И. Бондаренко. Но его арестовали через два месяца[86], и некоторое время Украина вообще не имела председателя Совнаркома. Постановления Совнаркома подписывались именами неизвестных подчиненных Петровского.

Наконец был назначен следующий председатель Совнаркома Маршак. В феврале 1938 года его снизили до заместителя председателя[87], а вскоре арестовали. Рассказывают, будто Маршак однажды вечером пьянствовал вместе с преемником Балицкого – Наркомом внутренних дел Украины Леплевским. В пьяном виде он сделал несколько скептических замечаний о виновности Тухачевского. Наутро Маршак вспомил эти слова и подумал, что Леплевский, как высший представитель НКВД в Киеве, мог его провоцировать. Маршак решил опередить события: он позвонил Ежову, донес на Леплевского, и тот был арестован. При допросе Леплевский в свою очередь обвинил Маршака, и в конце концов оба они признались в заговорщицкой деятельности, в терроризме и шпионаже[88]. Третьим руководителем НКВД на Украине за один год стал Успенский, которого тоже расстреляли через несколько месяцев.

Террор был настолько всеобщим и настолько «скорострельным», что законные органы власти фактически распались. В украинском ЦК не было больше кворума; не существовало органа, назначающего правительство. Наркомы, назначаемые нерегулярно, появлялись в наркоматах на недели или даже дни и затем исчезали. Беспрецедентный удар по политическому руководству означал полное разрушение украинской партии. Республика стала не более, чем вотчиной НКВД, где даже формальная партийная и советская работа практически замерла.

В конце концов в январе 1938 года состоялся пленум ЦК КП Украины, вероятно, с подтасованным составом, избравший Хрущева первым секретарем[89]. Хрущев привез с собой из Москвы нового второго секретаря Бурмистенко, который

в 20-е годы долго служил в ВЧК, а позднее был тесно связан с секретариатом Сталина. Вместе с Хрущевым прибыл и новый председатель Совнаркома Украины Демьян Коротченко.

В мае-июне 1938 года все украинское правительство было заменено опять. С февраля по июнь 1938 года были сняты с постов все двенадцать новых секретарей обкомов, в большинстве случаев вместе со вторыми секретарями[90]. Среди 86 членов и кандидатов в члены ЦК КП Украины, избранных в июне 1938 года на XIV съезде партии, оказалось только трое из прошлого состава, избранного за год до того, — все трое лишь почетные и аполитичные фигуры. В первый раз была полностью нарушена преемственость руководства. Ни один из новых членов Политбюро, Оргбюро и Секретариата не вел раньше какой- либо подобной работы.

Тогдашнее Политбюро представляло собою смехотворный орган-обрубок, состоявший всего из шести членов: Хрущева, Бурмистенко, Коротченко, командующего военным округом Тимошенко, Наркома внутренних дел Успенского и вездесущего Щербакова. Последний находился на Украине временно, будучи послан на несколько месяцев для чистки нескольких обкомов.

Эти-то люди и отстроили новую партию снизу доверху. В течение 1938 года 1600 членов партии были выдвинуты в секретари райкомов и горкомов[91]. Среди них, между прочим, был и молодой Леонид Брежнев. В мае 1937 года он был выдвинут в заместители председателя Днепродзержинского горисполкома. В 1938 году, при Хрущеве, стал заведующим отделом в Днепродзержинском обкоме, а на следующий год — уже секретарем этого обкома. Его карьера была обеспечена. Назад он больше не оглядывался.

Еще одним способным карьеристом того времени был А. П. Кириленко, в настоящий момент (1970) член Политбюро ЦК КПСС. В 1938 году он стал секретарем райкома, а на следующий год — уже секретарем Запорожского обкома партии. Но в общем, таких счастливцев было не очень много. Между 1938 годом и следующим республиканским партий-

ным съездом в 1940 году текучесть кадров оставалась все еще высокой. Среди 119 членов ЦК КП Украины, избранных в 1940 году, было 73 новичка.

Сталин и Хрущев преуспели в уничтожении старых партийных кадров на Украине. Они сумели заменить их людьми, отличающимися только покорностью и дисциплиной или энтузиазмом по отношению к новому методу правления. Тем не менее, это не разрешило украинской проблемы. Во время войны, на конференции в Ялте (аргументируя в пользу принятия УССР в Организацию Объединенных Наций), Сталин заметил в разговоре с Рузвельтом, будто «на Украине его положение трудное, ненадежное»[92]. А позже Сталин сожалел, что было невозможно выселить с Украины всех украинцев, как он выселил чеченцев и калмыков[93].

В ЦЕНТРЕ

Пока карательные экспедиции, посланные Сталиным и Ежовым, громили провинцию, Москва оставалась эпицентром шторма. Тогдашний ЦК состоял из 71 члена; примерно две трети из них постоянно работали в Москве. В их числе были все члены Политбюро, кроме Косиора, наркомы, заведующие отделами ЦК, высшие руководители комсомола, профсоюзов, Коминтерна. Словом, обычная концентрация высокопоставленных лиц централизованной государственной машины.

Террор среди этих людей вели непосредственно Сталин и Ежов. Когда требовалось, они получали ценную помощь от Молотова и Ворошилова, но в целом Сталин исключительно прочно держал весь процесс в своих руках, работая только через Ежова.

Только за период 1937-38 годов Ежов послал Сталину 383 списка, содержащих тысячи имен тех лиц, приговоры которым «заготавливались заранее», но требовали личного его утверждения[94]. Поскольку Ежов был у власти лишь немногим более двух лет — а его особенно активная деятельность про-

должалась и того меньше, — это значило, что Сталин получал такие списки чаще, чем через день. Число лиц в каждом списке в точности не известно. В списках были имена «лиц, дела которых подпадали под юрисдикцию коллегий Военных Трибуналов»[95]. Советский историк Рой Медведев утверждает, что эти списки охватывали около 40.000 имен[96]. Хрущев, не называя определенной цифры, тоже говорит о «тысячах»[97]. Мы можем себе представить, как Сталин, приходя в кабинет, находил почти каждый день в секретной папке список из сотни, а то и больше имен осужденных на смерть; как он просматривал эти списки и утверждал их в порядке, так сказать, нормальной кремлевской работы. На XXII съезде КПСС З. Т. Сердюк цитировал одно из писем Ежова Сталину, с которыми посылались списки обреченных:

«Товарищу Сталину,

Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной Коллегии:

1. Список № 1 (общий).
2. Список № 2 (бывшие военные работники).
3. Список № 3 (бывшие работники НКВД).
4. Список № 4 (жены врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории. Ежов».

Сердюк добавил, что «под первой категорией осуждения понимался расстрел. Списки были рассмотрены Сталиным и Молотовым, и на каждом из них имеется резолюция: За. И. Сталин. В. Молотов»[98]. Отметим попутно, что в списке № 4 были имена жен Косиора, Эйхе, Чубаря и Дыбенко[99].

Постановления об аресте тех или иных людей, а часто даже ордера на арест подписывались, бывало, за месяцы до фактического ареста (подробнее расскажем об этом через несколько страниц). И случалось, что руководящие работники награждались орденами «за неделю до ареста»[100]. Объяснение этому дал однажды высокопоставленный сотрудник НКВД, сказав, что следственные власти информировали о заведенных делах только их непосредственных старших начальников, а Ежов информировал только лично Сталина[101].

В столице, как по всей стране, новая террористическая волна поднялась в мае 1937 года.

Иностранные наблюдатели, присутствовавшие в 1938 году на первомайском параде на Красной площади и видевшие на трибуне мавзолея Политбюро во главе со Сталиным, отмечают нервозность и беспокойство членов Политбюро[102]. Этим людям было отчего тревожиться, ибо на трибуне отсутствовал член партии с 1905 года, просидевший 10 лет в царских тюрьмах и ссылках, в прошлом член, а ныне кандидат в члены Политбюро Ян Рудзутак. По-видимому, его только что арестовали[103]. Рудзутак был арестован за ужином, после театра. Сотрудники НКВД арестовали всех, кто присутствовал на этом ужине. Три месяца спустя Евгения Гинзбург встретила в Бутырской тюрьме четырех женщин в растерзанных вечерних туалетах. Эти четыре женщины были в числе других арестованных с Рудзутаком[104]. Его дача перешла к Жданову[105].

Рудзутака арестовали как якобы «правого». Он будто бы был руководителем «резервного центра», готового продолжать борьбу в случае разоблачения Бухарина. Рудзутак, дескать, особенно подходил для этой цели, ибо, как говорится в показаниях на процессе Бухарина, «никому не было известно о каких-либо его разногласиях с партией»[106]. Здесь фактически впервые признается тот факт, что даже сталинцев старой закалки стали арестовывать — особенно (но не только) если они выказывали признаки сопротивления террору. Пятном в биографии Рудзутака было его нежелание рекомендовать смертную казнь для Рютина, когда в 1932 году Рудзутак был председателем Центральной Контрольной Комиссии. По-видимому, Рудзутак придерживался той же линии и на февральско-мартовском пленуме.

И опять, как в прошлом году, волна террора сопровождалась грандиозным отвлекающим спектаклем. Год назад это были перелеты советских летчиков; теперь, в мае 1937 года, газеты были полны сообщениями о высадке на Северном полюсе группы исследователей под командой И. Д. Папанина. Всей операцией по высадке руководил О. Ю. Шмидт. Участни-

ки экспедиции, доставившей папанинцев на льдину, были приняты партийными вождями, награждены и осыпаны почестями. А лагерь на льду тем временем дрейфовал к югу месяцы подряд, посылая время от времени верноподданические поздравления руководителям и получая от них ответы — как самый дальний форпост партии и государства.

Всю весну и начало лета на газетных столбцах печатались и другие внеполитические новости. Руководители партии и правительства посетили ряд спектаклей и балетов, после чего были напечатаны длинные списки вновь произведенных народных артистов и театральных награждений.

Ясное, солнечное лето, наступившее на русских равнинах, стало свидетелем новых арестов. Один за другим исчезали бывшие участники оппозиции. Еще в марте 1937 бывший член Политбюро и секретарь ЦК Николай Крестинский, до того времени работавший заместителем Наркома иностранных дел, был переведен в заместители Наркома юстиции РСФСР[107]. На состоявшемся при переводе Крестинского партийном собрании он сам одобрил свою перестановку, сказав, что в нынешних обстоятельствах бывшие участники оппозиции не должны работать в Наркомате иностранных дел, где требуется полное доверие высшего руководства и незапятнанное прошлое[108].

В конце мая Крестинского арестовали. После недели допросов[109] он начал давать показания — около 5 июня[110]. К тому времени только-только начал «признаваться» и Бухарин, с которым Крестинскому предстояло вместе сесть на скамью подсудимых через девять месяцев[111].

Любая связь с арестованными оппозиционерами теперь сама по себе считалась преступлением. В этом смысле характерен пример члена партии с 1903 года Г. И. Ломова, до революции члена Московского бюро большевистской партии, который был вторым человеком (после Троцкого), с энтузиазмом поддерживавшим Ленина на заседании ЦК в его плане захвата власти в ноябре 1917 года. История гибели Ломова рассказана на XXII съезде партии А. Н. Шелепиным.

В июне 1937 года один из работников Госплана СССР направил письмо Сталину, в котором указал, что член бюро Комисии Советского Контроля при Совнаркоме СССР Ломов Г. И. (Оппоков) якобы имел дружеские отношения с Рыковым и Бухариным. Сталин наложил на этом письме резолюцию: «Т-щу Молотову. Как быть?». Молотов написал: «За немедленный арест этой сволочи Ломова. В. Молотов». Через несколько дней Ломов был арестован, обвинен в принадлежности к правооппортунистической организации и расстрелян[112].

Имя Ломова (который, по-видимому, расстрелян в 1938 году[113]) позже упоминалось на процессе Бухарина-Рыкова, где говорилось, что Ломов состоял в заговоре с Бухариным против Ленина[114].

Но даже после всего этого оппозиция не была еще полностью раздавлена. В последнюю неделю июня состоялся еще один пленум ЦК — официально он обсуждал вопросы овощеводства. Там разыгрывались сцены с взаимными обвинениями. Член Центральной Ревизионной Комиссии Назаретян, которого Орджоникидзе спас в начале 30-х годов, был арестован по дороге в Кремль, направляясь на этот пленум[115].

В последующие месяцы Сталин добился возможности натравливать органы безопасности на любых своих противников, уже не придерживаясь политического протокола. На июньском пленуме 1937 года, по имеющимся сведениям, его речь отличалась беспощадностью. В частности, Сталин требовал более сурового обращения с заключенными[116].

В зале заседаний пленума недосчитывались уже многих — Бухарина и Рыкова, Рудзутака и Чудова, Гамарника, Якира, Ягоды и нескольких других. Однако дух сопротивления был все еще не полностью подавлен. Если верить показаниям на процессе Бухарина, «после февральского пленума ЦК в кругах заговорщиков была поднята кампания против Ежова», была сделана «попытка дискредитировать Ежова и его работу внутри партии, оклеветать его»[117].

На июньском пленуме 1937 года нашелся еще один чело-

век, достаточно храбрый, чтобы встать и высказаться против террора. Это был уже обреченный Нарком здравоохранения Каминский, который твердо держался своего мнения. На XX съезде партии Хрущев рассказал, что «на одном из пленумов ЦК бывший Народный комиссар здравоохранения Каминский сказал, что Берия работал на мусаватскую разведку»[118]. Каминский (вступивший в большевистскую партию еще студентом-медиком за несколько лет до революции) был «арестован и расстрелян», «едва пленум ЦК успел окончиться»[119].

В то время как страна погружалась в тотальный террор, был предпринят еще один отвлекающий маневр. В июне Чкалов с Байдуковым и Беляковым перелетели на самолете АНТ-25 через Северный полюс и приземлились в американском городе Фолкленде, в штате Орегон. В июле еще один такой же перелет под командой Михаила Громова закончился в городе Сан Джасинто, штат Калифорния, с новым мировым рекордом на дальность. Эти два перелета (оба, несомненно, отличные достижения) были поводом для новой шумной кампании в прессе. Страницы за страницами в газетах заполнялись поздравлениями, торжественными митингами, биографиями летчиков, фотографиями их и т.д. Когда же, в конце концов, 15 декабря 1938 года Чкалов погиб в катастрофе, Беляйкин, возглавлявший Главное управление авиационной промышленности, Усачев, директор завода, построившего самолет Чкалова, и Томашевич, конструктор этого самолета, были репрессированы за саботаж[120].

Одновременно газеты продолжали призывать к бдительности и рассказывали о различных методах, применяемых врагом. «Правда» обратила даже внимание на опечатки в местных газетах, которые отнесла за счет вредительства. Например, в одной газете было напечатано «беды» вместо «победы» социализма. Публиковалось много сообщений о судебных процессах на местах. Но основной удар наносился в то время против руководящих кадров режима. Он имел

целью уничтожить старый ЦК и тысячи партийных работников, стоящих на одну ступень ниже.

Теперь, начиная с мая 1937 года, под арест пошел цвет административной политической машины, которую Сталин взращивал долгие годы. После Рудзутака и до конца года не был арестован ни один член или кандидат в члены Политбюро. На свободе оставались некоторое время и высшие сотрудники, непосредственно подчиненные членам Политбюро — до тех пор, пока их всех не забрали в ходе специально подготовленной операции в течение ноября и декабря 1937 года. А пока что, в летние месяцы, шла суровая чистка среди работников, стоявших на ступеньку ниже. Среди них оказался, например, заместитель председателя Совнаркома Антипов, член партии с 1902 года, несколько раз арестовывавшийся при царизме, организатор подпольных типографий. Во время первомайской демонстрации 1937 года он еще стоял на трибуне вместе с членами Политбюро. Но в том же году «кипучая деятельность Н. К. Антипова была прервана»[121]. Позднее, на процессе Бухарина, Рыкова и остальных членов «право-троцкистского блока» Антипов был назван в числе главных заговорщиков: он якобы являлся «руководителем параллельной группы правых»[122]. Но на суде он так и не появился.

В последний раз стоял на трибуне мавзолея первого мая 1937 года и Акулов — лысый, монгольского типа человек. В начале 30-х годов Сталин хотел поставить его во главе ОГПУ как своего прямого представителя. Акулов был предшественником Вышинского на посту Генерального прокурора. Теперь он занимал бывшую должность Енукидзе — старый и почтенный пост секретаря Центрального Исполнительного Комитета. Акулова сняли с этого поста 9 июля, и с тех пор о нем ничего больше не известно.

В самом аппарате ЦК был полностью обновлен отдел руководящих партийных органов, возглавлявшийся Маленковым. На процессе Бухарина-Рыкова был упомянут в качестве

важного связного в бухаринском заговоре бывший Народный комиссар земледелия Я. А. Яковлев. Летом 1937 года он был заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК партии. В июне он еще фигурировал в печати как докладчик на том самом июньском пленуме — докладчик по единственному открыто объявленному вопросу, т.е. по овощеводству. После этого он исчез из поля зрения до самого своего чудесного превращения в «правого» в марте 1938 года — очень странное название для человека, который был одним из главных действующих лиц в коллективизации.

Еще один исчезнувший заведующий отделом ЦК был человек, в свое время выдвинувшийся чуть ли не на вершину власти. Речь идет о заведующем отделом науки К. Я. Баумане. В течение нескольких месяцев 1929-30 годов Бауман был секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро (заменив Угланова). Энтузиаст-сталинец, он был сделан козлом отпущения за эксцессы коллективизации после статьи Сталина «Головокружение от успехов». Тем не менее, Бауман оставался членом ЦК! 14 октября 1937 года Баумана расстреляли. С ним вместе было уничтожено большинство сотрудников отдела науки. Заведующий параллельным, но еще более важным отделом агитации и пропаганды ЦК Стецкий — старый экономист, занимавший этот пост с 1929 года — был арестован почти одновременно с Бауманом, а расстрелян позднее.

Вместе с террором господствовал цинизм. Высокопоставленный военный, находясь в тюрьме, рассказывал, как однажды на приеме его весело приветствовала жена Молотова. «Саша, что это? Почему вы еще не арестованы?»[123]. Эта женщина стала председателем Косметического треста «ТЭЖЭ» после ареста ее бывшего начальника Чекалова. Этот пост она занимала несколько лет. Что касается Чекалова, то он был послан на Воркуту, в лагеря строительства железной дороги[124]. Супруга Молотова была в 1939 году избрана в ЦК, где также заменила кого-то «исчезнувшего». В 1948 году арестовали и ее.

Партийные и правительственные учреждения окутала

атмосфера ужаса. Народных комиссаров арестовывали по дороге на работу по утрам. Каждый день исчезал кто-нибудь еще из членов ЦК или заместителей наркомов или других крупных сотрудников.

Радость в тот момент царила только в одной сфере. 18 июля Ежов был награжден орденом Ленина, что послужило предлогом для опубликования его фотографий, передовых статей и всеобщих празднеств. Ту же самую награду 21 июля получил Вышинский — правда, с меньшим шумом.

Ордена были также вручены многим руководителям органов безопасности. По окончании дела Мдивани награды получили работники и грузинского НКВД. Среди награжденных тогда грузин встречаются имена тех, кто через год заменил руководящих оперативников и в Москве и в других местах и кто исчез только с окончанием эпохи Берии в 1953-55 годах: Гоглидзе, Кабулов, Рапава и им подобные[125]. Вскоре была награждена еще одна группа ежовцев, в том числе Ушаков (позднее руководивший пытками Эйхе), Фриновский, а из нижестоящих — Л. Е. Влодзимирский. Этот прожил относительно долго; он служил под началом Берии, в 1953 году Берия даже назначил его руководить следственным отделом по особо важным делам. Однако в декабре того же года Влодзимирский был расстрелян.

Сам Ежов удостоился теперь высшей чести: его именем назвали город. 22 июля бывший сотрудник ОГПУ и протеже Кагановича Булганин был назначен председателем Совнаркома РСФСР. Это случилось после падения его предшественника на этом посту Сулимова. И столица Черкесской автономной области, называвшаяся ранее городом Сулимовым, была срочно переименована в Ежово-Черкесск.

Будущий коллега и соперник Булганина Хрущев вел в то время террористическую работу — чистку — как в самой Москве, так и в Московской области к удовлетворению высшего руководства. Как в свое время в Ленинграде, он начал эту деятельность во второй половине марта[126]. А 23 августа того же 1937 года на собрании актива Московской организации

ВКП[б] Хрущев выступил с целой серией обвинений против местных руководителей, вроде председателя облисполкома Филатова (что предшествовало исчезновению этого человека вместе со многими другими). К. В. Уханов, еще недавно председатель Московского Совета, теперь возглавлял Наркомат местной промышленности РСФСР. Его тоже арестовали и он умер в 1939 году[127].

В августе Советский Союз посетило больше иностранных туристов, чем когда-либо. И никто из этих туристов не заметил подавленного настроения народа. Был отпразднован еще один дальний перелет — на сей раз Леваневского на «Н-29» вокруг Советского Союза. Хотя газеты были очень заняты торжествами по поводу этого перелета, в них нашлось место для того, чтобы к концу августа объявить о награждении орденом Ленина трудолюбивых военных юристов, в том числе Ульриха, Матулевича и Никитченко[128]. Матулевич и Никитченко были названы при этом заместителями председателя Военной Коллегии Верховного Суда. А 22 августа было объявлено также о награждении прокуроров, вроде уже упоминавшегося выше Рогинского[129].

Между тем органы безопасности хватали наркомов и их заместителей из промышленных наркоматов. Нарком земледелия Чернов исчез 30 октября. Нарком финансов Гринько и Нарком лесной промышленности Иванов появились в следующем году на показательном процессе вместе с Бухариным и Рыковым. А вот о заместителе Наркома тяжелой промышленности М. Л. Рухимовиче ничего не было слышно после того, как 30 октября он был снят[130] и заменен братом Кагановича — М. М. Кагановичем. В годы всех оппозиций Рухимович был верным сторонником Сталина; еще раньше близко участвовал в интригах Сталина и Ворошилова против Троцкого при обороне Царицына в годы гражданской войны. Рухимович умер в 1939 году[131]. К той же самой категории относился и Народный комиссар легкой промышленности Любимов, которого 7 сентября 1937 года сняли с работы вместе с обоими его заместителями[132]. (По-видимому, с Любимовым распра-

вились немедленно. В книге «От Февраля к Октябрю» (Москва, 1957) сказано, что он умер в 1937 году. Но на процессе Бухарина, Рыкова и др. в марте 1938 года имя Любимова упоминалось в связи с бухаринским «резервным центром»).

К концу года, кроме Ворошилова и Кагановича, уцелело совсем немного наркомов. В дополнение к названным выше были арестованы Нарком связи Халепский, Нарком внутренней торговли Вейцер, Нарком тяжелой промышленности Межлаук, Нарком просвещения Бубнов, Нарком юстиции Крыленко и Нарком водного транспорта Янсон. Было также арестовано новое руководство Государственного банка, а потом и следующее руководство и подчиненные им служащие.

Расскажем сейчас более подробно еще об одном аресте. Глава весьма деликатного Наркомата внешней торговли Розенгольц был 15 июня снят и «переведен на другую работу». Тут же исчезли оба его заместителя — Элиава и Логановский. Элиаву расстреляли в том же 1937 году[133].

Широкоплечий решительный Розенгольц, по национальности еврей, был отличным администратором. В последние несколько лет он сумел приспособиться к новому стилю руководства. Происходил он из семьи революционеров. Рассказывая о себе на процессе Бухарина, где Розенгольц был одним из подсудимых, он говорил: «Уже в десятилетнем возрасте моя детская рука была использована для того, чтобы ночью прятать, а утром вынимать нелегальную литературу оттуда, куда не могла проникнуть рука взрослого»[134]. В большевистскую партию Розенгольц вступил, еще не достигнув 16-летнего возраста, а в 16 лет был впервые арестован. В 17 лет он был избран делегатом на съезд партии. Во время революции Розенгольц активно действовал в Москве, а потом отличился на нескольких фронтах гражданской войны. После этого он управлял Донбассом и делал это беспощадно. После кратковременного флирта с троцкистской оппозицией Розенгольц был назначен послом в Лондон. В 1928 году он вернулся в страну и с тех пор находился на ответственной работе. Наркомом внешней торговли он был с 1930 года.

В июньском указе 1937 года об освобождении Розенгольца от занимаемой должности его все еще называли «товарищем» — и некоторое время не трогали. Все это было в полном согласии с обычной практикой Сталина. Решение об аресте принято, снятие с поста произошло — а потом жертву на несколько месяцев оставляют на какой-нибудь маленькой должности, и несчастный не знает, в какой момент на его голову обрушится удар. Американец, живший в Москве в августе 1937 года, рассказывает о бывшем высокопоставленном советском чиновнике, чья квартира была напротив. После освобождения со своего поста этот человек целыми днями сидел на балконе и ждал ареста. Американец — это был недавно скончавшийся Луи Фишер — писал так: «Ожидание его убивало. Он ждал три недели, жена его чахла на глазах, а НКВД все наблюдало да наблюдало. Наконец, они пришли»[135].

Некоторые вернувшиеся из лагерей после смерти Сталина утверждают, что психологически ожидание ареста было более изматывающим и разрушительным для человека, чем сам арест и последующие допросы. Ожиданием человека доводили до такого состояния, что потом при допросах от него легко удавалось получить что угодно. Таким образом, часть своей работы НКВД выполнял, что называется, не пошевельнув пальцем. Это, разумеется, сберегало силы и энергию сотрудников столь перегруженной работой организации.

В таком положении Розенгольца оставили на много недель. В августе 1937 года он еще был на свободе и даже сделал несколько отчаянных попыток добиться приема у Сталина. Позже, на суде, это было представлено как попытки Розенгольца убить Сталина[136].

Еще больше пугало это жуткое ожидание жену Розенгольца. Согласно одному описанию, она была «веселой рыжеволосой молодой женщиной, весьма слабо образованной и выросшей в религиозной семье»[137]. В эти томительные недели она решила помочь мужу, чем могла.

Когда Розенгольца арестовали и сделали личный обыск, то обнаружили, что в подкладку заднего кармана его брюк

был зашит кусочек сухаря, обернутый в тряпочку. А внутри сухаря оказался клочок тонкой бумаги, на котором жена Розенгольца написала восемь стихов из 67-го и 90-го псалмов, чтобы отвести от мужа зло[138]. Вот эти стихи, эти древние выклики беспомощных жертв, обращенные против мучителей:

ПСАЛОМ 67

2 Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его!

3 Как рассевается дым, Ты рассей их; как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия.

ПСАЛОМ 90

Живущий под кровом Всевышнего под сению Всемогущего покоится.

2 Говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю»!

3 Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы.

4 Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его.

5 Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем,

6 Язвы, ходящей в мраке, заразы, опустошающей в полдень.

НА САМОЙ ВЕРШИНЕ

В то время как темп террора — во всяком случае, его видимой части — осенью 1937 года несколько снизился, Сталин начал подготовку следующей фазы. Велись допросы мно-

жества видных людей, в том числе самих Бухарина и Рыкова, с расчетом на показательный процесс. Значительное число неудачливых сталинцев вроде Рудзутака и Антипова, возможно, даже оказавших поначалу какое-то сопротивление, были теперь готовы фигурировать в качестве центральных фигур следующего процесса. Однако предстояло сделать еще очень многое.

Все рядовые участники сопротивления на февральско-мартовском пленуме были уже раздавлены. Но самые высшие из тех, кто выражал сомнение, все еще занимали свои высокие должности. Этих высших сановников, а также всех других, проявивших своенравие или независимость, Сталину требовалось искоренить; пока они существовали, Сталин считал, что в структуре его власти имеется слабое место.

Члены сталинского Политбюро, сопротивлявшиеся Генеральному секретарю на февральско-мартовском пленуме, представляли совершенно новую проблему для вождя. Они не были, подобно Зиновьеву или Бухарину, людьми, давно отстраненными от власти. Они не были, подобно Пятакову, работниками, отодвинутыми на второстепенные посты в правительстве и партии. Правда, они составляли меньшинство и (за исключением Косиора и в недавнем прошлом Постышева, осуществлявших подлинное управление Украиной) имели мало доступа к настоящим орудиям власти. Тем не менее, они потенциально представляли большую опасность, чем их предшественники. Все еще оставалась возможность комбинации, которую Сталин мог считать угрожающей, — комбинации «умеренных» руководителей с армией. Даже удар, нанесенный по военным руководителям в июне 1937 года, не выглядел для него завершающим. Какие-то командиры еще оставались в живых и они могли представлять опасность. Так или иначе, Сталин продолжал действовать, сочетая, как обычно, постепенность с беспощадностью.

Первым делом были предприняты определенные шаги, так сказать, технического порядка. После смягчающего закона от августа 1936 года осужденные надоедали властям своими

жалобами на то, что быстрые суды над ними и приговоры к смертной казни были незаконными. И вот 14 ноября 1937 года был издан новый чрезвычайный закон, подтверждающий чрезвычайный закон от 1 декабря 1934 года, вводящий «упрощенный порядок судопроизводства» по статьям 58-7, 58-8 и 58-9 Уголовного кодекса. На приговоры по этим делам были запрещены обжалования, а также ходатайства о помиловании, право на которые было восстановлено а 1936 году с целью обмануть Зиновьева и компанию. Кроме того, эти законы «устраняли гласность судебного разбирательства»[139]. В этом сообщении видны явные противоречия: во-первых, много судебных процессов уже было проведено до закона без всякого «гласного разбирательства»; во-вторых, предстоявший тогда процесс Бухарина, Рыкова и других был проведен как раз «гласно», да еще с большим шумом. Но, как бы ни рассматривать этот закон, он, по всей видимости, отражал определенное решение Сталина: прекратить показательные процессы после того, как будет проведен ближайший из них, уже полностью подготовленный. Иногда утверждают, что частичный провал процесса над Бухариным и Рыковым привел к прекращению дальнейших публичных судилищ. Но упомянутый закон показывает, что решение об этом могло быть принято раньше. Нет сомнения, что процесс над Бухариным и другими принес Ежову немало затруднений. В свое время Пятаков и Радек были готовы к открытому процессу после всего четырех месяцев обработки. Теперь же прошло девять месяцев со времени ареста Бухарина и Рыкова, а над ними предстояло работать еще по меньшей мере три или четыре месяца. Тем не менее, как мы сейчас увидим, планы проведения процесса Бухарина-Рыкова достигли уже той стадии, на которой появились все мыслимые составные части процесса: убийства, медицинское убийство, промышленное и сельскохозяйственное вредительство, шпионаж, буржуазный национализм и измена. До сих пор каждый процесс добавлял новые преступления к дежурному списку, но после этого процесса добавлять уже явно нечего.

2 октября 1937 года был принят еще один закон, позволяющий суду, по выражению Вышинского, «в особых случаях избирать меру наказания среднюю между 10 годами лишения свободы и высшей мерой социальной защиты» — смертной казнью. В истолковании Вышинского эта «средняя мера» приравнивается к 25 годам тюремного заключения[140]. Сразу после этого короткий пленум ЦК, проведенный 11-12 октября, ознаменовал собою окончание открытой оппозиции Ежову: он был избран кандидатом в члены Политбюро. На этом пленуме состоялось также падение одной очень важной фигуры, причем состоялось оно в обстановке такого произвола, какого до сих пор не бывало на столь высоком уровне.

Нарком просвещения Андрей Бубнов был одним из наиболее известных старых большевиков. Достаточно сказать, что Бубнов был в свое время делегатом V съезда партии (1907), кандидатом в члены ЦК РСДРП в 1912 году и членом первого Политбюро, назначенного для проведения революции в октябре 1917 года. В августе 1918 года Бубнов совместно с Пятаковым организовал коммунистическое восстание на Украине. В прошлом «демократический централист», он перешел на сторону Сталина еще в 1923 году, провел жестокую чистку фракционеров в армии и с тех пор верно служил. На октябрьский пленум Бубнов отправился вместе со своим украинским коллегой по работе — Наркомом просвещения УССР Затонским. Они подошли к зданию ЦК, предъявили свои удостоверения. Однако офицер НКВД у дверей заявил, что не может их впустить без дополнительных документов, которые должны быть им выписаны. Бубнов вернулся в свой наркомат и проработал там допоздна. В полночь к нему вошла дрожащая секретарша и сказала, что только что слышала по радио извещение о его снятии, как не справившегося с работой. На следующий день он передал дела временно исполняющему обязанности Тюркину, а в декабре был арестован[141].

Тем временем суды и смертные приговоры продолжались, но в несколько меньшем масштабе и без объявлений на пер-

вых страницах газет. Грандиозная пропагандистская кампания против «врагов» ослабла. Пресса занялась подготовкой к выборам в Верховный Совет. Предвыборные статьи были полны разговоров о демократии. Появлялись заголовки вроде «Женщины-избиратели — большая сила». Потом пошли предвыборные собрания, выдвижение кандидатами всех вождей, восторженные митинги по всему Союзу — и так до конца октября.

Сталин, однако, не прекращал подготовки к нападению на тех своих соратников, кто его чем-либо не удовлетворял. На XXII съезде КПСС Шелепин рассказал, что существует документ, подписанный Сталиным, Молотовым и Кагановичем в ноябре 1937 года и санкционирующий «предание суду Военной коллегии большой группы товарищей из числа видных партийных, государственных и военных работников». Шелепин сообщил далее, что «большинство из них было расстреляно. Среди невинно расстрелянных и посмертно реабилитированных такие видные деятели нашей партии и государства, как товарищи Постышев, Косиор, Эйхе, Рудзутак, Чубарь, Нарком юстиции Крыленко, секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР Уншлихт, Нарком просвещения Бубнов и другие»[142].

Здесь содержался ясный намек (хотя прямо об этом не было сказано), что перечисленные Шелепиным люди были в списке жертв, о котором Шелепин непосредственно перед тем говорил. Некоторые из них, правда, были к тому времени уже под арестом, но по заведенному порядку их, очевидно, допрашивали с намерением отложить формальное «предание суду» до момента, когда они дадут нужные показания.

То, что документ был подписан Сталиным, Кагановичем и Молотовым — по-видимому, от имени ЦК и Совета Народных Комиссаров — выглядит странно. Вообще говоря (за исключением случаев ареста членов самого Политбюро), Сталин в случае особо важных арестов стремился получить согласие всего состава Политбюро. И хотя в критический период 1937-38 годов это, может быть, не соблюдалось, в последующие годы существовала именно такая тенденция.

Еще удивительно то, что некоторые аресты, санкционированные документом, не осуществлялись целые недели и даже месяцы — так что обреченные люди довольно долго оставались на высоких постах.

Вообще-то процедура ареста любого члена партии требовала, чтобы НКВД информировал либо местную партийную организацию, либо, если фигура важная, даже ЦК о том, что имеется ордер на арест такого-то и такого-то. После этого человек исключался из партии на секретном заседании партбюро и об этом исключении ему не сообщали до самого ареста. Бывало, что период между таким тайным исключением и арестом длился довольно долго. Известен случай, когда секретарь обкома партии на Украине был тайно исключен из партии украинским ЦК в марте 1938 года, но до июля оставался на свободе. В течение этого времени он продолжал выполнять все свои обязанности, в том числе даже председательствовал при исключении из партии других[143]. Известен также случай иностранной коммунистки, арестованной 19 июня 1938 года, причем ей показали ордер на арест, датированный 15 октября 1937 года[144]. Нечего и говорить, что все это было в полном противоречии с партийным уставом.

В то время, о котором идет речь, Постышев все еще занимал свой пост в Куйбышеве и оставался кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП[б]. Косиор оставался первым секретарем ЦК партии Украины и членом Политбюро ЦК ВКП[б]. Пребывал в составе Политбюро и заместитель председателя Совнаркома Чубарь. Можно перечислить еще несколько обреченных руководителей, продолжавших тогда работать, ни о чем не ведая.

Не очень ясно, кого имел в виду Шелепин, говоря об «известных военных работниках». Однако, как мы видели, военных в те месяцы арестовывали пачками. Что касается упоминания о «других», то в их число мог входить, например, Нарком тяжелой промышленности В. И. Межлаук, который с весны 1937 года стал появляться на трибуне вместе с

членами Политбюро[145]. Этот полный квадратный лысеющий человек в очках был арестован в декабре 1937 года[146].

Также к концу 1937 года был арестован и Уншлихт, по происхождению поляк, пришедший к власти примерно тем же путем, что и Дзержинский. С 1900 года Уншлихт был пробольшевистским членом польской социал-демократической партии. В революционные годы он был членом Петроградского Ревкома, воевал в гражданскую войну вместе с Тухачевским в 16-й Армии, был ранен. Позже он стал заместителем председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии — ВЧК[147].

Несколько меньшей по масштабу фигурой был Нарком юстиции Н. В. Крыленко. В 1918 году он произвел на английского представителя в Москве Брюса Локкарта впечатление «дегенерата-эпилептика»[148]. Иванов-Разумник, сидевший с Крыленко в 1938 году в тюрьме, называет его «пресловутым и всеми презираемым Народным комиссаром юстиции»[149].

Роль Крыленко на Шахтинском процессе была поистине отвратительной. Но после реабилитации Крыленко эту роль стали всячески превозносить. Так, например, Е. Адамов писал в журнале «Советская юстиция»: «В нашем суде юридическая оценка неизбежно сочетается с моральной и политической. Это всегда учитывал Крыленко... Выступая на Шахтинском процессе, оратор, например, так подчеркивает особую роль нашего советского суда: «Наш суд, — говорил он, — это орган, при помощи которого руководящий авангард пролетариата, рабочий класс в целом строит новое общество; вот почему его приговоры должны явиться определенным орудием воспитательной, правовой и политической пропаганды. Вот почему его приговоры должны нести в себе элементы общественно-политического воспитания»[150].

На международном шахматном турнире в 1932 году Крыленко (он был большим поклонником и покровителем шахмат) выступил с речью, догматизм которой придавал ей буквально фарсовый характер:

«Мы должны раз и навсегда покончить с нейтралитетом шахмат. Мы должны раз и навсегда осудить формулу «Шахматы ради шахмат» как формулу «Искусство для искусства». Мы должны организовать ударные бригады шахматистов и начать немедленное выполнение пятилетнего плана по шахматам»[151].

Этот доктринерский фанатизм Крыленко пронес через всю свою юридическую работу в годы сталинского террора. С 1931 года он был Наркомом юстиции РСФСР, а в 1936 году возглавил уже всесоюзный Наркомат юстиции.

После ареста, в Бутырской тюрьме, с Крыленко обращались особенно презрительно, — «чтобы сбить с него гордость», как писал тот же Иванов-Разумник. Через некоторое время его перевели в Лефортовскую тюрьму, и следы бывшего наркома затерялись[152]. В книге английского исследователя Д. Ричардса о советских шахматах утверждается, что одно из обвинений, выдвинутых против Крыленко, состояло в том, что он будто бы задержал развитие шахматной игры и отделил ее от общественной и политической жизни народа[153]. Крыленко погиб в 1940 году[154].

Обреченные члены Политбюро все еще оставались на свободе. Ничего не предпринималось даже против Постышева, так значительно пониженного в должности. После перевода в Куйбышев он имел последнюю встречу со Сталиным, причем якобы искренне протестовал против террора, по крайней мере в отношении верных партийцев[155]. Однако, в июне была опубликована речь Постышева на партийной конференции в Куйбышеве: это был призыв, исключительно яростный, даже по тогдашним масштабам, к бдительному искоренению троцкистов.

30 октября 1937 года, после удаления Чернова из Наркомата земледелия, его пост занял Эйхе. Это был член партии с 1905 года, крупный, серьезного вида человек, с репутацией беспощадного руководителя. До того времени Эйхе работал секретарем Западно-сибирского крайкома партии. Вышинский критиковал Западную Сибирь за то, что там возбуждалось

недостаточное количество дел по обвинению в контрреволюционной деятельности в 1937 году. Возможно, этот факт както характеризовал подход Эйхе к террору[156]. Во всяком случае, он фигурировал в последующих обвинениях против Эйхе.

3 ноября 1937 года был издан предвыборный плакат с портретами членов Политбюро. Там были все тогдашние члены Политбюро, в том числе Косиор и Чубарь, а из числа кандидатов фигурировали только Жданов и Ежов. Таким образом, Эйхе, Постышев и Петровский были демонстративно унижены. Вообще на протяжении последних месяцев 1937 года обреченным кандидатам Политбюро выказывались признаки неуважения. Их не выбирали, например, в почетные президиумы. Их имен не было в списках кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР на предстоявших в декабре выборах. В кандидаты часто не выдвигали также и Косиора, а Петровский и Эйхе в одном случае были выдвинуты[157]. С другой стороны, когда в печати появилось письмо высших руководителей Советского Союза, выдвинутых сразу во многих избирательных округах, с отказом баллотироваться во всех, кроме одного, то имена всех этих обреченных там фигурировали[158]. И все они — Косиор, Постышев, Эйхе, Чубарь и Петровский — были избраны депутатами.

Примерно два месяца подряд, до дня выборов 12 декабря 1937 года, а также и после этого дня, выборы служили главной темой пропаганды и о них много писали. Каждый день в газетах появлялось множество статей, фотографий, отчетов с предвыборных собраний, особенно с участием членов Политбюро, излагались так называемые «наказы избирателей»; газеты нагнетали обстановку радостного ожидания. Резолюции массовых митингов подавались под заголовками вроде: «С радостью голосуем за Николая Ивановича Ежова». Сталинский «акын» Джамбул из Казахстана написал стихотворение «Народный комиссар Ежов», в котором обрисовывал руководителя тайной полиции такими умильно-розовыми красками, что это было бы слишком даже для ангела.

Статьи и всякие материалы о выборах продолжали поя-

вляться весь декабрь. Было среди них и много сообщений из-за рубежа — например, о «большом впечатлении в Англии». А когда избирательная тема стала постепенно выдыхаться, для публики нашлись другие — например, годовщина Шота Руставели, дополненная всевозможными конференциями стахановцев.

Однако без показательного убийства год все-таки не закончился. Между процессами Зиновьева и Пятакова прошло 5 месяцев. После этого прошло уже целых 11 месяцев, а процесс Бухарина еще не был подготовлен. В качестве промежуточной меры состоялся закрытый суд над людьми, которые не желали давать нужные показания, — суд по закону от 14 ноября.

20 декабря 1937 года на многие газетные страницы раскатилось празднование двадцатой годовщины ВЧК-ОГПУ-НКВД. Были напечатаны крупные портреты Дзержинского и Ежова. Бдительность органов-юбиляров была продемонстрирована как раз накануне объявлением о чистке в хлебозаготовительных организациях. Митинги трудящихся аплодировали, посылая резолюции и даже стихотворения относительно замечательной роли тайной полиции. В «Правде» появилась длинная статья Фриновского, а также большой список награжденных. Начальник ГУЛАГа Борис Берман получил орден Ленина. Среди всех этих громких праздничных публикаций затерялось небольшое объявление, возможно, специально приуроченное к случаю. Это объявление касалось более практической стороны деятельности людей Ежова. Сообщалось, что Енукидзе, а также Карахан, Орахелашвили и другие 16 декабря предстали перед Военной коллегией Верховного Суда СССР как шпионы, буржуазные националисты и террористы. Они будто бы признались в своих преступлениях и были расстреляны[159].

Есть сообщения, что осенью 1937 года Енукидзе перевели из Суздальского изолятора в Москву[160]. Он, как передавали, был в неплохом состоянии. На предстоявшем процессе Бухарина-Рыкова он должен был стать главным злодеем-терро-

ристом, ответственным за организацию убийства Кирова. Действительно, в отчете об этом процессе мы находим упоминание о том, что Енукидзе приказал Ягоде проинструктировать заместителя начальника ленинградского НКВД Запорожца не чинить препятствий убийце [161], а также, что Енукидзе ответственен и за подготовку убийства Горького [162]. Менее официально, по слухам, Енукидзе не только отказался давать показания, но даже заявил об участии Сталина в убийстве Кирова и его виновности в смерти других [163].

Бывший секретарь ЦК Компартии Грузии Орахелашвили в последние пять лет занимал должность заместителя директора Института Маркса-Энгельса-Ленина в Москве. Некоторые советские источники утверждают, что Орахелашвили был уничтожен, так как возражал против книги Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Книга Берии содержала грубые извращения, имевшие целью выпятить роль Сталина. Правда, с датой смерти Орахелашвили творится нечто мистическое. В официальном объявлении было сказано, что «приговор приведен в исполнение». «Большая советская энциклопедия» утверждает, что Орахелашвили прожил до 1940 года [164]. А недавно вышедшая (в 1967 году) «Советская историческая энциклопедия» опять дает дату его смерти «декабрь 1937 года». Жена Орахелашвили Мария была также расстреляна [165].

20 декабря состоялось торжественное собрание в Большом театре, посвященное 20-летию ВЧК-НКВД. Присутствовали Каганович, Молотов, Ворошилов, Микоян и Хрущев. В почетный президиум был избран полный состав Политбюро, в том числе Косиор и Чубарь (которые не присутствовали). Однако, опять-таки среди кандидатов в члены Политбюро были названы Жданов и Ежов, а оставшиеся места в президиуме заняли Хрущев и Булганин.

Главным докладчиком был Микоян. Он восхвалял Ежова как «талантливого, верного сталинского ученика», называл его «любимцем советского народа», призывал чекистов «учиться у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился

и учится у товарища Сталина» и, «подробно остановившись на последнем периоде работы Наркомвнудела», даже воскликнул в порыве энтузиазма: «Славно поработал НКВД за это время»[166].

В январе состоялся пленум ЦК и представление нового правительства Верховному Совету. Постышев (которого официально все еще называли «товарищем») был выведен из числа кандидатов в члены Политбюро и заменен Хрущевым[167]. (Кстати говоря, это был последний случай, когда было официально объявлено о выводе из состава Политбюро. После этого люди и их фотографии попросту исчезали). Передовая статья «Правды» тогда же обвинила руководителей определенных партийных организаций в том, что прежде они разрешали группироваться вокруг них «заклятым врагам народа», а теперь «шарахнулись к огульному исключению из партии десятков и сотен коммунистов». В качестве примера был назван Куйбышевский обком. В постановлении пленума ЦК от 19 января 1937 года содержалось угрожающее замечание о том, что «органы НКВД не нашли никаких оснований для ареста» этих исключенных из партии в Куйбышевской области[168]. Постышева «освободили от работы на Украине» и ему было объявлено партийное порицание в период его работы в Куйбышеве за покрывательство врагов народа»[169]. Однако он не был немедленно арестован. У Постышева была в Москве небольшая квартира, где уже после этого пленума его посетил сын — военный летчик[170]. На этой квартире Постышев, по-видимому, оставался до своего ареста весной 1938 года.

Что касается Косиора, то он прожил в Киеве очень тяжелый год на пепелище своей былой власти. 3 июля 1937 года умер его брат И. В. Косиор, тоже член ЦК. Его похоронили с почетом. Между тем, теперь выяснилось, что, как и Орджоникидзе, он покончил самоубийством[171]. Другой брат, В. В. Косиор был давним участником оппозиции; еще в 1934 году он получил 10 лет. Обвинения по его адресу звучали также и на процессе Пятакова[172]. Летом 1937 года в числе

других оппозиционеров он был привезен в Москву с Воркуты и расстрелян.

26 января 1938 года Косиор и Петровский вернулись в Киев и были встречены на вокзале теми, кто оставался еще от «украинского ЦК». На следующий день, 27 января, «пленум» этого ЦК снял Косиора с его поста. Первым секретарем ЦК КП Украины стал, как мы уже знаем, Никита Хрущев[173]. Однако Косиор не был немедленно предан забвению. Напротив, его назначили заместителем председателя Совнаркома СССР и председателем Комиссии Партийного Контроля.

Все это не помешало Молотову представить 19 января 1938 года Верховному Совету новое правительство, куда в качестве заместителей председателя Совнаркома входили Косиор, Чубарь и Микоян. А Эйхе был Наркомом земледелия[174].

Конечно, заместители председателя Совнаркома не могли серьезно думать, будто располагали реальной властью. И Ворошилов, и Каганович, например, оба стояли в руководящей иерархии неизмеримо выше их, но в то же время они не были заместителями председателя Совнаркома. Это хорошо подчеркивает декоративный характер назначений.

Тем не менее, было чем любоваться: Молотов в кресле председателя на заседании Совета Народных Комиссаров — после того, как он подписал приказы о суде и аресте нескольких из них. Встречаясь со своими тремя заместителями, он знал, что двое из троих были как бы уже мертвыми, и их высказывания попросту не имели никакого значения.

В период пребывания у власти Хрущева и особенно после XX съезда КПСС было принято говорить о январском пленуме 1938 года как о некоем возврате к законности. А как же иначе — ведь именно этот пленум возвел Хрущева на высший уровень власти. Действительно, резолюция пленума, как всегда, содержала сильные выпады против несправедливых исключений из партии. Там была критика по адресу обкомов за ошибки такого рода. Эта критика продолжалась весь 1938 год и давала основания говорить о «возврате к законности» тем, кто хотел говорить об этом. На самом же деле никаких

признаков улучшения не было, и в работе Ю. П. Петрова, например, сделана лишь попытка совместить требования Хрущева с правдоподобием. Автор писал: «Январский пленум ЦК ВКП[б] 1938 года несколько оздоровил положение. Однако репрессии не прекратились»[175].

Самые резкие критические замечания против несправедливых исключений из партии сделал... сам Ежов. На протяжении всего террора высшие руководители постоянно выступали против несправедливых исключений — однако лишь с целью уничтожить своих подчиненных. Например, как мы уже видели, в нападках на Постышева, относящихся к 1937 году, официально осуждались нарушения партийной демократии, тогда как фактически целью было сломить сопротивление террору. Это можно заметить уже и в письме ЦК от 24 июня 1936 года «Об ошибках при рассмотрении апелляций исключенных из партии во время проверки и обмена партийных документов»: письмо энергично протестовало против непринципиальных исключений[176].

Резолюция январского пленума 1938 года критиковала, кроме Куйбышевской, и многочисленные партийные организации, обвиняя таких работников, как «бывший секретарь Киевского обкома КП Украины, враг народа Кудрявцев», «разоблаченный враг народа, бывший зав. ОРПО (заведующий отделом руководящих партийных органов) Ростовского обкома ВКП[б]» Шацкий и т.д.[177]. Вместе с тем резолюция рассказывала грустные истории о честных большевиках и даже об их супругах, которые увольнялись с работы в результате неправильных обвинений.

Постоянное присутствие этой темы весьма примечательно. Совершенно ясно, что было гораздо выгоднее обвинить Постышева и других в негуманности, чем в поздно проявленной гуманности. Этим путем центральное руководство могло или полагало, что могло, избежать непопулярности, связанной с его действиями. Но если взглянуть поглубже, то в этом можно усмотреть определенное намерение Сталина. С самого начала террора Сталин направлял всеобщую ненависть на тех, кто

на каждом предыдущем этапе был его орудием, чтобы уничтожить их, когда они сделают свое дело. Если так, то до известной степени это шло успешно. За террором в памяти народной осталось прозвание «ежовщина» — и со своим исчезновением Ежов унес с собой часть ненависти, которая в противном случае досталась бы пережившим его руководителям.

После пленума произошло еще одно примечательное назначение. 11 февраля 1938 года первым секретарем Московского обкома и горкома партии вместо Хрущева был назначен А. И. Угаров, который в то время уже находился под следствием по «ленинградскому делу» Заковского и других. В течение нескольких месяцев он появлялся на трибуне с самым высшим руководством и считался человеком восходящим. Однако в сентябре или ноябре 1938 года он был заменен Щербаковым, затем исчез.

Партия в том виде, как она существовала всего год назад, была разгромлена. Ветераны первого периода сталинского правления, от секретарей обкомов до народных комиссаров, пали жертвами Ежова. Однако это был еще не конец шторма. Охваченных ужасом людей ждали новые жестокие удары.

ГЛАВА 8

1. См. «Правду», 14 апр. 1937.
2. XXII съезд КПСС, т. 3, стр. 114.
3. Советский историк Рой Медведев в своей работе «Нужно ли реабилитировать Сталина?» утверждает, что в 1937-38 годах было ликвидировано девяносто процентов состава областных и городских комитетов партии. См. Roy Medvedev, *Faut-il Rehabiliter Staline?*, Paris, 1969, p. 42. (На русском языке книга не вышла).
4. См. «Правду», 21 марта 1937.

5. XXII съезд КПСС, т. 3, стр. 120.
6. См. «Правду», 30 мая 1937.
7. См. «Правду», 5 июня 1938.
8. Ciliga, *The Russian Enigma,* p. 48.
9. Там же, стр. 160.
10. См. «Дело Бухарина», стр. 148.
11. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 26.
12. Там же, стр. 26-27.
13. «Дело Зиновьева», стр. 34.
14. «Ленинград», Энциклопедический справочник, Москва-Ленинград, 1957, стр. 783.
15. Там же, стр. 724.
16. «Энциклопедический словарь», т. 2, Москва, 1964, стр. 405.
17. «Из истории гражданской войны», т. 1, Москва, 1960, стр. 793, прим. 146.
18. «Очерки истории Ленинграда», т. 4, Москва-Ленинград, 1964, стр. 381.
19. Brzezinski, *The Permanent Purge,* p. 226.
20. XXII съезд КПСС, т. 3, стр. 119.
21. См. БСЭ, 2-ое изд., т. 23, стр. 141-2 (статья «Косыгин»).
22. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 23.
23. Там же, стр. 27.
24. XXII съезд КПСС, т. 3, стр. 153.
25. Там же, стр. 159 (выст. Ю. М. Вечеровой).
26. Аркадий Васильев, «Вопросов больше нет». См. журнал «Москва» № 6, 1964, стр. 45-50 (глава «Одна бессонная ночь»).
27. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule,* p. 59-60.
28. Там же, стр. 132-137.
29. «Бакинский рабочий», 17 июня 1962.
30. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 27.
31. А. Авторханов в «Посеве», 7 янв. 1951; (он же) Uralov, *The Reign of Stalin,* p. 147.
32. См. «Правду», 18 сент. 1964 (К 70-летию со дня рождения И. М. Варейкиса).
33. «Дело Бухарина», стр. 74.
34. См. Д. А. Лаппо в «Вопросах истории КПСС» № 11, 1963 («Стойкий ленинец»).
35. См. XXII съезд КПСС, т. 1, стр. 291 (выст. К. Т. Мазурова).
36. XXII съезд КПСС, т. 1, стр. 291.
37. См. «Рабочий» (Минск), 8 июня 1937.
38. См. «Известия», 23 мая 1964.
39. XXII съезд КПСС, т. 1, стр. 291.
40. См. «Рабочий» (Минск), 12 авг. 1937.
41. Beck and Godin, *The Russian Purge,* p. 92.
42. Brzezinski, pp. 180-4.
43. См. «Коммунист» (Армения), 28 нояб. 1963.

44. См. Б. Николаевский, примечания к *Crimes of the Stalin Era* (Английское издание доклада Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС) Прим. 58 и 3.

45. См. « Правду », 23 июня 1929.

46. « Дело Пятакова », стр. 74/48.

47. « Дело Бухарина », стр. 275.

48. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes,* p. 249.

49. « Бюллетень оппозиции » №№ 56, 57, 1937.

50. См. Г. А. Дзидзария в « Вопросах истории КПСС », № 5, 1963 (« Отважный революционер »).

51. См. Souvarine, *Stalin,* London, 1937, postscript, p. 638.

52. См. П. Якир — письмо в ред. журнала « Коммунист », 2 марта 1969 (« Посев » № 5, 1969).

53. XVIII съезд ВКП[б], стр. 578.

54. См. « Коммунист » (Армения), 15 нояб. 1961.

55. Там же, см. также XXII съезд КПСС, т. 2, стр. 404 (выст. Шелепина).

56. Mary Matossian, *The Impact of Soviet Policies in Armenia,* Leyden, 1962, p. 159.

57. « Коммунист » (Армения), 15 нояб. 1961.

58. Там же.

59. См. « Заря Востока », 31 дек. 1937.

60. См. Гинзбург, « Крутой маршрут », стр. 129.

61. Sullivant, *Soviet Politics and the Ukraine,* p. 194.

62. Сталин, Собр. соч., т. 8, Москва, 1948, стр. 150 (Письмо Кагановичу 26 апр. 1926 г.).

63. Tokaev, *Betrayal of an Ideal,* p. 57.

64. См. VIII съезд РКП[б], Протоколы, Москва, 1959, стр. 80.

65. Sullivant, *Soviet Politics and the Ukraine,* p. 193.

66. XVII съезд ВКП[б]. Стеногр. отчет, Москва, 1934, стр. 141.

67. См. отчетный доклад С. Косиора на XIII съезде КП[б]У. Опубликован также в « Правде », 29 мая 1937.

68. См. « Правду », 26 мая 1937, статья: С. Косиор « К XIII съезду большевиков Украины ».

69. См. отчетный доклад XIII съезду КП[б]У. Цитируем русский текст по « Правде », 29 мая 1937.

70. См. « Партийное строительство », № 15, 1937.

71. См. « Більшовик України », № 6, 1938.

72. См. « Правду », 21 июля 1937.

73. Там же, 22 июля 1937.

74. Там же, 25 июля 1937.

75. См. Sullivant, pp. 217-226 (в частности, стр. 222).

76. Этот эпизод, впервые рассказанный А. Авторхановым (в « Посеве » № 45 и № 50, 1950), позднее подтвержден югославскими источниками, которые, впрочем, по имени называют лишь Молотова « с двумя членами советского политбюро ». См. Vladimir Dedijer, *Tito Speaks,* London, 1953, p. 102.

77. « Правда », 2 сент. 1937.

78. Там же, 21 и 22 июля 1937.
79. Там же, 4 окт. и 29 дек. 1937.
80. Там же, 25 сент. 1937.
81. « Володимир Петрович Затонський » (по-украински), Киев, 1964, стр. 132.
82. Ф. Бега и В. Александров, « Петровский », Москва, 1963.
83. М. Д. Беднов в « Вопросах истории КПСС » № 6, 1963 (« Несгибаемый коммунист »).
84. « Правда », 19 янв. 1938.
85. См. XVIII съезд ВКП[б], Москва, 1939, стр. 595 (выст. З. Т. Сердюка).
86. Brzezinski, *The Permanent Purge,* p. 78.
87. « Правда », 22 февр. 1938. Имя Маршака окончательно исчезло из всех списков в мае 1938 г.
88. Weissberg, pp. 461-2.
89. См. « Вісті », 28 янв. 1938.
90. Sullivant, p. 223.
91. XVIII съезд ВКП[б], стр. 238 (выст. Бурмистенко).
92. Edward Stettinius, Jr., *Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference,* New York, 1949, p. 187.
93. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 40.
94. Там же, стр. 27-28.
95. Там же, стр. 27.
96. Roy Medvedev, p. 43.
97. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 28.
98. XXII съезд КПСС, т. 3, стр. 152.
99. « Правда », 3 апреля 1964.
100. Иванов-Разумник, « Тюрьмы и ссылки », стр. 345; p. 241.
101. Weissberg, p. 168.
102. Fitzroy Maclean, p. 28.
103. *Česko-slovensky časopis historicky,* № 4, 1964.
104. Гинзбург, « Крутой маршрут », стр. 150.
105. Аллилуева, « Только один год », стр. 356.
106. « Дело Бухарина », стр. 251.
107. Louis Fischer, *Men and Politics,* 1941, p. 414.
108. Varmine, *One Who Survived,* p. 307.
109. « Дело Бухарина », стр. 229.
110. Там же, стр. 54.
111. Там же, стр. 687.
112. XXII съезд КПСС, т. 2, стр. 404. См. тоже « Правду », 27 окт. 1961, стр. 10.
113. XI съезд РКП[б], Москва, 1961, стр. 832 (биогр. справка).
114. « Дело Бухарина », стр. 408-416.
115. См. « Правду », 17 нояб. 1964 (К 75-летию со дня рождения А. М. Назаретяна).

116. Гинзбург, стр. 183 (В собр. соч. Сталина это выступление не включено).

117. «Дело Бухарина», стр. 75 (показания обвиняемого Гринько).

118. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 45.

119. Там же; см. также И. Т. Леонов в «Вопросах истории КПСС» № 11, 1965 «Григорий Наумович Каминский — к 70-летию со дня рождения».

120. А. С. Яковлев, «Цель жизни», Москва, 1966, стр. 77.

121. См. «Известия», 19 дек. 1964: М. Ефимов «Посланец Питерских рабочих. К 70-летию со дня рождения Н. К. Антипова».

122. «Дело Бухарина». стр. 186.

123. Beck and Godin, p. 80.

124. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 235.

125. См. «Правду», 22 июля 1937.

126. Там же, 17 марта 1937.

127. Б.С.Э., 2-е изд., т. 51, 1958 г., стр. 301.

128. «Правда» 21 авг. 1937.

129. Там же, 22 авг. 1937.

130. Там же, 30 окт. 1937.

131. «Из истории гражданской войны», т. 1, Москва, 1960, стр. 807, прим. 234.

132. См. «Правду», 8 сент. 1937.

133. Ленин, Собр. соч., т. 50, стр. 572 (биогр. справка).

134. «Дело Бухарина», стр. 675.

135. Louis Fischer, *Men and Politics,* 1941, p. 409.

136. «Дело Бухарина», стр. 708.

137. Barmine, p. 245.

138. «Дело Бухарина», стр. 548.

139. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве», № 3, 1965; см. также Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 157.

140. «Дело Бухарина», стр. 613.

141. А. Биневич и З. Серебрянский, «Андрей Бубнов», Москва, 1964, стр. 78-79; Об аресте Бубнова см. также «Вопросы истории КПСС» № 4, 1963 (К 80-летию со дня рожд. Бубнова).

142. XXII съезд, т. 2, стр. 403.

143. Beck and Godin, p. 97.

144. Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler,* s. 29.

145. См. напр. «Правду», 2 мая 1937; 31 окт. 1937.

146. «Вопросы истории КПСС», № 2, 1963.

147. См. «Правду», 25 дек. 1964; см. также «Вопросы истории КПСС» № 7, 1964.

148. R. H. Bruce Lockhart, *Memoirs of a British Agent,* London, 1932, p. 257.

149. Иванов-Разумник, стр. 350.

150. «Советская юстиция» № 10, 1965 («Крыленко как судебный оратор»).

151. Souvarine, *Staline,* p. 526.

152. Иванов-Разумник, стр. 350-51.

153. D. J. Richards, *Soviet Chess*, Oxford, 1956, p. 57.

154. « Из истории гражданской войны », т. 2, стр. 782, прим. 73.

155. Георгий Марягин, « Постышев », стр. 297.

156. См. « Советское государство и право », № 3, 1965, а также « Вопросы истории КПСС » № 7, 1965.

157. См. « Правду », 2 нояб. 1937.

158. Там же, 10 нояб. 1937.

159. Там же, 20 дек. 1937.

160. Lermolo, *The Face of a Victim*, p. 233-4.

161. « Дело Бухарина », стр. 25-26.

162. Там же, стр. 26-27.

163. Lermolo, p. 275.

164. БСЭ, 2-е изд., т. 51 (дополнительный), Москва, 1958, стр. 218 (статья « Орахелашвили »); см. также Энц. словарь, т. 2, стр. 138.

165. См. « Правду », 10 июня 1963 (к 80-летию со дня рождения Орахелашвили).

166. Там же, 21 дек. 1937.

167. Там же, 19 янв. 1938; « КПСС в резолюциях », 7-е изд., т. 2, Москва, 1953, стр. 849.

168. См. « КПСС в резолюциях », 7-е изд., т. 2, стр. 852-3: « Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП[б] и о мерах по устранению этих недостатков ».

169. Г. Марягин, « Постышев », стр. 298.

170. Этот эпизод передавался по московскому радио 8 февр. 1964.

171. См. П. Якир – письмо в ред. журнала « Коммунист », 2 марта 1969 (« Посев », № 5, 1969).

172. « Дело Пятакова », стр. 207/90.

173. « Станислав Викентьевич Косиор » (по-украински), Киев, 1963, стр. 173; см. также « Правду», 28 янв. 1938.

174. См. Стенографический отчет Первой сессии Верховного Совета СССР, Москва, 1938.

175. Ю. П. Петров, « Партийное строительство в Советской Армии », стр. 300.

176. См. « КПСС в резолюциях », 7-е изд., т. 2, стр. 851.

177. См. « Правду » 19 янв. 1938.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВАКХАНАЛИЯ

Самым ценным для нас являются люди, кадры.

Сталин

Западному читателю невозможно вообразить себе страдания, которые пережил в то время советский народ. Для того, чтобы исследовать сталинский террор и по-настоящему его показать, нужны не только интеллектуальные, но и моральные усилия. Приведенные факты дают лишь общую цепь доказательств и, строго говоря, дальше этого исследователь идти не обязан. Но ведь эти факты приводятся для того, чтобы на их основе читатель мог составить моральное суждение. При самом хладнокровном их рассмотрении мы должны воспринимать происходящее так, как его воспринимал Пастернак, который закончил «Автобиографический очерк» следующими словами: «Продолжать его было бы непомерно трудно... Писать о нем (о происходившем) надо так, чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы»[1].

До сих пор мы рассказывали о том, как пострадала от репрессий партия. Об этом имеется гораздо больше сведений, особенно из советских источников, чем о судьбе «простого советского человека». Но на каждого пострадавшего члена партии приходилось 8-10 брошенных за решетку простых граждан.

Партийные деятели, о которых шла речь выше, были сознательно вовлечены, в большей или меньшей степени, в политическую борьбу. «Правила игры» были им известны. Многие

из них несли личную ответственность за аресты и смерть миллионов крестьян во время коллективизации. Мы не должны, понятно, отказывать им в жалости, но все же они имеют меньше прав на сострадание, чем простые советские граждане. Если Крыленко был осужден и казнен, то до этого он сам послал на смерть сотни других по сфабрикованным обвинениям. Если Троцкий был убит в изгнании, то он сам отдавал приказы о расстреле тысяч рядовых членов партии, потирая руки с чувством исполненного долга. Пушкин сказал однажды, что русские бунтовщики «люди жестокосердые, которым и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка»[2]. Это может быть применимо к таким людям, как Розенгольц, но явно неприменимо к его жене. Ее пример дает нам представление о судьбе и чувствах рядовых беспартийных граждан, вовлеченных в агонию Большого террора.

Состояние всеобщей подавленности хорошо передано в отрывке из романа «Доктор Живаго»:

«Не только перед лицом твоей каторжной доли, но по отношению ко всей предшествующей жизни тридцатых годов, даже на воле, даже в благополучии университетской деятельности, книг, денег, удобств, война явилась очистительной бурею, струей свежего воздуха, веянием избавления... И когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы»[3].

Нам, выросшим в условиях устойчивого общества, не хватает воображения, чтобы понять, что во главе великого государства могут стоять люди, которых в нормальных условиях сочли бы преступниками. Также трудно проникнуться чувствами советского гражданина, которому пришлось жить при Большом терроре. Легко говорить о постоянном страхе и ожидании стука в дверь, который обычно раздавался на рассвете; о голоде, изможденности и беспросветной судьбе узников трудовых лагерей. Но представить себе, что это хуже, чем ужасы войны, все же кажется трудно.

Россия переживала террор и раньше. Ленин заявлял об этом открыто, считая террор орудием политики. Во время гражданской войны в массовом порядке проводились казни «классовых врагов». Но тогда обстоятельства были другими. В те дни многое делалось сгоряча, несправедливости и жестокости чинились по всей стране. Но они были редко частью большой, спланированной и «спущенной сверху» операции. Это были скорее яростные и стихийные удары по врагу, который готов был ответить тем же и был для этого достаточно силен. Вещи назывались своими именами. Это были поистине ужасные дни: отряды ЧК расстреливали так называемых классовых врагов сотнями и тысячами. Люди, прошедшие через это, очевидно, думали, что худшего быть не может.

Террор Ленина был продуктом войны и насилия, распада общества и администрации. Руководство, вынесенное на гребне волны, отчаянно боролось за то, чтобы выжить, за сохранение своей власти.

Сталин, с другой стороны, полностью подчинил себе страну в период относительного спокойствия. К концу 20-х годов население примирилось, хотя и неохотно, с существованием и стабильностью советского правительства. Правительство, в свою очередь, пошло на некоторые экономические и другие уступки, что привело к развитию хозяйства и повышению жизненного уровня. Новый цикл террора был начат Сталиным намеренно и хладнокровно. Сначала партия пошла войной на крестьянство. После выполнения этой сталинской операции положение начало снова стабилизироваться, и тогда, в середине 30-х годов, на беззащитное население, с тем же хладнокровием, были обрушены новые страдания. Хладнокровие сопровождалось другой, специфически сталинской чертой террора: абсолютной лживостью выдвинутых причин и обвинений.

Есть еще один фактор, который необходимо учесть. Во время первой мировой войны, как пишет Роберт Грейвз в книге «Прощай, всё», солдат мог выдержать лишения и опасности окопной жизни только некоторое время. Затем, после

первого же месяца, силы начинали сдавать. «Через шесть месяцев офицер был еще на что-то годен, но через девять-десять — становился обузой для других офицеров. Через двенадцать-пятнадцать месяцев он был более чем бесполезен». Грейвз отмечает, что люди в возрасте более 33 лет, а особенно после 40, обладали меньшей выносливостью. Офицеры, прослужившие свыше двух лет, становились алкоголиками. Солдаты были «совершенно апатичны и бесчувственны, и в этом состоянии шли на выполнение задания». «Самому мне, — пишет Грейвз, — потребовалось десять лет, чтобы полностью оправиться». Он добавляет, что это объяснялось не только физическим состоянием организма: в хорошем батальоне физические недомогания были редки.

Говоря о жизни советских людей в 1936-38 годах, очень трудно передать этот бесконечный, еженощный, бросающий в пот страх, страх в ожидании того, что арест наступит еще до рассвета. Сравнение с войной вполне правомерно, даже с точки зрения числа жертв. При других диктатурах аресты шли выборочно; брали людей, подозреваемых в антиправительственной деятельности, и для этого имелись какие-то основания. В эру Ежова очередной жертвой мог стать любой человек.

Ночью — страх, а днем — бесконечное притворство, лихорадочные усилия доказать свою преданность Системе Лжи. Таково было «нормальное» состояние советского гражданина.

ДОНОСЫ

Сталин требовал не только подчинения, но и соучастия. Отсюда — душевный кризис, который так хорошо описал Пастернак в 1937 году в устной беседе с доктором Нильсоном:

«... они однажды пришли ко мне... с какой-то бумагой, где было написано, что я одобряю решение партии о казни генералов. В каком-то смысле это было доказательство того, что мне доверяют. Они не приходили к тем, кто был в списке

подлежащих уничтожению. Моя жена была беременна. Она плакала и умоляла меня подписать эту бумагу, но я не мог. В тот день я взвесил все и попытался установить, сколько у меня шансов остаться в живых. Я был убежден, что меня арестуют — пришел и мой черед. Я был к этому готов. Вся эта кровь была мне ненавистна, я больше не мог терпеть. Но ничего не случилось. Меня, как выяснилось впоследствии, косвенным путем спасли мои коллеги. Никто не осмелился доложить высшему начальству, что я отказался поставить свою подпись»[4].

Такое нравственное величие было доступно немногим. Все были изолированы. Что значил молчаливый индивидуальный протест по сравнению с гигантскими митингами, которые одобряли казнь генералов и на которых раздавались крики: «Собачья смерть!» — по отношению к лидерам оппозиции? Откуда мог тайный оппозиционер знать, искренне говорят выступающие или нет? Никаких признаков оппозиции или даже нейтралитета не было. Все тонуло в массовом подражании энтузиазму. Даже дети и родственники осужденных публично отрекались от своих родителей.

Разрушение семейных связей было осознанной целью Сталина. Когда в ноябре 1938 года Сталин ликвидировал руководство ВЛКСМ во главе с Косаревым, он жаловался на то, что организации «не хватает бдительности». По мнению Сталина, комсомол слишком много внимания уделял исполнению устава, который провозглашает эту организацию политической школой для будущих коммунистов. Сталин считал, что хорошему молодому коммунисту нужна не политическая подготовка, а качества энтузиаста-стукача.

Много доносов было сделано из страха. Любой человек, который слышал неосторожно сказанное слово и не сообщил об этом, мог поплатиться сам. Членов партии, которые не могли отыскать «врагов народа» среди своих знакомых, «прорабатывали» на собраниях за «недостаток бдительности». Иногда случалось и такое: разговор между старыми знакомыми становился вдруг слишком откровенным и

заканчивался тем, что они доносили друг на друга. Только старые, испытанные друзья могли вести беседы, которые хоть немного отклонялись от официальной линии. Отбор был очень тщательным. Илья Эренбург рассказывает в своих воспоминаниях, что у его дочери был пудель, который научился закрывать дверь гостиной, как только разговор гостей становился приглушенным. Он получал за свою бдительность кусочек колбасы и научился безошибочно распознавать характер разговора[5].

Но не все сознательные граждане безотказно выполняли свой стукаческий долг. В своей книге «Я выбрал свободу» Кравченко приводит такой эпизод: «Директор одного предприятия подвез как-то на своей машине мать «врага народа», старую женщину, после чего его шофер сказал: «Товарищ директор, я, может быть, сукин сын, который должен сообщать обо всем, что видит и слышит. Но клянусь собственной матерью, на этот раз не скажу ни слова. Моя мать — простая женщина, а не такая интеллигентная дама. Но я ее люблю, и спасибо вам, Виктор Андреевич, говорю как русский — русскому». И действительно, об этом инциденте никто не узнал, хотя впоследствии директору были инкриминированы различные «серьезные преступления»[6].

Если нацизм способствовал выходу наружу садистских инстинктов, учредив это законодательным порядком, то сталинский тоталитаризм автоматически поощрял подлость и злопыхательство. Даже сегодня в советской печати можно натолкнуться на заметки об «особо сознательных» гражданах, которые сообщают в милицию о проступках (истинных или воображаемых) своих сограждан и в результате добиваются их высылки в отдаленные районы. Во времена Сталина это было общепринятой практикой. Интриганы, вызывающие склоки дома и на работе, авторы анонимных писем и т.д., могут причинить неприятности в любом обществе. При Сталине эти люди процветали.

«Я видел, — пишет Эренбург в третьей книге своих воспоминаний, — как в передовом обществе некоторые люди,

казалось бы приобщенные к благородным идеям, совершали низкие поступки во имя личного благополучия или своего спасения, предавали товарищей, друзей; жена отрекалась от мужа, расторопный сын чернил попавшего в беду отца»[7]. А не так давно в СССР был напечатан рассказ, довольно типичный, о том, как студент геологического института донес на своего друга. На танцах он подслушал, как его друг рассказывал своей девушке, что его отец был казнен. При поступлении в институт он этот факт скрыл. Студента исключили и сослали в трудовой лагерь на 15 лет[8].

Деятельность доносчиков разрослась до невероятных размеров. В украинских газетах сообщалось, что один житель Киева донес на 69 человек[9], а другой — на 100[10]. В Одессе один коммунист донес на 230 человек[11]. В Полтаве член партии «разоблачил» всю свою организацию[12].

На XVIII съезде партии, когда «перегибы», допущенные во время чисток, подвергались запоздалой и частичной критике, огласили рассказ одного доносчика о том, как ему удалось добиться снятия пятнадцати секретарей местных партийных организаций. Другой известный клеветник из Киева, как сообщалось на съезде, «обратился с такой просьбой: «Я выбился из сил в борьбе с врагами, а поэтому прошу путевку на курорт». (Громкий смех)»[13].

Некоторые совершенно бредовые доносы вели к невероятным результатам, анонимные письма представляли собой просто злопыхательские выдумки, но они достигали цели. Вот пример: некто Силаков дезертировал из Красной Армии, а затем сдался в Киеве. Он рассказал о том, что планировал налет на почтовое отделение, чтобы достать деньги для террористической организации, но потом решил добровольно отдать себя в руки советской власти. НКВД этого было мало. Силакова как следует избили, и после этого была выработана другая версия, в которой фигурировал уже не только он сам и его друзья, но целое военное подразделение. Во главе заговора стоял теперь не Силаков, а его командир. Они намеревались совершить террористические нападения на чле-

нов правительства. Почти все подразделение, от командира до шоферов, было арестовано, причем многие — вместе с женами. В дело были вовлечены также обе сестры Силакова, его старая больная мать и его отец. Привлекли даже дядю, который всего один раз виделся с племянником, но он был унтер-офицером (т.е. младшим сержантом) в царской армии. По новой версии дядя превратился в «царского генерала».

Это нелепое дело раздулось до такой степени, что «в киевской тюрьме не осталось ни одной камеры, где бы не сидел человек, связанный с заговором Силакова»[14]. После падения Ежова и его киевского представителя Успенского в 1938 году, Силаков и все осужденные вместе с ним были допрошены заново. Им была дана возможность отказаться от своих показаний. Некоторые на это не соглашались, опасаясь ловушки, и тогда с ними пришлось говорить по-другому. Этих людей *насильно* заставили отказаться от ложного признания своей вины в преступлении, которое грозило им смертной казнью. В результате сам Силаков был приговорен к трем годам тюремного заключения, но лишь за дезертирство.

Но доносительство процветало не только на любительской добровольной основе. НКВД повсеместно организовал специальную сеть «сексотов» (секретных сотрудников), которые вербовались из местного населения.

Сексоты разделялись на две группы: в первую входили добровольцы — откровенные подонки и злопыхатели, которые хотели досадить своим знакомым, и «идеалисты», уверенные в том, что они работают для блага «Дела». Вторую группу составляли сексоты по принуждению; часто этим людям обещали облегчить судьбу их родственников, находящихся в тюрьме. Они надеялись, что будут говорить правду и не доставят неприятностей своим друзьям. Но это был самообман: нажим становился все сильнее и сильнее. Сексота, который не поставлял информации, автоматически брали на подозрение. А поскольку население в целом научилось держать язык за зубами, доносчикам приходилось все больше сообщать о бе-

зобидных поступках и словах, по-своему истолковывать или просто выдумывать, чтобы удовлетворить одолевающую НКВД жажду заговоров[15].

В воспоминаниях очевидцев есть история о том, как один украинский сексот стал убежденным коммунистом. Он не смог вступить в партию из-за прошлых связей с Белой армией, и поэтому решил служить делу коммунизма единственным доступным ему способом. Вначале он старался соблюсти беспристрастность. Он всего лишь выполнял свой долг, а это всегда приятно. Когда ему удавалось преодолеть угрызения совести, личные склонности и антипатии, он чувствовал себя настоящим героем[16]. Но одних намеков на враждебное отношение к правительству было недостаточно. Сотрудники НКВД, конечно, прекрасно знали, что в эту категорию попадает широкий слой населения, и требовали новых конкретных сведений. Сексот попытался сопротивляться, но был сам обвинен в том, что скрывает факты. И он начал по-своему «истолковывать» подслушанные разговоры, пока всякое различие между правдой и ложью не стерлось у него в уме. Но даже несмотря на это он был на плохом счету, потому что пытался сохранить в своих доносах подобие убедительности. Его измышления казались начальству слишком сдержанными, и он сам был арестован.

Любой отчет о работе советского учреждения, научно-исследовательского института и т.д., даже до Большого террора, говорит о том, что жизнь в нем представляла собой клубок интриг. То же самое, наверное, можно сказать о многих других странах. Но средства, доступные интригану в советских условиях, делали его гораздо более опасным. Для того, чтобы продвинуться, нужно было «компрометировать» других, добиваться их исключения из партии, а зачастую и их ареста. Это был общепринятый способ служебного продвижения. Объектом мог быть соперник, чье положение казалось слишком прочным, или же один из его подчиненных, с помощью которого можно было очернить начальника. По самым приблизительным подсчетам, каждый пятый

сотрудник советского учреждения в те годы был в той или иной форме осведомителем НКВД[17].

Вот, например, как обстояло дело в сталелитейной промышленности. Вслед за Гвахарией, племянником Орджоникидзе и одним из гениев индустриализации, все директора крупных литейных предприятий на Украине были арестованы. «Через несколько месяцев были арестованы и те, кто пришел им на смену. Обычно удерживался только третий или четвертый по счету состав руководства. Литейная промышленность попала в руки молодых и неопытных людей. У них не было даже обычных преимуществ молодости, потому что отбор носил исключительно «негативный» характер. Это были люди, которые в прошлом неоднократно доносили на других. Они неизменно становились на колени перед теми, у кого было больше власти. Они были искалечены морально и нравственно»[18].

Сталин неуклонно разбивал все формы солидарности и товарищества, за исключением тех, которые были созданы на основе личной преданности ему самому. Террор полностью разрушил личное доверие. Больше всего пострадали, конечно, организационные и коллективные связи, которые все еще существовали в стране после 18 лет однопартийного правления.

Самой могущественной и важной организацией, требующей приверженности по отношению именно к себе, к своим идеалам, была партия или, точнее, ее досталинский состав. Затем — армия. Потом уж интеллигенция, которая справедливо считалась потенциальным носителем еретических идей. Все эти групповые «приверженности» возбуждали особенно яростную реакцию. Но когда Сталин стал действовать против всего народа как такового, он был совершенно логичен. Только такими методами можно было раздробить общество, уничтожить всякое доверие и всякую преданность, за исключением преданности ему самому и его ставленникам.

Бабель говорил: «Теперь человек разговаривает откровенно только с женой — ночью, покрыв голову одеялом»[19].

Только самые закадычные друзья могли намекнуть друг другу о несогласии с официальными взглядами (да и то не всегда). Рядовой советский гражданин не мог определить, в какой степени официальная ложь «срабатывает». Такой человек думал, что он, вероятно, принадлежит к разбросанному и беспомощному меньшинству, что Сталин выиграл свою битву, уничтожив представление о правде в умах людей. Но не все приписывали вину Сталину. Он всегда умел остаться на заднем плане, обманув даже таких людей, как Пастернак и Мейерхольд[20]. А если в заблуждении оказались умы такого калибра (хотя и не политического склада), то ясно, что аналогичные представления были широко распространены. Страх и ненависть всей страны сосредоточились на Ежове.

МАССОВЫЙ ОХВАТ

Хрущев сообщил на XX партийном съезде, что «число арестов по обвинению в контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 году, по сравнению с 1936 годом, больше, чем в десять раз»[21]. Щупальцы НКВД потянулись ко всем, кто был в контакте, хотя бы самом незначительном, с осужденными членами партии. Секретарь одного из обкомов партии на Урале, Кабаков, посетил в 1932 году рабочие кварталы, где поговорил с какой-то старой женщиной. Она рассказала, что ее сын был вынужден поехать отдыхать за свой счет. Кабаков дал указание руководству предприятия, где работал этот рабочий, возместить стоимость путевки. Пять лет спустя, когда самого Кабакова арестовали, кто-то сообщил в НКВД, что он заступился за молодого рабочего. Парень был втянут в дело и обвинен в «подхалимстве перед Кабаковым»[22].

К делу Николаева, который действовал в одиночку, было привлечено 13 сообщников. Это было возведено в общий принцип. «Бдительность» стала пробным камнем сознательности гражданина или служащего — и, конечно, члена партии.

Сотрудники НКВД на предприятиях и в учреждениях находились под постоянным давлением: они должны были, не щадя сил, искоренять врагов. От каждого арестованного требовали назвать сообщников, а всех его знакомых автоматически брали на заметку.

На показательных процессах, естественно, всплывали имена не только политических соратников, но и множества людей, не имевших ничего общего с партийной борьбой. На процессе Бухарина, например, подсудимый Зеленский сообщил, что «в аппарате Центросоюза было при мне около 15% бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и так далее. В некоторых областях количество чуждых выходцев из других партий, колчаковских офицеров и так далее... было значительно выше»[23]. Эти люди, сказал Зеленский, были центром притяжения всякого рода антисоветских элементов. Понятно, что такие показания вызывали цепную реакцию арестов по всей стране.

Однако массовый характер репрессий объясняется не только этим явлением «цепной реакции». В 30-х годах в Советском Союзе были еще живы сотни тысяч людей, которые когда-то принадлежали к небольшевистским партиям, служили в Белой армии, людей свободных профессий, побывавших за границей, националистов, местной интеллигенции и т.д. Все более и более яростная кампания за «бдительность» и разоблачение «скрытых врагов» охватила всю страну — не только партию; об этом шумели пресса и радио.

Значительная часть всего населения Советского Союза уже была занесена в списки Особого отдела НКВД и его местных отделений. Они были разбиты на несколько категорий:

АС — антисоветские элементы;
Ц — регулярно посещающие церковь;
С — член религиозной секты;
П — мовстанец — всякий, кто в прошлом участвовал в антисоветских выступлениях;
СИ — имеет связи с иностранцами.

Принадлежность к одной из этих категорий не давала еще законченных оснований для преследования, но все эти люди были взяты на учет. Как только местному отделению НКВД нужно было продемонстрировать рвение, их арестовывали.

В списке «опасных элементов», составленном после аннексии Литвы в 1940 году, проводится более детальная классификация[24]. К январю 1941 года, после полугодовой оккупации, в Литве насчитывалось всего две с половиной тысячи коммунистов[25]. Самых заклятых врагов — троцкистов — было совсем мало. Такая маленькая территория не представляла никакой угрозы положению Сталина, но для того, чтобы превратить ее в надежную советскую вотчину, кое-кого нужно было уничтожить. Подход к их ликвидации был во многом тем же, что и на русской территории. В списках по группам перечислены: все бывшие руководящие работники государства, армии и судебной системы, все бывшие члены коммунистических партий, все активные члены студенческих корпораций, члены национальной гвардии, все, кто боролся против Советов в 1918-1920 годах, беженцы, представители иностранных фирм, служащие и бывшие служащие иностранных миссий, фирм и компаний, люди, имевшие контакт с заграницей, включая филателистов и эсперантистов, все духовенство, бывшее дворянство, помещики, купцы, банкиры, коммерсанты, владельцы гостиниц, ресторанов, магазинов, бывшие работники Красного Креста. Подсчитано, что в списках числилось 23 процента всего населения[26].

Многие представители этих групп в самом Советском Союзе давно уже умерли или же эмигрировали. Но кое-кто все-таки остался. И каждый был окружен естественно расширяющимся кругом коллег и знакомых, на которых автоматически распространялось подозрение в общении с «чуждыми элементами»: любой служащий, например, чей начальник «оказался» троцкистом; любой, кто покупал продукты у бывшего «кулака» или жил по соседству. с армянским «буржуазным националистом».

Таким образом, к середине 1937 года практически все население Советского Союза стало потенциальным объектом террора. Очень немногие чувствовали себя в безопасности, почти каждый мог ждать, что за ним придут. Пастернак великолепно передает это ожидание:

«Однажды Лариса Федоровна ушла из дому и больше не возвращалась. Видимо, ее арестовали в те дни на улице, и она умерла или пропала неизвестно где, забытая под каким-либо безымянным номером из впоследствии запропастившихся списков, в одном из неисчислимых общих или женских концлагерей севера»[27].

Те, кто вернулся осенью 1937 года из-за границы, как, например, Илья Эренбург, были глубоко потрясены изменениями в стране. По пути из Испании Эренбург остановился в Париже, откуда позвонил своей дочери. Но он не мог выдавить из нее ничего, кроме разговора о погоде. В Москве он обнаружил, что многие писатели и журналисты исчезли. В редакции «Известий» уже перестали вывешивать дверные таблички с именами начальников отделов. «Курьерша объяснила мне, что не стоит печатать: "Сегодня назначили, а завтра заберут„», — запишет потом Эренбург[28]. То же самое можно было наблюдать в министерствах и в других учреждениях — пустые места, осунувшиеся лица, полное нежелание вступать в разговоры. Американский журналист Фишер, который жил в Москве летом 1937 года, вспоминает, что НКВД произвел аресты в половине из 160 квартир его дома, и дом этот не был исключением[29].

Ареста можно было избежать различными способами. Один широко известный ученый избежал первой волны репрессий, прикинувшись пьяницей. Другой пошел дальше: он напился пьяным и стал дебоширить в парке, получил 6 месяцев, но избежал политических неприятностей[30]. Интересно, что некоторые из самых убежденных противников режима — очевидно самые дальновидные — спаслись тем, что удалились в тень. Николай Стасик, например, бывший министр в антикоммунистическом правительстве Украинской Рады в 1918

году, уцелел в Мариуполе. До прихода немцев во время второй мировой войны он работал в городском парке[31].

Иногда между увольнением человека и его арестом проходило некоторое время, так что можно было уехать из крупных городов. С. Поплавский (которого впоследствии, после войны, Сталин назначил заместителем Главнокомандующего польской армии) в 1937 году учился в академии им. Фрунзе. После исключения из партии и из академии он, чтобы избежать возможных последствий, сразу же покинул Москву, а через год или полтора, т.е., очевидно, после падения Ежова, появился вновь. Его реабилитировали и восстановили в академии[32].

Вообще, частое передвижение с места на место давало известную гарантию безопасности. Обычно проходило по крайней мере месяцев шесть или даже год, прежде чем местное отделение НКВД начинало интересоваться приезжим или собирало о нем достаточно сведений. Много времени уходило на пересылку личного дела из старого отделения НКВД в новое, по месту жительства: такие документы шли не обычной почтой, а по специальным каналам НКВД. Иногда они вообще не доходили[33].

Довольно безопасно было, например, в Сибири. Местные власти были сравнительно рады новым поселенцам и не делали особых различий между теми, кто находился в ссылке, и приехавшими по своей воле. НКВД в какой-нибудь области европейской России не был заинтересован в доставке «неблагонадежных» своим коллегам в Сибири. Конечно, всегда можно было потребовать возвращения того или иного лица «под подозрением», но это было хлопотно, и за исключением особо важных случаев, игра не стоила свеч. Но далеко не все могли получить такую, хотя бы и временную, гарантию безопасности. Под арест шли миллионы и миллионы.

Помощник Вышинского, Рогинский, получивший 15 лет, и в лагере продолжал защищать действия властей. Он утверждал, что руководство поступает правильно, изолируя от общества большие группы людей, которые могут наделать неприятностей. Он считал, что нужно до максимума использо-

вать труд всех, правых и виноватых, кто стал «экономически бесполезен»[34]. Подначоревшие аппаратчики, члены партии и НКВД, оправдывали репрессии более искусно. Даже простой анекдот или легкая критика в адрес правительства несет в себе зародыш активной оппозиции в будущем, — заявляли они, — и НКВД, пресекая эти попытки в корне, проводит оправданную превентивную операцию.

На предприятиях проходили специальные собрания, на которых члены коллектива выступали с взаимными разоблачениями. В это движение был вовлечен весь рабочий класс. В романе Стаднюка «Люди не ангелы» описывается типичное собрание 1937 года: «В позапрошлую смену — гневно заявил низкорослый, в бараньем треухе мужчина, — мастер Середа не дал мне бетона. Я еще тогда думал, что это подозрительно. А вчера узнал, что Середа скрывает свое родство с махновцем, за которым замужем его двоюродная сестра! Электромонтажник Цвиркун при поступлении на работу скрыл, что его батька был церковным старостой! — сообщил второй оратор. Третий разоблачал бывшего своего товарища, родители которого лишались избирательных прав за саботаж во время коллективизации...»[35].

Размер репрессий по всей стране не был результатом, как считают некоторые, чрезмерного рвения со стороны местных работников НКВД. Как раз наоборот — на этом настаивал центр. 29 ноября 1936 года Вышинский «распорядился в месячный срок истребовать и изучить все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции с целью выявления контрреволюционной, вредительской подоплеки этих дел и привлечения виновных к более строгой ответственности». Руководство некоторых районов, где не была выполнена разверстка по выявлению контрреволюционной деятельности, получило строгое взыскание от Генерального прокурора. В 1937 году по всему Восточно-Сибирскому бассейну только восемь дел этой категории было направлено в суд. «Вышинский объяснил это слабой, недостаточной борьбой за выкорчевывание вредительских гнезд»[36].

Весь этот период прошел под знаком периодически возникавших, тщательно организованных массовых процессов. В мае 1937 года дальневосточные газеты сообщали, что на этих судах было вынесено 55 смертных приговоров[37], в июне — 91, в июле — еще 83, и так в течение всего года. В Белоруссии, начиная с июня, не проходило и недели, чтобы где-нибудь не было раскрыто шпионское гнездо — в промышленности, в Академии Наук, в Польском театре, в спортивных организациях, в банках, в цементной промышленности, среди ветеринаров, в организациях по снабжению хлебом и на железных дорогах. Руководство местных железных дорог было «разоблачено» 8 октября 1937 года, и его сотрудники объявлены не только польскими, но, согласно установившейся железнодорожной традиции, и японскими шпионами. То же самое происходило в Средней Азии: в ноябре в Казахстане было объявлено о казни 25 человек[38], в Узбекистане — 18[39]. В январе 1938 года в Киргизии было официально казнено 26 человек[40] и в Узбекистане — еще 134[41].

28 июля 1937 года Евдокимов собрал партийное руководство Северного Кавказа и дал инструкции о проведении особо тщательных чисток. 31 июля начались аресты в Чечено-Ингушской АССР. Пять тысяч человек уместилось в тюрьмах НКВД в городе Грозном, набив их до отказа; еще пять тысяч было загнано в гараж нефтяного треста в том же городе и тысячи других — в различные здания, специально выделенные для этой цели. В общей сложности в Чечено-Ингушетии было арестовано 14 тысяч человек, т.е. около 3 процентов всего населения. В октябре еще одна массовая операция подобного рода была проведена под личным наблюдением Шкирятова[42].

Массовые аресты и высылки проводились с невозмутимым спокойствием и деловитостью. Вот, например, приказ Серова («Инструкция НКГБ») № 001233 «О порядке проведения операции по выселению антисоветского элемента из Литвы, Латвии и Эстонии»:

«... Операция будет начата с наступлением рассвета. Войдя в дом выселяемого, старший оперативной группы соби-

рает всю семью выселяемого в одну комнату... Ввиду того, что большое количество выселяемых должно быть арестовано и размещено в специальные лагеря, а их семьи следуют в места специальных поселений в отдаленных областях, поэтому необходимо операцию по изъятию как выселяемых членов семьи, так и глав их, проводить одновременно, не объявляя им о предстоящем их разделении... ». (Полный текст « Инструкции » воспроизведен в « Новом журнале », № 107, 1972, Нью-Йорк, стр. 193-199).

ПРОЦЕДУРА

Стук в дверь всегда раздавался на рассвете, вне зависимости от того, была ли это специальная операция или обычный, положенный по разверстке арест. Группа НКВД обычно состояла из 2-3 человек. Одни вели себя грубо, другие пытались соблюдать внешние приличия. Затем начинался обыск, он мог быть коротким, но мог и затянуться на несколько часов, особенно когда нужно было просматривать книги и документы. Арестованный и его жена (если он был женат) находились в это время под стражей — до тех пор, пока его уводили. Сообразительная женщина могла спасти жизнь своему мужу, дав ему с собой теплую одежду. Формальности продолжались недолго, и утром, как правило, арестованный уже находился в камере.

Вот как описывает свой арест генерал Горбатов:

« В два часа ночи раздался стук в дверь моего номера гостиницы ЦДКА. На мой вопрос: "Кто?" ответил женский голос: "Вам телеграмма". "Очевидно от жены", подумал я, открывая дверь. Но в номер вошли трое военных, и один из них с места в карьер объявил мне, что я арестован »[43].

Новая конституция формально содержала гарантии от незаконного ареста. Статья 127 гласит, что никто не может быть арестован без постановления суда или санкции проку-

рора. Но поскольку судебная власть не является независимой, это утверждение — фикция.

Правосудие в СССР совершенно официально есть «средство укрепления социалистического строя, охраны прав граждан и подавления врагов народа, троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок»[44].

Существует разница между понятиями «арестован» и «задержан». Человек может быть «задержан без санкции суда или прокурора во всех случаях, когда его поведение создает угрозу общественному порядку и безопасности». Более того, согласно Исправительно-трудовому кодексу, «Для приема в места лишения свободы обязательно наличие приговора или постановления органов, уполномоченных на то законом, *или открытого листа*»[45] (курсив автора).

Обычно арест производился по предъявлению ордера, подписанного прокурором, но иногда с этой формальностью не считались. Кравченко, например, пишет, что во время одного ареста на Украине вместе с человеком, на которого был выписан ордер, было схвачено двое совершенно случайных людей. Никакого ордера на их арест не было, но их также посадили и выпустили на свободу только через пять месяцев[46]. Нередко по ошибке арестовывали людей с такими распространенными фамилиями, как Иванов. Через несколько недель или месяцев эти люди выходили на свободу. Но прежде чем ошибка была обнаружена, некоторые из них успевали сознаться в шпионаже и других преступлениях. Несмотря на это, их все же иногда выпускали[47].

Жене не сообщали, где находится арестованный муж. Ей самой приходилось ходить по тюрьмам, чтобы выяснить это. В Москве жены шли сначала в «справочный центр» — Кузнецкий мост, 24, напротив Лубянки, потом в Сокольники, потом в Таганку, в Бутырку, в военную тюрьму Лефортово; а потом начинали сызнова. Сотни женщин стояли в очереди у каждой тюрьмы. Дождавшись своей очереди, женщины просили передать заключенным 50 рублей, на которые те имели право до вынесения приговора. Иногда

администрация тюрьмы в результате какой-нибудь бюрократической неувязки заявляла, что такого заключенного нет. Некоторым женщинам удавалось точно установить место нахождения мужа только на второй или третий раз.

Сын Анны Ахматовой, молодой востоковед Лев Гумилев, сидел в Ленинграде. «В страшные годы ежовщины, — пишет поэтесса, — я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала: могу. Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом»[48].

Ахматова пишет, что ее ртом «кричит стомильонный народ»[49] и что

«... если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем — не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов»[50].

Сын Ахматовой, Лев Гумилев, был в заключении еще в 1956 году, когда Фадеев написал следующее письмо:

«В Главную Военную прокуратуру... в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции... При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца Н. Гумилева уже не стало) он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой, всегда

мог представить «удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений»[51].

Из письма ясно, что Лев Гумилев, подобно многим другим, пострадал как «родственник».

Женщины, которые всеми силами пытались добиться освобождения своих мужей, практически никогда не достигали этой цели. Кравченко рассказывает такой случай: жена одного из осужденных пришла в 12 часов ночи в местное отделение НКВД. Начальник отделения грубо крикнул ей: «Что вы бегаете из тюрьмы в тюрьму, как сумасшедшая, и добиваетесь освобождения мужа. Я приказываю вам прекратить эту беготню. Я приказываю вам не надоедать. Все: убирайтесь!»[52].

Очень трудно было узнать, куда направили мужа после суда. Некоторые писали во все лагеря, о существовании которых им удалось узнать у других жен. Иногда после многочисленных ответов «в данном лагере такого заключенного нет» вдруг оказывалось, что он именно там[53], и после этого, в некоторых случаях, в зависимости от приговора, у жены начинали принимать передачи.

Участь этих женщин была поистине ужасна. Генерал Горбатов пишет:

«Много думал я о жене. Ее положение было хуже, чем мое. Ведь я находился среди таких же отверженных, как сам, а она — среди свободных людей, и как знать, может быть, среди них найдутся такие, что отвернутся от нее, как от жены «врага народа»...[54].

Есть масса сведений о том, что женщины теряли работу, жилье, прописку, что им приходилось распродавать свое добро, жить случайной работой или на иждивении родственников. Они ничего не знали о судьбе своих мужей — будущее было совершенно беспросветным[55].

КАМЕРА

Сначала арестованный попадал в приемный пункт тюрьмы. Там его регистрировали и тщательно обыскивали с ног до головы. Одежду осматривали по швам. Шнурки и все металлические принадлежности, включая пуговицы, отбирали. Эти обыски периодически повторялись во время заключения; приблизительно раз в две недели обыскивали каждую камеру.

Условия и распорядок тюремной жизни были одинаковы по всей стране: страшная теснота, недостаток пищи, тоска и грязь, а в перерывах — допросы. Вариации были очень незначительны. Все согласны в том, что при царе жизнь в тюрьмах была несравненно лучше, чем в советские времена. Во всяком случае не было такой скученности.

Бывший заключенный московской Бутырской тюрьмы рассказывает, что в 1933 году в камеру, предназначенную для 24 человек, было втиснуто 72. В ноябре 1937 года в ней было уже 140 человек[56]. 110 женщин находились в камере, предназначенной для 25. В этой камере стояло несколько кроватей, несколько больших ведер-параш и стол. Весь пол был устлан досками, на которых спали. Заключенные не могли спать на спине, а только на боку. Если кто-то хотел повернуться, то должен был согласовать это со всеми остальными, спящими по обе стороны от него, чтобы все могли повернуться одновременно[57]. В камере, рассчитанной на 24 человека, помещалось по 70, 80 и 95 человек[58].

Приведенные выше описания, сделанные бывшими заключенными, касаются в основном тюрем Москвы, Ленинграда и Киева. Условия в них были гораздо лучше, чем в провинциальных тюрьмах. Рассказывают, что заключенные из Челябинска или Свердловска, попадая в переполненные камеры Бутырок, были в восторге. «Здесь просто курорт, — заявляли они, — по сравнению с тем, что мы видели раньше»[59]. Когда арестованных накапливалось слишком много, то в Сибири, например, выкапывали в земле ямы, покрывали крышей и сгоняли в них арестованных. К осени 1937 года в харьковской

тюрьме, предназначенной для восьмисот человек, находилось двенадцать тысяч[60].

Проблема перенаселенности решалась по-разному. В Москве заключенных заставляли спать под кроватями и на досках, уложенных между кроватями. Этим способом можно было разместить троих на одном квадратном метре. В провинциальных тюрьмах не было ни кроватей, ни досок, и арестованных сгоняли в кучу. Спали на боку в несколько рядов. Иногда скученность достигала такого предела, что половине заключенных приходилось стоять, в то время как другая половина спала[61].

В каждой камере избирался староста, который отвечал за поддержание порядка, распределение спальных мест и т.д. Вновь прибывшего помещали вплотную к вонючей «параше», а затем, по мере того как увеличивался его стаж, он удалялся от «параши» все дальше и дальше.

Утренний туалет длился недолго. Например, 110 женщин, в распоряжении которых было 5 мест в уборной и 10 кранов, должны были управиться в 40 минут[62]. До того, как тюрьмы были переполены, заключенных в больших городах раз в десять дней водили в баню. Им выдавали достаточно мыла и регулярно дезинфицировали одежду и белье. В провинциальных тюрьмах было много грязнее.

Во время ежовщины дневной рацион состоял из 500-600 граммов черного хлеба, 20 граммов сахара и жидкого капустного супа два раза в день. В некоторых тюрьмах три раза в день выдавали горячую воду и по столовой ложке крупы. В Бутырках суп из капусты чередовался с ухой, плюс к этому выдавали около 400 граммов черного хлеба, а вечером — кашу. Женщина, сидевшая тогда в тюрьме, вспоминает: это было хуже, чем до ареста в ее голодном городе — даже после того как она потеряла мужа и сына, но все-таки гораздо лучше, чем в лагерях[63].

Тюремные рационы выдавались регулярно и были, очевидно, составлены с таким расчетом, чтобы человек, который практически не двигался, мог остаться в живых.

Из-за недостатка света и воздуха лица заключенных приобретали особый голубовато-серый оттенок[64]. Многие страдали дизентерией, цынгой, чесоткой, воспалением легких и сердечными болезнями. Воспаление десен было у всех. « Цынгой заболевали, особенно проведя в тюрьме год, два, три (были и такие) »[65].

Администрация тюрьмы несла прямую ответственность за жизнь заключенного. Это приводило к парадоксальным результатам: в одной и той же камере можно было найти заключенных, тяжело страдавших после пыток, и тех, кому в то же самое время регулярно выдавали лекарства от простуды, кашля и головной боли[66]. Администрация делала все возможное, чтобы воспрепятствовать самоубийству.

Пока тянулся допрос, доктора редко вмешивались в дело. Но потом они начинали лечить раны и переломы, полученные при допросах, хотя официальный диагноз был другим[67]. В провинциальных тюрьмах все выглядело по-другому: там прямо пытались установить — сколько заключенный может выдержать. В медицинских справках и, очевидно, в официальных отчетах откровенно говорилось об избиениях. Согласно В. Кравченко, так продолжалось и в начале 1938 года[68].

Взаимоотношения в камерах, если не считать стукачей, были, как правило, хорошими и доброжелательными, особенно в Москве. В воспоминаниях заключенных есть очень много рассказов о доброте и самопожертвовании. Венгерский коммунист Лендьел рассказывает, как одному заключенному его камеры, которого жестоко пытали, была на целый день предоставлена кровать. В этой камере, предназначенной для 25 человек, находилось 275. Каждый поделился с ним сахаром из своего рациона[69].

В тюрьмах читались лекции на самые разнообразные темы, рассказывались всевозможные истории. В каждой камере, вспоминает бывший заключенный Герлинг, был по крайней мере один летописец, исследователь тюремной жизни. Он целый день занимался тем, что собирал истории, обрывки разговоров, подслушанных в коридоре, сообщения из

газет, найденных в уборной, приказы администрации. Он следил за движением транспорта во дворе тюрьмы и даже прислушивался к приближающимся и удаляющимся шагам людей, проходивших мимо ворот[70].

Все без исключения люди, побывавшие в тюрьме, рассказывают, что знали ответственных работников, которые и в заключении сохраняли верность партии. Одни были убеждены, что Сталин и Политбюро ничего не знали о происходящем, другие считали себя не в праве решать подобные дела. Долг повелевал им подчиняться всем приказам партии, включая дачу показаний на суде.

Встречались и другие типы. В Бутырках в одну камеру были помещены сыновья пяти ответственных партийных работников. Четверо из них держались с наглостью, типичной для новой привилегированной молодежи. Они тут же отреклись от своих родителей и даже похвалялись этим. Порядочным парнем был только один — сын расстрелянного «лихача»[71] генерала Горбачева[72].

Заключенным разрешалось курить, но все игры были запрещены. Некоторые тайно играли в шахматы, вылепив фигуры из хлеба. В женских камерах Бутырок гадали на спичках. Обнаружив у кого-нибудь спички, надзирательница пересчитывала их. Всех женщин, у кого находили 41 спичку (количество, необходимое для гадания), наказывали[73].

Сообщают, что только в двух московских тюрьмах — Лубянке и Бутырках — можно было пользоваться книгами (впоследствии Берия разрешил игры и чтение). Библиотека в Бутырках была хорошо укомплектована по всем разделам: классика, переводы, история, научные издания. Это объясняется тем, что до революции в Бутырки помещали политических заключенных, а крупные издательства бесплатно отсылали в тюрьмы один экземпляр каждой изданной книги[74]. Библиотека на Лубянке состояла в основном из книг, конфискованных у заключенных.

Ежов установил более строгие правила. Он приказал завесить все окна ставнями, которые до сих пор называются

«ежовскими намордниками», так что оставалась видна только узкая полоска неба. (До этого ставни использовались лишь на Лубянке и в ленинградской тюрьме на Шпалерной)[75]. После суда над Бухариным были введены новые карательные меры. Ставни открывались только один раз в день на 10 минут. От сырости «хлеб покрывается плесенью еще до обеда. Стены наскозь прозеленели. Белье всегда влажное. Все суставы болят, точно их грызет кто-то»[76]. За самый малейший проступок (например, если у кого-то находили иглу) заключенного отправляли в карцер, где он получал 200 гр хлеба и кружку кипятка на день, не имел права носить верхнее платье, и три соединенные деревянные доски вместо кровати опускались только ночью[77]. В Ярославле в 1937 году карцеры делились на три категории. В карцере мягкого режима было светло, и заключенный был одет в обычную форму. Следующей ступенью была сырая грязная дыра в стене, где было холодно и абсолютно темно. Заключенный сидел в нижнем белье, получая один раз в день хлеб и воду. Гинзбург просидела там пять дней за то, что кто-то написал ее имя в комнате для умывания. Из карцера первой категории выходили «на скорый конец»[78].

В тюремных дворах были ликвидированы все деревья и цветочные клумбы. Заболоцкий пишет в стихотворении «Ивановы», что был лишен возможности видеть даже деревья — их заперли на замок. Одновременно были уволены все наиболее либеральные надзиратели — оставили только тех, кого заключенные не любили, предварительно отправив их на курсы «повышения квалификации»[79].

Во время допросов, когда расследовалось какое-нибудь важное дело, некоторых заключенных держали в так называемых «внутренних тюрьмах». Но кое-кто отбывал там и срок заключения. В обычных камерах люди жили и спали вповалку, на голых досках, в грязи и духоте, но все-таки здесь был коллектив: можно было поговорить или даже послушать лекцию специалиста на литературную или научную тему. Внутреннюю же тюрьму окрестили «могилой»[80]. Камеры были

чище и просторнее, каждый имел свою койку и даже постельное белье. Раз в месяц все белье, носильное и постельное, отдавалось в стирку. Но здесь было запрещено шуметь и даже громко разговаривать. Глазок в двери открывался каждые пять минут. С 11 вечера до 6 утра заключенный должен был находиться в постели, днем — сидеть, не облокачиваясь. Делать было абсолютно нечего. Бывший заключенный Вайсберг, сидевший в таком изоляторе на Украине, а потом в Москве, узнал о начале мировой войны только в конце октября 1939 года. Если в общих камерах находились тысячи и десятки тысяч людей, то во внутренних тюрьмах их бывало всего несколько сот.

В изоляторах перед сном нужно было раздеваться, а во время сна держать руки поверх одеяла. Говорят, эта мера была вызвана тем, что один заключенный умудрился сплести под одеялом веревку и повесился на ней. Во всяком случае, это была единственная возможность изготовить какой-то незаконный предмет[81]. Если надзиратель замечал, что во время сна заключенный спрятал руки под одеяло, он тут же входил в камеру и будил его.

Во внутренних тюрьмах было практически невозможно перестукиваться. На стук редко отвечали, опасаясь провокаторов[82]. В других местах это было распространено. Нередко при этом пользовались так называемой азбукой декабристов»[83].

В одиночном заключении на первый план выдвигались психологические проблемы. Вот какие советы дает бывший артист Большого театра Орловский, отсидевший в изоляторе 5 лет:

«Во-первых, вы должны полностью отрешиться от действительности — перестаньте думать о себе, как о заключенном. Вообразите себя туристом, который на время попадает в непривычную обстановку. Не признавайтесь самому себе в том, что условия здесь плохие, потому что они могут быть еще хуже, и вы должны быть к этому готовы. Старайтесь не вникать в повседневную жизнь изолятора — не слышать

его звуков, особенно ночью, не чувствовать его запахов. Старайтесь забыть о существовании часовых, не смотрите на них, не обращайте внимания на выражение их лиц. Перестаньте мечтать о том, что вскоре, возможно, вам удастся покинуть изолятор. Не пытайтесь вновь обрести свободу такими методами, как голодовка или признание своей вины, или мольбой о жалости. Перестаньте тосковать о друзьях, которых вы оставили на воле»[84].

Тюрьмы особой категории состояли из пяти-шести «политических изоляторов» — например в Суздале, Верхнеуральске, в Ярославле и Александровске «изоляторы» появились в самые первые годы советской власти. Тогда считалось, что это гуманный метод устранения из общественной жизни членов оппозиционных политических фракций, «левых уклонистов» и т.д. Еще в начале 30-х годов в этих тюрьмах с заключенными обращались мягче, но во время массовых репрессий они перестали быть исключениями. В пище, которую давали в 1937 году в ярославском изоляторе, вообще не было витаминов. «Утром хлеб, кипяток и два кусочка пиленого сахара. В обед — баланда и сухая, без всяких жиров, каша. На ужин — похлебка из какой-то рыбешки, тошнотворно пахнувшая рыбьим жиром»[85]. И все же эти тюрьмы сохранили свои отличительные черты. В них содержалось не более 400-500 заключенных. В Верхнеуральске были камеры, в которых сидело всего 10-25, а то и 3-8 человек, плюс несколько «одиночек». Обычно в этих изоляторах отбывали срок более важные политические заключенные, не подлежащие немедленной ликвидации — в том смысле, что они были нужны для новых процессов.

КРУПНЕЙШИЕ ЦЕНТРЫ

Три из пяти московских тюрем — Лубянка, Лефортово и Бутырки — были предназначены только для «политических». В остальных местах все сидели вперемежку. Крупнейшим цен-

тром пыток было Лефортово. В более ограниченных масштабах пытки проводились также на Лубянке и в «специальном отделении» Бутырок.

Тюрьмы кишели клопами. Исключениями были Лубянка и несколько тюрем в Киеве. Любопытно, что хотя немецкие концлагеря были, по свидетельству очевидцев, гораздо чище советских и санитарные условия в них были много лучше, того же никак нельзя было сказать о немецких тюрьмах. Например, в Берлинской центральной тюрьме было больше вшей, чем в тюрьмах московских[86].

В коридорах Лубянки было чисто, пахло карболкой и другими дезинфицирующими средствами. Это — самая известная тюрьма Советского Союза, примыкающая к Комитету Государственной Безопасности. В ней находились самые прославленные заключенные, она была свидетельницей исторических допросов и казней. Здание Лубянки находится всего в нескольких минутах ходьбы от Большого театра и других крупных туристских объектов, но посетителям Москвы на него редко указывают. Раньше здесь размещалось страховое общество. После того как старое здание, построенное в готическом стиле, перешло в руки ЧК, к нему был пристроен целый квартал. Пристройки были сделаны в два приема: одна часть выполнена в конструктивистском стиле 30-х годов, другая — в послевоенном «нарядном». Вся внешняя часть комплекса принадлежала Народному комиссариату внутренних дел. Тюрьма находится внутри двора. Это тоже старое здание: раньше здесь была гостиница, принадлежавшая страховому обществу. И хотя здание сильно перестроено изнутри, камеры выглядят гораздо приятнее, чем в других тюрьмах — с большими, хотя и прикрытыми ставнями, окнами. В Лубянке, вероятно, не более 150 камер, причем довольно небольших. Едва ли здесь могло находиться более 1000 узников одновременно.

Заключенных, чье поведение на предварительных допросах было «неудовлетворительным», переводили из Лубянки в Лефортово. Главным образом это были военные. О зверствах, чинимых в Лефортово, нет точных сведений. Но мы знаем,

что заключенные, которые попадали оттуда в Бутырки, считали побои и другие методы физического воздействия просто детской игрой по сравнению с тем, что им пришлось пережить раньше[87]. Лефортовская тюрьма была построена накануне первой мировой войны, и этим, очевидно, объясняются ее преимущества по сравнению с другими тюрьмами: уборные с унитазами находятся прямо в камерах.

Самая большая тюрьма, Бутырки, построена в XVIII веке. В нее бросали пойманных участников пугачевского бунта. Тюрьма состоит из бараков, примыкающих к центральной секции, так называемой «Пугачевской башне», где предводитель крестьян сидел, ожидая казни. В разгул сталинских репрессий в Бутырках было около 30 000 заключенных[88].

Генерала Горбатова пытали в Лефортово, а затем перевели в Бутырки, где, по его словам, жизнь была несравненно лучше. Хотя в камере, предназначенной для 25 человек, сидело 70, здесь каждый день выводили на получасовую прогулку. А в Лефортово — только на десять минут, да и то раз в два дня[89]. Во время прогулки заключенные шли парами, держа руки за спиной и опустив глаза вниз. Если кто-то делал движения руками или головой, его тут же одергивали[90].

Один из бывших узников Бутырок сообщает, что видел там женщин с новорожденными детьми[91]. Но вместе с ними сидели женщины, чьи дети, в том числе грудные младенцы, остались дома без всякого присмотра. Молодым матерям перевязывали грудь, чтобы молоко пропало[92]. Бутырская тюрьма была чище Таганки, где сидели и политические, и уголовники[93].

Километрах в двадцати-тридцати от Москвы находилась еще одна небольшая тюрьма, Сухановка, о которой стоит упомянуть. Заключенные говорили о ней со страхом и называли «дачей»[94]. Сухановка представляла собой одноэтажное загородное здание, состоявшее из нескольких изоляторов, где пытки были обычным методом разговора с заключенным. Говорят, что она была построена специально для всех тех, кто имел отношение к делу Рудзутака-Постышева. В этой

тюрьме правила соблюдались так строго, что надзиратели практически никогда не разговаривали с заключенными. В ней не было ни библиотеки, ни ларька.

Система ленинградских тюрем во многом напоминала московскую. Роль Лубянки играла тюрьма «Шпалерная», состоящая приблизительно из 300 камер. Бывшие заключенные вспоминают, что там была чистота и порядок. «Нижегородская» тюрьма была крупнее по размерам с несколькими одиночными камерами для особо важных заключенных. Общее число заключенных в тюрьме «Кресты», местном эквиваленте Бутырок, составляло 30 000 человек[95]. Была также специальная пересыльная тюрьма, где заключенные находились перед отправкой в лагеря. В камерах, предназначенных в царские времена для одного человека, сидело по шестнадцати. А туристам, приезжающим в Ленинград, показывают «пережиток проклятого прошлого» — Петропавловскую крепость, где до революции несколько политических заключенных жили в гораздо лучших условиях.

Вот в этих перечисленных нами тюрьмах (и других, разбросанных по всей стране), заключенные ожидали дальнейшей участи. В провинциальных тюрьмах, скажем, в Минске, Гомеле, Вятке или Вологде, условия были хуже, но зато правила соблюдались не так строго. Тут было больше бесцеремонной грубости, но с другой стороны — больше и шансов попасть к симпатичному «вертухаю», который мог даже предупредить о стукачах[96]. Как пишет Гинзбург — «чем грязнее тюрьма, чем хуже кормят, чем вольнее и грубее конвой и надзор, тем меньше непосредственной опасности для жизни»[97].

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Некоторых заключенных, только что прибывших в тюрьму, сразу вызывали на допрос; других, наоборот, оставляли на некоторое время в покое. За это время вновь прибывший

мог выяснить из разговоров с товарищами по камере, какое дело ему «пришьют». В начале Большого террора некоторые арестованные думали, что другие заключенные сидят заслуженно, а с ними самими произошло недоразумение. К 1937 году население в массе уже понимало, что жертвы репрессий ни в чем не виноваты. Новые и старые заключенные смотрели друг на друга как на товарищей по несчастью. Вероятность того, что кто-то из заключенных действительно совершил преступление, была очень мала. На Западе иной раз можно услышать мнение, что сталинский террор обрушился на многих невинных людей (а это непростительно!), но в то же самое время помог обнаружить действительных шпионов, засланных враждебными государствами. Владислав Гомулка думает по-другому. В ноябре 1965 года он заявил, что террор «только облегчил деятельность разведывательных служб империалистических держав»[98].

Если уж говорить о разведке, то Япония, Польша или Латвия, надо полагать, получили всю информацию, которая им требовалась. Не говоря уже о прямых операциях, возьмем хотя бы переход на сторону японцев начальника дальневосточного отдела НКВД Люшкова в 1938 году. Ясно, что это дало японцам неисчерпаемый источник информации. Люшков бежал, спасая собственную жизнь. Его побег был прямым результатом террора!

Среди шпионских дел есть только одно по-настоящему значительное — дело Конара, который до разоблачения был заместителем Народного комиссара сельского хозяйства. Конар работал на польскую разведку. В 1920 году он получил документы погибшего солдата Красной Армии, а через десять лет уже занимал свой ответственный пост. Он был разоблачен случайно — человеком, который когда-то видел настоящего Конара. В некоторых книгах есть упоминание о «настоящих» шпионах или людях, которые могли бы быть причастны к шпионажу[99]. Есть такой человек в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицына. Но подобные упоминания чрезвычайно редки. Обнаружение настоящего польского шпиона в

киевской тюрьме в 1939 году стало предметом искреннего удивления и гордости. А как только он признал свою вину, рассказывает Вайсберг, его стали избивать, чтобы выведать имена «причастных к делу» киевских партийных работников[100].

Почти все осужденные признавали, что в основе их дела лежала какая-то «объективная характеристика». Это могло быть социальное происхождение, нынешний или прежний пост, родственные связи или дружба с кем-то, национальность или связь с иностранным государством, деятельность в особых советских организациях. Таким образом, повод к аресту сразу становился ясен другим заключенным, товарищам по камере, но на допросах о нем никогда не упоминалось[101]. Арест мог быть вызван различными причинами — например, связями с заграницей, высоким военным положением и т.д., но в официальном обвинении состав преступления был непременно сформулирован по-другому. Эти причины не влекли за собой ареста *автоматически.* Можно хотя бы вспомнить немецких коммунистов, которых не арестовали, хотя они были политическими беженцами[102]. Арест зависел от разнообразных факторов.

Один харьковский колхозник объяснил свой арест тем, что за четыре года до этого его незаслуженно посадили. Органам НКВД пришлось признать ошибку и извиниться. «И после этого они решили, — рассказывает колхозник, — что я их возненавидел». Случай был далеко не единичным. В тот период сотни тысяч людей были арестованы только за то, что в прошлом по отношению к ним была допущена несправедливость[103].

Малейшая связь с заграницей и с иностранцами была верным способом угодить в тюрьму. Все те, кому довелось побывать заграницей — например, известные футболисты довоенного периода братья Старостины — к началу 40-х годов уже сидели в лагерях[104]. Профессор Калмансон, заместитель директора Московского зоопарка, получил образование за границей, и в камере его считали «шпионом». Вернувшись

с допроса, он с триумфом заявил другим заключенным, что на следствии был признан всего-навсего «вредителем» — за то, что 16% его обезьян умерло от туберкулеза. (Кстати, как отметил Калмансон, в Лондонском зоопарке смертность обезьян была выше). Но на втором допросе профессор действительно был обвинен в шпионаже — в пользу Германии[105]. Вполне естественно, любой советский человек, связанный с «друзьями Советского Союза» за границей, автоматически становился неблагонадежным. Очень опасными были организации, занимавшиеся развитием международной переписки. Один студент, например, был осужден как немецкий шпион за переписку... с английским коммунистом из Манчестера. При этом его письма представляли собой голую советскую пропаганду[106].

Прямой контакт с дипломатическими представителями иностранных государств почти всегда оказывался роковым. Были арестованы доктора, лечившие немецкого консула, и ветеринар, лечивший консульских собак. Даже сыну этого ветеринара не удалось избежать тюрьмы. Вместе с ним на Украине сидел сторож, который, как он рассказывал заключенным, был «братом женщины, носившей молоко немецкому консулу»[107]. Один поплатился свободой за то, что переписал на бумажку прогноз погоды, вывешенный в общественном парке, и передал бумажку польскому консулу[108].

В лагерях можно было встретить самых разных людей: оперную певицу, которая чаще, чем положено, танцевала с японским послом на каком-то официальном балу; кухарку, ответившую на объявление в «Вечерней Москве», а потом оказалось, что кухарка требовалась японскому посольству, и ее сразу арестовали[109]. Зимой 1937-38 годов были арестованы два инженера вместе с семьями. Один за то, что получил посылку от дяди из Польши: две пары обуви, две куклы и цветные карандаши. Второй поплатился десятью годами заключения за то, что был близким другом первого[110]. Доктор-грек был обвинен в шпионаже: в письме, отправленном родственникам в Салоники, он описал свойство какой-то рыбы,

которую разводили для борьбы с малярийными комарами[111]. В декабре 1937 года греков начали арестовывать повсеместно. Был, в частности, прочесан город Мариуполь, где якобы был раскрыт националистический заговор с целью создания на Украине греческой республики. В число арестованных попал один русский — профессор древнегреческого языка в Харьковском университете, который раньше год жил в Афинах. Премьер-министром греческой республики, как говорилось в обвинении, должен был стать... советник Центрального Комитета Украинской компартии по вопросам национальных меньшинств[112].

Китайцев также брали в массовом порядке. Одному из них предъявили следующее обвинение: он специально устроился работать водителем трамвая в Харькове, чтобы сбивать на перекрестках правительственные машины, везущие членов советского правительства[113].

В русских городах национальные меньшинства были практически ликвидированы. В сентябре 1937 года по всей Украине была устроена облава на армян. Их было взято 600 человек только в одном Харькове[114]. В том же месяце аресты посыпались на латышей. Была «раскрыта» тайная организация, которая якобы стремилась к созданию «Великой Латвии», простирающейся далеко вглубь русской территории и включающей в себя Москву[115].

Представители национальных меньшинств, больших и малых, были объявлены «буржуазными националистами». Вот что заметил по этому поводу один украинец: «Меня в любом случае должны были признать украинским буржуазным националистом. Сам я, правда, не имел ничего общего с украинским национализмом и никогда даже не симпатизировал этому движению. Но, во-первых, у меня была типично украинская фамилия и, во-вторых, среди моих знакомых были люди, симпатизирующие украинскому национализму»[116].

Интересно, что в этот период почти никому не инкриминировались по-настоящему реакционные взгляды. Осуж-

денные оказывались, как правило, меньшевиками, армянскими прогрессивными националистами «дашнаками», эсерами или уклонистами какого-то толка. И почти никогда — монархистами, кадетами и т.д.

Особенно опасной была связь с еврейским социал-демократическим «Бундом», и много осужденных евреев попало в две категории: бундовцев или сионистов. Один еврей, человек пожилой, выступавший защитником на ранних процессах в Донбассе, навлек на себя недовольство НКВД тем, что неоднократно запрашивал документы, которые, как он говорил, могли пригодиться при защите. Этот человек был достаточно искушен в судебных делах и вообще не стал защищаться, когда его самого забрали — он подписал все, не читая. Впоследствии он обнаружил, что был, оказывается, «главарем группы бундовцев», которая имела контакты с другими контрреволюционными организациями. Причем руководителем одной из этих организаций был секретарь местного обкома Саркисов, кандидат в члены ЦК. Однажды этому юристу сказали, что ему будет устроена очная ставка с сообщником по фамилии Абрамсон, о котором он никогда не слышал. Когда их свели вместе, следователь сказал: «Прекратите разглядывать друг друга так, как будто вы никогда раньше не виделись!». «Здравствуйте, Абрамсон» — произнес первый. «Здравствуйте, гм... гм...» — и члену бундовской группы пришлось подсказать фамилию «главаря». Затем оба они, не читая, подписали текст признания своей вины[117].

Настоящие бундовцы, как сообщают, всегда держались на допросах очень стойко. Они лучше разбирались в марксизме, чем следователи, и были больше закалены подпольной деятельностью в царское время, чем большевики.

Были арестованы все бывшие эсеры — социалисты-революционеры. Рассказывают, например, об одном харьковчанине[118], который в 1917 году примкнул к большевикам, но в 1905 распространял среди царских солдат эсеровские листовки. Он был тогда студентом, в партии эсеров не состоял, да и вообще не разбирался еще в разнице между ними и боль-

шевиками. Но любое инакомыслие, даже самое безобидное, обычно заканчивалось лагерем. «Свидетели Иеговы», скажем, попадали туда автоматически. К ним присоединялись слишком набожные представители дозволенных религий — как например, Алеша-баптист, о котором рассказывает Солженицын. Было арестовано много толстовцев. Один из бывших заключенных видел в тюрьме совсем старую толстовку: он рассказывает, что когда за этой женщиной пришли сотрудники НКВД, ее 12-летняя внучка набросилась на них, стараясь спасти бабушку от ареста[119].

Священникам всегда трудно жилось при советской системе. Но к концу 30-х годов они автоматически попадали под подозрение. Суды над духовенством проходили по всей стране. В журнале «Безбожник» рассказывается о крупном суде в Орле, в который были вовлечены епископ и 12 священников. Одно из предъявленных обвинений заключалось в издании молитвенников на старо-славянском языке[120].

Прочие обвинения были еще менее правдоподобны. Трое епископов были осуждены по обвинению в агитации за открытие закрытых церквей плюс в антисоветской деятельности[121]. Буддистов обычно объявляли японскими шпионами, которые занимались вредительством: то пытались взрывать мосты, то вредили, дескать, в колхозах[122]. «Деятельностью контрреволюционного мусульманского духовенства» тоже будто бы «руководила японская разведка»[132]. Затем «органы НКВД в 1937 году вскрыли и уничтожили немало шпионских гнезд, возглавлявшихся «святыми» ксендзами и пасторами». Этих людей обвинили во вредительстве на фабриках и заводах, мостах и железных дорогах, в «подрыве колхозов» и в шпионаже[124]. НКВД «раскрыло» также и «вражеское гнездо раввинов», которые в Москве «выполняли задания фашистских разведок»[125].

Если с национальностью, прошлым, политическими взглядами все было благополучно, то могли подвести связи. Репрессии, начавшиеся внутри партии, правительства и армии, шли вширь: у каждого осужденного были родственники и

знакомые, а у знакомых — свои родственники. Мы уже упоминали о четырех списках людей, подлежащих расстрелу, которые Ежов направил Сталину. Список № 4 состоял из «жен врагов народа»[126]. Мы рассказывали, как были ликвидированы или отправлены в тюрьму родственники репрессированных генералов. Военных обычно расстреливали быстрее, чем штатских, и без суда. В некоторых затянувшихся делах признания осужденных были получены в обмен на обещания не убивать членов семей. Иногда Сталин держал данное слово. Одна осужденная беженка повстречала в лагере 12 жен, двух дочерей, невестку и двух сестер крупных партийных работников, включая жену Ягоды[127]. Жены, как правило, получали по 8 лет.

Типичной жертвой следующей по значению категории был Салпетер, начальник охраны Сталина, латыш, который был арестован с женой. Она отказалась подписывать признание. Некоторое время спустя ей разрешили повидаться с мужем, который был в ужасном состоянии и пробормотал, что она якобы хотела снять портрет Сталина в их новой квартире (в бывшей квартире Ягоды). Она также получила 8 лет[128].

Жены руководящих советских работников медленнее всех привыкали к тюремной жизни. Им было особенно трудно. Им не в чем было признаваться, и они не могли даже опровергнуть обвинение — «жена врага народа»[129]. В отличие от мужей, они зачастую не представляли себе возможных последствий. В тюрьме они держались заносчиво и вначале не общались с другими арестантками, думая что те действительно в чем-то виновны[130].

Членам семей арестованных, оставшимся на свободе, приходилось почти так же тяжело. Бывший советский офицер Орлов рассказывает, что четверо детей казненных офицеров НКВД хотели покончить жизнь самоубийством. Детям было 13-14 лет, их нашли в полумертвом состоянии в Прозоровском лесу под Москвой[131]. Дочери заместителя начальника разведывательного управления Красной Армии Александра Карина

было 13 лет, когда в 1937 году расстреляли ее родителей. В квартиру Карина въехал один из подчиненных Ежова, а девочку выгнали на улицу. Она решила пойти к лучшему другу своего отца Шпигельглясу, заместителю начальника иностранного отдела НКВД, где ее приютили на ночь. На следующий день позвонил секретарь Ежова и буквально приказал выставить ее на улицу. Шпигельгляс помнил, что у девочки есть родственники в Саратове и направил ее туда. Через два месяца она вернулась — «худая, бледная, с глазами полными горечи. В ней не осталось ничего детского». Но это еще не все. Дочь Карина заставили выступить на пионерском сборе, публично назвать родителей шпионами и признать их казнь справедливой[132].

Жена репрессированного Смирнова (не известно точно, кому из трех осужденных Смирновых она приходилась женой) осталась с тремя детьми: 14 лет, 6 лет и двухмесячным младенцем. Дочери она говорила, что отец в отъезде, но старший сын знал, что произошло в действительности. Через некоторое время она была арестована сама, невзирая на ее отчаянную мольбу пощадить грудного ребенка. Смирнова отказалась отречься от мужа и получила обычный срок — 8 лет. Что случилось потом с детьми — неизвестно[133].

В харьковском тюремном лазарете Вайсберг видел детей, в том числе девятилетнего мальчика[134]. Когда в начале 1939 года в советской печати стали появляться сообщения об арестах отдельных работников НКВД, которые вымогали у подследственных ложные показания, обнаружилось, что в одном случае в Ленинске-Кузнецком (Кемеровской области) это было проделано с детьми вплоть до десятилетнего возраста[135].

Четыре работника НКВД и Прокуратуры получили по пять и десять лет заключения. В общем сто шестьдесят детей, главным образом в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, были арестованы и, после строгих допросов, признали себя виновными в шпионаже, террористических актах, измене и связях с гестапо. Добиться у них этих признаний было сравнительно нетрудно. Один десятилетний мальчик

капитулировал после одной ночи сплошного допроса и признал себя уже с семилетнего возраста членом фашистской организации. Аналогичные массовые процессы детей имели место и в ряде других городов [136]. Есть свидетельства, что дети репрессированных родителей даже создали свою организацию. Они планировали убить сотрудников НКВД, виновных в смерти их родителей [137]. Как заявил на XXII съезде КПСС И. В. Спиридонов, «репрессиям подвергались не только сами работники, но и их семьи, даже абсолютно безвинные дети, жизнь которых была надломлена таким образом в самом начале [138].

В следующую категорию «подозрительных лиц» входили все, кто был связан с производством — главным образом инженеры. Здесь не нужно было особых доказательств — всех поголовно объявляли диверсантами, невзирая на прошлые заслуги. 3 марта 1937 года, выступая на пленуме ЦК, Сталин заявил: «Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу» [139].

Шпиономания НКВД в промышленности, судя по всему, была искренней. «Органы» занимались не только арестами, но значительно расширили к концу 1935 года систему всякого рода надсмотрщиков и надзирателей на предприятиях, в исследовательских институтах и других учреждениях. Операция преследовала двойную цель: бороться с воровством и не допустить утечки «секретных материалов», многие из которых не были секретными даже по советским понятиям. В нормальном обществе подобная информация вообще не считается секретной. К этому времени в каждом советском учреждении уже существовал «Особый отдел», ведающий политической благонадежностью персонала и техническими секретами. В его сейфы каждый вечер запиралось все, что имело сколько-нибудь доверительный характер. Из опублико-

ванных в 1962 году «Итогов Всесоюзной переписи населения» следует, что в общее число трудящихся 78 811 000 человек входило не менее 2 126 000 надсмотрщиков и надзирателей, не считая милицию и НКВД. При этом шахтеров было всего 589 000, а железнодорожников — 939 000[140].

В этой обстановке любой инцидент или срыв на производстве автоматически расценивался как диверсия или вредительство. Из каждого отдельного случая вырастало «дело» в назидание другим — так же, как инцидент с Молотовым в Прокопьевске был раздут до покушения на его жизнь. Уже на процессе Пятакова осужденным были инкриминированы железнодорожные катастрофы. При этом Вышинский красочно и обстоятельно рассказывал об ужасах, постигших невинных пассажиров. На процессе Бухарина было заявлено, что падеж скота — результат сознательной деятельности заговорщиков. Шарангович сказал в своих показаниях: «В 1932 году была нами распространена чума среди свиней... В 1936 году в Белоруссии нами была широко распространена анемия... Вследствие этой меры пало... около 30 тысяч лошадей». Шарангович также «признался», что на некоторых предприятиях в Белоруссии, где он был первым секретарем ЦК — на текстильной фабрике, на цементном комбинате, на труболитейном заводе, на электростанции — по его распоряжению были предприняты диверсионные акты.

В осуществлении непосильных пятилетних планов срывы происходили то и дело. И даже если вина возлагалась на первого секретаря, то к делу обязательно привлекались и его подчиненные.

Советские методы планирования и отчетности превращали жизнь промышленных руководителей в пытку. Задания и сроки всегда были невыполнимы. Признать же невыполнение плана — значило сразу угодить в тюрьму, поэтому директора скрывали как могли истинное положение дел. Но это был заколдованный круг — в новом плане фиктивные цифры удваивались. Когда случался крупный провал, который невозможно было скрыть, находили козла отпущения. «Нас-

тупал кризис. Директор и несколько других начальников уезжали в лагеря, а пришедшие им на смену начинали действовать теми же методами. Система не оставляла им другой возможности» — вспоминает один из очевидцев[141].

Особенно трудно было наладить работу на новом предприятии. Директору автозавода им. Сталина Лихачеву пришлось руководить работой 25 тысяч человек в полной неразберихе, при острой нехватке административных кадров и сырья. Директор завода им. Молотова в Горьком Дьяконов надорвал здоровье еще до ареста. В 1938 году были арестованы руководитель автомобильной промышленности Дыбец и его заместитель. В том же году директор Металлургического завода в Свердловске старый большевик Семен Магрилов застрелился в своем кабинете. Он оставил длинное и резкое письмо, осуждающее зверства советского руководства. Все, кто прочел или мог прочесть это письмо, были арестованы и исчезли[142]. На железных дорогах были установлены поистине драконовские законы. В статью 59 Уголовного кодекса РСФСР были включены и преступления на железных дорогах, «влекущие за собой срыв (невыполнение) намеченных Правительством планов перевозок»[143]. Приводятся такие примеры: скопление порожних товарных вагонов или несвоевременная отправка поездов. Наказание — 10 лет, а при установлении злого умысла — расстрел.

«В целях личной карьеры и утверждения своего культа на транспорте Каганович надумал так называемую «теорию контрреволюционного предельчества», пользуясь которой он организовал массовое избиение инженерно-технических кадров. За короткий промежуток времени было снято с работы и впоследствии арестовано большинство начальников железных дорог и политотделов дорог, многие руководящие работники центрального аппарата и линии...»[144].

Что касается «вредительства», то аварии на железных дорогах в то время происходили каждые пять минут, и результатом было массовое уничтожение железнодорожных кадров. Мы рассказывали об этом подробнее в связи с про-

цессом Пятакова. В начале 1936 года Каганович объехал железные дороги Дальнего Востока. Вслед за ним, в марте, там побывала Военная Коллегия, которая вынесла в двух городах — Красноярске и Томске — 15 приговоров: 5 смертных и 10 к длительным срокам заключения. Основание — вредительство «в пользу иностранной разведки». И это было только начало. По словам Шверника, в своем выступлении на собрании железнодорожного актива 10 марта 1937 года Каганович говорил:

«Я не могу назвать ни одной дороги, ни одной сети, где не было бы вредительства троцкистско-японского... И мало того, нет ни одной отрасли железнодорожного транспорта, где не оказалось бы таких вредителей». При Кагановиче аресты работников железнодорожного транспорта проводились по спискам. Без всякого основания были арестованы его заместители, почти все начальники дорог, начальники политотделов и другие руководящие работники транспорта»[145].

10 августа 1937 года Каганович написал записку в НКВД, требуя ареста десяти ответственных работников в Народном комиссариате путей сообщения — на том основании, что поведение этих людей казалось ему подозрительным. Они были арестованы как шпионы и диверсанты и расстреляны. Шверник сообщил кроме того, что Каганович написал в НКВД по меньшей мере тридцать два письма с требованием ареста 83 руководящих работников транспорта[146].

Единственной железной дорогой, которой не коснулись повальные аресты в начале 1937 года, была Северодонецкая. Но в августе руководство этой дороги было вызвано в Москву, где получило указания выявить диверсантов. По подсчетам начальника локомотивной службы, на этой дороге из 45 тысяч рабочих и служащих в течение трех месяцев было арестовано около 1700. В середине ноября его самого вызвали в НКВД и задали вопрос: «Как вы предлагаете покончить с вредительством?» Но он не мог припомнить случаев вредительства — дорога работала очень хорошо. Он получил крупный нагоняй, а некоторое время спустя, 2 декабря, был арестован —

заодно с другими, без всяких обвинений, без ордера на арест. Через два дня после ареста его жену и шестилетнего сына выселили из квартиры. Всех арестованных этой группы, включая заместителя начальника дороги и начальников нескольких станций, допрашивали очень грубо и часто били[147].

В маленьких городах, например в Полтаве, были созданы специальные железнодорожные тюрьмы. Вагоны с арестованными железнодорожниками отгонялись на боковые ветки. Дела этих людей были в ведении разъездных военных судов, которые колесили по всей стране[148]. Почти все арестованные были объявлены японскими шпионами. Причина заключается в том, что в 1935 году СССР передал Китайско-Восточную железную дорогу Японии. Советские железнодорожники, которые ее обслуживали, вернулись в СССР. Если не считать дипломатов, то они были, вероятно, единственными людьми, побывавшими заграницей, то есть в высшей степени подозрительными элементами. Вместе с семьями их насчитывалось около 40 тысяч. Они, как утверждалось, растеклись по разным железнодорожным линиям и занялись вербовкой своих коллег в японскую разведку.

ОБРАБОТКА

Арестованный, будь он военным или представителем «бывшей» интеллигенции, украинцем или инженером, мог узнать из разговоров с другими заключенными, «какое дело ему пришьют». А это важно. На допросах НКВД придерживался такой практики: не говорить арестованному, в чем его обвиняют, дать ему возможность выработать самостоятельную версию. Если на первых допросах арестованный упрямился, ему, как правило, «помогали припомнить».

Статья 128 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР гласила до 1961 года, что человеку, находящемуся под следствием, обвинение должно быть предъявлено не позднее чем через 48 часов после ареста. Это требование не соблюдалось.

Более того, оно противоречило основному методу НКВД. Во многих случаях обвинение предъявлялось спустя несколько месяцев и даже лет. Или вообще никогда.

Иногда допросу предшествовала специальная подготовка. Венгерский коммунист Йожеф Лендьел рассказывает, как он был переден из обычной камеры в особую, еще более ужасную, чтобы «прийти в форму» перед встречей со следователем. В первой камере 275 человек жили «на, между и под 25 железными койками». Новая представляла собой «герметически закрытое пространство», где было влажно и жарко. Свежий утром хлеб был покрыт плесенью к полудню. У некоторых заключенных начались сердечные припадки. Другие сходили с ума. Сам он подхватил желтуху и какую-то накожную болезнь, от которой руки и ноги покрылись язвами. Когда Лендьел вернулся в прежнюю камеру, товарищи его не узнали[149].

Женщина-учительница, просидевшая 40 дней в одиночном заключении в темноте, также вернулась в камеру неузнаваемой[150]. Она попала в тюрьму за то, что она обратилась к Британскому консулу за визой. Ее заставили признаться в том, что она намеревалась стать членом иностранной разведки. Еще хуже была «нора» на Лубянке — настоящая черная дыра, как пишет критик Иванов-Разумник. «Норой» называли темное и душное помещение в подвале размером около 25 квадратных метров, где не было никакой вентиляции, за исключением щели под дверью. Туда загоняли по 60 человек и держали неделю, а иногда и больше. У всех начиналась тошнота и сильное сердцебиение, многие страдали также экземой[151]. «Нора» была разновидностью знаменитой «парилки», которой пользовалось ОГПУ в двадцатых годах. Евгения Гинзбург рассказывает также о «стоячей камере» — узкой щели, где можно было только стоять. Заключенный стоял, прижавшись к стене, руки по швам — совершенно как замурованный. Один из секретарей татарского обкома простоял так два дня и потерял сознание[152].

На допрос почти всегда вызывали ночью. Надзиратель

входил в камеру и называл букву — первую букву фамилии. Все заключенные, чьи фамилии начинались на эту букву, должны были отозваться. Они по очереди выкрикивали свои фамилии, пока не отзывался тот, за кем пришли. Его уводили[153].

В воспоминаниях всех, кому довелось побывать в центральных тюрьмах, фигурирует такой факт: ведя заключенного по коридорам, надзиратели все время постукивали пряжкой ремня или просто щелкали языком. Это делалось для того, чтобы предупредить о своем приближении. Согласно инструкции, заключенный не должен был никого знать в лицо за пределами своей камеры. Если двое заключенных встречались в коридоре, одному приказывали повернуться лицом к стене. Во дворе Бутырок были специальные будки, похожие на будки часовых, куда можно было быстро втолкнуть заключенного, если навстречу шел кто-то другой. Лестничные пролеты были защищены сетками — на случай попытки к самоубийству.

Наконец, заключенного приводили в кабинет следователя. Все обычно начиналось с вопросов: «Знаете, где вы находитесь?... Вы находитесь в помещении центрального аппарата советской разведки... Как вы думаете — зачем вас сюда привели?» и т.д. Бывало, что в первые минуты следователь держался довольно вежливо. Но затем требовалось подписать признание вины. Если заключенный ничего собой не представлял и о подготовке к публичному процессу не было речи, признание становилось формальностью. Простой и ужасной формальностью. Оно должно было соответствовать уже готовому в общих чертах приговору. Личность арестованного больше никого не интересовала, но от него требовалось еще одно — назвать своих сообщников.

Допрос почти всегда начинался не с обвинения, а с вопроса: каковы ваши собственные предположения о причине ареста? Если рассказ арестованного выглядел невинно, применялись более грубые методы. Говорят, что следователи сталинского времени использовали список вопросов, составленный Святой Инквизицией в XVI веке[154]. По методу, который

был известен среди работников НКВД как метод Ежова, задача «состряпать дело» возлагалась на самого арестованного. Во всяком случае, он должен был сам выбрать главную линию. Заключенные приобрели большой опыт и всегда могли помочь новенькому составить подходящую версию. Это избавляло от лишних неприятностей и его самого, и следователя[155].

У следователей были свои приемы. Иногда они начинали допрос сдержанным и даже грустно-располагающим тоном, а потом вдруг разражались ругательствами. Мат был обычным явлением. На некоторых заключенных это действовало.

Многие следователи НКВД сознавали абсолютную лживость обвинений и иногда даже признавались в этом. Другие утверждали, что во всех обвинениях есть «зерно правды», и этого им было достаточно, чтобы оправдаться перед самим собой[156]. Такие взгляды характерны, главным образом, для раннего поколения работников НКВД. Потом эти люди сами были ликвидированы. Им на смену пришли свежие, выкованные Сталиным кадры, которые, казалось, больше верили в виновность осужденных.

Некоторым, наиболее стойким обвиняемым удалось пережить не одного следователя (двое заключенных сообщают, что за время их допроса сменилось десять человек). Репрессии внутри самого НКВД и частая смена следователей ободряюще действовали на моральный дух заключенных[157].

Обращение с арестованными офицерами НКВД было хуже, чем с остальными. Они с большим пессимизмом смотрели на возможность благополучного исхода их дела и, как вспоминают очевидцы, «держались упрямо, не хотели ни в чем признаваться, потому что знали, что их ожидает»[158]. На допросах они нервничали сильнее других, ожидая, что в любую минуту их могут казнить.

Основные технические приемы допросов были рассмотрены в пятой главе настоящей книги. Здесь можно сказать, что в обычных делах главным методом оставался «конвейер» с периодическим рукоприкладством. Вот типичный случай:

девушку — секретаршу директора фабрики арестовали, обвинив в причастности к гнезду троцкистов-диверсантов. Двое суток ее держали стоя с небольшими перерывами, а потом следователь схватил ее за горло и начал душить. В результате она подписала признание, которое позволило НКВД арестовать ее начальника и еще 30 с лишним работников фабрики[159].

Конвейер мог сломить любого за 4-6 дней, но большинство выдерживало только 2 дня. Наконец, наступил момент, когда темпы репрессий опередили производственную мощность следственных органов, и тогда был введен более простой метод избиения. Дата этого нововведения в Москве, Харькове и других местах известна точно: 17-18 августа 1937 года. В эту ночь — вспоминает один из заключенных тюрьмы «Холодная гора» — мы залепляли уши хлебом, чтобы уснуть — невозможно было слышать крики избиваемых женщин[160]. В Казанской тюрьме одной из первых жертв нового метода стала жена председателя Совнаркома Татарской АССР[161]. В Бутырках в это лето был освобожден для ночных допросов целый этаж одного крыла. С 11 часов вечера до 3 часов утра женщины в расположенных поблизости камерах не спали — стоял страшный шум. «Над волной воплей пытаемых плыла волна криков и ругательств, изрыгаемых пытающими. Одна молодая женщина чуть не сошла с ума, думая, что узнала голос своего мужа», — рассказывает Гинзбург[162].

Следователи поддерживали видимость местной инициативы. В ход шли сапоги, кулаки и ножки столов. Но Сталин и Ежов не опасались больше нареканий внутри партии, и широко известные факты официально скрывались более из приличия, нежели по другим мотивам. Сталин, судя по всему, дал официальное указание о применении пыток еще в начале 1937 года. Тогда эта инструкция осталась секретной, о ней не узнали даже секретари обкомов. Но после падения Ежова, как сообщил XX съезду Хрущев, «руководители партийных органов с периферии стали обвинять работников НКВД в том, что к арестованным применялись методы физического воздействия», и Сталин подтвердил прежнее ука-

зание, и пост фактум и на будущее, в шифрованной телеграмме от 20 января 1939 года[163].

Есть указания на то, что НКВД все же соблюдал некоторые формальности. Методы допроса были, понятно, прямым нарушением закона, но заявления, подписанные заключенными, уничтожались редко. Они подшивались к делу[164]. Берия, придя к власти, обнаружил в делах зафиксированные прокурорами жалобы на «незаконные методы следствия», и Генеральный прокурор СССР Вышинский дал указание впредь подобного не допускать. Некоторые заявления заключенных сохранялись после этого в особой папке, но не подшивались к судебным делам[165].

Вне зависимости от методов допроса, признания были более или менее однотипны и редко выходили за рамки, прочно установленные еще в 1931 году. Один хирург сознался в намерении отравить реку Днепр. Юрист сначала сознался, что взорвал мост, потом — что вынашивал террористические планы, и, наконец, в том, что он японский шпион. Инженер-электрик собирался мобилизовать артиллерийскую батарею, чтобы расстрелять рабочие кварталы Днепропетровска. Другой арестованный «признался», что встречался с президентом Франции Пуанкаре[166].

Один из руководящих работников лесной промышленности на Украине был арестован в начале тридцатых годов в связи с процессом Промпартии. Он «сознался», что умышленно не выполнял план лесозаготовок, так как стремился к восстановлению прав бывших помещиков и хотел сохранить принадлежавшие им леса. Он получил 10 лет, но, подобно многим другим, связанным с делом Промпартии, через год был освобожден и восстановлен на работе. При повторном аресте он «признался», что приказал вырубить слишком много деревьев, чтобы погубить леса. Другой работник лесной промышленности подписал обвинение, согласно которому он приказал прорубить в лесах дороги для входа польских и немецких танков[167].

Одну художницу по керамике обвинили в апреле 1936

года в том, что она исподтишка вписывала знак свастики в узор на чайных чашках, а также держала под матрацем два пистолета с целью убить Сталина[168]. Инженер-еврей поплатился свободой за то, что спроектировал здание исследовательского института «в форме полусвастики», потому что придерживался нацистской идеологии[169]. Другая художница — тоже керамистка — сделала эскиз пепельницы, которая по форме напоминала, если внимательно присмотреться, шестиугольную звезду Давида. Ее арестовали, а всю партию пепельниц уничтожили[170]. Артур Кестлер рассказывает о немецком докторе-коммунисте, которому предъявили три обвинения: прививку венерических заболеваний, распространение слухов о неизлечимости этих заболеваний и ... шпионаж в пользу Германии[171]. Профессор Киевского университета Белин также был объявлен шпионом — в своем учебнике он привел данные о глубине Днепра в различных местах. Другой профессор — еврей, бежавший из Германии — «передал немецким агентам данные о судоходстве по реке Обь». Третий был связан с японской разведкой — он передавал сведения о «политических взглядах еврейских детей»[172]. Киевский рабочий сознался в намерении взорвать мост через Днепр (длиной в километр) с помощью нескольких килограммов мышьяка, но ему пришлось отказаться от своих планов из-за дождливой погоды[173]. Евгения Гинзбург пишет о женщине средних лет, с виду похожей на прачку, которую обвинили в общении с иностранцами, посещении дорогих ресторанов и попытках соблазнить советских дипломатов с целью выведать у них секреты. «...Это ведь был июль 1937 года, и никто уже не заботился даже о тени правдоподобия в обвинениях»[174].

Б. Дьяков приводит еще более любопытный случай: один старый большевик отсидел пятнадцать лет за то, что сам себя убил. НКВД утверждал, что он выкрал документы погибшего человека и стал выдавать себя за него. Обвиняемый привел свидетельницу, которая знала его с раннего детства, но ее даже не стали слушать. Его осудили за «террор»[175].

Когда назревало крупное дело, некоторые местные следователи пытались нагреть на нем руки: они начинали отыскивать «сообщников» из числа своих же заключенных. После суда над Тухачевским младший следователь пытался вовлечь своего подследственного Вайсберга в «дело рейхсвера», то есть сфабриковать новый военный заговор. Его начальник, со своей стороны, хотел выставить Вайсберга свидетелем на процессе Бухарина, что было более логично, так как с Бухариным Вайсберг, по крайней мере, встречался[176].

Пятьдесят украинских студентов обвинили в создании организации с целью убийства Косиора. Ранее, на крупных московских процессах, Косиор был назван в числе главных жертв, намеченных заговорщиками. Следователи работали над этим сложным делом целый год. Но в 1938 году стало известно, что сам Косиор арестован как троцкист — и все решили, что студентов выпустят. Но начались новые допросы. Для начала студентов избили за дачу ложных показаний органам НКВД. Через несколько дней стукачи в камере намекнули, в чем следует сознаться на этот раз: нужно было изменить объект покушения, назвав вместо Косиора Кагановича. НКВД не хотел заниматься составлением нового дела с самого начала: проще было «провести» студентов по готовым материалам, заменив лишь фамилию жертвы. В конце концов все как-то утряслось, и студентов... отправили в лагеря[177].

Некоторые заключенные особенно тяжело переживали необходимость выдать «сообщников», то есть запятнать ни в чем не повинных людей. Один армянский священник, обладавший прекрасной памятью, назвал сообщниками всех соотечественников, которых он похоронил за последние 3 года. Новичку иногда подсовывали в камере список еще «неиспользованных» покойников[178]. Выдавать тех, кто был уже арестован или осужден, не считалось низостью.

Но следователей редко удавалось провести такими уловками. Большинство арестованных так или иначе бросали тень на своих знакомых или сослуживцев, чьи имена им называли на допросе (эти люди уже были на подозрении в силу того, что знали заключенного).

В основной своей массе офицеры НКВД вели себя как привередливые, самодовольные, безжалостные бюрократы. Они обращались с заключенными, как со скотом — о сочувствии не могло быть и речи. Но бывали и исключения, свидетельствующие о том, что даже в этих условиях исконная русская человечность неожиданно прорывалась наружу. Двое бывших заключенных отмечают, что «среди работников НКВД всех уровней, от простого надзирателя до начальника тюрьмы и даже самих следователей, встречались люди, которые нередко шли на нарушение правил. Рискуя собственной свободой, они отыскивали возможности, чтобы улучшить участь заключенных, тайно передавали им продукты и сигареты или старались ободрить словом[179].

Очевидец рассказывает, что в Бутырской тюрьме с командиром РККА Васильевым был однажды такой случай: «Когда окровавленного Василька — это прозвище дали ему его сокамерники — отводили с допроса в камеру, дежурный по коридору сжалился над ним и вместо того, чтобы ввести его сразу в камеру, открыл ему дверь в уборную, где он мог бы смыть кровь под краном умывальника. Василек подставил голову под кран — и рыдал, не столько от боли, сколько от пережитых оскорблений и издевательств, а дежурный стоял и смотрел на него, по-бабьи подперши щеку ладонью. — «Эх, товарищ, не сокрушайтесь! Всем не сладко живется, а терпеть надо. Ну избил он вас почем зря, а вы пренебрегите: его черной душе теперь может еще хуже, чем вашему белому телу. Кровь-то вот вы сейчас с себя смоете, а ему в какой воде свою черную душу отмыть?». Мы удивились: избитый Василек вошел в камеру спокойный и чуть не веселый: так утешил и обрадовал его неожиданный монолог дежурного...»[180].

Одна немецкая коммунистка вспоминает, что когда ее вместе с другими заключенными загнали в вагон для отправки в лагерь, часовой взглянул на нее и сказал: «Зачем плачешь? Там будет не так уж страшно. Останешься жива и еще вернешься домой». (Позднее эту женщину передали нацистам.

Она пишет, что среди гестаповцев также встретила несколько добрых и заботливых людей)[181].

В 1937 году среди раннего поколения офицеров НКВД еще сохранялись люди, которые сочувственно относились к старым большевикам. Антонине Левкович, арестованной в 1937 году «жене врага народа», не раз приходилось встречаться с добротой, хотя обычно это ни к чему хорошему не приводило. Высланная с группой женщин из Москвы в Киргизию, она встретила в Джамбуле работника НКВД, который старался спасти ее и высланных с нею женщин от голода. Он был обвинен в «непозволительной жалости к женам врагов народа» и застрелился, чтобы избежать ареста[182].

Не так давно в советской печати стали появляться рассказы о сотрудниках НКВД, которые пытались протестовать против репрессий (это был период благосклонного отношения к милиции и органам безопасности). Можно взять для примера историю казаха Севикгали Джакупова. Он выдвинулся в ЧК как непримиримый и безжалостный участник борьбы с басмачами в Средней Азии. В 1935 году, когда «сложная международная обстановка тех лет и целый ряд других причин привели к тому, что началась роковая стрельба по своим», его назначили на один из ведущих постов в НКВД Казахстана. Протест Джакупова был вызван судьбой его личного друга, казахского поэта Сакена Сейфуллина. Джакупов протестовал против казней даже на открытых заседаниях. После ареста в 1937 году он продолжал писать письма Сталину, Ежову и Вышинскому, защищая своего друга и других. Его ликидировали в январе 1939 года[183].

О таких случаях не следует забывать. Но они являются редчайшими исключениями. Нормой была безжалостная жестокость или в лучшем случае — тупое безразличие к смерти и страданиям. Гинзбург пишет, что «не все они были садистами. И только единицы нашли в себе мужество покончить самоубийством. Шаг за шагом, выполняя все новые очередные директивы, они спускались по ступенькам от человека

к зверю »[184]. Офицерам НКВД, у которых сохранились остатки совести, не удалось пережить чистку наркомата, предпринятую Ежовым. В аппарат влилась новая струя хорошо обученных, откормленных, бессердечных гангстеров. Они твердо усвоили, что любое проявление сочувствия — уступка буржуазным настроениям, форма предательства в классовой борьбе. Репрессии развивались вширь и вглубь.

РАЗБОР ДЕЛА

По окончании допроса дела направлялись в юридические или полуюридические учреждения. С 1934 года политические дела находились в ведении Военной коллегии Верховного суда. Коллегия располагала огромным штатом и могла рассматривать несколько дел одновременно. На высокопоставленного государственного служащего или генерала уходило всего несколько минут. Евгения Гинзбург вспоминает, что на разбирательство ее дела в 1937 году потребовалось ровно семь минут. Затем суд удалился на две минуты и зачитал приговор. По ее подсчетам, печатание этого приговора на машинке должно было занять все же минут двадцать[185].

В годы массового террора Коллегия «провернула» таким образом десятки тысяч дел. А эти десятки тысяч составляли очень незначительный процент общего числа заключенных.

Судебное разбирательство велось на основе Уголовного кодекса, статья 58 которого охватывала все виды преступлений, имеющих какой-то, хотя бы самый отдаленный политический характер. Статья 58 была достаточно емкой (так, во всяком случае, считал суд), чтобы подвести под нее любого человека, которого НКВД хотел репрессировать. Она использовалась самым наглым образом. Постановление Верховного суда от 2 января 1928 года внесло изменение в формулировку контрреволюционных действий. С тех пор по ней можно было привлекать к ответственности и в тех случаях, когда совершивший эти действия хотя и не ставил прямо контрреволюционной

цели, однако сознательно допускал совершение или должен был предвидеть общественно опасный характер последствий своих действий [186]. Понятие террора также было постепенно расширено, в него включалось нападение не только на партийных работников, но и на членов содействия проведению комиссий хлебозаготовок (1930), ударников (1931) и пионеров (1934) [187].

7 августа 1932 года был введен закон о смертной казни за различные преступления против государственной собственности. На практике суд мог растянуть рамки этого закона еще дальше — такая инициатива приветствовалась [188]. К вредительству был причислен, например, сбор колосьев, оставшихся на поле после уборки. Раньше крестьянки подкармливали таким образом семью, а теперь автоматически получали 10 лет.

Зам. Ген. прокурора СССР Н. В. Жогин в 1965 году писал, что Вышинский «предложил квалифицировать умышленные поджоги имущества, принадлежавшего государству или общественным организациям, независимо от мотивов и целей, по статье 58-9 УК РСФСР (диверсия). Следовательно, по статьям о государственных преступлениях должны были квалифицироваться и такие действия, которые были предприняты без контрреволюционного умысла (например,поджог по мотивам неприязненных отношений, мести и т.д.). Вышинский заявил, что не существует общеуголовных преступлений, что сейчас эти преступления превращаются в преступления политического порядка. Он предложил пересмотреть общеуголовные дела в целях придания им политического характера» [189].

Тот же Жогин далее конкретизирует: «Вышинский требовал обязательно искать контрреволюционный умысел по всем уголовным делам о недостатках, связанных с уборочной кампанией. По его мнению, недостатки уборочной кампании во многих случаях вызывались деятельностью вредителей, которых необходимо было «обезвредить». Так, в 1937 году во время уборочной кампании было выявлено заражение

ряда сельскохозяйственных культур клещом. Это заражение приписывалось деятельности вражеских контрреволюционных элементов, в связи с чем было возбуждено большое число уголовных дел. Многие обвинения в связи с заражением злаков клещом были совершенно необоснованы. Между тем Вышинский потребовал от прокуроров, чтобы они настаивали на применении суровой меры наказания по всем уголовным делам, возбужденным в связи с заражением сельскохозяйственных культур клещом»[190].

Когда дело доходило до суда, пишет Жогин, Вышинский «неоднократно утверждал, что в уголовном процессе вполне достаточна вероятность выводов о виновности. Поучая прокуроров «искусству распознавания вредителей», Вышинский утверждал, что это достигается не путем всесторонней, полной, объективной оценки собранных по уголовному делу доказательств, а «политическим обонянием»[191]. Вышинский заметно упростил судебную процедуру, заявив: «без особой нужды незачем повторять то, что было установлено на предварительном следствии»[192].

Результаты были самыми невероятными. Одна женщина получила 10 лет по статье 58 (пункт 10) за то, что сказала после ареста Тухачевского, что он был красивый мужчина[193]. Художник лишился свободы на 5 лет, добавив букву «у» к имени Сталина в надписи «Жить стало лучше, жить стало веселее. Сталин». Получилось — ... Сталину[194]. Человека, знавшего, но не донесшего о преступлении, рассматривали как соучастника. Даже в мелких делах, где обвиняемого присуждали к 6 годам, за укрывательство можно было получить 3 года по статье 58-12[195]. Один одессит получил три года за то, что «сочувственно улыбался», в то время как пьяные грузчики за соседним столом рассказывали друг другу антисоветские анекдоты[196]. Одна татарка, которая вначале значилась как троцкистка, была переименована в «буржуазную националистку» на том основании, что «по троцкистам у НКВД план перевыполнен, а по националистам они отстали, хоть и взяли многих татарских писателей»[197]. Одного 22-лет-

него математика, совершенно не интересующегося политикой, репрессировали за то, что его мать — старая эсерка — попала в 1937 году в облаву и была арестована. Сам он родился в царской тюрьме[198].

Однако в суд попадала только небольшая часть дел. В статье 8 Исправительно-трудового кодекса говорится, что «лица, приговоренные к заключению в исправительно-трудовые лагеря, направляются туда а) по приговору суда; б) по постановлению административного органа». Под последним обычно имелось в виду Особое совещание НКВД, созданное постановлениями от 10 июля и 5 ноября 1934 года. Один заключенный, отсидевший 6 лет в двух лагерях и нескольких тюрьмах, подсчитал, что приблизительно 90% политических заключенных были приговорены Особым совещанием[199].

Оно состояло из заместителя Наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД в РСФСР, начальника Главного управления милиции и Наркома внутренних дел той союзной республики, на территории которой «совершено преступление». На заседаниях должен был также присутствовать Генеральный прокурор СССР или его заместитель[200]. Особое совещание, судя по всему, выносило сотни приговоров ежедневно.

В начале его приговоры не должны были превышать 5-летнего срока, но вскоре это ограничение было либо отменено, либо забыто. Упоминаются сроки в 8 и даже 10 лет[201]. Но если заключенных, приговоренных судом, часто выпускали на свободу по отбытии срока, приговоренные «ОСО» автоматически получали дополнительный срок. Оформлением документации занималась Москва, и затем местный представитель Особого отдела НКВД зачитывал приговор прямо в лагере.

С августа 1937 года в провинции стали действовать так называемые «тройки». Это был внесудебный орган, чьи функции напоминали деятельность чрезвычайных трибуналов во время гражданской войны. Тройка состояла из первого секретаря местного партийного комитета, представителя НКВД и прокурора. В отличие от ОСО, у нее были полно-

мочия выносить смертный приговор. Тройки действовали целиком по своему усмотрению — даже без формальных ссылок на Уголовный кодекс.

На рассмотрение Особого совещания обычно выносились дела, «по которым не было собрано доказательств, достаточных для предания обвиняемого суду»[202].

Кроме того, «дела рассматривались заочно. Следовательно, лицо, привлекавшееся к ответственности, было лишено возможности защищаться от обвинения. Этим нарушались не только права и законные интересы обвиняемого и других участников процесса, но и создавались условия для преднамеренного вынесения необоснованных приговоров с жестокими мерами наказания»[203].

Хотя суды и истолковывали статьи Уголовного кодекса весьма свободно, Особое совещание в большинстве случаев считало и такое истолкование чересчур ограниченным. Статья 58 обычно служила «основой». В дальнейшем обвиняемые распределялись по следующим категориям:

КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность — обычный приговор 5-10 лет.
КРД – контрреволюционная деятельность — обычный приговор 5 лет и более.
КРА – контрреволюционная агитация — обычный приговор 5 лет и более.
ЧСИР – член семьи изменника родины — обычный приговор 5-8 лет.
ПШ – подозрение в шпионаже — обычный приговор 8 лет.

Последний случай является уникальным в мировой истории права.

Существовали еще две категории, к которым заключенный мог быть причислен лично прокурором. В этом случае дело даже не рассматривалось Особым совещанием, и заключенного сразу направляли в лагерь:

СОЭ – социально опасный элемент — обычный приговор 5 лет.

СВЭ – социально вредный элемент — обычный приговор 5 лет[204].

Право налагать наказание, когда состав преступления фактически отсутствует, изложено в статье 22 «Основ уголовного законодательства»:

«Наказание в форме ссылки может быть наложено постановлением прокурора в отношении лиц, признанных социально опасными, без возбуждения против этих лиц уголовного дела по обвинению в совершении конкретного преступления или проступка. Наказание может быть наложено в тех случаях, когда эти лица были оправданы судом и признаны невиновными в совершении конкретного преступления»[205].

В начале 1937 года подсудимые отделывались довольно легкими приговорами. Вот типичный случай КРТД: арест электрика, который раньше лично знал нескольких троцкистов и в чьей квартире во время ареста было обнаружено первое издание «Истории гражданской войны» (в нем, конечно, были факты, свидетельствующие о важной роли Троцкого в тот период). Срок — 3 года[206]. Другой подсудимый, бывший троцкист, получил более длительный срок за то, что 1 декабря 1934 года приехал из Москвы в Ленинград[207]. Человек, у которого нашли стихотворение о Лионе Фейхтвангере и Андре Жиде, также получил три года — КРА[208]. Профессор астрономии, который противился браку своей дочери с работником НКВД, получил пять лет — КРА[209]. Типичный случай категории ПШ — профессор, который в 1915 году был захвачен в плен в Австрии. Это было его единственным преступлением[210].

Постановление от 14 сентября 1937 года[211] дало возможность налагать наказание за контрреволюционную деятельность без всякого соблюдения судебных норм. Приговоры стали строже. Более того — дела арестованных в 1933 и 1935 годах подвергались, по образному выражению того времени, «переследствию», с тем чтобы, как говорили следователи,

мягкие приговоры (3-5 лет) «перевести на язык тридцать седьмого года»[212].

Заключенный не присутствовал на суде Особого совещания и ничего о нем не знал. После суда ему при случае вручали приговор.

По мере накопления дел усиливалась неразбериха. Некоторых заключенных нельзя было отправить в лагеря, потому что на них не поступило документов. Говорят, что в Бутырках для таких заключенных было выделено целое крыло. Их судили группами, и у судьи не хватало времени оформить личные дела[213].

Смертные приговоры составляли не более 10% от общего числа[214]. Обычно вся камера знала о предстоящей казни, потому что в таких случаях за арестованным приходил офицер НКВД в сопровождении нескольких надзирателей. Иногда арестованному давали время проститься с остальными и раздать оставшееся имущество, главным образом одежду.

Выступая на XXII съезде КПСС, Спиридонов заявил, что «многие люди были уничтожены без суда и следствия»[215]. Но сам Вышинский был сторонником этого метода. Он неоднократно повторял, что «если ставить вопрос об уничтожении врага, то мы и без суда можем его уничтожить»[216]. На самом же деле до 1937 года без суда казнили немногих, если не считать ликвидацию оппозиционеров, уже находившихся в лагерях. Первые удары обрушились, судя по всему, на иностранцев, живущих в СССР, включая тех, кто уже получил советское гражданство. У них не было влиятельных защитников внутри партии, и их было легче обвинить в контактах с зарубежной разведкой. Их начали ликвидировать с конца 1936 года.

Подвалы Лубянки, где совершались казни, были разделены на отдельные комнаты, расположенные вдоль коридора. Позднее, когда казни стали неотъемлемой частью тюремной жизни, в одной из этих комнат заключенный снимал тюремную одежду и переодевался в специальное белье. Затем его приводили на место казни и убивали выстрелом в затылок

из автоматического пистолета. Врач подписывал последний документ, прилагаемый к делу, — свидетельство о смерти. После этого из комнаты выносили кусок брезента, специально положенный на пол. Его регулярно мыла уборщица, которую держали для этой цели[217].

Так было везде. В Горьком, например, в годы самого страшного террора из здания НКВД на Воробьевке выносили ежедневно от 50 до 70 трупов. Один арестант постоянно занимался тем, что белил стены в камерах заключенных сразу после того, как их увозили на расстрел в управление НКВД. Он замазывал фамилии, нацарапанные на стенах[218].

Распространенной формой приговора было «заключение без права переписки». А это дает все основания полагать, что число уничтоженных людей было больше, чем приговоренных к казням, ибо о заключенных, отбывающих срок по этому приговору — в лагерях или в тюрьмах — нет абсолютно никаких сведений. С другой стороны, в массовых могилах в Виннице были найдены трупы людей, получивших именно этот приговор (см. приложение А).

Между тем, репрессии продолжались, все глубже и глубже вгрызаясь в каждый общественный слой. Теперь на очереди была рабоче-крестьянская масса (до этого простые рабочие и крестьяне часто фигурировали как соучастники вредительства). Большинство крестьян и неквалифицированных рабочих, как пишет один из очевидцев тех лет, отделывались простыми показаниями — вроде того, что они занимались контрреволюционной агитацией, распространяя слухи о недостатке продовольствия или керосина, о низком качестве обуви, выпускаемой советскими фабриками, и т.д. Этого было достаточно, чтобы приговорить подсудимого к 3-7 годам принудительных работ по статье 58[219].

Воспоминания очевидцев изобилуют рассказами вроде следующего:

В сентябре 1937 года в харьковскую тюрьму неожиданно привезли 700 колхозников. Начальство тюрьмы не имело понятия, за что они арестованы. Колхозников избили,

чтобы заставить их хоть в чем-то сознаться. Но они не могли сказать ничего путного — они сами ничего не знали. Тогда быстро состряпали дело. Обвинения были довольно просты: большинство заставили признаться в контрреволюционной агитации и в диверсиях. Например, в намерениях отравить колодцы, поджечь амбары, в агитации крестьян не выходить на работу и т.д. Словом — пустяки. Но около 20 человек попались как следует — они были обвинены в заговоре. Их группа якобы планировала украсть лошадей, прискакать в соседний город и поднять там восстание. О начале восстания должен был возвестить церковный колокол. В действительности ничего этого не произошло: колодцы не были отравлены, скот не пострадал, лошади и амбары остались целы, церковный колокол не звонил и крестьянского восстания в этом районе не было. История была выдумана от начала до конца[220].

Теперь подавляющее большинство заключенных по тюрьмам людей составляли колхозники — и продолжали составлять до самого конца ежовщины. Причем их группы были почти тождественными по составу. Сначала арестовывали председателя колхоза. Он «выдавал» ближайших сообщников, за ними шли бригадиры и, наконец, простые крестьяне. Обычно колхозники сознавались сразу, как только узнавали, что от них требуется. НКВД сообщал об этом через стукачей, распределенных по камерам. Колхозников, как сообщает очевидец, партиями отправляли в северные лагеря — два раза в неделю[221].

В отдаленных районах происходило то же самое. Английский наблюдатель, находившийся в то время в Ленкорани (Азербайджан), видел, как по городу один за другим проезжали грузовики с местными крестьянами. Их сопровождал конвой НКВД. Суда, в том числе пассажирские, были сняты с рейсов и подогнаны к азербайджанскому побережью, чтобы перевести этих людей через Каспийское море[222].

Е. Гинзбург пишет, что к лету 1937 года «Нас охватило ощущение колоссальных масштабов того действия, в центр

которого мы попали. Исполнители всех операций были перегружены донельзя, они бегали, метались, что называется, высунув языки. Нехватало транспорта, трещали от переполнения камеры, круглосуточно заседали судебные коллегии»[223].

Офицер НКВД, арестованный в ноябре 1938 года, говорит, что уже за шесть месяцев до этого НКВД стало ясно: дальше репрессии такими темпами продолжаться не могут[224]. В сейфах было накоплено достаточно материалов, чтобы объявить шпионом практически любого руководящего работника в стране. Многие из этих людей так и не были арестованы. Хороший пример — профессор Богомолец, президент Академии Наук Украины. Он умер своей смертью, но по крайней мере десять арестованных ранее ученых называли его в своих показаниях фашистским шпионом[225].

К этому времени половина городского населения уже была занесена в черные списки НКВД. Арестовать их всех было нельзя. С другой стороны, всякие различия исчезли: было столько же оснований взять одного, как и другого и третьего. Представители ранее установленных «категорий» — бывшие партизаны, старые большевики, участники оппозиции и т.д. — были в основном уничтожены. О тупике свидетельствуют новые репрессии внутри самого НКВД. Там стали поговаривать, что аресты проводились без всякого разбора, и теперь «никто даже не знает, что с этими людьми делать»[226].

К моменту падения Ежова было арестовано не менее 5% населения — каждый двадцатый. Можно сказать, что из каждой второй семьи в стране один человек ушел в лагеря или сидел в тюрьме. Среди образованных классов норма была гораздо выше.

В 1938 году Сталин решил, что так дальше продолжаться не может. Следователи по-прежнему спрашивали обвиняемых — кто ваши сообщники? Таким образом, за каждым арестом автоматически следовало еще несколько. Если бы репрессии продолжались еще некоторое время, и каждый подсудимый называл 2-3 сообщника, то новая волна погло-

тила бы 10-15% населения, а потом — 30-45%. Существует много теорий относительно мотивов действий Сталина на протяжении всего этого устрашающего периода. Многие исследователи до сих пор задаются вопросом — почему Сталин прекратил террор на этой стадии? По нашему мнению — просто потому, что террор достиг крайнего предела. Продолжать было невозможно — экономически, политически и даже физически: следователей больше не было, тюрьмы и лагеря были забиты до отказа. Но между тем массовый террор выполнил свою задачу. Страна была подавлена.

НА КУЛЬТУРНОМ ФРОНТЕ

Русская интеллигенция всегда была рассадником вольнодумства. На протяжении столетия, предшествовавшего революции, она упорно сопротивлялась всякому деспотизму и, главное, — подавлению мысли. Естественно поэтому, что на интеллигенцию репрессии обрушились с особой силой. Коммунисты создали систему «правильных» и «ошибочных» взглядов с неукоснительным подавлением последних. Кроме того, они разработали теории о форме и методах в искусстве и науках, теории отражения и познания действительности. Это давало возможность уличать в крамоле и репрессировать даже горячих сторонников советской власти — если они придерживались неверных мнений по части, например, драматургии или биологии.

После установления советской власти участие ученых в управлении было шире, чем в других странах в тот период. Экономисты были привлечены к работе Госплана, а затем, в начале 30-х годов, почти полностью уничтожены. В других сферах деятельности, например, в иностранных делах и культуре, было также немало специалистов. О судьбе одного профессора из Наркомата иностранных дел рассказал на XXII съезде Шверник:

«В 1937 году к Молотову, как председателю Совнаркома,

обратился один из профессоров, работавший в Наркоминделе. Он писал Молотову о том, что его отец арестован, очевидно, по недоразумению, и просил вмешаться в судьбу отца. Молотов написал резолюцию: «Ежову: Разве этот профессор все еще в Наркоминделе, а не в НКВД?» После этого автор письма был незаконно арестован»[227].

В марте, апреле и мае 1937 года в печати появились статьи, атакующие «уклоны» в истории, экономике и литературе. Статья Молотова, опубликованная в «Правде», заострила тон этой кампании[228].

Историки оказались особенно уязвимыми. На них часто навешивали ярлык «террористов». Была арестована вся школа историков партии, последователей Покровского. Сокольников на суде замечает совершенно естественным образом, что «среди историков начались аресты»[229]. Любопытно, что во главе многих «террористических банд» стояли ученые историки: Пригожин (один из руководителей группы, которую судили в те годы), Карев, Зейдель, Анишев, Ванаг, Закс-Гландев, Пионтковский и Фридлянд, названные на процессах 1936 и 1937 годов активными террористами. Радек заявил, что Фридлянд возглавлял террористическую группу, состоявшую из историков, и добавил: «Между собой мы называли ее исторической или истерической группой»[230]. Профессора университетов были на особом подозрении, т.к. они могли формировать последователей из числа студентов, а в применении к последним обвинение в терроре выглядело вполне убедительно. Студенты в целом также пострадали очень сильно. На процессе Пятакова в 1937 году было заявлено, что террористические организации Сибири вербуют кадры «главным образом среди молодежи высших учебных заведений»[231].

Фридлянд и другие, будучи видными историками, находились в центре идеологических споров. Однако преподаватели неполитических дисциплин также оказались в трудном положении. Рядовому советскому человеку достаточно было научиться держать язык за зубами, а профессорам

приходилось читать лекции аудитории, среди которой неизбежно были осведомители. Некоторые их коллеги также сотрудничали с тайной полицией[232].

Специалист по древней истории, профессор Константин Штеппа, попал в немилость после того, как назвал Жанну д'Арк нервной и экзальтированной особой. До середины 30-х годов если ее вообще упоминали, то упоминали враждебно, но с появлением Народного фронта во Франции она вдруг стала героиней Сопротивления. Поэтому замечания профессора противоречили генеральной линии. После этого началась серия неприятностей: сначала Штеппа упомянул в неподходящем контексте царя Мидаса, а затем, говоря о древней и христианской демонологии, отметил, что сельские жители всегда бывают более отсталыми. К сожалению, наряду с другими, эту мысль как-то высказал Троцкий. И наконец, рассказывая об одном движении в Северной Африке во времена Римской Империи, Штеппа заявил, что оно было не просто крестьянским восстанием, но имело национальную окраску. Он был объявлен буржуазным националистом. В это время, в 1937 году, многие его друзья и коллеги уже находились под арестом. Как вспоминают люди, лично знавшие Штеппу, он на это сказал:

«Конечно, мне было жаль моих друзей. Но я испытывал по отношению к ним не только жалость. Я их боялся. Они, в конце концов, могли сослаться на какие-то наши разговоры, в которых не всегда выражалась строго официальная точка зрения. В этих беседах не было ничего преступного или антисоветского. Но мелкие критические замечания, жалобы, выражение недовольства или разочарования, которые прорываются в любом разговоре, заставили каждого советского человека чувствовать себя виновным»[233].

Вскоре произошло самоубийство Любченко и его жены Н. Крупеник. Она, к сожалению, была университетским преподавателем, и весь штат Киевского университета попал на особое подозрение. В ВУЗах и культурных организациях была вскрыта «разветвленная сеть буржуазных национали-

стов». Тем не менее профессор Штеппа до марта 1938 года находился на свободе. После сурового допроса, который вели 13 следователей в течение 50 дней, его объявили одним из заговорщиков, замышлявших покушение на жизнь Косиора. После падения Косиора это обвинение было снято как с него, так и с многих других и заменено... шпионажем в пользу Японии.

Новая версия была основана на таких фактах. Профессор Штеппа некоторое время возглавлял Комитет византологии в АН Украины. Затем это название сочли реакционным и велели переменить на Комитет по Ближнему Востоку. Всякая связь с «Востоком» автоматически вызывала подозрение в симпатиях к Японии или шпионаже в ее пользу. Было отмечено, что профессор читал лекции об Александре Македонском и Ганнибале группе старших офицеров Красной Армии. А контакт с армией дал ему возможность выполнять шпионские задания. Было доказано, что он встречался с иностранцами в лице профессора Грозного, крупнейшего чешского специалиста по истории готтов, который «завербовал» его через византолога, читавшего лекции на советском Дальнем Востоке, то есть в непосредственной близости от Японии. И, наконец, был установлен косвенный контакт с профессором из Одессы, который встречался там с японским консулом. В донесениях, направляемых по шпионской сети в Токио, содержались данные о «политическом и моральном состоянии» армии. В конце дела фигурировал действительный факт: обвиняемый заявил в разговоре с коллегой, что некоторые офицеры путали Наполеона I с Наполеоном III и Александра Македонского с Цезарем»[234].

После снятия Ежова стало чувствоваться некоторое послабление. Оставшиеся в живых ученые отказались от своих показаний, обвинения стали мягче. И, наконец, осенью 1939 года профессор Штеппа был освобожден. Ему повезло. Заместителя директора Института красной профессуры В. Ч. Сорина осудили в 1939 году как врага народа. Он умер в

лагере или тюрьме в 1944 году[235]. Такая же участь постигла многих беспартийных преподавателей ВУЗов.

Случалось, что на партийном собрании, посвященном разоблачению одного из сотрудников, вставал кто-нибудь из коллег и просил привести доказательства обвинения. Ни один из подобных инцидентов не прошел бесследно. Людей, задававших вопросы, всегда заставляли замолчать и часто арестовывали. Обычным обвинением были контрреволюционные взгляды. Например, когда на собрании в украинской Академии Наук разбиралось дело профессора Копершинского, другой ученый-коммунист, Каминский, заметил: «Когда говорит классовый инстинкт, никакие доказательства не нужны». Его тоже вскоре арестовали. Секретаря Академии публично обвинили в местной печати за то, что он потребовал доказательств в аналогичном деле[236]. Он был одним из тринадцати секретарей Академии, сменявших друг друга с 1921 по 1938 годы. Все как один были арестованы. Из семи ректоров Киевского университета шестеро были арестованы и один умер естественной смертью[237].

Нужно отметить, что жертвами повальных репрессий среди ученых были не только византологи и представители других редких специальностей — без них страна, стремящаяся к скорейшему развитию техники, еще могла обойтись. Представители естественных и точных наук пострадали в неменьшей степени. Вот как описывает физик Вайсберг положение в харьковском Институте физики:

«Послушай, сказал я. Наш институт — один из самых важных ВУЗов такого рода в Европе. Да и вообще, наверно, нет больше института с таким количеством различных и хорошо оборудованных лабораторий. Советское правительство не жалеет денег. Наши ведущие специалисты частично учились за границей. Их постоянно посылают за государственный счет к крупнейшим физикам мира, чтобы повысить знания и опыт. У нас было восемь отделов и во главе каждого стоял одаренный ученый. А что происходит сейчас? Обремов, начальник лаборатории кристаллогра-

фии — под арестом. Начальник лаборатории низких температур Шубников — тоже. Начальник второй лаборатории низких температур Руман — выслан. Начальник лаборатории расщепления атома Лейпунский — арестован. В тюрьме начальник рентгеновского отдела Горский, начальник отдела теоретической физики Ландау и я — начальник экспериментальной станции низких температур. Насколько мне известно, на работе остался только Слуцкий, начальник отдела ультракоротких волн...»[238].

Среди названных Вайсбергом основатель и первый директор Института Обремов; академик Лейпунский, который потом также стал директором; профессор Лев Давидович Ландау — крупнейший физик-теоретик Советского Союза. ГПУ еще раньше заставило Ландау уйти из института. Он уехал в Москву и стал работать с академиком Капицей. Под наблюдением Вайсберга строилась экспериментальная станция низких температур, но прежде чем она вступила в действие, его арестовали. Наследником Вайсберга стал Комаров — но его тоже арестовали. «Кто же — спрашивает Вайсберг — должен был продолжать работу?... Чтобы подготовить инженера, нужно пять лет. Но сколько трудов стоило правительству укомплектовать новые предприятия хорошими инженерами! А на подготовку хорошего ученого-физика требуется 10-15 лет»[239].

Лев Давидович Ландау, один из самых выдающихся физиков в России, сам описывал, как он едва не погиб в тюрьме в качестве «германского шпиона». Его спас П.Л. Капица, с исключительным мужеством выступавший в его защиту и сумевший убедить Сталина в его научных заслугах[240].

Эти аресты были подтверждены в советских изданиях 60-х годов. Академик Берг писал, например:

«Потом настали трудные времена. 1937 год, потеря близких друзей. Вскоре по нелепому дурацкому доносу арестовали и меня. В тюрьме я провел ровно 900 дней. Незадолго перед войной меня освободили. Радиотехника за эти годы

понесла большой урон. Закрылись институты и лаборатории, исчезли люди»[241].

Больше всего пострадала, конечно, биология. С восходом звезды Лысенко в начале 30-х годов началась неистовая «идеологическая» борьба. Уже в 1932 году были арестованы (и позднее выпущены) цитологи Г. А. Левицкий и Н. П. Абдулов. Тогда же были арестованы и многие другие биологи.

В декабре 1936 года профессора Агола, одного из крупнейших советских биологов, обвинили в троцкизме и расстреляли. Начались гонения на других биологов. К декабрю 1936 года профессор С.Г. Левит, директор Института медицинской генетики был уволен с работы и исключен из партии на том основании, что его научные взгляды были «пронацистскими». Народный комиссар здравоохранения Каминский получил взыскание за то, что пытался защитить Левита[242].

Левит был арестован в мае 1937 года и умер в тюрьме. Ряд других видных биологов, Левицкий, Карпеченко и Говоров погибли, как и знаменитый Н. М. Тулайков, директор Института зерна, арестованный в 1937 и погибший в одном из Беломорских лагерей в 1938 году.

В области биологии, как и в политической сфере, второстепенные работники арестовывались в первую очередь, замыкая таким образом ловушку, приготовленную их начальникам. Самая крупная игра развернулась вокруг Н. И. Вавилова, крупнейшего ученого, специалиста по генетике и в свое время любимца Ленина. В 1935 году он вынужден был передать руководство Всесоюзной Академией Сельскохозяйственных Наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) А. И. Муралову, ставшему зам. Наркома земледелия. Муралов был арестован 4 июля 1937 года; его заменил профессор Г. К. Мейстер. Но в начале 1938 года взяли и Мейстера, а Лысенко в результате злобной и грязной интриги стал во главе ВАСХНИЛ.

В начале 1940 года Вавилов оказался в затруднении в ходе спора о том, какую сельскохозяйственную политику

следует применять в аннексированной части Финляндии. Последовала прямая стычка с Лысенко. В августе Вавилов был в поездке по Украине. Из Черновиц его внезапно вызвали в Москву и 6 августа арестовали. В протоколах по его делу (к которому ведущие биологи были допущены после падения Лысенко в 1964 году) находится письмо Берии Молотову как члену Политбюро, ведающему вопросами науки, требующее разрешения на арест Вавилова. Вавилова продержали одиннадцать месяцев под следствием, в ходе которого было свыше сотни допросов. Суд над ним состоялся 9 июля по обвинению в заговоре правых уклонистов, шпионаже в пользу Англии и т.п. Его приговорили к смерти, но не расстреляли. (По-видимому Берия, жена которого была биологом, не утвердил приговора).

Заслуженный биолог академик Н. Прянишников, вместе с братом Вавилова, академиком Сергеем Ивановичем (физиком), хлопотали перед Берией и Молотовым, тщетно пытаясь добиться его освобождения. Прянишников по-видимому обращался и к жене Берии, прося об улучшении тюремного режима и проявил беззаветное мужество, предложив Н. И. Вавилова кандидатом на Сталинскую премию 1941 года. Ученого держали между тем в Саратовской тюрьме. Он представился своим сокамерникам словами: «Перед вами, если говорить о прошлом, член Академии Наук Николай Вавилов, теперь же, по мнению моих следователей, говно и больше ничего». Его почти год продержали, не выводя даже на прогулку, в камере смертников — подвальном помещении без окон. Тут его чуть не спасло избрание в 1942 году в члены Королевского Общества в Лондоне. Было, однако, уже поздно. Дистрофия зашла слишком далеко; он был уже доходягой и умер 26 января 1943 года. Его жена и сын были эвакуированы из осажденного Ленинграда в Саратов и в 1942 году жили не так далеко от тюрьмы, в которой он умирал. Но им было сказано, будто их муж и отец в Москве, и они так и не узнали, что он был близко[243].

Триумф лысенковщины был, пожалуй, самым убеди-

тельным признаком интеллектуальной дегенерации партии, последовавшей после того, как в начале 30-х годов Сталин упразднил мыслящую часть руководства, заменив ее своими ставленниками вроде Митина и Мехлиса. Злым гением всей этой драмы был шарлатан И. И. Презент, который осуществил повсеместное внедрение теории Лысенко на практике, подведя под нее наукообразную базу, составленную из цитат классиков марксизма. Здесь нужно отдать справедливость Жданову: его Лысенко не смог полностью одурачить. Советская биология была окончательно уничтожена только к 1948 году — после политического поражения Жданова и его смерти. А между тем Лысенко с помощью чудовищных интриг и очковтирательства сохранял главенствующее и даже монопольное положение.

Развитие лингвистики также было поставлено в зависимость от косной, антинаучной доктрины. К концу 20-х годов учение Марра было принято в качестве марксистской линии (в других странах его полностью отвергли). В результате старые профессора попали в опалу, их книги исчезли, а в 1937-38 годах их стали арестовывать. Среди них оказался профессор Е. Д. Поливанов. В марте 1937 года его схватили, а 26 января следующего года он был расстрелян («погиб»). В результате, рукописи его затерялись и, когда в 1964 году приступили к изданию его работ, пришлось обратиться через газету «ко всем, кто может и хочет помочь в собирании и публикациии материалов о Е. Д. Поливанове»[244]. В 1950 году, после террора, направленного против антимарристов, Сталин вдруг отошел от марризма и обрушился на его последователей за то, что они запугивали антимарристов и установили в своей науке «аракчеевский режим».

Но, пожалуй, самой ужасной была судьба советских писателей. Они находились между двух огней: с одной стороны им был навязан «единственно правильный» творческий метод, а с другой — поставлены тематические рамки. Содержание их произведений находилось под самым тщательным присмотром. Как пишет Эренбург в четвертой книге своих воспо-

минаний, из 700 писателей, присутствовавших на первом съезде в 1934 году, только «может быть полсотни» дожили до второго съезда в 1954 году[245]. Даже если сделать скидку на естественную смертность (хотя, согласно протоколам Первого съезда писателей, средний возраст делегатов составлял 38,9 года, а 71% не было еще 40)[246], эта цифра поразительна.

По словам Александра Солженицына в письме IV съезду писателей СССР, «мы узнали после XX съезда партии, что их было более шестисот — ни в чем не виновных писателей, кого Союз (Писателей) послушно отдал тюремно-лагерной судьбе». А имея в виду тех, кто не успел развернуть своего дарования, Солженицын добавляет: «однако, свиток этот еще длинней...»[247]. Молодой советский историк Р. Медведев считает, что в общем итоге носителей культуры погибло «более тысячи»[248].

Началось сведение старых счетов. Один из даровитейших советских прозаиков Исаак Бабель служил в армии Буденного во время гражданской войны в Польской кампании. В 1924 году он опубликовал свой изумительнейший сборник рассказов из истории гражданской войны — «Конармия». Буденный яростно запротестовал. Он считал эти безжалостно точные зарисовки клеветой и предпочитал псевдогероику военных корреспондентов. Бабеля защитил Горький, ценивший его талант. Это Бабель первым произнес на съезде писателей 1934 года слова о «героизме молчания» — они стали символом неблагонадежности и сопротивления режиму. Бабель был знаком с женой Ежова. Иногда он ходил к ней, хотя понимал, что это опасно, но ему хотелось, как он говорил, «разгадать загадку»[249]. Он был уверен, что «дело не в Ежове»[250]. В 1937 году его перестали публиковать и вскоре арестовали: в мае 1938 года на его даче в писательском поселке Переделкино. О его гибели в советской «Литературной энциклопедии» сказано только: «В 1937 году Бабель был незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно»[251].

Бабель не только лично оскорбил Буденного и пустил дурную славу о Первой Конной армии, откуда Сталин стал

черпать кадры для высшего командования. Он даже, как говорят, необдуманно пошутил в адрес Генерального секретаря. Но этот поступок кажется незначительным по сравнению с тем, что сделал Борис Пильняк — другой крупный, хотя и меньшего калибра, талант, рожденный революцией. Его «Голый год» посвящен жизни провинциального города в 1919 году. Писатель показывает, как в борьбе за хлеб насущный проявляется неуравновешенность, эксцентричность и богатство русского характера.

Еще в 20-х годах его имя оказалось связано с одним из самых загадочных преступлений, приписываемых Сталину. Весной 1924 года заместителем Наркома по военным делам был назначен М. Фрунзе. Он практически взял армию в свои руки. Троцкий, смещенный лишь в 1925 году, почти не оказал ему сопротивления. Симпатии Фрунзе были, видимо, на стороне группы Зиновьева-Каменева. В конце лета 1925 года он заболел и умер 31 октября того же года. В Москве ходили слухи, что по приказу ЦК, то есть Сталина, ему пришлось лечь на операцию, которая и стала причиной смерти. Если бы Фрунзе умер в 1936 или 1937 году, то возникновение таких слухов вполне можно было бы понять. Любопытно, что слух распространился так рано, когда Сталин не проявил еще себя с этой стороны. До того прецедентов не было.

Последние советские книги о Фрунзе проявляют повышенную чувствительность к этому делу. В новой биографии[252], изданной в 1962 году, подробно рассказывается о заключении врачей, которые заявили, что операция совершенно необходима, и не отходили от больного в последние дни его жизни. Биография написана В. Н. Петровым, военным историком, который в других работах занимает открыто враждебную позицию по отношению к казни генералов, предпринятой Сталиным. Возможно, что написанная им биография была основательно отредактирована перед публикацией. Но возможно, что она отражает веру в невиновность Сталина — даже со стороны людей, которые хотели бы знать правду.

Пильняк был до тех пор совершенно аполитичным писа-

телем. Он заявлял, что ничего не смыслит в политике и, не будучи коммунистом, не может писать как коммунист. Но на основе разговоров о смерти Фрунзе он написал «Повесть непогашенной луны», предпослав ей подзаголовок «Смерть командарма». Герой повести — Гаврилов, известный командир Красной Армии, который возвращается в Москву по приказу начальства и узнает из газет, что ему предстоит операция. Раньше он страдал язвой желудка, но полностью вылечился. Он идет на встречу с «самым важным из трех», как говорится в книге, стоящих во главе партии, и получает указание — лечь на операцию. Осмотрев его, врачи объявляют, что операция необходима. А потом, в частном разговоре, признаются, что это не так. Командарм умирает от повышенной дозы хлороформа. Повесть должна была появиться в «Новом мире», но в последнюю минуту номер конфисковали. В следующем номере редколлегии пришлось признать, что рекомендация к печати была ошибкой, и опубликовывать письма читателей в которых повесть объявлялась «злобной клеветой на нашу партию». Но рукописные книги долго ходили по рукам, и в 1927 году книга вышла в Софии.

Ясно, однако, что человек, обладающий политическим чутьем, не написал бы «Повесть непогашенной луны». Возможно, что Пильняку посоветовал ее написать кто-нибудь из друзей, более глубоко вовлеченных в идейно-политическую борьбу. Во всяком случае, тогда дело было замято.

В 1929 году Пильняк стал председателем Всероссийского Союза писателей, по-настоящему творческой организации, которая сопротивлялась политическим интригам РАППа (Рабочей ассоциации пролетарских писателей). РАПП был основан в 1925 году, во главе его стоял Авербах — племянник жены Ягоды. Ассоциация имела целью установить идейно-бюрократический контроль над творчеством. Самоубийство Маяковского также частично приписывается травле со стороны рапповского руководства[253]. Перед лицом оппозиции лучших писателей и даже самого Горького РАПП распался. Позднее многие его члены также были репрессированы.

Предлогом для гонений на Пильняка послужило его последнее произведение — «Красное дерево». Сначала оно должно было появиться в Германии, а потом в России (это было распространенной практикой, связанной с использованием авторских прав). После немецкого издания книга была объявлена антисоветской, а публикация ее — белогвардейской провокацией. Пильняк попал в трудное положение и был готов покориться судьбе. Одновременно начались нападки на Евгения Замятина, председателя ленинградского отделения Союза писателей. Его роман «Мы», послуживший моделью для «1984» Орвелла, был опубликован за границей при сходных обстоятельствах. Замятин смело потребовал права на выезд из страны, отказался идти на попятный и разоблачил всю систему «закручивания гаек» в литературе. Он заявил, что московское отделение вынесло резолюцию о Пильняке, не выслушав защиту. Приговор предшествовал расследованию. Замятин отказался быть членом организации, которая допускает такие вещи, и вышел из Союза. За Пильняка и Замятина вступился Горький. Он выступил со статьей в «Известиях», в которой писал о нетерпимой привычке выдвигать людей на ответственные посты, а потом смешивать их с грязью, и с горечью указывал на карьеристов, набрасывающихся на человека, допустившего ошибку, в расчете, что его уберут и можно будет занять его место[254].

Пильняку было предложено одуматься и заняться созданием просоветских произведений. Замятин был вознагражден за свою смелость — ему позволили выехать из СССР. Он принадлежал к немногим советским писателям, получившим хорошую марксистскую подготовку, и отвергал большевизм. Футуристы же, в том числе и Маяковский, восторженно, хотя и несколько абстрактно, приветствовали приход большевиков. Кстати, итальянские футуристы того времени с неменьшим романтическим пылом относились к возникновению нового динамического движения — фашизма.

Пильняк начал писать конформистский роман «Волга впадает в Каспийское море». Ежов лично наблюдал за созда-

нием этого романа и, прочитав окончательный вариант, распорядился переписать около 50 страниц. Пильняк был глубоко подавлен и сказал Виктору Сержу (эта фраза приводится в мемуарах последнего): «В этой стране нет ни одного мыслящего взрослого человека, который не задумывался бы о том, что его могут расстрелять»[255]. И все же у него хватило мужества вступиться за Сержа, когда того арестовали в 1933 году. В мае 1937 года В. Кирпотин выступил в «Правде» с резкими нападками на Пильняка и заявил, что обвиненный в троцкизме критик Воронский подсказал Пильняку тему контрреволюционной «Повести о непогашенной луне»[256]. По-видимому Пильняка расстреляли как японского шпиона в 1938 или 1939 году[257]. Пильняк, действительно, побывал в Японии, так что эта версия выглядела правдоподобной.

Среди других крупных прозаиков, уничтоженных в тот период, — Пантелеймон Романов, автор «Трех пар шелковых чулок» и «Без черемухи»; Тарасов-Родионов; Артем Веселый; И. И. Китаев; С. Третьяков — автор знаменитой книги «Рычи, Китай!»; корреспондент «Правды» Михаил Кольцов, арестованный 12 декабря 1938 года по подозрению в том, что он агент лорда Бивербрука[258] и 1 февраля 1940 года осужденный Ульрихом на десять лет заключения без права переписки[259]. Кольцов погиб, по-видимому, в 1949 году[260]. Среди репрессированных, которым удалось выжить — Юрий Олеша и Остап Вишня. Вишня, обвиненный в подготовке убийства Постышева и других руководителей партии, был освобожден в 1943 году и должен был осмеивать в печати тех, кто за рубежом протестовал против его предполагаемой ликвидации.

Поэзия и раньше была опасной профессией в Советском Союзе. Н. Гумилева, мужа Ахматовой, расстреляли по приказу Агранова еще в августе 1921 года. Он был обвинен в контрреволюции. В том же месяце не стало Блока, давно пережившего короткий период энтузиазма по отношению к Красной гвардии. Его здоровье было подорвано недоеданием. В 1925 году покончил с собой Есенин, а в 1930 — Маяковский.

Теперь же были уничтожены многие другие ведущие со-

ветские поэты. Владимир Смиренский (Андрей Скорбный) получил в 1931 году 10 лет как член группы, которая занималась обсуждением политики — но только в применении к искусству[261]. Мы не знаем, какие обвинения были предъявлены другим поэтам, уничтоженным в это время. Судя по всему, им редко ставились в вину «художественные преступления». Но вместе с тем, одна из заключенных познакомилась с поэтессой, сосланной в Карагандинские лагеря на 8 лет[262]. Эта молодая поэтесса написала «Гимн свободе», который был квалифицирован как «призыв к террору». Шестнадцать украинских поэтов, начиная с Влысько, были казнены или умерли в лагерях между 1934 и 1942 годами. Большинство — в Соловецких лагерях и несколько — на Колыме. Об обвинении, предъявленном Николаю Клюеву и другим, ничего не известно. В своем лучшем произведении «Плач о Есенине»[263] Клюев уже в 1926 году говорит: «Только б коснуться покоя...». Он провел три дня в «парной» ленинградского ОГПУ[264] еще в 20-х годах, но был освобожден. После второго ареста в 1933 году его сослали в Сибирь. В августе 1937 года, отбыв срок ссылки, он выехал из Томска и исчез бесследно. Есть сведения, что он умер от сердечного припадка[265].

Поэт Павел Васильев выступил в защиту Бухарина, назвав его «человеком высочайшего благородства и совестью крестьянской России». Это произошло во время суда над Пятаковым. Васильев обрушился на писателей, ставящих свои подписи под антибухаринскими выступлениями в печати. «Это порнографические каракули на полях русской литературы»[266], — сказал он. 7 февраля 1937 года он пошел вместе с сыном хозяина квартиры побриться в парикмахерскую. Дома осталась его жена Елена. О том, что произошло потом, мы читаем в «Литературной России» от 11 декабря 1964 года:

> Через несколько минут юноша вернулся.
> — Лена, Павла арестовали...
> ... На вопрос: нет ли среди арестованных Васильева? во всех тюрьмах отвечали одинаково:

— Нет. Васильев Павел Николаевич не значится.
Так прошли месяцы.
Научила какая-то женщина:
— А вы передачу приготовьте. Где примут, там и он. В одной из тюрем, действительно, передачу приняли. Больше того, сказали, что в другой раз можно придти 16 июля.
— Переведен в другое место, — ответил дежурный 16 июля.
А через 20 лет, хлопоча о посмертной реабилитации мужа, Елена Александровна узнала, что именно 16 июля 1937 года не стало Павла Васильева[267].

Ведущий грузинский поэт Яшвили «застрелился из ружья» 22 июля 1937 года[268]. Это произошло после ареста других литераторов Грузии, в частности его друга поэта Тициана Табидзе[269]. Табидзе исчез и только через семнадцать лет, после его реабилитации, сообщили его вдове, что он был расстрелян 16 декабря 1937 года. Армянский поэт Гурген Маари выжил в лагерях и в 1954 году вернулся в Ереван. Он рассказал о пережитом в журнале «Вопросы литературы»[270]:

«9 августа 1936 года ночью меня арестовали. Я не удивился. Месяц назад трагически погиб первый секретарь ЦК КП Армении Агаси Ханджян. В Доме писателей атмосфера была очень тяжелой».

Маари был уверен, что испытание скоро кончится — проверят и выпустят. Его даже не выводили на прогулку. Суд состоялся только через два года после заключения.

«...Заседает Военная коллегия Верховного суда Советского Союза. Я обвиняюсь в террористических действиях, в желании отделить Армению от Советского Союза и присоединить ее к лагерю империализма, я намеревался убить Берия...

Суд закрытый, суд в три минуты... Меня присудили к десяти годам лишения свободы. И опять Сианос (тюремщик, который воспитывался в одном детдоме с Маари) сопровождает меня. На этот раз — в камеру приговоренных.

— Сколько дали? — спрашивает он шепотом.

— Десять лет.

— Слава Тебе, Господи. Легко отделался.

— Десять лет, — повторяю я

— Третью ночь, как уводят, стреляют — шепчет он...».

Среди 40 заключенных камеры, в которую посадили Маари, было два архитектора, три писателя, четыре инженера, один народный комиссар, остальные — государственные служащие и партийные работники. Пессимисты думали, что сроки (10-25 лет) вынесены только для проформы и что на самом деле всех расстреляют. Но этого не случилось.

«В 1938 году осенью, ночью, нас набили в грузовые машины и, прикрыв брезентом, как запрещенный товар, доставили на вокзал. На вокзале было пусто, ни одной живой души — лишь военные».

Шесть первых месяцев заключенные провели в тюрьме города Вологды. А потом перевезли в Красноярск: «здесь кишела, копошилась большая армия заключенных, составленная из представителей многих народов Советского Союза. Особенно выделялись жители Средней Азии в своих ярких национальных одеждах». Строжайший медицинский осмотр определил, кому ехать дальше, в Норильск, а кому оставаться на месте. У одного из заключенных оказался кусочек зеркала, и Маари смог увидеть свое лицо — второй раз за три года. Он себя едва узнал.

В Норильске он познакомился с Эгертом, известным в свое время киноактером. Через некоторое время 200 заключенных перегнали в Новоивановский 3-й лагерный пункт. Они шли пешком. Позже большинство участников этого этапа погибло. Маари прожил там до 1947 года. Он дает в своих воспоминаниях сравнительные портреты начальников двух лагерей. Один «краснощекий, со злыми глазами, особенно не любил "интеллигентных сволочей" и посылал их на самые тяжелые работы». Другой «любил читать книги, был человеколюбив и заботлив, и значительно облегчал жизнь "интеллигентным сволочам", в том числе и мне».

После освобождения в 1947 году Маари не было разре-

шено печататься под своим именем. Его гражданские права не были восстановлены, а в 1948 году он был арестован снова. На этот раз камера «была полна военных, вернувшихся из плена. Они обвинялись в измене родине». В 1948-49 годах Маари побывал в 9 тюрьмах девяти различных городов. Он попал в разряд «пожизненно ссыльных».

Ленинградский поэт Николай Заболоцкий был арестован 19 марта 1938 года по «ложному политическому обвинению»[271]. Он много лет провел в лагерях на Дальнем Востоке, на Алтае и в Казахстане. После возвращения в Москву в мае 1946 года до конца жизни он тяжело страдал туберкулезом, начавшимся в лагерях.

Блестящая поэтесса Марина Цветаева уехала из СССР вскоре после революции. Ее муж, литературный критик Эфрон, сражавшийся в Белой армии, уже находился за границей. «В конце тридцатых годов он вернулся в Советский Союз, но был оклеветан, репрессирован и погиб». Их дочь уехала из Парижа на розыски отца и тоже была «оклеветана и репрессирована»[272]. Он был казнен, а дочь была сослана в лагеря на 16 лет. В 1939 году вслед за ними поехала Марина Цветаева. 31 августа 1941 года, измученная долгими страданиями, поэтесса покончила с собой в городе Елабуге[273].

Ее стихи, написанные со сверкающим мастерством, стали широко известны и распространялись в самиздате. Но несмотря на влияние и популярность в литературных кругах, Цветаеву не публиковали, потому что много ее стихотворений и в частности «Лебединый стан», сборник романтической лирики, связаны с трагедией Белой армии:

«Где лебеди? — А лебеди ушли.
А вороны? — А вороны остались».

И даже опубликование в 1957 году небольшого сборника ее наиболее безобидных стихов, это, по словам Солженицына, «первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой было объявлено грубой политической ошибкой»[274].

Другой большой поэт, Осип Мандельштам, был нервно

больным человеком. В 1934 году его вызвали в НКВД по приказу самого Ягоды, допрашивали целую ночь и бросили в тюрьму. Говорят, что он написал эпиграмму на Сталина. Известно, что Пастернак умолял Бухарина вступиться за поэта — это еще одно доказательство наивности Пастернака. (Вероятно, в этой связи Сталин позвонил Пастернаку и спросил: хороший ли поэт Мандельштам?). Другие писатели ходили к Енукидзе, все еще сохранявшему влияние. Возможно, что в то время, когда террор не развернулся еще в полную силу, подобное вмешательство могло облегчить судьбу жертвы. Во всяком случае, Мандельштам был приговорен всего к трем годам ссылки за «заговорщическую деятельность». Отбывая срок в Чердыни недалеко от Соликамска, поэт попытался покончить с собой. Его жена обратилась в Центральный Комитет с просьбой о помиловании.

Тогда его перевели в Воронеж, где условия были лучше. В мае 1937 года он вернулся в Москву, но права на жительство не получил. 2 мая 1938 года Мандельштам был снова арестован, доставлен в Бутырки и приговорен Особым совещанием к 5 годам лагерей с отправкой на Дальний Восток. В пересыльном пункте недалеко от Владивостока, где заключенные ждали парохода на Магадан, Мандельштама избили уголовники и отняли у него еду. Потом его, уже полусумасшедшего, выбросили из барака, и он жил, как животное, выклянчивая корки у дверей. Мандельштама на время спас врач из Воронежа, работавший в лагере. Он поместил его в палату для душевнобольных, где поэт, вероятно, и умер 27 декабря 1938 года[275]. Вот как описал Мандельштам свою эпоху, свое время:

«И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Мой прекрасный жалкий век.
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап»[276].

Аресты производились на основании так называемых «объективных данных». А это означало, что выбор мог пасть на кого угодно — предугадать судьбу было невозможно. Эренбург пишет в воспоминаниях, что его зять Борис Лапин пытался обосновать аресты писателей в 1937 году следующим образом:

«Пильняк был в Японии; Третьяков часто встречался с иностранными писателями; Павел Васильев пил и болтал; Бруно Ясенский — поляк, польских коммунистов всех забрали, Артем Веселый был когда-то «перевальцем»; жена художника Шухаева была знакома с племянником Гогоберидзе...»[277].

Судьба литературных чиновников и всех, кто был связан с идейно-политическими спорами, находилась в прямой зависимости от политической конъюнктуры. Попытка рапповцев установить контроль над литературой потерпела провал в 1932 году, но они остались на свободе. У Авербаха была «рука» — Ягода приходился дядей его жене. Вскоре после ареста Ягоды Авербаха вместе с другими писателями обвинили в троцкизме. В эту группу входили Карев (раньше он примыкал к зиновьевцам, которых ликвидировали без суда)[278], Киршон, польский поэт Бруно Ясенский, литературный критик князь Дмитрий Святополк-Мирский. Было объявлено, что все они находились под покровительством Ягоды. Святополк-Мирский, убежденный коммунист, вернулся в Россию из Англии, но продержался на свободе недолго. В апреле 1937 года он уже фигурировал как «мерзкий врангелевец и белогвардейский офицер»[279]. Согласно имеющимся данным, он помешался и умер в сибирском лагере. 15 мая 1937 года «Литературная газета» сообщила об исключении из партии Киршона — к этому времени вся группа, должно быть, уже была арестована. Киршон был тесно связан с политикой — знаменательно, что его расстреляли в тот день (в 1938 году), когда состоялась казнь над политическими деятелями и военными. Их старый коллега по РАППу Владимир Ермилов спас свою шкуру тем, что выступил главным свидетелем против арестованных.

В литературных кругах, как и везде, были свои доносчики

и жертвы, трусы и проходимцы. Пастернак отказался подписать документ, одобряющий казнь генералов. Отказался, чтобы остаться честным перед самим собой, — но его имя все равно было внесено в список. А Яков Эльсберг, автор нескольких книг о Герцене, Щедрине и т.д., стал выдавать всех подряд, чтобы смыть пятно с репутации: он был раньше секретарем Каменева. Среди творческой интеллигенции СССР широко распространено мнение, что Н. В. Лесючевский написал доносы на поэтов Бенедикта Лившица и Бориса Корнилова, расстрелянных в 1937 году, на писательницу Елену Тагер, которая провела много лет в лагерях, и на Николая Заболоцкого.

Во время «оттепели» 1962 года московской писательской организации удалось добиться исключения Эльсберга на том основании, что в 30-х годах он был доносчиком. Одновременно был поднят вопрос о Лесючевском, но дело замяли. К концу 1962 года московская организация оказалась на короткое время в руках либерального руководства. Писатели проголосовали за повторное рассмотрение дела Лесючевского, но опять безуспешно[280]. Такие люди, как он, остались, а честный сталинист Фадеев, пытавшийся спасти некоторых своих политических врагов, застрелился в 1956 году, когда был разоблачен его покровитель.

Кроме агентов тайной полиции, были люди, которые просто продались Сталину. Например, Алексей Толстой, написавший, что «Ставрогин Достоевского был типичным потенциальным троцкистом». Он сделал карьеру наемного писаки. Другие мирились с истреблением своих коллег, считая, что так и надо. Сурков, например, заявил: «Я видел, как мои друзья, писатели, исчезали прямо на глазах. Но тогда я считал, что это необходимо, что этого требует революция»[281].

Отдельные виды искусства пострадали приблизительно одинаково. Дирижера Миколадзе расстреляли в 1937 году[282]. В лагерях было много актеров — Ширин, О. Щербинская, З. Смирнова, много музыкантов и танцовщиков. Ширин был сослан за то, что сказал: «Не кормите нас советской соломой, дайте нам играть классиков!»[283] Е. Гинзбург пишет о балери-

не, которая пришла на ужин, устроенный ее иностранными поклонниками, и была осуждена по статье 58[284].

Известная Наталия Сац, создательница Московского Детского театра, была женой Тухачевского. Ее арестовали в 1937 году и отправили в лагерь Рыбинск. Она осталась жива и вышла на свободу.

Но самой огромной утратой советского театра был Всеволод Мейерхольд. В начале 1938 года появилось короткое постановление «О ликвидации театра им. Вс. Мейерхольда», в котором Комитет по делам искусств «признал, что театр... скатился на чуждые советскому искусству позиции». В конце постановления сказано, что «вопрос о возможности дальнейшей работы Мейерхольда в области театра обсудить особо»[285]. 14 июня 1939 года Мейерхольду, как рассказывает художник Анненков, — «было предложено выступить с самокритикой на всесоюзном съезде театральных режиссеров под председательством довольно своеобразного режиссера, режиссера человеческой мясорубки Андрея Вышинского»[286]. Мейерхольд выслушал критику и смело перешел в контрнаступление:

«Там, где недавно творческая мысль била ключем, где люди искусства в поисках, ошибках, часто оступаясь и сворачивая в сторону, действительно творили и создавали — иногда плохое, а иногда и великолепное, там, где были лучшие театры мира, — там царит теперь, по вашей милости, уныние и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому вы стремитесь? Если да, — о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули с ней и ребенка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство!»[287].

На следующий день Мейерхольд был арестован. «Театральная энциклопедия» датирует его смерть 2 февраля 1940 года; «Малая советская энциклопедия» дает другую дату: 17 марта 1942 года[288]. (О жертвах НКВД советские официальные источники часто дают противоречивые сообщения, как читатель уже видел в главе об участи командного состава советской армии и флота — Егорова, Дыбенко и др.). Его жену Зинаиду

Райх, которая раньше была женой Есенина, через несколько дней нашли в квартире мертвой: ей было нанесено семнадцать ножевых ран и выколоты глаза. Обстоятельства ее смерти до сих пор неизвестны, и расследования проведено не было[289].

Театр Мейерхольда погиб раньше, чем его создатель. За исчезновением автора следовало исчезновение или переименование всего, что он сделал. После ареста скульптора Кратко его работы исчезли из музеев и галлерей. После ареста авиаконструктора А. Н. Туполева пришлось «перекрестить» самолет АНТ. Арестованный в 1937 году, Туполев, по совету Муклевича, признал себя виновным, чтобы избежать истязаний[290]. И он, и его жена были впоследствии освобождены[291]. Один бывший заключенный рассказывает о физике, который написал работу в соавторстве с четырьмя другими учеными и докладывал о ней в Академии Наук. Его посадили, и работа была опубликована в научных журналах под двумя именами — тех, кто остался на свободе[292]. «Крамольные» произведения пропадали в архивах НКВД. Те, что не были уничтожены, вероятно, все еще хранятся там, включая последние дневники Горького и стихи Марины Цветаевой.

В результате проведения такой политики в области искусства и литературы яркая передовая культура была сведена до уровня затхлого конформизма. Но мы не ставили себе целью рассмотреть общие последствия этого процесса. Мы лишь привели несколько иллюстраций того, какими методами были уничтожены творческие умы России — несколько эпизодов, несколько имен. Однако в их числе есть величайшие имена русской истории XX века.

В 1961 году в докладе, прочитанном на собрании актива партийной организации Грузии, В. П. Мжаванадзе задал риторический вопрос о том, «сколько погибло в Грузии выдающихся писателей, художников, ученых и инженеров, без всякого законного основания репрессированных, подвергшихся пыткам, сосланных или расстрелянных?»[293]. Вопрос вполне можно отнести к Советскому Союзу в целом.

Судьба тех, о ком мы коротко рассказали, лишь одно из свидетельств уничтожения духа.

ГЛАВА 9

1. Б. Пастернак, « Сочинения », т. II, Ann. Arbor, Univ. of Michigan, 1961, стр. 52.

2. А. Пушкин, « Капитанская дочка », гл. 13.

3. Б. Пастернак, « Доктор Живаго », Изд. Фельтринелли, Милан, 1958, стр. 586-7.

4. См. *Daily Mail,* 24 окт. 1958.

5. Илья Эренбург, Собр. соч., т. 9, Москва, 1967, стр. 187 (« Люди, годы, жизнь », кн. 4, гл. 28).

6. Kravchenko, *I Chose Freedom,* p. 211.

7. Илья Эренбург, Собр. соч., т. 8, Москва, 1966, стр. 441 (« Люди, годы, жизнь », кн. 3, гл. 39).

8. Михаил Демин в « Москве » № 4, 1965 (« Посмотри мне в глаза ») (Любопытно, что автор рассказа Мих. Демин в 1968 году попросил политического убежища во Франции).

9. « Більшовик України », № 1, 1938, стр. 53.

10. « Вісті », 23 мая 1938.

11. Там же, 17 июня 1938.

12. Там же, 14 февр. 1938.

13. XVIII съезд ВКП[б], стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 521 (доклад А. А. Жданова).

14. Beck and Godin, *Russian Purge and the Extraction of Confession,* pp. 166-171.

15. Там же, стр. 143; см. также замечательное описание сексотов, которому посвящена глава 7 книги Василия Гроссмана « Все течет », Франкфурт-на-Майне, 1970, стр. 59-71.

16. Там же, стр. 174-9.

17. Kravchenko, *I Chose Freedom,* p. 448.

18. Weissberg, *Conspiracy of Silence,* p. 364.

19. Эренбург, Собр, соч., т. 9, стр. 188 (« Люди, годы, жизнь », кн. 4, гл. 28).

20. См. там же, стр. 189.

21. Хрущев, Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 22.

22. Brzezinski, *The Permanent Purge,* p. 205.

23. « Дело Бухарина », стр. 302.

24. Подробные сведения о ней на основании документации, захваченной во время войны 1941-45 гг., можно найти в *Lithuanian Bulletin,* New York, vol. III-VIII, 1945-50.

25. См. Отчет Мандатной комиссии XIX съезда КПСС (опубликован также в « Правде » 9 окт. 1952 г.).

26. См. Ордера 001233 и 0054 в *Lithuanian Bulletin* и в *The Dark Side of the Moon*, pp. 50-51.

27. Б. Пастернак, «Доктор Живаго», стр. 582.

28. И. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 185-6 («Люди, годы, жизнь»), кн. 4 гл. 28.

29. Fischer, *Men and Politics*, p. 409.

30. Beck and Godin, pp. 88-89.

31. См. John A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, New York, 1963, p. 274.

32. А. Т. Стученко, «Завидная наша судьба», стр. 65.

33. См. Beck and Godin, p. 88; См. также Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 28.

34. Ekart, *Vanished Without a Trace*, p. 283.

35. И. Стаднюк, «Люди не ангелы», в журнале «Нева», № 12, 1962, стр. 96.

36. См. Н. В. Жогина в «Советском государстве и праве», № 3, 1965, стр. 24 («Об извращениях Вышинского»).

37. См., напр., «Тихоокеанская звезда», 9 мая 1937.

38. «Социалистик Казахстан», 23 ноября 1937.

39. «Кизил Узбекистан», 11 ноября 1937.

40. «Советская Киргизия», 11 января 1938.

41. «Кизил Узбекистан», 17 января 1938.

42. А. Авторханов в «Посеве», 24 дек. 1951 («Покорение партии») (Он же, Uralov, *The Reign of Stalin*, p. 140; см. также А. Авторханов, «Народоубийство в СССР», Мюнхен, 1952).

43. Горбатов, «Годы и войны», стр. 126.

44. БСЭ, 1-ое изд., т. 46, Москва, 1940, стр. 667 (статья «Правосудие»).

45. «Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР», принятый ВЦИК СНК 1 авг. 1933, статья 45.

46. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 175.

47. Beck and Godin, p. 132.

48. Анна Ахматова, «Сочинения», Изд. Международного литературного содружества, 1965, т. 1, стр. 353.

49. Там же.

50. Там же, стр. 361.

51. См. «Новый мир», № 12, 1961, стр. 195 (переписка А. А. Фадеева).

52. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 192.

53. Там же, стр. 192-4.

54. Горбатов, стр. 131.

55. См., напр., А. И. Солженицын, Собр. соч., т. 3, Франкфурт-на-Майне, 1969, стр. 184, 214-15 («В круге первом»).

56. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 242.

57. Напр., Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*, s. 33.

58. Elinor Zipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern*, Zürich, 1950, s. 11.

59. Иванов-Разумник, стр. 388.

60. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 89.

61. Beck and Godin, p. 66.
62. Buber-Neumann, s. 37.
63. Там же, стр. 40.
64. Там же, стр. 140.
65. Иванов-Разумник, « Тюрьмы и ссылки », стр. 245.
66. Beck and Godin, p. 59.
67. Там же, стр. 65.
68. Kravchenko, *I Chose Justice,* pp. 155-6.
69. Yózsef Lengyel, *From Beginning to End,* Eng. ed., London, 1966, p. 15
70. Herling, *A World Apart,* p. 9.
71. См. « Дело Бухарина », стр. 233.
72. Иванов-Разумник, стр. 387.
73. Buber-Neumann, s. 38, s. 45.
74. Weissberg, p. 469.
75. Иванов-Разумник, стр. 140.
76. Гинзбург, стр. 241.
77. Beck and Godin, p. 62; Иванов-Разумник, стр. 352.
78. Гинзбург, стр. 247; см. также Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 253; Иванов-Разумник, стр. 365.
79. Lermolo, pp. 163-4.
80. Weissberg, p. 421.
81. Там же, стр. 432.
82. Beck and Godin, p. 60.
83. См., напр., Гинзбург, стр. 73.
84. См. Lermolo, pp. 191-2.
85. Гинзбург, стр. 197.
86. Beck and Godin, p. 65.
87. Иванов-Разумник, стр. 349.
88. Lipper, s. 11.
89. Горбатов, стр. 135.
90. Buber-Neumann, p. 40.
91. Там же, стр. 58.
92. Lipper, s. 29; Гинзбург, стр. 162.
93. Иванов-Разумник, стр. 382.
94. Личная информация автора; см. также Солженицын, Собр. соч., т. 3, стр. 207 (« В круге первом »).
95. Herling, p. 9.
96. Weissberg, p. 89.
97. Гинзбург, стр. 106.
98. См. *Trybuna Ludu,* 23 ноября 1961.
99. Напр., Herling, p. 105.
100. Weissberg, pp. 447-51.
101. Напр., Beck and Godin, p. 45.
102. Там же, стр. 87.
103. Weissberg, p. 285.

104. Ekart, *Vanished Without a Trace,* p. 204.
105. Иванов-Разумник, стр. 343.
106. Beck and Godin, p. 118.
107. Там же, стр. 119.
108. Там же, стр. 46.
109. Buber-Neumann, s. 38.
110. Kravchenko, *I Chose Justice,* pp. 189-90.
111. Beck and Godin, p. 114.
112. Там же, стр, 154.
113. Kravchenko, *I Chose Justice,* pp. 161-2.
114. Weissberg, p. 326.
115. Beck and Godin, p. 114.
116. Там же, стр. 154.
117. Kravchenko, *I Chose Justice,* pp. 161-2.
118. Weissberg, pp. 350-1.
119. Buber-Neumann, s. 125-6.
120. « Безбожник », № 7, 1937.
121. Ф. О. Олещук, « Борьба церкви против народа », Москва, 1939, стр. 85-6.
122. Там же, стр. 65.
123. Там же, стр. 87.
124. Там же, стр. 55.
125. Там же, стр. 61.
126. См. XXII съезд КПСС, т. III, стр. 152 (выст. Сердюка).
127. Brzezinski, p. 229.
128. Buber-Neumann, s. 43.
129. Lermolo, p. 202.
130. Там же, гл. XVIII, стр. 198-203; Buber-Neumann, s. 41-42.
131. Orlov, pp. 226-7.
132. Там же, стр. 227-8.
133. Lipper, s. 26-29.
134. Weissberg, pp. 407-8; см. также Иванов-Разумник, стр. 354.
135. Orlov, p. 251; см. также « Советская Сибирь », 17 и 21-4, 1939.
136. Л. Петровский в открытом письме ЦК КПСС 5 марта 1969 (« Самиздат »).
137. Lipper, s. 66.
138. XXII съезд КПСС, т. III, стр. 114.
139. Сталин, Собр. соч., т. XIV, Станфорд, 1967, стр. 214 (Доклад на Пленуме ЦК ВКП[б] 3 марта 1937: « О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников »).
140. « Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года », т. I, Москва, 1962, стр. 161-4.
141. Ekart, p. 156.
142. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 288.
143. Уголовный кодекс РСФСР, Ст. 59, пункт 3в. См. Уголовное законо-

дательство СССР и Союзных Республик – Сборник (основные законодательные акты) под ред. профессора Д. С. Карева, Москва, 1957, стр. 51.

144. XXII съезд КПСС, т. 11, стр. 497 (выст. Б. П. Бещева).

145. Там же, т. II, стр. 215.

146. Там же.

147. Kravchenko, *I Chose Justice,* Chap. 9.

148. Beck and Godin, p. 99.

149. Lengyel, p. 14.

150. Buber-Neumann, s. 49-50.

151. Иванов-Разумник, стр. 327-334.

152. Гинзбург, стр. 81.

153. См., напр., Горбатов, стр. 129.

154. Ciliga, p. 141.

155. См., напр., Beck and Godin, p. 47.

156. Там же, стр. 57.

157. Там же, стр. 145.

158. Там же, стр. 147.

159. Buber-Neumann, s. 64.

160. Weissberg, p. 281.

161. Гинзбург, стр. 123.

162. Там же, стр. 160.

163. Хрущев, Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 29.

164. Weissberg, p. 241.

165. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве» № 3, 1965 («Об извращениях Вышинского»).

166. Kravchenko, *I Chose Justice,* pp. 177-9.

167. Beck and Godin, p. 101.

168. Arthur Koestler, Предисловие к книге Вайсберга, *Conspiracy of Silence.*

169. Beck and Godin, p. 102.

170. Там же.

171. Arthur Koestler, в сборнике *The God That Failed,* London, 1950, p. 77.

172. Beck and Godin, p. 46.

173. Там же.

174. Гинзбург, стр. 159.

175. Борис Дьяков в «Октябре» № 7, 1964 («Повесть о пережитом»).

176. Weissberg, p. 231.

177. Там же, стр. 368-9.

178. Beck and Godin, p. 47.

179. Там же, (с другой стороны, Йожеф Лендьел [Lengyel, pp. 92-3] пишет, что хотя он может припомнить «гуманных охранников» и «порядочных комендантов», все без исключения следователи «были омерзительны». Это небольшое расхождение отражает, вероятно, постепенное ожесточение НКВД).

180. Иванов-Разумник, стр. 281-2.

181. Buber-Neumann, s. 66.

182. «Известия» 6 сентября 1964: А. Левкович, «Об этом нельзя забыть».

183. «Казахстанская правда», 17 янв. 1965: Г. Аксельрод, «Верность чекиста».

184. Гинзбург, стр. 63.

185. Там же, стр. 171-2.

186. «Сорок лет советского права», Ленинград, 1957, т. II, стр. 486.

187. См. Пионтковский и Меньшагин, «Курс советского уголовного права», Москва, 1955, стр. 173.

188. См. А. А. Герцензон, В. Д. Меньшагин, Б. С. Ошерович, А. А. Пионтковский, «Уголовное право, Особенная часть. Государственные преступления». Юридическое издательство НКЮ СССР, Москва, 1938, стр. 95-110: «Постановление ЦИК и СНК Союза ССР "Об охране имущества государственной (социалистической) собственности", (СЗ, 1932 г., № 62, стр. 360), принятое 7 августа 1932 года»; см. также «Сорок лет советского права», т. II, стр. 485-504; см. также Пионтковский и Меньшагин, стр. 189 и сл. (гл. о саботаже).

189. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве», № 3, 1965, стр. 23-24.

190. Там же, стр. 24.

191. Там же, стр. 28.

192. Там же, стр. 28.

193. Lipper, p. 46.

194. Wolin and Slusser, *The Soviet Secret Police,* p. 186.

195. V. Petrov, *It Happens in Russia,* p. 64.

196. Wolin and Slusser, p. 188.

197. Гинзбург, стр. 135-6.

198. Там же, стр. 113.

199. Wolin and Slusser, p. 182.

200. См. Kulski, *The Soviet Regime,* Syracuse, 1954, pp. 233-4.

201. См. примеры в книге Wolin and Slusser, *Police.*

202. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве» № 3, 1965, стр. 27.

203. Там же.

204. Примеры см. в книге Wolin and Slusser; см. также Lipper, стр. 33.

205. Уголовный кодекс РСФСР, Общая часть.

206. Wolin and Slusser, p. 191.

207. Иванов-Разумник, стр. 351.

208. Там же, стр. 350.

209. V. and E. Petrov, *Empire,* p. 89.

210. Wolin and Slusser, p. 134.

211. «Законы СССР», 1937, 61:266.

212. Гинзбург, стр. 76.

213. А. Авторханов в «Посеве» 24 дек. 1951 («Покорение партии»); он же, Uralov, p. 147.

214. Beck and Godin, p. 72.

215. XXII съезд КПСС, т. III, стр. 114.

216. См. Жогин в «Советском государстве и праве», № 3, 1965, стр. 27.

217. V. and E. Petrov, *Empire of Fear,* p. 71.

218. Kravchenko, *I Chose Justice,* pp. 281-2.

219. Beck and Godin, p. 46.
220. Weissberg, p. 286.
221. Там же, стр. 288-9.
222. Fitzroy MacLean, *Eastern Approaches*, London, 1949, pp. 40-41.
223. Гинзбург, стр. 141-2.
224. Weissberg, p. 414.
225. Beck and Godin, p. 49.
226. Weissberg, p. 414.
227. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 216 (выступление Н. М. Шверника).
228. См. « Правду » 21 апреля 1937.
229. « Дело Пятакова », стр. 163 англ. изд.; в русском изд. пропущено.
230. Там же. стр. 94 англ. изд.; в русском изд. пропущено.
231. Там же, стр. 217 англ. изд.; стр. 94 русского изд.
232. Kravchenko, *I Chose Justice*, Chap. 11.
233. Beck and Godin, p. 154.
234. Там же, стр. 149-65.
235. А. К. Кучкин в « Вопросах истории КПСС » № 1, 1965 (« В. Г. Сорин »).
236. Beck and Godin, p. 29.
237. Там же, стр. 37.
238. Weissberg, pp. 359-60.
239. Там же.
240. См. « Комсомольскую правду » 8 июня 1965.
241. « Неделя » (приложение к « Известиям ») 3-9 ноября 1963.
242. *New York Times*, 27 декабря 1936.
243. Подробности о Н. И. Вавилове даны в книге Ж. А. Медведева (Zhores A. Medvedev, *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*, New York, 1969). На русском языке из этой работы напечатаны только большие отрывки (около 120 страниц) в №№ 70 и 71, 1969, журнала « Грани » (Франкфурт). Немало материала имеется и в опубликованной в СССР книжке С. Резника « Николай Вавилов ». Впрочем, как сообщает « Хроника » № 10, книжка эта изъята снова из обращения.
244. « Правда Востока », 5 сент. 1964, статья Л. Леонтьева « Е. Д. Поливанов, его слово и слово о нем ».
245. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 36 (« Люди, годы, жизнь », кн. 4, гл. 7).
246. См. Протоколы I съезда Советских Писателей, Москва, 1934; см. также IV съезд писателей СССР, стенограф. отчет, Москва, 1967, стр. 173 (выступление М. Шолохова).
247. А. Солженицын, Собр. соч., Франкфурт-на-Майне, 1970, т. 6, стр. 10.
248. Рой Медведев, стр. 43.
249. Эренбург, Собр. соч., т. IX, стр. 189-190 (кн. 4, гл. 28).
250. Там же.
251. Краткая литературная энциклопедия, т. 1, стр. 387.
252. Ф. Н. Петров, « М. В. Фрунзе », Москва, 1962.
253. МСЭ, 2-ое изд., т. 5, Москва, 1959, стр. 1064 (Статья « Маяковский »).
254. См. Max Hayward in *Survey*, n. 36, April-June 1961, pp. 85-91.

255. Victor Serge, *Memoirs d'un révolutionnaire*, p. 291.

256. См. «Правду» 17 мая 1937 (статья «Троцкистская агентура в литературе»).

257. См. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 179 («Люди, годы, жизнь», кн. 4 гл. 28). См. также Иванов-Разумник, «Тюрьмы», стр. 252, стр. 346.

258. Orlov, p. 196.

259. Б. Ефимов, «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 75.

260. Краткая литературная энциклопедия, т. 3, Москва, 1966, стр. 676 указывает дату смерти 4 апреля 1942; см. также Энциклопедический словарь, т. 1, стр. 516.

261. Wolin and Slusser, p. 187.

262. Buber-Neumann, s. 109.

263. См. Николай Клюев, «Сочинения», Моюнхен, 1969, т. II, стр. 323.

264. Иванов-Разумник, стр. 270.

265. См. Р. Иванов-Разумник, «Писательские судьбы», Нью-Йорк, 1951, стр. 36-37; см. также вводную статью Б. Филиппова к книге: Н. Клюев, «Сочинения», Мюнхен, 1969, т. 1, стр. 151-2.

266. См. «На рубеже», № 3/4, 1952.

267. Людмила Бондина: «Неуемною песней звенеть...» в «Литературной России», № 50, 11 декабря 1964.

268. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 183 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).

269. См. Энциклопедический словарь, т. 2, Москва, 1964, стр. 473.

270. Гурген Маари в «Вопросах литературы», т. II, 1964 («Пережитое», стр. 102-107).

271. См. Н. А. Заболоцкий, «Стихи и поэмы», Москва, 1965, стр. 37.

272. «Новый мир» № 4, 1966, стр. 223, статья Павла Антокольского: «Книга Марины Цветаевой».

273. См. вводную статью В. Орлова к книге «Марина Цветаева», Избранные произведения, Ленинград, 1964.

274. А. Солженицын, Собр. соч., т. 6, стр. 8 (Письмо IV съезду СП).

275. См. вводную статью Глеба Струве к тому 1, Собр. соч. О. Мандельштама, Изд. Международного Литературного Содружества, 1964, стр. LXXIII-LXXIV.

276. О. Мандельштам, Собр. соч. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, Вашингтон, т. 1, стр. 103.

277. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 183 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).

278. «Литературная газета», 20 апреля 1937.

279. Там же, 26 апреля 1937.

280. Анализ «борьбы с культом» в литературных кругах дается в книге Priscilla Johnson, *Khrushchev and the Arts*, Cambridge, Mass., 1965; см., в частности, стр. 13-14.

281. «Младост» (Белград), 2 октября 1957.

282. «Заря Востока», 28 июня 1963.

283. Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor*, p. 22.

284. Гинзбург, стр. 361.

285. « Правда », 8 января 1938.

286. Юрий Анненков, « Дневник моих встреч », Изд. Международного Литературного Содружества, т. II, 1965, стр. 97.

287. Там же; см. также Nikolai A. Gorchakov, *The Theatre in Soviet Russia*, New York, 1957, p. 364.

288. Театральная энциклопедия, т. 3, Москва, 1964 (Статья « Мейерхольд »); МСЭ, 2-ое изд., т. 5, стр. 1118 (Статья « Мейерхольд »).

289. Ю. Анненков, « Дневник моих встреч », т. II, стр. 98; см. также Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor*, p. 123.

290. Иванов-Разумник, « Тюрьмы и ссылки », стр. 280. О деятельности Туполева в заключении есть подробное свидетельство А. Шарагина « Туполевская шарага », Франкфурт-на-Майне, 1971.

291. Brzezinski, p. 299.

292. Beck and Godin, p. 33.

293. « Заря Востока », 19 ноября 1961.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВО ГЛУБИНЕ...

Во глубине сибирских руд...
Пушкин

Уделом тех счастливцев, что избежали высшей меры, был ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.

«Исправительно-трудовой кодекс» тех лет перечислял три вида лагерей:

1. Исправительно-трудовые колонии, в которых «лишенные свободы» преступники подлежали «трудовому перевоспитанию» (статья 33).

2. Исправительно-трудовые лагеря массового типа, в том числе и расположенные в «отдаленных районах» и предназначенные для «социально-опасных элементов» содержавшихся в условиях более «строгого режима» (статья 34).

3. Штрафные лагеря для «строгой изоляции» тех, кто ранее содержался в других «местах лишения свободы» и уличен в повторных нарушениях режима (статья 35).

Лагеря первой категории заполнялись главным образом людьми, осужденными за мелкие служебные проступки, а также неопасными воришками. Все осужденные по статье 58 либо приговоренные Особым совещанием (ОСО) сразу же направлялись в лагеря второй категории.

ИТЛ были одной из главных опор всей сталинской системы. А сокрытие от внешнего мира подлинной сути исправительно-трудовых лагерей было одним из крупнейших сталинских достижений.

Ибо к концу сороковых годов на Западе уже имелись потрясающие и подробные свидетельства о лагерях. За границу попали тысячи бывших узников ИТЛ, и их согласующиеся между собой рассказы подкреплялись солидной документацией. Так в книге Д. Далина и Б. Николаевского «Принудительный труд в советской России» были приведены фотокопии множества бланков, форм и писем. Красноречивым документом был и сам «Исправительно-трудовой кодекс РСФСР», в 1949 году представленный делегацией Великобритании в ООН для ознакомления делегатов. И тем не менее, интеллектуальные круги Запада находили возможным не верить всем этим материалам и присоединяться к инспирируемым Советским Союзом кампаниям по «разоблачению клеветы».

Действительно, длительное время имела хождение иная, советская версия событий. Правда, гласила эта версия, в Советском Союзе имеются исправительно-трудовые заведения, но исключительно полезного типа. Их деятельность отражалась в таких произведениях, как, скажем, пьеса Н. Погодина «Аристократы», показывающая «перековку» преступников трудом на Беломорканале и в других местах. Погодин показывает бандитов, воров и инженера-вредителя, перевоспитанных трудом. К перевоспитанному инженеру, с энтузиазмом работающему над проектом, приезжает его старушка-мать. Добрый начальник лагеря предоставляет в ее распоряжение свой автомобиль; она не нарадуется здоровому виду сына. Один вор рассказывает, как здорово его перевоспитали, а другой поет: «Я вновь рожден, хочу я жить и петь!».

Ну, а что касается «вражеских свидетельств», то они, по советской версии, исходили в основном от людей, считавших свое заключение в лагерь несправедливым и превратившихся в противников сталинского режима. Поэтому они «антисоветчики», поставщики «антисоветской пропаганды». Такая позиция, разумеется, позволяла отметать любые фактические сведения.

В предисловии к книге Герлинга о советских лагерях знаменитый английский философ Бертран Рассел писал: «Эта книга заканчивается письмами видных коммунистов о том, что таких лагерей не существует в природе. Авторы писем и те попутчики, которые позволяют себе доверять их письмам, несут свою долю ответственности за почти немыслимые ужасы, обрушившиеся на миллионы несчастных, медленно умерщвляемых каторжным трудом и голодом в условиях полярной стужи. Попутчики, отказывающиеся верить свидетельствам таких книг, как написанная Герлингом, безусловно лишены гуманности. Ибо если бы у них оставалась хоть какая-то доля гуманности, то они не стали бы просто отметать свидетельства, а постарались бы в них разобраться»[1].

Как верно отметил Рассел, несчастных было именно миллионы. До сих пор не было, однако, ни одного официального советского признания по этому пункту — о семизначных числах. Опубликование повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и различных мемуаров бывших лагерников подтверждают, что столь долго оспаривавшиеся на Западе свидетельства о лагерях скрупулезно точны. Однако это относится к характеру лагерной системы и не характеризует — или недостаточно отчетливо характеризует — ее масштабы.

Многим людям доброй воли было труднее всего поверить не в само существование лагерной системы и ее «прелестей», а как раз в количество заключенных. Когда упоминались цифры в десять или пятнадцать миллионов, а то и больше, возникало инстинктивное ощущение, что это противоречит здравому смыслу, не согласуется с обычным жизненным опытом.

Что ж, конечно, это противоречило всякому смыслу и ни с каким опытом не согласовалось. Но ведь реальность сталинских порядков вообще нередко ставилась под сомнение, поскольку представлялась немыслимой. Весь сталинский

стиль в том и состоял, чтобы творить дела, дотоле морально и физически невообразимые.

Но все равно трудно соглашаться с гигантскими цифрами, трудно не усматривать в них «очевидных» преувеличений. И когда анализируешь различные свидетельства, то приходится делать над собой определенные усилия, чтобы осознать достоверность даже самых осторожных цифр. Свидетельства, имеющиеся в распоряжении, многообразны, но неточны, и оценка численности заключенных в сталинских лагерях дает цифру как минимум пять миллионов. Но это, конечно, самая осторожная из всех оценок. Я склонен принять цифру восемь миллионов человек, находившихся в лагерях в течение 1938 года. Ни в коем случае эта цифра не может быть далека от истины.

В 1938 году в Софии вышла книга Никонова-Смородина «Красная каторга»[2]. В ней приведен детальный список тридцати пяти лагерных групп, причем каждая группа состояла примерно из двухсот лаготделений со средним наполнением каждого в тысячу двести человек. В 1945 году был составлен более полный отчет на основе показаний поляков, выехавших из СССР по советско-польскому соглашению. Два польских автора Мора и Звезняк опубликовали в Риме подробные данные о 38 группах лагерей с приложением карты. Восемь групп из этих тридцати восьми относились к ведению Дальстроя[3]. Множество данных о лагерях на севере Европейской России содержится в книге Михаила Розанова[4]. В упомянутой выше сводной работе Далина и Николаевского на основе тщательного исследования описана деятельность 125 лагерей или лагерных групп, причем отмечается, что есть сведения о многих других лагерях, однако сведения, не полностью подтвержденные[5].

Подобно другим механизмам, из которых Сталин построил свою систему террора, лагеря не были его изобретением.

За малым исключением наши главные сведения о лагерной жизни поступают от представителей интеллигенции,

которые попали в лагеря в 1935-36 годах и позже. Дело в том, что среди жертв ежовщины был гораздо более высокий процент городской интеллигенции и иностранцев, чем среди жертв репрессий в предшествующие годы. В результате создается впечатление, что грандиозные количественные и качественные изменения в карательной системе возникли или происходили в начале ежовщины. Правда, есть несколько свидетельств интеллигентов-заключенных о более раннем периоде. Показания, например, профессора Чернявина, Ивана Солоневича[6] и других лиц мало отличаются от того, что рассказывали люди, прошедшие лагеря позднее. Однако в целом основную массу жертв репрессий в первое пятилетие тридцатых годов составляли крестьяне — то есть люди, менее склонные писать мемуары, — хотя в конце войны в результате плена и переселения определенный процент этих людей оказался в Западной Европе.

Надо отметить одно важное исключение. Многие из тех, кто побывал в лагерях в начале тридцатых годов, а после войны очутился на Западе, однажды прервали свое молчание. Когда крупный советский работник Виктор Кравченко, посланный в 1944 году в Америку, отказался вернуться в СССР, он написал книгу «Я выбрал свободу». В этой книге правдиво описана обстановка индустриализации, деятельность органов ОГПУ-НКВД и так далее. Французский коммунистический журнал «Леттр франсез» назвал эту книгу «фальшивкой», и Кравченко подал на журнал в суд. Вот здесь-то к автору книги неожиданно потекли свидетельства бывших советских граждан, живших на Западе. Многие из них были как раз крестьянами, репрессированными в начале тридцатых годов. Все свидетели подтвердили рассказанное в книге «Я выбрал свободу», и Виктор Кравченко выиграл процесс.

Эти неожиданные свидетельские показания, частично приведенные Виктором Кравченко в его второй книге «Я выбрал справедливость» (а также и более ранние свидетельства), ясно показывают, что задолго до начала ежовщины

лагерная система уже существовала почти в таком же виде, разве что с меньшим количеством узников. Описываются даже такие жестокости, которые к середине тридцатых годов, накануне ежовщины, стали применяться значительно реже. Вероятно, жестокость сотрудников НКВД к их жертвам в начале тридцатых годов объясняется тем, что жертвы были объявлены «кулаками» и считались подлинно вражеским элементом. В том же направлении действовала старая традиция: мужику — зуботычины, а с интеллигентом повежливей — мало ли, вдруг у него найдутся влиятельные родственники или друзья. Несколько позже, конечно, именно интеллигенция сделалась главной мишенью еще более жестоких эксцессов. Но до самого 1936 года политзаключенные пользовались известными привилегиями в лагерях — даже троцкисты, позже ставшие жертвами особенно злодейских расправ.

Возникновение первых лагерей относится еще к середине 1918 года, а первый декрет, узаконивший их существование, был издан в сентябре того же года[7]. Первый настоящий лагерь смерти был организован в 1921 году в Холмогорах, вблизи Архангельска. В 1923 году в Москве вышла адресно-справочная книга «Вся Россия»; в ней есть перечень из шестидесяти пяти концлагерей, находившихся в 1922 году в ведении Главного управления принудработ[8]. В октябре того же года Главное управление принудработ слилось с Центральным исправительно-трудовым отделом (ЦИТО) Наркомата юстиции и образовалось Главное управление мест заключения (ГУМЗ), подведомственное ГПУ.

Первым лагерем по-настоящему крупного масштаба был Соловецкий на дальнем севере европейской части России. Он был организован на базе знаменитого монастыря. С организацией лагеря при нем на время оставили некоторых старых монахов, чтобы учить заключенных рыбному промыслу. Позднее, как сообщает Кравченко, монахов ликвидировали как вредителей[9].

Санитарно-гигиенические условия в Соловецких лагерях были очень скверными. Есть сообщения, что только в 1929-30 годах эпидемии сократили численность заключенных с 14 до 8 тысяч человек[10]. Это вообще был тяжелый период для заключенных Беломорских лагерей; а в районе побережья Белого моря лагерей появлялось все больше. Между 1929 и 1934 годом заключенный Беломорских лагерей мог в среднем протянуть не больше двух лет, потом погибал[11]. Подобные условия почти всегда являлись результатом злоупотреблений и бездеятельности тюремщиков. Лекарство против этой болезни было обычным. Как рассказывает один их выживших заключенных, Чилига, «из Москвы приезжала комиссия ГПУ, половину лагерной администрации расстреливала, после чего жизнь заключенных быстро становилась столь же ужасной, как и прежде»[12].

7 апреля 1930 года было принято «Положение об исправительно-трудовых лагерях». В период стремительного роста лагерной сети ИТЛ приняли ту форму, которая сохранилась к началу ежовщины и в значительной мере — по сей день.

В разговоре с Черчиллем на Тегеранской конференции Сталин сказал, что во время коллективизации пришлось вести борьбу против десяти миллионов кулаков. Из них «громадное большинство», по свидетельству Сталина, «было уничтожено»[13]. Третья же часть, приблизительно, была отправлена в лагеря. В 1933-35 годах крестьянское население лагерей оценивалось примерно в три с половиной миллиона человек, — что составляло около семидесяти процентов общего числа заключенных[14].

Самые осторожные оценки численности лагерников в доежовский период выглядят следующим образом:

в 1928 году было 30 тысяч заключенных;

в 1930 году — свыше 600 тысяч (известны шесть крупных групп лагерей, существовавших в 1930 году);

в 1931-32 годах — около 2 миллионов (оценка может быть сделана на основе количества газет, распространявшихся среди заключенных);

в 1933-35 годах все оценки в основном сходятся на цифре в 5 миллионов человек;

в 1935-37 годах — 6 миллионов[15].

Для сравнения укажем, что в царские времена максимальное число сосланных на каторгу (1912 год) составляло 32 тысячи человек, а максимальное общее число заключенных по всей стране было — 183949[16].

ЭТАП

С самого начала своей деятельности лагерная система требовала все новых и новых поступлений. По вынесении приговора осужденных втискивали в тюремные кареты — «черные вороны». До революции каждый «черный ворон» был рассчитан на семерых арестантов, но после революции перегородки внутри «черных воронов» были перестроены и размеры клеток снижены до минимума. В результате каждый «черный ворон» теперь мог брать по двадцать восемь человек[17]. Потом, обычно по ночам, заключенных сажали в железнодорожные вагоны и везли к месту назначения. Вагоны были либо товарными теплушками (рассчитанными в дореволюционные годы на «12 лошадей или 48 человек», а теперь вмещавшими до ста заключенных)[18], либо так называемыми «столыпинскими» — по имени царского министра. Армянский писатель Гурген Маари, по личному опыту знакомый с этими вагонами, не без основания спрашивает: «почему они назывались «столыпинскими», эти ужасные, узкие каторжные вагоны? Они были совсем недавнего происхождения...»[19].

Железнодорожные переезды до лагеря подчас длились месяцами. Бывший заключенный В. Петров описывает поездку в арестантском эшелоне от Ленинграда до Владивостока, занявшую сорок семь суток[20]. Нередко в свидетельствах бывших лагерников утверждается, что транспортировка в эшелонах была более тяжким испытанием, чем сам лагерь. Переполненные товарные вагоны практически не отаплива-

лись зимой, а летом в них царила невыносимая жара. Недостаток и скверное качество воды и плохие санитарные условия приводили к тяжелым страданиям и высокой смертности в пути. Венгр Лендьел пишет о том, как он провел шесть недель в трюме парохода, плывшего «по одной из широчайших рек мира», получая четверть литра воды в день[21].

Охрана эшелонов — так называемые конвойные войска НКВД — отличалась особой жестокостью и пренебрежением к заключенным. Во время транспортировки или этапа даже формально не соблюдались соответствующие инструкции НКВД о выдаче ежедневной пищи, хотя обычно органы НКВД были прямо одержимы манией соблюдения инструкций и всяческих правил. Подчас заключенные вообще не получали кипятка. Нередко пищевой рацион изо дня в день сокращался, и в конце концов его вообще переставали раздавать. Даже воду охрана эшелона забывала иногда раздавать в течение одного, а то и двух дней[22]. Евгения Гинзбург описывает, как страдали в вагоне из-за того, что на протяжении поездки от Москвы до Дальнего Востока каждая женщина-заключенная получала по кружке воды в день — на все надобности[23].

Один из тех поляков, которых в 1939-40 году, после захвата Советским Союзом части Польши, отправили в Сибирь, вспоминает о поездке в следующих словах: «Почти немыслимо, чтобы живое существо, не охваченное особым приступом гнева или мстительности, упорно отказывалось подать ведро воды пятидесяти или шестидесяти другим живым существам, запертым в вагоне. Причем, подавая воду, человек не уменьшал свой собственный водный рацион. Однако факт тот, что эти люди, охранники, систематически отказывались давать воду. Целые сутки проходили без единой капли воды, поданной в вагоны. Бывали безводные периоды и по тридцать шесть часов»[24].

Тот же автор добавляет, что получив несколько сот[25] письменных свидетельств своих соотечественников об усло-

виях этапа, он отметил лишь один случай, когда охранник подал в вагон ведро воды сверх рациона, и пять случаев открытия вагонных дверей конвойными на десять минут, чтобы облегчить зловоние внутри. Что касается врачей и фельдшеров, следовавших с эшелонами, то в свидетельских показаниях поляков фигурируют несколько случаев «чего-то лучшего, чем полное равнодушие» по отношению к детям и два эпизода с проявлениями настоящей доброты[26].

Ожесточение в партии, в свое время отмеченное Бухариным, достигло низов и повсюду усилило жестокость.

Транспортировка серьезно подрывала силы заключенных. Евгения Гинзбург рассказывает, как партия мужчин, только что выгруженных из эшелона в дальневосточном транзитном лагере, была направлена в порт, грузиться на магаданский корабль — без еды. После того, как несколько человек упали мертвыми, остальные отказались двигаться дальше. Охранники начали панически пинать ногами трупы, а потом «убили несколько волочивших ноги людей "при попытке к бегству„»[27].

Во время этапа либо немедленно по прибытии в лагерь политзаключенных чаще всего грабили блатные, отнимая наиболее ценные вещи — теплую одежду или крепкую обувь. Делалось это довольно открыто, на глазах охраны. Старый уголовный мир царской России теперь сильно разросся. Гражданская война, разруха, голод начала двадцатых годов наложили на уголовный мир свой отпечаток. Уже тогда в него вливались беспризорные. Впоследствии коллективизация и другие социальные эксперименты разрушили еще много миллионов семей и предоставили уголовному миру новые подкрепления.

Процент осужденных по уголовным статьям кодекса колебался в лагерях от десяти до пятнадцати. Но большинство уголовников были так называемыми «бытовиками» — растратчиками либо осужденными за халатность на производстве, за злоупотребления служебным положением и так далее. Настоящие «урки» редко составляли больше пяти процентов

лагерного населения. В некоторых лагерях их не было совсем или почти не было — особенно в лагерях более строгого режима, вроде описанного Солженицыным в «Одном дне Ивана Денисовича». В таких лагерях почти все «зэки» сидели по статье 58 — в истолковании ОСО. В других лагерях «урки» были полновластными хозяевами, и там убийства политзаключенных по ночам в бараках, когда охрана и надзорсостав не решались вмешиваться, были обычным делом. Согласно нескольким свидетельствам, Карл Радек, приговоренный в 1937 году к заключению в лагерях, был убит именно при таких обстоятельствах[28].

К 1940 году НКВД навел больше порядка в лагерных бараках. В то время лишь в отдельных смешанных лагерях, как, например, в Каргополе, охрана смотрела сквозь пальцы на групповые изнасилования. Но и эти эксцессы были подавлены в 1941 году. Однако потом, в годы войны и после нее, контроль значительно ослабел опять. И в случае обычного грабежа или избиения охранники и надзиратели никогда не вмешивались.

Все это ныне подтверждено официальными советскими изданиями. Так, в воспоминаниях генерала армии Горбатова, читаем: «В Охотском море со мной стряслось несчастье. Рано утром, когда я, как и многие другие, уже не спал, ко мне подошли два «уркагана» и вытащили у меня из-под головы сапоги. Сильно ударив меня в грудь и по голове, один из уголовных с насмешкой сказал: «Давно продал мне сапоги и деньги взял, а сапог до сих пор не отдает». Рассмеявшись, они с добычей пошли прочь, но, увидев, что я в отчаянии иду за ними, они остановились и начали меня снова избивать на глазах притихших людей. Другие «уркаганы», глядя на это, смеялись и кричали: «Добавьте ему! Чего орешь? Сапоги давно не твои». Лишь один из политических сказал: «Что вы делаете, как же он останется босой?». Тогда один из грабителей, сняв с себя опорки, бросил их мне»[29].

Подобные вещи происходили с Горбатовым-заключенным еще несколько раз. Однажды, при покупке банки рыбных

консервов у расконвоированного заключенного, у Горбатова выкрали все деньги, письма и фотографии жены, причем уголовники отказались вернуть даже фотографии. А когда Горбатов открыл купленную банку, там вместо рыбы оказался песок[30].

Горбатов с удивлением убеждался, что охрана ничего против грабежей не предпринимала. В золотопромышленном приисковом лагере Мальдяк Магаданской области, где Горбатов отбывал срок, содержалось четыреста политзаключенных и пятьдесят уголовников. Последние были в привилегированном положении и тем или иным путем лишали политических значительной части даже положенного им ничтожного рациона:

«Работа на прииске была довольно изнурительная, особенно если учесть плохое питание. На более тяжелую работу посылали, как правило, «врагов народа», на более легкую — «друзей», то есть уркаганов. Из них же, как я уже говорил, назначались бригадиры, повара, дневальные и старшие по палаткам. Естественно, что то незначительное количество жиров, которое отпускалось на котел, попадало прежде всего в желудки «друзей». Питание было трех категорий: для невыполнивших норму, для выполнивших и для перевыполнивших. В числе последних были «друзья». Хотя они работали очень мало, но учетчики были из их же компании, они жульничали, приписывая себе и своим выработку за наш счет. Поэтому уголовники были сыты, а мы голодали»[31].

Вне лагерных зон — на пересылках, этапах, станциях и т.п. — уголовников вообще почти не ограничивали. У них в обычае было играть в карты на одежду какого-нибудь соседа, политзаключенного. Проигравший должен был раздеть жертву и отдать вещи выигравшему. Шла игра и на жизни заключенных. Заключенный венгр, сидевший в лагерях на Воркуте в 1950-51 годах, сообщает о такой игре на чужую жизнь между малолетними преступниками — подростками по 15 лет. Проигравший был обязан зарезать того несчастного, которого заранее избрали жертвой.

Вообще малолетние правонарушители — обычно в возрасте от 14 до 16 лет — редко появлялись во «взрослых» лагерях, они главным образом содержались отдельно. «Малолетки», как их называли в лагерном мире, были наиболее ужасающим элементом в советском обществе. Они были совершенно асоциальны. Убийство для них ничего не значило. Из таких несовершеннолетних сформировалось ядро широкого слоя хулиганствующей молодежи — слоя, по сей день существующего в Советском Союзе. С политической точки зрения банды хулиганов могут в любой момент стать штурмовыми отрядами, используемыми какой угодно группировкой в случае волнений в стране.

В воспоминаниях генерала Горбатова фигурирует беспалый уголовник, объясняющий генералу, как он лишился трех пальцев на руке: он проиграл другому вору одежду какого-то политзаключенного, но не успел стащить вещи с «политика», потому что того внезапно увезли на этап. Над ним немедленно учинили суд за невыплату долга и приговорили к отрубанию пальцев, причем уголовник-истец требовал отрубить все пять, но «совет старейшин» присудил отрубить только три. «У нас тоже есть свои законы» — говорил беспалый[32]. Однажды при групповом изнасиловании женщин на борту магаданского теплохода с заключенными, воровской вожак указал женщину, которую собирался взять себе, но какой-то уголовник перехватил ее раньше. Этому уголовнику в виде наказания выкололи глаза иглой[33]. Другого вожака, тоже на борту теплохода, самого постигла печальная участь: он проиграл в карты хлебный паек всей бригады, и уголовники, осудив его, разрубили на куски[34].

Уголовники (носившие такие клички как «Вошь», «Гитлер», «Кнут») в тридцатые годы назывались на жаргоне «урками» или «уркаганами». Позднее они именовались «блатными», а сами о себе говорили, что они «в законе» — то есть подчиняются лишь законам уголовного мира.

Одним из этих законов (в то время неукоснительно соблюдавшимся, а позже, как говорят, видоизмененным) был

отказ настоящего «урки» от работы. Поскольку приказы воровского штаба в пределах лагеря были столь же эффективны, как распоряжения лагерной администрации, с этим обычно ничего нельзя было поделать. Есть свидетельство об одном коменданте лагеря, который назначал «урок» на фиктивные работы, существовавшие только на бумаге. Как отмечает Горбатов в приведенном выше отрывке, уголовники фактически имели негласное соглашение с лагерными властями насчет того, что за них (и за себя, конечно) будут работать политические. Разумеется, уголовники-бытовики и воришки, еще не возведенные «в закон», работали тоже.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Высокий процент среди женщин в лагерях составляли уголовные преступницы. В основном они были грубы и бесстыдны. Правда, есть воспоминание о женщине-уголовнице, которая при людях, даже в бане, никогда не снимала панталон: татуировка на нижней части ее живота была столь неприличного свойства, что «даже владелица несколько стеснялась этих рисунков»[35].

По воспоминаниям тех лет, женщины, принадлежавшие к уголовному миру, звали себя «фиалочками», а политических заключенных звали с оттенком презрения «розочками»; в дальнейшем за ними укрепилось — и, по-видимому, держится до сих пор — жаргонное имя «воровайки». Единственными представителями чуждого им круга, к которым «фиалочки» относились более или менее сдержанно, были заключенные-монахини[36].

В целом женщины в лагерях выживали чаще, чем мужчины. Вероятно, поэтому свидетельств женщин, прошедших лагеря, пропорционально больше, чем свидетельств мужчин. Фактически, по надежным данным, в лагерях содержалось менее десяти процентов женщин, причем очень многие из них принадлежали к уголовному миру[37]. Тем не менее и этих

десяти процентов было достаточно, чтобы заполнить «неисчислимые общие и женские концлагеря на Севере», которые упоминает Пастернак в «Докторе Живаго»[36].

В общих лагерях женщины, не принадлежавшие к преступному миру, нередко подвергались групповому изнасилованию уголовниками или продавали себя за хлеб или отдавались «под защиту» какого-нибудь лагерного начальника. Те, которые не отдавались, шли на тяжелейшие работы, пока не капитулировали. В. Кравченко рассказывает следующую типичную историю из жизни заключенных на Беломорско-Балтийском канале. Молодая женщина отказалась уступить домогательствам начальника. Тогда он послал ее на работу вместе с группой уголовников-мужчин. Те в тот же вечер завязали ей глаза, изнасиловали и вырвали у нее изо рта несколько золотых зубов. Жаловаться было некому, потому что начальник лагеря, как было хорошо известно, сам изнасиловал несколько женщин-заключенных[39].

Охрана и надзиратели часто бывали жестоки с женщинами. В 1963 году на французском языке вышли воспоминания женщины, сидевшей в советских лагерях. Она пишет о молоденькой девушке, опоздавшей выйти на работу и спрятавшейся под настил пола. На нее напустили сторожевых собак, а сами охранники выволокли ее из укрытия с такой жестокостью, что буквально оскальпировали. Эта семнадцатилетняя девушка отбывала срок за кражу картошки[40]. Кстати говоря, свидетельства о пребывании в лагерях семнадцатилетних и даже шестнадцатилетних девушек относительно многочисленны.

Порядочные люди среди заключенных делали для женщин, что могли. Однако деморализация женщин из-за ухудшения физических условий существования была исключительно интенсивной. «Я думаю, — пишет Кравченко, — что нет более ужасного зрелища для нормального человека, чем несколько сот грязных, болезненного вида, опустившихся женщин. Романтизм, свойственный любому мужчине, глубоко этим возмущается»[39].

В только что упомянутой книге Андре Сенторен рассказывает свою жизнь простой француженки, вышедшей замуж за русского, выехавшей с ним в СССР и там разошедшейся с мужем. Выехать из страны ей, однако, не разрешили и в 1937 году арестовали. Она получила восемь лет как «жена врага народа». Среди эпизодов ее жизни в лагере есть такой. Колонну женщин гнали под конвоем сорок километров, а потом два часа держали перед воротами в зону под проливным холодным дождем — начальство смотрело кинофильм и не желало отвлекаться на прием заключенных[42].

В лагерях тех лет было очень мало тракторов или лошадей. Тяжести перетаскивали на бревнах-волокушах. По свидетельству Кравченко, в волокушу впрягали либо пятерых мужчин, либо семерых женщин[43]. Аналогичное свидетельство польского журналиста, бывшего заключенного: в лагерях на Печоре, где он отбывал срок, несколько сот женщин перетаскивали тяжелые бревна, а позже — рельсы для строившейся железной дороги[44].

В 1937 году на Потьме, в Мордовии, было организовано в составе лагерного комплекса особое лаготделение для семи тысяч жен и сестер «врагов народа». Позже лагерь был расформирован, часть женщин отправили в Караганду, а около двух тысяч — в район станции Сегета Кировской железной дороги. Есть сообщения, что эти женщины были освобождены по амнистии 1945 года[45].

НА НОВЫХ МЕСТАХ

Быстрое расширение лагерной сети при Ежове знаменовалось открытием все новых и новых лагерей. Например, в Архангельской области Каргопольлаг, состоявший из множества отделений, расположенных в радиусе пятидесяти пяти километров, насчитывал в 1940 году около тридцати тысяч заключенных; этот лагерь был основан в 1936 году силами всего шестисот заключенных, которых просто выса-

дили из поезда среди леса, после чего они построили себе бараки и огородили зону. Смертность среди этих первых обитателей Каргопольского лагеря была очень высока. По свидетельству одного из них, Герлинга, первыми погибали находившиеся в этом контингенте польские и немецкие коммунисты, за ними представители азиатских меньшинств[46].

Несомненно, Борис Пастернак пользовался рассказами своих друзей, прошедших лагерные ужасы, когда описывал устройство нового лагеря:

«Партию вывели из вагона. Снежная пустыня. Вдалеке лес. Охрана, опущенные дула винтовок, собаки овчарки. Около того же часа в разное время пригнали другие новые группы. Построили широким многоугольником во все поле, спинами внутрь, чтобы не видали друг друга. Скомандовали на колени и под страхом расстрела не глядеть по сторонам, и началась бесконечная на долгие часы растянувшаяся унизительная процедура переклички. И все на коленях. Потом встали, другие партии развели по пунктам, а нашей объявили: «Вот ваш лагерь, устраивайтесь, как знаете». Снежное поле под открытым небом, посередине столб, на столбе надпись «ГУЛАГ 92 Я Н 90» и больше ничего.

... Первое время в мороз голыми руками жердинник ломали на шалаши. И что же, не поверишь, постепенно сами обстроились. Нарубили себе темниц, обнеслись частоколами, обзавелись карцерами, сторожевыми вышками, — все сами. И началась лесозаготовка»[47].

Есть совершенно аналогичное свидетельство поляка-заключенного. Его вместе с другими, одетого в лохмотья, пригнали в некий пункт замерзшей тундры, где не было ничего кроме знака: «Лагпункт № 228». Заключенные вырыли землянки, покрыли грунтом и мерзлыми ветками, стали жить. В пищу давали ржаную муку, замешанную на воде[48].

Есть показания и другого заключенного, относящиеся к 1939 году. Его этап пригнали к временному лагерю, который даже при максимальном уплотнении не мог вместить больше одной пятой части прибывших зэков. Не поместившихся

оставили на несколько дней вне лагеря в грязи. Люди стали жечь костры, используя доски от лагерных бараков, за что охранники бросались на них и избивали. Дважды в день давали по трети литра супа и примерно полкило хлеба на сутки[49].

Прибывая в уже устроенные лагеря, заключенные подвергались сортировке по категориям труда. Для этого достаточно было осмотреть их ноги[50]. Первая категория означала пригодность к наиболее тяжелым физическим работам. (Евгения Гинзбург рассказывает, как первую категорию дали политзаключенной Тане Станковской «за четыре часа до смерти»)[51]. Затем заключенных разводили по баракам, где, как пишет Солженицын, «на пятидесяти клопяных вагонках спало двести человек» — на досках или матрацах, набитых «спрессовавшимися опилками»[52].

Повсюду было переполнено и тесно. В. Кравченко в бытность директором завода в Кемерово, договаривался с НКВД о поставке заводу двух тысяч зэков[53]. Трудность состояла не в том, где их взять, а в том, как разместить их по имевшимся в округе лагерям. Хозяйственникам показали лагерь, где, казалось, яблоку негде было упасть — но комендант этого лагеря согласился со своим начальником, что можно устроить в бараках дополнительный ярус нар и втиснуть еще больше заключенных.

В бараках имелись печи, но они не могли дать достаточно тепла этим хибарам, наскоро построенным в Арктике. К тому же «дают дневальным на каждую печку по пять килограмм угольной пыли, от нее тепла не дождешься», пишет Солженицын[54]. И он же рассказывает еще об одной принадлежности барака: «Тяжело ступая по коридору, дневальные понесли одну из восьмиведерных параш. Считается инвалид, легкая работа, а ну-ка, поди вынеси, не пролья!»[55].

Не считая воров-блатных, которые в нештрафных лагерях хозяйничали, как хотели, заключенные представляли собой разношерстный набор «политиков». Непременно были «вредители» — специалисты, инженеры. На первых порах они

использовались на технических работах, но когда террор принял массовый характер, в лагерях оказалось столько инженеров и вообще специалистов, что шансы получить техническую должность (чем многие до того спасались от верной смерти) стали пропорционально ниже.

В рассказе о лагерях Джезказгана[56] в числе заключенных упоминаются бывший член коллегии ЧК и посол в Китае, солист Большого театра, неграмотные мужики и генерал ВВС. Обычными категориями заключенных были бывшие военнослужащие, интеллигенты, а как особые категории «националы» (национальные меньшинства, украинцы и другие) и «религиозники» (активные верующие и члены сект). Солженицын указывает, что баптисты попадали в лагерь иногда просто за молитву. За это в те времена, о которых он пишет, «всем вкруговую по двадцать пять сунули. Потому пора теперь такая: двадцать пять, одна мерка»[57]. Есть многочисленные сообщения о сектантах, избитых или посаженных в карцер за отказ от работы в воскресенье[58]. В 1937 году в лагере видели священника, потерявшего зрение от побоев[59].

Как во все времена бед и притеснений, в те годы процветали хилиастические секты. Подобные же голоса — от имени угнетенных и потерявших надежду — доносятся до нас из эпох великих рабовладельческих империй. В годы террора некоторые секты проповедывали, что переживаемые ужасы ниспосланы Богом как испытание и что из униженного и деморализованного русского народа поднимается народ святых. В ноябре 1965 года на Воркуте все еще оставалось больше религиозных общин различного толка, чем в других районах страны[60]. Неудивительно: ведь на Воркуте осели бывшие заключенные тамошних лагерей и среди них много людей с обостренными религиозными и национальными чувствами.

Права заключенных были практически сведены к разрешению подавать письменные жалобы и заявления. Результат (по Солженицыну): «Ждут, время считают: вот через два месяца, вот через месяц ответ придет. А его нету. Или:

«отказать»[61]. К тому же начальство недолюбливало тех, кто надоедал ему жалобами.

Однако в каторжных лагерях была определенная свобода слова:

«А в комнате орут:

— Пожалеет вас батька усатый! Он брату родному не поверит, не то что вам, лопухам!

Чем в каторжном лагере хорошо — свободы здесь от пуза. В устьижменском скажешь шопотком, что на воле спичек нет, тебя садят, новую десятку клепают. А здесь кричи с верхних нар что хошь — стукачи того не доносят, оперы рукой махнули.

Только некогда здесь много толковать...»[62].

Многие воспоминания бывших лагерников содержат рассказы о заключенных, оставшихся преданными партии и правительству и объяснявших свой арест ошибкой[63]. Обычно такие «преданные» основательно раздражали других заключенных. В некоторых случаях — хотя и не всегда — эти люди становились доносчиками, стукачами. Так или иначе обычная практика НКВД состояла в том, чтобы иметь много стукачей. Тех из них, кого разоблачали, рано или поздно убивали в лагерях. Если лагерное начальство не успевало во-время убрать стукача из зоны, то по поводу его смерти шума обычно не поднимали. В книге Герлинга есть рассказ о бывшем известном следователе НКВД, который попал в лагерь и был там опознан. Его поначалу сильно избили, однако не убили до смерти; он бросился искать защиты у надзирателей, но те ничего не предприняли для его спасения, и через месяц, после бесконечных издевательств и напрасных попыток жаловаться, его прикончили.

РАСПОРЯДОК ДНЯ

Побудка, как сообщает большинство очевидцев, давалась обычно в пять утра ударами молотка о кусок рельса, висевший перед надзирательской. Любой заключенный, которого

через несколько минут после побудки заставали еще на койке, мог получить на месте несколько суток штрафного изолятора. Зимой в этот час еще темно. Прожектора «били по зоне наперекрест с дальних угловых вышек»[64]. Помимо колючей проволоки и охранников на вышках, во многих лагерях использовали для охраны еще и собак. Их длинные цепи заканчивались кольцами, и кольца эти скользили по проволоке, натянутой между вышками. Скрежет этих колец по проволоке вспоминается многими бывшими заключенными как непрерывный звуковой фон[65].

Первой заботой заключенных на протяжении всего дня была пища. Утром раздавался завтрак — наиболее приятная часть дневного рациона (позже мы подробнее рассмотрим питание заключенных — центральный момент всей системы норм и ключ к сталинским расчетам на эффективный рабский труд).

Затем происходил развод на работу. Заключенных выводили из лагерной зоны бригадами, обычно по двадцать-тридцать человек в каждой. Звучало предупреждение («молитва») конвоя:

«Внимание, заключенные! В ходу следования соблюдать строгий порядок колонны! Не растягиваться, не набегать, из пятерки в пятерку не переходить, не разговаривать, по сторонам не оглядываться, руки держать только назад! Шаг вправо, шаг влево — считается побег, конвой открывает огонь без предупреждения! Направляющий, шагом марш!»[66].

«Не считая сна, лагерник живет для себя только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином»[67]. Люди так недосыпали, что как только находили уголок потеплей, их сразу же бросало в сон. Если воскресенье бывало свободным днем (а таковым бывало не каждое воскресенье), то люди спали, сколько могли[68].

С обувью, как свидетельствует Солженицын, ситуация могла меняться. «Бывало, и вовсе без валенок зиму перехаживали, бывало, и ботинок тех не видали, только лапти да ЧТЗ (из резины обутка, след автомобильный)»[69]. Одежду без

конца латали и чинили: «заключенные... одетые во всю свою рвань, перепоясанные всеми веревочками, обмотавшись от подбородка до глаз тряпками от мороза»[70].

По многим воспоминаниям, язвы на теле — следствие грязной одежды — были общим явлением. Одежда время от времени подвергалась дезинфекции, когда заключенных водили в баню. В лагере, где сидел солженицынский Иван Денисович, баня была примерно раз в две недели[71]. Но часто для мытья и стирки белья не оказывалось мыла[72].

Можно было заявить о плохом самочувствии и получить освобождение от работы на один день. Но если уж заключенного признавали больным и выписывали ему больничное питание — это обычно означало, что жить такому человеку оставалось недолго. Впрочем, освобождение на день тоже зависело не только от состояния здоровья — была еще и квота: «Но право ему было дано освободить утром только двух человек — и двух он уже освободил»[73]. Евгения Гинзбург вспоминает, что освобождение от работы лекарь давал, «начиная с 38 градусов и выше»[74].

В книге Далина и Николаевского есть такое описание медосмотра в строящемся лагере:

«Нарядчик и лекпом, вооруженные палками, входят в землянку. Начальник спрашивает первого встречного, почему тот не выходит. «Я болен» — следует ответ. Лекпом пробует пульс и определяет, что человек здоров. На заключенного обрушивается град ударов, его выбрасывают наружу. «Почему не идешь на работу?» — спрашивает начальник следующего. «Болен» — все тот же упрямый ответ. Накануне этот заключенный был у лекпома и отдал ему последнюю вшивую рубаху. Теперь лекпом считает его пульс и находит высокую температуру. Человек освобожден. Третий заключенный отвечает, что у него нет ни одежды, ни обуви. «Возьмите одежду и обувь у больного» — нравоучительно приказывает начальник. Больной протестует, и его вещи стаскивают силой»[75].

Старый опытный заключенный Иван Шухов в повести

Солженицына знает, что утром на работу надо идти медленно: «Кто быстро бегает, тому сроку в лагере не дожить — упарится, свалится»[76]. Вообще те заключенные, которые выживали в первые месяцы лагерного существования, становились необыкновенно изощренными в трудном искусстве сохранять жизнь. Вместе с тем их приемы и обычаи делались традицией, входили в постоянный обиход. Например, Солженицын описывает, как заключенные подбирали щепу на строительной площадке, делали вязаночки и несли в лагерь[77]. Носить дрова в лагерь было запрещено, однако охрана ничего не предпринимала, пока колонна не приближалась к самому лагерю. Здесь заключенным приказывали бросить дрова: охранники тоже нуждались в дополнительном топливе, а носить дрова своими силами, вместе с автоматами, не могли.

Заключенные бросали вязаночки, но не все. При проходе через вахту следовал повторный приказ бросить топливо, и опять лишь часть оставшихся дров сбрасывалась на землю. В конце концов заключенным удавалось пронести в зону некоторую долю своей топливной добычи. Это устраивало обе стороны — и заключенных и охрану. Ведь если бы дрова при входе в лагерь отбирались подчистую, то заключенным не было бы смысла собирать их в рабочей зоне и нести с собой; они перестали бы это делать, и охрана осталась бы без дополнительного топлива. Тем не менее никакого открытого соглашения на этот счет не существовало. Соглашение было вполне негласным.

Так, в микрокосме, можно наблюдать становление правил и традиций нового общественного порядка.

В те годы сформировались и подлинно кастовые предрассудки. Заключенных стали считать людьми худшего сорта, как в древние времена. Постепенно распространилось мнение, что даже простой контакт с заключенными был чем-то унизительным для вольного человека. Считалось недопустимым, чтобы вольнонаемный ел ту же пищу, что и заключенные, спал с ними под одной крышей или нахо-

дился с кем-либо из них в дружеских отношениях. Доходило до крайностей. Известен случай, когда начальник лагеря сделал выговор оператору лагерного санпропускника: как смел он пустить в прожарку вместе с вещами заключенных рубаху вольнонаемного механика электростанции?[78].

Вольнонаемные граждане на Колыме иногда пытались помочь заключенным, с которыми вместе работали. Вольные «врачи, инженеры, геологи по мере возможности старались освобождать товарищей по профессии из числа невинно осужденных от катания тачки и использовать их по специальности». Один геолог, аттестуемый как «рыцарь Севера», отдал жизнь при попытке защитить нескольких узников от произвола. Вот примерный диалог этого человека с начальством:

«— Поторапливайтесь, товарищ! Люди могут погибнуть!

— Какие же это люди? — усмехнулся тот (представитель лагерной администрации). — Это враги народа!»[79].

Есть множество свидетельств о том, что лагерное начальство, в том числе порою и врачи, рассматривало заключенных как своих рабов. Даже в деталях сортировка заключенных по прибытии в лагерь напоминала иллюстрации к книгам о работорговле. Некто Самсонов, начальник Ярцевского лаготделения, обычно удостаивал своим присутствием медосмотр вновь прибывших и с довольной улыбкой щупал их бицепсы и плечи, хлопал по спинам[80]. Существовало мнение, что советская система принудительного труда «это шаг на пути к новому социальному расслоению, включающему слой рабов»[81] в древнем, прямом смысле слова. Последующие события, однако, приняли другое направление.

В нашумевшей статье «Иван Денисович, его друзья и недруги» литературный критик В. Лакшин писал: «Вся система заключения в лагерях, какие прошел Иван Денисович, была рассчитана на то, чтобы безжалостно подавлять, убивать в человеке всякое чувство права, законности, демонстрируя и в большом и в малом такую безнаказанность произвола, перед которой бессилен любой порыв благород-

ного возмущения. Администрация лагеря не позволяла зэкам ни на минуту забывать, что они бесправны и единственный судия над ними — произвол»[82].

В сороковые годы заключенный каторжного лагеря был обязан «перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и два шага спустя надеть»[83]. А вот слова начальника конвоя после того, как в результате повторных путаных проверок нашелся недостающий заключенный:

«— Что-о? — начкар заорал. — На снег посадить? Сейчас посажу. До утра держать буду.

Ничего мудрого, и посадит. Сколь раз сажали. И клали даже: «Ложись! Оружие к бою!» Бывало это все, знают зэки»[84].

Буквально все воспоминания бывших заключенных содержат сведения о применении охраной физической силы[85]. Отказ от работы наказывался по-разному: на Дальнем Востоке немедленным расстрелом, в других местах выкидыванием раздетого человека на снег, пока не сдастся, в большинстве же лагерей «кондеем» — карцером с 200 граммами хлеба в день. За повторный отказ наиболее вероятной была смертная казнь. Не только «саботаж», но и «антисоветская пропаганда» могли наказываться смертью[86].

Периодическое подтягивание лагерной дисциплины вело к массовой раздаче наказаний за самые незначительные проступки. Ссылки заключенных на правила внутреннего распорядка рассматривались как повторный и злостный отказ от работы. Известно, что именно по такому обвинению в Караганде было расстреляно в 1937 году четыреста человек одновременно[87]. В лагере возле Кемерова произошел «бунт». В действительности была забастовка протеста против гнилой пищи. Четырнадцать зачинщиков забастовки — двенадцать мужчин и две женщины — были расстреляны перед строем заключенных, а потом команды от всех бараков рыли им могилы[88].

Кроме этих дисциплинарных казней, часто открыто объявлявшихся по лагерям для пущего устрашения заключен-

ных, было много убийств и другого сорта. Из Москвы поступали приказы о ликвидации определенного числа бывших участников оппозиции — и эти приказы выполнялись после беглого опроса намеченных жертв. Допрос касался не лагерной жизни, а будто бы вновь открывшихся обстоятельств их основного преступления, после чего оно переквалифицировалось в наказуемое высшей мерой. В некоторых случаях, для массовых операций такого рода, в лагеря направлялись особо уполномоченные комиссии, в распоряжение которых передавались на время обширные помещения. Туда свозили обреченных для допросов и последующих казней. Есть свидетельство об одном таком центре на Воркуте — он действовал зимой 1937 года на заброшенном кирпичном заводе, и там было уничтожено около тысячи трехсот заключенных[89].

В большинстве крупных лагерных районов существовали также особые и совершенно секретные «центральные изоляторы», обслуживавшие целую группу лагерей каждый. Есть свидетельство, что за два года — 1937 и 1938 — в центральный изолятор Бамлага (Байкало-Амурский комплекс лагерей) было переведено около пятидесяти тысяч заключенных и там уничтожено. Жертвы связывали проволокой, грузили как дрова на машины, везли в укромные места и расстреливали[90].

Венгерский писатель-коммунист Лендьел, ветеран-заключенный сталинских лагерей, описывает один из таких лагерей уничтожения возле Норильска в своем рассказе «Желтые маки». Закрытие этого лагеря было выполнено так: сперва расстреляли всех оставшихся заключенных, а потом прибыли спецкоманды НКВД и расстреляли персонал и охрану закрываемого лагеря. Из-за вечной мерзлоты похоронить убитых было невозможно, и из трупов сделали естественно выглядевшие холмики, сложив их кучами и засыпав привезенным на грузовиках грунтом. Даже в ближайших лагерях об этом ничего не знали — и не узнали

даже тогда, когда бывший лагерь смерти заняла тюремная больница.

Но и обычное наказание, отбываемое в штрафных изоляторах, имевшихся при каждом лагере, могло быть смертельным. Вот описание:

«Сами клали БУР, знает 104-я: стены там каменные, пол цементный, окошка нет никакого, печку топят — только чтоб лед со стенки стаял и на полу лужей стоял. Спать — на досках голых, если зубы не растрясешь, хлеба в день — триста грамм, а баланда — только на третий, шестой и девятый дни.

Десять суток! Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, — это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулез, и из больничек уже не вылезешь.

А по пятнадцать суток строгого кто отсидел — уж те в земле сырой»[91].

Но и среди тех, кто избежал карцера, процветал авитаминоз. Герой Солженицына, лишившийся зубов от цинги в Печорском лагере Усть-Ижма, где он «так доходил, что кровавым поносом начисто его проносило», оказался счастливцем и оправился[92]. Вообще же от цинги открывались раны, гноились нарывы на теле.

Столь же распространенной была и пеллагра. Постоянно угрожала заключенным пневмония — обычно со смертельным исходом. Часто можно было видеть признаки дистрофии — опухание ног и лица, а на последней, гибельной стадии — вздутие живота[93]. В показаниях лиц, сидевших в сельскохозяйственных лагерях, отмечаются эпидемии брюцеллеза[94]. В северных лагпунктах частым явлением была гангрена с последующей ампутацией конечностей[95]. Туберкулез был частой и непосредственной причиной смерти. У женщин-заключенных примерно через два года лагерной жизни развивались постоянные маточные кровотечения[96].

Позднее вошло в обычай, когда труп приносили в морг,

«разбивать голову большим деревянным молотком, перед тем, как отвозить в могильник»[97].

Из лагерей иногда происходили побеги, но очень редко успешные. Это были акты отчаяния; и, конечно, степень людского отчаяния была достаточной, чтобы толкнуть на что угодно. В районе Печоры НКВД выдавал пять кило белой муки за поимку беглого зэка. В начале тридцатых годов крестьяне в разных районах страны еще укрывали беглых, но в годы всеобщего террора колхозники, запуганные насмерть, делали это уже неохотно и редко. Тем не менее, изредка побеги удавались. Особенно цыганам, если им удавалось достичь любого цыганского табора. Там была полная солидарность и надежное укрытие.

Успешные побеги совершили также некоторые выдающиеся личности, как, например, испанский коммунист, генерал республиканской армии Эль Кампесино.

Заключенных, пойманных при побеге, всегда жестоко избивали и почти всегда расстреливали.

За каждый побег заключенного из колонны вне лагеря охранников судили как соучастников и приговаривали к двум-трем годам, причем этот срок они отбывали также в должности охранников, но без оплаты. Это делало охранников исключительно настороженными и бдительными. В самом лагере тоже «если кто бежал — конвою жизнь кончается, гоняют их безо сна и еды. Так так иногда разъярятся — не берут беглеца живым»[98].

В результате такой сверхбдительности заключенных постоянно считали и пересчитывали:

«А второй вахтер — контролер, у других перил молча стоит, только проверяет, счет правильный ли.

И еще лейтенант стоит, смотрит.

Это от лагеря.

Человек — дороже золота. Одной головы за проволокой не достанет — свою голову туда добавишь»[99].

«Считают два раза при выходе: один раз при закрытых воротах, чтоб знать, что можно ворота открыть; второй

раз — сквозь открытые ворота пропуская. А если померещится еще н так — и за воротами считают»[100].

Здесь мы встречаем одну из нескольких интересных параллелей с рассказом Достоевского о каторге сороковых годов прошлого века — с его «Записками из мертвого дома». Вот как описывал аналогичную процедуру Достоевский:

«Поверка прозводилась унтер-офицером с двумя солдатами. Для этого арестантов выстраивали иногда во дворе, и приходил караульный офицер. Но чаще эта церемония происходила домашним образом: поверяли по казармам. Так было и теперь. Поверяющие часто ошибались, обсчитывались, уходили и возвращались снова. Наконец, бедные караульные досчитались до желанной цифры и заперли казарму».

Сравнивая нынешнее столетие с прошлым, мы видим, что во времена Достоевского арестанты имели значительно большую свободу внутри лагеря. Да и вне его они были не под такой суровой охраной, хотя Достоевский подчеркивает: арестанты мертвого дома отбывали несравненно худшую из трех разновидностей каторги. Правда, в остроге у Достоевского главным наказанием за внутренние провинности был не изолятор, а страшные розги, от которых человек иногда умирал; но за этим исключением жизнь арестантов мертвого дома была куда приятнее той, какую описывают Солженицын и другие авторы лагерных воспоминаний. В самом деле, каждый арестант имел сундучок с замком и ключиком; узники содержали домашних животных; они не работали по воскресеньям, по церковным праздникам и даже в дни своих именин. Евреи и мусульмане имели параллельные привилегии. Питание каторжников у Достоевского было намного, несравненно лучше, а больным каторжникам разрешалось выходить в город и покупать табак, чай, говядину, а на Рождество — так даже молочных поросят и гусей. Хлеба у них было так много, что они подкармливали им даже водовозную клячу.

Между тем, арестанты мертвого дома были ведь дейст-

вительно преступниками — часто убийцами, как главный герой Горянчиков, — хотя из тридцати каторжан в казарме и была дюжина политических.

Остроги того типа, какой описан Достоевским, были в пятидесятых годах XIX века ликвидированы (писатель указывает, что пишет о временах прошедших). Однако заключенные сталинских лагерей — не литературные персонажи, а живые люди — могли делать и другие сравнения. Например, один польский коммунист до того, как попасть в советские лагеря, отбыл два года в польской тюрьме Вронки для политических преступников. Там, в польской тюрьме, заключенных запирали только на ночь, а днем им разрешали гулять в саду; им разрешали получать от родных и знакомых любые книги, корреспонденция не ограничивалась и раз в неделю полагалась баня; наконец, их было всего пять в большой камере[101].

НЕВИДИМАЯ ИМПЕРИЯ

На огромных просторах Севера и Дальнего Востока СССР под управление НКВД переходили целые районы, равные по площади иным немалым государствам. Разумеется, множество лагерей было рассыпано по Уралу, по Архангельской области, а особенно вокруг Караганды и Турксиба. Но все это были сравнительно небольшие владения НКВД. Даже в карагандинском комплексе содержалось «всего» около полутораста тысяч заключенных, и лаготделения Карлага были разбросаны среди поселков, где жили и вольные и ссыльные.

Эти ссыльные или так называемые «вольные поселенцы» представляли собой тех, кто даже в глазах карательных органов выглядели ни в чем не виноватыми. По некоторым свидетельствам, они в ряде районов нередко бродяжничали, ночевали где попало, выпрашивали на хлеб и подря-

жались на любую работу — а иногда даже просились под арест, чтобы спастись от голода[102].

Двумя крупнейшими, подлинно колониальными владениями ГУЛАГа были, однако, огромная территория на севере европейской России за Котласом — примерно совпадающая с границами Коми АССР, — и еще более обширный район Дальнего Востока вокруг колымских золотых приисков. До прихода НКВД в качестве новых хозяев эти районы были заселены лишь горсткой русских и несколькими тысячами представителей арктических народностей. Через десять лет там было от миллиона с четвертью до двух миллионов заключенных.

Теперь и в Советском Союзе и за его пределами опубликованы достоверные свидетельства о том, что происходило в обоих крупнейших лагерных комплексах. Воспоминания генерала Горбатова, произведения Солженицына и другие опубликованные в Москве работы подтверждают и дополняют большое количество материалов, давно имеющихся на Западе.

Советская Арктика — особый мир. Ощущения арестанта, выброшенного из нормальной жизни, усиливаются местными физическими условиями. Зимой это исключительный, невообразимый мороз; это короткие дни, когда огромное багровое солнце на считанные часы восходит над горизонтом — или, глубже в Арктике, лишь подсвечивает небо, не появляясь; это беззвучно переливающиеся ионные потоки северного сияния. Летом — долгие-долгие дни, мошкара, слякотное болото оттаявшей почвы с необычной растительностью — мхами, лишайниками, карликовыми деревцами; и подо всем этим вечная мерзлота, твердая, как камень. К югу от этой полярной тундры лежит еще более дикий лесной пояс — тайга, в которой был размещен громаднейший комплекс лесных лагерей.

КОЛЫМА

Самый обширный лагерный район находился в ведении Дальстроя — дальневосточного строительного управления. Точные границы тогдашних владений Дальстроя еще полностью не определены, но известно, что они охватывали весь район к востоку от Лены и к северу от Алдана, простирающийся на восток по крайней мере до Олойского хребта — а эта территория вчетверо больше Франции.

Население лагерей Дальстроя никогда не достигало численности заключенных во втором (европейском) крупном комплексе. Равнялось оно приблизительно полумиллиону. Но смертность была так высока, что с ее учетом количество заключенных, прошедших через лагеря Дальстроя, оказывается наивысшим. Поскольку доставка заключенных в Магадан шла морем, а количество кораблей, их вместимость и частота рейсов известны с достаточной точностью, мы можем несложным подсчетом определить минимальное число погибших в «империи» Дальстроя за 1937-1941 годы. Этот минимум — один миллион[103].

Лагеря в основном концентрировались вокруг колымских месторождений золота, базирующихся на Магадан и бухту Нагаева[104]. В широких масштабах добыча золота развернулась там в начале тридцатых годов. В 1935 году были торжественно объявлены правительственные награды за успехи в этой области, опубликованы хвалебные статьи о награжденных. Большинство награжденных, как было сказано, работали на Колыме под руководством Е.П. Берзина. Среди указов о награждении орденами был один и несколько иного сорта — об освобождении пяти инженеров от наказания и восстановлении их во всех правах за заслуги в организации золотодобычи.

Говорят, что Берзин более или менее терпимо относился к жалобам заключенных[105]. Но он вместе с женой и ближайшим помощником Филипповым (по слухам, покончившим с собой в Магаданской тюрьме) были арестованы

в 1937 году, во время ежовской чистки органов НКВД. Разумеется, с ними арестовали и великое множество других сотрудников Дальстроя. Передают также, что центральное руководство НКВД боялось сопротивления аресту Берзина и потому арест был обставлен так: в Магадан прибыла многочисленная делегация НКВД якобы для награждения и чествования Берзина, которая и арестовала его в момент, когда он провожал «гостей» на аэродром[106].

Берзина сменил Гаранин, который открыл на Колыме кампанию террора, маниакальную даже по масштабам НКВД. Гаранинщина ознаменовалась пытками и казнями. Только в спецлагере Серпантинка Гаранин расстрелял в 1938 году около двадцати шести тысяч человек. Через несколько месяцев такого правления он был отозван и приговорен то ли к пятнадцати годам заключения, то ли, по другим сведениям, к расстрелу. Сменивший его Вишневецкий тоже продержался очень короткое время и в свою очередь получил пятнадцать лет за катастрофически неудачную экспедицию по разведке новых месторождений.

Новый начальник Иван Никишов — человек, по многим свидетельствам, холодно и беспощадно жестокий — правил Дальстроем дольше. Он женился на сотруднице НКВД Гридасовой, которая была назначена начальницей женского лагеря в Магадане. Жили они в комфортабельном загородном доме в семидесяти километрах к северо-западу от Магадана и имели даже собственные охотничьи угодья[107].

Путь зэков на Колыму включал морское путешествие в задраенных трюмах кораблей от бухты Ванино до Магадана. В трюмы набивали тысячи людей, переход длился восемь-девять дней и был страшен. Была также сделана попытка переправлять заключенных Северным морским путем в бухту Амбарчик, лежащую в устье реки Колыма, в Северном Ледовитом океане. Протяженность этого трудного полярного маршрута составляла больше шести тысяч километров, плавание должно было занимать два месяца. Первый же корабль «Джурма», посланный этим путем, был

захвачен осенним льдом, и когда после морской зимовки, в 1934 году, он прибыл в Амбарчик, на его борту не было ни одного из тысячи двухсот первоначально отправленных заключенных.

Случилось это как раз в то время, когда был затерт льдами и погиб исследовательский корабль «Челюскин». Команда «Челюскина» спустилась на лед, причем погиб лишь один человек, и устроила лагерь на льдине. Судьбой храбрых полярников был захвачен весь мир. Однако американские и другие предложения о помощи лагерю челюскинцев с воздуха были отклонены. Причина этого, как полагают, заключалась в близости зимовавшей «Джурмы»: советское руководство очевидно опасалось, что иностранные летчики могут наткнуться на злополучную «Джурму»[108].

После этого «Джурма», «Индигирка» и другие суда ходили в Магадан лишь коротким дальневосточным маршрутом[109]. На них разыгрывались наихудшие сцены воровского засилья. Как раз на борту «Джурмы» лишился сапог генерал Горбатов (см. выше). К 1939 году охранники на судах вообще перестали спускаться в трюмы к заключенным — они лишь стояли на палубе с оружием наизготовку, когда заключенных малыми группами выпускали в уборную. В результате блатные имели в трюмах большую свободу действий, чем где бы то ни было. В каждом переходе происходили убийства и изнасилования. В 1939 году на той же «Джурме» уголовники проломили стену трюма и прорвались к складу пищевых продуктов — после чего в этом складе возник пожар. Огонь стали тушить, но когда судно вошло в порт, в складском трюме что-то еще горело. При этом не было сделано ни малейшей попытки выпустить из трюмов заключенных, и когда они поняли, что в случае гибели судна их просто бросят в закрытых трюмах, началась паника[110].

Е. Гинзбург со своей стороны дает историю пожара «Джурмы» на море — вероятно, более детальную версию того же события. «Блатари хотели воспользоваться паникой для побега, — пишет она. — Их заперли наглухо в каком-то уголке

трюма. Они бунтовали, их заливали водой из шлангов для усмирения. Потом о них забыли. И вода эта от пожара закипела. И над «Джурмой» потом долго плыл опьяняющий аромат мясного бульона»[111].

В другом рейсе корабль имел на борту несколько сот молодых женщин, приговоренных к небольшим срокам за прогулы, совершенные на оборонных предприятиях. Женщины были в отдельном трюме, но уголовники сумели прорваться туда и стали насиловать женщин. Несколько заключенных, пытавшихся защищать женщин, были убиты. На сей раз командир охраны корабля был арестован[112].

По прибытии в бухту Нагаева (Магадан) «доходяг выносили по очереди на носилках. Их выносили и складывали на берег аккуратными штабелями, чтобы конвой мог отчитаться, чтобы не было путаницы с актами о смерти»[113].

Выжившие на пути в Магадан оказывались в очень странном мире.

Только бассейн реки Колыма занимает почти такую же площадь, как вся Украина. Это район страшного холода — до семидесяти градусов мороза. Заключенные выводились на наружные работы при температуре до пятидесяти градусов[114]. Тем не менее в 1938 году во всех лагерях Дальстроя была запрещена меховая одежда — разрешались только ватники; валенки заменили парусиновыми ботинками.

Лед на реках этого района держался восемь-девять месяцев в году. Недаром пелось по лагерям:

«Колыма-Колыма, дивная планета —
Двенадцать месяцев зима, остальные — лето!».

Примерно два зимних месяца солнце не всходило вообще. В английском издании очень сдержанных воспоминаний Элиноры Липпер, бывшей колымской заключенной, находим главу, деловито названную: «Болезни. Членовредительство. Самоубийства»[115].

Конечно, все это происходило не только на Колыме. Но на Колыме смертность была особенно высока — так же, как и степень отчаяния. Цитированный выше генерал Горбатов

был человеком сильной воли, он сумел даже выстоять на следствии, ничего не подписав. Но пробыв меньше года в золотопромышленных колымских лагерях, он выжил лишь чудом. Среди заключенных, работавших в шахтах, смертность оценивается в тридцать процентов всего состава в год[116] — хотя эта цифра до известной степени варьировалась в зависимости от расположения шахты, вида работ и характера коменданта лагеря.

На колымском рационе питания было вообще трудно выжить больше двух лет. Самое позднее к четвертому году заключенный был уже неспособен ни к какой работе, а к пятому году не мог остаться в живых[117]. В одном из штрафных лагерей Колымы поселили три тысячи заключенных. К концу первого года существования лагеря из этих трех тысяч тысяча семьсот умерли, а еще восемьсот человек лежали в госпитале с дизентерией[118]. В другом — не штрафном — лагере умирало по две тысячи заключенных в год при наполнении лагеря в десять тысяч человек[119]. Через пятнадцать месяцев пребывания в колымских лагерях умерло шестьдесят процентов из доставленных туда трех тысяч поляков[120].

В своих «Колымских записях», Г. Шелест рассказывает, что на Колыме в день «за сто процентов добычи давали 800 граммов [хлеба] три раза затируху и раз овсяную кашу» и что на открытых приисках у заключенных существовало строгое разделение труда: два человека разжигают костер, высекая огонь древним способом, без спичек; другие двое привозят на санках с реки воду со льдом, остальные разогревают, размягчают огнем участок мерзлой земли «парят грунт», раскапывают его и начинают мыть «старательское золото».

В этот лагерь привезли трех юношей лет семнадцати. Они выглядели моложе своих лет, потому что были так худы, что остались только кожа да кости. Один из них нашел дома после смерти отца «Завещание Ленина» в конверте, вложенном в один из томов собрания сочинений Ленина. Мальчик показал находку друзьям — и вот все друзья, которые видели текст «Завещания», а также, конечно, сам

нашедший, были арестованы по обвинению в терроре и контрреволюции. Все получили по пятнадцать лет. Трое ребят и еще две девочки из группы угодили на Колыму, остальные затерялись в разных лагерях страны[121].

На Колыме было несколько женских лагерей. В лагере Мульга женщины работали в гипсовом карьере[122]. Еще хуже была штрафная командировка Эльген. Работавшая там Евгения Гинзбург, — мать писателя Василия Аксенова,— спасшаяся только тем, что ее неожиданно сделали медсестрой, рассказывает об Эльгене так, что становится ясно: лагерь мало чем отличался от лагерей уничтожения. Нормы на лесоповале были невыполнимы; женщины готовы были торговать своим телом, лишь бы спастись; освобождение от работы по болезни давалось «в пределах лимита», и этот лимит неизменно заполняли уголовные преступницы; способы выжить были только угрозы, интриги и подкуп. Среди тех, кого посылали в Эльген, были женщины, забеременевшие в других лагерях: общение с мужчинами запрещалось, и беременность означала «нарушение». Тем, кто рожал, разрешалось несколько раз в день пытаться кормить младенцев. Но из-за непосильной работы и голодного рациона молоко почти не появлялось и через несколько недель врачи констатировали «прекращение лактации». «Младенцу предлагается отстаивать свое право на жизнь при помощи бутылочек «Бе-риса» и «Це-риса». Так что состав мамок страшно текуч»[123]. Горбатов и другие отмечают, что сотрудники НКВД порой спасали прежних коллег по работе, попавших в лагеря, или бывших партийных начальников, направляя их на сравнительно легкую работу. Старые связи помогали всем тем заключенным, у кого они были. Шелест описывает, как начальник управления лагерей встретил однажды среди заключенных своего бывшего комкора и сразу же закрепил его устройство на вещевом складе[124].

Лагерная администрация на Колыме была более жестокой и допускала больше произвола, чем в других лагерных комплексах. У одного колымского заключенного в 1937

году кончился срок. Он даже расписался в документе о своем освобождении. Но положенной справки об освобождении — единственного документа, на основании которого освобождаемому выдавался паспорт, — этому человеку не выписали. Без справки об освобождении было бессмысленно куда-либо уезжать, и бедняга продолжал выходить на работу в лагере в весьма двусмысленном качестве «освобожденного зэка». Он благоразумно не протестовал, ибо опасался какого-нибудь худшего оборота дела, а так его положение было все-таки несколько лучше, чем у остальных. В конце концов, на исходе 1939 года он получил справку об освобождении и ему разрешили поселиться в европейской части страны, хотя и не в той области, откуда он был родом[125].

В 1944 году произошел уникальный случай во всей истории концлагерей: Магадан посетил вице-президент Соединенных Штатов Америки Генри Уоллес. В качестве представителя Управления военной информации США вице-президента сопровождал профессор Оуэн Латтимор. Отчет о том, что они видели, сильно отличается от информации, которую мы имеем от бывших заключенных[126].

Уоллес нашел, что Магадан — место идиллическое. Об ужасающем Никишове он с одобрением писал, что тот «весело кружился вокруг нас, явно наслаждаясь прекрасным воздухом». Уоллес отметил материнскую заботу Гридасовой и восхищался вышивками, которые она ему показывала. (Об этих вышивках упоминается, между прочим, в книге Липпер:[127] женщины-заключенные, умевшие красиво вышивать, делали художественные вещи для жен лагерной аристократии — высших сотрудников НКВД — за ничтожные хлебные подачки. Делали в свободное время, то есть после десяти-двенадцатичасового рабочего дня, в условиях лагерных бараков. Подобную ситуацию упоминает и Солженицын: «художников в лагере трое, пишут для начальства картины бесплатные»[128]).

Профессор Латтимор[129] сурово осудил жестокости ца-

ризма в Сибири. К счастью, писал он, те времена миновали. Освоение Севера ведется в СССР планомерно, под руководством «замечательного объединения Дальстрой, которое можно лишь приблизительно сравнить с американской Компанией Гудзонова залива».

На него также произвели большое впечатление мистер Никишов и его супруга. «Мистер Никишов, начальник Дальстроя, был только что удостоен звания Героя Социалистического Труда за свои исключительные достижения. Он и его жена проявляют интерес к искусству и музыке, свойственный образованным и чувствительным людям. У них отмечается также глубокое чувство гражданской ответственности».

Латтимор с одобрением цитирует еще одного участника поездки, восхищавшегося балетным спектаклем местного театра. По словам этого человека, то было высокое наслаждение, естественно сочетавшееся там с главным предметом добычи — золотом. Столь же высоко этот ценитель балета ставил высокие способности руководства. Латтимор замечает даже, что обстановка в Дальстрое выгодно отличалась от атмосферы американских приисков времен золотой лихорадки, где процветали «водка, грех и драки». В Дальстрое, писал профессор, озабочены главным образом состоянием оранжерей, где выращиваются помидоры, огурцы и даже дыни, чтобы у шахтеров было достаточно витаминов.

Помидоры, о которых Латтимор упоминал с таким лиризмом, действительно выращивались. У той же колымчанки Элиноры Липпер есть описание помидорных теплиц, которые были под надзором грубой, но деятельной женщины-врача в тюремной больнице северного участка. Большая часть помидоров шла начальству, но кое-что доставалось и тяжело больным, о чем автор пишет как о явлении, совершенно необычайном[130].

Надо сказать, что Никишов действительно проявил «высокие способности руководства», приписанные ему Латтимором. Ибо прием американской делегации был организован поистине великолепно. Всех заключенных района

заперли в бараках. Сторожевые вышки на время визита быстро сняли. Были приняты и другие меры, чтобы обмануть гостей. Например, Уоллесу показали образцовую свиноферму, где роли свинарок играли упитанные сотрудницы ГУЛАГа. В витрины магаданских магазинов поставили все промтовары, какие только имелись на складах. И так далее[131].

Американским посетителям показали и золотую шахту в Колымской долине. На опубликованной Латтимором фотографии видна группа крепких мужчин, ничем не похожих на заключенных, о которых мы знаем из советских и других источников. Подпись под снимком гласила: «Им нужно быть сильными, чтобы противостоять суровой зиме»[132]. Сама по себе фраза правильна, однако применительно к реальным заключенным ее, пожалуй, надо понимать в другом смысле: поскольку им все равно не выдержать суровой зимы, нет необходимости поддерживать их силы.

ПЕЧОРА

Ни один лагерный комплекс в СССР не имел такой репутации, как Колыма, в смысле холодов, изоляции и смертности. Но были районы с условиями, приближавшимися к колымским, — особенно обширный северо-восточный угол европейской части СССР вдоль бассейна реки Печоры. Бассейн Печоры занимает территорию, более крупную, чем Британские острова или Новая Англия, штаты Нью-Йорк и Нью-Джерси в США вместе взятые. Здесь, между Котласом, представлявшим собой «ворота» в район, и угольными месторождениями Воркуты, была самая густая в стране концентрация лагерей — больше миллиона заключенных.

Две трети года температура на Воркуте держится ниже нуля. Более ста дней в году тундру продувает «ветер всех ветров». Тех, кто попадал на Воркуту с юга России, местный климат убивал: очень немногие из них выдерживали

больше года-двух[133]. Большинство свидетельских показаний заключенных относится как раз к этому району.

В 1936 году начальником Печорских лагерей был майор Мороз. Об этом майоре из НКВД вспоминают по-разному: иногда как об особенно жестоком человеке, иногда как о начальнике, достаточно разумном, чтобы в обмен на хорошую работу давать приличную еду и сносные условия. Его заместитель Богаров, человек жуткого и жестокого вида, по-видимому был на самом деле гуманен, по крайней мере, настолько, насколько позволял его пост, и именно благодаря ему во времена Мороза условия были несколько лучше. Мороз сам короткое время был заключенным — между двумя высокими назначениями в системе НКВД. Потом он исчез.

Мороза сменил закоренелый садист Кашкетин, про которого говорили, что от него спасаются только те, о чьем существовании он не знает. Через несколько месяцев правления Кашкетина лишь в одной группе лагерей в изоляторы попали две тысячи заключенных, из коих в живых осталось семьдесят шесть человек. Жестокость Кашкетина помогла ему не больше, чем Морозу его «мягкость»: он тоже исчез вместе со своими ближайшими подчиненными в конце ежовщины.

Аналогичные условия царили в меньшем, но все же немалом масштабе во всей системе ГУЛАГа: от Белого моря до Сахалина, от огромных Карагандинских лагерей до до сих пор не описанных «лагерей смерти» на Таймырском полуострове и Новой Земле, или, по словам Солженицына, «от полюса холода Ой-Мякон до медных копей Джезказгана»[134].

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Миллионы рабов-заключенных в распоряжении ГУЛАГа играли важную экономическую роль и воспринимались как нормальный компонент советского народного хозяйства.

Специальный комитет, назначенный Организацией Объединенных Наций по резолюции ЮНЕСКО и Международной организации юристов, расследовал этот вопрос. В комитет входили известный индийский адвокат, бывший председатель Верховного суда Норвегии и бывший министр иностранных дел Перу. В 1953 году комитет представил ООН сдержанный и обоснованный документ, не оставлявший сомнений в том, что в советской экономике принудительный труд занимает «значительное место».

В древнем мире государственные рабы считались обычной категорией. Древние Афины разрабатывали серебряные рудники в Лаврионе именно с помощью своих государственных рабов. В древнем Риме тоже были общественные рабы, так называемые *servi publici*.

Однажды, когда начальник одного из промышленных главков РСФСР запросил несколько сот заключенных на срочные работы военного значения, сотрудник НКВД заявил ему, что их не хватает: «Маленкову и Вознесенскому нужны рабочие руки, Ворошилов требует строителей дорог... Что нам делать? Факт тот, что мы пока недовыполняем планы по арестам. Спрос на рабсилу превышает предложение»[135].

Обычно считают, что типичными советскими лагерями были лесозаготовительные. Однако, по самым надежным оценкам, в 1941 году (когда население лагерей было, кстати сказать, не очень большим) лишь 400 тысяч заключенных были заняты лесоповалом. Остальные распределялись по следующим главным категориям:

горношахтные работы — 1 миллион;
сельское хозяйство — 200 тысяч;
поставка заключенных предприятиям по договорам — 1 миллион;
сооружение и обслуживание лагерей — 600 тысяч;
изготовление лагерного инвентаря — 600 тысяч;
строительные работы — 3 миллиона 500 тысяч[136].

Даже в северо-восточном лесном массиве большой процент заключенных был занят строительством железной

дороги Котлас — Воркута. Многие другие, подобно герою Солженицына, возводили различные промышленные или шахтные сооружения.

Часто указывалось на то, что рабский труд экономически неэффективен. Любопытно, что публикуя впервые некоторые рукописи Маркса к «Капиталу», сталинская партия в 1932 году, когда ГУЛаг уже становился своего рода «государством в государстве», довела до сведения читателя следующие слова основателя своей экономической теории: «У раба минимум заработной платы представляется независимой от его труда постоянной величиной. У свободного рабочего эта стоимость его способности к труду и соответствующая ей средняя заработная плата представляются не в таких предопределенных, независимых от его собственного труда, определяемых только его физическими потребностями границах»[137].

Таким образом, по Марксу, неэффективность рабского труда очевидно объясняется отсутствием стимулов.

Того же мнения придерживаются и супруги Сидней и Беатриса Вебб. Стоит, кстати, процитировать соответствующее место из их книги «Советский коммунизм — новая цивилизация», хорошо отражающее определенный взгляд на советские дела, характерный для тридцатых годов. Критикуя свидетельство профессора Чернявина о его пребывании в советских лагерях, супруги Вебб пишут следующее:

«Приходится пожалеть, что это свидетельство — конечно сильно тенденциозное — смешивает личный опыт и наблюдения над обстановкой, по совести говоря, достаточно скверной, со всякими неподтвержденными сплетнями и явно преувеличенными статистическими домыслами, не поддающимися проверке. Этот рассказ имел бы больший вес, если бы он основывался на достаточно серьезных фактах, непосредственно знакомых автору. Его наивная вера, будто те или иные места ссылки содержатся и непрерывно пополняются тысячами ссыльных рабочих и технических специалистов с явной целью извлечь из их принудитель-

ного труда добавочный доход для государства, покажутся невероятными для каждого, кто знаком с экономическими результатами работы каторжан или тюремных заключенных в любой стране мира»[138].

Что ж, массовые аресты, действительно, остаются в основном явлением политическим. Желание получить даровую рабочую силу могло быть лишь вторичным мотивом. Ведь инженеры и ученые, врачи и адвокаты не потому арестовывались, что кому-то хотелось превратить их в плохих лесорубов. Как пишет Вайсберг:

«После двадцати лет бесчисленных трудностей и громадных расходов советскому правительству удалось наконец собрать трудоспособный коллектив действительно талантливых физиков. И что же случилось? Шубников, один из ведущих специалистов по низким температурам в стране, помогает строить канал на Севере. Там же и наш первый директор, профессор Обремов, тоже один из ведущих советских физиков и специалист по кристаллографии. Можете сами вообразить, сколько стоят землекопы вроде Шубникова и Обремова!»[139].

Все это так. Но когда масса людей уже была под арестом, их возможная эксплоатация представлялась экономически целесообразной. Не упуская из виду некую иррациональность сталинского террора, надо признать, что в решении влить труд заключенных в хозяйство страны нет ничего, противоречащего здравому смыслу. В этом вопросе Сидней и Беатриса Вебб просто не разобрались в мотивах Сталина.

Больше того, Сталин прекрасно знал об экономических возражениях Маркса против рабства. И, как обычно, не принимая во внимание исторические прецеденты, он решил преодолеть неблагоприятный прогноз. Сталин применил простой, но никем еще не испытанный способ: не давать рабу заранее отмеренных средств к существованию, а связать его рацион с выработкой. Предполагалось, что отсутствие стимулов, указанное Марксом, будет таким путем преодолено.

Разумеется, проекты, построенные на использовании принудительного труда, как и многое другое в сталинских хозяйственных расчетах, часто бывали абсолютно необоснованными — даже по советским меркам. У нас есть свидетельство, что в 1947 году, во время крупной волны арестов, Сталин заявил на заседании Совета Министров, что русский народ давно мечтал иметь надежный выход в Ледовитый океан из устья Оби. Этого замечания оказалось достаточно, чтобы было принято решение строить железную дорогу на Игарку. И в течение четырех с лишним лет, зимой в глубочайшем снегу, при морозах до 55 градусов, а летом на болотах под тучами комаров, трудились на гигантской трассе заключенные. Восемьдесят лагерей, расположенные с интервалом около пятнадцати километров, строили 1300 километровый путь. Если бы эта работа была когда-нибудь завершена, то стоимость каждого километра дороги составила бы от четырех до шести миллионов рублей. В конце концов было уложено 850 километров рельсовых путей, на протяжении 450 километров поставлены телеграфные столбы. Но после смерти Сталина «стройку прекратили из-за ненадобности дороги. Увезли технику, ушли люди... Сотни километров рельсов ржавеют»[140]. «В тундре остались рельсы, поселки, паровозы, вагоны», пишет работавший на стройке инженер[141].

Однако здесь сказалась нерациональность самой советской политической и плановой системы. Когда дело шло об обычных работах — вроде, скажем, лесозаготовок, — то могло показаться, что действительно был найден метод обеспечения государства очень дешевой рабочей силой.

Некоторые заключенные пытались на месте определять экономическую ценность их лагерей. Один мой знакомый был заключенным на Воркуте, в лесозаготовительном лагере. Некоторое время он там находился на административной работе (1950-52 годы). По его словам, результаты работы в значительной мере фальсифицировались, шли постоянные приписки — как на многих советских предприятиях того времени. Масса непроизводительных работ засчитыва-

лась в выполнение нормы. И хотя заключенные получали только абсолютный минимум самого необходимого, расходы на содержание лагеря, на его охрану, администрацию и так далее значительно превосходили приносимый в виде продукции доход. В книге А. Экарта[142] о Воркуте те же результаты получаются и по угольным шахтам — хотя, правда, шахты эти были бы, вероятно, нерентабельны и с вольнонаемной рабочей силой ввиду удаленности от районов потребления продукции и высокой стоимости производства в воркутинских условиях. Существует и более общий расчет[143], показывающий, что если и был какой-то доход от принудительного труда в масштабе всей страны, то доход этот был ничтожен.

Свидетельство советского автора подтверждает эту точку зрения. Инженер Побожий вспоминает о разговоре, в ходе которого другой инженер, сам бывший заключенный, отзывается на мнение о том, что использование рабочей силы заключенных обходится сравнительно дешево:

«— Это так только кажется, — возразил он. — Ведь заключенных нужно хоть как-то кормить, обувать, одевать и их нужно стеречь, и стеречь хорошо, строить зоны с вышками для часовых, кондеи, да и содержание охраны дорого обходится. А потом оперче, кавече, петече и прочие «че», которых, кроме лагеря, нигде нет... В общем, штат большой. Дрова, воду им возят, полы моют, бани топят опять-таки заключенные. Да мало ли что еще нужно для живых людей?... А сколько на колоннах и лагпунктах всяких дневальных, поваров, кухонной прислуги, водовозов, дровоколов, бухгалтеров, плотников, учетчиков и прочих «придурков», как их называют в лагере! Так что, если в среднем взять, на каждого работягу приходится полторы прислуги. А главное, охрана не может обеспечить фронт работы: то механизмы нельзя применять, а то десятникам и прорабам, тоже заключенным, просто из-за разводов, проверок и прочей кутерьмы некогда подумать об организации труда...»[144].

Следует отметить, что необходимость охранять лагеря приносила также и чисто *военный* ущерб. В течение всего

периода войны лагеря продолжали охраняться отборными частями НКВД в пропорции приблизительно один охранник на двадцать заключенных. Таким образом советское правительство не использовало в военных операциях по меньшей мере четверть миллиона обученных и здоровых солдат.

При всем том в определенных условиях принудительный труд был экономически целесообразен: цена на печорский и карагандинский уголь была иногда значительно ниже цены на уголь донецкий[145]. Более того, есть области, где наемная рабочая сила обходится невероятно дорого и где принудительный труд, по-видимому, экономически предпочтителен — например на шахтах и стратегических дорогах северо-восточной Сибири. В 1951 году в конгрессе США были объявлены невероятно высокие цифры стоимости рабочей силы на строительстве авиабазы в Гренландии. Можно быть уверенным, что эквивалентные авиабазы в советской Сибири обошлись куда дешевле с применением принудительного труда — дешевле даже по сравнению с более низкими расходами на оплату советских вольнонаемных рабочих. Иными словами, хотя система принудительного труда годится отнюдь не везде, есть определенные области, где она может быть доходной.

Но пытаться абстрактно исследовать экономику труда заключенных — явная ошибка. Ведь получается, что человек, уничтоженный одним-двумя годами безжалостной каторги, «полезнее» человека, содержащегося в тюрьме. Нет, лагеря были прежде всего эффективны политически. Они изолировали от народа всех потенциальных зачинщиков беспорядков, они служили страшнейшим пугалом против любой антисоветской деятельности или даже сомнительных разговоров. Если предположить, что политический террор был кому-то необходим, то лагеря были, так сказать, полезным конечным продуктом террора.

Как все остальное в сталинскую эпоху, система лагерей действовала по принципу давления сверху. Каждый лагерь имел свой план, каждый начальник лагеря работал с перспективой либо наград, либо наказаний. Иногда это приводило к странным результатам. Так, есть сообщения о начальниках,

которые держали у себя пойманных беглецов из других лагерей. Они не хотели отдавать работников по принадлежности, как было положено. Или известен случай с группой стариков и инвалидов в пересыльной тюрьме в Котласе: они жили и жили в тюрьме, потому что ни один лагерь не желал принимать их по, так сказать, очевидным экономическим причинам. Так прожили они больше года и в конце концов проблема разрешилась сама собой — несчастные постепенно все и умерли на пересылке[146].

РАЦИОН И ЖИЗНЬ

В лагерях применялась система норм и рационов. Основной принцип состоял в том, что существовали различные «котлы» питания. Принцип этот несложен. Точные цифры варьируют довольно значительно. Элинора Липпер дает следующий типичный рацион для колымских лагерей, где она была заключенной. Мужчины в этих лагерях получали тот же рацион, что и женщины, за исключением шахтеров и других занятых очень тяжелым физическим трудом, получавших повышенный рацион.

Суточный рацион хлеба (в граммах):

	Мужчины на тяжелых работах	Мужчины на «легких» работах и женщины
для выполняющих и перевыполняющих нормы — до	800-900	600
для выполняющих от 70% до 99%	700	500
для выполняющих от 50% до 69%	500	400
штрафная норма	300	300

В дополнение к этому, все зэки получали похлебку, 100 гр соленой рыбы и 60 гр крупы; 5 гр муки, 15 гр растительного

масла, 10 гр сахара, 3 гр. чая, 300 гр. кислой капусты[147]. Заключенный поляк, находившийся на Колыме в 1940-41 годах, вспоминает, что за половину нормы давали пайку в 500 граммов, а за меньшую выработку — 300[148].

В книге Далина и Николаевского приводится рацион одного из северных лагерей в ту же зиму 1941-42 годов: за полную норму — 700 граммов хлеба плюс суп и каша; для невыполняющих — 400 гр. хлеба и суп[149].

Большинство северных лагерей имело нормы, близкие к указанным выше. Вне арктических районов хлеба давали меньше:

за перевыполнение нормы	750–1000 гр.
за 100% нормы	600– 650 гр.
за выполнение от 50% до 100%	400– 475 гр.
штрафная норма (ниже 50%)	300– 400 гр[150].

Любопытно сравнить эти нормы с нормами известного японского лагеря для военнопленных на реке Куай (Тха Махан). Там пленные получали на день 700 гр. риса, 600 гр. овощей, 100 гр. мяса, 20 гр. сахара, 20 гр. соли и 5 гр. растительного масла, что составляло 3400 калорий, в составе которых, как и в СССР, сильно недоставало витаминов[151].

Можно сделать и некоторые другие сравнения. В начале тридцатых годов, когда на Украине свирепствовал голод, нормы хлеба в украинских городах были такие: 800 граммов для рабочих тяжелой промышленности, 600 граммов для остальных рабочих, 400 граммов для служащих. Во время блокады Ленинграда в 1941-42 годах, когда от одной трети до половины населения умерло от голода, рационы хлеба в самый худший период были следующие:

октябрь 1941 года – 400 граммов в день для работающих и 200 граммов для иждивенцев;
конец ноября 1941 – 250 граммов для работающих и 125 граммов для иждивенцев;
конец декабря 1941 – до 350 граммов для работающих и 200 граммов для иждивенцев[152].

В Ленинграде выдавались еще небольшие количества мяса и сахара; занятые на тяжелых работах получали дополнительные рационы сверх нормы; а главное отличие заключалось в том, что в лагерях заключенные никогда не получали своих рационов полностью, и если где-то оказывались порченые или низкосортные продукты, то они и шли в арестантские котлы. Солженицын рассказывает:

«Паек этих тысячу не одну переполучал Шухов в тюрьмах и в лагерях, и хоть ни одной из них на весах проверить не пришлось... но всякому арестанту и Шухову давно понятно, что честно вешая, в хлеборезке не удержишься. Недодача есть в каждой пайке — только какая, велика ли?»[153].

Объясняется это просто:

«С утра, как из лагеря выходить, получает повар на большой лагерной кухне крупу. На брата, наверно, грамм по пятьдесят, на бригаду — кило, а на объект получается немногим меньше пуда. Сам повар того мешка с крупой три километра нести не станет, дает нести шестерке. Чем самому спину ломать, лучше тому шестерке выделить порцию лишнюю за счет работяг. Воду принести, дров, печку растопить — тоже не сам повар делает, тоже работяги да доходяги — и им он по порции, чужого не жалко. Еще положено, чтоб ели, не выходя со столовой: миски тоже из лагеря носить приходится (на объекте не оставишь, ночью вольные сопрут), так носят их полсотни, не больше, а тут моют да оборачивают побыстрей (носчику мисок — тоже порция сверх). Чтоб мисок из столовой не выносили — ставят еще нового шестерку на дверях — не выпускать мисок. Но как он ни стереги — все равно унесут, уговорят ли, глаза ли отведут. Так еще надо по всему, по всему объекту сборщика пустить: миски собирать грязные и опять их на кухню стаскивать. И тому порцию. И тому порцию.

Сам повар только вот что делает: крупу да соль в котел засыпает, жиры делит — в котел и себе (хороший жир до работяг не доходит, плохой жир — весь в котле. Так зэки больше любят, чтоб со склада отпускали жиры плохие). Еще

— помешивает кашу, как доспевает. А санинструктор и этого не делает: сидит — смотрит. Дошла каша — сейчас санинструктору: ешь от пуза. И сам — от пуза. Тут дежурный бригадир приходит, меняются они ежедён — пробу снимать, проверять будто, можно ли такой кашей работяг кормить. Бригадиру дежурному — двойную порцию.

Тут и гудок. Тут приходят бригадиры в черед и выдает повар в окошко миски, а в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы — не спросишь и не взвесишь, только сто тебе редек в рот, если рот откроешь»[154].

И так было во всем: «И здесь воруют, и в зоне воруют, и еще раньше на складе воруют»[155].

Эффективность эксплоатации заключенных несколько поднималась, особенно в лесозаготовительных лагерях, с помощью разделения заключенных на бригады с коллективной ответственностью за плохую работу.

«Кажется, чего бы зэку десять лет в лагере горбить? Не хочу, мол, да и только. Волочи день до вечера, а ночь наша. Да не выйдет. На то придумана — бригада... Тут так: или всем дополнительное, или все подыхайте. Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду? Нет, вкалывай, падло!

А еще подожмет такой момент, как сейчас, тем боле не рассидишься. Волен не волен, а скачи да прыгай, поворачивайся. Если через два часа обогревалки себе не сделаем — пропадем тут все на́ хрен»[156].

Бригадир-заключенный, под контролем учетчика и десятника, записывал бригадную выработку. Затем сотрудники лагеря оценивали выработку в сравнении с дневными нормами. Их решение передавалось в продстол, который и выписывал бригадам рационы в зависимости от выполнения этих норм[157].

«От процентовки больше зависит, чем от самой работы. Который бригадир умный — тот на процентовку налегает. С ей кормимся. Чего не сделано — докажи, что сделано; за что дешево платят — оберни так, чтоб дороже. На это большой

ум у бригадира нужен. И блат с нормировщиками. Нормировщикам тоже нести надо.

А разобраться — для кого эти все проценты? Для лагеря. Лагерь через то со строительства тысячи лишние выгребает, да своим лейтенантам премии выписывает. Тому же Волковому за его плетку. А тебе — хлеба двести грамм лишних в вечер. Двести грамм жизнью правят»[158].

Бригадир Тюрин в «Одном дне Ивана Денисовича» однажды «хорошо закрыл процентовку». Это означало, что «теперь пять дней пайки хорошие будут. Пять, положим, не пять, а четыре только: из пяти дней один захалтуривает начальство, катит на гарантийке весь лагерь вровень, и лучших и худших»[159].

Что до качества еды, то тут опять интересно привести отрывок из «Ивана Денисовича». Цезарь и Буйновский говорят о фильме Эйзенштейна «Броненосец "Потемкин„». Кавторанг Буйновский сомневается в реалистичности червей на мясе, вызвавших бунт моряков. Слишком крупные, мол, «как дождевые ползают». Цезарь возражает, что более мелких «средствами кино не покажешь». И тогда следует фраза Буйновского: «Думаю, это б мясо к нам в лагерь привезли вместо нашей рыбки, да не моя, не скребя, в котел бы ухнули, так мы бы...»[160].

А вот и более подробное описание еды:

«Баланда не менялась ото дня ко дню, зависело — какой овощ на зиму заготовят. В летошнем году заготовили одну соленую морковку — так и прошла баланда на чистой моркошке с сентября до июня. А нонче - капуста черная. Самое сытное время лагернику — июнь: всякий овощ кончается и заменяют крупой. Самое худое время — июль: крапиву в котел секут.

Из рыбки мелкой попадались все больше кости, мясо с костей сварилось, развалилось, только на голове и на хвосте держалось. На хрупкой сетке рыбкиного скелета не оставив ни чешуйки, ни мясинки, Шухов еще мял зубами, высасывал скелет — и выплевывал на стол. В любой рыбе ел он все:

хоть жабры, хоть хвост, и глаза ел, когда они на месте попадались, а когда вываривались и плавали в миске отдельно — большие рыбьи глаза, — не ел. Над ним за то смеялись...

На второе была каша из магары. Она застыла в один слиток, Шухов ее отламывал кусочками. Магара не то что холодная — она и горячая ни вкуса, ни сытости не оставляет: трава и трава, только желтая, под вид пшена. Придумали давать ее вместо крупы, говорят, от китайцев. В вареном весе триста грамм тянет — и лады: каша не каша, а идет за кашу»[161].

И рационы и нормирование зависели от самых различных факторов. Прежде всего от мнения начальства насчет того, какими должны быть нормы. В некоторых случаях нормы на те или иные работы далеко превышали все человеческие возможности — так было, к примеру, на строительстве дороги Котлас — Воркута. Выполнить больше тридцати процентов такой нормы было немыслимо, так что за эту самую тяжелую работу не получалась пайка больше 400 граммов[162]. На ветке той же дороги, в направлении на Халмер-Ю, средняя жизнь лагерника длилась три месяца[163].

Трагедия состояла в том, что люди готовы были есть все, что угодно. Кухонные мусорные ящики становились объектами массовых налетов. Если кухонные помои в лагере выливались в выгребные ямы при уборных, то даже и там на помои немедленно бросались группы голодных[164]. Когда показывалась свежая трава, ее рвали, кипятили в жестянках и ели. Интеллигентные заключенные ели траву чаще других, полагая ее безвредной. На самом деле конечный результат питания травой мог быть смертелен. Другие пытались утолить аппетит горячей водой с солью — столь же безуспешно[165].

Солженицынский Иван Денисович, даже сидя в том страшном режимном лагере, где прошел его «один день», вспоминает свои семь лет на севере, как нечто еще худшее. Бывало, бригаду, не выполнившую дневного задания, оставляли на всю ночь в лесу. И гарантийная пайка была там на сто граммов ниже[166]. На Дальнем Севере, к востоку от Урала, существовал ряд лагерей особенно сурового режима, так

называемые «лагеря строгой изоляции». О том, что там творилось, известно лишь по слухам, поскольку из тех лагерей людей ни при каких обстоятельствах не выпускали живыми. Смертность, как говорят, была там непомерно высокой. Норильск был центром группы лагерей, более страшных, чем колымские. Такую же исключительно скверную репутацию имели лагеря на островах Новая Земля — оттуда возвращались немногие, да и были ли такие?

Есть множество свидетельств о специальных штрафных лагерях. После того, как в начале сороковых годов был введен в действие режим каторги, приговоренные к ней должны были первые три года спать без матрацев и одеял, их рабочий день был дольше, работа тяжелее и условия хуже[167]. В отдельных лагерях заключенных, нарушавших режим, заковывали в кандалы до окончания сроков[168].

Особой суровостью отличался женский лагерь в Сталиногорске (ныне Новомосковск). Заключенных женщин посылали на подземные работы в шахты. Во втором лаготделении Алексеевке в Каргопольской группе было полно заключенных-иностранцев, которые не успели совершить никаких нарушений в других лагерях, ибо были посланы прямо туда. Тем не менее этот лагерь считался особо тяжелой штрафной командировкой. В Алексеевке было немало польских евреев, сбежавших от наступавших гитлеровцев и вот теперь погибавших пачками в советском штрафном лагере. Эти люди ненавидели сталинский режим еще более сильно и страстно, чем кто бы то ни было из заключенных[169].

Солженицынскому Шухову повезло в одном отношении: он не попал на лесозаготовки. Лесозаготовительные лагеря отличались низкими рационами питания и тяжелыми нормами выработки. Профессор Свяневич, в свое время переживший лагеря, пишет, что бывшие заключенные склонны преувеличивать численность людей, отправленных на лесоповал. Пропорция заключенных-лесорубов кажется выше потому, что во всех других лагерях постоянно слышалась угроза «отправить на лесоповал». Для человека, не привыкшего к

тяжелой физической работе, направление на продолжительный срок на лесозаготовки было равносильно смертному приговору[170].

Имеются показания фельдшера одного из северных лесных лагерей. За две зимы, — говорит он, — в некоторых бригадах умерло по 50% заключенных. В среднем же каждый год от смертей и истощения терялось около 30 процентов рабочей силы[171].

Заключенный-поляк, короткое время пробывший в лагере Алексеевка, описывает необычайную «смерть на ногах». Два человека упали мертвыми, когда бригады выходили из лагерных ворот. В его собственной бригаде в первый же день умерло на работе три человека[172]. Очень деятельный человек мог иногда оставаться внешне здоровым в течение года или полутора, выполняя 120-150 процентов нормы. Но такого человека подстерегала, как правило, скоропостижная смерть от разрыва сердца. Этих «здоровяков» часто находили мертвыми на нарах по утрам[173].

Даже сравнительно мягкие лесные лагеря были лагерями смерти. Заключенные-финны — а уж они-то специалисты по лесозаготовкам — утверждают, что нормы были невыносимы даже при хорошем питании. «Выполнять» их заключенные умудрялись либо с помощью обмана — знаменитой лагерной туфты — либо давая взятки учетчикам. В качестве примера туфты приводится сдача одного и того же дерева дважды — для чего незаметно отпиливался отмеченный учетчиком конец ствола.

Герлинг пишет, что ни разу не встречал заключенного, проработавшего на лесоповале больше двух лет. После года люди становились уже неизлечимыми. Их переводили на более легкую работу, как доходяг, а оттуда дорога вела в морг[174].

Стадия доходяги была последней стадией лагерной жизни очень многих. Изможденный человек, доведенный до такого состояния, когда от него нельзя было получить никакой серьезной работы, переводился на голодную пайку.

Ему разрешалось оставаться в лагере и выполнять случайную работу в зоне, пока умрет. Существование доходяг признано теперь как западными, так и недавними советскими публикациями. Генерал Горбатов, например, описывает обычные симптомы доходяги[175] и подтверждает, что заболеть в лагере обычно означало умереть. Ибо если вы ослабевали, вам снижали пайку, и обратного хода уже не было[176].

Сам Горбатов — до ареста командир дивизии — радовался тому, что подметал полы в помещении лагерной администрации: он «в какой-то степени стал лучше утолять свой голод... сметая со столов крошки, корочки, а иногда и кусочки хлеба в свою торбу»[177]. От смерти Горбатова спас дружественно расположенный к нему доктор, который перевел его на легкую работу.

Все источники подчеркивают: в большинстве лагерей продолжительное выживание заключенного на общих работах было редкостью. Выживали большей частью те, кто на общие работы не попадал — то есть работал в конторе, обслуге, медчасти и т.п.

В плохие периоды особенно наполнялись лагеря для больных и инвалидов, а самые крупные бригады из тех, кто мог еще работать, рубили лес и копали могилы[178]. Мертвецов хоронили в больших ямах, с бирками, привязанными к ноге[179].

По скромной оценке, из данного количества заключенных, отправленных в лагеря, через два-три года оставалась в живых половина[180]. По сообщению бывшего работника НКВД[181], на строительстве Беломорско-Балтийского канала было занято двести пятьдесят тысяч заключенных. Смертность составляла семьсот человек в день (эта цифра подтверждается и другими источниками)[182]. Однако каждый день на канал привозили полторы тысячи новых узников, так что наполнение лагерей все росло.

Из советских источников известно время выживания в лагерях многих осужденных. Так, Радек прожил два года после приговора, Раковский — три года, Сокольников — два[183].

В 1933 году смертность в советских лагерях оценивается в десять процентов всего количества заключенных. К 1938 году она поднялась до двадцати процентов[184]. Почти все, арестованные в 1936 году, исчезли с лица земли к 1940 году. Женщина, работавшая в лагерном госпитале, свидетельствует, что в 1939 и 1940 годах госпиталь заполняли главным образом пациенты, осужденные в 1937 и 1938 годах, но к 1941 году их оставалось уже очень мало[185].

Согласно одному осторожному подсчету, в период 1927-1938 годов смертность превысила нормальную на 2,3 миллиона человек — в результате действия лагерей и ссылки[186]. Конечно, после этого умерло еще большинство тех, кто попал в лагеря и тюрьмы во время ежовщины и к концу 1938 года оставался в живых. Другой весьма обоснованный расчет дает цифру умерших в лагерях с 1936 по 1939 год: два миллиона восемьсот тысяч. Согласно тому же расчету, с 1939 по 1941 год за колючей проволокой умерло еще 1,8 миллиона заключенных[187].

Во всяком случае на волю вышла лишь малая часть из тех, кто тогда попал в лагеря. Долгое время наилучшие свидетельства о лагерной жизни мы имели лишь от немецких коммунистов, взятых из лагерей и переданных Сталиным в руки гестапо в 1939-40 годах, от поляков, освобожденных по договору 1941 года, и от тех нескольких человек, которые освободились в силу стечения необыкновенных, исключительных обстоятельств. В целом же освобождение из лагерей было явлением редким — и так же редки выжившие в лагерях с ежовщины до послесталинских амнистий. «Зачем скрывать — их возвращалось мало» — писала Ольга Берггольц (сама пробывшая некоторое время в заключении)[188].

Длительность срока имела для приговоренных в годы ежовщины очень небольшое значение (тех, кого выпустили после войны, в 1947-48 годах снова арестовали). Обычно когда срок у политического заключенного кончался, его вызывали к оперуполномоченному и сообщали, что срок продлен на столько-то лет. Были и такие случаи, когда под

конец срока заключенных этапировали в тюрьмы Москвы и других городов, заново допрашивали и осуждали за «новые» преступления. Вот как об этом у Солженицына:

«Шухову и приятно, что на него все пальцами тычут: вот, он-де срок кончает, — но сам он в это не больно верит. Вон, у кого в войну срок кончался, всех до особого распоряжения держали, до сорок шестого года. У кого и основного-то сроку три года было, так пять лет пересидки получилось. Закон — он выворотной. Кончится десятка — скажут, на тебе еще одну. Или в ссылку»[189].

Известны люди, пробывшие в лагерях по семнадцать лет, выжившие там и реабилитированные. Например, некий Снегов, упомянутый Хрущевым на XX съезде КПСС, или генерал-лейтенант Тодорский[190]. Обычно такие отбывали сроки в менее тяжелых лагерях. Но большинство опубликованных в Советском Союзе свидетельств о лагерях исходят от людей типа Горбатова, который оказался в числе освобожденных в 1940 году командиров, а иначе бы не выжил. (Реабилитация даже тех немногих, кого она коснулась в те времена, проходила медленно. Как Горбатов узнал позже, за него заступился Буденный, и 20 марта 1940 приговор был отменен с назначением дела к пересмотру. Но Горбатова привезли из Магадана в Бутырскую тюрьму лишь 25 декабря 1940 года, 1 марта 1941 года перевели на Лубянку, а 5 марта того же года освободили)[191].

Другие выжившие свидетели — это люди с судьбой Солженицына. Он сам пишет, что в сравнительно «хороший» период лагерной истории, т.е. после войны, человек мог продержаться в лагерях десять лет «не околев», но вряд ли дольше[192]. Самого Солженицына выпустили в ссылку через восемь, как раз после смерти Сталина. Его, к счастью, арестовали позже других. Человеку, арестованному в 1938 году, надо было выдержать не десять лет, а семнадцать — восемнадцать. Из тех, кого арестовали в 1936-38 годах, выжило вряд ли даже десять процентов. Эту цифру подтверждает, например, советский историк Рой Медведев. По его

подсчетам в лагерях до войны погибло 90 процентов заключенных[193]. А по подсчетам академика Сахарова процент погибших был значительно выше. Он пишет: «Лишь в 1936-39 гг. было арестовано более 1,2 миллиона членов ВКП(б) — половина всей партии. Только 50 тысяч вышло на свободу — остальные были замучены при допросах, расстреляны (600 тысяч) или погибли в лагерях»[194]. Таким образом, можно полагать, что всех выживших в лагерном заключении по всему Советскому Союзу, было отнюдь не больше одного миллиона человек. А остальные семь с лишним миллионов? Из них около трех миллионов человек было либо казнено, либо умерло в лагерях только за два года пребывания у власти Ежова. В речи, произнесенной 1 августа 1951 года, член Политбюро Союза коммунистов Югославии Моше Пьяде сказал, что «в 1936, 1937 и 1938 годах в Советском Союзе было ликвидировано три миллиона человек»[195]. Остальные погибли в последующие годы, причем фактическое количество смертей было еще выше — к ним ведь добавлялись жертвы продолжавшихся арестов[196].

В поэме «Теркин на том свете» Александр Твардовский писал:

«Там — рядами, по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

За черту из-за черты
С разницею малой
Область вечной мерзлоты
В вечность их списала.

Из-за проволоки той
Белой-поседелой —
С их особою статьей,
Приобщенной к делу...

Кто, за что, по воле чьей —
Разберись наука...»[197].

ГЛАВА 10

1. См. предисловие к книге: Gustav Herling, *A World Apart*, New York, 1951.
2. М. З. Никонов-Смородин, «Красная каторга», София, 1938.
3. S. Mora-P. Zwiezniak, *Sprawiedliwość Sowiecka*, Wlochy, 1945.
4. М. М. Розанов, «Завоеватели белых пятен», Лимбург, 1951.
5. D. Dallin and V. Nicolaevsky, *Forced Labour in Soviet Russia*, London, 1948.
6. И. Л. Солоневич, «Россия в концлагере», Белград, 1935.
7. См. «Декреты Советской власти», т. 3, Москва, 1964, стр. 291-2. Два декрета 1919 года, относящиеся сюда же (см. «Собрание Узаконений», 1919, № 12, стр. 124 и № 20, стр. 235), перепечатаны в книге Б. Яковлева, «Концентрационные лагери СССР», Мюнхен, 1955.
8. «Вся Россия», Адресная книга, Москва, 1923, Ч. 3, кол. 55.
9. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 225.
10. Ciliga, *The Russian Enigma*, p. 180.
11. Там же, стр. 250.
12. Там же, стр. 180.
13. Winston S. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, London, 1951, pp. 447-448.
14. Swianiewicz, *Forced Labor and Economic Development*, p. 123.
15. Dallin and Nicolaevsky, p. 54.
16. См. «Тюрьмы капиталистических стран», Москва, 1937, стр. 54, 61, 143 (ред. А. Я. Вышинский).
17. Ekart, *Vanished Without a Trace*, p. 71.
18. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängissen und Lagern*, s. 71.
19. Гурген Маари в «Вопросах литературы», № 11, 1964 («Пережитое»).
20. V. Petrov, *It Happens in Russia*, Chap. 3 («In the Train»).
21. Lengyel, *From Beginning to End*, p. 15.
22. Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*, s. 63.
23. Е. Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 293.
24. *The Dark Side of the Moon*, p. 66.
25. Там же, стр. 57.
26. Там же, стр. 67.
27. Гинзбург, стр. 357.
28. См. Herling, *A World Apart*, p. 22; V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, pp. 68-69.
29. Ген. А. В. Горбатов, «Годы и войны», стр. 140.
30. Там же, стр. 153.
31. А. В. Горбатов в «Новом мире» № 4, 1964, стр. 127. Отметим, что при издании воспоминаний Горбатова отдельной книжкой («Годы и войны»)

выражение « плохое питание » смягчено на « малокалорийное питание », а слово « друзья » опущено и заменено словами « уголовники » или « урки » (цитируемое место см. в ней на стр. 146).

32. Горбатов, стр. 159.
33. Lipper, s. 87.
34. *The Dark Side of the Moon,* p. 158.
35. Buber-Neumann, s. 115.
36. Lipper, s. 132.
37. Dallin and Nicolaevsky, p. 17.
38. Б. Пастернак, « Доктор Живаго », Милан, 1958, стр. 582.
39. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 258.
40. Andrée Sentaurens, *Dix-sept ans dans les camps soviétiques,* Paris, 1963, p. 122.
41. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 339.
42. Sentaurens, p. 119.
43. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 240.
44. Dallin and Nicolaevsky, p. 28.
45. Wolin and Slusser, *The Soviet Secret Police,* p. 194.
46. Herling, pp. 21-22.
47. Пастернак, « Доктор Живаго », стр. 585-6.
48. Dallin and Nicolaevsky, pp. 35-36.
49. Там же, стр. 34-5.
50. Buber-Neumann, s. 72.
51. Гинзбург, стр. 343.
52. А. И. Солженицын, Собр. соч., т. 1, Франкфурт-на-Майне, 1970, стр. 7, 8 (« Один день Ивана Денисовича »).
53. Kravchenko, *I Chose Freedom,* pp. 336-41.
54. А. И. Солженицын, Собр. соч., т. 1, стр. 87 (« Один день Ивана Денисовича »).
55. Там же, стр. 6.
56. Б. Дьяков в « Октябре » № 7, 1964 (« Повесть о пережитом »).
57. Солженицын, т. 1, стр. 128.
58. Например, Lipper, s. 127.
59. Ekart, p. 105.
60. См. « Науку и религию » № 11, 1965.
61. Солженицын, т. 1, стр. 128.
62. Там же, стр. 116.
63. См., напр., Herling, p. 45.
64. Солженицын, т. 1, стр. 9.
65. Lengyel, p. 31.
66. Солженицын, т. 1, стр. 31.
67. Там же, стр. 15.
68. Там же, стр. 125.
69. Там же, стр. 11-12; см. также Ekart, p. 57; Lipper, s. 120; Дьяков в « Октябре » № 7, 1964, стр. 64.

70. Солженицын, т. 1, стр. 20.
71. Там же, стр. 18.
72. Dallin and Nicolaevsky, p. 12.
73. Солженицын, т. 1, стр. 18; см. также; V. Petrov, p. 185.
74. Гинзбург, стр. 430.
75. Dallin and Nicolaevsky, p. 36.
76. Солженицын, т. 1, стр. 93.
77. Там же, стр. 87 и 95.
78. Dallin and Nicolaevsky, p. 18.
79. В. Осипов в «Литературной газете» 4 апр. 1964.
80. Herling, p. 41.
81. Swianiewicz, pp. 21-22.
82. «Новый мир» № 1, 1964, статья В. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», стр. 237-8 (статья перепечатана также в Собр. соч. А. Солженицына, т. 6; цитируемое место см. стр. 270-1).
83. Солженицын, т. 1, стр. 16.
84. Там же, стр. 91.
85. См., напр., там же, стр. 26, 106.
86. Примеры см. Kravchensko, *I Chose Justice,* p. 237; см. также Гинзбург, стр. 379, 423, 428-9.
87. Buber-Neumann, p. 127.
88. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 341.
89. Свидетельство Эдуарда Дунна приведено в книге: Abramovitch, *The Soviet Revolution,* Chap. 17, note 32 (p. 425).
90. «Социалистический вестник», № 1-3, 1951.
91. Солженицын, т. 1, стр. 122-3.
92. Там же, стр. 12.
93. Dallin and Nicolaevsky, p. 13.
94. Там же.
95. Там же.
96. El Campesino, *Listen, Comrades,* p. 162.
97. Солженицын, Собр, соч., т. 3, стр. 246 («В круге первом»).
98. Солженицын, собр, соч., т. 1, стр. 89 («Один день Ивана Денисовича»).
99. Там же, стр. 29.
100. Там же, стр. 82.
101. Ekart, p. 42.
102. Buber-Neumann, s. 105.
103. См. Dallin and Nicolaevsky, p. 137.
104. О Колыме см., в частности, у Горбатова, стр. 141-163; у Гинзбург, стр. 369-432; см. также Г. Шелест в «Знамени» № 9, 1964 («Колымские записи»); Lipper, s. 83-235; Kravchenko, *I Chose Justice,* pp. 268-70; Dallin and Nicolaevsky.
105. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 269.
106. Dallin and Nicolaevsky, p. 130.
107. Lipper, s.s. 100-103.
108. Dallin and Nicolaevsky, pp. 128-9.

109. В 1968 г. академик А. Д. Сахаров писал о «кораблях смерти Охотского моря» («Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», стр. 21).

110. Lipper, p. 85.

111. Гинзбург, стр. 366.

112. Lipper, p. 86.

113. Гинзбург, стр. 369.

114. Lipper, s. 83, s. 183.

115. Lipper, *Eleven Years in Soviet Prison Camps,* London, 1951, Chap. 9 (В немецком оригинале эта глава отсутствует).

116. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern,* s. 98.

117. Там же, стр. 175.

118. Там же, стр. 150.

119. *The Dark Side of the Moon,* p. 120.

120. Там же, стр. 121.

121. «Знамя» № 9, 1964, статья Георгия Шелеста «Колымские записки», стр. 162-180.

122. Lipper, s. 112.

123. Гинзбург, стр. 415.

124. Шелест в «Знамени» № 9, 1964, стр. 169-171.

125. Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 270.

126. Henry A. Wallace, *Soviet Asia Mission,* New York, 1946, p. 33 ff; (В частности, см. стр. 35 и 127).

127. Lipper, s. 102.

128. Солженицын, т. 1, стр. 24.

129. *National Geographic Magazine,* LXXXVI, Dec. 1944.

130. Lipper, s. 223.

131. Там же, стр. 235.

132. *National Geographic Magazine,* LXXXVI, Dec. 1944.

133. Dallin and Nicolaevsky, p. 38.

134. Солженицын, т. 4, стр. 803 («В круге первом»).

135. Kravchenko, *I Chose Freedom,* pp. 405-406.

136. Swianiewicz, p. 39.

137. «Большевик» № 5-6, 1932 («Неопубликованные рукописи Маркса») Цитата взята из отрывка IV на стр. 88 журнала.

138. Sidney and Beatrice Webb, *Soviet Communism, A New Civilization,* 2nd ed., London, 1937, p. 585. (Русский перевод: Сидней и Беатриса Вебб, «Советский коммунизм — новая цивилизация», Москва, 1937, т. 2, стр. 59).

139. Weissberg, *Conspiracy of Silence,* p. 321.

140. «Известия» 14 июля 1960 (Статья «Мертвая дорога»).

141. А. Побожий в «Новом мире» № 8, 1964, стр. 180 («Мертвая дорога»).

142. Ekart, p. 259.

143. Swianiewicz.

144. Побожий в «Новом мире» № 8, 1964, стр. 155 [Противоположной точки зрения придерживается десять лет проработавший в лагерях советский

экономист М. Розанов («Завоеватели белых пятен», гл. «Расчетливая подлость»)].

145. Naum Jasny, *The Soviet Prices of Producer's Goods*, Stanford Univ. Press, 1952, p. 50, p. 151 (см. также Swianiewicz, pp. 193-4).

146. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 250.

147. Lipper, s. 175.

148. *The Dark Side of the Moon*, p. 161.

149. Dallin and Nicolaevsky, p. 10.

150. *The Dark Side of the Moon*, p. 97.

151. См. *Rights and Wrongs*, edited by Christopher Hill for Amnesty International, London, 1969.

152. См. Д. В. Павлов, «Ленинград в блокаде», Москва, 1958; см. также L. Gouré, *The Siege of Leningrad*, Oxford, 1962; Harrison E. Salisbury, *The 900 Days*, New York, 1969, parts III and IV.

153. Солженицын, т. 1, стр. 21 («Один день Ивана Денисовича»).

154. Там же, стр. 55-6.

155. Там же, стр. 56.

156. Там же, стр. 46.

157. Dallin and Nicolaevsky, p. 7.

158. Солженицын, т. 1, стр. 47.

159. Там же, стр. 65.

160. Там же, стр. 90.

161. Там же, стр. 15.

162. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 235.

163. Ekart, p. 227.

164. Lengyel, p. 37.

165. Там же, pp. 37-38.

166. Солженицын, т. 1, стр. 53.

167. Lipper, s. 149-150.

168. Dallin and Nicolaevsky, p. 72.

169. Nerling, pp. 56-57.

170. Swianiewicz, p. 296.

171. Там же, стр. 297.

172. Там же, стр. 224.

173. Dallin and Nicolaevsky, p. 38.

174. Herling, p. 41.

175. Горбатов, стр. 148.

176. Там же, стр. 152.

177. Там же, стр. 155.

178. Lengyel, p. 15.

179. Там же, стр. 17; см. также Herling, p. 150.

180. Beck and Godin, *Russian Purge and the Extraction of Confession.*

181. *White Book*, p. 144.

182. См. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 259.

183. См. даты их смертей в биогр. справках к стенограф. отчету XI съезда РКП[б], стр. 844, 850.

184. Swianiewicz, p. 17.

185. Lipper, s. 204.

186. Swianiewicz, p. 17.

187. V. Kosyk in *Russian Oppression in the Ukraine,* London, 1962.

188. «Тот год». См. «Новый мир» № 8, 1956, стр. 28.

189. Солженицын, т. 1, стр. 51-2.

190. Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 46, Б. Дьяков в «Октябре» № 7, 1964.

191. Горбатов, стр. 163-4 и 167-8.

192. Солженицын, т. 1, стр. 51.

193. Рой Медведев, стр. 45.

194. Сахаров, «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», Турин, 1968, стр. 49.

195. См. Wladimir Dedijer, *Tito Speaks,* London, 1953, p. 102.

196. Сколько вообще людей погибло в результате террора — см. Прилож. А.

197. А. Т. Твардовский, Собр. соч., т. 3, Москва, 1967, стр. 273-4 и «Известия» 18 августа 1963.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

БОЛЬШОЙ СПЕКТАКЛЬ

Подготовку самого крупного из всех процессов вели менее опытные люди, чем режиссеры предыдущих судебных спектаклей — судилищ над Зиновьевым и Пятаковым. Ветераны НКВД к тому времени уже сошли со сцены. Заместитель Наркома внутренних дел Агранов, в свое время личный друг Сталина, последовал за Ягодой и его людьми. Современная биографическая справка утверждает, что он «в 1937 году исключен из партии за систематические нарушения социалистической законности»[1], словно предлагая нам верить, будто партийное руководство в 1937 году не одобряло такую практику!

Агранов погиб (наиболее вероятно расстрелян) в 1938 году[2]. Его жена тоже расстреляна[3].

Прежних руководителей НКВД — Молчанова и Миронова, Агранова и Гая — заменила команда Ежова, в которой опытными людьми были Заковский из Ленинграда, бывший командир пограничных войск при Ягоде Михаил Фриновский и, до известной степени, бывший начальник ГУЛАГа Матвей Берман. (В январе 1938 года Берман был переведен с поста заместителя Наркома внутренних дел на должность Наркома связи. Его заменил Заковский). Иностранный отдел НКВД возглавил Слуцкий[4]. Все четверо исчезли на протяжении последующего года, но они все же успели под-

готовить судебный спектакль, оказавшийся не на много хуже двух предыдущих. Заговор был более сложным и более ужасающим, и на процессе произошло больше ошибок в отдельных деталях — ошибок, привлекших внимание серьезных критиков. Но в целом процесс был достаточно успешным.

Можно думать, что к тому времени публичных процессов уже не требовалось. Ведь и оппозиция и все полунезависимые голоса в окружении Сталина были полностью подавлены. Так что третий процесс был в этом смысле не более, чем «парадом победы». На процессе были собраны воедино все виды оппозиций, а также вредительство, террор, измена и шпионаж. Эти «компоненты» были представлены публике как составные части общего громадного заговора. Готовя первый из трех процессов — суд 1936 года над Зиновьевым, Каменевым и другими, — начальник отдела НКВД Молчанов представил Сталину особую диаграмму. На ней цветными линиями было обозначено, когда и через кого Троцкий якобы связывался с заговорщиками внутри страны[5]. Подобная диаграмма, начерченная для процесса Бухарина, Рыкова и других, была бы куда более сложной.

Судебный процесс открылся в Октябрьском зале Дома Союзов 2 марта 1938 года. На его подготовку ушло больше года, но масштаб спектакля был крупнее, чем масштаб двух предыдущих зрелищ того же рода.

Ибо теперь все нити были связаны в один узел. «Правые» — Бухарин и Рыков — оказались союзниками Троцкого и прежних троцкистско-зиновьевских «заговорщиков»; «открылись» их связи с так называемыми «бывшими троцкистами», которых еще не судили, с обычным набором террористических групп и, наконец, с разведками нескольких государств. «Выяснилось», что они успели создать два «резервных» центра; что были непосредственно связаны с делом Енукидзе и, не менее тесно, с «военным заговором» Тухачевского. Больше того, «вскрылись» их организационные связи с «националистическим подпольем» полудюжины нерусских республик. В «правые» группировки были будто бы во-

влечены десятки людей, считавшихся верными сталинцами. И, наконец, их крупными соучастниками были сам Нарком внутренних дел Ягода со своими ближайшими помощниками.

Слабый свет зимнего пасмурного дня был недостаточен для узкого длинного зала. Все время, днем и вечером, горели электролампы[6]. При таком неверном смешанном свете в зал ввели разношерстный набор обвиняемых.

На первом из трех процессов, в 1936 году, только Зиновьев, Каменев и, в меньшей степени, Смирнов были видными фигурами. Главные действующие лица второго процесса — Пятаков, Радек и Сокольников — были еще меньшего калибра. И в том и в другом случае «окружение» главных обвиняемых составляли третьеразрядные «террористы» и чуть более интересные инженеры-«вредители». Теперь все выглядело иначе.

На скамье подсудимых сидели три члена ленинского состава Политбюро — Бухарин, Рыков и Крестинский. Рядом с ними был легендарный Раковский — руководитель революционного движения на Балканах и на Украине. Зловещий Ягода — олицетворение тайной полиции — поглядывал направо и налево с крысиной подозрительностью. А основное ядро остальных подсудимых составляли высшие работники сталинского государственного аппарата. Розенгольц, Иванов, Чернов и Гринько были до предыдущего года наркомами; Зеленский возглавлял Центросоюз; Шарангович руководил Белорусской партийной организацией. Впервые рядом с этими «европейцами» сидели два «азиата» — узбеки Ходжаев и Икрамов, за год до того «разоблаченные» как «буржуазные националисты». К этим главным политическим обвиняемым были добавлены пять значительно более мелких работников: сотрудник советского торгпредства в Берлине Бессонов, сотрудник Наркомата земледелия Зубарев и бывшие секретари Ягоды, Куйбышева и Максима Горького. Наконец, в качестве ужасающей новинки на скамье подсудимых находились три человека, совсем далекие от общественной жизни, — врачи Плетнев, Левин и Казаков. Первые два были весьма известны

в своей области, а также являлись самыми старшими среди обвиняемых (66 и 68 лет соответственно).

В обвинительном заключении перечислялось решительно все — шпионаж, вредительство, подрыв советской военной мощи, провокация нападения на СССР, заговор с целью расчленения Советского Союза, свержения общественного строя в стране и восстановления капитализма. С этими целями обвиняемые, дескать, создали широкую конспиративную организацию из троцкистов, зиновьевцев, «правых», меньшевиков, эсеров и «буржуазных националистов» на всей территории Советского Союза. Они будто бы действовали в тесном сотрудничестве с «военными заговорщиками». Многие из подсудимых, говорилось в обвинительном заключении, были немецкими, английскими, японскими или польскими шпионами с давних пор — с начала двадцатых годов. Некоторые были агентами царской охранки в революционном движении. Вредительские акты совершались в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и финансовой области.

Что касается террора, то на обвиняемых была возложена ответственность за убийство Кирова, для чего Ягода создал условия через своего ленинградского сотрудника Запорожца. Кроме того, обвинительное заключение приписывало им умерщвление Куйбышева и Максима Горького, умерших, как считалось до того, естественной смертью. Была якобы также ускорена смерть бывшего начальника ОГПУ Менжинского и сына Горького — Пешкова. Все это были, мол, «медицинские убийства», причем Ягода был обвинен также в попытке отравить Ежова. Помимо этого, в обвинительное заключение был вписан знакомый по прошлым процессам набор безуспешных попыток покушения на Сталина и других партийных руководителей.

Против главного подсудимого Бухарина было выдвинуто еще одно, совершенно новое, обвинение: он якобы пытался в 1918 году захватить власть, убив Ленина и Сталина.

Как и на двух предыдущих процессах, председатель-

ствовал Ульрих. Одним из членов суда был тоже знакомый по прошлым спектаклям Матулевич, другим — «новичок» Иевлев, более молодой по возрасту и стажу. Государственным обвинителем был опять Вышинский. Защитников имели только трое подсудимых — врачи. Левина защищал адвокат И. Брауде, а Плетнева и Казакова — Н. Коммодов. Эти два адвоката в меру сил помогали обвинителю на предыдущем процессе по делу Пятакова и других.

ПРИЗНАНИЕ, ВЗЯТОЕ ОБРАТНО

Первая сенсация на процессе произошла почти немедленно после его начала, когда суд приступил к опросу подсудимых, признают ли они себя виновными. Все, один за другим, признавали, пока дело не дошло до Крестинского.

Крестинский (по описанию присутствовавшего на процессе журналиста Маклина) «бледный, тусклый, потрепанного вида человечек со стальными очками на ястребином носу»[7], твердо ответил Ульриху:

«Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником «право-троцкистского блока», о существовании которого я не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой».

Председательствующий: Ваше признание на предварительном следствии вы не подтверждаете?

Крестинский: Да, на предварительном следствии признавал, но я никогда не был троцкистом.

Председательствующий: Повторяю вопрос, вы признаете себя виновным?

Крестинский: Я до ареста был членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), и по сей час остаюсь я таковым.

Председательствующий: Вы признаете себя виновным в участии в шпионской деятельности и в участии в террористической деятельности?

Крестинский: Я никогда не был троцкистом, я не участвовал в «право-троцкистском блоке» и не совершил ни одного преступления[8].

После опроса подсудимых о признании ими вины был объявлен двадцатиминутный перерыв. Делались предположения, что перерыв понадобился для оказания некоторого закулисного давления на Крестинского. Возможно, что и так, однако перерыв после опроса объявлялся и на двух предшествовавших процессах, и в тех случаях был лишь на пять минут короче.

Заседание продолжилось допросом первого из обвиняемых — Бессонова, который, занимая пост советника посольства в Берлине, поддерживал якобы контакт с Троцким и его сыном Седовым. Бессонов «мрачный, с серым лицом, напоминавший скорее робота, нежели человека»[9], был арестован 28 февраля 1937 года, через двадцать четыре часа после ареста Бухарина и Рыкова. До 30 декабря 1937 года он отрицал выдвинутые против него главные обвинения. Тем не менее, 13 августа 1937 года его судила Военная коллегия Верховного суда СССР, «заседавшая почти в том же составе, что и на настоящем процессе»[10]. Суд был закрытым, он не приговорил Бессонова к наказанию и не оправдал его, а направил дело на доследование.

Это не может означать ничего другого, кроме «консервации» Бессонова для использования на готовившемся большом процессе. У Бессонова было эсеровское прошлое, а дипломат невысокого ранга с подобным прошлым был заведомой жертвой террора — такие люди погибли почти все. Дело просто в том, что Бессонову была уготована роль курьера на предстоящем процессе — роль связиста, к которой он, по своей работе в Берлине, очень подходил. В свое время, в 1935 году, таким же образом была отложена расправа над несколькими

комсомольскими работниками в Ленинграде — их держали в живых до суда над Зиновьевым.

Теперь, когда Бессонов показал, что участвовал в троцкистском заговоре вместе с Крестинским, Вышинский ему напомнил, что Крестинский свое участие отрицает. Бессонов улыбнулся. Вышинский спросил: «Чего вы улыбаетесь?» и услышал ответ: «Я улыбаюсь, потому что я стою здесь, на этом месте, потому что Николай Николаевич Крестинский назвал меня как связиста с Троцким. И, кроме него и Пятакова, никто об этом не знал»[11]. Так проступают наружу отдельные детали механики получения признаний — когда у человека требуют назвать сообщника и в конце концов он называет первое попавшееся имя, а потом этот «сообщник» оговаривает его самого; так выявляется существование запутанной сети, в которую следователи ловили людей. Позже, в последнем слове на процессе, Бессонов опять заметил, что безнадежность сопротивления следствию стал понимать только в октябре 1937 года, когда Крестинский его оговорил[12].

В целом, после того как Бессонов ответил по нескольким пунктам о своих связях с Седовым и Пятаковым, его допрос превратился главным образом в повод для нападок прокурора на Крестинского. Последний признал, что встречался с Бессоновым на Западе, но отрицал какие-либо троцкистские связи:

Вышинский: А о троцкистских делах?

Крестинский: Мы с ним не говорили. Я троцкистом не был.

Вышинский: Никогда не говорили?

Крестинский: Никогда.

Вышинский: Значит Бессонов говорит неправду, а вы говорите правду. Вы всегда говорите правду?

Крестинский: Нет.

Вышинский: Не всегда. Подсудимый Крестинский, нам придется с вами разбираться в серьезных делах и горячиться не нужно. Следовательно, Бессонов говорит неправду?

Крестинский: Да.

Вышинский: Но вы тоже не всегда говорите правду. Верно?

Крестинский: Не всегда говорил правду во время следствия.

Вышинский: А в другое время говорите всегда правду?

Крестинский: Правду.

Вышинский: Почему же такое неуважение к следствию: когда ведут следствие, вы говорите неправду! Объясните.

Крестинский: (молчит)[13].

Несколько минут спустя Бессонов заговорил о формулировках, якобы слышанных им от Крестинского. Вышинский перебил его недовольным тоном: «Коротко, потому что я думаю, что об этих задачах будет говорить сам Крестинский позже». А когда Бессонов изложил кратко свою версию, Вышинский обратился к Крестинскому и спросил: «Подсудимый Крестинский, вы не припомните таких "дипломатических„ разговоров с Бессоновым?» На что Крестинский твердо ответил: «Нет, у нас не было таких разговоров»[14].

Еще через две минуты — такой обмен репликами:

Вышинский: Вы деталей не помните, а Бессонов помнит.

Крестинский: Не было ни одного звука о троцкистских установках[15].

В конце концов вопрос о показаниях Крестинского на предварительном следствии был поставлен прямо:

Вышинский: Но ваше признание?

Крестинский: На следствии я несколько раз давал неправильные показания.

Вышинский: Вы говорили, что «в состав троцкистского центра я формально не входил». Это правда или неправда?

Крестинский: Я вообще не входил.

Вышинский: Вы говорите, что формально не входили. Что здесь правда, что здесь неправда? Может быть все правда или все неправда, или наполовину правда? На сколько процентов, на сколько граммов здесь правды?

Крестинский: Я не входил в состав троцкистского центра, потому что я не был троцкистом.

Вышинский: Вы не были троцкистом?

Крестинский: Не был[16].

Далее Крестинский рассказывает о своем разрыве с Троцким в 1927 году:

Крестинский: я датирую мой разрыв с Троцким и с троцкизмом 27-ым ноября 1927 года, когда я через Серебрякова, возвратившегося из Америки и находившегося в Москве, направил Троцкому резкое письмо с резкой критикой...

Вышинский: Письма этого у нас нет в деле. У нас есть другое письмо — ваше письмо на имя Троцкого.

Крестинский: Письмо, о котором я говорю, находится у судебного следователя, потому что оно изъято у меня при обыске, и я прошу о приобщении этой переписки.

Вышинский: В деле есть письмо от 11 июля 1927 года, изъятое у вас при обыске.

Крестинский: Там же есть письмо от 27 ноября.

Вышинский: Нет такого письма.

Крестинский: Не может быть...[17].

В дальнейшем, под непрерывным нажимом в течение длительного допроса, Крестинский дал объяснение своим прежним «признаниям»:

Крестинский: Я дал прежде, до вас, на предварительном следствии неправильные показания.

Вышинский: ... И потом держались?

Крестинский: ... И потом держался, потому что на опыте своем личном пришел к убеждению, что до судебного заседания, если таковое будет, мне не удастся опорочить эти мои показания[18].

Тут Вышинский обратился к Розенгольцу, который подтвердил, что Крестинский был троцкистом. Крестинскому стало дурно. Вышинский потребовал, чтобы он внимательно слушал. В ответ Крестинский сказал, что сейчас примет пилюлю и почувствует себя лучше, однако попросил не допрашивать его в ближайшие несколько минут.

Вслед за Розенгольцем, свидетельство о «виновности»

Крестинского дал и Гринько. Придя в себя, Крестинский продолжал опровергать их показания.

Вышинский: И вот три человека с хорошим отношением к вам, подсудимый Крестинский, говорят то, чего не было?

Крестинский: Да...

После нескольких подобных отрицаний Вышинский спросил прямо: «Когда мы на предварительном следствии спрашивали у вас, как вы говорили по этому поводу?

Крестинский: Давая показания, я не опровергал ни одного из своих прежних показаний, которые я сознательно подтверждал.

Вышинский: Сознательно подтверждали. Вы вводили прокуратуру в заблуждение. Так или нет?

Крестинский: Нет.

Вышинский: Зачем вам нужно было вводить меня в заблуждение?

Крестинский: Я просто считал, что если я расскажу то, что я сегодня говорю, что это не соответствует действительности, то это мое заявление не дойдет до руководителей партии и правительства[19].

Маклин пишет, что это ясное заявление Крестинского вызвало в зале «гнетущую тишину»[20].

Допрашивая Крестинского дальше по поводу показаний, данных на предварительном следствии, Вышинский заметил: «Если спрашивают, есть ли претензии, то вам надо было бы сказать, что есть». Крестинский ответил: «Есть в том смысле, что я не добровольно говорил»[21].

Тут Вышинский оставил эти вопросы и вновь взялся за свою официальную жертву — Бессонова, который пространно поведал о связях с Троцким. Бессонов добавил, что Троцкий якобы намекнул на необходимость физического уничтожения Максима Горького. Заседание закончилось еще одним диалогом между прокурором и Крестинским, причем Крестинский вновь отрицал свою вину.

После двухчасового перерыва, на вечернем заседании,

начал давать показания бывший Нарком финансов Гринько. В свое время Гринько был украинским боротьбистом, а в начале двадцатых годов его сняли с поста Наркома просвещения Украины за излишнюю торопливость в проведении украинизации. Как человек с подобным прошлым, Гринько теперь оговорил Любченко и других украинских работников меньшего масштаба — например, заместителя председателя Совнаркома Украины Порайко, — представив их членами «национал-фашистской» организации. А в связи со своей последней должностью Наркома финансов в Москве Гринько показал, что высокопоставленные московские руководители — такие как Антипов, Рудзутак, Яковлев, Варейкис — были «правыми заговорщиками». Он описал, как Якир и Гамарник поручили... начальнику Управления сберегательных касс Наркомфина Озерянскому подготовку террористического акта против Ежова и как сотрудник Главсевморпути Бергавинов получил задание убить Сталина. Сам Гринько занимался, главным образом, вредительством в области финансов, о чем в показаниях на предварительном следствии рассказывал так:

«Подрывная работа по Наркомфину преследовала основную цель: ослабить советский рубль, ослабить финансовую мощь СССР, запутать хозяйство и вызвать недовольство населения финансовой политикой Советской власти, недовольство налогами, недовольство плохим обслуживанием населения сберегательными кассами, задержками в выдаче заработной платы и др., что должно было привести к организованному широкому недовольству Советской властью и облегчить заговорщикам вербовку сторонников и разворот повстанческой деятельности»[22].

Эта тема — взваливание ответственности за ошибки и неурядицы советской экономики на подсудимых-«вредителей» — звучала на протяжении всего процесса. На скамье подсудимых нашлись «ответственные» за недовольство советских граждан во всех областях жизни.

Подобным образом Гринько стал «виновным», вместе с Зеленским и другими, за перебои в торговле:

Гринько: В области товарооборота Зеленский и другие вредители в этой области, например, Болотин по Наркомвнуторгу, осуществляли подрывную работу, создавали товарный голод, товарные затруднения в стране... Зеленский по директивам «право-троцкистского блока» в недородные районы завозил большую массу товаров, а в урожайные районы посылал товаров меньше, что создавало затоваривание в одних районах и товарную нужду в других[23].

Прокурор обратился к Рыкову, и тот подтвердил виновность Крестинского. Но Крестинский еще раз ясно заявил, что ничего не знал о нелегальной деятельности, и последующее вмешательство председательствующего Ульриха не заставило Крестинского сказать что-либо иное.

В свою очередь, показания Рыкова тоже не очень удовлетворили суд, хотя и в другом смысле. В последний период перед арестом Рыков сильно запил и опустился. Его состояние не улучшилось и в тюрьме, где спиртных напитков не давали, но сказывалось тяжелое напряжение от допросов. Во время перекрестных допросов Рыков временами сбивался, перемежая свои ответы бессмысленным хихиканьем[24], затем снова овладевал собой. В ходе допроса Гринько Рыков говорил сперва туманно.

Гринько: От Рыкова я узнал об участии Ягоды в этой организации, но прямой связи с Ягодой не было.

Вышинский (обращается к суду): Разрешите спросить Рыкова? Обвиняемый Рыков, вы об этом говорили с Гринько?

Рыков: Я точно вспомнить не могу, но не могу исключать этого факта.

Вышинский: Значит, вы об участии Ягоды говорили?

Рыков: Да[25].

Потом был поднят вопрос о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Рыков, вы подтверждаете этот разговор с Гринько насчет вредительства?

Рыков: Этого не принимаю. Я это отрицаю и не только потому, что я хочу смягчить свою вину. Я сделал много вещей гораздо более тяжелых, чем это[26].

Позже Рыков принялся развивать ту линию, которую он и (значительно более сильно и последовательно) Бухарин вели на протяжении всего процесса. Линия Бухарина и Рыкова состояла в следующем. Они признавали формирование нелегальной организации, «сознавались», что давали террористическую «ориентацию», абстрактно принимали на себя ответственность за якобы совершенные другими лицами вредительские акты, но отрицали свою личную осведомленность о каких-либо конкретных преступлениях и свою личную причастность к преступлениям. Ведя такую линию, они могли заявлять, что добровольно признаются в своей тяжкой ответственности, так что отрицание ими своего участия в конкретных актах не может быть сочтено за попытку избежать наказания.

Последним допрошенным 2 марта был Чернов. Бывший меньшевик, бывший семинарист (подобно Бессонову, а также Микояну и Сталину), Чернов в 1929-30 годах руководил заготовками зерна на Украине, а позже занимал в Москве пост Наркома земледелия. Во время коллективизации он был беспощадным исполнителем сталинской воли, хотя, по-видимому, и не очень убежденным исполнителем. В книге бывшего советского полковника Токаева приводятся слова Чернова, относящиеся к 1930 году, к тому периоду, когда крестьяне резали скот, чтобы не отдавать его в колхоз: «Впервые за всю свою тяжкую историю русский крестьянин по крайней мере поел мяса досыта»[27]. Чернов стал давать показания сразу же, в день ареста[28].

Теперь на суде он признался в своих сомнениях относительно коллективизации и сказал, что его сомнения разделялись широким кругом украинских руководителей, в том числе Затонским. Однако главная роль Чернова на скамье подсудимых состояла в том, чтобы принимать на себя ответственность за провалы сельского хозяйства. Он был снят с

поста Наркома земледелия только 30 октября 1937 года[29], и потому его признания звучали убедительно.

К примеру, в больших масштабах происходил падеж скота. Был арестован старший ветеринарный врач Московского военного округа. Его обвинили в том, что он погубил 25 тысяч лошадей из конного состава армии путем инъекций им токсинов, и приговорили его к расстрелу[30]. В сентябре 1937 года в связи с эпидемией инфекционной анемии у лошадей были арестованы начальник главного ветеринарного управления Наркомзема Недачин, начальник ветеринарной службы Красной Армии Никольский и ведущий специалист-ветеринар Наркомзема Черняк[31]. На процессе было объявлено, что предстоит суд над этими лицами, но ни о ком из них в дальнейшем не было ни слуху, ни духу. Тем не менее этот эпизод дал возможность Чернову «признаться» в распространении подобных же эпидемий — при посредстве других ветеринаров:

Чернов: ... Мною были проведены следующие диверсионные акты. Для того, чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику ветеринарного управления Гинзбургу, участнику организации правых, а через него начальнику ветеринарного снабжения, также участнику организации правых, не завозить противоязвенные биопрепараты в Восточную Сибирь, зная о том, что в Восточной Сибири очень опасно по части сибирской язвы. Препараты эти туда завезены не были. Подготовка эта велась в 1935 году, и когда весной 1936 года там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и тем самым было погублено — я точно не могу сказать — во всяком случае, больше 25 тысяч лошадей.

Второе. Я поручил Гинзбургу и заведующему бактериологическим отделом Бояршинову произвести искусственное заражение в Ленинградской области свиней рожей, а в Воронежской и Азово-Черноморском крае — чумой...

Трудно оценить результаты, но во всяком случае нужно

считать, что благодаря этому диверсионному акту было погублено несколько десятков тысяч свиней[32].

Согласно Чернову, был проведен в жизнь также ряд других вредительских планов — неправильное назначение севооборотов, поставка плохого посевного материала и так далее. «Это должно было привести к уменьшению урожая в стране»[33].

Чернов показал, что в период работы на Украине он также старался вызвать недовольство крестьян-середняков и задеть украинские национальные чувства. С этой целью он приписывал проводимую им политику приказам Москвы. Он вошел в контакт с меньшевиками за границей и стал немецким шпионом. В организации правых Чернов поддерживал основной контакт с Рыковым. Вызванный с места бывший председатель Совнаркома опять-таки признал наличие заговора в целом, но отрицал, что он когда-либо одобрял конкретные действия, указав, что «все, что он говорит, по существу и в основном правильно, но то, что я являлся сторонником перегибов, в этой части, мне кажется, он неправ»[34].

По поводу проводившейся якобы подготовки свержения советской власти Рыков сказал: «С Черновым я не помню такого разговора, но возможность подобного разговора, конечно, не исключена»[35]. Затем Рыков отрицал, что встречался в различных местах с Черновым для обсуждения вредительских планов; а когда Чернов сказал, что если бы Рыков не давал ему подробных инструкций, то был бы плохим руководителем правых заговорщиков, Рыков саркастически ответил: «Может быть я должен был действовать так, как он говорит. У меня вышла ошибка»[36]. На этом месте Ульрих внезапно закрыл судебное заседание.

Следующий день, 3 марта, начался допросом бывшего студента-медика Иванова, работавшего Наркомом лесной промышленности. Он, разумеется, подрывал эту промышленность, следуя инструкциям Розенгольца. Говоря о лесном демпинге — то есть о продаже леса на международном рынке по бросовым ценам для подрыва конкурентов, — о демпинге,

ставшем в начале тридцатых годов зловещей чертой советской торговой политики, Иванов заявил: «Лес наиболее высококачественный продавался по сниженным ценам. На этом Советскому государству нанесен ущерб в несколько миллионов рублей в валюте. Бухарин пояснял эту меру как аванс английской буржуазии за ту поддержку, которая ею обещана. Иначе, говорил он, нас не будут считать серьезными людьми и потеряют к нам доверие»[37].

Что касается лесозаготовок в стране, то главной целью Иванова было, как ни странно, вредительство в области культуры:

Иванов: ... Главное внимание было направлено на срыв технического перевооружения лесозаготовок, на срыв капитального строительства, особенно целлюлозно-бумажной промышленности с тем, чтобы держать страну на голодном бумажном пайке и этим самым ударить по культурной революции, сорвать снабжение страны тетрадями и этим вызвать недовольство в широких массах»[38].

Иванов «признался» также в том, что участвовал в движении «левых коммунистов» против Ленина, что пытался организовать повстанческие отряды (частично по приказам из Великобритании) и террористические группы. В этой связи допрашивался и Бухарин. Он сказал, что давал распоряжения о формировании нелегальных организаций, но не повстанческих отрядов. Он якобы (хотя и позднее, чем говорил Иванов) предлагал «установку на повстанчество» — платформу Рютина. Он, дескать, не давал конкретных инструкций по подготовке восстаний, однако признавал себя ответственным за то, что «человек-практик» типа Иванова мог совершить на основе его установок[39].

Когда Вышинский обратился к Бухарину со словами: «Следовательно, эти показания о связях с английской разведкой...», Бухарин прервал его: «Относительно разведки и относительно планов я совершенно не был в курсе дела»[40].

Согласно порядку дня, следующим должен был допрашиваться Крестинский. Однако вместо него был вызван младший

сельскохозяйственный специалист Наркомзема Зубарев. Он дал обширные показания о срывах продовольственного снабжения.

Вышинский: Скажите, в чем выражается ваша вредительская деятельность?

Зубарев: ... запутывание семеноводства, ухудшение качества семян, применение недоброкачественного материала, плохая его очистка, небрежное хранение, а в результате это вызывало не только снижение урожая, но и враждебное настроение со стороны крестьянства, недовольство этими, так называемыми, сортовыми семенами... моя преступная деятельность заключалась, прежде всего, в неправильном планировании посева овощей... Во-вторых, проводилась точно такая же работа в отношении слабого развития питомников по плодовым растениям... По линии совхозов основное вредительство заключалось в том, что до самого последнего времени не были установлены правильные севообороты, а в целом ряде совхозов вовсе не было севооборотов. Все это, естественно, снижало урожай. Целый ряд совхозов, имевших большое количество скота, вследствие неправильного построения севооборотов оставался без кормов, в результате — падеж скота, медленное развитие скотоводства[41].

И так далее и тому подобное. Зубарев также установил якобы связь с правыми и с осужденным на процессе 1937 года Мураловым. Он будто бы организовал в Наркомземе террористическую группу, выбравшую своей будущей жертвой Молотова. Он вел сельскохозяйственный шпионаж в пользу Германии.

Гвоздем показаний Зубарева была, однако, история о том, как в 1908 году он был завербован царской охранкой и далее работал на нее. Вышинский неожиданно вывел здесь на сцену свидетеля. Этот свидетель, Д. Васильев, был становым приставом в городе Котельниче с 1907 по 1910 год. Он якобы и завербовал Зубарева в агенты охранки.

Появление этого старого царского пристава было расценено судом и «публикой» как некая комическая интермедия.

Даже Вышинский был с ним относительно добродушен, позволяя себе нападать на старика в той минимальной степени, которая на фоне общей злобности Вышинского уже граничила с хорошим расположением духа[42].

Этим допросом закончилось утреннее заседание.

Когда в шесть часов вечера заседание открылось вновь, Ульрих объявил сидевшим в напряжении судьям и сторонам, что сейчас начнется допрос Крестинского. Вмешался Вышинский и сказал, что хотел бы сперва задать несколько вопросов Раковскому.

Он спросил старого болгарина о письме Крестинского к Троцкому, в котором Крестинский объявлял о своем разрыве с троцкизмом. Крестинский, как мы помним, говорил об этом письме накануне. Раковский припомнил письмо и сказал, что оно было маневром, что Крестинский никогда с троцкизмом не порывал.

Тут Вышинский предъявил письмо, существования которого он сам накануне не признавал. И пустился в рассуждения о том, что само письмо, где говорилось о поражении оппозиции и необходимости работать в партии, следует понимать как призыв к тайной подрывной деятельности. Вообще говоря, такое истолкование не целиком нелепо, но оно не вяжется с «обманной» сдачей всех позиций, с «маневром».

Тут, наконец, прокурор обратился к Крестинскому. Принимает ли он такую формулу?

Крестинский, который, согласно Маклину «более чем когда-либо напоминал маленького потрепанного воробышка»[43], принял ее.

Вышинский спросил, означает ли это, что Крестинский прекратит теперь обманывать суд. В ответ прозвучало полное подтверждение показаний, данных Крестинским на предварительном следствии. Он признал свою вину. Если в первый день процесса Крестинский говорил, в общем, нормальным тоном и лишь иногда его голос выдавал раздражение после

колкостей Вышинского, то теперь Крестинский говорил механически, без интонаций, с отчаянием в голосе[44].

Вышинский давил:

Вышинский: У меня один вопрос к Крестинскому: что значит в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский: Вчера под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

Вышинский: Машинально?

Крестинский: Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что вел все время троцкистскую борьбу. Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство[45].

И тут, невзирая на недавнее объявление Ульриха, что предстоит допрос Крестинского, Вышинский тотчас оставил его в покое и обратился к допросу Рыкова. Было очень похоже, что обвинение решило вести осторожную игру, стараясь избежать опасности, что обвиняемый опять станет отказываться от своих показаний.

Мы не знаем, что происходило на Лубянке в ночь со второго на третье марта, но общее мнение состоит в том, что к Крестинскому были применены все виды давления, лишь бы заставить его прекратить сопротивление. Есть, во всяком случае, одно свидетельство о том, что в ту ночь Крестинского пытали. Немецкий инженер Ганс Метцгер, в то время сидевший в лагерях, а затем вернувшийся в Германию, рассказывает, что в 1939 году ехал в тюремном эшелоне с Бессоновым

(которого приговорили не к смерти, а к пятнадцати годам заключения). И Бессонов под секретом сообщил, что Крестинского той ночью пытали, что ему вывихнули левое плечо, но снаружи это было незаметно[46].

Согласно другой версии, Крестинского четыре часа держали под лучами ярких ламп, бивших в глаза, и повредили ему и без того плохое зрение. Тем не менее он дал согласие на признание вины только при условии, что к делу будет приобщено письмо Троцкому, о котором он говорил накануне[47].

Можно во всяком случае предполагать, что Сталин не остановился бы и перед использованием дочери Крестинского для давления на отца, как было сделано в 1936 году с дочерью Ивана Смирнова.

Так или иначе, если Крестинский и надеялся поднять остальных обвиняемых на сопротивление суду, то теперь ему следовало признать поражение. Но он, быть может вообще не надеялся и не намеревался отрицать вину дальше, а хотел лишь в первый день устроить демонстрацию в пределах собственных сил.

С другой стороны, имеются также и слухи, ходившие в кругах НКВД, о том, что вся история с отказом Крестинского признавать вину, а потом с признанием вины, была заранее срепетированным спектаклем. Дескать, Сталин хотел показать, что подсудимые не признавались сразу, как автоматы, и полагал, что единичный и временный провал придаст процессу большее правдоподобие[48].

Но есть очень веские доводы против такого толкования. Слова Крестинского, сказанные в первый день, звучат сами по себе убедительно, и некоторые его заявления были явно весьма обоснованными, с одной стороны, и приводили прокурора в замешательство — с другой. Поведение Вышинского было зловещим, и это больше походило на настоящее запугивание Крестинского, чем на обращение к его разуму и совести, что, в случае «спектакля», должно было побудить его признать вину на следующий день.

Есть, однако, и другое свидетельство, взятое из самого

процесса и весьма красноречивое. В начале судебного следствия Вышинский объявил порядок допроса всех подсудимых — их было двадцать один. Ясно, что это был заранее составленный список, поскольку, за исключением одной перестановки второстепенных обвиняемых, объявленная очередность выдерживалась и в предоставлении подсудимым последнего слова. Однако фактический порядок допросов оказался иным. Первый день шел по расписанию — Бессонов, Гринько, Чернов. Но на второй день сразу после Иванова должен был идти главный допрос Крестинского. Вместо этого, как мы видели, на утреннем заседании 3 марта допрашивался Зубарев, а на вечернем заседании Крестинский был вызван не для полного допроса, а лишь для краткого «отречения». Но и перед этим «отречением» произошел не предусмотренный расписанием допрос Раковского, направленный на то, чтобы подорвать позицию Крестинского по его письму Троцкому, дезавуирующему троцкизм.

На этом допрос Крестинского 3 марта и закончился. Его полный допрос был отложен до следующего вечернего заседания, причем допросы Розенгольца и Раковского были переставлены таким образом, чтобы первый предшествовал Крестинскому, а второй следовал за ним. Розенгольц, как якобы ближайший сотрудник Крестинского, сообщил и о связях Крестинского с Троцким, и о своей заговорщицкой деятельности совместно с Крестинским и группой Тухачевского после процесса Пятакова и ареста Бухарина. Крестинский подтвердил и развил эти пункты, а Раковский окончательно закрепил их в свою очередь. Все это выглядело как чрезвычайный, поспешно выработанный порядок допросов.

Нетрудно также видеть, что обстоятельства предварительного следствия позволили Крестинскому взять показания обратно на суде. Крестинский был арестован в конце мая 1937 года. Из материалов самого процесса мы знаем, что свои показания он «сделал через неделю, на первом допросе»[49]. Это очень ясно свидетельствует о характере «первого допроса». Нет сомнения, что к Крестинскому применили пресло-

вутый «конвейер» в его наиболее интенсивной форме — когда следователи меняются, а подследственного допрашивают сутки за сутками без перерывов, не давая спать. Как раз к тому времени стал давать показания Бухарин, и, возможно, возникло намерение устроить следующий крупный процесс как можно скорее — почти с таким же кратким перерывом, как между процессами Зиновьева-Каменева и Пятакова-Радека (перерыв там был в пять месяцев).

Если так, то этот план, возможно, провалился, когда Бухарин стал брать некоторые из своих показаний обратно (об этом см. ниже). Весь цикл его допросов нужно было начинать сначала. Между тем с распространением террора на партийные ряды стали возникать выгодные «добавления» к планировавшемуся процессу, и в результате он состоялся лишь через девять месяцев после описываемых событий и через тринадцать с половиной месяцев после предыдущего судебного спектакля.

Как бы то ни было, Крестинский — ведущая фигура среди будущих подсудимых — находился в руках НКВД долгое время после дачи показаний. Он успел за это время отойти. «Конвейер» годился для получения нужных признаний, но, как уже отмечалось раньше, длительный отдых после «конвейера» давал жертве возможность восстановить моральные силы до такой степени, чтобы впоследствии даже отказаться от собственных показаний. Гораздо вернее действовало длительное и постоянное психологическое давление, с долгими перерывами между допросами, с изменением их характера, с выдерживанием на голодном режиме, с холодом или жарой в камерах и так далее. Долгая психологическая обработка доводила человека до такого состояния, что на суде он уже не мог проявлять никакой воли. Такой обработке Крестинский не подвергался — он ведь сразу дал показания, и перед судом не нужно было ломать его сопротивление.

Отказ Крестинского от собственных показаний был не первым подобным случаем. На Шахтинском процессе (1928) подсудимый Скорутто отказался на суде от своих признаний.

На следующий день его на процесс не вывели, объявив больным. Через день он появился в зале суда и признал себя виновным, но затем опять взял это признание обратно. В конце концов, под влиянием тяжелой обстановки процесса, где один из обвиняемых сошел с ума, а другой по официальной версии «покончил самоубийством», Скорутто «признался» окончательно.

Аналогичный эпизод произошел во время суда над специалистами фирмы «Метрополитен-Виккерс» в 1933 году. Обвиняемый Макдональд отказался от показаний, данных на предварительном следствии, потом вновь подтвердил их. Эти отказы подсудимых от собственных показаний, данных под следствием, никогда не добавляли достоверности их окончательным «признаниям» (см. Приложение Е).

Таким образом теория о том, что Сталин «запланировал» весь эпизод с Крестинским, — весьма слаба. И, хотя книга Орлова, откуда взята эта теория, оказалась впоследствии правдивой и надежной, сведения автора о 1938 годе, когда многие из коллег Орлова по НКВД уже исчезли, такой полной надежностью не отличаются (см. также стр. 1019). Более правдоподобным выглядит предположение, что в кругах НКВД был специально пущен слух о «показном» поведении Крестинского, чтобы как-то оправдать очевидный провал.

Но если Сталин и не был подготовлен к провалу с Крестинским, то возможно, что на подобный случай имелись чрезвычайные планы, один из которых и был реализован. Как бы то ни было, поступок Крестинского, столь драматичный и столь убедительный по мотивам, мало подействовал на тот благосклонный прием, который оказала процессу западная публика. Сталин опять победил.

БЫВШИЙ ГЛАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Главный допрос Рыкова шел почти без напряжения. Начался он в сравнительно мягких тонах, и вскоре всплыл

вопрос о так называемом участии Ягоды в движении правых — «участии», будто бы длившемся с 1929 года. Тут же прокурор обратился к Ягоде за подтверждением и получил одно из тех половинчатых признаний, которое любой объективный наблюдатель мог счесть отрицанием: «Факт был, но не так, как говорит Рыков»[50].

Далее Рыков стал описывать некое правое подполье, организовавшееся якобы в 1930 году. Потом перешел к платформе Рютина и заявил, что ответственен за нее — вместе с Томским, Бухариным, Василием Шмидтом и Углановым. Рютин будто бы выполнял лишь показную роль автора платформы, а Ягода прикрывал главных виновников. Дословно Рыков заявил тогда следующее: «Платформа признавала (насколько я помню, а я помню, ибо принимал участие в редактировании) насильственные методы изменения руководства партией и страной — террор, восстания. Она давала такую широкую формулировку, которая представляла собой директиву о применении насильственных мер в тех формах, которые могут найтись в нашем распоряжении». К этому он добавил, что правые располагали крупной организацией: «речь шла не о сотне-другой людей, а речь шла о более значительных кадрах». И потому, объяснил Рыков, «у меня в памяти не сохранилась фамилия Иванова»[51]. Явная ирония: ведь Иванов был наркомом и членом ЦК!

Когда дело дошло до кулацких восстаний, вопросы стали адресоваться и к Бухарину. Оба расплывчато признали свои связи с одним из восстаний в Сибири. Место восстания было подсказано Бухарину обвинителем, но он ответил, что не помнит, то ли это место.

Бухарин упомянул о платформе Рютина: «Меня столько раз допрашивали относительно Рютинской платформы...»[52].

Рыков признал, что сформировал террористическую организацию под руководством своей бывшей секретарши Артеменко. Он «дал указание своей бывшей секретарше Артеменко о наблюдении за прохождением правительственных машин»[53] — без каких-либо результатов. Он и Бухарин

(опять опрошенный) «сознались» в организации еще одной террористической группы, возглавлявшейся будто бы бывшим эсером Семеновым, для убийства Сталина и Кагановича — но опять без результатов. Что касается деталей, то показания обоих были явно неудовлетворительными. Рыков заявил, что «решение, чтобы в таком-то году убить того или другого члена Политбюро или правительства — такого решения центр не принимал. Он принял такие меры, которые, в случае вынесения такого решения, давали бы возможность...»[54].

В этом месте, вполне понятно, Вышинский перебил Рыкова и обратился к Бухарину с вопросом: «А с Семеновым чья была инициатива?». Бухарин: «Я не помню, может быть моя. Я во всяком случае этого не отрицаю».

Рыков объявил, что правые были участниками плана захвата власти в 1934 году совместно с Енукидзе, Ягодой, Петерсоном и другими, включая, как он сказал, Тухачевского и других генералов. Но «реальная попытка не удалась»[55].

Рыков продолжал свои показания рассказом о связях с фашизмом, с меньшевиками, буржуазными националистами и другими группировками. Но, опять-таки, когда дошло до деталей, Рыков, как выяснилось, только «подозревал», но не знал, кого представлял Гринько; а когда вызвали Гринько, и он дал свои показания, Рыков в ответ на вопрос о правильности пояснений Гринько сказал, что не помнит.

За этим последовал разговор троих — Вышинского, Рыкова и Бухарина — о расчленении СССР и пораженчестве. Бухарин сказал, что не занимал пораженческих позиций, но отвечает «за это дело»[56]. Рыков растерялся; он признал позицию полного пораженчества в отношении самого себя и всех правых, но взял обратно свое заявление на предварительном следствии, что главную ответственность за пораженчество нес Бухарин. В этом месте допроса Вышинский открыто выразил свою досаду.

В ходе дальнейшего допроса, после «признания» изменнических действий в Белоруссии, Рыков вновь отверг обвинения во вредительстве в области животноводства. Он сказал,

что ничего не знал о связях Иванова с англичанами. Но зато, поддержанный Крестинским и Розенгольцем, он «подтвердил» участие в «блоке» Тухачевского[57].

Показания Рыкова не отличались последовательностью, в них не было ясной линии, однако он все же сумел отвести ряд существенных обвинений.

На следующий день первым был вызван для допроса первый секретарь ЦК КП Белоруссии Шарангович[58]. После уверток и недомолвок предыдущего вечернего заседания Шарангович, несомненно, произвел отличное впечатление на тех наблюдателей, которые симпатизировали режиму, — он «искренне» и полностью признал все обвинения. Он, дескать, был польским шпионом с 1921 года; он сделался видным участником белорусской «национал-фашистской» организации, в которую входили также Голодед, Червяков и большинство партийных руководителей республики. Рыков и Бухарин были прямо связаны с преступной деятельностью этой организации, в том числе с формированием трех террористических групп (две из трех групп намеревались совершить нападение на Ворошилова во время маневров 1936 года).

Велось якобы широкое вредительство, направленное на то, чтобы расстроить хозяйство и вызвать недовольство. Шарангович также распространял будто бы болезни среди скота:

Шарангович: Я должен также сказать, что в 1932 году была нами распространена чума среди свиней, в результате чего был большой падеж свиней, причем это делалось таким образом, что прививку чумы свиньям делали вредительски[59].

... Дальше по сельскому хозяйству я хочу сказать относительно нашей диверсии в области коневодства. В 1936 году в Белоруссии была нами широко распространена анемия. Это проводилось нами с целью, так как конь в Белоруссии играет огромное оборонное значение. Мы стремились подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной...

Вследствие этой меры пало, насколько я помню сейчас, около тридцати тысяч лошадей[60].

Знаменательно, что Шарангович принял на себя ответственность за эксцессы первого периода коллективизации. Эти эксцессы, оказывается, совершались в антипартийных целях:

Шарангович: В Белоруссии к этому периоду еще насчитывалось около ста тысяч единоличников. Нами была дана установка, что раз единоличник не идет в колхоз, то он является врагом Советской власти. Это было нами сделано в провокационных целях. К единоличникам, сопротивляющимся коллективизации, мы, исходя из своих провокационных установок, применяли такие налоговые мероприятия, которые создавали среди единоличников недовольство и повстанческие настроения.

По счастью, однако, Москва разобралась в чем дело:

Шарангович: ... Потом ЦК ВКП[б] принял соответствующие меры для исправления того, что было нами проделано, и положение изменилось. Настроение у единоличников, у той части, которая была спровоцирована, резко улучшилось[61].

Такое толкование событий 1929-30 годов поистине поразительно и показывает, насколько сильно и постоянно Сталин был озабочен ситуацией в деревне. Но и в промышленности «национал-фашисты» развернули деятельность в крупном масштабе:

Шарангович: Энергетика. Здесь, главным образом, внимание концентрировалось в отношении Белгрэса, который снабжает промышленность Витебска, Орши, Могилева. Здесь топливо не подвозилось своевременно. Тормозилось строительство. Конкретно беру Кричевский цементный завод, Оршанский льнокомбинат, Могилевский труболитейный завод...[62].

За Шаранговичем последовал узбекский руководитель Ходжаев. Удобно рассматривать его показания вместе с «признаниями» его коллеги Икрамова, хотя последний допрашивался днем позже.

До сих пор «буржуазный национализм» представляли на процессе Шарангович и, в меньшей степени, Гринько. Теперь, в показаниях двух узбеков, он был выпячен открыто и ясно. Ибо Ходжаев и Икрамов не были подвижными аппаратчиками вроде Шаранговича и Гринько, которые могли посылаться на любую работу в любую республику. Вся их работа прошла в Средней Азии.

Ходжаев и Икрамов представляли также — подобно другим обвиняемым в других сферах — гораздо более широкий слой партийных и советских работников, павших жертвами или намеченных в качестве жертв. Так, например, они оговорили на процессе первого секретаря ЦК и председателя Совнаркома соседнего Таджикистана, возвели обвинения на «уклонистов» в своей собственной республике.

Похоже, что Ходжаев в какой-то степени действительно противился в прошлом централизаторским и денационализаторским тенденциям сталинизма. Но Икрамов никогда не сопротивлялся им. В компартии Узбекистана эти двое возглавили противостоящие друг другу группировки, но теперь, на суде, они говорили о своем единении в борьбе против режима и объясняли это единение тем, что «центр правых» оказывал на них давление. Икрамов показал, что они «под нажимом Бухарина и под непосредственным руководством Антипова сконтактировали работу двух националистических организаций»[63].

Ходжаев несомненно был наиболее выдающимся и способным узбекским деятелем из всех, кто сразу после революции принял сторону коммунистов в их борьбе против эмира Бухарского. С 1925 года, с первого съезда компартии Узбекистана, Ходжаев стал членом Бюро ЦК КП[б] Узбекистана и

в течение долгого времени занимал пост председателя Совнаркома республики.

Но на VII съезд компартии Узбекистана (закончившийся 17 июня 1937 года) Ходжаева даже не выбрали делегатом. 27 июня 1937 года было объявлено о его снятии с должности председателя Совнаркома и исключении из ЦИК Узбекистана. В тот же день «Правда Востока» обрушилась с нападками на «контрреволюционные», «националистические» позиции Ходжаева. Совершенно очевидно, что к этому времени Ходжаев был уже под арестом. Его брат, тоже видный местный партийный работник, покончил самоубийством[64].

В сентябре 1937 года в Ташкент был послан А. А. Андреев. Он должен был проследить, чтобы террор в Узбекистане принял надлежащий размах. 8 сентября «Правда» объявила, что Ходжаев и еще семь человек, в том числе четыре члена Бюро ЦК КП[б] Узбекистана, были разоблачены как «враги народа», а «первый секретарь ЦК товарищ Икрамов» и все остальные члены Бюро получили порицание за недостаточную бдительность, а два дня спустя, 10 сентября, все та же центральная московская «Правда» уже резко напала и на Икрамова (на сей раз не называя его «товарищем») за то, что он защищал «троцкиста» — одного из секретарей ЦК.

10, 11 и 12 сентября «Правда Востока» печатала нападки на Икрамова, упрекая его в том, что он не противостоял «буржуазному национализму» и поддерживал Ходжаева. Вероятно, он, в согласии с Ходжаевым, «в разгар необоснованных репрессий в 1937 году протестовал против них»[65], чем и вызвал неудовольствие Сталина. (Поскольку во всем остальном Икрамов был верным сталинцем, его первого среди жертв открытых процессов реабилитировали после XX съезда КПСС).

27 сентября в «Правде» появилось сообщение о том, что Икрамов «изобличен», исключен из партии, и что дело его передано в следственные органы. Тем не менее, он все еще не был арестован. Еще до ареста, сделанного «по личному указанию Сталина»[66], ему были предъявлены показания огово-

ривших его лиц. Икрамов начисто отрицал все возведенные против него обвинения, невзирая на то, что с ним четыре раза беседовал сам Ежов[67]. Это по-видимому означает, что Икрамов прибыл в Москву, все еще не находясь под арестом — факт странный, но отнюдь не единственный.

В тюрьме Икрамову была устроена очная ставка с Бухариным[68], который его оговорил. Тем не менее, Икрамов стал давать показания лишь на шестой или седьмой день допроса[69].

В тот же период террор охватил всю Среднюю Азию. Председатель Совнаркома Киргизской ССР пал 12 сентября[70], после чего прозвучал призыв к беспощадным мерам против всего ЦК компартии Киргизии[71]. Два секретаря ЦК Таджикской компартии и ряд других работников в республике были «разоблачены» как буржуазные националисты и шпионы[72]. (О председателе Совнаркома Таджикской ССР Рахимбаеве было сказано, что он держал гарем с тремя женами). Волна террора охватила все национальные окраины Советского Союза.

Под холодным светом люстр Октябрьского зала Дома Союзов Ходжаев «признавался», что вел антисоветскую деятельность с 1920 года. Он и Икрамов были, дескать, в контакте с правыми через Антипова и получали инструкции работать с англичанами для отделения Узбекистана от Советского Союза и превращения его в британский протекторат[73]. Оба занимались вредительством в промышленности, причем действовали якобы примерно так же, как Шарангович в Белоруссии. «Ошибки» планирования делались преднамеренно и т.д.:

«Эстакаду для подвоза угля и переброски построили исходя из расчета 75.000 киловатт, здание для электростанции построено на 48.000, а запроектированная мощность станции составляет 70.000, как видите в основе проекта уже были элементы вредительства»[74].

Сельскохозяйственная политика в Узбекистане была катастрофически скверной — оказывается, эта политика тоже

проводилась намеренно, чтобы вызвать недовольство Москвой.

Ходжаев: ...это означало вызвать колоссальное недовольство народа, потому что мы представили дело так: план московский, мы, якобы, московские приказчики, мы осуществляем директивы Москвы. «Недовольны? Так вот, жалуйтесь на Москву». Эту задачу мы поставили.

Вышинский: Провокационную задачу?

Ходжаев: Провокационную задачу, поставили ее сознательно и осуществляли в течение ряда лет.

К чему это привело? Это привело действительно к уничтожению севооборота, это привело к снижению поголовья скота, это привело к снижению шелководства, потому что и тут навредили. Это привело, в конце концов, и к снижению самой урожайности хлопка. И поэтому Узбекистан годами не выполнял планы по хлопку... Если у крестьянина 10 га земли, он должен на 8 га или на 9 га посеять хлопок. Сами понимаете, если один гектар остается на все остальное, то это хозяйство начинает гибнуть[75].

Согласно Ходжаеву, у них была и более важная экономическая задача — развить в Узбекистане независимую экономику. Это (в противоречии с вышеприведенными указаниями) осуществлялось такими плановыми методами, «чтобы меньше иметь хлопка, как культуру техническую, которая больше всего связывает Узбекистан с Союзом, во-вторых развернуть таким образом сельское хозяйство Узбекистана, чтобы иметь в большей мере не только на богарных, но и на поливных землях зерновое хозяйство, чтобы не зависеть от привозного русского хлеба, и, наконец, запланировать таким образом развитие промышленности, строительство дорог и прочее, чтобы мы в результате осуществления этой первой пятилетки оказались бы в экономическом отношении более независимыми от Советской России, от Советского Союза, чем когда бы то ни было».

Таким образом была на процессе представлена экономи-

ческая сторона «буржуазного национализма». Ходжаев постарался обрисовать ее как можно яснее.

Ходжаев: Я не знаю, известно ли суду, что у буржуазных националистов, особенно в Средней Азии, существовала такая теория — организовать замкнутое хозяйство, то есть сделать так, чтобы хозяйство Республики развивалось независимо от других частей Союза, чтобы по возможности Республика жила бы без нужды в остальном Союзе, на случай каких-либо возможностей для активной непосредственной борьбы[76].

Сходные показания дал и Икрамов. Упомянув о контактах с Зеленским, Антиповым и А. П. Смирновым, он рассказал о визите Бухарина, который в 1933 году прожил несколько дней у него в доме. Допрошенный по этому поводу Бухарин признал, что обсуждал с Икрамовым платформу Рютина и что «там было глухо и о терроре», но отрицал, что велись какие бы то ни было разговоры о вредительстве[77]. Что касается последующей их встречи, в 1935 году, то на ней (зловещая подробность) якобы присутствовали и жены Бухарина и Икрамова, но заговорщицкие беседы велись, мол, в отсутствие жен. Бухарин, однако, отрицал, что во время этой встречи велись какие-либо политические разговоры. Произошел обмен резкими репликами между ним и Вышинским.

Вышинский: И вы, руководитель подпольной организации, встретивши через два года члена вашей организации, вами завербованного, не проверили — остается ли он на позициях вашей контрреволюционной организации, не интересовались этим, а стали говорить о погоде в Узбекистане. Так это было или не так?

Бухарин: Нет, не так. Вы мне задаете вопрос, который содержит в себе иронический ответ. А на самом деле я рассчитывал на следующую встречу с Икрамовым, которая случайно не состоялась, потому что он меня не застал.

Вышинский: Вы замечательно хорошо помните как раз те встречи, которые не состоялись.

Бухарин: Я не помню те встречи, которые не состоялись, потому что они — фантом, а помню те, которые реализовались[78].

Затем Икрамов дал пространные показания о важной роли Антипова в организации среднеазиатских подрывных групп. Антипов делал ставку на террор и якобы лично хвастался, что «кого наметили убить правые, тот до Средней Азии не доедет»[79]. Наконец, Икрамов оговорил «многоженца» Рахимбаева и его таджикскую группу.

ДЕЛА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ

Допросы Розенгольца и Крестинского вечером 4 марта удовлетворили обвинителя. Оба показали, что они вместе с Рудзутаком и Гамарником стали руководящим центром всего заговора после ареста Рыкова и Бухарина в феврале 1937 года. Они будто бы связывали все свои надежды с предстоявшим военным переворотом.

Оба заявили, что с 1922-23 года были связаны через Троцкого с немецкими органами шпионажа. Крестинский «признал» личную встречу с Троцким — ту самую, которую он 2-го марта отрицал. Троцкий, сказал он, дал полные инструкции по всем видам изменнической деятельности, шпионажа, вредительства, террора.

Некоторая неловкость произошла лишь тогда, когда Крестинский объявил, что он, Розенгольц и Гамарник обсуждали необходимость террористического акта против Молотова, и потом, когда Рыков, коротко опрошенный для подтверждения разговоров с Тухачевским и о Тухачевском, отказался их подтвердить[80].

Между прочим вина Рыкова и Бухарина в какой-либо заговорщицкой деятельности в последний период была практически сведена на нет замечанием Крестинского, согласно которому Троцкий считал, «что не надо ограничиваться Рыковым, Бухариным и Томским, так как хотя они и признанные

вожди правых, но они в достаточной степени уже скомпрометированы и под надзором и что надо использовать для связи Рудзутака», который вне подозрений. Но ведь то, что Рыков и Бухарин были под надзором, что это обстоятельство делало их неподходящими участниками заговора — это фактически снимает любую возможность их вины с самого 1933 года, то есть со времени, предшествовавшего убийству Кирова и всем другим «злодейским убийствам».

Розенгольц дал показания о различных хищениях, о вредительском экспорте чугуна. Но, поскольку дело касается экспорта чугуна в чушках, оно проводилось по директиве за подписью лично Сталина, а за поставками металла наблюдал... Ежов![81].

Следующим допрашивали Раковского. Его отец был помещиком в южной Добрудже, которая в свое время входила в состав Болгарии, но отошла к Румынии, когда Раковский был ребенком. В двадцатилетнем возрасте Раковский был уже видным лицом в болгарском социалистическом движении и представлял свою партию на конгрессе Второго Интернационала. Он получил медицинское образование в Монпелье и вернулся на Балканы, где много раз арестовывался за участие в революционном движении — уже румынском. Последний раз румынские власти арестовали его в Яссах в 1916 году, а в мае 1917 года его из ясской тюрьмы освободили русские. Раковский поехал в Петроград и в 1919 стал членом ЦК РКП[б] и председателем Совнаркома Украины. Перейдя на троцкистские позиции, он потерял свой высокий пост и с 1924 по 1927 год был сперва поверенным в делах советского посольства в Лондоне, а потом послом в Париже. В ноябре 1927 года Раковского отозвали в Москву и в том же месяце вывели из состава ЦК за поддержку «левой оппозиции». На XV съезде партии он защищал взгляды этой оппозиции и в январе 1928 года был исключен из партии, выслан в Астрахань, а затем в Барнаул. Раковский «раскаялся в своих ошибках» одним из последних, в феврале 1934 года, и был восстановлен в партии. Его арестовали под самый конец 1936

года в связи с подготовлявшимся процессом Пятакова — кто-то из тогдашних подсудимых дал против него показания[82].

За исключением врачей, Раковский был старшим по возрасту среди подсудимых. И даже среди них, ветеранов, его революционная работа выделялась своей продолжительностью и яркостью. Раковский был легендарной личностью.

Восемь месяцев после ареста шестидесятипятилетний революционер отказывался давать показания в НКВД[83] — это один из наиболее долгих известных сроков сопротивления. Теперь, на суде, он «признавался», что был английским шпионом с 1924 года. А его разрыв с троцкизмом в 1934 году был предназначен для того, чтобы ввести партию в заблуждение[84].

После реабилитации 1934 года Раковский был послан в Японию в качестве руководителя делегации советского Красного Креста. Это обстоятельство было использовано для того, чтобы он в показаниях оговорил советских послов на Дальнем Востоке Юренева и Богомолова. Сам он якобы сделался, помимо английского, еще и японским шпионом.

В ходе допроса Вышинский сделал одну особенно низкую попытку очернить Раковского, использовав тот факт, что отец Раковского был помещиком.

Вышинский: Значит, я не ошибаюсь, когда говорю, что вы были помещиком.

Раковский: Не ошибаетесь.

Вышинский: Вот мне важно было выяснить, откуда шли ваши доходы.

Раковский: Но мне важно сказать, на что шли эти доходы.

Вышинский: Это другой разговор[85].

Любой старый большевик знал, что Раковский отдавал все свои средства на революционное движение. Он финансировал созданную им румынскую социалистическую партию и газету этой партии, которую сам редактировал. Он субсидировал русских и других революционеров. Провокационные вопросы Вышинского довели Раковского до того, что он упомянул об этих фактах, и прокурор мгновенно заставил его сменить тему.

Когда Раковский заговорил об «оппозиции», Вышинский проворно перебил: «Вы в своих объяснениях сегодня вообще допускали целый ряд таких выражений, как будто вы забываете, что дело идет о вас, как о члене контрреволюционной, бандитской, шпионской, диверсионной организации изменников. Я считаю себя обязанным вам об этом напомнить, ведя ваш допрос, и просить вас держаться ближе к существу совершенных вами изменнических преступлений, говорить без философии и тому подобных вещей, которые здесь совершенно не к месту»[86].

Раковский закончил объяснением того, почему после восьми месяцев допросов он все-таки начал давать показания. По его словам, летом 1937 года он получил информацию о нападении Японии на Китай и о масштабе германо-итальянской интервенции в Испании. «Это на меня подействовало потрясающим образом... Озлобление и честолюбие — все это отошло. Я считал, что отныне моя обязанность — помочь в этой борьбе против агрессора, что я пойду и разоблачу себя полностью и целиком, и я заявил следователю, что с завтрашнего дня я начну давать полные и исчерпывающие показания»[87].

Сегодняшнему западному читателю этот мотив знаком по книге Артура Кестлера «Тьма в полдень». Таковы же были на фоне допросов и морального истощения мотивы героя книги Рубашова. Фактически поведение Раковского ближе к поведению знаменитого кестлеровского героя, чем неохотные и частичные показания Бухарина, послужившего прообразом Рубашова[88].

Допрос Раковского был отложен в конце вечернего заседания 4 марта и продолжался 5-го утром. Потом суд взялся за Зеленского — фигуру гораздо менее колоритную. Тем не менее, Зеленский в свое время находился в высших партийных кругах, будучи в 1923-25 годах секретарем ЦК и МК партии. Сняли его с этих должностей за недостаточно враждебное отношение к Зиновьеву и Каменеву. Его, собственно перевели в секретари Среднеазиатского бюро ЦК, где он работал до

1931 года, не теряя своего места в составе Центрального Комитета. В показаниях Ходжаева и Икрамова это обстоятельство было уже использовано, и Зеленский назван агентом Троцкого. Однако главная роль Зеленского на процессе заключалась в том, чтобы объяснить, как заговорщики «вызывали» народное недовольство. Дело в том, что с 1931 по 1937 год Зеленский работал председателем Центросоюза и фактически полностью держал в своих руках торговлю на селе и таким образом имел несравненные возможности вызывать это недовольство.

Начав с истории о том, как он был агентом царской охранки с 1911 года, Зеленский затем «признал» соучастие в действиях Каменева в 1924 году и сказал, что в 1928-29 годах А. П. Смирнов завербовал его в «организацию правых». После «разоблачения» Смирнова (т.е. с 1933 года) Зеленский будто бы держал связь с Антиповым, по чьим инструкциям глубоко расстроил всю сельскую торговую сеть.

Зеленский: ... Правые организовали перебои в торговле товарами повседневного спроса. Так, например, такие перебои были организованы в Курской области. В первом квартале 1936 года в торговле сахаром, многие лавки в течение недели-двух не имели сахара. Такого же рода вредительские перебои были организованы в Ленинградской области в торговле махоркой. Такого же рода перебои были летом 1936 года в торговле печеным хлебом в ряде сельских местностей БССР, расположенных в пограничных районах.

Чтобы дать некоторое представление о том, какого характера были эти перебои, я укажу на следующее: из тридцати тысяч лавок, которые были обследованы торгово-кооперативными секциями советов и торговой инспекцией, в первом квартале 1936 года не было соли в 3 700 лавках. Из 42 тысяч лавок в 2 тысячах лавок отсутствовала продажа сахара. В третьем квартале 1936 года отсутствовала продажа махорки в 1 600 лавках из 36 тысяч лавок. Так что это были не единичные явления, а довольно распространенные»[89].

Дальше — снова в том же роде:

Вышинский: В 1936 году был такой случай, что Москва сидела без яиц по вашей вине, по вине не вашей персонально, а одного из активных участников этого заговорщического блока?

Зеленский: Был.

Вышинский: Не припомните ли, когда особенно резко это выявилось?

Зеленский: Я сейчас месяц не могу назвать, но могу сообщить о следующем факте. В 1936 году была допущена вредительская порча 50 вагонов яиц[90].

Зеленский также говорил об обмане покупателей.

Зеленский: Мне кажется, что вопросы обсчета, обмера и обвеса ясны для каждого, это очень ясно. Дело заключается в том, что когда человек приходит за покупкой в лавку, его обсчитывают, обмеривают и обвешивают, то есть ему назначают цену больше, чем та, по которой продается товар, либо ему дают вес меньший, чем это следует, либо отпускается товар не того качества.

Вышинский: Для чего это делается?

Зеленский: Для того, чтобы вызвать недовольство населения.

Вышинский: То есть с провокационными целями?

Зеленский: Понятно... Цены назначаются торгующими организациями или продавцами лавки очень часто по своему усмотрению, то есть бесконтрольно. Таким образом, поймать человека, обсчитывающего потребителя, почти невозможно. Это явление приняло серьезный характер и большое распространение. Чтобы дать характеристику размеров этого вредительства, я укажу на то, что из 135 000 лавок, которые были проверены инспекцией торгово-кооперативной сети, установлены случаи обсчета и обмана покупателей в 13 000 лавок. Фактически же количество их значительно больше.

Очень важный вид вредительства, также в целях вызова недовольства населения, заключается в замораживании товарооборота, достигаемом путем неправильной или несвоевременной засылки товаров. Так, например, были случаи, когда

летние товары засылались зимой и, наоборот, зимние товары прибывали в лавки летом.

Вышинский: То есть летом населению предлагали валенки, а зимой тапочки?

Зеленский: Да[91].

Все это, по Зеленскому, выполнялось подобранными им людьми.

Зеленский: ... Я имел задание и преследовал цель засорять этот аппарат чуждыми, враждебными, антисоветскими, повстанческими элементами. Засоренность аппарата Центросоюза видна из того, что в аппарате Центросоюза было при мне около 15 процентов бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и так далее. В некоторых областях количество чуждых, выходцев из других партий, колчаковских офицеров и так далее, например, в Красноярском крае, Иркутске, Западной Сибири, было значительно выше[92].

Любопытная перебранка между Зеленским и прокурором произошла по другому поводу.

Вышинский: А как было дело с маслом?

Зеленский: Маслом мы в деревне не торгуем.

Вышинский: Я не спрашиваю, чем вы торгуете. Вы торговали раньше всего основным — родиной. А я говорю о том, какие меры предпринимала ваша организация для того, чтобы сорвать товарооборот и лишить население необходимейших первых предметов потребления. Кроме сахара и соли известно ли вам что-нибудь относительно масла?

Зеленский: Я сказал вам, что кооперация в деревне маслом не торгует...

Вышинский: Я спрашиваю вас: известны ли вам преступные операции в отношении снабжения населения маслом, в частности дешевыми сортами масла, или нет? Операции, которые были проделаны по указанию вашего «право-троцкистского блока», известны вам или нет?

Зеленский: Да, известны.

Вышинский: В чем они заключались?

Зеленский: Они заключались в следующем: все заготови-

тельные организации при выработке масла пользовались мировыми стандартами, определяющими сортность масла.

Вышинский: Это не то.

Зеленский: Вот это и есть.

Вышинский: Нет.

Зеленский: Как нет? Это производилось...

Председательствующий: Подсудимый Зеленский, не пререкайтесь и отвечайте по существу.

Вышинский: А то масло, которое выпускалось, всегда было доброкачественным или вы тоже старались сделать его недоброкачественным?

Зеленский: Да.

Вышинский: Были ли случаи, что члены вашей организации, имеющие отношение к масляному делу, в масло подбрасывали стекло?

Зеленский: Были случаи, когда в масле оказывалось стекло.

Вышинский: Не «оказывалось», а подбрасывалось стекло. Вы понимаете разницу: подбрасывалось стекло? Были случаи такие или нет?

Зеленский: Были случаи, когда в масло подбрасывалось стекло.

Вышинский: Были ли случаи, когда ваши соучастники, сообщники преступного заговора против Советской власти и советского народа, подбрасывали в масло гвозди?

Зеленский: Были случаи.

Вышинский: С какой целью? Чтобы было «вкуснее»?

Зеленский: Это ясно.

Вышинский: Вот это и есть организация вредительской, диверсионной работы. В этом вы себя признаете виновным?

Зеленский: Признаю[93].

Помимо этих туманных неудовлетворительных для прокурора ответов, Зеленский заартачился и в ответе на важный вопрос.

Вышинский: Вы участвовали во вредительской, диверсионной, террористической, шпионской работе этого блока?

Зеленский: Во вредительской, диверсионной работе участвовал.

Вышинский: О шпионской работе вы пока умалчиваете?

Зеленский: (молчит).

Вышинский: Вы отвечаете за всю преступную деятельность блока?

Зеленский: Отвечаю[94].

Последний вопрос Вышинского был явно слабым ходом. Впрочем, под конец допроса Зеленский «признал» свою связь с А. В. Александером, лидером английской кооперативной партии. Они якобы обсуждали возможность прихода правых к власти в СССР.

За Зеленским последовал допрос Икрамова, нами уже описанный. В конце допроса Икрамова был снова вызван Бессонов. Он дал показания о связях, якобы поддерживавшихся с эмигрантами-эсерами, с Троцким и нацистами.

НОМЕР ОДИН

Только после этого начался допрос главного действующего лица процесса. Вышинский приступил к своей дуэли с Бухариным.

В ходе следствия Бухарина не пытали[95]. После ареста 27 февраля 1937 года Бухарину дали очную ставку с Радеком, который, однако, выдвинул против Бухарина лишь ограниченные свидетельства, заявил, что Бухарин в известной степени противился союзу Троцкого с немцами[96], и отказался подтвердить некоторые из наиболее зловещих обвинений[97]. После трехмесячных допросов, после угроз его молодой жене и ребенку, Бухарин в долгом разговоре с Ежовым и Ворошиловым согласился — как «представитель Политбюро» — признать все обвинения, в том числе замысел убить Ленина. Но когда два дня спустя Бухарину принесли на подпись его «показания», отредактированные и выправленные лично Ста-

линым, он был настолько потрясен, что взял все свои «признания» обратно.

Следствие началось заново, теперь его вела удвоенная бригада следователей. В конце концов Бухарин согласился дать показания, но отказался говорить о том, что будто бы планировал убийство Ленина[98]. А одно из обвинений, выдвинутое против него теперь в зале суда, вообще не упоминалось в ходе следствия. Это обвинение — шпионаж. Несомненно, следователи понимали, что признания в шпионаже Бухарин ни за что не подписал бы, и вот это обвинение было брошено ему впервые прямо в зале суда[99].

Перед тем, как Вышинский начал задавать вопросы, Бухарин обратился к суду с просьбой разрешить ему излагать свои показания свободно, то есть без наводящих вопросов прокурора, и остановиться на описании идейных позиций «блока». Вышинский немедленно потребовал, чтобы ходатайство Бухарина было отклонено, как ограничивающее законные права обвинителя. После этого Бухарин объявил, что подтверждает свои показания, данные на предварительном следствии. Свою вину он признал в следующих осторожно подобранных фразах:

«Я признаю себя виновным в том, что я был одним из крупнейших лидеров этого «право-троцкистского блока». Я признаю себя, следовательно, виновным в том, что вытекает непосредственно отсюда, виновным за всю совокупность преступлений, совершенных этой контрреволюционной организацией независимо от того, знал ли я или не знал, принимая или не принимая прямое участие в этом или ином акте, потому что я отвечаю, как один из лидеров, а не как стрелочник этой контрреволюционной организации»[100].

Бухарин признал, что планировал насильственное свержение советской власти «... при помощи использования войны, которая прогностически стояла в перспективе», он якобы рассчитывал на поддержку иностранных государств, которым предполагалось сделать территориальные уступки.

Вышинский: А также путем ослабления обороноспособности?

Бухарин: Видите ли, этот вопрос не обсуждался, по крайней мере в моем присутствии[101].

Что касается вредительства, то Бухарин показал, что «была принята ориентация на вредительство», но на конкретные вопросы по этой теме отвечал так:

Вышинский: Как вы видите из процесса, обстановка была достаточно конкретной. Вы с Ходжаевым разговаривали о том, что мало вредят, что плохо вредят?

Бухарин: Насчет того, чтобы форсировать вредительство, разговоров не было[102].

После этого прозвучало «признание» Бухарина в том, что «блок» стоял за террор против высшего руководства. Вышинский немедленно спросил, было ли убийство Кирова совершено также с ведома и по указанию «право-троцкистского блока»?

Бухарин: Это мне не было известно.

Вышинский: Я спрашиваю: с ведома и по указаниям «право-троцкистского блока» совершено было это убийство?

Бухарин: А я повторяю, что это мне не известно, гражданин Прокурор.

Вышинский: Специально об убийстве Сергея Мироновича Кирова вам не было известно?

Бухарин: Не специально, а...

Вышинский: Обвиняемого Рыкова разрешите спросить?

Председательствующий: Пожалуйста.

Вышинский: Подсудимый Рыков, что вам известно по поводу убийства Сергея Мироновича Кирова?

Рыков: Я ни о каком участии правых и правой части блока в убийстве Кирова не знаю.

Вышинский: Вообще о подготовке террористических актов — убийств членов партии и правительства — об этом вам известно?

Рыков: Я, как один из руководителей правой части этого блока, участвовал в организации целого ряда террористи-

ческих групп и в подготовке террористических актов. Как я сказал в своих показаниях, я не знаю ни одного решения правого центра, через который я имел отношение к «право-троцкистскому блоку», о фактическом выполнении убийств...

Вышинский: О фактическом выполнении. Так. Известно ли вам, что «право-троцкистский блок» ставил одной из своих задач организацию и совершение террористических актов против руководителей партии и правительства?

Рыков: Я сказал больше того, что я лично организовывал террористические группы, а вы меня спрашиваете, знал ли я через какое-то третье лицо об этих задачах.

Вышинский: Я спрашиваю, имел ли «право-троцкистский блок» отношение к убийству товарища Кирова?

Рыков: В отношении правой части к этому убийству у меня никаких сведений нет, и поэтому я до настоящего времени убежден, что убийство Кирова произведено троцкистами, без ведома правых. Конечно я об этом мог и не знать[103].

Сбитый с толку Вышинский обратился к Ягоде. Тот сказал, что Рыков и Бухарин говорят неправду: Рыков и Енукидзе, дескать, присутствовали на заседании, где обсуждался этот вопрос. Однако, Ягода стал тут же по собственной инициативе делать странные намеки.

Вышинский: Вы лично после этого приняли какие-нибудь меры, чтобы убийство Сергея Мироновича Кирова осуществилось?

Ягода: Я лично?

Вышинский: Да, как член блока.

Ягода: Я дал распоряжение...

Вышинский: Кому?

Ягода: В Ленинграде Запорожцу. Это было немного не так...

Вышинский: А вы дали потом указания не чинить препятствий к тому, чтобы Сергей Миронович Киров был убит?

Ягода: Да, дал... Не так.

Вышинский: В несколько иной редакции?

Ягода: Это было не так, но это неважно[104].

Вышинский поспешно оставил эту тему и начал допрашивать Бухарина по обвинению в намерении убить Ленина. Бухарин «признал», что в 1918 году имелся план ареста Ленина, но когда Вышинский предположил, что это означало убийство, Бухарин привел пример с арестом Дзержинского. Как известно, Дзержинский был однажды арестован эсэрами, но не убит. Допустив, что Сталин и Свердлов тоже могли быть арестованы вместе с Лениным, Бухарин добавил, что «ни в коем случае» они не были бы убиты. Дальнейшее разбирательство этого вопроса Вышинский отложил до вызова свидетелей.

После этого Бухарину разрешили высказаться подробнее. Ульрих предложил ему держаться темы о его «преступной антисоветской деятельности», но прошло десять, пятнадцать минут, а Бухарин все еще излагал теорию, согласно которой движение правых неизбежно должно было прийти к восстановлению капитализма. Ульрих прервал Бухарина, сказав, что тот не должен сейчас произносить свою защитительную речь.

Бухарин ответил: «Это у меня не моя защита, это у меня самообвинение. Я ни одного слова в свою защиту не сказал...»[105]. Строго говоря, он и не сказал. Продолжил Бухарин тем, что признал: его программа означала сначала «сползание к буржуазно-демократической свободе», которая в свою очередь (как уточнил Вышинский, и уточнение было принято Бухариным) означала... «прямой оголтелый фашизм»!

Затем Вышинский обратился к шпионажу.

Вышинский: Тогда почему так легко вы пришли к блоку, который занимался шпионской работой?

Бухарин: Я относительно шпионской работы совершенно ничего не знаю.

Вышинский: Как не знаете?

Бухарин: Так.

Вышинский: А блок чем занимался?

Бухарин: Здесь прошло два показания относительно

шпионажа — Шаранговича и Иванова, то есть двух провокаторов[106].

Здесь Бухарин хитро обернул всю тактику процесса против авторов его сценария. Ведь Иванов, по его собственным словам, был агентом царской охранки в революционном движении. Для партийной аудитории ничто не могло быть презреннее этого, никто не мог заслуживать меньшего доверия, чем подобная личность. Так свидетельство Иванова автоматически подрывалось. В то же время Бухарин ясно дал понять, что Иванов на процессе действует в том же качестве провокатора, только по приказу других хозяев.

Тут Вышинский сумел «выиграть очко», обратившись к Рыкову. Тот снова подтвердил, что знал о шпионаже, проводившемся белорусскими «национал-фашистами», и заявил, что «по-моему, знал и Бухарин». Бухарин отпарировал, что не знал. Его связь с австрийской полицией, о которой заговорил Вышинский, «заключалась в том, что я сидел в крепости в Австрии».

Вышинский: Обвиняемый Шарангович, вы были польским шпионом, хотя и сидели в тюрьме?

Шарангович: Был, хотя и сидел.

Бухарин: Я сидел в шведской тюрьме, дважды сидел в российской тюрьме, в германской тюрьме[107].

Бухарин принялся затем излагать переговоры о создании «блока» и описывать его структуру, основываясь на своих разговорах с Каменевым в 1928 году и позже. При этом особое внимание Бухарин уделял платформе Рютина. Ульрих снова вмешался: «Пока еще вы ходите вокруг да около, ничего не говорите о преступлениях»[108].

Бухарин заговорил о планах переворота в 1935 году, якобы составленных Енукидзе и Петерсоном, которые не воплотились ни во что реальное. Продолжая давать показания на следующее утро, 7 марта, он развил эту тему, включив в число предполагаемых участников и группу Тухачевского. (Вышинский возражал против употребления Бухариным термина «двор-

цовый переворот»). Бухарин также «признал», что рассылал по областям организаторов беспорядков, но отрицал, что знал о связях этих организаторов с белогвардейцами и немецко-фашистскими кругами. И снова произошла долгая перепалка: Вышинский пытался вынудить у Бухарина признание, что об этих связях ему было известно. Прокурор хотел также добиться, чтобы осведомленность Бухарина подтвердил Рыков. Но Рыков на сей раз собрался с силами и поддержал Бухарина.

Рыков пошел даже дальше, отрицая свою осведомленность о том, что Карахан был шпионом. По всей теме о переговорах с Германией Бухарин признал лишь, что Троцкий говорил об отделении Украины от СССР, но сам он, дескать, «не считал для себя обязательными»[109] указания Троцкого. Вот какой диалог состоялся по поводу переговоров, которые Карахан будто бы вел с немцами:

Вышинский: Вы эти переговоры одобрили?

Бухарин: Или дезавуировал? Не дезавуировал, следовательно одобрил.

Вышинский: Я вас спрашиваю, одобрили или нет?

Бухарин: Я повторяю, гражданин Прокурор: так как не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

Вышинский: Следовательно одобрили?

Бухарин: Если не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

Вышинский: Вот я и спрашиваю: значит, одобрили?

Бухарин: Значит, «следовательно» — все равно, что «значит».

Вышинский: Что значит?

Бухарин: Значит, одобрил.

Вышинский: А вы говорите, что вы об этом узнали постфактум.

Бухарин: Да, это ни капли не противоречит одно другому[110].

Вышинский затем снова нацелился на тему о шпионаже, подняв вопрос с Рыковым о белоруссах. И тут, на протяже-

нии получаса, развернулся один из наиболее поразительных диалогов, известных в истории судебных процессов.

Вышинский: Это не шпионская связь?

Рыков: Нет.

Вышинский: Какая это связь?

Рыков: Там была и шпионская связь.

Вышинский: Шпионская связь в части вашей организации имелась с поляками по вашей директиве?

Рыков: Конечно.

Вышинский: Шпионская?

Рыков: Конечно.

Вышинский: В том числе и Бухарина?

Рыков: Конечно.

Вышинский: Вы и Бухарин были связаны?

Рыков: Безусловно.

Вышинский: Значит, вы были шпионами?

(Рыков молчит).

Вышинский: И организаторами шпионажа?

Рыков: Я ничем не лучше шпиона.

Вышинский: Вы были организатором шпионажа, были шпионом?

Рыков: Можно сказать, да.

Вышинский: Можно сказать, что шпион. Я спрашиваю, вы организовали связь с польской разведкой и соответствующими шпионскими кругами? Вы признаете себя виновным в шпионаже?

Рыков: Если речь идет об организации, то в данном случае, конечно, признаю себя виновным.

Вышинский: Подсудимый Бухарин, вы признаете себя виновным в шпионаже?

Бухарин: Я не признаю.

Вышинский: А Рыков что говорит, а Шарангович что говорит?

Бухарин: Я не признаю.

Вышинский: Когда организовалась в Белоруссии организация правых, вы возглавляли ее, вы это признаете?

Бухарин: Я вам сказал.

Вышинский: Я вас спрашиваю, признаете вы или нет?

Бухарин: Я белорусскими делами не интересовался.

Вышинский: Вы интересовались шпионскими делами?

Бухарин: Нет.

Вышинский: А кто интересовался?

Бухарин: Я об этого рода деятельности не получал никаких информаций.

Вышинский: Обвиняемый Рыков, получал ли Бухарин какую-нибудь информацию об этого рода деятельности?

Рыков: У меня с ним разговоров об этом не было[111].

Повторив весь круг своих вопросов, Вышинский добился только того, что Рыков вернулся на свои прежние позиции.

Рыков: То есть переходом этим мы непосредственно не руководили, но вопрос не в непосредственном руководстве, а касается общего руководства. Мы за это отвечаем совершенно определенно.

Вышинский: Вам незачем делать постное лицо, подсудимый Бухарин, и нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас имелась группа ваших сообщников, заговорщиков в Белоруссии, возглавляемая Голодедом, Червяковым, Шаранговичем. Правильно, Шарангович?

Шарангович: Правильно.

Вышинский: И по директиве Бухарина и Рыкова, под их руководством вы связались с польской разведкой и польским генштабом. Правильно, Шарангович?

Шарангович: Совершенно правильно.

Вышинский: И относительно шпионской связи — под вашим руководством. Правильно, Шарангович?

Шарангович: Совершенно правильно.

Вышинский: Следовательно, кто был организатором шпионажа, которым вы занимались?

Шарангович: Рыков, Бухарин.

Вышинский: Значит, они были шпионами?

Шарангович: Совершенно правильно.

Вышинский: Так же как...

Шарангович: Как и я сам.

Вышинский: Садитесь. (К Рыкову) Подсудимый Рыков, в 1932 году Голодед вам рассказывал, что все сколько-нибудь крупные назначения людей на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывались с польской разведкой?

Рыков: Да.

Вышинский: Бухарин об этом знал?

Рыков: Этого я не могу сказать.

Вышинский: Не знаете? Не хотите выдавать дружка?

Рыков: То есть в том, что я знаю, что он неправильно говорит, я его уличаю, а в том, что я не знаю, — я этого делать не могу и не буду.

Вышинский: Я спрашиваю вас о том, что поляки давали согласие на различные должностные назначения в Белоруссии. Об этом известно было вашему руководящему центру?

Рыков: Мне было известно. С Бухариным я об этом не говорил. Мне было известно также, что Червяков и Голодед имели связь, кроме меня, с Бухариным и Томским. Говорили они об этом с Бухариным или не говорили, я об этом сказать не могу, потому что при этих разговорах я не присутствовал.

Вышинский: Считаете ли вы, что было бы естественно тому же Голодеду иметь разговор с Бухариным по этому вопросу или же они должны были конспирировать это от Бухарина?

Рыков: Я думаю, что, естественно, он говорил с Бухариным, но о чем они говорили, мне неизвестно.

Вышинский: Я теперь в порядке предположения вас спрошу. Вы предполагаете, что Бухарин об этом был осведомлен?

Рыков: Это обстоятельство... Я предпочитаю говорить только о том, что я знаю. А чего я не знаю — мое положение вовсе не таково в этом зале, чтобы я еще высказывал предположения[112].

О своих разговорах с Бухариным Рыков показал, что «об этой специально шпионской работе я не помню разго-

воров. Я не исключаю, чтобы они были, но я не помню»[113].

После длительного обмена репликами с Рыковым по поводу значения некоторых мест из его показаний на предварительном следствии — причем Рыков утверждал, что его слова на следствии носили характер не констатации фактов, а лишь предположений, — Вышинский обратился к Бухарину, который немедленно заявил: «Меня на предварительном следствии об этом не спрашивали ни единого слова и вы, гражданин Прокурор, в течение трех месяцев не допросили меня ни одного слова»[114].

При этих словах Вышинский потерял самообладание и закричал, что не Бухарину его учить, как вести следствие. Он снова взялся за Рыкова, но нисколько не продвинулся в своих попытках доказать шпионаж.

Заключение прокурора прозвучало слабо:

Вышинский: Позвольте считать установленным, что Рыков и Бухарин знали о существе изменнической связи, в состав которой входил и шпионаж. Правильно, Рыков?

Рыков: То есть вытекал шпионаж.

Бухарин: Таким образом получается, что я знал что-то, из чего что-то вытекало[115].

Ульрих вернул подсудимых к теме предполагавшегося «переворота». Вслед за тем Бухарин отверг обвинение в том, что он якобы говорил Ходжаеву о соглашении с Германией. В споре по этому поводу Вышинский снова вышел из себя, дав повод Бухарину заметить: «Напрасно вы машете рукой!» Ульрих призвал Бухарина к порядку, а Вышинский набросился на него: «Я вынужден буду тогда прекратить допрос, потому что вы, очевидно, придерживаетесь определенной тактики и не хотите говорить правду, прикрываясь потоком слов, крючкотворствуя, отступая в область политики, философии, теории и так далее». Бухарин спокойно возразил: «я отвечаю на ваши вопросы» и продолжал отрицать, что говорил Ходжаеву о связях с английскими разведчиками. В припадке ярости Вышинский заявил, что «вы являетесь, оче-

видно, по всем данным следствия, шпионом одной из разведок». Бухарин поймал его на этом пункте:

Бухарин: За год моего сидения в тюрьме меня об этом ни разу не спрашивали.

Вышинский: Мы вас спрашиваем здесь на гласном пролетарском суде, мы спрашиваем здесь на этом суде перед всем миром.

Бухарин: Но раньше вы не спрашивали об этом.

Вышинский: Я еще раз спрашиваю на основании того, что здесь было показано против вас, не угодно ли вам признаться перед советским судом, какой разведкой вы были завербованы — английской, германской или японской?

Бухарин: Никакой.

Вышинский: Я к Бухарину пока не имею вопросов[116].

Суд объявил перерыв. Прокурор потерпел явное поражение.

Когда заседание возобновилось, Бухарин перечислил свои контакты с эмигрантами — меньшевиками и эсерами — и упомянул об уступках, которые должны были быть сделаны в пользу Германии. Он снова категорически отрицал свою причастность к шпионажу. Далее Бухарин сказал, что военные заговорщики будто бы говорили с Томским об «открытии фронта» в случае войны, но что он, Бухарин, с этим не соглашался.

Вышинский: А с Караханом вы говорили об открытии фронта?

Бухарин: Карахан сказал, что немцы требовали военного союза с Германией.

Вышинский: А для союзника ворота закрыты?

Бухарин: На это Карахан мне ответил.

Вышинский: Для союзника ворота закрыты?

Бухарин: Нет.

Вышинский: Значит, открыть ворота?

Бухарин: Простите, но союза еще никакого не было.

Вышинский: Предположение, планы были.

Бухарин: Вот сейчас Советский Союз находится в союзе с Францией, но это не значит, что он открывает советские границы[117].

Вслед за этим Вышинский обратился к преступлению, в котором из всех подсудимых обвинялся только Бухарин, — к плану убийства Ленина в 1918 году. Обвинение представило трех свидетелей, трех известных «левых коммунистов» того периода — Яковлеву, Манцева и Осинского. Последний (урожденный князь Оболенский) был все еще кандидатом в члены ЦК партии после своего избрания в 1934 году.

Из всех троих наиболее выдающейся была в то время Варвара Яковлева — кандидат в члены малочисленного ЦК 1917 года. Вместе с Бухариным, Пятаковым и В. М. Смирновым она подала в отставку после того, как было принято решение о Брестском мире.

Теперь она полностью подтвердила версию Вышинского. Бухарину, однако, было нетрудно показать, что так называемая «нелегальная деятельность» в начале 1918 года отнюдь не была нелегальной. На деле левые и более или менее объединенные с ними троцкисты располагали тогда большинством и надеялись навязать остальным свою позицию по обычным партийным каналам. Бухарин признал, что после того, как это большинство было потеряно, состоялись разговоры, в ходе которых высказывалось мнение об аресте Ленина и формировании нового правительства. (Бухарин вообще думал лишь об аресте Ленина на двадцать четыре часа с целью облегчить смену правительства, и он полностью рассказал об этом плане уже в 1924 году[118]).

Переговоры шли также с левыми эсерами, вышедшими из правительства в результате расхождений по вопросу о мире. Но Бухарин категорически отрицал, что существовал какой-либо план убить Ленина. Он также отрицал участие эсеров в заговоре.

Бухарин указал далее, что многие из тех, кто в 1918 году были левыми коммунистами — в том числе Куйбышев и Менжинский — не считались впоследствии из-за этого врагами.

Здесь суд оборвал Бухарина: это, дескать, не относилось к делу. Таким же образом были пресечены попытки Бухарина отметить еще ряд обстоятельств — например то, что он сам был ранен при взрыве бомбы, брошенной левыми эсерами, в конспирации с которыми его теперь обвиняли.

Свидетельские показания Манцева мало отличались от показаний Яковлевой, они шли по той же линии. Осинский же дал более сдержанное свидетельство, не обвинив Бухарина по некоторым пунктам. Продолжая отрицать все свидетельства о плане убийства Ленина, Бухарин дважды ясно намекнул на истинную причину поведения «свидетелей».

Вышинский: Вы утверждаете, следовательно, что показания Манцева в этой части и показания свидетельницы Яковлевой неправильны?

Бухарин: Да, я утверждаю.

Вышинский: Чем вы объясняете, что они говорят неправду?

Бухарин: Вы уж их об этом спросите[119].

И позже опять:

Вышинский: Вы должны чем-то объяснить то, что против вас говорят три человека ваших бывших сообщников.

Бухарин: Видите ли, у меня нет ни достаточных материальных, ни психологических данных, чтобы выяснить этот вопрос.

Вышинский: Не можете объяснить?

Бухарин: Не не могу, а просто отказываюсь объяснить[120].

Дальше в этом направлении Вышинский не пошел. Он назвал новых двух свидетелей — старых эсеров Бориса Камкова и Владимира Карелина. Согласно описанию Маклина, оба они были «в опрятных синих костюмах», а лица у них были «серыми, как у трупов»[121]. Камков и Карелин уже годы и годы находились в заключении. В ходе допроса было упомянуто имя еще более знаменитой эсеровской руководительницы Марии Спиридоновой[122], но она, по-видимому, отказалась сотрудничать с властями на суде. В статье польской коммунистки Ядвиги Сикорской, сидевшей с ней в 1937 году в одной камере, утверждается, что в результате зимой того

же года Спиридонову расстреляли[123]. (Не безынтересно, что статья Сикорской подверглась суровой критике на страницах журнала «Коммунист» за то, что она написана с позиций так называемого «абстрактного гуманизма»).

Камков — его вызвали первым из двоих — был, очевидно, в двадцатых годах освобожден из заключения, но не позднее 1933 года попал в тюрьму опять[124]. На суде он показал, что слышал от других об осведомленности Бухарина насчет намерений эсеров, но добавил, что прямо свидетельствовать об этом не может. Он отрицал принятие каких-либо объединенных решений совместно левыми эсерами и левыми коммунистами. Твердость старого революционера опять привела в волнение Вышинского, и когда Бухарин попытался задать вопрос, прокурор взорвался: «Я прошу предложить обвиняемому Бухарину не вмешиваться в мой допрос. Я веду себя достаточно сдержанно, требую, чтобы и мой противник вел себя сдержанно»[125]. Камков снова отклонил возможность совместных действий, и Вышинский прекратил допрос свидетеля, даже не упомянув о планах покушения на Ленина.

Карелин оказался более сговорчивым и подтвердил, что план убийства Ленина существовал. Он заговорил также о совершенно другом деле, о действительном покушении на Ленина 30 августа 1918 года. Это покушение было выполнено правой эсеркой Фанни Каплан. Карелин объявил, что на этом террористическом акте настаивал Бухарин и что его мнение было передано через левых эсеров.

Для подтверждения этого был вновь вызван Осинский. Он сказал, что слышал какие-то неопределенные слухи насчет того, что покушение Каплан вдохновлялось антиправительственной позицией левых, но заявил: «... персонально насчет Бухарина сказать ничего не могу».

Бухарин же все начисто отрицал.

Вышинский: Осинский дал объяснения.

Бухарин: Осинский сказал, что обо мне он ничего не может сказать[126].

Опять Вышинский прямо взялся за Бухарина, пытаясь

вынудить у него признание, что в 1918 году атмосфера в партии была так накалена, что убийство выглядело бы разумным. Бухарин это отрицал, а заодно повторно отверг свидетельские показания.

Вышинский: А почему говорят об этом и «левые» коммунисты, и «левые» эсеры, — все?

Бухарин: Нет, это говорят не все: из двух «левых» эсеров только один[127].

По другому обвинению Бухарин тоже заявил, что «абсолютно не согласен, я это категорически отрицаю», и на этом «категорическом отрицании» допрос Бухарина закончился.

В обвинительном заключении по делу «право-троцкистского блока» Яковлева, Манцев, Осинский, Камков и Карелин перечислены среди тех, чьи дела выделены в особое производство. Теперь даты смерти четырех из них стали известны официально. Камков умер в 1938 году[128], в год процесса. Тем же 1938 годом датируется смерть Карелина[129]. Год смерти Осинского все тот же 1938, даже дата есть — 1 сентября[130]. Можно предполагать, что они были казнены после процесса за участие в том же гипотетическом плане убийства Ленина, по которому Карелин и Осинский оговаривали Бухарина. Яковлева, показания которой на суде были наиболее удовлетворительными, дожила почти до конца войны, до 1944 года[131].

ДЕЛА МЕДИЦИНСКИЕ

Утром 8 марта 1938 года процесс дошел до самого ужасного и самого темного обвинения из всех, выдвинутых против «блока». На протяжении последующих двух дней главной темой допросов была система «медицинских убийств», якобы выполнявшихся по прямым распоряжениям Ягоды.

Выдвинуть обвинение в «медицинских убийствах» против участников оппозиции решено было, видимо, после того,

как Наркомом внутренних дел стал Ежов. Планы НКВД впутать в дело профессора Плетнева восходят к декабрю 1936 года, но арестован он был, по-видимому, не раньше первой половины июня следующего года. По крайней мере «Правда» от 8 июня 1937 года пишет в настоящем времени, что «Плетнев занимает выборную должность» в обществе врачей. Доктора Левина арестовали в промежутке между смертью Орджоникидзе (тогда, в феврале 1937 года, его имя появилось в последний раз среди кремлевских врачей) и 12 июня 1937 года (когда в подобном же списке его имя уже не появилось). Секретарь покойного Горького Крючков подвергся нападкам в «Правде» от 17 мая вместе с другими литераторами, якобы связанными с Ягодой. Можно считать, что его арест состоялся около этой даты.

Помимо врачей, обвинявшихся на процессе, были названы еще двое «убийц» — доктор А. И. Виноградов из санчасти ОГПУ (см. Дело Бухарина, стр. 458), в отношении которого следствие было прекращено за смертью обвиняемого (см. там же, стр. 37), и начальник Лечсанупра Кремля до 1938 года Ходоровский, которого, видимо, не успели «подготовить» к суду. Годом его смерти назван 1940-й (см. XI съезд РКП[б], биогр. справка).

На суде разбиралось четыре так называемых убийства. Первым, в мае 1934 года, был будто бы умерщвлен предшественник Ягоды на посту начальника ОГПУ Менжинский. Согласно официальной версии, Менжинского умертвил его любимый врач Казаков — по инструкциям, исходившим от доктора Левина. Потом, в том же месяце, был якобы уничтожен сын Горького Максим Пешков. Это убийство приписывалось Левину и профессору Плетневу. Следующей жертвой этих двоих стал, по обвинительному заключению, Куйбышев, и, наконец, они же погубили самого Горького.

Первым давал показания 68-летний доктор Левин. Он, дескать, вместе с Ягодой был организатором медицинских убийств. Роль Левина — его действительная роль — самое темное место во всем процессе. Ягода вряд ли стал бы вербовать

постороннего врача на такое дело, как убийство по приказу, — но это соображение не относится к человеку, который с 1920 года «работал в штатной должности и в качестве консультанта санитарной части НКВД»[132]. Левин работал с Дзержинским, Менжинским и Ягодой, так что можно определенно считать, что он пользовался в ОГПУ-НКВД не только медицинским авторитетом. По его собственным словам «это было внимание со стороны руководителя такого органа, как ОГПУ. Я видел в этом определенное признание и доверие ко мне со стороны руководителя такого учреждения»[133]. Он также чувствовал, что погибнет вместе с Ягодой[134]. Можно фактически считать Левина до известной степени членом того круга сотрудников Ягоды в НКВД, который в полном составе последовал за наркомом в камеры смертников.

Кроме того, Левин обронил на суде, что он стал говорить правду с «самого первого дня, как я вступил в тюрьму»[135]. Если принять это на веру, то такое поведение настолько резко отличается от образа действий остальных беспартийных обвиняемых, что свидетельствует либо о высочайшей «дисциплинированности» Левина перед лицом НКВД, либо о некоей достоверности его признаний (опять-таки в отличие от большинства подсудимых).

В коротком перекрестном допросе Левина Бухарин спросил, не являлся ли доктор контрреволюционером и вредителем уже в 1918 году, после того, как большевики захватили власть, — спросил так, как будто речь шла о широко известном факте[136]. Вопрос Бухарина представляется не имеющим отношения к делу и даже могущим повредить делу всех подсудимых. Но если искать в нем особого намека, то намек может быть в том, что Левин из-за своего прошлого мог быть легко завербован ОГПУ и под угрозой разоблачений использован на любой работе.

Как мы знаем (см. стр. 353), Левин в каком-то смысле замешан в смерти Орджоникидзе. Его подпись, в числе других, стоит под фальсифицированным медицинским заключением о смерти Орджоникидзе в то время. Но если Левин и был

вовлечен во все эти злодейские дела, то надо по справедливости отметить, что об этом очень мало кто знал. Видный советский дипломат Бармин полагал, что Левин был просто врачом, преданным своей профессии и ни в чем не замешанным[137].

Левин дал образцовые показания о планировании и проведении так называемых медицинских убийств. Согласно его рассказу и показаниям других, было выполнено следующее:

1. Казакову, доктору-шарлатану и любимцу Менжинского, приказали убить Менжинского чрезмерной дозой одного из «лизатов» собственного, казаковского, изготовления, дабы освободить пост начальника ОГПУ для Ягоды.

2. Убили Максима Пешкова в два этапа: сперва приказали секретарю Горького Крючкову напоить Пешкова пьяным и оставить в таком состоянии на садовой скамейке, «на холоде» (хотя был май); а затем, когда Пешков простудился, напустили на него Левина, Виноградова и Плетнева.

3. На прогулках с Горьким для него разжигали костры, которые он очень любил, хотя у писателя были слабые легкие, и костры плохо действовали на его здоровье[138]; возили Горького к его внучкам, когда те лежали с простудой, и тем самым заразили писателя, а потом отдали его в руки Левина и Плетнева.

4. Куйбышева просто неправильно лечили от болезни сердца — но скончался-то он в конце концов потому, что ему не была во время оказана медицинская помощь, хотя следовало бы полагать при таких обстоятельствах, что отсутствие «преступной» врачебной помощи не ухудшило его состояния перед смертью!

Левин очень правдоподобно объяснил, каким образом его завербовал Ягода; и так правдоподобно, что вызвал вздох даже у видавшей виды аудитории Октябрьского зала.

Левин: Он сказал: «Учтите, что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете. Раз я вам оказал в этом доверие, раз вам оказывается доверие в этом деле — вы это и должны ценить и вы должны это выполнить. Вы никому

не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят. Вы в этом не сомневайтесь. Вы это сделайте. Вы обдумайте, как можете сделать, кого можете привлечь к этому. Через несколько дней я вызову вас». Он еще раз повторил, что невыполнение этого грозит гибелью и мне и моей семье. Я считал, что у меня нет другого выхода, я должен ему покориться. Опять-таки, когда смотришь с перспективы, с сегодняшнего дня на 1932 год, когда видишь, насколько мне, как беспартийному человеку, казался всемогущим Ягода, то, конечно, очень трудно было отвертеться от его угроз, от приказов его[139].

Для подтверждения показаний Левина о Менжинском с места вызвали Казакова. В отличие от Левина и Плетнева, Казаков не пользовался высокой медицинской репутацией, но в своих эксцентричных идеях о новых средствах лечения был, очевидно, искренен. Он применял (как в дальнейшем заметил Буланов) «такие мудреные лекарства, которые не только неизвестны медицине, но слабо известны самому Казакову»[140].

Это, к слову сказать, один из примеров того, как советские руководители хватались за идеи, отвергнутые специалистами в соответствующей области науки. То же было с лингвистикой Марра и биологией Лысенко. Последний пример из области медицины относится к началу шестидесятых годов, когда ленинградское партийное руководство с энтузиазмом проталкивало метод лечения рака, изобретенный неким Качугиным и отвергнутый профессиональными врачами.

Менжинский безгранично верил казаковскому методу лечения «лизатами». В показаниях доктора Левина есть ироническое упоминание всяких толков о чудотворных лекарствах, разработанных профессором Шварцманом, который в свое время произвел хорошее впечатление на Менжинского. Затем наступило разочарование. А «затем была другая реклама, начали шуметь вокруг Игнатия Николаевича Казакова, и тогда он (Менжинский) обратился к Казакову... он был одним из небольшой группы крупных людей в то время, ко-

торым казалось, что он чрезвычайно им помогает»[141]. Было даже специальное заседание Совнаркома, обсуждавшее казаковские методы лечения.

Казаков подтвердил показания Левина и сказал, что был вызван лично к Ягоде. Он, дескать, подчинился, испугавшись таких слов Ягоды: «Имейте в виду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить»[142].

Вызвали Ягоду. По Маклину, он выглядел совсем иначе, чем в дни своей власти. Волосы поседели, недавнее самодовольство исчезло[143]. Но он все-таки излучал определенную мрачную энергию. Его показания были необычны и их следует считать многозначительными, несмотря на то, что позднее в тот же день Ягода взял их обратно.

Вышинский: Подсудимый Ягода, давали вы поручение Левину о вызове к вам Казакова для разговора?

Ягода: Я этого человека вижу первый раз здесь.

Вышинский: Значит, такого поручения вы Левину не давали?

Ягода: Я давал поручение Левину переговорить...

Вышинский: С кем?

Ягода: С Казаковым, но сам лично его не принимал.

Вышинский: Я вас не спрашиваю, принимали вы его или нет, а я спрашиваю, давали вы поручение Левину переговорить с Казаковым?

Ягода: Поручения переговорить с Казаковым я не давал.

Вышинский: Вы только что сказали, что давали Левину такое поручение.

Ягода: Я давал Левину поручение об умерщвлении Алексея Максимовича Горького и Куйбышева, и только.

Вышинский: А насчет Менжинского?

Ягода: Ни Менжинского, ни Макса Пешкова я не умерщвлял[144].

Вышинский поднял с места Крючкова, и тот подтвердил свою роль в убийстве Пешкова по приказам Ягоды. Прокурор снова обратился к Ягоде и прочел то место из его показаний

на предварительном следствии, где Ягода признавался в умерщвлении Менжинского и Максима Пешкова.

Вышинский: Вы это показывали, обвиняемый Ягода?

Ягода: Я сказал, что показывал, но это неверно.

Вышинский: Почему вы это показывали, если это неверно?

Ягода: Не знаю, почему.

Вышинский: Садитесь. «Я вызвал Казакова к себе, подтвердил ему мое распоряжение... Он сделал свое дело, Менжинский умер». Показывали это, обвиняемый Ягода?

Ягода: Показывал.

Вышинский: Значит, вы встречали Казакова?

Ягода: Нет.

Вышинский: Почему вы показывали неправду?

Ягода: Разрешите на этот вопрос не ответить.

Вышинский: Вы отрицаете, что вы организовали убийство Менжинского?

Ягода: Отрицаю.

Вышинский: В этом показании вы это признали?

Ягода: Да.

Вышинский: Когда вас допрашивал Прокурор Союза, то вы как ответили на этот вопрос о своем отношении к убийству Менжинского?

Ягода: Тоже подтвердил.

Вышинский: Подтвердили. Почему вы подтвердили?

Ягода: Разрешите на этот вопрос не ответить.

Вышинский: Тогда ответьте на мой последний вопрос. Вы заявляли какие-нибудь претензии или жалобы по поводу предварительного следствия?

Ягода: Никаких.

Вышинский: Сейчас тоже не заявляете?

Ягода: Нет[145].

Вышинский перешел затем к умерщвлению Максима Пешкова и продолжал допрос так:

Вышинский: Так что все, что говорит Крючков...

Ягода: Все ложь.

Вышинский: Вы ему такого поручения о Максиме Пешкове не давали?

Ягода: Я заявлял, гражданин Прокурор, что в отношении Максима Пешкова никаких поручений не давал, никакого смысла в его убийстве не вижу.

Вышинский: Так что Левин врет?

Ягода: Врет.

Вышинский: Казаков говорит ложь?

Ягода: Ложь.

Вышинский: Крючков?

Ягода: Ложь.

Вышинский: Крючкову по поводу смерти Максима Пешкова поручений не давали? Вы на предварительном следствии...

Ягода: Лгал.

Вышинский: А сейчас?

Ягода: Говорю правду.

Вышинский: Почему вы врали на предварительном следствии?

Ягода: Я вам сказал. Разрешите на этот вопрос вам не ответить[146].

Американский наблюдатель на процессе отмечал, что Ягода говорил « с такой концентрированной злобой и яростью », что все присутствующие затаили дыхание « в тревоге и ужасе ». Когда в допрос вмешался Ульрих, Ягода повернулся к нему и сказал (эта фраза не вошла ни в один официальный отчет): « Вы на меня можете давить, но не заходите слишком далеко. Я скажу все, что хочу сказать... Но... слишком далеко не заходите »[147]. Все были вновь потрясены. Маклин пишет, что на процессе тайно присутствовал Сталин, сидя в помещении на хорах и наблюдая через окно. По его словам, был момент, когда многие ясно увидели Сталина при переключении света[148]. Если это так, то, вероятно, при этой фразе Ягоды Сталин подумал, не проваливается ли весь его план.

Ягода имел больше причин сопротивляться процессу, чем кто-либо другой из подсудимых. Он помогал Сталину вернее всех, он сослужил ему незаменимую службу. Арест так подей-

ствовал на Ягоду, что он долго не мог ни спать, ни есть, и Ежов опасался за его психику. К нему послали для переговоров начальника иностранного отдела НКВД, вкрадчивого и льстивого Слуцкого. В ходе их разговора Ягода горько жаловался, что разрушен аппарат безопасности, который он создавал пятнадцать лет. А однажды сказал Слуцкому, что Бог, наверно, все-таки есть: от Сталина он, дескать, получал только благодарности, а от Бога получил то, что его теперь постигло[149].

Но на процессе демонический взрыв Ягоды повис в воздухе. Вышинский перестал задавать ему вопросы и вновь обратился к Левину. Тот рассказал детали умерщвления Куйбышева и Горького, после чего Ягода эти детали подтвердил.

К концу утреннего заседания, когда Левин излагал подробности умерщвления Горького, Ягода вдруг спросил, может ли он задать Левину вопрос. Хотя подобные вопросы одного подсудимого другому были обычной практикой в предыдущие дни процесса, Ульрих поспешно ответил, что только после того, как Левин закончит показания. Ягода, желая подчеркнуть неотложность вопроса, сказал тогда, что он касается смерти Максима Горького.

Ульрих, явно опасаясь худшего, обрезал его, повторив, что Ягода сможет задать свой вопрос после дачи показаний Левина. Вскоре он объявил тридцатиминутный перерыв. После перерыва Вышинский объявил, что подсудимый Ягода хотел задать вопрос подсудимому Левину.

Председательствующий: Подсудимый Ягода, можете задать вопросы.

Ягода: Я прошу ответить Левина, в каком году постановлением лечебной комиссии Кремля он, Левин, был прикомандирован ко мне, как лечащий врач, и к кому еще он был прикомандирован?[150]

Когда ответ на этот вопрос был дан — без каких-либо ссылок на смерть Горького или на другие преступления — Ягода сказал, что больше у него вопросов нет. Как легко видеть, до перерыва в судебном заседании он хотел спросить совсем не о том, о чем фактически спросил после перерыва.

Потом задавать вопросы Левину стал его «защитник» Брауде. Были отмечены два момента. Во-первых, Левин подчеркнул то, что, очевидно, в том или ином смысле, было мощной причиной его повиновения сильным людям, способным на жесткие меры: «Меня больше всего страшило то, что он пригрозил разгромить мою семью. А семья моя — хорошая, трудовая, советская семья». Затем, о «директивной организации», принявшей решение об убийствах, Левин сказал следующее: «Я об этом ничего не знал. Я узнал об этом на самом процессе»[151].

Еще раньше суд объявил состав экспертной комиссии из пяти врачей. Утреннее заседание 8 марта закончилось следующим обменом репликами:

Председательствующий: У экспертизы есть какие-нибудь вопросы к подсудимому Левину?

Шерешевский и Виноградов: У экспертизы никаких вопросов нет, все ясно[152]*.

На вечернем заседании 8 марта были заслушаны основные показания Буланова (личного помощника Ягоды) и самого Ягоды.

* Дальнейшая участь профессоров Шерешевского и В. Н. Виноградова не безынтересна. Они пережили Левина на много лет. В 1952-53 гг. им самим предстояло пройти через такой же процесс. Виноградов, которому 3 ноября 1952 года исполнилось 70 лет, был арестован через несколько дней после этого и объявлен агентом британской разведки. 13 января 1953 г. пресса сообщила, что он — один из убийц Жданова (заключение о смерти которого от 31 августа он подписал). По личному приказу Сталина Виноградов был закован в кандалы (см. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 44). Имя Шерешевского не значилось в списке арестованных, но появилось в более длинном списке тех, кого Берия освободил 4 апреля 1953 года, когда «Дело врачей-вредителей» было разоблачено как провокация. Вообще вся группа «врачей-вредителей» 1953 года, выживших лишь по счастливой случайности — из-за смерти Сталина — подверглась после ареста исключительно жестокому обращению. Это именно к ним относилось распоряжение Сталина «бить, бить и еще раз бить» (см. там же), адресованное генералу госбезопасности М. Д. Рюмину. Рюмин, в то время зам. министра госбезопасности и начальник следственного отдела по особо важным делам, был расстрелян в июле 1954 года.

Буланов был ветераном НКВД — еще в январе 1929 года он руководил высылкой Троцкого из страны. На суде он изложил свою особую версию якобы запланированного государственного переворота с захватом Кремля. По этой версии в деле участвовали Енукидзе и Ягода, причем поддерживалась будто бы связь с группой Тухачевского и с Караханом, проводившим переговоры с немцами. Затем Буланов сказал, что Ягода покрывал Угланова и Ивана Смирнова в ходе их допросов, а также распорядился не делать обысков при арестах Зиновьева и Каменева. Он оговорил всех бывших руководителей НКВД, назвав их участниками заговора; он описал, как Ягода приказал Запорожцу «облегчить» убийство Кирова, как Запорожец выпустил убийцу Николаева после его первой попытки проникнуть в Смольный, как после убийства Кирова уничтожил его личного телохранителя Борисова.

По Буланову, сотрудники Ягоды Паукер и Волович, ответственные за личную безопасность Сталина, тоже были участниками заговора. В таком случае любопытно, почему Ягода, организовавший с помощью Запорожца доступ убийцы к Кирову в Ленинграде, не мог организовать чего-либо в том же роде в Москве.

Потом на сцене появилось новое «преступление» — попытка Ягоды убить Ежова после того, как Ежов возглавил НКВД в сентябре 1936 года. Буланов и другой сотрудник НКВД Саволайнен (чье дело было выделено в особое производство) будто бы шесть или семь раз опрыскивали кабинет Ежова ртутным раствором, нанося ртуть в смеси с каким-то неизвестным ядом на ковры и занавеси.

Возможно, таким путем и можно добиться нужных результатов. Когда Клара Люс была послом США в Риме, у нее случилось отравление токсичной краской, отслаивавшейся с потолка кабинета. Если яд в кабинете Ежова вообще существовал в природе, он мог быть того же типа. В случае с Кларой Люс ни у кого не было по отношению к ней преступных намерений — в случае Ежова такие намерения якобы существовали.

После этого Буланов стал описывать специальную лабораторию по ядам, основанную будто бы Ягодой под его личным наблюдением. Буланов заявил, что Ягода «исключительно» интересовался ядами. Сейчас распространено мнение, что подобная лаборатория могла существовать на деле (до революции Ягода был фармацевтом). В свете того, каковы были действующие лица и их мотивы, можно предположить, что это единственное преступление из всех упомянутых на процессе, могло быть настоящим. Тем более, что здоровью Ежова, как говорилось в зале суда, «был причинен значительный ущерб»[153]. Тем не менее в Советском Союзе именно эта история всегда рассматривалась как чистейшая фантазия.

Касаясь «медицинских убийств», Буланов довольно правдоподобно заметил: «Насколько мне известно, Левина Ягода привлек, завербовал к этому делу и вообще к случаям отравления, используя какой-то компрометирующий против него материал...»[154].

Буланов объявил, что Казаков действительно приходил к Ягоде, вопреки отрицаниям последнего. Казаков тут же подтвердил это вновь. И тогда Вышинский опять обратился к Ягоде.

Вышинский: После этих показаний, которыми устанавливается ваше участие в отравлении, вы будеге продолжать отрицать это участие?

Ягода: Нет, я подтверждаю свое участие.

И затем, сразу после этого — новый нажим.

Вышинский: Подсудимый Буланов, а умерщвление Максима Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?

Буланов: Конечно.

Вышинский: Подсудимый Ягода, что вы скажете на этот счет?

Ягода: Признавая свое участие в болезни Пешкова, я ходатайствую перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание[155].

Иностранные наблюдатели сообщали, что на утреннем

заседании Ягода выглядел загнанным и отчаявшимся, но теперь, во время этого обмена репликами, он был абсолютно сломлен и давал показания почти беззвучно.

Вслед за тем Вышинский попробовал связать Рыкова с убийством Горького — на том основании, что Енукидзе однажды якобы сообщил Рыкову о необходимости ликвидировать политическую активность писателя. Рыков ответил, что Енукидзе, несомненно, имел в виду убийство, но он, Рыков, дескать, понял его тогда не в том смысле. Тут же Рыков поставил вопрос Буланову, который незадолго до того говорил о заговорщицком «архиве Рыкова», будто бы хранившемся у Ягоды: что же было в этом «архиве»? Буланов сказал, что не знает. Однако своим вопросом Рыков хитроумно подчеркнул странное обстоятельство: если была на хранении у Ягоды такая масса документальных свидетельств, то почему ни одно из них не предъявлено суду?

За Булановым вышел на главный допрос сам Ягода. Голос его был изможденным и еле слышным. Запинаясь, читал он свое заявление по бумажке. Маклин пишет: «читал так, словно видел текст в первый раз»[156]. Ягода подтвердил свою длительную связь с «правыми заговорщиками», датировав ее начало 1928 годом. В первый период этой связи он, дескать, снабжал Рыкова и Бухарина тенденциозными материалами из секретных архивов НКВД, материалами, которые-де использовались в целях антипартийной борьбы. Затем он покрывал заговорщиков: это он, мол, Ягода, действовал так, что правые и «право-троцкистский блок» не были раскрыты и ликвидированы до самого 1937-38 года. Он назначал конспираторов на руководящие посты в органах безопасности: Молчанова (по срочному указанию Томского), Прокофьева, Миронова, Шанина, Паукера, Гая и других. Он вошел в заговор с Енукидзе по захвату Кремля, и сотрудничество Запорожца в убийстве Кирова он тоже организовал по приказу Енукидзе.

Однако, когда начался перекрестный допрос, Ягода еще

выказал некоторые остаточные симптомы сопротивления. Показания Буланова о попытках убить Ежова, сказал он, не верны в деталях, а лишь в существе.

Затем Вышинский обвинил его в шпионаже. Ягода ответил, что в этой деятельности он себя виновным не признает. Но признал, что покрывал в НКВД шпионов.

Вышинский: Я считаю, что раз вы покрывали их шпионскую деятельность, значит вы им помогали, содействовали?

Ягода: Нет, в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки[157].

Это разумное замечание не удержало советских лидеров в дальнейшем от той же практики: обвинять руководителей органов безопасности в «сотрудничестве с империализмом». Даже теперь существует официальная версия (впервые обнародованная в 1953 году), якобы Берия долгое время состоял агентом британской разведки.

Рыков снова поднял вопрос о его «архиве». Ягода сказал: «Никакого архива Рыкова у меня не было». Буланов подтвердил свое прежнее свидетельство об «архивах», но когда Ягода предложил ему назвать хоть какой-нибудь документ из них, Буланов ответил, что не может. В конце концов Ягода презрительно, но многозначительно прокомментировал: «Во всяком случае, если архив и был бы, то по сравнению с другими преступлениями архив Рыкова — это пустяки».

Тут же вслед Ягода отказался признать, что покрывал меньшевиков.

Вышинский: Но вы-то, по крайней мере, эту даже самую незначительную роль меньшевиков покрывали?

Ягода: Я не смогу вам ответить на этот вопрос.

Вышинский: Позвольте мне предъявить Ягоде его показания в томе 2, лист дела 135. «Вопрос: вам предъявляется документ из материалов НКВД, в котором сообщается о меньшевистском центре за границей и об активной его работе в СССР.» Вы припоминаете этот факт?

Ягода: Да, я знаю, я только не смогу на это ответить здесь[158].

В отношении «медицинских убийств», Ягода продолжал давать ответы, не вполне удовлетворявшие обвинение. Сперва он признал свое «участие в заболевании Макса» (Пешкова), но когда Вышинский стал нажимать, чтобы Ягода признал себя виновным «как вы сами выражаетесь в заболевании Пешкова», он просто ответил, что даст объяснения на закрытом заседании. Вышинский спрашивал Ягоду об этом дважды — с тем же результатом. Окончательный обмен репликами выглядел так:

Вышинский: Признаете вы себя виновным или не признаете?

Ягода: Разрешите на этот вопрос не отвечать[159].

Единственная разница между тем, что признавал Ягода, и формулировкой Вышинского заключалась в том, что первый просто говорил о своем «участии в заболевании», а второй — о виновности Ягоды в смерти Пешкова. Ягода либо намекал на то, что причинил смертельное заболевание ненамеренно, либо, более вероятно, что не признает главную вину вообще. Верна ли хоть одна из этих версий — вопрос особый.

Вслед за этим Ягода принял на себя убийство Менжинского и объявил, что неохотно, только по настоянию Енукидзе, стал участником убийства Горького. Когда в конце заседания Вышинский принялся перечислять все преступления Ягоды, поочередно спрашивая, виновен ли подсудимый в убийствах Кирова, Куйбышева, Менжинского и Горького, он не упомянул о Пешкове. Это было маленькой победой обвиняемого.

Затем задавал вопросы защитник Левина Брауде.

Брауде: Позвольте спросить, какими методами вы добивались согласия Левина на осуществление этих террористических актов?

Ягода: Во всяком случае не такими, какими он здесь рассказывал.

Брауде: Вы подробно сами говорили об этом на предварительном следствии. В этой части вы подтверждаете ваши показания?

Ягода: Они утрированы, но это не имеет значения[160].

В ходе допроса Ягоды Вышинский предпринял попытку сделать Бухарина соучастником убийства Горького. Бухарин успешно защищался. Все свидетельство против него, даже если принять его за чистую монету, состояло лишь в том, что однажды в разговоре с Бухариным Томский рассказал о враждебности троцкистов к Горькому и об их намерении устроить против Горького враждебный акт. Враждебным актом могло быть что угодно — начиная с газетной статьи — и, как указал Бухарин, такой разговор с Томским ни в коем случае не служил доказательством причастности к убийству писателя.

За Ягодой наступила очередь Крючкова — секретаря Горького. Это он будто бы оставлял Максима Пешкова лежать в снегу дважды — в марте и апреле — без результатов, пока, наконец, в мае, Пешков не подхватил простуду. После этого Левин и А. И. Виноградов уговорили якобы остальных врачей и сестер дать больному слабительное, вызвавшее смерть. Когда, в свою очередь, простудили Горького, Плетнев и Левин настояли на введении пациенту излишних доз наперстянки.

9 марта утром допрашивался профессор Дмитрий Плетнев — самая трагическая фигура всех трех процессов. Плетнев, шестидесятишестилетний специалист-кардиолог, долгое время пользовался репутацией ведущего врача России, им гордилась вся медицинская профессия. Теперь, впервые в практике процессов (если исключить мелкого мошенника Арнольда, прошедшего по делу Пятакова и других), совершенно чуждый государственному механизму человек, не замешанный ни в какие политические противоречия, стоял перед судом и «признавался»! Профессор Плетнев как бы представлял на суде безмолвную массу беспартийных, чьи страдания во время террора прошли бы иначе совершенно незамеченными.

Когда Ежов решил, что показания одного Левина окажутся явно недостаточными, он обратил внимание на другого главного медика, лечившего Горького. До революции Плетнев был членом конституционно-демократической (кадетской) партии, так что не могло быть и речи о воздействии на его «сознательность коммуниста». После же революции профессор совершенно отошел от политики, и против него, таким образом, был равно невозможен какой-либо политический шантаж. Он был известен в советских сановных кругах, лечил Орджоникидзе[161], и есть даже сообщение, исходящее из кругов НКВД, что в момент «самоубийства» Орджоникидзе он был у него на дому[162].

Решение, принятое Ежовым о воздействии на профессора, было мерзким даже по ежовским стандартам. По тому, как развивались события, можно заключить, что решение состряпать историю о «медицинских убийствах» было принято вскоре после того, как Ежов занял пост Ягоды. Молодая женщина-провокатор, обычно используемая НКВД для компрометации иностранцев, была послана к Плетневу в качестве «пациентки». После двух визитов она вдруг обвинила профессора в том, что два года назад он якобы к ней «приставал»[163]. В декабре 1936 года эта женщина стала ходить на квартиру к Плетневу, стала систематически досаждать его дочери и домработнице. Профессор пожаловался в милицию[164].

Вначале милиция как будто приняла жалобу, но вскоре оказалось, что ход дан контржалобе, принесенной шантажисткой на Плетнева.

8 июня 1937 года «Правда», нарушив свой обычный принцип не выступать по поводу индивидуальных преступлений, опубликовала огромный трехколонник под сенсационным заголовком: «Профессор-насильник, садист». В статье говорилось, что профессор Плетнев 17 июля 1934 года набросился на пациентку Б. и сильно укусил ее за грудь. Это, дескать, причинило ей хроническую травму, которую Плетнев, не будучи специалистом по грудным заболеваниям,

пытался лечить. Увидев, что лечение его безуспешно, он обратился в милицию, чтобы его оградили от приставаний женщины. Милиция стала разбираться, а тем временем, 7 января, Б. написала Плетневу письмо, которое «Правда» характеризует как «потрясающий человеческий документ»:

«Будьте прокляты, преступник, надругавшийся над моим телом! Будьте прокляты, садист, применивший на мне свои гнусные извращения. Будьте прокляты, подлый преступник, наградивший меня неизлечимой болезнью, обезобразившей мое тело! Пусть позор и унижения падут на вас, пусть ужас и скорбь, плач и стенания станут вашим уделом, как они стали моим с тех пор, как вы, профессор-преступник, сделали меня жертвой вашей половой распущенности и преступных извращений. Я проклинаю вас. Б».

На следующий день «Правда» от 9 июня напечатала короткое сообщение, подписанное Вышинским. Согласно этому сообщению, все материалы по делу Плетнева переданы в следственный отдел по особо важным делам Прокуратуры СССР.

Того же 9 июня все газеты были уже полны отчетами о митингах в различных медицинских учреждениях. Московское объединение врачей-терапевтов, профсоюз медработников и прочие единодушно поносили преступника. Еще через сутки прислали подобные осуждения врачебные организации Киева, Тулы, Свердловска и других частей страны. Все, конечно, сурово клеймили врача-злодея, позор советской медицины. Среди видных врачей, выступавших тогда против Плетнева и подписывавших яростные резолюции с нападками на него, находим имена М. Вовси, Б. Когана и В. Зеленина — тех, кто (подобно Шерешевскому и В. Н. Виноградову) в 1952-53 годах сами пошли под пытки в МГБ по «Делу врачей-вредителей».

На суде, состоявшемся 17-18 июля 1937 года, Плетнев был приговорен к двум годам заключения. В печати было сказано, что он «признался» в своем преступлении. Вот в таком-то виде, разбитый и обесчещенный, преданный своими

коллегами, осужденный за позорное преступление, он был доставлен в следственные камеры Лубянки, где его ожидало нечто еще худшее[165].

Теперь, на суде, Плетнев говорил о «сильных угрозах (Ягоды) по отношению ко мне и по отношению к моей семье»[166] и, под градом вопросов Вышинского, «признавался» в своей роли в убийстве Куйбышева и Горького.

Плетнев упомянул о своих связях с доктором Никитиным, любимым врачом Толстого. Никитин, в числе других врачей, был выслан за несколько лет до того, но Плетнев заявил, что не верит в какую-либо политическую настроенность Никитина[167]. Это был достойный отпор фальшивым политическим обвинениям, в свое время выдвинутым против выдающегося коллеги Плетнева.

Защитник Плетнева Коммодов установил своими вопросами, что путь профессора в медицине был блестящим. Вслед за ним о том же стал спрашивать Вышинский, напомнив о «насилии» Плетнева. Врач сделал попытку отрицать тогдашнее обвинение, но Вышинский набросился на него в своем самом худшем, надменном и хулиганском стиле.

Вышинский: Сколько вы сказали у вас лет вашего врачебного стажа?

Плетнев: Сорок.

Вышинский: Вы считаете безупречным этот стаж?

Плетнев: Да, я считаю.

Вышинский: Безупречным?

Плетнев: Да, я считаю.

Вышинский: За эти сорок лет у вас не было никогда никаких совершенных в области вашей профессии преступлений?

Плетнев: Вам одно известно.

Вышинский: Я спрашиваю вас, потому что вы заявляете о безупречности вашей работы за сорок лет.

Плетнев: Да, но как я тогда отрицал...

Вышинский: Вы считаете, что тот приговор, который имеется по хорошо вам известному делу о насилии, учинен-

ном вами над пациенткой, есть момент позорный для вашей деятельности?

Плетнев: Приговор, да...

Вышинский: Приговор порочит вашу деятельность или нет?

Плетнев: Порочит...

Вышинский: Значит за 40 лет были порочащие моменты?

Плетнев: Да.

Вышинский: Вы себя ни в чем не признавали виновным?

Плетнев: Я не могу сказать, что ни в чем.

Вышинский: Значит, в чем-то признали?

Плетнев: Да.

Вышинский: Это порочит вас?

Плетнев: Да[168].

Третий из врачей, Казаков, подтвердил затем свое участие в умерщвлении Менжинского. Но в конце показаний он защищал свой метод лечения и заявил, что его «лизаты» не могли причинить вреда Менжинскому.

Вышинский: Вы вводили эти лизаты для чего? Для того, чтобы убить Менжинского?

(Казаков молчит).

Вы вводили лизаты с этой целью? Вы тогда были уверены, что они помогут вашим преступлениям?

Казаков: Видите ли, лизаты имеют двоякое действие.

Вышинский: Вы осмеливаетесь утверждать, что эти три лизата были безвредны для Менжинского?

Казаков: Да, эти три лизата были безвредны.

Вышинский: А могли ли вы провести Ягоду?

(Казаков молчит).

Вышинский: Ввиду невозможности получить прямой ответ на этот ясный вопрос, я прошу суд прервать заседание, и дать возможность экспертизе ответить на вопрос, поставленный мною Казакову[169].

После получасового перерыва комиссия экпертов поддержала точку зрения Вышинского:

«Такое сочетание методов лечения не могло не привести

к истощению сердечной мышцы больного В. Р. Менжинского и тем самым к ускорению наступления его смерти.

Эксперты:

Заслуженный деятель науки профессор Д. А. Бурмин.

Заслуженный деятель науки профессор Н. А. Шерешевский.

Профессор В. Н. Виноградов.

Профессор Д. М. Российский.

Доктор медицинских наук В. Д. Зипалов.

9 марта 1938 года. Москва»[170].

Вышинский затем огласил «признания», сделанные Казаковым на предварительном следствии. Под таким давлением Казаков в конце концов подтвердил свою виновность, и Вышинский смог окончить допрос так: «... поскольку мы имеем определенное заключение экспертизы, а Казаков отказался от своего утверждения о нейтральности этих лизатов, вопрос можно считать исчерпанным»[171].

Суд перешел к допросу последнего из подсудимых — Максимова-Диковского. Он «признал», что в секретариат Куйбышева его устроил Енукидзе, и объяснил, как якобы помогал медикам-убийцам свести Куйбышева в могилу.

После этого Вышинский представил медицинского «свидетеля», доктора Белостоцкого, который присутствовал при последнем заболевании Горького и теперь давал показания против Плетнева и Левина. Наконец, суд заслушал окончательное заявление комиссии экспертов, подтверждающее все обвинения медицинского характера и покушение на здоровье Ежова.

Как мы увидим, свидетельства по поводу этих «врачебных убийств» путанны и неполны. Можно быть уверенным, что все подсудимые были невиновны в измене, заговорщицкой деятельности, шпионаже и вредительстве. С другой стороны, мы можем практически определенно утверждать, что ответственность Ягоды за убийство Кирова была установлена правильно — с той небольшой поправкой, что инструкции на этот счет Ягода получал не от Енукидзе, а от Сталина. Од-

нако в темной истории смертей Менжинского, Пешкова, Куйбышева и Горького почва у нас под ногами не столь тверда.

Прежде всего: были ли они вообще убиты? А если да, то врачами ли — хоть кем-нибудь из врачей?

Сразу же надо сказать, что надежда на силу медицинской «клятвы Гиппократа», обязывающей врача к профессиональной добросовестности, тут не оправдывается. Действительно: либо пятеро врачей (Левин, Плетнев, Казаков, А. И. Виноградов и Ходоровский) были виновны в предъявленных им преступлениях, либо пятеро других врачей — членов экспертной комиссии, — а также доктор-свидетель Белостоцкий виновны в соучастии в юридическом убийстве первых пяти.

События того времени были во многом повторены в 1952-53 году. Ведь либо участники (или кто-нибудь из участников) пресловутого «Дела врачей-вредителей» действительно ускорили смерть Жданова — факт их реабилитации в атмосфере марта 1953 года, когда преемники Сталина не хотели ворошить старого, не снимает такой вероятности, — либо врач-доносчица Л. Тимашук хотела пыток и смерти своих коллег по профессии. В последнем случае ее вину разделяют члены новой комиссии медицинских экспертов, подтвердившей вину «врачей-вредителей»; эти люди, позднее получившие порицания, фактически были соучастниками действия, которое нормально должно было привести к уничтожению их коллег.

Ни в одном случае врачей нельзя обвинять в том, что они были инициаторами преступлений. Однако деградация гуманной — в этом случае, медицинской — профессии под действием политического террора делает описанные события особенно отвратительными.

Наиболее вероятно, что ни доктора А. И. Виноградов и Ходоровский, умершие при неизвестных обстоятельствах в руках органов безопасности, ни опозоренный профессор Плетнев, скончавшийся в каком-то штрафном лагере от истощения, ни доктора Левин и Казаков, расстрелянные на

Лубянке в подвалах смертников после суда, не совершили никаких приписанных им преступлений. А если даже тот или иной из них что-то и делал, то ясно, что происходило это под исключительным и невыносимым давлением всей мощи государства. В любом случае они могут считаться в определенном смысле мучениками — их судьбой было неизвестное миру, печальное мученичество обыкновенных людей, сбитых с толку и попавших более или менее случайно в сферу политического маневрирования таких лидеров, для которых человеческая жизнь или правда — просто ничто.

Ясно только одно: если «медицинские убийства» и имели место, то выполнялись они по приказам Сталина. Например, Левин, работавший в Кремле, лечивший Сталина и его семью, мог обратиться лично к Сталину после ужасающего предложения, сделанного ему Ягодой, — мог бы, если бы не знал, что за кулисами всех действий Ягоды стоял сам Сталин. Заявление на суде[172], что Левин-де счел приказ одного Ягоды недостаточным, и этот приказ был подкреплен прямым указанием Енукидзе, было полнейшей бессмыслицей. Ведь Енукидзе был тогда намного более слабой и менее внушительной фигурой, чем Ягода. Был в СССР только один человек, более сильный, чем Ягода, и способный ему приказывать...

Вся эта история (если в ней есть крупица правды) — еще один пример того, как слово «Енукидзе» подставлялось вместо слова «Сталин»; ведь такая же подстановка делалась Ягодой в его показаниях об убийстве Кирова.

Существует простой довод в пользу того, что никаких «медицинских убийств» вообще не было. Довод такой: Сталину нужно было еще несколько убийств после Кирова, чтобы обвинить в них оппозицию и разделаться с нею; и он сумел превратить естественную смерть нескольких человек в убийства. Сам по себе довод безупречен — но он полностью негативный и не дает нам возможности решить, как же обстояло дело в действительности. Логика этого довода не идет дальше следующего предположения: «Если смерть

Горького и других была естественной, то Сталин мог использовать ее в своих целях».

Противоположный (и не менее общепринятый) довод столь же силен, как и предыдущий. Утверждается, что Куйбышев и Горький были препятствиями для Сталина, а как Сталин умел избавляться от препятствий — известно достаточно хорошо. Предположить, что Сталин и Ягода могли обратиться к методу «медицинских убийств» — значит нисколько не выйти за рамки их характеров, достаточно изученных по другим примерам.

Лучше, следовательно, обратить внимание на детали самого дела.

Прежде всего, есть показания Ягоды на утреннем судебном заседании 8 марта, где он признает себя виновным в умерщвлении Куйбышева и Горького, но не Пешкова и не Менжинского.

Отметим, что в целом первичные показания Ягоды по другим темам выглядят настолько правдоподобно, насколько было возможно в той ситуации. Его рассказ об обстоятельствах убийства Кирова, например, представляется весьма достоверным — за исключением того, по чьему указанию он действовал. Даже по этому пункту Ягода сумел сделать определенный намек, когда обронил при допросе: «это было немного не так»[173]. Эта туманная фраза вернее всего должна быть понята так, что определенное имя опускается или нарочно заменяется другим.

Или, опять-таки, Ягода не признал себя виновным в шпионаже — и нет сомнения, что это была правда. Так что, когда мы подходим к его странному признанию вины в двух убийствах и непризнанию вины в двух других в ходе того же первого допроса — у нас есть, по крайней мере, основания более внимательно рассматривать то, что он тогда говорил.

Что касается Менжинского, то есть и дополнительный штрих: «самоопровержение» Казакова в последнюю минуту его допроса. Это выглядит решающим обстоятельством. Почти

наверняка Менжинский не был умерщвлен врачами (хотя, конечно, мог быть устранен каким-нибудь другим способом).

Если же говорить о сыне Горького Пешкове, то весь замысел его убийства выглядит практически бессмысленным. Ягода справедливо заметил: «никакого смысла в его убийстве не вижу»[174]. Тот факт, что жена Пешкова была любовницей Ягоды, мало добавляет к этой мотивировке. Он ведь никогда не обещал на ней жениться; он был женатым человеком и в последующие три года не делал никаких попыток убить свою жену или развестись с нею. Кроме того, сам метод убийства Пешкова — даже в том виде, в каком он был изложен на суде — выглядит, мягко говоря, не очень убедительным. Недаром же он послужил основой для одного из эпизодов блистательной сатиры английского писателя Джорджа Орвелла «Скотский хутор» (1944). У Орвелла описано, как сельскохозяйственные животные захватили однажды власть на хуторе и изгнали оттуда людей. Постепенно править хутором стали исключительно свиньи, а один боров — Наполеон — сделался вождем. С помощью преданных ему псов он стал чинить суд и расправу. И вот, пишет Орвелл, две овцы «повинились в убийстве старого барана, особенно преданного сторонника Наполеона, которого они загнали насмерть, гоняя вокруг костра, когда у него был кашель. Их тут же казнили»[175].

Совсем по-иному обстояло дело с Куйбышевым и Горьким. Ягода признался в убийстве этих двоих — и у Сталина были определенные и настоятельные причины желать как раз их убийства.

Это еще не подтверждает, конечно, что Сталин их убил. В отношении Куйбышева мы можем только отметить, что его называют теперь как одного из троих главных противников сталинского террора в составе Политбюро. Смерть двух других — Кирова и Орджоникидзе, — как мы знаем, была делом рук Сталина. Он покончил с ними разными, но одинаково коварными путями, причем в случае Орджоникидзе это был фальсифицированный сердечный приступ. Стало быть «сердечный приступ» Куйбышева ни в коем случае не может быть

просто принят на веру. Более того, живой Куйбышев мог на протяжении 1935 года представлять особо трудное препятствие на пути Сталина к осуществлению его планов — и он умер точно в тот момент, когда Сталин начал нападение на других главных противников расправы с Зиновьевым и Каменевым.

Однако, как бы вопреки сказанному, у нас нет никаких позитивных свидетельств об убийстве. Мы можем, во всяком случае, исключить здесь виновность врачей. Ведь, согласно обвинениям на процессе, они якобы постепенно подрывали здоровье Куйбышева, оставляли его без медицинского наблюдения и позволили в день смерти выйти на работу как обычно. Это слишком уж окольный и неубедительный метод убийства! Наиболее вероятно, что если Куйбышев и был уничтожен, то сделали это не врачи.

Наиболее интересна и важна смерть Горького. Ибо, проживи больной писатель еще несколько месяцев, он серьезно помешал бы планам Сталина начать процесс Зиновьева-Каменева в августе 1936 года, в период отпусков. Отсрочка начала процесса до того времени, когда члены Политбюро вернулись бы с летнего отдыха, грозила Сталину эффективным сопротивлением в Политбюро и ЦК. Но как было заставить Горького замолчать без его ареста и неизбежного международного скандала? Неплохо сказал — с другими намерениями — Вышинский в своей обвинительной речи: «Как же можно было в нашей стране, в условиях Советского государства, как они могли лишить Горького возможности проявлять политическую активность, иначе как остановив его жизнь?»[176].

Но опять-таки, какая-либо вина профессора Плетнева представляется исключительно маловероятной. Против этого вопиет вся его репутация. Метод шантажа, примененный органами НКВД к Плетневу в 1936-37 году, ясно показывает, что имелось в виду сокрушить и скомпрометировать ни в чем не повинного человека. И, по крайней мере в этом случае, трудно предположить, чтобы Левин мог применять

неправильное лечение, инкриминированное ему на суде, без ведома и согласия Плетнева. Стало быть, не виноват и он.

Американский журналист Уолтер Дюранти, присутствовавший на процессе, поверил почти всему, что там говорилось, и поведал миру о своей «поддержке» процесса. Но даже он сильно сомневался в виновности врачей!

Что касается смерти Горького, то, возможно, он и был убит, но только не Плетневым и не Левиным.

Социал-демократка, журналистка Бригитта Герланд, сидевшая в лагере на Воркуте с 1948 по 1953 год, описывает свое знакомство с доктором Плетневым, которому было уже за восемьдесят. По словам Герланд, он продолжал работать лагерным врачом. Журналистка пишет, что двадцатипятилетний срок заключения Плетневу был снижен до десяти лет, но по окончании этих десяти лет он так и не был освобожден[177].

Герланд пишет, что Плетнев сообщил ей о Горьком следующее. Писатель хорошо оправился после сердечного заболевания, но он терзался морально, желая покинуть СССР и вернуться в Италию. Смерть писателя была обставлена самым грубым образом. Ему дали коробку явно отравленных засахаренных фруктов. Из этой коробки он угостил двух ухаживавших за ним мужчин-санитаров и оба они быстро умерли. Немедленное вскрытие этих двоих показало, что они погибли от яда. Врачи сохранили это происшествие в полной тайне. (В пользу этого свидетельства есть такое соображение: было явно легче принудить беспартийных врачей — будто бы в интересах покойного или в государственных интересах — подписать фальшивое заключение о смерти, чем заставить их совершить убийство).

Бригитта Герланд обсуждает в своей статье, почему метод убийства Горького был таким грубым. Она задает вопрос: неужели в НКВД не нашлось врачей, способных выполнить более тонкое «медицинское» убийство. И объясняет только тем, что методы НКВД были вообще грубыми.

О Плетневе она говорит, что он умер летом 1953 года, перед ее освобождением.

Проверить этот рассказ пока нет возможности. Но, что касается его правдоподобия, то можно отметить, что, расправляясь с Орджоникидзе, Сталин совершенно не принимал в расчет возможную реакцию врачей, подписавших заключение о «смерти от паралича сердца». Кроме того, внутри НКВД известны случаи прямого отравления людей цианистым калием с последующим медицинским заключением о смерти от сердечного припадка. Так поступили, например, со Слуцким. И Ягода был скорее отравителем, нежели специалистом по медицине.

Однако, разумеется, свидетельство Б. Герланд может быть правдоподобным, но неверным. Мы можем лишь привести его, добавив, что если оно достоверно, то снимает вину со всех врачей, а следовательно бросает сомнение на участие медиков-обвиняемых в каких-либо других «медицинских убийствах». Стоит также отметить, что недавние советские статьи к семидесятилетию со дня рождения Куйбышева ничего не сообщают об обстоятельствах его смерти[178].

Однако, по крайней мере в отношении смерти Горького, теперь появилось гораздо более убедительное свидетельство. Старый знакомый Горького, американский журналист Дон Левин посетил в 1963 году в Москве 86-летнюю вдову писателя Екатерину Пешкову. Она спокойно сказала американцу, что не сомневается: смерть ее сына Макса была естественной. Гость заметил на это, что, мол, теперь говорят, что и смерть Максима Горького была естественной. Тут старая женщина пришла в волнение и воскликнула: «Это не совсем так, но не просите меня об этом рассказывать! Если я стану говорить об этом, я три ночи не сомкну глаз»[179].

Это выглядит достаточно категорично — тем более, что в упоминавшейся книге Дубинского-Мухадзе Плетнев и Левин упомянуты в благоприятном контексте[180]. Стало быть, наиболее вероятным остается предположение, что Сталин организовал убийство Горького через Ягоду, но без участия врачей,

что если Сталин применил не тот метод, какой описан Бригиттой Герланд, то он использовал какой-нибудь другой в том же роде. Тот факт, что в послесталинские годы советские источники ничего не говорят о причинах смерти Горького, лишь добавляет многозначительности к их упорному нежеланию раскрыть обстоятельства убийства Кирова — убийства более политического, а потому, быть может, менее позорного, чем уничтожение старого писателя.

И последнее замечание. Очевидная убежденность вдовы Горького, что смерть Максима Пешкова была естественной, а смерть Горького — нет, полностью совпадает с первыми показаниями Ягоды на процессе. Обращаясь к ответам Ягоды по обстоятельствам убийства Кирова, мы тоже, по иронии судьбы, приходим к заключению, что бывший глава НКВД, единственный из обиняемых, дал в основном правдивые показания! А если так, то его свидетельство об убийстве Куйбышева служит хорошим указанием, что из трех других умерших, помимо Горького (Куйбышев, Менжинский, Максим Пешков), один Куйбышев был действительно убит. Но это, конечно, скорее логическая догадка, нежели доказательство: мы пока не можем исключить возможности того, что в этом единственном случае своевременная смерть человека, которого Сталин хотел убрать с дороги, оказалась все же естественной. Нет больших надежд и на то, что очень многое в этом деле дополнительно выйдет наружу, когда откроются секретные советские архивы. Ибо довольно маловероятно, чтобы планы убийств такого рода излагались на бумаге.

На этом мы и вынуждены оставить темный и ужасающий эпизод с «медицинскими убийствами».

Когда с допросами врачей, их «подстрекателей» и «пособников» было покончено, профессор Бурмин огласил ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем[181]. Эти ответы подтвердили виновность врачей и «установили» ущерб, причиненный здоровью Ежова, основываясь на анализе его мочи. Если не считать короткого закрытого заседания, где Ягода, как было объявлено,

«полностью признал организацию им умерщвления товарища М. А. Пешкова», слушание дела было окончено. Но перед самым закрытием судебного следствия Вышинский еще раз вызвал Розенгольца — для мелкого оскорбления.

Обвинитель дал описание талисмана, обнаруженного в кармане обвиняемого, и попросил у суда разрешения прочесть его. Презрительным тоном, под хихиканье зала, Вышинский прочел из Псалмов: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его...» и т.д. Потом спросил Розенгольца: «Как это попало вам в карман?».

Розенгольц: Однажды этот небольшой пакетик, перед уходом моим на работу, жена положила мне в карман. Она сказала, что это на счастье.

Вышинский продолжал юмористическим тоном: «И вы несколько месяцев носили это "счастье„ в заднем кармане?».

Розенгольц: Я даже не обращал внимания...

Вышинский: Все-таки вы видели, что ваша супруга делает?

Розенгольц: Я торопился.

Вышинский: Но вам было сказано, что это семейный талисман на счастье?[182].

Он подмигнул публике, раздался громкий хохот[183], и слушание дела закончилось.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Суд возобновил заседание 11 марта — слушались прения сторон и заключительные слова обвиняемых. Все утро, до перерыва, заняла речь прокурора Вышинского. Он начал яростной тирадой:

«Не в первый раз Верховный Суд нашей страны рассматривает дело о тягчайших преступлениях, направленных против блага нашей родины, против нашего социалистического отечества — отечества трудящихся всего мира. Но едва ли я ошибусь, сказав, что впервые нашему суду приходится

рассматривать такое дело, как это, рассматривать дело о таких преступлениях и таких злодействах, как те, что прошли перед вашими глазами, что прошли перед глазами всего мира на этом суде, о таких преступниках, как эти преступники, сидящие сейчас перед вами на скамье подсудимых.

С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодейства самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников»[184].

Потом Вышинский подошел к самой сути дела — с точки зрения сталинской логики:

«Историческое значение этого процесса заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безыдейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей...

Троцкисты и бухаринцы, то есть «право-троцкистский блок», верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных»[185].

Перемежая свои доводы эпитетами типа «зловонная куча человеческих отбросов»[186], Вышинский протянул контрреволюционную линию вспять к Шахтинскому делу и процессу Промпартии.

Ошельмовав всю прошлую деятельность Бухарина и остальных, прокурор перечислил их теперешние «преступления». О Зеленском, например, он сказал так:

«Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности в масло, что било по самым острым жизненным интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле? Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления».

Далее Вышинский объяснил:

«В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке...

Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники»[187].

Вот поистине метод объяснения экономических провалов, способный вызвать зависть у любого правительства!

Прокурор накинулся на Бухарина — «эту проклятую помесь лисицы и свиньи» — и на Рыкова за их линию поведения на суде:

«В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, и не за шпионаж, и не за вредительство, и не за диверсию, так как и вообще он к этому практическому делу иметь отношения не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов»[188].

Вышинский был особенно раздражен тем, что Бухарин и Рыков отказались принять на себя ответственность за убийство Кирова:

«Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, то надо признать, что два основных руководителя «право-троцкистского блока», принявшего решение об убийстве Кирова, почему-то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж, организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку

от Троцкого на террор, в 1934 году вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших сподвижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства...

Бухарин и Рыков признали, что у них в плане были намечены убийства руководителей партии и правительства, членов Политбюро... Почему мы должны допустить, что, вступив на путь переговоров с Семеновым об организации убийства членов Политбюро, Бухарин исключает из этого списка подлежащих умерщвлению одного из влиятельнейших членов Политбюро, зарекомендовавшего себя непримиримой борьбой с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами? Где логика такого поведения? Этой логики нет.

Наконец, Рыков признал, что в 1934 году он дал Артеменко задание следить за правительственными машинами. С какими целями? С террористическими. Рыков организует убийство членов нашего правительства, членов Политбюро. Почему Рыков делает исключение для Сергея Мироновича Кирова, который все же был убит по решению этого проклятого блока? Он этого исключения не сделал»[189].

Коснувшись «медицинских убийств», прокурор тоже заявил, что Бухарин признал все, кроме осведомленности о реальных действиях или ответственности за них.

Наконец, Вышинский затронул и юридические вопросы. «Есть мнение среди криминалистов, — сказал он, — что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения — неправильная. Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения»[190].

Вслед за тем обвинитель потребовал смертной казни для всех обвиняемых, кроме Раковского и Бессонова. «Расстрелять, как поганых псов! — заключил прокурор. — Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом... Мы, наш народ, будем попрежнему шагать по очищенной от последней нечисти и

мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!» [191]

На вечернем заседании выступили с речами защитники подсудимых-врачей, обвинявшие во всем Ягоду.

Затем каждый из подсудимых произнес свое последнее слово. Бессонов указал на то, что, будучи уже под подозрением, он добровольно вернулся в Москву из заграницы. Большинство остальных просто осуждали себя самих, а также Бухарина и Рыкова. Иванов в своем последнем слове сделал замечание, прозвучавшее зловещим предсказанием дальнейших репрессий:

«Потому Бухарин не договаривает, я думаю, здесь всей правды, что он в течение всех лет революции боролся с ней и сегодня продолжает оставаться врагом, потому, что он хочет сохранить те остатки враждебных сил, которые еще прячутся в своих норах» [192].

Крестинский рассказал о своей блистательной партийной карьере, которую начал восемнадцатилетним юношей в 1901 году, о своем руководстве подпольными большевистскими организациями, о многочисленных арестах, о работе в качестве помощника Ленина по организационным вопросам. Он произнес также выразительную фразу:

«Я считаю необходимым подчеркнуть, что о террористических актах, перечисленных во втором разделе обвинительного заключения, я не имел ни малейшего представления и узнал о них, лишь когда мне была вручена копия обвинительного заключения» [193].

Объясняя свой отказ признать себя виновным на первом допросе, Крестинский сказал: «... мне казалось, что легче умереть, чем создать представление у всего мира о моем хотя бы отдаленном участии в убийстве Горького, о котором я действительно ничего не знал» [194].

Рыков был мертвенно бледен и дрожал, однако привел убедительные доводы в свою защиту. Он признал свою вину в целом, затем добавил:

«Но государственным обвинителем выдвинуто против меня обвинение в преступлении, в котором я непосредственного участия не принимал и которое признать не могу. Это обвинение в вынесении решения или в даче директивы об убийстве Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького, Пешкова... Тут подробно были изложены те улики, которые по этому поводу выдвигаются против меня, они покоятся на заявлении Ягоды, который ссылается на Енукидзе. Ничего более, уличающего меня, не было приведено на судебном следствии... Убийство Кирова было предметом обсуждения двух судебных разбирательств. Перед судом прошли и непосредственные участники, и организаторы, и руководители этого убийства. Я не помню, чтобы тогда было названо мое имя» [195].

Затем Рыков стал настойчиво подчеркивать одно выразительное обстоятельство. А именно, что когда речь на суде зашла о так называемой попытке покушения на Ленина, состоявшейся за двадцать лет до процесса, обвинитель представил свидетелей, состоялись очные ставки и были выслушаны прямые показания. «Почему же по вопросу о моем участии в убийстве пяти ответственнейших политических деятелей можно выносить решение с косвенными уликами? Мне кажется, что это было бы неправильно. Я, во всяком случае, отрицаю свою виновность в участии в этих пяти убийствах» [196].

До ареста, — сказал Рыков, — он считал, что Горький умер естественной смертью. Лишь на суде он «впервые узнал о принадлежности к нашей контрреволюционной организации таких ее членов, как Иванов» [197].

Закончил Рыков формальным признанием вины: «... эта ответственность с моей стороны, конечно, превышает все разноречия по поводу отдельных фактов и отдельных деталей, которые до настоящего времени имеют свое место». Он призвал оставшихся на свободе правых разоружиться «как можно скорее» [198].

Раковский заявил: «Я признался во всех преступлениях. Какое значение имело бы для существа дела, если бы я здесь

перед вами стал бы устанавливать факт, что о многих преступлениях и о самых ужасных преступлениях «право-троцкистского блока» я узнал здесь на суде и с некоторыми участниками я познакомился впервые здесь. Это не имеет никакого значения»[199].

После этого Раковский пустился в разоблачения Троцкого и троцкизма, а также подчеркнул, что его показания полностью удовлетворили обвинение.

Розенгольц пересказал свое революционное прошлое, начав с того, как он десятилетним ребенком прятал нелегальную литературу. Он закончил последнее слово упоминанием о своих детях.

Любопытный факт: в отчетном докладе XVIII съезду ВКП[б] Сталин дважды назвал имя Розенгольца первым среди «заговорщиков» 1938 года. Первый раз, говоря вообще об «очищении советских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева, Якира, Тухачевского, Розенгольца, Бухарина и других извергов», вторично при упоминании расстрелянных в 1938 г.: «Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги» (XVIII съезд ВКП[б], стр. 26; Сталин, Собр. соч. т. XIV, стр. 368-9). Вероятно это отражает особую враждебность к Розенгольцу со стороны диктатора — это совпадает и с мелким уколом Вышинского в адрес Розенгольца по поводу «талисмана», несомненно исполненным по приказу свыше.

Ягода — говоривший, по свидетельству присутствовавших, «тихим и подавленным тоном»[200] — тоже рассказывал о своей подпольной партийной работе с четырнадцатилетнего возраста. В числе своих последующих заслуг он упомянул гигантские строительные работы — каналы, иначе говоря, лагерный принудительный труд. В одном пункте Ягода продолжал сопротивляться Вышинскому:

«Я — не шпион и не был им. Я думаю, что в определении, что такое шпион или шпионаж, мы не разойдемся. Но факт есть факт. У меня не было связей непосредственно с заграницей, нет фактов непосредственной передачи мною каких-

либо сведений. И я не шутя говорю, что если бы я был шпионом, то десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую массу шпионов, которая сейчас переловлена»[201].

Врачи, секретарь Горького Крючков и секретарь Куйбышева Максимов-Диковский ссылались на угрозы Ягоды. Левин сделал ляпсус, сославшись на свое чрезвычайное уважение к Горькому, и его одернули за это «кощунство». Плетнев говорил о своей медицинской работе, он сообщил, что НКВД разрешил ему писать последнюю монографию уже во время следствия; о «блоке» он ничего не знал.

Буланов критиковал своих сообвиняемых:

«... мне кажется, может быть я ошибаюсь, у некоторых из них проскальзывает желание еще и теперь обмануть партию, хотя каждый обязательно начинал с того, что он целиком и полностью разделяет, признает и отвечает, но это формалистика, общедекларативные заявления. Они пытаются в целом ряде случаев отрицать свою вину, ссылаясь на то, что они что-то не знали»[202].

Речь Бухарина, в еще большей степени, чем речь Рыкова, была блестящим продолжением его линии поведения на процессе. Бухарин признал себя руководителем «право-троцкистского блока» и принял на себя политическую ответственность за все преступления. Вот примеры того, как он это делал:

«Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в «право-троцкистском блоке», хотя я утверждаю: лично я на этой позиции не стоял...

Я считаю себя, далее, и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не говорил. Я положительно разговаривал один раз на эту тему с Гринько. Я еще в своих показаниях говорил, что я в свое время Радеку заявил, что считаю этот способ борьбы малоцелесообразным.

Однако, гражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительства»[203].

Во время последнего слова Бухарина, успешно подорвавшего позиции обвинения, «Вышинский, не имея возможности вмешаться, напряженно сидел на своем месте; он был явно растерян и пытался скрыть это демонстративным позевыванием»[204].

Принимая на себя групповую ответственность, Бухарин в то же время отрицал, что какая-либо группа, помимо центрального «блока» политических деятелей, вообще существовала:

«Гражданин Прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и все же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи. Между тем, я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде. Впервые узнал о существовании Максимова. Никогда не был знаком с Плетневым, никогда не был знаком с Казаковым, никогда не разговаривал с Раковским о контрреволюционных делах, никогда не разговаривал о сем же предмете с Розенгольцем, никогда не разговаривал о том же с Зеленским, никогда в жизни не разговаривал с Булановым и так далее. Кстати, и Прокурор меня ни единым словом не допрашивал об этих лицах... Следовательно сидящие на скамье подсудимых не суть какая-либо группа»[205].

По поводу того, что «блок» сформировался еще в 1928 году, задолго до прихода Гитлера к власти, Бухарин спросил: «Как же можно утверждать, что блок был организован по заданиям фашистских разведок?»

Той же линии Бухарин держался и по поводу шпионажа:

«Гражданин Прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существо-

вании которого я не слыхал до обвинительного заключения»[206].

Обвинение доказало, — продолжал Бухарин, — что он встречался с Ходжаевым и вел политические разговоры. На этом основании считают доказанными шпионские контакты. В этом нет логики.

Таким же образом Бухарин отвел обвинение в терроре: «Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова»[207]. Об эпизоде с Лениным в 1918 году он сказал следующее:

«Намерение физического уничтожения — это я категорически отрицаю, и здесь никак не поможет та логика, о которой говорил гражданин государственный обвинитель, что насильственный арест означает физическое уничтожение. Учредительное собрание было арестовано, однако никто там физически не пострадал. Фракция «левых» эсеров нами была арестована, однако там ни один человек не пострадал физически. «Левыми» эсерами был арестован Дзержинский, однако он физически не пострадал»[208].

Потом Бухарин многозначительно заметил: «Признание обвиняемых есть средневековый юридический принцип»[209]. При этих словах Вышинский покраснел.

Так Бухарин опроверг обвинения по конкретным фактам. Но он признал их в общем и целом. Да, дескать, он был контрреволюционным заговорщиком «в этом зловонном подполье». Он «переродился» во врага социализма. Бухарин далее напал на тех западных комментаторов, которые предполагали, что признания на суде не были добровольными, и отверг возможную защиту со стороны западных социалистов. Он заявил, что виновен в предательстве, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов (каких именно — неизвестно). Он выразил надежду, что его казнь станет «последним тягчайшим уроком» всем тем, кто еще колебался, поддерживать ли Советский Союз и его руководителей[210].

12 марта в 9 часов 25 минут вечера суд удалился на совещание. Вернулись судьи на рассвете 13 марта, в четыре часа утра. Приговор: высшая мера всем, кроме Плетнева, получившего 25 лет, Раковского — 20 лет и Бессонова — 15 лет.

Что касается исполнения казней, то есть одна странность. Украинская советская энциклопедия (дополнительный том, статья «Гринько») датирует смерть Гринько 15 марта 1938 г. Иными словами, его казнь не последовала, как обычно, немедленно, хотя дата смерти Икрамова в Малой советской энциклопедии (3-е изд., т. 3, стр. 126) указана 13 марта. Слухи о том, что доктору Левину якобы тоже заменили расстрел лагерями (см. приложение к книге Gustav Herling, *A World Apart),* не подтверждены. Они основываются на том, что в 1940-41 годах в лагере под Ярцево встречали некоего доктора Левенштейна, который отбывал 10 лет как «горькист». Но «горькистов» по лагерям было много, а имя Левенштейн и не соответствует Левину и плохо его маскирует. Был, кстати сказать, кремлевский врач по фамилии Левинсон (его имя упомянуто в «Правде», 13 июня 1937).

Один старый большевик заметил, что признания на «большом процессе» были обусловлены не только использованием родственников обвиняемых в качестве заложников, но и полной политической безнадежностью, царившей среди обвиняемых. Кроме того, говорят, что Сталин, невзирая на результаты предыдущих процессов, опять обещал сохранить жизнь бухаринцам. Они знали, что в подавляющем большинстве случаев он этих обещаний не выполнял, но в подобных обстоятельствах даже ничтожная надежда действует чрезвычайно сильно.

Тем не менее Бухарин должен был понимать, что его поведение на процессе, где он уступал предъявленным требованиям лишь в минимальной степени, будет стоить ему головы. Он сказал на суде, что почти уверен в своей смертной казни. Он и Рыков, в отличие от Зиновьева и Каменева, были готовы к смерти. Они приняли смерть мужественно, не склонившись перед палачами[211].

В 1965 году в западной прессе появилось так называемое «последнее письмо» Бухарина[212]. Эта публикация совпала по времени со слухами о предстоящей скорой реабилитации Бухарина и Рыкова. Фактически же весомым в этом отношении был только краткий пассаж в заключительном слове члена ЦК КПСС академика Поспелова на совещании историков 1962 года: «Достаточно изучить внимательно документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были»[213]. От обвинения в том, что существовал заговор убить Ленина, в котором он будто бы принимал участие, Бухарин теперь тоже очищен. В «Истории КПСС» издания 1959 года, под редакцией Б. Н. Пономарева, просто сказано, что левые эсеры «обратились к Бухарину с предложением о смещении В. И. Ленина с поста Председателя Совнаркома и о создании нового правительства из левых эсеров и «левых коммунистов» (стр. 260). Та же «История КПСС» издания 1962 года (стр. 271), как и последнего издания 1969 года (стр. 245), содержит еще и следующую фразу: «Бухарин не принял предложения левых эсеров, но их обращение к нему показывает, как враги пытались использовать в своих интересах фракционную борьбу «левых коммунистов».

Но зато по-настоящему реабилитированы Икрамов, Крестинский, Зеленский, Ходжаев и Гринько — а это обращает в пыль и обвинения против всех остальных. И тем не менее полной реабилитации двух главных обвиняемых так и не последовало.

Что касается содержания «последнего письма», то оно обращено к будущим руководителям партии. Письмо обвиняет НКВД в использовании «патологической подозрительности» Сталина. Эта «адская машина», говорится в письме, способна превратить любого члена партии в «террориста» или «шпиона». Письмо декларирует, что Бухарин ни в чем не виновен, что он с радостью отдал бы жизнь за Ленина, что любил Кирова и ничего не предпринимал против Сталина. У него не было никаких связей с подпольной борьбой Рютина и Угланова.

Конечно, подлинность «последнего письма» Бухарина нужно еще проверять и проверять. Профессор Оксфордского университета Г. М. Катков, изучив имеющийся на Западе оригинал, заверил меня, что язык и литературный стиль письма далеки от ясного и грамотного изложения, характерного для Бухарина, даже если сделать скидку на обстоятельства, в которых «письмо» могло быть написано.

Обещание сохранить жизнь женам обвиняемых было, похоже, выполнено. Еще недавно была в живых вдова Бухарина. Различные источники сообщают о том, что в лагерях встречали жену и сестру Ягоды, жену Иванова[214], жену Раковского видели в Бутырской тюрьме[215]. Евгения Гинзбург рассказывает о встрече в 1937 году с женой Рыкова — чрезвычайно возбужденной и ничего не знавшей о судьбе мужа[216]. Она же рассказывает, что жена Угланова была летом 1939 года этапирована из Ярославского изолятора во Владивостокский пересыльный лагерь[217]. На протяжении 1938 года дочь Рыкова, отец Бухарина и жена Розенгольца еще находились на свободе[218].

В течение всего периода процесса, с 28 февраля, когда было впервые о нем объявлено, и до самой казни жертв, советские газеты были, конечно, полны «требований» трудящихся, выдвинутых на митингах, чтобы «грязной банде убийц и шпионов» не было пощады. Передовые статьи и просто статьи о процессе повторяли это на все лады. Проходившая в то время в Академии Наук конференция по проблемам физиологии приняла резолюцию с благодарностью НКВД. «Народный акын» Джамбул написал для «Правды» очередное произведение, озаглавленное «Уничтожить!» Приговор суда был встречен многочисленными выражениями «радости» народа.

Жизнь, «отбросившая в сторону» «право-троцкистский блок», изображалась в печати как цепь героических подвигов. В частности, под огромными заголовками шли сообщения об экспедиции Папанина, Кренкеля, Федорова и Ширшова на Северный полюс. Полярники были высажены на дрей-

фующую льдину за несколько месяцев до того, а во время процесса давались захватывающие сообщения об их снятии со льдины, которая стала давать трещины. Папанинцы прибыли в Ленинград на ледоколе «Ермак» и пароходе «Мурманец» 16 марта 1938 года, сразу после казни осужденных на процессе, и каждый день газеты заполнялись сообщениями о митингах встречи с полярниками, о различных приемах в их честь, о награждениях и так далее.

А потом началась подготовка к выборам в Верховные Советы союзных республик. Избирательная кампания должна была показать, что советские люди с надеждой смотрят в будущее и отметают всякие темные силы. Как многозначительно сообщил Сталин на XVIII съезде партии в 1939 году, «в 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?»[219].

Что касается эффекта, произведенного «большим процессом», то, опять-таки, ни нелепость «заговора», ни частичные отказы подсудимых признать себя виновными на эффект не повлияли. Ведь подобные нелепости происходили и раньше, они стали в какой-то мере привычными. Опять, стало быть, раскрыли широкую сеть убийц. По меньшей мере восемь групп «работали над подготовкой убийства Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Ежова». На сей раз дело было представлено так, что убийцы эти не только находились под покровительством видных лиц в партии и армии, но даже поддерживались самим НКВД. Редко какие террористы за всю историю находились в таком привилегирован-

ном положении, как эти предполагаемые «заговорщики». Помимо полудюжины членов правительства, в том числе самого главы тайной полиции, «убийцы» имели на своей стороне высших сотрудников НКВД Паукера и Воловича, ответственных за личную охрану намеченных жертв! А результаты оказались поистине незначительными. Даже «убийства», представленные на процессе, были выполнены врачами.

Если включить в число «заговорщиков» и «убийц» всех обвиненных на процессе докторов, то общий итог деятельности многочисленных «групп» выразится в убийстве Кирова, в легком испуге Молотова при незначительной встряске его автомобиля, в «отравлении» Куйбышева, Горького и Менжинского и в доведении до смерти сына Горького плохим лечением после вредительской простуды. Не очень впечатляющий итог. К тому же вывод, что лучший способ убийства кого-либо — это ожидание, пока жертва сама заболеет, вряд ли вдохновит любителей быстрых и решительных действий.

Была на суде и одна курьезная деталь, тоже не замеченная поклонниками процесса. В обвинительном заключении, между прочим, говорилось: «Следствием установлено, что ряд совершенных в ДВК диверсионных актов был подготовлен и проведен участниками антисоветского заговора по прямым директивам японских разведывательных органов и врага народа Л. Троцкого. Так, по директиве японской разведки, было организовано крушение товарного поезда с воинским грузом на ст. Волочаевка и на перегоне Хор — Дормидонтовка поезда № 501, когда было убито 21 человек и ранено 45 человек. По тем же указаниям японцев были совершены диверсии на шахтах №№ 10 и 20 в Сучане»[220]. В приговоре сказано, что подсудимые признаны виновными и по этому пункту[221] — в то время как на процессе не было сделано ни малейшей попытки представить какие-либо свидетельства о дальневосточных крушениях. О них вообще не упоминалось.

Причины этой аномалии неясны, но можно думать, что подготовленные по данному эпизоду «свидетели» были в последний момент сочтены ненадежными или отказались от показаний.

Другая странность процесса состояла в том, что снова был назван в числе заговорщиков целый ряд важных лиц, которые нигде так и не появились. Как заметил, например, Гринько, «блок» включал «целый ряд других людей», «которые не сидят сейчас на скамье подсудимых»[222]. Главные роли в заговоре — столь же важные, как роли основных подсудимых — были отведены Енукидзе, Рудзутаку[223] и Антипову[224]. Роли А. П. Смирнова, Карахана, Угланова, В. Шмидта и Яковлева[225] представлены явно значительнее, чем участие в деле второразрядных обвиняемых. В качестве заговорщиков были названы также члены ЦК партии Варейкис, Любимов, Лобов, Кабаков, Сулимов, Разумов, Румянцев и Комаров.

Енукидзе и Карахан, как известно, были расстреляны без открытого суда. Но почему? И почему нигде не появились остальные «заговорщики»? Таких вопросов в то время никто не ставил.

Наконец, последнее, очень важное обстоятельство. Расчет Бухарина на то, что его тактика на процессе разоблачит всю фальшь обвинений, оказался, по-видимому, чересчур тонким. Было, разумеется, совершенно ясно, что он отрицал все прямые акты террора и шпионажа. Но на кого это подействовало? Серьезные независимые наблюдатели все равно не верили обвинениям — и не поверили бы даже в том случае, если бы Бухарин «признался» по всем пунктам, — как не верили внимательные люди и обвинениям против Зиновьева. Но впечатление более широкой политической аудитории, для которой и ставились судебные спектакли, было простым: «Бухарин сознался». Даже для тех, кто заметил, что «признания» Бухарина были лишь частичными, его принятие на себя общей ответственности за организацию террористического заговора перевешивало тот факт, что конкретные обвинения в террористических актах он отвел. Вообще говоря,

последнее обстоятельство даже выигрышно оттенило тезис Вышинского, что Бухарин, вынужденный признать главное, старался увильнуть от ответственности за конкретные преступления.

Сталин еще раз одержал победу, перехитрив всех. Ибо он, в отличие от интеллигента Бухарина, понимал, что политический эффект не зависит от простой логики. Ведь в двадцатые годы оппоненты Сталина не раз побеждали его на съездах по всевозможным спорным пунктам, а практическая победа все равно осталась за ним.

ГЛАВА 11

1. Ленин, Собр.соч., т. 53, стр. 463 (Биогр. справка).
2. Там же.
3. П. Якир, Письмо в редакцию журнала «Коммунист» 2 марта 1969 (См. «Посев» № 5, 1969); Lermolo, *Face of a Victim*, p. 284.
4. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 302, p. 264.
5. Там же, стр. 119.
6. F. Maclean, *Eastern Approaches*, London, 1941, p. 93.
7. F. Maclean, p. 86.
8. «Дело Бухарина», стр. 37-38.
9. F. Maclean, p. 86.
10. См. «Дело Бухарина», стр. 631.
11. Там же, стр. 49.
12. См. там же, стр. 631-2.
13. Там же, стр. 49-50.
14. Там же, стр. 51.
15. Там же, стр. 51-52.
16. Там же, стр. 52-53.
17. Там же, стр. 53.
18. Там же, стр. 54.
19. Там же, стр. 58-9.
20. F. Maclean, p. 87.
21. «Дело Бухарина», стр. 58.

22. Там же, стр. 22.
23. Там же, стр. 78-9.
24. F. Maclean, p. 98.
25. « Дело Бухарина », стр. 73-4.
26. Там же, стр. 80.
27. Tokayev, *Stalin Means War*, p. 7.
28. См. « Дело Бухарина », стр. 638.
29. См. « Правду », 30 окт. 1937.
30. См. Иванов-Разумник, « Тюрьмы и ссылки », стр. 347.
31. См. « Правду », 26 сент. 1937.
32. « Дело Бухарина », стр. 98-9.
33. Там же, стр. 97.
34. Там же, стр. 87.
35. Там же, стр. 92.
36. Там же, стр. 103.
37. Там же, стр. 115.
38. Там же, стр. 116.
39. См. там же, стр. 120-22.
40. Там же, стр. 128.
41. Там же, стр. 133-4.
42. F. Maclean, pp. 92-3.
43. Там же, стр. 87.
44. Tokayev, *Comrade X*, p. 91.
45. « Дело Бухарина », стр. 146.
46. См. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 425.
47. См. Robert Payne, *The Rise and Fall of Stalin*, London, 1966, p. 520.
48. Orlov, pp. 291-2.
49. « Дело Бухарина », стр. 229.
50. Там же, стр. 148.
51. Там же, стр. 151-2.
52. Там же, стр. 156.
53. Там же, стр. 157; см. также стр. 25.
54. Там же, стр. 161.
55. Там же, стр. 164.
56. См. там же, стр. 172.
57. См. там же, стр. 180-182.
58. См. там же, стр. 183 след.
59. Там же, стр. 188-9.
60. Там же, стр. 189.
61. Там же, стр. 189.
62. Там же, стр. 190.
63. См. там же, стр. 198.
64. См. « Зарю Востока », 10 июля 1937.
65. « Правда », 9 апреля 1964.
66. См. « Правду », 9 апр. 1964 (К 65-летию со дня рождения Икрамова).

67. См. « Дело Бухарина », стр. 668.
68. См. там же, стр. 313.
69. См. там же, стр. 668.
70. См. « Правду », 13 сент. 1937.
71. См. там же, 20 сент. 1937.
72. См. там же, 10 и 12 сент. 1937.
73. « Дело Бухарина », стр. 209.
74. Там же, стр. 213.
75. Там же, стр. 205.
76. Там же, стр. 204.
77. См. там же, стр. 313.
78. Там же, стр. 315.
79. Там же, стр. 324.
80. См там же, стр. 259.
81. Barmine, *One Who Survived,* pp. 228-9.
82. См. « Дело Пятакова », стр. 91 (русск).
83. См. « Дело Бухарина », стр. 282.
84. См. там же, стр. 261.
85. Там же, стр. 273.
86. Там же, стр. 269.
87. Там же, стр. 283.
88. В книге Артура Кестлера « Тьма в полдень » выведен арестованный без конкретной вины крупный коммунист — Рубашов. В результате длительного психологического воздействия следователи внушают Рубашову, что он обязан признаться в несуществующих преступлениях, « чтобы помочь партии ». И Рубашов, сам в свое время предавший и спровоцировавший немало революционеров-идеалистов « во имя высших интересов партии », дает нужные показания, а потом его расстреливают как « врага народа ».
89. « Дело Бухарина », стр. 295-6.
90. Там же, стр. 298-9.
91. Там же, стр. 299-300.
92. Там же, стр. 301-302.
93. Там же, стр. 296.
94. Там же, стр. 298.
95. На этом настаивал Микоян в беседе с Луи Фишером (см. Louis Fischer, *Russia Revisited,* London, 1957, p. 64) и это согласуется со сведениями из других источников.
96. См. « Дело Бухарина », стр. 383.
97. См. Orlov, pp. 283.
98. См. там же, стр. 284-5.
99. См. « Дело Бухарина », стр. 377-8.
100. Там же, стр. 331.
101. Там же, стр. 332.
102. Там же, стр. 333.
103. Там же, стр. 334-5.

104. Там же, стр. 336.
105. Там же, стр. 341.
106. Там же, стр. 343.
107. Там же, стр. 343-4.
108. Там же, стр. 348.
109. Там же, стр. 361.
110. Там же, стр. 363.
111. Там же, стр. 368-9.
112. Там же, стр. 369-70.
113. Там же, стр. 370.
114. Там же, стр. 372.
115. Там же, стр. 373.
116. Там же, стр. 376-8.
117. Там же, стр. 389.
118. В «Правде», 3 января 1924.
119. «Дело Бухарина», стр. 418.
120. Там же, стр. 421.
121. F. Maclean, p. 99.
122. См. там же, стр. 437.
123. Jadwiga Sikierska в журнале «Swiat», Варшава, 24 марта 1957.
124. Ciliga, *The Russian Enigma*, p. 292.
125. «Дело Бухарина», стр. 436.
126. Там же, стр. 446.
127. Там же, стр. 450.
128. См. XI съезд РКП [б], Стенограф. отчет, Москва, 1961, стр. 823 (биогр. справка).
129. См. Ленин, Собр. соч., т. 50, Москва, 1965, стр. 532 (биогр. справка).
130. См. «Советскую историческую энциклопедию», т. 10, Москва, 1967 (статья «Осинский»).
131. См. «Вопросы истории» № 6, 1967 («В. Н. Яковлева — борец за победу идей Великого Октября»).
132. «Дело Бухарина», стр. 480.
133. Там же, стр. 457.
134. См. там же, стр. 482.
135. «Дело Бухарина», стр. 485.
136. Там же, стр. 484.
137. Barmine, p. 207.
138. Дословно Левин сказал так: «Горький любил огонь, пламя, и это было нами использовано. Для него разжигался костер, как раз после утомления Горького работой, собиралось все в кучу, срубленные сучья, разжигалось пламя. Горький стоял около этого костра, было жарко, и все это вредно действовало на его здоровье» (см. «Дело Бухарина», стр 475).
139. «Дело Бухарина», стр. 458.
140. Там же, стр. 498
141. Там же, стр. 459.

142. Там же, стр. 466.
143. F. Maclean, p. 102.
144. «Дело Бухарина», стр. 464-5.
145. Там же, стр. 467.
146. Там же, стр. 468-9.
147. Walter Duranty, *The Kremlin and the People,* London, 1942, pp. 84-5.
148. F. Maclean, pp. 119-120.
149. Orlov, p. 264.
150. «Дело Бухарина», стр. 476.
151. Там же, стр. 482.
152. Там же, стр. 487.
153. Там же, стр. 453; см. также заключение медицинской экспертизы, стр. 547.
154. Там же, стр. 497.
155. Там же, стр. 499.
156. F. MacLean, p. 105.
157. «Дело Бухарина», стр. 509.
158. Там же, стр. 510-11.
159. Там же, стр. 506.
160. Там же, стр. 510.
161. См. Дубинский-Мухадзе, «Орджоникидзе», стр. 5.
162. См. N. Magnus, *Est et Ouest,* n. 83, 1953 («La suppression de G. Ordjonikidze et du Professeur D. D. Pletnev); см. также Armstrong, *The Politics of Totalitarianism,* p. 71.
163. Orlov, pp. 267-8.
164. См. «Правду», 8 июня 1937 («Профессор — насильник, садист»).
165. Orlov, p. 268.
166. «Дело Бухарина», стр. 520.
167. См. там же, стр. 520-1.
168. Там же, стр. 525-6.
169. Там же, стр. 535.
170. Там же, стр. 536. В источнике стоит «1937 год», но это, очевидно, опечатка. В английском переводе «Дела Бухарина» проставлен «1938 год».
171. Там же, стр. 537.
172. См. там же, стр. 619.
173. Там же, стр. 336.
174. Там же, стр. 468.
175. George Orwell, *Animal Farm,* Chap. 7. В русском переводе «Скотский хутор», Франкфурт-на-Майне, 1950, стр. 68 (гл. VII).
176. «Дело Бухарина», стр. 603.
177. См. «Социалистический вестник», № 6, 1954.
178. См., напр., «Правду», 6 июня 1958 (К 70-летию со дня рождения).
179. Isaac Don Levine, *I Rediscovered Russia,* New York, 1964, p. 175.
180. См. Дубинский-Мухадзе, «Орджоникидзе», стр. 5.
181. См. «Дело Бухарина», стр. 546-7.

182. Там же, 547-8.
183. F. Maclean, p. 107.
184. « Дело Бухарина », стр. 550.
185. Там же, стр. 551.
186. Там же, стр. 555.
187. Там же, стр. 594-5.
188. Там же, стр. 584.
189. Там же, стр. 598.
190. Там же, стр. 612.
191. Там же, стр. 614.
192. Там же, стр. 642.
193. Там же, стр. 647.
194. Там же, стр. 649.
195. Там же, стр. 650-1.
196. Там же, стр. 651.
197. Там же, стр. 651-2.
198. Там же, стр. 653-4.
199. Там же, стр. 669.
200. V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, p. 46.
201. « Дело Бухарина », стр. 695.
202. Там же, стр. 692.
203. Там же, стр. 679-80.
204. F. Maclean, p. 110.
205. « Дело Бухарина », стр. 680.
206. Там же, стр. 680-1.
207. Там же, стр. 682.
208. Там же, стр. 684-5.
209. Там же, стр. 688.
210. См. там же, стр. 689.
211. См. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 283.
212. См., напр., *Politik*, 21 мая 1965.
213. « Совещание историков », стр. 298 (Закл. слово акад. Поспелова).
214. См. Brzezinski, *The Permanent Purge*, p. 229; Lermolo, p. 207.
215. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetische Gefängnissen und Lagern*, s. 18.
216. Гинзбург, « Крутой маршрут », стр. 149.
217. Там же, стр. 269.
218. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 283.
219. XVIII съезд ВКП [б], Стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 26; см. также Сталин, Собр. соч., т. 14, стр. 368-9.
220. « Дело Бухарина », стр. 20.
221. Там же, стр. 703.
222. Там же, стр. 84.
223. Там же, стр. 77, 170-1 и др.
224. Там же, стр. 169, 186-7 и др.
225. Там же, стр. 75, 77 и др.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЧУЖЕСТРАНЦЫ

> Органы НКВД могли распространить категорию «врага народа» на любого, кто осмеливался обронить хоть слово критики.
>
> *Владислав Гомулка*

НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

В системе сталинского террора были две особые области: зарубежные операции и действия против иностранцев в СССР. Среди последних наиболее очевидными жертвами были иностранные коммунисты в аппарате Коминтерна. Особенно тяжелые потери несли те компартии, которые в своих странах были на нелегальном положении. Прежде всего, руководство этих партий было, так сказать, под рукой, в Москве. Затем, в таких странах, как Германия или Югославия, Италия или Польша не было демократического общественного мнения, способного протестовать. Среди английских или американских коммунистов жертв не зарегистрировано; руководители этих партий не подвергались, таким образом, риску ни у себя дома, ни в Советском Союзе, тогда как активистам других партий, входящих в состав Коммунистического Интернационала, преследования грозили с обеих сторон. Странным образом английские и американские коммунисты были защищены самим характером режимов, над свержением которых они работали.

Создавая Коминтерн, Ленин снял сливки с наиболее активной части левого революционного движения в Европе. Если бы он этого не сделал, то европейские левые могли бы стать широким и объединенным движением и, может быть, преградить дорогу фашизму[1]. Вместо этого был создан ряд отдельных партий, построенных строго по большевистскому образцу и подчиненных во всем Коминтерну. А Коминтерн, в свою очередь, всегда оставался под эффективным советским контролем. Через некоторое время после организации Коминтерна всем партиям были подобраны подходящие с точки зрения Москвы руководители, и партийная тактика стала диктоваться им из Москвы — почти неизменно с катастрофическими результатами.

Последняя вспышка независимости в Коминтерне произошла в мае 1927 года. На заседании Исполкома Коминтерна слово взял Тельман и в присутствии Сталина, Рыкова, Бухарина и Мануильского предложил осудить документ Троцкого по китайскому вопросу. Все присутствующие уже готовы были это сделать, когда вдруг итальянская делегация — Пальмиро Тольятти и Игнацио Силоне — заявила, что не видела документа. Тут выяснилось, что документа не видел вообще никто. Итальянцы заявили, что хотя они и уверены в неправоте Троцкого, но не могут подписать формальное осуждение документа, которого не читали. Им объяснили, что Политбюро ЦК ВКП[б] не считало желательным распространение документа. Заседание было отложено — с тем, чтобы старый болгарский коммунист Василь Коларов разъяснил вопрос упорным итальянцам. Он сказал им весьма откровенно, что дело шло не об установлении какой-либо истины, а о борьбе за власть. Коминтерн, дескать, обязан присоединиться во всем к большинству в Политбюро — для того он и существует. Но итальянцы продолжали настаивать на своем, и тогда Сталин проделал типичный для него маневр: он отступил и снял вопрос с повестки дня[2].

Этот призыв к независимому суждению в Коминтерне был, повторяем, последним.

Рассказавший об этом миру Силоне покинул после этого партию, а Тольятти... Тольятти, видимо, решил, что перед ним выбор: либо подчиниться Сталину в надежде оказывать в будущем некоторое влияние, либо сойти со сцены. Он выбрал первое и держался своего выбора много лет, став соучастником гораздо более серьезных актов вероломства в последующие годы.

С тех пор — особенно после еще мирного удаления различных сторонников Троцкого и Бухарина — Коминтерн стал просто одним из элементов сталинской политической машины. Уже в 1930 году видный югославский коммунист высказал мнение, что Коминтерн состоит либо из ограниченных людей типа Пятницкого и Реммеле, либо из людей, некогда примечательных, но теперь измученных и деморализованных[3].

По самому характеру своей деятельности Коминтерн и его органы особенно легко поддавались обвинению в связях с иностранными государствами. Так «на основании фальсифицированной, ложной информации большинство руководящего актива КПЗУ в 1928 году было объявлено замаскированной агентурой фашизма»[4]. В 1936 году произошел аналогичный разгром коммунистической партии Латвии, причем «многие видные деятели партии были объявлены «врагами народа» и репрессированы. Проведение этих мероприятий фактически означало роспуск КПЛ»[5]. Отметим, что компартия Латвии мало отличалась от обычной местной организации ВКП[б] – в ранний период деятельности она и была местной организацией. Многие латыши — как, например, Ян Рудзутак — занимали высокие посты в советском руководстве, а потом, в годы террора, их латышское происхождение было поставлено им в вину.

Осуждению и разгрому подверглась также и компартия Эстонии — как «скомпрометированная». К моменту советской аннексии Эстонии в 1940 году в живых осталось так мало эстонских коммунистов, что на один из высших постов пришлось поставить человека эстонского происхождения, до того

работавшего заместителем начальника станции на Северном Кавказе[6].

Был полностью арестован и Центральный Комитет компартии Литвы[7]. В качестве обвинения здесь фигурировало сотрудничество с литовским правительством.

Но все это были только цветочки. Настоящий шторм над зарубежными коммунистами разразился в 1937 году.

Работники аппарата Коминтерна и приезжавшие в Москву руководящие деятели иностранных компартий размещались в гостинице «Люкс» на улице Горького (ныне гостиница «Центральная»). Когда на них обрушился террор, обитатели гостиницы стали влачить какое-то странное, не совсем реальное существование. Гостиница, заполненная иностранцами, боявшимися даже высунуть нос на улицу, напоминала пограничную деревню из американских кинобоевиков, на которую каждую ночь налетали бандиты. Иногда события принимали драматический характер. Один из польских коммунистов, за которым пришли ночью, стал защищаться, открыл огонь и ранил нескольких работников НКВД, пока, наконец, его не одолели[8].

28 апреля 1937 года был арестован Гейнц Нойман, бывший член Политбюро ЦК компартии Германии. В свое время Нойман был одним из ведущих иностранных членов Кантонской коммуны (вместе со своим другом Ломинадзе). В начале тридцатых годов он был выведен из руководства КПГ, но с 1935 года представлял свою партию в Москве.

Артур Кестлер в своей автобиографической книге «Стрела в синеве» описывает жену Ноймана — «темноволосую, маленькую, энергичную и веселую» женщину[9]. Много позднее она написала захватывающие мемуары, в которых рассказывает об аресте мужа. В час ночи к ним в номер вошли три работника НКВД в форме (госпожа Нойман пишет не НКВД, а ГПУ) в сопровождении директора гостиницы «Люкс» Гуревича — тоже агента НКВД. Они разбудили Ноймана, запретили супругам говорить между собой по-немецки и начали обыск. Он продлился до утра, причем был изъят чемодан

документов и шестьдесят книг якобы оппозиционного содержания. Когда Ноймана выводили, он обернулся и сказал жене: «не плачь».

— Довольно! Проходите! — приказал старший агент. Нойман повернулся, сделал несколько шагов назад, обнял и поцеловал жену.

— Теперь плачь, — сказал он. — Есть о чем плакать[10].

В декабре 1937 года Ноймана куда-то увезли с Лубянки, где он сидел до тех пор. По-видимому, около того времени его и приговорили, потому что в январе 1938 года жене был предъявлен ордер на конфискацию имущества[11]. Есть сведения, что летом 1938 года Нойман находился в Бутырской тюрьме, все еще не подписав никакого признания[12]. После этого жена Ноймана получила пять лет как «социально-опасный элемент».

Примерно в тот же период исчезли еще три члена Политбюро КПГ — Герман Реммеле, Фриц Шульте и Герман Шуберт. Шуберта арестовали в июле 1938 года по доносу австрийской коммунистки[13]. Эта женщина донесла, что когда в советской прессе было объявлено о «связях Троцкого с нацистами», Шуберт якобы вспомнил ленинскую сделку с немцами в 1917 году о проезде через Германию. После доноса на Шуберта немедленно напал Тольятти, а уж затем последовал арест[14]. Среди других жертв из руководства КПГ можно назвать руководителя военного аппарата партии Ганса Киппенбергера, секретаря ЦК по организационным вопросам Лео Флига, главных редакторов «Роте Фанэ» Гейнриха Зисскинда и Вернера Гирша, арестованных вместе с четырьмя помощниками. (Жена маршала Геринга, по-видимому, знала семью Гирша и выхлопотала ему освобождение из немецкой тюрьмы и выезд в СССР)[15]. Есть сведения, что Герман Реммеле в лагере сошел с ума и стал бросаться в драку с каждым встречным, будь то заключенный или охранник[16].

Любопытно отметить судьбу ветерана КПГ Гуго Эберлейна. Он был единственным подлинным делегатом на конференции, создавшей Коминтерн. Остальные «представители» зарубеж-

ных стран были большей частью просто советскими служащими иностранного происхождения: Польшу, например, представлял Уншлихт. Тогда Эберлейн имел инструкции Розы Люксембург сопротивляться организации нового интернационала. Этим инструкциям он жестко следовал (хотя при окончательном голосовании не голосовал против, а воздержался).

Когда начался террор, одна швейцарская газета сообщила, что Эберлейн арестован в Москве. Он сейчас же опроверг это сообщение, и была даже устроена пресс-конференция, на которой Эберлейн прочел свое опровержение. А на следующий день его арестовали. Есть сведения, что его, больного астмой, очень жестоко допрашивали в Лефортовской тюрьме, а потом приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы. Он умер в 1944 году[17].

Для ареста иностранцев меньшего масштаба годился любой повод — как для ареста советских граждан. Один немецкий коммунист, например, был арестован за то, что сказал: «Геббельс — единственный нацист, имеющий хоть какие-то принципы». Это было расценено как «контрреволюционная агитация»[18]. Другой член КПГ был обвинен в антисоветской агитации за то, что будто бы участвовал в оппозиционной группе внутри немецкой коммунистической партии с 1931 по 1932 год[19]. Даже и это обвинение было, кстати сказать, фальшивым. В главе, выразительно названной «Весь Коминтерн», Евгения Гинзбург рассказывает, как в 1937 году повстречалась в Бутырской тюрьме с германской коммунисткой. На теле женщины были шрамы от гестаповских пыток, а ногти вырвали палачи НКВД[20].

Среди арестованных было немало евреев. Еврейское происхождение не спасало их от обвинений в шпионаже в пользу фашистов — как не спасло оно от такого же обвинения еврея Иону Якира. Один следователь заявил еврею-заключенному, что «еврейские беженцы из Германии это агенты Гитлера за границей»[21]. После того, как Германия

оккупировала Чехословакию, такими «агентами» стали и чехи. Известен случай, когда арестованный чех подписал признание, что стал немецким шпионом в начале первой мировой войны, когда не существовало ни Чехословакии, ни Советского Союза[22].

Загадочная судьба постигла «гения пропаганды КПГ» Вилли Мюнценберга. В 1938 году Мюнценберг, находившийся во Франции, был вызван в Москву. Он уже знал, что выехавший незадолго до того из Парижа в Москву Флиг был арестован немедленно по выходе из вагона. (Флиг, очевидно, и есть тот «одетый с иголочки», «немецкий еврей, коммунист, член Коминтерна», который именно при таких обстоятельствах попал в камеру Бутырской тюрьмы, в которой сидел Иванов-Разумник: «С круглыми от изумления глазами, совершенно потрясенный, он сразу же завел пластинку № 1 «вофюр? воцу?» («за что? зачем?»). Мы объяснили ему, что он — немецкий фашистский шпион»)[23]. Поэтому Мюнценберг ехать в Москву отказался. В 1940 году он сидел во французском лагере для интернированных. В связи с наступлением немцев французы сняли охрану, и Мюнценберг вместе с еще одним лагерником решили бежать в Швейцарию. Через несколько дней тело Вилли Мюнценберга было найдено в лесу под Греноблем. Лицо его было изуродовано, так что версия самоубийства представлялась весьма маловероятной[24].

После советско-германского договора 1939 года в московских тюрьмах были собраны около 570 немецких коммунистов[25]. Многие из них были к тому времени приговорены к различным срокам заключения, но большинству просто сказали, что специальная комиссия НКВД постановила выслать их из страны как нежелательных иностранцев. Среди этих немецких коммунистов были евреи, а также люди, специально разыскивавшиеся нацистами за вооруженное сопротивление во время уличных боев в начале тридцатых годов. Все они в разное время бежали в «свою» коммунистическую

страну — Советский Союз. И вот их всех передали на мосту близ Брест-Литовска гестаповцам, причем работники НКВД аккуратно сверяли списки с офицерами гестапо.

В числе переданных была вдова поэта Эриха Мюзама, был композитор Ганс Давид — еврей впоследствии умерщвленный в газовой камере Майданека[26].

Были и обратные случаи: из нацистских лагерей люди попадали в советские. В воспоминаниях Элиноры Липпер фигурирует женщина, отсидевшая три года в нацистском концлагере, переданная в СССР и получившая 8 лет как «троцкистка»[27]. В книге Далина и Николаевского рассказано о венском еврее, который выдержал почти год в немецком концлагере Дахау, а потом был передан в СССР и отправлен в лагерь, где покончил самоубийством[28]. Актриса Карола Негер (Neher), включенная в список НКВД для передачи в гестапо в Брест-Литовске, исчезла в Советском Союзе[29].

Поразительна судьба еще одного из переданных НКВД немцам — юноши Торглера. Его отец, Эрнст Торглер, в прошлом лидер коммунистической фракции в Рейхстаге, был главным немецким обвиняемым на Лейпцигском процессе Димитрова и других. Сыну было тогда тринадцать лет, и он участвовал в митингах протеста, организованных на Западе против Лейпцигского процесса. Потом, естественно, мальчика увезли в Советский Союз. Здесь через несколько лет он был арестован как немецкий шпион и получил длительный срок. Торглера видели в лагерях на севере Коми АССР, где он работал могильщиком. Как сообщают, к тому времени он близко сошелся с юными советскими уголовниками. После заключения пакта Гитлер — Сталин молодой Торглер разделил судьбу переданных гестапо немецких коммунистов[30].

Очень тяжелы были также потери компартии Венгрии. Самой крупной жертвой был руководитель венгерской революции 1919 года Бела Кун. В свое время, в дни революции в Будапеште, Бела Кун развязал беспощадный террор. Позже, бежав к большевикам после поражения революции, Бела Кун получил руководящий пост в Крыму, только что отвоеванном

у Врангеля. Здесь он проявил себя столь жестоким, что даже Ленин потребовал его снятия и объявления ему выговора. Бела Куна перевели в Коминтерн, и известно, что он несет ответственность за провал коммунистических выступлений в Германии в 1921 году. Виктор Серж в своих мемуарах описывает Бела Куна как «воплощение интеллектуального убожества, нерешительности и авторитарной коррупции»[31].

Падение Бела Куна произошло на заседании Исполкома Коминтерна в мае 1937 года. Выступивший с речью Мануильский набросился на него с нападками за его якобы оскорбительное поведение по отношению к Сталину и связь с румынской тайной полицией с 1919 года. Остальные члены Исполкома — включая Вильгельма Пика, Отто Куусинена, Пальмиро Тольятти, Клемента Готвальда и Вань Миня — хранили молчание. Бела Кун, явно не знавший о подготовленном нападении, смертельно побледнел. Потом, как рассказывает бывший Генеральный секретарь компартии Финляндии Аво Туоминен, Кун «зарычал, как смертельно раненый лев: "Это гнусная провокация, это заговор, чтобы меня убить! Но я клянусь, что не хотел оскорбить товарища Сталина. Я хочу все объяснить самому товарищу Сталину!" Но все уже было предрешено. Когда, бледный и потрясенный, Бела Кун выходил из комнаты в мертвом молчании, за ним шли два сотрудника НКВД»[32].

Кун, однако, не был арестован немедленно. Через несколько дней ему позвонил по телефону Сталин и дружелюбно попросил принять французского журналиста, чтобы опровергнуть слухи об аресте Бела Куна. Это было проделано; опровержение было опубликовано; а спустя еще несколько дней Бела Куна арестовали[33]. Кун сам несколько раньше арестовал ряд членов Политбюро компартии Венгрии[34].

Бела Куна поместили в Лефортовскую тюрьму и подвергли пыткам. Есть сведения, что во время допросов его заставляли стоять на одной ноге на протяжении от десяти до двадцати часов. Когда он после допросов возвращался в камеру, его ноги были опухшими, а лицо черным до неузна-

ваемости[35]. Некоторое время Бела Кун содержался в одной камере с бывшим флагманом Муклевичем[36]. Затем его перевели в Бутырки, где он и находился до самой казни по обвинению в шпионаже[37].

Казнен Бела Кун 30 ноября 1939 года. Можно предположить, что в его случае были соблюдены известные формальности — следствие, суд и т. д. Так можно думать потому, что в Малой польской энциклопедии о Куне есть такая фраза — «приговорен на основе фальсифицированного обвинения»[38].

Жена Бела Куна, Ирина, женщина хрупкого телосложения, была арестована 23 февраля 1938 года[39] и приговорена к восьми годам. Она попала на Колыму[40], но выжила и была впоследствии освобождена. Зять Куна, венгерский поэт Гидаш, тоже отбыл срок в лагерях[41].

Среди других руководителей венгерской революции 1919 года были арестованы еще двенадцать народных комиссаров коммунистического правительства Будапешта. В числе их — патриарх венгерского коммунизма Дечо Бокани, а также Йожеф Погани, под именем Джона Пеппера представлявший Коминтерн в американской компартии. Из этих двенадцати двое сумели выжить в лагерях. Были арестованы и бесследно исчезли и другие венгерские коммунисты — например, партийный теоретик Лайош Мадьяр.

В ходе террора погибло также много итальянских коммунистов — например, Эдмондо Пелузо, в свое время участвовавший в Кантонской коммуне вместе с Нойманом. Из тюрьмы, где его пытали, Пелузо сумел переправить друзьям письмо. Он просил о помощи, писал, что с каждой пыткой уходят его силы, и заклинал друзей верить в его невиновность. Но так как в то время всем мерещились ловушки и провокации, то и бывшие друзья Пелузо, получившие письмо, сочли его полицейской ловушкой и ничего не предприняли.

Более того, несколько итальянских коммунистов, прошедших лагеря и впоследствии освободившихся, неожиданно обнаружили, что их рассказам о тюремной и лагерной жизни

не очень верят. Зять самого Тольятти был арестован в 1937 году. Ему выбили зубы и неизлечимо повредили позвоночник[42], но впоследствии выпустили живым. О том, что с ним происходило в заключении, Роботти никому не рассказывал. А в декабре 1961 года, в своей речи на пленуме ЦК итальянской компартии, Роботти объяснил свое поведение: он сказал, что о терроре в Советском Союзе следует говорить не итальянским, а советским коммунистам[43]!

Однако счастливую судьбу Роботти разделили немногие. Хотя большинство руководящей группы компартии Италии спаслось благодаря полному повиновению Тольятти и благосклонности к нему Сталина, около двухсот итальянских коммунистов все-таки исчезло. У Евгении Гинзбург находим упоминание об итальянской коммунистке в Ярославской тюрьме: женщина страшно кричала, потому что ее били и обливали ледяной водой из шланга[44].

Разгром югославской компартии начался с ареста в Москве летом 1937 года ее Генерального секретаря Горкича. Еще до того арестовали его жену польку, обвинив ее в том, что она была английским шпионом. Вслед за Горкичем был арестован почти весь состав ЦК компартии Югославии и большое число находившихся в СССР югославских коммунистов. В речи на пленуме ЦК Союза Коммунистов Югославии 19 апреля 1949 года Тито сообщил, что больше ста человек из числа этих арестованных «нашли смерть в сталинских тюрьмах и лагерях»[45]. Среди погибших были такие люди, как секретарь ЦК партии по оргвопросам Владо Чопич, приехавший в Москву прямо из Испании, где он был командиром Интернациональной бригады.

Около того времени в Москву приехал и сам Тито. Ему дали номер на четвертом этаже гостиницы «Люкс». Позже он рассказывал, что каждый вечер ложился спать, не зная, выйдет ли утром свободно из номера или проснется среди ночи от зловещего стука в дверь[46]. Тито указывает, что в Коминтерне существовала тенденция распустить всю компартию Югославии, как было сделано с компартиями Польши и

Кореи. Однако в конце концов ему разрешили сформировать новый ЦК. После этого Тито постарался перевести свой ЦК в Югославию и Западную Европу, где было больше шансов спастись от разгрома.

Бывший первый секретарь ЦК компартии Финляндии Аво Туоминен приводит длинный список расстрелянных руководителей компартии и сообщает, что «почти все финны, жившие тогда на территории Советского Союза, были объявлены врагами народа». Обвинения против руководящих финских коммунистов, пишет Туоминен, были состряпаны на основе «признаний», полученных от арестованного Отто Вилена «сталинским методом избиения»[47].

Крохотная румынская компартия потеряла двух главных руководителей. Один из них, Марсель Паукер (не путать с его однофамильцем — крупным работником советских карательных органов), был арестован, как говорят, по доносу своей жены Анны Паукер[48]. Его обвинили в сотрудничестве с Зиновьевым и расстреляли без суда[49]. В том же 1937 году был расстрелян Александру Доброжану. По-видимому, наиболее вероятной причиной уничтожения этих двух румынских коммунистов были их прежние связи с Христианом Раковским, которому предстояло стать одним из главных обвиняемых на бухаринском процессе.

Об этом микротерроре в рядах румынской компартии ничего не сообщалось вплоть до 1952 года, пока в Бухаресте не был арестован член Политбюро Румынской рабочей партии Василе Лука. В связи с его арестом пошли нападки на «предательскую клику Марселя Паукера». (Судьба Луки, признаться, сильно напоминает сатиру Орвелла «Скотский хутор» [стр. 66-7], о которой мы уже упоминали в гл.2. В ней фигурирует боров по имени Снежок, объявленный «изменником». Хотя Снежок был смелым военачальником, и ему животные обязаны своей главной победой, их уверили, что на самом деле Снежок во время боя помогал противнику. Точно то же самое проделали с Василе Лукой: про него, до тех пор известного героя венгерской революции 1919 года,

было теперь сказано, что он командовал пулеметным соединением противника).

Тяжелые репрессии перенесла компартия Болгарии. Сообвиняемые Георгия Димитрова по Лейпцигскому процессу Попов и Танев были арестованы и приговорены к тюремному заключению[50]. Танев так и погиб в заключении, а Попов выжил и в 1955 году был реабилитирован. Будущий сталинский правитель Болгарии Вылко Червенков некоторое время прятался от ареста в квартире Димитрова, пока Димитров осторожно заступался за него и в конце концов отвел от Червенкова угрозу ареста. Были и другие жертвы. В Вологодском лагере одного болгарина бросили в яму и не давали ему никакой еды, пока через тринадцать дней он не умер[51].

И так было со всеми эмигрантскими коммунистическими группами. Но самый тяжелый удар обрушился на поляков. Польская компартия занимала особое место во взаимоотношениях с Москвой. Здесь нет места для изложения сложной истории польского коммунизма, зародившегося вначале в виде двух фракций старой польской социал-демократической партии и левого крыла польской социалистической партии. Скажем лишь, что очень многие польские коммунисты вышли из социал-демократической партии Литвы и Царства Польского. Эта партия, вместе с еврейским Бундом и латышскими социал-демократами, была приглашена на началах автономии на IV съезд РСДРП в 1906 году, когда меньшевики и большевики находились еще в формальном объединении. В состав Центрального Комитета РСДРП были избраны на съезде два представителя польской партии — А. С. Варский и Ф. Э. Дзержинский.

В целом поляки поддерживали большевиков, хотя и с оговорками. Тогдашний лидер польских коммунистов Роза Люксембург писала в частном письме, что полезно заручиться поддержкой большевиков, несмотря на их «татаро-монгольскую дикость». Хотя Ленин вскоре занялся созданием фракций в польской партии и открыл полемику с Розой Люксембург и другими, эти фракции и полемика носили, так

сказать, «домашний» характер, отличаясь этим от отношений большевиков с другими зарубежными организациями. Члены польской и русской организаций часто переходили из одной в другую — из польской в русскую и наоборот. Когда Польша стала независимым государством, поляки, работавшие с большевиками и оставшиеся на советской территории, стали попросту членами РКП[б]. Можно вспомнить хотя бы о Дзержинском, Радеке, Менжинском и Уншлихте (то же самое произошло и с латышскими коммунистами — например, Эйхе и Рудзутаком). Польский коммунист мог по собственному желанию перевестись в РКП[б]. Так, скажем, Юлиан Мархлевский в 1920 году был сделан главой марионеточного польского правительства, сформированного в тылу Красной Армии при вторжении в Польшу. А после разгрома наступления Мархлевский объявился уже в качестве советского дипломата.

Было только естественно, что в той части компартии Польши, которая находилась в середине тридцатых годов на советской территории, террор шел тем же темпом, как и в рядах самой ВКП[б]. Ведь, скажем, Варский был практически старым большевиком в том же смысле, как Рыков и Каменев.

Положение поляков в России в известной степени напоминало положение ирландцев в Англии: их было много, и они играли заметную роль в жизни охватывавшей их более крупной страны. Террор коснулся не только членов компартии Польши, но и всего польского населения Советского Союза. По переписи 1926 года в СССР насчитывалось 792 000 поляков. Перепись 1939 года (хоть и ненадежная в определенных отношениях) дает цифру всего в 626 000. Точные цифры польских потерь определить нелегко. Согласно одному подсчету, проведенному польским коммунистом, были расстреляны десять тысяч поляков только из числа живших в Москве. А всего за период, окончившийся процессом Бухарина, в стране было расстреляно пятьдесят тысяч поляков.

Аресты польских коммунистов на протяжении тридцатых

годов происходили несколько раз. Но в период террора вся партия в целом стала жертвой беспрецедентной кампании, направленной буквально на уничтожение — как организационно, так и физически. От всего польского коммунистического движения и его последователей осталось не более семидесяти-восьмидесяти человек. В речи, произнесенной 27 марта 1956 года, секретарь ЦК ПОРП Ежи Моравский сказал: «Почти все руководители и активные члены КПП, находившиеся тогда в Советском Союзе, были арестованы и отправлены в лагеря»[52].

Действительно, когда в 1944 году потребовалось создать коммунистическое польское правительство, его пришлось собирать «с бору по сосенке». К тем нескольким, кто имел счастье попасть в польскую тюрьму и выжить там — подобно Гомулке — были добавлены люди типа президента Берута (в прошлом известен как следователь НКВД Рутковский) или экономического руководителя Минда, до того работавшего лектором в одном из институтов Средней Азии.

Но вернемся к 1937 году. 20-21 августа были расстреляны Варский, Будзинский и другие. Есть сообщения, что во время следствия Варский сошел с ума и вообразил, что находится в руках гестапо.

После этого в Москву «для консультации» был приглашен ряд руководителей КПП, находившихся в Польше. Среди них были члены Политбюро КПП Ринг и Генриховский. Генриховский быстро сообразил, что происходит вокруг, и несколько недель не выходил из своего номера в гостинице «Люкс», выскальзывая лишь на несколько минут по вечерам за самыми необходимыми покупками. Но все равно в конце концов все «приглашенные» члены польского Политбюро бесследно исчезли[54].

За период с 1937 по 1939 год были расстреляны все двенадцать членов ЦК КПП, находившиеся в СССР, а также сотни других партийных работников. Среди уничтоженных были все представители польской компартии в Исполкоме

и Контрольной комиссии Коминтерна, в том числе ветеран Коминтерна Валецкий.

Незадолго до своего ареста Валецкий показал пример того, в какой степени были запуганы и унижены старые революционеры. Вскоре после ареста Ноймана его жена встретила Валецкого в коридоре гостиницы «Люкс». Они всегда были в дружеских отношениях. «Я улыбнулась ему и кивнула, — вспоминает госпожа Нойман, — но он сделал вид, что меня не заметил, и на лице его было смущенное, виноватое выражение»[55].

Обычно, «прочищая» какую-либо иностранную партию, Сталин использовал внутрипартийную борьбу за власть, чтобы подобрать новое руководство. Но в этом случае обвинение пало на всех. В 1937 году, так сказать, «обе фракции» КПП оказались «исполнителями заданий контрреволюционной польской разведки»[56]. По-видимому, последнее официальное заявление от имени компартии Польши было сделано 8 июня 1938 года, после чего партия вскоре была распущена. Представляя Коминтерн на XVIII съезде ВКП[б], Мануильский заявил, что «наиболее засоренной вражескими элементами оказалась компартия Польши, в руководство которой проникли агенты польского фашизма». (Правда, Мануильский в своем докладе упомянул и о полицейских агентах также и в рядах венгерской и югославской партий).

Последняя группа польских партийных руководителей, в том числе Вера Кощева, была расстреляна в 1939 году, когда произошла расправа со всем аппаратом Коминтерна. Погибли также левые поэты Штанде, Вандурский и другие литераторы. Среди них наиболее значительным был Бруно Ясенский. Он был арестован 31 июля 1937 года, 17 сентября 1938 года приговорен к пятнадцати годам и умер от тифа во Владивостокском пересыльном лагере[57].

Его бывшая жена Клара получила 10 лет как «шпионка»[58]. Судьба Ясенского — хороший пример тех трудностей, с которыми приходится сегодня сталкиваться исследователю, пытающемуся проследить жизненный путь даже видных

личностей. Польские коммунисты расследовали обстоятельства гибели Ясенского настолько тщательно, насколько это было в их силах. Но и теперь два польских источника дают разные даты его смерти, а официальный советский источник — еще одну, третью, дату. Кроме того, один польский источник дает неверную дату ареста Ясенского. Люди, сидевшие вместе с Ясенским и попавшие на Запад, склоняются к тому, что верна советская дата смерти.

Разумеется, полный роспуск коммунистической партии Польши был исключительной мерой. Роспуск партии был просто связан с тем, что все ее кадры были физически уничтожены. В абсолютных цифрах польская компартия вряд ли понесла больше потерь, чем, скажем, партийные организации на Украине. Но Сталин попросту не мог распустить партию на Украине, потому что ведь ему требовался какой-то член партии в Киеве, чтобы управлять Украиной. А в Польше в тот момент ему никакие партийные активисты для управления страной не требовались. Несомненно, Сталин полагал, что когда понадобится, он сумеет наскрести нужное число «руководящих товарищей». Как мы знаем, так оно и вышло на практике несколько лет спустя. Кроме того, польские коммунисты старой выучки, если бы они сохранились в живых, наверняка отнеслись бы враждебно к предстоящему пакту с гитлеровской Германией и разделу Польши.

Жены арестованных иностранцев страдали наравне с женами советских жертв. Но у них не было родственников, способных хоть как-то поддержать их в беде. И потому жены-иностранки оказались полностью брошенными на произвол официальных властей. Сперва они выдержали долгую борьбу с директором гостиницы «Люкс», который, в конце концов, переселил их из прежних номеров в отдельное старое здание в глубине двора, уже заполненное другими женами. Потом их выбросили и оттуда.

Обыкновенно выяснялось, что бумаги иностранок были не в порядке, и женщины были вынуждены каждые пять дней стоять в очередях, чтобы возобновлять их. Было невозможно

получить работу. Все, что они могли делать, — это продавать книги и личные вещи.

Общим стремлением было у них не говорить детям, что случилось с отцами. Госпожа Нойман вспоминает такой разговор между детьми:

— А твой папа тоже арестован?

— Нет, мой папа в отпуску на Кавказе.

Услышав такой ответ, одиннадцатилетняя собеседница, дочь одного из арестованных, разрушает иллюзии другого участника разговора:

— Ах, он на Кавказе! А почему тогда твоя мама носит деньги в тюрьму? Хорошенький Кавказ![59].

Но с течением времени стали арестовывать самих жен. Все жены польских коммунистов, например, были взяты в одну сентябрьскую ночь 1937 года. Супруга Ноймана получила 8 лет лагерей[60], и это было обычным приговором.

Советские представители в аппарате Коминтерна были также уничтожены по обвинению в том, что они содействовали проникновению врага в иностранные компартии. Исключением был лишь Мануильский, действовавший на протяжении всего террора как агент Сталина. Человек третьеразрядных способностей, он охотно стал в Коминтерне своеобразным эквивалентом какого-нибудь Мехлиса или Шкирятова — и потому выжил.

В своем докладе о деятельности Коминтерна на XVIII съезде партии, после упоминания о компартии Польши, Мануильский многозначительно добавил: «Вина работников Коминтерна состоит в том, что они позволили себя обмануть классовому врагу, не вскрыли своевременно его маневры, запоздали с мероприятиями против засорения компартии вражескими элементами».

Это главным образом относилось к двум членам ЦК ВКП[б] — Пятницкому и Кнорину. Пятницкий был главным советским надсмотрщиком в Коминтерне, если не считать самого Мануильского. Он был членом Исполкома Коминтерна с 1923 года и возглавлял в нем ключевой организацион-

ный отдел[61]; «и этот человек кончил за тюремной решеткой»[62]. Как полагают, он был казнен 3 октября 1939 года[63] в связи с делом Бела Куна.

Другой советский представитель в Исполкоме Коминтерна В. Г. Кнорин руководил деятельностью компартии Германии и нескольких других компартий. Латыш по происхождению, Кнорин был, как говорят, честным человеком, но догматиком[64]. Есть сведения, что еще в 1936 году он подвергался нападкам за то, что якобы допускал какие-то националистические уклоны. Его арестовали в июне 1937 года[65] как «агента гестапо» и жестоко пытали. Кнорин был казнен в 1939 году[66], как и Пятницкий.

Подчиненные этих людей пали вместе с ними. Один из списков, подписанных Сталиным, содержит триста имен присужденных к высшей мере коммунистических партработников[67]. Заведующий отделом зарубежных связей Миров-Абрамов был арестован в 1937 году вместе со всем своим штатом. Говорят, что его обвинили в шпионаже в пользу... пятнадцати различных иностранных держав[68]! Летом 1937 года арестовали и заведующего отделом кадров Коминтерна Алиханова[69]. В целом волна террора смела с лица земли практически весь аппарат Коммунистического Интернационала, и только на самом верху коминтерновской иерархии уцелела горстка покорных, готовых на все работников вроде Куусинена, Димитрова или Тольятти.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ

Расправляться с иностранцами в Москве было сравнительно легко. Но для осуществления террора за рубежом нужна была особая, секретная, техника.

В декабре 1936 года в составе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ НКВД) под личным управлением Ежова был негласно организован отдел специальных операций. В его распоряжении находились подвижные

группы, специально созданные для выполнения убийств за пределами СССР[70].

Проблема была в том, что Ежову оказалось не так легко дотянуться до старых кадровиков НКВД, работавших за границей по заданиям иностранного отдела. Эти люди могли отказаться выехать на родину по вызову, если подозревали, что вызывают их для ареста. Поэтому к ним применялись два различных метода. Первый состоял в том, что, арестовав всех начальников отделов на Лубянке, Ежов не тронул начальника иностранного отдела Слуцкого, и тот оставался полностью в чести. Был пущен слух, что иностранный отдел вообще не будет подвергнут чистке, что чистка необходима только по отношению к другим, внутренним, отделам, в которых имело место разложение.

Многие иностранные оперативники клюнули на это и вернулись в СССР, где их, как правило, сперва переводили на другую работу, а потом расстреливали. Судьба некоторых из них известна. Например, летом 1937 года был вызван в Москву и расстрелян резидент НКВД во Франции Николай Смирнов. Когда он исчез, Ежов выдвинул версию, что Смирнов просто переброшен на подпольную работу в Китай. Однако сведения об аресте Смирнова проникли в среду советских резидентов во Франции: жена одного из разведчиков как раз в это время находилась в Москве и своими глазами видела арест, когда собиралась навестить Смирнова в гостинице «Москва». Тогда по внутренним каналам было объявлено, что Смирнов — французский и польский шпион. Но опять-таки сотрудники НКВД, находившиеся во Франции, легко догадались, что это была неправда. Дело в том, что им не изменили шифров для связи с центром, а ведь если бы Смирнов был предателем, то он, конечно, выдал бы шифры, которые, следовательно, надо было бы тут же изменить. Кроме того, в нарушение всех правил шпионажа, продолжалась работа с агентами-французами, завербованными Смирновым[71].

Подобные срывы вели к невозвращению сотрудников.

Поэтому Ежов стал укреплять надежность зарубежных сотрудников иным методом. Специальным подвижным оперативным группам было дано задание примерно наказывать любого коллегу, порвавшего со Сталиным.

В июле 1937 года с режимом порвал резидент в Швейцарии Игнатий Рейсс. И вскоре его изрешеченный пулями труп нашли на дороге возле Лозанны. В брошенном багаже «друга» Рейсса — того самого «друга», который организовал убийство, — швейцарская полиция нашла, кроме того, коробку отравленного шоколада, несомненно предназначенного для уничтожения детей Рейсса[72].

Бывший советский резидент в Турции Агабеков порвал с режимом еще в 1929 году. В 1938 году его убили в Бельгии[73].

Такая же судьба постигла Вальтера Кривицкого, резидента НКВД в Голландии, который не только отказался вернуться в СССР, но и написал правдивую книгу о том, что знал, поныне служащую источником сведений о том периоде. Десятого февраля 1941 года Кривицкого нашли застреленным в номере вашингтонской гостиницы.

Когда ситуация с советскими шпионами за границей была таким образом «расчищена», стало возможным окончательно разделаться со Слуцким. Но чтобы не распугать агентов, все еще остававшихся за рубежом, это было сделано тактично. Смерть Слуцкого, последовавшая 17 февраля 1938 года, была отмечена на следующий день коротким, но дружественным некрологом.

На самом деле наиболее вероятно, что Слуцкого отравил в своем кабинете заместитель Наркома внутренних дел Фриновский. Заместителя Слуцкого по ИНУ (Иностранному управлению) Шпигельгляса срочно вызвали и сказали, что у его начальника произошел сердечный приступ. Гроб с телом Слуцкого поместили в главном зале клуба НКВД, у гроба стоял почетный караул. Но многие сотрудники НКВД кое-что смыслили в судебной медицине, и они тотчас заметили на щеках покойного характерные пятна, служащие признаком цианистого отравления[74].

ПОД НЕБОМ ИСПАНИИ

Незадолго до своей смерти Слуцкий выполнял важные задания в Испании. Эта страна сделалась в те годы главной ареной зарубежного террора. Операции шли не только на уровне ежовских специальных подвижных групп, которые шныряли по испанской земле, арестовывая и убивая отступников международного масштаба, вроде Камилло Бернини. Перед ИНУ НКВД была поставлена более широкая политическая задача — подавление испанского троцкизма и осуществление надежного контроля над испанским правительством.

Еще в декабре 1936 года в советской прессе появились статьи, свидетельствующие о желании ликвидировать ПОУМ — еретическую марксистскую партию Каталонии[75]. Фактически ПОУМ объединяла революционных социалистов, не принимавших коммунистических методов. Ни в каком реальном смысле эта партия не была троцкистской (никто из малочисленных настоящих троцкистов, находившихся в Испании, в ПОУМ не входил). Но так или иначе, пока 29-ая дивизия ПОУМ сражалась против Франко на Арагонском фронте, советские представители успешно провели подавление партии.

Один из двух коммунистов в испанском республиканском правительстве, Хесус Эрнандес, позже рассказал всему миру, как он был вызван к советскому послу в Испании Розенбергу, который представил его Слуцкому. Начальник ИНУ НКВД действовал в Испании под псевдонимом «Маркос». Этот «Маркос» сказал Эрнандесу, что необходимо срочно подавить ПОУМ. Ибо, объяснил Слуцкий, руководители ПОУМ не только открыто критиковали Советский Союз, особенно процессы Зиновьева и Пятакова, но и пытались привезти в Испанию Троцкого.

(Последнее обвинение не подтверждается решительно ничем. Но если советские представители хоть сколько-нибудь верили в это, то Сталина уже могло мутить от страха. Ему все еще мерещилось, что в гражданской войне или револю-

ции имя Троцкого «стоило сорока тысяч штыков». Это была абсолютная химера, ибо даже для испанцев, не особенно враждебных Троцкому, отрицательный эффект его присутствия в стране явно превышал бы положительный).

Розенберг добавил, что он много раз говорил премьер-министру Ларго Кабальеро: в ликвидации ПОУМ заинтересован лично Сталин. Но Кабальеро, дескать, его не слушал. Слуцкий дал понять, что нужно найти другой метод. Органы НКВД готовы организовать провокацию, которая позволит коммунистам захватить власть в столице Каталонии Барселоне. А если потом Ларго Кабальеро откажется признать этот свершившийся факт, то даст коммунистам хороший повод от него избавиться.

Операция была подготовлена советским генеральным консулом в Барселоне В. А. Антоновым-Овсеенко и венгерским коммунистом Эрне Гере, впоследствии пришедшим к власти в Венгрии и свергнутым в ходе революции 1956 года. В то время Гере был старшим оперативным работником Коминтерна в Испании.

В каталонскую полицию был подсажен Родригес Сала — исполнительный и готовый на все испанский коммунист. 3 мая 1937 года Сала захватил барселонскую телефонную станцию, которая с самого начала войны была в руках анархосиндикалистских профсоюзников. Левые организации, включая ПОУМ, оказали сопротивление. После четырехдневных боев, при которых, как говорят, около тысячи человек было убито, в Барселону вошли специально подготовленные полицейские части, прибывшие из Валенсии и других мест. Эти части подавили сопротивление. 15 мая коммунистические министры испанского кабинета официально потребовали ликвидации ПОУМ. Но даже тогда Ларго Кабальеро отказался это сделать.

После этого состоялось заседание Политбюро компартии Испании с участием представителей Коминтерна, в том числе Тольятти и Гере. Испанским коммунистам был передан приказ Сталина: освободиться от Кабальеро и поставить премьер-

министром Мигэля Негрина. Приказ был выполнен в точности[76].

Сразу после сформирования кабинета Негрина Генеральный директор по безопасности коммунист полковник Ортега сообщил Эрнандесу, что начальник опергруппы НКВД в Испании Орлов дал ему подписать множество ордеров на арест руководителей ПОУМ — без ведома прямого начальника Ортеги, Министра внутренних дел. Тут же и сам Орлов сказал Эрнандесу, что лидеры ПОУМ будут «разоблачены» как сотрудничавшие с группой франкистских шпионов, уже находившихся под арестом.

Эрнандес вспоминает[77], что большинство испанских коммунистических руководителей, хотя и действовали в соответствии с директивами Коминтерна, были всем этим делом чрезвычайно возмущены. Генеральный секретарь испанской компартии Хозе Диас (который впоследствии то ли выбросился, то ли был выброшен из окна в Москве) говорил, что он подвергся «духовной смерти». Тем временем Тольятти начал решительно действовать вместе с испанской коммунисткой Долорес Ибаррури по кличке «Ля Пасионария», известной тем, что она никогда не испытывала угрызений совести. Тольятти и Ибаррури послали в Каталонию, штурмовой республиканской армии, приказ арестовать лидеров ПОУМ.

16 июня 1937 года был арестован Андрес Нин — политический секретарь ПОУМ, бывший секретарь Красного Профинтерна в Москве, имевший портфель Министра юстиции в автономном правительстве Каталонии. Его сперва взяли в тюрьму Алкала, находившуюся в руках коммунистов. Там им занялась группа чекистов во главе с самим Орловым и старым агентом Коминтерна Витторио Видали (впоследствии участником убийства Троцкого, а после войны — руководителем антититовских коммунистов в Триесте). Затем Андреса Нина перевезли в Эль Пардо и подвергли допросам по сталинскому рецепту. Первый допрос длился тридцать часов, причем следователи сменялись. Допрос оказался безуспешным, и Андреса Нина начали пытать. Как сообщает Хулиан Горкин — в то

время видный деятель ПОУМ, а ныне председатель сообщества писателей в изгнании международного Пен-клуба, — через несколько дней пыток лицо Андреса Нина «представляло собой бесформенную массу». Тем не менее у него не удалось исторгнуть никаких признаний, и Нин либо был тут же убит, либо умер под пыткой. Знаменитому испанскому коммунисту Эль Кампесино сообщили, что Нин был там же сразу похоронен[78].

Интересно, что большинство участников этого преступления публично названы по именам. И почти все они — кроме Тольятти, умершего естественной смертью, — еще живы. Как указывает Хулиан Горкин[79], многие из них стали даже приверженцами антисталинской волны, когда она поднялась в 1956 году после XX съезда КПСС.

После расправы с Андресом Нином во Франции был создан комитет защиты ПОУМ. Более того, было опубликовано письмо, составленное в простых, но сильных выражениях и подписанное Андре Жидом, Мориаком, Дюамелем, Роже Мартен дю Гаром и другими. Авторы письма требовали всего лишь справедливого суда и нормального обращения с теми членами ПОУМ, против которых были выдвинуты обвинения. Это письмо имело большой эффект в Испании и, кажется, подействовало даже на Негрина. Во всяком случае, в отношении тех руководителей ПОУМ, которые были еще живы, поступило распоряжение, чтобы они больше не исчезали. Ну, а рядовых членов ПОУМ расстреливали так же быстро, как и раньше. Хулиан Горкин, представлявший ПОУМ в ЦК народной милиции, был одним из немногих выживших.

Эрнандес держится той точки зрения, что Сталину было важно показать: не только в СССР, но и в «демократических» странах, управляемых народным фронтом, троцкисты действовали как предатели. То, что происходило в Испании, было не просто местью Троцкому и не просто подрывом баз троцкизма, но также попыткой получить вне советской территории подтверждение наличия некоего троцкистского «заговора».

Тем временем шло прочесывание недостаточно надежных

соединений Интернациональной бригады в поисках троцкистов. Например, Вальтер Ульбрихт проводил чистку среди немецких участников Интербригады — в то время как их собратья по партии уничтожались в Москве (советский «генерал Клебер», командующий Интернациональной бригадой, был отозван в феврале 1937 года и вскоре арестован). Советские военнослужащие в Испании, которым вряд ли нравились операции НКВД, были почти поголовно расстреляны по возвращении.

Парадоксально, что в ходе террора на испанской земле, в ходе захвата политической власти в Испании Сталин потерял интерес к исходу самой войны. Эренбург сообщает, что, несмотря на громогласное официальное возмущение немецкой и итальянской интервенцией в Испании, интерес к ней становился все более формальным по мере того, как ухудшалось положение республиканцев и становилось очевидным, что они проигрывают. Его собственные корреспонденции натыкались на все растущие редакционные трудности, «лакировались и розовели», подвергались сокращениям и переделкам, а то и вовсе не печатались[80].

Многие испанские республиканцы, ускользнувшие от финального разгрома, перебрались в Москву. Эль Кампесино, он же генерал Гонзалес, прибыл на небольшом кораблике, где кроме него было еще до полутораста пассажиров[81]. Испанцы стали прибывать в Москву с мая 1939 года, но здесь их подстерегали новые опасности.

Дело в том, что эта волна политических беженцев левого толка была не первой. В 1934 году, после поражения социалистического восстания в Вене, в Москву прибыло несколько сот человек социалистической военной организации «Шуцбунд». Их приняли как героев, они даже прошли в строю по Красной площади под аплодисменты и поздравления. К середине 1937 года все «шуцбундовцы» были арестованы и отправлены в лагеря. Исключений почти не было[82]. Некоторые члены их семей, оставшиеся без денег и с детьми на руках (те, кто имел работу, были немедленно уволены), пришли в

немецкое посольство в Москве, представлявшее тогда нацистов. Явившиеся попросили гитлеровских дипломатов отправить их на родину. Нацисты временно поселили их в здании посольства, а потом проводили в ОВИР для получения виз на выезд. По-видимому, некоторые из этих людей получили визы и смогли выехать.

Австрийские шуцбундовцы в большинстве не были коммунистами. Но испанских республиканцев, среди которых коммунистов было гораздо больше, тоже постепенно выслали в Среднюю Азию и другие отдаленные районы. А руководство компартии Испании было подвергнуто дальнейшей политической чистке, которая долго тянулась в аппарате Коминтерна и в московских штабах иностранных компартий. На одно из заседаний одной из комиссий Коминтерна был вызван генерал Гонзалес (Эль Кампесино). После того, как он позволил себе поспорить с членами этой комиссии, его отправили рыть московское метро, а потом угнали в северные лагеря. Что до Генерального секретаря партии Хозе Диаса, то, как уже упоминалось, он погиб при неясных обстоятельствах. Отмечены еще десятки жертв среди менее заметных испанских коммунистов.

МЕКСИКА, 1940

Одно крупное дело за рубежом оставалось еще не выполненным. Суть этого дела была достаточно ясно изложена в последнем слове Христиана Раковского на процессе «право-троцкистского блока» в 1938 году: «Троцкий и за мексиканским меридианом не укроется от той полной, окончательной, позорной для всех нас дискредитации, которую мы здесь выносим»[83]. Но это предсказание еще не осуществилось в буквальном смысле слова.

Со времени своей высылки из Советского Союза в 1929 году Троцкий маячил гигантской тенью в сталинской мифологии. Сперва из Турции, затем из Норвегии и, наконец, из Мексики этот «князь тьмы», погрязший в болоте фашистских

разведок, умудрялся плести необъятные заговоры, ответвления которых непрерывно выкорчевывались в СССР бдительными чекистами.

На самом деле Троцкий пытался организовать политическое движение в мировом масштабе. Некоторые крайние секты коммунистического направления присоединились к его Четвертому Интернационалу. Но его влияние в СССР было практически равно нулю. Во всех событиях, описанных в предыдущих главах, Троцкий оставался в лучшем случае пассивной фигурой где-то за сценой. Его главное участие в советских делах состояло в том, что он их комментировал и анализировал извне. В своем «Бюллетене оппозиции» Троцкий излагал свои мысли о текущем положении в стране и давал рекомендации антисталинским коммунистам насчет того, как им следовало бы действовать.

При всей своей энергии, всем своем полемическом таланте Троцкий сумел придать этим рекомендациям, главным образом, две отличительные черты. Во-первых, полное отсутствие сострадания к некоммунистическим жертвам режима. Так, например, Троцкий не произнес ни слова сочувствия по поводу гибели миллионов во время коллективизации. Во-вторых, поразительная беспомощность политических суждений.

В период пребывания у власти Троцкий, невзирая на свой личный престиж, оставался безжалостным проводником партийной воли. Он беспощадно сокрушал внутрипартийную демократическую оппозицию и в 1921 году на X съезде РКП[б] поддержал ленинскую резолюцию, запретившую фракции и давшую руководящей группе абсолютную власть. Подавление Кронштадтского восстания было таким же личным триумфом Троцкого, как и захват власти большевиками в 1917 году. Троцкий был ведущей фигурой среди «левых» старых большевиков — то есть среди тех доктринеров, которые не могли согласиться с ленинскими уступками крестьянству. Эти люди, и в первую очередь Троцкий, предпочитали более жесткий

режим еще до того, как подобную линию стал проводить Сталин.

Возможно, Троцкий вел бы свою политику менее грубо, нежели Сталин; но он все равно применял бы (как обычно и делал) насилие в таком масштабе, в каком считал необходимым. И это был бы отнюдь не малый масштаб.

Однако ничто так не подрывает образ «положительного бунтовщика» Троцкого, как его отношение к сталинскому режиму. Даже в изгнании, на протяжении тридцатых годов, позиция Троцкого ни в коем случае не была позицией открытого революционера, вышедшего на бой с тиранией. Нет, платформой Троцкого была скорее «лояльная оппозиция». В 1931 году Троцкий опубликовал свой ключевой манифест «Проблемы развития СССР». В этом документе Троцкий принимал основные линии сталинской программы, определял сталинский Советский Союз как «пролетарское государство» и просто спорил со Сталиным по поводу того, какая фаза эволюции в сторону социализма была достигнута. Троцкий фактически стоял не за уничтожение сталинской системы, а за переход власти к другой группе руководителей, которая сумела бы поправить дела.

Осенью 1932 года Троцкий писал в письме к сыну: «Сегодня Милюков, меньшевики и термидорианцы всех видов... охотно подхватят клич «убрать Сталина». Однако может случиться, что в ближайшие месяцы Сталину придется защищаться против термидорианского давления и нам придется временно поддержать его... А если так, то лозунг «Долой Сталина!» сомнителен и его не нужно в настоящий момент поднимать как боевой клич»[84]. В своем «Бюллетене» Троцкий писал: «если бюрократическое равновесие в СССР будет сейчас нарушено, это почти наверное пойдет на пользу силам контрреволюции»[85].

Троцкий все время утверждал, что в Советском Союзе намечается какой-то «термидор» при поддержке «мелкобуржуазных элементов». Склонный к сравнениям с Французской

революцией, он постоянно говорил о «термидоре» и «брюмере». Что ж, параллели между Сталиным и либо Директорией, либо Наполеоном могут быть академически интересны, но различия между этими явлениями столь велики, что подобные сравнения невозможно принимать в расчет для целей практической политики. Режим Сталина — то есть, по сути дела, ленинский режим — имеет свои законы развития и свои внутренние возможности.

Троцкий возражал против построения ленинской партийной машины вплоть до 1917 года. Но однажды согласившись с принципами этой машины, он никогда больше их не опровергал и не видел, что сталинизм или любая его разновидность были прямым результатом ленинского принципа партийности. Однажды Троцкий признался, что для него «довольно соблазнительным» выглядело суждение о сталинской системе как «уходящей корнями в большевистский централизм или, более широко, в подпольную иерархию профессиональных революционеров»[86]. Но дальше этого Троцкий никогда не заходил.

Среди историков есть тенденция принимать версию Троцкого по поводу ряда событий, участником которых он был. Но это лишь потому, что сталинская историография еще куда менее надежна. Недавно было показано, что в изложении последнего периода жизни Ленина специалисты слишком уж полагались на сочинения Троцкого. Его Ленин, желающий сформировать блок только с Троцким и ни с кем другим, да еще на основе особой взаимной преданности, политического доверия и личной дружбы — просто продукт тенденциозного искажения действительности.

Троцкий, вместе с остальными членами Политбюро, препятствовал попыткам больного Ленина оказывать воздействие на текущие дела «с больничной койки». В последующих интригах Троцкий проявил себя отнюдь не прямым и последовательным, а как раз изворотливым и малодушным; виднейший западный исследователь того периода, профессор Гарвардского университета Адам Улам, пишет, что изложение

событий самим Троцким — это «жалкая полуправда с попытками игнорировать факты»[87].

Все это совершенно понятно, и возникает лишь единственный вопрос: почему слова Троцкого, как правило, не подкрепленные доказательствами, так широко принимались на веру? Несомненно, отчасти потому, что книги Троцкого, выходившие под более или менее критическим взглядом Запада, были не столь дикими и бесстыдными фальсификациями, как параллельные сталинские версии. Отчасти также и потому, что кое в чем троцкистская традиция вливалась в общий поток независимой исторической мысли.

Но, как бы то ни было, Троцкий никогда не упускал случая скрыть или извратить факты в интересах политики. Общая надежность его сочинений о том периоде может быть оценена в свете выдвинутого Троцким обвинения, что Сталин отравил Ленина. Этому нет ни малейших доказательств, да и бросил Троцкий это обвинение только в 1939 году, через много лет и после смерти Ленина, и после своего выезда из страны. Единственным соображением в пользу теории Троцкого может служить то обстоятельство, что смерть Ленина спасла Сталина от потери занимаемых им постов в правящем аппарате. Однако более разумно предположить, что обвинение Троцкого было чем-то вроде уменьшенного зеркального отражения сталинских диких обвинений в предательстве и прочем, успешно выдвигавшихся на протяжении многих лет против политических оппонентов.

Когда говорят о том, что Троцкий был привлекательной личностью, то имеют в виду, главным образом, его выступления на крупных митингах, его острые сочинения, его общественный вес. Но при всем том Троцкий отталкивал многих своим тщеславием, с одной стороны, и безответственностью, с другой — в том смысле, что он был склонен выдвигать «блестящие» формулировки и потом требовать их воплощения, невзирая на опасности.

Бесцветные, лишенные широких обобщений выступления Сталина несли в себе больше убедительности. Сама серость и

приземленность сталинских слов придавала им некую реалистичность. В период, когда требовалось решать более или менее земные проблемы, «великий революционер» (или «великий теоретик», подобный Бухарину) чувствовал себя не очень уютно. Каковы бы ни были его заблуждения, Троцкий многое унаследовал от западно-европейских марксистских традиций. А когда сталинское государство замкнулось в изоляции, на первое место в нем вышел тот самый азиатский элемент, который сам Троцкий так хорошо подмечал и критиковал у большевиков. Один советский дипломат сказал как-то Антону Чилиге, что Россия — страна азиатская, и добавил: «путь Чингисхана или Сталина подходит ей лучше, чем европейская цивилизованность Льва Давидовича»[88].

Тщеславие Троцкого, в отличие от той же черты у Сталина, говоря практически, было более поверхностным. В Троцком было что-то театральное. Он показал себя не менее жестоким, чем Сталин; действительно, в годы гражданской войны он приказал казнить больше людей, чем Сталин или кто-либо еще. Но даже в этом Троцкий выказывал черты позера — этакого Великого Революционера, драматически и неумолимо исполняющего жестокую волю Истории. Если бы Троцкий пришел к власти, то забота о собственном образе, несомненно, заставляла бы его править менее беспощадным или, вернее, менее грубо беспощадным образом, чем правил Сталин. Возможно, что русский народ смог бы сказать о Троцком-диктаторе:

Тиран хоть был не добронравен,
Но, к счастью подданных, тщеславен.

Прагматический подход Сталина к событиям создавал впечатление, что он здравомыслящий человек, — и в каком-то смысле это впечатление было правильным. Он был всегда способен отступить — тому много примеров, начиная от торможения катастрофической коллективизации в марте 1930 года до снятия блокады Берлина в 1949 году. На фоне ловкости Сталина в его партийной политике Троцкий выглядел

политиком весьма поверхностным, и приходится сделать вывод, что в этой сфере Сталин был куда сильней своего противника. Можно обладать блестящим умом, великолепными способностями; но есть иные качества, менее очевидные для внешнего наблюдателя, без которых индивидуальная одаренность имеет лишь второстепенное значение. Троцкий был шлифованным самоцветом; Сталин — грубым и необработанным алмазом.

Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства 20 февраля 1932 года. Их никогда не приговаривали заочно к смерти, хоть такие утверждения иногда делаются. В приговорах Военной коллегии Верховного суда СССР по делам Зиновьева и Пятакова сказано, что Троцкий и Седов будут немедленно арестованы и судимы в случае, если они появятся на территории СССР.

Находясь в Норвегии, Троцкий бросил смелый вызов: пусть советское правительство потребует его выдачи как преступника. Это означало бы, что Троцкий должен дать показания перед норвежским судом. Но вызов не был принят: вместо этого СССР стал оказывать давление на норвежское правительство, чтобы оно выслало Троцкого из страны. Благодаря хлопотам художника Диэго Риверы президент Мексики Карденас предоставил Троцкому политическое убежище, и 9 января 1937 года Троцкий высадился на мексиканский берег с норвежского танкера.

Была у Троцкого одна черта, сближавшая его с Лениным, — он был легковерен в своих знакомствах. В былое время Ленин оказывал расположение и протекцию Малиновскому и другим провокаторам внутри большевистской партии, даже когда они попадали под подозрение его соратников. По поводу Малиновского Ленин в оправдание своей доверчивости приводил довольно сомнительный довод, что Малиновский, дескать, даже предавая большевиков, продолжал интенсивно и хорошо работать по вовлечению новых членов в партию. Троцкий держался той точки зрения, что если он откажется встречаться с кем-либо, кроме своих старейших и ближайших

сподвижников, то потеряет возможность проповедовать свое учение и приобретать новых сторонников.

Заговор против Троцкого был соткан в темном мире советской шпионской сети в США, и некоторые эпизоды операции были раскрыты лишь после ареста Джека Собла в 1957 году.

Джек Собл был приставлен шпионить за Троцким еще в 1931-32 годах, и он действовал очень умело. Следующим агентом НКВД, пробравшимся в политическое окружение Троцкого, был незаурядный авантюрист Марк Зборовский. О нем сказано, что этот человек «повсюду оставлял за собой след крови и вероломства, как шекспировский злодей». Он ускользал от правосудия много лет; в Соединенных Штатах он долгое время подвизался как уважаемый антрополог Колумбийского и Гарвардского университетов. Лишь в декабре 1958 года он был разблачен и приговорен к семи годам тюрьмы за ложные показания[89].

А в тридцатые годы Зборовский сделался правой рукой Льва Седова и получил доступ ко всем секретам троцкистов. В ноябре 1936 года он организовал ограбление архива Троцкого в Париже. Зборовский никого не убивал сам, он был, так сказать, «диспетчером»; такую роль он играл, например, в убийстве Игнатия Рейсса[90]. Он организовал лишь случайно не удавшееся в 1937 году убийство Вальтера Кривицкого, но зато успешно провел операцию по уничтожению в Испании секретаря Троцкого Эрвина Вольфа. Весьма вероятно, что именно Зборовский передал в руки убийц молодого немца Рудольфа Клемента — секретаря троцкистского Четвертого Интернационала. Клемент исчез в 1938 году; вскоре в реке Сене был выловлен обезглавленный труп, предположительно опознанный как тело Клемента. Так или иначе, его больше не видели.

14 февраля 1938 года в парижской больнице при подозрительных обстоятельствах умер Лев Седов[91]. Поскольку в больницу Седова привез лично Зборовский, можно с полным

основанием предполагать, что он тут же информировал убийц НКВД о представившемся удобном случае.

То, что Троцкий сумел дожить до 1940 года, вероятно, объясняется нарушением деятельности ИНУ НКВД в результате сперва ежовской, а потом бериевской чисток. Трудности возникли также в связи с разоблачениями, сделанными двумя крупными работниками НКВД, бежавшими из Советского Союза, – Люшковым в Японии и Орловым в Испании.

Более того, после не совсем ясной попытки убить Троцкого в январе 1938 года были приняты очень строгие меры предосторожности. На вилле в местечке Койоачан возле Мексико-Сити, где жил Троцкий, несли охрану и троцкисты, и мексиканская полиция.

После этого планирование убийства Троцкого было поручено многолюдному штабу в Москве, где все было разработано до мельчайших подробностей. В здании НКВД на улице Дзержинского, 2 этот штаб и особое досье Троцкого занимали три этажа[92].

Можно определенно сказать, что главным побудительным мотивом подобных действий Сталина было желание просто физически уничтожить любых других возможных руководителей. Дальнейшее очернение Троцкого было ненужным и невозможным. В любом отношении, кроме самого факта убийства главного врага, Сталин мог ожидать лишь отрицательного эффекта от террористического акта. Но сам факт перевешивал все остальное. Недаром же дважды во время войны с немцами Сталин проводил массовые расстрелы среди сколько-нибудь видных военных и политических деятелей, томившихся в лагерях; эти две волны казней в точности совпадают с двумя самыми критическими периодами на фронте, когда Сталину мерещилось поражение.

Организация убийства Троцкого была поручена полковнику НКВД Леониду Эйтингону, которому для этой цели были переданы в распоряжение практически неограниченные средства. В 1936 году Эйтингон прошел хорошую школу в Испании,

где носил псевдоним «Котов» и работал под непосредственным руководством Орлова. Да и без того он имел солидный опыт террористической деятельности за границей, был видной фигурой в ежовской сети «специальных операций». Карьера Эйтингона продолжалась много лет. Николай Хохлов, посланный в Германию для убийства председателя Исполнительного Бюро НТС Г. С. Околовича и отдавший себя вместо этого под его защиту весной 1954 года[93], работал вместе с Эйтингоном уже после смерти Сталина. Несколько позже Эйтингон, по-видимому, был расстрелян за свои связи с Берией.

Итак, Эйтингон отправился в Мексику. С ним ехали основатель аргентинской компартии и верный сталинец Витторио Кодовилья, в свое время участвовавший в убийстве Андреса Нина, а также другой видный убийца еще с испанских времен — Витторио Видали.

Компартия Мексики, тогда возглавлявшаяся Германом Лаборде, была настоящим политическим движением и не выказала никакого восторга по поводу предстоявшей террористической операции. Тогда, в порядке подготовки убийства Троцкого, руководство партии пришлось сменить: власть досталась «бескомпромиссной» группе, в состав которой входил известный художник-коммунист Сикейрос.

Действуя под именем Леонова, полковник Эйтингон организовал первую попытку убийства Троцкого в виде операции широкого размаха. Центральной фигурой операции был сам Сикейрос.

23 мая 1940 года Сикейрос и двое его соучастников переоделись в форму мексиканской армии и полиции, вооружились автоматами, зажигательными бомбами, а также штурмовыми лестницами и дисковой электропилой. Под их командой находилось еще двадцать бандитов. Сам Сикейрос переоделся майором мексиканской армии. Было около двух часов ночи, когда убийцы подъехали к охраняемой вилле Троцкого на четырех автомашинах. Нескольких полицейских предварительно заманили подальше от виллы; других связали под дулами автоматов. Были перерезаны телефон-

ные провода, а дежурного личного охранника Троцкого, американца Харта, сбили с ног и оглушили. Отряд ворвался во внутренний дворик виллы — патио — и несколько минут обстреливал длинными очередями все спальни, выходившие, по мексиканскому обычаю, окнами в патио. Потом убийцы бежали, оставив несколько зажигательных бомб и заряд динамита. Заряд не взорвался; Троцкий был лишь легко ранен в правую ногу; ранение получил также десятилетний внук Троцкого. Жена Троцкого отделалась ожогами от воспламенившихся зажигательных бомб. Налет провалился.

Несколько позже из земли на участке виллы Сикейроса был выкопан труп американца Харта, которого бандиты увезли с собой, застрелили и зарыли.

Коммунистическая партия Мексики отмежевалась от этого преступления и заявила, что не имеет ничего общего с Сикейросом и Видали. К 17 июня личность всех участников нападения на виллу Троцкого была установлена мексиканской полицией.

В сентябре 1940 года Сикейрос был разыскан в провинции, где скрывался от правосудия, и немедленно арестован. Но хотя все факты были установлены, на мексиканскую фемиду началось политическое давление. Вдобавок к этому «интеллектуалы и художники» просили президента принять во внимание, что «деятели науки и искусства важны для страны как передовой отряд культуры и прогресса»[94].

В результате суд доброжелательно выслушал заявление Сикейроса, что триста пуль были выпущены по жилым комнатам виллы Троцкого «лишь в психологических целях», без намерения кого-либо убить или ранить. Свидетельское показание о том, что Сикейрос, узнав о невредимости Троцкого, воскликнул: «Вся работа впустую!», не было принято во внимание судом. Было также найдено, что обстоятельства смерти Харта не могут служить основанием для обвинения в умышленном убийстве. Судья заявил, что обвиняемые не вступали друг с другом в преступный сговор, поскольку сговор не может состоять в одном изолированном преступлении, а

должен, чтобы квалифицироваться как таковой, иметь «стабильность и постоянство». Подсудмые были также оправданы по обвинению в ношении формы полицейских офицеров — на том основании, что хотя они и надели форму, но не пытались узурпировать какие-либо полицейские функции.

Между тем, Сикейрос находился не в тюрьме — он был освобожден под залог. И, натурально, получив очень своевременное приглашение от чилийского поэта-коммуниста Пабло Неруды выполнить кое-какие стенные росписи в Чили, он решил им воспользоваться. Таким образом, он избежал даже легкого приговора, который мог быть ему вынесен за... кражу двух автомобилей около дома Троцкого.

После провала Сикейроса Эйтингон немедленно ввел в действие резервный оперативный план. Через четыре дня после ночного налета Троцкого впервые познакомили с его будущим убийцей Рамоном Меркадером.

Мать Меркадера Каридад была испанской коммунисткой. В годы гражданской войны в Испании она состояла в особой группе по ликвидации политических противников. Есть сведения, что в те годы она была также любовницей Эйтингона.

Работники НКВД в Испании держались правила забирать себе паспорта всех убитых бойцов и командиров Интернациональной бригады. Один такой паспорт вручили Меркадеру. Паспорт принадлежал канадцу югославского происхождения, который отправился добровольцем в самом начале гражданской войны в Испании и был очень скоро убит. Фамилия в паспорте была аккуратно переделана на «Джексон». Это типичное англо-саксонское имя — лишь один любопытный пример нелепых промахов, допущенных в ходе ловко, в общем-то, спланированной операции. Но никто почему-то не обратил внимания на то, что явный испанец носил явно английскую фамилию.

Подготовив таким образом Меркадера, его ввели в мир внешне респектабельных нью-йоркских левых. Этот мир в то время буквально кипел коммунистическими страстями и

интригами и был готовой вербовочной базой для агентов Ежова. Общее руководство подготовкой убийства по варианту Меркадера осуществлялось тогда постоянным резидентом НКВД, советским генеральным консулом в Нью-Йорке Гайком Овакимяном, который лишь гораздо позже, в мае 1941 года, был разоблачен и выслан из страны.

Подробности подготовки — часть которых и до сих пор не выявлена с полной ясностью — нас здесь не интересуют. Интересно, однако, отметить вот что. В этом преступлении, как и в крупных шпионских делах сороковых и пятидесятых годов, было замешано много людей, о которых ничего похожего нельзя было и подумать. Их беспартийные знакомые, разумеется, отвергли бы самую мысль о возможности участия этих лиц в какой-либо преступной деятельности. Между тем, фракционные страсти, революционный романтизм и даже чистый идеализм сделали этих людей сознательными или полусознательными соучастниками вульгарного убийства.

Вот такие-то левые и познакомили Меркадера с Сильвией Агелов — американской троцкисткой, работавшей в социальном обеспечении. Меркадер обольстил ее и вступил с ней в связь, которую принимали за брак. Сильвия в данном случае была совершенно невинной жертвой — она ничего не знала о готовящемся преступлении. Но именно она ввела Меркадера в дом Троцкого.

В качестве мужа Сильвии Меркадер пять или шесть раз побывал у Троцких и стал, что называется, «принят в доме». 20 августа он прибыл на виллу в Койоачан якобы для того, чтобы дать Троцкому на просмотр написанную им статью. На Меркадере был плащ, в подкладку которого был зашит длинный кинжал. В кармане лежал револьвер. Но главным оружием убийцы был срезанный до нужного размера ледоруб. Меркадер был опытным альпинистом и выбрал ледоруб в качестве оружия потому, что хорошо владел им. Впрочем, это еще не самое странное оружие, когда-либо примененное агентами НКВД за рубежом. Владимир и Евдокия Петровы

сообщили об убийстве советского посла за границей органами НКВД, причем убийца был физически сильным человеком и действовал с помощью железного прута.

Меркадер оставил автомобиль перед виллой развернув его в удобную для бегства сторону. За углом ждал еще один автомобиль, в котором сидели мать Меркадера и один из агентов Эйтингона. Наконец, в третьем автомобиле, за квартал от виллы, восседал сам полковник Эйтингон.

У Троцкого на письменном столе лежало два револьвера, и он в любой момент мог поднять тревогу, нажав тайную кнопку. Но Меркадер дал ему на прочтение статью, и когда Троцкий склонился над ней, убийца выхватил свой ледоруб и нанес Троцкому страшный удар по голове.

План Меркадера состоял в том, чтобы мгновенно после этого исчезнуть. Однако его удар не убил Троцкого сразу. У Троцкого вырвался крик — по словам самого Меркадера «очень протяжный, прямо бесконечный». Один из охранников Троцкого — тот, что вбежал первым и схватил Меркадера — тоже описывает крик Троцкого. По его словам, это был «долгий стон агонизирующего человека, полукрик, полу-рыдание».

Троцкого еще успели оперировать, и он скончался примерно через сутки после удара — 21 августа 1940 года. Ему было около шестидесяти двух лет.

Представ перед судом после дела Сикейроса, Меркадер, по-видимому, тоже надеялся, что приговор будет легким. Может быть, он думал убедить судью, что учил Троцкого альпинизму и убил случайно. Однако его приговорили к двадцати годам тюрьмы и он отбыл свой срок день в день. После того, как полиция полностью идентифицировала Меркадера по отпечаткам пальцев, он все равно отказался сообщить, кем был на самом деле и почему совершил убийство. Тогдашняя официальная сталинская версия состояла в том, что убийца был разочарованным троцкистом и не имел ничего общего с НКВД.

Годы заключения Меркадера проходили в несколько

иной обстановке, чем в советских тюрьмах и лагерях. Мексиканская революция провела подлинные реформы тюремной системы. Посетитель, имевший свидание с Меркадером в тюрьме, пишет: «Его камера, просторная и солнечная, с небольшим открытым внутренним двориком — патио — имела прекрасную кровать и стол, заваленный книгами и журналами».

Кроме того, по мексиканскому закону, Меркадер имел право приглашать в камеру женщин и оставаться с ними.

Эйтингон и мать Меркадера между тем покинули Мексику заранее подготовленным секретным маршрутом. В Москве мамаша Каридад была принята Лаврентием Берией, представлена Сталину и награждена орденом, причем второй орден ей был вручен для сына[95].

Поистине, ликвидация последнего крупного противника Сталина вызвала огромное удовлетворение в Кремле! Можно отметить, что сбылось в самом буквальном смысле одно из предсказаний Троцкого. В 1936 году он писал о Сталине: «Он стремится нанести удар не по идеям своего оппонента, а по его черепу».

ГЛАВА 12

1. Любопытно, что советский академик А. Д. Сахаров бросает этот упрек Сталину (« Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе », стр. 20).

2. Ignazio Silone в сборнике *The God That Failed,* New York, 1950, p. 109.

3. A. Ciliga, *The Russian Enigma,* p. 61.

4. « Коммунист » № 10, 1963, стр. 45 (« За правильное освещение истории Коммунистической партии Западной Украины »); см. также « Совещание историков », стр. 69 (Выст. А. К. Касименко).

5. « Совещание историков », стр. 286 (Выст. А. К. Рашкевица).

6. *Osteuropa,* п. 8, 1958, s. 33.

7. Arvo Tuominen, *Kremls Klockor,* Helsinki, 1958, ст. 210.

8. Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler,* s. 15.

9. Koestler, *Arrow in the Blue,* vol. 2, p. 209.

10. Buber-Neumann, s. 12.

11. Там же, стр. 27.

12. Там же, стр. 158.

13. Там же, стр. 134.

14. Herbert Wehner, *Erinnerungen,* Bonn, 1957, s. 160.

15. См. Poretsky, *Our Own People,* p. 181.

16. Buber-Neumann, s. 134.

17. Beck and Godin, *The Russian Purge and Extraction of Confession,* p. 108; *Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung,* Band I, 1969.

18. Buber-Neumann, s. 56.

19. Там же, стр. 51 сл.

20. Гинзбург, « Крутой маршрут », стр. 155.

21. Beck and Godin, p. 109.

22. Там же.

23. Иванов-Разумник, « Тюрьмы и ссылки », стр. 344.

24. Koestler, *Arrow in the Blue,* vol. 2, p. 407; см. также Ruth Fischer, *Stalin and German Communism,* Cambridge, 1948, Chap. 27, note 5.

25. Herling, *A World Apart,* p. 62.

26. Weissberg, p. 487-9.

27. Lipper, s. 7.

28. Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia,* p. 38.

29. Weissberg, p. 489.

30. Beck and Godin, p. 76.

31. Serge, *Memoires d'un Révolutionaire*, p. 205.

32. A. Tuominen, *Uusi Kavalehti*, n. 10/13, 1956.

33. Kun Béláné, *Kun Béla*, Budapest, 1966, pp. 489-90. (В противоречии с другими источниками дата ареста Бела Куна отнесена в этой работе на конец июня).

34. Ciliga, p. 253.

35. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent*, p. 217.

36. Там же, стр. 219.

37. Иванов-Разумник, стр. 353.

38. *Mala Encyklopedia Powszechna* (PWN), Warczawa, 1959, p. 471.

39. Kun Béláné, там же.

40. Lipper, s. 19.

41. Иванов-Разумник, стр. 353.

42. Renato Mieli, *Togliatti*, 1937, Milano, 1964, p. 80. О судьбе итальянского коммуниста в СССР см. Guelfa Zaccaria, *200 Comunisti Italiani tra le Vittime dello Stalinismo*, Milano, 1964.

43. Выступление на пленуме ЦК компартии Италии. См. *L'Unità*, 12 novembre 1961.

44. Гинзбург, стр. 223-5.

45. Выступление на пленуме ЦК Союза Коммунистов Югославии. См. «Борба», 20 апр. 1949.

46. См. Fitzroy Maclean, *Disputed Barricade*, London, 1957, pp. 103-4.

47. «Uusi Kavalehti», 22 июня 1956.

48. См. D. Dallin, *Soviet Espionage*, New Haven, 1956, p. 100.

49. См. Иван Караиванов, «Люди и пигмеи», Београд, 1953, стр. 112.

50. Иванов-Разумник, стр. 346.

51. См. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 279.

52. См. *Trybuna Ludu*, № 35, 26 февр. 1956.

53. *Polska Encyklopedia Powszechna*, т. XII, str. 114 («Warski»); там же, т. II, стр. 201 («Budzynski»).

54. Wehner, s. 141-2.

55. Buber-Neumann, s. 13.

56. «Коммунистический Интернационал» № 1-3, 1938.

57. *Polska Encyklopedia Powszechna*, т. XIII, str. 100 («Wandurski»); там же, т. X, стр. 756 («Stande»); *Polski Slovnik Bibliograficzny*, т. XI, str. 29; см. также: Lipper, s. 40 и Гинзбург, стр. 335.

58. Lipper, s. 39.

59. Buber-Neumann, s. 15.

60. Там же, стр. 23.

61. *Survey*, n. 32, 1960.

62. «У истоков партии», Москва, 1963, стр. 368.

63. См. предисловие к 5-му изданию: И. А. Пятницкий, «Записки большевика», Москва, 1956, стр. 3.

64. *Survey*, n. 32, 1960.

65. «Вопросы истории КПСС», № 8, 1965, стр. 108.

66. См. биогр. справку в « От Февраля к Октябрю », Москва, 1957.
67. Roy Medvedev, *Faut-il réhabiliter Staline*, p. 46.
68. Buber-Neumann, s. 35-6.
69. Там же, стр. 12-13.
70. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 223.
71. Там же, стр. 230-1.
72. Там же, стр. 232.
73. Там же, стр. 233.
74. Там же, стр. 238.
75. См., напр., « Правду », 17 дек. 1936.
76. Описание ликвидации ПОУМ см. в книге участника событий Jesús Hernández, *Yo fui un ministro de Stalin*, Mexico City, 1953.
77. Там же.
78. Julian Gorkin, *Bulletin d'Information de la Commission pour la Verité sur les Crimes de Staline*, n. 1, mai 1962 (« L'Assassinat d'Andres Nin »).
79. Там же.
80. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 100, 109-10, 143, 179, 190-1, 228 (« Люди, годы, жизнь », кн. 4).
81. El Compesino, *Listen, Comrades*, p. 35.
82. Beck and Godin, p. 108.
83. « Дело Бухарина », стр. 670.
84. Архив Троцкого. См. Deutscher, *The Prophet Outcast*, p. 175.
85. « Бюллетень оппозиции » № 33.
86. B. Wolfe, *Three Who Made a Revolution*, p. 520.
87. Adam B. Ulam, *The Bolsheviks*, New York, 1965, pp. 573-5.
88. Ciliga, p. 85.
89. Isaak Don Levine, *The Mind of an Assassin*, London, 1959, p. 27.
90. D. Dallin in *The New Leader*, 19-26 March, 1956.
91. Don Levine, p. 41; см. также *Bulletin d'Information...*, n. 11, mai 1962.
92. Don Levine, p. 50; см. также V. and E. Petrov, *Empire of Fear*.
93. Н. Е. Хохлов, « Право на совесть », Франкфурт-на-Майне, 1957, гл. 14.
94. Don Levine, p. 188.
95. E. Castro Delgado, *J'ai perdu la foi à Moscou*, Paris, 1950.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВЕРШИНА

По шесть-семь тысяч жертв
День каждый уносил.
Байрон

После процесса Бухарина Сталин и Ежов занялись остатками оппозиции на партийных верхах.

Последняя волна внутрипартийного террора, направленная против сторонников и помощников Сталина, была хорошо обозначена в закрытом письме «О недостатках партийно-политической работы в РККА и мерах к их устранению», выпущенном весной 1938 года с его личным участием. Письмо предписывало «ликвидацию последствий вредительства» и требовало «не забывать также о "молчалиных"», тех, кто отмалчивался, пытаясь остаться в стороне от борьбы с «врагами народа»[1].

Сперва были подчищены остатки: казнили несколько работников не очень крупного масштаба, которые, возможно, предназначались играть роль подсудимых в бухаринском процессе, но вели себя недостаточно послушно, чтобы быть выпущенными в зал суда. В качестве примера можно привести первого секретаря ЦК КП Казахстана Л. И. Мирзояна, который подвергся нападкам Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 года. «С ведома Сталина Л. И. Мирзоян был освобожден от работы, арестован и обвинен в тяжких преступлениях»[2], а в мае 1938 года расстрелян, так ни в чем и не признавшись.

Однако предстояла еще более крупная игра. Приблизительно в марте или апреле 1938 года был арестован Постышев. А три обреченных члена Политбюро — Эйхе, Косиор и Чубарь — все еще появлялись, хотя и нерегулярно, в разных официальных документах — например, им, в числе других, адресовали телеграммы полярники с дрейфующей льдины.

Из этой тройки первыми пали Эйхе и Косиор. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года. А Косиор, как явствует из выпущенной о нем книжки[3], еще 28 апреля фигурировал в предвыборных списках. Но перед самыми первомайскими праздниками его забрали. НКВД вообще имел обычай «брать» под праздники, чтобы затруднить попытки немедленного вмешательства.

Теперь Сталин полностью игнорировал какие бы то ни было формальности. Как сообщил на XX съезде Хрущев, об аресте Косиора не было обмена мнениями или решения Политбюро. То же самое, — сказал тогда Хрущев, — относится и к «другим случаям такого же рода»[4]. Об арестах Эйхе и Косиора не было объявлено вообще. Но интересующиеся могли понять это сразу, потому что в одно прекрасное утро киевская «радиостанция имени Косиора» вышла в эфир без этого имени[5].

В то же время печать отвлекала читателей другими, «более важными», темами. Большую часть мая и июня 1938 года газеты занимались предвыборной кампанией, митингами трудящихся по этому поводу и тому подобным. Вновь, как предыдущей зимой, фанфары громко трубили о советской демократии. Выборы 26 июня прошли под аккомпанемент «нового подвига сталинских соколов» — беспосадочного перелета Коккинаки по маршруту Москва — Хабаровск.

Отсутствие обоих арестованных на первомайской трибуне было замечено. Но Чубарь еще был на Красной площади. В последний раз он фигурирует в официальном приветствии 9 июня. А в документе от 1 июля, содержащем список членов Политбюро, Чубаря уже нет.

Считается, что Чубарь был озабочен недостатками в

промышленности и имел сомнения относительно новой сельскохозяйственной системы. Он был близко связан с Орджоникидзе и был, дескать, недоволен нарастанием культа личности. Незадолго до своего ареста Чубарь «глубоко возмущался фактами незаконных репрессий... отказывался верить, что его лучшие друзья, прошедшие бок о бок с ним всю жизнь, могли оказаться шпионами и предателями». Взгляды Чубаря стали известны тем, кто проводил террор. Чубаря вывели из Политбюро, освободили от обязанностей заместителя председателя Совнаркома и послали на низовую работу в Соликамск. Но «лишь несколько месяцев пробыл он там... Вскоре он был арестован и расстрелян»[6].

Между тем, Эйхе поместили в новый «политизолятор», а по существу застенок, в «Сухановку», тюрьму, специально предназначенную для арестованных крупных работников. Здесь Эйхе попал в руки к печально знаменитому следователю З. М. Ушакову. Вскоре Эйхе переломали ребра, и он начал признаваться в том, что был руководителем «запасной сети», якобы созданной Бухариным в 1935 году.

По-видимому, имелось в виду то, что на бухаринском процессе было вскользь названо «другим запасным центром». Этот мифический «центр» будто бы существовал уже в конце 1935 или в начале 1936 года, когда Рыков якобы торопил Чернова связаться с этим «центром» через Любимова[7]. А «другим» сей «центр» назвали потому, что на процессе упоминалась также некая параллельная группа правых под руководством Антипова.

В том, что этим позднейшим жертвам наклеили ярлык «правых», есть известная примитивная логика. У них не было ни малейших связей с оппозиционными группами Троцкого или Зиновьева; но хотя в 1929-33 годах эти люди боролись и против Бухарина, они затем выступали за смягчение террора и примирение с Бухариным. Кое-кто из них возражал против его ареста.

Планы следующего судебного процесса были во всяком случае изменены. Эйхе «вынуждали подписывать новые ва-

рианты легенды», которую «фабриковал Ушаков». Из членов «запасной сети» был также «вычеркнут» арестованный руководитель тяжелой промышленности Рухимович[8]. Дела Рухимовича и Эйхе решено было, видимо, отложить.

Но и после этого в руках органов безопасности оставалось достаточно жертв для следующего процесса — или, лучше сказать, первого процесса против сталинцев. Недавно арестованных членов Политбюро и некоторых других лиц вполне можно было оставить в резерве для дальнейшего использования.

Однако в этот момент что-то произошло. Что именно — до сих пор неизвестно. Но сравнительно недавно стало ясно, что события, каковы бы они ни были, имели кульминационный пункт в последние дни июля 1938 года. Ибо теперь известно по советским источникам, что 28 и 29 июля[9] были расстреляны следующие лица: бывший член Политбюро и заместитель председателя Совнаркома Ян Рудзутак, бывший Нарком тяжелой промышленности В. И. Межлаук, бывший секретарь ЦИК СССР И. С. Уншлихт, бывший член Политбюро ЦК КП[б]У В. П. Затонский, бывший командующий военно-морскими силами флагман 1-го ранга Орлов, бывшие командармы Дыбенко, Вацетис, Великанов, Белов, Дубовой, Алкснис, а также, по-видимому, еще ряд крупных командиров, видный советский драматург В. Киршон.

Несомненно, среди тех, чья гибель не датирована точно в советских справочниках, найдется немало людей, уничтоженных в эти же дни. Но даже и в таком виде этот перечень казней сравним по масштабу и значению с теми, которые до тех пор объявлялись официально как результаты судебных процессов. Из подробностей мы знаем только, что Рудзутак предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР и не признал себя виновным ни в чем. Во время следствия он делал «признания», но на суде взял их обратно и сказал, что «... Единственная просьба, с которой он обращается к суду, это сообщить ЦК ВКП[б], что в НКВД есть еще не ликвидированный центр, ловко фабрикующий дела и

заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершили; у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных, не замешанных ни в чем людей, не говоря уже о тех, кто уже обвинен.

Он просит суд разрешить ему сообщить об этом ЦК ВКП[б] в письменной форме. Он заверяет суд, что он лично никогда не имел никаких враждебных намерений по отношению к политике нашей партии, потому что всегда был согласен с партийной линией во всех областях экономического и культурного строительства»[10].

Тем не менее, «в течение двадцати минут был вынесен приговор, и Рудзутак был расстрелян»[11].

Можно проследить судьбы родственников нескольких расстрелянных. Жена Рудзутака была отправлена в лагеря[12], сестра Уншлихта Стефания Брун получила восемь лет лишения свободы[13], первая жена Межлаука получила такой же приговор и умерла от дизентерии в Дальневосточном пересыльном лагере[14].

Этот момент стал поворотным пунктом террора. Прекратились работы по подготовке дальнейших показательных процессов — этих процессов больше не было. А особенно интересен разбираемый момент тем, что он совпадает с началом заката звезды Ежова. Именно тогда появились первые признаки того, что Ежов теряет доверие Сталина.

Была в СССР одна республиканская компартия, которая не то чтобы избежала террора, но подверглась ему на иной основе, чем остальные, — а именно так, как хотелось ее первому секретарю. Это была компартия Грузии во главе с первым секретарем Берией. Было бы непохоже на Ежова, если бы он не пытался уничтожить ведущие кадры в Тбилиси по собственному выбору. Действительно, есть сообщения, что в 1938 году Ежов предпринял шаги в этом направлении[15]. По его плану, как говорят, должен был быть арестован Берия[16]. Однако

Берия с успехом апеллировал к Сталину — при поддержке Молотова и других[17].

20 июля 1938 года, за неделю до массовых казней, Берия был назначен заместителем Наркома внутренних дел. Это могло быть истолковано только как начало падения Ежова. Ведь этот пост раньше занимали технические исполнители калибра Матвея Бермана или Якова Агранова — для крупного партийного руководителя он не подходил. Было ясно, что Берия был назначен заместителем временно и что ему предстояло вскоре стать наркомом. Он переехал на дачу, которую только что перед тем занимал Чубарь[18].

Ходили слухи о резком столкновении Ежова с Кагановичем — отнюдь не по вопросу желательности или полезности сталинского террора, а просто по вопросу полномочий. В министерствах и других органах под его контролем Каганович вел террор сам и не терпел вмешательства НКВД кроме как исполнительного, то есть непосредственного проведения арестов и расстрелов. Есть свидетельство о том, что Ежов начал даже создавать дело против Кагановича, для чего заставил арестованного директора Харьковского тракторного завода Бондаренко дать против Кагановича какие-то показания[19].

Бывший крупный партийный работник А. Авторханов полагает, что у Сталина был повод для недовольства Ежовым и поэтому он начал прислушиваться к голосам его противников. Повод, по Авторханову, состоял в том, что Ежов не сумел организовать новые показательные процессы, создав для этого «параллельный бухаринский центр» и «параллельный военный центр»[20]. Вполне возможно, что Ежову было поручено устроить четвертый большой процесс и что с этим он, действительно, не справился. Если это так, то совпадение перевода в Москву Берии с закрытым судом (или судами) и расстрелами может означать отмену неудавшегося плана новым руководством.

Но, с другой стороны, Сталин уже и до того расстреливал высокопоставленных членов ЦК без таких формальностей,

как открытый суд. И трудно представить себе, какие выгоды мог он извлечь из нового процесса. Ведь все какие только можно уроки были преподаны на процессе Бухарина. Что касается второго суда над военными, то ведь и первый суд такого рода — над Тухачевским и другими — не был открытым; стало быть, и о втором можно было объявить тем же путем, пост фактум. Действительно, тот факт, что новая группа военных «заговорщиков» была уничтожена без сообщения в прессе, может быть истолкован так, что процессы над военными были Сталину больше не нужны.

Однако, каковы бы ни были планы Сталина на будущее, факт остается фактом: с этого момента показательные суды прекратились. Никто из находившихся под арестом не был больше выведен на публику. А ведь у всех у них, по-видимому, были пытками вырваны нужные признания, и они перед смертью проходили все ту же двадцатиминутную процедуру военного суда.

Правда, у многих жертв — сталинцев чистой воды — было труднее исторгать надежные и долговечные «признания». Известно, что ни Рудзутак, ни Эйхе не повторили даже перед закрытыми военными судами тех показаний, которые они дали под пытками. Конечно, такие люди находились и на более ранних стадиях террора, но тогда в распоряжении НКВД все время был достаточный запас «признавшихся». Кроме того, ни один из вновь арестованных не мог обвинить себя в каких бы то ни было прошлых связях с оппозицией, и этих сталинцев вряд ли можно было призывать «разоружиться перед партией». А таких безупречных партийцев даже на бухаринском процессе было всего один или два, да и то среди второстепенных обвиняемых.

Одна из трудностей была еще в том, что среднее поколение сталинцев все еще считало себя чем-то большим, чем просто назначенцами или просто членами экстремистского окружения Сталина. Это еще были люди, следовавшие своим убеждениям, преданные Сталину как вождю, но не считавшие его руководство неоспоримой идеологической догмой.

В отличие от прежнего поколения сотрудников Сталина — от людей, которых он мог в той или иной степени шантажировать их прошлым, — более молодые кадры были почти поголовно убеждены в своей общей и политической невиновности (если не с нашей точки зрения, то, по крайней мере, с их собственной).

Что касается Ежова, то некоторое время он еще удерживал свой пост и свою власть. У него было лишь одно дурное предзнаменование: 21 августа 1938 года его назначили Наркомом водного транспорта — в дополнение к должности Наркомвнудела[21]. Его не могло утешать и то обстоятельство, что в то же самое время Кагановичу было вверено руководство тяжелой промышленностью в дополнение к его Наркомату путей сообщения, тем более, что Каганович стал кроме того еще и заместителем председателя Совнаркома. Как бы то ни было, на протяжении всей последующей осени Нарком внутренних дел Ежов продолжал, однако, фигурировать на видных местах при всех официальных церемониях; иногда даже его имя стояло в газетах перед именами других, более видных членов Политбюро — Микояна, Андреева, Жданова.

И Ежов продолжал свою политику. Террор все разрастался и в конце концов достиг таких чудовищных масштабов, что даже Сталин как будто увидел необходимость и своевременность некоторого облегчения. Это, конечно, требовало принятия важнейшего политического решения; и можно думать, что происшедшие летом перемены еще не были решением, а были лишь первыми шагами по направлению к нему, и притом вызванными конкретной неудачей. Тогда, летом, возможно, у Сталина еще не было ощущения, что вся система террора приближается к тупику.

Процессов больше не было, но слухи о них ходили. После казни бухаринцев должен был якобы состояться отдельный процесс дипломатов, где центральной фигурой называли Антонова-Овсеенко.

И до того ряды советских дипломатов сильно поредели. Например, советский посол в Монголии Таиров был расстрелян в июне 1937 года. Прошедшие в открытых процессах Крестинский и Сокольников были заместителями Наркома иностранных дел. Карахан, тоже расстрелянный, был послом в Берлине. Страшная участь постигла и многих меньших по рангу дипломатических работников. На процессе 1938 года над Бухариным и другими было названо, например, имя Членова, дело которого якобы выделено в особое производство[22]. На том же суде выдвигались различные обвинения против посла в Японии Юренева, посла в Китае Богомолова и начальника юридического отдела НКИД Сабанина[23]. Все эти люди попросту исчезли.

Начальником отдела кадров Наркомата иностранных дел был назначен видный чекист Василий Корженко[24], который и занял со своей семьей московскую квартиру Крестинского[25]. Как разделывались в это время в Наркоминделе с сотрудниками за малейшие провинности, недавно было описано в «Молодом коммунисте» на примере заведующего протокольным отделом НКИД В. Н. Баркова:

«Однажды по указанию Деканозова, работавшего тогда заместителем Наркома иностранных дел и бывшего, как выявилось впоследствии, одним из самых активных участников банды Берии, Владимир Николаевич должен был встретиться с иностранным корреспондентом. По существовавшим правилам в день беседы с корреспондентом Владимир Николаевич Барков должен был непременно встретиться с Деканозовым, но Деканозова нигде нельзя было найти. Помня о полученном приказе, Владимир Николаевич принял журналиста.

На следующий день его вызвал к себе Деканозов.

— Кто дал вам непосредственное разрешение на встречу?

— Я никак не мог вас разыскать, — ответил Владимир Николаевич.

— Плохо искали!

Разгон продолжался долго. И В.Н. Барков не удержался. Он ответил:

— Да вас же в тот день нельзя было найти!

— Ах, так! — с угрозой произнес Деканозов и закончил беседу.

В тот день Владимир Николаевич не вернулся домой. Родные смогли увидеть его только спустя восемнадцать лет»[26].

В своей книге «Люди, годы, жизнь» И Эренбург рассказывает, что и сам Наркоминдел М. М. Литвинов «ждал другой развязки. Начиная с 1937 года и до своей последней болезни он клал на ночной столик револьвер — если позвонят ночью, не станет дожидаться последующего»[27].

Дипломаты исчезали десятками. Они ведь, действительно, все время находились в контакте с иностранцами, так что, по ежовским стандартам, все поголовно были в чем-нибудь виноваты. Их вызывали из заграницы и расстреливали; как замечает тот же Эренбург, «многие погибли: Антонов-Овсеенко, Крестинский, Розенберг, Гайкис, Марченко, Аренс, Гиршфельд, Аросев, Членов стали жертвами клеветы и беззакония (я назвал только некоторых)»[28].

Однако никакого «процесса дипломатов» так и не было. В частности, Антонов-Овсеенко, как мы видели, прошел обычную негласную процедуру уничтожения. До 1917 года он был меньшевиком. В 1905-1906 годах дважды руководил восстаниями и в 1906 году был приговорен к смертной казни. Уже после этого его несколько раз арестовывали за подпольную работу. (Эта биография показывает, кстати, насколько ошибочно представление о том, будто меньшевики были политически бездеятельны вследствие того, что их точка зрения по партийно-организационным вопросам отличалась

от ленинской). В 1917 году Антонов-Овсеенко перешел к большевикам и руководил штурмом Зимнего дворца, в результате которого было свергнуто Временное правительство.

Это именно Антонов-Овсеенко ворвался в зал заседаний и объявил: «От имени Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!» Во время гражданской войны он командовал Украинским фронтом, а в 1922 году возглавил Политуправление Реввоенсовета[29]. На этом посту Антонов-Овсеенко поддерживал Троцкого и через два года был заменен Бубновым. Он оставался троцкистом до 1928 года, после чего разоружился подобно другим участникам оппозиции. После этого Антонов-Овсеенко занимал ряд государственных и дипломатических должностей, последняя из которых была в Испании.

В Бутырской тюрьме Антонов-Овсеенко сидел вместе с другими заключенными в одной из камер третьего этажа. Он был болен, у него пухли ноги (по многим сообщениям, это нередко случалось с заключенными из-за скверного тюремного питания и тяжелого напряжения от длительных допросов). Но держал себя Антонов-Овсеенко бодро, развлекал соседей по камере рассказами о Ленине, об Октябрьской революции и испанской войне. Одним из этих соседей был Юрий Томский — сын Михаила Томского, покончившего с собой в 1936 году. Юрий Томский описывает последние дни Антонова-Овсеенко. По его словам, Антонов-Овсеенко отказывался подписывать что-либо на допросах, хотя протоколы этих допросов разрослись под конец до трехсот страниц. «Во время одного из допросов в кабинете следователя не был выключен радиорепродуктор. Следователь, обозленный упорным отказом арестованного подписать клеветнические материалы, назвал старого революционера врагом народа.

— Ты сам враг народа, ты настоящий фашист, — ответил ему Владимир Александрович.

В этот момент по радио передавали какой-то митинг.

— Слышите, — сказал следователь, — слышите, как нас

приветствует народ? Он нам доверяет во всем, а вы будете уничтожены. Я вот за вас орден получил!»[30].

В конце 1938[31] или в начале 1939 года[32] Антонова-Овсеенко вызвали из камеры на казнь. Если верить Юрию Томскому, это было так: «... Надзиратель вызвал Антонова-Овсеенко. Владимир Александрович начал прощаться с нами, потом достал черное драповое пальто, снял пиджак, ботинки, раздал почти всю свою одежду и встал полураздетый посреди камеры.

— Я прошу того, кто доживет до свободы, передать людям, что Антонов-Овсеенко был большевиком и остался большевиком до последнего дня»[33].

Тут необходимо заметить, что в начале тридцатых годов Антонов-Овсеенко сам был Прокурором СССР. Его последние слова перед казнью стали известны гражданам Советского Союза через двадцать пять лет. И тем не менее ему еще повезло в этом смысле. Меньшевикам, погибшим в лагерях после процесса 1931 года, или эсерам вроде Спиридоновой не удалось оставить потомству никаких напутствий. Да вряд ли всплывут теперь на поверхность истории и последние слова представителей каменевского поколения.

Между тем все новых и новых советских дипломатов отзывали в Москву на расправу. Полпред в Бухаресте Островский колебался, вернуться ему в Москву или нет. Но решил вернуться, когда получил заверения в полной безопасности лично от Ворошилова, вместе с которым прошел гражданскую войну. Островского схватили, едва он пересек государственную границу[34].

Ветеран Балтфлота Федор Раскольников был советским послом в Болгарии. Вызванный в Москву в апреле 1939 года, он отказался вернуться. Тем не менее, сегодня он реабилитирован. Раскольников — единственный советский невозвращенец, удостоенный такой чести. Частично это объясняется особо крупными заслугами Раскольникова в годы революции и гражданской войны, полным отсутствием связей с какой-либо оппозицией. Кроме того, Раскольников до

конца заявлял о своей верности большевизму, да и умер он всего через несколько месяцев жизни на Западе, в сентябре 1939 года, от нервного расстройства. Даже Эренбург в своих мемуарах упоминает о встрече с Раскольниковым в Париже, причем выясняется, что Эренбург сочувственно отнесся к человеку, решившему остаться заграницей.

17 августа 1939 года Раскольников написал оскорбительное письмо Сталину, которое сразу после его смерти, 1 октября 1939 года было опубликовано в издававшейся Керенским в Париже «Новой России». А еще при жизни Раскольникова, 26 июня 1939 года, его несколько более умеренное заявление появилось в милюковских «Последних новостях». В этом заявлении, обращаясь к Сталину, Раскольников между прочим твердо заявил: «Вы сами прекрасно знаете, что Пятаков не летал в Осло». Раскольников тем самым разоблачал состряпанное против Пятакова обвинение в тайной встрече с Троцким в Осло — обвинение, по которому Пятаков был приговорен к смертной казни и расстрелян. Эта уверенная фраза Раскольникова показывает, что в партийных кругах очень многое было известно о подлинном характере обвинений против жертв террора, и что сведения такого рода обсуждались старыми партийцами.

МОЛОДЕЖЬ

Одна крупная организация оставалась еще под руководством первого набора сталинцев — ВЛКСМ.

В декабре 1925 года, после поражения Зиновьева на XIV съезде партии, Сталин послал в Ленинград Александра Косарева для проведения чистки в ленинградском комсомоле. В 1926 году оппозиционный блок предпринял серьезную попытку заручиться поддержкой молодежи и студентов. Большинство в «троцкистских» группах протеста составляли молодые представители интеллигенции, недовольные партийным контролем над комсомолом. В результате половина

состава Ленинградского горкома ВЛКСМ была исключена из организации.

Котолынов, возглавлявший зиновьевское крыло в ленинградской молодежной оппозиции, смело обвинил Косарева в тактике откровенного запугивания. Однако Косарев продолжал вести эту тактику и по возвращении в Москву. В 1927 году он стал секретарем ЦК ВЛКСМ, а в 1929 — Первым секретарем.

С тех пор «массовая беспартийная организация», как официально именовался комсомол в уставе, сделалась активным инструментом в руках Генерального секретаря ЦК ВКП[б] — чем-то вроде «Сталин-югенда», если применить аналогию с немецким национал-социализмом.

Впрочем, даже такое сильное сравнение выглядит недостаточным. На ноябрьском пленуме ЦК КПСС в 1962 году тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов привел в своем выступлении указание Сталина комсомолу: «На первый план выдвигалось, и это черным по белому было записано, что первейшей задачей всей воспитательной работы комсомола является высматривание и распознавание врага, которого нужно потом убирать только насильственно, методами экономического воздействия, организационно- политической изоляции и методами физического истребления. Вот куда хотел направить усилия комсомола Сталин»[35]. Как видим, Сталин хотел, чтобы комсомол стал вспомогательной молодежной организацией НКВД!

21 июля 1937 года Сталин и Ежов вызвали Косарева и полтора часа читали ему нравоучения за то, что комсомольская организация не играла достаточной роли в развертывании кампании бдительности и разоблачений[36]. Косарев постарался удовлетворить их требования. Из попавших в немецкие руки во время войны и затем сохранившихся смоленских архивов мы знаем, что творилось в областных комсомольских организациях осенью 1937 года.

В октябре 1937 года в комсомольских организациях Смоленской (в то время Западной) области прошла всеоб-

щая чистка. Было сказано, что «Фашисты, проникшие даже в ЦК комсомола, теперь разоблачены». 11 октября 1937 года новый первый секретарь обкома ВЛКСМ Манаев заявил, что его предшественники «враги народа Коган и Приходько» якобы «подорвали семьсот колхозных комсомольских организаций». «Врагами» были «заполнены» педагогический институт, техникум, средние школы и даже пионерские организации. Один секретарь комсомольской организации за другим объявлялись преступниками. Было заменено от половины до двух третей всего состава членов комсомольских комитетов и секретарей первичных организаций.

Однако и сам Манаев был вскоре обвинен в том, что давал деньги на лечение арестованным «врагам народа», а также в «преступной медлительности» в деле выкорчевывания врагов. Приехавший из Москвы руководитель объявил: плохая работа областной комсомольской организации объясняется тем, что, возможно, в ней еще остались неразоблаченные враги.

Последовавшее обсуждение вылилось в новый поток доносов. Делегат от Вязьмы, сообщивший, между прочим, что в последние годы район потерял пятерых комсомольских секретарей, тут же обрушился на тогдашнего секретаря райкома, сказав, что тот «полностью разложившийся человек» и к тому же «многоженец». Выступавшие говорили, что хотя много враждебных элементов было уже вычищено, прошедшие разоблачения были только поверхностными. Еще один делегат заявил, что из четырехсот двух учителей в его районе сто восемьдесят были «чуждыми элементами»[37].

Когда «разоблачители» стали выступать открыто, Косарев обнаружил, что нашлись большие энтузиасты, чем он сам.

Молодая сотрудница комсомольского аппарата по фамилии Мишакова предприняла попытку скомпрометировать и уничтожить руководящих комсомольских работников Чувашской АССР, назначенных лично Косаревым. Косарев немедленно вмешался, предотвратил разгром Чувашского комсо-

мольского руководства и снял Мишакову с работы в ВЛКСМ. 7 октября 1938 года Мишакова обратилась с письмом к Сталину. Два-три дня спустя ее пригласил Шкирятов, которому Сталин поручил разбор дела.

Весь инцидент был, несомненно, целеустремленно спланирован заранее. Он понадобился для того, чтобы разгромить одну из последних авторитетных группировок, прошедшую нетронутой через ежовскую чистку. Еще 6 ноября 1938 года речь Косарева на торжественном комсомольском пленуме была подана в «Правде» на видном месте. Но 19-22 ноября состоялся еще один пленум ЦК ВЛКСМ, на котором присутствовали Сталин, Молотов и Маленков. Сталин выступил в защиту Мишаковой и обернул эту защиту злобным нападением на косаревское руководство. Через несколько дней большинство членов ЦК ВЛКСМ было арестовано. «За "врагом народа" А.В. Косаревым приехал "сам" Берия»[38]. Это был первый случай, когда Берия выехал на арест «сам».

О разгроме руководства ВЛКСМ было официально доложено на XVIII съезде партии Шкирятовым и Поскребышевым[39]. Нет сомнения, что арест комсомольских руководителей был важнейшей операцией Сталина. Но еще более важно, что во всей истории с арестом и допросами Косарева и его приближенных ни разу не появляется имя Ежова — тогда еще Наркома внутренних дел. Согласно одному источнику — показаниям бывшего работника НКВД, — Косарева даже обвиняли в преступном сговоре с Ежовым![40].

К 1939 году Мишакова стала секретарем ЦК ВЛКСМ. Она выступила на XVIII съезде партии, рассказала о разоблачении «косаревской банды», превозносила справедливость Сталина. К этому времени Косарев, прошедший свирепые пытки в руках следователя НКВД Родоса, был уже расстрелян. Позднейшие исследователи рассматривают разгром косаревской группировки как устранение подлинных, хотя и сталинских, молодежных кадров. Им на смену должны были придти абсолютно покорные исполнители, конформисты и про-

тивники всякого равенства из среды сынков новой бюрократии[41].

После разгрома комсомол возглавил Николай Михайлов, до того вообще не связанный с организацией, которому тогда было уже больше тридцати лет. На этой должности Михайлов пробыл до 1952 года, а затем его выдвинули в секретари ЦК партии. А во главе комсомола поставили Александра Шелепина, позже сделанного председателем КГБ, одно время вознесшегося к самой вершине партийной иерархии, а затем оттесненного в ВЦСПС. Что касается Михайлова, то он после смерти Сталина долго был на дипломатической работе, затем руководил Комитетом по делам печати и в 1970 году уволен на пенсию.

ОСОБАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ

Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия (ОКДВА) занимала несколько особое положение в советских вооруженных силах. По стратегическим соображениям она была организована как отдельное и почти независимое формирование. ОКДВА была единственным войсковым соединением, находившимся под командованием маршала — твердого, знающего и опытного Блюхера.

Хотя имя Блюхера звучит на немецкий лад, он на самом деле был чисто русского происхождения. Дед Блюхера был крепостным крестьянином и получил такое имя по прихоти помещика[42]. Однако, по иронии судьбы, в облике Василия Блюхера тоже было что-то германское. Темные с проседью волосы обрамляли квадратное бычье лицо с густыми, коротко подстриженными фельдфебельскими усами, прикрывавшими верхнюю губу. Ко времени описываемых событий маршалу было сорок восемь лет.

В свое время Блюхер был рабочим на вагонном заводе.

В двадцатилетнем возрасте он был арестован за руководство стачкой и отбыл два года и восемь месяцев в тюрьме. Блюхер стал впервые известен, когда вместе с Куйбышевым установил власть большевиков в отрезанном белыми районе Самары. За последующие успехи на фронтах гражданской войны Блюхер удостоился особой чести: он стал первым человеком, награжденным новым тогда орденом Красного Знамени. Позже, под псевдонимом «Гален», он был военным советником Чан Кай-ши. Говорят, что в начале тридцатых годов Блюхер противился коллективизации дальневосточного крестьянства по военным соображениям и при поддержке Ворошилова добился даже некоторых исключений для дальневосточников. Есть также слухи о его прежних связях с оппозиционером Сырцовым[43].

В июне 1937 года Блюхер находился в Москве в связи с делом Тухачевского. Тем временем НКВД обрушил удар по его армии. Сталин вообразил, что новый начальник штаба ОКДВА Сангурский вместе с секретарем Дальневосточного крайкома Кутевым затеяли какие-то интриги против руководства[44]. Сангурского арестовали и стали пытать. Есть сведения[45], что он оговорил буквально сотни командиров, а в 1938 году взял свои показания обратно и заявил, что вредители в НКВД попытались ослабить Дальневосточную армию. Позже, в 1939 году, Сангурского еще встречали живым в Иркутской тюрьме[46]. Он мучился угрызениями совести, что оклеветал под пытками так много командиров, назвав их участниками своего «заговора». Но ему предстояло еще одно обвинение — в том, что он занимался вредительством в армии совместно с... Ежовым!

Вместе с Сангурским арестовали заместителя начальника штаба, начальника боевой подготовки и начальника разведки ОКДВА. К осени 1937 года командующий военно-воздушными силами на Дальнем Востоке Ингаунис тоже находился в Бутырках. Потом, в Лефортовской тюрьме, он подвергся жестоким пыткам и «признался» в шпионаже. Но первым местом заключения для Ингауниса, как для многих других, была Лубянка. Там, срывая по обычаю с Ингауниса знаки

различия и ордена, дежурный чекист бормотал: «Ведь вот, надавали же орденов всякой контрреволюционной сволочи!»[47].

Арестован был и начальник политуправления ОКДВА. В то же время по всему Дальнему Востоку прокатилась волна арестов партийных руководителей.

Но даже если учесть все происшедшее, эта первая фаза террора против ОКДВА была не столь интенсивна и не носила такого массового характера, как против других воинских соединений. Интенсивный террор бушевал всего около пяти недель. Он кончился тем, что Блюхер вернулся на Дальний Восток к исполнению своих обязанностей.

Так случилось потому, что возникла более важная забота: 30 июня 1937 года на Амуре произошла перестрелка между японскими и советскими частями, а 6 июля японцы оккупировали остров Большой. Последовали протесты, но советские войска так и не попытались выбить захватчиков. Несомненно, со стороны японцев это была проба сил, ибо они пришли к заключению, что боеспособность советских войск на Дальнем Востоке в значительной степени парализована чисткой в ОКДВА.

Вернувшись, Блюхер немедленно принял меры против дезорганизации, царившей в армии. По свидетельству адмирала Кузнецова[48], расстрел Тухачевского и аресты среди командиров ОКДВА сильно угнетали Блюхера. Однако перед лицом военной опасности Сталин на время оставил Блюхера в покое.

Следующей зимой аресты армейских командиров возобновились. Схватили комкора К. Рокоссовского, избили до потери сознания и увезли в тюрьму. За ним последовали многие командиры из личного состава корпуса Рокоссовского. Когда комкор предстал перед судом, председательствующий объявил, что имеются показания сообщника Рокоссовского по «заговору» Адольфа Казимировича Юшкевича. Юшкевич будто бы показал, что «он с Рокоссовским бывал на заседа-

ниях контрреволюционного центра, получал инструкции, задания...

— Есть у вас вопросы? — обращается к Рокоссовскому председатель.

— О чем спрашивать, гражданин судья, когда дело доходит до того, что мертвые дают показания.

— Как мертвые?!

— А так. Адольф Казимирович Юшкевич еще в двадцатом погиб под Перекопом. Следователю я сказал, что служил в кавгруппе Юшкевича, но случайно не упомянул про его гибель»[49].

Рокоссовский отделался тюрьмой и оказался одним из тех счастливцев, которых выпустили, когда волна террора миновала.

А в то время, о котором идет речь, события поворачивали к худшему.

В конце мая 1938 года, когда террор уже пронесся над всеми остальными военными округами, да и над всей страной, в Хабаровск прибыл Л. З. Мехлис с группой новых политических комиссаров. В то же время на Дальний Восток мчался в специальном поезде зловещий замнаркома внутренних дел М. Фриновский, везя с собой целое формирование НКВД. Сталинский террор в ОКДВА, не состоявшийся полностью в 1937 году, теперь надвигался.

Прежде всего Мехлис и Фриновский уничтожили своих собственных представителей на Дальнем Востоке. Мехлис заменил весь штат политуправления армии — позже, на XVIII съезде партии, он заявил, что «гамарнико-булинская банда шпионов больше всего навредила политическому аппарату на участке руководящих кадров»[50]. Фриновский, в свою очередь, арестовал и расстрелял шестнадцать руководящих работников НКВД Дальневосточного края. И только с одним из них — семнадцатым — вышла заминка.

Этим человеком был командующий пограничными войсками на Дальнем Востоке Г. Люшков. В недалеком прошлом он был заместителем начальника секретно-политического

управления (СПУ) НКВД Молчанова и помогал ему готовить зиновьевский процесс. Люшков был одним из немногих оставшихся в НКВД «людей Ягоды», и спасся он благодаря своей дружбе с Ежовым. Увидев, какой оборот принимают дела, Люшков решил больше не рисковать. 13 июня 1938 года он перешел манчжурскую границу и сразу же стал выдавать японцам всевозможную секретную информацию[51].

Подготовив таким образом полицейские и политические силы для удара, сталинские эмиссары начали расправу с самой армией. Новый штаб Блюхера и армейские командиры арестовывались пачками. Исчез заместитель командующего ОКДВА, исчез недавно назначенный начальник штаба армии, исчез ведущий командарм Левандовский, только что переведенный с Кавказа, исчез служивший в Испании командующий военно-воздушными силами ОКДВА Пумпур. Пумпур был освобожден и получил повышение в июне 1940 года. Его, по-видимому, снова арестовали весной 1941 года и расстреляли с Штерном и другими в октябре того же года[52].

Но теперь дело шло не только о немногих старших командирах. В последующие ночи грузовики НКВД увезли сорок процентов командиров до полкового уровня, семьдесят процентов командиров дивизионного и корпусного уровня и свыше восьмидесяти процентов высшего командования. К концу июня Блюхер оказался на развалинах того, чем только недавно командовал[53].

И опять его самого пощадили — снова по той же причине, что и раньше. Японцы решили, что им представляется удобный случай. 6 июля 1938 года они начали наступательные операции ограниченного масштаба с целью прощупывания советских сил у озера Хасан.

К счастью, от террора еще уцелело несколько знающих командиров, и кое-кто из военных специалистов был заново переведен на Дальний Восток. Среди таких в особенности выделялся комкор Штерн, до того служивший военным советником в Испании. Его поставили во главе одной из армий реорганизованного Дальневосточного фронта Блюхера.

Штерн провел боевые операции против японцев и даже доложил о них в 1939 году XVIII съезду партии; после этого он навеки исчез сам.

После пяти недель боев с переменным успехом японцы у озера Хасан были остановлены, а затем отбиты. К 11 августа 1938 года бои окончились. А неделю спустя, 18 августа, маршала Блюхера вызвали в Москву[54].

Авиационный «сталинский маршрут» на Дальний Восток, с таким шумом проложенный впервые в дни процесса Зиновьева-Каменева, использовался теперь Генеральным секретарем ЦК ВКП[б] в типичном для него духе. Особый пилот НКВД Александр Голованов[55] (впоследствии Главный маршал авиации, снятый с поста лишь после смерти Сталина) обслуживал трассу Москва — Дальний Восток для срочной перевозки членов ЦК и правительства. В 1935-36 годах Голованов служил пилотом в Управлении сибирских лагерей. С переводом на дальневосточный маршрут ему вручили многомоторный самолет, и он главным образом доставлял в Москву арестованных крупных работников из отдаленных мест страны. Незадолго перед этим Голованов увез в столицу почти всех ближайших подчиненных Блюхера с охранявшими их сотрудниками НКВД.

А теперь пришел черед лететь и самому маршалу. Правда, он еще не был арестован. Но в конце августа он предстал с докладом перед Военным советом Наркомата обороны. «Критика была односторонней, грубой». Нарком обороны Ворошилов сообщил Блюхеру, что он отозван в распоряжение Военногосовета и, «пока не подобрали достойной маршальского звания должности, можно отдохнуть и подлечиться в Сочи»[56].

Блюхер тут же вызвал телеграммой жену, добавив, что плохо себя чувствует. Предвидя арест, он отложил для жены часть денег. Вероятность ареста, как верно предчувствовал Блюхер, была теперь велика.

Вскоре с Дальнего Востока прибыла вся семья Блюхера, в том числе его брат — командир дальневосточного авиасоеди-

нения. К тому времени Блюхер узнал, что арестован заместитель Наркома обороны командарм Федько. Теперь ясно, что арест Федько был в каком-то смысле связан с последующим арестом самого Блюхера.

Василий Блюхер был арестован 22 октября 1938 года по личному приказу Сталина[57] и «по навету клеветников», как выразится позднее его биограф В. В. Душенькин[58]. Четверо сотрудников НКВД в темных гражданских костюмах явились и арестовали всю семью Блюхера. 16-летний сын маршала Всеволод сначала был направлен в лагерь строгой изоляции, но в 1941 году был освобожден. Когда началась война, он поступил в военное училище (скрыв свое имя). В боях на фронте он проявил себя очень хорошо[59].

После ареста маршала Блюхера сразу же отвезли в Лефортово, где первый допрос провел лично Берия. Потом пошли непрерывные допросы сменяющимися следователями НКВД. Маршал обвинялся в том, что с 1921 года был японским шпионом и что он готовил побег в Японию с помощью своего брата — авиационного командира (это последнее обвинение не было, по крайней мере, полной дикостью — ведь Люшков незадолго до того действительно бежал в Японию). Маршалу сообщили, что, помимо членов семьи, арестованных одновременно с ним, в Ленинграде арестовали также его первую жену Галину. При допросах Блюхера следователи, как водится, шантажировали его судьбой семьи; но, кроме того, ему также было предложено соглашение: если он подпишет признание, то отделается десятью годами. Блюхер отказался подписать протокол[60].

28 октября 1938 года героев недавних боев на Дальнем Востоке наградили орденами. Был награжден и Штерн. А подлинный победитель подвергался в это время жестоким пыткам на допросах в НКВД. С ним расправились за три недели — 9 ноября Блюхера не стало.

У НКВД не было никаких видимых оснований проявлять или разыгрывать в деле Блюхера ту торопливость, с которой в мае-июне 1937 года была уничтожена группа Тухачевского.

И все же над Тухачевским и другими почти наверняка состоялся какой-то суд — а Блюхер «без суда и приговора пал жертвой произвола Сталина»[61]. О нем говорится также, что «непрерывные допросы сломили здоровье этого сильного человека»[62]. Все это указывает на смерть Блюхера под пыткой в ходе следствия (Федько, чей арест каким-то образом связан с арестом Блюхера, был казнен только в феврале 1939 года).

С другой стороны, в лагерях ходили в то время упорные слухи, что Ежов лично убил Блюхера[63] (были и слухи, что Ежов расстрелял своей рукой во время допроса одного из братьев Межлаук[64] — наиболее вероятно, младшего, И. И. Межлаука, смерть которого датируется 26 апреля 1938 года)[65]. Если это так, то Сталину могли доложить, что Ежов действовал неумело и не смог ничего добиться. А кроме того, если действительно Блюхер погиб от руки Ежова, то можно больше верить и другому слуху: а именно, что к концу своей карьеры Ежов сошел с ума.

Есть отрывочные сведения, что дело против Блюхера начали составлять в НКВД еще осенью 1936 года. Говорят также, что по этому делу допрашивался Белобородов, просидевший в тюрьме под следствием много месяцев[66]. Но конечно, это могло быть просто сбором компрометирующих материалов — такие материалы НКВД собирал на всякий случай против всех крупных работников.

Много было слухов насчет того, что Блюхер или кто-то из его окружения серьезно думал о мятеже. Никаких надежных свидетельств об этом нет, хотя Люшков информировал японцев о каких-то оппозиционных группировках в Сибири. Многие показания Люшкова стали известны в Москве через советского шпиона в Японии Рихарда Зорге. Были это факты или просто домыслы, но совпадение сроков показывает, что подобная информация могла быть использована против Блюхера[67].

Во время гражданской войны Блюхер служил на Восточном фронте вместе с Постышевым; он был также связан с Федько и Кашириным. В 1937 году командарма Федько наз-

начили командующим Киевским военным округом вместо арестованного Якира, а в феврале 1938 года перевели в Москву вместе с Косиором — обоих по одному и тому же «методу повышения» на центральный, но не имеющий значения пост. Оба они были казнены — или, во всяком случае, приговорены к смерти — в один и тот же день 26 февраля 1939 года. Третьим в тот же день погиб (или был приговорен) Влас Чубарь. Из всего этого можно вывести, что в НКВД был состряпан какой-то «военно-политический заговор» с участием названных лиц, и с этим «заговором» связали также Блюхера.

Истинные причины репрессий против Блюхера состоят, вероятно, просто в том, что он был самостоятельно мыслящим военным (и, в качестве кандидата в члены ЦК, также политиком), занимавшим влиятельное и важное положение. Гибель Блюхера означала конец даже самых ничтожных надежд на какие-либо действия против Сталина.

В начале ноября 1938 года официальный список высших военачальников после уничтожения Блюхера охватывал Ворошилова, Мехлиса, Щаденко, Шапошникова, Буденного, Кулика, Тимошенко[68]. Впервые оперативники НКВД, проводившие террор, заняли места выше оставшихся в живых строевых командиров. Через несколько недель список этот обогатился еще более симптоматичным и оскорбительным пополнением: имя Фриновского, который на короткое время стал Наркомом военно-морских сил, фигурировало в нем непосредственно после Ворошилова[69].

ПАДЕНИЕ КАРЛИКА

8 декабря 1938 года было объявлено, что кончилась власть Николая Ежова — ничтожного и ужасающего «кровожадного карлика». Очевидно, его фактическая власть над НКВД окончилась еще в середине октября — после этой даты, как мы видели, все важные расследования шли под руководством Берии и Шкирятова. Теперь на посту Наркома

внутренних дел Ежова заменил Берия, а сам Ежов пока остался Наркомом водного транспорта.

В течение некоторого времени Берия появлялся на официальных трибунах вместе с Ежовым, и их имена стояли рядом в списке самых важных сановников. Но к январю 1939 года фамилию Ежова стали печатать по его прежнему «истинному» старшинству, то есть последним среди кандидатов в члены Политбюро (Хрущев находился в то время в Киеве). В последний раз имя Ежова упоминается в составе президиума на торжественно-траурном заседании 22 января 1939 года по поводу пятнадцатилетия со дня смерти Ленина. В середине февраля Ежов бесследно исчез.

Его судьба темна до сих пор. Был слух, что его привели в марте на некое секретное заседание высшего партийного руководства, где он был встречен криками возмущения. Но, возможно, что слухи эти относятся к яростным нападкам Берии на Ежова, сделанным будто бы на пленуме ЦК осенью 1938 года, если такой пленум вообще имел место[70].

Как бы то ни было, но «кровожадный карлик» ушел в тень буквально без следа. До самого XX съезда КПСС, то есть на протяжении последующих восемнадцати лет, его имя просто нигде и никогда не упоминалось. Слухов, разумеется, было множество. Что Ежова расстреляли. Что он сошел с ума и изолирован в психиатрической больнице (этот слух, по-видимому, осторожно поддерживался властью, поскольку сумасшествием Ежова удобнее всего объяснить террор). Циркулировал рассказ, что еще в 1941 году Ежова видели живым в одной из подмосковных тюрем (в изоляторе «Сухановка»), в добром здоровье и пользующегося привилегиями. И другой рассказ: что его тело нашли висящим на суку дерева во дворе психиатрической больницы тюремного типа, причем на шее Ежова болталась надпись, сделанная не его рукой, — «я дерьмо»[71]. В кругах НКВД говорили, что вначале Ежова называли немецким шпионом[72].

Но один из надежных источников, тоже из кругов НКВД, сообщает, что Ежова обвинили в сотрудничестве с британ-

ской разведкой[73]. Если последнее сообщение верно, то это означает, что суд и казнь Ежова произошли после подписания советско-нацистского пакта 1939 года.

Единственным реальным свидетельством падения Ежова было в то время переименование города Ежово-Черкесска просто в Черкесск. Это, во всяком случае, означало, что Ежов не ушел в отставку по состоянию здоровья. Но сомнения относительно его судьбы продолжали оставаться даже после смерти Сталина. Так, например, имя Ежова дается в именном указателе к пятидесятому тому Большой советской энциклопедии, опубликованному в 1957 году. Но в этом указателе не приведены даты рождения и смерти Ежова — между тем, они даны не только для посмертно реабилитированных политических деятелей, но даже для белых генералов!

Итак, мы не знаем, когда именно умер Ежов. Однако теперь ясно, что он не умер своей смертью, а был казнен. В первом издании нынешней «Истории КПСС», вышедшем в 1959 году (стр. 484), сказано, что «за свою преступную деятельность Ежов и Берия понесли должное наказание», а во втором издании (1962 года, стр. 505) сказано, что Ежов был «репрессирован» — обычный и всем понятный эвфемизм. В 1966 году знаменитый авиаконструктор А. С. Яковлев записал, что летом 1940 года у него был разговор со Сталиным, в котором Сталин назвал Ежова сволочью, признал, что в 1938 году Ежов уничтожил массу невинных людей и был расстрелян за это[74]. Любопытно, что с конца 1960-х годов прекращается всякое упоминание, прямое или косвенное, об участи Ежова, а в некоторых случаях его имя вообще замалчивается. Так, во втором дополненном издании книги Яковлева, вышедшем всего два года спустя, в 1968 году, цитированное выше место опущено. А в третьем дополненном издании «Истории КПСС» (стр. 452), вышедшем в 1969 году, сказано только, что Берия и Ежов «своей преступной деятельностью причинили особенно большой вред партии и народу. При их активном участии были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские

люди». О том, «пострадал» ли сам Ежов и если «пострадал», то как — ни слова. В настоящем (3-м) издании Большой советской энциклопедии в томе на букву «Е», вышедшем в 1972 году, его биография вообще отсутствует!

После устранения Ежова Берия предпринял почти поголовную чистку старых кадров НКВД. Те несколько человек, которые выжили еще со времен Ягоды, — вроде Фриновского и Заковского, подготовивших бухаринский процесс, — теперь последовали за своими коллегами в камеры смертников. Туда же пошло поколение Ежова. Руководитель украинского НКВД Успенский, начальник московского НКВД, зять Надежды Аллилуевой, Реденс и им подобные были уничтожены. Еще раньше был расстрелян Кедров-младший; в феврале-апреле 1939 года[75] Кедров-отец вместе с другими работниками НКВД писал письма Сталину, разоблачавшие Берию. Только в 1956 году, однако, Хрущев сообщил, что «военная коллегия нашла, что старый большевик товарищ Кедров был невиновен. Но, несмотря на это, он был расстрелян по приказу Берии»[76].

К марту 1939 года на всех важных постах уже были люди Берии: в Москве Меркулов и Кобулов, в Ленинграде Гоглидзе, в Приморском крае Гвишиани, в Белоруссии Цанава[77]. Все они пали вместе в 1953 году, после чего их прозвали «бандой Берии».

Замечательно, что назначение Берии обычно связывается с окончанием главной волны террора. Берия! Ведь даже в советских официальных кругах он до сих пор считается воплощением террора и пыток. И все-таки в такой датировке конца сильнейшего террора есть рациональное зерно.

Устранение Ежова — просто лишний пример практичности Сталина. Казнь большинства его подчиненных людьми Берии явилась всего лишь элементом сталинской политической механики. Ибо главные руководители террора — прямые исполнители воли Сталина — как раз не пострадали, а уничтожены были только Ежов с помощниками, то есть полицейский аппарат. Шкирятов, например, приставленный на

время террора к Ежову в качестве своеобразного «помощника», спокойно вернулся на партийную работу и умер в полном почете, в должности председателя Комиссии партийного контроля, в 1954 году, пережив самого Сталина. Мехлис и Вышинский тоже дожили до пятидесятых годов. Что касается Маленкова, то в последующие годы и он и его соперник Жданов делали блестящую карьеру.

Сталин фактически избежал открытой ответственности за события на протяжении всего террора. А когда террор разросся до предельных размеров так, что дальше идти было некуда, Сталин смог с выгодой пожертвовать тем человеком, который открыто выполнял его тайные приказы. Человеком, которого и в народе и в партии тогда обвиняли сильнее всего — и до некоторой степени обвиняют до сих пор.

Как уже сказано, к середине 1938 года в низших оперативных кругах НКВД имелось желание приостановить поступь террора — по вполне очевидным причинам. Ведь если бы аресты продолжались прежним темпом, то через несколько месяцев практически все городское население страны оказалось бы вовлечено в какие-нибудь «заговоры». Однако террор уже начал развиваться по своим собственным законам и нес сотрудников НКВД вперед. Было невозможно оставить на свободе человека, на которого донесли, что он гитлеровский агент. А если следователь не требовал от каждой своей жертвы назвать имена «соучастников» — и тем опять расширить круг арестов, — то мог сам очень скоро попасть под обвинение в недостатке бдительности или энергии.

К тому же времени среди арестованных получила хождение и стала распространяться мысль, что чем больше людей обвинят, тем лучше. Как пишет генерал Горбатов: «Некоторые придерживались странной теории: чем больше посадят, тем лучше, потому что скорее поймут, что все это вреднейший для партии вздор»[78]. Горбатов приводит пример: «Моим соседом по нарам был в колымском лагере один крупный когда-то работник железнодорожного транспорта, даже хвалившийся тем, что оклеветал около трехсот человек.

Он повторял то, что мне уже случалось слышать в московской тюрьме: «Чем больше, тем лучше — скорее все разъяснится»[79]. К тому же была особая тенденция подставлять под удар верных сталинцев — и как можно больше.

Есть свидетельство[80] о том, как весной 1938 года арестовали секретаря харьковского горздравотдела. У него оказалась отличная память, он знал имена всех врачей в городе — и оклеветал их всех! Он заявил, что занимал особо выгодное положение для вербовки врачей в свою агентуру и что те легко соглашались, так как в основном принадлежали к враждебным классам. Клеветник отказался сообщить, кто из врачей был руководителем «заговора», — он настаивал, что руководителем был он сам. В камере этот человек — тоже по образованию врач — рассказал соседям, что принял такую линию поведения под влиянием прочитанной книги о сжигании ведьм и колдунов в Германии в годы инквизиции. В те годы один молодой богослов был обвинен в том, что состоял в сношениях с дьяволом. Он сейчас же признал свою вину и назвал в качестве соучастников всех членов инквизиции. Пытать его не могли, так как он сознался, и пришлось передать это дело на рассмотрение архиепископа, который его благоразумно прекратил.

Высшая точка массового террора падает на первую половину 1938 года. В последующие месяцы давление несколько снизилось. Причина не ясна до сих пор: то ли невозможность продолжать тем же темпом на низшем, оперативном уровне, то ли также политическое давление на Ежова сверху. Сталинское недовольство Ежовым стало определенно проявляться в начале лета, когда, по-видимому, и родился план вызвать в Москву Берию. Ежов все еще оставался у власти, и такой, например, точный свидетель, как ветеран лагерей Иванов-Разумник считает, что высший предел жестокости террора был достигнут в сентябре 1938 года[81].

Вряд ли стоит сопоставлять тогдашнюю ситуацию с какими-либо примерами деспотизма из истории. Но все же мы знаем об одном византийском фаворите, о котором историк

пишет, что вместо награды за свои злодейства он был вскоре обманут и уничтожен более сильным злодеем — самим министром; последний обладал достаточным разумом и присутствием духа, чтобы питать отвращение к орудию собственных преступлений.

Сталин, может, и не питал особой любви к Ежову — нет сведений о том, что Ежов был его собутыльником или сотрапезником. Но несомненно, что если Сталин и презирал за что-нибудь Ежова, то не за его нравственные недостатки, а за политическую узколобость. Тут уместно сравнение со старой автократической традицией избавляться от палача, казнившего соперников тирана и тем навлекшего на себя ненависть тех, кто выжил. Этот известный из истории общий ход событий не дано было предусмотреть злосчастному Ежову.

Еще до того, как падение Ежова было оформлено, «Правда» опубликовала весьма многозначительное сообщение из Омска. 22 октября 1938 года в этой газете было напечатано, что омский областной прокурор и его заместитель попали под суд за злоупотребление властью, несправедливые аресты и содержание невинных людей в тюрьме — в отдельных случаях до пяти месяцев, подумайте только! Оба работника прокуратуры были приговорены к двум годам лишения свободы.

Но этот приговор был лишь частичным триумфом справедливости. Последовали сообщения о нескольких расстрелах следователей НКВД за вымогательство ложных показаний с применением насилия. Эти публикации фактически символизировали конец ежовского периода.

Работника киевского НКВД капитана Широкого сначала назначили уполномоченным НКВД в Молдавии, а потом арестовали. Случайно о Широком есть свидетельство бывшего заключенного, что это был «не особенно жестокий следователь»[82]. Вместе с Широким (согласно другим свидетельствам) арестовали еще четырех чекистов[83].

Вообще-то подобные суды случались и раньше; на протяжении всего террора время от времени слышались речи против несправедливых преследований. Но теперь демонстрация

была явно намеренной. С другой стороны, когда некоторые работники проявляли излишний критицизм по поводу полицейских методов, Сталин резко осаживал их: достаточно вспомнить телеграмму ЦК ВКП[б] от 20 января 1939 года о допустимости применения пыток[84].

И в то же самое время были прекращены некоторые следственные дела — главным образом такие, от которых НКВД было больше хлопот, чем пользы. Так, например, на Западе, в том числе в левых научных кругах, поднялся шум по поводу ареста физика Александра Вайсберга. К тому же материалы следствия по его делу выглядели явно неубедительно и путанно. Результат всего этого оказался счастливым для ученого — дело прекратили. (Между прочим, Вайсберг, позже эмигрировавший из СССР, рассказывает о любопытной технической трудности, возникшей в связи с закрытием его дела: когда было решено снять с него обвинения, вдруг оказалось, что в деле имеются показания более чем двадцати свидетелей, эти обвинения поддерживающих. Полагалось бы всех этих свидетелей передопросить, но к тому времени они были рассеяны по лагерям всей страны — и дело прикрыли просто так).

Общий результат прихода Берии к власти в НКВД свелся к тому, что известная часть подследственных была освобождена из тюрем, что произвело хорошее впечатление в стране. Но из тех, кто уже находился в лагерях, не освободили почти никого. Происходили лишь единичные реабилитации — так, в 1940 году выпустили некоторых военных. Тот же Вайсберг вспоминает о своем тогдашнем разговоре с другим заключенным - в недавнем прошлом сотрудником НКВД. Тот сделал следующее предсказание:

«— Кое-кого из нас выпустят, чтобы показать, что произошли перемены; а остальные все так же пойдут в лагеря отбывать сроки.

— Но каков же будет критерий? — поинтересовался Вайсберг.

— А никакого, просто случай. Люди все стараются объя-

снить происходящее какими-то закономерностями. Если бы вы насмотрелись на закулисную сторону дела так, как я насмотрелся, то знали бы, что в нашей стране жизнью человека управляет слепой случай»[85].

Тем не менее волна беспричинных массовых арестов в городах и селах Советского Союза значительно снизилась. Страна была теперь сломлена, и в дальнейшем для поддержания молчаливой покорности было достаточно арестовывать ограниченное число людей, тех, кто давал повод подозревать их в нелояльности.

В целом же Берия консолидировал карательную систему, сделал ее как бы нормальным и обычным институтом. Ежовщина была чрезвычайной операцией против всего народа; теперь, в несколько смягченном виде, она стала постоянным методом правления.

«НОРМАЛИЗАЦИЯ»

Падение Ежова, увы, не отразилось на судьбе арестованных членов Политбюро. Следователи Ушаков и Николаев продолжали обрабатывать Эйхе, а их коллега Родос подвергал Косиора, Чубаря и Косарева «длительным пыткам», о чем получал «подробные инструкции от Берии»[86]. Хрущев охарактеризовал следователя Родоса так: «пустая личность, с куриными мозгами, совершенно разложившийся морально человек»[87]. В 1956 году, за несколько дней до съезда, Родоса вызвали на заседание Президиума ЦК. Там он объяснил: «Мне было сказано, что Косиор и Чубарь враги народа и поэтому я, как следователь, должен был заставить их признаться, что они враги». Потом он добавил: «Я думал, что выполняю указание партии»[88]. На закрытом заседании XX съезда КПСС эти слова Родоса вызвали возмущение в зале — но ведь и сам Хрущев и его выжившие коллеги по партийному руководству именно так и объясняли свою деятельность в тот период!

Что касается жертв Родоса, то Косарев был казнен 23 февраля 1939 года. Три дня спустя, 26 февраля, был уничтожен Косиор[89]. Об обвинениях, выдвинутых против Косиора, известно очень мало. Он будто бы находился в контакте «с иностранной контрреволюционной организацией»[90]. Подобную формулировку можно скорее отнести к эмигрантским украинским кругам, чем к иностранным государствам. Два брата Косиора, Казимир и Михаил, а также жена его были расстреляны по «Списку № 4»[91]. Жена другого брата, по имеющимся сообщениям, была осуждена на десять лет, и по оглашении приговора пыталась покончить с собой[92].

По всем данным, первоначально планировался показательный процесс над Косиором и другими высшими украинскими руководителями, совместно с учеными и инженерами. Но от этого плана почему-то отказались[93]. Тем не менее, как уже упомянуто, на закрытом суде Косиор, по-видимому, предстал вместе с Чубарем и командармом Федько.

Логично представить себе, что Чубаря и Косиора судили вместе — они ведь несколько лет подряд вместе работали на Украине. Однако это дело относится к разряду особенно темных; достаточно сказать, что до сих пор одни советские источники датируют смерть Чубаря 26 февраля 1939 года, а другие — 12 августа 1941 года. В Большой советской энциклопедии и в Українській радянській енциклопедії — 1939 год; в Малой советской энциклопедии и в биографических справках к 51-му тому 5-го издания собрания сочинений Ленина — 1941 год. В биографии Чубаря, опубликованной в 1963 году[94], нет точной даты его смерти, но авторы книги, упомянув, что «он был арестован и расстрелян», прибавляют: «Вот уже почти четверть века нет среди нас Власа Яковлевича». Это как-будто указывает на 1939 год. Но «Советская Молдавия» от 22 февраля 1965 года, т.е. двумя годами позже опубликования биографии, заявляет, что Чубарь умер в 1941 году. Историки раннего Средневековья сказали бы, что существуют две традиции в указании даты смерти — и не чьей-нибудь, а вице-премьера, заместителя председателя Совета

Министров крупнейшей страны, и притом в наше время! Кстати сказать, смерть командарма Федько тоже датируется в советских изданиях то 1939, то 1943 годом[95]. Ликвидирована была и жена Чубаря[96].

Можно попытаться так разрешить противоречие в датах. Чубарь мог быть приговорен вместе с Косиором в феврале 1939 года, но не к смерти, — либо был приговорен к смерти и помилован. Его отправили в лагерь, но потом, когда Сталин паниковал вследствие военных поражений, ликвидировали вместе со многими другими заключенными. Мы ведь точно знаем, что другой бывший заместитель председателя Совнаркома, Антипов был уничтожен именно так. Подобное рассуждение применимо также к Федько и ряду других лиц, хотя, конечно, и нельзя утверждать, что странное противоречие получает таким образом однозначное решение.

Был в то время один кандидат в члены Политбюро, находившийся явно в опале, но тем не менее не арестованный. Это Григорий Петровский. В течение последующих двух лет его положение оставалось исключительно трудным.

Волна ленинградских арестов 1937 года унесла с собой старшего сына Петровского, Петра — редактора «Ленинградской правды». И кандидат в члены Политбюро, председатель Всеукраинского ЦИК Петровский-отец не мог ничего узнать о сыне. Повсюду его встречала «глухая стена молчания», «Крупнейшие деятели партии и государства после нескольких попыток узнать о судьбе Петра в бессилии развели руками: Берия навесил на доверенный ему наркомат слишком тяжелые замки, чтобы можно было выведать, что творится за его стенами на Лубянке»[97]. Петр Петровский исчез навсегда. Его брат, комдив Л. Г. Петровский, в 1937 году «был исключен из партии и изгнан из рядов армии, несколько лет жил в ожидании ареста. Но в конце 1940 года восстановлен в партии, возвращен в армию»[98].

В июле 1937 года, когда на Украине НКВД творил беззакония, не ставя даже в известность руководство республики, Петровский написал Калинину — своему официальному на-

чальству. В письме он жаловался, что на Украине нарушаются принципы партийной демократии[99]. Дело выглядит так, что Петровский, возможно, присоединился к протестам ряда украинских руководителей, в то время направленным в Москву (факт подачи таких протестов можно считать установленным). Именно эти протесты были поводом для зловещей командировки Молотова на Украину в августе 1937 года.

Теперь говорится, что Петровский критически относился к культу личности[100]. Но ведь 4 февраля 1938 года, в день своего шестидесятилетия, Петровский получил орден Ленина. Формально, во всяком случае, он оставался главой Украинской республики на протяжении всего того страшного периода, когда его коллеги исчезали один за другим. В июне 1938 года у Петровского состоялся разговор со Сталиным. Разговор был «короткий, но тяжелый, в резких тонах»[101]. После этого Петровский был смещен со своего украинского поста — как теперь пишут, «в нарушение Конституции»[102].

Тем не менее, Петровский был назначен заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР и вплоть до октября 1938 года подписывал указы в отсутствие Калинина[103]. Но 7 ноября 1938 года его уже не было на Красной площади, и с тех пор он перестал упоминаться в официальных списках вождей.

Против него было состряпано обычное политическое дело. В хрущевские времена говорилось, что дело возбудили по настоянию Кагановича и что «только благодаря поддержке Н. С. Хрущева Г. И. Петровскому удалось избежать физической расправы»[104]. Свидетельство для обвинения Петровского было получено от сторожа правительственной дачи под Киевом — причем для получения нужных показаний беднягу сторожа сильно били в НКВД. Был арестован также секретарь Петровского, который подвергся столь же суровому обращению[105]. Есть сведения, что брата Петровского видели в 1938 году в Бутырской тюрьме[106].

В марте 1939 года, на XVIII съезде ВКП[б], против Петровского выдвигались различные обвинения, в результате

чего он не был избран в новый состав ЦК. Петровского обвиняли в том, что он некогда был дружен с членом Политбюро ЦК КП[б]У К. В. Сухомлиным, который был потом «разоблачен» как японский шпион; в том, что он не сообщил о якобы известных ему связях С. В. Косиора с зарубежными контрреволюционными организациями, а также в том, что он (очевидно, еще в двадцатые годы) сопротивлялся назначению Кагановича Первым секретарем ЦК КП[б]У[107].

В общем, не было сомнений, что давно подготовленное дело против Петровского будет вот-вот начато. Вмешался ли действительно Хрущев и имело ли какой-нибудь эффект его вмешательство — неизвестно, но Сталин почему-то не нанес окончательного удара. 31 мая 1939 года Петровский был официально освобожден от своего последнего формального поста — от членства в Президиуме Верховного Совета СССР. При этом он был назван «товарищем», что свидетельствовало о многом. Это означало, что имя Петровского не будет запрещено в дальнейшем произносить.

Несколько месяцев Петровский не мог найти никакой работы и жил на заработок жены. В конце концов, в июне 1939 года ему позволили занять должность заместителя директора музея Революции, на которой он оставался до самой смерти Сталина[108]. Кстати сказать, в музее Революции было тогда несколько вакансий. Именно тогда и был расстрелян его директор Я. С. Ганецкий[109].

Имя Петровского начисто исчезло из всех советских справочников и документов, и большинство иностранных наблюдателей полагало, что он казнен. Однако был единственный список, в котором имя Петровского продолжало появляться, — то был список бывших большевистских депутатов дореволюционной Государственной Думы. Как справедливо указал профессор Тибор Самуэли в беседе с автором, Сталин не казнил ни одного из этих бывших думских депутатов: остальные, все третьеразрядные фигуры, тоже пережили террор и умерли естественной смертью. Неизвестно, конечно, руководили ли Сталиным какие-либо особые чувства к этим

людям или мы имеем дело просто со случайным совпадением.

Петровский пережил Сталина и умер в 1958 году. Интересно, что он был первым ветераном, чье доброе имя было восстановлено сразу после смерти Сталина. 6 мая 1953 года в «Правде» появился Указ Президиума Верховного Совета СССР, датированный 28 апреля, о награждении тов. Петровского Г. И. в связи с его семидесятилетием орденом Трудового Красного Знамени за заслуги перед советским государством. Фактически день рождения Петровского, как мы помним, был 4 февраля, но 4 февраля 1953 года Сталин еще был жив, и тогда о Петровском упомянуто не было. Совершенно очевидно, что имела место намеренная политическая демонстрация в тот короткий период, когда нападки на сталинское наследие вел Берия.

Несомненно, в период сталинского террора Петровский серьезно пострадал — хотя и меньше, чем многие другие. Однако здесь будет уместно вспомнить, что в 1918 году, будучи Народным комиссаром внутренних дел, Петровский отдал приказ беспощадно расстреливать всех, участвовавших в какой бы то ни было контрреволюционной деятельности[110].

В начале 1939 года последовали различные персональные изменения в партии и правительстве. В числе других назначений было объявлено, что 3 января 1939 года пост Наркома текстильной промышленности занял А.Н. Косыгин. В январе и феврале газеты вели массированную пропаганду на тему о повышении трудовой дисциплины: были опубликованы тезисы по новому пятилетнему плану (1938-1942) и объявлено о созыве в марте месяце XVIII съезда ВКП[б].

К концу февраля произошло событие, взволновавшее немногих, но достойное быть отмеченным. Умерла Н.К. Крупская. Она оставалась единственным нетронутым участником оппозиции. В годы террора она мало что могла сделать, хотя Сталин позволил ей спасти жизни одного-двух не очень значительных работников. Одним из них был И.Д. Чигурин, арестованный в 1937 году. Правда, его здоровье в короткий

период ареста было окончательно подорвано, и по выходе из тюрьмы, откуда его вызволило вмешательство Крупской, Чигурин жил и умер в нищете.

Оставаясь формально членом ЦК ВКП[б], Крупская занимала скромную должность заместителя Наркома просвещения, да и на этой должности «ее лишили возможности влиять на решение самых насущных вопросов даже в области народного просвещения»[114]. Она умерла 28 февраля 1939 года, и Сталин лично нес урну с ее прахом на похоронах.

23 декабря 1956 года в польском журнале «Попросту» были опубликованы поэтические «Размышления» Ежи Валенчика. Он писал:

Надежде Крупской больше не спасать
Невинных, истребляемых, как крыс...[112].

На следующий день после похорон Крупской заведующий издательством Наркомпроса распорядился «ни слова больше не печатать о Крупской». Часть ее работ отправили в отделы специального хранения библиотек, откуда материалы не выдаются без особого допуска, а часть «была предана забвению и не переиздавалась»[113].

МАРТ 1939

С 10 по 21 марта 1939 года проходил XVIII съезд партии. На нем полностью было оформлено все то, чего Сталин добивался с самого 1934 года. Перемены были колоссальны.

Как теперь известно, из 1966 делегатов XVII съезда партии 1108 человек были арестованы «по обвинению в контрреволюционных преступлениях»[114]. Из оставшихся на воле счастливцев лишь 59 стали делегатами следующего, XVIII, съезда. Из них 24 человека были членами ЦК. Стало быть, в числе делегатов XVIII съезда партии было всего 35 из 1827 рядовых коммунистов, участвовавших в работе предыдущего съезда, состоявшегося пятью годами раньше, т.е. мень-

ше чем 2%! Отсюда видно, как буквально следует понимать утверждение, что в период с 1934 по 1939 год Сталин создал совершенно новую партию.

В составе ЦК, избранного на XVII съезде партии, насчитывались 71 член и 68 кандидатов. В новом составе ЦК, после XVIII съезда, из них сохранились лишь 16 членов и 8 кандидатов. Как потом, в 1956 году, сообщит Хрущев, из 115 исчезнувших 98 были расстреляны — цифра, которую некоторые советские историки считают приуменьшенной, утверждая, что уничтожено было 110 из 115[115]. Расхождение объясняется, возможно, включением и невключением в конечную цифру самоубийств, убийств и т.п., как и расстрелянных позже (например, Лозовского).

Членов нового Центрального Комитета можно было группировать по нескольким признакам. Однако среди них не было больше никаких политических фракций, как в досталинский период; они были лишь приближенными индивидуальных «вождей» — которые, в свою очередь, пытались в последующие четырнадцать лет попасть в любимцы Сталина и тем самым добиться большей власти.

Довольно многочисленной была в ЦК, например, группа Жданова, к которой, помимо его самого, относились Щербаков, Косыгин и А.А. Кузнецов среди членов ЦК, Попков и Родионов среди кандидатов. Трое из четырех последних были расстреляны по так называемому «ленинградскому делу» 1949-50 годов.

Другая группа была связана с Маленковым: он сам и Андрианов в ЦК, Первухин, Пономаренко, Пегов, Тевосян и Малышев в числе кандидатов. Они еще имели ближайшего союзника Шаталина в составе Ревизионной комиссии.

Еще лучше был «представлен» Берия. В ЦК сидели его люди Багиров и Меркулов, в числе кандидатов — другая группа его ставленников: Гвишиани, Гоглидзе, Кобулов, Деканозов, Арутюнов, Бакрадзе, Черквиани (плюс еще Цанава в Ревизионной комиссии). Таким образом, весь партийный контроль над тайной полицией и аппаратом на Кавказе

принадлежал Берии. В числе кандидатов в члены ЦК ВКП[б] были еще два представителя НКВД — Круглов и Масленников. С их учетом новый ЦК теперь имел в своем составе восемь штатных работников органов безопасности — рекордное количество за всю историю советской власти. Лишь последним двоим, Круглову и Масленникову, было суждено пережить Берию.

Была опора среди членов ЦК и у Хрущева — на него ориентировались четверо украинских членов ЦК, которых он в свое время выдвинул на центральные посты.

И, разумеется, была полностью представлена в ЦК группа личных приближенных Сталина — Мехлис, Шкирятов, Поскребышев, Щаденко и Вышинский.

Наименьшие персональные потери понесло Политбюро. Но и здесь они заметны. Был убит Киров; умер или был отравлен Куйбышев; убит или принужден к самоубийству Орджоникидзе. За восемь месяцев до съезда состоялась казнь Рудзутака, а Косиора расстреляли буквально накануне съезда. Постышев и, вероятно, Чубарь в период съезда ожидали казни в тюрьме. Петровский был отставлен и ждал своей судьбы в Москве, надеясь получить в самом счастливом случае какую-нибудь мелкую должность. Между XVII и XVIII съездами в Политбюро были введены четыре человека — Хрущев, Жданов, Эйхе и Ежов. Из них, как уже сказано, Эйхе сидел в тюрьме в ожидании казни, а Ежов исчез и погиб при невыясненных обстоятельствах. О четырех бывших членах Политбюро — Рудзутаке, Эйхе, Косиоре и Чубаре — теперь во всеуслышание сказано в СССР, что их пытали.

22 марта 1939 года Политбюро было пополнено теми, кто лучше всех служил Сталину в последний период. Жданов и Хрущев были переведены из кандидатов в члены Политбюро, новыми кандидатами стали Берия и Шверник, возглавивший профсоюзы после отстранения Томского в июне 1929 года и превративший их в организации по укреплению трудовой дисциплины и по пропаганде повышения производительности труда. С тех пор Шверник неизменно

оставался в Политбюро, а затем в Президиуме и снова в Политбюро; в 1966 году он вышел на пенсию, но до самой своей смерти оставался членом ЦК КПСС.

Есть любопытная разница в обращении Сталина с двумя поколениями его собственных соратников по Политбюро. Возьмем старшее поколение — тех членов Политбюро, которые поддерживали Сталина в его борьбе против оппозиции. Из одиннадцати человек, введенных в Политбюро до июля 1926 года, шестеро пережили террор невредимыми, двое были уничтожены, однако не объявлены врагами, а похоронены с почестями (Киров и Орджоникидзе), один умер в сомнительных обстоятельствах и тоже похоронен с почестями (Куйбышев), один, хотя и отстраненный от дел, пережил самого Сталина (Петровский) и всего лишь один — Рудзутак — был судим и расстрелян. Совсем другая картина со следующим поколением — с теми, кто был выдвинут в Политбюро с июля 1926 года по конец 1937 года. Таких было восемь, и из них сохранился только один Жданов. Все остальные были казнены или, во всяком случае, погибли от рук Сталина (как Ежов, о смерти которого нет достоверных данных).

Эта странная разница может быть объяснена следующим образом. В ранний период власти Сталина он не мог еще просто назначать в Политбюро скороспелых выдвиженцев по собственному выбору. Он еще должен был ориентироваться на тех, кто достиг высоких постов в какой-то степени благодаря своей репутации; на тех, кто был достаточно хорошо известен в руководящих кругах партии; чья партийная биография была достаточно внушительна; чье присутствие в Политбюро не выглядело нелепым для органа, в котором еще заседали знаменитые и почтенные представители оппозиции.

То были люди, пусть несравнимые с Троцким или Бухариным, но все же создававшие впечатление преемственности на фоне ленинских руководящих кадров. Кое-кто из них превратился в ревностных сторонников террора — например, Каганович. Другие — типа, скажем, Молотова — могли в чем-то

про себя сомневаться, но практически оставались правоверными соучастниками сталинщины — из страха или по другим мотивам. Менее восторженные исполнители сталинской воли — вроде Калинина — оставались удобными Сталину показными фигурами. Когда приходилось отделываться от людей такого плана (Киров, Орджоникидзе), Сталин был склонен пользоваться кружными, скрытыми методами. Но уже работники калибра Эйхе или Постышева имели не на много больше партийного престижа, чем другие члены ЦК; избавляться от таких Сталину было нетрудно — и он избавлялся, когда кто-нибудь из них впадал в немилость.

Новое руководство, сталинцы с головы до пят, постаралось превратить XVIII съезд партии в праздник и триумф. Самые страшные проводники террора теперь отмежевывались от Ежова и ежовщины и выражали свое глубокое сожаление по поводу эксцессов недавнего периода.

Например, Шкирятов в своей речи на съезде подробно рассказал о некоем человеке из Архангельска, которого незаконно сняли с работы, арестовали, а затем освободили и восстановили в должности лишь после того, как он обратился в ЦК. Соответствующим образом выступал и Жданов. Он сообщил о клеветнике, написавшем сто сорок два ложных доноса, перечислил несколько случаев, когда люди были исключены из партии. В числе других Жданов изложил эпизод, происшедший в Тамбовской области: там исключение из партии и незаконный арест человека привели к исключению из партии его жены и еще семи человек. Кроме того, добавил Жданов, еще двадцать восемь молодых людей были исключены из комсомола, а десять беспартийных учителей лишились работы. Приближенный Хрущева Сердюк с негодованием говорил о том, что в декабре 1938 года на очень многих работников киевского партаппарата были поданы доносы как на врагов народа. Расследование показало, что все доносы были подписаны фальшивым именем и написаны одной рукой заведующего культотделом одного из райкомов партии. Сердюк рассказал также об одной киевской учитель-

нице, которая в 1936-37 годах оклеветала большое число невинных людей. По словам Сердюка, эта учительница шантажом и угрозами вымогала деньги и путевки на курорты — всего она получила пять тысяч рублей и трижды отдыхала в санаториях. Под возмущенные возгласы делегатов Сердюк пояснил, что эта женщина писала свои доносы под диктовку врагов народа, ныне разоблаченных, и что она осуждена на пять лет лишения свободы.

Итоги подвел сам Сталин: он объявил в своем докладе, что «нельзя сказать, что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить. Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки. Но чистка 1933-36 гг. была все же неизбежна, и она в основном дала положительные результаты»[116].

Сталинская датировка чистки 1933-36 годами может показаться непосвященному несколько странной. Но дело в том, что в те годы исключения из партии проводились и одобрялись публично, а позже чистка партии и террор против населения не сопровождались никакими формальностями, и потому на съезде о них можно было и не говорить.

Казни видных членов партии между тем продолжались. Одна из них произошла даже во время съезда — 14 марта 1939 года был расстрелян Яковлев. В последующие годы Сталин и Берия доделали большую часть того, что Ежов начал и не окончил.

К июлю 1939 года была, наконец, получена санкция прокурора на арест Эйхе, и этот арест в какой-то степени узаконен. 25 октября 1939 года Эйхе были предъявлены обвинения. Он написал Сталину, протестуя против обвинений и настаивая на своей невиновности. В недавнем прошлом Эйхе сам преследовал троцкистов в Западной Сибири — теперь он полагал, что частично это могло быть местью ему за сибирские «заслуги». Эйхе писал: «Я не смог вынести тех пыток, которым подвергали меня Ушаков и Николаев, особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не

зажили и, используя это знание, причинял при допросах страшную боль»

Эйхе умолял Сталина «разоблачить всю ту гнусную провокацию, которая, как змея, обволокла теперь стольких людей из-за моей слабости и преступной клеветы»[117]. Существует рассказ, что Эйхе, временно потеряв рассудок под пытками в 1938 году, кричал, что признает себя виновным в принадлежности к преступной организации под названием «Центральный Комитет ВКП[б]»[118].

Письмо Эйхе Сталин игнорировал; однако, оно, очевидно, сохранилось в архивах[119]. 2 февраля 1940 года Эйхе предстал перед судом, где отказался от всех своих признаний и еще раз объяснил их пытками. 4 февраля 1940 года Эйхе был расстрелян. Расстреляли и его жену Е. Е. Эйхе-Рубцову[120].

С точки зрения прослеженных нами ранее связей между уничтожением политических и военных деятелей интересен следующий факт: в один день с Эйхе был уничтожен командующий Северным флотом флагман Душенов — в прошлом матрос крейсера «Аврора»[121]. Есть основания думать, что в это время имел место и большой закрытый процесс, на котором подчистили недоделки НКВД, как это уже было в июле 1938 и в феврале 1939 года; 2 февраля 1940 года указывается ныне как дата смерти Мейерхольда, а 1 февраля — как дата смерти Михаила Кольцова[122].

В 1939 году были казнены Рухимович, Уханов, Акулов, Сулимов и многие другие. 12 января 1940 года был расстрелян старый большевик, Нарком просвещения Бубнов. Его дочь Валентина была отправлена в лагеря[123].

Последовали также казни Наркома юстиции Крыленко и других. 10 декабря 1940 года пришел черед Постышева. «Мастера клеветы и беззакония не решились», однако, — как формулируется это теперь, — «гласно обвинить Постышева... в диверсиях, заговорах, шпионаже, отходе от ленинизма»[124], хоть киевский обком обвинялся, как известно, в наличии в нем троцкистов. В отличие от Рудзутака и Эйхе, объявленных бухаринцами, обвинение в троцкизме могло фигурировать

в официальном приговоре Постышева. Старший сын Постышева Валентин был тоже расстрелян. Остальные дети отправлены в лагеря[125].

Арестованные командиры уничтожались так же, как и политические деятели. Если говорить о виднейших жертвах того периода, то Алкснис наиболее вероятно казнен в 1940 году, а маршал Егоров — может быть, уже перед самой войной, 10 марта 1941 года. Впрочем, в отношении даты смерти Егорова советские источники расходятся (см. выше главу 7).

Последним представителем уничтоженных высших сталинских кадров был Антипов, которого ликвидировали в период наступления немцев, 24 августа 1941 года, когда Сталин спешил уничтожить тех, кто мог бы взять на себя руководство страной в случае его падения. Если верны наши предположения относительно Чубаря (см. выше), то в этой же панической волне военных казней был уничтожен и он.

Теперь сталинская победа на политическом фронте была совсем полной. В военной катастрофе, надвинувшейся из-за его собственных ошибок, «великого вождя» уже некем было заменить. И если расценивать сталинский террор с точки зрения этой жестокой проверки, то можно сказать, что цель была достигнута.

ГЛАВА 13

1. Ю. П. Петров, «Партийное строительство в Советской армии», стр. 301.
2. В.И. Ляхов в «Вопросах истории КПСС» № 1, 1965 («Левон Исаевич Мирзоян»), стр. 101-104.
3. «Станислав Викентьевич Косиор», Киев, 1963, стр. 174.
4. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 28.
5. Стоит отметить, что на закрытом заседании XX съезда сам Хрущев сослался на этот вид информации (см. стр. 59).
6. В. Дробижев и Н. Думова, «В.Я. Чубарь», Москва, 1963, стр. 71.

7. «Дело Бухарина», стр. 101 (Показания Чернова).

8. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 24.

9. См. даты смерти в Советской исторической энциклопедии, Краткой литературной энциклопедии, Українській радянській енциклопедії, Українському радянському енциклопедичному Словнику и других справочниках.

10. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 25-26.

11. Там же, стр. 26.

12. См. Brzezinski, *The Permanent Purge,* p. 229.

13. См. Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler,* S. 57.

14. См. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefangnissen und Lagern,* S. 18.

15. B. Nicolaevsky in *The New Leader,* 16 January 1956.

16. Б. И. Николаевский в «Новом Русском Слове», 6 дек. 1959.

17. А. Авторханов в «Посеве» 18 марта 1953 («Покорение партии»). Он же: Uralov, *The Reign of Stalin,* p. 80.

18. Св. Аллилуева, «Только один год», стр. 356.

19. Weissberg, *Conspiracy of Silence,* p. 399.

20. Авторханов, «Технология власти», стр. 233.

21. См. «Правду», 21 авг. 1938.

22. См. «Дело Бухарина», стр. 379.

23. Там же, стр. 262-3 (Показания Раковского).

24. Barmine, *One Who Survived,* p. 8.

25. Nora Murray, *I Spied for Stalin,* London, 1950, Chap. 6.

26. М. Логинов в «Молодом коммунисте» № 1, 1962 («Культ личности чужд нашему строю»).

27. Собр. сочинений, т. 9, стр. 709 (кн. 6, гл. 30).

28. Там же, стр. 708.

29. См. Сов. ист. энциклопедию, т. I, Москва, 1961, стр. 634-5.

30. Ю. М. Томский в «Новом мире» № 11, 1964, стр. 212 (Воспоминания об Антонове-Овсеенко).

31. Малая сов. энц., 3-е издание, Москва, 1958, т. I, стр. 450.

32. Сов. историческая энц., т. I, Москва, 1961, стр. 634-5; Энц. словарь, т. I, Москва, 1963, стр. 138.

33. Томский в «Новом мире» № 11, 1964, стр. 212.

34. Barmine, p. 21.

35. См. Пленум ЦК КПСС 19-23 ноября 1962, стенограф. отчет, Москва, 1963, стр. 369 (Выст. С. П. Павлова).

36. «Правда», 14 ноября 1963 (К 60-летию со дня рождения Косарева).

37. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule,* pp. 423-5.

38. «Правда» 14 ноября 1963, статья: «Выдающийся организатор молодежи: к 60-летию со дня рождения А. В. Косарева»; см. также «Александр Косарев», Москва, 1963, стр. 111-2.

39. XVIII съезд ВКП[б]. Стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 178 (выст. Шкирятова), стр. 186 (выст. Поскребышева).

40. Свидетельство лейтенанта НКВД А. Жигунова. См. Armstrong, *The Politics of Totalitarianism,* p. 75, note 50.

41. См., напр., Dr. S. Ploss in *Problems of Communism*, Sept.-Oct. 1958.
42. Адм. Н. Г. Кузнецов в «Октябре» № 11, 1964.
43. См. Edgar O' Vallance, *The Red Army*, London, 1964, p. 121, см. также E. Wollenberg, *The Red Army*, London, 1938.
44. Bailey, *The Conspirators*, p. 229.
45. «На рубеже», Париж, март 1952.
46. Bailey, p. 229.
47. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 348-9.
48. В «Октябре» № 11, 1964.
49. «Красная звезда», 13 дек. 1964 («Мысль полководца»).
50. XVIII съезд ВКП[б], стр. 274.
51. О. Люшкове см. Alvin D. Coox in *Soviet Studies*, January 1968.
52. П. Якир в «Посеве» № 5, 1969 (письмо в ред. «Коммуниста»).
53. А. В. Светланин, «Дальневосточный заговор», изд. «Посев», 1953, стр. 103 сл. (гл. «Приезд Мехлиса»); см. также Erickson, *The Soviet High Command*, p. 422 ff.
54. Н. Копылов в сборнике «В. К. Блюхер», Москва, 1963, стр. 37.
55. *Biographical Dictionary of the USSR.*
56. Н. Кондратьев, «Маршал Блюхер», Москва, 1965, стр. 289.
57. Сообщение ТАСС, 22 февр. 1964.
58. В «Вопросах истории КПСС» № 11, 1964 («Пролетарский маршал»).
59. Полк. П. И. Батов в сборнике «Полки идут на Запад», Москва, 1964, стр. 97-8.
60. В. В. Душенькин, «От солдата до маршала», 3-е изд., Москва, стр. 222 сл. (в предыдущих изданиях этого места нет); см. также Кондратьев, стр. 290-3.
61. Душенькин в «Вопросах истории КПСС», т. II, 1964.
62. Душенькин, «От солдата до маршала», стр. 223.
63. Информация автора; см. также Светланин, стр. 127.
64. Иванов-Разумник, стр. 345.
65. Сов. ист. энц., т. 9, Москва, 1966, стр. 287.
66. Lermolo, *Face of a Victim*, p. 241.
67. См. об этом F. W. Deakin and G. R. Storry, *The Case of Richard Sorge*, New York, 1966, pp. 199-200, см. также Светланин, «Дальневосточный заговор».
68. См. «Правду», 2 ноября 1938.
69. См. там же, 16 дек. 1938.
70. См. Tokayev, *Comrade X*, p. 119.
71. Swianiewicz, *Forced Labor*, p. 133.
72. V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, p. 77.
73. Показания лейтенанта Жигунова. См. Armstrong, p. 248, note 65.
74. Яковлев, «Цель жизни», 1-е изд., Москва, 1966, стр. 177.
75. См. «Ленинградскую правду», 25 февр. 1964.
76. Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 48.
77. См. списки делегатов XVIII съезда ВКП[б]. Стенограф. отчет, приложения I и II.

78. Горбатов, « Годы и войны », стр. 127.
79. Там же, стр. 144.
80. Weissberg, pp. 411-12.
81. « Тюрьмы и ссылки », стр. 361.
82. Beck and Godin, p. 146.
83. Weissberg, p. 12.
84. См. Хрущев. Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 29-30.
85. Weissberg, pp. 111-12.
86. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 30.
87. Там же, стр. 30.
88. Там же, стр. 30.
89. А. И. Мельчин в « Вопросах истории КПСС » № 11, 1964 (« Непоколебимый ленинец »).
90. Ф. Бега и А. Александров, « Петровский », Москва, 1963, стр. 304.
91. « Станислав Викентьевич Косиор », стр. 174; см. также « Правду », 3 апр. 1964, стр. 7 (Доклад Суслова).
92. Lipper, *Lagern,* s. 18.
93. Beck and Godin, p. 181.
94. Дробижев и Думова, « В. Я. Чубарь », стр. 71.
95. См. Українську рад. енциклопедію; БСЭ, 2-е издание; сборник « Герои гражданской войны »; Якир и Геллер, « Командарм Якир »; « Красную звезду », 6 июня 1971; « Календарь знаменательных и памятных дат », Москва, июль 1967; « Военно-исторический журнал », № 6, 1967; « Военный вестник », № 6, 1967.
96. См. « Правду », 3 апреля 1964, стр. 7 (Доклад Суслова).
97. Бега и Александров, стр. 304.
98. Е. Драбкина в « Известиях », 15 сентября 1966 (« Верность »); см. также письмо Л. Петровского ЦК КПСС 5 марта 1969.
99. « Вопросы истории КПСС », № 2, 1963.
100. Українська рад. енциклопедія, статья « Петровский ».
102. Сб. « У истоков партии ».
103. См., напр., « Правду », 18 окт. и 25 окт. 1938.
104. А. И. Мельчин в « Вопросах истории КПСС » № 2, 1963, стр. 98 (статья: « Сподвижник Ленина: к 85-летию со дня рождения Г. И. Петровского »).
105. Beck and Godin, p. 132.
106. Иванов-Разумник, стр. 354.
107. Бега и Александров, стр. 304-5.
108. Там же, стр. 305-6.
109. См. « Вопросы истории КПСС », № 3, 1964.
110. См. « Известия », 4 сент. 1918.
111. « Совещание историков », стр. 260 (Выст. А. Г. Кравченко).
112. Jerzy Walenczyk *Po Prostu,* 23 Dec. 1956 (« Meditations »).
113. « Совещание историков », стр. 260.
114. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 17-18.
115. Хрущев, там же, стр. 17; Roy Medvedev, *Faut'il réhabiliter Staline,* p. 14; П. Якир в « Посеве » № 5, 1969 (Письмо в ред. « Коммуниста »).

116. Сталин, Собр. соч., т. XIV, стр. 373-4.

117. См. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 24-5.

118. Б. И. Николаевский в примечаниях к первому английскому изданию Доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда в «The Crimes of Stalin Era», *The New Leader* edition, New York, 1956, note 20.

119. В своем докладе на закр. заседании XX съезда Хрущев цитировал его по «Делу Эйхе», т. 1.

120. См. «Правду», 3 апр. 1964, стр. 7 (Доклад Суслова).

121. См. Сов. ист. энциклопедию, т. 5, Москва, 1964, стр. 421; (См. также И. А. Козлов, «Северный флот», Москва, 1966; «Военно-исторический журнал», № 7, 1965).

122. Б. Ефимов, «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 75.

123. Brzezinski, p. 229.

124. Марягин, «Постышев», стр. 297.

125. П. Якир в «Посеве» № 5, 1969 (Письмо в ред. «Коммуниста»).

ЭПИЛОГ

НАСЛЕДИЕ

> Ни одно из зол, которые тоталитаризм... берется лечить, не может быть хуже самого тоталитаризма.
>
> *Альбер Камю*

«За что?» — были последние слова Якова Лившица, старого большевика и замнаркома. Он произнес эти слова 30 января 1937 года, ожидая казни. Ответа не последовало.

В течение нескольких оставшихся месяцев, которые старые большевики еще провели на свободе, хоть изредка разговаривая о подобных вещах, вопрос этот повторялся часто. Даже опытные политики были в замешательстве, а что уже говорить о рядовом советском гражданине — он вообще не мог ничего понять. «Я [...] спрашивал и других, и себя: зачем, почему? Никто мне не мог ответить», писал Эренбург[1]. Что же касается репрессированных, то у каждого из них, впервые переступившего порог камеры, непроизвольно слетало с уст «За что? За что?»[2]. Этот вопрос мы встречаем в лагерной и тюремной литературе, его писали на стенах камер, на арестантских вагонах, вырезали на нарах пересыльных тюрем[3]. Старый партизан Дубовой (обладатель длинной белой бороды, которой он очень гордился и которую выщипал следователь) даже выработал теорию на этот счет — он утверждал, что разгул репрессий связан с увеличением числа пятен на солнце[4].

Простейший, но ясный ответ на этот вопрос состоит безусловно в следующем: «уничтожить и дезорганизовать все

возможные источники оппозиции, противящиеся захвату Сталиным абсолютной власти». Но специфическая форма деспотизма, в жертву которой Сталин принес и партию, и всю нацию, присуща системе, созданной им в результате победы. Ибо после этой победы страна была расшатана, и в этом состоянии ей пришлось столкнуться с непредвиденными обстоятельствами на международной арене. Война с Финляндией в 1939-40 годах, затем с Германией в 1941-45, разруха и восстановление разрушенного вылились в отчаянную борьбу за существование. И только к 1947-48 году сталинское государство стабилизировалось политически и организационно.

К этому времени были достигнуты две главных цели. Огромное число враждебных и потенциально враждебных элементов было уничтожено или сослано в лагеря, а остальное население смолкло и подчинилось. Совершенно видоизменилась и сама коммунистическая партия.

Эта политическая трансформация несколько затушевана тем, что организационные формы остались неизменными. В период с 1934 по 1939 годы облик партии коренным образом изменился: все, кто противился политике Сталина, были уже к этому времени удалены из руководящих органов. В ходе репрессий были уничтожены и сами сталинцы, за исключением небольшого отряда ближайших приверженцев. Перерождение партии станет очевидным, если сравнить состав делегатов XVII и XVIII съездов. Менее двух процентов рядовых делегатов 1934 года осталось на своих местах в 1939 году.

До этого руководство стремилось сохранить все политические права в руках ядра партии, ограниченного круга старых большевиков. Уничтожив это ядро, Сталин в каком-то смысле «открыл вакансии» в руководящей верхушке, на которые могли претендовать способные новички. Для этого им, правда, требовались способности особого рода... Но любому выдвиженцу, независимо от происхождения и партийного стажа, было обеспечено тепленькое местечко, если он мог проявить необходимые качества — пресмыкательство

и безжалостность. Теоретическая основа партии, составленной из сталинских кадров, осталась той же. Эта старая основа состояла в марксистской «справедливости». Как заметил Гитлер, «всякая насильственная власть, не опирающаяся на твердую духовную основу, обречена на колебания и неустойчивость. Ей недостает постоянства, которое может покоиться только на фанатической преданности определенному мировоззрению»[5].

Один из очевидцев, сам павший жертвой репрессий, показывает, как рассуждали наиболее правоверные сталинцы. Говоря о бывшем работнике НКВД, который был известен беспощадностью при исполнении служебных обязанностей, но совершенно размяк и притих, попав в тюрьму, он пишет:

«Что бы сказал Прыгов, если бы ему пришлось защищаться на суде? Я думаю, что он стал бы ссылаться не на приказы свыше, а на учение Маркса-Ленина, как он его понимал. Прыгов был предан и исполнителен, как эсэсовец. Но его вера основывалась на убеждении, что она отвечает требованиям разума и совести. Он был совершенно убежден, что это не слепая вера, что в ее основе лежат наука и логика. Он был жесток, потому что этого требовала генеральная линия. Генеральная линия, покуда она соответствовала принципам марксизма, была для него альфой и омегой. Без этого «научного обоснования» генеральной линии, на котором покоилась вера Прыгова, распоряжения партии утратили бы для него всякое значение. Он был убежден в логической и нравственной непогрешимости марксизма, и его преданность зависела от этого убеждения»[6].

В теории сталинская партия сохранила старую доктрину и старые идеалы. Но дисциплина, которая до этого времени объяснялась, по крайней мере в теории, системой коллективного руководства, стала отныне означать служение одному человеку и выполнение его личных решений. Долг, преданность, солидарность, объединявшие до этого членов партии, теперь были направлены в одну сторону — вверх. В горизонтальном направлении, если говорить о товарищах, у которых

сохранились остатки веры, действовали только взаимная подозрительность и «бдительность».

В СССР была установлена новая политическая система. Новые кадры не только заняли места ветеранов, но и прошли долгую, суровую подготовку по освоению сталинских методов управления. Опыт репрессий закалил и усмирил их так же, как коллективизация, а до того гражданская война, усмирили их предшественников. В «Записках из мертвого дома» Достоевский пишет: «Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь... Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен. Общество, равнодушно смотрящее на такое явление, уже само заражено в своем основании»[7].

Философ-коммунист Георг Лукач рисует такую схему: «Сталин находится не вершине пирамиды, постепенно расходящейся книзу и состоящей из множества «маленьких сталиных». При взгляде сверху они — объекты культа личности, а при взгляде снизу — его созидатели и хранители. Без этого механизма, работающего четко и без перебоев, культ личности остался бы субъективной мечтой, патологическим фактом и не достиг бы социальной эффективности, которая сопутствовала ему на протяжении десятилетий»[8].

Сталин был окружен экстатическим поклонением. Один из делегатов XVIII съезда партии (1939г.) рассказывал так: «В момент, когда я увидел нашего любимого отца, я потерял сознание. Долго гремело, не смолкая, «ура!», и, очевидно, шум зала привел меня в чувство...»[9]. И это довольно типичный пример. Есть целая литература, посвященная Вождю.

В стране был создан особый общественный климат, ибо опыт пережитого наложил отпечаток и на правителей, и на тех, кем они управляли. Население научилось покорности, молчанию и страху. После репрессий 1937-38 годов массовый террор уже больше не был нужен Сталину: заведенная им машина могла работать без особых дополнительных усилий.

Относительное спокойствие, которое воцаряется в деспотической стране после уничтожения всех противников и потенциальных противников режима — такое же проявление террора, как сами убийства. Второе — продукт и консолидация первого: «создавая пустыню, они именуют сие миром» (Тацит).

Органы безопасности продолжали время от времени прочесывать страну, ударяя по всем подозрительным элементам. В 1940 году в Саратовской тюрьме по-прежнему содержалось по десять человек в камерах, предназначенных для одного или двух[10]. В лагеря отправлялось ежегодно до миллиона человек — на смену умершим, и мысль об этом ни на минуту не покидала умы. Но неистовство 1936-38 годов больше не повторилось. Одним массированным ударом стране перебили хребет и вырвали язык, после чего террор стал выборочным. Этого было теперь достаточно — тем более, что новый набор в исправительно-трудовые лагеря велся путем местных, ограниченных мероприятий, начавшихся в прибалтийских республиках и восточной Польше. Работа, на которую в России потребовалось все время с 1917 по 1939 годы, была выполнена здесь, на новых землях, по уплотненному графику — за два года (1939-41).

Помимо 440 тысяч поляков из числа гражданского населения, сосланных в лагеря, Советский Союз в сентябре 1939 года захватил около двухсот тысяч польских военнопленных. Большинство офицеров и несколько тысяч солдат были распределены по лагерям в Старобельске, Козельске и Осташкове. В апреле 1940 года там находилось приблизительно 15 тысяч человек, включая 8700 офицеров. С тех пор никого из них не видели, за исключением сорока восьми человек, которых перевели из лагерей в тюрьмы. В числе бесследно исчезнувших было около восьмисот докторов и более десятка университетских профессоров.

После вступления СССР в войну и подписания вслед за этим польско-советского соглашения, полякам, находившимся в советских лагерях, было разрешено выехать из Со-

ветского Союза и сформировать свою собственную армию на Ближнем Востоке. Тогда Польша передала советским властям списки солдат, которые попали в советский плен и не вернулись. В период между октябрем 1941 и июлем 1942 года посол Польши профессор Кот десять раз поднимал этот вопрос в беседах с Молотовым и Вышинским. Ему неизменно отвечали, что все пленные были освобождены. В ноябре 1941 года Кот встретился со Сталиным, и тот в его присутствии позвонил по этому вопросу в НКВД. Неизвестно, что Сталину ответили по телефону, но он, ничего не сказав, перешел к следующему пункту беседы и не пожелал больше говорить о военнопленных.

Когда генерал Сикорский встретился со Сталиным 3 декабря того же года, ему было сказано, что недостающие польские офицеры и солдаты бежали, возможно, через границу в Манчжурию. Но Сталин обещал заняться этим вопросом и добавил, что если инструкция об освобождении поляков не была выполнена по вине офицеров НКВД на местах, то виновные будут наказаны.

В апреле 1943 года немцы сообщили об обнаружении массовых захоронений в Катынском лесу, под Смоленском, — там были найдены трупы расстрелянных поляков. Но через два дня советское правительство представило свою версию, по которой польские офицеры, якобы находившиеся в лагерях близ Смоленска, были брошены при отступлении и попали в руки к немцам. Данная версия резко расходится с тем, что говорили до этого Сталин и его подчиненные.

Правительства союзных стран не приняли советскую версию безоговорочно, но решили, что не следует поднимать шум, потому что главная цель — сплочение сил против Гитлера. Пресса западных стран, напротив, почти единодушно приняла версию советского правительства. Американская военная газета «Старс энд Страйпс» даже поместила карикатуру, смысл которой состоял в том, что гибель польских офицеров незаслуженно-де вменяется в вину Советскому Союзу.

Германия разрешила интересующимся странам и органи-

зациям посетить могилы в Катыни. Там побывали Европейская медицинская комиссия, состоявшая из ученых различных европейских университетов, в том числе и из нейтральных стран, как например доктор Навиль, профессор судебной медицины из Женевы; представители польского подполья; пленные союзных войск высокого ранга, которые корректно отказались от комментариев при осмотре, но позже тайно сообщили своим правительствам, что немцы, безусловно, говорили правду.

В чем же состояли главные доказательства? Было откопано несколько нетронутых еще массовых захоронений, чтобы обследовать сваленные в них вповалку трупы. На некоторых были обнаружены советские газеты и другие печатные материалы, датированные не позднее апреля 1940 года. Причем все расстрелянные были в теплой зимней одежде, а согласно советской версии, казнь состоялась в начале осени, в сентябре 1941 года, при теплой погоде.

В Катыни откопали 4143 трупа — тех польских солдат и офицеров, которые находились в Козельском лагере. 2914 трупов было опознано. Из них 80% составляют люди, числившиеся в списках, составленных польскими властями, как пропавшие без вести. Что случилось с поляками из двух других лагерей (10400 человек) — неизвестно. Слухи ходят разные. Говорят, что определенное число польских заключенных погрузили на баржи и потопили в Белом море. Рассказывают также, что массовые казни и захоронения по типу Катынских имели место в окрестностях Харькова[11].

1-3 июля 1946 года вопрос о Катыни был предметом рассмотрения Международного трибунала в Нюрнберге. Судьи подошли к делу поверхностно и не указали в приговоре, на ком лежит ответственность за убийства. Но до сих пор не появилось никаких сведений — ни от пленных немцев, ни из захваченных документов, — свидетельствующих, что преступление в Катыни лежит на совести нацистов. Сейчас уже никто не верит в причастность Германии к этому преступлению, а советская и польская печать о нем молчат.

Недавно, правда, варшавский журнал «Современность» упомянул вскользь о «недостатке сведений о тех, кто пропал без вести»[12].

Описанный пример дополняет картину репрессий — это еще один случай массового уничтожения людей без суда. Казнь была произведена в обстановке полной секретности, как простая административная мера, и — в мирное время.

Не менее нагляден и следующий пример. Хенрик Эрлих и Виктор Альтер, лидеры еврейского социалистического Бунда, попали в СССР в сентябре 1939 года во время советско-германского вторжения в Польшу. Оба они были ветеранами социал-демократического движения в бывшей Российской Империи, а Эрлих входил даже в Исполком Петроградского совета в 1917 году. Их привезли в Бутырки и обвинили в том, что в период 1919-1939 годов они, с согласия польского правительства, переправляли в Советский Союз диверсантов и вредителей. Эрлих, которого однажды допрашивал лично Берия, настаивал, чтобы все его ответы записывались. Альтер на каждый вопрос отвечал: «Все это ложь, и вы сами это прекрасно знаете».

Восемнадцать месяцев спустя, в июле 1941 года, их перевезли в Саратов и приговорили к смертной казни. Они оба отказались обжаловать приговор, но через десять дней он был заменен десятилетним заключением. По амнистии, объявленной вскоре всем польским заключенным, они вышли на свободу соответственно в сентябре и октябре. Их попросили организовать Еврейский антифашистский комитет. Ясно, что их связи со старыми членами Бунда в американских профсоюзах — такими, как Давид Дубинский, — высоко ценились. Эрлих стал президентом, а Альтер секретарем новой организации. В президиум был введен советский актер и режиссер Михоэлс. Берия лично направлял работу комитета, но предупреждал, что по всем международным вопросам окончательные решения принимает Сталин.

4 декабря 1941 года Эрлих и Альтер вышли из своей гостиницы в Куйбышеве, и с тех пор их никто больше не ви-

дел. Сначала власти притворились, будто не знают, что произошло в действительности. И только в феврале 1943 года, в ответ на протесты крупных профсоюзных деятелей Америки и Англии, политических деятелей, включая Эттли и таких всемирно известных людей, как Эйнштейн, Литвинов направил письмо председателю Американской федерации труда Уильяму Грину. В письме говорилось, что Эрлих и Альтер были арестованы и казнены за то, что занимались разложением советских войск, уговаривая их прекратить сопротивление германской армии и немедленно заключить мир с Германией. Литвинов сообщил, что казнь состоялась в декабре 1942 года, но коллега погибших, который находился с ними в Куйбышеве до их ареста, считает, что это ошибка и имеется в виду декабрь 1941 года.

Оба описанных случая привлекли внимание всего мира благодаря случайному стечению обстоятельств. Таких случаев было множество. Обескровливание коренной России шло безостановочно, но часть жертв поставлялась «операциями местного значения». После поляков и прибалтийцев были высланы другие нацменьшинства. В 1941 году немцы Поволжья, в 1943-44 годах семь отдельных народов, главным образом на Кавказе, были поголовно арестованы и переселены[13]. Лагеря наполнились немецкими и японскими военнопленными. В 1945-46 годах были снова прочесаны территории, побывавшие под оккупацией. Большинство советских солдат, которые перешли на сторону немцев или просто были захвачены в плен, по возвращении с войны попали в лагеря.

ВОЙНА

Результаты расправы Сталина с военным руководством чувствовались на протяжении всей войны. Согласно недавним советским подсчетам, еще не опубликованным в СССР,

число жертв было несколько выше, чем принято считать на Западе. В ходе террора погибли:

3 из 5 маршалов;

14 из 16 командармов 1-го и 2-го ранга;

8 из 8 флагманов 1-го и 2-го ранга (т.е. адмиралов);

60 из 67 комкоров;

136 из 199 комдивов;

221 из 397 комбригов[14].

Погибли все 11 заместителей Наркома обороны и 75 из 80 членов Высшего военного совета. Сталин не ограничился высшими эшелонами командования — около половины всего командного состава, 35 тысяч человек, были расстреляны или попали в тюрьму. Как сказал позднее Хрущев, репрессии начинались «буквально с командиров рот и батальонов»[15].

В романе «Солдатами не рождаются» Константин Симонов приводит разговор двух генералов. В ответ на слова Серпилина: «Да, наковыряли много» его товарищ Иван Алексеевич говорит:

«Но дело глубже. Осенью сорокового, уже после финской, генерал-инспектор пехоты проводил проверку командиров полков, а я по долгу службы знакомился с анкетными данными. Было на сборе двести двадцать пять командиров стрелковых полков. Как думаешь, сколько из них в то время оказалось окончивших Академию Фрунзе?

— Что ж гадать, — сказал Серпилин, — исходя из предыдущих событий, видимо, не так много.

— А если я тебе скажу: ни одного?

— Не может быть...

— Не верь, если тебе так легче. А сколько, думаешь, из двухсот двадцати пяти нормальные училища окончили? Двадцать пять! А двести — только курсы младших лейтенантов да полковые школы...

... Но все же двести двадцать пять полков — это семьдесят пять дивизий, пол-армии мирного времени»[16].

Симонов по сути дела говорит, что чистки в армии (плюс непродолжительная финская война 1939-40 гг.) стоили жизни

всем командирам Советской Армии на уровне полка, не считая тех, кто получил повышение, чтобы заполнить образовавшийся выше пробел. Диалог этот вымышленный, но он подан в таком виде, что может быть принят и как фактическая справка. Во всяком случае, он не был опротестован в советской военной печати.

Генерал Горбатов, сидя в лагере, недоумевал по поводу того, «.... как будут вести бои и операции только что выдвинутые на высокие должности новые не имеющие боевого опыта командиры? Пусть они люди честные, храбрые и преданные Родине, но ведь дивизией будет командовать вчерашний комбат, корпусом — командир полка, а армией и фронтом — в лучшем случае командир дивизии или его заместитель... Сколько будет лишних потерь и неудач! Что предстоит пережить стране в связи с этим!» [17].

Позднее советские военные историки подтвердили, что результатом репрессий было выдвижение «малоопытных командиров». Уже в 1937 году к этой категории принадлежало шестьдесят процентов командного состава стрелковых частей, сорок пять процентов в танковых частях и двадцать пять процентов в военно-воздушных силах [18]. Больше того, «в это время были почти полностью ликвидированы руководящие армейские кадры, которые приобрели военный опыт в Испании и на Дальнем Востоке» [19]. Все это, разумеется, подрывало дисциплину в армии:

«Проводившаяся в широком масштабе политика репрессий против военных кадров привела также к подрыву воинской дисциплины, так как в течение нескольких лет офицерам всех званий и даже солдатам, состоящим в партийных и комсомольских организациях, внушалась необходимость «разоблачать» начальников, как тайных врагов. Вполне естественно, что это отрицательно повлияло на состояние воинской дисциплины в первый период войны» [20].

В 1939 году, выступая на XVIII съезде партии, Мехлис с ужасом и скорбью говорил о неоправданных исключениях из партии, которые проводились в армии в 1935-36-37 годах

на основе «клеветы» без документально-фактического разбирательства[21]. В последующие годы несколько генералов было освобождено — Мерецков в 1939 году, затем Рокоссовский и Горбатов. Но аресты в армии, так же как и среди гражданских лиц (и при тех же крокодиловых слезах Жданова) не прекратились. Фабрикация новых дел шла своим ходом. В 1940 году Герлинг вспоминал о советских генералах, с которыми ему пришлось сидеть в одной камере. Это были измученные пытками люди, почти у всех были сломаны кости от побоев.

Но даже после этого Красная Армия обладала значительной ударной силой — при условии эффективного командования. Это было продемонстрировано летом 1939 года. Талантливый командир Жуков из бывшей Первой Конной армии отбил атаку японцев, вторгшихся в Монголию. Для этой образцово проведенной операции он сумел сконцентрировать большие силы, численно превосходящие противника, что само по себе было огромным достижением. Однако тактика использования бронетанковых войск, разработанная Тухачевским (которой следовал Жуков), была осуждена и отброшена. К 1937 году Тухачевский и его группа шли по пути создания «военной элиты, выделившейся из массы»[22]. Через несколько месяцев после разгрома японцев у Халхин-Гола в основу стратегической доктрины Красной Армии снова была положена устаревшая концепция «массы», и танки начали придаваться более мелким подразделениям.

Когда волна репрессий схлынула, ключевые посты верховного командования оказались в руках людей, не подготовленных для этой роли. Никто из них не обладал стратегическим мышлением. И даже в тактических расположениях войск вдоль границы сказывался «неизобретательный и тупой ум»[23]. Негибкость военно-политической машины приводила к тому, что неполадки наверху сразу сказывались на всей структуре. «Масса», на которой базировалась советская военная доктрина после Тухачевского, стала слишком громоздкой и неповоротливой. Командовать было трудно.

Во время финской войны 1939-40 годов «некомпетентность клики Ворошилова — Мехлиса, — как пишет английский военный историк Эриксон, — с самого начала привела Красную Армию к катастрофе»[24]. Кроме того, младший командный состав обнаружил полное отсутствие хладнокровия и выдержки («нервов», которые Тухачевский считал необходимым качеством). И это понятно — дух самостоятельности был уничтожен во время террора.

В 1939 году немецкое командование произвело оценку боеспособности советских войск. В секретных документах немецкого генерального штаба Красная Армия названа «гигантским военным инструментом», принципы руководства — «хорошими», но кадры руководства — «молодыми и неопытными»[25]. По мнению немецкой разведки, которая в 1940 году предостерегала от недооценки военного потенциала Советского Союза, Красной Армии нужно было четыре года, чтобы вернуться к уровню, на котором она находилась в 1937 году.

Два момента скрашивают этот мрачный период, пришедший на смену репрессиям. Во-первых, командарм Шапошников, бывший царский полковник, все еще продолжал пользоваться доверием Сталина. Несмотря на разгром, ему удалось отыскать и выдвинуть новые таланты. Полномочия Шапошникова как начальника генштаба были ограничены, но ему удалось заполнить несколько командных постов способными офицерами. Этих людей было, конечно, недостаточно, чтобы создать противовес другим, выдвигаемым по прихоти Сталина, Мехлиса и Ворошилова.

Во-вторых, по счастливой случайности два командира бывшей Первой Конной армии оказались хорошими солдатами. Тимошенко, которому пришлось расхлебывать последствия финляндской эпопеи Ворошилова, был уже (7 мая 1940) маршалом, а затем стал Наркомом обороны. Жуков получил незадолго перед этим восстановленное звание генерала армии, занимал несколько ключевых постов, а в январе 1941 года был назначен начальником генштаба.

Реформы, проведенные в период между 1940 годом и нападением Германии, были недостаточными, но без них Красная Армия была бы, вероятно, уничтожена в первые недели войны. Тимошенко пытался восстановить положение, существовавшее при Тухачевском, но за несколько месяцев нельзя было наверстать урон, нанесенный тремя годами деградации.

К тому же вместе с Тимошенко в маршалы был произведен Кулик — гротескная фигура из царицынской свиты Сталина, которого Ю. П. Петров считает полной бездарностью[26]. Кулик был поставлен во главе артиллерийских войск. Вместе с Жуковым и Мерецковым (незадолго перед тем выпущенным из тюрьмы) звание генерала армии получил еще один ни на что не годный ветеран Первой Конной — Тюленев. Таким образом, после 1940 года четверо из пяти маршалов, двое из трех генералов армии и двое из новых генерал-полковников, были выходцами из группы Сталина, действовавшей во время гражданской войны. Двое из восьми оказались достойными кадрами. Уровень остальных выдвиженцев колебался от среднего до катастрофического. Уступки, на которые пошел Сталин перед лицом военной опасности, были пока ограниченными. И вполне можно предположить, что если бы не встряска финской войны, Тимошенко не получил бы возможности выполнить свою программу частичного возрождения армии.

Задача была грандиозной, а в тех обстоятельствах — просто немыслимой. Но кое-что все же можно было улучшить. 12 августа 1940 года отменили систему двойного командования. В сентябре Мехлис был выведен из состава политического руководства армией. Наметилось частичное возвращение к методам подготовки, которые использовал Тухачевский. Но как можно было за оставшееся время создать руководство и возродить дух армии? На посту Наркома обороны Тимошенко был неизмеримо эффективней Ворошилова, но последний, наряду с многочисленными сталинскими выдвиженцами, все еще сохранял в своих руках большую власть. А Сталин,

наивысшая инстанция, по-прежнему отказывался поверить в возможность германского нападения.

Эриксон, один из ведущих знатоков этого периода, сомневается в том, что накануне германского вторжения «в Советском Союзе существовал последовательный план обороны»[27].

Отношение Сталина к германо-советскому пакту 1939 года — один из самых любопытных эпизодов его политической карьеры. Странное дело: человек, не придававший ни малейшего значения словесным заверениям, равно как и письменным, думал или во всяком случае надеялся, что Гитлер не нападет на Советский Союз. Даже когда у него в руках были исчерпывающие доказательства, что нацисты стягивают силы для нападения, — доказательства, представленные советской разведкой, англичанами и немецкими перебежчиками, Сталин отдал строгий приказ рассматривать подобные сообщения как провокацию. Он сказал Шуленбургу «мы должны оставаться друзьями», а полковнику Кребсу «мы останемся вашими друзьями при любых обстоятельствах»[28] в надежде, что его слова возымеют действие. Как еще можно объяснить эти заверения?

Между 1939 и 1941 годами поощрялись нападки на Великобританию, но всякое упоминание слова «фашизм» было запрещено. Советник советского посольства в Париже Николай Иванов получил пять лет тюрьмы за «антигерманские настроения»[29]. Приговор был утвержден — вероятно, из-за бюрократической волокиты — в сентябре 1941 года.

Эренбург приводит в своих воспоминаниях слова старого советского дипломата, который горько заметил, что два года, сэкономленные германо-советским пактом, были потрачены почти впустую. И добавляет: «Он (Сталин) подозревал в коварстве своих ближайших друзей, а Гитлеру поверил»[30].

Существует мнение, согласно которому вся ненависть и вражда были сконцентрированы на Троцком, поэтому Гитлер как бы оставался в тени. Гитлер был пугалом, скорее предназначенным для устрашения партии, нежели реальной

угрозой. С психологической точки зрения в этом, по-видимому, есть доля правды. Однако нужно сказать, что недостаточный контакт с действительностью, обнаруженный Сталиным накануне нацистского вторжения, не чувствуется в его подходе к советско-германским отношениям в первый период действия пакта. В 1939-40 годах СССР держался непреклонно и отказывался брать на себя конкретные обязательства. Оказывая Германии, как союзник, определенные услуги, он неизменно проявлял даже в самых незначительных переговорах цепкость и подозрительность, торговался за каждую мелочь. В последующий период войны эти же черты были характерны для его отношений с англо-американскими союзниками. Таким образом, утрата чувства реальности — это своего рода «комплекс» 1941 года.

Возможно, что, сознавая беспомощность своей армии и своего режима перед лицом германского нападения, Сталин продолжал слепо надеяться на дополнительную двухлетнюю отсрочку, — надеяться вопреки здравому смыслу. Удача сопутствовала ему долгие годы, и он, видимо, окончательно уверовал в благосклонность судьбы. Но как бы там ни было, 22 июня на него посыпались отчаянные (и нелепые) донесения с границы: в нас стреляют, что нам делать?

А ведь советская армия была больше по численности, сильнее по материальной части и не хуже оснащена технически, чем немецкая. Только в одном нельзя их сравнить: немецкое командование, штаб и офицерский состав были на много голов выше. Гитлер устранил ряд высших офицеров, но у него хватило ума, чтобы понять: вести войну без хорошо обученных военных кадров — невозможно.

Советские армии, принявшие на себя удар немцев, были к этому не подготовлены и не получили нужной поддержки. Они начали в панике отступать. Реакция Сталина была мгновенной: он приказал расстрелять командующего Западным фронтом Павлова и его начальника штаба Климовских, за которыми последовал генерал Коробков, командующий разбитой 4-ой армией. Но это не могло спасти три армии и четыре меха-

низированных корпуса, попавших в ловушку между Минском и Белостоком.

Советская авиация, обладавшая огромным численным превосходством над немецкой, была почти полностью уничтожена в первые дни войны. Правда, только одна шестая часть истребительной авиации была укомплектована машинами последнего образца[31]. Но это не сыграло решающей роли: превосходство оставалось весьма внушительным — 5:1, хотя бы только в численности самолетов. По недавним подсчетам ген.-майора П. Григоренко только одних отвечавших современным требованиям советских самолетов было 2700-2800 в то время, как у немцев весь воздушный флот состоял из трех-трех с половиной тысяч машин. Ошибки сталинского руководства ВВС усугублялись, однако, промахами в управлении производством и конструкторской работой. Подготовка пилотов была на низком уровне, тактика была отсталой. Кессельринг назвал уничтожение советских бомбардировочных соединений «избиением младенцев».

Давние недостатки советского самолетостроения и ВВС обнаружились с новой силой в результате главного просчета Сталина — его неверия в возможность немецкого вторжения. Большие соединения советских ВВС находились в момент вторжения на земле и были уничтожены за несколько часов. Сталин, как и следовало ожидать, приказал расстрелять генерала Рычагова, командующего авиацией Северо-западного фронта. Другой генерал, Копец, потерявший шестьсот самолетов, нанеся при этом лишь незначительный ущерб «Люфтваффе», покончил с собой, не дожидаясь кары.

Советская армия обладала огромным преимуществом в количестве танков, причем эти танки не уступали немецким по техническим показателям. Первые поражения советских танковых частей могут быть почти полностью отнесены, как замечает Эриксон, за счет примитивной тактики и некомпетентности штабов[32]. (Ген.-майор Григоренко указывает, что танков было на советской стороне 14-15000, на немецкой - 3712).

Исаак Дейчер, автор биографии Сталина, упоминает о том, что репрессированные командиры (так же, как и уцелевшие участники оппозиции) «были выпущены из лагерей для выполнения важного национального задания»[33]. На этом стоит остановиться подробнее.

Константин Симонов говорит о существовании двух списков людей, находившихся в заключении, которые были уничтожены соответственно в октябре 1941 и в июле 1942 года, когда Сталин «расценивал положение, как отчаянное»[34]. В этих списках значились имена видных советских военачальников. Так, Штерн, Локтионов, сменивший Алксниса на посту начальника ВВС, и Смушкевич (два генерал-полковника и один генерал-лейтенант, все — члены нового ЦК) вместе с рядом других были расстреляны 28 октября 1941 года[35].

Маршал С. С. Бирюзов сообщает, что некоторые офицеры, освобожденные из лагерей и реабилитированные, могли еще как-то воевать. Другие же были совершенно сломлены: «Полученные в тюрьмах и лагерях моральные, а часто и тяжелые физические травмы убили у них волю, инициативу, решительность, столь необходимые военному человеку». Бирюзов рассказывает о генерале, герое гражданской войны, имевшем одиннадцать ранений, которого арестовали в 1939 году и приговорили к двадцати годам лишения свободы, как «врага народа». Он стал банщиком в лагере строгого режима и получил дополнительно пять лет за кражу нижнего белья. И этого морально искалеченного человека освободили в 1943 году и назначили начальником штаба одной из армий[36].

В 1941 году на командных постах находились главным образом «кавалеристы», все трое питомцы бывшей Первой Конной армии. Тимошенко оказался способным военачальником, хотя и он проиграл несколько крупных сражений. Деятельность Буденного и Ворошилова (особенного первого) на Южном и Северном фронтах привела к катастрофическим последствиям. Другой протеже Сталина, маршал Кулик, опростоволосился в Ленинградской операции. Генерал Тюленев причастен к поражениям на Украине. У всех четырех отняли

командование, но ни одного из них не расстреляли. А много лет спустя, уже в 1957 году, Тюленев защищал львовскую операцию Сталина 1920 года — позорное и несмываемое пятно на репутации Красной Армии.

СССР удалось избежать полного поражения по двум причинам: во-первых, благодаря неисчерпаемым человеческим ресурсам; вторая, более важная причина состоит в том, что по ходу войны выдвинулись более талантливые командиры. Это могло произойти только в затяжных боях при отступлении. Новый дееспособный командный состав выделился путем естественного отбора, в горниле борьбы. Выдвиженцев-бездарей, сменивших старые кадры в 1937-38 годах, пришлось выполоть, как сорняк. Но победа была куплена ценой жизни сотен тысяч советских солдат, ценой сотен километров советской территории, брошенной при отступлении, и продлением срока войны.

В приказах Ставки о контрнаступлениях от Москвы снова были взяты на вооружение военные доктрины Тухачевского. Наступил переломный момент. Но, как сказал автору этой книги один бывший советский офицер: «Не будь репрессий, не пришлось бы делать на пути к Берлину долгий и мучительный крюк через Сталинград».

Репрессии Сталина не только не уничтожили «пятую колонну» внутри СССР, но создали базу для ее появления. Война 1941-45 годов была первая в истории России война, в которой большое число русских перешло на сторону противника.

Среди блестящих молодых офицеров, которых репрессии миновали, был генерал А. А. Власов. В боевых учениях 1940 года его 99-ая дивизия была признана лучшей. Высокий, сильный мужчина с зычным голосом, любитель крепкого словца, Власов, как вспоминает Эренбург, пользовался любовью солдат и был на хорошем счету у Сталина, который не сумел разглядеть в нем потенциального «изменника»[37].

Попав в плен, Власов, несмотря на немалые затруднения, которые чинили ему нацистские власти, пытался организовать

Российскую Освободительную Армию. Изданный им 14 ноября 1944 года политический «Манифест» показывает, что он отнюдь не симпатизировал нацизму — его единственной целью была демократическая Россия. Его смело можно сравнить с ирландскими революционерами 1916 года, которые пытались заручиться поддержкой Германии против Великобритании, или с бирманцами и индонезийцами, вступившими во время последней войны (или пытавшимися вступить) в соглашение с Японией против Запада. Можно вспомнить слова поляка Герлинга (Грудзинского), бывшего заключенного советских тюрем, об ожиданиях, которыми были охвачены узники лагерей: «Я с ужасом и стыдом думаю об Европе, разделенной на две части по реке Буг. На одной стороне — миллионы советских рабов, молящихся об освобождении, которое несет им армия Гитлера. На другой — миллионы жертв немецких концлагерей, которые ждут освобождения Красной Армией, как последней надежды»[38].

Намек Эренбурга на то, что Сталин умел эффективно бороться только с воображаемыми изменниками, вполне обоснован. В августе 1941 года Сталин уничтожил остатки потенциальной политической оппозиции. Два бывших заместителя председателя Совнаркома — Чубарь и Антипов — были, видимо, расстреляны 12 и 14 августа. Подобные меры, судя по всему, были широко распространены. Тот же Герлинг рассказывает, как в лагере, где он сидел, отобрали группу в составе двух генералов, четырех адвокатов, двух журналистов, четырех студентов, работника НКВД высокого ранга, двух бывших лагерных администраторов и еще пятерых ничем не примечательных людей и в июне 1941 года всех расстреляли[39].

Начало войны способствовало активизации тайной полиции и расширению ее власти. Сводились личные счеты, расправлялись с недовольными или могущими проявить недовольство. Для примера можно взять дело вдовы Народного комиссара внутренних дел Украины Брунивого, умершего под следствием. В 1937 году ее арестовали, долго и упорно

допрашивали. Результатом была хроническая болезнь почек и несколько переломанных ребер. Через два года Брунивую выпустили и реабилитировали. Она не переставала верить, что все, что с ней случилось — дело рук враждебно настроенных элементов в НКВД, о чем написала Сталину и Вышинскому. В начале 1941 года сотрудников НКВД, которые вели ее дело, судили и дали им по несколько лет за применение пыток. Брунивая чувствовала себя отмщенной. А через два дня после вторжения немцев, 24 июня 1941 года, она снова исчезла[40].

Когда советские войска начали отступать, были предприняты попытки эвакуировать заключенных НКВД. Во-первых, требовалась их рабочая сила, а во-вторых считалось, что они, конечно, с радостью встретят своих освободителей, даже освободителей-нацистов. Но отступление было настолько беспорядочным, в особенности на Украине, что на практике эвакуация зачастую оказывалась невозможной. Тогда заключенных стали в массовом порядке ликвидировать. Есть сведения о массовых убийствах заключенных в Минске, Смоленске, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Запорожье и во всех прибалтийских республиках. Недалеко от Нальчика находился молибденовый комбинат, на котором работали зэки. По приказу Наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской республики всех их расстреляли из пулеметов[41]. Есть сведения, что однажды при отступлении была собрана большая группа заключенных в 29000 человек. Когда появилась опасность дальнейшего продвижения немцев, в результате чего пришлось бы бросить лагерь в Ольгинской, НКВД отпустил на свободу всех, чей срок не превышал пяти лет, а остальных расстрелял 31 октября 1941 года[42]. Этот обычай сохранился и в мирное время: лагерь, расположенный около Ашхабада, 8 декабря 1949 года был разрушен землетрясением. Чекисты окружили его и открыли огонь по уцелевшим заключенным. Из двух тысяч восьмисот человек осталось в живых тридцать четыре[43].

И все же война принесла с собой некоторые послабле-

ния. Перестали, например, преследовать религию. Призывы к традиционному патриотизму нашли отклик по меньшей мере в сердцах русского населения. И все жили надеждой, что как только война кончится, жизнь станет легче: колхозы будут отменены, террор прекратится.

Война породила надежды на избавление. Как говорит один из персонажей романа Пастернака «Доктор Живаго»:

«И вдруг — предложение. Охотниками штрафными на фронт, и в случае выхода целыми из нескончаемых боев, каждому — воля. И затем атаки и атаки, километры колючей проволоки с электрическим током, мины, минометы, месяцы и месяцы ураганного огня. Нас в этих ротах недаром смертниками звали. До одного выкашивало. Как я выжил? Как я выжил? Однако, вообрази, весь этот кровавый ад был счастьем по сравнению с ужасами концлагеря, и вовсе не вследствие тяжести условий, а совсем по чему-то другому».

«... Люди не только в твоем положении, на каторге, но все решительно, в тылу и на фронте, вздохнули свободнее, всею грудью и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной»[44].

НА СТАРЫЕ РЕЛЬСЫ

25 июня 1945 года, поднимая тост на приеме в Кремле в честь участников парада победы, Сталин не случайно назвал «простых, обычных, скромных» советских людей «винтиками великого государственного механизма»[45]. Он намеревался восстановить старую машину и добился своей цели.

В том же месяце стало ясно: показательные процессы были отменены после 1938 года не потому, что Сталин считал их неубедительными и бесполезными, а потому, что в тех обстоятельствах они были уже больше не нужны. Начался суд над шестнадцатью поляками, членами подпольного правительства и армии. Главными обвиняемыми были генералы

Окулицкий, который взял на себя командование Армией Краевой после подавления героического Варшавского восстания и капитуляции Бур-Комаровского, и Янковский — главный представитель Польского эмигрантского правительства в Польше. С Окулицким, находившимся тогда в подполье, была установлена связь. Его попросили войти в контакт с советским командованием, гарантируя ему неприкосновенность, и при первом же появлении арестовали. Оба генерала и еще тринадцать из четырнадцати подсудимых «сознались» в антисоветской деятельности. Это был последний большой «открытый» процесс, проведенный в Москве. Цель состояла в том, чтобы дискредитировать польское движение сопротивления и оказать нажим на польское правительство в изгнании. Сталин хотел, чтобы оно вошло в коалицию с созданным коммунистами Люблинским комитетом, управлявшим тогда оккупированной Польшей, на условиях, которые обеспечили бы господствующее положение коммунистов.

В Москве, как мы уже сказали, подобных процессов больше не было, но они прокатились по всей Восточной Европе, причем проходили под непосредственным наблюдением советского руководства. Первыми жертвами (как и в СССР) стали люди, не состоявшие в партии: крестьянский лидер Никола Петков в Болгарии и кардинал Миндсенти в Венгрии; затем под суд попали венгр Райк и болгарин Костов.

От системы публичных признаний по сфабрикованным обвинениям отказались в декабре 1949 года, когда она неожиданно дала осечку. Костов, секретарь ЦК болгарской компартии, отказался от всех показаний на открытом заседании суда и оставался непоколебим до конца. Несмотря на негодование суда и слезные мольбы других обвиняемых, он не признался ни в чем. Костов занимал, пожалуй, более сильную позицию, чем обвиняемые первых показательных процессов: он знал, на что идет и, очевидно, задолго перед этим примирился с идеей смерти и пыток. Его поведение на допросах у немцев было примером для всей болгарской компартии. В отличие, скажем, от Бухарина и других, избалованных годами полного

комфорта, в нем была еще сильна подпольная закалка. Кроме того, Костов знал, что за ним стоит молчаливое большинство партии, и не чувствовал своей изоляции так остро, как советские оппозиционеры. И, помимо всего прочего, этот человек обладал поразительной выносливостью.

Последний показательный процесс сталинского периода — процесс Сланского в Праге — был объявлен открытым. На него не допустили, однако, западных наблюдателей. Процесс Сланского был проведен под советским руководством. В ноябре 1951 года Сталин послал Микояна, чтобы вместе с политическими руководителями чехословацкой компартии обеспечить следующую волну арестов. На уровне тайной полиции за постановкой следил М. Т. Лихачев, заместитель начальника следственного отдела по особо важным делам. Лихачева в 1954 году расстреляли вместе с Абакумовым и другими бериевцами[46].

Как сама идея ложного признания, так и техника его получения, изобретенная Ежовым, однако, довольно широко использовались в Азии в 1950-х годах. Китай, например, обвинил Соединенные Штаты в применении бактериологического оружия в Китае, представив в доказательство зараженные перья, насекомых, морских моллюсков, крыс и так далее, сброшенных якобы с американских самолетов. Эти вещественные улики сами по себе не были никаким доказательством, хотя они и убедили кое-кого на Западе. В качестве дополнительного подтверждения китайские власти прибегли к признаниям, которые им удалось вытянуть у американских летчиков.

В самом Советском Союзе в течение трех-четырех лет после войны не было вынесено смертных приговоров, если не считать нескольких видных деятелей власовского движения. Всех тех, кто действительно сотрудничал с немцами (а их были десятки тысяч, по меньшей мере) просто отправили в лагеря, куда вскоре прибыли и советские солдаты, интернированные в Германии.

В 1946-47 годах аресты обрушились на евреев и офицеров

армии, так что вскоре все те, кто были за это время освобождены, снова попали за решетку. Эта реакция на «прогнивший либерализм» получила официальное подтверждение в указе 1950 года, который, как говорят сейчас, был принят по инициативе Берии и Абакумова[47].

Поначалу условия в лагерях стали более смертельными, чем когда-либо. Из набора 1945-46 годов лишь немногие уцелели к 1953-му. Голод 1947 года[48] отразился, естественно, и на лагерных пайках. Однако в результате реформы и рационализации труда заключенных, в начале пятидесятых годов смертность значительно снизилась. На свободу почти никто не выходил — комендант лагеря в Котласе вспоминает, что за восемь лет, которые он провел на этой должности, был выпущен на волю всего лишь один заключенный[49]. Так что лагерное население росло и к моменту смерти Сталина достигло, вероятно, наивысшей точки.

В консолидации лагерной системы отразилось общее направление советского государства и его экономики. Последняя приобрела форму, к которой, по-видимому, стремился Сталин с тех самых пор, как захватил неограниченную власть. Принудительный труд должен был, очевидно, стать постоянным экономическим придатком нового общества. Сталину удалось создать общество, которое — на всех уровнях — действовало только по команде сверху. Колхозы, оснащенные тракторами, давали стране меньше продовольствия, чем мужики 1914 года с их прадедовскими методами. Но теперь крестьянство находилось под политическим и экономическим контролем и не могло влиять на рыночную конъюнктуру. И так — на всех ступенях лестницы до самой вершины. Приказы, поступающие свыше, подлежали безоговорочному исполнению. Не осталось ни одной области жизни, в которой решающее слово не принадлежало бы Кремлю.

Сталинский строй и социализм, каким его представлял себе Маркс, не лишены сходных черт: капиталистов больше не существовало, крестьянской буржуазии — тоже, хозяйство страны находилось под государственным контролем. Для тех,

кто полагает, что отсутствие капиталистов в современном промышленном обществе означает социализм, этого было достаточно. Но в теории социализма есть еще один весьма важный пункт — контроль над государством со стороны пролетариата. Ни в сталинском государстве, ни в сегодняшнем СССР никаких признаков этого не было и нет. Пришлось заполнить пробел фразеологией — мотив «государства рабочих и крестьян» перепевался и перепевается бесконечно, во всех мыслимых вариантах и контекстах.

Интересно, как сам Сталин относился к созданному им государству? Насколько оно соответствовало идее социализма, в которую он уверовал в молодости? Об этом можно только догадываться. Так называемого «правящего класса», действительно, больше не существовало. Сталин создал (и не отрицал этого) большую привилегированную прослойку, но при нем и она не владела средствами производства. Любая привилегия могла быть дарована только по милости Хозяина.

В этой унитарной системе политика как таковая исчезла. Она сохранилась только в форме интриг на высшем уровне — соперничества за благосклонность Сталина. Это утверждение может показаться парадоксальным: ведь в СССР было больше «политической» агитации и пропаганды — в печати, по радио, на предприятиях и в официальной литературе, — чем в любой другой стране мира. Но эта «политика» была совершенно пассивна. Она состояла лишь в разжевывании решений Хозяина и в разжигании энтузиазма, с которым массам полагалось встречать эти решения. Выросло новое поколение администраторов производства, овладевших приемами управления. Призрак ареста и лагерей подстегивал директоров, так же как система сдельной оплаты выжимала все силы из рабочего, преследуемого угрозой голода. Промышленные руководители, стоявшие во главе этого административного аппарата, такие как Тевосян, Малышев и Сабуров, были всего-навсего бессловесными техниками-исполнителями, монтирующими новую систему.

Систему планирования, хаотически действовавшую в

тридцатых годах, удалось рационализировать: выпуск продукции в тяжелой промышленности, что составляло главную цель Сталина, начал, наконец, регулярно увеличиваться. Но когда говорят, что та или иная экономическая система сработала, это еще не значит, что она обладает преимуществами по сравнению с другими системами. Советская система работала с перебоями и подчас — вхолостую; во многих областях планирование было по сути дела фиктивным. Механизм сбыта и распределения — главный порок этой системы — восполнялся существованием черного рынка. И все же созданная Сталиным хозяйственная система была действующей реальностью. Потери и издержки не помешали главной цели — постоянным капиталовложениям в промышленность, на что и шла большая часть национального дохода. Однако врожденные пороки советского хозяйства сыграли свою роль: расширение производства, купленное ценой таких неимоверных жертв, было не больше, чем в капиталистических странах.

Провести конкретные сравнения трудно, потому что статистические данные о развитии хозяйства в те годы либо засекречены, либо искажены. Но общий результат — тот факт, что в стране была создана растущая промышленность, — окрылил партию и вызвал восхищение в определенных кругах западной интеллигенции. Россию считали сравнительно отсталой страной. А тут появилась надежда (она жива еще и сейчас), что советский метод может быть применен и в остальных странах Востока.

Но при этом забывают, что Россия вовсе не была такой отсталой. До революции она уже представляла собой четвертую промышленную державу мира. При Николае II протяженность железных дорог удвоилась за десять лет, резкий скачок произошел в добывающей и металлообрабатывающей промышленности. Как писал сам Ленин: «Напротив, теперь мы видим, что развитие горной промышленности идет в России быстрее, чем в западной Европе, отчасти даже быстрее, чем в северной Америке... За 10 последних лет (1886-1896) выплавка чугуна в России утроилась... Развитие капи-

тализма в молодых странах значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран»[50].

И этот процесс продолжался вплоть до 1914 года.

После 1930 года Сталин значительно расширил промышленную базу. Но он действовал весьма расточительными методами, вероятно более расточительными с точки зрения экономики и человеческих страданий, чем первая промышленная революция в Англии. Как он воспользовался имеющимися ресурсами? Проблема перенаселения в сельских местностях была решена путем уничтожения наиболее производительной прослойки крестьянства. Большая часть технически подготовленных кадров была ликвидирована по обвинению во вредительстве. Правда, значительное число квалифицированных кадров либо было уничтожено, либо эмигрировало уже во время самой революции. К 1929 году было ясно, что чисто экономические цели могли быть достигнуты куда более мягкими мерами, как например, в Японии при императоре Мэйдзи.

В конце 1962 года теоретический и политический журнал ЦК КПСС «Коммунист» выступил с критикой сталинских методов планирования. Сталин обвинялся в том, что «его чисто волюнтаристические задания и поправки к планам, вносимые без учета материальных возможностей, нередко лишали экономического обоснования целые разделы государственных планов». Именно Сталин, — писал «Коммунист», — несет ответственность за многолетние неполадки советской экономики. И чтобы свалить с себя вину, он утверждал, что эти трудности неизбежно возникают при быстрых темпах роста производства. Сталинское «волевое планирование — по словам журнала — нанесло огромный ущерб и нашему сельскому хозяйству, на котором последствия культа личности Сталина сильно сказываются до сих пор»[51].

Я отнюдь не разделяю мнения, что метод Сталина был единственным или наилучшим методом ускоренной индустриализации, даже для страны с однопартийным режимом. Но в любом случае основные экономические преимущества,

завоеванные Сталиным или приписываемые ему, были налицо еще до начала массовых репрессий. Нет никаких сомнений, что репрессии отрицательно сказались на экономике: в них были уничтожены многие кадры промышленных руководителей, среди них — самых квалифицированных, начиная с Пятакова; лагеря пополнялись за счет далеко не избыточной рабочей силы. Правительство руководствовалось не экономическими соображениями, а интересами деспотизма. Все это привело к снижению темпов экономического развития в 1938-40 годах.

Урок, который можно извлечь из вышеизложенного, очевидно состоит в том, что террор, даже когда он оказывается в какой-то степени экономически целесообразным, как в России в 1931-33 годах, — все же нежелательная мера, даже с экономической точки зрения. Ибо террор нельзя внезапно отменить: он обрастает своими кадрами, учреждениями, интересами и порождает свою психологию. Всякая польза, которую он может принести в определенный момент, при определенных обстоятельствах, сводится на нет тягчайшими последствиями в будущем. Поэтому не выдерживают критики никакие доводы в пользу сталинизма, даже если списать жертвы как необходимую плату за первоначальные успехи. Сталинизм — в такой же мере метод индустриализации, как каннибализм — метод перехода на улучшенное питание. Едва ли цель в данном случае оправдывает средства.

После войны Сталин узурпировал все сферы жизни. В области философии, например, он был провозглашен глубоким критиком Гегеля, ученым, впервые внесшим ясность в некоторые изречения Аристотеля, единственным человеком, до конца разобравшимся в теориях Канта. В статье по поводу трехсотлетия со дня рождения Спинозы «Правда» привела несколько сталинских изречений, ничего общего не имеющих ни со Спинозой, ни вообще с философией[52].

Директор института истории АН УССР Касименко пожаловался впоследствии на конференции в Москве, что в те дни «угроза беспощадной расправы при малейшем проявле-

нии неугодного Сталину толкования истории висела и над историками Украины»[53]. Академик Евгений Жуков рассказал о психологической травме, пережитой историками, которым систематически внушалось, что «теоретически полноценные марксистские труды может писать только избранный вождь — Сталин, глубокие мысли и свежие идеи могут исходить только от него... Таким образом, на протяжении почти двадцати лет — период формирования сознания целого поколения наших людей — самостоятельная творческая мысль в области теории у «простых смертных» бралась под сомнение»[54].

Действительный член Академии медицинских наук профессор В. В. Парин так подвел итог положения в советской медицинской науке: «Основной вред обстановки культа личности для науки заключался в провозглашении одного мнения, одной точки зрения «неисчерпаемым кладезем мудрости», последней инстанцией истины... Не случайно подчас в ходе дискуссии по конкретным вопросам науки та или иная концепция подкреплялась не результатами собственных экспериментов ее защитников, а ссылками на научное наследство, одними лишь цитатами из чужих трудов»[55].

Пример деятельности первого секретаря ЦК КП Грузии Мгеладзе показывает, как сталинское отношение к науке сказывалось на местах. Этот пример привел в своем выступлении на Всесоюзном совещании по вопросам идеологии, происходившем в Москве 25-28 декабря 1961 года, секретарь ЦК КП Грузии Д. Стуруа. По его рассказу, Мгеладзе вызвал к себе сотрудников Института марксизма-ленинизма и Института истории грузинской Академии Наук и велел им написать книгу об истории коммунистической партии в Закавказье. Ознакомившись с результатами их работы, Мгеладзе сказал: «Мне, как автору, книга нравится. Но смотрите, чтобы в ней не оказалось ошибок, иначе все вы, дорогие друзья, отправитесь в тюрьму».

Сталин как-то заметил вскользь, что азербайджанцы произошли от мидийцев. Это утверждение стало для историков официальной доктриной, хотя оно было совершенно беспоч-

венным. Лингвисты «бились пятнадцать лет и в конце концов нашли тридцать пять сомнительных мидийских слов, хотя сам мидийский язык является мифическим»[56].

Несколько приведенных примеров (мы еще ничего не сказали о лысенковщине — трагедии советской биологии) дают общее представление о том, как расправился режим Сталина с интеллектуальной жизнью.

В послеежовские годы деятельность органов госбезопасности несколько утихла. Здесь уже уделялось больше внимания тому, что Орвелл назвал «преступлением мысли», даже выражению лица. Так, например, в докладе на XII пленуме ССП секретарь правления Союза А. Сафронов ясно указывал, что дело не только в том, *что* сказано, потому что это «что» может быть в полном согласии с требованиями партии. Нет, еще «надо слышать, в какой интонации обычно ведется критика», так как «пожалуй иные критики с удовольствием цитируют осуждаемые ими пьесы»[57].

В последние годы жизни Сталина началась новая серия репрессий — на этот раз без всякой огласки. В 1949-50 годах прошло так называемое «Ленинградское дело», по которому были расстреляны член Политбюро Вознесенский, секретарь ЦК Кузнецов и несколько других крупных партийных деятелей. Всего в Ленинграде было арестовано около трех тысяч ответственных партработников, с которыми обошлись очень жестоко — многие из них были расстреляны, и такие же репрессии происходили и в других местах. В 1952-53 годах сотнями гибли евреи-интеллигенты. Кульминацией этой антиеврейской кампании стало «Дело врачей-вредителей», когда Сталин — как рассказал Хрущев — лично вызвал к себе следователя и приказал «бить, бить и еще раз бить» арестованных врачей[58].

Казнь еврейских писателей, привлеченных к так называемому «Крымскому делу» 1952 года, — одна из самых невероятных акций советского государства. Это были коммунисты, подчинившиеся всем требованиям режима и Сталина: «подобно другим, они предавали своих друзей и братьев

каждый раз, когда этого требовала партия. Но они должны были умереть, потому что оказались не в состоянии предать свой язык и свою литературу»[59]. Говорят, что поэт Перец Маркиш сошел с ума, и когда его вели на расстрел, пел и смеялся. Последними словами прозаика Давида Бергельсона было изречение из Псалмов: «Земля, о земля, не засыпь кровь мою». (Название его последней книги «Убиенный буду жить» также взято из Псалмов).

За полтора года до смерти Сталина, 1 августа 1951 года, «Правда» — непонятно из каких соображений — опубликовала статью Герберта Моррисона, тогдашнего министра иностранных дел Великобритании. Моррисон спокойно, но убедительно писал о том, какие возражения вызывает у него советская система по части демократии. В том же номере опубликован ответ на эту статью, в котором говорилось, что Моррисон требует свободы слова для тех, кому ее не следует давать, для «преступников... которые убили... Кирова». Как выяснилось теперь, именно эти люди, и никто другой, обладали свободой слова.

Нет нужды говорить о том, что в Советском Союзе была дозволена только сталинская версия «объяснения» репрессий. Многие знали по собственному опыту, что это ложь, но всякий, кто не мог устоять перед насильственной умственной обработкой путем террора или просто под нажимом пропаганды, примыкал к официальной линии.

Другое дело — заграница. Запад не удалось заставить принять версию Сталина. Тогда, как и теперь, восторжествовала свобода мышления и свобода информации. Но это не смогло помешать огромному распространению официальной коммунистической версии событий.

НЕДОСТАТОК ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Всякому, кто занимается изучением сталинского государства, трудно устоять перед искушением составить полный перечень неверных толкований и ошибок, допущенных на

Западе. Значение этого вопроса трудно переоценить, но мы решили остановиться лишь на нескольких, наиболее типичных ошибках, допущенных теми, кто претендует на ясность выводов, моральную зрелость, неподкупность и политическую эрудицию. Один из важных аспектов сталинских репрессий — их воздействие на мировое общественное мнение. Сталин сам учитывал этот аспект, давая распоряжение о проведении процесса Зиновьева. По словам Николаевского, «на него не действует и аргумент об отношении общественного мнения Европы, — на все такие доводы он презрительно отвечает: "Ничего, проглотят"»[60].

Многие действительно «проглотили», и это — один из факторов, сделавших возможным проведение массовых репрессий в СССР. Суды в особенности были бы мало убедительны, если бы какие-нибудь иностранные и посему «независимые» комментаторы не придавали им юридического значения.

А еще до середины тридцатых годов иностранное вмешательство могло привести и приводило к определенным результатам, особенно в связи с тем, что после 1935 года политика Сталина ориентировалась на союзничество. Например, в июне 1935 года в Париже был проведен Международный конгресс писателей, задуманный как большое мероприятие, проводимое Народным фронтом. Магдалена Паз настаивала на том, чтобы был поднят вопрос о Викторе Серже, арестованном в 1932 году. Это требование вызвало настоящую бурю эмоций, но наконец, Магдалене Паз, которую поддерживали Сальвемини и Андре Жид, дали возможность высказаться с трибуны. Советская делегация состояла из Пастернака, Тихонова, Эренбурга, Кольцова и драматурга Киршона — двое последних сами вскоре после этого погибли. За исключением Пастернака, делегация противилась обсуждению этого вопроса и обвинила Сержа в причастности к убийству Кирова, которое произошло, кстати, через два года после его ареста[61]. Впоследствии Андре Жид выразил советскому послу неудовольствие от лица писателей.

В конце года Сержа освободили. Это был последний и почти уникальный случай, когда мировое общественное мнение повлияло на Сталина. Он дает основание предположить, что если бы процесс Зиновьева был во всеуслышание и более или менее единодушно осужден на Западе, то Сталин, возможно, не действовал бы так беспощадно как раз в период Народного фронта. Те, кто «проглотили» тогда советские процессы, стали до некоторой степени соучастниками дальнейших репрессий, пыток и смерти ни в чем не повинных людей. Факты, скрытые от прогрессивного общественного мнения (или — прогрессивным общественным мнением) Запада касались двух вещей: массового уничтожения людей, которое велось в огромных масштабах, и лживости показательных процессов.

Показания на судах с самого начала вызывали сомнения по трем основным пунктам: во-первых, характер заговоров не вязался с обликом подсудимых, которые всегда выступали против убийства отдельных лиц. Обвинение к тому же гласило, что они были агентами врага на протяжении всей своей политической деятельности. Во-вторых, отдельные утверждения были просто-напросто нелепы — например, Зеленского обвинили в том, что он подсыпал гвозди в масло, чтобы подорвать здоровье советских людей. В-третьих, в некоторых признаниях фигурировали события, происшедшие за рубежом, и их можно было проверить. Они полны заведомой лжи — встреча в несуществующей гостинице в Копенгагене, приземление в норвежском аэропорту в период, когда там не было принято ни одного самолета, и т.д.

На Западе не было недостатка в фактах. Появились сотни статей и книг, подкрепляющих все спорные пункты доказательствами. Троцкий, единственный из обвиняемых, находившийся на свободе, разоблачал фабрикацию дел как нельзя более убедительно. Представительная комиссия во главе с профессором Дьюи изучила имеющиеся данные тщательно и в строгом соответствии с правилами юриспруденции. В опубликованном ею отчете речь идет не о политических раз-

ногласиях, а только о фактах[62]. И все же широкие круги Запада пропустили это мимо ушей. Вера в правоту сталинской версии не может быть оправдана никакими разумными доводами. Все предлагаемые доказательства — иррациональны, хотя и пытаются придать своим формулировкам сугубо рациональный характер.

Коммунистические партии повсюду были рупором советского руководства. Представители интеллектуальной верхушки этих партий, — те, что были лучше осведомлены о положении в СССР и не хотели довольствоваться полученным ответом, — реагировали по-разному. Некоторые просто закрывали глаза на вопиющие факты. Один английский коммунист, когда его спросили, что он думает о советских процессах, ответил: «Каких процессах? Я давно уже перестал думать о таких вещах»[63].

Более типичным следует признать отношение Бертольда Брехта, который заметил Сиднею Гуку во время первого процесса: «Чем меньше их вина, тем больше они заслуживают смерти»[64]. Незадолго перед этим он написал пьесу о нацистской Германии. Главные действующие лица — муж и жена, обеспокоенные своей судьбой в связи с тем, что их друзья под следствием. Муж, учитель, не знает, как относится к нему школьное начальство: «Я готов учить чему угодно. Как они хотят — так и буду учить. Но как? Если бы я только знал!» Супруги думают — не повесить ли им на самое видное место портрет Гитлера. Или это будет выглядеть как признание своей вины?

«Жена: Но ведь тебя конкретно ни в чем не обвиняют.

Муж: Никого ни в чем не обвиняют. Но всех подозревают. Достаточно кому-нибудь выразить о тебе подозрение, чтобы тебя взяли под подозрение».

А потом один из персонажей замечает: «С каких это пор им стали нужны свидетели?»[65].

Брехт клеймит моральную основу нацизма. Главная тема пьесы — страх: мать и отец боятся, чтобы сын-школьник не донес на них. В Советском Союзе, как Брехт, несомненно,

знал, тогда творилось то же самое. Павлик Морозов, сын, донесший на своего отца, был провозглашен в СССР героем. Во время коллективизации Павлик вместе во своим пионерским отрядом помогал партии бороться с крестьянством. Он «разоблачил» своего отца, который был председателем колхоза, а потом попал под влияние кулаков. Отца расстреляли, а затем, 3 сентября 1932 года, группа крестьян, включая брата погибшего председателя, убила самого Павлика. Ему было 14 лет. Он как бы предвосхитил возрастной лимит, которого придерживался Сталин, подписывая смертные приговоры. Вся группа крестьян была уничтожена, а молодой Морозов возведен в герои комсомола. Его именем назван Дворец Пионеров в Москве[66].

В 1962 году советская печать отметила тридцатилетие со дня гибели Павлика Морозова. Корреспондент «Комсомольской правды» побывал, разумеется, в посвященном ему музее. «В этом бревенчатом доме, — пишет он, — проходил суд, на котором Павлик разоблачил своего отца, покрывавшего кулаков. Вот тот самый класс, где занимался Павлик, реликвии, дорогие сердцу каждого жителя Герасимовки. Сколько побывало людей у этих святых и дорогих мест!»[67] Через три года после убийства, как известно, в Герасимовке поставили памятник «пролетарскому орленку», чтобы его «подвиг» не был забыт.

Самого Брехта, по воспоминаниям близко знавших его людей[68], коммунизм привлекал не как рабочее движение, которого писатель не знал, а своим стремлением к абсолютному авторитету, тотальным подчинением тотальной власти. Все политические и полуполитические произведения Брехта отражают самозабвенное, холуйское пресмыкательство перед Идеей. Это по сути дела доведенный до вырождения взгляд на партию, которого придерживался Пятаков. (В связи с Брехтом стоит упомянуть, что его любовница, актриса Карола Негер, была арестована в СССР, и с тех пор о ней ничего не известно).

То, что коммунисты, следуя традиции «благочестивой

лжи», принимали и проповедовали неправду, пожалуй, естественно. Любопытно, однако, что это же можно сказать и о многих группировках некоммунистических левых сил. Не так откровенно, с меньшей долей мошенничества и святости, но они тоже обнаруживают тенденцию замалчивать критику, подтасовывать, приукрашивать или игнорировать упрямые факты.

Но стойкие, принципиальные левые упорно сопротивлялись. Эдмунд Вильсон, ознакомившись с обвинениями против Зиновьева и Каменева, когда он еще был в Советском Союзе, сразу же понял их лживость. В Соединенных Штатах адвокатом комиссии, возглавляемой восьмидесятилетним философом Джоном Дьюи, был Джон Финерти, который выступал защитником на процессах Муни и Сакко и Ванцетти. Наиболее сильным и действенным голосом Великобритании, разоблачившим лживость показательных процессов в СССР, была либеральная газета «Манчестер Гардиан». Ту же позицию заняла и традиционная лейбористская партия и ее пресса: партия опубликовала брошюру Фредерика Адлера с откровенным и точным анализом событий. На крайнем левом фланге самым решительным противником сталинских судов был Эмрис Хьюз из шотландской «Форвард». В действительности некоторые группировки левых (не только троцкисты, непосредственно в этом заинтересованные) смотрели на вещи трезво. Но другие круги, несогласные с теорией коммунизма, приняли официальную сталинскую версию.

В атмосфере конца тридцатых годов врагом номер один был фашизм, и поэтому критика Советского Союза, являвшегося якобы главным противником фашизма, подавлялась. Западные столицы, как пишет Артур Кестлер, «кишели художниками, писателями, докторами, адвокатами и молоденькими барышнями, перепевавшими на разные лады, хотя и в смягченной форме, лозунги Сталина»[69].

Несколько западных писателей — Фейхтвангер, Барбюс и даже сентиментальный поклонник Ганди Ромен Роллан выступили с оправданием сталинских процессов. В Америке

группа литераторов, художников и деятелей науки, в которую входили Теодор Драйзер, Грэнвиль Хикс (впоследствии раскаявшийся), Корлисс Ламонт и Макс Лернер, подписала манифест, осуждающий деятельность комиссии Дьюи. Говоря об отношении британских интеллектуалов, Джулиан Симонс отмечает, что они «охотно примирились с чудовищными неувязками». И добавляет: «Но их никто не обманывал. По отношению к Советскому Союзу они сами себя обманули — и в конце концов им пришлось заплатить за этот самообман»[70].

Среди левых некоммунистических сил, так сказать, широкого народного фронта, чувствовалось некоторое замешательство. Главный орган левой английской интеллигенции «Нью Стэйтсмен» назвал первый процесс «неубедительным», но добавил: «Мы не отрицаем, что в признаниях может быть доля правды». О процессе 1937 года тот же «Нью Стэйтсмен» писал: «Мало кто станет теперь утверждать, что все или некоторые из подсудимых совершенно невиновны». Признания, прозвучавшие на процессе 1938 года, который, согласно «Нью Стэйтсмену», «был безусловно очень популярен в СССР», показались загадочными — «независимо от того, правдивы они или ложны». «Но нет никаких сомнений в том, что в СССР процветает заговорщицкая деятельность» — таков общий вывод «Нью Стэйтсмена»; в нем сочетаются недоверие к обвинениям с готовностью поверить в них.

Несмотря на обилие информации, противоречащей официальной советской версии, эту версию удалось навязать журналистам, социологам и другим иностранным посетителям. В этом состоит одно из достижений сталинизма. Сталин действовал методами, которые на первый взгляд могут показаться грубыми и примитивными, но они срабатывали почти безотказно. В ежовский период СССР посетило больше туристов, чем когда-либо раньше. Они ничего не увидели. Ночные аресты, застенки Лефортовской тюрьмы, переполненные камеры Бутырок, миллионы заключенных, изнемогающих от голода и холода в лагерях Дальнего Севера — все это не

предназначалось для иностранцев. Три больших публичных процесса выглядели самыми захватывающими событиями, но и они проходили под строгим контролем, не отклоняясь от заранее составленного сценария.

Разглядеть Советский Союз было нелегко. Советское правительство содержало тогда в Болшеве показательную исправительно-трудовую колонию, которую могли осматривать иностранные посетители. Она привела в восхищение супругов Сиднея и Беатрису Вебб[71], о ней с похвалой отзывались Д. Притт, Гарольд Ласки и многие другие. Одному из дружественно настроенных посетителей представилась более редкая возможность: Ежи Гликсман, бывший до войны прогрессивным членом Варшавского городского совета, посетил Болшево и пришел в восторг от новых гуманных методов криминологии. Но через несколько лет он сам очутился в лагере, причем более типичном для советской карательной системы[72].

Бывшие заключенные вспоминают, что им иногда доводилось проходить через показательные блоки, которые назывались «тюрьмами Интуриста». Именно их и показывали зарубежным социологам и журналистам. Герлинга, когда он находился в Ленинградской пересыльной тюрьме (условия в ней были выше среднего: всего семьдесят человек в камере, предназначенной для двадцати) провели однажды через такое показательное крыло[73].

То, что произошло в Советском Союзе при Сталине, нельзя понять с позиции здравого смысла, если под здравым смыслом мы имеем в виду представления, которые кажутся разумными и само собой разумеющимися западному демократу. Много заблуждений, распространенных в Англии и в Америке в тот период, объясняются предрассудками. Причем люди не обязательно были настроены просоветски, но просто некоторые события или истолкования этих событий не укладывались у них в уме. Показательные процессы Сталина были не чем иным, как грандиозной фальсификацией — и это следовало разглядеть с самого начала.. Но многие

на Западе отказывались в это поверить, они отказывались допустить, что государство может насадить в таких масштабах систему дешевой и бессовестной лжи. В этой связи характерно замечание Бернарда Шоу: «Мне так же трудно поверить в то, что Сталин — обычный бандит, как в то, что Троцкий — убийца»[74]. Очевидно подобные события, если бы они произошли в обществе с социальной структурой типа Римской империи или Флоренции эпохи Возрождения, не удивили бы писателя. Заговоры, интриги, личные распри соответствуют духу этих государств. Но в советском государстве была некая обезличенность, и казалось, что оно больше подвержено влиянию политических идей, чем подобным явлениям.

Существовал еще один мощный фактор. И противники и сторонники Октябрьской революции представляли себе коммунистов преданными, даже фанатичными людьми — чем-то наподобие иезуитов Контрреформации. Их облик, при всех его недостатках и достоинствах, был несовместим с идеей уголовной преступности. В Англии, с ее чрезвычайно ограниченным опытом революционных движений, это представление все еще живо, особенно среди плохо информированных слоев населения. Оно еще не утратило своей смутной притягательной силы.

Сталин, Каганович, Ворошилов, Молотов и Ягода, даже высшие сановники НКВД Миронов и Молчанов были до революции членами большевистской партии, которая вела подпольную борьбу с царизмом. Это создавало им ореол «борцов за идею», и он как-то не вязался с антигуманным и преступным поведением. И сейчас еще наверняка на Западе есть люди, которые отказываются поверить в то, что руководители КПСС писали грубости и непристойности на заявлениях осужденных, взывающих к милосердию, — зная, что эти люди совершенно невинны. Своеобразное представление о революционных движениях, существующее в Англии, приводит к такой ошибке. Наряду с идеалистами-простаками, ошибается и разношерстная масса людей, у которых к идеа-

лизму примешиваются тщеславие, карьеризм или просто чудачество.

Пожалуй, самым распространенным было мнение, согласно которому дело советских участников оппозиции было просто раздуто, а не тщательно сфабриковано. Сторонники такого мнения полагали, что отбросив крайности, они занимают здравомыслящую позицию. На деле это был упрощенный компромисс между правдой и ложью, между правым и виноватым.

К тому же суды были направлены против соперников Сталина. Мысль о том, что Сталин организовал убийство Кирова — убийство в чисто уголовном смысле — была бы отвергнута как нелепость: ведь Киров, как полагали, был ближайшим союзником и соратником Сталина. Когда об этом заикнулись некоторые бывшие оппозиционеры и люди, эмигрировавшие на Запад, — которые, естественно, были лучше знакомы с положением вещей, — на Западе этот вопрос, как не заслуживающий внимания, попросту не стали обсуждать.

Такие взгляды обнаруживают непонимание всей широты политических возможностей в рамках недемократической системы. В более узком смысле это означает неспособность понять советскую действительность и недооценку Сталина. Ибо политическая тактика Сталина была гениально проста: в борьбе за сохранение власти не признавать никаких нравственных и прочих ограничений.

Его соображения о том, «а что скажут за границей?» были в основе своей здравыми. Сфабрикованные им дела, конечно, шиты белыми нитками, но Сталин не пытался заткнуть рот каждому, кто знал о них что-либо. Да в этом и не было необходимости. Что бы изменилось, если бы фальсификация дел была проведена безупречно и если бы Сталин неизменно расстреливал всякого, кто об этом знал? Почти ничего. Сталин лучше разбирался в особенностях общественного мнения как в СССР, так и на Западе. И — увы — он оказался прав! Те, которые были готовы поверить его

версии событий, поверили ей, закрыв глаза на частные недоработки и на предостережения других, имеющих доступ к достоверной информации. Государство, отказавшееся сознаться в своих преступлениях и закрывшее доступ к фактам, с успехом могло убедить многих иностранцев, несмотря на то, что у них в распоряжении были сведения очевидцев, переживших сталинский террор. Режимы, аналогичные советскому, усвоили этот урок, но на Западе он по сей день остается источником широкой информации.

О показательных процессах знали все. Но другие репрессивные меры оставались втайне: в частности, о размерах и характере лагерной системы Запад узнал от бывших узников коммунизма. После освобождения поляков появилась разом масса информации из первых рук. В 1948 году Д. Далин и Б. Николаевский опубликовали подробный отчет с указанием сотен лагерей, с репродукциями лагерных документов и т.д.[75] Британская делегация смогла распространить в ООН текст Исправительно-трудового кодекса РСФСР. Представили результаты своих исследований независимые профсоюзные организации.

На основе этих материалов была воссоздана абсолютно четкая, последовательная и исчерпывающая картина. Но ее отвергли. Жан-Поль Сартр даже высказался в том духе, что сведения о советских исправительно-трудовых лагерях следует игнорировать, хотя возможно они и соответствуют действительности, — иначе французский пролетариат будет повергнут в отчаяние. Почему население советских лагерей должно быть принесено в жертву членам французских профсоюзов, которых гораздо меньше? Непонятно. Так же непонятно, почему мнение французского пролетариата — одного из немногих, попавших под сильное влияние коммунистов, — должно иметь больший вес в международных делах, чем мнение английского, американского и немецкого пролетариата, настроенных антикоммунистически? И если уж на то пошло, почему интеллигенция должна принимать ложь?

Подобные этические рассуждения можно было бы счесть временным заскоком, историческим курьезом; и можно было бы ожидать, что всякий, кто выдвигает подобные взгляды, лишится роли морального арбитра. Но этого не случилось.

В 1940-50-х годах было предпринято много попыток скрыть или опорочить показания людей, побывавших в советских лагерях, да и вообще всякую информацию о репрессиях в СССР. Особенно отличалась этим Франция. В 1950 году писатель Давид Руссе возбудил дело против коммунистического еженедельника «Леттр Франсез». Газета обвинила Руссе в том, что он намеренно исказил выдержку из советского Уголовного кодекса. Адвокаты-коммунисты яростно защищались. Один из свидетелей, доктор Александр Вайсберг, австрийский еврей и до заключения в Советском Союзе — коммунист, подвергался систематической травле. Защитник допускал выражения типа: «Меня воротит при виде немца, дающего показания во французском суде». Но кампания с целью дискредитировать свидетеля не дала результатов. Вайсбергу удалось представить обращение, направленное советским властям после того, как его посадили в тюрьму, где он был охарактеризован как человек, честно служивший Советскому Союзу. Под обращением стояли подписи нескольких видных физиков, включая коммуниста Жолио-Кюри.

Появление в высшей степени поучительной и интересной книги Кравченко «Я выбрал свободу» также вызвало потоки клеветы. В результате этой злобной кампании у первого поколения читателей заглавие этой книги и сейчас, наверное, вызывает неловкое и даже враждебное чувство. Кстати, некролог Виктору Кравченко, опубликованный в лондонской газете «Таймс» 26 января 1966 года, — поразительный пример того, как живучи еще чувства, распространенные в сороковых годах. Газета игнорировала вопрос о правдивости книги Кравченко (задолго до этого установленной) и лживости обвинений против него (также юридически установлен-

ной). Она представила эту книгу в виде предосудительного акта холодной войны, очевидно совершенно забыв, как в действительности было дело.

Между тем, когда «Леттр Франсез» опубликовала статью, написанную будто бы американским журналистом по имени Сим Томас, который утверждал, что его друг из ОАС якобы сознался в том, что книга Кравченко — фальшивка, сфабрикованная данной организацией, Кравченко подал в суд. Во плоти Сим Томас так и не появился, и ясно в общем-то, что его никогда не существовало. На суде коммунисты потерпели полное поражение. Как же реагировали деятели французской культуры на факты, представленные внушительной группой очевидцев? Они отвечали на эти факты эмоциональными излияниями о героизме Сталинградской битвы. Чтобы опровергнуть показания людей, перенесших ужасы лагерей и другие страдания, они выставили таких свидетелей, как настоятель Кентерберийского собора Х. Джонсон и некий Конни Зиллиакус. Последние сочли для себя возможным заявить, что в СССР процветает полная или во всяком случае достойная восхищения свобода. Советское правительство также выставило группу свидетелей, но они, как правило, не выдерживали перекрестного допроса.

Вот, например, ответы советского свидетеля Василенко, который во время репрессий занимал ответственный пост на Украине:

Изар (адвокат Кравченко): Что сталось с нижеследующими членами Политбюро, избранными на Украине до начала репресий: Косиор?

Василенко: Я его не знаю.

Изар: Затонский?

Василенко: Не припоминаю этой фамилии.

Изар: Они были членами правительства Украины, когда вы там работали. Балицкий?

Василенко: Не припоминаю этой фамилии.

Изар: Петровский?

Василенко: Он работает в Москве.

Изар: Его не репрессировали?
Василенко: Нет.
Изар: Хатаевич?
Василенко: Не знаю, где он сейчас.
Изар: Естественно! Любченко?
Василенко: Не припоминаю этой фамилии.
Изар: Исчез! Сухомлин?
Василенко: Я не помню этой фамилии.
Изар: Якир?
Василенко: Не знаю[76].

Василенко, вероятно, забыл от растерянности, что о смерти Якира и Любченко было объявлено официально. Его спросили, что произошло с четырьмя секретарями обкома, к которому он тогда принадлежал, и Василенко «не знал». Затем ему задали вопрос о судьбе пятнадцати директоров и инженеров главных предприятий области, где он был одним из ведущих промышленных руководителей. Свидетель утверждал, что о последующей судьбе десяти из них ему не известно (двое умерли естественной смертью). Но допрос продолжался, и тогда Василенко, не выдержав, огрызнулся: «Почему вы становитесь в позу защитника таких людей, как они?»[77] — это замечание, естественно, несовместимо с неосведомленностью об их судьбе. Значение этой иллюстрации официального советского мышления — иллюстрации, продемонстрированной публично, — выходит за рамки данного процесса.

Кравченко выиграл процесс. Некоммунистическая западная пресса признала за ним полную и безоговорочную победу. Высокую оценку получило искусство его защитника, мэтра Изара, героя Сопротивления, бывшего депутата-социалиста и узника гестапо. Но главную роль в успехе сыграли ум и сообразительность самого Кравченко, которому пришлось иметь дело с весьма опытными французскими адвокатами. Однако после победы детали начали забываться; поток грязи и клеветы зажурчал снова и оставил неприятный осадок. Мне не известно о том, чтобы г.г. Джонсон и Зиллиакус, не говоря уже о французах, попытались восстановить свое доброе

имя соответствующими заявлениями. Что касается парижских интеллектуальных кругов, то им нужно было знать только одно: что Кравченко — противник советской системы. А это означало, что он неправ[78].

Факт существования лагерей в СССР был признан, но их пытались представить в виде весьма гуманных воспитательных учреждений. Английский коммунист Пэт Слоун, который занимался главным образом налаживанием культурных связей с СССР, опубликовал в 1937 году книгу под заглавием «Советская демократия». В ней он писал: «Если сравнить тюремное заключение в Советском Союзе и в Великобритании, то первое может показаться почти приятным времяпровождением. Ибо суть заключения в СССР — это изоляция от общества. Человек, находящийся в изоляции наряду с другими, имеет возможность заниматься полезным трудом, получать зарплату за свой труд и участвовать в управлении своим изоляционным пунктом, или «тюрьмой», так же, как дети участвуют в управлении школой, рабочие — в управлении предприятием»[79].

А вот выдержка из следующей книги Слоуна «Россия без иллюзий» (1938 г.): «Советские лагеря предоставляют заключенному свободу, необычную для тюрем нашей страны»[80].

В 1966 году Пэт Слоун прокомментировал свою деятельность на страницах журнала «Спектейтор»: «Среди людей, писавших об СССР в тридцатые годы, у меня меньше всего оснований стыдиться своих слов или пытаться взять их обратно»[81].

Главный редактор коммунистического еженедельника «Леттр Франсез» Пьер Дэ писал: «Лагеря по перевоспитанию граждан в Советском Союзе — это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком; решительный показатель того, что победивший социализм стремится освободить людей от эксплуатации путем освобождения и самих угнетателей, рабов своего эксплуататорского положения». По иронии судьбы Пьеру Дэ было по-

ручено написать предисловие к французскому изданию «Одного дня Ивана Денисовича», появившемуся при содействии Общества друзей Советского Союза...

Однако активное фальсификаторство поклонников Советского Союза и, что еще хуже, — теоретическое обоснование лжи, сделанное «философами», не были единственным источником заблуждений. Общая смутная доброжелательность по отношению к СССР, наблюдавшаяся даже в тридцатых годах, породила тенденцию к замалчиванию и игнорированию фактов.

Сам побывавший в советском концлагере доктор Юлий Марголин пишет, что «целое поколение сионистов умерло в советских тюрьмах и в ссылке». Зарубежные сионисты никогда не могли им помочь — не потому, что это было трудно, а потому, — продолжает Марголин, — «что нам было все равно. Я не помню ни одной статьи о них в предвоенных газетах. Не было затрачено ни малейшего усилия, чтобы мобилизовать общественное мнение и облегчить их судьбу»[82].

Если так вело себя сионистское движение, состоящее из образованных, любознательных людей с международным кругозором и имеющих к тому же особый интерес к данной категории заключенных, то что же говорить о Западе в целом? Ведь интерес жителей Запада (если он вообще был) мог быть порожден лишь отвлеченными общечеловеческими чувствами.

Западу потребовалось много времени, чтобы переварить последствия сталинской эры. И странно — доказательства, которых было бы достаточно для разоблачения любого другого режима, продолжали наталкиваться на сопротивление. Это явление отлично проиллюстрировано в предисловии Жан-Поля Сартра к книге Анри Аллега о пытках в Алжире. Сартр пишет, что пытки, как нам теперь стало известно, существуют и в коммунистических странах. Мы узнали об этом от Хрущева и из показаний на суде над венгерским руководителем госбезопасности Фаркашем. То есть Сартр по сути дела говорит, что сами по себе свидетельства очевидцев и лиц, самих пре-

терпевших пытки, — наподобие тех, которые собрал в своей книге Аллег, — действительны для Франции, но недействительны в применении к Советскому Союзу.

Разоблачение Сталина в феврале 1956 года не поколебало убежденных коммунистов на Западе, но вызвало у них беспокойство за тех, чья вера менее крепка. Вскоре после того, как содержание выступления Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС стало ему известным, член компартии Франции, нобелевский лауреат и известный «сторонник мира» профессор Жолио-Кюри сказал Илье Эренбургу[83]: «Многие наши интеллигенты после XX съезда заколебались». И добавил: «Я никогда не обманывался». Это подтверждает Кестлер, сообщая, что Жолио-Кюри вместе с Переном и Ланжевеном дал свою подпись под телеграммой Сталину, ходатайствующей об арестованном в Харькове физике А. Вайсберге[84]. Тем самым Жолио-Кюри давал понять, что сознавал необоснованность по крайней мере некоторых обвинений, предъявленных в советских судах.

Подобно многим другим, Жолио-Кюри вероятно думал, что радикальные изменения в структуре государства и общества сопряжены с трудностями и личными трениями; такого рода трудности могут возникнуть в любой стране, и лично его это не трогало. Но неприятные факты могут оказать нежелательное влияние на тех, кто знает меньше! Поэтому профессор попросил Эренбурга: «Пожалуйста, при детях расскажите о том хорошем, что у вас делается. А теперь поговорим о прошлом...». «Теперь» — значило «наедине».

Таково, вероятно, рациональное мышление коммуниста. Как бы то ни было, Жолио-Кюри — это всего лишь один, хотя и показательный пример в чрезвычайно пестрой картине антигуманизма и самообмана. Возможно, новые поколения примут эти события ближе к сердцу.

НАСЛЕДИЕ

5 марта 1953 года, когда умер Сталин, его наследники призывали народ не допустить «паники и разброда»[85]. Эти призывы были излишни — единая воля, исходившая от создателя нового государства, исчезла, но созданная им машина осталась. Стремление к переустройству жизни, охватившее советских граждан, по-прежнему не имело выхода и организационных возможностей.

Отрезок времени, отделяющий нас от того момента, равен по длительности периоду сталинского правления от ежовщины до смерти диктатора. Не стоит подробно углубляться в послесталинский период советской истории. Достаточно сказать, что над политической жизнью все еще висит проблема сталинщины, что официальная линия колеблется между решительным, хотя и частичным развенчанием диктатора (1956-1961 гг.) и позитивной оценкой его деятельности (например в 1957 году и в последние годы).

В данный момент взят курс на прямую реабилитацию Сталина. Но в разгар критики сталинского прошлого время от времени появлялась литература, на которую мы ссылаемся в этой книге.

Определение «культ личности» — это рамки, в которых ведется критика. Оно звучит недостаточно сурово, вызывая ассоциации с тщеславием и подобострастием – а это совсем не те компоненты, которые сделали правление Сталина столь прискорбным. Его жертв гораздо меньше волновало то, что именем Сталина назывались города, и гораздо больше — засилье террора и лжи. В определении «культ личности» есть оттенок деспотизма, но все же оно бьет мимо цели.

В угоду политическому лозунгу в него удавалось впихнуть такие понятия, как разнузданная тирания и — намек на легкие перегибы в оправданном применении силы. Но главное — определение дает возможность утверждать, что советское государство и партия в своей основе остались неизменными. В резолюции XX съезда КПСС мы читаем: «Успехи,

которые одерживали трудящиеся Советского Союза под руководством своей Коммунистической партии, вселяли законную гордость в сердце каждого советского человека и создавали такую атмосферу, когда отдельные ошибки и недостатки казались на фоне громадных успехов менее значительными...». И дальше: «Никакой культ личности не мог изменить природу социалистического государства, имеющего в своей основе общественную собственность на средства производства, союз рабочего класса с крестьянством и дружбу народов...»[86].

Но, как писал итальянский коммунистический руководитель Пальмиро Тольятти: «Сначала все хорошее приписывалось сверхъестественным положительным качествам одного человека. Теперь все плохое приписывается его столь же исключительным и просто поразительным недостаткам. В первом случае, так же, как и во втором, мы выходим за рамки критериев, присущих марксизму. Истинные проблемы остаются в стороне — вот почему советское общество приобрело формы, чуждые демократии и законности, к которым оно стремилось. Оно дошло до грани вырождения»[87].

Советское руководство снова и снова повторяло, что оно решительно и непримиримо выступает против любых попыток, под видом борьбы с культом личности, подорвать основы марксистско-ленинской теории и оживить антимарксистские взгляды и течения, осужденные партией. Сталинский тезис об обострении классовой борьбы (а, следовательно, и возрастании роли террора) по мере того, как побежденные эксплуататорские классы теряют свои позиции, был осужден. Но в официальной формулировке, включенной в программу партии на XXII съезде, об этом сказано лишь с оговорками:

«Общая тенденция развития классовой борьбы внутри социалистических стран в условиях успешного строительства социализма ведет к упрочению позиций социалистических сил, к ослаблению сопротивления остатков враждебных классов. Но это развитие идет не по прямой линии. В связи с теми или иными изменениями внутренней и внешней обста-

новки классовая борьба в отдельные периоды может обостряться. Поэтому требуется постоянная бдительность...»[88].

За это время произошла некоторая эволюция в методах правления. Особое совещание МВД было упразднено в сентябре 1953 года[89]. 19 апреля 1956 года было отменено террористическое постановление ЦИК от 1 декабря 1934 года, изданное после убийства Кирова.

25 декабря 1958 года новый «Закон об уголовной ответственности за государственные преступления» заменил соответствующие статьи Уголовного кодекса, составленного при Сталине. Некоторые чудовищные меры, например, статья, карающая семьи людей, бежавших за границу, даже если родственники ничего не знали, — были отменены. Но новый закон остается драконовским во всем, что касается антигосударственных действий, организаций и дискуссий.

Судопроизводство также претерпело некоторые изменения. Вышинского разоблачили, и с его уходом теория о том, что «признания» составляют главный элемент всякого хорошо составленного дела, потеряла прежнюю силу. Но к получению признаний все еще прибегают, придавая этому большой вес — как, например, сейчас (1973 г.) на процессе Петра Якира и Виктора Красина. Суды над Андреем Амальриком, Владимиром Буковским и многими другими, издевательское содержание инакомыслящих — как ген.-майора Григоренко — в психиатрических больницах, показывают, что о правах личности говорить еще не приходится.

Система исправительно-трудовых лагерей остается, и из официальных источников никакой информации о ней получить нельзя. Создается впечатление, что в 1950-51 годах были приняты меры, направленные на сокращение смертности среди заключенных и повышение эффективности принудительного труда. После смерти Сталина лагерный режим был немного ослаблен, что частично объясняется массовыми забастовками в северных лагерях. Большое число заключенных вышло на свободу по реабилитации и амнистиям, но этот процесс прекратился где-то в 1957 году.

Получается такая картина: население одних лагерей резко сократилось, а в других осталось почти на том же уровне. Во многих лагерях заключенных выпустили на вольное поселение. После лагерных бунтов 1953 года (Воркута) и 1954 года (Кунгур) заключенных переправляют дальше на Восток. Сообщения конца 1956 года, когда операции по сокращению числа заключенных фактически прекратились, показывают, что комплекс Колыма-Магадан изменился очень мало. Репатриированные военнопленные подсчитали, что в то время в дальневосточных лагерях сидело еще более миллиона. Сейчас, видимо, наиболее страшные комплексы типа Колымы и Воркуты значительно урезаны, а более мелкие, как например Дубровлаг на Потьме (там расположено по меньшей мере семнадцать лагерей) продолжают существовать в том же виде.

Подсчитать число заключенных в советских лагерях (которые сейчас гуманно перекрестили в «колонии») трудно. Андрей Синявский иронически замечает в повести «Суд идет»: «После амнистии лагерь опустел. Нас, крупных преступников, здесь осталось каких-нибудь тысяч десять»[90]. Заместитель Генерального прокурора СССР П. И. Кудрявцев в интервью с профессором юридического факультета Гарвардского университета Г. Берманом сказал, что в мае 1957 года, после амнистии, две трети лагерей было закрыто, но упомянул, что строятся новые. По словам Бермана, Кудрявцев старался создать впечатление, что население лагерей составляло в 1957 году 800-900 тысяч человек[91]. Эти цифры кажутся заниженными, поскольку они отсчитывались от трех миллионов, находившихся якобы в заключении в последние годы жизни Сталина. На самом деле их, конечно, было больше. Бывшие заключенные сообщают, с другой стороны, что основные старые комплексы все еще действуют[92]. В неофициальных разговорах советские граждане склоняются к цифре в один миллион, оговариваясь, что не более десяти процентов от этого числа составляют политические заключенные. И все же

это число превышает население гитлеровских лагерей в мирное время.

Лагерная дисциплина остается суровой. Указом Президиума Верховного Совета от 5 мая 1961 года впервые была введена смертная казнь за агрессивные акты в отношении администрации (не доходящие до убийства). Словом, после смерти Сталина карательная и полицейская системы СССР были несколько реформированы, но радикальных изменений не произошло.

Эта двусмысленность относится и к советской действительности в целом. Она имеет глубокие политические корни. Власти могли бы укрепить свое положение, если бы им удалось освободиться от бремени прошлого. Ежовщина и последние годы жизни Сталина очень непопулярны даже в партийных кругах — тогда никто не чувствовал себя в безопасности.

Сегодняшний советский режим вырос из сталинщины. Он неуклонно защищает правильность генеральной линии Сталина в борьбе с левыми и правыми уклонистами в двадцатых-тридцатых годах, а значит — защищает основы сталинской политики вообще. Поэтому «десталинизация» удерживается в определенных рамках. Тело Сталина удалено из Мавзолея, но оно все еще покоится на почетном месте у кремлевской стены, среди других «положительных» советских деятелей второго эшелона. Знаменательно, что могила Сталина соседствует с могилой Дзержинского, создателя советской тайной полиции.

Многие из личной свиты Сталина умерли вслед за диктатором, окруженные почестями: Шкирятов — в 1954 году, Вышинский — в 1955 (хотя поговаривают, что он покончил с собой). Но Поскребышев (к моменту написания книги) еще жив и на свободе; он, если верить слухам, пишет мемуары. Кагановича и Маленкова обвинили в «преступном нарушении социалистической законности» и... тоже оставили на свободе. Большинство руководителей сталинского НКВД расстреляно после серии судов в 1953-1956 годах. Но

другие еще здравствуют — например, Серов, ставший в 1959 году начальником разведки в армии. Генерал Горбатов совершенно равнодушно вспоминает о своем «изверге-следователе» Столбунском: «не знаю, где он сейчас»[93].

Пока еще не было сделано серьезной попытки оправдаться за террор в целом. «Великий заговор», во главе которого якобы стоял Троцкий, который поддерживали нацисты, в который были вовлечены политики, военачальники, инженеры, врачи и тысячи рядовых граждан, еще не был вразумительно разоблачен как фальшивка. С другой стороны, прозвучали заявления, которые в пух и прах разбивают главные обвинения на показательных процессах. Группа «заговорщиков» с процесса 1938 года реабилитирована десять лет тому назад, что превращает весь «заговор» в посмешище. Главное «преступление», инкриминированное осужденным 1937 года — покушение на жизнь Молотова — было открыто названо на XXII съезде КПСС ложью. А убийство Кирова, составляющее сердцевину карательной деятельности Сталина? Хрущев дважды — в докладе на закрытом заседании XX съезда в 1956 году и в докладе на XXII съезде партии в 1961 году — назвал официальную версию недостаточной и неубедительной. Причем оба раза он намекнул, что убийство было организовано Сталиным. Итак, правда вытягивается по кусочкам, медленно и болезненно, как крепко засевший гнилой зуб. Но сказанного уже достаточно для того, чтобы вскрыть абсолютную лживость доводов, которыми прикрывался Сталин.

Реабилитация 1956-57 годов отмечена тем же недостатком логики. Доброе имя военных жертв восстановлено. Казненным сталинцам — Рудзутаку, Чубарю, Постышеву, Эйхе, Косиору и другим — посмертно возвращены все почести. То же можно сказать о Енукидзе и Карахане, осужденных в 1937 году. Но ни один участник процессов Зиновьева и Пятакова еще не удостоился реабилитации.

Что касается бухаринского процесса, то часть осужденных

полностью реабилитирована (Икрамов, Ходжаев, Крестинский, Зеленский и Гринько сейчас в фаворе), а другие — нет. Неувязки поистине фантастичны.

Осенью 1962 года югославские источники сообщили, что вскоре будет реабилитирован Бухарин[94]. Но этого не произошло, хотя на Всесоюзном совещании по улучшению подготовки научно-педагогических кадров в исторических науках академик Поспелов сказал: «Студенты спрашивают, были ли шпионами иностранных государств Бухарин и другие, и что вы нам посоветуете прочесть? Я могу заявить, что достаточно внимательно изучить документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были»[95]. Это частичное оправдание важно в принципиальном смысле, но честное имя Бухарина и Рыкова до сих пор не восстановлено. В момент, когда пишутся эти строки, Зиновьев, Каменев, Пятаков, И. Смирнов, Сокольников — это не все, а лишь некоторые видные деятели партии, павшие жертвами показательных процессов — остаются не реабилитированными. Не говоря уже о многих других, которые даже не фигурировали на публичных процессах — Преображенский, Смилга, Угланов, Шляпников, Медведев, Сапронов, Сосновский.

Реабилитация, при всей ее нелогичности и ограниченности, проводится на разных уровнях. Максимумом до сих пор была отдельная статья, в конце которой говорилось, что данный человек пал жертвой клеветы в условиях культа личности. Минимум — это упоминание имени в нейтральном или доброжелательном контексте. Есть, правда, еще один показатель, который нельзя включить даже в категорию «минимум»: он состоит в том, как именно фамилия данного лица фигурирует в биографической справке, прилагаемой к трудам по истории страны и партии. Если человек уже вышел из немилости, то наряду с годом рождения и смерти дается год вступления в партию. Например — «член партии с 1910 года». Если же человек еще не реабилитирован, то формулировка

будет иной — «в 1910 году состоял в партии». Руководствуясь этим критерием, можно определить, что Сырцов, например, уже в какой-то мере реабилитирован, а Преображенский — нет.

Боязнь взглянуть в глаза прошлому естественно порождает недомолвки и невнятицу. Причина этого ясна — ведь машина, заведенная Сталиным, продолжает работать и по сей день. Принцип однопартийного правления, полное господство партии во всех сферах жизни, сохранение ее монолитности, авторитарное руководство, сосредоточенное в руках кучки людей, — все это остается неизменным. Все кадры нынешнего руководства выкованы старой сталинской машиной. Каналы, по которым они пришли к власти, были установлены при Сталине. Тогда же были выработаны и отшлифованы методы управления, действующие поныне.

Критика сталинского террора, начавшаяся в период хрущевской «оттепели», носила общий характер, была полна недомолвок и не преступала пределов дозволенного. Реабилитация проводилась тогда непоследовательно и наобум. Сейчас этот процесс более или менее прекратился, но, возможно, он возобновится на более поздней стадии. Можно однако сказать, что в настоящий момент политические преимущества, которые хотел получить Хрущев в ходе десталинизации, с точки зрения нового руководства уже использованы — группа потенциальных претендентов на власть отстранена от общественной жизни.

После падения Хрущева в октябре 1964 года все спекулятивные и рискованные начинания были пресечены. Это относится и к проблеме сталинщины — письменные дискуссии о наиболее щекотливых местах сталинского прошлого прекратились. В отношении к Сталину сначала стало высказываться холодное уважение, а потом стала заметна и благосклонность, хотя историки партии этому всячески противились. Так была консолидирована система, созданная Сталиным, исправленная и улучшенная Хрущевым.

Масштабы реакции, воцарившейся после Хрущева, ясно очерчены отношением к делу Ф. Ф. Раскольникова. Во введе-

нии к его военным мемуарам (опубликованным в 1964 году) совершенно недвусмысленно говорится, что он полностью реабилитирован, посмертно восстановлен в правах члена КПСС и советского гражданина. Еще в 1968 году отмечаются его заслуги в гражданской войне[96]. Вскоре после этого, однако, его фотографии исчезают со страниц иллюстрированных изданий и работники редакций, давшие о нем лестные отзывы, получают взыскания или увольняются.

В данный момент внутреннее положение в Советском Союзе противоречит всякой логике. Если эту систему приняли все классы общества (а они теперь сплошь «некапиталистические»), то, казалось бы, можно слегка разжать кулак. То есть, выражаясь западным языком, за тридцать лет «промывания мозгов» и террора можно было создать страну, где оппозиция существующему строю, даже если ее допустить, была бы ничтожной. Похоже, что в 1956 году одному-двум партийным руководителям эта идея стала забредать в голову — если не Хрущеву, то по крайней мере Шепилову. На какое-то время ей, можно думать, поддались и в Китае: самое убедительное объяснение кампании «Пусть расцветают сто цветов!» состоит в том, что китайское руководство решило допустить некоторую свободу в надежде, что она будет способствовать укреплению режима. Но это оказалось тактическим просчетом — и в СССР, и в Китае мгновенно произошли вспышки ереси.

Советский режим являет собой забавное зрелище: с одной стороны, он утверждает, что пользуется всеобщей поддержкой, а с другой — проявляет крайнюю чувствительность к критике, даже самой безобидиной, как это было продемонстрировано в деле Синявского и Даниэля. Ясно, что время для примирения с народом, для создания демократической партии марксистского толка, как было запланировано первоначально, еще не наступило. Сейчас, во всяком случае, после сорока лет беспросветных лишений, обещания лучшего будущего еще далеки от исполнения. Люди, ведущие советский караван, если так можно выразиться, привыкли к безжизненному окружению

пустыни; они наслаждаются своей властью и знают: попади караван в более плодородный и живописный край — они сразу потеряют эту власть.

У Пятакова была идея, что партия, силой своей политической организации, может создать промышленность и пролетариат (которые по Марксу предшествуют социализму), а после этого — вернуться в русло, предсказанное марксизмом. Но «чуда» Пятакова не произошло по совершенно очевидной причине. Думать, что партия, сделав затяжной антимарксистский крюк, снова сможет стать представителем пролетариата на гуманных и демократических началах, было, конечно, ошибкой. Временное отчуждение стало постоянным. Ибо сталинские методы нельзя испробовать, а потом, достигнув нужных экономических и политических целей, — отбросить. Террор создает свои кадры, свои учреждения и институты, свою психологию. А партийная машина, которая так долго действовала только в своих собственных, ограниченных интересах, превратилась в «новый класс» Джиласа. Этот класс не более способен изменить свои привычки, чем бюрократические классы прошлого.

Эра Сталина была таким кошмарным прошлым, что ее разоблачение принесло явные политические дивиденды режиму, пришедшему на смену. Но одновременно он унаследовал в готовом виде систему институтов и правящую касту с укоренившимися верованиями и навыками. Партийные бюрократы очень неохотно идут на изменения, даже когда это не ущемляет их права управлять. В СССР же попыток ослабить это право предпринято не было, и вряд ли подобные попытки могут рассчитывать на успех до тех пор, пока не начнется массовое брожение. Сталинизм — это не только особые методы террора и своеобразные взгляды на индустриализацию, но и создание особой политической структуры. В определенном смысле это составляет его суть. Струкура же остается без существенных изменений.

«Десталинизация» обычно приравнивается к «либерализации». Но десталинизация, которая проводилась в Совет-

ском Союзе во времена Хрущева, состояла лишь в отходе от перегибов и злоупотреблений, допущенных покойным диктатором. Качественно это не меняет систему политического управления СССР или основные принципы, стоящие за этой системой. Россией по-прежнему правит партаппарат; принцип партийности — доктрина, обеспечивающая верхушке право решать все вопросы скорости и направления, — остается неизменным. На практике десталинизация сводится лишь к отказу от чрезмерного пользования кнутом и шпорами.

В последнее время мы неоднократно были свидетелями попыток реабилитировать НКВД. Под огонь критики попали люди, которые, исходя из роли, сыгранной этой организацией в проведении репрессий, «непрочь в связи с ликвидацией последствий культа личности набросить тень чуть ли не на все чекистские кадры»[97]. Отметим, что после падения Хрущева появилась целая серия романов и пьес, в которых агенты тайной полиции выведены героями. Например — «Операция "С Новым Годом!„» (М. 1964) и «Я отвечаю за все» (М.-Л., 1965) Юрия Германа; «Щит и меч» (М. 1965) Вадима Кожевникова; «Улицы гнева» (М. 1966) А. И. Былинова или «Камешки в руке» Салынского.

Параллельно с этим в вышедшем в «самиздате» третьем выпуске сборников «Преступление и наказание», посвященном разоблачению палачей сталинских времен, указано, что, например «бывший комендант НКВД Грузии Надрая, специализировавшийся на поставке женщин и девочек для Сталина и Берии, был осужден на десять лет, вышел на свободу в 1965 году и живет в Грузии», что полковник КГБ в отставке Монахов, ликвидировавший несколько сот иностранных коммунистов в Соловецких лагерях в начале советско-финской войны, проживает на благоустроенной даче под Ленинградом, и что попытка исключить его из партии наткнулась на сопротивление тогдашнего первого секретаря Ленинградского обкома Толстикова; что бывший заместитель начальника КГБ Тимирязевского района Москвы А.В. Сугак, «особенно свирепствовавший, преследуя врачей-евреев» в 1952

году, получил место заместителя директора Центрального музея Ленина и живет на даче под Москвой и т.д. Аналогично обстоит дело и с доносчиками. Так, например, В. Н. Астров, «автор сотен доносов», в 1966 выпустил книгу «Круча», в которой «вывел под псевдонимами и вновь оклеветал ранее оклеветанных им людей»[98].

Относительная свобода оппозиции, существовавшая в начале и даже в середине двадцатых годов, не восстановлена. Внутриполитическое положение СССР на сегодняшний день во многом напоминает то, что было в начале тридцатых годов. Репрессии начались в аналогичном общественно-политическом климате и никаких конституционных или иных гарантий против повторения сталинского террора нет. Советское общество не больше застраховано от рецидивов тирании, чем древний Рим, где на смену Веспасиану, восстановившему здравомыслие на развалинах империи Нерона, пришел Домициан.

Больше того, как раз во взглядах на сталинщину в последнее время наблюдается устойчиво реакционная тенденция. Уже к началу 1966 года осторожно нащупывается путь к восстановлению положительного отношения к сталинской системе правления. «Правда», например, в январе 1966 приветствует «развенчание партией и народом культа личности», но тут же предостерегает: «К сожалению, однако, и в этом деле сказались чуждые марксизму субъективистские влияния, нашедшие отражения также в некоторых трудах историков»[99].

В сентябре 1966 года Уголовный кодекс пополнился статьей 190-ой, карающей в своем § 1 «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление и/или распространение в печатной или иной форме произведений такого же содержания», а в § 3 «организацию, а равно активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок

или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти»[100].

Цель этого законодательства, проливающего определенный свет на характер послехрущевского руководства — пресечь протесты против несправедливостей типа процесса над Синявским и Даниэлем. На это указывали советские писатели и ученые.

Выступая на пленуме итальянской компартии (ноябрь 1961), сенатор-коммунист Секкиа сказал: «Путь, приведший к казням членов КПСС, был долгим. Он начался не в 1937 и не в 1934 году, а гораздо раньше — когда меньшинство было лишено права выражать свое мнение. Меньшинства были изолированы, взяты под подозрение, затем исключены из партии и ликвидированы»[101]. С другой стороны, мысль о разрешении нескольких мнений внутри партии получила резкий отпор на XXII съезде КПСС, и с тех пор о ней никто не упоминал.

Но вместе с тем нынешнее положение в СССР отличается от положения тридцатых годов: партийный энтузиазм выветрился, остались только инерция, сила привычки и прежние институты. Если стать на эту точку зрения, то советский режим может показаться чем-то наподобие монархий начала XIX века: они были величественны и могущественны, но их сердце уже перестало биться; осталась только оболочка, которая лопнула, уступив путь демократии.

Более того, сталинская хозяйственная система могла действовать лишь при условии суровых политических и полицейских ограничений — подавления потребительского спроса и замены экономических стимулов тактикой кнута. В эпоху угля и стали она еще была пригодна, но ей весьма трудно совладать с современной техникой. Давление экономических факторов требует коренных перемен, а не мелких реформ, которые были проведены в последнее время.

Каким путем пойдет дальнейшее развитие Советского Союза? Здесь можно выдвинуть несколько вариантов, но

следует учесть (как напомнил итальянский социалист Пьетро Ненни), что нет никаких гарантий против повторения того, что произошло в тридцатых годах.

Милован Джилас пишет: «К сожалению и сегодня, после так называемой «десталинизации», можно сказать то же, что и до нее: общество, созданное Сталиным, существует в полном объеме — и тот, кто хочет жить в мире, отличном от сталинского, должен бороться»[102].

Это, быть может, сказано слишком сильно. Но, тем не менее, нынешняя система правления в Советском Союзе, да и в других коммунистических странах, продолжает покоиться на монолитной партии, созданной Сталиным после подавления всей и всяческой оппозиции. Это еще не означает, что в любой момент должна или может произойти вспышка сталинского террора. Однако сегодня с большей чем когда-либо силой звучат слова коммунистки-мученицы и героини Розы Люксембург: «Без всеобщих выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений жизнь каждого общественного института замирает, становясь подобием жизни, в которой единственным активным элементом остается бюрократия... Более того, такое положение вещей ведет к одичанию общественной жизни»[103].

В этих словах, сказанных о ленинском режиме, нет моральных доводов. Но Роза Люксембург смогла в них ясно предвосхитить все развитие советской страны — от революции до победы Сталина. Пока ее заветы не выполнены, Советский Союз будет страдать — в более или менее острой форме — хроническим недомоганием, достигшим критической точки в годы Ежова. Нам остается только надеяться на полное выздоровление. Признаком такого выздоровления был бы честный разбор прошлого — чтобы советские люди смогли свободно и досконально изучить события, о которых рассказывается на страницах этой книги.

ЭПИЛОГ

1. И. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 189 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).
2. Р. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 342-5.
3. Beck and Godin, *The Russian Purge and Extraction of Confession,* pp. 182-3.
4. Там же, стр. 93, 203.
5. Adolf Hitler, *Mein Kampf,* B. I, München, 1928, s. 181.
6. Beck and Godin, p. 194.
7. «Записки из мертвого дома», ГИХЛ, Москва, 1965, стр. 595.
8. Georg Lukácz in *Nuovi Argomenti,* oct. 1962.
9. См. Souvarine, *Stalin,* London, 1937, p. 661 (Postscript).
10. Zh. Medvedev, *The Rise and Fall of T. D. Lysenko,* New York, 1969, p. 267.
11. Материал о Катынском убийстве см. *Bulletin d'Information de la Commission pour la Verité sur les Crimes de Staline,* n. 3, Janvier 1964.
12. «Wspolczesnosc», 16 февр.–1 марта 1966.
13. См. R. Conquest, *The Soviet Deportation of Nationalities,* London, 1960.
14. Эрнст Генри (Ростовский) в «Гранях» № 13, 1967, стр. 194.
15. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 35.
16. К. Симонов, «Солдатами не рождаются», стр. 694-5.
17. Горбатов, «Годы и войны», стр. 154.
18. Ю. П. Петров, «Партийное строительство в Советской армии и флоте (1918-1961)», Москва, 1964, стр. 304.
19. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 35.
20. Там же, стр. 35.
21. XVIII съезд ВКП[б], Стеногр. отчет, Москва, 1939, стр. 276.
22. Erickson, *The High Command,* p. 583.
23. Там же.
24. Там же, стр. 552.
25. См. *Nazi Conspiracy and Aggression,* vol. VI, Washington, 1946, p. 981.
26. Ю. П. Петров, стр. 332.
27. Erickson, p. 583.

28. Там же, стр. 578.

29. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 246 (« Люди, годы, жизнь », кн. 4, гл. 37).

30. Там же, стр. 713 (кн. 7, гл. 30); см. также стр. 735 (кн. 7, гл. 33).

31. Полк. Б. С. Тельпуховский, « Великая Отечественная война Советского Союза 1941-45 гг. », Москва, 1959, стр. 40; см. также Erickson, p. 583.

32. См. Erickson, Chap. XVII, p. 565-87.

33. Deutscher, *Stalin*, p. 486.

34. Симонов, стр. 675.

35. См. Український рад. енциклопедичний словник, Киев, 1967, 1968, стр. 362, 307; Українську рад. енциклопедію, т. 16, стр. 383; см. также А. Светланин, « Дальневосточный заговор », стр. 105 (прим.).

36. Маршал С. С. Бирюзов, « Советский солдат на Балканах », Москва, 1963, стр. 140-1.

37. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 307-12.

38. Herling, *A World Apart*, pp. 175-6.

39. Там же, стр. 221-4.

40. Beck and Godin, pp. 189-90.

41. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 405.

42. Там же, стр. 282.

43. El Campesino, *Listen, Comrades*, p. 198.

44. Пастернак, « Доктор Живаго », стр. 586-7.

45. Сталин, Собр. соч., т. XIV, стр. 206; « Правда », 27 июня 1945.

46. См. « Nova Mysl », № 7, 10 июля 1968.

47. « Комсомольская правда », 15 ноября 1964.

48. См. Хрущев, « Строительство коммунизма в СССР », т. 8, Москва, 1964, стр. 265 (докл. на Пленуме ЦК 9 дек. 1963).

49. Информация автора; см. также « Один день Ивана Денисовича », Солженицын, Собр. соч., т. 1, стр. 27, 51, 130.

50. Ленин, Собр. соч., т. 3, стр. 490 (« Развитие капитализма в России »).

51. « Коммунист » № 17. 1962 (С. Старостин и Е. Фролов, « Экономическое развитие и совершенствование планирования »).

52. См. Souvarine, pp. 578-9.

53. « Совещание историков », стр. 69.

54. Там же, стр. 56.

55. В. В. Парин в « Литературной газете » 24 февр. 1962 (« Авторитет фактов »).

56. « Совещание историков », стр. 338 (Выст. А. С. Сумбат-Заде).

57. См. « Октябрь » № 2, 1949, стр. 147-8 (Доклад секретаря правления ССП СССР А. Софронова).

58. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 44.

59. *Bulletin d'Information de la Commission pour la Verité sur les Crimes de Staline*, n. 3, Janvier 1964.

60. « Московский процесс » в « Соц. вестнике » № 1-2, янв. 1937.

61. Victor Serge, *Memoires d'un révolutionaire*, Paris, 1951, pp. 345-7.

62. Report of the Dewey Commission, New York, 1937.

63. Julian Symons, *The Thirties*, London, 1960, p. 142.

64. *The New Leader*, 10 Oct. 1964.

65. Bertold Brecht, *Der Spitzel*, Szene 10 aus « Turcht und Elend des Dritten Reiches », Berlin, 1948; (Приведенную здесь цитату см. на стр. 71).

66. См. БСЭ, 2-е издание, Москва, т. 28, 1954, стр. 310.

67. « Комсомольская правда », 2 сентября 1962 (« Пролетарский орленок »).

68. См. Herbert Luthy, *Preuves*, Mars 1953.

69. Koestler, *Arrow in the Blue*, vol. 2, p. 208.

70. Symons, p. 143.

71. С. и Б. Вебб, « Советский коммунизм », т. 11, стр. 60-2.

72. См. его книгу Jerzy Gliksman, *Tell the West*, New York, 1948.

73. Herling, pp. 9-11.

74. Письмо Британскому комитету защиты Троцкого, июнь-июль 1937 см. Deutscher, *The Prophet Outcast*, p. 369.

75. D. Dallin and B. Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia*, London, 1948.

76. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 134-5.

77. Там же, стр. 135.

78. Silone в сборнике *The God that Failed*, p. 256.

79. Pat Sloan, *Soviet Democracy*, London, 1937, p. 111.

80. Pat Sloan, *Russia without Illusions*, London, 1938, p. 246.

81. *Spectator*, 3 June 1966.

82. См. Dallin and Nicolaevsky, p. 33.

83. Эренбург в « Юности » № 1, 1965 (« Два портрета »).

84. А. Кестлер в сборнике *The God that Failed*, p. 79.

85. КПСС в резолюциях, 7-е издание, Ч. II, Москва, 1953, стр. 1146 (Постановление от 6 марта 1953).

86. Там же, Ч. IV, Москва, 1960, стр. 230-1 (Постановление от 30 июня 1956).

87. « Девять вопросов о сталинизме », см. *Nuovi Argomenti*, 16-6-1956.

88. Программа КПСС, Москва, 1961, стр. 23-4 (Ч. I, Гл. III).

89. В свое время этот немаловажный юридический акт опубликован не был. Мы узнаем о нем из « Советского государства и права » № 1, 1956, стр. 3 (Передовая).

90. Абрам Терц (Синявский), « Фантастические повести », издательство Международного литературного содружества, 1966, стр. 273 (« Суд идет! », эпилог).

91. См. *Yale Law Journal*, n. 8, 1957, vol. LVI.

92. Положение ко времени написания этой книги см. Paul Barton, *Problems of Communism*, March-April 1962.

93. Горбатов, стр. 130 (Из « Хроники » № 9 [см. « Посев », 2-й спецвыпуск, 1969, стр. 56] мы узнаем, что Столбунский « живет в Москве и получает высокую пенсию »).

94. См. « Политика », Београд, 16 окт. 1962.

95. « Совещание историков », стр. 298 (Заключительное слово акад. Поспелова).

96. См. « Историю СССР », т. 3, Москва, 1968, стр. 103, 523.

97. « Казахстанская правда », 17 янв. 1965, статья Г. Аксельрода: « Верность чекиста ».

98. « Хроника » № 9 (См. « Посев », 2-й спецвыпуск, 1969, стр. 56).

99. « Правда », 30 янв. 1966 (« Высокая ответственность историков »).

100. « Ведомости Верховного Совета РСФСР » № 38 (416), 22 сент. 1966 (Ст. 1038).

101. Сенатор Секкиа (Senator Secchia), выступление на ноябрьском пленуме ЦК компартии Италии, 1961 г.

102. Джилас, « Разговоры со Сталиным », стр. 184.

103. Rosa Luxemburg, *Die Russische Revolution*, Zweite unveränderte Auflage, Frankfurt/Main, 1963, s. 75.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

МАСШТАБ ПОТЕРЬ

Точное число репрессированных в годы большого террора сейчас не может быть установлено. Обычно советские люди говорят о «миллионах жизней», разбитых сталинским террором, об «этом девятьсот проклятом годе, ставшем рубежом для миллионов»[1]. Примерные оценки, данные в главе 10, по различным причинам кажутся автору наиболее близкими к действительности. Мы можем быть, в общем, уверены, что они отражают действительный масштаб репрессий; их можно будет уточнить, однако, лишь после того, как откроются архивы НКВД.

Тем не менее по этому вопросу имеется немало данных. И, не пытаясь вывести из них что-либо с точностью, для которой они не дают оснований, мы можем, однако, перечислить главнейшие соображения, следуя которым я пришел к моим оценкам.

Это удобнее всего сделать, распределив материалы по пяти разделам. Во-первых, следует рассмотреть число арестованных. Во-вторых, число приговоренных к высшей мере и тех, кто был уничтожен. В-третьих, число концлагерей. В-четвертых, смертность в этих лагерях. В-пятых, в дополнение, мы можем попытаться оценить потери от террора на основе цифрового материала последней советской переписи населения. Мне показалось наиболее целесообразным рассмотреть каждый раздел в отдельности, не предпринимая попыток

связать их между собой. Степень, в которой они подтверждают друг друга, как и неясные области, проявляются при этом достаточно отчетливо.

1. АРЕСТЫ

1. Из подписанной Сталиным и Молотовым секретной инструкции от 8 мая 1938 года[2] известно, что в тот момент «в местах заключения... не включая исправительно-трудовых лагерей и колоний» — т.е. в тюрьмах — находилось 800 000 человек. Все свидетельства совпадают в том, что скученность в тюремных камерах в 1937-38 годах была большей, чем в любой предыдущий период: миллион человек это, во всяком случае, минимальная цифра. Она совпадает с прямым наблюдением по камерам. В Бутырской тюрьме сидело около 30 000 заключенных[3]. Если мы осторожно примем для остальных московских тюрем цифру 20 000 плюс число заключенных в тюрьмах Московской области, это даст в итоге 950 000 для всей страны: Московская область с ее девятью миллионами жителей составляла примерно 1/19 всего населения страны. Москва, конечно, не вполне типична. В ней был сосредоточен относительно высокий процент партийцев и работников госаппарата, репрессированных особенно сильно; с другой стороны, однако, рядовые граждане в столице преследовались, как показывают многие свидетельства, меньше, чем на периферии; в общем и целом эти два фактора уравновешивают друг друга. (В тюрьмах Ленинграда и Ленинградской области с населением примерно в 6 миллионов, в 1940 году сидело, по некоторым свидетельствам, около 40 000 заключенных)[4]. Цифра порядка одного миллиона заключенных представляется скорее заниженной по отношению к числу действительно сидевших по тюрьмам в 1937-38 гг.

2. Другая система расчетов приводит к цифрам того же порядка. В январе 1927 года советские тюрьмы могли принять

около 113 000 человек; в это время перегрузка тюрем выражалась примерно пропорцией 1,7 к 1, и в них содержалось около 198 000 заключенных. Если мы со всей осторожностью предположим, что между 1927 и 1937 годом не было произведено никакого расширения тюрем и примем коэффициенты перегрузки, как они указаны в главе 9, т.е. в пропорции от 4,5 к 1 до 15 или 16 к 1, получаются цифры порядка от полумиллиона до полутора миллиона заключенных.

3. По поддерживаемой многими оценке, в 1937 и 1938 годах средний заключенный проводил в тюрьме от трех до четырех месяцев[5]. Общее число арестованных в течение этих двух лет выражается в таком случае (т.е. если мы примем население тюрем в 1 миллион з/к) цифрой 6-8 миллионов человек.

Дополнительная цифра, которую назвал после своего ареста один из бывших следователей, говорит, что в одной только Москве было занято 3 000 следователей[6]. (Если допустить, что на каждого из них приходилось в среднем по одному делу в неделю, т.е. отнюдь не много), это дает по всей стране за два рассматриваемых года цифру порядка 6 миллионов одних только политических дел.

4. Доктор Александр Вайсберг, физик, находившийся в Харьковской тюрьме с марта 1937 года по февраль 1938 года, считает, что в течение этого времени было арестовано около пяти с половиной процентов населения этого района[7]. В числе других показателей была нумерация квитанций, выдаваемых арестованным на конфискованные у них вещи, деньги и т.п. Но это подтверждается и другими методами. (А. Авторханов, бывший крупный работник на Северном Кавказе, считает, что около четырех процентов населения этого края было арестовано в одном 1937 году, хотя он, по-видимому, готов признать эту цифру выше средней цифры по Союзу в целом)[8].

Против названной Вайсбергом цифры говорит то, что Харьков тоже не показателен. Но Вайсберг позаботился срав-

нить полученную им цифру с выводами других заключенных («в каждой камере обнаруживался хоть один статистик»)[9] и нашел, что обычно все приходили к цифре в 5-5,5%. (Другой интеллигентный наблюдатель, занимавшийся теми же подсчетами, пришел к выводу, что 5% населения — минимальное число арестованных)[10].

Применительно к общей численности населения, указанной в переписи 1939 года, это означает около 8,5 миллионов арестованных. Трудность здесь заключается в том, что переписи 1939 года нельзя доверять. Проведенная в январе 1937 года перепись населения была объявлена «неудовлетворительной», хотя осуждена только в общих чертах «за грубейшие нарушения элементарных основ статистической науки»[11]. Руководителей ее, кажется, расстреляли. Но что именно оказалось в ней негодным, осталось неизвестным. В НКВД говорили, что численность населения оказалась намного ниже, чем требовалось и ожидалось (по слухам, в январе 1937 г. была выведена цифра в 147 миллионов вместо 170 миллионов)[12]. С другой стороны, опубликованная численность населения по внешней видимости совместима с наблюдающимися и предполагаемыми тенденциями развития, что подсказывает другое объяснение причин сокрытия цифр переписи 1937 года, а именно — неудовлетворительность социального расслоения[13]. Как бы то ни было, но в этих условиях безоговорочно доверять переписи 1939 года нельзя ни в одном из ее аспектов.

5. По наблюдениям заключенных, зимой 1937 года, в период, когда арестов было больше всего, из Бутырской тюрьмы отправлялись главным образом в лагеря и заменялись новыми свыше 4 000 человек в неделю[14]. Для всей Московской области можно принять цифру в 7 000. Если принять, что средняя величина для рассматриваемых двух лет была несколько ниже четырех тысяч, то в двухлетнем итоге мы получим 416 000; в пересчете на всю страну это дает общее число арестованных чуть меньше 8 миллионов.

6. В 1934 году, во время XVII съезда ВКП[б], было зарегистрировано 2 817 000 членов партии и кандидатов. По принятому тогда Уставу кандидатский стаж мог продолжаться не более трех лет. Это значит, что все, числившиеся к XVII съезду кандидатами, должны были к XVIII съезду, т.е. к 1939 году, либо войти в партию, либо выбыть. Число членов и кандидатов во время XVIII съезда равнялось, однако, 1 568 000, из которых около 400 000 в 1934 году еще не были ни членами, ни кандидатами партии. Потеря составляет около 1 640 000. Около 300 000 было исключено в 1934 году, когда были в ходу сравнительно легкие обвинения. Остальные, в том числе исключенные в 1935 году по типичному обвинению в связях с «кулачеством, белогвардейцами, троцкистами, зиновьевцами и прочей сволочью»[15], были первым жесточайше разгромленным объектом чистки. Едва ли четвертая часть избежала ареста. Это дает почти миллион арестованных партийцев.

По осторожной оценке Бржезинского, в течение 18 месяцев, между январем 1937 и июнем 1938 года, из партии было вычищено 850 000 человек[16], что полностью согласуется с вышеприведенной оценкой. Соотношение арестованных беспартийных и коммунистов выражается по многим наблюдениям как 7-9 к 1. Это дает число порядка от 7 до 9 миллионов арестованных.

7. Другие оценки носят аналогично обобщенный характер. Югослав Дедьер считает, что в 1936-38 годах было арестовано около 7 миллионов человек[17]. Авторханов-Уралов (в прошлом ответственный работник советского аппарата) считает, что в результате решений июльского пленума ЦК 1937 года было репрессировано не меньше 3% населения[18], т.е. свыше 5 000 000 человек.

Таким образом, все элементы нашей оценки (обработанные, разумеется, обобщенно и достаточно осторожно) приводят, хоть и без претензий на какую-либо точность, к цифрам такого порядка.

2. ЛИКВИДАЦИЯ

1. Что касается смертных приговоров, то осторожные наблюдатели считают, что «они не превышали 10% от общего числа арестованных»[19]. В выбранном наугад 471 случае ареста в период 1936-40 годов (материал дали эмигрировавшие затем родственники 2 725 арестованных) оказалось 52 ставших известными смертных приговора[20], т.е. 10-11 процентов. На установленное нами число арестованных это дает около 700 000 «законно» ликвидированных.

2. Советский автор сообщает в своих воспоминаниях, что в Лефортовской тюрьме в августе 1937 года расстреливалось по семидесяти человек в ночь[21]. В первые пять месяцев 1937 года это число должно было быть значительно ниже, но, с другой стороны, зимой 1937-38 дело было еще хуже, и мы, вероятно, не очень ошибемся, если примем итог в 40 000 на годы 1937-38. Такой итог дает по всей стране цифру около 800 000, если принять, что во всех остальных тюрьмах ликвидировано всего лишь в двадцать раз больше народу — что представляется осторожной оценкой, даже учитывая особые условия Лефортовской тюрьмы. К тому же областные управления НКВД получали время от времени распоряжения ликвидировать определенное число находившихся в их руках «врагов народа», — следовательно, ликвидировать в тюрьмах, а не в лагерях, находившихся в ведении ГУЛАГа. Так, например, бывший работник НКВД Владимир Петров рассказывает о телеграмме, которую он видел своими глазами и которая безусловно принадлежит к числу многих, рассылавшихся по всему Союзу, настолько обычен и формален был ее тон. Это была телеграмма Ежова начальнику управления НКВД во Фрунзе, в Киргизии:

«Вам поручено ликвидировать 10 000 врагов народа. Сообщите исполнение кодом». Форма ответа была такая:

«В ответ на ваше указание от... сообщаем ликвидацию следующих врагов народа». Следует список имен, снабженных

порядковыми номерами[22]. Аналогичный приказ Свердловскому управлению НКВД содержит цифру 15 000. Другой, направленный в небольшой городок недалеко от Новосибирска, — 500; местное НКВД имело, правда, в своих руках лишь сравнительно безобидных обвиняемых, и было вынуждено расстрелять в конце концов священников и членов их семей, всех, за кем числились критические высказывания, амнистированных бывших белогвардейцев и т.д. — иначе говоря, людей, которым давали обычно по 5 лет, а то и меньше[23]. Один пример такой бойни стал известен во всех подробностях. В 1943 году в Виннице, во время немецкой оккупации Украины, были вскрыты массовые захоронения[24], они были обследованы, как и Катынские могилы, международной медицинской комиссией. Всего обнаружено больше 9 000 трупов; все были убиты пулей в затылок, за исключением нескольких, у которых головы были размозжены прикладом или дубиной. Было осмотрено 1670 трупов. По всей видимости, этот расстрел имел место в 1938 году. В результате опознания, произведенного родственниками, установлено, что самый поздний срок ареста — июнь 1938 года. Трупы были захоронены практически в пределах города, в плодовом саду и на части кладбища, превращенного затем в городской парк. В данном случае риск раскрытия был явно выше обычного (предполагается, что для захоронения расстрелянных обычно выбирались более укромные места). И действительно, захоронение в Виннице обнаружилось потому, что многие жители города в свое время наблюдали подозрительные действия НКВД или слышали о них. Допустимо предположение — на него наводит и Катынь, — что другие аналогичные места убийства остались необнаруженными. (По выбору таких неудобных, как в Виннице, мест можно, впрочем, оценить свойственную НКВД в 1938 году наглую самоуверенность в обращении с населением).

Население Винницы накануне войны достигало примерно 70 000, а вместе с областью примерно 1 000 000. *Если* эти 9 000 представляют *всех* расстрелянных по *всей* Винницкой

области и *если* тот же процент действителен для всей страны, то общее число всех ликвидированных достигает 1 500 000. Тот же расчет, проведенный на основе ликвидаций во Фрунзе и Свердловске (документированных слабее), дает на всю страну цифру свыше миллиона только от одной, описанной у Петрова операции[25].

3. К расчетам, опирающимся на установленные случаи расстрелов, весьма существенно присоединить и приговоры к принудительным работам «без права переписки». Никто из бывших зэков никогда не встречал людей, отбывающих этот вид репрессий. Больше того, в ходе обследования винницкого захоронения отмечен ряд случаев, когда члены семей расстрелянных опознавали их в числе убитых, в то время как им было сообщено об осуждении на 10 лет (обычная «катушка») «без права переписки». Напрашивается вывод, что эта формулировка — всего лишь прием для сокрытия числа расстрелянных. У нас нет никакой возможности оценить число замаскированных таким образом смертных казней. Но эта хитрость была бы бессмысленна, если бы не употреблялась в широком масштабе; один москвич называет несколько случаев среди своих немногочисленных знакомых, а один бывший сотрудник НКВД утверждает, что это была вполне нормальная процедура[26].

Борис Ефимов пишет, что его брат Михаил Кольцов был осужден на 10 лет «без права переписки». Когда в 1955 году его реабилитировали, Ефимову сказали, что он уничтожен. Когда же Ефимов заметил, что этого не может быть, потому что Ульрих лично сообщил ему о приговоре, занимавшийся делом Кольцова служащий только сказал: «Ах, Ульрих...» и с непередаваемой интонацией махнул рукой[27]. Верно, что дата смерти Кольцова указывается теперь на два года позже суда над ним. Похоже, поэтому, что данная форма репрессии, будучи по сути дела смертным приговором, не означала, что приговор обязательно должен быть немедленно приведен в исполнение.

Академик Сахаров описывает отдельные лагеря как «прообразы фашистских лагерей смерти» (в которых «практиковались, например, массовые расстрелы тысяч заключенных из пулеметов при перенаселенности» лагерей или получении «специальных указаний»)[28]. А это безусловно означает, по меньшей мере для части случаев, что осуждение «без права переписки» оказывалось отсрочкой.

4. Массовые ликвидации имели место и в лагерях. Почти везде они производились замаскированно и втайне. Заключенных увозили в спеццентры, и они исчезали таким образом из производимых их товарищами оценок смертности. Отдельные подлинные старые троцкисты, дожившие до 1938 года, обычно формально проводились через ускоренные суды, но они были исключением. Свидетель из центрального изолятора БАМЛАГа (группы лагерей Байкало-Амурской магистрали), в котором расстреливали в полной тайне и без всяких приговоров, считает, что в 1937-38 гг. там было ликвидировано таким образом около 50 000 человек[29]. В добавление к этому надо отметить, что расстрелы за саботаж, антисоветскую агитацию и, конечно, попытки к побегу были в лагерях обычным делом[30].

5. Из этого ясно, что хотя точной оценки числа расстрелянных сделать нельзя, но можно сказать, что это число, по всей вероятности, недалеко от миллиона.

Работник центрального аппарата НКВД считает, что в 1936, 1937 и 1938 годах было ликвидировано около двух миллионов человек[31]. По югославской оценке число ликвидированных в течение 1936, 1937 и 1938 годов, как мы уже знаем, — три миллиона[32]. Эта цифра нам представляется завышенной или охватывающей также и гибель людей в лагерях помимо расстрела.

3. ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ

Оценки числа заключенных в лагерях так же неточны, как и предыдущие. Но и здесь есть приемы, верные по своей принципиальной основе и не могущие при правильном их применении привести к слишком большой ошибке. Будучи независимы один от другого, они, тем не менее, поддаются согласованию. Вместе с тем, полученные с их помощью результаты согласуются и с результатами, полученными, если можно так выразиться, «с другого конца», исходя из численности арестованных.

1. В первую очередь в нашем распоряжении ряд цифр, вполне достоверных, но нуждающихся в истолковании: это рабочая сила, которую Главное управление лагерей (ГУЛАГ) НКВД рассчитывало иметь в 1941 году[33]. Эти цифры даны в секретном разделе государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1941 год. Имеющийся документ неполон. Из перечня запланированных видов продукции можно сделать некоторые выводы о применении принудительного труда на лесозаготовках, в добыче угля и в других областях. Не хватает данных для золотодобычи, сельского хозяйства и некоторых других отраслей, а главное — для строительства, которое велось силами ГУЛАГа для других наркоматов и составляло один из главных видов его деятельности. Профессор Сваневич, на основе тщательного и осторожного анализа имеющихся в этом плане данных, приходит к цифре в 7 миллионов заключенных. Следует оговорить, что конец 1940 года был периодом, когда население лагерей было сравнительно невелико; профессор Уайлс, оценивая число заключенных в 1939 году в 8 миллионов, дает оценку в 6,5 миллионов для 1940 года.

2. Другой метод, тоже принципиально верный, основывается на свидетельствах заключенных. Так, например, автор воспоминаний о лагерях Юлий Марголин побывал, начиная с 1940 года, в ряде лагерей ББК, расположенных в зоне Бело-

морско-Балтийского канала. Он попал на «48-ой квадрат», один из лагпунктов 2-го Онежского отделения ББК, и рассчитал, что если по всей стране имеется 10 000 таких лагпунктов, то число заключенных в Советском Союзе составляет 10 миллионов[34]. Работавший в лагерной администрации плановиком и статистом заключенный с десятилетним стажем Михаил Розанов на основе знакомства с лагерной документацией дает динамику развития Ухто-Печорских лагерей от 15 000 человек в 1931 году до 750 000 в 1941 году, а для всего несвободного населения СССР (включая один миллион в тюрьмах и 4 миллиона в ссылках) приходит к цифре в 11 миллионов человек[35]. Разумеется, такого рода личные оценки могут быть только очень приблизительными. Но если собрать их вместе и сопоставить друг с другом, можно сделать довольно уверенные общие выводы. Это и было с достаточным основанием сделано Далиным и Николаевским для всего ГУЛАГа на середину сороковых годов.

Ряд свидетелей из числа 440 000 польских граждан, отправленных в 1939-41 гг. в лагеря и освобожденных в 1942-43 годах в связи с войной, дали со своей стороны ценные указания[36]. Основанные на всех этих данных расчеты показывают, что в 1940-41 годах в лагерях было 8-12 миллионов человек.

3. В опубликованных в конце тридцатых годов советских статистических данных имеется ряд неувязок, дающих, по-видимому, некоторые указания на возможное число заключенных. Так, например, существует расхождение между официально опубликованным общим фондом зарплаты по народному хозяйству в целом и общим расчетом зарплаты на основе официальной же статистики труда, причем это расхождение достигает 18,5 процентов всего фонда зарплаты. Часть этого расхождения следует отнести за счет армии, но и после этого 13,5 процентов остается на долю принудительного труда, в который, однако, следует включить и принудработы по месту службы — обычный в те годы, хоть и краткосрочный вид репрессии.

С другой стороны, автор наиболее солидного исследования о населении СССР Франк Лоример оставляет неразрешенным вопрос об остатке в 6 790 000 человек (не отразившемся ни в числе занятого населения, ни в числе пенсионеров, военнослужащих и т.д.) плюс чуть меньше миллиона с четвертью, проходивших под рубрикой «социальная группа не указана». Точно так же, если к цифрам переписи 1939 года применить не указанное в ней отношение числа работающих к общей численности населения — такое, какое дано в переписи 1926 года, — то обнаруживается остаток порядка 10 миллионов человек. Каждый, кто захочет признать такой метод правомочным, сможет вывести цифры того же порядка. Непреодолима здесь лишь формальная трудность, потому что о каждой из этих неувязок можно сказать, что она объясняется как-либо иначе.

Ясно одно: перепись 1939 года *не* учитывает заключенных там, где они находились в действительности. В республике Коми, например, указано 319 000 жителей, половина из которых коми-зыряне, а в Магаданской области — 173 000 (цифра, вероятно, достаточная, чтобы охватить вольнонаемный состав и окружение лагерей). К сожалению, однако, у нас нет реальной возможности установить, каким образом отражаются заключенные в цифрах переписи, и отражаются ли вообще.

Приходится признать, что ни перепись, ни какие-либо иные опубликованные в СССР цифровые данные того времени не могут служить надежной основой для оценки, хотя стоит отметить, что предполагаемая на 1937 год численность населения в 180 700 000 человек, как это было указано в 1936 году в предисловии ко «Второму пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР», не соответствует зарегистрированным двумя годами позже 170 467 000.

4. Дальнейшие материалы можно почерпнуть из рассказов, которыми не следует, однако, пренебрегать по той простой причине, что они основаны на утечке засекречен-

ных данных или, что хуже, на слухах из информированных кругов[37]. Распространенная в самих лагерях оценка на период 1938-41 годы превышала 15 миллионов; она разделялась многими попавшими под репрессию чекистами. Таковы были слухи и в руководящих кругах. Арестованные в 1938 году работники ГУЛАГа оценивали число заключенных в 10 миллионов. Имеется несколько более низких оценок, так, например, оценка одного руководящего работника, назвавшего в начале 1941 года цифру в 6 миллионов, но с «сильной тенденцией к повышению». Командир полка, занимавшийся инспектированием ВОХРа между 1934-41 годами, считает, что накануне войны в лагерях было от 12 до 14 миллионов заключенных. Эти оценки оказываются на несколько миллионов выше, чем полученные другими методами; объяснение, вероятно, в том, что они включают осужденных не по статье 58 УК, т.е. иных преступников — бандитов, растратчиков, нарушителей трудовой дисциплины и т.д. Большинство их не проходило по описанным выше путям и содержалось в домах заключения при отделениях милиции. (В Москве было еще одиннадцать домзаков кроме упомянутых в литературе о большом терроре). Здесь дела, строящиеся из несложных и достоверных фактов, обрабатывались в течение двух или трех дней и осужденные направлялись прямо в суд и затем в лагерь. Репрессированные в 1948 году сотрудники органов госбезопасности называли цифру в 12 миллионов. Начальник одного из «репатриационных лагерей», из которых люди направлялись на принудительные работы, оценивал общее число заключенных в послевоенные годы в 15-17 миллионов. Солженицын отмечает, что зэки нередко преувеличивали число заключенных, называя огромные цифры в 20-30 миллионов, «когда на самом деле сидело всего лишь двенадцать-пятнадцать миллионов человек»[38].

5. Таким образом, даже при невозможности точного подсчета, нетрудно усмотреть, что все эти оценки, если их сопоставить с оценками числа арестов и расстрелов, не про-

тиворечат в высшей степени осторожной оценке примерно следующего порядка (не считая обычных уголовников, которых ведь нельзя рассматривать как жертв сталинского террора):

В тюрьмах и лагерях на январь 1937 г.	— около 5 миллионов
Арестовано между январем 1937 г. и декабрем 1938 г.	— около 7 миллионов
Итого	— около 12 миллионов
Из них расстреляно	— около 1 миллиона
Умерло в заключении в 1937-8 гг.	— около 2 миллионов
Итого погибших	— около 3 миллионов
В заключении на конец 1938 года	— около 9 миллионов
Из них в тюрьмах	— около 1 миллиона
В лагерях	— около 8 миллионов

4. СМЕРТНОСТЬ В ЛАГЕРЯХ

Считалось, что, как правило, третья часть заключенных погибала в течение первого года, главным образом вследствие истощения[39]. Это значит, что люди, физически неприспособленные к суровой лагерной нагрузке, исчезали быстро. В пересчете на арестованных в 1937-38 годах это выражается в потере 1 миллиона человек в год в период «акклиматизации».

Эта тридцатипроцентная смертность новоприбывших не равна, разумеется, общей смертности населения лагерей. Внимательное изучение вопроса дает 10 процентов на 1933 год. В 1938 году смертность возрастает до 20 процентов[40]. Это изменение связано с другой трудностью; дело в том, что имеющаяся информация охватывает различные зоны с сильно отличающимися друг от друга условиями. На Колыме, насколько нам известно, смертность была выше тридцати процентов, и если принять среднюю численность там (воз-

можно, занижено) в 500 000 человек, то только в одной этой зоне до 1950 года погибло не менее 2 миллионов. Лесозаготовки и другие работы на Дальнем Севере, — в частности, на строительстве железной дороги на Воркуте — тоже стоили немалого числа жизней. Но в общем и целом, не считая отдельных особенно суровых и отдельных явно более легких лагерей, складывается вывод, что питание всегда и везде было недостаточным, что вплоть до 1950 года влекло за собой смертность не ниже 10 процентов в год.

Обобщенная, хотя, конечно, и здесь лишь приблизительная оценка может быть сделана для заключенных-поляков 1939-42 годов. Из 1 060 000 польских граждан, завезенных в исправительно-трудовые лагеря, лагеря для военнопленных или направленных в ссылки, умерло около 270 000. Подавляющее большинство погибло в ИТЛ, куда попало 440 000. Даже отбросив расстрелы в Катыни, а возможно и в других местах, и гибель от голода и болезней в ряде спецпоселений, находим, что не меньше 40-50 процентов заключенных поляков умерло в течение двух — двух с половиной лет лагерной жизни[41].

На свободу люди выходили редко. Кроме того, и тех, кого выпустили в начале сороковых годов, как это теперь признается, забрали снова. На долю среднего зэка, таким образом, приходились как «хорошие» годы, так и «плохие», и (кроме обитателей немногих привилегированных лагерей) он имел очень мало шансов выжить. Из трех тысяч человек, «сотрудничавших с оккупантами» и отправленных в лагеря после очистки Курска в 1943 году, к 1951 году осталось в живых только шестьдесят[42].

После 1950 года смертность в лагерях, по меньшей мере в основных зонах Севера (если исключить гибель в результате дисциплинарных взысканий), была не на много выше, чем в соответствующих зонах на воле. Физически пережить заключение стало возможно, хотя вероятность этого оставалась столь малой, что даже и хорошо приспособившийся Иван Денисович говорит: «Это полоса была раньше такая

счастливая: всем под гребенку десять давали. А в сорок девятом такая полоса пошла — всем по двадцать пять, невзирая. Десять-то еще можно прожить, не околев, — а ну, двадцать пять проживи?!»[43].

К счастью, не всем этим последним жертвам пришлось ждать так долго. Но средний зэк, взятый до 1950 года, должен был пройти убийственные годы, подобные тем, что унесли курских «сотрудников с немцами». Жертвы 1937-38 годов, не погибшие в первой волне смертей, дожили до войны. Но начавшееся с войной лихолетье унесло большинство из них. В послевоенных свидетельствах они встречаются только как исключение.

Со всей осторожностью принимая за *среднюю* на период 1936-50 годов цифру в 8 миллионов заключенных и цифру в 10 процентов годовой смертности, мы получаем в итоге 12 миллионов погибших. К ним следует прибавить еще миллион расстрелянных; цифра отнюдь не преувеличена. Были потери и до начала ежовщины, в период 1930-36 гг., охватывающие три с половиной миллиона жертв коллективизации плюс еще столько же заключенных и спецпереселенцев, практически вымерших в последующие годы; это опять же по минимальной оценке. В итоге все это составляет 20 миллионов, причем цифра эта, вероятно, занижена, и к ней следовало бы прибавить еще процентов пятьдесят, чтобы охватить весь урон в народонаселении за двадцать три года сталинщины.

5. ПЕРЕПИСЬ 1959 ГОДА

Численность всего населения СССР в 208 827 000 оказалась примерно на 20 миллионов ниже того, что ожидалось на Западе *с учетом* военных потерь, и даже сталинского террора в той мере, в какой он отразился в переписи 1939 года. С другой стороны, потери военного времени, по-видимому, преуменьшены, и это несколько меняет картину. Глав-

ное, однако, выясняется из анализа соотношения полов в различных возрастных группах.

Возраст (на 15.1.1959)	*Численность* (в тыс. чел.)		*Соотношение в %*	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0- 9	23 608	22 755	50,9	49,1
10-19	16 066	15 742	50,5	49,5
20-24	10 056	10 287	49,4	50,6
25-29	8 917	9 273	49,0	51,0
30-34	8 611	10 388	45,3	54,7
35.39	4 528	7 062	39,1	60,9
40-44	3 998	6 410	38,4	61,6
45-49	4 706	7 558	38,4	61,6
50-54	4 010	6 437	38,4	61,6
55-59	2 906	5 793	33,4	66,6
60-69	4 099	7 637	34,9	65,1
70 и старше	2 451	5 431	31,9	68,1
Не указан	4	4	—	—
Итого	94 050	114 777	45,0	55,0

В результате войны и террора погибло немало женщин. Но и тут и там основную массу жертв, без сомнения, составляли мужчины. Ни война, ни террор не могли существенно повлиять на соотношение полов в населении, не достигшем 30 лет в 1959 году (т.е. родившихся после 1929 года). Для массы 30-34-летних соотношение 453 мужчин на 547 женщин — сравнительно небольшая разница, предположительно отражающая гибель молодых солдат, не достигших во время войны двадцатилетнего возраста. В группе 35-39 летних, на которую должна была бы лечь главная тяжесть военных потерь, на 391 мужчину приходится 609 женщин. Казалось бы, это максимум[44], но разрыв еще увеличивается, и для возрастов 40-44, 45-49 и 50-54 — на 384 мужчин приходится 616 женщин. Больше того, для старших возрастов 55-59 лет соотношение оказывается 334 к 666; мужчин почти точно

вдвое меньше, чем женщин. Цифры для возраста 60-69 лет (349 к 651) и возраста старше 70 лет (319 к 681) были еще хуже, чем для призывных возрастов. Верно, конечно, что в них отразились еще и потери в первой и гражданской войнах, но надо учесть при этом, что в переписи населения 1926 года число женщин ни в одном возрасте не превышает числа мужчин больше, чем на 10%.

Все исследователи согласны в том, что сталинский террор коснулся, в основном, мужчин в возрасте от тридцати до пятидесяти пяти лет. «Как правило, забирались люди тридцати лет и старше. Это опасный возраст, в нем все понимают и помнят»[45]. Среди них были и старики и молодежь, но в большинстве это были люди во цвете лет. В 1959 году все они стали на двадцать лет старше.

Точный расчет невозможен. Мужчины старших возрастов тоже умирали на войне. Но с другой стороны, массовая отправка в лагеря военнопленных, вернувшихся из нацистской Германии в 1945 году, не могла не привести к дополнительной уже послевоенной смертности среди мужской молодежи. То же надо сказать о партизанской борьбе в Прибалтике и на Западной Украине, продолжавшейся еще годы после войны; к тому же результату вели выселения целых народов из Крыма и с Кавказа и возобновление террора после войны. Общий характер имеющегося цифрового материала достаточно ясен. Недостаток миллионов мужчин старших возрастов настолько велик, что его нельзя замаскировать никакими оговорками и допущениями. В застывших цифрах переписи отразился масштаб потерь, нанесенных террором.

ДОБАВЛЕНИЕ КО 2-ОМУ ИЗДАНИЮ (1970)

Со времени первого издания настоящего приложения в 1968 году (за исключением пункта 3 раздела 2) из Советского Союза поступила дополнительная информация, хотя и не из вполне официальных источников.

Академик Сахаров пишет, что «лишь в 1936-39 годах было арестовано более 1,2 миллиона членов ВКП(б) — половина всей партии. Только 50 тысяч вышло на свободу — остальные были замучены при допросах, расстреляны (600 тысяч) или погибли в лагерях»[46]. Как видим, Сахаров берет цифру репрессированных партийцев несколько выше моей оценки. Его оценка в 600 тысяч расстрелов тем не менее перекликается с моей приблизительной оценкой, выявляя в ней, однако, тенденцию к занижению. Его утверждение, что из более чем 600 000 отправленных в лагеря вернулось всего 50 000, также подтверждает мой расчет, по которому «едва ли десять процентов осталось в живых». Советский историк Рой Медведев тоже утверждает, что «90 процентов арестованных перед войной и осужденных на исправительно-трудовые работы погибло»[47].

Сахаров утверждает также, что «не менее 10-15 миллионов советских людей погибло в застенках НКВД от пыток и казней, в лагерях для ссыльных кулаков и так называемых «подкулачников» и членов их семей, в лагерях «без права переписки»[48]. Эта оценка (если отбросить включенные мною потери вследствие голода во время коллективизации) близка к моей, тем более, что Сахаров осторожно говорит «не менее». Примечательно также, что сахаровские цифры принимает и бывший в то время членом Политбюро компартии Франции Роже Гароди[49], в то время как среди коммунистов Италии рассказывают, что сам Хрущев в беседе с итальянской делегацией в Москве в 1956 году называл цифру в 8 миллионов.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

1. Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 39.
2. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule, pp. 186-7.*
3. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern,* S. 11.
4. Herling, *A World Apart,* p. 8; Иванов-Разумник, Тюрьмы и ссылки, стр. 250.
5. Weissberg, *Conspiracy of Silence,* p. 89.
6. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 176.
7. Weissberg, pp. 314, 319.
8. А. Авторханов в «Посеве» 24 дек. 1950. Он же Uralov, *The Reign of Stalin,* p. 163.
9. Herling, p. 9.
10. Beck and Godin, *The Russian Purge,* pp. 66-7.
11. «Правда», 26 сент. 1937: «В Совете народных комиссаров Союза ССР. О Всесоюзной переписи населения».
12. Beck and Godin, p. 68.
13. Lorimer, p. 222.
14. Иванов-Разумник.
15. См., напр., «Советскую Сибирь», 28 дек. 1935.
16. Brzezinski, *The Permanent Purge,* p. 99.
17. Dedijer, *Tito Speaks,* p. 102.
18. Uralov, *The Reign of Stalin,* p. 157 (В «Посеве» эта глава не печаталась).
19. Beck and Godin, pp. 71-2.
20. Brzezinski, *The Permanent Purge,* p. 108.
21. Гинзбург, стр. 179.
22. V. and E. Petrov, *Empire of Fear,* p. 73-4.
23. Там же, стр. 74-5.
24. Brzezinski, pp. 108-9.
25. V. and E. Petrov, *Empire of Fear,* pp. 73-5.
26. Там же, стр. 71.
27. Борис Ефимов, «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 77.
28. Сахаров, «Размышления», стр. 21.
29. См. Abramovitch, *The Soviet Revolution,* pp. 420-1.
30. См., напр., Kravchenko, *I Chose Justice,* p. 237.
31. V. and E. Petrov, p. 72.

32. Moša Pijade in Dedijer, *Tito Speaks*, p. 102.

33. См. J. Miller in *Soviet Studies*, April 1952.

34. Ю. Б. Марголин, «В стране зэка», Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 21.

35. М. М. Розанов, «Завоеватели белых пятен», Лимбург, 1949, стр. 65 и прил. 2.

36. См. Mort Zwiezniak, *Sprawiedliwość Sowiecka.*

37. См. «Le Livre Blanc»; см. также оценки у Липпер; Кравченко, Марголина, Розанова, Герлинга, и особенно Swaniewicz, *Forced Labor and Economic Development;* Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia.*

38. Солженицын, Собр. соч., т. 4, стр. 441 («В круге первом», глава 52).

39. См., напр., Ekart, *Vanished without a Trace*, p. 11.

40. См. Swaniewicz, pp. 17 (в ссылке на P. J. de la F. Wiles).

41. Swaniewicz, pp. 41-42.

42. Информация проф. Т. Самуэли (Tibor Szamuely).

43. Солженицын, Собр. соч., т. I, стр. 51 («Один день Ивана Денисовича»).

44. Lorimer (*The Population of the Soviet Union*, p. 182) приводит для сравнения проценты потерь по возрастам в германской армии в Первую мировую войну: возраст 15-19 лет — 2,81%; 20-24 — 15,25%; 25-29 — 22,9%; 30-34 — 15,48%; 35-39 — 11,6%; 40-44 — 5,38%; 45-49 — 3,49%.

45. Weissberg, p. 291; см. также Beck and Godin, p. 80.

46. Академик А. Д. Сахаров, «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Цит. по изд., вышедшему в 1968 г. в Турине (Италия), стр. 49 (прим.).

47. Roy Medvedev, *Faut'il rehabiliter Staline*, p. 45.

48. Сахаров, «Размышления», стр. 46.

49. Roger Garaudy, *Le grand tournant du Socialisme*, Paris, 1969, p. 124.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ЛЕНИН О СВОИХ ПРЕЕМНИКАХ *

(так называемое «Завещание Ленина»)

Продолжение записок
24 декабря 1922 г.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Ибо, конечно, белогвардеец в «Русской Мысли» (кажется, это был С. С. Ольденбург) был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отношению к игре против Советской России на раскол нашей партии и когда, во-вторых, ставил ставку для этого раскола на серьезнейшие разногласия в партии.

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

* Полное собрание сочинений, Москва, 1958-65, т. 45, стр. 344-46.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК от 50 до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

25.XII.Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся

администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делаются мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности.

Ленин

25.XII.22.
Записано М.В.

* * *

Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин.

Записано Л. Ф.
4 января 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК 1919-1938

	Канд.	Член	
В. И. Ленин		1919	умер 1924
Л. Б. Каменев		1919	расстрелян 1936
Л. Д. Троцкий		1919	убит 1940
И. В. Сталин		1919	умер 1953
Н. Н. Крестинский		1919	расстрелян 1938
Г. Е. Зиновьев	1919	1921	расстрелян 1936
Н. И. Бухарин	1919	1924	расстрелян 1938
В. М. Молотов	1921	1926	
М. И. Калинин	1921	1926	умер 1946
А. И. Рыков		1922	расстрелян 1938
М. М. Томский		1922	покончил самоубийством 1936
В. В. Куйбышев	1922	1927	умер (естественной смертью?) 1934
Г. Я. Сокольников	1924		умер в тюрьме 1939
Ф. Э. Дзержинский	1924		умер 1926
М. В. Фрунзе	1924		умер 1925
К. Е. Ворошилов		1926	умер 1969
Я. Э. Рудзутак	1926	1926	расстрелян 1938
Н. А. Угланов	1926		расстрелян или умер в заключении 1940
Г. К. Орджоникидзе	1926	1930	? покончил с собой 1937

А. А. Андреев	1926	1932	
С. М. Киров	1926	1930	убит 1934
А. И. Микоян	1926	1935	
Л. М. Каганович	1926	1930	
В. Я. Чубарь	1926	1935	расстрелян ? 1941
С. В. Косиор	1927	1930	расстрелян 1939
К. Я. Бауман	1929		расстрелян 1937
С. И. Сырцов	1930		расстрелян 1938
П. П. Постышев	1934		расстрелян 1940
А. А. Жданов	1935	1939	умер (естественной смертью?) 1948
Р. И. Эйхе	1935		расстрелян 1940
Н. И. Ежов	1937		? расстрелян около 1939
Н. С. Хрущев	1938	1939	умер 1971

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

СОСТАВ ЦК ВКП[б] 1934 г.

ЧЛЕНЫ

Алексеев, П. А.
Андреев, А. А.*
Антипов, Н. К.
Бадаев, А. Е.*
Балицкий, В. А.
Бауман, К. Я.
Берия, Л. П.*
Бубнов, А. С.
Варейкис, И. М.
Ворошилов, К. Е.*
Гамарник, Я. Б.
Ежов, Н. И.
Евдокимов, Е. Г.
Енукидзе, А. С.
Жданов, А. А.*
Жуков, И. П.
Зеленский, И. А.
Икрамов, Акмал
Иванов, В. И.
Кабаков, И. Д.
Каганович, Л. М.*
Каганович, М. М.*
Калинин, М. И.*-
Киров, С. М.
Кнорин, В. Г.
Кадацкий, И. Ф.
Косарев, А. В.
Косиор, И. В.
Косиор, С. В.
Криницкий, А. И.
Крупская, Н. К.
Кржижановский, Г. М.
Куйбышев, В. В.
Лаврентьев, Л. И.
Лебедь, Д. З.
Литвинов, М. М.*
Лобов, С. С.
Любимов, И. Е.
Мануильский, Д. З.*
Межлаук, В. И.
Микоян, А. И.*
Мирзоян, Л. И.
Молотов, В. М.*
Николаева, К. И.*
Носов, И. П.
Орджоникидзе, Г. К.

* Переизбран в ЦК на XVIII съезде ВКП[б] в 1939 г.

Петровский, Г. И.
Постышев, П. П.
Пятаков, Ю. Л.
Пятницкий, И. А.
Разумов, М. О.
Рудзутак, М. Л.
Рухимович, М. Л.
Румянцев, И. П.
Рындин, К. В.
Сталин, И. В.*
Стецкий, А. И.
Сулимов, Д. Е.
Уханов, К. В.
Хатаевич, М. М.
Хрущев, Н. С.*
Чернов, М. А.
Чубарь, В. Я.
Чудов, М. С.
Чувырин, М. Е.
Шеболдаев, Б. П.
Шверник, Н. М.*
Эйхе, Р. И.
Ягода, Г. Г.
Якир, И. Э.
Яковлев, Я. А.

КАНДИДАТЫ

(В порядке замещения выбывающих членов ЦК)

1. Шубриков, В. П.
2. Грядинский, Ф. П.
3. Каминский, Г. И.
4. Пахомов, Н. И.
5. Еремин, И. Г.
6. Исаев, У. Д.
7. Музабеков, Г. К.
8. Смородин, П. И.
9. Михайлов, В. М.
10. Штруппе, П. И.
11. Товстуха, И. П.
12. Уншлихт, И. С.
13. Блюхер, В. К.
14. Курицын, В. И.
15. Булганин, Н. А.*
16. Быкин, Я. Б.
17. Булин, А. С.
18. Семенов, Б. А.
19. Калыгина, А. С.
20. Кульков, М. М.
21. Калманович, М. И.
22. Лепа, А. К.
23. Лозовский, С. А.*
24. Багиров, М. А.*
25. Тухачевский, М. Н.
26. Макаров, И. Г.+
27. Михайлов, М. Е.
28. Позерн, Б. П.
29. Элиава, Т. З.
30. Голодед, Н. М.
31. Дерибас, Д. Т.
32. Завенягин, А. Р.
33. Осинский, В. В.
34. Стриевский, К. К.

35. Попов, Н. Н. (М. М.)
36. Шварц, И. И.
37. Вегер, Е. И.
38. Юркин, Т. А.
39. Гикало, Н. Ф.
40. Мехлис, Л. З.*
41. Птуха, В. В.
42. Угаров, А. И.
43. Саркисов, С. А.
44. Благонравов, Г. И.
45. Розенгольц, А. П.
46. Седельников, Н. И.
47. Егоров, А. И.
48. Серебровский, А. П.
49. Буденный, С. М.*
50. Демченко, Н. Н.
51. Поскребышев, А. Н.*
52. Затонский, В. П.
53. Штейнгарт, А. М.
54. Филатов, Н. А.
55. Комаров, Н. П.
56. Павлуновский, И. П.
57. Сокольников, Г. Я.
58. Бройдо, Г. П.
59. Бухарин, Н. И.
60. Полонский, В. И.
61. Уборевич, И. П.
62. Кубяк, Н. А.
63. Вейнберг, Г. Д.+
64. Гринько, Г. Ф.
65. Рыков, А. И.
66. Любченко, П. П.
67. Томский, М. П.
68. Промнек, Е. К.

* — переизбран членом (+ — переизбран кандидатом) ЦК на XVIII съезде ВКП[б] в 1939 г.

Завенягин, А. П. восстановлен в правах кандидата ЦК на XIX съезде КПСС в 1952 г.

Юркин, Т. А. восстановлен в правах кандидата ЦК на XX съезде КПСС в 1956 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

К 1934 году политические и психологические предпосылки большого террора были уже налицо, и одного усилия сталинской воли оказалось довольно, чтобы пустить террор в ход. Техническая база террора — машина тотального властвования — была уже давно построена и отлажена.

Ленин (в отличие от Маркса и Энгельса) был горячим поклонником якобинского террора и уже в 1905 году предвидел повторение его в России[1]. (В согласии с этим, руководитель политической полиции Дзержинский был охарактеризован Бухариным, наряду с другими чекистами, как «подлинный пролетарский якобинец»)[2]. С этих ленинских позиций была создана теория, по которой «образование ВЧК вытекало из самой сути пролетарской революции. Антибуржуазный террор должен был стать неизбежным последствием»[3].

Ленин, правда, сказал в своей речи на заседании Петроградского Совета 4 (17) ноября 1917 года, т.е. непосредственно после октябрьского переворота, что хотя «нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять»[4]. Но Троцкий, несмотря на заверения, что не предвидится никаких расправ, вскоре дал понять, что может оказаться невозможным ограничить проявления народного гнева, что «буржуазный класс сходит со сцены и потому этими мерами насилия мы помогаем ему скорее уйти»[5].

Тайная политическая полиция под различными наименованиями действующая до сего дня, была основана 20 де-

кабря 1917 года под названием ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) и заняла на Лубянской площади здание страхового общества «Россия», которым владеет и до сих пор. Неформальное «решение» Совнаркома было потом представлено как официальное постановление. Устав ЧК, выработанный, наконец, в ноябре 1918 года, никак не определил границы ее полномочий, и это не было сделано и при реорганизации ее в ГПУ в 1921 году.

«Решение» от 20 декабря 1917 года формулировало задачи ЧК следующим образом:

1. Расследовать и ликвидировать любые попытки или действия, связанные с контрреволюцией и саботажем, откуда бы они ни исходили на всей территории России.

2. Передавать на суд Революционных Трибуналов всех контрреволюционеров и саботажников и вырабатывать меры борьбы с ними.

3. Комиссия проводит только предварительные дознания в той мере, в какой это необходимо в целях предупреждения.

Этот документ, опубликованный только в 1924 году в статье известного чекиста Якова Петерса[6] и рассматриваемый как «учредительный декрет», даже в советской литературе признается лишь грубой наметкой. На практике же ВЧК должна была быть карательным органом диктатуры, несущим ответственность исключительно перед ее верховными руководителями, и любая предпринятая ею мера санкционировалась без оглядки на протесты. В частности, ЧК не имела права производить расстрелы. Однако первый произведенный ею и ставший известным бессудный расстрел имел место уже 24 февраля 1918 года. Левые эсеры, в то время уже входившие в правительство, пытались поднять вопрос об этом, но Ленин не позволил внести его в повестку дня. «Сама жизнь», писал позже старый чекист Лацис, узаконила право чекиста

казнить людей на месте без суда и следствия, и в этом отношении Ленин был согласен с Дзержинским[7].

Уже в апреле 1918 года[8] ЧК ввела собственные суды из трех человек, названные «тройками» и превратившиеся в постоянное учреждение, оформляющее карательные меры.

Убийство Урицкого в сентябре было использовано для оправдания расширения масштаба террора и власти ЧК. Первыми были расстреляны 500 заложников[9]. 5 сентября 1918 года был издан знаменитый декрет «О красном терроре»[10]. Согласно этому декрету Чека была укреплена откомандированием в ее ряды большого числа членов партии; намечено было создание концентрационных лагерей; лица, уличенные в связях с контрреволюцией, подлежали расстрелу, а имена их и основания для расстрела должны были предаваться гласности.

«Инструкция» от 17 сентября 1918 года формально уполномочивала Чека судить и расстреливать без обращения к революционным трибуналам[11].

Дзержинский уже в то время оправдывал расстрелы невинных людей военным положением, указывая, что на войне тоже убивают невинных солдат противника. Сравнение, конечно, хромает. В бою ведь не приходится делать различия между солдатами противника и никто никогда не предлагал вести войну иначе. Привлечение к суду, напротив, нормально имеет целью расследование фактов и установление личной вины.

Взгляды Дзержинского не разделялись всей партией. Они наткнулись на сопротивление в среде местных Советов, мнение которых обсуждалось в 1918 году[12]. Старый большевик журналист Ольминский поместил в «Правде» несколько критических статей, из которых стало ясно, что не вся партия одобряет массовое применение расстрелов и что полномочия ЧК кажутся многим чрезмерными. В одном случае Ольминский протестовал также против скандального и бесчеловечного поведения местной организации ЧК, в которой раздевали и пороли крестьян[13]. Собственный орган ЧК

«Еженедельник» печатал перед этим письма местных чекистов с требованием пытать заключенных перед расстрелом.

Видные чекисты контратаковали Ольминского. Один из них, Петерс, так и объявил безо всяких обиняков, что «весь этот шум и плач против энергичных и твердых мер чрезвычайных комиссий не заслуживает того внимания, которое ему придают; он мог появиться лишь среди товарищей, занятых кабинетной журналистикой, а не активной борьбой с врагами пролетариата»[14].

Ленин поддержал их. Он нападал на «близорукую интеллигенцию» в партии, которая топчется на ошибках Чека, и добавлял, что когда нас упрекают в жестокости, нужно только удивляться забвению элементарных основ марксизма[15]. Ленин, правда, попрекнул и чекиста Лациса за его требование террора исключительно на основе классовой принадлежности, без достаточных доказательств прямой враждебности к режиму. Обещая, что они скоро будут вычищены, Ленин признавал также, что вполне понятно, что чуждые элементы проникают также и в ЧК[16].

Это первое указание о том, что недостойные люди проникают в тайную полицию подхватывается и ее собственным представителем Лацисом, который признает, кроме того, что работа в ЧК разлагает и лучших людей. Лацис пишет:

«... работа чрезвычайных комиссий, протекающая в обстановке физического воздействия, привлекает аферистов и просто уголовный элемент... Как бы честен ни был человек и каким бы кристально-чистым сердцем он ни обладал, работа чрезвычайных комиссий, производящаяся при почти неограниченных правах и протекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему, дает себя знать. Только редкие из сотрудников остаются вне влияния этих условий работы»[17].

Другой чекист, Петерс, заявил со своей стороны, что поскольку чекистам приходится иметь особенно много дела с умирающей буржуазией, они порой заражаются[18], а Дзержинский осенью 1923 года сказал однажды Радеку и Бранд-

леру, что «святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня и я остаюсь с негодяями»[19].

И как иронически звучат ныне сказанные уже в 1931 году слова Бухарина, всегда, впрочем, выражавшего неумеренный восторг перед машиной террора[20]:

«... когда вспоминаем прошлое, не забудем, сколько безымянных героев нашей ЧК погибло в боях с врагом. Не забудем, сколько из тех, кто остался в живых, представляют собой развалину с расстроенными нервами, а иногда и совсем больных. Ибо работа была настолько мучительна, она требовала такого гигантского напряжения, она была такой адской работой, что требовала поистине железного характера»[21].

После гражданской войны власть политической полиции продолжала расти, а методы ее не становились гуманней. В марте 1920 года ВЧК получила право направлять людей в лагеря принудительного труда на срок до пяти лет простым административным решением в случаях, когда следствие не давало достаточно материала для обычного судопроизводства[22]. Да и «судопроизводство» того времени никак не заслуживает похвал. Архивы Смоленской ЧК за февраль-апрель 1921 года содержат несколько записей судебных заседаний, краткий обзор дела и приговор. Ссылки на какой-либо закон в обосновании приговора отсутствуют, обвиняемого не вызывают, защиты нет[23].

Кронштадтские мятежники в марте 1921 года писали, что ленинский режим принес рабочим вместо свободы вечный страх попасть в «застенки ЧК», ужасы которых «во много раз превосходят» охранку царского времени[24]. И это было общее мнение о ВЧК, насчитывавшей к тому времени «до 31000 человек сотрудников»[25].

ВЧК была расформирована декретом от 6 февраля 1922 года и функции ее перешли к ГПУ (Главному политическому управлению) НКВД; Дзержинский стал одновременно Наркомом внутренних дел и начальником ГПУ.

ГПУ были переданы законные полномочия и поставлены задачи, включая «выполнение специальных распоряжений

Президиума ВЦИК Совнаркома по охране революционного порядка». Оно имело право держать людей под стражей не больше двух месяцев без одобрения свыше, но на практике это означало почти неограниченную власть. В 1923 году ГПУ было переименовано в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление), было выделено из состава НКВД и стало самостоятельным органом власти, возглавлявшимся по-прежнему Дзержинским.

Дзержинский, верный политический сторонник Сталина, умер в 1926 году, оставив руководство ОГПУ Менжинскому, происходившему тоже из польской шляхты. Но на передний план уже выдвигалась мрачная фигура Генриха Ягоды. Это был грубый человек с угрюмым взглядом и маленькими усиками на лице красно-кирпичного цвета. До революции он был аптекарем в Нижнем Новгороде (что помогло ему потом солидно поставить изучение и использование ядов в НКВД). Насколько известно, он начал работать в ЧК во время гражданской войны и вскоре был замечен Сталиным в Царицыне (будущем Сталинграде). К середине двадцатых годов Ягода уже играл значительную роль в руководстве политической полицией, поскольку Дзержинский, помимо своей политической нагрузки, вел еще несколько экономических управлений.

Роль руководителей ОГПУ в период внутрипартийных раздоров второй половины двадцатых годов истолковывается различно. И хотя один из наблюдателей говорит о большом числе троцкистов и лишь отдельных правых уклонистах в рядах чекистов[26], можно заметить и признаки, что руководство органов террора скорее с опаской смотрело на перспективу новых восстаний в деревне. В отчете о разговоре с Бухариным 11 июля 1928 года Каменев утверждает, что Бухарин сказал ему: «Ягода и Трилиссер (глава иностранного отдела ОГПУ) с нами. Было уже полтораста мелких восстаний»[27]. Был также слух, что представители ОГПУ Менжинский, Ягода и Трилиссер ходили к Сталину предупреждать его, что не могут обеспечить безопасность в деревне и получили жесткую отповедь[28].

Расчет Бухарина на поддержку ОГПУ был, однако, очевидно не обоснован. У чекистов несомненно были основания бояться, что недовольство крестьян политикой Сталина может развиться в массовые восстания, но эти тактические соображения не влекли, по-видимому, за собой желания видеть власть в руках Бухарина и Рыкова.

Наоборот, по мере втягивания их в борьбу карательные органы, как и вся партия, оказались в руках у Сталина. Имеется целый ряд непосредственных описаний крестьянских бунтов, главным образом на Украине и на Северном Кавказе. Трехдневные бои в Днепропетровской области закончились массовыми расстрелами в окружающих балках и тысячами приговоров к принудительным работам[29]. Такого рода операции превращали чекистов в клику карателей.

В самом деле, среди них росли товарищеские чувства к Сталину, проявившему здесь уменье и чувство такта. По мере дифференциации сталинского общества, чекисты приобретали особые привилегии. Больше того, Сталин был единственным из вождей, высказывавшим постоянную симпатию к чекистскому стилю работы. Бывшая заключенная передает следующую оценку работника НКВД: «Из товарища Сталина был бы отличный чекист. Мы, чекисты, чувствуем это в нем. Он и душой и телом один из наших. Мы друг друга без слов понимаем. У нас общий язык, общие методы работы. Понимаете, что я имею в виду? В самые трудные моменты Сталин обращался за помощью к чекистам и каждый раз чекисты оказывали ему эту помощь. Многие из его друзей и соратников изменяли Сталину, но ни один чекист не изменил ему никогда! И Сталин умеет это ценить»[30].

Коллективизация и общее напряжение начала тридцатых годов привели к колоссальному росту ОГПУ, как в размерах, так и в масштабах работы. Численность заключенных, поступающих из деревни, вызвала в 1930 году учреждение ГУЛАГа, Главного управления исправительно-трудовых лагерей, во главе которого встал Ягода.

Мысль о том, что следует арестовывать всякого, кто мог

бы сделать что-либо предосудительное, таким образом, закрепилась. Так, например, в 1930 году, когда Великобритания еще имела Генеральное консульство в Ленинграде, ОГПУ затеяло операцию против возможных источников его информации. «Органы» просто-напросто забирали всех, кто имел или мог иметь малейшую связь с англичанами — капитанов всех судов, ходивших между Ленинградом и Лондоном, руководящих работников порта и так далее. Около двухсот человек получили пятилетние сроки[31]. (В определенном смысле мягкость выносимых приговоров была нелогичной и указывала на то, что осужденных в сущности не считали шпионами). Имеется еще немало других свидетельств из этого раннего периода террора о таких же раздутых и ни на чем не основанных делах, как и в последующий период большого террора.

Для защиты собственной персоны Сталин провел такую же тщательную подготовку. Личная охрана Ленина состояла из двух человек и была увеличена до четырех после покушения Фанни Каплан. Личная охрана Сталина состояла из нескольких тысяч человек, и НКВД держал, кроме того, резервные части в постоянной боевой готовности. Дорога на дачу Сталина, протяженностью свыше тридцати километров, охранялась тремя тысячами агентов, снабженных автомашинами, телефонной связью и т.п. Когда Сталин в самом деле ехал по этой дороге, она находилась практически на военном положении[32]. Безопасность Кремля охранялась особенно строго. Пользоваться можно было двумя воротами, Боровицкими и Спасскими. Проверка документов была чрезвычайно тщательной и не допускала исключений даже для крупнейших руководителей НКВД. У входа в Совнарком и Политбюро документы и фотографии сверялись еще раз и кроме того дополнительные проверки производились время от времени еще и в коридорах.

В 1931 году Сталин на короткое время ввел в ОГПУ А.И. Акулова — человека из своего ближайшего окружения. Акулов был сделан первым заместителем Менжинского, но

в том же году отозван из «органов», так как Сталин нашел общий язык с новым шефом ОГПУ Ягодой. В 1933-34 годах Сталин нацелил полицейскую машину на дальнейшие действия. В марте 1933 года было подведено, если не законное, то официальное основание под право ОГПУ расстреливать людей — с помощью нового толкования прежних инструкций[33]. 20 июля 1934 года специальным декретом был утвержден принцип заложничества[34] (см. гл. 5, стр. 276). Хотя этот декрет формально должен был применяться исключительно к семьям дезертиров и невозвращенцев, но принцип, положенный в его основу, был выражен совершенно ясно. Преследование родственников стало нормой сталинского террора.

Тогда же, 10 июля 1934 года, ОГПУ снова вошло в состав реорганизованного НКВД. Этот наркомат и стал главной полицейской силой, а его Главное управление государственной безопасности выполняло функции тайной политической полиции.

Год от года чекисты все более превращались в высокооплачиваемую элиту. Они стали в передовых рядах новой привилегированной группы, начинавшей складываться в результате сталинской политики расслоения общества.

В течение всего террора НКВД оставался в привилегированном положении, но большинство старых чекистов было вычищено и заменено новыми — столь же жестокими и наглыми, но с более низким образовательным и интеллектуальным уровнем. Если партийный отбор можно назвать, вслед за А. Вайсбергом, «негативным», то это относится в еще большей мере к чекистам. Виктор Кравченко рассказывает, что секретарь парткома одного небольшого городка привлек внимание начальства, «вскрыв» вредительскую организацию, распускавшую тифозных вшей в городском театре; в результате он был вовлечен в работу НКВД и стал выдающимся следователем в Донбассе[35].

Отличный портрет энкаведиста, продвинувшегося в ходе сталинских чисток, дал не так давно один советский автор[36]. Люминарский (это имя героя) отличался исключительной

бесчувственностью. Он вырос сиротой, не знавшим привязанностей. Директор детдома, в котором он рос, был холодный и грубый мужлан. Люминарский любил его ничуть не больше других, но знал, как угодить ему лестью, выдавая ее за преданность. Он научился «стучать» и сигнализировать. Он заметил, что сигналы лучше всего основывать на фактах, обычно незначительных, но пригодных для создания правдоподобной клеветы. Затем жертву нужно было спровоцировать на возмущенные опровержения, чтобы поймать потом на противоречиях. Люминарский пользуется этими методами на всех ступенях служебной лестницы. В НКВД он делает карьеру с помощью интриг против таких же бессердечных, но менее одаренных товарищей по работе. Он умеет произвести впечатление безотказным выполнением и перевыполнением заданий. Это требует инициативы в преследовании все новых и новых жертв. Так, в деле о дефектной турбине, например, оказывается необходимым не только обвинить во вредительстве главного инженера, но и подобрать ему разного рода помощников, раздувая, таким образом, значение случившегося и приобретая престиж и доверие начальства.

Таковы те, кому достались плоды сталинских чисток, люди последних лет сталинщины. В их лице тиран уже мог пользоваться силой, не способной ни к состраданию, ни к правде; их деятельность мы проследили на страницах этой книги.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

1. См. Ленин, Собр. соч., т. 11, стр. 47 («Две тактики социал-демократической революции»); см. также т. 10, стр. 5, 15 («Социал-демократия и временное правительство»).

2. См. сборник «Феликс Дзержинский 1926-31», Москва, 1931, стр. 141.

3. «Правда», 18 дек, 1927; статья К. Покровского: «ВЧК-ГПУ (20 декабря 1917–20 декабря 1927)».

4. Ленин, Собр. соч., т. 35, стр. 63 (Речь на заседании Петроградского Совета 4 (17) ноября 1917).

5. См. «Известия», 6 дек. 1917.

6. «Пролетарская революция» № 10 (33), 1924 («Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции»).

7. М. Лацис в «Пролетарской революции» № 9 (56), 1926.

8. E. J. Scott in *Soviet Affairs*, n. 1, p. 10 (St. Antony's Papers n. 1, 1956).

9. «Известия», 3 сент. 1918.

10. «Законы РСФСР», 1918, 65-710.

11. *Soviet Affairs*, n. 1, p. 9.

12. Там же, стр. 16.

13. «Правда», 19 дек. 1918.

14. «Известия ЦИК» № 226; статья Петерса цитируется в «Правде», 26 окт. 1918.

15. Ленин, т. 37.

16. Там же.

17. М. Лацис, «Чрезвычайные Комиссии по борьбе с контрреволюцией», Москва, 1921.

18. *Soviet Affairs*, n. 1, p. 21.

19. Эти слова были потом переданы Брандлером биографу Троцкого И. Дейтчеру. См. Deutscher, *The Prophet Unarmed*, p. 109.

20. См. напр. его выступление к 10-летию ВЧК в «Правде», 18 дек. 1927.

21. Сборник «Ф. Э. Дзержинский», стр. 143.

22. «Законы РСФСР», 1920, 22, 23, 115.

23. См. Wolin and Slusser, *The Soviet Secret Police*, pp. 36-37.

24. «Известия» Временного Революционного Комитета матросов, красноармейцев и рабочих города Кронштадта, 8 марта 1921.

25. М. Лацис, «Чрезвычайные Комиссии», стр. 12.

26. Ciliga, *The Russian Enigma*, p. 48.

27. См. Souvarine, *Staline*, p. 484.

28. «Социал. вестник» (Париж), № 12, 14 июня 1929.

29. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 99.

30. Lermolo, *Face of a Victim*, p. 36.

31. Ciliga, p. 177.

32. Orlov, *Stalin's Crimes*, pp. 339-40.

33. См. «Известия», 12 марта 1933.

34. См. также Собрание Указов № 30, ст. 173 или УК РСФСР (сталинского времени), ст. 58, пар. 1.

35. Kravchenko, *Justice*, p. 149.

36. Александр Розен в «Звезде» № 1 и 2, 1965 («Последние две недели»).

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

РАННИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В какую бы глубину ни вели политические корни сталинского террора и как бы тщательно террор ни готовился, его наиболее характерная или, по крайней мере, наиболее бросающаяся в глаза черта — осуждение на основе признания обвиняемого, — ни в коем случае не была новшеством.

Единственными политически значительными процессами после гражданской войны были процессы украинского и московского эсеровских «центров» в 1921 и 1922 годах, причем процесс 1922 года, по злой иронии судьбы, проходил под председательством Пятакова. Если отвлечься от пропагандной травли, использования провокаторов и т.д., этот процесс был проведен относительно корректно. Под сильнейшим давлением европейских социалистов дело обошлось без смертных приговоров, несмотря даже на то, что их добивался Ленин. Затем, вплоть до 1928 года, больших публичных процессов не было, а когда открылся Шахтинский процесс, в нем тотчас же выразился новый стиль судопроизводства.

Считается, что Шахтинский процесс был пущен в ход уполномоченным ОГПУ на Кавказе Е.Г. Евдокимовым (не смешивать с зиновьевцем Г.Е. Евдокимовым!). Е.Г. Евдокимов сообщил о наличии в городе Шахты и его районе многочисленной вредительской организации, состоящей из старорежимных инженеров. Сам Евдокимов — в прошлом уголовник, выпущенный из тюрьмы во время революции, присоединившийся к большевикам и отличившийся в граж-

данской войне. Он сумел сблизиться со Сталиным, получил немало отличий и в течение ряда лет сопровождал «вождя» в отпуск[1].

Говорят, что когда Менжинский просмотрел рапорт Евдокимова, он заметил в нем полное отсутствие доказательств. Евдокимов заявил, что отдельные частные письма подозреваемых инженеров зашифрованы, но признал, что не смог их расшифровать. Менжинский пригрозил, что если в течение двух недель ему не будут представлены достаточные основания дела, он сам обвинит Евдокимова во вредительстве. В самом деле, предложение ликвидировать ряд опытных инженеров без достаточных к тому оснований было, по сути дела, экономическим вредительством. Оказавшись в затруднительном положении, Евдокимов поехал прямо к Сталину. Сталин, хоть и не имел на это законных полномочий, дал ему «зеленую улицу». Евдокимов вернулся и арестовал инженеров. Менжинский, поддержанный Рыковым и Куйбышевым (по понятным причинам Куйбышев, как председатель ВСНХ, был сильно задет), решительно протестовал. Сталин заставил их замолчать, показав им телеграмму Евдокимова, в которой содержался намек, что в Москве будут делаться попытки замять дело. Никакого решения принято не было и расследование продолжалось[2].

Политический замысел Сталина заключался в том, чтобы дискредитировать бухаринский курс на мирное сотрудничество с беспартийными специалистами, представив доказательство обострения классовой борьбы. Ему нужно было иметь основание сказать своим менторским тоном: «Мы имеем врагов внутренних, мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на минуту»[3].

Дзержинский всегда подчеркивал значение признаний обвиняемого. Евдокимов и его помощник Курский принялись добывать такие признания. В конце концов, в Москве состоялся открытый судебный процесс. Председательствовал Вышинский; Крыленко вел обвинение.

Суд открылся в Колонном зале Дома Союзов под вой

газетной кампании «Смерть вредителям!», в ходе которой двенадцатилетний сын одного из обвиняемых требовал смертной казни отца. Пятьдесят русских и трое немецких инженеров и техников угольной промышленности обвинялись во вредительстве и шпионаже. Десять обвиняемых полностью признали свою вину, а шестеро признали ее частично. Других доказательств не было. Легкая неувязка обнаружилась сразу. Один из арестованных, «обвиняемый Некрасов», отсутствовал. Как объяснил его адвокат, он «страдал галлюцинациями». На суде были оглашены письменные признания. Они представляли всех присутствующих как соучастников преступлений, в том числе и нескольких из тех, кто не признался.

Затем Крыленко — как рассказывает присутствовавший на суде американец, — «прищурив глаза и скривив губы в улыбку», злобно напал на инженеров. Один из обвиняемых, Бебенко, попробовал было взять обратно свое признание. Его продержали в ГПУ почти год: «Я едва понимал, что я подписывал... Я пробовал взять это обратно до суда, но...». Крыленко пристально вгляделся в него, потом спокойно сказал: «Вы хотите сказать, что вас запугивали, что вам угрожали?» Бебенко поколебался и ответил: «Нет»[4].

Другой обвиняемый, Скорутто, последовательно отрицал за собой вину. Однажды вечером объявили, что он нездоров и не может присутствовать. На следующее утро в зал ввели «серую дрожащую фигуру»; он заявил, что прошлой ночью признал свою вину и вину других. Из публики раздался крик: «Коля, родной, не лги! Ты же знаешь, что ты невиновен!» Скорутто зарыдал и упал на скамью. После десятиминутного перерыва его ввели снова и он продолжил, что хотя ночью он подписал признание, сегодня утром он взял его назад. Крыленко перешел в атаку. Под интенсивным допросом Скорутто рассказал, что не спал восемь ночей подряд и, в конце концов, оклеветал товарищей, а они оклеветали его. Ему казалось, что суд отнесется к нему снисходительней, если он признает свою вину. Но вины за ним нет. На следующее утро Скорутто подтвердил свою вину и объяснил, что это

его жена своим возгласом поколебала его решение признать свою вину[5].

Так шел процесс. Еще один обвиняемый не явился, и было объявлено, что он покончил самоубийством.

Рабинович, семидесятилетний старик, «и не думал сдаваться страшному и до того непобедимому Крыленко в интеллектуальном бою». И когда другой обвиняемый заговорил о его вредительских связях, Рабинович обратился к нему и резко осадил его, сказав: «И что вы лжете? А? И кто это научил вас так лгать?» Крыленко выглядел при этом растерянно[6].

Другой старик, Иминейтов, до конца стоял на том, что ни в чем не виновен. Он уверенно утверждал, что будет день, когда новый Золя напишет новое «Я обвиняю», чтобы реабилитировать их.

Присутствовавший на суде американский наблюдатель отметил, что эти проблески правды — невменяемость, самоубийство, попытки взять признание назад и новое признание — «позволяют только смутно догадываться о воздействии пережитых ужасов... Как должны были вести себя люди, подобные Крыленко, который даже на людях грозил и глумился над жертвами, когда вокруг не было свидетелей и стенографисток?»[7].

Суд вынес одиннадцать смертных приговоров, из которых шесть были заменены долгосрочным заключением в результате чистосердечного признания обвиняемых.

Хотя публичный процесс-спектакль и не был безукоризнен, Евдокимову и его помощникам удалось создать образец, послуживший моделью для дальнейшего судопроизводства. И, что еще важнее, Сталин получил в руки новую технику. Поскольку обвинения расследовались органами государственной безопасности с помощью методов, проверить которые у политических кругов не было реальной возможности, любая попытка оспорить действия НКВД выглядела как защита преступников и нападение на государственную власть и ее следственные органы. Даже членам Политбюро стало непросто

выступать на эту тему. А позднее, когда оппозиционеры оказались уже в руках НКВД, Сталину было достаточно сказать, что следствие еще не кончено и, возможно, они будут оправданы; в Политбюро не принимали никаких решений, ожидая результатов следствия, и Сталин, добившись нужных признаний, мог доложить, что «вина доказана».

Начиная с 1930 года, в области экономики и культуры было проведено немало закрытых судов или просто бессудных расстрелов. Так, например, в августе 1930 года состоялся закрытый суд над группой видных бактериологов, обвиненных в том, что они вызвали падеж лошадей; в сентябре 1930 года сорок восемь руководящих работников пищевой промышленности во главе с профессором Рязанцевым были расстреляны без суда по обвинению в порче продовольственных запасов (прием, помогающий если не справиться с хроническим недостатком продуктов питания, то, по крайней мере, объяснить его); в феврале 1931 года ряд крупных историков, в том числе Тарле, Платонов, Бахрушин, Лихачев были негласно осуждены на долговременное заключение (оставшиеся в живых были освобождены и в последние годы вернулись на кафедры); в марте 1933 года тридцать пять директоров и ответственных работников совхозов были расстреляны и сорок заключены в тюрьмы без суда, но по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной вредительской организации»; в том же марте 1933 года тридцать пять руководящих служащих Наркомзема вместе с замнаркома Конаром были расстреляны без суда[8] (в данном случае складывается впечатление, что Конар и в самом деле был иностранным шпионом)[9].

Но полновесный суд-спектакль состоялся снова лишь в ноябре-декабре 1930 года. Это так называемый процесс Промпартии, центральной фигурой которого был профессор Л. В. Рамзин. Он был большевиком в 1905-07 годах и в течение двадцатых годов служил советской власти, затем, однако, пошел, как говорилось, «на поводу у классового врага» и стал вредителем. Его «Промпартия» состояла якобы

из 2 000 членов, хотя на скамье обвиняемых оказалось всего лишь восемь. Большинство обвиняемых были крупными работниками куйбышевского Госплана, сорок восемь служащих которого, как известно, были уже расстреляны. Обвиняемые якобы работали на президента Франции Раймона Пуанкаре, на английского агента полковника Лоуренса, нефтяного короля Генри Детердинга и других, с целью расшатать индустриальную мощь страны Советов и подготовить почву для иностранной агрессии. Снова развернулась широкая пропагандная кампания. Опять ребенок одного из обвиняемых, Ситнина, требовал смертной казни отца. В деле не было ни одного свидетеля, оставшегося на свободе, и никаких документальных доказательств.

В числе свидетелей были представители так называемой «трудовой крестьянской партии», главным образом экономисты сельскохозяйственного профиля. Они обвинялись в отдельном, хотя и дополняющем картину заговоре, нацеленном на передачу власти кулачеству. Открытого суда над ними не было, и судьба их не выяснена. Они просто исчезли. Один из причастных к этому делу, инженер Пальчинский, по слухам был убит в ходе предварительного следствия[10].

Были заслушаны подробнейшие признания в связях с бывшим крупнейшим промышленником Рябушинским, с указанием дат и деталей полученных от него вредительских инструкций. Выяснилось, однако, что Рябушинский к тому времени давно уже умер. Обвинение, которое вел все тот же Крыленко, схватилось тогда за какого-то родственника Рябушинского и, хотя у того не было ни денег, ни какого-либо положения в промышленности, приписало этому ничтожеству роль, предназначенную было умершему.

Министром финансов в новом правительстве, которое заговорщики якобы намеревались составить, намечался Вышнеградский, занимавший этот пост при царе, но тоже, как оказалось, умерший несколько лет тому назад.

Имеются сведения, что работники Госплана и в самом деле вели между собой невеселые частные разговоры

(конечно, не в приписываемой им форме) об экономической политике партии и «рассматривали возможность создания социалистического правительства в случае краха, могущего поставить вопрос о преемнике Сталина»[11].

Смертный приговор был вынесен пяти обвиняемым, но всем пятерым высшая мера была заменена тюремным заключением, а несколько лет спустя Рамзин был освобожден и возвращен на прежние должности.

В марте 1931 года был проведен процесс меньшевиков. За одним единственным исключением все посаженные на скамью подсудимых меньшевики давно оставили политическую деятельность и использовались как экономисты или по иным специальностям. Единственный активный меньшевик — одиночка поддерживал связи с меньшевистской делегацией за рубежом. Его шантажировали с помощью сына. ГПУ раздуло эту слабую связь в поездку в Москву Рафаила Абрамовича, одного из меньшевистских лидеров в эмиграции.

Абрамович тотчас же выставил целый ряд свидетелей, доказавших, что в то время, когда он якобы был в Москве, он на самом деле участвовал в съезде Социалистического Интернационала. (Это обеспечило ему возможность предъявить обвинение в диффамации берлинским газетам, печатавшим отчеты о процессе, и выиграть дело после того, как даже адвокат противной стороны, коммунистический депутат Рейхстага, вынужден был признать, что указанные даты не могут быть верными).

Показательно также, что двое действительных меньшевиков, в самом деле нелегально приехавших из заграницы в Россию (Ева Брауде и М. Брауштейн) не судились, хотя имя Брауштейна упоминалось в ходе процесса[12]. Предположительно, они отказались помогать следствию. Один из обвиняемых, Базаров, необъяснимым образом не был выведен на суд.

Обвиняемым обещали, что если они возьмут на себя вину, их тайно освободят и наградят. Говорят, что историк Суханов, мемуары которого о временах революции высоко ценил

Ленин, разоблачил этот трюк, рассказал другим заключенным о коварных лживых обещаниях и провел затем ряд продолжительных голодовок[13]. После 1934 года следы его теряются; по всей вероятности, около этого времени он умер или был ликвидирован.

Одного из обвиняемых бывших меньшевиков, М. П. Якубовича, осужденного на 10 лет заключения, в 1941 году судили снова и дали ему еще 10 лет; его освободили затем в 1953 году, через два года после окончания второго срока, а реабилитирован он был — причем только от вторичного осуждения, — в 1956 году. В 1967 году в заявлении на имя Генерального прокурора Якубович объявил, что все дело меньшевиков было полностью фальсифицировано и отметил, что Крыленко, с которым он был связан в революционном движении, в свое время признался ему в этом. В 1967 году Якубович виделся с Микояном, тоже старым своим знакомым. Микоян сказал ему, что никогда и не сомневался в его невиновности. Тем не менее, осталась в силе прежняя официальная точка зрения, согласно которой меньшевики были осуждены справедливо[14].

Суд послужил благоприятным поводом впутать в дело старого большевика-демократа Рязанова и исключить его из партии якобы за недозволенную связь с меньшевиками[15]. Он был затем освобожден, чтобы в 1938 году погибнуть в пучине сталинского террора[16].

Судилище было задумано как удар по идее социалистической коалиции, бродившей тогда в определенных партийных кругах. В то же время это был еще и удар по умеренным в экономике. Обвиняемым, часть которых играла немаловажную роль в подготовке пятилетнего плана, приписывались попытки установить плановые задания намного ниже потенциальных возможностей страны. На самом деле официальные цифровые данные показывают, что обвиняемые плановики весьма точно предвидели действительное выполнение планов. Почти во всех случаях их оценки обнаруживают скорее склонность к незначительным ошибкам в сторону завышения. Так, например, им было предъявлено обвинение в преступ-

ном предложении довести выплавку стали в 1932 году до 5,8 миллионов тонн. План требовал 10,3 миллиона. Обвиняемые признали на суде, что было можно и нужно планировать больше. Действительная же продукция оказалась 5,9 миллионов тонн. По прокату они предполагали 7 миллионов тонн, в то время как по плану требовалось 17 миллионов. Действительная же продукция в 1932 году оказалась 6,1 миллиона тонн[17].

Процесс над меньшевиками не был сплошным выигрышем. Прежде всего он заставил задуматься лидеров социалистических партий во всей Европе; те не могли не следить за ходом суда и разглядели подлог.

Последний большой показательный процесс, предшествовавший большому террору, привлек особое внимание Запада, потому что из восемнадцати обвиняемых шестеро были британские граждане. Это был нашумевший процесс специалистов фирмы «Метрополитен-Виккерс» в апреле 1933 года. Задача была доказать, что британские инженеры организовали вредительскую сеть.

На суде председательствовал Ульрих, в прошлом работник органов, но уже в двадцатых годах председательствовавший на аналогичных процессах. Обвинителем выступал Вышинский. Таким образом, сложился «коллектив», которому предстояло в дальнейшем проводить подобные дела. Брауде и Коммодов, адвокаты в дальнейших процессах, вели защиту и здесь. Брауде, «защитник» британского инженера Торнтона, сказал, что «против Торнтона мы имеем то, что называется замкнутой цепью улик, и это ставит его защиту в чрезвычайно трудное положение». «И тем не менее, — продолжал он, — обвиняемый Торнтон категорически настаивает на своей невиновности». (Другие адвокаты, стремившиеся помочь своим подзащитным, больше не появились в суде. Один из них обстоятельно развил мысль о том, что «неизбежный интерес иностранца к тому, что его окружает», не обязательно означает шпионаж). Следствие тоже нередко вели те же люди, что и в предыдущих делах. Следователь по особо важным делам

Шейнин, который вел дело Макдональда, вел впоследствии дело И. Н. Смирнова[18]. Процесс был в известной степени полезной репетицией, из которой и режиссеры и артисты могли почерпнуть ряд уроков и подготовиться к будущему.

Технической особенностью этого процесса было создание чрезвычайно сложной структуры, что крайне затрудняло наблюдение. Этого было особенно легко добиться в таких сложных вопросах, как инженерные просчеты. К тому же любая мелочь, которую можно было показать с дурной стороны, инкриминировалась англичанам: так, например, случайные подарки или ссуды, дававшиеся низко оплачиваемым и полуголодным советским техникам, назывались «взятками». Тем не менее, хотя вся отчетность и все личные записи и счета за восемь-девять лет оказались в руках у следователей, из них можно было выжать очень немного.

Если, в общем и целом, процесс трудно назвать успешным, то это произошло главным образом потому, что британские инженеры не захотели помочь суду. На их стороне был ряд преимуществ. Прежде всего, их трудно было просто вывести в расход во время следствия. Иначе говоря, было затруднительно арестовать шестерых, а привести в зал суда лишь одного, готового дать более или менее удовлетворительные ответы. (Ибо ведь в других, обычных, делах организаторы процесса не останавливались перед тем, чтобы просто-напросто ликвидировать без суда тех ведущих «подпольщиков», которые не годились для дела). Во-вторых, семьи арестованных англичан были вне досягаемости следственных органов. Во-третьих, англичанам было, конечно, на что опереться, они чувствовали за собой солидарность своей страны, в то время как русские обвиняемые были лишены этого. Больше того, британское правительство оказывало в их поддержку максимально возможное экономическое и дипломатическое давление.

И все же большинство из них признало свою вину в ходе предварительного следствия, а один из них, Макдональд, бывший, по-видимому, в особенно плохом состоянии, подтвер-

дил это признание еще раз и в конце судебного заседания, после попытки взять его назад в начале суда. Вышинский долго допрашивал Макдональда, опираясь на протоколы следствия и демонстрируя его собственноручно написанные показания, и очень обижался, когда Макдональд отвечал, что подписывал все это только «потому, что это не был открытый процесс».

Главный обвиняемый, англичанин Торнтон, заявил, что подписанные им признания были сделаны им «под большим давлением», прибавив: «меня допрашивали очень долго». Между его арестом 11 марта и 1 апреля его допрашивали ежедневно, пропустив только один-единственный день. Из официальных протоколов известно, что после ареста его допрашивали четыре с половиной часа, а затем, после часового перерыва, еще восемь.

В конце концов, он признал свою вину в неконкретизированных преступлениях вроде шпионажа, но не захотел признаться во вредительстве; обвинение и суд особенно раздражало то, что он не столько отказывался от этих признаний, сколько оценивал их как пустую формальность, нужную лишь для того, чтобы привести дело к открытому суду и защищаться на нем.

Монкгауз заявил, что он хорошо понимает, как добываются признания, потому что его самого допрашивали восемнадцать часов сразу после ареста. Вышинскому удалось, однако, доказать, что это было преувеличение: лишенный всякой возможности измерять время, Монкгауз рассчитал его на основе перерывов между едой; фактически же Монкгауза арестовали в 3 часа 15 минут ночи, после чего допрашивали четыре часа; затем был двухчасовой перерыв с приемом пищи и снова допрос, длившийся семь часов. Вышинский придал большое значение протестам, вызванным в Англии замечанием Монкгауза о восемнадцатичасовом допросе; он, очевидно, думал, что, доказав, что на самом деле допросы были короче, он подрывает любые нападки на правильность следствия. И в самом деле, приняв настойчивое утверждение Монкгауза,

согласно которому допрос продолжался и во время еды, выходит, что он длился тринадцать часов.

Монкгауз защищался с твердостью и на определенной стадии процесса сделал уничтожающее замечание: «после вчерашних показаний Сухоручкина мне совершенно ясно, что дело против "Метро-Виккерса" построено на свидетельствах терроризованных заключенных»[19].

Имеются и другие, столь же ясные отповеди других обвиняемых. Так, например:

Рогинский (обвинение): Вы слышали свидетельство Зиверта о том, что вы допускали вредительство на работе?

Грегори (обвиняемый): Да. Но я не придаю ему никакого значения!

Другой англичанин, Кушни, в своем последнем слове назвал действия государственной прокуратуры «бумажной фабрикой» и повторил еще раз, что «здесь не было даже подобия подлинных доказательств моей вины».

Приговоры были относительно мягкими. Советские граждане получили тюремные сроки от восемнадцати месяцев до десяти лет. Торнтон получил три года, а Макдональд — два. Кушни и Нордуэлл были высланы из страны, а Грегори и один из советских обвиняемых — оправданы.

Таким образом, уже за годы до больших показательных процессов-спектаклей система их режиссуры была отработана и опробована. Сценаристы и постановщики этих процессов многому научились. Число обвиняемых в ранних показательных процессах было слишком большим, и выяснилось, что оптимальное число — около восемнадцати. Выяснилась и полезность сложного построения, за подробностями которого обычному читателю и наблюдателю трудно уследить, так что остается лишь общее впечатление. А в лице Вышинского нашелся человек, способный не только справиться с усложнением дела и запутать в этой сложности свидетелей, но и разбить на части, а в случае надобности истолковать подходя-

щим образом различные непредвиденные отклонения; кроме того, он умел «опровергнуть» вполне обоснованные возражения, энергично и впечатляюще направив внимание на расхождения в деталях.

Разумеется, в ведении процессов, как и указано, были ошибки. Их видно и в сделанном мною кратком изложении. Но нельзя забывать, что за исключением дела британских инженеров они касались лишь небольших звеньев в цепи доказательств и прорывались на фоне множества связанных между собой и подтверждающих одно другое признаний. Даже если отдельные обвиняемые не признавали за собой вины, против них говорили свидетельства других обвиняемых. И хотя критическое мышление видело в них, — как и в позднейших процессах, — неувязки и нелепости, подрывающие доверие к суду, но ведь одной из основ сталинщины была уверенность в том, что мышление большинства — некритическое. Верный член партии не мог не верить официальным заявлениям, и против партийного правосудия не протестовали и те, кому суждено было стать его жертвами. Что же касается советской общественности, то эти процессы поставляли ей по крайней мере козлов отпущения: на обвиняемых ложилась ответственность за экономические провалы, за которые в ином случае должна была бы отвечать советская власть. Это опять же один из основных приемов сталинщины, применявшийся в течение всех последующих лет. Советские люди, кроме того, разумеется, получали лишь одобренную партией версию каждого дела. Однако и среди присутствовавших иностранных журналистов, а тем более среди иностранных наблюдателей, получавших информацию из вторых рук, эти процессы в целом принимались или не принимались в зависимости от общего отношения к советской власти. Как отметил Артур Кестлер (в «Коричневой книге о гитлеровском терроре», которую он помогал составлять и которая, как оказалось потом, содержала целый ряд неверных догадок), «это не уменьшило результаты. В тоталитарной пропаганде детали не имеют значения»[20].

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

1. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes,* p. 28.
2. Авторханов, «Технология власти», стр. 25.
3. Сталин, Собр. соч. т. II, Москва, 1949, стр. 63 (о работах апрельского пленума ЦК 1928 г.).
4. Eugene Lyons, *Assignment in Utopia,* London, 1938, pp. 123-4.
5. Там же, стр. 124-6.
6. Louis Fischer in *The God That Failed,* pp. 211-12.
7. Lyons, p. 117.
8. См. G. P. Maximoff, *The Guillotine at Work,* Chicago, 1940, p. 304; V. Serge, *Memoires d'un révolutionnaire,* p. 268-72; K. F. Shteppa, *Russian Historians and the Soviet State,* New York, 1962, pp. 48-49; «Правда», 25 сент. 1930; «Правда», 12 марта 1933.
9. Orlov, p. 153.
10. V. Serge, De Lénine à Staline, p.
11. Souvarine.
12. Abramovitch, *The Soviet Revolution,* pp. 382-7.
13. V. Serge, *Memoires d'un révolutionnaire,* p. 270.
14. «Хроника» № 10 (См. «Посев», Спец. выпуск № 3, стр. 12-14).
15. Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union,* p. 394.
16. XI съезд РКП(б). Стеногр. отчет, Москва, 1960, стр. 846 (биогр. справка).
17. «Процесс меньшевиков», Ленинград. Год изд. не указан, стр. 59, 62; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», Москва, 1934, стр. 103-5; см. также T. Szamuely in *Soviet Studies,* Jan. 1966, vol. XVII, № 3.
18. «Дело Зиновьева», стр. 45.
19. *Wrecking Activities at Power Stations in the Soviet Union,* Verbatim Report, Eng. ed., Moscow, 1933, стр. 423 (Русское издание, если таковое было, недоступно).
20. Koestler, *Arrow in the Blue,* vol. 2, p. 201.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Уголовное Законодательство СССР и Союзных Республик
Москва (Госюриздат) 1957, стр. 48-50

Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР
(в действии до декабря 1958 г.)

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ
ГЛАВА ПЕРВАЯ *

Преступления государственные

1. Контрреволюционные преступления

58[1]. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюцион-

* Глава первая введена в действие со времени вступления в силу положения о преступлениях государственных, принятого 3-й сессией III созыва Центрального Исполнительного Комитета СССР 25 февраля 1927 г. (СЗ СССР 1927 г. № 12, стр. 123).

ными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

$58^{1а}$. Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются —

высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет* с конфискацией всего имущества.

$58^{1б}$. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества. (20 июля 1934 г. [СУ № 30, ст. 173]).

$58^{1в}$. В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются —

лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, — подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. (20 июля 1934 г. [СУ № 30, ст. 173]).

$58^{1г}$. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой —

лишение свободы на десять лет.

* См. ст. 28.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58^{12}. (20 июля 1934 г. [СУ № 30, ст. 173]).

58^{2}. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой —

высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^{3}. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58^{2} настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^{4}. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой —

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т.п., влечет за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58^2 настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^6. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собою —

лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содер-

жанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собою —

лишение свободы на срок до трех лет. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утвержденном Советом Народных Комиссаров Союза ССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение. (6 июня 1927 г., [СУ № 49, ст. 330]) *.

Примечание 2. В отношении с действиями шпионажа, упомянутых в ст. 193 настоящего Кодекса, сохраняет силу ст. 193 того же Кодекса (9 января 1928 г. [СУ № 12, ст. 108]).

58^{7}. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58^{2} настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^{8}. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежа-

* См. постановление Совета Министров СССР 8 июня 1947 г. (стр. 152).

щими к контрреволюционной организации, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58^2 настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечет за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58^2 настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49 ст. 330]).

58^{10}. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58^2-58^9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой —

лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58^2 настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СЗ № 49, ст. 330]).

58^{11}. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^{12}. Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой —

лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^{13}. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58^{2} настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58^{14}. Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою —

лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ

Источники, на которые мы ссылаемся, можно разделить на две категории: «официальные», т.е. опубликованные в СССР, и «неофициальные», т.е. свидетельства иностранцев или людей, покинувших Советский Союз и опубликовавших свои материалы за рубежом.

Мы можем считать, что эти источники дополняют друг друга. Так, например, то, что рассказывают о жизни в концлагерях Александр Солженицын, генерал Горбатов и другие опубликованные в Советском Союзе авторы, лишь подтверждает и дополняет многочисленные книги и статьи бывших заключенных, изданные в течение последних тридцати лет на Западе. Сейчас как раз подходящий момент объединить весь этот разнохарактерный материал. Ибо со времени падения Хрущева поток разоблачений преступной практики сталинской эпохи практически иссяк. Как выразился в марте 1966 года первый секретарь компартии Белоруссии Машеров, число случаев, в которых «под видом борьбы с культом извращалась вся история КПСС», резко сократилось.

1. *Сопутствовавшие событиям официальные сообщения* не требуют особых разъяснений. Разумеется, они лживы, но они, тем не менее, содержат важнейшую информацию (неверно, скажем, что Мдивани был британским шпионом, но верно, что он был расстрелян). Кроме того, очень показательно оформление, придаваемое официальным сообщениям.

Достаточно проследить вариации и усложнение версии убийства Кирова от простого первого сообщения до запутаннейшего заговора 1938 года.

2. *Новейшие официальные сообщения.* После доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС в феврале 1956 года в СССР было опубликовано немало материалов, дающих верное или, по меньшей мере, более верное описание общего развития, конкретных событий и судеб отдельных лиц. Известная неполнота картины сохраняется, однако, в силу того, что весь этот материал сконцентрирован почти исключительно вокруг жертв, понесенных партией, причем практически игнорируются даже коммунисты-оппозиционеры. Тем не менее, этот материал содержит драгоценнейшую информацию по целому ряду вопросов, хотя эти сведения порой отрывочны, неполноценны и поданы скорее в журналистском, чем в научном оформлении. Как решительно настаивал в 1962 году на совещании историков А.В. Снегов, «недостойные, неприличные приемы еще подвизаются на седьмом году после XX съезда партии и имеют хождение»[1]. С тех пор, однако, положение только ухудшилось.

Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда, как и открытые выступления на XXII съезде в октябре 1961 года, руководствовались принципом одностороннего отбора отдельных эпизодов террора. А поскольку совершенно ясно, что главным мотивом хрущевских разоблачений было стремление опорочить его политических противников пятидесятых годов — Берию, Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова, — то не все, что о них говорилось, следует принимать за чистую монету, особенно в последнее время, когда эти враги были вынуждены молчать.

Пример такого курьеза в поведении Хрущева, — да, впрочем, и всего руководства КПСС, — приводит сенатор Реале, в то время один из лидеров итальянской компартии, который сам слышал от Хрущева рассказ о том, как Берия был убит на месте во время заседания Президиума в июне 1953 года,

а затем Реале должен был сидеть и в течение нескольких часов слушать якобы подлинную пленку с записью суда над Берией в декабре.

Но хотя хрущевский период и характеризуется определенным объемом сочинительства, думается, что когда он сам или кто-либо из его соратников ссылается на документы, то, по всей вероятности, эти документы подлинные. Да и вообще, хоть и не без остатков сомнения, следует принять за правду большую часть сообщений, сделанных в публичных выступлениях или еще где-либо. Те же соображения относятся к целому ряду книг, появившихся в СССР в течение последних десяти лет и посвященных реабилитированным политическим и военным деятелям. Как и во всех апологетических биографиях, в них, без сомнения, сказывается стремление изобразить описываемое лицо в максимально благоприятном свете. Верно, конечно, что в тех случаях, когда таких биографий было несколько, — как в случаях Тухачевского, Кирова, Якира, Блюхера и других, — в них имеется ряд расхождений в подробностях, по большей части (хотя и не всегда) незначительных. Это, несомненно, чаще всего объясняется тем, что авторы сами наткнулись на фактические затруднения. Во многих случаях документы были им тоже недоступны, и нередко приходилось полагаться на память оставшихся в живых родственников или иных свидетелей.

Неудовлетворительность документации с очевидностью обнаруживается в расхождениях советских источников по вопросу о датах смерти даже таких видных деятелей, как член Политбюро Влас Чубарь или начальник Генерального штаба маршал Егоров. Поскольку в целом ряде случаев в литературе называются две (а порой и больше, чем две) даты смерти, мне кажется уместным истолковывать их следующим образом: более ранняя дата отмечает время вынесения смертного приговора и является последней, отмеченной в следственном деле обвиняемого, казнь которого совершалась в ближайшие же дни. Если приговор был затем смягчен в результате нового административного решения, это не было

отмечено в документах, доступных исследователю, и может быть установлено лишь на основе ряда других документов или свидетельств еще живущих работников НКВД. Но это всего лишь гипотеза. А в ряде случаев не менее вероятна просто путаница.

Когда в несколько другом контексте академик И.М. Майский на основании опыта эпохи культа заявил, что не каждому документу следует верить[2], он высказал также и пожелание, чтобы мемуарная литература осветила мотивы поведения людей даже и там, где документы достойны определенной степени доверия. И в самом деле, значительная часть недавней информации советского происхождения появилась в форме мемуарного и биографического материала. Материал этот весьма неравного качества. Вплоть до 1962 года (по крайней мере) только один Воениздат организовал специальную редакцию и допустил мемуаристов к своим архивам[3].

Как мы уже говорили выше, воспоминания советских граждан, переживших террор, представляют собой один из важнейших источников, подтверждающих, в частности, описания жизни в тюрьмах и лагерях, вышедшие за рубежами социалистического лагеря. Вспоминаются имена генерала Горбатова, маршала Рокоссовского, Григория Шелеста и других. Одно из лучших описаний жизни в лагере принадлежит перу Йожефа Лендьела, венгерского коммуниста с большим партстажем; его книга «От начала до конца» вышла в Будапеште, где в период оттепели ей была присуждена премия имени Кошута. К другой категории, конечно, относится повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», дающая в беллетристической форме замечательно точное описание жизни за проволокой. Как отметил один советский критик[4], автор показал нам день из относительно благополучного периода лагерной жизни своего героя.

Солженицын описывает, правда, период более поздний, чем большой террор; период, когда смертность в лагерях существенно сократилась. Я, тем не менее, щедро цитировал эту повесть прежде всего потому, что, будучи исключи-

тельно живо написаной, она не дает возможности обвинить автора в искажении действительности. Кроме того, изменения, которые имели место в системе ГУЛАГа, не столь существенны, и их хорошо видно из сравнения с другими, тоже цитируемыми здесь источниками, в то время как день солженицынского героя — квинтэссенция этой системы в стадии полного совершенства.

3. *Имеется также и некоторое число «официальных» материалов обоих периодов, не предназначенных для публикации.* Самые содержательные из них — материалы «Смоленского архива»: документы Смоленского обкома ВКП[б], охватывающие период до 1938 года и захваченные в июле 1941 года немцами. Из этих документов было отобрано почти наугад около 500 папок, отосланных затем в Германию, где они попали в руки к американцам. Этот «архив» содержит живую документацию террора — больше в партийном, чем в общенародном разрезе — на территории Западной области, охватывавшей в 1929-1937 годах все пространство между Белоруссией, Украиной, Московской и Ленинградской областями с населением в шесть с половиной миллионов человек. Профессор Мерль Файнсод блестяще обработал эти документы в своей книге «Смоленск под советской властью».

В нашем распоряжении, хотя и в неполном виде, имеется также секретная редакция государственного плана на 1941 год, с помощью которой можно составить понятие об объеме принудительного труда в системе ГУЛАГа НКВД. Некоторое число документальных свидетельств из самих ИТЛ тоже имелось на Западе уже в сороковых годах. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда также попал на Запад по тайной линии связи; он до сих пор так и не опубликован в Советском Союзе, а полученный за границей текст никогда не был официально признан правильным. В последнее время из Советского Союза поступила и еще кое-какая, хоть и менее значительная документация. Это стенографические за-

писи или обзоры дискуссий на доверительных встречах советских историков.

4. *Свидетельства жертв*, выехавших за пределы коммунистического мира и опубликовавших свои воспоминания на Западе. Среди них весьма замечательные личности, умеющие наблюдать, живо описывать и заслуживающие полного доверия. В нашем распоряжении имеются воспоминания видного литературного критика Иванова-Разумника, вдовы члена Политбюро компартии Германии Маргариты Бубер-Нойман, замечательного историка профессора Штеппа. К счастью (только в интересах исследования, конечно), один из ведущих исследователей проблемы принудительного труда, профессор Сваневич сам побывал в лагерях и едва-едва избежал расстрела в Катыни. Не менее драгоценны свидетельства и не столь выдающихся бывших з/к: Солоневича, бывшей швейцарской коммунистки Элиноры Липпер и получивших право убежища в Австралии Владимира и Евдокии Петровых.

Мы находимся в благоприятном положении в отношении получения взаимодополняющей информации о концлагерях — причем с существенными подробностями, — из советских и несоветских источников. Д. Далину и Б. Николаевскому уже в 1948 году удалось, опираясь на свидетельства оказавшихся на Западе бывших заключенных, составить список в несколько сот лагерей и лагерных зон. Существование некоторых наиболее отдаленных и малоизвестных из них подтвердилось потом из советских источников, как, например, существование лагеря при золотом прииске Мальдяк в глубине Колымского края, о котором рассказал в своих воспоминаниях генерал А. В. Горбатов. Точно так же условия жизни в лагерях обрисовываются аналогичным образом в источниках обеих категорий. Свидетельство генерала Горбатова о том, как уголовные преступники «урки» обращались с политзаключенными, вполне аналогично свидетельствам заключенных, опубликованным

на Западе. Хлебный паек на Колыме описан на Западе Элинорой Липпер совершенно так же, как Григорием Шелестом в его «Колымских заметках», опубликованных в советском журнале «Знамя». И так далее.

Полноценным и честным свидетельствам вырвавшихся на Запад заключенных не верили. Вайсберг так и пишет в своей книге:

«Я знаю, что я стану предметом нападок тех, кто сделали своей профессией защиту системы всеобщего обмана. Я знаю, что подобно всем моим предшественникам, я стану объектом бессовестной клеветы. Я не могу избежать этого, потому что нет законных средств для доказательства того, что я говорю правду. Советские карательные органы освобождают своих заключенных без бумаг и документальных свидетельств. Но История дает правде оружие, которого она лишает ложь. Ложь существует во множестве обличий, правда только в одном. Несколько сот человек выехали из СССР одновременно со мной. Некоторые из них, возможно, умерли или снова попали в тюрьму, но другие остались, наверное, в живых и пользуются свободой. Я не знаю, где они сейчас, но в один прекрасный день они также могут заговорить. И они скажут то же, что говорю я, и содержание их свидетельств подтвердит правдивость моего рассказа»[5].

5. *Последний и наиболее спорный из наших первоисточников — свидетельства лиц, имевших доступ к политической и полицейской информации.* Сюда относятся несколько книг особого рода.

В тоталитарном государстве проблема научного доказательства принимает специфические формы. Официальные заявления власти не заслуживают в нем доверия, потому что многие из них совершенно очевидно лживы. В результате, правдивая информация просачивается лишь в форме слухов.

Новейшие советские признания подтверждают, что утечка даже самых секретных данных продолжалась и в самом

1937 году; это видно хотя бы из того, что насильственный характер смерти Орджоникидзе не остался тайной даже для низовых партийных работников, как и для нескольких эмигрантов, появившихся в то время на Западе. Разумеется, не всякий слух верен и не все, что передается из уст в уста — правда. В политической информации самый верный, хоть и не безупречный, источник — слухи на высоком политическом или полицейском уровне. Один из ярчайших примеров — нашумевший в свое время очерк «Московский процесс» (Письмо старого большевика). Это «Письмо» впервые появилось в номерах от 22 декабря 1936 и 17 января 1937 г. меньшевистского «Социалистического вестника», выходившего в то время в Париже, а затем было перепечатано отдельной брошюрой в 1937 году в Нью-Йорке. Его автором оказался потом (остававшийся поначалу анонимным) Борис Николаевский, никакой не старый большевик, но старый меньшевик, работавший некоторое время после Октября директором Института Маркса и Энгельса, и сохранивший, кроме того, свои еще дореволюционные связи кое с кем из большевиков. Рыков, например, приходился ему шурином. А с Бухариным, когда тот приезжал в Европу в 1936 году, Николаевский имел несколько встреч. Бухарин и послужил источником для описания определенных настроений в партии, как они поданы в очерке. Большая часть информации Николаевского, однако, и, в частности, все места, оценивающие положение в конце 1936 года, опираются на другие источники — главным образом, на сведения, полученные от Карла Раппопорта, известного французского и русского коммуниста и друга Ленина. В господствовавшей в то время обстановке, более свободной, чем в последовавший период сталинщины, разговоры и настроения, имевшие место на довольно высоком уровне старого состава партии, могли просочиться в этом виде за границу, что, впрочем, повторилось и при Хрущеве. «Московский процесс» не должен, конечно, расцениваться как первоисточник; используя его, мы старались не забывать, что это информация из вторых рук.

Неплохим предварительным критерием для оценки такого рода сведений может служить вопрос о том, кто таков автор — реальная личность или просто имя на обложке (не забудем, что даже в ученых кругах Запада необъяснимым успехом пользуются порой книги вымышленных авторов); затем важно выяснить, подтверждаются ли сведения автора другими — в особенности более поздними — свидетельствами и созвучны ли они политическим и общим условиям времени. К лучшим и наиболее верным источникам следует отнести те, которые стали предметом упорной и ожесточенной диффамации и личной клеветы против автора (что со сталинской точки зрения вполне понятно). Так, например, книга «Я выбрал свободу» Виктора Кравченко в широчайших кругах изображалась как фальшивка организаторов холодной войны (термин «холодная война», как порой и теперь, употреблялся для обозначения не какой-либо определенной международной политики, а лишь нежелательной руководству КПСС элементарной гласности вокруг определенных фактов и убеждений); полился поток голословных нападок на личные качества автора. Кравченко дает не так много интересующих нас сведений, хотя его вторая книга «Я избрал правосудие» — отчет о его процессе против французского коммунистического журнала «Леттр Франсэз» — полезна тем, что содержит свидетельские показания ряда бывших заключенных, многие из которых без этого, несомненно, остались бы неопубликованными.

Другой автор, тоже ставший объектом упорной травли — это Вальтер Кривицкий, для нашей работы полезный, хотя и не столь важный источник. У него есть недостатки. Во-первых, его память (или его способность сопоставлять свои воспоминания с опубликованным материалом) оставляет желать лучшего. В результате, его рассказ страдает порой «хронологическими провалами». Это значит, что совершенно верная информация смещается у него во времени. Это обычно можно исправить. Во-вторых, близость В. Кривицкого к подлинным источникам сведений не так уж велика. И, нако-

нец, особенность, которая, между прочим, мало отмечалась исследователями: Кривицкий очень следит за тем, чтобы вместе с теми или иными действиями правящей клики не выдать и подлинной государственной или военной тайны. Кривицкий покинул советскую службу 5 декабря 1937 года, этот момент позволяет провести грань между сведениями, полученными им непосредственно из источика, и позднейшими спекулятивными построениями.

Более крупный работник НКВД, Александр Орлов, занимал в свое время должность заместителя начальника экономического отдела ОГПУ и поддерживал тесные сношения с определенным числом руководящих работников карательных органов — в частности, с Мироновым, одним из ближайших помощников Ягоды по подготовке процесса Зиновьева. Его книга, неудачно названная «Тайная история преступлений Сталина», представляется нам достойным большого доверия источником, во всяком случае, примерно до конца 1937 года, т.е. до времени последнего возвращения автора в Советский Союз. Орлов покинул советскую службу 13 июля 1938 года. Правда, его ближайшие товарищи по работе в НКВД были к этому времени давно уже вычищены, а немногие пережившие чистку, во-первых, едва ли продолжали говорить с ним откровенно и, во-вторых, едва ли могли добиться полноценной информации от новых хозяев террористической машины. Помимо этих двух фактов, проявившихся в убывающей степени подробности и уверенности в сказанном, свидетельство Орлова отлично выдерживает проверку. (Мне удалось, например, с помощью одного коммуниста из Восточной Европы, незнакомого с книгой Орлова, проверить два из описанных им незначительных, но характерных фактов, касающихся знакомых моего собеседника). А недавно целый ряд описанных у Орлова фактов, как, например, подробности самоубийств начальника Горьковского областного управления НКВД Погребинского и начальника политического отдела Украинского НКВД Козельского, подтверждены в Самиздате[6].

Другой источник, хорошо выдерживающий сопоставления с позднейшими свидетельствами, — это все, что написано бывшим крупным советским командиром Александром Барминым.

Свидетельства ряда других эмигрантов не столь солидны. С одной стороны, положение их авторов в советской жизни не поддается полноценной проверке, и их личная близость к событиям представляется преувеличенной; с другой стороны, невозможно проверить всю предлагаемую ими информацию — порой входящие в нее отдельные сведения не совпадают или плохо увязываются с другими источниками; впрочем, вполне возможно, что в силу недостаточной посвященности в кухню партийной политики, они просто передают слухи, распространявшиеся в более наивной среде. Сюда относится верная или искаженная передача рассказов, услышанных в тюрьмах и лагерях от людей, по всей вероятности, ближе стоявших к политике того времени. Значительная часть этих сообщений лишена познавательной ценности, но среди них есть книги, содержащие зерна подлинной информации; они, по меньшей мере, точно передают слухи, не противоречащие установленным фактам и дающие порой дополнительные сведения. Я пользовался иногда такими сведениями, отмечая их словами «как говорили» — в тех случаях, когда объективная вероятность и отсутствие оснований для фальсификации оправдывали в моих глазах это использование.

Вторичные источники по большей части ясны. Это работы, охватывающие массы первичного материала, как например, «Принудительный труд в СССР» Николаевского и Далина.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ

1. «Совещание историков», стр. 271 (Выступление А. В. Снегова).
2. Там же, стр. 148 (Выступление акад. Майского).
3. Там же, стр. 148.
4. В. Лакшин в «Новом мире» № 1, 1964, стр. 223-245: «Иван Денисович, его друзья и недруги».
5. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 14.
6. P. Yakir in *Survey* No. 70-71, 1969, Письмо в редакцию журнала «Коммунист» 2 марта 1969 г. Оригинальный русский текст см. «Посев» № 5, 1969.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Цитируемые в тексте две сотни названий даются полностью только при первом их упоминании. В дальнейшем нередко указывается лишь имя автора; сокращенное же название книги дается только в начале главы или если цитируются две или несколько работ того же автора. Предлагаемый ниже список охватывает лишь важнейшие или наиболее содержательные работы, трактующие тот или иной аспект сталинского террора.

ОБЩЕЕ

Armstrong, John A., *The Politics of Totalitarianism,* New York, 1961.

Balabanoff, Angelica, *Impressions of Lenin,* Ann Arbor, 1964.

Barmine, Alexander, *One Who Survived,* New York, 1945.

Carr, E.H., *Socialism in One Country,* 3 vols., London, 1958-64

Ciliga, Anton, *The Russian Enigma,* London, 1940.

Daniels, Robert V., *The Conscience of the Revolution,* Oxford, 1960.

Deutscher, Isaac, *Stalin,* London, 1949.

Deutscher, Isaac, *The Prophet Unarmed,* London, 1962.

Джилас, Милован, «Разговоры со Сталиным», изд. «Посев», 1970.

Эренбург, Илья, «Люди, годы, жизнь» (цитируется по собр. соч., Москва, т. 8, 1966; т. 9, 1967).

Fainsod, Merle, *Smolensk under Soviet Rule,* Cambridge, Mass., 1958; London, 1959.
Fischer, Louis, *Men and Politics,* London, 1941.
Jasny, Naum, *The Socialized Agriculture of the U.S.S.R.,* Stanford, 1949.
Krivitsky, Walter, *I Was Stalin's Agent,* London, 1940.
Lorimer, Frank, *The Population of the Soviet Union: History and Prospects,* League of Nations, Geneva, 1946.
Медведев, Жорес, «Биологическая наука и культ личности», изданная на английском языке под названием *The Rise and Fall of T.D. Lysenko,* New York, 1969.
Orlov, Alexander, *The Secret History of Stalin's Crimes,* London, 1954.
Schapiro, Leonard, *The Communist Party of the Soviet Union,* London, 1960.
Serge, Victor, *De Lénine à Staline,* Paris, 1937 (*Le Crapouillot,* N° spécial, Janvier, 1937).
Serge, Victor, *Memoires d'un révolutionnaire,* Paris, 1951.
Souvarine, Boris, *Staline,* Paris, 1935.
Троцкий, Лев, «Моя жизнь», т. 2, изд. «Гранит», Берлин, 1930.
Ulam, Adam, *The Bolsheviks,* New York, 1965.
Uralov, Alexander (A. Avtorkhanov), *The Reign of Stalin,* London, 1953.
Wolfe, Bertram D., *Three Who Made A Revolution,* Penguin ed., London, 1966.
Большая советская энциклопедия, 1-ое изд., 1926-47; 2-ое изд., 1949-58; 3-е изд., 1970-.
Малая советская энциклопедия, 3-е изд., 1958-60.
Энциклопедический словарь, 1963-.
Советская историческая энциклопедия, 1961-.
Краткая литературная энциклопедия, 1963-.
Українська радянська енциклопедія, 1959-65.
Українськи радянськи енциклопедичный словник, 1966-.

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ, СУДЫ, ТЮРЬМЫ, ЛАГЕРЯ И Т.Д.

Anon., *The Dark Side of the Moon,* with Preface by T.S. Eliot, London, 1946.

Beck, F. and Godin, W., *Russian Purge and the Extraction of Confession,* London, 1951.

Broué, Pierre, *Le Proces de Moscou,* Paris, 1964.

Brzezinsky, Zbigniew, *The Permanent Purge,* Cambridge, Mass., 1956.

Buber-Neumann, Margarete, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler,* München, 1949.

Dallin, D.J. and Nicolaevsky, B.I., *Forced Labor in the Soviet Union,* London, 1948.

Dewey Commission, Report of the: *Not Guilty: The Case of Leon Trotsky,* London, 1937.

Ekart, Antoni, *Vanished Without Trace,* London, 1954.

Гинзбург, Евгения, «Крутой маршрут», Франкфурт-на-Майне, 1970.

Горбатов, А.В. ген., «Годы и войны», Москва, 1965.

Herling, Gustav, *A World Apart,* New York, 1951.

Иванов-Разумник, Р.В., «Тюрьмы и ссылки», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.

Kravchenko, Victor, *I Chose Justice,* London, 1951.

Lengyel, Jozsef, *From Beginning to End,* English ed., London, 1966.

Lipper, Elinor, *Elf Jahre in sowjetischen Gefängnissen und Lagern,* Zurich, 1950.

Maclean, Fitzroy, *Eastern Approaches,* London, 1941.

Medvedev, Roy, *Faut-il rehabiliter Staline?,* Paris, 1969.

Никонов-Смородин, «Красная каторга», София, 1938.

Petrov, V., *It Happens in Russia,* London, 1951.

Пионтковский, А.А. и Меньшанин, В.Д., «Курс советского уголовного права», Москва, 1955.

Розанов, Михаил, «Завоеватели белых пятен», изд. «Посев», 1951.
Roeder, Bernhard, *Katorga: An Aspect of Modern Slavery*, London, 1958.
Солоневич, И.Л., «Россия в концлагере», Белград, 1935.
Сахаров, А.Д. акад., «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», изд. «Посев», 1968.
Солженицын, А.И., цитируется по собр. соч. изд. «Посев», 1970: т. 1 — «Один день Ивана Денисовича»; т. 3 и 4 — «В круге первом».
Stypulkowski, Z., *Invitation to Moscow*, London, 1951.
Swaniewicz, S., *Forced Labour and Economic Development*, London, 1965.
Вышинский, А. Я. акад., «Судоустройство в СССР», Москва, 1936.
Weissberg, Alexander, *Conspiracy of Silence*, London, 1952.
Wolin, Simon, and Slusser, Robert M., *The Soviet Secret Police*, New York, 1957.
Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, Москва, 1936 («Дело Зиновьева»). (Поскольку этот отчет отсутствует даже в крупнейших библиотеках Англии, Франции, Германии и США, мы цитировали его в обратном переводе с *Report of the Court Proceedings in the Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre*, English ed., Moscow, 1936).
Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, 1937 («Дело Пятакова»). (На русском языке в нашем распоряжении был лишь сокращенный текст этого отчета. Недостающие в нем места цитируются в обратном переводе с *Report of the Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet Trotskyite Centre*, English ed., Moscow, 1937).
Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока, Москва, 1938 («Дело Бухарина»). (Цитируется везде по оригиналу).

Авторханов, Абдурахман, «Покорение партии». См. «Посев». Впоследствии переработано автором в книгу: Uralov, Alexander, *The Reign of Stalin,* London, 1953.

Авторханов, Абдурахман, «Технология власти», изд. ЦОПЭ, 1959 (не полностью совпадает с англ. изд.).

Бега, Ф. и Александров, В., «Петровский», Москва, 1963.

Дробжиев, В. и Думова, Н. «В. Я. Чубарь. Биографический очерк», Москва, 1963.

Дубинский-Мухадзе, И., «Орджоникидзе», Москва, 1963.

Красников, С., «Киров», Москва, 1964.

Марягин, Г., «Постышев», Москва, 1965.

Синельников, С., «Сергей Миронович Киров. Жизнь и деятельность», Москва, 1964.

«Станислав Викентьевич Косиор» (по-украински), Киев, 1963.

Kostiuk, Hrihory, *Stalinist Rule in the Ukraine,* Munich, 1960.

Matossian, Mary, *The Impact of Soviet Politics in Armenia,* Leyden, 1962.

Nicolaevsky, Boris I., *Power and the Soviet Elite,* New York, 1965.

Sullivant, Robert S., *Soviet Politics and the Ukraine, 1917-57,* New York, 1962.

КПСС в резолюциях и т.д., 7-ое изд., Москва, 1953.

Очерки истории Коммунистической партии Украины, 2-ое изд., Киев, 1964.

Очерки истории Ленинграда, т. 4, Москва-Ленинград, 1965.

Стенографический отчет Первой сессии Верховного Совета, Москва, 1938.

Стенографический отчет VII съезда ВКП[б], Москва, 1958.

Стенографический отчет VIII съезда ВКП[б], Москва, 1961.

Стенографический отчет XI съезда ВКП[б], Москва, 1961.

Стенографический отчет XVII съезда ВКП[б], Москва, 1934.

Стенографический отчет XVIII съезда ВКП[б], Москва, 1939.

Стенографический отчет XXII съезда КПСС, Москва, 1961.
Стенографический отчет Всесоюзного совещания по усовершенствованию подготовки научно-педагогических кадров в исторической науке, Москва, 1964 («Совещание историков»).

АРМИЯ

Bialer, Seweryn, *Stalin and His Generals,* New York, 1969.
Erickson, John, *The Soviet High Command,* London, 1962.
Wollenberg, E., *The Red Army,* London, 1938.
Дубинский, И.В., «Наперекор ветрам», Москва, 1964.
Душенькин, В., «От солдата до маршала», Москва, 1961.
Кондратьев, Н., «Маршал Блюхер», Москва, 1965.
Корицкий, Н.И. и др., «Маршал Тухачевский», Москва, 1965.
Никулин, Лев, «Маршал Тухачевский», Москва, 1964.
Петров, Ю.П., «Партийное строительство в Советской армии и флоте (1918-1961)», Москва, 1964.
Якир., П.И. и Геллер, Я.А., «Командарм Якир», Москва, 1963.
Hoettl, Wilhelm, *The Secret Front,* London, 1954.
Schellenberg, W., *Memoiren,* Köln, 1959.

РАЗНОЕ

В описании убийства Троцкого я в основном следовал за Исааком Дон-Левиным (Isaac Don-Levine, *The Mind of an Assassin,* New York, 1959). Я не указывал источников для описания массовой ликвидации польских военнопленных в Катыни, так как это убийство лежит за пределами сталинского большого террора. Интересующимся следует обратиться к книгам: *The Crime of Katyn,* London, 1965 (с предисловием ген. В. Андерса); Joseph Mackiewicz, *The Katyn Wood Murders,* London, 1951; J.K. Zawodny, *Death in the Forest,* Notre Dame, 1962.

Дальнейшие справки по темам, затронутым во вступлении и эпилоге, читатель найдет в цитируемой литературе.

ПЕРИОДИКА

Советские газеты и журналы

«Правда», «Известия», «Красная звезда», «Казахстанская правда», «Заря Востока», «Комсомольская правда», «Бакинский рабочий», «Правда Украины», «Правда Востока», «Рабочий» (Минск), «Советская Белоруссия», «Ленинградская правда», «Коммунист» (Армения), «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «Вопросы литературы», «Военно-исторический журнал», «Більшовик Украіны», «Вісти», «Советское государство и право», «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Литературная газета», «Нева», «Беларусь», «Наука и религия», «Вечерний Ленинград», «Огонёк», «Литературная Россия», «Молодой коммунист», «Советская Сибирь».

Зарубежные издания

«На рубеже», «Новый журнал», «Бюллетень оппозиции», «Социалистический вестник», «Посев», *Bulletin d'Information* (Commission pour la vérité sur les crimes de Staline), *The New Leader, Trybuna Ludu, Soviet Affairs* (St. Antony Papers), *Problems of Communism, Soviet Studies, Survey, Studies in Comparative Communism.*

УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов, 906-7
Абдулов Н. П., 590
Абрамович Рафаил, 62, 995
Абрамсон, 556
Абхазия, 472-3
Авдеев, 100
Авербах, 595, 603
Авиационный сталинский маршрут, 854
Авторханов А. (Уралов), 292-3, 309, 357, 838, 951, 953
Агабеков, 809
Агелов Сильвия, 827
Агол, проф., 590
Агранов Я. Д., 86-7, 101, 107-8, 111-2, 185, 192-3, 295, 301, 597, 682, 838
Аджария, 472-3
Адлер Фредерик, 919
Азербайджан, 366, 466, 582
Азовско-Черноморский край, 312
Акулов А. И., 177, 495, 877, 985
Александер А. В., 722
Алексеев П. А., 453, 975
Алиханов, 807
Алкснис, командарм, 384, 388, 419, 430, 440, 836, 878, 900
Аллег Анри, 929-30
Аллилуев Павел, 138-9
Аллилуева Надежда, 78, 138, 860
Аллилуева Светлана, 106, 137, 145, 154
Альтер Виктор, 890-1
Амальрик Андрей, 933
Аматуни, 474
Амелин М. П., 426
Амирджанов, 355
Англо-русский парламентский комитет, 257, 271
Андреев А. А., 69-70, 73, 290-1, 457, 710, 840, 974-5
Андрианов В. М., 872
Анишев, 585
Анненков Юрий, 605
Антипов Н. К., 495, 502, 692, 709, 711, 713-4, 718, 781, 835, 867, 878, 902, 975
«Антисоветский троцкистский центр», 314
Антонов, 385
Антонов-Овсеенко В. А., 388, 433, 811, 841-4
Аренс, 842
Аресты, 109, 120, 555, 867; процедура, 538-42; число, 531, 949-53
Арлен Мишель, 138
Армения, 473-5
Армия, 382-448, 849-57, 891-904; первая волна террора (1937 г.), 97, 382-433; обвинения в измене и заговоре, 382, 391-2; Политуправление, 383, 386, 417, 427-8, 896; контакты с Герма-

нией, 394, 406, 409-15; удар по генералам, 395; система двойного подчинения, 405, 896; уничтожение комиссаров, 427-9; уничтожение офицерского состава, 429-40, 891-3; вторая волна террора (1938 г.), 437-40, 473-900; Дальневосточная, 405, 440, 468, 849-57; ударная сила к началу войны, 891-9; вторая мировая война (1941-5 гг.), 891-904; реформы (1940-1 гг.), 896; расстрелы офицеров (окт. 1941 г., июль 1942 г.), 900; (1946-7 гг.), 906-7
Армия Краева, 905
Арнольд Валентин, 332-5, 345, 347, 752
Аросев, 842
Артеменко, 705
Арутюнов Г. А., 872
Архангельская область, 267
Астров В. Н., 942
Ахматова Анна, 540, 597

Бабель Исаак, 530, 593
Баганов, 337
Багиров М. А., 358, 466, 872, 976
Бадаев А. Е., 975
Байдуков, 494
Байкальский военный округ, 440
Бакаев И. П., 113, 115, 118-22, 190, 193, 207, 211-2, 216, 223-35, 398
Бакрадзе В. М., 872
Бактериологи, суд (1930 г.), 993
Баку, 152, 266
Балабанова Анжелика, 255
Балицкий В. А., 57, 481, 483, 486-7, 926, 975
Балмашев С. В., 107
Балтийский флот, 318, 320, 457
Бальцевич, 120
Барбюс Анри, 919
Барков В. Н., 841-2
Бармин А., 28, 420, 740, 1020
Басмачи, 573
Бауман К. Я., 55, 67, 155, 496, 974-5
Бахрушин, 993
Бебенко, 991
Бедный Демьян, 218,382
Безгин, 337
Безыменский Александр, 382
Бек Ф., 270
Белая армия, 108, 113, 532, 601, 850
Белин, проф., 570
Белобородов А. Г., 254, 348-9, 856
Белов, командарм, 419, 421, 427, 437, 440, 836
Белогвардейцы, 108, 113, 116, 206, 955
Белоруссия, пытки, 267; репрессии, 460, 468-71, 537; «национал-фашистская организация», 707-8
Белорусский военный округ, 383, 385, 428-9
Белостоцкий, доктор, 757-8
Беляйкин, 494
Беляков, 494
Бенек, 467
Бенеш Э., 412-3
Берг, акад., 589
Берг Г. В., 328
Бергавинов, 692
Берггольц Ольга, 673
Бергельсон Давид, 914
Бердичев, 395
Беренс, 412
Берзин Е. П., 123, 648

Берзин Я. К. (Гришин), 426, 432
Берия Л. П., 44, 106, 123, 347, 358, 473-4, 497, 545, 591, 746, 750, 824, 829, 941, 975, 1011, 862, 867; контроль над Закавказьем, 171, 449, 458, 471-5, 872-3; фальсифицирует историю партии, 176, 511; и смерть Орджоникидзе, 355-6; и террор, 460, 970; «покушения», 472, 599; обвиняется Каминским, 494; первый секретарь КП Грузии, 837; у власти, 838, 857-8, 864; его группа, 841, 872, 906; арестовывает Косарева, 848; допрашивает Блюхера, 855; чистка в НКВД, 860; карательная система, 865; и пытки, 865; нападки на сталинское наследие, 870; кандидат в Политбюро, 873; и террор, 876; допрашивает Эрлиха и Альтера, 890; смерть, 1011
Берлин, блокада (1949 г.), 820
Берман Борис, 187, 202, 262, 510
Берман Г., проф., 934
Берман Матвей, 185, 297, 682, 838
Берман-Юрин К. Б., 190, 217-8, 332
Бернал Дж., 142
Бернини Камилло, 810
Берут (Рутковский), 803
Беспризорные, 173
Бессонов Сергей, 684, 687-91, 694, 700-2, 722, 769-70, 776
Биологи, 590-2
Бирюзов С. С., маршал, 425, 900
Бисмарк, 144-5, 185
Биссенек, 116
Битва за Варшаву (1920 г.), 387
Благонравов Г. И., 977
Блок Александр, 597
Блюмкин Яков, 70
Блюхер В., маршал, 270, 385, 388, 390, 419, 421, 438, 468, 849-57, 976, 1012
Блюхер Всеволод, 855
Богаров, 675
Богатский, 427
Богдан, 213, 359
Богомолец, проф., 583
Богомолов, 716, 841
Богуславский М. С., 263, 289, 306, 315, 345
Бокани Дечо, 798
Болгарии компартия, 232, 801, 905
Болгарские протестантские пасторы (1949 г.), 264
Болотин, 693
Большевики, 31
Большой, остров, 851
Бондаренко М. И., 487, 838
Борисов, 103-4, 747
Бояршинов, 306
Брандлер, 981
Брауде, 343, 746, 751-2, 997
Брауде Ева, 995
Браунштейн М., 995
Брежнев Леонид, 487
Брехт Бертольд, 917-8
Бржезинский, 953
Бродовиков, 337
Бройдо Г. П., 977
Брун Стефания, 837
Брунивый, 902-3
Бубер-Нойман М., 1015
Бубнов А. С., 499, 504-5, 843, 877, 975
Буденный, маршал, 385, 387, 390, 419, 438, 593, 674, 857, 900, 977
Будзинский, 803
Буковский Владимир, 933

Буланов П. П., 100, 103-4, 113, 121, 297, 373, 741, 746-50, 773-4
Булганин Н. А., 497, 511, 976
Булин А. С., 385, 390, 416, 427, 852, 976
Бунда группы, 556, 801, 890
Бур-Комаровский, 905
Бурмин Д. А., 757, 765
Бурмистенко М. О., 487-8
Бухарин Н. И., 38-9, 48, 51, 55-6, 62-9, 71, 76, 82, 85, 90, 98, 104, 168, 235, 260-4, 276, 290-9, 309, 374, 390, 393, 402, 419, 453-4, 469, 472, 479, 491-3, 495, 498, 499, 502-3, 510, 532, 546, 561, 571, 598, 687, 778, 790, 802, 820, 835, 874, 905, 973, 977, 983-4, 1017; характеристика, 48, 971; преемник Ленина, 48, 971; и правая оппозиция, 48-56, 390; призывает к терпеливому ожиданию, 55, 63; осуждает А. П. Смирнова, 74; кандидат в ЦК (1934 г.), 85; о Сталине, 131, 140, 143, 146, 150, 160; и гуманизация большевизма, 180-1; обвиняется на процессе Зиновьева-Каменева, 212, 214, 223, 290; обличает Сталина, 249; и партийный фетишизм, 249, 255, 280; сопротивление, 261; снятие вины, 291; новое обвинение, 309-14,340-1; и февральско-мартовский пленум, 361-9; Поспелов о, 370; поддерживается военными, 390; процесс, 682-789, 833, 835, 839, 841, 860, 936-7; отказ от показаний, 703; допрос и защита, 722-37, 752, 774-82; «последнее письмо», 777-8; не реабилитирован, 937; и тайная полиция, 982
Буценко А. И., 361

Вавилов Н. И., акад., 156, 590-1
Вавилов С. И., акад., 591
Вайсберг Александр, 130, 271, 278-9, 547, 553, 559, 571, 588-9, 660, 864, 925, 930, 951, 986, 1016
Вайшля И. С., 457
Ванаг Ю. П., 585
Вандурский, 804
Вань Минь, 797
Валецкий Хенрик, 804
Варейкис Иосиф, 467-8, 692, 781, 975
Варский А. С., 801-3
Варшавское восстание, 905
Василенко В. К., 926-7
Васильев Арк., 460
Васильев, командир, 572
Васильев Павел, 598, 603
Вацетис, командарм, 425, 439-40, 836
Вебб Сидней и Беатриса, 659-60, 921
Вегер Е. И., 977
Вейнберг Г. Д., 977
Вейцер, 499
Великанов, командарм, 836
Венгрии компартия, 796-8, 811
Верующих преследования, 557, 635, 904
Верховный Совет, правительство 1938 г., 512; выборы 1937 г., 779
Веселый Артем, 597, 603
Видали Витторио, 812, 824-5
Викторов, адмирал, 435, 440
Вилен Отто, 800

Вильсон Эдмунд, 919
Винница, захоронения, 581, 955
Виноградов А. И., 740, 752, 758
Виноградов В. Н., 746, 754, 757
Вишневецкий, 649
Вишня Остап, 597
Владикавказ, 41
Власов А. А., генерал, 901
Влодзимирский Л. Е., 497
Влыско А. Ф., 109, 598
Вовси М., проф., 754
Военная коллегия Верховного суда, 574, 687, 836
Военная разведка, 432
Военно-воздушные силы, 430, 899
Военный трибунал, 206
Вознесенский Н. А., 457, 913
Волжский военный округ, 404
Волович, 113, 186, 373, 747, 780
Вольский Н. В., 250
Вольф Эрвин, 822
Воронский, 597
Ворошилов К. Е., 40, 54, 73, 90, 98, 101, 103, 198, 204, 209, 290, 359, 364, 438, 511, 513, 850, 857, 922, 973, 975, 1011; шантаж Сталиным, 98; «покушения», 203, 209, 211, 213, 220-1, 234, 347, 395, 398, 427, 707, 779; соучастник террора, 291-2, 383, 401-2, 404, 415-7, 426, 489, 722, 854; и гражданская война, 386-7, 439, 498; назначение маршалом, 390; некомпетентность, 895-6, 900
Восточная Европа, процессы, 905
Врангель, 797
Временное правительство, 843
Вторая мировая война, 884, 891-904
Вышинский Андрей, 46, 87-8, 99, 118, 123, 171, 203, 208, 210, 212, 245, 284-5, 290, 313, 315, 348, 359, 373, 495, 497, 504, 536, 575-6, 580, 605, 607, 861, 873, 888, 903, 935; председатель на процессах, 88, 990; обвинитель, 88, 108, 118, 177, 212, 215, 223, 233, 320-48, 390, 400, 561, 682-782, 997-1000; Генеральный прокурор, 171, 177; и «признания», 284, 933; чистка органов прокуратуры, 374; и пытки, 569; и понятие гос. преступления, 575-6; и уничтожение без суда и следствия, 580; разоблачение, 933

Гавен Юрий, 209, 216, 280
Гаврилович, 151
Гай М. И., 187, 200, 373, 398, 682, 749
Гайкис, 842
Гамарник Я. Б., 383-6, 390, 393-4, 404, 416-7, 423-5, 427-8, 493, 692, 714, 852, 975
Ганецкий Я. С., 869
Гаранин, 649
Гароди Роже, 967
Гарькавый, комкор, 403, 425
Гвахария, 351, 530
Гвишиани М. М., 860, 872
Геворкян Сократ, 236
Гейдрих Рейнгардт, 410-2
Геккер, комкор, 403, 425, 439
Генеральный прокурор СССР, 87-8, 171, 577
Генри Эрнст, 428
Генриховский Г., 803
Гере Эрне, 811

Герланд Бригитта, 763-5
Герлинг Густав (Грудзинский), 116, 544, 619, 633, 636, 671, 793, 894, 902, 921
Герман Юрий, 941
Германии компартия, 190, 406, 410, 789-90, 792-7
Германия, политика Сталина в отношении, 406-24; «шпионаж» в пользу, 393, 406-24, 714; и вторая мировая война, 884, 895-904
Германо-советский пакт (1939 г.), 407-8, 795-6, 805, 859, 897-8
Гертик, 209, 235
Гесс Рудольф, 316, 322
Гидаш, 798
Гикало Н. Ф., 469, 977
Гиммлер Г., 412-3
Гинзбург, 695
Гинзбург Евгения, 270, 491, 546, 551, 565, 568, 570, 573, 582, 604, 778, 794, 799, 625-6, 634, 650, 653
Гирш Вернер, 793
Гиршфельд, 842
Гитлер Адольф, 885, 897, 1001; чистка (1934 г.), 96-7, 407; рецепт политических чисток, 152; и Сталин, 391, 406-413, 420, 796, 805
Главное управление госбезопасности, 185
Гликсман Ежи, 921
Говоров, биолог, 590
Гоглидзе С. А., 497, 860, 872
Гогоберидзе, 603
Годин В., 270
Голованов А., 854
Голод, 49, 56-7; *см. также* Коллективизация
Голодед М. М., 469, 707, 730-1
Голубенко И., 332, 397
Гольцман, 209-10, 219-20, 224, 244
Гомулка В., 412, 552, 803
Гонзалес (Эль Кампесино), 272, 644, 813-5
Голованов Александр, 854
Горбатов, генерал, 268, 415, 426, 431, 538, 541, 550, 627-9, 647, 650-1, 653, 671, 674, 861, 893-4, 936, 1010, 1013, 1015
Горбачев, генерал, 545
Горкин Хулиан, 812-3
Горкич Милан, 799
Горский, проф., 589
Горький, «заговор студентов», 182-3, 217; расстрелы, 581
Горький Максим, 167, 169, 175, 181, 593, 595-6, 606, 684, 762; попытка примирить Сталина с оппозицией, 166; выступления против Октябрьской революции, 195; нападки Сталина, 195; обстоятельства смерти, 195-7, 511, 685, 691, 738, 742, 745, 751-765, 770-1, 775, 780
Горячев Е. И., комкор, 419
Государственная Дума, 159, 869
Готвальд Клемент, 797
ГПУ, 589, 622-3, 978-87, 991
Гражданская война, 25, 77, 191, 267, 290, 384-6, 395-6, 439, 479, 498-9, 507, 523, 577, 593, 626, 820, 843-4, 856. 866, 939, 966, 982-3, 989
Граше, 305
Грегори А., 1000
Грейвз Роберт, 523
Григоренко Петр, генерал, 899, 933
Григорьев, комкор, 426

Гридасова, 649, 654
Грин Уильям, 891
Гринберг, 209
Гринько Г. Ф., 479, 486, 498, 684, 691-3, 702, 706, 709, 773, 776-7, 781, 937, 977
Грозный, проф., 587
Громов М., 494
Гроссман Василий, 395
Грузия, стремление к независимости, 23; политика Сталина, 23, 158; вмешательство Ленина, 23; большевики в, 133, 166, 471; террор, 277, 471-5, 837; компартия, 511
Грядинский Ф. П., 335, 976
Грязнов, комкор, 440
Гук Сидней, 917
ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 185, 297, 510, 647, 657, 682, 954, 958-61, 984, 1014
Гумилев Лев, 540-1
Гумилев Николай, 540, 597
Гуревич, 351, 792

Давид Ганс, 796
Далин Д., 618, 620, 638, 665, 796, 924, 959, 1015, 1020
Дальний Восток, террор, 465, 537, 563, 786, 851
Дальстрой, 620, 648, 655
Дан Лидия и Федор, 131
Даниэль, 460, 943, 939
Дантон, 208
«Дашнаки», 556
Двинский, 149
де Голль, 384
Деготь В. А., 374
Дедьер, 953
Дейчер Исаак, 45, 48, 102, 144, 192, 209-11, 900
Деканозов, 841-2, 872
Декрет «О красном терроре» (1918 г.), 980
Декреты о труде (1930 г.), 60-1
«Дело врачей-убийц» (1938 г.), 737-66; (1952-3 г.), 153, 746, 754, 758, 913, 941
«Дело Ленинградского комитета партии», 175
«Дело сотрудников Наркомзема» (1933 г.), 57, 993
«Дело украинской национал-фашистской организации», 361
«Демократические централисты», 26, 28, 115
Дерибас Д. Т., 976
Джакупов Севикгали, 573
Джамбул, 778
Джаши, 473
Джилас Милован, 137, 144, 146, 150, 940, 944
Джонсон Хьюлет, 926-7
Дзениг Я. П., 414
Дзержинский Феликс, 27, 134, 284, 507, 510, 739, 775, 801-2, 935, 973, 978, 980-3, 990
Диас Хозе, 812, 815
Димитров Георгий, 232, 796, 801, 807
Дипломаты, репрессии, 841-5
Доброжану Александру, 800
Донбасс, 254
Доносительство, 72, 524-31, 536, 571, 576, 604, 636, 918
Допрос, методы, 265-85, 299, 564-74, 703
Достоевский Федор, 276, 645-6, 886

Драйзер Теодор, 920
Дрейцер, 209, 223, 395, 398
Дробнис Ю. Н., 280, 289-90, 303, 315, 326, 329, 341, 345-6
Дубинский Давид, 890
Дубинский-Мухадзе, 764
Дубовой И. Н., 440, 836, 883
Душенов, флагман, 877
Душенькин В. В., 855
Дыбенко П. Е., командарм, 159, 415, 419, 439-40, 457, 490, 605, 836
Дыбец, 562
Дьюи Дж., проф., 916, 919-20
Дьяков Б., 570
Дьяконов, 562
Дэвис Джозеф, 394
Дэ Пьер, 928
Дюамель, 813
дю Гар, Роже-Мартен, 813
Дюранти Уолтер, 763

Евдокимов Г. Е., 37-9, 113-4, 118-20, 190, 193, 207, 211, 216, 226, 229
Евдокимов Е. Г., 97, 467, 537, 975, 989-90, 992
Евреи, 152-3, 570, 670, 746, 754, 758, 794, 906, 913, 929
Еврейские писатели, 152, 913-4
Еврейский антифашистский комитет, 153, 890
Евтушенко Д. М., 486
Егоров, маршал, 385-90, 404, 419, 438, 605, 878, 977, 1012
Ежов Николай, 45, 77, 170-2, 175, 177, 183, 185, 198, 207, 220, 229, 276, 290, 296-8, 306, 310, 314, 349-52, 359, 372, 394-5, 413, 421, 460, 484, 487-90, 497, 503-4, 509-11, 514-5, 524, 531, 538, 593, 682, 685, 692, 711, 715, 722, 738, 745, 750, 753, 757, 765, 779, 807-9, 840, 846, 848, 856, 858-62, 873-4, 974-5; член ЦК, 46; в комиссии по чистке, 87; и террор, 148-9, 515, 531-8, 833, 846, 935, 944, 954; назначение на ключевые посты, 170-2, 747, 873; и «троцкистско-зиновьевский центр», 188, 197, 206; Нарком внутренних дел, 295; «покушения», 347, 472, 685, 747-9, 765; на февральско-мартовском пленуме, 361-4; чистка в НКВД, 372, 402, 574; и террор в армии, 395, 421, 425-48; и террор в республиках и на периферии, 468-89; списки жертв, 489-90, 588; оппозиция ему, 493; падение, 528, 587, 837-8, 850, 857-65; и система лагерей, 675; подвижные группы, 807; и «признания», 906
Елин, 183
Енукидзе А. С., 96, 98, 166-7, 175-9, 495, 510, 683, 706, 725, 727, 747, 749, 751, 757, 759, 771, 781, 936, 975
Епанечников, 459
Еремин И. Г., 976
Ермилов В., 603
Есенин С., 597, 606
Ефимов Борис, 148, 956

Жданов А., 43, 85, 91, 101, 114, 124, 170, 177, 203, 221, 296, 359, 361, 364, 365, 449, 451-2, 457-8, 491, 509, 511, 592, 758, 840, 861, 872-5, 894, 974-5

Жеборевский, 469
Желябов А. И., 107
Жид Андре, 345, 813, 915
Жогин Н. В., 269, 575-6
Жолио-Кюри, 925, 930
Жуков Е. М., акад, 912
Жуков И. П., маршал, 384, 894-6, 975

Заболоцкий Николай, 546, 601, 604
Завенягин А. Р., 976
Зайцев В. С., 73
Закавказье, 44; контролируется Сталиным, 171; большевистские организации, 176; Берия – первый секретарь, 449; аресты в, 471-3
Заключение без права переписки, 581, 597, 956, 967
Заковский Л. М., 185, 451-5, 515, 682, 860
Законы: янв. 1931 г., 60; 7 авг. 1932 г., 58, 575; 20 июля 1934 г., 172; 1 дек. 1934 г., 503; 7 апр. 1935 г., 173; 29 июля 1936 г., 199; 14 сент. 1937 г., 579; 2 окт. 1937 г., 504; 14 нояб. 1937 г., 503; 25 дек. 1958 г., 933; 5 мая 1961 г., 935
Закрытые письма ЦК: дек. 1934 г., 110; 18 янв. 1935 г., 120; 13 мая 1935 г., 172; 19 мая 1935 г., 171; 29 июля 1936 г., 199; весна 1938 г., 833
Закс-Гландев, 585
Заложники, 172, 275-81, 300, 776, 980, 986
Залуцкий П., 114-5
Замятин Евгений, 195, 596
Западной Украины компартия, 791
Запорожец Иван, 96-108, 120-3, 165, 373, 511, 685, 725, 747
Затонский В. П., 486, 504, 694, 836, 926, 977
Захарченко, 416
Зборовский Марк, 822
Звезняк, 620
Зейдель Г. С., 221-2, 585
Зеленин В., 754
Зеленский Исаак, 532, 684, 693, 713, 717-22, 767, 774, 777, 916, 937, 975
Землячка Р. С., 159
Зиверт, 1000
Зиллиакус Конни, 926-7
Зиновьев Г. Е., 30, 35, 41, 49, 82, 89, 105-6, 108, 112, 114, 144, 169, 186, 189-90, 193, 226-7, 232, 235, 244-5, 254-8, 264, 278-91, 295, 298, 310, 388, 454, 502-3, 594, 717, 772, 776, 800, 821, 835, 845, 919, 936-7, 973; характеристика, 35-6; блок с Троцким и Каменевым, 38; исключение из ЦК, 39; исключение из партии, 72, 256; признание вины, 82, 256; и убийство Кирова, 105, 114, 125, 346; арест, 113; процессы, 115, 118-22, 166, 193-216, 278, 282, 290, 301, 316-8, 341, 348, 359, 397-8, 472, 510, 683-4, 688, 810, 853-4, 915-6, 1019; казнь, 230, 310-1, 346; Ленин о, 971
Зипалов В. Д., 757
Зисскинд Гейнрих, 793
Зорге Рихард, 856
Зубарев П. Т., 684, 698, 702

Ибаррури Долорес, 812
Иван Грозный, 151
Иванов В. И., 498, 684, 696-7, 702, 707, 722, 770-1, 778, 975
Иванов Николай, 897
Иванов-Разумник Р. В., 279, 507-8, 530, 565, 795, 862, 1015
Игнатов Н. Г., 458-9
Изар, адвокат, 962-7
Икрамов Акмал, 684, 709-14, 718, 722, 776-7, 937, 975
Иминейтов, 992
Ингаунис, 850
Индустриализация, 51-61, 166, 316, 621, 909-11, 940
Иностранцы, репрессии, 580, 789-807
Инструкция 17 сент. 1918 г., 980
Интеллигенция, репрессии, 560, 584, 592, 913
Иппо, 428
Исаев У. Д., 976
Исаков, контр-адмирал, 436
Испания, гражданская война, 799, 810-5, 826, 843, 853, 893, 924; Интернациональная бригада, 423-4, 799, 814-5; республиканская армия, 432-4; компартия, 810-5; ПОУМ, 810-2
Исправительно-трудовая колония, 921
Исправительно-трудовой кодекс, 577, 618
Истмен, 255
Историки, 585-8; совещание 1962 г., 73, 370
Италии компартия, 789-91, 798-9

Кабаков И. Д., 466, 531, 781, 975
Кабальеро Ларго, 811
Кавказ, голод, 57; террор, 472; крестьянские восстания, 984; компартия, 912
Кавказский военный округ, 430
Кавтарадзе С. И., 157
Каганович Л. М., 40-5, 70, 73, 80, 89, 123, 147, 171, 187, 206, 290, 296, 312, 326, 335-6, 352, 358-9, 364, 417, 497, 505, 511, 513, 779, 840, 868, 869, 922, 935, 974-5, 1011; назначение на ответственные посты, 42-3; преданность сталинизму, 43-4, 73; сторонник террора, 45; председатель ЦКК, 85; «покушения», 116, 203, 213, 221, 234, 347-8, 571, 706; трусость, 43, 263; соучастник террора, 292, 389, 458-60, 463, 562-3, 838, 874
Каганович М. М., 498, 975
Казаков И. Н., 684, 738, 740-4, 748, 756-60, 774
Казахстан, голод, 57-8; казни, 537
Калинин М. И., 37, 54, 70, 73, 140, 203, 290, 867, 875, 973, 975
Калманович М. И., 976
Калмансон, проф., 553-4
Калмыки, переселение, 489
Калыгина А. С., 976
Каменев Л. Б., 30, 41, 50, 134, 140, 143, 147, 160, 169, 174, 188, 254, 264, 276, 278, 291, 295, 299, 313, 373, 453, 479, 594, 604, 717-8, 727, 772, 776, 802, 919, 937, 973, 983; преследования, 35; характеристика, 36-7; блок с Троцким, 38; исключение из ЦК, 39; отношение Бухарина, 49-50; высылка на Урал, 72, 256; признание ошибок, 82-3, 90, 256; и убийство Кирова, 105,

112-4, 346; арест, 113; суд (1935 г.), 118-20; противодействие смертному приговору, 178, 182; следствие, 190-4, 197-9; признание и суд (1936 г.), 197, 199-245, 683-4; отношение к партийной демократии, 255-8
Каминский Г. М., 168, 353, 358, 364, 494, 588, 976
Камков Борис, 735-7
Кампанелла Т., 270
Кампания бдительности, 110, 531
Канделаки Давид, 409
Кант, 911
Кантонская коммуна, 792, 798
Капица П. Л., 156, 589
Каплан Фанни, 736, 985
Карахан Л. М., 276, 510, 728, 733, 747, 781, 841, 936
Карачаевцы, переселение, 467
Карденас, 821
Карев Н. А., 209, 235, 585, 603
Карелин В., 735-7
Карин А., 558
Карпеченко, 590
Карпов, 362-3, 482
Карповский, 465
Карр, 33
Картвелишвили, 67
Касименко, 911
Катков Г. М., 778
Катынь, захоронения, 888-9, 955, 963
Качугин, 741
Каширин, командарм, 419, 856
Кашкетин, 657
КВЖД, 564
Кедров М. С., 267, 299, 860
Кедров, сын, 184, 267, 860
Кемерово, 303, 326, 341
Кеннан Джордж, 154
Керенский, 845
Кессельринг, 899
Кестлер Артур, 130, 259, 278, 570, 717, 792, 919, 1001
Кестринг, 410
Киев, 108, 307-9, 312, 361-5, 369-71; тюрьмы в, 427, 528, 542, 553; и украинская кампания Сталина, 476-89; доносы в, 527-8, 675-6
Киевский военный округ, 383, 385, 425-6, 857
Киппенбергер Ганс, 793
Киргизия, 537, 711
Кириленко А. П., 488
Киров С. М., 73, 75, 83, 88, 219, 450, 454, 873-5, 974-5; в Ленинграде, 40, 97; характеристика, 41-2, 90; в блоке умеренных, 70, 113, 166; оппозиция Сталину, 83-4, 89, 308; предполагаемый перевод в Москву, 91; убийство, 91, 94-125, 160, 167-70, 178, 190-1, 201, 208-11, 224, 232, 234, 258, 317, 356, 346-7, 449, 511, 685, 715, 725, 747, 751, 757, 759-61, 765, 768, 771, 775, 780, 915, 923, 933, 936, 1011
Кирпотин В., 597
Киршон В., 603, 836, 915
Китаев И. И., 597
Китай, 57, 906, 939
Клебер, генерал, 433, 814
Клемент Рудольф, 822
Климовских, 898
Клинков, 483
Клюев Николай, 598
Кнорин В. Г., 806-7, 975
Князев И. А., 306, 315, 317, 335-8, 348
Кобанидзе, 23

Кобулов Б. З., 497, 860, 872
Ковалев, 464-5
Ковтюх, 440
Коган, 847
Коган Б., врач, 754
Кодацкий И. Ф., 452-3, 456, 458, 975
Кодовилья Витторио, 824
Кожанов, 435
Кожевников Вадим, 941
Козельский, 1019
Коккинаки В., 208, 834
Коларов Васил, 790
Колесников, 337
Коллард Дадли, 349
Коллективизация, 51-8, 130, 138, 316, 479, 522, 623, 626, 694, 708, 816, 820, 850, 886, 907, 918, 964, 967, 984
Коллонтай Александра, 159, 439
Колчак, 191
Кольцов Михаил, 148, 156, 597, 877, 915, 956
Комаров, проф., 589
Комаров Николай, 453-4, 781, 977
Коминтерн, 190, 218, 222, 406, 804, 806; и германо-советский пакт, 406-8; террор в, 789-811
Комитет госбезопасности, 87
Коммодов, 755, 997
Компартии зарубежные, 789-807
Комсомол, 117-8, 845-9, 918; сопротивление сталинизму, 67, 111-2, 124-5, 178; реорганизация, 178; процесс горьковских студентов, 182-4; уничтожение руководства, 525, 687-8, 845-9; ЦК, 845-9
Конар, 552, 993
Константин, 209
Конституция (1936 г.), 180, 309, 538
Копершинский, проф., 588
Копец, генерал, 899
Кореи компартия, 800
Корженко Василий, 841
Корк А. И., командарм, 383-5, 390, 405, 414, 421, 424-5
Корнилов Борис, 604
Коробков, генерал, 898
Коротченков Д., 463-4, 488
Косарев А. В., 525, 845-8, 865-6, 905, 906, 975
Косиор В. В., 512
Косиор И. В., 19, 512, 975
Косиор Казимир и Михаил, 866
Косиор С. В., 42, 70, 73, 81, 177, 203, 266, 277, 290, 296, 307-8, 347, 370, 477, 479, 482, 484, 486, 490, 502, 505-6, 509, 511, 513, 571, 587, 834, 857, 865-6, 869, 873, 926, 936, 974-5
«Космополиты», 153
Костов Трайчо, 283, 905-6
Косыгин А. Н., 458, 870, 872
Кот, проф., 888
Котолынов И. И., 111-2, 114, 117-9, 846
Кощева Вера, 804
Кравченко Виктор, 43, 59, 266, 304, 354, 526, 539, 541, 544, 621-2, 631-2, 634, 925-8, 986, 1018
Красин В., 933
Кратко, 606
Кребс, полковник, 897
Кренкель, 778
Крестинский Н., допрос, 270; признание, 244, 449; суд, 684-714; отказ от признания, 686-704, 770; подтверждение приз-

нания, 699-701; последнее слово, 770; смертный приговор, 776; реабилитация, 777, 937
Крестьяне, восстания, 983; репрессии, 621; *см. также* Коллективизация
Кржижановский Г. М., 975
Кривицкий Вальтер, 122, 200, 809, 822, 1018-9
Криницкий А. И., 975
Кромвель, 160
Кронштадтский мятеж (1921 г.), 28, 52, 86, 248, 385, 439, 816, 982
Круглов С. Н., 873
Крупеник Н., 586
Крупская Н. К., 23, 158, 166, 169-70, 255, 870-1, 975
Крыленко Н. В., 499, 505, 507, 522, 877, 990-1, 994, 996
«Крымское дело» (1952 г.), 153, 913-4
Крючков П. П., 738, 740, 742-4, 752, 773
Кубяк Н. А., 977
Кудрявцев П. И., 486, 514, 934
Кузбасс, 302
Кузьмичев Б., 209, 395, 397, 398
Кузнецов, адмирал, 851
Кузнецов А. А., 457, 872, 913
Куйбышев В. В., 39, 40, 42, 69, 73, 90, 684, 734, 850, 873-5, 973, 990; в блоке умеренных, 70, 73, 166, 761; обстоятельства смерти, 166-70, 196, 685; обвинение врачей, 685, 737-66, 771, 775, 780
Куйбышев Н. В., комкор, 430, 440
Куклин А. С., 114, 118, 235, 262
Кулик, маршал, 857, 896, 900
Кульков М. М., 976
Кун Бела, 159, 796-8, 807
Курганов, 335
Курицин В. И., 976
Куркин, 342
Курский, 990
Кутев, 850
Куусинен Отто, 797, 807
Кучинский Д. А., комдив, 418
Кушни, 1000

Лаборде Герман, 824
Лаврентьев Л. И., 975
Лагеря, 617-81, 772, 887; Алексеевка, 670; Алтая, 601; Архангельской обл., 632; Ашхабада, 903; Байкало-Амурские, 642, 957; Беломорские, 122, 590, 623, 631, 672, 958-9; Владивостока, 778, 804; Вологодский, 801; Воркутинские, 201, 236, 281, 362, 364, 513, 635, 763, 934, 963; Дальнего Востока, 122, 601, 602, 620, 626, 641, 778, 804, 837; Джезказгана, 635; Караганды, 641, 657; Каргополя, 423, 627; Кемерова, 641; Козельска, 887, 889; Колымы, 157, 448-656, 670, 798, 861, 934, 962, 1015; Коми, 796; Котласский, 424; Кунгурский, 934; Магадана, 654; Мариинские, 157; Мордовии, 632; Мульга, 653; Новой Земли, 657, 670; Новоивановский, 600; Норильска, 600, 642, 670; Ольгинский, 903; Осташково, 887; Печорские, 632, 643, 656-7; Потьмы, 424, 934; Сегета, 632; Севера, 620, 631, 647, 669, 815, 920, 963; Сегежлаг, 346; Соловецкий, 122, 598, 622, 941;

Старобельский, 887; Таймыра, 657; Устьижменский, 636; Ухто-Печорские, 959; Холмогорский, 622; Эльген, 653; Ярцевский, 640, 776; возникновение, 622; гитлеровские, 935; горношахтные, 658; женские, 630, 653, 670; забастовки, 933-4; лесозаготовительные, 658, 963; места концентрации, 646; новые, 632; описания, 1013; отношение Запада, 924; отношение к интеллигенции, 600; «Положение об ИТЛ» (1930 г.), 623; побеги, 644; пополнение, 906; расстрелы, 823, 903; рацион, 643, 660, 664; режим, 636, 935; система, 907, 933; смертность, 643, 671-5, 907, 933, 949, 962-7; создание, 980; строгой изоляции, 670, 855; уголовники в, 828, 634; условия, 907, 1015-6; число, 949; число заключенных, 623-4, 934-5, 958-62; этап, 624
Лазуркина Д. А., 452, 457
Лакоба Нестор, 473
Лакшин В., 640
Ламонт Корлисс, 920
Ландау Лев, 589
Ланжевен, 930
Ланин, 342
Лапин, комкор, 405
Лапин Борис, 603
Ласки Гарольд, 921
Латвии компартия, 791, 802
Латтимор Оуэн, 654-6
Лацис, 979, 981
Лашевич М. М., 388
Лебеденко А. Г., 111
Лебедь Д. З., 975
Лебль Еуген, 274
Левандовский, командарм, 853
Леваневский С., 498
Левин В., 118, 212
Левин Дон, 764
Левин Л., врач, 168, 353, 355, 684, 737-76
Левит С. Г., 590
Левицкий Г. А., 590
Левкович Антонина, 573
«Левые», 30-40, 48, 300, 697, 734, 737
Левые эсеры, 478, 735-7, 775, 979
Лейпунский, проф., 589
Лейпцигский процесс, 796, 801
Лендьел Йожеф, 544, 565, 642, 625, 642, 1013
Ленин В. И., 22, 25-6, 29, 31, 35-6, 41, 48, 61, 70, 87-8, 109, 140, 146, 158-9, 235, 244, 250, 253, 255, 339-40, 387, 775, 777, 779, 801, 973, 985, 996, 1017; и власть партии, 21-30; о Сталине, 23, 134, 147, 154, 970-2; «Завещание», 23, 32, 255, 970-2; как философ, 144; разногласие со Сталиным по грузинскому вопросу, 147; сторонник террора, 523, 978-81, 989; и Коминтерн, 790; Троцкий о последнем периоде жизни, 818-9
Ленинград, убийство Кирова, 94-5; репрессии, 89, 111; «белогвардейцы», 108, 206; НКВД, 97-100, 108-9, 113-4, 120-2, 234; «зиновьевцы», 111, 114; комсомол, 111-2, 114, 117-9, 845-6; «террористические организации», 203; тюрьмы, 542, 546, 921; блокада, 665-6; террор (1949-50 гг.), 913; количество заключенных, 950

Ленинградская парторганизация, под контролем Кирова, 89-91; и убийство Кирова, 94, 114, 218; террор, 89, 449-58
Ленинградский военный округ, 383, 398, 418, 439, 457
«Ленинградский центр», 114, 119, 235, 455
«Ленинградское дело» (1938 г.), 515; (1949-50 гг.), 457, 872, 913
Лепа А. К., 976
Леплевский И. М., 487
Лернер Макс, 920
Лесючевский Н. В., 604
Лившиц Бенедикт, 604
Лившиц Яков, 305, 315, 324, 335-6, 348, 360, 883
Лингвисты, 592, 741
Липпер Элинора, 651, 654-5, 796, 1015-6
Литвы компартия, 533, 792
Литвинов М. М., 137, 156, 409, 842, 891, 975
Лихачев, директор автозавода, 562
Лихачев, историк, 993
Лихачев М. Т., 906
Лобов С. С., 178, 781, 975
Логановский, 499
Логинов, 319
Лозовский С. А., 872, 976
Локкарт Брюс, 507
Локтионов, 900
Ломинадзе В. В., 67-8, 82, 209, 211, 222, 792
Ломов Г. И. (Оппоков), 492
Лондон Артур, 274
Лоример Франк, 960
Лука Василе, 800
Лукач Георг, 144, 886
Лунцев, 342
Лурье Моисей, 190, 215, 217, 220, 222
Лурье Натан, 190, 217, 220-1, 226
Лысенко Т. Д., 590-2, 741, 913
Львовская операция (1920 г.), 387, 901
Любимов И. Е., 498-9, 781, 835, 975
Любченко Панас, 482-7, 692, 927, 971
Люксембург Роза, 32, 794, 801, 944
Люс Клара, 747
Люшков Г., 186, 552, 823, 852, 855-6

Маари Гурген, 599-600, 624
Магрилов Семен, 562
Мадьяр Лайош, 798
Мазуров К., 470
Майский И. М., акад., 1013
Макаров И. Г., 976
Макдональд, 998-1000
Макиавелли, 151, 160
Маклин Нейл, 349, 367, 691, 699, 735, 742, 744, 749
Максименко, 342
Максимов, 168, 774
Максимов-Диковский, 757, 773
Маленков Георгий, 44, 171-2, 176, 358, 458, 460, 469, 473-4, 495, 848, 861, 872, 935, 1011
Малинов, 363
Малиновский Р. Я., маршал, 433, 821
Малышев В. А., 872, 908
Манаев, 847
Мандельштам Осип, 601-2
Мануильский Д. З., 790, 797, 804, 806, 975
Манцев Н. В., 734-5, 737

Марголин Юлий, 929, 958
Маркевич, 337
Маркиш Перец, 914
Маркс, 130, 140, 145, 185, 251, 659-60, 907-8, 940, 978
Марр Н., 592, 741
Мархлевский Юлиан, 802
Марченко, 842
Маршак, 487
Марьясин, 319
Масленников И. И., 873
Маслов, 222
Маторин, 209-10
Матулевич И. О., 108, 206, 312, 498
Махарадзе Филипп, 158
Машеров, 1010
Маяковский Владимир, 595-7
Мгеладзе А. И., 912
Мдивани, 1010
Мдивани Буду, 158, 222, 253, 341, 471-2, 497
Медведев, 281
Медведев Жорес, 18
Медведев Рой, 18, 490, 593, 674, 967
Медведь Филипп, 97-8, 108, 115, 120-3, 165
Межлаук В. И., 499, 506, 836-7, 975
Межлаук И. И., 856
Мейерхольд Всеволод, 148, 531, 605, 877
Мейстер Г. К., 590
Мексика, Троцкий в, 815-29; компартия, 824-6
Менжинский В. Р., 187, 685, 734, 738-43, 751, 756, 758, 760, 765, 775, 780, 802, 983, 985, 990
Меньшевики, 25-6, 133, 158, 471, 842, 844; процесс (1931 г.), 76-7, 88, 995-7
Мерецков, генерал, 894, 896
Меркадер Каридад, 826-9
Меркадер Рамон (Джонсон), 826-9
Меркулов В. Н., 860, 872, 894, 896
«Метрополитен-Виккерс», процесс инженеров (1933 г.), 88, 186, 318, 704, 997-1000
Метц С., 353
Метцгер Ганс, 700
Мехлис Л. З., 123, 148-9, 428-9, 592, 806, 852, 857, 861, 873, 893, 895-6, 977
Мжаванадзе В. П., 606
Миколадзе Е., 604
Микоян А. И., 40, 90-1, 170, 231, 254, 290, 306, 359, 364, 460, 473-4, 511, 513, 694-6, 840, 847, 905-6, 974-5, 996
Миллер, генерал, 411
Миллер Р. Т., 349
Мирзабекян, 351
Мирзоян. Л. И., 833, 975
Миндсенти, кардинал, 905
Миров-Абрамов, 807
Миронов Л. Г., 101, 186, 193-4, 373, 682, 749, 922, 1019
Митин М. Б., 592
Михайлов В. М., 976
Михайлов М. Е., 976
Михайлов Николай, 849
Михоэлс Соломон, 106, 890
Мишакова, 847-8
Молотов В. М., 37, 40, 70, 73, 101, 103, 114, 193, 290, 296, 359, 373, 417, 511, 513, 848, 888, 922, 973, 975, 1011; и коллективизация, 52, 79; «покушения», 116, 303, 316, 330-1, 335, 347-8, 351, 561,

698, 714, 779-80, 936; недовольство Сталина, 203-6, 292; на февральско-мартовском пленуме, 361, 364, 366; и переговоры с Германией, 409; на Украине, 484, 868; и террор, 489-90, 493, 505, 584-5, 591, 874-5; и правительство 1938 г., 513
Молотова жена, 496
Молчанов Г. А., 113, 184-5, 190, 193, 201, 220, 232, 297-8, 373, 682-3, 749, 853, 922
Монахов, 941
Монкгауз А., 999-1000
Мора, 620
Моравский Ежи, 803
Моралов, 280
Мориак, 813
Мороз, 657
Морозов Павлик, 918
Моррисон Герберт, 914
Москалев К., 301
Москва, террор, 489-501
Московская парторганизация, 43, 49, 90-1; Хрущев – первый секретарь, 171
Московский военный округ, 425
«Московский центр», 118-9, 326
Моспец, 342
Мрачковский С. В., 39, 72, 191-2, 199, 203, 207, 209-11, 216, 225, 232, 243, 254, 314, 395, 397
Муклевич Р. А., адмирал, 384, 434-5, 798
Муралов А. И., 590
Муралов Н. И., 191, 257, 263, 289-90, 303, 310, 315, 329-32, 345, 351, 698
Мурзабеков Г. К., 976
Мюзам Эрих, 796
Мюнценберг Вилли, 795
Мясников, 254
Мячин И. Я., 466

Навиль, проф., 898
Надрая, 941
Назаретян А. М., 70, 355, 493
Наполеон, 150
Наркомат юстиции (1936 г.), 199
«Народная воля», 245
Народный фронт, 408, 813, 915-6, 920
Наталевич, 469
Нацизм, возникновение, 79; и террор (1934 г.), 96, 152, 407, 917-8; и политика Сталина, 406-24, 897-8
Негер Карола, 796, 918
Негрин Мигэль, 812-3
Недачин, 695
Нелидов, 183
Немихин, 342
Немцы Поволжья, 891
Ненни Пьетро, 944
Неронов, 425
Неруда Пабло, 826
Никитин, врач, 755
Никитченко И. И., 206-7, 313, 498
Никишов И., 649, 654-4
Николаев, следователь, 865, 876
Николаев Л., 94-114, 201, 211, 232, 258, 455, 531, 747
«Николаева группа», 166, 212
Николаева К. И., 159, 975
Николаевский Борис, 46, 49, 249, 257, 289, 291, 294, 618, 620, 638, 665, 796, 915, 924, 959, 1015, 1017, 1020
Николаенко, 308-9, 311, 369, 466
Николай I, 87

Николай II, 909
Никольский, врач, 695
Никонов-Смородин, 620
Нин Андрес, 812-3, 824
НКВД, *см.* Тайная полиция
Нойман Гейнц, 792-3, 798, 804, 806
Нойокс, 413
Нордуэлл, 1000
Норкин Б. О., 303-4, 310, 327-8
Носков, 303
Носов И. П., 975
НЭП, 26, 31, 48
Нюрнбергский процесс (1946 г.), 206, 889

Обремов, 588-9, 660
Общество политкаторжан, 175-6, 178
Общество старых большевиков, 100, 166, 175-6, 178
«Объединенная оппозиция», 38-9
Овакимян Гайк, 827
Овсяников, 327
ОГПУ, 69-71, 86-7, 510, 739, 1019; роспуск и создание НКВД, 86; связь с Прокуратурой, 87, 188; медицинская служба, 737-66; создание и развитие, 978-88
Однопартийное государство, 246
Озаровский, 436
Озрянский, 394, 692
Озонин К. А., 440
Околович Г. С., 824
Октябрьская революция, 24, 80, 195
Окуджава М., 222, 472
Окулицкий, генерал, 905
Олеша Юрий, 597
Ольберг Валентин, 182-3, 189, 209, 216, 217, 226, 229, 332, 344
Ольберг Павел, 183, 209
Ольминский Михаил, 109, 980-1
Оппозиция, 77, 845, 942
Опричнина, 151
Орахелашвили М., 176, 510-1
Орбелли, акад., 154
Орвелл Дж., 596, 761, 800, 913
Орджоникидзе Г. К. (Серго), 23, 54, 69, 278-9, 290, 296, 300, 309-10, 350-60, 493, 530, 738, 753, 835, 874-5, 973, 975; характеристика, 40-2; в блоке умеренных, 42, 70, 73-5, 90; обстоятельства смерти, 167-8, 350-2, 512, 739, 761, 764, 873, 1017; «покушения», 203, 221, 234, 330-5, 347; поддерживает Пятакова, 278, 300, 310, 350-1
Орлов, адмирал, 404, 434-5, 440, 836
Орлов Александр, 200, 203, 276, 420, 558, 704, 812, 823-4, 1019
Орлова-Павлова, 174
Орловский, артист, 547
Ортега, 812
Осепян Г. А., 428
Осинский В. В. (князь Оболенский), 734-7, 976
Особое совещание, 577-8, 580, 602, 617, 627, 933
Особый комитет госбезопасности, 87
Островский М., 844

Павлов Д. Г., 898
Павлов И. П., 153-4, 181, 275
Павлов С., 844
Павлуновский И. П., 977

Паз Магдалена, 915
Пальчинский, 994
Папанин И. Д., 491, 778
Папулия, 351, 355
Парин В. В., 912
Партийная дисциплина, 263
Партийная мораль, 75
Партийное мышление, 245, 263
Партконференции: X (1921 г.), 26; XI (1922 г.), 22; XVI (1929 г.), 51-2
Партсъезды: IV (1906 г.), 801; V (1907 г.), 504; X (1921 г.), 22, 26, 254; XII (1924 г.), 42; XIV (1925 г.), 254, 845; XV (1927 г.), 82, 256, 715; XVI (1930 г.), 51, 82; XVII (1934 г.), 74, 82-6, 89, 105, 293, 409, 429, 450, 457, 473, 871-3, 884, 953; XVIII (1939 г.), 434, 457, 473, 527, 772, 779, 804, 806, 848, 852, 854, 868, 871-6, 884, 886, 893, 953, 977; XIX (1952 г.), 977; XX (1956 г.), 100, 105, 111, 136, 141, 206, 266, 293, 354, 358, 363, 454, 466, 494, 513-4, 531, 593, 710, 746, 834, 858, 930-2, 936, 1011, 1014; XXII (1961 г.), 101, 105, 264, 330, 355-6, 361, 449, 457, 492, 505, 580, 584, 777, 932, 936, 943, 1011
Паспорта, 61
Пастернак Борис, 148, 156, 521, 524-5, 531, 534, 602, 604, 631, 633, 904, 915
Паукер Анна, 800
Паукер К. В., 113, 121, 139, 186-7, 310-1, 372-3, 747, 749-80
Паукер Марсель, 800
Пахомов Н. И., 976
Пашуканис Е., 374
Пегов Н. М., 872
Пелузо, Эдмондо, 798
Первая Конная армия, 387, 894-5, 900
Первоуральск, 279
Первухин М. Г., 872
Перен, 930
Перепись населения, 58, 561, 802, 949, 952, 960, 964-6
Переселение нацменьшинств, 467, 489, 891, 966
Петерс Яков, 979, 981
Петерсон А. А., 175, 706, 727
Петков Никола, 902
Петров В., сотрудник НКВД, 954, 956
Петров В. Н., историк, 594
Петровы Владимир и Евдокия, 624, 827
Петров Ю. П., 428-9, 514, 896
Петровский А. Н., 457
Петровский Г. И., 57, 159, 247, 477, 481, 484-5, 487, 509, 513, 867-70, 873-4, 926, 976
Петровский Л. Г., 867
Петровский Л. П., 96
Петровский Петр, 867
Петроград, забастовки (1921 г.), 28
Пешков Макс, 685, 738-40
Пешкова Екатерина, 764
Пик Вильгельм, 797
Пикель Ричард, 189, 213, 223, 244, 398
Пильняк Борис, 195, 594-7, 603
Пионтковский А. А., 585
Писатели: репрессии, 153, 592-606, 913-4; съезды (1934 и 1954 гг.), 593; Международный конгресс (1935 г.), 915
Платонов, историк, 993

Плетнев Д., проф., 684, 738, 740-1, 752-8, 762-4, 773-6
Побожий, 662
Поволжье, голод, 57
Погани Йожеф (Пеппер Джон), 798
Погодин Н., 618
Погребинский, 1019
Позерн Борис, 455-6, 976
Покровский, 585
Поливанов Е. Д., проф., 592
Политбюро, 30, 32, 88, 90, 171, 545, 873; изоляция Троцкого, 33-5; исключение Троцкого, 38; исключение Томского и Рыкова, 55; сторонники Сталина в, 40-8; умеренные в, 69-70, 166-7, 170, 198; выборы (1934 г.), 85; «хартия террора», 102; оппозиция Сталину, 165-7, 290-2; обращение Зиновьева и Каменева, 198, 202; оппозиция террору, 290-2, 502; аресты членов, 501-15; состав (1919-38 гг.), 973-4; состав (1939 г.), 873
Полонский В. И., 977
Польское подполье (1945 г.), 264, 273, 904-5
Польско-советское соглашение, 887
Польша, компартия, 799, 801-6; террор, 887
Поляки-заключенные, 652, 887-91, 955, 959, 963; репрессии, 625, 633, 652, 670, 887, 891, 955, 963
Пономарев Борис, 449
Пономаренко П., 872
Попков П. С., 457,872
Поплавский С. Г., 535
Попов Б., 801
Попов Н. Н. (М. М.), 486, 977
Порайко И. В., 486, 692
Поскребышев А. Н., 46, 87, 123, 149, 354, 357-8, 848, 873, 935, 977
Поспелов П., 370, 777, 937
Постышев Павел, 86, 203, 307-8, 311-2, 362-5, 368-71, 203, 347, 449, 458-9, 477, 480-3, 486, 502-9, 512, 514, 597, 837, 856, 873-8, 936, 974
Поэты, 597-606
«Право-троцкистский блок», 314, 495, 724, 768, 772-3, 778
«Правые», 73, 307, 835; поражение, 48-63; и платформа Рютина, 68-9, 340-1, 697, 705, 713, 727; благоприятная обстановка (1934 г.), 83; политика Сталина, 292, 298, 307, 311; «подполье», 705-8
Презент И. И., 592
Преображенский Е., 32, 39, 82, 278, 281, 348, 937-8
Прибалтийские республики, террор, 537, 887, 891; партизаны, 467, 966
Пригожин, 332, 585
Признание вины, 165, 243, 265, 281, 839, 906, 933
Примаков В. М., комкор, 383, 398, 421
Принудительный труд, 657-64, 1020
Притт Д. Н., 233, 921
Приходько, 847
Прокопьевск, 305, 317, 327, 330-1, 341, 356
Прокофьев Г. Е., 297, 373, 749
Прокуратура, 87, 188; чистка органов, 374

Промнек Е. К., 977
Промпартии процесс (1930 г.), 88, 186, 306, 325, 569, 767, 993
Профсоюзы, 49, 61
Процессы, показательные, 13, 87, 259, 839, 937, 1000; массовые, 531-8; ранние, 989-1001; (1936 г.), 197-236; (1937 г.), 289-350; (1938 г.), 682-782
Прянишников Н., 591
Психиатрические больницы, 933
Птуха В. В., 977
Пумпур, 853
Пустосвят Никита, 277
Путна В. К., комкор, 383-4, 386, 388, 398-400
Путциг Франс, 412
Пушин Г. Е., 305
Пытки, 112, 265-7, 269-75, 283, 299, 549, 568, 703, 794, 864, 929
Пьяде Моше, 675
Пятаков Г. Л., 38-9, 50, 82, 85, 89-90, 254, 261, 264, 352, 479, 486, 502-4, 734, 752, 911, 976; председатель на показательном процессе (1922 г.), 87, 989; требует смертной казни для зиновьевцев, 218; начало следствия по его делу, 233; отношение к партии, 250-2, 918, 940; и Орджоникидзе, 278, 299-300, 310; процесс, 278, 280, 289-350, 399, 410, 472, 510, 512, 561, 563, 585, 598, 684, 702-3, 716, 821, 936-7; арест, 294, 300; отношение Сталина, 299-301; обвиняется во вредительстве, 303; признание вины, 310; и Украина, 479, 504; оценка Лениным, 970-2
Пятилетки, 54, 58, 83, 561, 870, 996
Пятницкий И. А., 406, 791, 806-7, 976

Рабинович, 992
«Рабочая оппозиция», 26, 28, 52, 115, 159, 214, 254, 281
«Рабочая правда», 27, 254
Радек Карл, 26, 80, 82, 214, 223, 280, 282, 290-316, 346, 399, 503, 585, 672, 684, 722, 773, 802, 981; о власти партии, 28; в троцкистской группе, 32-3, 314-6; просьба о восстановлении в партии, 50, 298; превозносит Сталина, 78, 298; и новая Конституция, 180; обвиняется в связи с зиновьевцами, 223; признание, 244, 278, 299, 310; арест, 294; процесс, 312-50, 365, 400; последнее слово, 344-5; в ИТЛ, 345, 627
Радин, 209
Разумов М. О., 781, 976
Райк Ласло, 148, 273, 905
Райх Зинаида, 606
Раковский Христиан, 32, 35, 39, 50, 218, 341, 800, 815; примирение с партией, 79-80; признание и суд, 278, 672, 684, 699, 702, 714-7, 769, 771, 774, 776, 778
Ракоши Матиас, 148
Рамзин Л. В., 306, 993, 995
Рапава, 497
РАПП, 595, 603
Раппопорт Карл, 122, 1017
Раскольников Ф., 322, 844-5, 938-9
Рассел Бертран, 619

Расстрелы, 108, 113, 172, 236, 580-1, 641-2, 823, 838, 852, 863, 876, 889, 900, 903, 916, 949, 954-7, 993, 998
Ратайчак С. А., 305, 320, 338-9
Рахимбаев, 711, 714
Реабилитации, 936
Реале, сенатор, 1011-2
Реденс С., 860
Рейнгольд Исаак, 188, 193, 212, 214, 223, 232, 395-8
Рейсс Игнатий, 809, 822
Рем, 97, 407
Реммеле Герман, 791, 793
Ривера Диэго, 821
Роботти Паоли, 799
Рогинский Г. К., 188, 498, 535, 1000
Родионов, М. И., 872
Родос, следователь, 848, 865-6
Розанов Михаил, 620, 959
Розенберг М., 433, 810-1, 842
Розенблюм, 453-5
Розенгольц А. П., 254, 276, 394, 499-500, 522, 684, 690, 696, 702, 707, 714-5, 766, 772, 774, 778-9, 977
Розенфельд, 174, 179
Рокоссовский К. К., 851-2, 894, 1013
Роллан Ромэн, 153, 919
Романов Пантелеймон, 597
Российская Освободительная Армия, 902
Российский Д. М., 757
Российский Обще-Воинский Союз, 411
Ростов, 254, 265, 362, 467
Рубан Анастасия, 397-8
Рудзутак Ян, 38, 40, 42, 69, 70, 198, 277, 364, 390, 502, 505, 550, 692, 714-5, 781, 791, 802, 839, 877, 973, 976; в Политбюро, 85; арест, 491, 495; расстрел, 836-7, 873-4; реабилитация, 936
Рузвельт Теодор, 489
Руман, 589
Румынии компартия, 800
Румянцев И. П., 112, 463, 465, 781, 976
Руссе Давид, 925
Рухимович М. Л., 351, 498, 836, 877, 976
Рыков А. И., 30, 37, 39, 48-9, 62, 68, 276, 352, 363, 778-9, 790, 802, 835, 973, 977, 984, 990, 1017; и правая оппозиция, 50, 55, 74, 212, 214, 292; в ЦК, 85; требует смертной казни зиновьевцев, 218; обвинение, 223, 290; прекращение дела, 291-4; снятие с поста наркома, 297; новые обвинения, 311, 365, 369; арест, 361, 371, 687; ложность обвинения, 370-1; суд, 683-4, 693, 697, 700, 704-7, 714-5, 724-32, 749-50, 786-96; не реабилитирован, 777, 937
Рындин К. В., 976
Рычагов, генерал, 899
Рычков Н. М., 312, 337
Рюмин М. Д., генерал госбезопасности, 746
Рютин М. Н., 68-72, 74, 78, 96, 192, 203, 261, 279, 296, 308, 366, 491, 777
Рютина платформа, 68-9, 340-1, 697, 705, 713, 727
Рябушинский, 994
Рязанов Д. Б., 28, 143, 281, 996
Рязанцев, проф., 993

Сабанин, 841
Саблин Ю., комдив, 397
Сабуров, 908
Саволайнен, 747
Сала Родригес, 811
Салпетер, 558
Салынский, 941
Сальвемини, 915
Самиздат, 941, 1019
Самсонов, 640
Самуэли Тибор, 148, 869
Сангурский, нач. штаба, 850
Сапронов Т. В., 26, 76, 115, 253, 281, 386, 937
Саркисов С. А., 556, 977
Сартр Жан-Поль, 924, 929
Сатюков, 361
Сафаров Г., 114-5, 119, 281
Сафонова, 200, 209-10, 215
Сафронов А., 913
Сахаров А. Д., акад., 18-9, 675, 957, 967
Сац Наталия, 605
Сванидзе А., 157, 277
Сванидзе Екатерина, 138
Свердлов Я. М., 36, 48, 109
Свечин А. А., 440
Свяневич, проф., 670, 958, 1015
Святополк-Мирский Д., 603
Седельников Н. И., 977
Седов Лев, 209-11, 216-7, 219-20, 222, 257, 299, 821-2
Седов Сергей, 236
Седякин А. И., командарм, 418
Сейфуллин Сакен, 573
Секкиа, сенатор, 943
Секретариат, 29, 42, 46
Секретная инструкция 8 мая 1938 г., 950
Секретно-политическое управление, 853-4
Секретный политический отдел, 185
Сексоты, 528
Сельское хозяйство, 57, 594-6; *см. также* Коллективизация
Семенов, эсер, 706
Семенов Б. А., 976
Сенторен Андре, 632
Серафимович Александр, 440
Сердич, комкор, 427, 437
Сердюк З. Т., 101, 459, 490, 875-6
Серебровский А. П., 60, 977
Серебряков Л. П., 39, 214, 223, 257, 280, 290, 293-4, 306, 313, 315, 324-6, 345, 348, 690
Серябрякова Галина, 346
Серж Виктор, 597, 797, 915-6
Серов Иван, 421, 537, 936
Серрати, 255
Сибирь, «вредители», 301-4, 315-6, 326; террор, 452, 508, 535-6, 876; поселенцы, 535; оппозиционные группировки, 856
Сивков А. К., адмирал, 435, 457
Сикейрос Д., 824-6, 828
Сикорская Ядвига, 735-6
Сикорский, генерал, 888
Силаков, 527-8
Силоне Игнацио, 790-1
Симонов Константин, 149, 156, 900
Симонс Джулиан, 920
Синявский Андрей (Абрам Терц), 153, 460, 934, 939, 943
Сионисты, 153, 556, 929
Ситнин, 994
Скоблевский (Горев), комбриг, 433
Скоблин, генерал, 411
Скорутто, 703-4, 991

Скрыпник Н., 57, 480-1
Славин И. Е., 418
Сланский Р., 18, 207, 274, 906
Слепков А., 68, 212, 259, 280
Слоун Пэт, 928
Слуцкий А. А. (Маркос), 187, 357, 372, 411, 589, 682, 745, 764, 808-10
Слэтер Гэмфри, 156
Смертная казнь, 73, 88, 172-3, 276, 439, 491, 580, 807, 890, 954, 995; *см. также* Расстрелы
Смилга И. Т., 39, 72, 115, 215, 280-1, 348, 937
Смиренский Владимир (Андрей Скорбный), 598
Смирнов А. П., 72-4, 280-1, 713, 718, 781
Смирнов В. М., 281, 734
Смирнов И. Н., 56, 257, 261, 295, 314, 684, 701, 747, 937-8; в Суздальском изоляторе, 72; и «троцкистско-зиновьевский центр», 191-2, 209-16, 314; признание, 200-1, 244, 261; суд, 209-16, 219, 222-4, 228-9, 233, 398
Смирнов Н., 808
Смирнова З., 604
Смоленск, террор, 172, 463, 846, 1014
Смоленский архив, 124, 464, 846, 982, 1014
Смородин П. И., 455-6, 976
Смушкевич (Дуглас), 433, 900
Снегов А. В., 674, 1011
Снесарев, генерал, 389
Собл Джек, 217-8, 822
Сокольников Григорий, 38, 49, 85, 188, 211, 235, 280, 365, 937, 973, 977; и «троцкистско-зиновьевский центр», 214, 223, 314; признание, 278, 290, 298-9; арест, 290, 294; гарантии Сталина, 298, 310; суд, 313, 315, 325-7, 340, 345, 684; в ИТЛ, 346, 672
Солженицын, 593, 601, 619, 627, 634-5, 637, 639, 643, 647, 654, 666, 674, 1010, 1013
Солоневич Иван, 621, 1015
Сорин В. Г., 587
Сосновский Л., 79, 281, 937
Социал-демократы, 24, 133, 195, 801
Социализм и сталинский строй, 907-8; система планирования, 908-11
Социал-революционеры, 25-6, 844; расправа с, 26, 87, 107, 109, 706; на Украине, 283, 478; аресты, 556; Бухарин и, 735
Спиноза, 911
Спиридонов И. В., 449, 560, 580
Спиридонова Мария, 735-6, 844
Среднеазиатский военный округ, 440
Средняя Азия, террор, 537, 709-14
Стаднюк Иван, 57, 536
Сталин Василий, 139, 231
Сталин И. В., *passim.*; Ленин о, 23, 970-2; Генеральный секретарь, 23; и Троцкий, 23, 815-29; расправа с «левыми», 30-40; в роли «умеренного», 34-7; собирает сторонников, 40-8; характеристика, 47, 71, 77, 84, 110-61, 249; расправа с «правыми», 48-63; и коллективизация, 51-4, 58, 79; оппозиция ему, 67-91, 944; и убийство Кирова, 71, 94-128, 232, 757, 923; искоренение гуманизма, 77; отноше-

ние к Гитлеру и фашизму, 79, 229, 406-24, 796, 805, 859, 897-8; стремление к власти, 81-2, 160-1; и армия, 97, 382-437, 849-57; «покушения», 69, 116, 174, 177, 182, 190, 203, 209, 211, 213, 217, 234, 317, 347, 397, 473, 692, 706, 779; детство и начало карьеры, 129-34; член ЦК, 134; метод спора, 135, 255, 829; подозрительность, 135-6, 231, 985; семья, 138-40; тщеславие и завистливость, 140-2, 249, 820; «культ личности», 140-2, 931-2; антисемитизм, 152-3, 570, 670, 746, 754, 758, 794, 890, 906, 913, 929, 941; усиление позиции, 165-79; и смерть Куйбышева, 167; расправа с Политбюро, 167; и Горький, 169-70, 195-7, 762-5; контроль над НКВД, 181; давление на Молотова, 202-4; первый выпад против соратников, 307-12; и смерть Орджоникидзе, 350-60, 764; февральско-мартовский пленум (1937 г.), 360-74, 470; фальсификатор истории, 388; ликвидация сторонников, 402, 874; и гражданская война, 439, 498, 901; и комсомол, 525, 845-8; и применение пыток, 568; и лагеря, 617-80; и медицинские убийства, 167, 759-66; на XVII съезде, 409; и Коминтерн, 789-807; и война в Испании, 810-5; узурпация всех сфер жизни, 834, 911-3; и отмена показательных процессов, 837; смещает Ежова, 838, 857-65; наследие, 861, 883-944; и партия нового типа, 867-71; и вторая мировая война, 867, 878, 891-904; на XVIII съезде, 876; отношения с союзниками, 898; консолидация системы, 904-14; репрессии в последние годы жизни, 913-4; отношение к мнению Запада, 915-6; смерть, 931; однопартийное правление, 938-9; карательные органы, 978-88

Сталин Яков, 139

Старинов И. Т., 426

Старостины, братья, 553

Старые большевики, 31, 40, 72-3, 166

Стасик Николай, 534

Стасова Елена, 159, 170

Стецкий А. И., 496, 976

Столбунский, следователь, 268, 936

Стрельникова, 342

Стриевский, К. К., 976

Строилов М. С., 327-8, 338, 345

Струппе П. И., 457

Стуруа Д., 912

Стыпулковский, 273

Суварин Борис, 38

Сугак А. В., 941

Судебное разбирательство, 574-84

Сулимов Д. Е., 497, 781, 877, 976

Суриц З. Я., 137, 407, 419

Сурков Алексей, 604

Суслов М., 206-7, 467

Суханов Н. Н., 142, 995

Сухомлин К. В., 486, 869, 927

Сухоручкин, 1000

Сырцов Сергей, 67, 279, 281, 850, 938, 974

Сычев И. И., 429

Табидзе Тициан, 599
Тагер Елена, 604
Таджикистан, 709
Таиров, посол, 841
Тайная полиция, 26-7, 48, 86-7, 978-88; *см. также* ЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД; создание и рост, 86, 978-88; и убийство Кирова, 125, 168, 346; под контролем Сталина, 170, 184, 188; «заговор против Сталина», 174; подготовка процессов, 179-90; и Троцкий, 182, 815-32; секретный политотдел, 182-5; иностранный отдел, 182, 187, 190, 220, 409, 411, 823; Главное управление госбезопасности, 185; экономический отдел, 186; оперативный отдел, 186-7; особый отдел, 187, 532; и процессы оппозиционеров, 205-42; система ведения следствия, 265-88, 564-74; сопротивление террору внутри, 295; смена Ежова Ягодой и др. назначения, 295-7, 366; и «вредители», 301-12; и дело Пятакова, 303, 305, 311-50; и «самоубийство» Орджоникидзе, 350-60; чистка Ежовым, 372-4, 648-9; и «военный заговор», 391-424, 850-7; соперничество с армией, 432; 20-я годовщина, 510-1; и доносы, 524-31; процедура ареста, 538-42; Особое совещание, 577-80, 602; аресты в, 583; и ИТЛ, 617-681; отдел специальных операций, 807, 824; под руководством Берии, 838, 857-8, 863-5, 870; представители в ЦК, 872; репрессии во время войны, 902-4; попытка реабилитировать, 941
Тайное соглашение между Красной Армией и Рейхсвером, 413
Танев В., 801
Тарасов-Родионов А. И., 597
Тарле, историк, 993
Татария, 475
Твардовский Александр, 675
Театральное искусство, 604-6
Тевосян И., 434, 872, 908
Тельман, 790
Теория контрреволюционного предельчества, 562
Тер-Ваганян В. А., 191-2, 201-2, 207, 210, 216, 219, 222, 229, 261-2, 314
Тер-Габриелян, 473
Террор, среди членов семьи репрессированных, 158, 373, 423-4, 490, 558-60, 778, 837, 986; массовый, 302, 583, 861-2, 886-7, 915; на периферии, 449-520; в республиках, 468; волна (1937 г.), 491; среди населения, 521-606; на транспорте, 562; среди рабочих и крестьян, 581; за рубежом, 807-29; масштаб, 840; на оккупированной территории, 891; послевоенный, 904-14; и экономика, 911; отношение Запада, 914-31; число жертв, 949-67
Тимашук Л., 758
Тимошенко, маршал, 488, 857, 895-6, 900
Тито, маршал, 412, 799-800
Тихонов Николай, 915
Тихоокеанский флот, 435
Товстуха И. П., 976
Тодорский, комкор, 430, 674

Токаев Г. А., 136, 430, 479, 694
Толмачев Г. Г., 73-4
Толстиков, 941
Толстой Алексей, 604
Тольятти, 790-1, 797, 799, 807, 811, 813, 932
Томас Сим, 926
Томашевич, 494
Томский М. П., 37, 39, 68, 82, 85, 212, 214-5, 235, 264, 311, 369, 731, 733, 749, 752, 843, 873, 973, 977; руководитель профсоюзов, 49, 51, 61; в группе «правых», 50-1; исключение из Политбюро, 55; в ЦК, 74; обвинение и самоубийство, 223, 290, 714; и платформа Рютина, 705
Томский Юрий, 843-4
Торглер Эрнст, 796
Торнтон, 997, 999, 1000
Точинский, 351
Третий Рейх, 76
Третьяков, С., 597, 603
Трилиссер, 98, 983
«Тройки», 577, 980
Троцкий Л. Д., 36, 70, 76, 79-80, 88, 140, 146-7, 155, 175, 189, 191, 222, 223, 243, 249, 252, 254-5, 260, 316, 322, 328, 344, 399, 414, 439, 479, 492, 522, 586, 683, 718, 722, 728, 772, 780, 790, 810-1, 818, 835, 843, 845, 873-4, 916, 936; и Политбюро, 30-5, 38; убийство, 30, 33, 87, 815-29; исключение из партии и высылка (1929 г.), 39; о власти партии, 249-50, 252; и отделение Украины, 324, 728; и фашизм, 324, 344, 793; и гражданская война, 386-8, 579; и смерть Горького, 691; Ленин о, 971-2
«Троцкистско – зиновьевский центр», 184-1, 188, 191-2, 197, 201, 206-7, 209-16, 223, 226, 294, 314
Трояновский, 394
Трудовая крестьянская партия, 994
Трудовые книжки, 60
Трумэн Гарри, 136
Тулайков Н. М., 590
Туоминен Аво, 797, 800
Туполев А. Н., 606
Турок, 306
Тухачевский, маршал, 383-94, 398-405, 411-5, 418-23, 430-8, 487, 507, 571, 702, 706-7, 714, 727, 747, 772, 779, 839, 850-1, 855-6, 896, 901, 976, 1012; карьера, 384-5; обвинение в измене и шпионаже, 383, 392-4, 411, 413-5; и битва за Варшаву, 387-8; против ареста Бухарина, 390; арест, 415, 467-8; суд и казнь, 418-21; семья, 423-4; военная доктрина, 894, 896, 901
Тюленев, генерал, 896, 900-1
Тюркин, 504
Тюрьмы: Александровска, 548; Бутырская, 271, 438, 491, 508, 539, 542, 544-5, 572, 580, 602, 674, 778, 793-5, 798, 843, 850, 868, 890, 920, 950, 952; Верхнеуральска, 72, 115, 548; Вологды, 600; «Интуриста», 921; Иркутска, 850; Казани, 355, 568; Киева, 427, 528, 542, 553; Красноярска, 600; Ленинграда, 542, 546, 921, 950; Лефортово, 266, 435, 508, 539, 794, 797, 850, 855, 920, 954; Лубянская, 188, 310, 346, 366, 431, 437, 545-6, 580,

674, 700, 759, 793, 850, 867; Москвы, 539, 542, 950; Нижегородская, 118; Саратова, 591, 887; Свердловска, 542; Суздаля, 72, 548, 570; Сухановка, 835; Таганская, 539; Украины, 542, 547, 951; «Холодная гора», 568; Челябинска, 542; Ярославля, 546, 548, 778; внутренние, 546-7; изоляторы, 72, 346, 548, 570, 600; камера, 542-8; карцер, 546; одиночное заключение, 547, 565; рацион, 543, 548

Уайлс, проф., 958
Уборевич, И. П., 383-5, 388, 390, 415, 420-4, 427, 779, 977
Угаров А. И., 455-6, 515, 977
Угланов Н. А., 55, 74, 223, 278-81, 290, 293, 295, 314, 348, 496, 705, 747, 777-8, 781, 937, 973
Уголовно-процессуальный кодекс: ст. **128**, 564; ст. **466-470**, 103
Уголовный кодекс: ст. **33-35**, 617; ст. **58**, 172, 420, 503, 574-6, 578, 581, 617, 933, 961, 1003-9; ст. **190**, 942
Узбекистан, казни, 537; «буржуазный национализм», 709-14
Указы: 7 апр. 1935 г., 276; 5 мая 1961 г., 935
Украина, 43, 86, 171; голод, 57, 665; «террористы», 108-9, 203; «заговорщики», 283; террор, 307, 312, 389, 452, 471, 476-89, 514, 597, 867, 912, 966; эсеры, 478; «боротьбисты», 478, 482, 486, 692; Академия Наук, 588; крестьянские восстания, 984
Улам Адам, 818
Ульбрихт Вальтер, 814
Ульрих В. В., 108, 117-8, 120, 205, 208, 221, 227, 303, 312, 419-21, 498, 686, 693, 696, 699, 700, 727, 732, 744-5, 956, 997
«Умеренные», 70, 165, 502
Уншлихт И. С., 505, 507, 794, 802, 836-7, 976
Уоллес Генри, 654, 656
Управление сибирских лагерей, 854
Уральский военный округ, 403
Урицкий С. П., 109, 432, 439, 980
Успенский, 487, 494, 528, 860
Уханов К. В., 877, 976
Ученые, репрессии, 584-92
Учредительное собрание, 27, 439
Ушаков З. М., 398, 497, 835-6, 865, 876

Фадеев Александр, 88, 540, 604
Файвилович, 209, 235
Файнсод Мерль, 1014
Фаркаш, 929
Фашизм, 79, 406-24, 897, 919
Февральская революция (1917 г.), 37, 41, 234, 255
Февральско-мартовский пленум (1937 г.), 312, 360-74, 402, 412, 438, 451, 468, 470, 472, 476, 478, 485, 491, 502, 833
Федоров, 778
Федотов, 183
Федько, командарм, 439, 855-6, 866-7
Фейхтвангер Лион, 153, 345, 919
Фельдман Б. М., комкор, 383, 386, 392-3, 415, 421, 424
Физики, 588-9, 660

Филатов Н. А., 460, 977
Филиппов, 648
Финерти Джон, 919
Финляндии компартия, 797, 800
Финская война (1939-40 гг.), 884, 892, 895-6, 941
Фишер Луи, 500, 534
Фишер Рут, 222
Флиг Лео, 793, 795
Флот, террор, 434-7
Фомин, 122
Фоминых, комиссар, 431
фон Хаммерштейн Курт, 150
Фотиева Л. А., 147, 159
Франко, генерал, 433, 810
Франко-советский пакт, 412
Франции компартия, 924-30
Фридлянд, 222, 585
Фридрихсон, 409
Фриновский М., 297, 310, 357, 394-5, 497, 510, 682, 809, 852, 857, 860
Фриц-Давид, 190, 217, 222, 226, 345
Фрунзе М. В., 594-5, 973

Халепский, командарм, 384, 403, 430, 499
Халхин-Гол, 894
Ханджян, 471, 474, 599
Харт, 825
Харьковский военный округ, 440; Институт физики, 588-9, 660
Хасан, оз., 853-4
Хатаевич М. М., 59, 477, 486, 927, 976
Хвылевский, 481
Хикс Грэнвиль, 920
Ходжа Энвер, 231
Ходжаев Файзула, 684, 709-13, 718, 732, 775, 777, 937
Ходоровский И., 168, 353, 738, 758
Хохлов Н., 824
Хрипин, комкор, 430
Хрущев Н. С., 44-5, 350, 364, 511, 515, 875, 929, 967; о Сталине, 81, 136, 141-2, 155, 358; об убийстве Кирова, 100, 104-5, 122, 356, 936; выступление на XX съезде, 100, 105, 111, 136, 141, 206, 265-6, 268, 293, 358, 363, 454, 466, 494, 531, 568, 674, 746, 834, 860, 865, 872, 892, 913, 930, 936, 1011, 1014; выступление на XXII съезде, 105, 151, 157, 264, 355, 1011; первый секретарь Московского обкома, 171, 177; о пытках, 265-6; о смерти Орджоникидзе, 355-6; и террор на Украине, 452, 460, 664, 488-9, 858; и террор в Москве и Ленинграде, 458, 477, 497-8; член Политбюро, 512, 873, 974; первый секретарь ЦК Украины, 513, 484, 487, 513; и ЦК, 873, 976; «оттепель», 938, 940-1; падение, 938, 941
Хьюз Эмрис, 919

Цанава, 860, 872
Цветаева Марина, 601, 606
«Центр», 190-5
Центральная контрольная комиссия, 69, 85, 87, 171, 175, 250, 257
Центральный исполнительный комитет, 166, 170, 174-5, 177, 201, 229, 933

Центральный Комитет партии, 24, 29, 32; исключения из, 39, 74, 85, 87, 495-6; назначения в, 42-3; отделы, 42, 46, 87, 170-1; отношения с «правыми», 48-51; и коллективизация, 51-4; сентябрьский пленум (1932 г.), 71-2, 296; январьский пленум (1933 г.), 72-3; закрытые письма, 110, 120, 171-2, 503-4, 575, 833; циркуляры, 171, 297, 308, 514; декабрьский пленум (1935 г.), 180; обмен партийных документов, 180, 198-9; санкция на применение пыток, 267-8; оппозиция Сталину в, 292; февральско-мартовский пленум (1937 г.), 360-74, 402, 412, 438, 470, 472, 478; военные в, 385, 390, 438; аресты членов, 449-56, 489-501; июньский пленум (1937 г.), 493-4; январьский пленум (1938 г.), 512-4; состав (1934 г.), 871-2, 975-7

Чекалов, 496
Червенков Вылко, 801
Червяков, 469, 707, 730-1
Черепухин, 335
Черкасов Н. К., 151
Черквиани, 872
Чернов М. А., 498, 508, 684, 694-6, 702, 835, 976
Черноморский флот, 435
Чернявин, проф., 621, 659
Черток, 186, 188, 194, 373
Черчилль Уинстон, 58, 413, 623
Четвертый Интернационал, 816, 822
Чечено-Ингушская АССР, 537
Чеченцы, переселение, 489
Чигурин И. Д., 870-1
Чилига Антон, 623, 820
Чистки в партии, 72, 87, 110, 171, 180, 198-9, 389, 876
Чкалов, 208, 494
Членов С., 841-2
Чопич Владо, 799
Чрезвычайная комиссия (ЧК), *см. также* Тайная полиция; 185, 187, 265, 267, 523, 978-83
Чубарь Влас, 42, 277, 290, 296, 364, 390, 479, 482, 490, 505-6, 509, 511, 513, 838, 867, 873, 974, 976, 1012; член Политбюро, 170; пытки, 266, 865; председатель Совнаркома Украины, 478; исключение из Политбюро, 834-5; расстрел, 835, 857, 866, 878, 902; реабилитация, 936
Чувашская АССР, 847-8
Чувырин М. Е., 976
Чудов М. С., 94, 450, 456, 493, 976

Шанин А. М., 121, 187, 373, 749
Шапиро Л., 166
Шапошников, командарм, 419, 438, 857, 895
Шапошникова Людмила, 455
Шарангович В. Ф., 468-9, 561, 707-9, 711, 722, 730-1, 774
Шаталин Н. Н., 872
Шаумян Л., 84
Шахмурадов, 60
Шахт Яльмар, 409
Шахтинский процесс, 75-6, 88, 186, 318, 325, 507, 703, 767, 989-92
Шацкий, 514
Шацкин, 67, 281

Шварц И. И., 977
Шварцман, проф., 741
Шверник Н. М., 61, 330, 350, 364, 563, 584, 976
Шеболдаев Б. П., 976
Шейнин, 998
Шелепин А. Н., 206, 417, 474, 492, 505-6, 849
Шелест Г., 652, 1013, 1016
Шелехес И. С., 483
Шелленберг Вальтер, 405
Шепилов Д. Т., 939
Шерешевский Н. А., 746, 754, 757
Шестов А. А., 303, 327, 330-1
Ширин, 604
Широкий, 863
Ширшов, 778
Шкирятов М. Ф., 46, 87, 123, 176, 457-8, 848, 857, 860, 873, 875, 935
Шляпников А., 26, 48, 114-5, 159, 214, 254, 280-1, 937
Шмидт В. В., 74, 281, 705, 781
Шмидт Дмитрий, комдив, 209, 211, 395-402, 414, 417
Шмидт О. Ю., 491
Шпигельгляс, 187, 559, 809
Шпиономания, 560
Штанде, 804
Штейнгарт А. М., 977
Штеппа К., 586-7, 1015
Штерн (Григорович), командарм, 433, 853-5, 900
Штиклинг, 303-4
Штруппе П. И., 976
Шоу Бернард, 922
Шуберт Герман, 793
Шубников, проф., 589, 660
Шубриков В. П., 976
Шуленбург, 897
Шульман, 463
Шульте Фриц, 793
Шухаев, 603
Шуцбунд, 814-5

Щаденко Е. А., 46, 387, 425-6, 857, 873
Щербаков А. С., 451-2, 487, 515, 872
Щербинская О., 604

Эберлейн Гуго, 793-4
Эгерт, 600
Эйдеман Р. П., комкор, 383, 385, 414, 421
Эйзенберг, 271
Эйзенштейн, 151
Эйнштейн, 891
Эйсмонт В. В., 73-4, 212
Эйтингон Леонид (Котов), 823-4, 826, 828
Эйхе Р. И., 170, 277, 330, 347, 364, 458, 490, 497, 505, 508-9, 513, 802, 834-6, 839, 865, 873, 875-6, 936, 974, 976
Экарт А., 662
Элиава Т. З., 499, 976
Эль Кампесино, *см.* Гонзалес
Эльсберг Яков, 604
Энгельс, 140, 978
Эренбург Илья, 137, 148, 156, 346, 407, 421, 428, 534, 592, 814, 842, 845, 883, 897, 901-2, 915, 930
Эриксон Джон, 384, 895, 899
Эрлих Хенрик, 890-1
Эрнандес Хесус, 810, 812-3
Эстерман, 209
Эстонии компартия, 791
Эттли, 891
Эфрон С., 601

Юдин, 342
Югославии компартия, 799-800
Южнороссийский союз рабочих, 243
Юренев К., 716, 841
Юркин Т. А., 977
Юрьев, 342
Юстус Пал, 273
Юшкевич А. К., 851-2

Ягода Генрих, 86, 97-9, 139, 167-8, 184, 201, 203, 236, 314, 493, 511, 558, 595, 603, 682-5, 693, 705-6, 772, 778, 922, 976, 983-4, 986; и убийство Кирова, 95, 97-9, 101, 104, 106, 121, 123, 685, 725; и «троцкистско-зиновьевский центр», 185, 188, 197, 201, 207, 226, 294; и медицинские убийства, 196, 737-65, 770-1, 773; недовольство Сталина и низложение, 294-7, 314, 366, 373; арест, 373, 403; и движение «правых», 693, 705, 748-50; суд, 725, 737-761
Якир И. Э., командарм, 360, 383-5, 388, 390-405, 414, 415, 420-22, 426, 439, 486, 493, 692, 772, 779, 794, 857, 927, 976, 1012
Якир П., 423, 933
Яковлев, инспектор, 692
Яковлев, проф., 214
Яковлев А. С., авиаконструктор, 859
Яковлев Я. А., Нарком земледелия, 460, 469, 496, 781, 876, 976
Яковлева Варвара, 734-5, 737
Якубович М. П., 996
Янковский, 905
Яновский, 484, 486
Янсон, 499
Ясенский Бруно, 603, 804-5
Яшвили, 599

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора к русскому изданию 9
От переводчика 11
Предисловие к первому английскому изданию 13
Предисловие ко второму английскому изданию . . . 18
Вступление. Причины, корни, истоки 21
Ленинская партия 21
Сталинская расправа с «левыми» 30
«Верные и преданные» 40
Поражение «правых» 48
Вступление (библиография) 63
Глава первая. Он готовится 67
Глава 1 (библиография) 92
Глава вторая. Декабрь 1934 94
Глава 2 (библиография) 125
Глава третья. Организатор и вдохновитель 129
Глава 3 (библиография) 161
Глава четвертая. Признания 165
Последние приготовления 179
Итак, «центр» 190
Смерть Горького 195
Первая капитуляция 197
Суд начинается 205
Последние минуты 227
Степень правдоподобия 229
Глава 4 (библиография) 236

Глава пятая. Что означали признания 243
Партийное мышление 245
Пытки 265
Конвейер 269
Долгий цикл 272
Заложники 275
Признание вины 281
Глава 5 (библиография) 286
Глава шестая. У последнего барьера 289
Осенние маневры 289
«Вредители» в Сибири 301
Действие второе 312
Паралич сердца 350
Февральско-мартовский поединок 360
Глава 6 (библиография) 375
Глава седьмая. Июнь 382
Партнеры-противники 406
1937–1938 425
«Самые доверенные» 427
Командиры сухопутные 429
Шторм во флоте 434
Второй круг 437
Глава 7 (библиография) 441
Глава восьмая. Под корень 449
Дела периферийные 449
В республиках 468
Украинская глава 476
В центре 489
На самой вершине 501
Глава 8 (библиография) 515
Глава девятая. Вакханалия 521
Доносы 524
Массовый охват 531
Процедура 538
Камера 542

Крупнейшие центры 548
Товарищи по несчастью 551
Обработка 564
Разбор дела 574
На культурном фронте 584
Глава 9 (библиография) 607
Глава десятая. Во глубине 617
Этап 624
Женская доля 630
На новых местах 632
Распорядок дня 636
Невидимая империя 646
Колыма 648
Печора 656
Рабовладельческое хозяйство 657
Рацион и жизнь 664
Глава 10 (библиография) 676
Глава одиннадцатая. Большой спектакль 682
Признание, взятое обратно 686
Бывший глава правительства 704
Восточные мотивы 709
Дела хозяйственные 714
Номер один 722
Дела медицинские 737
Последний акт 766
Глава 11 (библиография) 782
Глава двенадцатая. Чужестранцы 789
На высшем уровне 789
За пределами 807
Под небом Испании 810
Мексика, 1940 815
Глава 12 (библиография) 830
Глава тринадцатая. Вершина 833
Дипломаты 841
Молодежь 845

Особая Дальневосточная 849
Падение карлика 857
«Нормализация» 865
Март 1939 871
Глава 13 (библиография) 878
Эпилог. Наследие 883
Война 891
На старые рельсы 904
Недостаток взаимопонимания 914
Наследие 931
Эпилог (библиография) 945
Приложение А. Масштаб потерь 949
1. Аресты 950
2. Ликвидация 954
3. Численность заключенных в лагерях 958
4. Смертность в лагерях 962
5. Перепись 1959 года 964
Добавление ко 2-ому изданию (1970 г.) 966
Приложение А (библиография) 968
Приложение Б. Ленин о своих преемниках 970
Приложение В. Члены Политбюро ЦК 1919-1938 . . . 973
Приложение Г. Состав ЦК ВКП[б]1934 г. 975
Приложение Д. Карательные органы 978
Приложение Д (библиография) 987
Приложение Е. Ранние судебные процессы 989
Приложение Е (библиография) 1002
Приложение Ж. Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР 1003
Замечания об источниках 1010
Замечания об источниках (библиография) 1021
Избранная библиография 1022
Указатель 1029